5(1863) 1
63 пс.
112

АФОНЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

(Памяти Н. Г. Помяловскаго).

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ *).

XII.

Правленіе Афона.

Афонъ представляетъ собою отдѣльно организованное государство, съ оригинальнымъ образомъ правленія, съ особыми законами, особымъ флотомъ, казначействомъ, таможнею и самостоятельными отношеніями къ посторонней власти.

Афонъ единственное мѣсто на всемъ, подвластномъ Турціи, востокѣ, гдѣ турецкое вліяніе почти-что не существуетъ. Здѣсь даже никогда не услышишь ни одного турецкаго слова, такъ что поневолѣ забываешь, что дѣло происходитъ въ Турціи, а не въ Греціи. Одинъ только Афонъ, на всемъ несвободномъ востокѣ, имѣетъ великолѣпные храмы, свободный колокольный звонъ и благолѣпныя службы церковныя. Патріархъ смиряется передъ силой Афона; даже самъ султанъ пишетъ свои фирманы (повелѣнія) Афону не на турецкомъ языкѣ, какъ обыкновенно, а на греческомъ, слѣдовательно тоже признаетъ

---

*) См. первыя три статьи въ 2, 4 и 8 книжкахъ «Русскаго Слова» нынѣшняго года.

Bibl. Jagiell.
1975 CD 1691/33

его силу. Эта сила Афона заключается въ его богатствѣ, въ единствѣ его наружной организаціи и, наконецъ, въ общественномъ мнѣніи мѣстнаго православнаго населенія, которое, находясь подъ вліяніемъ духовной власти, видитъ въ Афонѣ опору православія, смотритъ на него, какъ на учителя.

На всемъ Афонскомъ полуостровѣ, начиная отъ Ксеркскаго канала, находится двадцать монастырей, двѣнадцать скитовъ и до восьмисотъ отдѣльныхъ келій и каливъ *). Число спасающихся во всѣхъ этихъ обителяхъ въ точности опредѣлить невозможно, потому что здѣшніе старцы статистикой не занимаются, да и сами, кажется, не знаютъ хорошенько, сколько у нихъ народу спасается.

— Сколько братіи въ вашемъ монастырѣ? спросишь, бывало, у какого нибудь игумена.

— А кто ихъ знаетъ, отвѣтитъ тотъ:—человѣкъ сто или полтораста есть; а можетъ быть и двѣсти наберется. Не знаю.

— Какъ же это вы не знаете? вѣдь у васъ на словахъ выходитъ въ цѣлой сотнѣ разница.

— Да мы не считаемъ постригающихся: сколько Богъ пошлетъ, столько и есть на лицо.

Кромѣ этого ничего не узнаешь, и рѣдкій игуменъ можетъ сказать приблизительную цифру своей братіи. А можетъ быть и съ умысломъ скрываютъ они эту цифру, потому что платятъ подать правительству не за всю братію, а только часть ея. Но если считать среднимъ числомъ на каждый монастырь по 150 человѣкъ, на каждый скитъ по 75 человѣкъ и на каждую келью по 3 человѣка, да при этомъ взять въ расчетъ отшельниковъ, спасающихся въ пещерахъ и ущельяхъ горныхъ, то число монашествующихъ на Афонѣ опредѣлится цифрою въ 7,000 человѣкъ. До греческаго возстанія монаховъ, говорятъ, было здѣсь до десяти тысячъ, но во время возстанія Афонъ

---

*) Вотъ имена этихъ монастырей въ томъ порядкѣ, въ какомъ они размѣщены по полуострову: Хиландарь, Есфигменъ, Ватопедъ, Пандократоръ, Ставроникита, Иверъ, Кутлумушъ, Филофей, Каракалъ, Лавра, Св. Павелъ, Діонисіатъ, Григоріатъ, Симоно-Петръ, Ксиропотамъ, Руссикъ, Ксенофъ, Дохіаръ, Костамонитъ и Зографъ. Изъ этихъ монастырей 9 держатся устава киновіатскаго, остальные штатные. Скиты: Св. Димитрія, Пророко-Ильинскій, Предтеченскій, Пантелеймоновскій, Ксенофскій, Черный-Виръ, Серай, Новый скитъ, Св. Анны, Лаккъ, Кавсокалива и Богородица-Ксилургу Каждая келья тоже имѣетъ свое названіе, преимущественно, по храмовому празднику.

II сгазр

потерялъ, какъ увидимъ ниже, порядочную цифру спасающихся, и съ тѣхъ поръ до прежняго многолюдства дойти не можетъ.

Изъ числа этихъ 7,000 монаховъ большинство составляютъ греки; за ними болгаре, русскіе, сербы, молдаване, валахи и выкресты изъ турокъ и евреевъ. Русскихъ монаховъ здѣсь считается до 500 человѣкъ.

Не смотря на это разнообразіе національностей и уставовъ монастырскихъ, всѣ монастыри съ своими скитами и кельями имѣютъ общую связь подъ единою властію, центръ которой находится въ столицѣ афонскаго царства, Кареѣ, и называется протатомъ. Этотъ протатъ, состоящій изъ представителей всѣхъ монастырей святогорскихъ, составляетъ верховное судилище Афона, и кромѣ его монастыри не признаютъ никакой власти.

Въ частныя дѣла монастырскія протатъ не мѣшается и въ этомъ отношеніи монастыри сохраняютъ полную независимость и дѣлаютъ что имъ вздумается, если только ихъ дѣла не затрогиваютъ интересовъ другихъ обителей. Монастырское начальство, независимо отъ протата, распоряжается капиталами обители, слѣдитъ за поступками братіи, устраняетъ между ними разныя несогласія, судитъ виновныхъ и п. Скиты и кельи, подвластные монастыри съ своими дѣлами и таробами, относятся также къ монастырской власти и та рѣшаетъ ихъ дѣла и жалобы, не давая никому отчета *). Вообще каждый монастырь съ своими скитами и кельями представляетъ нѣчто отдѣльное: имѣетъ свою особую печать для дѣлопроизводства, свои корабли подъ особымъ флагомъ, для торговыхъ оборотовъ, прежде даже имѣлъ свои пушки и укрѣпленія для защиты отъ непріятеля, но со времени греческаго возстанія эта сила у монастырей отнята.

Если же выйдетъ какое дѣло слишкомъ запутанное и имѣющее вліяніе на всю гору, если разногласіе братіи монастырской послужитъ соблазномъ для другихъ обителей, или потребуетъ измѣненія монастырскаго устава, то такое дѣло поступаетъ уже на разсмотрѣніе протата.

Верховный совѣтъ протатскій составляютъ уполномоченные депутаты (антипросопы) отъ всѣхъ монастырей святогорскихъ. Эти де-

*) Впрочемъ, скиты и кельи могутъ подавать въ протатъ апелляцію на рѣшеніе монастырскаго начальства.

Bibl. Jagiell. 1975 CD 1691/33

путаты постоянно живутъ въ Кареѣ и, по мѣрѣ накопленія дѣла, собираются вмѣстѣ для обсужденія и рѣшенія ихъ. Засѣданія совѣта происходятъ въ просторной и роскошно убранной въ восточномъ вкусѣ комнатѣ; на потолкѣ ея большими литерами написано имя I. Христа, въ знакъ нелицепріятія суда; для этой же цѣли по стѣнамъ висятъ иконы, изображающія храмовые праздники всѣхъ монастырей афонскихъ и каждый депутатъ садится непремѣнно противъ своей иконы. Поотдаль отъ нихъ за рѣшеткой помѣщается письмоводитель и подсудимые, если они есть на лицо.

По настоящему дѣла совѣта должны бы рѣшаться большинствомъ голосовъ, но на Афонѣ это дѣлается иначе, не по мірскому. Тутъ только сохранена одна форма депутатскаго совѣщанія, но равенства между депутатами нѣтъ. Изъ двадцати депутатовъ монастырскихъ, представляющихъ лица своихъ игуменовъ, только четверо имѣютъ право обсуживать и рѣшать дѣла, а остальные только прислушиваются къ разсужденіямъ этого квартета, да сообщаютъ о нихъ своимъ монастырскимъ властямъ. Афонъ не могъ не приклониться передъ богатствомъ и знатностью своихъ древнѣйшихъ монастырей: Лавры, Ватопеда, Ивера и Хиландара *) и потому вся почти власть протата сосредоточена въ рукахъ представителей этихъ монастырей. Каждый изъ нихъ имѣетъ часть протатской печати, которая только тогда имѣетъ значеніе, когда сложены ея четыре части и, слѣдовательно, согласны съ дѣломъ всѣ ихъ владѣтели. Изъ этихъ же четырехъ депутатовъ, ежегодно, избирается одинъ «назиръ», который обязанъ приводить въ дѣйствіе всѣ рѣшенія протата и слѣдить за ихъ исполненіемъ. По истеченіи года онъ передаетъ свою обязанность слѣдующему депутату, которые въ этомъ случаѣ чередуются между собою. Депутаты остальныхъ монастырей только тогда произносятъ свое мнѣніе о дѣлахъ, когда ихъ спросятъ объ этомъ, или когда отъ рѣшенія протата страдаютъ интересы монастыря. Мнѣнія эти, если они высказаны съ толкомъ, могутъ имѣть вліяніе на ходъ дѣлъ, но только тогда, когда они не противорѣчатъ мнѣнію четырехъ. Въ случаѣ, если между четырьмя предсѣдателями возникнетъ разногласіе или встрѣтится дѣло особенной важности (напримѣръ о внѣшнихъ имѣніяхъ Афона, о разныхъ требованіяхъ константинопольскаго патріарха и т. п.), тогда приглашаются въ про-

*) Всѣ эти монастыри штатные.

татъ всѣ игумены и эпитропы монастырскіе и они рѣшаютъ дѣло сообща. Подобныя собранія бываютъ очень рѣдко.

Каждый депутатъ монастырскій имѣетъ при себѣ печать своего монастыря и прикладываетъ ее къ дѣламъ протата въ знакъ согласія своего начальства и въ такомъ видѣ рѣшенія протата бываютъ обязательны для всего Афона и на нихъ нѣтъ апелляціи.

Протатъ отъ имени всего Афона ведетъ переговоры съ мірскими властями и вообще заботится о внѣшнихъ интересахъ горы. Онъ же разбираетъ монастырскія тяжбы, разсматриваетъ жалобы скитянъ и келіотовъ на монастыри и судитъ монаховъ за особенно важныя преступленія. Конечно, въ этомъ случаѣ у протата нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ, гражданскихъ законовъ: всѣ дѣла рѣшаются по евангелію и законамъ совѣсти, а потому рѣшеніе дѣлъ много зависитъ отъ того, какъ судьи смотрятъ на евангеліе и на совѣсть.

Дѣлопроизводство протатское и сущность разныхъ жалобъ и преступленій монашескихъ покрыты глубокою тайной; въ засѣданія депутатовъ, подъ страхомъ наказанія, не пускаютъ ни одного посторонняго монаха, тѣмъ болѣе мірянина, а потому нѣтъ возможности представить здѣсь подробную картину афонскаго дѣлопроизводства. Слышалъ я только, что предсѣдатели протата, избалованные жизнью штатныхъ монастырей, стараются направить дѣла къ пользѣ этихъ монастырей и смотрятъ неблагопріятно на киновіи. Слышалъ, что успѣхъ дѣла въ протатѣ зависитъ часто отъ того, что депутатъ съумѣетъ передать его краснорѣчиво, и что депутаты, имѣющіе дипломатическій даръ слова, могутъ вертѣть дѣлами какъ захотятъ, потому что въ трудныхъ обстоятельствахъ къ нимъ обращаются за совѣтомъ всѣ предсѣдатели протата. Поэтому Афонъ дорожитъ краснорѣчивыми юристами и каждый игуменъ, разными происками, старается переманить ихъ въ свой монастырь, чтобы, при случаѣ, имѣть вѣсъ въ протатѣ. Слышалъ я еще, что главный оттѣнокъ судопроизводства афонскаго чисто-восточный; тяжбы и жалобы рѣшаются смотря по подаркамъ и проигрываютъ больше неимущіе...

Для наказанія преступниковъ подлѣ протата находится мрачная и грязная тюремная башня, куда сажаютъ провинившихся на хлѣбъ и на воду. Стараясь выманить у преступниковъ полное сознаніе въ преступленіи, ихъ иногда опускаютъ, на веревкѣ, въ особое, подземное отдѣленіе башни и тамъ оставляютъ ихъ уже безъ всякой пищи, до тѣхъ поръ, пока, измученные голодомъ, они не откро-

ютъ правды... Преступниковъ отдаютъ на судъ протата въ крайнихъ случаяхъ, когда преступленіе соединено съ буйствомъ, или служитъ соблазномъ для братіи; а за обыкновенныя прегрѣшенія начальство расправляется съ ними домашнимъ образомъ: сажаетъ на великій постъ въ гробницу монастырскую, заставляетъ отвѣсить передъ кѣмъ нибудь непомѣрное количество земныхъ поклоновъ и т. п.

При протатѣ есть особая касса для разныхъ расходовъ по дѣламъ, касающимся благоустройства и безопасности горы. Эта касса пополняется ежегоднымъ денежнымъ взносомъ всѣхъ монастырей, и сумма взноса опредѣлена протатомъ, смотря по богатству и по количеству обитателей каждаго монастыря. По этому опредѣленію богатѣйшій и древнѣйшій на Афонѣ монастырь (Лавра) взноситъ ежегодно въ протатскую кассу около 50 тысячъ піастровъ *), другіе, менѣе богатые, монастыри взносятъ меньше, и наконецъ бѣднѣйшій Костамонитъ) платитъ всего только 4,000 піастровъ въ годъ. Весь ежегодный сборъ съ монастырей доставляетъ протату сумму въ 320 тысячъ піастровъ (16 т. руб. сер.). Изъ этихъ денегъ половина идетъ въ Константинополь для уплаты подати султану и разныхъ подарковъ константинопольской власти, затѣмъ значительная часть отсылается для подарковъ солунской власти, подъ вѣдѣніемъ которой состоитъ Афонъ; 20 т. п. тратится на наемъ стражи изъ окрестныхъ міряпъ, которые исполняютъ на Афонѣ полицейскую должность **); 16 т. п. идетъ на жалованье карейскому агѣ и, наконецъ, изъ этой же суммы главный назиръ протатскій беретъ 800 п. жалованья и 10 т. п. на дрова. Остальная сумма тратится, по усмотрѣнію протата, на разные непредвидѣнные случаи.

Казенная подать на Афонѣ полагается по 30 піастровъ (1 р. 50 к.) съ души и составляетъ ежегодную цифру въ 60 тысячъ п.,

---

*) Піастръ=5 коп. сер. Нѣкоторыя цифры мы заимствуемъ изъ записокъ г. Давыдова, которому удалось узнать о нихъ у одного изъ членовъ протата.

**) Какое назначеніе имѣетъ здѣсь эта полицейская стража (сардары), состоящая изъ 50 человѣкъ? — я не знаю. Вѣчно праздная, она шляется изъ монастыря въ монастырь, охотясь, по дорогѣ, за птицами и кабанами. Монастыри по очереди кормятъ ихъ и снабжаютъ продовольствіемъ. Прежде, когда на монастыри нападали пираты, стража, если случалось близко отъ мѣста нападенія, отбивала ихъ; а теперь пираты болѣе не безпокоятъ Афона и стража вполнѣ благодушествуетъ. Впрочемъ, она иногда сопровождаетъ въ переѣздахъ по Афону важныхъ путешественниковъ и проэстосовъ и это выходитъ очень красиво.

которая вся сполна поступаетъ во владѣніе матери султана, потому что Афонъ принадлежитъ къ числу ея имѣній. Надо замѣтить, что Афонъ скрываетъ отъ правительства настоящую цифру своихъ обитателей и платитъ только за 2,000 человѣкъ (такъ было по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ). Поэтому, когда является сюда, изъ Солуня, какой нибудь повѣренный солунскаго паши, для наблюденія за правильностію сбора податей то большинство братіи, по приказанію старцевъ, разбѣгаются изъ монастырей по окрестнымъ лѣсамъ и возвращаются только по миновании опасности. Такое дѣло принадлежитъ къ числу домашнихъ тайнъ Афона, но эта тайна почти что всѣмъ извѣстна. Знаетъ о ней и карейскій ага, но, ублаготворяемый подарками, благоразумно молчитъ; отчасти знаетъ и солунскій паша, но тоже смотритъ сквозь пальцы *).

Не смотря на подобныя утайки, все таки Афону приходится платить изрядныя цифры разнымъ властямъ, особенно тѣмъ, на которыхъ не можетъ дѣйствовать его нравственная и догматическая сила; но Афонъ не скупится на подарки, потому что ими онъ покупаетъ у власти свою независимость. Безъ этого на Востокѣ нельзя.

Денежные сборы дороже всего обходятся келіотамъ афонскимъ. Монастыри знаютъ на перечетъ всѣхъ своихъ келіотовъ и рѣдкій изъ нихъ отвертится отъ платежа требуемой суммы. Каждый владѣлецъ отдѣльной кельи обязанъ ежегодно внести въ монастырь свой, на упомянутые расходы, около 200 піастровъ, кромѣ той суммы, которую онъ платитъ монастырю за наемъ кельи. Поэтому, если при монастырѣ много отдѣльныхъ келій, то сборъ съ нихъ почти что окупаетъ требуемую отъ монастыря протатомъ сумму... Видно законъ-то вездѣ одинаковъ, что на бѣдныхъ упадаетъ вся тягость податей и сборовъ. Жалуются келіоты всѣмъ и каждому на эти притѣсненія, да противъ силы, знать, ничего не сдѣлаешь...

Задаривъ внѣшнія власти, Афонъ никого не боится и пользуется полной свободой. Въ церковномъ отношеніи онъ находится подъ непосредственнымъ начальствомъ константинопольскаго патріарха, но этотъ патріархъ власти имѣетъ надъ нимъ немного. Онъ если и пишетъ Афону свои посланія и приказанія, то съ уваженіемъ, какъ

(*) Можетъ быть, все это теперь уже измѣнилось и самыя цифры стали не тѣ, но я пишу, что слышалъ въ мою бытность на Афонѣ и что записано было въ моемъ дневникѣ.

особой силѣ, великой во мнѣніи народа и даже иногда проситъ у него совѣта по разнымъ дѣламъ. Афонъ иногда даже шлетъ отказы на разныя требованія патріарха. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1859 года, когда константинопольскій патріархъ, задолжавъ банкирамъ до 7 милліоновъ піастровъ, обратился къ Афону съ приглашеніемъ прислать своихъ депутатовъ для разсужденія о средствахъ покрыть этотъ долгъ; игумны афонскіе, обсудивъ въ протатѣ всѣ невыгоды подобнаго предложенія, послали патріарху рѣшительный отказъ. Или напримѣръ, во время прошлой восточной войны, патріархъ, по приказанію турецкой власти, прислалъ на Афонъ повелѣніе молиться Богу за успѣхъ турецкаго оружія и пораженіе русскихъ войскъ. Протатъ, получивъ такое щекотливое повелѣніе, созвалъ всѣхъ игумновъ монастырскихъ и тѣ, послѣ долгаго спора, предоставили это дѣло на волю каждаго монастыря. Три монастыря рѣшились исполнить волю патріарха и молились, за что приказано, а остальные отказались на отрѣзъ...

Султанъ турецкій пишетъ свои фирманы (приказанія) Афону на греческомъ языкѣ и на всемъ Востокѣ одинъ только Афонъ пользуется этою льготою. Фирманы свои султанъ даетъ разнымъ вліятельнымъ путешественникамъ съ тѣмъ, чтобы Афонъ показывалъ имъ всѣ свои сокровища и библіотеки. Но на монастырскія власти мало дѣйствуютъ эти фирманы; конечно они такихъ путешественниковъ принимаютъ почетно и со смиреніемъ, но за то нарочно стараются скрыть отъ нихъ свои сокровища изъ опасенія, чтобы вліятельный путешественникъ не подмѣтилъ чего лишняго и не донесъ о томъ кому не слѣдуетъ доносить. Когда путешествовалъ по Востоку принцъ англійскій сынъ королевы Викторіи, то солунскій паша предписалъ Афону встрѣчать принца *втрое* лучше, чѣмъ онъ встрѣчалъ нашего в. к. Константина Николаевича. Афонскіе старцы долго думали надъ этимъ предписаніемъ и условились, говорятъ, давать принцу по три порціи каждаго угощенія, то есть, вмѣсто одной чашки кофе, давать ему три и проч. Но принцъ, къ счастію, заѣзжалъ на Афонъ только на нѣсколько часовъ.

Въ видѣ представителя турецкой власти, въ Кареѣ постоянно живетъ ага-магометанинъ съ своимъ помощникомъ. Этотъ ага получаетъ отъ протата ежегоднаго жалованья 1,000 р. сер. и кромѣ того, подъ предлогомъ ревизіи, каждый годъ объѣзжаетъ всѣ монастыри съ двумя кавасами, изъ которыхъ одинъ возитъ за нимъ черниль-

ницу, а другой курительную трубку. Завидѣвъ такое шествіе, властные старцы вынимаютъ изъ казны монастырской приличную сумму денегъ, которую и вручаютъ агѣ въ видѣ подарка. Такимъ образомъ ага получаетъ содержаніе порядочное, но за то не только не имѣетъ вліянія на ходъ дѣлъ святогорскихъ, но даже самъ подчиняется приговорамъ протата и разнымъ уставамъ Афона. Онъ выдаетъ только паспорты отъѣзжающимъ, принимаетъ подати и таможенный доходъ и пересылаетъ ихъ въ Солунь. Продавъ остальную власть свою, онъ ни во что болѣе не мѣшается и живетъ полнымъ аскетомъ. Онъ вѣчно среди монаховъ, вѣчно лишенъ общества товарищескаго и радъ отъ души, когда встрѣтитъ на Афонѣ какого нибудь европейца, съ которымъ поболтать можно. Гаремъ свой онъ долго усиливался помѣстить въ Кареѣ же, но протатъ этого ему не позволилъ и жены аги правовѣрнаго принуждены жить въ г. Ериссо, въ 70 верстахъ отъ своего мужа.

Такимъ образомъ, оградивъ себя, по возможности, отъ вліянія внѣшнихъ властей, Афонъ всѣми средствами старается поддержать свою независимость и для этой цѣли въ Константинополѣ, въ Молдавіи и Валахіи и въ другихъ мѣстахъ имѣетъ своихъ депутатовъ, которые отстаиваютъ права Афона предъ человѣчествомъ и ищутъ ему богатыхъ покровителей между сильными міра сего.

XIII.

Политика.

Афонъ, составляя единое цѣлое, имѣетъ свою особенную *политику*, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю.

Каждый, кому приходилось долго жить на Афонѣ и вглядываться въ жизнь и дѣятельность его, могъ замѣтить, что Афонъ дорожитъ своею независимостью, хочетъ устранить всякое вліяніе мірскихъ властей на свои дѣла и во всемъ, что ведетъ къ достиженію этой цѣ-

ли, всѣ монастыри дѣйствуютъ съ полнымъ единодушіемъ. Но въ тоже время замѣтно и то, что взаимныя отношенія монастырей холодны и эгоистичны и даже часто они поѣдомъ ѣдятъ другъ друга. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ на Афонѣ слышать горькія жалобы, степенныхъ и преданныхъ дѣлу спасенія, старцевъ на эти внутреннія неустройства и частыя столкновенія монастырскихъ интересовъ, которыя иногда вводятъ начальство обителей въ соблазнъ грѣховный. Горевали старцы степенные искренно, горевалъ и я вмѣстѣ съ ними, потому что при настоящемъ устройствѣ монастырей святогорскихъ, эти столкновенія неизбѣжны. Они можетъ прекратились бы, если бы монастыри имѣли одни уставы для спасенія, одну общую кассу для расходовъ и всѣ доходы дѣлили бы поровну. Но это еще пока невозможно.

Всѣ монастырскія дѣла, внутреннія и внѣшнія, братія вполнѣ довѣряетъ своимъ властнымъ старцамъ, а сама не только не мѣшается въ эти дѣла, но подчасъ даже и не знаетъ, о чемъ толкуютъ старцы и что имъ Богъ положилъ на душу. Особенно строгіе отшельники, не обращающіе вниманія ни на какіе толки, иной разъ по 20 лѣтъ живутъ въ монастырѣ и ничего не знаютъ. Спросишь ихъ, бывало, о какой тяжбѣ, или ссорѣ, такъ они только крестятся, да вздыхаютъ.

— Не наше дѣло, говорятъ они:—на то намъ старцевъ Богъ далъ, чтобы о дѣлахъ толковать; у нихъ спросите!..

Эти старцы (игумены, проэстосы, эпитропы, духовники и даскалы) выбираются изъ монаховъ дѣльныхъ и оказавшихъ юридическія и административныя способности, потому что отъ этихъ способностей зависитъ весь ходъ дѣлъ монастырскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, много надо имѣть старцу изворотливости ума и характера, чтобы умѣть управиться съ братіею, направить всѣ помышленія къ одной цѣли и въ тоже время тонко слѣдить за другими обителями, которыя всячески стараются скрыть свои настоящія намѣренія. Много надо ему имѣть дальновидности, чтобы сообразить, какія послѣдствія будутъ отъ того, напримѣръ, что въ Иверъ митрополитъ погостить пріѣхалъ, а Дохіаръ съ Зографомъ тяжбу начали? Не предвидится ли тутъ какой тайной опасности, нельзя ли что предпринять?... Если гдѣ власть обладаетъ такими способностями, то монастырь процвѣтаетъ и входитъ въ славу, а если не обладаетъ, то дѣло, конечно, плохо, и вся надежда только на помощь Божію.

Властные старцы имѣютъ какой-то особенный, монастырскій патріотизмъ, въ силу котораго они стараются другъ передъ другомъ поднять значеніе своей обители и увеличить ея капиталы въ ущербъ прочимъ обителямъ. Отсюда возникаютъ вѣчные споры о томъ, какая обитель почетнѣе или скромнѣе, какая лучше или хуже и каждая, конечно, хвалитъ сама себя. Мы уже имѣли случай говорить, какъ спорили монастыри о древности своего происхожденія. Этотъ споръ поднялся изъ-за того, что ученые путешественники съ уваженіемъ стали относиться къ древностямъ афонскимъ; вотъ старцы и начали другъ передъ другомъ выхваляться своими древностями и составили при этомъ цѣлыя легенды баснословнаго свойства о своихъ ктиторахъ, а монастыри, основанные недавно, поневолѣ смирились. Точно также выхваляются они другъ передъ другомъ своими чудесами, чудотворными иконами и обиліемъ мощей, богатствомъ и древностью своихъ ризницъ и утвари,—и монастыри богатые и прославленные чудесами смотрятъ съ пренебреженіемъ на остальные, менѣе богатые и чудесные.

Вся земля афонскаго полуострова съ давнихъ поръ раздѣлена между монастырями и границы этихъ владѣній до нашихъ дней служатъ предметомъ безконечныхъ споровъ. Чуть разбогатѣетъ какой монастырь, первымъ долгомъ онъ спѣшитъ предъявить свои права на землю сосѣднихъ обителей, которыми онъ владѣлъ когда-то; сосѣднія обители, конечно, не уступаютъ и спорное дѣло завязывается. Оно сначала поступаетъ на разсмотрѣніе протата, которому, по этому случаю, каждая сторона подноситъ подарки; потомъ переходитъ къ агѣ, тоже съ подарками; отъ аги къ солунскому пашѣ, съ подарками, и наконецъ доходитъ до Константинополя, гдѣ тоже нельзя обойтись безъ подарковъ. Отъ цѣнности этихъ подарковъ, конечно, зависитъ весь успѣхъ спора и кто больше дастъ, тотъ и выиграетъ. Иногда тяжбы возникаютъ изъ за нѣсколькихъ саженъ земли, или даже изъ за одной кельи и тянутся по нѣскольку лѣтъ; кассы монастырскія истощаются, драгоцѣнныя вещи идутъ въ закладъ, долги ростутъ, а между тѣмъ каждый монастырь, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, ни за что не уступитъ противнику и бьется изъ послѣднихъ силъ, чтобы задарить начальство. Эти тяжбы—бичь для Афона, и безъ преувеличенія можно сказать, что большинство капиталовъ монастырскихъ погибаютъ за тяжбами и переходятъ во владѣніе турецкой власти. Лѣтъ десять тому назадъ

есфигменскій сборщикъ привезъ изъ Россіи около 50 тысячъ руб. сер. и монастырское начальство сряду же послѣ этого возобновило свою застарѣлую тяжбу съ сосѣднимъ Хиландарскимъ монастыремъ о нѣсколькихъ десятинахъ земли. Споръ былъ проигранъ, но въ немъ Есфигменъ ухлопалъ весь свой капиталъ и, кромѣ того, надѣлалъ множество долговъ, для покрытія которыхъ ему пришлось посылать за новымъ сборомъ. Недавно Ксенофскій монастырь оттягалъ у Руссика цѣлый скитъ и тамошніе греки, изъ опасенія, чтобы скитъ опять когда-нибудь не перешелъ во владѣніе Руссика, стали истреблять въ немъ все русское. При этомъ они жгли и закапывали въ землю русскія книги, рукописи, иконы даже сосуды съ русскими надписями, чтобы и русскаго духа въ скитѣ не осталось... Съ грустью узнали объ этомъ старцы Руссика, и, за недостаткомъ денегъ, скрыли на сердцѣ горькое оскорбленіе, но вѣроятно впослѣдствіи они возобновятъ еще споръ объ этомъ скитѣ и опять постараются захватить его въ свои руки.

Штатные и общежительные монастыри имѣютъ уставы противоположные одинъ другому. У нихъ одинаковы только службы церковныя, а келейная жизнь, особенно у богатыхъ монаховъ, не та, что въ киновіяхъ. Штатные и общежительные монахи отличаются другъ отъ друга и костюмомъ и пищей и взглядомъ на путь ко спасенію, а потому отношенія ихъ не братскія. Киновіаты желчно подсмѣиваются надъ штатными монахами и стараются избѣгать столкновеній съ ними, а тѣ, въ свою очередь, почти никогда не заглядываютъ въ киновіи. Эта взаимная непріязнь замѣтна съ перваго взгляда и даже выразилась въ письмахъ святогорца, но киновіаты по неволѣ должны скрывать ее, потому что въ рукахъ штатныхъ монастырей, какъ мы видѣли, находится вся власть афонская.

Не мало ссоръ между братіею афонскою происходитъ отъ того, что здѣсь постоянно сталкиваются разные національные элементы. Не смотря на полное желаніе передѣлать себя, монаху трудно бываетъ истребить въ себѣ чувство національности и потому каждая національность на Афонѣ сохраняетъ свои типичныя черты характера, свой народный патріотизмъ и относится враждебно ко всякой другой національности. Преобладающій элементъ здѣсь греческій и, не смотря на общую ненависть къ грекамъ, всѣ другія народности какъ-то невольно подчиняются греческому вліянію. Греки — народъ суровый, скрытный и въ то же время вкрадчивый,

напряженно стараются гдѣ бы то ни было упрочивать свой родной элементъ и захватывать власть въ свои руки. Въ Руссикѣ одинъ монахъ-грекъ однажды сказалъ мнѣ великую истину: «мы прежде были свѣтилами мудрости земной, говорилъ онъ: — мы выработали начала науки и искусства; но потомъ разные варвары разграбили у насъ все это богатство. Осталась у грековъ только гордость и честолюбіе народное и этого наслѣдія предковъ не отниметъ у насъ никто!..» Монахъ, по принципу, долженъ отказаться и отъ этого чувства, но грекъ отказаться отъ него не можетъ: природное честолюбіе только замаскируется и уйдетъ въ глубь души монаха, но оно будетъ главнымъ двигателемъ всей его дѣятельности, особенно если онъ получитъ власть какую. Если нѣсколько грековъ поступятъ въ какой нибудь славянскій монастырь, то они, приглядѣвшись, начинаютъ по немногу переманивать туда и другихъ земляковъ своихъ и съ изумительнымъ терпѣніемъ добиваются того, чтобы власть игуменская перешла въ руки грека. Лишь только удастся это, греки свободнѣе вступаютъ въ свои права, и вмѣстѣ съ игуменомъ такъ ловко поведутъ дѣла, что рѣдкій старожилъ уцѣлѣетъ въ обители. Захвативъ монастырь въ свои руки, греки начинаютъ истреблять все, оставшееся отъ прежнихъ владѣтелей и заводить свое. Такимъ образомъ нѣсколько чужеземныхъ монастырей на Афонѣ перешло въ вѣчное владѣніе грековъ...

Славяне, напротивъ, поступивъ въ греческій монастырь, играютъ въ немъ незавидныя роли и по простотѣ своей скоро стушевываются и свыкаются съ своимъ положеніемъ. Греки не поручаютъ этимъ пришлецамъ никакой должности, не позволяютъ имъ даже служить на родномъ языкѣ и требуютъ строгаго подчиненія своимъ правиламъ и обычаямъ. Славянинъ тогда только можетъ добиться почетнаго мѣста въ греческомъ монастырѣ, когда онъ скроетъ свое происхожденіе и прикинется грекомъ. Нѣкоторые славяне поселяются въ греческія обители, въ видѣ особеннаго душеспасительнаго подвига, чтобы наказать себя за прошлые грѣхи.

На Афонѣ слишкомъ рѣзко замѣтна враждебность народности греческой и славянской. Славяне не любятъ грековъ за то, что тѣ смотрятъ на славянъ свысока и ловко умѣютъ пользоваться ихъ простотою; славяне сердятся, а между тѣмъ не имѣютъ силъ избавиться отъ этой опеки. Часто слышалъ я, какъ славяне, расхваливая свою обитель, съ гордостью говорили, что у нихъ нѣтъ ни одного

грека и ставили это однимъ изъ главныхъ достоинствъ обители. Афонъ дивится, что греки и русскіе въ нынѣшнемъ Руссикѣ живутъ до сихъ поръ очень мирно, тѣмъ болѣе, что у всѣхъ еще свѣжа въ памяти та кровавая катастрофа, какою закончилъ свое существованіе старый Руссикъ *). Но въ этомъ мирѣ пока нѣтъ еще ничего удивительнаго: греки довольны тѣмъ, что управленіе Руссика находится въ ихъ рукахъ, а русскіе тѣмъ, что владѣютъ монастырскими богатствами. Порываются русскіе завладѣть и властью монастырскою, но протатъ этого, конечно, никогда не позволитъ.

Кромѣ общей ненависти къ грекамъ, славяне сохраняютъ еще мѣстную племенную замкнутость, по которому болгаре подчасъ не сходятся съ сербами, тѣ съ молдаванами и т. п. Даже русскіе и малороссы иногда ссорятся. На Афонѣ есть малороссійскій скитъ, Пророко-Ильинскій, въ которомъ, вмѣстѣ съ малороссами, жили прежде и великоруссы. Мало по малу между тѣми и другими начались ссоры, которыя дошли однажды до того, что малороссы выгнали изъ своего скита всѣхъ москалей и заперли за ними ворота. Москали постояли нѣсколько времени у воротъ, а потомъ, увидѣвъ, что дѣло пошло не на шутку, пошли искать пріюта по другимъ монастырямъ. А малороссы послѣ этого снова святили свою церковь и кельи, оскверненныя присутствіемъ москалей. Нынче, впрочемъ москали опять начинаютъ по немногу собираться въ этотъ скитъ...

Малороссъ никакъ не можетъ переносить той насмѣшки, съ какою смотритъ на него великоруссъ и серьезно обижается каждою шуткой, а москалю это почему то нравится.

Часто приходилось мнѣ замѣчать на дорогахъ святогорскихъ ихъ наивныя встрѣчи, при чемъ русскій не можетъ удержаться, чтобы не сказать чего.

— Мазепа! проговоритъ онъ съ злодѣйской улыбкой.

— Чего Мазепа? отвѣтитъ малороссъ обидясь: — мазепины мощи на Дунаѣ лежатъ и чудеса отъ нихъ всякія бываютъ. А на св.

---

*) Въ старомъ Руссикѣ ненависть между греками и русскими копилась очень долго и наконецъ обратилась въ кровопролитную драку, въ которой греки перерѣзали всѣхъ русскихъ и закопали въ землю ихъ библіотеки и иконы. Но тѣни убитыхъ стали безпокоить совѣсть греческую и они покинули Руссикъ. Это было въ концѣ прошлаго столѣтія и развалины стараго Руссика до сихъ поръ видны еще на горѣ.

гробѣ за Мазепу вѣчно молятся Богу. Вотъ какой Мазепа, а ты смѣешься...

— Врешь, хохолъ.

— Молчи, Богданъ Москалевскій...

— Да ну, не сердись, благослови!

— Богъ тебя благословитъ.

И разойдутся, а москаль долго послѣ этого ухмыляется.

Всѣ эти разногласія производятъ взаимныя столкновенія обителей афонскихъ и поселяютъ иногда раздоръ между братіею. Главная забота монастырскихъ властей состоитъ въ томъ, чтобы уладить эти раздоры и скрыть ихъ отъ посторонняго взгляда. Потому всѣ власти горячо преслѣдуютъ тѣхъ монаховъ, которые не уживаются на одномъ мѣстѣ и, переходя изъ монастыря въ монастырь, разносятъ по Афону разныя сплетни.

По этому поводу я припоминаю одну странную встрѣчу.

Однажды я былъ въ гостяхъ у одного келіота и о чемъ-то толковалъ съ монахами. Въ это время въ келью вошелъ новый, незнакомый мнѣ, монахъ: худой, болѣзненный, съ дикими испуганными взглядами. Робко оглядѣлся онъ вокругъ и просилъ позволенія поговорить со мною на единѣ. Я согласился, а собесѣдники мои значительно переглянулись и вышли. Монахъ заперъ за ними двери на ключь, потомъ, молча, сѣлъ противъ меня и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ замѣтно порывался начать разговоръ, но не находилъ силы... «Не помѣшанный ли какой?» подумалъ я.

— Вы дрожите, отче, заговорилъ я: — вы вѣрно больны?

— Задрожишь поневолѣ, мрачно отвѣтилъ тотъ. — Скажите, вы русскій? спросилъ онъ по гречески.

— Да.

— Такъ разскажите вашему царю, какъ поѣдете въ Россію, какія вещи дѣлаются на Афонѣ.

— А что?

— Да вотъ я, напримѣръ, не могу жить спокойно ни въ одномъ монастырѣ; меня вездѣ гонятъ, ругаютъ, слѣдятъ за мною; меня... монахъ оглядѣлся: — меня утопить хотятъ, добавилъ онъ тихо: — и я не знаю куда спрятаться... Задрожишь поневолѣ...

— За что же васъ преслѣдуютъ?

— За то, что я знаю наперечетъ всѣ тайны афонскія; за то, что я хочу вывести ихъ на свѣжую воду...

Онъ болѣзненно вдохнулъ и снова оглядѣлся, не запряталось ли гдѣ постороннее ухо. Страшно и жалко было глядѣть на него.

— Знаете ли вы, что здѣсь зачастую, противъ Павловскаго монастыря, по ночамъ, топятъ монаховъ такихъ, какъ я? Запросто завяжутъ въ мѣшокъ съ пескомъ, отъѣдутъ отъ берега и опустятъ на дно морское, а тамъ вѣдь полтараста саженъ глубины — не спасешься... И меня хотятъ тоже... Или утопятъ, или подстрѣлятъ: два раза уже стрѣляли...

— Что же мнѣ-то дѣлать? спросилъ я, не зная вѣрить ему или нѣтъ.

— А я хоть погибну, но вы скажите... Да нѣтъ, позвольте мнѣ бумаги и чернилъ, я самъ напишу просьбу царю.

Я далъ ему все что надо было и монахъ сѣлъ писать. Долго онъ собирался съ мыслями, наконецъ началъ выводить титулъ... Но не успѣлъ онъ написать даже двухъ строкъ, какъ хозяинъ кельи громко стукнулъ въ двери. Собесѣдникъ мой поблѣднѣлъ, запряталъ бумагу и, отомкнувъ дверь, опрометью бросился бѣжать.

— А! это ты? крикнулъ вслѣдъ ему старецъ, — бѣги, бѣги, а то попадешься!.. Что онъ говорилъ вамъ? спросилъ онъ, обратившись ко мнѣ.

— Что-то странное, чему и вѣрить не хочется, отвѣчалъ я и разсказалъ ему сущность нашей бесѣды. Старецъ улыбнулся.

— Только это? Ну, слава Богу, хоть онъ смиренъ былъ, а то мы боялись за васъ.

— Кто же это такой?

— Да это одинъ сумасшедшій грекъ, отъ котораго совѣтуемъ держаться подальше, а то, пожалуй, изувѣчитъ. Его скоро упрячутъ въ келью умалишенныхъ.

Впослѣдствіи я убѣдился, что этотъ грекъ въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій, потому что всѣмъ разсказывалъ свои тайны...

Каждый монахъ, прожившій на Афонѣ нѣсколько лѣтъ, пріобрѣтаетъ особаго рода патріотизмъ, по которому радуется отъ души внѣшнимъ успѣхамъ и славѣ Афона и грустить о его неудачахъ. Владыки афонскіе единодушно отстаиваютъ независимость горы: они

оградились отъ влiянiя турецкаго, стали въ хорошiя отношенiя къ патрiарху и теперь только боятся опасности со стороны Россiи. На Афонѣ существуетъ общее убѣжденiе, перешедшее туда изъ мiра, что Россiя непремѣнно покоритъ Турцiю, а когда покоритъ, то, пожалуй, вся Грецiя перейдетъ въ русское владѣнiе, а вмѣстѣ съ нею и Афонъ конечно Этого протату не хочется и потому онъ боится всего, что можетъ усилить русское влiянiе на его дѣла. Съ каждымъ увеличенiемъ русскаго монашества на горѣ протатъ задумывается и принимаетъ мѣры; съ прибытiемъ каждаго влiятельнаго поклонника опасается: не скрывается ли тутъ какая нибудь политическая тайна? Когда въ Руссикѣ постригся въ монахи (въ 1835 г.) князь Ширинскiй-Шихматовъ и около русскаго князя начали собираться всѣ русскiе иноки, протатъ прислалъ Руссику повелѣнiе удалить князя изъ монастыря, потому что съ его присутствiемъ въ Руссикѣ Афонъ боится за свою цѣлость. Князь принужденъ былъ удалиться въ скитъ Пророко-Ильинскiй, гдѣ и кончилъ жизнь въ смиренiи. Когда въ августѣ 1858 г. въ Руссикъ пришелъ первый пароходъ нашего общества пароходства и торговли, Афонъ струсилъ *) и просилъ Руссикъ отказать пароходству; но когда это не было исполнено и рейсы начались, по горѣ пошли смутные политическiе толки, и три монастыря, вслѣдствiе этого, признали надъ собою покровительство Англiи. Этотъ фактъ показываетъ, что Афонъ перепугался не на шутку, потому что онъ всегда питалъ глубокую ненависть ко всѣмъ иновѣрцамъ.

Было время, когда Афонъ съ оружiемъ въ рукахъ воевалъ за свою независимость. Въ 1821 году, когда возстанiе греческое распространилось по всѣмъ окрестностямъ горы, на Афонѣ явились апостолы этого возстанiя и стали бродить изъ монастыря въ монастырь, призывая монаховъ на защиту православiя отъ магометанства. Въ то время между монахами были еще жаркiе патрiоты, которые готовы были бѣжать съ Афона, лишь бы побиться съ турками; они присоединили свой призывъ къ призыву пришельцевъ и Афонъ началъ шевелиться. Монастыри здѣшнiе построены по образцу крѣпостей съ бойницами, сторожевыми башнями и зубчатыми

*) Замѣчательно, что тогда струсилъ не одинъ Афонъ. На другой день послѣ отплытiя нашего парохода, къ Афону прибылъ пароходъ англiйскiй и спрашивалъ у грековъ, что вче а дѣлали здѣсь русскiе?..

стѣнами и тогда еще имѣли у себя пушки и разное оружіе, чтобы защищаться отъ морскихъ разбойниковъ, часто безпокоившихъ св. гору. Все это было принято въ разсчетъ, монастыри вооружились и когда въ виду Афона показался флотъ инсургентовъ, когда сюда было прислано множество прокламацій,—патріоты не выдержали. У нихъ явилась мысль, нельзя ли воспользоваться этимъ случаемъ и пріобрѣсти себѣ полную независимость отъ турецкой власти? Быстро составили они въ протатѣ совѣщаніе и рѣшили вооружить свои корабли и взять приступомъ городъ Ковалу, а потомъ Солунь. Въ монастыряхъ изъ металлическихъ вещей стали лить пули, а въ Кареѣ учредили монетный дворъ, гдѣ изъ ризъ образныхъ начали чеканить *свою* монету афонскую... Двѣ тысячи монаховъ были вооружены чѣмъ попало и на тридцати судахъ монастырскихъ подъ своимъ флагомъ тронулись къ Ковалѣ. Но эта экспедиція не имѣла успѣха: одна часть ея воротилась съ половины дороги, а другая была разбита турками. Турки послѣ этого отправили на Афонъ свое войско, и монахи, пользуясь неприступною мѣстностью, дружно встрѣтили ихъ у Ксерксова канала, но были разбиты.

Страшно было мщеніе турокъ. Большинство зашитниковъ Афона было загнано въ море и потоплено; турки безпощадно рѣзали каждаго встрѣчнаго; кровь полилась по всей горѣ. Монахи бросали свои кельи и, захвативъ свои драгоцѣнности, спасались, гдѣ могли, но главные зачинщики были схвачены и потомъ сгнили въ Солунской тюрьмѣ. Всего погибло, говорятъ, до 4,000 монаховъ и въ этомъ числѣ погибли всѣ лучшіе люди Афона. Потомъ по немногу стали опять собираться сюда разбѣжавшіеся отшельники, но жизнь ихъ пошла уже не по прежнему; стража турецкая поселилась въ монастыряхъ и въ теченіи десяти лѣтъ (до 1831 г.) не покидала Афона. Эта стража, конечно, не стѣснялась уставами монашескими; въ церквахъ и трапезахъ она разводила огни для варки пищи, выкалывала глаза святымъ на иконахъ, словомъ, безчинствовала какъ могла. Когда она, по милости султана оставила монастыри, Афонъ ожилъ и сталъ поправляться, но монахи навсегда прокляли минуту своего увлеченія.

Въ послѣднюю восточную войну (1854 г.) монахи оставались нейтральными и вели дѣла иначе.

Еще когда мы проѣзжали черезъ г. Ериссо, намъ одна молодая поселянка разсказывала, какъ она жила на горѣ афонской. Мы ей

тогда не повѣрили, а между тѣмъ это оказалось правдой. Въ прошлую войну множество окрестныхъ поселянъ съ своими женами и дѣтьми, въ теченіи пяти мѣсяцевъ, бродили по св. горѣ, спасаясь отъ ярости турокъ. Къ чести Афона надо сказать, что монахи обошлись съ ними хорошо и во все это время выдавали имъ пищу изъ запасовъ монастырскихъ, обязавъ клятвою всѣхъ женщинъ не подходить близко къ монастырямъ, и вообще къ жилищамъ монашескимъ. Много при этомъ, конечно, было разныхъ искушеній, демоны работали сильно, но, вѣдь, безъ этого нельзя...

Тогда же прибылъ на св. гору одинъ изъ предводителей мѣстнаго возстанія, нѣкто Чамъ, и съ толпою удальцовъ вызвалъ защищать Афонъ отъ турокъ. Проученные горькимъ опытомъ, монахи думали было отказать ему, но Чамъ насильно вытребовалъ съ каждаго монастыря значительную сумму денегъ на военные расходы, поселился въ зданіи Карейскаго училища, подъ именемъ князя сикійскаго и афонскаго и сталъ было вербовать монаховъ въ свои ряды. Но монахи не поддались и когда къ берегамъ Афона прибылъ англійскій военный фрегатъ, они выдали ему Чама и всѣхъ его товарищей.

Тѣмъ закончились военные подвиги афонскаго монашества.

Неизвѣстно, что будетъ дальше, только едва ли когда Афонъ рѣшится опять взяться за оружіе, тѣмъ болѣе, что нынѣшніе монахи горячо осуждаютъ своихъ предковъ за ихъ политическое увлеченіе. — «Монашеское ли это дѣло? говорятъ они. — Намъ ли убогимъ браться за оружіе? Наше оружіе должно быть духовное; наша сила въ православіи.»

И дѣйствительно, Афонъ заботится нынѣ преимущественно о силѣ и тонкости своего духовнаго оружія.

XIV.

Средства къ жизни.

Афонъ питается благотворительностью и доброхотными подаяніями ради спасенія души. Основы этихъ подаяній лежатъ въ религіозныхъ чувствахъ православныхъ народовъ, поэтому чѣмъ больше въ народѣ этихъ чувствъ, тѣмъ больше средствъ къ жизни имѣетъ Афонъ. Утвердивъ свое внѣшнее благосостояніе на такихъ прочныхъ основахъ, Афонъ разбогатѣлъ и можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ безбѣдномъ существованіи своемъ на далекія времена. Конечно, средства его будутъ постоянно колебаться, смотря по приливу и отливу народнаго благочестія, которому они служатъ наглядной мѣркой, но окончательно упадетъ Афонъ только тогда, когда въ массѣ народной замѣтно пошатнутся религіозныя основы, а до этого еще очень далеко.

Главный и постоянный доходъ Афонъ получаетъ съ своихъ обширныхъ земель, пожертвованныхъ ему, въ вѣчное владѣніе, разными благочестивыми царями еще до погрома византійскаго. Въ то время Афонъ игралъ важную роль; игумны монастырскіе имѣли легкій доступъ въ дворцы царскіе и прямо высказывали земнымъ владыкамъ свои нужды и желанія. Ревнуя о спасеніи души, благочестивые цари щедро жертвовали имъ разныя земли вмѣстѣ съ людьми, селами «и со всѣмъ яже есть въ нихъ», и давали Афону дарственныя записи (хрисовулы) на право вѣчнаго владѣнія этими землями, угрожая страшными проклятіями тому, кто дерзнулъ бы покуситься на это право. Съ нашествіемъ турокъ значительная часть этихъ имѣній была отнята у св. горы, но за всѣмъ тѣмъ у каждаго монастыря уцѣлѣли до сихъ поръ обширныя земли въ окрестностяхъ Афона, въ Россіи *), Сербіи, Болгаріи и преимущественно въ соединенныхъ княжествахъ Молдавіи и Валахіи. Эти земли вполнѣ обезпечиваютъ содержаніе Афона; въ нихъ главная его сила. Монастыри получаютъ съ нихъ годовые запасы пшеницы,

---

*) Самыя значительныя имѣнія, въ Россіи, имѣютъ: монастырь Иверскій, въ Москвѣ, и Зографъ въ Бессарабіи.

маслинъ, оливковаго масла и другихъ жизненныхъ продуктовъ, а продукты, оставшіеся въ избыткѣ, продаются и поступаютъ въ казну монастырскую въ видѣ золота. Казалось бы, что при такомъ порядкѣ вещей можно жить припѣваючи, но Афонъ незнакомъ съ экономическими началами хозяйства и потому получаетъ только часть того, что слѣдовало бы получить ему. Дѣло въ томъ, что управленіе своими имѣніями онъ довѣрилъ на совѣсть своихъ эпитроповъ (повѣренныхъ) и не требуетъ съ нихъ почти никакого отчета. Вслѣдствіе этой безотчетности въ управленіи, большинство эпитроповъ, особенно въ дальнихъ имѣніяхъ, не оправдываютъ на себѣ довѣрія братіи и злоупотребляютъ ея доходами. По немощи человѣческой они устроили себѣ великолѣпныя палаты, завели роскошный столъ и обстановку и, желая какъ нибудь воротить истраченныя деньги, стали прижимать народъ, обременять его непосильными работами и налогами. Народъ обнищалъ, земли истощились—доходовъ стало еще меньше. Конечно, во всемъ этомъ виноваты отцы афонскіе, не устроившіе надъ имѣніями никакого контроля. Слышатъ они о всѣхъ этихъ безпорядкахъ и наивно удивляются имъ, недоумѣвая, чѣмъ горю помочь. Не разъ приходилось мнѣ слышать жалобы старцевъ на неисправность эпитроповъ, жалобы горькія, но наивныя.

— Что же вы не смѣните ихъ, коли плохо управляютъ? спрашивалъ я старцевъ.

— Кого жъ выбрать-то? недоумѣвали старцы. — Посылаемъ обыкновенно самыхъ лучшихъ и честныхъ монаховъ, а толку все мало. Сперва еще ничего, исправно бываютъ, а потомъ все меньше и меньше шлютъ. Слышимъ то, другое, а что тутъ станешь дѣлать? Вотъ прежде мы получали съ нашего имѣнія по 1,800 голл. червонцевъ въ годъ, а нынче всего только 800 получили. Куда дѣвалась эта тысяча, Богъ ее знаетъ. Видно, нашему брату не слѣдуетъ уѣзжать съ Афона, а то какъ выѣхалъ, такъ и сгибъ...

— Да вы бы мірскаго кого наняли, можетъ быть тогда лучше дѣло пошло.

— Нѣтъ, мірскаго нельзя; свой все таки лучше: свой по крайней мѣрѣ очень согрѣшить побоится, а мірскому-то гдѣ указъ?.. Нѣтъ ужъ видно искушеніе это намъ отъ Господа Бога послано: терпѣть надо.

И всегда кончалось тѣмъ, что старцы отдавали все на власть Божію и смотрѣли на безпорядки, какъ на горькую неизбѣжность.

Очевидно, что при такомъ взглядѣ на вещи, повѣренные жили спокойно въ имѣньяхъ и продолжали свои дѣла. Афонъ не предчувствовалъ никакой грозы, а между тѣмъ гроза готова разразиться надъ нимъ...

Еще въ бытность мою на св. горѣ, тамъ впервые пронесся смутный слухъ, что нынѣшній молдо-влахійскій князь, Куза, замышляетъ отнять имѣнія монастырскія въ пользу своего народа. Сначала монахи этому и вѣрить не хотѣли, но слухъ подтвердился. Въ мірѣ заговорили, что княжества должны жить для собственныхъ интересовъ, что странно видѣть, какъ половина княжествъ (считая тутъ и святогробскія имѣнія) работаетъ на монаховъ, которые не приносятъ имъ никакой видимой пользы. Въ газетахъ стали появляться статьи не въ пользу монашества. Афонъ зашевелился; на Кузу посыпались проклятія. Властные старцы, которые по обязанности должны защищать интересы ввѣреннаго имъ братства, вынули изъ монастырскихъ архивовъ дарственныя записи князей и воеводъ молдо-влахійскихъ, предъявили ихъ куда слѣдуетъ и, въ полной вѣрѣ на помощь Божію, рѣшились защищаться. — «Имѣнія не наши, говорили старцы: — они пожертвованы Богу и Онъ самъ вступится за свои права... Мы, отшельники, должны поддерживать эти земли во имя тѣхъ душъ, на поминъ которыхъ они пожертвованы Афону, а на голову дерзкаго попирателя правъ Божіихъ пусть падутъ всѣ проклятія, написанныя въ нашихъ хрисовулахъ *)»... Куза предлагалъ имъ значительный выкупъ за имѣнія, обѣщалъ дать монастырямъ денежное обезпеченіе изъ казны княжеской, но монахи отвергли всѣ эти предложенія. Вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ нынѣ сталъ вопросомъ Европы. Куза энергично хлопочетъ объ освобожденіи своего народа отъ ига монашескаго, которое, по его словамъ, слишкомъ раззорило и истощило страну. Монахи усилили свои молитвы и посты, разослали во всѣ концѣ Европы своихъ хо-

---

*) Привожу эти клятвы, помѣщенныя съ небольшими варіантами въ концѣ каждаго хрисовула:

„Если кто, дьявольскимъ навожденіемъ, дерзнетъ отнять или разорить сіе имѣніе, того разоритъ Богъ и пречистая его Матерь и да будутъ ему супротивниками въ день страшнаго суда. И да будетъ проклятъ отъ 12 апостоловъ, и отъ 318 отецъ Никейскихъ и всѣхъ святыхъ; и да приметъ наказаніе съ Іудою предателемъ, и Аріемъ, и съ тѣми, которые кричали: кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ; и отъ меня, грѣшнаго нѣтъ ему благословенія“.

датаевъ съ просьбою о защитѣ и твердо увѣрены въ заступничествѣ Бога. Кто изъ нихъ побѣдитъ — еще неизвѣстно.

Богъ знаетъ, къ худшему или къ лучшему поведетъ отнятіе княжескихъ имѣній у Афона?.. Безспорно, что тогда его вліяніе въ княжествахъ пропадетъ, и главные капиталы его пойдутъ на удовлетвореніе другихъ интересовъ, чуждыхъ Афону. Безспорно, что большинство братіи, по уменьшеніи средствъ къ жизни, уйдетъ съ Афона въ міръ и здѣсь останутся только истые аскеты. Но безспорно и то, что отнятіе имѣній Кузою послужитъ примѣромъ для другихъ правительствъ, которыя впослѣдствіи пожелаютъ отнять и остальныя имѣнія Афона. Тогда Афонъ окончательно потеряетъ свою силу, а это, вѣроятно, будетъ очень худо.

Кромѣ этого, постояннаго дохода съ имѣній, вполнѣ обезпечивающаго прокормленіе братіи афонской, монастыри имѣютъ еще другіе частные доходы, и въ этомъ отношеніи старцы монастырскіе изыскиваетъ средства къ увеличенію общинныхъ капиталовъ на случай разныхъ построекъ и другихъ непредвидѣнныхъ расходовъ.

Каждый новый постриженецъ бываетъ выгоденъ для обителей афонскихъ. Въ штатныхъ монастыряхъ съ каждаго постриженца, при вступленіи его въ монастырь, берутъ въ монастырскую кассу неопредѣленную сумму денегъ, смотря по состоянію постригающагося; а въ киновіяхъ, гдѣ запрещена всякая личная собственность, все имущество постригающагося поступаетъ въ полную собственность монастыря. Поэтому каждый монастырь, ради собственныхъ выгодъ, старается сманить въ монашество людей побагаче, а бѣдныхъ не слишкомъ жалуетъ.

Случается, что русскимъ монахамъ-киновіатамъ присылаютъ изъ Россіи письма вмѣстѣ съ деньгами. Какой нибудь землякъ, или родственникъ, соболѣзнуя о трудахъ монашескихъ, земляка, сунетъ ему въ письмо рублишко, другой, чтобы, сердечный, могъ хоть тайкомъ отвести душу и погулять. Всѣ такія письма вскрываются

еще въ Одессѣ особымъ благодѣтелемъ, который копитъ эти деньги, а потомъ въ общей суммѣ пересылаетъ въ монастырь.

Затѣмъ, значительный сборъ Афону доставляютъ его многочисленные поклонники. Съ обыкновенныхъ богомольцевъ, нищихъ духомъ и карманомъ, пожива очень плоха, и даже ихъ самихъ, изъ жалости, иногда приходится кормить безплатно. Но чуть появится поклонникъ болѣе или менѣе капитальный, весь Афонъ обращаетъ на него вниманіе и встрѣчаетъ какъ почетнаго и выгоднаго гостя, стараясь всевозможными средствами привести его въ умиленіе и расположить къ щедрости. Въ какой монастырь онъ не пожалуетъ, вездѣ, послѣ поклоненія мѣстной святынѣ, ему отведутъ лучшія комнаты, а потомъ съ кроткимъ смиреніемъ и печальными лицами соберутся къ нему старцы и горько будутъ жаловаться на свою бѣдность да долги неоплатные; намекнутъ на спасеніе души, на вѣчныя молитвы свои за благодѣтелей,—и разжалобятъ наконецъ поклонника *). Особенно наши русскіе купцы не могутъ равнодушно слышать эти жалобы. Видя себя предметомъ общаго вниманія, засѣдая на почетныхъ мѣстахъ въ церкви и трапезѣ, соблазняясь почетнымъ именемъ ктитора и благодѣтеля монастырскаго, купецъ, наконецъ, вынетъ мошну свою.

— Была, не была, скажетъ онъ старцамъ:—чѣмъ нашему брату на скверныя дѣла тратить деньги, лучше вамъ помочь: спасайтесько на мой счетъ, отцы, только чуръ молиться шибче за мою душу, а какъ помру, такъ, значитъ, сорокоусты править... Слышите?

— Во вѣки вѣчные поминать будемъ, брате! отвѣтятъ старцы и дадутъ ему собственноручно записаться въ поминальную книгу.

Иногда старцы, замѣтивъ, что капитальный поклонникъ черезчуръ разжалобился, попытаются узнать: не имѣетъ ли онъ желанія самъ принять монашество, и если имѣетъ, то попросятъ его, ради нуждъ братіи, поскорѣе выписать изъ міра свои капиталы, чтобы они не пропали тамъ; а если нѣтъ—попросятъ поискать имъ въ мірѣ богатыхъ благодѣтелей и заявить, гдѣ придется, о нуждахъ Афона. Оты-

---

*) Деньги за поминъ души берутся разныя. Въ Руссикѣ, напримѣръ, назначенъ слѣдующій „Чинъ поминовенія“. — За вѣчное поминовеніе *одного* имени на проскомидіи: ежедневное 60 р., еженедѣльное 30 р.; ежемѣсячное 10 р. — На неусыпаемомъ чтеніи псалтири за одно имя: вѣчное поминовеніе 60 р. с.; годовое 7 р.; сорокодневное 1 р. сер.

скавъ благодѣтелей такихъ, старцы ведутъ съ ними постоянную переписку въ душеспасительномъ тонѣ, а тѣ изрѣдка присылаютъ имъ деньги и, умирая, даже отказываютъ имъ значительныя наслѣдства.

Приходилось и мнѣ выслушивать жалобы монашескія на бѣдность и соболѣзновать вмѣстѣ со старцами, что горю пособить нечѣмъ.

— А имѣнія у васъ есть гдѣ нибудь? спросилъ я однажды въ Ставроникитскомъ монастырѣ, выслушавъ длинныя жалобы.

— Какія у насъ имѣнія? отвѣчали мнѣ старцы уныло: —мы люди бѣдные. Есть маленькая землица въ Валахіи, да пользы съ ней мало.

— Сколько, напримѣръ, въ годъ?

— Да всего какихъ-нибудь тысячу голландскихъ червонцевъ. А насъ вѣдь тутъ тридцать человѣкъ спасается.

— Значитъ, приходится по 100 р. с. на брата въ годъ. Ну, а хлѣбъ какъ?

— Хлѣбъ, конечно, получаемъ съ Кассандры, да мало, такъ что лишняго ничего не остается.

И это считается на Афонѣ бѣдностью, потому что не даетъ запаснаго капитала. И въ самомъ дѣлѣ, Ставроникитскій монастырь одинъ изъ бѣднѣйшихъ на св. горѣ.

Странно иной разъ слышать эти жалкія рѣчи среди такой обстановки, которая прямо говоритъ о достаткахъ монастыря. И надо правду сказать, что русскіе не такъ способны на эти лицемѣрные рѣчи, какъ греки и, вообще, восточные жители.

Вѣрнымъ и капитальнымъ пособіемъ для монастырей служатъ, наконецъ, сборы по міру доброхотныхъ подаяній и каждый монастырь съ нетерпѣніемъ ждетъ того времени, когда ему получится разрѣшеніе на сборъ *). Обязанность сборщика старцы обыкновенно поручаютъ людямъ смѣтливымъ, ловкимъ и бывалымъ, потому что отъ этихъ качествъ преимущественно зависитъ цифра сбора. Отправленіе сборщика въ міръ бываетъ очень трогательно. За нимъ ухаживаютъ, наставляютъ какъ дѣйствовать, надаютъ ему кучу рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ щедрымъ и вліятельнымъ лицамъ;

---

*) Разрѣшеніе сбора на востокѣ зависитъ отъ мѣстнаго патріарха, а въ Россіи отъ св. Синода. Нѣкоторые афонскіе монастыри отъ нашихъ древнихъ царей получили право, черезъ извѣстное число лѣтъ, являться въ Россію за сборомъ, и до сихъ поръ сохраняютъ это право.

BIBLIOTH

затѣмъ служится молебенъ и начинается чинъ прощанья. Каждому старцу сборщикъ кланяется въ ноги и проситъ благословенія, съ каждымъ братомъ цалуется въ плечо.

— Благословите отцы, говоритъ онъ въ смущеніи:—благословите послужить ко благу св. обители нашей!.. Ревность имѣю ко благу.

— Послужи отче, послужи! Богъ благословитъ! Только бѣгай искушеній: бѣсъ бо силенъ.

— Буду бѣгать. Сотворю послушаніе вамъ.

И идетъ онъ, напутствуемый сотнями братскихъ благословеній и многіе съ невольною завистью глядятъ на отъѣздъ его въ міръ. Рѣдкій изъ братіи отказался бы отъ такого лестнаго и выгоднаго порученія, тѣмъ болѣе, что подъ предлогомъ сбора, здѣсь представляется возможность съ спокойною совѣстью покинуть Афонъ и повидаться съ родиной.

Такъ какъ въ Россію дозволяется являться сборщикамъ афонскимъ въ видѣ особенной милости, и эта милость дается не часто, то сборы на нужды монастырскіе, конечно, всею тяжестью ложатся на бѣдные классы мѣстнаго православнаго населенія. Сборщики, круглый годъ, бродятъ по селамъ славянскимъ и греческимъ, стараясь по возможности разжалобить поселянъ; надо признаться, что эти жалобы не совсѣмъ достигаютъ своей цѣли. Народъ, изнуренный частыми поборами монашескими, принимаетъ этихъ странниковъ очень недружелюбно. Поэтому сборы доброхотныхъ подаяній здѣсь подвигаются туго и, чтобы собрать кое что, сборщикамъ приходится обращаться къ разнымъ уловкамъ, выдумывать новые пріемы и подчасъ даже употреблять насиліе. Сами сборщики разсказывали мнѣ, что «благочестіе народное на востокѣ до того умалилось, что приходится сбирать только подъ страхомъ проклятія небеснаго». Въ самомъ дѣлѣ, съ мѣстными жителями сборщики обходятся крайне безцеремонно и въ каждой семьѣ требуютъ денегъ не какъ благотворенія, а какъ неизбѣжной подати Афону, угрожая въ противномъ случаѣ гнѣвомъ небеснымъ и адскими муками.

— Гдѣ жъ намъ-то денегъ взять, отцы? спрашиваетъ испуганная семья.—Вотъ вчера у насъ архіерейскій сборщикъ собиралъ подать; на дняхъ святогробскій тоже былъ... А мы вотъ третій годъ дитю окрестить не можемъ, да сынъ цѣлый годъ ужъ лежитъ въ землѣ безъ отпѣванья, и все потому, что денегъ такихъ нѣтъ... Вѣдь вы знаете нашего владыку?

— Намъ самимъ нечего ѣсть, отвѣчаютъ сборщики;—а вы насъ кормить должны, потому что мы за васъ Богу молимся. А не дадите,— Богъ васъ накажетъ, вѣдь мы ради имени Его просимъ.

Слушаетъ семья разныя угрозы и въ страхѣ отдаетъ имъ послѣдніе гроши, лишь бы только сняли съ нея клятву. Сборщики успокоиваютъ ихъ и отправляются дальше.

Какъ бы то ни было, но сборъ все таки идетъ и сборщики возвращаются на Афонъ съ деньгами. На эти деньги монастыри покупаютъ себѣ корабли, строятъ церкви и ведутъ тяжбы. Знаютъ старцы, что съ большимъ трудомъ достаются имъ эти доброхотныя подаянія, но считаютъ этотъ трудъ неизбѣжностью.

— У насъ народъ бѣдный, толкуютъ они: — съ него жалко и брать много; а вотъ кабы въ Россію...

Россія для Афона золотое дно и сборщики ѣдутъ туда съ полною увѣренностью на огромный сборъ, потому что благочестіе на Руси еще не оскудѣло. Пріѣзжаютъ они къ намъ обыкновенно съ частями животворящаго древа и св. мощей, съ большими запасами крестовъ, четокъ и картинъ святогорскихъ. Каждый изъ насъ по нѣскольку разъ встрѣчалъ здѣсь этихъ иноковъ съ робкими взглядами, въ порыжѣлыхъ рясках и низкихъ камилавкахъ. За нѣсколько шаговъ пахнетъ отъ нихъ отпѣтымъ покойникомъ... Эти-то люди имѣютъ громадное значеніе на Руси и съ глубокимъ благоговѣніемъ принимаетъ и слушаетъ ихъ нашъ людъ православный. Много у насъ и своихъ сборщиковъ изъ разныхъ русскихъ монастырей, но они не имѣютъ такого авторитета; на нихъ смотрятъ именно какъ на *своихъ*, «а эти, сердечные, во Афонѣ были, Царьградъ видѣли,—въ нихъ, значитъ, и благодати больше». Такому благодатному сборщику во всемъ повѣрять, только разсказывай, ну и начнетъ онъ разсказывать имъ про чудеса великія, про турокъ, про заступничество царицы небесной, про то, наконецъ, какъ эта царица явилась ему во снѣ, и велѣла обратиться къ русскимъ за помощью. А мужику все это занятно кажется, точно онъ житіе какое читаетъ, по сердцу у него благодать ходитъ, а сборъ между тѣмъ растетъ и растетъ. А много великихъ дѣлъ могли бы сдѣлать на Руси эти люди, если бы они имѣли хоть каплю образованія и если бы видѣли въ своей пропагандѣ не одну только денежную цѣль. Народъ смотритъ на нихъ, какъ на представителей мудрости афонской, по нимъ судитъ объ остальныхъ подвижникахъ св. горы. Силою своего авторитета, они могли бы просвѣ-

тить и очистить религіозный смыслъ народа, а между тѣмъ оказывается, что они только болѣе затемняютъ этотъ смыслъ; что, въ награду за гостепріимство, они проводятъ въ народъ одно невѣжество, даютъ крѣпкую поддержку его суевѣрію и за все это берутъ деньги, и большія деньги. Ходятъ они такимъ образомъ изъ села въ село, отъ Архангельска до Астрахани и Камчатки, служатъ молебны, читаютъ разныя заклинанья и изгоняютъ бѣсовъ, разсказывая при этомъ разныя были и небылицы. Одинъ изъ такихъ сборщиковъ однажды до того увлекся своей пропагандой, что вздумалъ постригать нашихъ бабъ деревенскихъ въ монахини, взимая за это съ каждой по золотому. Четыре бабы успѣлъ постричь онъ, на пятой едва не попался, и принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

Убѣдившись въ легковѣріи нашего народа и придумывая средства къ увеличенію сбора, эти представители Афона часто увлекаются подобнымъ образомъ и увлеченія ихъ иногда доходятъ до послѣднихъ границъ терпимости. Изъ множества фактовъ подобнаго увлеченія, разскажу одинъ фактъ, переданный мнѣ очевидцемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Казанской губерніи монахи, выдававшіе себя за сборщиковъ афонскихъ, возили съ собою по деревнямъ большую чашу, до краевъ наполненную масломъ. Въ маслѣ плавала косточка. Эту косточку сборщики выдавали за часть мощей какого-то святителя, а масло за мvро неизсякаемое. Ополоумѣвшій отъ прилива благочестія народъ толпами ходилъ за ними и за большія деньги покупалъ это масло, чтобы мазаться имъ въ случаѣ разныхъ болѣзней. Кучи денегъ сыпались въ карманы сборщиковъ, но они почему-то побоялись долго оставаться въ тѣхъ краяхъ и рѣшились отплыть со своей святыней въ Нижній-Новгородъ. Не рискуя ѣхать вмѣстѣ съ прочими пассажирами, они наняли особый пароходъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе недостойны ѣхать съ такой святыней. При этомъ, говорятъ, нѣкоторые купцы неотступно просили взять ихъ съ собою, и за каждый билетъ на пароходѣ платили по *триста* рублей серебромъ. И много фактовъ подобнаго рода приходилось мнѣ слышать, — фактовъ печальныхъ, въ которыхъ, право, не знаешь чему удивляться болѣе: ловкости ли сборщиковъ или легковѣрію нашего бѣднаго народа? Случается, впрочемъ, что подъ именемъ афонскихъ сборщиковъ тутъ промышляютъ сборщики особаго рода, которые обыкновенно кончаютъ свои приключенія въ рудникахъ сибирскихъ.

Сановные представители Афона не ходятъ по деревнямъ и селамъ, не выпрашиваютъ по квартирамъ на книжку, но сохраняютъ приличную сану важность. Пріѣхавъ въ какой нибудь городъ, они нанимаютъ особую квартиру и объявляютъ въ газетахъ, что такіе-то сборщики остановились тамъ-то и принимаютъ желающихъ въ такіе-то часы. При этомъ помѣщаютъ они краткое описаніе своей обители, ея рѣдкаго благочестія и непомѣрной бѣдности (при чемъ большею частію искажаютъ правду *); за тѣмъ, въ заключеніе, прибавляютъ нѣсколько душеспасительныхъ словъ. Написавъ такое объявленіе, сборщики спокойно остаются дома въ полной увѣренности, что деньги придутъ къ нимъ сами, и деньги дѣйствительно идутъ. Чудное имя Афона привлекаетъ къ нимъ множество сердобольныхъ благотворителей, которые несутъ имъ посильную лепту, ради спасенія душевнаго. Эти сборщики играютъ ту же роль по отношенію къ нашимъ, такъ называемымъ, образованнымъ классамъ, какую играютъ сборщики не сановные по отношенію къ простому народу. Ихъ приглашаютъ въ разные дома для молебновъ и назидательныхъ размышленій, съ уваженіемъ распрашиваютъ о чудесахъ и подвигахъ братіи афонской и здѣсь-то, среди набожнаго и вліятельнаго общества, окруженные общимъ вниманіемъ, сборщики изглагаютъ взгляды афонскіе на міръ, на науку, на людскія отношенія и прочее. Не мудрено, что набожные люди слушаютъ эти рѣчи какъ законы жизни святой, и какая нибудь старушка долго потомъ остается подъ вліяніемъ этихъ рѣчей.

— Да! проговоритъ она въ размышленіи: — все это правда святая; я и сама такъ думала всегда!.. Въ ней является благочестивое желаніе еще разъ послушать этихъ праведниковъ и снова шлетъ она за ними свою карету.

Собравъ въ городѣ достаточное количество подаяній и замѣтивъ, что дольше оставаться въ немъ нечего, сановитые сборщики отправляются въ другіе города и дѣйствуютъ опять такимъ же образомъ.

---

*) Такъ напримѣръ, сборщики афонскаго Х. монастыря объявляли недавно въ газетахъ, что въ ихъ монастырѣ находится 25 русскихъ отшельниковъ и что весь монастырь думаетъ принять киновіатскій уставъ. На самомъ дѣлѣ въ Х. монастырѣ, вмѣстѣ съ сербами, живетъ *одинъ* только русскій проэстосъ и вся братія такъ не располож на къ киновіямъ, что едва ли когда приметъ ихъ уставъ.

И такъ переѣзжаютъ они изъ города въ городъ до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ срокъ, дозволенный для сбора.

Замѣчательно, что наши русскіе монахи не совсѣмъ жалуютъ афонскихъ и принимаютъ ихъ довольно сухо. Особенно не любятъ ихъ наши сборщики подаяній, у которыхъ тѣ отбиваютъ значительный доходъ. Разъ какъ-то мнѣ пришлось говорить съ такимъ сборщикомъ, объ этомъ предметѣ, и онъ высказалъ мнѣ при этомъ всю накипѣвшую на сердцѣ горечь.

— Нашъ братъ, говорилъ онъ мнѣ: — всю жизнь ходи да кланяйся по кабакамъ да трактирамъ: гдѣ выругаютъ, гдѣ запросто выголкаютъ, и рѣдко кто копѣечку дастъ; а они сидятъ себѣ въ кельѣ, двери раскрыты, а народъ къ нимъ валомъ валитъ, да все не простые какіе нибудь, а господа.

— И много жертвуютъ?

— Да среднимъ числомъ цѣлковыхъ по сту въ день будетъ. Что золота да серебра одного нанесутъ: утварь разную, подсвѣчники, чаши, евангелія съ каменьями, ризы—видимо не видимо. Сиди только да принимай. А вотъ нашему брату такъ небось и издали не покажутъ вещей такихъ: стянетъ, думаютъ... Цѣлую жизнь ходи озираясь, что сраму-то одного наберешься...

— За то вѣдь они съ горы афонской.

— Такъ что жъ, что съ горы? Богъ-то развѣ не вездѣ одинъ?..— Нѣтъ у насъ только на иностранное мода, а свой человѣкъ хоть лобъ разбей: толку не будетъ.

Конечно, въ этой желчной исповѣди отчасти выразилось оскорбленное самолюбіе и религіозный патріотизмъ нашего сборщика, но правда, что афонскіе сборщики, почти безъ всякаго труда, собираютъ въ Россіи огромныя суммы денегъ и привозятъ на Афонъ по нѣскольку тысячъ русскихъ полуимперіаловъ, кромѣ драгоцѣнныхъ вещей.

Къ несчастію для Афона, не всѣ эти деньги доходятъ до мѣста назначенія, потому что не всѣ сборщики смогутъ сохранить въ этомъ дѣлѣ полную добросовѣстность, тѣмъ болѣе, что искушенія-то слишкомъ велики. Нѣкоторые изъ нихъ, побывавъ въ мірѣ, почувствуютъ къ нему особенную привязанность, съ которой трудно спасаться на Афонѣ; поэтому, сдавъ въ свой монастырь главные капиталы, они возвращаются въ міръ, для поступленія въ какой нибудь мірской монастырь и на этотъ случай, конечно, оставляютъ себѣ

маленькій запасецъ. Иному и на Афонѣ деньги нужны. Не говоря уже про штатные монастыри, гдѣ безъ денегъ—бѣда, а даже киновіатскіе сборщики, по возвращеніи изъ міра, иногда измѣняютъ свой взглядъ на дѣло спасенія. Правда, что подобные случаи слишкомъ рѣдки, но все же бываютъ... При мнѣ возвратился на Афонъ молодой сборщикъ, изъ послушниковъ, ѣздившій за сборомъ по порученію Руссика. На пути въ монастырь этотъ молодецъ остановился на ночлегъ у знакомаго ему келіота, не любившаго Руссикъ, а тотъ и надоумилъ его повести дѣло иначе.

— Что тебѣ пользы будетъ, говорилъ онъ: — если ты отдашь деньги? Вѣдь тобой же помыкать начнутъ, оставь-ко ихъ лучше у себя.

— Да зачѣмъ мнѣ деньги?—я киновіатъ.

— А ты оставь киновію и купи себѣ отдѣльную келью,—будешь старцемъ, а не послушникомъ. Повѣрь мнѣ, что въ уединеніи скорѣе спасешься, чѣмъ въ обществѣ.

Долго колебался сборщикъ, но искушеніе сломило его юную душу. Черезъ нѣсколько дней онъ далъ знать Руссику, что деньги потерялъ, а самъ у того же келіота купилъ огромную келью съ церковью и со всѣми домашними принадлежностями и зажилъ полнымъ хозяиномъ. Одно только смущало новичка, что въ церкви его служить некому, но деньги и въ этомъ случаѣ помогли. Мѣстный архіерей, живущій здѣсь на покоѣ, постригъ его въ монахи, а черезъ недѣлю въ діаконы, а еще черезъ недѣлю въ іеромонаха, не смотря на то, что этому іеромонаху только 19 лѣтъ отъ роду, да и грамотѣ онъ совсѣмъ почти не знаетъ *). Затѣмъ онъ пригласилъ на житье въ свою келью нѣсколько бѣднѣйшихъ отшельниковъ и сдѣлался ихъ *старцемъ*. Я видѣлъ этого старца. Его очень занимаетъ власть надъ учениками, которыхъ онъ, по праву іеромонаха, постоянно заставляетъ кланяться себѣ въ ноги и цѣловать свою пастырскую руку, хотя между этими учениками есть 50-лѣтніе старики. Этимъ онъ упражняетъ ихъ въ смиреніи... Что дѣлать, въ семьѣ не безъ урода! Противъ силы демонской, знать, ничего не подѣлаешь... Впрочемъ, въ послѣднее время. монастыри афонскіе приняли свои мѣры, чтобы подобныхъ вещей не случалось.

*) По уставу афонскому постригающійся въ санъ іеромонаха долженъ знать грамотѣ и имѣть отъ роду не менѣе 30 лѣтъ.

Такимъ образомъ доходы съ имѣній, поклонники и доброхотныя подаянія въ мірѣ доставляютъ Афону огромные капиталы. Невозможно опредѣлить цифры этихъ капиталовъ, потому что власти монастырскія тщательно скрываютъ ихъ, какъ отъ братіи, такъ въ особенности отъ постороннихъ лицъ; только Афонъ совсѣмъ не такъ бѣденъ, какъ говорятъ о немъ разные сборщики. Если даже Афонъ потеряетъ свои владѣнія въ Валахіи, то и тогда у него останутся большія средства къ существованію. На этотъ счетъ можно быть вполнѣ спокойнымъ

XV.

Поклонники Афона.

Афонъ славенъ своими чудесами, полнотою благодати божіей и чрезмѣрными подвигами братіи. Эту славу его, какъ мы видѣли, разносятъ по всѣмъ закоулкамъ православнаго міра сборщики и разные выходцы афонскіе и дивится міръ, слушая ихъ чудныя рѣчи. Особенно славенъ Афонъ на Руси, гдѣ онъ, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ вѣсъ въ глазахъ нашего народа. Мѣстные болгаре и греки уважаютъ, конечно, Афонъ, но ихъ уваженіе холодно и спокойно; они прислушались къ его славѣ и относятся къ нему подобно тому, какъ относится школьникъ къ учебнику: вмѣстѣ съ учителемъ повторяетъ онъ, что науки полезны, хотя на самомъ дѣлѣ еще не видитъ отъ нихъ особенной пользы. Но Афонъ мало привлекаетъ на богомолье мѣстныхъ жителей, вѣроятно оттого, что содержаніе монашества слишкомъ дорого имъ обходится. На Руси не то. Всѣ эти таинственные разсказы сборщиковъ о чудесахъ и подвигахъ монашескихъ глубоко западаютъ въ душу нашего народа и кстати подходятъ подъ складъ его религіозныхъ вѣрованій. Народъ радуется, что затворники и разные подвижники, о которыхъ онъ съ такимъ благоговѣніемъ читалъ въ Четьи-минеяхъ, есть и по нынѣ, и, значитъ, благодать на землѣ еще не оскудѣла. Въ этомъ убѣждаютъ его и земляки, побывавшіе на св. горѣ, которые своими гла-

зами видѣли тамъ чудеса, бесѣдовали съ подвижниками и слышали отъ нихъ дивныя наставленія. И вотъ у многихъ зарождается благочестивое желаніе поглядѣть на св. землю... Поэтому-то въ последнее время, особенно когда устроились пароходныя сообщенія съ Афономъ, русскіе богомольцы посѣщаютъ его усерднѣе, чѣмъ мѣстные жители и количествомъ даже превосходятъ послѣднихъ.

Прежде, когда у всѣхъ болгаръ было греческое духовенство и службы совершались на греческомъ языкѣ, болгаре любили Афонъ и толпами стекались въ здѣшніе славянскіе монастыри, особенно, въ посту великомъ, для говѣнья. Имъ пріятно было молиться на своемъ языкѣ, а не на греческомъ, пріятно было видѣть, что славянскій элементъ здѣсь сохраняетъ свою силу и пользуется свободой. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ Болгаріи стало заводиться славянское духовенство, Афонъ потерялъ для нея свою заманчивость. Теперь число болгарскихъ поклонниковъ значительно поуменьшилось. Греки,—валахи и сербы показываются на Афонѣ рѣдко, а жители свободной Эллады совсѣмъ почти не заглядываютъ сюда.

День прибытія парохода изъ Россіи составляетъ праздникъ Руссику. Для братіи русской это лучшее, отрадное развлеченіе, затрогивающее самыя больныя стороны ея подвиговъ. Чуть только покажется вдали дымокъ, отшельники сбѣгаются на балконы и при этомъ не одно сердечко забьется тревожно подъ монашеской рясой. Въ первое время, при началѣ пароходныхъ рейсовъ, многіе, не смотря на выговоры духовниковъ, выбѣгали даже изъ церкви, чтобы увидѣть скорѣе эту плывучую частичку далекой родины и узнать: не принесла ли она какой вѣсточки о предметахъ когда-то милыхъ и, къ несчастью, вѣчно милыхъ грѣшному сердцу. Пристаетъ пароходъ при звукахъ колокольнаго трезвона и на шлюпкахъ сдаетъ на берегъ партію богомольцевъ. Монастырь на нѣсколько минутъ оживится. Братія привѣтливо съ искреннимъ радушіемъ окружаетъ толпу земляковъ въ знакомыхъ зипунахъ и шапкахъ, съ увѣсистыми котомками за плечами. А на пристани между тѣмъ движеніе: крики и споры при переноскѣ грузовъ, матросы громко отдаютъ распоряженія и русская ругань подъ часъ долго раздается надъ цѣломудренными водами Афона. Черезъ часъ пароходъ снимается съ якоря; цѣпи якоря мѣрно стучатъ, наматываясь на валъ, а монахи наблюдаютъ, какъ тянутъ матросы эти исполинскія четки. Уйдетъ онъ опять, скроется на горизонтѣ послѣдняя струйка дыма, а между

тѣмъ нѣкоторые долго еще глядятъ въ слѣдъ ему, да думаютъ тяжелыя думы...

Такъ какъ пароходъ останавливается преимущественно у Руссика, то здѣсь же впервые знакомятся съ Афономъ и мѣстные христіане; они пользуются даровымъ почлегомъ въ одной изъ гостинницъ монастырскихъ, а на другой день обыкновенно разъѣзжаются по своимъ роднымъ монастырямъ. Русскимъ торопиться некуда: они дома. Если между пріѣзжими есть «господа», то ихъ сейчасъ же братія сдаетъ на руки начальству, которое отводитъ имъ болѣе или менѣе приличные покои и готовитъ для нихъ особый столъ «съ рыбкой», какъ говоритъ братія. Остальные поклонники помѣщаются гдѣ придется и питаются въ братской трапезѣ.

Дня черезъ три послѣ прибытія, наговорившись вдоволь съ братіею, поклонники собираются посмотрѣть на другіе монастыри и поклониться прочимъ святынямъ афонскимъ. Въ качествѣ вожатаго и переводчика, имъ начальство даетъ одного изъ бывалыхъ братій и подъ его предводительствомъ странники трогаются въ путь. Недѣли двѣ бродятъ они изъ монастыря въ монастырь, съ горы на гору по утомительнымъ дорогамъ и обойдутъ въ эти двѣ недѣли болѣе двухъ сотъ верстъ пѣшкомъ *). Но по всей горѣ уже нигдѣ не встрѣтятъ они такого гостепріимнаго радушія, какъ въ родномъ Руссикѣ. Въ киновіяхъ еще пріемъ бываетъ сносный, но штатные монастыри, не смотря на свои огромныя богатства, не могутъ похвастать гостепріимствомъ и смотрятъ на приближающуюся толпу оборванныхъ богомольцевъ непривѣтливо, потому что съ такихъ оборвышей пожива очень плоха. Притомъ штатные монастыри, по какимъ-то причинамъ, не любятъ, когда у нихъ долго остаются посторонніе люди; поэтому поклонники стараются придти въ эти монастыри поздно вечеромъ и уйти пораньше утромъ, а если заходятъ днемъ, то не надолго и, поклонившись чему слѣдуетъ, сейчасъ же идутъ дальше. Поэтому-то посѣтители Афона слишкомъ мало знаютъ бытъ и устройство штатныхъ монастырей.

Для ночлега, всѣхъ поклонниковъ обыкновенно втискиваютъ въ одну комнату, правда, широкую, но грязную, затхлую, непригляднуго, съ неимовѣрнымъ количествомъ афонскихъ насѣкомыхъ. Монахи обра-

*) Кто побогаче, тому, конечно, мула дадутъ. Обыкновенно барскіе поѣздки по Афону происходятъ отдѣльно отъ плебейскихъ.

щаются съ богомольцами надменно и свысока, думая стоитъ-ли чиниться передъ этою голью грошевою? Ужинъ даютъ имъ изъ мучнистаго супа, или бобовъ вареныхъ. Послѣ ужина гостинничный монахъ спрашиваетъ каждаго поклонника отдѣльно: не желаетъ-ли онъ записать кого въ книгу на поминъ души. Между поклонниками и этимъ монахомъ начинается торгъ, слышатся просьбы объ уступкѣ и затѣмъ происходитъ раскошеливаніе съ тяжелыми вздохами. Спятъ они вповалку, не раздѣваясь, какъ потому, что раздѣваться на Афонѣ не принято, такъ и потому, что верхняя одежда въ такомъ случаѣ служитъ защитою отъ грязи, на которой спать приходится. Конечно, наши поклонники не взыскательны и стараются утѣшить себя мыслью, что они, по грѣхамъ своимъ, недостойны лучшаго, но все-таки подобные пріемы сильно разочаровываютъ ихъ въ святости отшельниковъ и охлаждаютъ ихъ религіозные восторги.

Утромъ рано встаютъ поклонники и идутъ дальше отыскивать новыхъ предметовъ для поклоненія. А ихъ на Афонѣ очень много. Каждый монастырь имѣетъ какую-нибудь чудотворную икону, а въ нѣкоторыхъ ихъ даже по нѣскольку. При этомъ вожатый разсказываетъ поклонникамъ тѣ событія, въ которыхъ проявилось чудесное свойство иконъ, разсказываетъ, напр., какъ одинъ монахъ ослѣпъ за непослушаніе, а другой сдѣлался нѣмъ за дерзость, какъ у одного невѣрующаго рука отсохла за кощунство надъ иконой (при чемъ покажетъ и самую изсохшую руку) и проч. *). Сильное впечатлѣніе производятъ на поклонниковъ подобные разсказы и съ невольнымъ страхомъ прикладываются они къ этимъ грознымъ иконамъ. Мнѣ самому приходилось видѣть, какъ поклонники, слушая разсказы объ иконахъ, чудесно изглаголавшихъ разныя рѣчи, съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывались въ неподвижные уста иконы и блѣднѣли въ ожиданіи чуда. Подъ вліяніемъ этого страха, они безропотно выкладываютъ на тарелочку свои гроши, въ надеждѣ умилостивить правосудіе божіе и дѣлаютъ все, что прикажутъ имъ монахи. Кромѣ чудотворныхъ иконъ, поклонники прикладываются къ частямъ животворящаго древа и св. мощей. Въ Ватопедѣ показываютъ имъ часть ризы Богородицы, въ Дохіарѣ камень, съ которымъ ангелы вытащили изъ воды затопленнаго монахами младенца; недалеко отъ Лавры показываютъ мѣсто, гдѣ св. Афанасій извелъ воду изъ камня, въ

*) Подробности этихъ чудесъ описаны въ книгахъ Святогорца.

Хиландарѣ—кровь Христову въ пузырькѣ, землю съ горы Голгоѳы, обагренную тою же кровiю, злато, ливанъ и смирну, принесенныя Христу волхвами. Въ Хиландарѣ же раздаютъ поклонникамъ по одной ягодѣ изюма отъ лозы, выросшей изъ гроба св. Саввы Сербскаго и разсказываютъ, что эта ягода разрѣшаетъ всякiя неплодства и способствуетъ дѣторожденiю, что даже турчанки, вкушавшiе съ вѣрою этотъ изюмъ, чувствовали на себѣ его плодотворную силу и вслѣдствiе этого принимали православiе. Слушаютъ поклонники и берутъ изюмъ на всякiй случай. Правда, нѣкоторые изъ нихъ удивляются, почему такая лоза выросла именно на Аѳонѣ, гдѣ никто не нуждается въ дѣторожденiи, но спросить боятся. Такъ, конечно, Богу угодно.

Главнымъ подвигомъ поклонниковъ, во время путешествiя по Аѳону, бываетъ восхожденiе на главную вершину горы. Не смотря на трудность этого восхожденiя, рѣдкiй богомолецъ откажется отъ желанiя поглядѣть на мiръ божiй съ такой высоты (6,400 футовъ надъ поверхностiю моря) и помолиться въ заоблачной церквицѣ. Темя горы, какъ мы уже имѣли случай замѣтить *), составляетъ площадка въ 4 квадратныя сажени, и на этой площадкѣ помѣщена крошечная церковь въ честь Преображенiя. Сложена она изъ нетесаннаго камня, утварь въ ней металлическая, иконы бумажныя или литыя изъ чугуна, да и тѣ, говорятъ, черезъ три года приходится перемѣнять, потому что ѣдкiй воздухъ да ржавчина слишкомъ скоро искажаютъ ихъ. Неизвѣстно, кто и когда выстроилъ эту церковь, но надо подивиться необыкновенному фанатизму строителей ея: не легко было таскать сюда строительные матерiалы и заниматься постройкой въ такомъ проницательномъ холодѣ, отъ котораго не могутъ защитить никакiя шубы **). Къ этой-то, близкой къ небу, церкви, по обрывистымъ крутизнамъ, вскарабкиваются изнуренные богомольцы для поклоненiя. Здѣсь они прикладываются къ иконамъ; потомъ, кто грамотѣ знаетъ, нацарапываетъ на стѣнахъ церкви свое имя, въ память подвига, наконецъ всѣ ложатся вокругъ церкви и въ такомъ видѣ созерцаютъ красоты архипелага. Если день яс-

---

*) См. „Аѳонъ“ гл. VIII, стр. 68.

**) Преданiе гласитъ, что на этомъ же мѣстѣ стояло прежде капище Аполлона, и что у идола, вмѣсто глазъ, были вставлены брилліанты. Блескъ брилліантовъ былъ такъ силенъ, что служилъ маякомъ для мимоходящихъ судовъ.

ный, то трудъ ихъ вознаграждается великолѣпнѣйшей панорамой; но это вознагражденіе дается не часто: большею частью вершина Афона закрыта облаками. Наглядѣвшись вдоволь и продрогнувъ отъ холода, богомольцы забираютъ по куску мрамора на память и спускаются къ ближайшей кельѣ Богородицы, гдѣ обыкновенно устроиваютъ ночлегъ. Въ праздникъ Преображенія нѣкоторые смѣльчаки взбираются на верхъ вмѣстѣ съ іеромонахами и остаются тамъ на цѣлую ночь, справляя всенощное бдѣніе. Чтобы не замерзнуть во время бдѣнія, они вокругъ церкви разводятъ костры и поочередно согрѣваютъ свои закоченѣвшіе члены.

Опытные старцы позволяютъ богомольцамъ всходить на вершину Афона только съ 1-го мая по 14-е сентября, а позже этого срока, по причинѣ частыхъ непогодъ, такое путешествіе считается опаснымъ. Но нашихъ поклонниковъ этимъ не урезонишь и однажды цѣлая партія ихъ едва не сдѣлалась жертвою своего непослушанія. Они отправились въ путь въ концѣ сентября; вожатый указалъ имъ тропинку и удалился, а храбрецы одни взошли на вершину, совершили поклоненіе и, по обыкновенію, спустились на ночлегъ въ келью Богородицы. На утро проснулись они,—свѣта божьяго не видно: церковь и келья вмѣстѣ съ кровлями засыпаны снѣгомъ и нѣтъ никакой возможности выбраться на воздухъ. Въ такомъ заключеніи, въ холодѣ и голодѣ должны были они просидѣть трое сутокъ. На четвертые снѣгъ порастаялъ и ближайшіе келіоты, съ запасами хлѣба, пришли выручать ихъ изъ бѣды.

При мнѣ одинъ мѣщанинъ русскій, богатырь съ виду, захотѣлъ во что бы ни стало побывать на горѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Братія въ страхѣ уговаривала его не рисковать и представляла разные резоны, но богатырь упрямо стоялъ на своемъ. «Какъ же это быть подлѣ горы, а на гору не взлѣсть? недоумѣвалъ онъ:—коли вы не поведете, такъ мнѣ наплевать, и одинъ дорогу найду!» И пошелъ одинъ одинехонекъ. Богъ его знаетъ, гдѣ пропадалъ онъ двѣ недѣли и какъ нашелъ дорогу, только онъ въ самомъ дѣлѣ побывалъ на вершинѣ и на стѣнѣ церкви записалъ свой подвигъ, о чемъ весною узнали на удивленіе всей горы, слѣдившей за отвагой русскаго геркулеса.

Исполнивъ свои обязанности по отношенію къ святынямъ афонскимъ, поклонники идутъ въ Карею, гдѣ закупаютъ себѣ разныя вещицы святогорскаго издѣлія и оттуда уже спускаются обратно въ

Руссикъ. Нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ послѣ этого и уѣзжаютъ съ Афона, но большинство остается въ Руссикѣ поглядѣть на процессъ спасенія монашескаго, да мимоходомъ, и свою душу поспасать немного. Оставаясь въ монастырѣ, они, вмѣстѣ съ братіею, ходятъ на всѣ службы, участвуютъ во всѣхъ братскихъ послушаніяхъ, и такимъ образомъ собственнымъ трудомъ выплачиваютъ общинѣ за хлѣбъ и постой.

Наши богомольцы заѣзжаютъ на Афонъ по пути въ Іерусалимъ, или на обратномъ пути оттуда, рѣдко кто нарочно. Почти всѣ они принадлежатъ къ небогатымъ классамъ народа. Большинство ихъ составляютъ монахи и послушники съ разныхъ монастырей, бобыли крестьяне, отставные солдаты, небогатые купцы, мелкіе помѣщики и т. п. Пріѣзжаютъ они, или по особеннымъ обѣтамъ, или просто, чтобы сдѣлать богоугодное дѣло, въ надеждѣ, что время, проведенное въ путешествіи по св. мѣстамъ, запишется въ книгѣ живота и примется въ расчетъ послѣ смерти. Очень немногіе заглядываютъ сюда изъ любопытства, или для разныхъ ученыхъ цѣлей.

Если бы можно было, то большинство поклонниковъ составляли бы, конечно, наши богомольныя бабы. Этотъ неугомонный народъ, зная навѣрное, что ихъ не пустятъ на Афонъ, все-таки нарочно дѣлаютъ огромный крюкъ въ путешествіи и тратятъ лишнія деньги для того только, чтобы съ парохода посмотрѣть на закрытую для нихъ землю и издали помолиться афонской Владычицѣ. Лишь подъѣдетъ пароходъ къ Руссику, на немъ подымается суматоха: бабы мечутся и толпятся у борта. «Анисья, Марфа! визжатъ они другъ другу:—гляди-ко монахи-то, батюшки, ходятъ!» и съ громкими криками просятся всякій разъ, чтобъ ихъ пустили хоть по бережку прогуляться, хоть камушекъ какой поцѣловать дали и Христомъ Богомъ завѣряютъ, что нисколько не осквернятъ гору. Въ послѣднее время, чтобы удовлетворить нѣсколько бабье благочестіе, старцы, не боящіеся искушеній, рѣшились выносить къ нимъ на пароходъ части мощей и пѣть молебны, и надо видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ, толкаясь и ручаясь, силятся онѣ прикоснуться къ одеж-

дѣ монашеской и поцѣловать ручки подвижническія. А потомъ эта Анисья, или Марфа будетъ хвастаться по деревнямъ, что она на матушкѣ, на горѣ афонской была.

Всѣ почти поклонники вступаютъ на землю афонскую, что называется, «сробѣвши», будто входятъ въ царство небесное. Въ церкви обыкновенно становятся на послѣднихъ мѣстахъ и безсознательно отвѣшиваютъ земные поклоны, на каждаго схимника глядятъ съ тѣмъ робкимъ благоговѣніемъ, съ какимъ подчиненные смотрятъ на своего начальника. Каждый сознаетъ, что онъ теперь «въ афонской горѣ», припоминаетъ все, что слышалъ о ней прежде, ждетъ чего-то чудеснаго и смиренно сознается въ своемъ недостоинствѣ. Потомъ, походивъ по святой горѣ, поклонники начинаютъ посмѣлѣе вглядываться въ жизнь монашескую и судить о ней каждый по своему. Кто объ Афонѣ имѣлъ прежде понятіе смутное и не ждалъ отъ него ничего особеннаго, тотъ приходитъ въ восторгъ отъ подвиговъ братіи и отъ души дивится ихъ самоистязанію; такой, чаще всего, самъ принимаетъ монашество. А кто полагалъ, что на Афонѣ во очію чудеса совершаются, и ждалъ отъ него чего-то сверхъестественнаго, тотъ, конечно, разочаровывается. «Нешто такіе бываютъ подвижники? толкуютъ между собою эти разочарованные; столъ хорошій, одежа крѣпкая, даже водку и чай пьютъ, а нешто святые-то пьютъ чай?.. Сказывали, что здѣшніе постники совсѣмъ ничего не ѣдятъ, что за службой у нихъ по церкви ангелы божіи летаютъ, а гдѣ-жъ тутъ эти ангелы?.. Все врутъ только?» Такихъ богомольцевъ на Афонѣ слишкомъ скоро тоска заѣстъ; однажды разочаровавшись, они потомъ ко всему относятся критически, и наровятъ поскорѣе дать тягу.

Недолго уживаются на Афонѣ также *бывалые* странники и юродивые, пріѣзжающіе сюда только для того, чтобы впослѣдствіи имѣть болѣе вѣсу между остальными странниками и такимъ образомъ отбивать у нихъ хлѣбъ. Смотря на святыню съ коммерческой точки зрѣнія, они въ киновіяхъ сразу почувствуютъ себя не въ своей тарелкѣ, ежатся, пробуютъ поддѣлаться подъ монашескій взглядъ на вещи, но неудачно. Наскоро объѣхавъ св. гору и закупивъ огромное количество крестовъ и четокъ, они торопятся убраться восвояси, не заплативъ, конечно, ни копѣйки за хлѣбъ и постой. Иной даже и здѣсь съумѣетъ поживиться на счетъ братіи. Смѣкнувъ, что въ киновіи любятъ благолѣпіе и тишину, такой богомолецъ начнетъ

безчинствовать и оскорблять братію. Попросятъ его удалиться, такъ онъ отвѣтитъ, что денегъ нѣтъ, — ну и дадутъ ему сколько на проѣздъ надо, только бы убрался скорѣе. Не смотря на свою видимую непріязнь къ Афону, эти бывалые странники все-таки будутъ потомъ говорить, что за службой здѣсь ангелы летаютъ по церкви, и пораскажутъ народу множество великихъ чудесъ о св. горѣ. Къ этому ихъ побуждаетъ эгоизмъ особаго рода: желаніе показать вѣрующимъ свою благодатную святость и близость къ божеству, а это выгодно имъ.

Монахи и послушники изъ мірскихъ монастырей, прибывъ на Афонъ, держатъ себя съ достоинствомъ, боясь, чтобы чѣмъ нибудь не уронить себя въ глазахъ мѣстной братіи, и смотрятъ на нее какъ будто свысока. Вообще, странно встрѣчаются мірскіе монахи съ афонскими; ихъ отношенія большею частію сухи и холодны, точно они боятся другъ друга. Мірской монахъ чувствуетъ, что афонецъ смотритъ на него съ сожалѣніемъ, какъ на погибшаго, или идущаго по ложной дорогѣ и силится поддержать свой авторитетъ. Афонскій монахъ видитъ, что мірской постриженецъ постоянно слѣдитъ за нимъ и хочетъ подмѣтить всѣ его слабыя стороны. Между тѣми и другими часто происходятъ споры.

— Вамъ легко спасаться, обыкновенно говоритъ мірской монахъ: — бабъ выгнали, соблазны всѣ устранили, знай только молись, — эдакъ по неволѣ спасешься. Нѣтъ, вотъ вы попробовали бы, по нашему, въ мірѣ спасаться, посреди всякаго соблазну, такъ не то бы заговорили.

— По немощи, отче! смиренно отвѣтитъ афонецъ. — Гдѣ намъ въ мірѣ? Дай Богъ и здѣсь-то спастись какъ надо.

— Вы за то и отвѣтъ больше дадите, а съ насъ меньше требуется, потому что намъ больше надо бдѣть надъ собою, чѣмъ вамъ...

— Больше, отче! также смиренно отвѣтитъ тотъ.

— А вотъ вы въ пустынѣ живете, да чай завели, вино виноградное пьете! А мы что? Чай пьемъ развѣ только по праздникамъ, а вина-то виноградпаго въ кои вѣки выпить придется.

— Да вѣдь у насъ, отче, вино съ водою дается, вмѣсто квасу.

— Хорошъ квасъ, съ такимъ квасомъ спасаться можно.

— По немощи, отче! Да что вы толкуете: коли у насъ легко, такъ попробуйте остаться съ нами.

— И остался бы, да клятву такую далъ, чтобы въ мірѣ, значитъ жить.

И подобные споры горячо ведутся между монахами, разбираютъ они другъ друга по мелочамъ, хвалятся обиліемъ благодати, сравниваютъ мірскія и афонскія чудеса. Конечно, эти споры ни къ чему не ведутъ и отношенія между монахами дѣлаются еще болѣе сухи. Бываютъ примѣры, что мірскіе монахи остаются на житье на Афонѣ и дѣлаются потомъ столбами подвижничества, но такихъ немного.

Между поклонниками иногда встрѣчаются простыя набожныя натуры, которыя видятъ въ путешествіи на Афонъ особенный религіозный смыслъ и силятся здѣсь разъяснить себѣ разные вопросы вѣры. Между такими поклонниками главную роль играютъ наши старовѣры, для которыхъ Афонъ важенъ тѣмъ, что въ старинѣ его они находятъ иконы съ двуперстіемъ, осмиконечные кресты и прочія дорогія сердцу святыни. Съ глубокимъ вниманіемъ вглядываются они во все, что совершается вокругъ нихъ, съ жадностію слушаютъ толки монашескіе о священныхъ предметахъ, спорятъ съ ними, путаются и окончательно сбиваются съ толку. Однажды мнѣ пришлось услышать въ Руссикѣ разговоръ одного старика съ монахомъ, разговоръ серьезный, въ которомъ старикъ осторожно высказывалъ монаху свои недоумѣнія и просилъ у него отвѣтовъ. Подобныя недоумѣнія и вопросы часто занимаютъ нашихъ начетчиковъ и, надо признаться, что монахи отвѣчаютъ на нихъ съ толкомъ и глубокимъ пониманіемъ дѣла.

— Батюшка, растолкуй ты мнѣ, спрашивалъ старикъ между прочимъ: — отчего это мы многаго совсѣмъ понимать не можемъ? Видно по глупости нашей?

— Чего же, напримѣръ, ты не понимаешь?

— Да вотъ, примѣрно, мы знаемъ, что животворящій крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель, былъ одинъ. Отчего же у васъ тутъ честное древо разные цвѣта имѣетъ? въ одномъ мѣстѣ оно черное, какъ надо быть по старинѣ, въ другомъ оно желтое, или сѣрое... Вѣдь если крестъ одинъ, такъ и цвѣтъ его долженъ быть одинъ?

— А ты помни, рабъ Божій, что древо-то было трисоставное: изъ кедра, кипариса и певга. Какъ же оно можетъ быть одного цвѣта? Объ этомъ и въ пѣсняхъ церковныхъ поется.

— Это вѣрно!.. замѣтилъ старикъ и задумался.

— Вотъ что еще растолкуй, батюшка, продолжалъ онъ: — мы слышали, что когда на крещенье у васъ крестъ пущаютъ въ море, то морская вода дѣлается сладкою; я въ прошлый разъ и попробовалъ было, да нѣтъ, — вода совсѣмъ не сладкая... Чтобы это значило?

— Это, брате, тебѣ наказаніе божіе было за твое сомнѣніе. Вѣдь если бы ты не сомнѣвался въ чудѣ, такъ и не пробовалъ бы, а ты показалъ, значитъ, сомнѣніе, тебя Богъ и наказалъ за него. Впередъ лучше не испытывай силу Божію, а то въ прелесть бѣсовскую какъ разъ впадешь.

— Такъ-то такъ, родной, да какъ уберечься отъ этой прелести? Вотъ тоже мнѣ однажды пришлось въ Питерѣ побывать и тамъ, въ Зимнемъ дворцѣ, я прикладывался къ десной рукѣ Іоанна Крестителя; а у васъ, въ Діонисіатскомъ монастырѣ, тоже есть рука Крестителева и тоже десная. Скажи-те на милость, которая изъ нихъ настоящая?

— Обѣ десныя: тамъ одна часть, а тутъ другая... Да ты лучше не разсуждай, прибавилъ монахъ: — тутъ вѣра нужна, а благодать-то вездѣ едина. Вотъ васъ мірянъ лукавый постоянно спутываетъ такими глупыми сомнѣніями; а станете изслѣдовать судьбы господни: во всемъ усумнитесь, а демонъ только того и хочетъ. Нѣтъ, оставь лучше, друже, свои вопросы! Страшно за тебя дѣлается.

— Что же дѣлать-то, батюшка, научи.

— Молись крѣпче, молитва поможетъ...

И молится потомъ, такой поклонникъ, и гонитъ прочь онъ лукавыя мысли, а сомнѣнія все таки не выходятъ изъ головы: почему двѣ правыя руки, да почему вода горькая? Съ этими сомнѣніями такъ и уѣдетъ онъ въ міръ, да и тамъ едва ли кто дастъ ему на нихъ прямые отвѣты, кромѣ вѣры... — «Такъ лучше же, скажетъ онъ: — и не думать о такихъ вещахъ, а то зайдетъ у меня умъ за разумъ.» — И благо ему!

Счастливъ тотъ изъ поклонниковъ, кому удалось составить убѣжденія не подъ вліяніемъ Афона, кому не приходилось вглядываться въ самую глубь аскетизма монашескаго, въ необычайную борьбу плоти и духа во имя Христа и царства небеснаго! Счастливъ тотъ, кому не пришлось среди этой обстановки искать отвѣтовъ на свои сомнѣнія и на самомъ себѣ прочувствовать часть той нравственной пытки, какую, волей или неволей, наложилъ на себя аскетъ афонскій!

Горькія впечатлѣнія оставляетъ эта борьба и надолго, слишкомъ надолго отзывается на сердцѣ жгучею болью...

Пусть же лучше на Афонъ ѣздятъ поклонники сильные духомъ, видѣвшіе виды на вѣку своемъ и съ крѣпкими нервами. Имъ, по крайней мѣрѣ легко, безъ всякой нравственной боли обойдется это путешествіе.

Эпилогъ.

Въ первыхъ главахъ нашей статьи мы сказали, что много борьбы приходится выносить на Афонѣ монаху, привязанному къ міру, и что эта тяжкая борьба или преждевременно сводитъ въ гробъ отшельника, или, умерщвляя одну за другой, всѣ его человѣческія силы, превращаетъ его въ живой трупъ, въ существо отвлеченное отъ земли и ея интересовъ. Трудна эта борьба, но она имѣетъ особенный религіозный смыслъ: волей или неволей произнося клятву, монахъ силится исполнить ее, дабы получить послѣ смерти вѣчное блаженство, обѣщанное ему за строгое исполненіе этой клятвы. Мрачная обстановка его жизни монашеской и невозможность удовлетворять своимъ человѣческимъ потребностямъ, служатъ для него счастьемъ, потому что помогаютъ достигать извѣстной цѣли. Но каково жить, при такихъ условіяхъ, человѣку, мало мальски развитому и не связанному монашеской клятвой? Каково жить здѣсь міряпину, у котораго грѣшная натура проситъ жизни общечеловѣческой, кого томитъ множество вопросовъ и желаній, неудовлетворимыхъ на Афонѣ?... Конечно, міряпинъ, свободно располагающій собою, рѣдко остается здѣсь на долго; но бываютъ разныя нравственныя обязательства, не позволяющія выѣхать съ Афона ранѣе опредѣленнаго срока, и жизнь такого человѣка, особенно если онъ молодой, не жизнь, а пытка и на эту пытку обречены всѣ миссіонеры, которымъ иногда приходится оставаться здѣсь по нѣскольку лѣтъ.

Афонъ служитъ мѣстомъ ссылки для преступниковъ и мѣстные епископы, вѣроятно, сами хорошо понимаютъ значеніе Афона, если

посылаютъ сюда, на церковное покаяніе, провинившихся міряпъ. Наказаніе тяжелое, но совершенно безполезное, потому что никогда не достигаетъ цѣли своей.

Разъ, гуляя отъ скуки по прибрежью Ивера, я встрѣтилъ такого ссыльнаго. Худой и грустный сидѣлъ онъ на камнѣ у самой воды и глядѣлъ на чуть замѣтный вдали берегъ Фракіи своей родины. Холодно оглядѣлъ онъ меня сначала, но потомъ, знать, замѣтилъ во мнѣ что нибудь товарищеское и разговорился. Онъ кончилъ курсъ въ афинскомъ университетѣ и скоро послѣ этого сосланъ на Афонъ за то, что имѣлъ дерзость нагрубить мѣстному архіерею. Горько жаловался онъ мнѣ на свое положеніе, и въ его жалобѣ слышалась то безсильная злоба, то безнадежное, мертвящее отчаяніе.

— Вы тоже ссыльный? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ. Меня удерживаютъ здѣсь казенныя работы, надо кончить ихъ.

— И вы по доброй волѣ поѣхали сюда?

— Да, но я прежде не зналъ Афона.

— А я зналъ его хорошо, но пришлось-таки ѣхать... Придется ли уѣхать отсюда—не знаю, но чувствую, что съ каждымъ днемъ упадаютъ мои силы. Любилъ я когда-то чтеніе, музыку, разговоры, любилъ общество, а здѣсь все это проклято; всѣ смотрятъ на меня дико, какъ на сумасшедшаго велятъ, каяться. Я покаялся бы, если бы послѣ покаянія меня выпустили отсюда, а то нѣтъ, говорятъ нельзя. Такъ, вѣроятно, и сгибну!.. Знаете, я подчасъ боюсь здѣсь за свой разсудокъ: бываютъ минуты, что руки на себя наложить хочется, да и наложу, кажется, а то силъ не хватитъ.

— А много вамъ еще остается жить здѣсь?

— Еще полтора года. Шутка-ли? Гдѣ же тутъ вынести. Они говорятъ, что это тоска по родинѣ? врутъ; это ясный протестъ человѣческой натуры противъ жизни такой, голодъ ума и сердца отъ недостатка знаній и чувствъ... А вѣдь молодость моя не воротится!.. Если бы вы знали какъ я ихъ ненавижу: готовъ разорвать каждаго.

— За что же? замѣтилъ я:—они не виноваты. Большинство отшельниковъ вѣрятъ искренно, исполняютъ свой долгъ съ сознаніемъ и мучатся не меньше насъ, такъ что иногда вчужѣ больно бываетъ смотрѣть на ихъ борьбу. Ихъ ли тутъ винить надо?..

— Мнѣ оттого не легче.

— Но я и не думаю утѣшать васъ.

— Извините меня, перебилъ онъ, быстро вставая.—Я всѣхъ и все теперь ненавижу: смотрите пожалуйста на меня, какъ на сумасшедшаго. Да я и въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій.

Онъ быстро удалился. Что съ нимъ сталось потомъ—не знаю.

Зналъ я еще одного молодаго художника. Пріѣхалъ онъ на Афонъ свѣжій, здоровый, полный разныхъ надеждъ, и, какъ художникъ, слишкомъ мечтательный. Съ безпечнымъ смѣхомъ разсказывалъ онъ мнѣ о своихъ дорожныхъ приключеніяхъ, предполагалъ снимать виды Афона и издавать ихъ въ свѣтъ, съ жаромъ мечталъ о свѣтлой будущности. Черезъ четыре мѣсяца мы опять гдѣ-то встрѣтились; онъ уже замѣтно поосунулся и пожелтѣлъ, въ немъ появилась какая-то нехорошая задумчивость.

— Скоро же отдѣлалъ васъ Афонъ, сказалъ я.

— Да, воздухъ здѣсь вредный, отвѣтилъ онъ.—Однако Афонъ меня занимаетъ не на шутку, тутъ много любопытнаго и непонятнаго.

— А ваши рисунки?

— Идутъ по немногу.

— И будете издавать ихъ?

— Нѣтъ я такъ, для себя только... Да и некогда, по правдѣ сказать, работы у меня очень много, а въ свободные часы хожу съ братіей въ церковь. Мнѣ нравятся здѣшнія службы.

— А монахи?

— Между ними много фанатиковъ, но есть великіе люди.

Художникъ началъ разсказывать мнѣ о своихъ новыхъ знакомствахъ; въ разговорахъ его не было уже прежней живости: въ нихъ просвѣчивался мрачный отпечатокъ Афона. Передъ отъѣздомъ съ Афона я еще разъ увидѣлъ его и въ этомъ бродячемъ скелетѣ едва узналъ прежняго бойкаго юношу. Я напомнилъ ему нашу первую встрѣчу. Тотъ слегка улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ.

— Вы вѣрно очень скучаете здѣсь? спросилъ я.

— Почему вы такъ думаете?

— Да потому, что вы слишкомъ похудѣли: на васъ лица нѣтъ.

— Это ничего. Напротивъ, я очень веселъ... по крайней мѣрѣ очень спокоенъ.

— Можетъ быть, думаете принять монашество?

— Не знаю. Это не отъ меня зависитъ.

— Отъ кого же?

— Странный вопросъ: разумѣется, отъ Бога.

Мы простились очень холодно, и съ тѣхъ поръ я его не встрѣчалъ болѣе. Знаю только, что онъ не поѣхалъ въ міръ вмѣстѣ съ товарищами своими. Можетъ быть, онъ теперь уже въ схимѣ великой, а можетъ быть на гробницѣ монастырской его юныя кости смѣшались съ костями монашескими...

На мечтательныя, впечатлительныя натуры Афонъ скоро кладетъ свой отпечатокъ; въ немъ есть какая-то особенная, втягивающая сила, противъ которой бороться не легко. Вступивъ въ этотъ міръ искушеній, человѣкъ мало-мальски образованный и не имѣющій призванія къ монашеству, сперва ожесточается, бранитъ Афонъ и торопится окончить здѣсь свои дѣла, чтобы поскорѣе уѣхать; потомъ на него нападаетъ уныніе и отчаяніе, и наконецъ болѣзненная апатія ко всему, что происходитъ вокругъ. Его томитъ жизнь афонская, а между тѣмъ, незамѣтно для самого себя, онъ постепенно втягивается въ эту жизнь: на него начинаетъ нападать неопредѣленная тревога, появляются думы, которыя рѣдко безпокоили его въ мірѣ, и, затѣмъ, по немногу измѣняется его прежній взглядъ на міръ, замираютъ прежніе интересы. Иной и очнется въ это время, да ужъ поздно: не хватитъ силъ для мірской жизни... Говорятъ, что если здоровый субъектъ будетъ жить очень долго въ домѣ умалишенныхъ, то, наконецъ, онъ начнетъ задумываться: не принадлежитъ ли и онъ къ числу помѣшанныхъ? и дѣйствительно помѣшается. Этотъ примѣръ, конечно, здѣсь не у мѣста, но онъ нагляднѣе можетъ объяснить: какъ трудно бываетъ сохранить собственный взглядъ на вещи, слыша кругомъ себя, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, однѣ и тѣ же рѣчи, вовсе не схожія съ вашимъ взглядомъ. А подвижники афонскіе высказываютъ свои взгляды съ искреннимъ убѣжденіемъ, какъ дѣла давно рѣшенныя, и эта сила и теплота убѣжденій невольно затрогиваетъ каждаго. Оставаясь въ мірѣ, каждый христіанинъ все таки надѣется попасть въ рай, а не въ адъ; однако это не мѣшаетъ жить ему, какъ и всѣ живутъ; религія у всѣхъ народовъ служитъ утѣшеніемъ и отрадой жизни; но на Афонѣ міряниnъ узнаетъ, что религію надо понимать иначе, что многое, чего онъ прежде и за грѣхъ не считалъ, здѣсь называется преступленіемъ, словомъ, здѣсь разбирается и осуждается каждый шагъ мірянина, такъ что и въ самомъ дѣлѣ мысли его начинаютъ опуты-

ваться и становится страшно возвращаться въ этотъ многогрѣшный міръ.

Трудно представить то тяжелое состояніе, ту тоску безъисходную, какую испытываетъ здѣсь міряининъ, слишкомъ привязанный къ мірскимъ привычкамъ. Недостатокъ питательной пищи болѣзненно дѣйствуетъ на его организмъ *). Ему жить хочется, а кругомъ все замерло и толкуетъ о смерти, читать хочется—читать нечего, кромѣ книгъ богослужебныхъ; говорить хочется, но кругомъ все молчитъ, или говоритъ не о томъ, чего душа проситъ. Да и съ кѣмъ говорить? Пустынники-келіоты мрачны и холодны; они ненавидятъ міръ и какъ-то странно говорятъ съ каждымъ міряниномъ: въ ихъ рѣчахъ слышится желчный упрекъ въ нерадѣніи о душѣ своей; въ вѣчномъ уединеніи они отвыкли отъ ласковаго слова. Киновіаты, боясь искушеній, стараются не вспоминать о мірскихъ дѣлахъ и боятся мыслить о чемъ нибудь, кромѣ дѣлъ спасенія. Жители штатныхъ монастырей тоже отвыкли мыслить, съ ними надо говорить слегка и умѣючи; иной и заговоритъ, но сейчасъ замѣтно, что у него совсѣмъ не то на душѣ. Начальство монастырское всецѣло занято интересами братіи, и говоритъ только о дѣлахъ и нуждахъ монастырей своихъ, а подобные разговоры надоѣдаютъ слишкомъ скоро... Остается только одно наслажденіе красотами афонской природы, наслажденіе, конечно, великое, но оно тоже теряетъ свою прелесть, какъ не съ кѣмъ раздѣлить его... Притомъ самые прогулки по Афону имѣютъ свой особенный, пустынный характеръ. Ходишь по главнымъ дорогамъ и никогда ни души не встрѣтишь; рѣдко развѣ порой наткнешься на бѣдняка-келіота, съ торбой за плечами, пробирающагося въ монастырь на бдѣніе: мимоходомъ онъ отвѣситъ низкій поклонъ и прошепчетъ свое неизмѣнное «благослови!» — Богъ благословитъ, отвѣтишь ему по обычаю, уйдетъ онъ и съ нимъ куда-то спрячется опять вся жизнь афонская. Вокругъ пусто, без-

---

*) Не распространяюсь о другихъ, внѣшнихъ неудобствахъ жизни афонской. Міряининъ во многомъ долженъ подчиняться уставу монашескому; онъ на всемъ почти Афонѣ не найдетъ ни одного стола, нужнаго для работы перомъ и кистью, зимою онъ продрогнетъ отъ холода и сырости, потому что помѣщенія для гостей здѣсь почти всѣ сквозныя для вѣтра, нѣтъ въ нихъ ни двойныхъ рамъ, ни печей хорошихъ, между тѣмъ, какъ холодъ иногда доходитъ до 3°. Блохъ, клоповъ и крысъ вездѣ многое множество.

звучно, сама природа будто замерла отъ раскаленнаго воздуха; ни одинъ листокъ, ни одна травка не шелохнется, точно все это искуственное, точно все это вылито изъ стекла и воска. Иной разъ цѣлый часъ стоишь, едва переводя дыханіе, чтобы услышать хоть малѣйшій звукъ живой, и напрасно: развѣ пролетитъ изрѣдка какая нибудь шальная муха съ своею однозвучною пѣснью и эта пѣсня долго потомъ слышна въ воздухѣ... Утромъ рано и поздно вечеромъ еще замѣтно оживленіе въ природѣ: слышно пѣніе птицъ и стрекотаніе насѣкомыхъ, ночью тоже жизни много: въ монастыряхъ идутъ службы, выползаютъ изъ норъ своихъ любители тьмы: черви, сверчки и кроты, свищутъ птицы ночныя, пробуждаются миріады плотоядныхъ насѣкомыхъ и проч. Но днемъ природа афонская большею частью также мертва, какъ и обитатели ея. Вернешься послѣ такой прогулки въ свою келью и по неволѣ тоска грызть начнетъ душу...

Нѣсколько разъ приходилось мнѣ просиживать въ кельѣ, за работой, въ полномъ одиночествѣ и по нѣскольку дней не слышать почти ни единаго звука живаго. Странно дѣйствуетъ на человѣка это продолжительное безмолвіе. Голова работаетъ безсознательно, фантазія разыгрывается, являются на яву непонятныя грезы, теряется, наконецъ, увѣренность въ собственномъ существованіи и въ этомъ состояніи легко можно дойти до полныхъ галлюцинацій и помѣшательства. Повѣрятъ ли мнѣ, что я нарочно говорилъ самъ съ собою, чтобы не отвыкнуть говорить: скажешь, бывало, вслухъ какое слово и долго потомъ прислушиваешься къ нему. Этимъ оживлялъ я уединеніе моей кельи. Иной разъ, вспомнивъ родину, запоешь вполголоса какую нибудь унылую пѣсню; смотришь неожиданно отворяется дверь и показывается одинъ изъ старцевъ.

— Что ты поешь, дитя мое? спроситъ онъ, вздохнувъ.

— Да такъ, взгрустнулось что-то, отче; пою, что придетъ въ голову.

— Молитвы какія нибудь?

— Нѣтъ, не молитвы.

— Это грѣхъ; надо пѣть только разныя славословія. Мало ли есть молитвъ хорошихъ.

— Что же, напримѣръ, пѣть мнѣ?

— Ну, пой «Господи помилуй!» молитва хорошая.

— Да я вѣдь не монахъ, отче.

— А ты живешь съ монахами, братія слушаетъ тебя и соблазняется. Нѣтъ, у насъ пѣсенъ пѣть нельзя.

Ну и замолчишь опять, и хуже заноетъ сердце отъ грусти, нервная дрожь заходитъ по тѣлу; такъ бы и бросился куда нибудь, убѣжалъ бы хоть на край свѣта, лишь бы подальше отъ этой земли...

Мучительно и то, что не знаешь, какъ держать себя въ отношеніи къ старцамъ, чтобы не вызвать со стороны ихъ какого упрека, или правоученія. Всѣ аскеты своею суровою строгостью и подозрительностью внушаютъ какую-то невольную робость; страшно становится говорить съ ними, потому что не знаешь, о чемъ именно говорить. Иной разъ, разговаривая съ аскетомъ, забудешься, выйдешь изъ своей вѣчно почтительной, пассивной роли и спросишь о чемъ нибудь откровенно: а старецъ, въ отвѣтъ на это или велитъ прочесть житіе какое, или ничего не скажетъ, а вздохнетъ только; но этотъ оскорбительный вздохъ сразу обдастъ холодомъ и откровенное слово само собою замретъ на языкѣ.

Разъ какъ-то, въ одной изъ библіотекъ монастырскихъ, я нашелъ неожиданно нѣсколько книгъ журнала «Маякъ». Какъ старому другу обрадовался я этимъ книгамъ и съ жадностью прочелъ ихъ отъ доски до доски. Не смотря на то, что «Маякъ», по своему содержанію, самъ отчасти подходилъ къ афонскому складу, однако онъ доставилъ мнѣ много отрадныхъ минутъ, напомнилъ родину и человѣческое общество, но за то еще мрачнѣе показался мнѣ Афонъ послѣ этого чтенія... Нѣтъ, легче было бы, если бы всѣ эти мірскія воспоминанія замерли въ человѣкѣ, при первомъ вступленіи его на гору.

Есть и между монахами люди симпатичные, особенно между молодыми, не успѣвшими еще вполнѣ переработать свою натуру. Испытывая тяжелую борьбу съ мірскими привязанностями, они хорошо понимаютъ состояніе міряпина, живущаго на Афонѣ по неволѣ, и смотрятъ на него съ теплымъ участіемъ. Съ ними можно иногда поговорить искренно, стараясь, по возможности, избѣгать такихъ вопросовъ, которые вводятъ ихъ во искушеніе. Съ такими монахами я часто бесѣдовалъ въ послѣднее время и они своими бесѣдами силились примирить меня съ Афономъ и ожесточить на міръ. Силились они пробудить во мнѣ страхъ загробныхъ мученій и завлечь блаженствомъ царства небеснаго. Долго я слушалъ эти рѣчи и,

странно: они стали дѣйствовать на меня, вѣроятно потому, что въ нихъ было слишкомъ много теплоты и искренняго желанія спасти меня отъ погибели. Не разъ возникалъ у меня смутный вопросъ: а что если и въ самомъ дѣлѣ погибну? и сталъ я задумываться, и съ ужасомъ почувствовалъ первые признаки борьбы... Все вынесенное мною изъ міра вдругъ стало въ глазахъ моихъ принимать другой оттѣнокъ, поднялись изъ глубины души религіозные вопросы; мысли путались; а натура рвалась по прежнему къ опозоренной жизни міра... Чѣмъ ближе подходило время къ отъѣзду, тѣмъ тяжелѣе становилась борьба. Состояніе невыносимо - тяжелое и не дай Богъ никому испытать его!

Помню я одинъ тяжелый вечеръ на Афонѣ, не задолго до моего отъѣзда въ міръ. Въ припадкѣ сильнѣйшей тоски и не зная, что дѣлать съ своей головою, я сидѣлъ въ кельѣ за работой, и въ эту минуту вошелъ ко мнѣ уже знакомый читателю о. Анатолій, одинъ изъ моихъ пріятелей въ Руссикѣ. Теплымъ словомъ вызвалъ онъ меня на откровенность и я высказалъ ему все, что накопилось на сердцѣ. Анатолій слушалъ меня, не прерывая.

— Да, сказалъ онъ потомъ:—теперь я вижу ясно вашу душу. Вы испытываете теперь тоже самое, что въ началѣ испытываетъ почти каждый монахъ на Афонѣ. Вдумайтесь же теперь пристально въ свое положеніе! Теперь надъ вами сильно работаютъ демоны и хотятъ заглушить въ васъ голосъ ангела хранителя вашего.

— Что же дѣлать мнѣ надо, чтобы демоны не работали? Научите!

— Надо гнать отъ себя мірскіе помыслы и молиться. Чѣмъ для васъ заманчивъ міръ? Вспомните вы эту вѣчную суету, сплетни, обманы, вѣчное лицемѣріе и развратъ; вспомните, что вы еще не знаете всѣхъ подлостей міра, вы еще почти не жили въ немъ, и что придетъ еще время горькаго разочарованія. Взгляните же теперь на нашу жизнь: какъ здѣсь тихо, безмятежно; какое крѣпкое братство и любовь между иноками. Право, какъ сличишь иной разъ міръ съ Афономъ, такъ легко сдѣлается на душѣ, что вырвался, наконецъ, изъ этого омута и разврата и отъ всей души благодаришь Создателя за свое спасеніе. Подумайте же! Взгляните на міръ съ настоящей точки зрѣнія!..

При этомъ о. Анатолій съ желчью разсказалъ мнѣ нѣсколько грязныхъ фактовъ изъ жизни мірской, фактовъ отвратительныхъ и

печальныхъ, о которыхъ въ самомъ дѣлѣ было пріятно вспомнить на Афонѣ.

— Видите ли каковъ міръ вашъ? заключилъ онъ.

— Но зачѣмъ же зло одно видѣть въ мірѣ? замѣтилъ я.—Мнѣ кажется, что вы этимъ сами себя обманываете. Припомните и хорошія стороны человѣческихъ отношеній!

— Мало этихъ отношеній, и даже въ основаніи этихъ отношеній лежитъ ложь... Самъ Господь сказалъ, что «міръ во злѣ лежитъ», а кому же лучше знать міръ, какъ не Творцу міра. Ну, положимъ, что вы счастливы тамъ, васъ любятъ, вамъ все удается: но среди счастія вспомните ли вы когда о душѣ своей? Будете ли когда искренно молиться? Да и некогда тамъ заниматься этимъ: душа сама собой пойдетъ къ погибели. Очнитесь же, другъ мой! Молитесь: молитва поможетъ. А какъ легко и отрадно дѣлается на сердцѣ послѣ молитвы: на всѣхъ глядишь какъ другъ, какъ братъ, готовъ обнять каждаго... Въ эти минуты уносишься чувствомъ куда-то далеко, далеко, забываешь всѣ труды и скорби, будто не на землѣ живешь; а въ преддверіи рая... Изъ за этихъ блаженныхъ минутъ стоитъ жить на Афонѣ... Что же вы?

Я молчалъ, а о. Анатолій глядѣлъ на меня восторженнымъ взглядомъ.

— Не пугайтесь трудовъ монашескихъ, заговорилъ онъ опять:— подвиговъ не по силамъ не требуется. Мы имѣемъ обѣтованіе, что насъ помилуетъ Богъ уже и за то одно, что мы соединили свои судьбы съ судьбами Афона, что мы возненавидѣли міръ.

— А давно ли вы сами тосковали о немъ?

— Что же, я и теперь иногда тоскую, но вѣдь это искушеніе, безъ котораго монахъ не будетъ монахомъ.

— Неужели же всѣмъ на Афонъ идти надо, чтобы спастись?

— Не говорю этого, но лучше предпочесть спасеніе вѣрное сомнительному. Намъ не хочется, чтобы вы погибли, мы всѣ слишкомъ любимъ васъ и потому боимся за вашу душу. А почемъ знаете: можетъ быть Богъ нарочно привелъ васъ сюда на спасеніе; можетъ быть, онъ даже накажетъ васъ, если вы покинете Афонъ...

— Вы меня пугаете?

— Судьбы Божіи неисповѣдимы. Кто знаетъ, что будетъ? можетъ быть вы утонете, или умрете на дорогѣ отсюда, можетъ васъ

ожидаютъ въ жизни страшныя несчастія! Не лучше ли повиноваться голосу совѣсти? Рѣшайтесь-же! Судьбы своей не избѣжите...

— У меня слишкомъ много привязанностей къ міру; есть обязанности великія...

— Все это Богъ устроитъ, только пожелайте.

— Какъ же все это устроится?

— А вотъ какъ. Старцы напишутъ вашимъ роднымъ, что вы умерли здѣсь. Васъ, конечно, исключатъ изъ списковъ живыхъ людей, ваши бумаги мы всѣ уничтожимъ здѣсь и такимъ образомъ вы сразу покончите съ міромъ. Рѣшайтесь скорѣе: завтра же старцы и напишутъ.

Ужасъ овладѣлъ мною, холодный потъ проступилъ на тѣлѣ отъ этой близкой возможности умереть для міра. Тогда, если бы даже я и захотѣлъ вернуться, меня никто не призналъ бы на родинѣ; меня не приняли бы въ міръ.

— Нѣтъ, ради Бога нѣтъ! проговорилъ я въ страхѣ, и еще сильнѣе повлекло меня къ міру.

— Опять демонъ овладѣваетъ вами! грустно произнесъ о. Анатолій.

Не знаю, до чего договорились бы мы, если бы въ это время не вошелъ ко мнѣ сосѣдъ мой по кельѣ, іеромонахъ.

— Что вы тутъ, братіе, такъ долго празднословите? Скоро на канонъ зазвонятъ, сказалъ онъ, потягиваясь.

— Да вотъ, Н. А. скучаетъ все по мірѣ, отвѣтилъ о Анатолій.

— Скучать-то, кажется, больше нечего. Вѣдь вы черезъ недѣльку и въ путь?

— Непремѣнно.

— Въ среду, надо быть, пароходъ будетъ; такъ чего жъ тутъ скучать?

— А можетъ быть, онъ еще монашество приметъ.

— Ой ли? И въ правду?

— Нѣтъ, не приму, отвѣтилъ я.

— Ну, то-то, гдѣ вамъ? Монашество дѣло хорошее, но трудное. По моему, коли еще въ мірскомъ званіи искушенія заѣли, такъ монашество вамъ и подавно не вынести. Монахамъ, батюшка мой, надо родиться, а сдѣлаться имъ не всякій сможетъ. Вотъ что.

— Аминь! заключилъ я.

Но пора закончить мою грустную правду объ Афонѣ. Хотѣлось бы многое досказать объ немъ, но пока еще нельзя: пусть доскажутъ другіе. Теперь нѣсколько словъ о моей разлукѣ съ Афономъ.

Шелъ дождь. Тяжелыя сѣрыя тучи безконечной стаей тащились по небу, и море и небо слились въ одну грязную клокочущую массу. Въ кельѣ моей съ утра толпились монахи, поджидавшіе вмѣстѣ со мною парохода, чтобы проводить меня. Разговоръ не вязался. Всѣ глядѣли на меня, какъ глядятъ на умирающаго, съ которымъ никогда не придется болѣе свидѣться; изрѣдка слышались совѣты и внушенія, какъ бороться съ прелестями міра. Оттѣнокъ бесѣды былъ грустный и самъ я былъ что-то не веселъ.

— Среди веселья вспомните и насъ когда нибудь, говорили мнѣ:— вспомните нашу трудную жизнь и борьбу безконечную съ демономъ! У васъ, можетъ быть, много радостей впереди, а у насъ на вѣки будетъ одно и тоже, до самой смерти.

— За то мы спасемся.

— Вспоминайте чаще Афонъ—меньше грѣшить будете!..

Я молчалъ.

— Идетъ! Дымъ видѣнъ! перебилъ наши бесѣды о. Лукіанъ, и впопыхахъ выбѣжалъ изъ кельи.

Мы всѣ вышли на балконъ. Огромный пароходъ размашисто подъѣзжалъ къ пристани монастырской. Затрезвонили колокола и на дворѣ появилось движеніе: поклонники съ тюками и чемоданами, любопытные монахи, оборванные работники,—все это, торопясь, повалило на пристань.

— Идите скорѣе! крикнулъ мнѣ кто-то со двора:—пароходъ бросать якоря не будетъ; вотъ ужъ и вещи ваши понесли.

— Иду! отвѣтилъ я, и, признаюсь, у самаго дыханье сжалось отъ какой-то тревоги: знать послѣдніе уроки Афона отозвались во мнѣ. Опрометью бросился я внизъ, прощаясь по дорогѣ со встрѣчными, и мимоходомъ слышалъ разныя благожеланья и благословенья. Монахи столпились на пристани и слѣдили за нами... Пароходъ тронулся, заклокотала пѣна подъ его могучими колесами и полные грусти загудѣли надъ нами прощальные звуки колоколовъ монастырскихъ...

Берега побѣжали мимо со своими монастырями, скитами и кельями и скоро все это слилось въ одну массу, въ одно темное пятно на свѣтломъ фонѣ тучь.

Я спустился въ каюту. Тамъ сидѣли нарядныя дамы и офицеры

и слышался веселый говоръ и смѣхъ. Вздрогнулъ я, оглядѣлся и въ смущеніи бросился бѣжать назадъ. Теперь только вспомнилось мнѣ, что, вступивъ на помостъ пароходный, я принадлежу уже міру, а не Афону. На полубѣ оглядѣлъ я, нѣтъ ли гдѣ *своихъ*, и съ радостью замѣтилъ одного пустынника афонскаго, ѣдущаго въ Константинополь. Онъ прижался куда-то въ уголъ и тоже дико озирался.

— Что, отче, спросилъ я, подходя къ нему:—это вѣдь міръ.

— Я все гляжу точно на видѣнье какое, отвѣтилъ мнѣ монахъ:— Кажется мнѣ, что это все не люди, а идолы какіе-то.

— Да, идолы!.. повторилъ я за нимъ.

Недалеко сидѣла группа богомольцевъ афонскихъ и, къ удивленію моему, на чемъ свѣтъ стоитъ ругала Афонъ, разбирая до мелочей всѣ его монастыри. Сталъ я прислушиваться и сначала меня покоробило, а потомъ вдругъ точно повязка какая свалилась съ глазъ моихъ.—«Неужели я въ самомъ дѣлѣ отвыкъ уже отъ міра и превратился въ аскета»? подумалъ я и опять рѣшился войти въ каюту. Тамъ съ жаркимъ волненіемъ толковали пассажиры о готовящихся великихъ преобразованіяхъ въ Россіи, о гласномъ судѣ и свободѣ печати, передавали свѣжія новости изъ Лондона и Парижа, — а я, какъ выходецъ съ того свѣта, съ жадностью вслушивался въ эти сладкія рѣчи — «Міръ»... опять послышалось мнѣ и какъ тѣни какія припомнились вдругъ истощенныя фигуры Сисоя и Анфима съ ихъ вѣчною грустью...

Исчезните же скорѣе эти тяжелыя воспоминанія!.. Мірская жизнь задаетъ намъ другіе великіе вопросы... Афонъ вѣчно будетъ стоять неподвижно, онъ уже выработалъ свои цѣли, и дальше не пойдетъ; а жизнь далеко обгонитъ его, она, безконечная, пойдетъ все впередъ и впередъ, если только ея шествію не помѣшаетъ Афонъ...

И. А. Благовѣщенскій.

1863. Ноябрь.

ОПЕЧАТКА: Во второй статьѣ объ Афонѣ, стран. 20, вкралась важная опечатка. Тамъ сказано, что скитовъ на Афонѣ *десять*, а надобно читать: *двѣнадцать*.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ТРУДА.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ).

I.

Когда человѣку хочется ѣсть, и когда онъ видитъ у себя подъ рукою приготовленный запасъ пищи, то въ немъ тотчасъ рождается влеченіе взять эту пищу въ руки и отправить ее къ себѣ въ ротъ. Это влеченіе раздѣляютъ съ человѣкомъ всѣ животныя, съ тою только разницею, что они въ подобныхъ случаяхъ обходятся безъ пособія рукъ. Можно было бы подумать, что это дѣйствіе надъ пищею совершается машинально или инстинктивно, т. е. вообще безъ посредствующаго процесса мысли. Но во-первыхъ, такія слова, какъ «машинально», «инстинктивно» сами по себѣ ровно ничего не объясняютъ; а во-вторыхъ, есть и прямые опыты, доказывающіе, что дѣятельность мозга обусловливаетъ собою даже эти простѣйшіе поступки: голуби и куры, у которыхъ французскій физіологъ Флурансъ снималъ переднія полушарія головнаго мозга, глотали пищу только въ томъ случаѣ, когда ее клали имъ въ ротъ и проталкивали до горловаго отверзтія; когда же ихъ оставляли въ покоѣ, то они умирали съ голода среди цѣлыхъ кучъ хлѣбныхъ зеренъ. И такъ, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ сказать, что человѣкъ захватываетъ приготовленный запасъ пищи вслѣдствіе размышленія. Конечно, размышленіе это въ высшей степени просто, потому что

какъ мы уже видѣли, всѣ животныя размышляютъ точно также. Но, именно по своей простотѣ, это размышленіе, доступное всѣмъ людямъ безъ исключенія, оказывало и до сихъ поръ оказываетъ на судьбу нашей породы такое могущественное вліяніе, какимъ не пользуются ни чистѣйшія нравственныя истины, ни величайшія научныя открытія. Изъ этого размышленія развилось все, что составляетъ красоту и гордость нашей цивилизаціи, и все, что составляетъ ея позоръ и страдальческій крестъ. Запасъ пищи, найденный человѣкомъ, могъ быть приготовленъ природою или другимъ человѣкомъ; захватъ пищи въ первомъ случаѣ является зародышемъ труда, а во второмъ онъ оказывается присвоеніемъ чужаго труда, и кладетъ основаніе борьбѣ между людьми и порабощенію одного человѣка другимъ. Въ жизни нашей породы встрѣчались несчетное число разъ оба эти случая и изъ нихъ развивались всѣ ихъ неизбѣжныя послѣдствія. Человѣкъ, присвоившій себѣ пищу, приготовленную природою, старался устроить такъ, чтобы природа дала ему новый запасъ, и эти старанія постепенно превращали охотника въ пастуха, потомъ въ земледѣльца; эти же старанія рядомъ съ земледѣльцемъ создавали кузнецовъ, портныхъ, ткачей и всѣхъ другихъ ремесленниковъ, вооружающихъ человѣка рабочими инструментами, снабжающихъ его одеждою, устроивающихъ его жилище, и доставляющихъ ему на счетъ окружающей природы всѣ возможныя удобства жизни. Изъ этихъ же стараній развились искусство и наука, увеличивающія силу человѣка надъ природою, расширяющія его умъ, приготовляющія ему безконечное разнообразіе наслажденій и доставляющія ему возможность уважать самаго себя и, анализируя себя и другихъ, сознательно прощать и любить заблуждающихся людей, такъ дорого платящихъ за свои заблужденія. Между тѣмъ, второй случай, — захватъ пищи, приготовленной человѣкомъ, — повторялся ежедневно и слѣдствія, неизбѣжно вытекающія изъ него, развивались гораздо быстрѣе, чѣмъ тѣ благодѣтельныя явленія, въ основаніи которыхъ лежалъ чистый трудъ, не политый слезами и не пропитанный человѣческою кровью. Эта несоразмѣрность развитія существуетъ и, быть можетъ, даже увеличивается въ наше время. Всемірная исторія до сихъ поръ принуждена заниматься исключительно политическою жизнью людей, потому что, дѣйствительно, факты политической жизни совершенно заслоняютъ собою тѣ проявленія мысли, энергіи и творчества, которыя происходятъ въ лабо-

раторіяхъ, въ мастерскихъ, на поляхъ, вездѣ, гдѣ человѣкъ подмѣчаетъ тайны природы или вводитъ въ процессъ производства тѣ естественныя силы, которыя уже изслѣдованы и обузданы. Исторію интересуютъ преимущественно органическое развитіе государственныхъ формъ, послѣдовательная смѣна системъ, существенныя измѣненія въ законодательствѣ и въ международныхъ отношеніяхъ, пробужденіе въ массахъ политическаго смысла и національнаго чувства. Кажется, набросанная мною рамка достаточно широка; я не думаю, чтобы кто нибудь изъ современныхъ историковъ увидѣлъ въ подобномъ опредѣленіи задачъ исторіи — признаки неуваженія къ наукѣ, или попытку исказить и унизить ея настоящее значеніе. Между тѣмъ, не трудно замѣтить, что элементъ присвоенія составляетъ единственный предметъ изысканій историка. Въ этомъ нисколько не виноватъ историкъ, потому что такова дѣйствительная жизнь, которую изслѣдователь не имѣетъ права украшать и разглаживать. Государственныя формы, политическій смыслъ и даже національное чувство составляютъ прямое слѣдствіе элемента присвоенія, т. е. всѣ эти вещи — или произошли отъ присвоенія, или возникли, какъ отпоръ присвоенію. Государства, всѣ безъ исключенія, порождены элементомъ присвоенія; прошу читателя не видѣть въ этой мысли ничего безнравственнаго и не искать въ ней никакого лукавства; я вовсе не хочу сказать, чтобы всѣ основатели государствъ были люди буйные и одержимые жадностью къ чужой собственности; если такія наклонности и существовали у нѣкоторыхъ викинговъ, конунговъ, шейковъ и другихъ эмбріологическихъ властителей, то это обстоятельство вовсе не можетъ быть возведено въ правило. Многія государства возникали потому, что жителямъ извѣстной земли необходимо было сгруппироваться для отраженія нападающихъ враговъ. Въ другихъ случаяхъ, государство основывалось потому, что жителямъ необходимо было существованіе такой власти, которая разбирала бы ихъ ссоры, и своимъ вмѣшательствомъ отвращала бы кровопролитія. При такихъ условіяхъ основаніе государства было благодѣяніемъ, но люди нуждались въ этомъ благодѣяніи только потому, что заѣзжали въ чужую личность и захватывали чужой трудъ. Нападавшіе враги и ссорившіеся единоплеменники, по всей вѣроятности, должны быть признаны людьми, слѣдовательно то зло, въ отпорѣ которому возникало государство, заключалось все таки въ попыткахъ однихъ людей попользоваться трудомъ другихъ. Не было ни одного государ-

ства, которое было бы основано съ тою цѣлью, чтобы отражать звѣрей, или общими силами гражданъ разработывать землю, слѣдовательно элементъ присвоенія также необходимъ для развитія политическихъ учрежденій, какъ частица дрожжей необходима для того, чтобы произвести въ хлѣбномъ тѣстѣ броженіе. Политическое развитіе, сообщающее присвоенію правильную форму, составляетъ очень полезное лекарство, но всякій знаетъ, что лекарство есть горькое слѣдствіе болѣзни. Національное чувство, къ которому каждый благомыслящій человѣкъ долженъ питать глубокое уваженіе, составляетъ прямое слѣдствіе того недовѣрія и антагонизма, которыя водворились между отдѣльными группами людей, вслѣдствіе взаимныхъ обидъ и нападеній, клонившихся все таки къ присвоенію труда и его продуктовъ. Національное чувство просыпается тогда, когда націи приходится защищать себя отъ порабощенія; такъ было у насъ, въ эпоху Минина и въ 1812 году; такъ было въ Испаніи во время войнъ ея съ Наполеономъ, въ Германіи во время ея поголовнаго возстанія въ 1813 году, во Франціи при революціонной борьбѣ ея съ европейскими коалиціями, въ Италіи съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, въ Греціи, возмутившейся противъ турецкаго господства; — вездѣ это національное чувство дѣлало чудеса и вызывало къ жизни народъ, находившійся въ самомъ бѣдственномъ положеніи, но вездѣ это чувство возбуждалось предшествовавшими страданіями или угрожавшими опасностями; вездѣ проявленіе этого чувства сопровождалось очень тягостными пожертвованіями, которыя были необходимы, но все таки оставляли послѣ себя глубокіе слѣды въ матеріальномъ благосостояніи народа; эти соображенія приводятъ къ тому неотразимому заключенію, что элементъ присвоенія остается чрезвычайно вреднымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, возбуждая противъ себя энергическій отпоръ, приводитъ въ движеніе самыя возвышенныя и благородныя страсти человѣческой природы. Поэты и сантиментальные историки, имѣющіе страстное влеченіе ко всему грандіозному, могутъ съ особеннымъ восхищеніемъ останавливаться на тѣхъ историческихъ эпохахъ, въ которыхъ цѣлый народъ поднимался, какъ одинъ человѣкъ; поэтамъ свойственно видѣть въ каждомъ явленіи его красоту и картинность; имъ свойственно принимать отдѣльныхъ людей за мелкіе камешки огромной мозаики; но человѣкъ, не одаренный отъ природы такимъ пылкимъ эстетическимъ чувствомъ, человѣкъ, неспособный, подобно художнику Нерону, за-

жечь Римъ, чтобы получить понятіе о разрушеніи Трои, такой человѣкъ видитъ величайшее доказательство силы зла въ томъ обстоятельствѣ, что даже проявленіе лучшихъ силъ и страстей цѣлаго народа всегда бываетъ похоже на страшную конвульсію больнаго организма и почти всегда ведетъ за собою упадокъ силъ и значительное увеличеніе индивидуальныхъ страданій и общественныхъ тягостей. Въ исторіи трудно отъискать хоть одинъ такой фактъ, въ которомъ энергія народа, его героическія усилія, его жертвы, приносимыя трудомъ и кровью, произвели бы въ его образѣ жизни дѣйствительное улучшеніе, соотвѣтствующее подобнымъ затратамъ. Вездѣ и всегда народъ поднимался, какъ одинъ человѣкъ, противъ одного изъ проявленій несправедливости и присвоенія; а въ это время десятки и сотни проявленій того же элемента продолжали процвѣтать, и, пользуясь общею суматохою, пускали глубже свои корни въ живыя силы народа и истощали ихъ больше прежняго. Поэтому всѣ великія эпохи дали до сихъ поръ людямъ нѣсколько пламенныхъ стихотвореній, нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ въ исторіи, да кромѣ того приращеніе налоговъ, и то чувство утомленія, которое всегда слѣдуетъ за напряженіемъ силъ. Всѣ эти мысли, конечно, вовсе не относятся къ Россіи, потому что въ отношеніи къ ней я нахожу удобнымъ соблюдать то правило вѣжливости, по которому о присутствующихъ не говорятъ.

II.

Элементъ присвоенія, конечно, составляетъ зло; можно сказать больше: онъ составляетъ источникъ и причину всякаго зла, а между тѣмъ этотъ ядовитый элементъ, этотъ Ариманъ человѣческой природы самъ вытекаетъ изъ совершенно безвреднаго свойства нашего ума, и притомъ изъ такого свойства, которое мы никакъ не съумѣли бы устранить, если бы намъ была предоставлена возможность передѣлать по нашему благоусмотрѣнію всѣ физическія и интеллектуальныя способности человѣка. Это свойство состоитъ въ томъ, что умъ нашъ всегда начинаетъ свою дѣятельность съ самыхъ простыхъ процессовъ мысли, и уже потомъ, укрѣпляясь и

совершенствуясь, переходитъ къ болѣе сложнымъ процессамъ, соображаетъ вѣроятія и отдаленныя послѣдствія, разсматриваетъ и обсуживаетъ явленія съ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія. У всякаго животнаго есть потребности и желанія, имѣющія связь отчасти съ сохраненіемъ жизни недѣлимаго, отчасти съ поддержаніемъ жизни породы. Мозговыя силы животнаго посвящаются исключительно изысканію средствъ, ведущихъ къ удовлетворенію этихъ потребностей и желаній. Руководствуясь своими внѣшними чувствами, зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, осязаніемъ и вкусомъ, животное соображаетъ, идти ли ему направо или налѣво, грозитъ ли ему опасность, или ждетъ его наслажденіе. Животное руководствуется, конечно, іезуитскою нравственностью; цѣль всегда оправдываетъ въ его глазахъ средства, и въ выборѣ средствъ животное обнаруживаетъ, кромѣ неразборчивости, крайнюю односторонность и близорукость соображенія, въ чемъ оно далеко превышаетъ іезуитовъ. Рыба хватается за червяка, не обращая вниманія на крючокъ, въ которомъ заключается весь смыслъ трагическаго эпизода; мышь развязно вбѣгаетъ въ мышеловку, руководясь запахомъ мяса, и не даетъ себѣ труда замѣтить, что въ общемъ видѣ снаряда есть что-то странное и зловѣщее. Такъ дѣйствуютъ животныя и почти такъ дѣйствуютъ дѣти и дикари. Океанійскіе островитяне, пріѣзжая на европейскіе корабли, обыкновенно начинаютъ, съ изумительною ловкостью, воровать все, что приходится имъ по душѣ. Ихъ за это бьютъ очень больно веревками, но, конечно, это ихъ не унимаетъ. Нельзя сказать, чтобы воровство было у нихъ принятымъ обычаемъ, или, чтобы оно составляло ихъ болѣзненную мономанію; нельзя себѣ представить, чтобы они переносили съ совершеннымъ равнодушіемъ удары веревками; ихъ поступки объясняются всего удовлетворительнѣе крайнею простотою тѣхъ умственныхъ отправленій, на которыя способенъ ихъ мозгъ. Дикарь разсуждаетъ такъ: я вижу блестящую пуговицу, она мнѣ нравится, слѣдовательно... тутъ разсужденіе обрывается, потому что дѣло сдѣлано, пуговица очутилась въ рукахъ нашего мыслителя, и тутъ начинается новый рядъ соображеній, клонящійся къ тому, чтобы спрятать пріобрѣтенное имущество и напустить на свою физіономію выраженіе полнѣйшей невинности. Процессъ мысли, разрѣшившійся въ пріобрѣтеніи пуговицы, совершился съ быстротою молніи; дикарь схватилъ понравившуюся ему вещь съ такою же непосредственною жадностью, съ какою рыба

хватаетъ червяка. Преимущество дикаря надъ рыбою ограничивается въ этомъ случаѣ тѣмъ, что дикарь въ одно мгновеніе успѣваетъ принять нѣкоторыя предосторожности, которыя всегда останутся недоступными самой геніальной рыбѣ. Сходство же дикаря съ рыбою состоитъ въ томъ, что и тотъ и другая не способны ни на минуту усомниться въ выгодности своего предпріятія и отнестись къ нему критически; желаніе возникло, и тотчасъ удовлетворяется, съ большею или меньшею степенью искуства, проворства и осторожности. Что будетъ потомъ? объ этомъ дикарь потомъ и подумаетъ, потому что въ его головѣ не удерживается сложный рядъ мыслей, въ которомъ причины связывались бы съ слѣдствіями. Если мы разберемъ значеніе нашего національнаго «авось», то замѣтимъ въ немъ несомнѣнное родственное сходство съ умозрѣніями океанійца. Дѣйствія на авось не имѣютъ ничего общаго ни съ мужествомъ героя, ни съ сознательнымъ рискомъ смѣлаго спекулятора; въ нихъ просто выражается неумѣнье и нежеланье додумать до конца, неспособность ума къ сложнымъ выкладкамъ и лѣность мысли, ведущая за собою необходимость оставлять въ туманѣ тѣ слѣдствія, которыми непремѣнно долженъ закончиться данный поступокъ. Строгая общественная нравственность заключающаяся въ томъ, что каждая отдѣльная личность сознательно несетъ отвѣтственность за свой образъ дѣйствій, и отдаетъ себѣ и другимъ отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ,—такая нравственность совершенно немыслима въ такой средѣ, въ которой «авось» составляетъ основаніе практической философіи. Нравственность людей вовсе не зависитъ отъ хорошихъ качествъ ихъ сердца или ихъ натуры, отъ обилія добродѣтелей и отъ отсутствія пороковъ. Всѣ подобныя слова не имѣютъ никакого обязательнаго смысла. Нравственность того или другого общества зависитъ исключительно отъ того, на сколько члены этого общества сознательно понимаютъ свои собственныя выгоды. Красть невыгодно, потому что если я обокралъ удачно сегодня, то меня такъ же удачно могутъ обокрасть завтра, не говоря уже о томъ, что я могу попасться и получить болѣе или менѣе серьезную непріятность. По тѣмъ же причинамъ невыгодно убивать; точно также невыгодны и всякія другія посягательства на личность и собственность ближнихъ и дальнихъ. Если бы всѣ члены общества прониклись сознаніемъ этой невыгодности, то преступленія были бы немыслимы, и вся непроизводительная трата силъ на совершеніе,

преслѣдованіе, предотвращеніе и наказаніе преступленій сдѣлалась бы излишнею и перестала бы существовать. Но проникнуться такимъ спасительнымъ сознаніемъ не можетъ ни дикарь, ни любитель слова «авось», ни пролетарій, котораго мысль постоянно направлена на борьбу съ голодомъ. Чтобы быть нравственнымъ человѣкомъ, необходимо быть до извѣстной степени мыслящимъ человѣкомъ, а способность мыслить крѣпнетъ и развивается только тогда, когда личность успѣваетъ вырваться изъ подъ гнета матеріальной необходимости. Человѣкъ не получаетъ отъ природы ничего готоваго ни внѣ себя, ни внутри себя; ему самому надо устроить себѣ оружіе, рабочіе снаряды, одежду, жилище и даже ту землю, въ которую онъ бросаетъ сѣмена; точно также ему самому надо укрѣпить свои мускулы посредствомъ упражненія и развернуть силы своего мозга также посредствомъ упражненія. Пока дикарь доберется до хорошихъ орудій, ему приходится пробавляться плохими; цѣлыя поколѣнія дѣйствуютъ каменными топорами, потомъ другія поколѣнія работаютъ мѣдными, и такъ идетъ дѣло въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Точно также дикарю приходится изворачиваться въ жизни работою плохо развитаго мозга, и весь домашній и общественный бытъ дикаря складывается сообразно съ несовершенными отправленіями недоразвитаго органа мысли. Всякое усовершенствованіе мозга даетъ себя чувствовать и въ улучшеніи орудій, и въ увеличеніи богатства, и въ возвышеніи общественной нравственности. Но мозгъ совершенствуется чрезвычайно медленно, потому что вся жизнь дикаря проходитъ въ постоянной заботѣ о пропитаніи, и вся наличная мозговая сила тратится на пріисканіе мелкихъ средствъ, ведущ хъ къ мелкимъ цѣлямъ. Тутъ некогда припоминать и обобщать опыты, и потому знаніе увеличивается и кругъ мыслей расширяется только тогда, когда опытъ бьетъ въ глаза и насильно втирается въ сознаніе. Это дѣтство человѣческаго ума не только неизбѣжно, но даже совершенно необходимо. Если бы первобытному человѣку былъ вложенъ въ голову совершенно развитой мозгъ, то, вѣроятно, этотъ мозгъ былъ бы почти такимъ же мертвымъ капиталомъ, какимъ было бы ружье въ рукахъ дикаря, совершенно незнакомаго съ его употребленіемъ. Мы способны пользоваться только тѣмъ, что мы сами выработали. Если человѣкъ своими трудами пріобрѣлъ себѣ тысячу рублей, то они пойдутъ ему въ прокъ, потому что, пріобрѣтая рубли, онъ пріобрѣталъ, кромѣ того, умѣнье обращаться съ ними. Но если вы

подарите десять тысячъ такому человѣку, который не умѣлъ пріобрѣсти ни копѣйки, то легко можетъ случиться, что вашъ подарокъ будетъ разбросанъ на пустяки, или запертъ въ сундукъ. Точно также, развитой мозгъ, доставшійся человѣку, какъ милостыня природы, могъ быть растраченъ на мелочи, или могъ погрузиться въ сонное блаженство, за которымъ непремѣнно послѣдовала бы вялость и разслабленіе. Все, что живетъ въ природѣ, ростетъ и развивается, подвергаясь въ своемъ развитіи болѣзнямъ, опасностямъ и тяжкой борьбѣ за существованіе. Умъ человѣка, какъ самое сложное явленіе въ природѣ, подвергается въ большей степени, чѣмъ что-либо другое, этому общему закону всего существующаго. Присвоеніе чужаго труда, вражда между людьми и всѣ ужасы варварства вытекаютъ прямо изъ тѣхъ простѣйшихъ процессовъ мысли, которые одни доступны младенческому уму дикаря. Всѣ эти мрачныя явленія составляютъ неизбѣжную дѣтскую болѣзнь нашей породы, но дѣтство и его болѣзни не должны продолжаться вѣчно, и потому въ наше время слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какія именно условія удерживаютъ различныя группы людей въ состояніи младенчества и превращаютъ временныя болячки въ постоянно открытыя фонтанели, изъ которыхъ сочатся страданія для однихъ и доходы для другихъ.

III.

Грубое присвоеніе, заключавшееся въ грабежѣ и сопровождавшееся убійствами, такъ естественно вытекаетъ изъ слабости мысли у дикарей и изъ недостаточнаго количества пищи, добываемаго плохими орудіями первобытныхъ людей, что не стоитъ останавливаться на объясненіи этого явленія. Нѣсколько удачныхъ набѣговъ, нѣсколько безнаказанныхъ убійствъ пріохочивали дикаря къ такимъ занятіямъ, развивали въ немъ духъ молодечества, возвышали его въ глазахъ единоплеменниковъ и собирали вокругъ него шайку людей, искавшихъ добычи и называвшихъ ее славою. Такъ формировалось зерно военнаго сословія; оно скоро начинало чувствовать презрѣніе къ тѣмъ жалкимъ людямъ, которые пашутъ землю и па-

сутъ стада; потомъ жалкіе люди порабощались; ихъ заставляли платить дань, и когда это взиманіе извѣстной части продукта приводилось въ правильную форму, тогда группа людей, отмѣченная какимъ нибудь общимъ названіемъ, вступала въ историческую жизнь, подъ предводительствомъ поработившихъ ее воиновъ.

Рядомъ съ этимъ простѣйшимъ присвоеніемъ идетъ, съ незапамятныхъ временъ, другой видъ присвоенія, болѣе сложный; рядомъ съ откровеннымъ грабежемъ развивается торговля, которую многіе ученые до сихъ поръ считаютъ величайшею благодѣтельницею человѣческаго рода. Люди всегда нуждались и до сихъ поръ нуждаются во взаимномъ обмѣнѣ услугъ и продуктовъ; одинъ производитъ хлѣбъ, другой выдѣлываетъ ткани; если первый дастъ второму излишекъ своего хлѣба и возьметъ у него въ замѣнъ излишекъ его тканей, то положеніе обоихъ значительно улучшится, потому что оба будутъ сыты и одѣты. Этотъ обмѣнъ услугъ производится очень легко и удобно, если земледѣлецъ и ткачъ живутъ между собою въ близкомъ сосѣдствѣ; но если они живутъ въ разныхъ земляхъ и если между ихъ землями лежатъ горы, рѣки, пустыни и моря, то прямой обмѣнъ становится невозможнымъ; тогда является услужливый джентльменъ, который ткачу привозитъ хлѣбъ, а земледѣльцу ткани; земледѣлецъ и ткачъ оба очень рады, потому что продукты эти имъ необходимы, а добрый джентльменъ еще болѣе радъ тому, что ему удалось услужить такимъ достойнымъ людямъ. Но услужливость и добродушіе джентльмена обходятся очень дорого и ткачу, и земледѣльцу. Ткачъ получаетъ очень мало хлѣба, а земледѣлецъ очень мало тканей; ткачъ за малое количество хлѣба отдаетъ всѣ свои ткани, а земледѣлецъ за малое количество тканей отдаетъ весь хлѣбъ, который онъ можетъ сберечь отъ своего личнаго потребленія. Ткачъ сидитъ впроголодь, а земледѣлецъ оказывается полуодѣтымъ; за то добрый джентльменъ питается изысканными кушаньями и одѣвается съ утонченнымъ изящесгвомъ; въ его рукахъ остается весь хлѣбъ, который не доходитъ до ткача, и всѣ ткани, которыхъ не получаетъ земледѣлецъ; эти излишки продуктовъ онъ везетъ къ такимъ людямъ, которые производятъ табакъ или пряности; тутъ опять происходитъ та же исторія; джентльменъ беретъ у нихъ какъ можно больше табаку и даетъ имъ какъ можно меньше хлѣба и тканей; потомъ онъ ѣдетъ съ табакомъ въ такое мѣсто, гдѣ добываются мѣха, и опять беретъ

очень много мѣховъ и даетъ очень мало табаку. Такимъ образомъ, услужливый джентльменъ прогуливается по разнымъ землямъ, осыпаетъ своими благодѣяніями жителей всѣхъ географическихъ широтъ и долготъ, и, не увеличивая ни на одинъ золотникъ количества ихъ продуктовъ, оставляетъ у себя въ рукахъ столько хлѣба, тканей, мѣховъ, табаку и другихъ удобствъ, сколько можно оттягать у производителей и потребителей. Конечно, эти удобства остаются въ рукахъ торговца не въ первоначальномъ своемъ видѣ; они превращаются въ болѣе удобную форму золотыхъ и серебряныхъ монетъ, но сущность дѣла отъ этого не измѣняется. Интересы торговца идутъ постоянно въ разрѣзъ съ выгодами и потребностями всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе. Ткачъ и земледѣлецъ могутъ обмѣнивать между собою свои продукты такъ, что рабочій день ткача будетъ отдаваться за рабочій день земледѣльца, и для обоихъ такой обмѣнъ будетъ выгоденъ, потому что оба хлопочутъ не о томъ, чтобы увеличить общую сумму своего продукта, а только о томъ, чтобы измѣнить его форму. Но между ткачемъ и земледѣльцемъ появляется посредникъ, у котораго нѣтъ никакого продукта; онъ берется перевезти хлѣбъ въ такое мѣсто, гдѣ производятся ткани, и обѣщаетъ возвратиться къ земледѣльцу съ грузомъ тканей, соотвѣтствующимъ взятому грузу хлѣба. Очевидно, что и ткачу, и земледѣльцу выгодно, чтобы на перевозку истратилось какъ можно меньше продукта, но торговцу-перевозчику выгодно, напротивъ того, чтобы перевозка обошлась ткачу и земледѣльцу какъ можно дороже, потому что вся сумма продукта, поглощенная перевозкою, идетъ въ его пользу. Поэтому, ткачъ и земледѣлецъ желаютъ оба, чтобы обмѣнъ между ними совершался какъ можно легче, чтобы разстояніе между ними сокращалось и чтобы число и величина препятствій становились какъ можно меньше; ткачъ и земледѣлецъ стараются сблизиться между собою и завязать непосредственныя сношенія. Купецъ, напротивъ того, желаетъ, чтобы производитель и потребитель были какъ можно дальше другъ отъ друга, чтобы непосредственныя сношенія между ними были совершенно невозможны, чтобы препятствія, лежащія между ними, были или, еще лучше, казались обѣимъ сторонамъ чрезвычайно значительными. Тамъ, гдѣ между производителемъ и потребителемъ нѣтъ препятствій, тамъ не нужно посредника, тамъ роль купца равняется нулю. Когда увеличиваются разстоянія и препятствія, тогда возрастаютъ важность и

барыши купца, который, наконецъ, совершенно порабощаетъ и производителя, и потребителя. Первому онъ назначаетъ произвольно малую цѣну; со втораго беретъ произвольно большое количество денегъ, продукта или труда; оба, производитель и потребитель, доходятъ до крайней степени нищеты и зависимости, а богатѣетъ и усиливается только ихъ общій благодѣтель, услужливый джентльменъ, не производящій ничего и совершающій постоянно прогулки отъ ткачей къ земледѣльцамъ, отъ земледѣльцевъ къ мѣховщикамъ, отъ мѣховщиковъ къ плантаторамъ пряностей, и т. д. Обмѣнъ услугъ и продуктовъ составляетъ ту общую цѣль, къ которой стремятся всѣ люди; торговля есть дорога, ведущая къ этой цѣли; чѣмъ эта дорога прямѣе и короче, тѣмъ выгоднѣе для производителя и потребителя; чѣмъ она длиннѣе и запутаннѣе, тѣмъ выгоднѣе для торговца, стоящаго между производителемъ и потребителемъ. Купить дешево и продать дорого — вотъ то золотое правило, которое всегда руководило торговцами, а это правило можетъ быть выполнено въ самыхъ роскошныхъ размѣрахъ тогда, когда производитель и потребитель не знаютъ другъ друга и не имѣютъ возможности условиться между собою на счетъ цѣны и достоинства продуктовъ. Прямая выгода торговца побуждаетъ его мѣшать сношеніямъ производителя съ потребителемъ, и держать того и другого въ состояніи невѣжества и такой нищеты, которая принуждала бы ихъ отдавать весь свой трудъ или всѣ продукты труда за кусокъ хлѣба или за лоскутъ ткани, брошенный имъ сердобольнымъ торговцемъ. Средства мѣшать сношеніямъ людей между собою и поддерживать между ними невѣжество и бѣдность очень незамысловаты; они были извѣстны всѣмъ торговцамъ древняго міра, и въ существенныхъ чертахъ своихъ остались неизмѣненными до нашихъ временъ. Морская торговля и морской разбой постоянно помогали другъ другу; финикіяне, малоазійскіе греки и жители острововъ Архипелага съ одинаковымъ успѣхомъ занимались и тѣмъ и другимъ. Когда въ какомъ нибудь поселеніи проявлялось желаніе жителей удовлетворять своимъ потребностямъ безъ помощи торговцевъ, когда зарождались первые начатки разнообразія занятій и когда, такимъ образомъ, ткачъ пытался поселиться рядомъ съ земледѣльцемъ, — тогда, конечно, торговцы старались немедленно искоренить такія предосудительныя стремленія. Къ мятежному поселенію приставала сильная флотилія; съ кораблей сходили вооруженные люди; мѣстечко разорялось; часть его жителей погибала въ свалкѣ, а кто

оставался въ живыхъ и не успѣвалъ укрыться въ какую-нибудь трущобу, тотъ обращался въ товаръ и продавался въ рабство въ такомъ мѣстѣ, гдѣ за рабовъ давали хорошую цѣну. Послѣ такого разгрома, оставшіеся жители выползали изъ своихъ убѣжищъ и, конечно, принуждены были употреблять всѣ свои силы на добываніе пищи; о ремесленныхъ занятіяхъ нечего было и думать; людей оставалось слишкомъ мало, да и всѣ заведенія вмѣстѣ съ орудіями производства были истреблены разгнѣванными торговцами. Разумѣется, зависимость оставшихся жителей отъ сосѣднихъ воиновъ и торговцевъ становилась совершенно безотвѣтною и всякое стремленіе къ промышленной самостоятельности затихало на многіе десятки лѣтъ. Сила торговцевъ состояла преимущественно въ томъ, что въ ихъ рукахъ была монополія перевозочныхъ средствъ; они были владѣльцами кораблей и мореплавателями, они знали торговые пути, они умѣли обходить подводные камни и выбирать для своихъ путешествій благопріятное время года; если дѣло шло о сухопутной торговлѣ, то имъ были извѣстны свойства земель и нравы жителей, мимо которыхъ лежалъ путь ихъ каравановъ; они знали, какъ проходить черезъ песчаныя пустыни и гдѣ отыскивать въ нихъ оазисы и источники воды, они держали стада верблюдовъ, пріученныхъ ко всѣмъ тягостямъ походной жизни; и наконецъ, какъ сухопутные, такъ и морскіе торговцы знали въ совершенствѣ, въ какихъ краяхъ господствуетъ изобиліе или недостатокъ въ тѣхъ или другихъ произведеніяхъ, т. е., другими словами, на какомъ рынкѣ можно купить какой нибудь предметъ дешево, или продать его за дорогую цѣну. Всѣ эти знанія и преимущества оберегались торговцами самымъ ревностнымъ образомъ: торговые пути финикіянъ и карфагенянъ считались государственною тайною, и путешественники этихъ націй распространяли умышленно самыя нелѣпыя сказки о тѣхъ далекихъ земляхъ, которыя они посѣщали. Если у какого нибудь сосѣдняго племени заводились корабли, то купцы, видя въ нихъ будущихъ конкуррентовъ, при первой возможности захватывали ихъ въ плѣнъ или пускали ихъ ко дну; иногда тѣмъ и кончалось дѣло, а иногда обиженное племя затѣвало войну, послѣ которой побѣдители становились властителями моря и на нѣсколько времени избавлялись отъ всякаго соперничества. Съ воинами, не пускавшимися въ торговыя предпріятія, купцы жили въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; воины были самыми лучшими покупателями; они сбывали купцамъ захваченныхъ

плѣнниковъ и ту часть добычи, которая не была удобна для ихъ личнаго потребленія; тѣмъ же путемъ уходила значительная часть той дани, которую воины собирали натурою съ порабощенныхъ земледѣльцевъ и со всей трудящейся массы; купцы давали имъ въ замѣнъ предметы роскоши, привезенные изъ далекихъ земель; за эти предметы воины давали очень хорошія цѣны и находили такія покупки чрезвычайно выгодными, потому что продукты, которыми они расплачивались, были произведены работою простыхъ смертныхъ и не стоили самимъ героямъ ни малѣйшаго личнаго труда. Доброе согласіе между воинами и купцами всею своею тяжестью лежало на плечахъ трудящагося большинства; чѣмъ туже набивался кошелекъ торговца и чѣмъ чаще появлялись затѣйливыя кушанья на столѣ воина, или пестрыя ткани въ его одеждѣ, тѣмъ сильнѣе голодалъ земледѣлецъ, тѣмъ грубѣе становились его орудія и тѣмъ полнѣе дѣлалось его порабощеніе. Древняя исторія представляетъ много примѣровъ такихъ зачинавшихся цивилизацій, которыя сначала были пріостановлены войною и торговлею, а потомъ погибли безъ слѣда подъ грудою благодѣяній, насыпанныхъ на развитіе народа щедрыми руками купцовъ и героевъ. Война и торговля, какъ два главные вида присвоенія, возникаютъ чрезвычайно рано въ каждомъ образующемся обществѣ людей; исторія не можетъ прослѣдить ихъ происхожденія, потому что она вездѣ находитъ ихъ уже существующими; исторія каждаго народа начинается даже обыкновенно съ какихъ нибудь сказочныхъ преданій о военныхъ подвигахъ и о пріобрѣтеніи богатой добычи. Такъ какъ добыча эта навѣрное куда нибудь сбывалась и на что нибудь обмѣнивалась, то, очевидно, война и торговля относятся къ разряду такихъ фактовъ, которые, подобно языку, мифологіи и варварскимъ начаткамъ земледѣлія, зарождаются въ глухія времена неопредѣлимой древности. Война и торговля совершенно доступны дикарямъ, находящимся на очень низкой степени умственнаго развитія. Для войны требуется физическая сила, изъ которой естественнымъ образомъ развивается самонадѣянность и отвага; а для торговли необходима хитрость, т. е. умѣнье прикладывать мелкія средства къ достиженію мелкихъ цѣлей. Для войны не требуется никакихъ знаній, а при торговлѣ принимаются въ расчетъ только такія знанія, которыя легко усвоиваются дикаремъ и не нуждаются въ изслѣдованіи и въ анализирующемъ трудѣ мысли. Торговцу надо помнить дороги и подводные камни, надо примѣняться къ обычаямъ

иностранцевъ и знать по нѣскольку словъ изъ ихъ языковъ, надо соображать, куда везти купленный товаръ и что брать за него въ обмѣнъ. Всѣ эти свѣдѣнія, при ограниченномъ объемѣ торговыхъ операцій, пріобрѣтаются очень легко, путемъ простаго навыка, безъ содѣйствія тѣхъ сложныхъ процессовъ мысли, къ которымъ неспособенъ мозгъ первобытнаго человѣка.

IV.

Могущество торговца и его господства надъ первобытнымъ обществомъ основано преимущественно на томъ обстоятельствѣ, что онъ одинъ владѣетъ перевозочными средствами. Когда число людей увеличивается и населеніе становится гуще, тогда власти торговаго сословія наносится первый значительный ударъ: между деревнями, мѣстечками и городами проводятся дороги, которыя даютъ каждому изъ жителей возможность нести и везти свои продукты на различные рынки. Когда не было дорогъ, тогда каждый производитель поневолѣ принужденъ былъ продавать свои произведенія на мѣстѣ странствующему купцу, у котораго были лодки и корабли для рѣчной и морской перевозки, или верблюды, волы, ослы и мулы для перевозки черезъ горы, луговыя степи и песчаныя пустыни. Чѣмъ лучше становятся дороги, тѣмъ доступнѣе дѣлается перевозка каждому изъ производителей; шоссейныя дороги покрываются цѣлыми обозами сельскихъ продуктовъ, а когда шоссе, въ свою очередь, смѣняется желѣзною дорогою, тогда длинные ряды вагоновъ почти совершенно уничтожаютъ разстояніе между производителемъ и потребителемъ, такъ что купецъ, назначавшій въ былое время свои цѣны съ диктаторскимъ самовластіемъ, превращается теперь въ скромнаго комиссіонера, получающаго за свой трудъ опредѣленный процентъ. Во время владычества купца, при отсутствіи путей сообщенія, значительное количество человѣческаго труда тратилось на перемѣщеніе продуктовъ. Цѣлые легіоны разныхъ погонщиковъ и ямщиковъ проводили всю свою жизнь въ странствовании по горамъ и пустынямъ; къ этому же классу людей слѣдуетъ отнести лодочниковъ, бурлаковъ и матросовъ; всѣ они не производили ни одного зерна и пропитаніе ихъ

цѣликомъ ложилось на земледѣльцевъ. Всякое улучшеніе дорогъ клонится къ уменьшенію этой непроизводительной траты труда: на шоссе тройка лошадей можетъ свезти тотъ грузъ, который на простой дорогѣ свезутъ пять лошадей, слѣдовательно, какъ количество лошадей, такъ и количество людей, трудящихся при перевозкѣ, уменьшается почти на половину при переходѣ съ простой дороги на шоссе. Паровозы сгоняютъ съ дороги всѣхъ лошадей и почти всѣхъ людей; такъ точно поступаютъ рѣчные пароходы съ бурлаками, и морскіе пароходы съ матросами купеческихъ судовъ; въ экономіи оказывается огромная масса лошадинаго и человѣческаго труда, и эта экономія на первый разъ производитъ тягостный застой рабочей силы, потому что люди, привыкшіе къ извѣстному роду занятій, не знаютъ, куда пристроить себя; но застой этотъ не можетъ быть продолжителенъ, потому что никогда и нигдѣ еще земледѣліе не доходило до такой степени совершенства, при которой приложеніе новыхъ рабочихъ силъ къ землѣ было бы дѣломъ излишнимъ. Мы теперь даже не знаемъ, можетъ ли быть достигнуто такое положеніе; вѣроятнѣе то, что производительныя силы земли могутъ увеличиваться безгранично и что каждое новое приложеніе труда къ обработкѣ земли будетъ всегда вознаграждаться соотвѣтственнымъ приращеніемъ продукта. Если даже производительныя силы земли имѣютъ предѣлы, то предѣлы эти далеко не достигнуты и для насъ, съ ближайшимъ нашимъ потомствомъ, недостижимы; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, экономія труда по теоріи должна быть признана выгодною; если же мы видимъ иногда, въ исторіи и въ жизни, что устраненіе людей отъ производительныхъ занятій ведетъ за собою множество индивидуальныхъ страданій, то мы должны искать причины этихъ страданіи не въ развитіи путей сообщенія, а въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали этому развитію. Преобладаніе военнаго и торговаго элемента всегда и вездѣ мѣшаетъ разнообразію занятій, затрудняетъ сношенія и сближеніе между людьми, дѣлаетъ невозможнымъ прямой обмѣнъ продуктовъ и быстрое обращеніе мыслей и, такимъ образомъ, удерживаетъ массы на самомъ низкомъ уровнѣ промышленнаго и умственнаго развитія. Каждая отдѣльная личность въ этой массѣ порабощена, затерта произволомъ и задавлена тяжелымъ однообразіемъ неблагодарнаго труда. Такая личность не знаетъ ни своихъ силъ и способностей, ни тѣхъ отраслей дѣятельности, къ которымъ могутъ быть примѣнены эти способности.

Для такой личности каждая важная перемѣна, даже самая благодѣтельная, составляетъ истинное несчастіе, потому что застаетъ ее всегда въ расплохъ и всегда повергаетъ ее въ безвыходное недоумѣніе. Приложеніе рабочимъ силамъ всегда найдется, но чтобы искать необходима смѣтливость и предпріимчивось, а эти свойства несуществуютъ, потому что они систематически истреблялись всею совокупностью обстоятельствъ, развившихся изъ элемента присвоенія въ далекомъ историческомъ и доисторическомъ прошедшемъ. Само собою разумѣется, что эта совокупность неблагопріятныхъ обстоятельствъ не могла произойти отъ развитія путей сообщенія, которое, напротивъ того, составляетъ первый шагъ къ освобожденію человѣческой личности и къ возвышенію благосостоянія трудящихся массъ. Сначала пути сообщенія облегчаютъ перевозку, но потомъ они мало по малу избавляютъ производителя отъ необходимости перевозить продукты. Эта послѣдняя мысль можетъ показаться парадоксальною, но не трудно убѣдиться въ томъ, что она не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей натяжки. Всякое усовершенствованіе въ путяхъ сообщенія передаетъ, какъ мы видѣли, въ руки производителей часть барышей, достававшихся прежде посредникамъ, т. е. торговому классу. Когда купецъ становился богатымъ, то онъ употреблялъ свое богатство—или на расширеніе торговыхъ операцій, или на удовлетвореніе тѣмъ прихотямъ, которыя естественнымъ образомъ возникаютъ у обезпеченнаго человѣка. Въ первомъ случаѣ, господство купца надъ производителями, потребителями и мелкими торговцами становилось тѣмъ неотразимѣе, чѣмъ большее количество капитала пускалось въ обращеніе. Въ увеличеніи этого господства не было, конечно, ничего утѣшительнаго ни для цѣлаго общества, ни для трудящейся массы. Во второмъ случаѣ, купецъ тратилъ свое богатство въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ страны; черезъ это увеличивалась притягательная сила этихъ центровъ, которые и безъ того высасывали изъ провинцій лучшие соки ихъ продуктовъ; кромѣ того, такая трата богатства поощряла производства предметовъ роскоши, а это производство несовременно и вредно въ томъ обществѣ, въ которомъ большинство членовъ нуждаются въ самомъ необходимомъ. Положеніе дѣлъ совершено измѣняется, когда огромный барышъ купца раздѣляется между производителями такъ, что каждый изъ нихъ получаетъ небольшой излишекъ. Этотъ излишекъ тратится непремѣнно или на то, что необходимо для лич-

наго потребленія, или на улучшеніе орудій производства. У насъ есть въ обществѣ недовѣрчивые читатели, которые, считая себя практическими людьми, немедленно поразятъ мою аргументацію словами: «мужикъ пропьетъ! Чѣмъ больше получитъ, тѣмъ больше въ кабакѣ оставитъ!» Какъ ни сильно звучитъ въ этихъ словахъ практическая нота, тѣмъ не менѣе приходится признать возраженіе недовѣрчивыхъ читателей совершенно неосновательнымъ. И статистическія таблицы, и наблюденія всевозможныхъ путешественниковъ, и доклады разныхъ спеціальныхъ комиссій доказываютъ самымъ положительнымъ образомъ, что пьянство и всякое безобразіе развивается всего сильнѣе въ бѣдныхъ странахъ и въ бѣднѣйшихъ классахъ. Люди пьютъ съ голоду, что имѣетъ и физіологическое, и экономическое основаніе. Чарка водки дешевле хорошаго куска мяса, а между тѣмъ алкоголь уменьшаетъ количество выдыхаемой углекислоты и, замедляя такимъ образомъ перегараніе органическихъ тканей, даетъ работнику возможность поддерживать свои силы меньшимъ количествомъ пищи. Устраняя такимъ образомъ возраженіе отечественныхъ практиковъ, производящихъ свои глубокомысленныя наблюденія на пространствѣ десяти квадратныхъ верстъ, я повторяю, что излишекъ, достающійся производителямъ, будетъ истраченъ ими—или на пищу, платье и жилище, или на рабочіе инструменты. Въ томъ и въ другомъ случаѣ общество получаетъ прямую выгоду. Когда производитель сытъ, одѣтъ и живетъ въ сухомъ, тепломъ и свѣтломъ помѣщеніи, тогда онъ работаетъ больше, охотнѣе и успѣшнѣе. Здоровье его улучшается; средняя продолжительность жизни увеличивается, способность размноженія становится сильнѣе и общество растетъ и богатѣетъ; вмѣстѣ съ многолюдствомъ является разнообразіе занятій, развивающее предпріимчивость и изобрѣтательность; движеніе идей усиливается вмѣстѣ съ обмѣномъ продуктовъ, и общество во всѣхъ своихъ слояхъ съ каждымъ годомъ становится богаче, дѣятельнѣе и счастливѣе. Тоже самое происходитъ въ томъ случаѣ, когда производитель затрачиваетъ свой излишекъ на улучшеніе орудій, потому что за улучшеніемъ орудій, конечно, слѣдуетъ приращеніе продукта, которое видитъ за собою новое улучшеніе, и, такимъ образомъ, подаетъ сигналъ къ постоянно ускоряющемуся движенію впередъ. Движеніе это совершается тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше труда и времени тратится на перевозку, а я сказалъ уже выше, что улучшеніе путей сообщенія не только облегчаетъ перевозку,

но даже постепенно устраняетъ ея необходимость. Вотъ какъ это дѣлается: когда производители увеличиваютъ количество своихъ закупокъ и заказовъ, то такое увеличеніе очень скоро замѣчается фабрикантами и ремесленниками; производителей такъ много, что если каждый изъ нихъ прибавитъ только по пяти копѣекъ къ своимъ ежемѣсячнымъ расходамъ, то эта прибавка составитъ уже замѣтный расчетъ для ихъ поставщиковъ. Поставщикъ, постоянно получающій много заказовъ изъ одного мѣста, постарается, конечно, приблизиться къ этому мѣсту, расчитывая совершенно основательно, что заказовъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше будутъ препятствія, заключающіяся въ разстояніи и въ перевозкѣ. Когда къ кузнецу, живущему въ городѣ, постоянно приводятъ для ковки по десяти лошадей въ день изъ большаго села, лежащаго верстъ за пятнадцать отъ городской заставы, то кузнецъ можетъ совершенно основательно предположить, что въ этомъ селѣ куютъ лошадей только тѣ мужики, у которыхъ есть надобность побывать въ городѣ; кто победнѣе, кто бережетъ каждый часъ времени, тотъ оставитъ свою лошадь некованною, а между тѣмъ и этотъ мужикъ подковалъ бы свою лошадь, если бы кузнецъ жилъ въ селѣ; далѣе кузнецъ соображаетъ, что у него въ городѣ много конкуррентовъ и что городской работы на всѣхъ не хватаетъ, тогда онъ переселяется на лоно сельской природы, къ великому удовольствію мужиковъ и къ великой пользѣ всѣхъ лошадиныхъ ногъ. Такъ точно разсуждаетъ и поступаетъ плотникъ, котораго часто требуютъ съ топоромъ въ село для сооруженія избъ, амбаровъ, скотныхъ дворовъ и всякихъ другихъ хозяйственныхъ построекъ. Пока мужики ходили въ лаптяхъ, сапожнику нечего было дѣлать въ селѣ, и тѣ богатые крестьяне, которые могли позволять себѣ эту роскошь, принуждены были покупать сапоги въ городѣ; когда выгодный сбытъ сельскихъ продуктовъ помимо благодѣтельныхъ купцовъ далъ возможность всѣмъ мужикамъ обуваться по человѣчески, тогда въ селѣ появился свой сапожникъ. Чѣмъ богаче становятся крестьяне, тѣмъ больше заводится въ ихъ селѣ ремесленныхъ и торговыхъ заведеній; образуется мѣстный центръ, удовлетворяющій всѣмъ потребностямъ мѣстныхъ жителей; крестьянинъ кормитъ ремесленника и сбываетъ такимъ образомъ свой хлѣбъ, а ремесленникъ одѣваетъ и обуваетъ крестьянина и сбываетъ такимъ образомъ свой трудъ. Сырые продукты, получающіеся на мѣстѣ, тутъ же, на мѣстѣ, переработываются, потребляются и возвраща-

ются землѣ въ видѣ разнообразнаго удобренія. Крестьянину не зачѣмъ ѣхать въ городъ, ни для продажи, ни для покупки, стало быть его производство увеличивается всѣмъ тѣмъ количествомъ труда и времени, которое прежде тратилось на разъѣзды. Но, если мы припомнимъ первоначальную причину этого сбереженія, то мы увидимъ, что она заключается въ томъ улучшеніи путей сообщенія, которое избавило крестьянина отъ тиранической власти купца, и увеличило заработокъ перваго, уменьшивъ хищные барыши послѣдняго.

V.

Пути сообщенія приносятъ обществу значительнѣйшую долю пользы въ томъ случаѣ, когда они содѣйствуютъ образованію и развитію мелкихъ мѣстныхъ центровъ; эти мѣстные центры противодѣйствуютъ притягательной силѣ большихъ центровъ и распространяютъ во всей странѣ то разнообразіе занятій, которое прежде сосредоточивалось исключительно въ главныхъ городахъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, пути сообщенія должны быть пролагаемы и улучшаемы именно такъ, и именно тамъ, гдѣ и какъ того требуютъ выгоды производителей и потребителей. Надобно, чтобы производитель прямо съ своего поля или гумна могъ везти хлѣбъ на ближайшій рынокъ по такой дорогѣ, на которой, по крайней мѣрѣ, не вязли бы по ступицу колеса телѣги и не надрывались бы животы лошадей; необходимо, слѣдовательно, чтобы пути сообщенія устроивались и улучшались прежде всего между отдѣльными деревнями, и между деревнею и ближайшимъ городомъ; необходимо, чтобы облегчалась та часть перевозки, которая падаетъ прямо на одного производителя. Большая часть экономистовъ разсуждаютъ иначе; они очень мало заботятся о движеніи продуктовъ и о разнообразіи занятій въ самомъ обществѣ; все вниманіе ихъ устремлено на торговлю общества съ другими обществами; сравнительное богатство различныхъ государствъ опредѣляется, по ихъ мнѣнію, тѣми количествами продуктовъ, которые вывозятся за границу, или ввозятся изъ за границы; чѣмъ сильнѣе вывозъ перевѣшиваетъ ввозъ, тѣмъ ра-

достнѣе бьются патріотическія сердца экономистовъ. Разсуждая такимъ образомъ, и питая самую нѣжную привязанность къ барышамъ купца, эти мыслители заботятся исключительно о такихъ путяхъ сообщенія, которые связываютъ между собою большіе центры, или о такихъ, которые соединяютъ большой центръ съ приморскимъ пунктомъ, отпускающимъ продуктъ за границу. Эти пути приносятъ самую существенную выгоду торговцамъ и не доставляютъ никакой выгоды производителямъ; продуктъ, свезенный въ одинъ изъ центровъ, сосредоточился уже въ рукахъ купцовъ, слѣдовательно, перевозка этого продукта въ другой центръ или въ приморскій пунктъ составляетъ заботу торговцевъ, и облегченіе этой перевозки ведетъ за собою только увеличеніе купеческихъ барышей и расширеніе торговыхъ операцій. Въ это самое время производители, которымъ приходится возить продуктъ изъ своихъ деревень въ ближайшіе города, за пятьдесятъ или шестьдесятъ верстъ, по прежнему калѣчатъ своихъ лошадей и ломаютъ свои телѣги, такъ что тяжелая часть перевозки по прежнему лежитъ на производителяхъ, между тѣмъ какъ она снята съ торговцевъ. Но, конечно, экономисты, принадлежащіе, по видимому, къ той школѣ эстетиковъ, которая признавала только высокое и прекрасное, не снисходятъ до разсмотрѣнія низкихъ предметовъ сѣрой производительской жизни. Статистика не отмѣчаетъ числа испорченныхъ мужицкихъ лошадей и поломанныхъ колесъ, и поэтому экономисты соболѣзнуютъ только о тѣхъ возвышенныхъ трудностяхъ, съ которыми приходится бороться купеческимъ капиталамъ, обращеннымъ на заграничную торговлю, а между тѣмъ, не дурно было бы помнить, что благосостояніе всего общества зависитъ гораздо больше отъ числа сытныхъ людей и здоровыхъ лошадей, работающихъ въ полѣ, чѣмъ отъ числа рублей, долларовъ или фунтовъ стерлинговъ, составляющихъ годовой барышъ того или другаго первокласснаго негоціанта. Поэтому экономистамъ и всѣмъ другимъ людямъ, болѣющимъ душою объ общественномъ благѣ, вовсе не мѣшало бы, отъ времени до времени, переносить свое просвѣщенное вниманіе съ великихъ и прекрасныхъ линій желѣзныхъ дорогъ на низкіе и пошлые предметы, называющіеся въ просторѣчіи грязными проселками. Въ нихъ-то именно и заключается вся сила путей сообщенія, та сила, по крайней мѣрѣ, которая можетъ накормить и одѣть мужика, научить его уму-разуму и сдѣлать его зажиточнымъ и полезнымъ человѣкомъ.

Дороги, рѣки и каналы страны могутъ быть названы кровеносными сосудами, въ которыхъ обращаются питательные соки общественнаго организма; всѣ люди, правильно понимающіе дѣйствительные интересы общества, должны желать, чтобы эти питательные соки обращались какъ можно равномѣрнѣе и быстрѣе, чтобы они не застаивались ни въ какомъ мѣстѣ кровеносной системы, чтобы нигдѣ не происходило приливовъ и чтобы ни одна часть страны не страдала малокровіемъ. Любители общественнаго блага, заграничной торговли и купеческихъ барышей находятъ, напротивъ того, что о быстротѣ и равномѣрности внутренняго обращенія заботиться не стоитъ. Они полагаютъ, что счастье страны будетъ совершенно обезпечено, если окажется возможность вскрыть одну изъ большихъ артерій, и, затѣмъ, постоянно отсылать за море бочки вытекающей крови. Чѣмъ больше можно будетъ отослать этой крови и чѣмъ быстрѣе она будетъ притягиваться къ ранѣ и вытекать наружу, тѣмъ богаче и могущественнѣе будетъ становиться весь организмъ общества. Это сравненіе употреблено здѣсь вовсе не для красоты слога. Не трудно будетъ доказать, что оно буквально вѣрно. Панегиристы заграничной торговли совѣтуютъ тѣмъ странамъ, въ которыхъ мало развита мануфактурная дѣятельность, вывозить сырые продукты и обмѣнивать ихъ на иностранныя сукна, шелковыя и бумажныя матеріи, стальныя орудія и всякія другія фабричныя произведенія. Такъ дѣлается теперь во многихъ странахъ, но панегиристы доказываютъ, что такъ и всегда должно дѣлаться, потому что нѣкоторыя государства должны быть чисто земледѣльческими, а другія промышленными; затѣмъ дѣло считается рѣшеннымъ въ теоріи, и всѣ усилія направляются къ тому, чтобы на практикѣ усилить вывозъ сырыхъ произведеній изъ тѣхъ странъ, которымъ велѣно быть чисто земледѣльческими. Но тутъ представляется маленькое затрудненіе. Земля родитъ хорошо въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а потомъ становится скупою, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, такъ что даже оставленіе земли подъ паромъ не поправляетъ дѣла. Тогда истощенный участокъ покидается и вмѣсто него разработывается полоса новой земли; это разработываніе сопряжено съ значительными трудностями и только на ограниченный промежутокъ времени поправляетъ положеніе земледѣльца, потому что новая земля также истощается и начинаетъ отказывать въ урожаяхъ. Снова является необходимость распахивать новь, и такъ продолжается до

тѣхъ поръ, пока не окажется, что вся земля выпахана и истощена. А потомъ? Потомъ человѣку приходится бѣжать куда нибудь вдаль, искать опять новыхъ земель, какъ бѣгутъ американскіе земледѣльцы на западъ съ такихъ земель, которыя только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ были заселены. Но вѣдь и западъ не безконеченъ; придется когда нибудь добѣжать до Великаго Океана и поворотить назадъ, на опустошенную глушь, поросшую бурьяномъ и сорными травами. Вывозить сырой продуктъ все равно, что срѣзывать верхніе слои земли и отправлять ихъ за море; срѣзавши нѣсколько слоевъ, человѣкъ находитъ, что больше нечего рѣзать, потому что онъ дошелъ уже до того грунта, который не даетъ ему пищи, и слѣдовательно, для продажи за границу также не годится. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что такой образъ дѣйствій въ народномъ хозяйствѣ совершенно соотвѣтствуетъ вытягиванію крови изъ животнаго организма. Всякому деревенскому свинопасу извѣстно, что земля родитъ хлѣбъ хорошо тогда, когда ее удобряютъ; а удобреніе есть тотъ же сырой продуктъ, прошедшій черезъ желудки людей и животныхъ и возвращающійся въ землю. Если продуктъ отправить за границу, то съ удобреніемъ приходится проститься. Тѣ хозяева, которые держатъ скотъ для удобренія и въ тоже время отправляютъ цѣлые обозы зерноваго хлѣба на далекіе рынки, утѣшаютъ себя сладкими, но обманчивыми мечтами. Земля ихъ медленно истощается. Чтобы сохранять и увеличивать свою производительную силу, земля должна получать обратно, въ видѣ удобренія, весь сырой продуктъ, снятый съ нея при уборкѣ хлѣба. Если мы будемъ давать ей только часть этого продукта, то она будетъ становиться бѣднѣе, хотя, конечно, не такъ быстро, какъ въ томъ случаѣ, когда бы мы не возвращали ей ничего. Цвѣтущее земледѣліе существуетъ только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ весь сырой продуктъ переработывается и съѣдается на мѣстѣ, а это возможно только въ тѣхъ частяхъ земли, въ которыхъ разнообразіе занятій и развитіе промышленности позволяетъ людямъ сдвигаться въ тѣсныя группы и устроивать множество мелкихъ центровъ. Земледѣліе идетъ хорошо въ Англіи, еще лучше въ Бельгіи и въ Сѣверной Германіи, то есть, именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ всего сильнѣе развита мануфактурная дѣятельность. Земледѣліе идетъ плохо въ Россіи, въ Турціи, въ южныхъ штатахъ Америки, то есть, именно въ тѣхъ странахъ, которыя обречены учеными людьми на исключительно земледѣльческую роль. Изъ

этого слѣдуетъ заключенiе, что чисто земледѣльческая страна, съ успѣхомъ занимающаяся земледѣлiемъ, есть чистѣйшiй миѳъ. Созданiе этого миѳа, стоящаго рядомъ съ законами Мальтуса и Рикардо, дѣлаетъ величайшую честь блестящей фантазiи ученыхъ изобрѣтателей, но къ явленiямъ и фактамъ дѣйствительности этотъ миѳъ относится точно такъ же, какъ относятся къ нимъ Оберонъ и Титанiя. Въ дѣйствительности есть земли, производящiя въ изобилiи хлѣбъ и ткани, сырые продукты и фабричныя издѣлiя, и есть другiя земли, которыя не производятъ ничего, кромѣ сырья, но за то и сырья производятъ мало. На этихъ послѣднихъ земляхъ вовсе не лежитъ какая нибудь печать отверженiя; онѣ могутъ также завести у себя мануфактуры, оживить свое населенiе разнообразiемъ занятiй и устроить множество мелкихъ центровъ производства и потребленiя. Когда онѣ сдѣлаютъ это, тогда и сырье будетъ рождаться у нихъ въ большемъ количествѣ, а пока они будутъ слушать мудрыхъ экономистовъ и гнаться только за усиленiемъ вывоза, до тѣхъ поръ имъ придется только дивиться тому, какъ это чисто земледѣльческая страна не можетъ завести у себя порядочнаго земледѣлiя; чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе будетъ упорство въ этомъ направленiи, тѣмъ полнѣе будетъ истощенiе земли и тѣмъ ужаснѣе будутъ нищета, невѣжество и порабощенiе жителей. Изъ всего, что было говорено выше, слѣдуетъ, что пути сообщенiя полезны тогда, когда пробуждаютъ мѣстную жизнь и содѣйствуютъ образованiю мелкихъ центровъ. Но путями сообщенiя можетъ овладѣть торговый элементъ, или какая нибудь другая сила, развивающаяся изъ того же общаго начала присвоенiя,—и тогда пути сообщенiя, проложенные не тамъ гдѣ слѣдуетъ, могутъ только ускорить движенiе общества къ истощенiю земли, къ подавленiю всякой внутренней промышленности и къ порабощенiю жителей, обреченныхъ на вѣчное однообразiе труда и на безвыходную зависимость отъ наглаго произвола торговцевъ и отъ безпрерывныхъ колебанiй цѣнъ на далекихъ рынкахъ.

VI.

Чтобы передвигать или перевозить съ мѣста на мѣсто сырой матерiалъ, человѣку надо знать только величину и вѣсъ его, то есть,

такія свойства, которыя опредѣляются простымъ свидѣтельствомъ чувствъ. Чтобы производить въ этомъ матеріалѣ механическія или химическія измѣненія, необходимо имѣть болѣе подробныя и спеціальныя свѣдѣнія о свойствахъ матеріи. Поэтому, умѣнье перерабатывать сырой матеріалъ развивается въ человѣческихъ обществахъ уже тогда, когда существуютъ перевозочныя средства и пути сообщенія. Въ самомъ грубомъ бытѣ дикарей проявляется уже способность измѣнять форму матеріи, но эти зародыши ремесленной дѣятельности относятся къ высшимъ видамъ развитой промышленности точно такъ же, какъ начатки варварскаго земледѣлія относятся къ подвигамъ научной агрономіи. Дикарь умѣетъ добыть себѣ огня треніемъ двухъ кусковъ дерева; онъ умѣетъ изжарить кусокъ мяса или сварить пойманную рыбу; онъ умѣетъ превратить палку въ лукъ и заострить оконечность твердаго кремня; но всѣ эти операціи скользятъ по поверхности матеріи, производятъ въ ней незначительныя измѣненія и доставляютъ дикарю очень ограниченную власть надъ окружающею природою. Дикарь убиваетъ звѣря тяжелымъ камнемъ, но онъ не знаетъ, что въ этомъ самомъ камнѣ заключается желѣзная руда, и что изъ этой руды можно сдѣлать топоръ, которымъ очень удобно можно будетъ убивать звѣрей и рубить деревья. Поваливши звѣря, дикарь сдираетъ съ него шкуру и набрасываетъ ее себѣ на плеча, но онъ опять таки не знаетъ, что шерсть, покрывающая шкуру, можетъ быть переработана въ такую матерію, которая гораздо удобнѣе самой шкуры можетъ служить одеждою. Кромѣ того, дикарь не знаетъ, что шкуру можно выдѣлать и превратить въ кожу, которая доставитъ очень удобную обувь. Такимъ образомъ, звѣриная шкура, способная дать дикарю суконный плащъ и сапоги, даетъ ему только какую-то неуклюжую и неудобную накидку. Силы природы остаются подъ спудомъ, потому что у дикаря нѣтъ тѣхъ свѣдѣній о свойствахъ матеріи, которыя необходимы для того, чтобы вызвать эти силы къ цѣлесообразной дѣятельности. Тѣ немногія и незначительныя измѣненія, которымъ дикарь умѣетъ подвергать сырой матеріалъ, требуютъ отъ дикаря большихъ усилій и даютъ ему ничтожные результаты; много времени и труда уходитъ на перемѣщеніе матеріи и также много на перемѣны формы, такъ что на самое важное дѣло человѣка, на обработываніе и улучшеніе земли, единственнаго источника всякаго богатства, дикарь можетъ употреблять очень мало времени и физи-

ческихъ усилій. Улучшеніе перевозочныхъ средствъ уменьшаетъ трудности передвиженія, а улучшеніе механическихъ и химическихъ процессовъ производства точно также уменьшаетъ трудности превращенія. Вся масса сберегаемой силы должна тогда обращаться на землю, и это увеличеніе въ средствахъ обработки должно вести за собою соотвѣтствующее приращеніе въ количествѣ сыраго продукта. На мельницѣ вода, вѣтеръ или паръ превращаютъ зерно въ муку и выполняютъ такимъ образомъ ту работу, которую прежде должны были совершать тысячи человѣческихъ рукъ или сотни лошадиныхъ силъ; въ это время освобожденные люди и лошади могутъ прилагать свой трудъ болѣе производительнымъ образомъ, увеличивая количество того зерна, которое должно быть превращаемо въ муку. Приложеніе паровой силы къ прядильной машинѣ и къ усовершенствованному ткацкому станку даетъ возможность шести женщинамъ превращать въ ткань такое количество шерсти, которое, сто лѣтъ тому назадъ, въ тотъ же промежутокъ времени, требовало для своей переработки — усиленнаго труда нѣсколькихъ сотъ мужчинъ; эти освободившіеся работники могутъ посвятить свои силы тщательному уходу за скотомъ, могутъ улучшить породу овецъ обильнымъ и отборнымъ кормомъ и могутъ, такимъ образомъ, значительно увеличить то количество шерсти, которое должно быть превращаемо въ ткань. Усовершенствованіе механическихъ и химическихъ процессовъ, сберегающее ту рабочую силу, которая должна была употребляться на переработку матеріала, ведетъ за собою, кромѣ того, сбереженіе въ той массѣ силъ, которая тратилась на перемѣщеніе. Положимъ, что страна производитъ хлѣбъ и желѣзную руду; если она будетъ отправлять за границу то и другое, то на перевозку этого сырья потребуется много повозокъ, вагоновъ или кораблей, потому что хлѣбъ и руда занимаютъ много мѣста и представляютъ, сравнительно съ своею цѣнностью, очень громоздкій и тяжелый грузъ. Но если хлѣбомъ кормить дома работниковъ, которые будутъ превращать руду въ полосное или листовое желѣзо, то этотъ новый продуктъ можетъ быть отправленъ на меньшемъ количествѣ повозокъ, между тѣмъ какъ цѣнность его будетъ соотвѣтствовать цѣнности руды, сложенной съ цѣнностью съѣденнаго хлѣба. Если листовое и полосное желѣзо будетъ превращено внутри страны въ стальные ножи, то цѣнность этихъ ножей будетъ также соотвѣтствовать цѣнности употребленнаго желѣза, сложенной съ цѣнностью того хлѣба, который съѣдятъ но-

вые работники, а для перевозки ножей потребуется еще меньше повозокъ, чѣмъ сколько требовалось для перевозки листоваго и полоснаго желѣза. Если мы подумаемъ теперь, сколько повозокъ надо было бы употребить для вывоза желѣзной руды и всего хлѣба, съѣденнаго всѣми различными работниками и если мы сравнимъ это количество съ тѣмъ, которое потребуется для вывоза ножей, сдѣланныхъ изъ той же массы руды, то мы увидимъ, что первое количество по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ больше втораго. Это докажетъ намъ, что всякая переработка сыраго продукта на мѣстѣ сберегаетъ огромную массу силъ, которыя иначе пришлось бы издержать на перевозку. Руда и хлѣбъ комбинируются между собою и сжимаются въ форму ножей, которые можно везти на край свѣта. Точно также шерсть и хлѣбъ сжимаются въ форму сукна, хлопокъ и хлѣбъ въ форму кисеи, ленъ и хлѣбъ въ форму полотна или кружева, и при всѣхъ этихъ операціяхъ постоянно сберегается значительное количество перевозочной силы; а такъ какъ всякая трата труда на перевозку сама по себѣ непроизводительна, то всякое сбереженіе въ этомъ дѣлѣ приноситъ обществу чистую выгоду. Эти соображенія составляютъ также довольно увѣсистый аргументъ противъ мечтателей, превозносящихъ вывозъ сырья и прелести исключительнаго земледѣлія. Въ Великобританіи всѣ паровыя машины, вмѣстѣ взятыя, замѣняютъ собою ручной трудъ шести сотъ милліоновъ людей и большая часть этихъ машинъ употребляется на сжиманіе хлѣба и шерсти въ сукно, хлѣба и хлопка въ разныя ткани, хлѣба, угля и руды въ стальныя орудія; можно себѣ представить, сколько человѣческой силы сберегается для земледѣлія и для изученія свойствъ природы; если далеко не вся масса сбереженной силы употребляется производительно, то въ этомъ виноваты уродливыя условія англійскаго землевладѣнія и распредѣленія имуществъ, то есть, такія обстоятельства, которыя завѣщаны настоящей эпохѣ тѣми мрачными временами, когда элементъ присвоенія не встрѣчалъ себѣ никакой задерживающей плотины.

VII.

Тѣмъ сильнѣе развивается въ какомъ нибудь обществѣ способность переработывать сырой матеріалъ на мѣстѣ, тѣмъ большее количество даровъ природы находитъ себѣ полезное употребленіе.

Одинокій поселенецъ всегда бѣденъ и, кромѣ того, по необходимости расточителенъ. Чтобы расчистить себѣ нѣсколько акровъ или десятинъ земли, онъ часто сжигаетъ сотни деревьевъ; этотъ обычай до сихъ поръ существуетъ въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ и въ американскихъ поселеніяхъ на далекомъ западѣ; зола сожженныхъ деревьевъ идетъ на удобреніе земли, между тѣмъ какъ въ заселенной и промышленной землѣ всѣ составныя части дерева нашли бы себѣ полезное приложеніе; стволъ превратился бы въ доски, кора пошла бы на дубленіе кожи и даже тонкія вѣтки нашли бы себѣ душеспасительное педагогическое примѣненіе. Въ бѣдномъ поселеніи изношенныя тряпки выбрасываются, а въ промышленномъ городѣ онѣ идутъ на выдѣлку бумаги; гвозди, выскакивающіе на улицахъ изъ подковъ лошадей, превращаются въ ружейные стволы; мѣдные опилки употребляются на приготовленіе краски, обрѣзки кожи на производство клея; кости мертвыхъ животныхъ на очистку сахара, изъ уличныхъ нечистотъ добывается аммоніакъ, составляющій одну изъ составныхъ частей нашатырнаго спирта. Словомъ, въ большихъ и промышленныхъ городахъ не теряется почти ни одна частица матеріи; здѣсь дѣятельность и изобрѣтательность людей повторяетъ въ меньшихъ размѣрахъ то вѣчное круговращеніе вещества, которое составляетъ собою жизнь природы. Разнообразіе занятій даетъ возможность каждому отдѣльному человѣку проявить свои индивидуальныя способности въ соотвѣтствующей имъ формѣ дѣятельности, и это же самое разнообразіе занятій позволяетъ од ой отрасли промышленности извлекать пользу изъ тѣхъ, по видимому, негодныхъ остатковъ и обрѣзковъ, которые выбрасываются ремесленниками другой отрасли. Такимъ образомъ, сильно развитое умѣнье производить механическія и химическія измѣненія въ формѣ вещества распредѣляетъ самымъ выгоднымъ образомъ какъ человѣческія силы, такъ и частицы сыраго матеріала. Тѣ земли, въ которыхъ мануфактурная промышленность доведена до высокой степени совершенства, несутъ, конечно, свою долю страданій, произведенныхъ элементомъ присвоенія, но положеніе этихъ земель, по всей справедливости, можетъ быть названо счастливымъ, если мы сравнимъ его съ участью тѣхъ странъ, въ которыхъ свирѣпствуетъ исключительное земледѣліе. Какъ ни тяжела жизнь англійскаго или бельгійскаго пролетарія, она все таки показалась бы легкою негру, работающему на сахарныхъ плантаціяхъ Ямайки, или разводящему хлопокъ въ

Каролинѣ. Въ чисто земледѣльческихъ южныхъ штатахъ силы человѣка тратятся самымъ нерасчетливымъ образомъ и рабство держится въ нихъ именно потому, что отсутствіе разнообразія въ занятіяхъ лишаетъ работника всякой возможности примѣнять къ производству силы своего мозга. Человѣкъ дѣлаетъ то, что могъ бы дѣлать волъ, но такъ какъ самый глупый человѣкъ умнѣе самаго умнаго вола, и такъ какъ самый сильный человѣкъ слабѣе самаго слабаго вола, то, очевидно, замѣнять рабочій скотъ людьми чрезвычайно невыгодно, потому что значительнѣйшая доля человѣческой силы (мозгъ) остается незанятою и теряется даромъ, между тѣмъ какъ призывается къ дѣятельности та часть человѣческаго организма (мускулы), которая въ человѣкѣ слабѣе, чѣмъ въ каждомъ изъ вьючныхъ животныхъ. Плантаторъ, распоряжающійся такимъ образомъ съ своими неграми, похожъ на охотника, который лягавую собаку пустилъ бы въ погоню за зайцемъ, а борзую заставилъ бы отъискивать дичь. Было бы не основательно думать, что плантаторы чувствуютъ особенную нѣжность къ рабству и къ такой методѣ земледѣлія, которая истощаетъ почву; они сами попали въ заколдованный кругъ; тираническое господство англійской торговли поддерживало у нихъ исключительное земледѣліе; исключительное земледѣліе, какъ и всякое однообразіе занятій, мѣшало ассоціаціи человѣческихъ силъ и тѣсному группированію населенія; разбросанность населенія не позволяла людямъ побѣждать тѣ препятствія, которыя встрѣчаютъ земледѣльца на богатой почвѣ долинъ и рѣчныхъ береговъ; необходимость ограничиваться обработкою тощей земли холмовъ поддерживала бѣдность; бѣдность мѣшала усовершенствованію орудій; плохія орудія укрѣпляли рутину земледѣльческихъ пріемовъ; рутинные пріемы вели къ отупѣнію работника; тупой работникъ могъ очень легко быть замѣненъ рабомъ; а когда рабство пустило свои корни, тогда потерялась всякая возможность освободиться отъ торговаго ига Англіи и завести свои мануфактуры. Вызванное къ жизни бѣдностью и рутиною, рабство, въ свою очередь, сдѣлалось самымъ твердымъ оплотомъ рутины и бѣдности; заколдованный кругъ оказался, такимъ образомъ, замкнутымъ, и онъ можетъ быть разбитъ только такимъ событіемъ, которое, какъ теперешняя американская война, не зависитъ ни отъ плантаторовъ, ни отъ ихъ негровъ, ни отъ торговыхъ оптиматовъ Англіи. Гдѣ нерасчетливо тратится высшій видъ матеріи, заключающійся въ человѣческихъ силахъ, тамъ

тратится также нерасчетливо низшій видъ матеріи, состоящій въ разнообразныхъ сырыхъ продуктахъ почвы. Во всѣхъ исключительно земледѣльческихъ странахъ природа каждый годъ формируетъ и каждый годъ разрушаетъ огромное количество такого матеріала, который, при надлежащей обработкѣ, могъ бы доставить человѣку множество разнородныхъ удобствъ жизни. Въ южныхъ штатахъ, стебли хлопчатника сжигаются на плантаціяхъ, между тѣмъ какъ въ нихъ заключаются превосходныя волокна, изъ которыхъ можно было бы сработать отличныя ткани. Сѣмена этого растенія могли бы дать большое количество масла, но объ немъ никто не заботится. Бананы, кромѣ плодовъ, могутъ давать, съ каждаго акра, отъ девяти до двѣнадцати тысячъ фунтовъ волокна, которое годится на всякое производство, начиная отъ выдѣлки канатовъ и кончая фабрикаціею тончайшей кисеи; и никто этимъ не пользуется въ такой странѣ, въ которой рабочій классъ ходитъ почти въ первобытной наготѣ. Почва плантацій истощается до послѣднихъ предѣловъ тупымъ упорствомъ распорядителей, добывающихъ постоянно одинъ и тотъ же продуктъ, хлопокъ, или сахарный тростникъ, или рисъ, или кофе; а въ это самое время оставляются безъ всякаго вниманія сотни деревьевъ, кустарниковъ и травъ, которые природа производитъ даромъ и которые даютъ или волокна, годныя для пряжи, или превосходныя красильныя вещества. Рутина ничего не видитъ и портитъ все, что попадается ей въ руки; а рутина совершенно неизбѣжна въ чисто земледѣльческихъ странахъ, потому что предпріимчивость вызывается только разнообразіемъ занятій.

Развитіе механическихъ и химическихъ процессовъ, превращающихъ сырой матеріалъ въ предметъ, годный для потребленія, или въ орудіе, облегчающее дальнѣйшее производство, составляетъ для общества важнѣйшій шагъ впередъ, къ богатству, къ свободѣ и къ мирному наслажденію разумною трудовою жизнью. Человѣческая личность развилась всего роскошнѣе и выбилась изъ подъ средневѣковаго гнета феодаловъ всего полнѣе именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ развернулась разнообразная ремесленная дѣятельность. Эпоха освобожденія и возвышенія человѣческаго достоинства совпадаетъ вездѣ съ эпохою пробужденія технической изобрѣтательности и предпріимчивости. Человѣкъ, начинающій чувствовать себя властелиномъ природы, не можетъ оставаться рабомъ другаго человѣка. Но элементъ присвоенія, стѣснившій торговлю и извращающій въ

свою пользу пути сообщенія, не можетъ и въ этомъ случаѣ оставаться въ бездѣйствіи. Когда сдѣлано какое нибудь открытіе, то близорукіе люди стараются прежде всего не о томъ, чтобы обратить это открытіе инертнаго сопротивленія противъ природы, а о томъ, чтобы сдѣлать изъ него оружіе противъ тѣхъ людей, которымъ оно неизвѣстно или недоступно. Положимъ, что въ одной землѣ открыта возможность прилагать силу пара къ производству тканей; эта земля родитъ ленъ; сдѣланное открытіе дастъ средства производить огромное количество полотна, употребляя на эту работу малое количество труда; стало быть, трудъ сберегается и можетъ быть приложенъ къ дальнѣйшему усовершенствованію въ разведеніи льна. Кромѣ того, жители страны становятся богаче, потому что каждый изъ нихъ, вмѣсто одной рубашки, можетъ пріобрѣсти себѣ дюжину. Такъ должно быть, но бываетъ совсѣмъ не такъ. Люди, разжившіеся торговлею, тотчасъ заводятъ себѣ новыя машины, а тѣ люди, которые не могутъ завести машинъ, принуждены покупать полотно почти по той цѣнѣ, по которой оно продавалось до изобрѣтенія и примѣненія паровыхъ двигателей. Прежде, въ странѣ было множество ткачей, работавшихъ на ручныхъ станкахъ, въ свою собственную пользу; теперь обладатели машинъ совершенно отбиваютъ у нихъ работу; они, обладатели машинъ, понижаютъ цѣну полотна какъ разъ на столько, на сколько нужно, чтобы убить мелкую промышленность, но совсѣмъ не на столько, на сколько они, безъ убытка себѣ, могли бы понизить цѣну вслѣдствіе облегченій, произведенныхъ новымъ открытіемъ.

Такимъ образомъ, роковой ударъ, нанесенный мелкимъ производителямъ, вовсе не уравновѣшивается тою ничтожною пользою, которую получаютъ потребители. Вся выгода валится въ карманъ посредника, стоящаго между производителемъ, т. е. поденщикомъ. работающимъ на фабрикѣ, и потребителемъ, т. е. человѣкомъ, покупающимъ полотно. Если бы человѣческій трудъ въ данной странѣ распредѣлялся бы по различнымъ отраслямъ производства совершенно расчетливо, такъ чтобы не терялись ни время, ни способности работниковъ, тогда, конечно. ткачи, принужденные оставить свои ручные станки, могли бы тотчасъ приняться за земледѣліе, и обогатить страну приращеніемъ сыраго продукта. Но въ дѣйствительности бываетъ сплошь и рядомъ такъ, что одни работники голодаютъ отъ недостатка работы, между тѣмъ какъ нѣсколько дру-

гихъ отраслей промышленности, въ той же странѣ, могли бы много выиграть, если бы привлекли къ себѣ большее количество рабочихъ рукъ. Ланкаширскіе работники сидятъ безъ дѣла, вслѣдствіе недостатка хлопка, и терпятъ крайнюю степень нужды, а между тѣмъ земля Англіи все еще далеко не такъ хорошо обработана, какъ того требуетъ современное положеніе агрономической науки. А происходитъ такая неурядица отъ того, что и мануфактуристъ, и землевладѣлецъ стараются извлечь свои барыши и ренты не изъ природы, а изъ тощихъ кошельковъ потребителей и изъ того куска хлѣба, который они бросаютъ производителю. Объ увеличеніи количества и объ улучшеніи качества продукта заботятся очень немногіе капиталисты, а возвысить цѣну своихъ произведеній и понизить задѣльную плату работниковъ стараются всѣ. Но кошельки покупателей могутъ быть истощены и желудки работниковъ также только до извѣстной степени способны переносить лишенія, между тѣмъ богатство и силы природы совершенно неистощимы. Кто борется съ природою, тотъ обогащаетъ и самаго себя и всѣхъ окружающихъ людей; кто обираетъ людей, дозволенными или недозволенными средствами, тотъ разливаетъ вокругъ себя бѣдность и страданіе, которыя непремѣнно, рано или поздно, тѣмъ или другимъ путемъ доберутся и до него самаго. Если внутри каждой промышленной страны происходитъ постоянная борьба между перепутанными интересами различныхъ людей, содѣйствующихъ производству, то, конечно, та же безплодная и гибельная борьба, въ большихъ размѣрахъ и съ большимъ ожесточеніемъ, разыгрывается во всѣхъ международныхъ промышленныхъ сношеніяхъ. Та страна, въ которой открыто средство ткать полотно паровыми машинами, будетъ употреблять всѣ условія, чтобы помѣшать другой странѣ, производящей шелкъ, въ примѣненіи новыхъ машинъ къ выдѣлкѣ атласа, тафты и другихъ матерій. Между тѣмъ, обѣимъ странамъ было бы положительно выгодно, если бы въ одной производилось какъ можно больше полотна, а въ другой какъ можно больше шелковыхъ тканей. Обмѣнъ между обѣими землями усилился бы и жители обѣихъ земель могли бы пользоваться въ изобиліи бѣльемъ и шелковымъ платьемъ. Но международною торговлею и фабричною промышленностью управляютъ не жители, а капиталисты, которые, по своему невѣдѣнію, воображаютъ себѣ, что имъ нѣтъ никакого дѣла до общаго уровня народнаго благосостоянія. Невѣдѣніе капиталистовъ

внушаетъ имъ своеобразные разсчеты и предвзятыя идеи, которымъ эти джентльмены служатъ съ непоколебимымъ постоянствомъ и, иногда, съ изумительнымъ самоотверженіемъ. Капиталисты, затратившіе свои капиталы на сооруженіе фабрикъ, воображаютъ себѣ, что имъ необходимо переработывать на своихъ фабрикахъ весь сырой продуктъ, получающійся съ полей, лѣсовъ, стадъ и рудниковъ всего міра. Пусть обитатели всего земнаго шара занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и добываніемъ руды; пусть все это сырье везутъ къ намъ, въ нашъ маленькій уголокъ; за все это мы сами будемъ давать такую цѣну, какую захотимъ; потомъ мы сами все это переработаемъ на нашихъ фабрикахъ, нашими неизмѣримо-могущественными машинами; и наконецъ, пусть обитатели всего земнаго шара покупаютъ у насъ все, что имъ нужно для одежды, все, что имъ нужно для украшенія и комфорта, все, что имъ нужно для работы, начиная отъ желѣзнаго гвоздя и кончая паровымъ локомотивомъ. Чѣмъ меньше будетъ фабрикъ и чѣмъ больше онѣ будутъ централизованы, тѣмъ безконтрольнѣе будетъ наше господство надъ міромъ. Мы всѣмъ и всему будемъ назначать цѣны; отъ насъ будетъ зависѣть и плантаторъ, разводящій хлопокъ, и работникъ, нанимающійся на нашу фабрику, и всякій человѣкъ, желающій купить платье или орудіе. Захотимъ помиловать—помилуемъ; захотимъ безъ хлѣба оставить — оставимъ; все это будетъ въ нашихъ рукахъ и власти нашей не будетъ предѣла. Вотъ чего желаютъ, вотъ о чемъ, по крайней мѣрѣ, мечтаютъ всѣ капиталисты; эти золотыя грезы понемногу осуществляются; Англія, классическая страна капитала, дѣйствительно держитъ въ крѣпостной зависимости производителей многихъ плодородныхъ и обширныхъ земель. Ирландія, Португаллія, Турція, Остъ-Индія, Вестъ-Индія, южные штаты, Бразилія продаютъ ей свои сырые продукты и покупаютъ у нея каждый лоскутъ матеріи и каждый обдѣланный кусокъ желѣза по той цѣнѣ, которую ей заблагоразсудится назначить. Внутри самой Англіи, тысячи рабочихъ рукъ находятся въ полномъ распоряженіи капиталистовъ; тысячи желудковъ, соотвѣтствующихъ этимъ рукамъ, ожидаютъ отъ нихъ манны небесной, и, по желанію тѣхъ же капиталистовъ, могутъ быть поражены всѣми язвами египетскими. Мечта капиталистовъ была бы совершенно осуществлена и блаженство этихъ столповъ отечества было бы безоблачно, если бы только имъ удалось подорвать всѣ фабрики, существующія во Франціи, въ Бель-

гіи, въ Германіи и въ другихъ странахъ, не пожелавшихъ ограничиваться поставкою сырья въ Англію. Къ этой-то цѣли и направляются усилія всѣхъ капиталистовъ всѣхъ націй. Подорвать иностранныхъ соперниковъ и отбить у нихъ выгодный рынокъ, это считается подвигомъ просвѣщеннаго патріотизма, хотя отъ этого подвига не выигрываетъ никто, кромѣ капиталистовъ. Они понижаютъ цѣны на свои произведенія, работаютъ себѣ въ убытокъ, несутъ огромныя потери, а потомъ, подорвавши иностранную промышленность, опять возвышаютъ цѣны, и съ избыткомъ вознаграждаютъ себя за пожертвованія, положенныя на алтарь отечественной славы. Вся тяжесть этихъ патріотическихъ операцій обрушивается, конечно, на работниковъ, которымъ никогда не удается полакомиться ихъ сладкими послѣдствіями. Когда фабрика работаетъ себѣ въ убытокъ, тогда хозяинъ понижаетъ задѣльную плату, а когда фабрика приноситъ двойные барыши, тогда хозяинъ радуется и кладетъ деньги въ карманъ. Вся эта система вѣчной войны между трудомъ и капиталомъ описана очень ярко въ слѣдующей рѣчи, произнесенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бредфордѣ, въ Іоркширѣ, по поводу выборовъ. «Эта система основана на иностранной конкурренціи. Теперь я утверждаю, что принципъ «покупай дешево, продавай дорого», сталкиваясь съ иностраннымъ соперничествомъ, ведетъ къ раззоренію рабочихъ и мелкихъ торговцевъ. Почему? Трудъ есть творецъ всякаго богатства. Человѣкъ долженъ трудиться, прежде чѣмъ будетъ выращено одно зерно, или сотканъ одинъ ярдъ матеріи. Но въ этой странѣ работнику негдѣ работать на себя. Трудъ отдается въ наемъ, трудъ покупается и продается на рынкѣ; слѣдовательно, такъ какъ трудъ создаетъ всякое богатство, то трудъ долженъ быть купленъ прежде всего. «Покупай дешево, покупай дешево!» Трудъ купленъ на самомъ дешевомъ рынкѣ. Тогда начинается другая исторія: продавай дорого! продавай дорого! Продавай—что? Продуктъ труда. Кому? Иностранцу—ай! и самому работнику. Такъ какъ трудъ не самостоятеленъ, то работникъ не принимаетъ участія въ выгодахъ, добытыхъ его же усиліями. Покупай дешево, продавай дорого! Какъ вамъ это нравится? Покупай дешево, продавай дорого! Покупай трудъ работника дешево, и продавай этому же самому работнику продуктъ его же собственнаго труда дорого. Такимъ образомъ каждая сдѣлка между нанимателемъ и наемникомъ оказывается со стороны перваго расчитаннымъ

обманомъ. Труду приходится терпѣть постоянную потерю для того, чтобы капиталъ могъ разростаться отъ вѣчнаго надувательства. Но на этомъ система не останавливается. Приходится выдержать иностранное соперничество, т. е., другими словами, мы должны раззорить торговлю другихъ странъ, какъ раззорили трудъ нашей собственной страны. Какъ тутъ быть? Страна, платящая большіе налоги, должна подорвать такую, которая платитъ малые налоги Конкурренція за границею постоянно увеличивается, стало быть, дешевизна должна также увеличиваться. Надо, стало быть, чтобы задѣльная плата въ Англіи постоянно понижалась. А какъ устроить ея пониженіе? Излишкомъ рабочей силы. А чѣмъ они производятъ излишекъ рабочей силы? Монополію земли, которая гонитъ на фабрику больше рукъ, чѣмъ сколько ихъ требуется. Монополію машинъ, которыя выбрасываютъ эти руки на улицу; женскимъ трудомъ, который прогоняетъ мужчину отъ станка; дѣтскимъ трудомъ, который, въ свою очередь, прогоняетъ женщину. Тогда, наступивъ ногою на всю эту живую кучу излишка, они придавливаютъ ее каблукомъ и кричатъ: «Голодная смерть! Кто хочетъ работать? Лучше полхлѣба, чѣмъ совсѣмъ ничего!» И измученная толпа жадно хватается за ихъ условія. Такова эта система въ отношеніи къ работнику. Но какъ дѣйствуетъ она на васъ, избиратели? Какое вліяніе производитъ она на домашнюю торговлю, на лавочника, на сборъ въ пользу бѣдныхъ и на другіе налоги? Каждому возрастанію конкурренціи за границею должно соотвѣтствовать увеличеніе дешевизны дома. Дешевизна труда увеличивается вслѣдствіе излишка рабочихъ рукъ, а этотъ излишекъ получается посредствомъ усиленія машинъ. Я спрашиваю еще разъ, какъ это дѣйствуетъ на васъ? Вотъ этотъ манчестерскій либералъ устроиваетъ новую машину и за ненадобностью выбрасываетъ триста человѣкъ изъ фабрикъ на улицы. Лавочники! Триста покупателей убавилось. Плательщики! Триста бѣдныхъ прибыло. Но, замѣтьте! На этомъ зло не останавливается. Эти триста человѣкъ понижаютъ задѣльную плату тѣхъ людей, которые остаются за работою. Хозяинъ говоритъ: «теперь я убавляю вамъ плату». Люди упираются. Тогда онъ прибавляетъ: «вы видите этихъ триста человѣкъ, которые только-что ушли отсюда? Вы можете помѣняться съ ними мѣстами, если хотите; они прибѣгутъ сюда на какихъ угодно условіяхъ, потому что имъ приходится голодать». Люди чувствуютъ это, и покоряются. Ахъ! вы, манчестерскій либералъ! Фарисей изъ

политиковъ! Эти люди слушаютъ—добрался ли я до васъ? Но зло и тутъ не останавливается. Люди, потерявшіе работу, ищутъ себѣ занятій въ другихъ отрасляхъ промышленности и вездѣ понижаютъ задѣльную плату своимъ появленіемъ».

Изъ приведеннаго отрывка ясно, что усовершенствованія въ химическихъ и механическихъ процессахъ переработки очень часто приносятъ массѣ общества значительный вредъ, потому что эти усовершенствованія всегда монополизируются тѣми самыми людьми, которые конфисковали въ свою пользу всѣ удобства и наслажденія жизни. Увеличивая могущество однихъ и безсиліе другихъ, открытія и изобрѣтенія усиливаютъ неравенство и порабощеніе. Если бы такое положеніе вещей не носило въ самомъ себѣ зародыша разрушенія, если бы можно было думать, что оно прочно и устойчиво, тогда надо было бы сознаться, что каждое новое открытіе, улучшающее оружіе монополистовъ, есть новое бѣдствіе, обрушивающееся на нашу породу. Теперь всѣми сдѣланными открытіями пользуется ничтожное меньшинство, но только очень близорукіе мыслители могутъ воображать себѣ, что такъ будетъ всегда. Средневѣковая теократія упала, феодализмъ упалъ, абсолютизмъ упалъ; упадетъ когда нибудь и тираническое господство капитала.

VIII.

Ремесленники и фабричные работники посредствомъ разныхъ химическихъ и механическихъ процессовъ измѣняютъ форму того сыраго матеріала, которыя такъ или иначе производитъ земля. Въ большей части случаевъ, человѣкъ до сихъ поръ дѣлаетъ очень мало для увеличенія производительныхъ силъ земли. Роль земледѣльца почти вездѣ ограничивается тѣмъ, что онъ приводитъ землю въ соприкосновеніе съ сѣмянами и потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, беретъ себѣ то, что выросло на нивѣ. Сколько сыраго матеріала произведетъ земля и какого качества будетъ этотъ матеріалъ—это такіе вопросы, на которые земледѣлецъ не съумѣетъ дать опредѣленнаго отвѣта. Мельникъ знаетъ, сколько пудовъ муки выйдетъ изъ четверти зерноваго хлѣба, и ткачъ знаетъ, сколько аршинъ полотна

онъ можетъ выткать изъ даннаго количества пряжи, но земледѣлецъ, бросившій свои зерна въ землю, находится скорѣе въ положеніи игрока, взявшаго лотерейный билетъ, чѣмъ въ положеніи ремесленника, способнаго высчитать будущіе результаты своего труда. Что дастъ земля, что дастъ погода—то и возьметъ земледѣлецъ; успѣхъ его труда зависитъ отъ стеченія многихъ благопріятныхъ условій; успѣху этому могутъ повредить множество случайныхъ препятствій; зерно, положенное въ землю, должно испытать не одинъ видоизмѣняющій процессъ, а цѣлый рядъ такихъ процессовъ, и этотъ длинный рядъ видоизмѣненій долженъ тянуться въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Чтобы управлять этими процессами, совершающимися въ таинственныхъ лабораторіяхъ природы, земледѣльцу необходимо обладать множествомъ сложныхъ знаній, а такъ какъ до сихъ поръ земледѣліе повсемѣстно находится въ рукахъ людей очень бѣдныхъ и совершенно невѣжественныхъ, то, разумѣется, всѣ процессы, относящіеся къ созиданію сырыхъ матеріаловъ, совершаются какъ придется, по волѣ прихотливой судьбы и коварныхъ стихій. Земледѣліе зарождается въ самой глубокой древности, въ то время, когда фабричная промышленность совершенно не существуетъ; но, зародившись такъ рано, земледѣліе останавливается на очень низкой степени развитія и начинаетъ совершенствоваться только тогда, когда между людьми существуетъ уже привычка къ общественной жизни, значительное разнообразіе занятій и дѣятельное движеніе идей. Торговля, пути сообщенія, многочисленныя и разнородныя фабрики должны познакомить человѣка со многими прекрасными результатами разумнаго труда и ассоціаціи и со многими печальными явленіями присвоенія и раздора, прежде нежели появится мысль о раціональномъ земледѣліи. Исцарапать землю заступомъ или плугомъ и засыпать борозды хлѣбными зернами можетъ всякій дикарь, и мы дѣйствительно видимъ, что этими работами занимаются такіе люди, которые отличаются отъ дикарей только платежомъ денежныхъ или натуральныхъ повинностей. Но, чтобы довести шансы неурожаевъ до самой незначительной величины, чтобы обратить азартную игру земледѣлія въ вѣрное ремесло, чтобы развернуть и вызвать къ дѣятельности скрытыя силы земли,—человѣку необходимо знать особенности различныхъ слоевъ земной коры, химическія свойства составныхъ частей почвы, условія жизни растительнаго организма, нравы насѣкомыхъ, которыя могутъ вредить посѣву, признаки, по которымъ можно

судить объ атмосферическихъ измѣненіяхъ, степень зависимости этихъ измѣненій отъ горъ, рѣкъ, лѣсовъ и другихъ особенностей мѣстоположенія, степень вліянія этихъ измѣненій на посѣвы и множество другихъ одинаково важныхъ подробностей. Физика, химія, геогнозія, метеорологія, энтомологія, физіологія животнаго и растенія находятъ себѣ непосредственное приложеніе къ земледѣлію; большая часть этихъ наукъ возникли очень недавно; обѣ ихъ стороны, теоретическая и прикладная разработаны еще очень неудовлетворительно; кругъ распространенія знаній вообще и естественныхъ наукъ въ особенности чрезвычайно тѣсенъ; истины, открытыя въ лабораторіи, проникають въ мастерскую очень медленно и примѣняются къ фабричному производству очень нерѣшительно; еще медленнѣе пробираются онѣ къ земледѣльцу, работающему въ полѣ, и еще нерѣшительнѣе относится къ нимъ практика сельскаго хозяйства. Въ послѣднемъ случаѣ медленность и нерѣшительность доходятъ до такихъ крайнихъ предѣловъ, что раціональная агрономія въ передовыхъ странахъ Европы представляется до сихъ поръ чѣмъ-то въ родѣ затѣйливаго эксперимента, не успѣвшаго упрочить себѣ никакого значенія въ промышленной практикѣ. Англійскіе экономисты, напримѣръ, Макъ-Куллохъ, утверждаютъ до сихъ поръ, что выгоднѣе заниматься мануфактурнымъ производствомъ, чѣмъ земледѣліемъ, на томъ основаніи, что «нѣтъ предѣловъ дарамъ природы въ мануфактурныхъ издѣліяхъ; напротивъ того, есть предѣлы, и не слишкомъ отдаленные, ея дарамъ въ земледѣліи». Эта чрезвычайно странная мысль подкрѣпляется слѣдующимъ разсужденіемъ (Mac Culloch: Principles of Political Economy, p. 166). «Самый огромный капиталъ можетъ быть истраченъ на сооруженіе паровыхъ машинъ и когда число ихъ будетъ увеличено безгранично, то послѣдняя машина будетъ такъ же сильна, какъ первая, и будетъ производить столько же продуктовъ и сберегать столько же работы. Въ отношеніи къ землѣ вопросъ ставится совершенно иначе. Земли перваго сорта оказываются быстро истощенными; и если мы будемъ прилагать безграничныя массы капитала даже къ лучшимъ землямъ, то непремѣнно будемъ получать съ капитала постоянно уменьшающееся количество процентовъ». Я привелъ эти умозрѣнія не для того, чтобы ихъ опровергать: они уже вѣроятно опровергнуты въ умѣ читателя тѣмъ простымъ аргументомъ, что самая отличная паровая машина не можетъ произвести ни одного клочка шерсти или хлопчатой бумаги и что она

приноситъ пользу только тогда, когда есть сырой матеріалъ, произведенный землею посредственно (какъ шерсть) или непосредственно (какъ хлопокъ). Стало быть, если есть извѣстные предѣлы производительности земли, то на этихъ же самыхъ предѣлахъ должна останавливаться и дѣятельность машинъ. Но важно и любопытно замѣтить, какъ несокрушимо экономистъ увѣренъ въ томъ, что производительныя силы земли ограниченны. Эта увѣренность возникаетъ и поддерживается въ такихъ мыслителяхъ совершенно независимо отъ свидѣтельствъ естествознанія; она существуетъ даже на перекоръ этимъ свидѣтельствамъ. Если же цѣлая доктрина, поддерживаемая такими людьми, которыхъ многіе считаютъ умными и учеными, можетъ говорить о земледѣліи, и при этомъ оставлять совершенно въ сторонѣ современныя попытки и будущія осмысленныя надежды раціональной агрономіи, — то это очевидно доказываетъ, что истины, выработывающіяся въ лабораторіяхъ и кабинетахъ натуралистовъ, плохо проникаютъ даже въ смежные кабинеты другихъ ученыхъ и въ міросозерцаніе той части общества, у которой есть лоскъ образованія и досугъ для размышленія. Знанія распредѣляются чрезвычайно неравномѣрно между различными слоями человѣческихъ обществъ; въ низшіе слои они проникаютъ туго, а оставаясь въ верхнихъ слояхъ, они часто превращаются въ красивую игрушку, развлекающую праздный умъ, но неспособную помогать какой бы то ни было производительной работѣ. Въ одной части общества лежитъ масса безполезнаго знанія, а въ другой части въ это же самое время напрягаются человѣческія силы до болѣзненнаго истощенія, — напрягаются въ слѣпомъ, рутинномъ и, слѣдовательно, неблагодарномъ трудѣ. Соедините знаніе и трудъ, дайте знаніе тѣмъ людямъ, которые по необходимости извлекутъ изъ него всю заключающуюся въ немъ практическую пользу, и вы увидите, что богатства страны и народа начнутъ увеличиваться съ невѣроятною быстротою. Къ сожалѣнію, въ этой разрозненности труда и знанія, проявляющейся въ жалкомъ состояніи современнаго земледѣлія, нѣтъ ничего случайнаго. Эта разрозненность служитъ вѣрнымъ симптомомъ и является неразлучнымъ спутникомъ слабости общественнаго движенія. Гдѣ населеніе разбросано по большому пространству земли, гдѣ всѣ жители поневолѣ принуждены добывать себѣ хлѣбъ первобытными пріемами грубаго земледѣлія, гдѣ нѣтъ разнообразія занятій, тамъ не можетъ быть и обмѣна продуктовъ, потому что нечего и не на что обмѣнивать: тамъ

не можетъ быть и путей сообщенія, потому что нечего, некуда и не зачѣмъ возить; тамъ не можетъ быть и живаго обмѣна идей, потому что идеи такого общества такъ же однообразны, какъ его матеріальные продукты; когда историческія событія выдвигаютъ среди такого населенія на первый планъ группу предпріимчивыхъ и задорныхъ личностей, то этимъ личностямъ бываетъ очень легко справляться съ разбросанными, тупыми и невѣжественными обитателями страны. Эта выдвинувшаяся группа налагаетъ на остальную массу произвольную дань и монополизируетъ въ свою пользу матеріальныя удобства и наслажденія, право носить оружіе и любить отечество, право возмущаться оскорбленіями и воспитывать въ груди преувеличенное чувство собственнаго достоинства, право совершать чудеса храбрости и изумлять потомство громомъ историческихъ подвиговъ. Съ теченіемъ времени эти монополизированныя права измѣняются, добыча, пріобрѣтаемая собираніемъ дани и войною, порождаетъ роскошь и нечувствительно разнѣживаетъ непреклонныя сердца героевъ, такъ что потребности ихъ становятся менѣе кровожадными и болѣе утонченными; герои начинаютъ наслаждаться произведеніями искусствъ и наполняютъ свои досуги разсужденіями о высокихъ и прекрасныхъ предметахъ; возникаетъ офиціальная и офиціозная наука, рождается на свѣтъ патентованная поэзія; міръ обогащается великодушными меценатами и вдохновенными творцами одъ, элегій, диѳирамбовъ, картинъ, статуй, портиковъ и мавзолеевъ. Историкъ съ свойственнымъ ему просвѣщеннымъ и человѣколюбивымъ восторгомъ повѣствуетъ о смягченіи нравовъ, о процвѣтаніи наукъ и искусствъ, о приближеніи золотаго вѣка и о томъ, какъ роскошно развертываются самыя блестящія способности человѣческаго ума. Но всѣ эти прелести, восхищающія растроганнаго историка, относятся только къ выдѣлившейся группѣ, которая сначала обладала монополіею военной доблести, а потомъ такъ же исключительно стала пользоваться монополіею эстетическаго развитія и умственной дѣятельности. Массѣ непросвѣщенной черни, грубой толпѣ тупыхъ и невѣжественныхъ людей безраздѣльно предоставлялось воинами, и точно такъ же безраздѣльно предоставляется мыслителями и художниками, полное и неотъемлемое право работать, какъ прикажутъ, и платить, сколько потребуютъ. Выдѣлившаяся группа похожа на маленькую статуэтку, а грубая масса на огромную глыбу гранита; статуэтка стоитъ на глыбѣ; статуэтку обтачиваютъ и шлифуютъ; ею восхищаются и лю

буются; она измѣняетъ свой видъ и эти измѣненія тщательно записываются въ большую книгу, которая называется исторіею. Рядъ этихъ измѣненій называется прогрессомъ и несказанно радуетъ всѣхъ людей, одаренныхъ добродушіемъ и человѣколюбіемъ; а въ это время глыба лежитъ себѣ смирно и позволяетъ себѣ только обростать мохомъ, что также доставляетъ не малое удовольствіе обожателямъ старины и любителямъ дикой прелести. Прогрессъ относится до сихъ поръ къ очень незначительной части человѣчества; знанія и идеи двигались въ разныхъ салонахъ и примѣнялись къ тому или другому ремеслу только тогда, когда такое примѣненіе могло быть выгодно для одного изъ обитателей этихъ салоновъ. Фабричная промышленность опирается на физику, химію, механику, но фабричный работникъ такъ же мало знаетъ эти науки и такъ же мало можетъ пользоваться ихъ результатами, какъ тотъ клапанъ паровой машины, который этому работнику приходится постоянно открывать и закрывать. Работникъ оказывается безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ фабриканта, обладающаго вещественнымъ и умственнымъ капиталомъ; работникъ на столько же заинтересованъ въ общемъ успѣхѣ предпріятія, которому онъ содѣйствуетъ, на сколько какой нибудь наполеоновскій солдатъ, дравшійся при Аустерлицѣ, былъ заинтересованъ въ династическихъ замыслахъ своего полководца; предоставленный своимъ собственнымъ наклонностямъ, наполеоновскій солдатъ оказался бы человѣкомъ самымъ миролюбивымъ; выпущенный изъ подъ направляющаго контроля фабриканта работникъ пересталъ бы производить предметы роскоши и совершать чудеса современной промышленной техники. Предметы роскоши не нужны покуда ни самому работнику, ни подобнымъ ему людямъ, а чудеса техники до сихъ поръ еще слишкомъ превышаютъ общій уровень его умственнаго развитія. Работникъ есть кусокъ той *chair à canon*, которая расходуется въ промышленной войнѣ, называющейся внутреннею и международною конкурренціею. Ожесточенность этой промышленной войны, приводящей въ движеніе сотни колоссальныхъ машинъ, тысячи рабочихъ рукъ и десятки изобрѣтательныхъ мозговъ, вовсе не можетъ служить мѣриломъ благосостоянія страны и доказательствомъ развитости ея жителей. Чтобы судить о богатствѣ и образованіи работающихъ массъ, надо наблюдать ихъ тогда, когда онѣ сами задаютъ себѣ работу, и сами, въ свою собственную пользу, выполняютъ заданный себѣ урокъ. Масса населенія вездѣ занимается земледѣліемъ,

т. е. непосредственнымъ добываніемъ пищи, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ возникли и укрѣпились привычки осѣдлой жизни. Съ успѣхами земледѣлія связано тѣснѣйшимъ образомъ все матеріальное и умственное благосостояніе трудящейся массы, составляющей лучшую, значительнѣйшую и необходимѣйшую часть всякаго человѣческаго общества. Земледѣліе во всѣхъ странахъ земнаго шара находится до сихъ поръ въ младенческомъ состояніи; въ одномъ мѣстѣ оно идетъ лучше, въ другомъ хуже, но нигдѣ общій уровень его не можетъ удовлетворить самымъ снисходительнымъ требованіямъ агрономической науки; въ совершенномъ соотвѣтствіи съ жалкимъ положеніемъ земледѣлія находится уровень матеріальнаго довольства и интеллектуальнаго развитія массъ; гдѣ земледѣліе идетъ лучше, тамъ и масса меньше голодаетъ и меньше поражаетъ наблюдателя своимъ невѣжествомъ; гдѣ земледѣліе идетъ хуже, тамъ оказывается все безобразіе нищеты и вся грязь невѣжества и вынужденной порочности. Но такъ какъ земледѣліе вездѣ идетъ неудовлетворительно, то и масса вездѣ живетъ бѣдно и мыслитъ плохо. Мы даже привыкли въ этомъ отношеніи удовлетворяться малымъ и обнаруживать такимъ образомъ въ дѣлѣ меньшой братіи похвальную умѣренность требованій Мы непритворно восхищаемся, когда читаемъ въ путешествіяхъ или въ статистическихъ сочиненіяхъ, что въ томъ или въ другомъ государствѣ большая часть жителей или даже всѣ жители умѣютъ читать и писать. Конечно, это хорошо, но если восхищаться такими вещами и считать ихъ крайнею цѣлью грезъ и желаній, то это значитъ ставить развитію массъ очень узкія рамки, это значитъ мириться съ тою перспективою, что наука, искусство, мысль въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, навсегда будутъ составлять аристократическую привилегію ничтожнаго меньшинства. Точно будто масса состоитъ не изъ людей, а изъ орангутанговъ и точно будто бы широкое и полное умственное образованіе помѣшаетъ человѣку сѣять хлѣбъ или ткать холстину!

Соглашаясь такимъ образомъ урѣзать и съузить умственное развитіе массъ, довольствуясь для нихъ грамотою, главными молитвами и четырьмя правилами ариѳметики, мы сами обрекаемъ современныя общества на хилость и дряблость, и сами роемъ передъ нашею прославленною цивилизаціею ту яму, въ которую свалились уже въ былое время многія цивилизаціи древняго міра.

IX.

Всѣ погибшія цивилизаціи успѣли выработать себѣ военное сословіе, торговлю, дороги и корабли, науку, искусство и промышленную технику. Вавилонія, Персія, Египетъ, Греція, Римъ записали въ исторію воспоминаніе о многихъ побѣдахъ, открыли нѣсколько торговыхъ путей и оставили отдаленнѣйшему потомству нѣсколько удивительныхъ образчиковъ зодчества, скульптуры, поэтическаго творчества или историческаго изложенія. Но ни одна изъ этихъ погибшихъ цивилизацій никогда, въ самый цвѣтущій періодъ своего существованія, не доходила до раціональнаго земледѣлія. Можно даже, не боясь ошибиться, утверждать положительно, что, если бы та или другая изъ этихъ цивилизацій доработалась бы до раціональнаго земледѣлія, — то эта цивилизація пережила бы всѣ остальныя, и навѣрное продолжала бы развиваться и совершенствоваться до нашихъ временъ. Внѣшнія проявленія тѣхъ болѣзней, отъ которыхъ погибли древнія цивилизаціи, чрезвычайно различны, но существенный и основной характеръ этихъ болѣзней вездѣ и всегда остается неизмѣннымъ. Вездѣ и всегда цивилизаціи гибнутъ отъ того, что плоды ихъ ростутъ и зрѣютъ для немногихъ. Немногіе наслаждаются, немногіе размышляютъ, немногіе задаютъ себѣ и разрѣшаютъ общественные вопросы, немногіе открываютъ міровые законы, немногіе узнаютъ о существованіи этихъ законовъ и опять таки немногіе въ пользу немногихъ прилагаютъ къ промышленному производству открытія и изобрѣтенія, сдѣланныя также немногими, воображавшими себѣ въ простотѣ души, что они работаютъ для всѣхъ. А въ это время, въ славное время процвѣтанія наукъ и искусствъ, массы страдаютъ, массы надрываютъ свои силы, массы своимъ нелѣпымъ трудомъ истощаютъ землю, массы медленно роютъ въ полѣ могилы для себя и для своего потомства, и дѣйствительно, массы бѣднѣютъ, тупѣютъ, вымираютъ, и роскошный цвѣтъ цивилизаціи вянетъ, потому что корень оказывается подгнившимъ. Этотъ безплодный, поверхностный и недолговѣчный характеръ цивилизацій выражается въ самыхъ разнообразныхъ историческихъ формахъ; иногда мы видимъ его въ теократическомъ господствѣ жрецовъ, въ другой разъ въ завоевательныхъ стремленіяхъ политики, далѣе въ не-

соразмѣрномъ развитіи внѣшней торговли, потомъ въ фабричной дѣятельности, далеко превышающей естественныя потребности и даже силы извѣстной страны; сущность всѣхъ этихъ явленій остается тожественною; предразсудки поддерживаются жрецами для выгоды немногихъ; войны ведутся для славы немногихъ; корабли плаваютъ по морямъ, а караваны ходятъ по пустынямъ для обогащенія немногихъ; фабрики удовлетворяютъ утонченнымъ потребностямъ немногихъ и выдерживаютъ ожесточенную иностранную конкурренцію, чтобы доставить барыши немногимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочія руки отрываются отъ земли и употребляются на разныя хитрыя затѣи, въ то самое время, когда массы нуждаются въ простомъ хлѣбѣ и, если не каждый годъ, то, по крайней мѣрѣ въ два года разъ, терпятъ голодъ и вымираютъ цѣлыми поселеніями. Чѣмъ больше разводится хитрыхъ затѣй и чѣмъ хитрѣе становятся эти затѣи немногихъ, тѣмъ хуже обработывается земля, тѣмъ быстрѣе истощаются ея производительныя силы, тѣмъ меньше получается сырыхъ продуктовъ и, слѣдовательно, тѣмъ бѣднѣе становится общество въ цѣломъ своемъ составѣ. Никакая утонченность барскихъ нравовъ, никакая выработанность разговорнаго или книжнаго языка, никакая философская система, никакая безсмертная поэма, даже никакое естествознаніе не могутъ удержать отъ неминуемаго паденія такую цивилизацію, которая лежитъ на плечахъ бѣднѣющаго и тупѣющаго народа, истощившаго свою землю невѣжественнымъ и нерасчетливымъ трудомъ. Всѣ цвѣты погибшихъ цивилизацій росли и распускались въ ущербъ благосостоянію массъ, и поэтому насъ не должно удивлять то обстоятельство, что во всѣхъ этихъ цивилизаціяхъ упадокъ съ такою ужасающею быстротою слѣдовалъ именно за эпохою величайшаго блеска. Этотъ блескъ самъ по себѣ былъ сильнѣйшимъ выраженіемъ общественной болѣзни, а эпоха упадка была даже сравнительно временемъ облегченія для массъ, потому что этимъ массамъ, дошедшимъ до крайней степени нищеты и безсилія, позволялось тогда, по крайней мѣрѣ, сосредоточить свое вниманіе на устройствѣ собственныхъ мелкихъ дѣлишекъ, о которыхъ не заботится политическая исторія. Блескъ и упадокъ, цивилизація и варворство, историческій прогрессъ и историческій застой—всѣ эти слова и понятія совершенно неприложимы къ многовѣковому прозябанію огромнаго большинства нашей породы, того большинства, отъ котораго безусловно зависитъ наше существованіе и которому мы,

въ награду за пропитаніе, съ такою благосклонною улыбкою бросаемъ трогательное названіе нашихъ младшихъ братьевъ. Эти младшіе братья вездѣ и всегда стояли внѣ исторіи, но за то отсутствіе ихъ вездѣ и всегда налагало печать безплодія на всѣ цивилизаціи, сооружавшіяся старшими братьями для собственнаго обихода. Вездѣ и всегда эти цивилизаціи оказывались такимъ пустоцвѣтомъ, о которомъ невозможно сказать ни одного добраго слова. Вездѣ и всегда эти цивилизаціи, подобно роковому камню Сизифа, срывались съ самой верхушки горы и скатывались въ бездну, въ ту самую минуту, когда старшіе братья считали свое дѣло почти законченнымъ, и собирались праздновать полную побѣду человѣка надъ дикими силами окружающаго міра и надъ противуобщественными стремленіями своей собственной породы. Побѣда никогда не оказывалась полною и прочною, и тріумфъ всегда приходилось откладывать до другаго, болѣе удобнаго времени. Разнообразные опыты многихъ вѣковъ говорятъ, наконецъ, старшимъ братьямъ, что крѣпка, прочна и богата благодѣтельными послѣдствіями будетъ только та цивилизація, которая будетъ улучшать бытъ и развивать умственныя силы всѣхъ людей, составляющихъ данное общество. Неизбѣжнымъ спутникомъ такой прочной цивилизаціи и вѣрнѣйшимъ ручательствомъ ея живучести будетъ развитіе раціональнаго земледѣлія, развитіе именно той отрасли дѣятельности, которая была запущена и заброшена всѣми исчезнувшими цивилизаціями. Раціональное земледѣліе будетъ въ одно и тоже время самымъ величественнымъ продуктомъ и самою непоколебимою опорою той безсмертной цивилизаціи, которой выпадетъ на долю задача сгладить навсегда позорное различіе между старшими и младшими братьями. Если мы разсмотримъ тѣ условія, при которыхъ становится возможнымъ существованіе и всеобщее распространеніе раціональнаго земледѣлія, то мы увидимъ, что этотъ родъ дѣятельности неразрывно связанъ съ богатствомъ, просвѣщеніемъ и всестороннимъ благоденствіемъ тѣхъ массъ, которыя до сихъ поръ вездѣ и всегда трудились черезъ силу, и не смотря на то, постоянно оставались впроголодь. Мы уже видѣли, какъ много долженъ знать тотъ земледѣлецъ, который желаетъ заниматься своимъ дѣломъ не какъ азартною игрою, а какъ выгоднымъ и вѣрнымъ ремесломъ. Къ этому можно прибавить, что ни одно ремесло не имѣетъ передъ собою такой широкой будущности, какъ земледѣліе; ни одно ремесло не способно къ такому без-

конечному совершенствованію, какъ обработка земли, потому что въ основаніи этой обработки лежитъ самое разностороннее изученіе природы, постоянно обогащающееся новыми фактами, опытами и наблюденіями. Всѣ знанія, необходимыя земледѣльцу, лежатъ въ области естественныхъ наукъ, а всѣмъ извѣстно, что естественныя науки самымъ радикальнымъ образомъ уничтожаютъ предразсудки и очищаютъ засорившіеся мозги. Слѣдовательно, земледѣлецъ, сознательно занимающійся своею работою, незамѣтно и нечувствительно для самаго себя вымететъ изъ своего домашняго быта и изъ своего міросозерцанія ту безобразную паутину суевѣрія, которая до сихъ поръ повсемѣстно застилаетъ младшимъ братьямъ свѣтъ божій Бекона, Галилея, Коперника и всѣхъ другихъ свѣтилъ человѣчества, свѣтящихъ только для старшихъ братьевъ. Но для водворенія раціональнаго земледѣлія недостаточно одного распространенія полезныхъ знаній. Этого мало, если земледѣлецъ будетъ знать, что ему слѣдуетъ дѣлать; необходимо, кромѣ того, чтобы онъ имѣлъ возможность дѣйствительно выполнять то, что онъ справедливо считаетъ полезнымъ. Агрономическія свѣдѣнія нашихъ крестьянъ чрезвычайно скудны, но и эти скудныя свѣдѣнія большею частью составляютъ мертвый капиталъ, потому что они далеко превышаютъ мѣру практическаго могущества земледѣльцевъ. Крестьяне знаютъ, что землю слѣдуетъ удабривать, и знаютъ, чѣмъ ее удабривать, но это полезное свѣдѣніе въ большей части случаевъ остается непримѣнимымъ. Удобренія взять не откуда, когда не на что завести и кормить скотину и когда хлѣбъ приходится возить на продажу или даже отправлять за море, богъ знаетъ въ какую даль. Самый просвѣщенный агрономъ ничего не сдѣлаетъ со всѣми своими свѣдѣніями, когда ему придется отсылать сырой продуктъ за тысячи верстъ и получать за каждые десять пудовъ хлѣба по фунту сукна или по полуфунту обдѣланной стали. Ни сукна, ни стали не положишь въ землю, а сырой продуктъ уѣхалъ за море, и заключавшееся въ немъ удобреніе навсегда потеряно для страны. Очевидно, стало быть, что для развитія раціональнаго земледѣлія, кромѣ распространенія между массами полезныхъ свѣдѣній, необходимо еще повсемѣстное разнообразіе занятій и повсемѣстное же образованіе мелкихъ центровъ притяженія, въ которыхъ постоянно перерабатывались, потреблялись и превращались бы въ удобреніе сырые продукты, добываемые изъ земли окрестными жителями. Близость рын-

ковъ къ мѣсту производства и непосредственное сближеніе земледѣльца съ ремесленникомъ, производителя съ потребителемъ, — ведутъ за собою, во первыхъ—возможность возвращать землѣ взятый отъ нея сырой продуктъ въ видѣ удобренія и, во-вторыхъ—возможность разнообразить посѣвы и уменьшать такимъ образомъ количество неблагопріятныхъ шансовъ, угрожающихъ успѣху земледѣльческаго труда. Первое слѣдствіе приближенія рынковъ понятно и не нуждается въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. Второе слѣдствіе этого приближенія также объясняется очень легко и просто. Когда рынокъ далекъ, тогда земледѣлецъ принужденъ воспитывать на своихъ нивахъ только такіе растительные продукты, которые выдерживаютъ далекую перевозку, слѣдовательно такіе, которые продаются по дорогой цѣнѣ, не отличаются особенною громоздкостью и могутъ быть доставлены на далекій рынокъ въ неиспорченномъ видѣ. Земледѣлецъ не можетъ отправлять за тысячу верстъ рѣпу или картофель, потому что цѣна этихъ громоздкихъ продуктовъ не окупитъ ихъ перевозки; точно также сельскій хозяинъ не можетъ отправлять за тысячу верстъ яйца или свѣжія ягоды, потому что первыя перебьются въ дорогѣ, а вторыя—непремѣнно загніютъ и испортятся. Всего удачнѣе выдерживаетъ перевозку зерновой хлѣбъ, да и цѣну за него даютъ такую, которая окупаетъ труды земледѣльца и перевозочныя издержки; поэтому для продажи на далекіе рынки производится исключительно зерновой хлѣбъ разныхъ сортовъ и достоинствъ. Земля любитъ перемѣну; для земли было бы полезно, чтобы за пшеницею слѣдовалъ, напримѣръ, картофель, а за картофелемъ кормовыя травы; земледѣлецъ знаетъ это свойство земли, но онъ опять таки не можетъ воспользоваться своимъ знаніемъ; разводить картофель и кормовыя травы невозможно, потому что сбывать ихъ вблизи некуда, а везти на далекій рынокъ не стоитъ; не сѣять пшеницы также невозможно, потому что если земледѣлецъ не доставитъ на рынокъ пшеницы, то земледѣльцу не на что будетъ купить себѣ рубашку и кафтанъ, не на что будетъ пріобрѣсти новый топоръ или соху. Поневолѣ, подчиняясь требованіямъ далекаго рынка, земледѣлецъ сознательно истощаетъ свою ниву постоянно повторяющимися посѣвами пшеницы, ржи и другихъ зерновыхъ хлѣбовъ. Онъ знаетъ, что слѣдовало бы распоряжаться иначе, онъ и радъ былъ бы вести свое хозяйство разумнѣе, но это полезное познаніе добра и зла и эта добродѣтельная готовность покаяться въ сознанныхъ заблужденіяхъ оказы-

ваются совершенно безсильными передъ не отразимыми требованіями матеріальной необходимости. Засѣявъ всѣ свои поля зерновымъ хлѣбомъ, земледѣлецъ поставилъ на одну карту весь свой годовой заработокъ. Перемѣна погоды; неблагопріятная для зерноваго хлѣба разомъ губитъ всѣ законныя надежды хозяина. Этого не могло бы случиться, если бы рынокъ находился подъ рукою. Тогда хозяинъ добывалъ бы съ своего участка земли, кромѣ разныхъ сортовъ хлѣба, всякаго рода овощи, фрукты и ягоды, кормовыя травы, красильныя и лекарственныя вещества; близость сбыта и безпрерывность запроса возбудили бы въ земледѣльцѣ предпріимчивость и изворотливость, смышленость и старательность, которыя совершенно немыслимы и почти безполезны въ человѣкѣ, живущемъ вдали отъ всякаго промышленнаго движенія. Раздѣливши свою ниву на мелкіе участки, воздѣлывая на каждомъ изъ нихъ именно то растеніе, которое соотвѣтствуетъ составу и свойствамъ даннаго участка, перемѣняя каждый годъ назначеніе этихъ участковъ, и, сверхъ всего этого, заваливая каждый участокъ удобреніемъ, земледѣлецъ, живущій возлѣ самаго рынка, можетъ, конечно, уменьшить до самой незначительной величины рискъ, сопряженный съ его занятіями. Та или другая перемѣна погоды можетъ быть неблагопріятна только для одной какой нибудь части его будущаго дохода; что повредитъ, напримѣръ, овощамъ, то, можетъ быть, принесетъ пользу пшеницѣ и не произведетъ никакого вліянія на фрукты; потерявши на какомъ нибудь одномъ продуктѣ, хозяинъ будетъ всегда въ состояніи вознаградить свой убытокъ на другомъ, и средній уровень его дохода въ большей части случаевъ останется почти неприкосновеннымъ. Конечно, можетъ случиться такая засуха, которая все зажаритъ, или такой градъ, который перепашетъ за ново всѣ поля, но такого рода случайностямъ подвержено вообще всякое дѣло рукъ человѣческихъ; и фабрика можетъ загорѣться отъ грозы, и домъ можетъ быть разрушенъ наводненіемъ, землетрясеніемъ или ураганомъ; противъ такихъ случайностей есть одно средство—застрахованіе, и это средство, какъ всякій согласится, находится также всего больше въ ходу и прилагается всего чаще тамъ, гдѣ существуетъ разнообразіе занятій и гдѣ совершается дѣятельное движеніе продуктовъ, капиталовъ и идей. Мы видимъ, такимъ образомъ, что для развитія раціональнаго земледѣлія необходимы два условія: распространеніе полезныхъ свѣдѣній между массами и разнообразіе занятій, неизбѣжно

ведущее за собою образованіе мѣстныхъ центровъ производства и притяженія. Должно замѣтить здѣсь, что эти два условія всегда бываютъ неразлучны между собою и, собственно говоря, составляютъ только двѣ различныя стороны того нормальнаго процесса, который порождаетъ раціональное земледѣліе. Дѣйствительно, полезныя свѣдѣнія никакими искусственными мѣрами не могутъ быть привиты къ жизни такого населенія, которое разбросано по большимъ пространствамъ земли, непривычно къ промышленному сближенію, и угнетено бѣдностью и однообразіемъ запятій. Никакія благодѣтельныя попеченія мудрыхъ правительствъ о земледѣльческихъ и реальныхъ школахъ, никакія заохочиванія, поощренія и приневоливанія къ ученію не улучшатъ пріемовъ земледѣльческой рутины и не расширятъ умственнаго горизонта трудящихся милліоновъ. Массы воспитываются не школьною указкою, не крупицами, падающими съ умственной трапезы пресытившихся старшихъ братьевъ, а исключительно только правильнымъ, здоровымъ и не задержаннымъ развитіемъ общественной и экономической жизни. Когда устраняются препятствія, лежавшія на пути этого развитія, когда появляется свобода труда, когда этому свободному труду открываются разнообразныя приложенія, тогда каждый отдѣльный кусочекъ сѣрой массы начинаетъ чувствовать себя человѣкомъ и быстро схватываетъ себѣ на лету тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы ему для жизни. Тогда, и только тогда, становятся дѣйствительно полезными и школы, стоявшія прежде пустыми, и популярныя руководства, которыя до сего времени никого не могли научить уму-разуму. Не школа преобразовываетъ жизнь, а, напротивъ того, жизнь создаетъ для себя школу и приспособляетъ ее къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ. Пробужденіе массъ, необходимое для вступленія людей въ истинную цивилизацію, всегда производится только какимъ нибудь рѣшительнымъ поворотомъ въ теченіи общественной и экономической жизни, а не громкими и гуманными кликами старшихъ братьевъ, подвизающимся на пользу младшихъ въ литературѣ и на различныхъ кафедрахъ. Каждый поворотъ, дѣйствующій освѣжительно на жизнь и самосознаніе массъ, обыкновенно заключается въ томъ, что эти массы освобождаются отъ какой нибудь стѣснительной опеки, и полнѣе прежняго предоставляются естественному ходу собственныхъ инстинктовъ и стремленій Чѣмъ больше эта темная масса, о которой такъ соболѣзнуютъ просвѣщенные дѣятели, получаетъ возможность жить собственнымъ дрян-

нымъ умишкомъ, тѣмъ удобнѣе она устраиваетъ свой бытъ, тѣмъ быстрѣе она богатѣетъ, тѣмъ раціональнѣе становится ея земледѣліе, и тѣмъ человѣчнѣе дѣлается каждый изъ ея отдѣльныхъ кусочковъ. Если бы масса съ самаго начала исторіи была предоставлена собственной горькой участи, то раціональное земледѣліе давно утвердилось бы во всемъ мірѣ, и мы бы теперь не имѣли случая восхищаться тѣмъ, что въ томъ или другомъ государствѣ большая часть жителей умѣютъ читать и писать. Но за то исторія была бы совершенно лишена того удивительнаго драматизма, который придаютъ ей великіе подвиги и кровавые перевороты. Исторія была бы утомительно однообразна, какъ правоучительная біографія добродѣтельнаго семьянина. Старшіе братья никакъ не могли допустить подобнаго оскорбленія законовъ эстетики и они начали заботиться о массахъ съ той самой минуты, какъ сознали свое старшинство и вникли въ свои обязанности къ младшимъ. Они тотчасъ начали вовлекать своихъ не эстетическихъ братьевъ въ драматическія войны, въ эпическія торговыя предпріятія и въ траги-комическія сшибки по части мануфактурной конкуренціи. Усилія просвѣщенныхъ эстетиковъ увѣнчались болѣе или менѣе полнымъ успѣхомъ, и совокупность этихъ успѣховъ составляетъ канву той весьма изящной драмы, которая называется всеміриою исторіею. Гдѣ не мѣшаются въ дѣло старшіе братья—тамъ миръ и богатство; гдѣ они мѣшаются—тамъ драматизмъ и эффектность. Одно другаго стоитъ, но такъ какъ старшіе братья болѣе или менѣе вездѣ болѣли душою объ участи младшихъ, то драматизма и эффектности оказывалось и до сихъ поръ оказывается, на бѣломъ свѣтѣ, несравненно больше, чѣмъ мира и богатства. Раціональное же земледѣліе до сихъ поръ принадлежитъ вездѣ къ далекой области мечты и желанія. Правильный прогрессъ прямо ведетъ въ эту область, но когда начнется этотъ прогрессъ и когда онъ дойдетъ до своихъ результатовъ—это вопросы интересные, но нерѣшенные.

X.

На всѣхъ материкахъ и островахъ земнаго шара, за исключеніемъ полярныхъ льдовъ и песчаныхъ пустынь, человѣкъ окруженъ неисчи-

слимыми и безконечно разнообразными богатствами. Богатства эти заключаются въ тѣхъ сырыхъ матеріалахъ, которые производитъ земля, или которые она можетъ производить при соотвѣтственной обработкѣ. Богатства эти нигдѣ и никогда не даются человѣку сразу; человѣкъ долженъ трудиться, чтобы овладѣть ими; онъ долженъ наблюдать и размышлять, чтобы замѣтить ихъ существованіе и оцѣнить ихъ значеніе. Человѣкъ начинаетъ свою борьбу съ природою тамъ, гдѣ природа слаба и бѣдна, и гдѣ она, вслѣдствіе этого, скорѣе и легче уступаетъ его усиліямъ. Онъ обращаетъ въ свою пользу мягкую мѣдь прежде, чѣмъ твердое желѣзо; онъ покоряетъ слабую овцу и козу прежде, чѣмъ сильнаго быка; онъ расчищаетъ и засѣваетъ тощую почву холмовъ прежде, чѣмъ тучную землю долинъ и рѣчныхъ береговъ; пока продолжается борьба человѣка съ слабою и бѣдною природою, пока одерживаются надъ нею первыя побѣды, покупаемыя дорогою цѣною и приносящія мало непосредственныхъ выгодъ, до тѣхъ поръ человѣкъ самъ остается слабымъ и бѣднымъ. Онъ слабъ и бѣденъ, потому что ему помогаетъ малочисленная горсть людей, и потому что самъ онъ, со всѣми своими помощниками, неопытенъ и несвѣдущъ. Онъ слабъ и бѣденъ, но могущество и богатство его постоянно увеличиваются вмѣстѣ съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ опытности и вмѣстѣ съ каждымъ приращеніемъ въ числѣ трудящихся людей. Онъ слабъ и бѣденъ, но потомки его непремѣнно будутъ богаты и могущественны, если только они не будутъ уклоняться въ сторону съ пути терпѣливаго труда и внимательнаго изученія природы. Все богатство человѣка заключается въ сырыхъ матеріалахъ, добываемыхъ изъ земли; все могущество человѣка заключается въ умѣніи переработывать и обращать въ свою пользу добываемые матеріалы. Эта истина поразительна по своей простотѣ. Эту истину несчетное число разъ внушали людямъ, подъ страхомъ земныхъ и загробныхъ наказаній, всѣ гражданскія и нравственныя законоположенія, предписывавшія человѣку уважать права чужой личности и чужаго труда. Ни простота этой истины, ни авторитетъ законовъ и законодателей не могли предупредить или удержать въ должныхъ границахъ безчисленныя и гибельныя уклоненія нашей породы съ дороги производительнаго труда, съ той единственной дороги, которая могла привести человѣчество къ богатству и къ полнотѣ жизненныхъ наслажденій. Безсиліе законовъ объясняется особенно удовлетворительно тѣмъ обстоятельствомъ, что большая

часть законодателей, толковавшихъ очень краснорѣчиво и убѣдительно о необходимости уважать чужое право,—сами, своими же законами, такъ же краснорѣчиво и убѣдительно освящали важнѣйшія и вреднѣйшія уклоненія своихъ согражданъ и современниковъ съ пути производительнаго труда, съ того единственнаго пути, который всегда и вездѣ совпадаетъ съ требованіями справедливости. Римское право, освящавшее рабство, превращавшее жену въ собственность мужа, и сына въ собственность отца, проводившее строгое различіе между римскихъ гражданиномъ и провинціаломъ, между патриціемъ и плебеемъ, между вольнымъ и вольноотпущеннымъ, римское право, говорю я, конечно, никому не могло внушить достаточнаго уваженія къ тѣмъ предписаніямъ, которыми оно старалось обуздать хищныя наклонности бѣдныхъ и буйныхъ гражданъ. Другіе кодексы также не могли претендовать на особенную чистоту и выдержанность основнаго принципа. Люди обыкновенно издавали кодексы отчасти для того, чтобы дать опредѣленную и прочную форму своимъ любимымъ заблужденіямъ, отчасти для того, чтобы пугнуть себя и своихъ современниковъ строгими требованіями односторонняго идеала казенной нравственности. Ни та, ни другая цѣль не достигалась. Любимыя заблужденія отживали свой вѣкъ и разрушались, не смотря на опредѣленность и прочность приданной имъ формы, а застегнутый на всѣ пуговицы идеалъ никого не запугивалъ своими требованіями и рѣшительно никого не обращалъ на путь истины. Ошибались и падали отдѣльныя личности; безвинно, невольно и безсознательно вовлекались въ ошибки и доводились до паденія цѣлые народы. Отдѣльныя личности быстро расплачивались за свои ошибки, и обыкновенно, согласно буквѣ того или другаго кодекса, оканчивали свое земное существованіе въ мученіяхъ, дѣлавшихъ большую честь остроумію изобрѣтателей и усердію исполнителей. Невольныя ошибки народовъ, напротивъ того, не замѣчались и не считались ошибками. На нихъ не указывалъ никакой кодексъ. Имъ обыкновенно сочувствовалъ, ихъ часто вызывалъ самъ законодатель. Ошибки народовъ воспѣвались поэтами, превозносились историками и ставились въ примѣръ потомству неподкупными моралистами. Эти ошибки анализировались холодными мыслителями и оказывались великими проявленіями народнаго генія. На этихъ ошибкахъ строились и до сихъ поръ строятся цѣлыя политическія и экономическія теоріи. Когда рядъ великихъ проявленій народнаго генія вдругъ приводилъ

къ рѣзкому паденію, которое по видимому должно было бы окатить бочками холодной воды всѣхъ пѣвцовъ, мечтателей и спокойно упорныхъ теоретиковъ,—тогда это паденіе приписывалось постороннимъ и случайнымъ причинамъ; пѣснопѣнія продолжались, тѣмъ болѣе, что паденіе давало имъ новый эффектный мотивъ; историки, по прежнему, что-то превозносили и что-то анализировали; теоретики торжествовали, потому что всякая теорія одарена удивительною гибкостью и растяжимостью; а въ это время массы, о которыхъ пѣлись дифирамбы, писались изслѣдованія, и сочинялись побѣдоносныя теоріи, массы несли тяжелое вѣковое возмездіе за ошибки, привитыя къ ихъ тихой и темной жизни посторонними двигателями событій. Массы доходили до дикаго состоянія, теряли всякую власть надъ питающими ихъ силами природы и, умирая отъ лишеній, превращали цѣлыя области въ дикія и печальныя пустыни, въ которыхъ все говорило о бывшей дѣятельности человѣка, о его предсмертной борьбѣ, и о его страшной кончинѣ. Такими пустынями покрыты всѣ тѣ мѣста, на которыхъ въ былое время кипѣла историческая жизнь, и на которыхъ жизнь эта замерла вслѣдствіе непроизвольныхъ, но неисправимыхъ ошибокъ, совершенныхъ цѣлыми народами и истощившихъ до послѣдней капли ихъ живыя силы. Ошибокъ этихъ, въ большей или меньшей степени, не минуетъ въ своемъ существованіи ни одинъ народъ. Народъ, какъ дерево, растетъ и въ стволъ, и въ сукъ; онъ, какъ крѣпкій организмъ, можетъ уклоняться отъ строго гигіеническаго образа жизни; онъ можетъ болѣть и выздоравливать; онъ много испытаній можетъ перенести, не надламливаясь и не хирѣя; но, чѣмъ сильнѣе сукъ перевѣшиваетъ стволъ, чѣмъ значительнѣе дѣлаются уклоненія отъ разумной гигіены, чѣмъ продолжительнѣе и чаще болѣзненные припадки, тѣмъ опаснѣе становится положеніе колоссальнаго паціента и тѣмъ ближе надвигается грозная катастрофа. Богатство и могущество народа, равносильное благосостоянію всѣхъ составляющихъ его единицъ, заключается въ добываніи и цѣлесообразной переработкѣ различныхъ сырыхъ продуктовъ, доставляемыхъ землею. Земледѣліе и мануфактурная промышленность, взаимно поддерживающія другъ друга, составляютъ естественныя и необходимыя занятія народа, стремящагося къ благоденствію. Все, что отвлекаетъ народъ отъ этихъ производительныхъ занятій, и все, что нарушаетъ необходимое равновѣсіе между земледѣліемъ и мануфактурами, составляетъ ошибку и ведетъ къ

бѣдности. Наука, расширяющая умъ человѣка, и искусство, обновляющее его силы живымъ наслажденіемъ, не могутъ быть названы помѣхами для производительныхъ занятій; но при этомъ должно замѣтить, что наука и искусство не имѣютъ ничего общаго со многими современными фокусами празднаго ума и дряблой фантазіи, не смотря на то, что фокусы эти стараются прикрыть себя разными почтенными именами. Кромѣ того, не мѣшаетъ помнить, что наука и искусство только тогда будутъ въ состояніи жить естественною и здоровою жизнью, когда будутъ удовлетворяться насущныя и грубыя потребности человѣческихъ организмовъ. Музыкальная консерваторія — учрежденіе очень хорошее, но она доставитъ мало наслажденія такому народу, у котораго не хватаетъ хлѣба. Ученое путешествіе на берега Тигра для чтенія гвоздеобразныхъ надписей — дѣло очень похвальное, но оно произведетъ слабое впечатлѣніе на черствую душу лапотника, не умѣющаго разбирать печатныя буквы собственнаго языка. Совѣстно назвать науку и искусство затѣями, отклоняющими силы ума отъ настоящаго дѣла; въ отношеніи къ естественнымъ наукамъ такое сужденіе было бы совершенно нелѣпо и несправедливо; но приходится сознаться, что и наука и искусство до сихъ поръ оставались совершенно безсильными и не имѣли никакого вліянія на умственное состояніе массъ. И наука, и искусство были, по меньшей мѣрѣ, красивымъ анахронизмомъ. Это подснѣжники, распустившіеся задолго до наступленія весны, имъ приходится ежиться и дрожать отъ холода, или съ похвальнымъ благоразуміемъ укрываться въ теплицы, построенныя и протапливаемыя трудами массъ, и называющіяся музеями, академіями, консерваторіями и другими именами, которыя для массъ столько же новы, сколько вразумительны. Я вовсе не думаю становиться здѣсь на славянофильскую точку зрѣнія и декламировать о ложности и чужеземности нашей цивилизаціи. Наша цивилизація ничѣмъ не лучше и ничѣмъ не хуже всѣхъ остальныхъ; наука и искусство вездѣ прозябаютъ въ оранжереяхъ, и массы, оплачивающія эти оранжереи, вездѣ интересуются ими также сильно, какъ, напримѣръ, внутреннимъ содержаніемъ египетскихъ пирамидъ, или вопросомъ о желѣзной маскѣ. Какое дѣло англійскому фабричному до британскаго музея? Что общаго у нѣмецкаго работника съ мюнхенскою глиптотекою? Какую точку соприкосновенія имѣетъ парижскій блузникъ съ французскою академіею? Мы уже такъ присмотрѣлись къ этимъ аномаліямъ, что

намъ могутъ даже показаться наивными и странными подобные вопросы, если только они не покажутся намъ лукавыми и безнравственными. Впрочемъ, какъ ни смѣшна кружевная заплата наукъ и искусствъ на изорванной сермягѣ, составляющей драпировку массъ, должно однако сознаться, что эта рѣзкая несообразность принадлежитъ къ самымъ невиннымъ уклоненіямъ отъ правильнаго и разумнаго развитія народной жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ, ученые и художники не погубили еще собственными силами ни одной цивилизаціи; справедливость побуждаетъ насъ замѣтить, что они также ни одной цивилизаціи не поддержали; они только украшали ихъ подобно тому, какъ мохъ украшаетъ стволы вѣковыхъ деревьевъ; когда дерево падаетъ, мохъ продолжаетъ украшать его, и украшаетъ его въ то самое время, когда оно лежитъ на землѣ, гніетъ и истачивается муравьями.

Губители цивилизацій оказываются два класса людей — воины и купцы, вовлекающіе народы въ двѣ роковыя ошибки, систематизированную войну и въ изнурительное развитіе торговаго паразитизма. Я уже упоминалъ объ этихъ двухъ видахъ присвоенія, но теперь мы знаемъ всѣ средства, находящіяся въ ихъ распоряженіи, и потому можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ ихъ возрастаніе и усложненіе. Война и торговля появляются сначала на свѣтъ въ самомъ простомъ и бѣдномъ видѣ. Первое генеральное сраженіе производилось навѣрное кулаками, за обладаніе какимъ нибудь кокосовымъ орѣхомъ; первая торговая операція, по всей вѣроятности, клонилась къ тому, чтобы выманить этотъ же кокосовый орѣхъ за гнилой бананъ, котораго гнилость утаивалась тщательно, но неискусно; за горячею схваткою могла слѣдовать торговая сдѣлка, а коммерческіе переговоры, въ свою очередь, могли прерываться воинственными демонстраціями. Всякій былъ и воиномъ, и купцомъ, и работникомъ; всякій могъ замѣтить, что число наличныхъ банановъ увеличивалось не во время драки, не во время торговыхъ совѣщаній. Сомнительная выгода, извлекавшаяся изъ единоборствъ и изъ мелкихъ мошенничествъ, по всей вѣроятности подорвала бы во мнѣніи людей этотъ родъ занятій, если бы только не открылась возможность образовать коллективныя драки и крупные обманы. Опираясь на ассоціацію, война и торговля расширяютъ кругъ своихъ дѣйствій и облекаются въ новыя формы. Предпріимчивый юноша собираетъ вокругъ себя другихъ юношей, уступающихъ ему въ

зобрѣтательности, но равныхъ ему по отвагѣ. Ассоціація, составляющая вѣрное средство для развитія производительнаго труда, дѣлается такимъ образомъ орудіемъ войны и является самымъ сильнымъ средствомъ для разрушенія труда, самымъ серьезнымъ препятствіемъ на пути его совершенствованія. Храбрые витязи удалой дружины тотчасъ дѣлаются старшими братьями собирателей банановъ и тотчасъ начинаютъ смотрѣть на вещи такими широкими взглядами, которые совершенно недоступны младшимъ. За тѣмъ, является настоятельная необходимость кормить ассоціацію и тогда собирателямъ банановъ вмѣняется обязанность приносить въ жилище своихъ старшихъ братьевъ опредѣленное количество плодовъ земныхъ. Такимъ образомъ, среди населенія, собирающаго бананы, образовалась сначала небольшая добровольная ассоціація; это ядро привлекло къ себѣ другихъ людей, частью обольстительными обѣщаніями, частью расчитанными угрозами, частью скрытою силою. Но вовлечь въ воинственную ассоціацію всѣхъ собирателей банановъ неудобно, потому что тогда некому будетъ кормить удалую дружину. На этомъ основаніи, разросшаяся ассоціація прилагаетъ свои силы къ тому, чтобы держать всю совокупность собирателей банановъ въ состояніи недобровольной ассоціаціи. Эта недобровольная ассоціація и состоитъ въ томъ, что цѣлыя тысячи людей содѣйствуютъ своими трудами выполненію такихъ возвышенныхъ замысловъ, о которыхъ они не имѣютъ никакого понятія и которые не приносятъ имъ ни малѣйшей выгоды. Мы видѣли, напримѣръ, что пути сообщенія должны служить къ образованію мѣстныхъ центровъ разнородной дѣятельности; мы видѣли также, что количество всякихъ банановъ можетъ увеличиваться только тогда, когда существуютъ такіе мѣстные центры; но система недобровольной ассоціаціи этого не знаетъ и разсуждаетъ совершенно по своему. Гдѣ есть бананы, думаетъ она, тамъ прежде всего должна чувствоваться сила дружины. На основаніи этого разсужденія, всѣ важнѣйшія дороги прокладываются такъ, что онѣ увеличиваютъ препятствіе центра, усиливаютъ въ этомъ центрѣ искусственное движеніе и ослабляютъ естественныя проявленія жизни во всѣхъ далекихъ оконечностяхъ страны банановъ. Изобрѣтенія, относящіяся къ механической и химической переработкѣ сыраго матеріала, должны вести къ тому, чтобы всѣ люди питались, одѣвались и жили лучше прежняго, чтобы сберегалось какъ можно больше человѣческаго труда и чтобы

этотъ сбереженный трудъ употреблялся на усиленіе производительныхъ силъ земли и на развитіе безпредѣльныхъ способностей человѣческаго ума. Но эта цѣль вовсе не соотвѣтствуетъ великимъ интересамъ и строгимъ замысламъ той системы, которая выработалась изъ первобытной дружины. По соображеніямъ системы, добываемые металлы должны превращаться не въ заступы, плуги и паровыя машины, а въ сабли, копья и ружья; строевыя деревья должны употребляться не на постройку домовъ, мельницъ и плотинъ, а на сооруженіе огромныхъ кораблей; изъ мѣди должны дѣлаться не самовары, а пушки; порохъ долженъ служить не для истребленія хищныхъ звѣрей, не для добыванія мѣховъ и дичи, а для отбиванія человѣческихъ рукъ, ногъ и головъ; изъ камня должны строиться не мосты и набережныя, а такія стѣны, которыя будутъ разбиваться чугунными ядрами и взрываться порохомъ. Такимъ образомъ, рабочая сила и изобрѣтательность нашей породы должны направляться не къ тому, чтобы увеличивать существующія удобства жизни, а къ тому, чтобы руками однихъ людей какъ можно быстрѣе и искуснѣе разрушать то, что сдѣлано руками другихъ. Кто слѣдилъ за современными открытіями Армстронга и Уайтворта, кто помнитъ происхожденіе Мерримака и Монитора, кто слышалъ о любопытной борьбѣ англійскаго адмиралтейства, стремящагося создать для кораблей непроницаемую обшивку, съ англійскимъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ, порывающимся разбить въ дребезги всякую обшивку, тотъ, конечно, скажетъ, что XIX вѣкъ въ своихъ нелѣпостяхъ также великъ и послѣдователенъ, какъ въ своихъ общеполезныхъ открытіяхъ и человѣчныхъ стремленіяхъ. Но нелѣпость немедленно получаетъ себѣ практическое примѣненіе, а человѣчныя стремленія, по недостатку матеріальныхъ силъ, останавливаются обыкновенно на одной теоретической послѣдовательности. Можно сказать безъ преувеличенія, что остроумныя изобрѣтенія Армстронга и подобныхъ ему благодѣтелей человѣчества, причинили Англіи больше вреда, чѣмъ длинный рядъ сильнѣйшихъ неурожаевъ. Если бы не было этихъ изобрѣтеній, то старые корабли, старыя укрѣпленія и старыя пушки оставались бы совершенно годными для употребленія, а теперь, благодаря остроумію изобрѣтателей, приходится тратить безъ всякой пользы огромныя количества дерева, желѣза, мѣди, и главное, человѣческаго труда. Вредъ не ограничивается Англіею, потому что за нею, волею и неволею, изъ чувства самосохраненія, тянутся всѣ

остальныя державы. Но кому же всѣ эти усилія приносятъ пользу? Никому. Кто выигрываетъ отъ этихъ всеобщихъ непроизводительныхъ затратъ? Никто. Всѣмъ извѣстно, что финансы сильнѣйшихъ государствъ Европы обременены страшными долгами и что долги эти произошли отъ прежнихъ войнъ: всѣмъ извѣстно далѣе, что чуть ли не три четверти ежегодныхъ доходовъ употребляются на уплату процентовъ и на содержаніе армій и флотовъ, всѣ знаютъ, что эти издержки постоянно увеличиваются, потому что каждая держава боится своего сосѣда и старается превзойти его силою вооруженія. Спрашивается, есть ли возможность своротить съ этой дороги извращеннаго и постоянно ускоряющагося прогресса? Отвѣта на этотъ вопросъ не рѣшится дать ни одинъ глубокій политикъ, но очевидно, что этотъ вопросъ для всей европейской цивилизаціи равняется вопросу: быть иль не быть?

XI.

Дружинники, не производящіе ничего, подчиняютъ своей власти работниковъ, производящихъ пищу, одежду, жилища и инструменты. Торговцы, не производящіе также ничего, точно также подчиняютъ своему произволу производителей, владѣющихъ продуктами, и потребителей, платящихъ за эти продукты трудомъ и другими продуктами. Въ дѣйствіяхъ дружинниковъ преобладаетъ насиліе; въ распоряженіяхъ торговцевъ на первомъ планѣ стоитъ элементъ хитрости и обмана; за исключеніемъ этого оттѣнка различія поступательный ходъ войны и торговли оказывается торжественнымъ. Подобно войнѣ, торговля обращаетъ въ свою пользу ассоціацю, пути сообщенія и техническія открытія, и, подобно войнѣ, она искажаетъ все то, къ чему прикасается. Не увеличивая количества продуктовъ, она обираетъ въ пользу торговаго посредника трудящіеся классы общества; раззоряя производителей, она уменьшаетъ ихъ силу надъ природою, истощаетъ плодородіе земли, перегоняетъ людей съ богатой почвы на бѣдную и превращаетъ заселенныя области въ мертвыя пустыни. Торговля овладѣваетъ перевозочными средствами, и, взимая въ пользу торговаго посредника большую перевозочную плату, старается увеличивать необходимость въ перевозкѣ; такимъ образомъ уве-

личивается цѣнность продуктовъ, и уменьшается ихъ польза; такимъ образомъ отрываются отъ производительныхъ работъ тысячи рукъ, которыя могли бы усиливать плодородіе земли. Когда прокладываются пути сообщенія, торговля всегда старается проложить ихъ такъ, чтобы они усилили притяженіе главнаго центра; централизація выгодна для торговаго класса, потому что она поддерживаетъ бѣдность областнаго населенія, которое такимъ образомъ остается въ безотвѣтной зависимости отъ диктатуры купцовъ, покупающихъ ихъ продукты и продающихъ имъ разныя удобства жизни по произвольно назначаемымъ цѣнамъ. Стремленія торговли здѣсь, какъ и вездѣ, совершенно сходятся съ стремленіями войны и совершенно расходятся съ инстинктивными или сознательными желаніями всѣхъ производительныхъ классовъ. Послѣдніе желаютъ непосредственнаго сближенія между собою, а системы, развившіяся изъ войны и торговли, желаютъ, чтобы производители оставались разъединенными и чтобы каждый изъ нихъ по одиначкѣ находился въ зависимости отъ центральнаго пункта. Война извращаетъ техническія открытія. Торговля также извращаетъ ихъ тѣмъ, что стремится ихъ монополизировать. Всѣ люди желаютъ переработывать добываемые ими продукты на мѣстѣ, а это желаніе вполнѣ естественно и разумно, потому что переработка на мѣстѣ сберегаетъ время и избавляетъ отъ всѣхъ хлопотъ, издержекъ и опасностей перевозки. Торговецъ, напротивъ того, хочетъ, чтобы сырой продуктъ былъ перевезенъ на его кораблѣ или повозкѣ, и чтобы ему за перевозку заплатили побольше денегъ; потомъ онъ хочетъ, чтобы перевезенный продуктъ былъ переработанъ на его фабрикѣ, его машинами, и чтобы за переработку ему опять заплатили, потомъ онъ хочетъ, чтобы переработанный продуктъ былъ перевезенъ на его же кораблѣ къ первому производителю, и чтобы за эту вторичную перевозку было также заплачено. Очень понятно, что торговецъ не останавливается на одномъ желаніи, его интересы принимаются горячо къ сердцу людьми, имѣющими въ рукахъ дѣйствительную силу, и вся политика цѣлыхъ передовыхъ государствъ направляется къ тому, чтобы желанія торговца были дѣйствительно исполнены. И, разумѣется, они исполняются. Результатъ оказывается тотъ, что индусъ или плантаторъ южныхъ штатовъ продаетъ англійскому купцу хлопчатую бумагу по той цѣнѣ, которую послѣднему заблагоразсудится дать, а потомъ покупаетъ у того же купца коленкоръ по

той цѣнѣ, которую достойному джентльмену угодно будетъ взять. Плантаторъ и индусъ бѣднѣютъ, но англійскіе работники, переработывающіе въ коленкоръ хлопчатую бумагу большей части земнаго шара, отъ этого не богатѣютъ, точно также, какъ не богатѣютъ матросы тѣхъ купеческихъ кораблей, которые заработываютъ груды золота своимъ хозяевамъ. Матросы и фабричные получаютъ жалованье, и перебиваются имъ, какъ хотятъ или какъ могутъ. Хозяинъ покупаетъ ихъ трудъ какъ можно дешевле и затѣмъ беретъ себѣ всѣ результаты ихъ труда, какъ бы они ни были велики. Трудъ ихъ не прибавляетъ въ странѣ ни одного зерна хлѣба, и только увеличиваетъ силу ихъ хозяина надъ трудомъ индуса, негра и англійскаго пролетарія. Если бы въ странѣ было только то число фабрикъ, которое необходимо для превращенія сыраго матеріала, производимаго мѣстною почвою, если бы индусу и негру была предоставлена возможность переработывать свои продукты у себя на мѣстѣ, и если бы все излишнее количество пролеторіевъ, работающихъ на теперешнихъ безчисленныхъ фабрикахъ, получило средства приложить свою рабочую силу къ улучшенію земли,—то Индія и Южные штаты обогатились бы вслѣдствіе учрежденія мѣстныхъ центровъ и введеннаго разнообразія занятій, Англія обогатилась бы въ барышахъ, потому что капиталъ, приложенный къ развитію силъ земли, даетъ прочный и постоянно увеличивающійся доходъ. Изъ всего, что было говорено въ этомъ очеркѣ, мы можемъ вывести довольно важныя и плодотворныя заключенія. Человѣческое общество въ первоначальной его формѣ можно представить себѣ въ видѣ пирамиды, разгороженной на нѣсколько этажей. Въ самомъ нижнемъ этажѣ работаютъ люди, добывающіе сырые матеріалы; они находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ землею и ихъ этажъ составляетъ основаніе всего строенія, потому что въ остальныхъ ярусахъ люди только переработываютъ или передаютъ другъ другу изъ рукъ въ руки то, что отрываютъ отъ земли обитатели нижняго яруса. Во второмъ этажѣ совершается механическая и химическая переработка добытыхъ матеріаловъ. Въ третьемъ этажѣ дѣйствуютъ люди, занимающіеся перевозкою и устроивающіе пути сообщенія. Въ четвертомъ обитаютъ всѣ разнообразные классы людей, живущихъ производительнымъ трудомъ нижняго этажа. Равновѣсіе этой общественной пирамиды будетъ тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ обширнѣе будутъ нижніе два этажа въ сравненіи съ верхними, и чѣмъ значительнѣе вѣсъ ниж

нихъ этажей будетъ превышать тяжесть верхнихъ. Нижніе этажи должны быть обширнѣе — это значитъ, что большее число людей должно заниматься добываніемъ и переработкою сырыхъ продуктовъ, а не перевозкою ихъ съ мѣста на мѣсто и не разнообразнымъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Нижніе этажи должны быть тяжелѣе. Такъ какъ специфическая сила человѣка заключается не въ мускулахъ, а въ мозгу, то вѣсомъ человѣка въ переносномъ смыслѣ можетъ быть названа сумма его дѣятельныхъ умственныхъ способностей. Исторія показываетъ намъ, что пріобрѣтаетъ и удерживаетъ господство въ обществѣ именно тотъ классъ или кругъ людей, который владѣетъ наибольшимъ количествомъ развитыхъ умственныхъ силъ. Преобладанію аристократіи во Франціи пришелъ конецъ, когда перевѣсъ ума, таланта и образованія оказался въ рядахъ достаточной буржуазіи, а преобладанію буржуазіи такъ же придетъ конецъ, когда тотъ же перевѣсъ перейдетъ въ ряды трудящагося пролетаріата. Слѣдовательно, когда мы говоримъ: «нижніе этажи должны быть тяжеле», это значитъ, что въ массахъ земледѣльцевъ и фабричныхъ должно сосредоточиваться и обращаться больше знаній, чѣмъ въ кучкахъ людей, занимающихся очень неголоволомнымъ дѣломъ исключительнаго потребленія продуктовъ. Въ тѣхъ цивилизаціяхъ, которыя уже погибли, и въ тѣхъ, которымъ угрожаетъ погибель, нарушались и нарушаются самымъ неосторожнымъ образомъ оба условія, необходимыя для поддержанія устойчиваго равновѣсія. Въ каждой изъ пирамидъ, соотвѣтствующихъ этимъ цивилизаціямъ, устроенъ очень замысловатый механизмъ, посредствомъ котораго большая часть продуктовъ, добываемыхъ и превращаемыхъ въ двухъ нижнихъ этажахъ, съ мгновенною быстротою переносятся въ верхній ярусъ, гдѣ они тотчасъ же и потребляются. Благодаря этому механизму, жильцы четвертаго этажа пользуются изобиліемъ и имѣютъ возможность употреблять значительную долю своего вѣчнаго досуга на развитіе умовъ и сердецъ. Обитатели нижнихъ этажей знаютъ, что на антресоляхъ жить очень весело, поэтому, во всей пирамидѣ господствуетъ неистовое желаніе карабкатся кверху; кверху лѣзутъ и гастрономы, и честолюбцы, и тщеславныя посредственности; но туда же лѣзутъ и замѣчательные таланты, и люди безукоризненные въ нравственномъ отношеніи, потому что только въ верхнемъ этажѣ можно найти умственую дѣятельность и нѣкоторую степень нравственной самостоятельности. Красота, умъ, талантъ, богатство, желѣзная во-

ля—все, что въ какомъ нибудь отношеніи составляетъ силу человѣка, все это употребляется на переправу въ верхній этажъ. Внизу остаются только тѣ, которыхъ природа и обстоятельства лишаютъ всякой возможности подняться. Эти невольные обитатели нижнихъ ярусовъ бѣдны, тупы, слабы и забиты. Кто поднялся наверхъ, тотъ старается удержаться наверху, и упрочиваетъ тамъ квартиры для своихъ дѣтей. Кто не можетъ быть барономъ наверху, тотъ идетъ наверхъ въ лакеи, потому что лакея кормятъ и одѣваютъ лучше, чѣмъ производительнаго работника.

Кромѣ тѣхъ людей, которые попадаютъ наверхъ по собственной охотѣ, есть и другіе, которыхъ затаскиваютъ туда насильно. Конскрипціи Наполеона I затащили въ высокія хоромы болѣе милліона французскихъ гражданъ, которые предпочли бы оставаться внизу, за сохою или за ткатцимъ станкомъ. Когда такимъ образомъ все, что сильно, умно и талантливо лѣзетъ или привлекается наверхъ, тогда, конечно, производительныя работы нижнихъ этажей идутъ вяло и плохо. Жильцы бѣднѣютъ, ссорятся между собою за кусокъ хлѣба и производятъ преступленія противъ личности и собственности. Чтобы разбирать ссоры, необходимы судьи и адвокаты; чтобы предупреждать и преслѣдовать преступленія, необходима разнообразная полиція; чѣмъ больше ссоръ и преступленій, тѣмъ больше судей, адвокатовъ и полицейскихъ, которые всѣ также живутъ въ четвертомъ этажѣ, и увеличивая его тяжесть, увеличиваютъ неустойчивость общаго равновѣсія. Чѣмъ бѣднѣе жильцы нижнихъ этажей, тѣмъ болѣе они зависятъ отъ произвола верхнихъ капиталистовъ; чѣмъ невыносимѣе жизнь внизу, тѣмъ сильнѣе и безпокойнѣе стремленіе наверхъ; люди бѣгутъ изъ нижнихъ этажей и кверху, и совсѣмъ вонъ изъ пирамиды, куда нибудь въ Америку или въ Австралію. Камни пирамиды вынимаются такимъ образомъ изъ основанія и кладутся на вершину, или выбрасываются вонъ. Основаніе постоянно становится уже, а вершина шире и тяжеле. Вся эта исторія неминуемо должна кончиться тѣмъ, что пирамида рухнетъ и превратится въ безобразную кучу мусора. Это уже дѣло бывалое. Такіе пассажи сдѣлаются невозможными только тогда, когда работникъ будетъ образованъ и доволенъ своимъ положеніемъ. Мы уважаемъ трудъ, но этого мало. Надо, чтобы трудъ былъ пріятенъ, чтобы результаты его были обильны, чтобы они доставались самому

труженику, и чтобы физическій трудъ уживался постоянно съ обширнымъ умственнымъ развитіемъ. Пока это не будетъ сдѣлано, всякая цивилизація будетъ находиться въ неустойчивомъ равновѣсіи перевернутой пирамиды. А какъ же это сдѣлать? Не знаю. Рецептовъ предлагалось много, но до сихъ поръ ни одно универсальное лекарство неприложено къ болѣзнямъ дѣйствительной жизни.

Д. Писаревъ.

1863 17 сентября

СЕРБСКІЕ МОТИВЫ.

Ржетъ и бьется у забора
Конь ретивый... скоро, скоро
Твой хозяинъ удалой
Саблю острую надѣнетъ,
Ловко ногу въ стремя вдѣнетъ
И умчится въ лѣсъ съ тобой.

* * *

Погоди еще немного—
Онъ съ невѣстой у порога
На прощаньи говорилъ:
— «Ну, прощай, моя голубка!
Хоть съ врагомъ и будетъ рубка —
Да не буду я убитъ.

* * *

Смерть вокругъ меня летала,
Да рука не измѣняла...
Нѣтъ! но если въ грудь мою
Пуля врѣжется шальная—
Не печалься, дорогая!
Палъ твой другъ въ честномъ бою!

* * *

Счастливъ падшій въ славной битвѣ!
Помяни меня въ молитвѣ...
Но—пора! ужъ близокъ часъ,—
Дай тобой налюбоваться
Мнѣ еще, еще обняться...
Можетъ быть—въ послѣдній разъ»...

* *
*

— „О разлукѣ мысль къ чему?
Говоритъ она ему,—
Я спокойна, слезъ не видно,
Но любви моей ты вѣрь...
Только думать намъ теперь
О любви—не время, стыдно!

* *
*

Стонетъ наша вся земля,
Посмотри: въ крови поля...
И теперь любовь другая
Гнѣвно сердце наше жжетъ—
Насъ, дѣтей къ себѣ зоветъ
Мать—отчизна, взывая!

* *
*

Я не стоила-бъ любви,
Что горитъ въ твоей крови,
Если-бъ я тебя любила
Больше родины своей...
На коня! Скорѣй, скорѣй!
Тьма ночная наступила»...

Кровью окрашена травка,
Смяты цвѣты полевые...
Бились здѣсь храбрые Сербы —
Вотъ ихъ и трупы нѣмые.

* *
*

Мать блѣднѣющая ходитъ
Шепчетъ задумчиво что-то,
Дико смѣется и ищетъ
Въ кучѣ убитыхъ кого-то ..

* *
*

Вотъ на колѣняхъ невѣста:
Трупъ жениха передъ нею...
— „Спи, говоритъ она тихо,
Грудь я твою не согрѣю.

* *
*

Нѣтъ, ты не встанешь съ улыбкой
Отъ моего поцалуя...
Только теперь—какъ отчизну,
Другъ мой, тебя полюблю я!..

И. Киглевъ.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

(Abschaffung der Todesstrafe von Professor Berner. 1861 Jahr. — Die Todesstrafe von Professor Mittermaier. 1862 Jahr. — Учебникъ уголовнаго права. В. Спасовича т. I 1863.—Очеркъ исторіи уголовнаго законодательства въ Европѣ. Богородскаго. 1862 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось сознаніе человѣческаго достоинства и грубое насиліе, облеченное юридическимъ правомъ, стало уступать мѣсто идеѣ справедливости, смертная казнь сдѣлалась предметомъ сомнѣнія и отрицанія. Ее начали разсматривать, какъ остатокъ ложныхъ религіозныхъ вѣрованій и средневѣковой тиранніи, основанной на системѣ устрашенія. Лишить человѣка жизни всегда казалось дѣломъ въ высшей степени жестокимъ, но не смотря на то, смертная казнь, возведенная въ принципъ римской юриспруденціей, господствовала во всѣхъ законодательствахъ.

Въ эпохи мрачныхъ религіозныхъ гоненій и разгара политическихъ страстей ее примѣняли ко всѣмъ случаямъ, гдѣ человѣческій судъ смѣшивался съ раздраженнымъ чувствомъ мести; ее торжествовали, какъ апофеозу коллективной силы надъ отдѣльнымъ лицомъ; въ честь ея воздвигались костры, убліеты съ острыми ножами на днѣ, куда бросался преступникъ, и созидали всевозможныя мучительныя пытки, съ самыми утонченными пріемами медленной смерти. Теперь едва вѣрится тѣмъ ужаснымъ бойнямъ, которыя производились въ средніе вѣка во имя *вѣчной* и *непреложной правды*, какъ эту правду понимали тогдашніе юристы. Время и умственное развитіе человѣ-

чества подкопали систему устрашенія, какъ самую ложную и безполезную систему, и если доселѣ существуетъ смертная казнь, то ее оправдываютъ теоріей государственной необходимости, а не идеей справедливости...

I.

Теоретическая протестація противъ смертной казни.

Теоретическимъ путемъ начали отрицать раціональность и справедливость смертной казни только съ XVIII вѣка, а именно съ того момента, когда выработалась теорія общественнаго договора. Эта теорія была выводомъ изъ догмата народнаго представительства, — противопоставленнаго деспотическому принципу. Она и послужила основаніемъ для теоретическаго протеста противъ смертной казни. Во главѣ этой школы былъ итальянскій философъ Беккарія. Въ сочиненіи своемъ «Dei delitti e delle pene», появившемся въ 1764 г. и созрѣвшемъ подъ вліяніемъ французской философіи, онъ развивалъ идею, что никто изъ гражданъ не могъ включать въ общественный договоръ ни своей совѣсти, ни своей жизни, и изъ этого мотива выводилъ, что общество не должно имѣть прерогативы казнить смертью своихъ гражданъ. Съ этого момента начали появляться трактаты за и противъ смертной казни. Они по своимъ разнохарактернымъ тенденціямъ весьма интересны. Поэтому и остановимся на особенно выдающихся изъ нихъ.

А) Теоріи противниковъ смертной казни.

Мнѣнія, направленныя противъ смертной казни и построенныя на религіозныхъ догматахъ, были слѣдующія:

Одни выводили положенія свои изъ свойства Божественнаго промысла, ссылаясь на то, что въ книгѣ судебъ предопредѣленъ конецъ нашей жизни; слѣдовательно государство, преждевременно прекращающее эту жизнь, вмѣшивается въ дѣло промысла. Другіе говорили, что жизнь есть благо неприкосновенное, лежащее внѣ человѣческой юрисдикціи. Третіи, — представители христіанскихъ идей, — отвергали смертную казнь потому, что она, отнимая у преступника жизнь, лишаетъ его средствъ къ исправленію для будущей жиз

Они говорили: настоящая жизнь есть только приготовленіе къ будущей; слѣдовательно человѣческій судъ не долженъ мѣшать человѣку исправиться, отнимая, смертною казнію, у него возможность раскаяться и спасти душу. Кажется, этотъ мотивъ долженъ былъ бы заставить теологовъ и духовенство поголовно возстать противъ смертной казни; но, въ дѣйствительности, этого не случилось: многіе изъ нихъ, извративъ смыслъ священнаго писанія, не только не раздѣляли этихъ убѣжденій, но еще возставали противъ нихъ.

Отрицаніе справедливости смертной казни основываютъ еще на свойствѣ суда человѣческаго и на послѣдствіяхъ смерти. Мотивомъ къ этому служитъ то, что судъ человѣка есть судъ ошибочный и какъ лишеніе жизни есть дѣйствіе невознаградимое, то ошибки суда въ приговорахъ къ смертной казни могутъ сопровождаться послѣдствіями ничѣмъ неисправимыми.

Справедливость этого довода доказывается живыми фактами. Такъ напримѣръ, 13-го октября 1761 года былъ отысканъ повѣшеннымъ, страдавшій меланхоліею, сынъ француза Жана Каласа. Не смотря на то, что граждане были самаго высокаго мнѣнія о послѣднемъ, какъ о человѣкѣ честномъ, правительство заподозрило его, какъ протестанта въ убійствѣ сына, склонявшагося къ католицизму. Основываясь на этомъ голомъ предположеніи, тулузскій парламентъ приговорилъ Жана Каласа къ колесованію. Но до приведенія казни въ исполненіе его сначала подвергнули мучительной пыткѣ, которую онъ вынесъ съ необыкновеннымъ мужествомъ. А потомъ, за нѣсколько минутъ до колесованія, онъ съ тѣмъ же мужествомъ произнесъ: «Я умираю невиннымъ. Мои судьи въ заблужденіи. Но Христосъ, который также былъ невиннымъ, умеръ еще болѣе мучительною смертію.»

Послѣ этого печальнаго событія семейство Каласа вынуждено было оставить родину, такъ какъ въ тѣ времена близкіе родственники казненнаго всегда становились въ глазахъ грубаго народа предметомъ ужаса и отвращенія. Женева сдѣлалась мѣстомъ убѣжища для несчастнаго семейства. Тамъ познакомился съ ними Вольтеръ, который, узнавъ о постигнувшемъ ихъ горѣ, рѣшился оправдать Каласа передъ обществомъ. Вслѣдствіе его участія была произведена ревизія процесса и пятьдесятъ судей, просмотрѣвъ вновь дѣло, объявили полную невинность Жана Каласа.

Такихъ грустныхъ фактовъ исторія представляетъ безчисленное множество. Стоитъ только заглянуть въ исторію революцій Франціи и Англіи и намъ представятся тысячи жертвъ, погибшихъ на эшафотѣ совершенно невинно. Нельзя сказать, чтобы и наше время не представляло подобныхъ возмутительныхъ явленій. Такъ, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ въ Англіи и Франціи было пять смертныхъ приговоровъ, надъ подсудимыми, оказавшимися потомъ невинными. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, пристрастіе и близорукость человѣческаго суда были главными причинами напрасно пролитой крови...

Сознаніе о томъ, что судъ человѣка не можетъ быть безукоризненнымъ, пробуждается все глубже и глубже. И потому тамъ, гдѣ судъ производится съ присяжными, судьи въ большей части случаевъ, предписывающихъ смертную казнь, стараются найти обстоятельства, могущія оправдать преступника. Это дѣлается ими изъ боязни произнести жестокій и несправедливый приговоръ надъ невиннымъ подсудимымъ. Кромѣ того многіе изъ судей, даже вполнѣ убѣждаясь въ преступности даннаго субъекта, избѣгаютъ вмѣняемости смертной казни еще потому, что она противна ихъ убѣжденіямъ о справедливости и легальности этого наказанія. Такъ въ Англіи иногда случается, что судьи, присяжные, свидѣтели, защитники и обвинители составляютъ, что-то въ родѣ заговора, чтобы только освободить преступника отъ смертной казни. Присяжные, чтобы избѣгнуть жестокаго приговора, избираютъ даже, во имя гуманности и святого дѣла, путь клятвопреступленія. Это доказывается слѣдующими фактами. Когда за кражу 40 шиллинговъ назначалась по англійскому закону смертная казнь, то изъ свѣдѣній парламента видно, что въ продолженіи 15 лѣтъ въ 535 случаяхъ, присяжные старались доказать, что виновныхъ нельзя подвергнуть наказанію потому, что украденная сумма будто бы не превышала 39 шиллинговъ. Вообще англійскіе присяжные питаютъ такое отвращеніе къ уголовнымъ дѣламъ, по которымъ преступникъ долженъ быть казненъ, что большею частію одно изъ двухъ: или стараются признать его невиннымъ; или же если находятъ это невозможнымъ, то, по преступленіямъ убійства, доказываютъ, что оно совершено неумышленно; и потому смертная казнь обыкновенно замѣняется пожизненнымъ заключеніемъ. Такимъ образомъ одно изъ самыхъ педантическихъ правительствъ, въ дѣлѣ легальнаго воззрѣнія на общество, невольно отступаетъ передъ кровавымъ призракомъ смертной казни.

Говоря вообще о противникахъ смертной казни, мы укажемъ еще на нѣкоторыя теоріи, созданныя ими. Одна изъ нихъ, отвергаетъ всѣ тѣ наказанія, которыя не строются на исправительномъ началѣ. Такъ нѣкоторые криминалисты, видя въ исправленіи основную и конечную цѣль наказанія, утверждаютъ, что государство должно дѣйствовать кротостью, а не жестокостью и устрашеніемъ, которое есть ни что иное какъ оптическій обманъ. Цѣль государста, говорятъ они, состоитъ въ томъ, чтобы оградить себя отъ вреда преступленія, отъ злой воли преступника и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать нравственному исправленію его. Другія ученія, созданныя идеалистами и матеріалистами, имѣютъ слѣдующій характеръ: идеалисты развиваютъ идею, что въ основаніи наказанія, — принципъ исправленія долженъ преобладать надъ всѣми другими принципами, потому что законъ братской любви, не отвергающій и преступниковъ, требуетъ, чтобы мы старались даже помимо воли послѣдняго исправить его. Матеріалисты, проводя идею объ исправленіи, говорятъ, что человѣкъ есть продуктъ общества, въ которомъ онъ живетъ, что его воля—добрая она или злая — есть плодъ тѣхъ соціальныхъ условій, подъ которыми формируется отдѣльная личность.

Изъ всего, что сказано выше, ясно, что люди различныхъ направленій и убѣжденій, сходятся на идеѣ исправленія. Но есть дѣятели мысли, которые не удовлетворяются и этою конечною цѣлью наказанія: нѣкоторые изъ нихъ совершенно отвергаютъ необходимость уголовнаго права. Мотивомъ къ тому послужило воззрѣніе, что всѣ дѣйствія человѣка совершаются помимо его воли, вслѣдствіе непреложныхъ законовъ природы, воспитанія и общественнаго порядка. Отсюда вытекаетъ полное отрицаніе свободной воли въ человѣкѣ и отвѣтственности за его дѣйствія...

Распространенію этого мнѣнія содѣйствовали:

Теологи, которыя восходя къ абсолютному началу, во всемъ находили вліяніе невидимой, сверхъестественной силы, дѣлающей человѣка орудіемъ своихъ абстрактныхъ цѣлей. Естествоиспытатели, изучающіе человѣка въ связи съ остальными явленіями природы, старавшіеся объяснить всѣ ненормальныя дѣйствія человѣка разстройствомъ душевныхъ способностей, не отдѣляя ихъ отъ физическихъ. И потому на преступника смотрящіе, какъ на больнаго.

Френологи или краніоскописты, занимаясь изслѣдованіями надъ выпуклостями черепа, доказывали, что по нимъ можно судить о на-

клонностяхъ и характерѣ человѣка, такъ какъ они зависятъ отъ величины, формы и специфическихъ качествъ мозга. А изъ этого они выводили слѣдующее заключеніе: всякое преступленіе вытекаетъ или отъ дурнаго устройства мозга или отъ временно болѣзненнаго его состоянія или вслѣдствіе невѣжества человѣка. И потому: въ первомъ случаѣ, въ немъ нужно видить сумашедшаго; во второмъ—больнаго; а въ-третьемъ—человѣка неразвитаго, для котораго необходимо образованіе, могущее развить его понятія о добрѣ и злѣ. Слѣдовательно во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніе совершенно немыслимо, въ особенности относительно преступленія по невѣжеству, въ которомъ прямо виновато общество, не озаботившееся воспитаніемъ преступника.

Но самымъ сильнѣйшимъ и рѣшительнымъ противникомъ уголовнаго права былъ социалистъ Робертъ Оуэнъ (Owen) *). По его мнѣнію, характеръ человѣка есть слѣдствія его организма и внѣшнихъ вліяній. «Дайте человѣку воспитаніе, говоритъ онъ, безукоризненную среду и онъ будетъ хорошимъ человѣкомъ.» Онъ требуетъ, чтобы награды и наказанія были уничтожены, и уголовное право замѣнилось бы народнымъ воспитаніемъ. Для осуществленія своей теоріи, онъ основалъ въ Шотландіи рабочую фабричную колонію, въ которой не было частной собственности, а господствовалъ коммунизмъ. Виновный въ преступленіи изгонялся изъ общества безъ всякихъ наказаній. Успѣхъ этой колоніи былъ блистательный. Но вдругъ Оуэнъ столкнулся съ английскимъ духовенствомъ, которое заподозрило его въ атеизмѣ, и при самомъ развитіи задушило его смѣлое и великое предпріятіе. Такимъ образомъ остались неизвѣстными дальнѣйшіе результаты этой новой и гуманной мысли...

Б. Теоріи защитниковъ смертной казни.

Одни изъ защитниковъ смертной казни доказываютъ необходимость ее тѣмъ, что большая часть народа требуетъ мщенія — наказанія «кровь за кровь». — Но развѣ это требованіе, какъ справедливо замѣчаетъ Бернеръ, есть голосъ справедливаго чувства? Не есть ли это грубость, неразвитость, желаніе видѣть страданія, изъ за мести? Законодатель не долженъ останавливаться на такихъ грубыхъ элемен-

*) New views of society or essays upon the formation of human character.

тахъ Иначе онъ будетъ Пилатомъ, послушавшимъ голоса народа: «распни его! распни!»

Фактически доказано, что какъ законодательство имѣетъ влiянiе на народъ, такъ и обратно. И потому въ первомъ случаѣ каждый законодатель долженъ поставить себѣ задачею слѣдующее: если народъ такъ грубъ и неразвитъ, что не могъ еще самъ возвыситься до понятiя о несправедливости жестокихъ наказанiй, — законодатель, отмѣнивъ жестокiй законъ, долженъ замѣнить его другимъ и пояснить народу причину. Такой порядокъ смягчаетъ и облагороживаетъ чувства и нравы. Напротивъ, кровавыя сцены дѣйствуютъ дурно на нравственность народа, увеличиваютъ его грубость, уничтожаютъ въ немъ человѣческое чувство и возбуждаютъ свирѣпость и жажду крови. Диккенсъ, который 13-го ноября 1849 г присутствовалъ при казни двухъ убiйцъ—мужа и жены Маннингъ, разсказываетъ: «что свирѣпое и легкомысленное поведенiе безчисленной толпы было такою страшною сценой, какую только человѣкъ можетъ себѣ представить, и едва ли встрѣтитъ въ какомъ нибудь языческомъ городѣ подъ солнцемъ. Висѣлица и преступники совершенно исчезли изъ моихъ глазъ при видѣ страшныхъ волненiй, движенiй физiономiй, и говора собравшихся зрителей. Когда оба преступника вздернуты были на воздухъ: въ народѣ не показалось ни сочувствiя, ни сожалѣнiя, ни страха. Толпа оставалась невозмутимой и спокойной, точно ни одно человѣческое чувство не было ей доступно. Изъ всего этого можно было заключить, что она способна смотрѣть на казнь людей, какъ на бойню животныхъ.—Я знаю лондонскую жизнь, продолжаетъ Диккенсъ, въ самомъ испорченномъ ея видѣ, и мое горячее убѣжденiе то, что самая великая проницательность не можетъ ничего выдумать сильнѣе смертной казни для разврата общественной нравственности.»

Но если законодательство дѣйствуетъ на народъ, то и народъ въ свою очередь можетъ влiять на законодательную власть. Это мнѣнiе подтверждается слѣдующими живыми примѣрами:

Въ Норвегiи въ 1859 г. былъ приговоренъ къ смерти одинъ преступникъ за убiйство. Прошлая хорошая жизнь его прiобрѣла ему общее уваженiе гражданъ, и потому жестокiй приговоръ произвелъ въ народѣ такое волненiе, что преступника должны были помиловать.

Когда въ Англiи казнили банкира (Fauntleroy) за поддѣлку фаль-

шивыхъ бумагъ, то англійскіе банкиры обратились въ парламентъ съ просьбою объ отмѣмѣ смертной казни за этотъ видъ преступленія. Но просьба ихъ была отвергнута большинствомъ голосовъ. Однако это не остановило банкировъ: они при помощи прессы старались провести въ народъ идеи объ отмѣненіи смертной казни и это увенчало ихъ цѣль полнымъ успѣхомъ: общество приняло въ этомъ дѣлѣ участіе и смертная казнь была отмѣнена за вышеозначенное преступленіе.

Во Флоренціи протестъ противъ смертной казни выразился слѣдующимъ образомъ: въ день совершенія ея многіе жители оставили городъ; улицы, по которой шла процессія, были совершенно пусты, всѣ лавки были закрыты, граждане прятались въ церковь, гдѣ молились и при совершеніи смертной казни было мало зрителей. Все это показало герцогу Леопольду, какъ народъ не сочувствуетъ кровавымъ сценамъ. И вслѣдствіе манифестаціи начали избѣгать подобныхъ зрѣлищъ.

Въ 1859 г. извѣстный политическій переворотъ заставилъ Сардинское правительство декретомъ отъ 10 января 1860 г. совершенно уничтожить смертную казнь.

Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что есть націи, въ которыхъ чувство отвращенія къ смертной казни развито, а въ другихъ оно слабо или совершенно его нѣтъ.

Изъ теоретическихъ защитниковъ смертной казни были самые ярые защитники—послѣдователи Канта и Гегеля. Они признаютъ ее необходимой потому, что будто нельзя найти другой эквивалентъ для нѣкоторыхъ преступленій; они говорятъ что есть такія тяжкія преступленія, за которыя человѣкъ долженъ платиться жизнію. Но никто изъ нихъ не могъ опредѣлить съ математическою точностію, что какое-нибудь данное преступленіе достигло полной своей мѣры; и потому попытка, на основаніи принципа возмездія, уравновѣсить вѣсомое съ невѣсомымъ совершенно немыслима. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ посмотрѣть на ученіе самаго яраго нѣмецкаго бюрократа и идеалиста—Гегеля.

По мнѣнію его, наказаніе есть возмездіе; но оно должно имѣть мѣру въ самомъ преступленіи: оно должно соразмѣряться въ качественномъ и количественномъ отношеніи, съ содѣяннымъ зломъ. И это равенство должно быть внутреннее, а не внѣшнее. При этихъ данныхъ можно будетъ уравнять между собою вещи совершенно раз-

личныя. Напримѣръ, за кражу съ одной стороны, должно слѣдовать тюремное заключеніе съ другой. Эти разнохарактерные виды могутъ быть уравновѣшены другъ съ другомъ и подведены подъ одинъ общій знаменатель.

Наказаніе, по ученію Гегеля, возникаетъ вслѣдствіе необходимости развитія идеи правды. Эта идея—отрицается неправдою: наказаніе же—отрицаніе отрицанія, т. е. возстановленіе правды. — Но такой абстрактный сумбуръ могъ уложиться въ головѣ только нѣмецкаго философа, изсушившаго свой мозгъ надъ мертвыми теоріями. Если преступленіе есть отрицаніе правды—зло, то ни оно, явившись на свѣтъ, можетъ быть радикально уничтожено, а нѣкоторыя его послѣдствія; уничтоженію же его могутъ содѣйствовать не одни наказанія, но и другія различныя средства. И если наказаніе совершается только ради отрицанія, воздаянія—зломъ за зло, вслѣдствіе мести, то оно есть насиліе и признать его справедливымъ едва ли кто рѣшится въ наше время. Когда мы видимъ, что не все общество, а отдѣльный его членъ самъ расчитывается съ обидчикомъ, мы называемъ это местью; то же самое будетъ, если вмѣсто частнаго лица мстителемъ явится общество; и если месть несправедлива въ отдѣльныхъ лицахъ, то тѣмъ болѣе въ цѣломъ обществѣ. Наконецъ было бы странно избирать наказаніе для удовлетворенія какой-то абсолютной справедливости, т. е. пробовать на человѣческой кожѣ опыты своихъ праздныхъ фантазій. Намъ нечего договаривать, къ какимъ жалкимъ и пошлымъ результатамъ привела философія Гегеля своихъ послѣдователей вообще и сторонниковъ смертной казни въ особенности.

Теперь остановившися на теоріи устрашенія, на которой многія изъ защитниковъ смертной казни основываетъ свои довыды. Теорія эта разсуждаетъ такъ: какъ не безотрадна перспектива для осужденнаго на пожизненное заключеніе, но мысль о немъ не потрясаетъ преступника въ такой мѣрѣ, какъ идея о смертной казни; послѣдняя въ особенности сильно дѣйствуютъ на народъ и сдерживаетъ его отъ преступности ужаснымъ зрѣлищемъ казни, слѣдовательно она необходима для примѣра, «дабы другимъ повадно не было», какъ говоритъ «уложеніе Алексѣя Михайловича».

Но это мнѣніе не выдерживаетъ самой рутинной критики.

По теоріи, уголовное право можетъ устрашать: 1) угрозою уголовнаго закона и 2) видомъ наказанія.

Мысль объ угрозѣ уголовнымъ закономъ построена на идеѣ о томъ, что каждый гражданинъ, зная законодательство, остережется отъ печальныхъ результатовъ, которые его ожидаютъ за преступленіе; и потому взвѣсивъ ихъ остановится совершить его. Но это воззрѣніе совершенно ложное. Во первыхъ, многіе могутъ вовсе не знать угрожающаго закона. Во-вторыхъ, законодатель, выставляющій уголовное право въ видѣ пугала, обнаруживаетъ незнаніе сердца человѣческаго и явленій въ немъ исходящихъ: онъ предполагаетъ, что каждый субъектъ анализируетъ свои дѣйствія, и если рѣшается на преступленіе, то имѣетъ въ виду и послѣдствія его Но опытъ показываетъ ошибочность этого воззрѣнія. Въ многихъ преступленіяхъ страсть до того овладѣваетъ человѣкомъ, что парализируетъ его разсудокъ, вслѣдствіе чего и нельзя ждать отъ него холоднаго анализа своихъ намѣреній и дѣйствій. Кромѣ того. есть множество преступленій, прямо вытекающихъ изъ органическаго разстройства, какъ это замѣчается на политическихъ и религіозныхъ фанатикахъ, у которыхъ преобладающая мысль обращается въ idée-fixe, затмѣвающую сознаніе всѣхъ другихъ цѣлей жизни, кромѣ той, къ которой фанатикъ стремится.

То же самое намъ приходится сказать и объ устрашеніи видомъ наказанія.

Эта теорія принадлежитъ къ грубѣйшимъ средневѣковымъ предразсудкамъ, сущность ея заключается въ томъ, что большая часть людей руководится только одними животными инстинктами и потому имѣетъ наклонность къ совершенію преступленій; слѣдовательно обуздать ихъ можно только свирѣпымъ закономъ и потрясающимъ видомъ страданій преступника.

Далѣе эта теорія имѣетъ въ виду не наказаніе преступленія, а прекращеніе новыхъ преступленій. Фейербахъ говоритъ объ этомъ такъ: «право лишать жизни человѣка основано на томъ, что кровь его нужна для психологическихъ опытовъ, что судорожное движеніе его тѣла, безобразный видъ его отрѣзанной головы сильно дѣйствуетъ на нервы черни и такимъ образомъ, устрашая, удерживаютъ ее отъ преступленій».

Но статистическія наблюденія и историческіе опыты раскрыли всю нелѣпость этой теоріи. Устрашительныя мѣры вовсе дѣйствуютъ не такъ, какъ предполагаютъ. Напримѣръ Гилль *) разсказываетъ слѣ-

*) Crime its amount p. 170.

дующій замѣчательный случай: «Одинъ купецъ, послѣ присутствія при смертной казни банкира Fauntleroy, постоянно былъ преслѣдуемъ мыслію, какъ бы улучшить способъ дѣланія фальшивыхъ бумагъ, и какъ бы поумнѣе повести свои дѣла, чтобы преступленіе его не было открыто такъ, какъ преступленіе банкира».

Въ Бостонѣ какъ-то казнили за поджигательство. Послѣ этого событія поджоги увеличились еще болѣе; потомъ оказалось, что всѣ поджигатели присутствовали при первой казни.

Также одинъ священникъ разсказываетъ, что изъ 167 человѣкъ, у которыхъ онъ былъ предъ казнію, 161 изъ нихъ объявили ему что до совершенія преступленій они находились при казняхъ другихъ.

Въ Англіи и во Франціи встрѣчаются случаи, гдѣ все семейство отъ дѣда до внука подвергались разновременно казнямъ.

Наконецъ, когда въ Лондонѣ казнили за кражу, то во время самой казни воры опустошали карманы у зрителей. А это ясно показываетъ, что смертная казнь вовсе не устрашаетъ черни и не сдерживаетъ ее отъ преступленія. Напротивъ, фактически доказано, что казнь, притупляя въ народѣ нравственное чувство, возбуждаетъ даже нѣкоторое подражаніе къ совершенію преступленій. И что цифра преступниковъ возрастаетъ именно тамъ, гдѣ законы строже и наказанія болѣе жестоки — это общеизвѣстный фактъ, не требующій особенныхъ доказательствъ.

Да и то надо замѣтить, что смертная казнь вовсе не такъ устрашаетъ еще потому, что рѣшившійся на преступленіе не расчитываетъ на наказаніе: онъ надѣется на безнаказанность, на скрытіе преступленія, на снисходительность суда и тому подобныя ободряющія обстоятельства.

Конечно нельзя сказать этого относительно всѣхъ преступниковъ: есть личности, которыя дѣйствуютъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что за совершеніе извѣстнаго акта они не останутся безнаказанными, какъ напримѣръ политическіе преступники. Протестуя противъ господствующаго порядка, они не боятся смерти: они ясно понимаютъ, какой отвѣтственности подвергнутся въ случаѣ неудачи; и не смотря на это, все таки фанатически стремятся къ осуществленію своихъ цѣлей и охотно жертвуютъ жизнію ради фантастическихъ или дѣйствительныхъ интересовъ своей доктрины. Были даже такіе случаи, что они охотно умирали, чтобы примѣромъ своей смерти вывести изъ апатіи общество и возбудить патріотическій героизмъ

другихъ мечтателяхъ. Въ исторіи встрѣчается бездна такихъ фактовъ; стало быть идея объ устрашеніи цѣлаго общества и отдѣльныхъ лицъ оказывается, въ данномъ случаѣ, не только безполезной, но положительно вредной.

II.

Преступники.

Если мы глубже вглядимся въ общественный организмъ, то увидимъ, что смертная казнь несправедлива потому, что преступленія большею частію порождаетъ дурное устройство соціальнаго и семейнаго быта; недостатокъ умственнаго и нравственнаго развитія, вслѣдствіе чего и не можетъ выработаться сознаніе — о справедливости и чести; пролетаріатъ и пауперизмъ, а эти гнойныя раны на современномъ человѣчествѣ—выдвигаютъ съ одной стороны легіоны мрачныхъ тружениковъ, которыхъ трудъ равняется труду рабочаго скота, а съ другой тунеядство и нищенство, какъ неизсякаемый источникъ, всевозможныхъ пороковъ и преступленій. А какъ въ большей части случаевъ отвѣтственность за такія преступленія падаетъ на само общество, не озаботившіеся уничтожить мотивы къ преступленіямъ, то подвергать преступниковъ жестокой казни несправедливо. Напротивъ общество обязано относиться къ нимъ возможно-большей гуманностью, принявъ въ основааіе еще и то, что многіе дѣлаются преступными вслѣдствіе сильнаго раздраженія страстей, минутныхъ увлеченій idée fixe присущихъ самымъ безукоризненнымъ членамъ общественнаго организма. Извѣстно, что между преступниками часто встрѣчаются благороднѣйшія личности, во сто разъ болѣе нравственныя, чѣмъ тѣ, кто судилъ и каралъ ихъ; но онѣ впали въ преступленіе, вслѣдствіе какого-нибудь мгновеннаго порыва своей горячей и увлекающейся натуры, раздражаемой давленіемъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ самая крѣпкая, желѣзная организація сломилась бы. Многіе изъ нихъ, какъ напримѣръ, убійцы, вызванные на преступленіе — ревностью, оскорбленіемъ чести и запальчивостью, — большею частью, тотчасъ же по совершеніи преступленій, сознаютъ свою ошибку и во всю жизнь совѣсть ихъ не примиряется съ совершенными ими дѣяніями. Если же преступникъ дошелъ до сознанія всей глубины своей вины, чувствуетъ раскаяніе и обращается къ исправленію, то

какой упрекъ гражданскому обществу—вести на эшафотъ человѣка, который уже вступилъ на путь исправленія и противъ котораго общество не нуждается ограждать себя такимъ сильнымъ наказаніемъ, какое можетъ быть понятіе о правосудіи, когда убиваютъ исправляющагося преступника изъ-за того, чтобы этимъ искупить его вину!

Правда, были убійцы, которые тотчасъ послѣ совершенія преступленія объявляли судьямъ, что они сожалѣютъ, что ихъ попытка на убійство — не удалась и что они еще болѣе убійствъ не совершили. Дѣйствительно—это грустно! Но г. Бернеръ справедливо замѣчаетъ, «что психологъ въ этомъ случаѣ не остановится, онъ постарается заглянуть за слова преступника въ глубину его души. И вѣроятно найдетъ, что эти слова говорятся изъ упорства, что это есть только ложное хвастовство, за которыми скрываются совершенно другія чувства».

Наконецъ допустимъ, что есть личности, которые не доходятъ до сознанія своей вины и не признавая своихъ дѣйствій преступными, упорствуютъ въ своихъ прошлыхъ намѣреніяхъ, то какая жестокость и несправедливость казнить человѣка, которому, до и послѣ его преступности, не достаетъ полнаго сознанія вины, и который вступаетъ на эшафотѣ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что надъ нимъ совершаютъ несправедливость, что онъ мученикъ! Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Daub, «что когда совѣсть присужденнаго не согласна съ приговоромъ, когда преступникъ идетъ на эшафотъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что его казнятъ несправедливо, то смертная казнь становится однохарактернымъ актомъ съ умышленнымъ убійствомъ.»

Кромѣ того смертная казнь должна быть замѣнена другими наказаніями еще потому, что иногда она доводитъ осужденнаго до состоянія изступленія, отчаянія и тогда онъ рѣзко порываетъ послѣднія свои связи съ человѣческимъ обществомъ, проклинаетъ его и на краю могилы ведетъ безсильную, но мучительную борьбу съ тѣми, кто влечетъ его на плаху и затягиваетъ, какъ животное, для того, чтобы онъ могъ получить вѣрный смертельный ударъ. Если же напротивъ въ осужденномъ преобладаютъ чувства совѣсти и страха смерти надъ его физическою силою, то онъ впадаетъ въ такое безсознательное состояніе, въ которомъ уже не можетъ понять самаго наказанія. А совершеніе наказанія при такихъ условіяхъ есть глубоко-гнустное и безнравственное дѣло.

При совершеніи казней случаются такіе болѣзненные припадки,

которые дѣлаютъ невозможной самую казнь. Баварскій криминалистъ Арнольдъ, который былъ свидѣтелемъ, какъ одна преступница дѣвица у позорнаго столба упала въ обморокъ, разсказываетъ, «что такъ какъ ничѣмъ не могли привести ее въ чувство, то безчувственную внесли на эшафотъ и начали казнить, не смотря на то, что шея была такъ судорожно сжита, что почти невозможно было отрубить ей голову. Первый ударъ хотя былъ смертельный, но голова ея не слетѣла: топоръ врѣзался въ грудную кость и, потрясенная этимъ отвратительнымъ мясничествомъ публика, должна была смотрѣть, какъ послѣ этого отдѣляли голову отъ туловища.»

Этотъ разсказъ не можетъ не потрясти до глубины души и не вызвать вопроса о томъ, развѣ въ этомъ должна заключаться цѣль наказанія?

Наконецъ мы видимъ, что англійскій законъ, примѣняясь къ правилу — «malitia suplet aetatem», находитъ необходимымъ казнить дѣтей, достигшихъ 8 лѣтъ. И хотя предоставляетъ присяжнымъ право опредѣлять: имѣлъ ли преступникъ полное сознаніе и обдуманное намѣреніе при совершеніи преступленія, но не говоря уже о томъ, что присяжные могутъ злоупотреблять своимъ правомъ, нельзя не спросить: есть ли разумное основаніе казнить ребенка? И не есть ли казнь дѣтей самое глубокое преступленіе со стороны человѣческихъ обществъ? Если факты убѣждаютъ, что возмужалые личности съ сложившимися характерами и воззрѣніями исправляются, отъ дурныхъ наклонностей, то тѣмъ болѣе это можно сказать о дѣтяхъ, у которыхъ не могло еще образоваться ни убѣжденій, ни характера, и изъ которыхъ при хорошей обстановкѣ общество непремѣнно сдѣлаетъ полезныхъ гражданъ.

Кромѣ того, изслѣдовала ли наука всѣ виды душевныхъ болѣзней, — слѣдствіе многихъ преступленій? Отдѣлила ли она ихъ съ математической точностію отъ преступленій нормальныхъ? Нѣтъ; стало быть казни могутъ подвергнуться люди, которые быть можетъ совершили преступленіе въ болѣзненномъ состояніи, не могущемъ уясниться обществу, вслѣдствіе его незнанія психическихъ явленій въ нихъ происходящихъ. А такая казнь недостойна человѣческаго общества, сознающаго всю слабость своихъ научныхъ опытовъ и наблюденій при опредѣленіи мотивовъ, вызвавшихъ на преступленіе.

III.

Нераціональность смертной казни по сравненію ея съ другими системами наказаній.

Если сообразить все, что мы сказали доселѣ, то будетъ очевидно, что смертная казнь есть наказаніе жестокое, непоправимое, и недостающее той великой цѣли, какая должна лежать въ основаніи общественной справедливости. И потому смертная казнь, если ужь того требуетъ государственный идеалъ, совершенно раціонально можетъ быть замѣнена ссылкой или тюремнымъ заключеніемъ.

Достоинство этихъ послѣднихъ мѣръ предъ смертною казнію заключается въ томъ, что если они замѣнятъ ее, то сила репрессивности, не только не проиграетъ, но выиграетъ въ своемъ вліяніи, тогда, какъ при существованіи смертной казни судьи часто становятся въ противорѣчіе между требованіемъ закона и голосомъ своей собственной совѣсти, если только совѣсть не уснула въ нихъ до апатіи палача. Эти мѣры даютъ возможность исправить ошибочный и пристрастный приговоръ, въ случаѣ если откроется невинность осужденнаго; они не лишаютъ общество святой обязанности содѣйствовать преступнику къ его исправленію, такъ чтобы онъ суммой добрыхъ дѣлъ искупилъ бы свою вину и заставилъ бы общество забыть о его преступности.

Защитники смертной казни говорятъ, что есть такіе глубоко испорченные индивидуумы, которые неисправимы; слѣдовательно съ этими личностями нужно поступать, какъ съ животными, потому что, только казнію ихъ общество можетъ избавиться отъ вредныхъ для него людей. Но физіологическія и психологическія наблюденія приводятъ къ тому выводу, что какъ никто не можетъ считать себя человѣкомъ вполнѣ нравственнымъ, такъ и обратно никто не можетъ видить въ преступникѣ человѣка, неспособнаго исправиться. Кромѣ того защитники смертной казни упускаютъ изъ виду, что къ убѣжденію въ неисправимости такихъ индивидуумовъ могутъ довести только изслѣдованія. Но на практикѣ мы видимъ, что до приговора о смертной казни, общество вовсе не прибѣгаетъ къ такимъ изслѣдованіямъ: оно прямо казнитъ преступника за совершенное имъ преступленіе безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ—исправимъ онъ или нѣтъ; стало быть, идея о неисправимости преступника не имѣетъ

подъ собой твердой почвы это отвлеченная гипотеза, недоказанная на дѣлѣ.

Противъ этого, тупоумiе возражаетъ обыкновенно тѣмъ, что развѣ наказанiе рицидивовъ не основывается на изслѣдованiи о неисправимости такихъ индивидуумовъ? Но этотъ аргументъ, слишкомъ шатокъ. Предположенiе о закоснѣлости даннаго субъекта чисто произвольная мечта. Быть можетъ, самая система наказанiя, которой онъ подвергся за первое преступленiе, не дала ему возможности исправиться. Наконецъ и рицидивъ, по совершенiи нѣсколькихъ преступленiй, можетъ вдругъ сознать ненормальность своего положенiя и, остановившись,—возвратиться въ прежнее нормальное состоянiе. Жизнь представляетъ много такихъ фактовъ. Въ заключенiе остановимся еще на одномъ положенiи. Замѣняя смертную казнь заключенiемъ или ссылкою—эти наказанiя не должны быть безсрочными, такъ какъ пожизненное наказанiе хуже смертной казни. Кромѣ того, чтобы не обращать судью въ машину, законодатель долженъ только опредѣлить для maximum и minimum сроковъ — норму; судьямъ же нужно предоставить право приближаться къ этой нормѣ, потому что имъ гораздо легче составить понятiе о степени виновности преступнаго субъекта и его личности. При этомъ необходимо допустить еще сокращенiе сроковъ наказанiя административнымъ порядкомъ,—для тѣхъ изъ преступниковъ, которые въ тюрьмѣ или ссылкѣ оказались заслуживающими этого смягченiя,—способными исправиться.

Эти градацiи имѣютъ высокое нравственное значенiе въ законодательствѣ, во-первыхъ потому, что при опредѣленiи преступленiй и слѣдующихъ за нихъ наказанiй, уголовное законодательство вообще руководствуется чистымъ абстрактомъ: законодатель не обращаетъ вниманiя на личныя свойства и характеръ преступника, а соображается только съ свойствомъ и важностiю нарушеннаго права. Но по свойству нарушеннаго права, независимо отъ субъекта, можно составить только приблизительное понятiе объ относительной тяжести преступленiя, и сообразно съ этимъ опредѣлить и относительное наказанiе. Стало быть эти опредѣленiя должны такъ выражаться, чтобы судья, которому ближе знакомъ преступникъ, могъ по особенностямъ его преступленiя, расширить наказанiе до maximum или сократить его до minimum. Далѣе администраторъ знакомится еще ближе съ личностью преступника, и потому ему должно быть поставлено въ обязанность въ случаяхъ исправимости послѣдняго ходатайствовать пе-

редъ высшей судебной властью о смягченіи наказанія, — сокращеніемъ сроковъ или и совершенномъ освобожденіи преступниковъ При такомъ взглядѣ на характерную силу, осужденному оставляется величайшій и благороднѣйшій двигатель его нравственнаго возстановленія — надежда возвратиться въ общество и въ семейство. А вызвать и поддержать эту надежду въ преступникѣ — дѣло первой важности, потому что отчаяніе и безнадежность окончательно деморализируютъ и губятъ осужденнаго.

IV.

Практическіе выводы исправленія преступниковъ.

Практическія изслѣдованія по этому предмету приводятъ къ тому выводу, что кровавыя дѣйствія преступниковъ—это высшая точка зла и поворотъ зла къ добру. Послѣ кровавыхъ дѣйствій большею частью является наклонность къ исправленію. И потому по тяжелому преступленію никакъ нельзя предполагать, что въ преступникѣ погибли всѣ нравственныя зародыши: въ немъ всегда остается хоть одинъ изъ нихъ. И если его съумѣютъ развить, то онъ воскреснетъ съ полною силою и доведетъ преступника до нравственнаго обновленія. Изъ наблюденій дознано, что тяжелые преступники скорѣе склонны къ исправленію и раскаянію, чѣмъ другіе, потому что та же энергическая воля, которая вызвала ихъ на преступленіе, можетъ разомъ поворотить ихъ на путь исправленія, тогда какъ холодные и расчетливые преступники, какъ напримѣръ воры, растлители женщинъ и пр. менѣе склонны къ исправленію. Всѣ смотрители тюремъ единогласно подтверждаютъ, что не слѣдуетъ говорить ни о какомъ преступникѣ, что онъ неисправимъ. До того момента пока преступникъ не созналъ своей негодности, разумѣется, онъ не подаетъ надеждъ къ исправленію. Но какъ только въ немъ начнетъ пробуждаться убѣжденіе о тяжести преступленія и картина нравственнаго паденія ярко предстанетъ предъ его глазами, то, вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ, является въ немъ и глубокое раскаяніе и переворотъ. Наконецъ за исправимость преступниковъ говорятъ слѣдующіе факты:

Убійца и грабитель въ Oldenburg, а другой въ St. Gallen были самыми ревностными служителями въ тюремной больницѣ; кромѣ того послѣдній, изъ денегъ которые ему дарили, помогалъ своимъ роднымъ и, отдѣляя отъ своей порціи хлѣбъ раздавалъ его бѣднымъ.

Миттермайеръ разсказываетъ, что въ одной тюрьмѣ содержался грабитель-убійца. По истеченіи долгаго времени за хорошее поведеніе его хотѣли помиловать; но онъ отвергнулъ это помилованіе, съ просьбой, чтобы его оставили въ тюрьмѣ и употребляли на самыя тяжелыя работы. Во время холеры, когда смотрители заболѣвали или умирали, онъ принималъ на себя съ великимъ самоотверженіемъ уходъ за больными преступниками, и многихъ спасъ отъ смерти.

Всѣ эти факты, добытые судебной практикой, убѣждаютъ въ томъ, что тѣ человѣческія общества, которыя еще удерживаютъ у себя смертную казнь, заблуждаются въ ея ужасномъ значеніи.

V.

Законодательства современныхъ государствъ.

Изъ исторіи законодительства современныхъ намъ государствъ открывается, что смертная казнь мало-по-малу начинаетъ утрачивать свое обширное примѣненіе. Такъ во Франціи послѣ великой революціи—смертную казнь уже не расточаютъ по многимъ преступленіямъ. Этотъ видъ наказанія уже не существуетъ тамъ для политическихъ преступниковъ, исключая того случая, когда дѣйствія выражаются покушеніемъ на жизнь императора. Въ 1832 году, во Франціи, законодательство сложило вмѣняемость смертной казни на присяжныхъ, и то подъ условіемъ не приговаривать къ этому наказанію, если въ преступленіи есть обстоятельства смягчающія вину (causes attenuantes). Вслѣдствіе этого декрета число приговоровъ значительно уменьшилось. Такъ въ 1857 г. хотя присяжные были очень строги сравнительно съ предшествующими годами, и опредѣлили 58 смертныхъ приговоровъ; но изъ нихъ въ 26 статьяхъ осужденные помилованы. А въ 1858 г. къ смертной казни было приговорено только 38 человѣкъ; совершилась же она надъ 23.

Въ Англіи смертная казнь, хотя еще не изчезла, но начинаетъ утрачивать свое значеніе. Это видно изъ того, что въ теченіи послѣднихъ 100 лѣтъ изъ 160 случаевъ, за которые она прежде вмѣнялась, въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія осталось всего семь. Но общество не остановилось на этомъ и все болѣе и болѣе высказывается въ пользу абсолютнаго уничтоженія смертной казни. Мотивомъ къ этому послужило убѣжденіе, что съ отмѣною смертной

казни за нѣкоторыя преступленія — количество такихъ преступленій не увеличилось. Вслѣдствіе такихъ общественныхъ воззрѣній семью законами 6-го августа 1861 года смертная казнь отмѣнена для всѣхъ преступленій, исключая предумышленнаго убійства (murder) и тягчайшихъ государственныхъ (treason). Въ Россіи смертная казнь была уничтожена ранѣе другихъ европейскихъ государствъ, — при Елисаветѣ Петровнѣ, которая, по слабонервности, не могла безъ болѣзненныхъ ощущеній подписывать смертныхъ приговоровъ.

Нынѣ по «Уложенію о наказаніяхъ» смертная казнь опредѣляется за преступленія, означенныя въ 275—278, 283, 287—289, 360, 364, 1044—1048, 1060, 1065, 1186, 1187 статьяхъ.

Общегерманскій парламентъ во Франкфуртѣ на Майнѣ закономъ 27 декабря 1847 года отмѣнилъ смертную казнь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ военныхъ преступленій. Но этотъ законъ одни приняли безусловно какого-то: Нассау, Ольденбургъ, Кобуръ-Гота, 2 Ангальтъ и 2 Шварцбургъ; другіе — Виртембергъ, Саксонія, Гессенъ Дармштадтъ, Брауншвейгъ и Мекленбуръ также сначала отрѣшились отъ нея, но потомъ снова — возстановили ее: третіи — Австрія, Пруссія, Баварія и Ганноверъ совершенно отвергнули постановленіе парламента. Кромѣ того, увлекшись примѣромъ нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ штатовъ, законы Пруссіи 1851 г., Виртемберга 1853 г., Саксенъ-Альтенбурга 1854 г., Гамбурга 1854 г. и Баваріи 1861 г. постановили такое правило, по которому смертная казнь должна совершаться въ оградѣ тюремной, въ присутствіи однихъ только понятыхъ отъ народа. Эта мѣра основа на томъ предположеніи, что она уменьшаетъ ужасъ, производимый въ народѣ при видѣ смертной казни. Но и эта процедура не можетъ встрѣтить сочувствія, потому что общество еще болѣе негодуетъ на кровопролитіе совершающееся тайкомъ, на наказанія, которыя являются не офиціально, а ищутъ темнаго угла; общество отрицаетъ законность всякаго наказанія неофиціальнаго, предполагая въ немъ произволъ и несправедливость...

Не къ чести великихъ государствъ, считающихъ себя цивилизованными и въ то же время расточающихъ смертную казнь, слѣдуетъ отнести то, что это наказаніе уже вытѣснили изъ кодексовъ, не только: Ольденбургъ-Насау, 2 Ангальта, 2 Шварцбурга, Саксенъ-Кобургъ-Гота, но еще, Республика Санъ-Марино и Тоскана въ Италіи, кантоны: Фрейбургъ и Нёвшатель въ Швейцаріи; а изъ

Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: въ Мичигенѣ, Родъ-Эйлендѣ и Висконсинѣ.

Изъ нихъ особенно замѣчательна Тоскана постоянно боровшаяся противъ этого наказанія. Въ ней перестали казнить еще въ 1774 г.; офиціальнымъ же путемъ этотъ видъ наказанія былъ отмѣненъ только въ 1786 г. Леопольдомъ, и потому, какъ комментируетъ его законодательство: «что 14 лѣтній опытъ доказалъ, что жестокія наказанія только порождаютъ вредъ и что уголовный законъ долженъ заботиться не только объ охраненіи общественной безопасности и о вліяніи посредствомъ примѣра, но и объ усовершенствованіи нравственности преступника, на которое никогда нельзя смотрѣть какъ на невозможное дѣло. Къ достиженію же этой цѣли могутъ служить хорошія тюрьмы, лучше чѣмъ смертная казнь, находящаяся въ противорѣчіи съ характеромъ Тосканскаго народа». Но потомъ въ 1795 г. смертная казнь снова была возстановлена. Съ этого времени она, то прекращалась, то снова возрождалась, наконецъ въ 1859 г. революціонеры обратились къ Піемонтскому правительству съ просьбою объ уничтоженіи смертной казни. И правительство, вслушавшись въ голосъ народа, дало Тосканѣ привиллегію не имѣть ни палача, ни эшафота.

VI.

Уголовная статистика.

Несостоятельность мнѣнія, что менѣе жестокія наказанія увеличиваютъ преступленія, ясно подтверждается статистическими данными.

Во Франціи, не смотря на рѣдкую вмѣняемость жестокихъ наказаній, число преступленій не только не увеличилось, но даже уменьшилось, а именно: 1851 г. по 1855 года среднимъ числомъ бывало ежегодно по 5,238 обвиненій; между тѣмъ, какъ въ 1856—4355 г., 1857—4301 г., и 1858—4302 г Эти данныя ручаются за то, что строгое примѣненіе жестокихъ наказаній не есть необходимое условіе уменьшенія числа преступленій.

Въ Англіи, хотя кодексъ изгналъ смертную казнь по многимъ преступленіямъ, и до 1861 года, она вмѣнялась только въ 7 случаяхъ вмѣсто 160 прежнихъ, число преступленій не увеличилось. Такъ въ 1848 г. было преступниковъ 30,349, въ 1858 г.—17,855, а въ 1859 г.—16,671.

Въ Шотландіи число смертныхъ приговоровъ также уменьшается.

Въ 1858 и 1859 г., тамъ уже не было ни одного смертнаго приговора, а въ 1860 г. хотя и было 4 приговора, но они не были исполнены. Не смотря на все это количество тяжкихъ преступленій не увеличилось. Тоже самое показываетъ статистика Ирландіи, хотя тамъ изрѣдка и появляется смертная казнь.

Замѣчательно также вліяніе политическихъ обстоятельствъ на число оправдательныхъ приговоровъ. Такъ напримѣръ, въ Ирландіи, во времена ужасныхъ возстаній число оправданій превышало число обвиненій.

Въ Тосканѣ при Леопольдѣ, уничтожившемъ смертную казнь, преступленія уменьшились на половину.

Представленныя данныя разбиваютъ положеніе о благодѣтельномъ вліяніи смертной казни на уменьшеніе преступленій.

Не менѣе интереса представляетъ также прогрессія уменьшенія вмѣняемости смертной казни.

Такъ въ Англіи, въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ, къ смертной казни приговорены были за слѣдующія преступленія: за предумышленное убійство, за посягательство на убійство, за скотоложство, за воровство со взломомъ, за грабежъ съ нанесеніемъ увѣчья и за поджогъ жилыхъ строеній. Въ 1829 г. число присужденныхъ къ смертной казни простиралось до 1,385 человѣкъ; совершено же было надъ 74; потомъ число смертныхъ приговоровъ постепенно уменьшалось, такъ — въ 1859 г. — 52 (изъ этого числа 18—за убійство, 19—за скотоложство, 6—за покушенія на убійство, 8—за воровство со взломомъ и разбой и 1—за поджогъ). Казнены же были только 9 человѣкъ, виновность которыхъ была весьма значительна, т. е. за убійство. Изъ числа приговоренныхъ къ этому виду наказанія одинъ былъ совершенно помилованъ (fell pardon) за неимѣніемъ фактическихъ доказательствъ о его преступности, — присяжные не рѣшились обвинить его; а для 13 человѣкъ, смертную казнь замѣнили пожизненнымъ заключеніемъ. Въ 1860 г. было только 48 приговоровъ.

Во Франціи было смертныхъ приговоровъ въ 1851 г. — 45, въ 1854 г.—79, въ 1855 г.—61, въ 1857 г.—58, въ 1858 г.—38, въ 1859 г.—36.

Въ Пруссіи въ 1854 г. было смертныхъ приговоровъ—4, 1855 г.—3, 1856 г.—2, въ 1857 г.—7, 1858 г.—4, 1859 г.—2.

Въ Баваріи, въ 1858 г. было смертныхъ приговоровъ 23, въ 1859 г.—21, въ 1860 г.—12.

Въ Ганноверѣ, смертныхъ приговоровъ, въ 1854 г. было 9, въ 1855 г.—7, въ 1856 г.—5.

Въ Баденѣ, въ 1854 г., 1855 г. и въ 1856 г. было по 3 смертныхъ приговора, въ 1857 и въ 1858 г. не было ни одного.

Въ Брауншвейгѣ въ 1853 г. до 1854 г. былъ одинъ смертный приговоръ, а въ остальные годы ни одного.

Особенно замѣчательную прогрессію уменьшенія смертной казни представляетъ Ирландія въ 1834 году было смертныхъ приговоровъ 319, въ 1845 г.—13, въ 1855 г.—5.

VII.

Уничтоженіе смертной казни въ кодексахъ, невмѣненіе ея уголовными судами и помилованіе.

И такъ смертная казнь утрачиваетъ свое значеніе. Въ однихъ мѣстахъ она совершенно изчезла изъ кодексовъ; въ другихъ суды во имя гуманности избѣгаютъ вмѣняемости ея; а въ третьихъ преступники избавляются отъ нея помилованіемъ.

Уничтоженіе смертной казни въ кодексахъ — мѣра весьма раціональная, которая не можетъ не вызвать къ этому святому дѣлу глубокаго сочувствія.

Произвольная же невмѣняемость смертной казни судами и помилованіе—есть зло. Они во первыхъ внушаетъ мысль о произволѣ уголовныхъ законовъ и потрясаютъ твердость уголовнаго правосудія; во вторыхъ — при такой юрисдикціи послѣдствія преступленій совершенно тождественныхъ, кажутся не равными, потому что одинъ преступникъ подвергается казни, а другой такой же милуется. Такимъ образомъ, равноправность нарушается въ самомъ источникѣ ея.

Защитники помилованія говорятъ, что хотя правосудіе требуетъ, чтобы каждое преступленіе наказывалось, но часто случается, что законъ, справедливый вообще, является несправедливымъ въ приложеніи къ нѣкоторымъ даннымъ случаямъ; слѣдовательно въ этихъ обстоятельствахъ необходимо отмѣнить приложеніе такого закона. И какъ отмѣненіе закона принадлежитъ верховной власти, т. е. лицу или сословію, которыя стоятъ во главѣ управленія, то право помилованія, какъ источникъ справедливаго примѣненія законовъ къ

частнымъ случаямъ принадлежитъ неоспоримо верховной власти. Кромѣ того помилованіе оправдываютъ и политикою. Говорятъ верховная власть не должна отрѣшаться отъ этого права, если помилованіемъ она можетъ сохранить порядокъ и, отвративъ опасность, избѣгнуть жестокости. А государство вовсе не обязана исполнять правосудія до такой строгости, чтобы изъ боязни не нарушить схоластической нелѣпости—«fiat justitia pereat mundus, возбуждать противъ себя цѣлое общество.

Но противъ этого нельзя не возразить тѣмъ, что если помилованіе является продуктомъ не желанія возмущать общественную совѣсть, то не лучше-ли уничтожить самый мотивъ, могущій вызвать протестацію общества? Это будетъ раціональнѣе, чѣмъ за тождественныя преступленія одного наказывать, а другаго—прощать, ссылаясь на то, что актъ этотъ вызванъ принципомъ справедливости. Но развѣ такой комментарій имѣетъ подъ собою твердую почву? Развѣ изложенная дѣятельность гарантируетъ общество отъ произвола? Развѣ кумовство, дружба, протекція и проч. не могутъ быть двигателями помилованія, идущаго совершенно въ разрѣзъ съ справедливостью и законностью? Для чего же давать мѣсто произволу вмѣсто закона, который долженъ быть обязательнымъ для всѣхъ недѣлимыхъ даннаго общества. Къ тому же говоря словами Миттермайера юрисдикція есть принадлежность суда; а какъ долженствующему царить въ немъ правосудію не слѣдуетъ стоять ни подъ какимъ верховнымъ началомъ, то помилованіе преступника верховною властію теряетъ смыслъ...

VIII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вопросъ объ уничтоженіи смертной казни—вопросъ старый противъ котораго оппонировать могутъ только теперь такіе анохранизмы какъ г. Гегельхандъ, старавшійся, на бывшемъ въ нынѣшнемъ году социальномъ конгрессѣ въ Гентѣ, доказать, что смертную казнь необходимо еще удержать въ уголовныхъ кодексахъ. Но такихъ анохранизмовъ мало. И какъ несостоятельность этого наказанія сознана не только теоретически, но и практически, вслѣдствіе чего смертная казнь, чрезъ различныя пути, начали утрачивать свое обширное

примѣненіе, то казалось бы не длячего снова возбуждать этого вопруса. Но если бы она даже совершенно изсчезла изъ жизни человѣчества и отпѣвъ ей «вѣчную память», составилибы полный некрологъ о ея долгомъ о кровавомъ свирѣпствованіи, то и тогда не слѣдуетъ оставлять говорить объ этомъ жестокомъ и непоправимомъ видѣ наказанія, потому что исторія человѣчества показываетъ намъ ея живость. Развѣ, она незамирала и снова не воскресала? И потому, мы должны стараться, чтобы современныя намъ человѣческія общества, еще удерживающія у себя этотъ варварскій видъ наказанія, вслушались бы въ стоны и вопли человѣчества и уничтожили бы смертную казнь. И ежели это осуществится, то они совершатъ такое же великое и безсмертное дѣло, какъ уничтоженіе ими рабства, идущаго съ смертною казнею рука объ руку, такъ какъ вытекаютъ изъ одного и того же источника—полусознанія идея человѣка.

Ф. Филипповъ.

ЖЕНЩИНА ВЪ КУПЕЧЕСКОМЪ БЫТУ.

(РОМАНЪ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Праздникъ Рождества прошелъ спокойно въ семействѣ Жилиныхъ; въ первый день Анюта, по случаю дурной погоды, съѣздила въ церковь въ своемъ старомъ салопѣ; чай пили и обѣдали всѣ вмѣстѣ и, казалось, ангелъ мира осѣнилъ этотъ домъ, но на долго ли?

Спустя нѣсколько дней, однажды утромъ Ананьевна объявила весело Анютѣ, что сегодня обѣ старшія хозяйки уѣхали къ родственнику на похороны и ближе вечера не воротятся.

Анюта этому была очень рада; велѣла привести къ себѣ Сашу и разными ласками и гостинцами до того довела запуганную дѣвочку, что послѣдняя, забывъ свою робость, называла мачиху самыми нѣжными именами. Анюта вспомнила свою дѣвическую жизнь,—какъ она тѣшила своихъ младшихъ сестеръ,—сдѣлала Сашѣ куклу, вырѣзывала ей изъ бумаги разныя фигурки, словомъ играла съ дѣвочкой цѣлый день, — Саша прыгала отъ радости, цѣлуя свою добрую мамашу.

— Видите, при васъ Сашенька-то какъ прыгаетъ, какъ слѣдуетъ ребенку, говорила Ананьевна: — а отъ тетеньки только и слышитъ, что *молчать*, да *не приказываю*.

— За то я и не люблю тетеньки, она сердится, все меня бьетъ и щиплетъ... Вы, мамаша, лучше бы совсѣмъ взяли меня въ свою комнату; какъ бы я была рада, какъ бы я васъ любить стала, проговорила, ласкаясь, сиротка.

Матвѣй Матвѣичъ обѣдать не приходилъ и мачихѣ съ падчерицею была своя воля. Послѣ обѣда Анюта послала Ананьевну въ кондитерскую и накормила дѣвочку конфектами за всѣ дни и годы ея суроваго воздержанія.

— Что это значитъ! воскликнула вдругъ Лизавета Матвѣевна, распахнувъ дверь и увидѣвъ, что посреди комнаты стоитъ старая нянька съ завязанными глазами, растопыривъ руки, а около нея съ затаеннымъ смѣхомъ бѣгаютъ Анюта и Саша.

— Прекрасный примѣръ! продолжала вдова:—гдѣ бы дѣвочку отъ рѣзвости унять, а вы сами, Анна Александровна!... А ты, старая дура, зачѣмъ сюда Сашу привела, а? обратилась она къ нянькѣ.

— За тѣмъ, что намъ однѣмъ сидѣть у себя стало скучно, отвѣчала старуха задорно, снявъ повязку съ глазъ.

— Что жъ дурнаго, что Саша у меня порѣзвилась? Она и такъ у васъ смотритъ такой горемычной, забитой, точно людей боится, сказала Анюта.

— А вамъ хочется, чтобъ она была сорви-голова?.. такъ нѣтъ же, этого не будетъ покуда она въ моемъ распоряженіи... а тебя, голубушку, накажу за то, чтобъ ты не ходила туда, куда тебѣ не приказываютъ, прибавила Лизавета Матвѣевна, потащивъ за руку вонъ изъ комнаты заплакавшую дѣвочку.

— Вотъ вамъ и тетенька, и живи не тужи сирота подъ командою такой роденьки, проворчала Ананьевна со вздохомъ, смотря вслѣдъ уходящимъ.

Анюта только поблѣднѣла отъ досады. Но какъ ни было жутко Сашѣ, она съ этихъ поръ не переставала, хотя украдкою, ходить къ мачихѣ, по пословицѣ: «Сердце сердцу вѣсть подаетъ».

Однако Лизавета Матвѣевна нажаловалась брату на невѣстку, что послѣдняя совсѣмъ избаловала Сашу.

— Слышите съ, Анна Александровна? обратился Жилинъ къ женѣ.

— Слышу, отвѣтила Анюта: — но кто же, кромѣ сестрицы, Лизаветы Матвѣевны, упрекнетъ меня за то, что я ласкаю ребенка,—и говоря это Анюта притянула къ себѣ Сашу и поцѣловала.

И дѣвочка крѣпко обняла мачиху.

— Видите, какъ она меня любитъ? сказала Анюта.

— Цыцъ! что это изволишь *кобениться!* крикнула сердито тетка на племянницу.

Саша опустила руки и выпрямилась на стулѣ.

— Что жъ это такое? вѣдь такъ только на собакъ кричатъ, а не на дѣтей, воскликнула съ замѣтнымъ негодованіемъ Анюта.

Жилинъ закусилъ губы и промолчалъ.

— А вамъ какое дѣло—кричу я или нѣтъ на племянницу? Когда всѣ въ это будутъ вмѣшиваться, то мнѣ придется совсѣмъ отступиться отъ Саши, проговорила вдова.

— И прекрасно сдѣлаете, если отступитесь, молвила горячо Анюта.

Золовка бросила на нее злобный взглядъ и обратилась къ Матвѣю Матвѣичу.

— Теперь, братъ, ты можешь поручать дочь свою кому угодно, а я до нея болѣе касаться не намѣрена.

— Напротивъ, сестрица, я васъ прошу-съ не оставить дѣвочку своимъ расположеніемъ-съ и попеченіями, потому что я знаю, какъ вы о ней заботились, какъ о родной дочери, и я вашимъ распоряженіемъ на счетъ Саши завсегда былъ доволенъ, и теперь васъ за то благодарю-съ, отвѣчалъ Жилинъ, и потомъ прибавилъ, обратясь, къ женѣ:

— А отъ васъ, Анна Александровна-съ, надѣюсь, впредь не слыхать-съ не только претензіи по эфтому предмету, а даже и простаго разговора-съ.

— Хотя бы и били вашу дочь безъ всякой вины?.. молвила Анюта.

— Хотя бы и били-съ, не ваше дѣло-съ, отвѣтилъ мужъ.

Анюта бросила на него презрительный взглядъ.

За то Лизавета Матвѣевна торжественно посмотрѣла на Анюту.

— А вотъ свои дѣти будутъ, такъ объ нихъ и хлопочите, заговорила свекровь:—впрочемъ вы, душечка Анна Александровна, можетъ быть, хотите не только Сашею руководствовать, но и всѣмъ хозяйствомъ?.. что жъ, съ Богомъ! Лиза, сдай имъ всѣ ключи; мы съ тобою въ монастырь пойдемъ...

— Что вы, маменька-съ, развѣ я когда нибудь былъ недоволенъ-съ вашими распоряженіями по хозяйству? воскликнулъ сынъ:—вы на меня-съ пожаловаться не можете-съ...

— Не о тебѣ, не о тебѣ, Матюша, рѣчь... перебила старуха:—я знаю, что ты примѣрный сынъ... но другія... другія... но она не продолжала, потому что Анюты не было уже въ комнатѣ.

Наконецъ наступилъ ожидаемый у Бодаевыхъ вечеръ, и Матвѣй Матвѣичъ съ Анютою отправились къ нимъ; но что всего удивительнѣе, такъ это то, что поѣхала съ ними и Марья Михайловна, которая не любила ни Семена Васильевича, ни его жены.

— Вотъ чортъ принесъ гостью... подумала Текуса Егоровна, встрѣчая старуху, за то Анюту разцѣловала отъ души.

Въ залѣ пищало нѣсколько настраиваемыхъ скрипокъ, и тутъ же хозяинъ, пьяный съ утра, шумѣлъ и спорилъ съ гостями. Дамы сидѣли чинно въ гостиной и тихо перешептывались; вслухъ вели разговоръ только двѣ секретарши, одна—непомѣрно толстая, въ красныхъ лентахъ; другая—непомѣрно худая, въ розовыхъ лентахъ; онѣ разсуждали о покроѣ какого-то моднаго бурнуса.

Анюта, не смотря на свой простой нарядъ, на свою блѣдность и худобу, казалась красавицею среди набѣленныхъ и разрумяненныхъ привольскихъ львицъ. Текуса Егоровна, переходя отъ гостьи къ гостьѣ, тараторила безъ умолку.

Но вотъ зала стала наполняться наряженными; кого и чего только тутъ не было! Офицеры всѣхъ полковъ; тутъ была и сова въ перьяхъ, и ходячая печка, и медвѣдь съ вожакомъ, и цыганъ съ лошадью, и русская дѣвушка ростомъ въ сажень, у которой сквозь фату пробивались жесткіе усы... и много всякой всячины.

Хозяйка подъ руку съ Анютою ходила по залѣ и разсматривала маски. Подойдя къ совѣ, она назвала ее Иваномъ Иванычемъ.

Сова такъ хлопнула крыльями, что Анюта вскрикнула и отскочила.

— Да не бойтесь, милочка, это Иванъ Иванычъ, повторила Бодаева, разражаясь хохотомъ.

— Да развѣ вы знаете эту маску?

— Знаю, отвѣчала хозяйка: — это чиновникъ изъ казначейства, а вотъ журавль — это инвалидный начальникъ... а вотъ медвѣдь съ вожакомъ, это два брата изъ краснаго ряду... и пошла Текуса Егоровна всѣхъ показывать и разсказывать.

— Ну вотъ и гишпанецъ! воскликнула она вдругъ радостно:— Ахъ, милый гишпанчикъ! прекрасныя турчаночки! какъ вы всѣ сегодня интересны, говорила любезно хозяйка, раскланиваясь и пожимая руки только-что вошедшимъ четыремъ маскамъ.

— Останьтесь у насъ на весь вечеръ, потанцуйте... продолжала Бодаева и прибавила на ухо Анютѣ: — Ахъ, какая досада, что танцовать не умѣю... Потанцуйте хоть вы за меня, моя душечка...

Между тѣмъ старуха Жилина, поплевывая въ платокъ, смотрѣла изъ дверей гостиной на маски и качала головой, читая шопотомъ молитву.

Въ залѣ раздавался громкій хохотъ, мужчины обступили цыгана съ лошадью, въ которомъ узнали одного столоначальника—весельчака, а лошадь представлялъ его помощникъ. Семенъ Васильичъ то и знай требовалъ водки; Матвѣй Матвѣичъ тихонько расхаживалъ по залѣ и дотрогивался то до перьевъ совы, то до лошадиной гривы или поглаживалъ сзади неистово ревущаго медвѣдя.

Но вотъ составился кадриль, нѣсколько не маскированныхъ чиновниковъ, бывшихъ у Бодаевыхъ, взяли трехъ турчанокъ, вошедшихъ съ испанцемъ, секретари отыскали дамъ, секретарши кавалеровъ, испанецъ подошелъ къ Анютѣ

— Я тебя не знаю, маска, отвѣчала она.

— Если бы я и снялъ маску, вы и тогда лично меня не знаете.. сказалъ онъ и, обратясь къ хозяйкѣ, прибавилъ:

— Текуса Егоровна, будьте такъ добры-съ, увѣрьте ихъ.

— Танцуйте, танцуйте съ этимъ миленькимъ *гишпанчикомъ* человѣкъ знакомый, благородный, а вонъ три турчанки его сестрицы, проговорила Текуса Егоровна:—а посмотри-ка, какъ Матвѣй-то Матвѣичъ васъ стережетъ... прибавила она тише, показавъ глазами въ уголъ залы.

Анюта взглянула въ ту сторону и увидѣла, что мужъ не спускалъ съ нея своего подозрительнаго взгляда и слѣдилъ внимательно за всѣми ея движеніями. Взглядъ и выраженіе лица Матвѣя Матвѣича рѣшили все... Анюта подала руку испанцу, и подъ звуки музыки вспомнила свою дѣвичью жизнь, тѣ свѣтлые годы, когда ей такъ беззаботно жилось и веселилось. Она танцовала съ полнымъ увлеченіемъ; кавалеръ ея былъ высокій, ловкій мужчина. Бархатный плащъ, вышитый блестками, живописно прикрывалъ одно плечо, черныя перья покачивались надъ беретомъ, глаза блестѣли сквозь отверстія черной полу-маски; Анютѣ казалось, что она вдругъ очутилась въ новомъ сказочномъ мірѣ... Все настоящее, все окружающее мгновенно изчезло передъ нею; она была счастлива... незнакомый доселѣ трепетъ пробѣжалъ по ея молодымъ нервамъ.. Это былъ одинъ изъ

тѣхъ моментовъ, въ которые зарождаются роковыя страсти и отъ подобнаго послѣдствія Анюту спасло только равнодушіе ея кавалера. Онъ былъ внимателенъ, вѣжливъ, но холоденъ; онъ не сказалъ ни одного пошлаго комплимента, не выкинулъ ни одной *штуки*, чѣмъ отличаются провинціальные франты; словомъ—онъ танцовалъ изъ удовольствія—танцовать.

— Позвольте просить васъ на слѣдующій вальсъ, сказалъ онъ, подводя къ стулу свою даму, когда кончился кадриль.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтила Анюта.

Въ это время возлѣ нея очутился мужъ.

— Анна Александровна-съ, что вы дѣлать изволите? посмотрите, всѣ на васъ смотрятъ-съ, произнесъ Жилинъ удушливо.

— На что же смотрятъ? на то, что я танцую... такъ я не одна, вы видѣли и Феклистова, и Сковородина, и секретарша танцовали, отвѣчала Анюта спокойно.

— Что намъ до прочихъ! а вамъ кто приказалъ-съ, развѣ вы просили позволенія у вашего мужа? прошепталъ Матвѣй Матвѣичъ, замигавъ своими скверными глазками.

Анюта улыбнулась. Въ эту минуту заиграли вальсъ и къ Анютѣ подошелъ испанецъ.

— Куда жъ вы! куда Анна Александровна! зашипѣлъ Матвѣй Матвѣичъ и готовъ былъ схватить ее за платье, когда она встала.

— Я дала слово... отказать теперь нельзя, сказала Анюта.

— Я... я... я... не... позволяю! застоналъ прерывающимся голосомъ уязвленный вепрь.

Но Анюта уже неслась въ вихрѣ вальса подъ звуки Штрауса, въ какомъ-то неестественномъ восторгѣ, не обращая вниманія на мужа, который пожиралъ ее злобнымъ взглядомъ.

Марья Михайловна подозвала сына къ себѣ.

— Охъ, Матюша, Матюша... шептала она, когда онъ подошелъ: — на одинъ мы грѣхъ и срамъ поѣхали въ этотъ проклятый домъ... лукавый насъ попуталъ... охъ, охъ! отчего ты ее не уймешь? она показала на танцующую невѣстку.

— Да какимъ же манеромъ унять-съ? Развѣ взять за руку и вывести... проговорилъ тихо Жилинъ.

— Смотри-ка, братъ, на женушку-то твою: вѣдь картина! ишь, словно мельничное колесо вертится, пробасилъ подходя къ нимъ хозяинъ и хлопнувъ по плечу Матвѣя Матвѣича:—Что глазами-то хлопаешь? пляши, братъ, вонъ какъ тотъ пляшетъ!.. а ловокъ, шельма! Бадаевъ показалъ на кавалера Анюты.

— Эй, старушка моя, Текуса Егоровна, гдѣ ты! пройдемся и мы съ тобою, чортъ возьми! вотъ такъ! и Семенъ Васильичъ что есть силы принялся притопывать, стоя на мѣстѣ.

Матвѣй Матвѣичъ скрежеталъ зубами, посылая къ чорту и Бодаева, и Анюту, и испанца, и самаго себя за то, что пріѣхалъ сюда.

— Охъ, не могу быть больше здѣсь, стонала Марья Михайловна: – уѣдемъ, Матюша, домой, ради Бога уѣдемъ поскорѣй, дружокъ!...

— Зачѣмъ же, тетушка, такъ спѣшить? возразилъ хозяинъ, услышавъ послѣднія слова старухи:—этакъ на васъ глядя и всѣ гости поднимутся... Что жъ тогда будетъ, на какой же чортъ я и музыку пригласилъ?

— Ай, грѣховодникъ! безъ худова слова ужъ и быть никакъ не можетъ! воскликнула сердито тетушка:—однако, племянничекъ, я каюсь, что и пріѣхала къ вамъ; не знала, что у васъ будетъ такой садомъ! ну, старушичье ли дѣло на пляску глядѣть?..

— А вы думали, что для того мы гостей и звали, чтобъ о суетѣ мірской, по вашему, съ ними разсуждать? пробасилъ, хохоча во все горло, Бодаевъ.—Нѣтъ-съ, мы люди грѣшные, мірскіе, повеселиться хотимъ.

Между тѣмъ Текуса Егоровна замѣтила, что Жилины, мать и сынъ, какъ-то безпокойно переговариваются, и Матвѣй Матвѣичъ бросаетъ на Анюту волчьи взгляды; опасаясь съ его стороны какой нибудь, не совсѣмъ хорошей выходки, хозяйка подошла къ нему.

— Текуса Егоровна-съ, маменька желаетъ поскорѣй уѣхать домой-съ, сказалъ Жилинъ.

— Вѣроятно, моя милая Текуса Егоровна, отъ этого шуму и духоты голова у меня разболѣлась и у сердца сдѣлалось тошно? прибавила Марья Михайловна, вставая:—ужъ позвольте проститься...

— Душевно сожалѣю, тетушка, что оставляете насъ, не дождавшись ужина... но, зная ваше слабое здоровье, удерживать васъ не смѣю, проговорила Бодаева.

— Какъ же намъ вызвать-съ Анну Александровну-съ? молвилъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Это зачѣмъ? воскликнула Текуса Егоровна: — тетушка могутъ и однѣ поѣхать, а вы посидите у насъ, сдѣлайте удовольствіе для Анны Александровны: пусть она повеселится; вѣдь молодость отъ этого не прочь.

— Покорнѣйше благодарю-съ... отвѣчалъ Жилинъ, язвительно

улыбаясь:—но ужъ сдѣлайте милость, увольте-съ... и видя, что Анюта усталая, съ разгорѣвшимися щеками, съ огонькомъ въ глазахъ, сидѣла на стулѣ, а позади его стоялъ ея замаскированный кавалеръ, Матвѣй Матвѣичъ почувствовалъ, что его словно кто кипяткомъ окатилъ и не помнилъ, какъ очутился возлѣ жены.

— Извольте, сударыня-съ, собираться домой, проговорилъ онъ тихо, удушливымъ голосомъ.

— Отчего это такъ рано? спросила Анюта, но, взглянувъ на мужа, она невольно вздрогнула: такъ онъ былъ страшенъ.

Молодая женщина очнулась и поняла, что ея поступокъ не пройдетъ ей даромъ. Но доведя мужа до бѣшеной ревности, она чувствовала наслажденіе своей маленькой мести.

Ничего не возражая и *ко всему* готовясь, Анюта встала, и на всѣ убѣжденія хозяйки *остаться* отвѣчала крѣпкимъ пожатіемъ руки. Затѣмъ Жилины всѣ трое уѣхали.

Дорогою Матвѣй Матвѣичъ, сидя возлѣ жены, молчалъ, но Анюта предчувствовала, что это была тишина передъ бурей.

Старуха ѣхала въ другихъ саняхъ, и по пріѣздѣ домой, пригласила сына къ себѣ, между тѣмъ какъ Анюта ушла наверхъ.

— Охъ, мой голубчикъ! простонала мать, опускаясь въ глубокія кресла:—охъ, ты не повѣришь, у меня даже колотье сдѣлалось отъ такой непріятности...

— Успокойтесь, маменька-съ, перебилъ сынъ:—ваше здоровье для меня всего дороже-съ.

— Что мое здоровье, мнѣ уже пора и о смерти думать, продолжала Жилина: — а вотъ ты-то какъ жить будешь? Охъ, думала-было я на твою женитьбу, Матюша, порадоваться, а выходитъ — закрывай глаза, да и ложись въ гробъ живая. Охъ! семейныя непріятности хуже всего... и она поднесла платокъ къ глазамъ.

— Нечего сказать, показала себя Анна Александровна, опозорила наши головы!..

Матвѣй Матвѣичъ скрипнулъ зубами и сжалъ кулаки, словно жена его была передъ нимъ.

— И съ кѣмъ это плясала она? начала опять мать: — рожа прикрыта, кто ихъ знаетъ... Не даромъ у меня къ Текусѣ сердце не лежало завсегда, но ужъ съ сегодня даже и видѣть ее не могу... сводня сводней...

Жилинъ глухо рыкнулъ.

— Да что и говорить, Анна Александровна — молоденькій

умокъ; дурь въ головѣ бродитъ, видитъ, что мужъ не строгій, ну и не боится... А тебѣ, Матюша, я не совѣтую слишкомъ узду распускать, худо будетъ... помяни мое слово!..

— Что жъ мнѣ дѣлать-то, маменька!.. воскликнулъ сынъ: — развѣ прибить ее, потаскать?!..

— Я не о томъ говорю... прежде старайся урезонить, да крѣпко на крѣпко приказать, чтобы съ Текусой она всякую дружбу прекратила... а то эта женщина добру не научитъ... надобно постараться, чтобы Анна Александровна не только ступить, да и подумать бы безъ мужнина позволенія не смѣла... Марья Михайловна зѣвнула.

— Вамъ пора, маменька, успокоиться-съ, замѣтилъ сынъ и поспѣшилъ проститься съ матерью.

Между тѣмъ Анюта въ спальнѣ распускала свою шелковистую косу и прятала ее подъ спальный чепчикъ; но вліяніе *вечера* было такъ велико, что еще и теперь въ ушахъ молодой женщины раздавались звуки штраусова вальса, и говоръ гостей, и хохотъ пьянаго хозяина, и тихій голосъ танцовавшей съ нею маски. Анюта на минуту закрыла глаза, чтобъ яснѣе представить то, что она видѣла, и передъ нею опять блестѣли глаза той же маски и развѣвались перья на беретѣ, она видѣла снова пеструю толпу гостей, улыбку добродушной хозяйки, морщинистое и злобное лице свекрови и дикій взглядъ поблѣднѣвшаго мужа.

Но вотъ послышались короткіе шашки Матвѣя Матвѣича, Анюта встрепенулась...

Долго ходилъ Жилинъ по комнатѣ взадъ и впередъ, наконецъ, скрестивъ руки, остановился передъ женою и сказалъ:

— Ну, уважили-съ, Анна Александровна-съ, уважили, нечего сказать... плясать и плясать, чортъ знаетъ съ кѣмъ, на зло мужу, когда мужъ не приказываетъ-съ?! въ голосѣ Матвѣя Матвѣича слышались злоба, насмѣшка и сильное волненіе.

— Я не могла исполнить вашего приказанія, потому что дала слово прежде, отвѣчала Анюта какъ можно спокойнѣе.

— А вы меня спросились давать это слово, аль нѣтъ-съ?

Анюта усмѣхнулась.

— Въ этомъ намъ нужно было условиться дома... Вѣдь вы знали, что у Болаевыхъ пляшутъ, вы знали, что и я танцую, отчего же меня не предупредили?..

— Сухи, сухи изъ воды вышли... всѣ женщины таковы! вскричалъ мужъ, кусая губы съ досады.

— Притомъ же я не могла и думать, продолжала жена: — что вы человѣкъ закоренѣлый и смотрите на танцы глазами вашей благочестивой матушки.

— Пусть я останусь *закоренѣлымъ*, но позвольте васъ спросить-съ, съ кѣмъ вы танцовать изволили-съ?

— Конечно, я не знаю этого человѣка, но онъ хорошо извѣстенъ хозяевамъ... потому что его пригласили на цѣлый вечеръ, отвѣтила Анюта.

— А! на цѣлый вечеръ! вонъ какъ-съ! воскликнулъ Матвѣй Матвѣичъ: — потому-то Текуса Егоровна такъ усердно васъ и унимала-съ... понимаю-съ, то есть она принимаетъ на себя *ролю* свод...

— Не договаривайте, Матвѣй Матвѣичъ! вскричала выведенная изъ себя Анюта. — Подло такъ оскорблять замужнюю, честную женщину!

— Я вамъ, сударыня, скажу разъ и навсегда безъ дальнихъ разговоровъ-съ, чтобъ съ этихъ поръ нога этой женщины не была въ нашемъ домѣ-съ, а также и вы не надѣйтесь у ней быть... проговорилъ Жилинъ такимъ тономъ, который не допускалъ возраженій.

Анюта пожала плечами; мужъ это замѣтилъ и прибавилъ, не спуская съ нея угрожающаго взгляда:

— Я хочу, чтобъ мое слово было для васъ закономъ-съ! постарайтесь эфто-съ вообразить, иначе мои поступки съ вами будутъ другіе-съ, понимаете ли вы власть мужа!..

— Понимаю, прошептала Анюта съ такой улыбкой, послѣ которой оставалось только плюнуть въ лицо Жилина...

И вотъ въ ту же ночь, когда все успокоилось въ домѣ, въ спальнѣ нашихъ молодыхъ долго слышался какой-то глухой шумъ, прерываемый то сдержанными воплями, то отчаяннымъ груднымъ стономъ. Чей-то сдавленный, шипящій голосъ по временамъ вскрикивалъ зловѣщимъ тономъ. То была неравная, но упорная борьба беззащитной птицы, попавшей подъ когти хищнаго звѣря...

X.

По утру Матвѣй Матвѣичъ, по обыкновенію, въ урочный часъ отправился въ свои лавки; но Анюта не пришла въ комнату свекрови къ утреннему чаю. Ананьевна, явившаяся ее звать, нашла свою молодую хозяйку въ постели съ подвязанною щекой.

— Няня, у меня сегодня цѣлую ночь зубы болѣли и теперь болятъ, сказала ей Анюта:—принеси мнѣ самоваръ сюда

Старуха начала ей совѣтовать положить на больной зубъ соли, хрену, роснаго ладона и проч.

— Ай, что это матушка, Анна Александровна, у васъ?.. воскликнула старая нянька, замѣтивъ на рукахъ Анюты синія пятна, когда послѣдняя стала наливать чай.

— Домовой исщипалъ, сказала Анюта, съ горькою улыбкой: — домовой здѣшняго дома меня не любитъ...

Старуха значительно покачала головой.

— И покойную Авдотью Степановну тоже домовой щипалъ; у ней часто по всему тѣлу синяки были... — И Ананьевна пристально посмотрѣла своими птичьими глазами въ лице Анютѣ. Но послѣдняя болѣе ничего не сказала.

Такъ Анюта цѣлый день и не выходила изъ комнаты. Мужъ воротился уже вечеромъ и до самаго ужина читалъ ей нравоученія, или насмѣхался надъ нею. Анюта на всѣ обидныя выходки мужа не сказала ни слова: но по ея сдвинутымъ бровямъ, по тому негодованію и презрѣнію, которое выражалось на ея лицѣ, замѣтно было, что уже это была не та женщина, которая на обиды отвѣчала однѣми слезами...

На слѣдующее утро нежданно-негаданно прикатила къ Жилинымъ Пелагея Андреевна съ Вѣрой. Матвѣй Матвѣичъ очень былъ не радъ пріѣзду тещи, а еще пуще Вѣры, которую считалъ самою дерзкою дѣвчонкой; но все-таки не показалъ и виду. А матушка его приняла гостей чрезвычайно ласково; Анюта тоже старалась казаться веселою и спокойною, не желая огорчить матери при первомъ свиданіи.

Но Лапина, предупрежденная кой-какими намеками Вѣры о дурномъ житьѣ-бытьѣ Анюты, смотрѣла уже на Жилиныхъ не совсѣмъ довѣрчиво: во всякомъ ихъ словѣ Пелагеѣ Андреевнѣ мерещилась непремѣнно какая нибудь *фальша*, и она рѣшилась ко всему присмотрѣться и все разузнать...

Матвѣй Матвѣичъ, опасаясь, что Анюта все откровенно передастъ матери, не спускалъ съ жены глазъ, и улучивъ минуту, когда она одна оставалась въ комнатѣ, строго замѣтилъ:

— Я надѣюсь, Анна Александровна-съ, что вы помните пословицу-съ «соръ изъ избы выносить не надобно-съ».

— Конечно, лучше его беречь, отвѣтила съ грустной улыбкой жена. — Но будьте покойны, я вашего сора не вынесу, не хочу, чтобъ маменька убивала себя, узнавъ, куда она отдала дочь свою.

Вошедшая Вѣра прервала разговоръ. За то Анюта все откровенно пересказала сестрѣ, все со всѣми подробностями и опять съ просьбою: ничего не говорить матери.

— Но теперь уже молчать нельзя; если не хочешь носить мужниныхъ вещей, то нужно же тебѣ шить платье, замѣтила сестра.

— Объ этомъ какъ нибудь я лучше съ тятенькой объяснюсь, отвѣчала Анюта: — впрочемъ зачѣмъ мнѣ и наряды... куда я въ нихъ и ходить буду. — Она махнула рукой. А Вѣра только головой покачала.

На другой день утромъ, лишь только ушелъ Матвѣй Матвѣичъ въ лавку, Пелагея Андреевна, въ ожиданіи, покуда встанутъ дочери, и не дожидаясь приглашенія старой хозяйки, приказала поставить самоваръ, а сама принялась откупоривать и развязывать разныя коробочки и корзинки, банки и бутылки, привезенныя ею въ гостинцы Анютѣ, съ разными закусками, печеньями и вареньями и все это уставила на столъ.

— Ну вотъ, матушка, сударыня моя-съ, Пелагея Андреевна, при васъ-то мы будемъ чаёкъ кушать въ восемь часовъ, а безъ васъ мы завсегда постимся: пьемъ чай въ двѣнадцатомъ часу, когда добрые люди обѣдать садятся, проговорила нянька, подавая самоваръ на столъ.

— Какъ же это такъ? воскликнула Лапина.

— А такъ же, моя матушка: старыя-то хозяйки къ обѣднѣ кажинный день ѣздятъ, а молодую-то и заставляютъ дожидать себя... такіе ужъ у насъ порядки...

— Нехорошіе порядки, замѣтила Лапина, покачивая головой.

Появившаяся въ дверяхъ Анюта погрозила старухѣ пальцомъ, и послѣдняя замолчала. Но напрасно Пелагея Андреевна вывѣдывала дочь о ея житьѣ-бытьѣ: Анюта, стараясь казаться спокойною, отвѣчала, что она живетъ, какъ и другія живутъ, что никакихъ непріятностей отъ семейства не видитъ, что Матвѣй

Матвѣичъ, правда, любитъ побрюзжать и входитъ въ разныя мелочи; но уже это у него въ характерѣ... И свекровь, хотя и ворчлива, и капризна подъ часъ бываетъ, какъ и многія старухи, но невѣстку слишкомъ не обижаетъ и проч... Но Лапина больше не вѣрила Анютѣ: смотря на осунувшееся, похудѣвшее лице дочери, она хотѣла, во что бы то ни стало, добиться правды другимъ путемъ...

— Она у меня смиренница, молчитъ, не жалуется, непріятности заводить не хочетъ... думала Пелагея Андреевна про Аню-ту, и узнавъ, что и Марья Михайловна и Лизавета Матвѣевна уѣхали къ обѣднѣ, Лапина набрала гостинцевъ и отправилась внизъ къ Сашѣ, гдѣ застала Ананьевну. Слово за слово, разговорясь съ старухой, она принялась ее распрашивать: какіе порядки въ домѣ, какой характеръ у Марьи Михайловны и Матвѣя Матвѣича? и т. п.

— Хорошіе они люди, дай имъ Богъ здоровья, отвѣчала старуха.—А ужъ не Аннѣ бы Александровнѣ за Матвѣемъ Матвѣичемъ быть: имъ бы надобно такую, чтобы отгрызнуться умѣла; а что ваша смиренница слезами-то только боронится да помалчиваетъ...

— Я сама замѣчаю, что мое дѣтище вѣрно чѣмъ нибудь изобижено. Посмотри-ка, какъ похудѣла... проговорила со вздохомъ Лапина.

— Охъ ужъ и не говорите, сударыня, какъ изобижена-то...

— Господи Боже мой! а вѣдь сама мнѣ ничего не скажетъ! воскликнула Пелагея Андреевна, всплеснувъ руками: — а вѣдь на видъ такое тихое семейство... Я никому вѣрить не хотѣла, кто объ нихъ худо говорилъ.

— Гмъ! тихое семейство!.. повторила, понизивъ голосъ, Ананьевна: — да это, съ позволенія сказать, ады кромѣшные... Да все это еще цвѣточки, а пожалуй будутъ и ягодки...

— Да правду ли ты говоришь, старушка, правду ли? спросила Пелагея Андреевна, пристально смотря въ птичьи глаза няньки и какъ будто не вѣря ушамъ своимъ

— А пусть же я околѣю на эфтомъ самомъ мѣстѣ, коли вашу милость обманываю!.. воскликнула Ананьевна: — я, сударыня моя, не вчерась сюда пришла... Охъ, много я, много видѣла: скажу вамъ истинную правду, что и первая-то сожительница Матвѣя Матвѣича отъ нихъ въ сырую землю пошла... зачахла, да и Богу душу отдала...

Пелагея Андреевна вздрогнула и залилась слезами.

— Такъ и мы, стало быть, на тиранство свою Аннушку отдали... сказала она:—да разскажи-ка, разскажи все, что и какъ?..

И старуха подробно стала разсказывать, какъ Анюту мужъ, какъ ржа желѣзо ѣстъ, на каждомъ шагу; какъ попрекаютъ ее приданымъ свекровь и золовка, какъ преслѣдуютъ ее подозрѣніями и чуть не морятъ голодомъ.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? повторяла огорченная мать, слушая няньку: — развѣ зятю все выпечатать? Какъ ты скажешь, нянюшка?

— Что жъ! поговорите, матушка, чѣмъ въ умѣ держать, отвѣчала нянька: — авось Матвѣй Матвѣичъ и усовѣстится... Вѣдь все маменькины да сестрины науки... а онъ по ихней дудочкѣ пляшетъ, съ позволенія сказать, и Лизавета-то Матвѣевна, ой злющая, презлющая!.. Сашеньку-то вѣдь совсѣмъ забила...

— Такъ разканифолю же я ихъ лицемѣровъ, такъ разканифолю, что имъ тошно будетъ? воскликнула рѣшительно Лапина, утирая слезы...

Храбрая на языкѣ Ананьевна, сильно испугалась такой рѣшительности и робко прошептала:

— Ужъ вы меня-то, сударыня, не выдавайте... вѣдь я жалѣючи васъ говорила...

— Что мнѣ тебя выдавать... а ужъ хозяекъ твоихъ, этакихъ чертовокъ, расканифолю, повторила взбѣшенная Лапина.

— Нѣтъ, нѣтъ, маменька, вы не заводите такой непріятности, произнесла Анюта, остановясь въ дверяхъ. Она слышала послѣднія слова говорившихъ и догадалась въ чемъ дѣло.

— Дура ты, Аннушка, вотъ что; ну протяни шею, такъ еще не то потерпишь... сказала горячо мать.

— А тебя кто просилъ пересказывать маменькѣ всякій вздоръ? обратилась Анюта къ нянькѣ.

— Я, сударыня-съ, жалѣючи васъ... промямлила послѣдняя.

И мать и дочь вернулись наверхъ.

— Вѣрно, Аннушка, перестать въ молчанку-то играть, заговорила Пелагея Андреевна: — «шила въ мѣшкѣ не утаишь»... А ужъ я этого дѣльца такъ не оставлю, все же выведу на свѣжую воду, въ обиду своего дѣтища не дамъ... все выговорю...

— Что жъ изъ этого выйдетъ, маменька? произнесла грустно Анюта: — вы уѣдете, и вѣдь не увезете меня отсюда навсегда...

— Ахъ, что ты Аннушка говоришь!.. вскричала Пелагея Андреевна:—въ умѣ ты, аль безъ ума, да какъ же это я жену съ

мужемъ разлучу?..—Подобный поступокъ былъ даже не мыслимъ для Лапиной.

— Такъ всѣ ваши выговоры и упреки обрушатся на мою же голову, продолжала тѣмъ же тономъ Анюта:—помочь въ этомъ мнѣ никто и ничто не можетъ... Вѣдь развѣнчать меня съ Матвѣемъ Матвѣичемъ нельзя... — Она отвернулась, чтобъ скрыть набѣжавшія на глаза слезы.

— Такъ какъ же это... такъ что жъ дѣлать-то? шептала мать, опустивъ голову на грудь; но той мысли, чтобъ побраниться и съ зятемъ, и съ сватьей, она не оставила...

Вечеромъ, когда Жилинъ сидѣлъ молча за чайнымъ столомъ, сильное волненіе овладѣло Пелагеей Андреевной: ей хотѣлось высказать зятю все, что у ней лежало на сердцѣ Но она какъ будто боялась чего... наконецъ, рѣшась, Лапина повела разговоръ издалека, принялась выхвалять своихъ кукушкинцовъ, что они люди безхитростные, а привольсцы — безъ фальши не ступятъ: «мягко стелютъ, да жестко спать» и проч.

Жилинъ, нахмурившись, слушалъ тещу и изъ-подлобья поглядывалъ на жену.

Далѣе Пелагея Андреевна, ужъ сама не зная какъ, навела рѣчь на то, что всякій мужъ долженъ прилѣпиться къ своей женѣ и никакъ не долженъ допускать, чтобъ кто нибудь совался между супругами.

— По вашимъ рѣчамъ, маменька-съ, я заключаю, что Анна Александровна недовольна мною-съ и жалуется вамъ на меня-съ... проговорилъ наконецъ Жилинъ.

— Аннушка у насъ смиренница, она ничего не говоритъ; но я стороной слышу, что вы, Матвѣй Матвѣичъ, ужъ черезъ-чуръ ее *муштруете*... отвѣчала теща.

— Такъ-съ, смиренница ваша дочь, вы изволите говорить-съ, произнесъ сквозь зубы Матвѣй Матвѣичъ: но вотъ они тутъ-съ, я при нихъ скажу-съ, что смиренницы такъ не поступаютъ, какъ поступаетъ Анна Александровна-съ: онѣ, видите, во-первыхъ, людямъ на смѣхъ вздумали ходить въ церковь однѣ, въ старомъ салопишкѣ; не изъ чего, какъ только изъ того, чтобъ насъ *срамить-съ*...

Вѣра вспыхнула и, казалось, хотѣла броситься на зятя; Анюта напротивъ слегка поблѣднѣла, ноздри ея расширились, какъ будто ей тяжело было дышать. Она хотѣла что-то сказать, но мать ее предупредила.

— Люди слышали, Матвѣй Матвѣичъ, какъ вы корили ее сво-

ими нарядами, такъ поневолѣ свой старый салопъ надѣнешь. Но вы объ эфтомъ не безпокойтесь: мы своей дочери сдѣлаемъ и салопы, и платья, чтобъ вы никогда не смѣли попрекнуть ее... да!..—Пелагея Андреевна замѣтно горячилась.

— Такъ что жъ! и дѣлайте если вамъ угодно; только не въ счетъ извѣстныхъ-съ пяти тысячъ, проговорилъ зять, позеленѣвъ отъ злости.

— Почему же не въ счетъ? Нѣтъ, мы сдѣлаемъ въ счетъ пяти тысячъ; намъ все равно — деньгами давать, или вещами.

— Нѣтъ не все равно; я пять тысячъ потребую-съ сполна, по векселю...

— Вексель данъ на имя Аннушки, а не на ваше; а неужели дочь подастъ ко взысканію на отца! тогда ей прощенія не будетъ... ни въ этой жизни, ни въ будущей... кричала внѣ себя раздраженная мать.

— Маменька, перестаньте!.. ничего не нужно!.. воскликнула Анюта, теряя свой спокойный видъ. Пелагея Андреевна сама заплакала съ досады.

Жилинъ увидѣлъ, что далево зашелъ и замолчалъ. Но ему хотѣлось уязвить тещу съ другой стороны, и онъ сказалъ:

— Но это еще не все, что Анна Александровна однѣ ходятъ-съ, за ними ходятъ провожатые студенты-съ, да-съ!..

Пелагея Андреевна стихнула; она какъ будто опѣшила и въ недоумѣніи обратила свои глаза на дочь.

— Слышишь, что про тебя говорятъ? подняла она дрожащій голосъ.

Но Анюта, не отвѣчая матери, очень спокойно сказала мужу:

— Чья это выдумка, Матвѣй Матвѣичъ, ваша или вашей маменьки?..

— Выдумка-съ! воскликнулъ Жилинъ, сверкнувъ красноватыми глазками.

— Да, грязная выдумка! Я вамъ не повѣрю, не повѣрю!. кричала, оправившись Лапина:—я не тому своихъ дочерей учила, чтобъ за ними водилось что нибудь этакое...

— И то выдумка, что вы Анна Александровна-съ у Бодаевыхъ весь вечеръ съ наряженымъ плясали-съ, и съ кѣмъ! можетъ быть, съ лакеемъ, или солдатомъ, кто знаетъ, — харя прикрыта маской! тоже выдумка-съ? проговорилъ злобно Матвѣй Матвѣичъ, подступая къ женѣ.

— Какая жъ выдумка, я не запираюсь, что танцовала: что жъ тутъ худаго? молвила Анюта.

— Именно, именно, что жъ тутъ худого: мы своимъ дочерямъ повеселиться никогда не запрещали, сказала теща.

— Но если я имъ не *позволилъ*-съ?

— Не позволилъ!.. передразнила вышедшая изъ терпѣнія Вѣра: — да развѣ кто танцуетъ, тотъ спрашиваетъ позволенія у мужей, отцовъ и матерей, тутъ же на вечерѣ... Эхъ вы!..

— Не съ вами разговоръ и не о васъ рѣчь; поберегите свои умныя выходки для будущаго вашего супруга-съ; чего добраго, и слушать васъ будетъ, можетъ быть, отвѣчалъ язвительно Жилинъ: — но ужъ съ моею женою позвольте распорядиться мнѣ съ... и я объявляю, что вторично такого пассажа отъ Анны Александровны не потерплю-съ...

— А я вамъ скажу: что напрасно мое дѣтище обижать вамъ не дамъ... возразила горячо Пелагея Андреевна: — Я вижу, что вамъ на Аннушку наговариваютъ ваши родные, а вы пляшете по ихъ дудкѣ.

— Кто жъ мои родные? Мать и сестра-съ, вы ихъ считаете наговорщицами, выдумщицами, такъ изволите ошибаться.. Я ихъ душевно уважаю.. И такъ объ нихъ говорить никому не позволю-съ...

— Батюшка, «на чужой ротокъ не накинешь платокъ», заключила Пелагея Андреевна, готовая въ это время поцарапаться съ зятемъ.

XI.

На другой день Лапина поссорилась и съ сватьею, какъ поссорилась съ зятемъ, и уже обѣ стороны смотрѣли другъ на друга открыто враждебно. Пелагея Андреевна собиралась обратно въ Кукушкинъ: въ присутствіи Матвѣя Матвѣича стала приглашать Анюту съ собой.

— Надѣюсь, что Анна Александровна-съ, безъ моего позволенія не посмѣютъ уѣхать, вмѣшался Жилинъ.

— Да я и не спрашиваю о вашемъ позволенiи, а просто-за-просто увезу съ собою Аннушку на мѣсяцъ; вотъ и все тутъ, отвѣчала теща.

— И это можете сдѣлать-съ, но только я васъ предупреждаю-съ, что завтра же подамъ объявленiе: что у меня бѣжала жена, произнесъ Матвѣй Матвѣичъ, замигавъ глазками.

Анюта, при этихъ словахъ мужа, горько улыбнулась; а Лапина какъ будто испугалась, не зная, что возразить противъ законной угрозы мужа, которую онъ могъ легко исполнить. Вѣра почти побагровѣла отъ негодованiя.

И такъ, наплакавшись до сыта, мать и дочери разстались: гостьи наши уѣхали, даже не простясь съ хозяевами.

Предсказанiя Анюты сбылись: Пелагея Андреевна своими выговорами и ссорою не поправила дѣла нисколько и сама принуждена была поскорѣй бѣжать изъ дома, гдѣ смотрѣли на нее непрiязненно.

Въ первый разъ, по отъѣздѣ матери, когда Анюта пришла къ свекрови, старуха залилась горькими слезами, жалуясь на обидныя слова уѣхавшей сватьи и призывая мщенiе неба на голову непокорной невѣстки. Матвѣй Матвѣичъ утѣшалъ мать, цѣлуя ея руки и увѣряя, что онъ постарается наставить жену, какъ ей уважать такую примѣрную свекровь.

Лизавета Матвѣевна ругала просто-за-просто Пелагею Андреевну, Вѣру и всю ихъ родню, а въ томъ числѣ и Анюту, говоря: что за грѣхи Богъ наказалъ ихъ такой невѣсткою.

Анюта не хотѣла отвѣчать на всѣ эти обидныя слова, не хотѣла ихъ болѣе слушать, ушла и цѣлую недѣлю не выходила изъ своей комнаты. Хотя по прежнему терпѣла нападки мужа, но къ свекрови не шла, пользуясь услугами Ананьевны и запасами, привезенными матерью; Анюта и чай пила, и обѣдала у себя; но сердце бѣдной женщины ныло и ныло... Это была пойманна птица съ обломанным крыломъ... Но отъ гостинцы Пелагеи Андреевны истощились; Ананьевна стала бѣгать то въ булочную то на рынокъ... Лизавета Матвѣевна передала это брату и Жилинъ въ одинъ вечеръ сказалъ женѣ:

— И такъ-съ, Анна Александровна, вы нынче живете съ нами въ раздѣлѣ?

— Въ какомъ раздѣлѣ? спросила жена.

— Вы не изволите ходить за общiй столъ и общiй чай; словомъ къ маменькѣ не заглядываете совсѣмъ...

— За общимъ столомъ мнѣ кусокъ нейдетъ въ горло, когда я

слушаю обидные упреки и насмѣшки отъ вашей маменьки и сестрицы, отвѣчала смѣло Анюта.—А потому я никого и не хочу стѣснять своимъ ненавистнымъ присутствіемъ...

— А!.. я вижу, амбиція ваша страдаетъ-съ, возразилъ насмѣшливо мужъ:—вы считаете себя завсегда обиженной, то есть по пословицѣ: «правда глазъ колетъ»... Но если кто обидѣлъ кого, такъ это обидѣла ваша матушка всѣхъ насъ и вы должны непремѣнно за нея извиниться передъ моей маменькой? да-съ!..

— Я передъ вашей маменькой себя виноватой не сознаю, за слова своей матери не отвѣчаю и извиняться значитъ не буду.

— А я хочу, чтобъ вы непремѣнно извинились, вскричалъ мужъ.

Анюта не отвѣчала и усердно работала.

— Вы уже и въ томъ виноваты, что пробавляетесь въ своей комнатѣ, продолжалъ Жилинъ:—это уже значитъ—капризъ и своевольство-съ. А вы знаете, что капризныхъ дѣтей за своевольство наказываютъ-съ тѣмъ, что отнимаютъ у нихъ къ тому средства-съ и удаляютъ всякіе соблазны-съ...—И говоря это, Матвѣй Матвѣичъ открылъ ящикъ коммода, въ замкѣ котораго былъ ключъ, вынулъ изъ ящика нѣсколько фунтовъ чаю, взялъ съ коммода непочатую голову сахару, захватилъ чайную шкатулку и понесъ къ Лизаветѣ Матвѣевнѣ, какъ распорядительницѣ по хозяйству.

Анюта сидѣла какъ окаменѣлая; такое наглое обращеніе мужа страшно поразило ее... Она смотрѣла во всѣ глаза на открытый ящикъ и не могла сообразить: что ей дѣлать? не могла она ни встать, ни пошевелить пальцемъ.

Матвѣй Матвѣичъ поспѣшно вернулся, опять полѣзъ въ ящики коммода, перешарилъ во всѣхъ шкатулкахъ и баульчикахъ, въ которыхъ собралъ около ста рублей серебромъ, накопленныхъ съ дѣтства Анютою изъ подаренныхъ ей денегъ, положилъ ихъ безъ церемоніи къ себѣ въ портъ-моне; потомъ уложилъ опять всѣ вещи въ коммодъ и, замкнувъ всѣ ящики, сказалъ женѣ съ самодовольной улыбкой, положивъ ключъ передъ ней на пяльцы:

— Съ эфтого времени, Анна Александровна-съ, надѣюсь будете поумнѣе-съ... соблазновъ никакихъ нѣтъ-съ, искушаться нечѣмъ...

Теперь только опомнилась Анюта, отбросила отъ себя ключъ и, ухватясь за голову, тихо простонала.

— А!.. сердиться изволите-съ! продолжалъ хладнокровно Жилинъ, поднявши ключъ и положивъ его на комодъ:—Ничего-съ,

сердце пройдетъ, самимъ слюбится-съ; а старой дурѣ, Ананьевнѣ нужно приказать, чтобъ она не смѣла вамъ подъ полою с…ное носить...—И онъ ушелъ къ матери.

— И такъ меня ограбили!.. этого только и не доставало!.. воскликнула Анюта по уходѣ мужа.—Что жъ еще дальше-то будетъ? какъ же я жить-то буду?... И не могла она отвѣтить на эти жгучіе вопросы. Будущее представлялось ей какъ безпредѣльная степь, какъ непроглядная ночь, и новая холодная волна ненависти къ мужу прихлынула къ сердцу Анюты: еще гаже, еще противнѣе показался онъ ей... Анютѣ хотѣлось плакать, рыдать, но ни слезы, ни вздохи не шли наружу; тяжелое чувство сдавило ей грудь. Эти минуты были чертою, за которою крѣпнетъ и ожесточается характеръ, за которою женщина должна или погибнуть или возвыситься. .

Съ недѣлю Анюта крѣпилась, не выходила изъ комнаты, жалуясь на зубную боль, которой на самомъ дѣлѣ вовсе не было; кое-какъ она перебивалась полу-голодомъ, довольствуясь тѣмъ, что тих…ко приносила ей старая нянька... Но свекровь уже болѣе не освѣдомлялась о ея здоровьѣ, не предлагала ей своихъ лекарствъ, какъ будто бѣдной женщины совсѣмъ и не существовало въ домѣ. Матвѣй Матвѣичъ подсмѣивался надъ женой, говоря, что ей полезно питаться воздухомъ.

Но молодыя силы взяли свое и рванулись впередъ изъ безвыходнаго положенія. Анюта опять стала ходить въ столовую, снова видѣть ненавистныя лица, слышать обидныя рѣчи, словомъ, пошла та же старая исторія.

Черезъ нѣсколько дней Бодаева прислала за Анютою лошадь и записку слѣдующаго содержанія:

«Премилая моя, дорогая Анна Александровна, прошу васъ къ себѣ; сегодня у меня кой-кто будетъ; помните вашего кавалера... Не оставьте моей сердечной просьбы, пожалуйте... Ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ, докажите вашу дружбу» и проч.

Анюта была рада этой запискѣ. «Разумѣется, вся эта волчья семья нападетъ на меня за Бодаеву, думала она:—но я докажу, что съ Текусою Егоровной знакомства прерывать по ихнему приказу не хочу; между тѣмъ Бодаевой удовольствіе доставлю, а Жилину полчаса бѣшенства. И то не дурно.»

Бодаева съ распростертыми объятіями встрѣтила Анюту, сама сняла съ нея салопъ и повела ее въ гостиную, гдѣ сидѣли за работой три сестрицы Виктора Павлыча.

Всѣ три дѣвицы были молодыя и бойкія, и хотя бѣдно одѣ-

тыя, но съ большими претензіями на моду. Не прошло и четверти часа, какъ гостьи познакомились съ Анютой, какъ будто цѣлый вѣкъ ее знали. Потянулся безконечный разговоръ о нарядахъ и женскихъ рукодѣльяхъ; за тѣмъ разныя шутки и забавные анекдоты, что доказывало, что дѣвицы вовсе не церемонятся съ хозяйкой дома и хорошо знакомы съ ней.

Анюта ожила; ей вспомнились дѣвичьи собранія въ родительскомъ домѣ и вся прошлая веселая жизнь. Она даже нашла въ одной изъ дѣвицъ сходство съ Вѣрою.

Столъ былъ уставленъ десертомъ. Косая Ѳекла, кухарка Бодаевыхъ, подавала кофе. Но не смотря на свою веселость, Текуса Егоровна, съ замѣтнымъ безпокойствомъ, то и знай поглядывала въ окно...

— Ахъ, вотъ и Викторъ Павлычъ! воскликнула она наконецъ и бросилась въ залу, встрѣчать гостя.

Дѣвицы также высыпали за нею. Анюта стояла въ дверяхъ гостиной и смотрѣла, какъ входилъ *интересный* испанецъ. Это былъ молодой человѣкъ, высокій, черноглазый, довольно красивый; но безъ всякаго выраженія въ лицѣ. Длинные волосы его были завиты въ кудри, сюртукъ тщательно вычищенъ, галстухъ зашпиленъ золотой булавкой, въ видѣ пылающаго сердца; на рукахъ у него лоснились желтыя перчатки...

— Мое вамъ почтеніе, Текуса Егоровна! какъ ваше здоровье-съ? проговорилъ гость, прикладываясь къ рукѣ хозяйки и бережно держа передъ собой шляпу.

Сердце Анюты слегка дрогнуло... По голосу Виктора Павлыча она узнала танцовавшаго съ ней испанца... Но очарованіе ея мгновенно изчезло, при взглядѣ на плоскую физіономію молодаго человѣка.

— На силу-то мы васъ дождались! произнесла любезно хозяйка.—Отчего такъ долго?

— Какъ ты сюда дорогу-то нашелъ?.. вторили сестры хоромъ и заливались звонкимъ, пронзительнымъ смѣхомъ.

—Я думаю, что рекомендовать не надо, сказала Текуса Егоровна, вводя гостя въ гостиную и показывая ему на Анюту. Потомъ прибавила, обратясь къ послѣдней: Это гишпанчикъ, съ которымъ вы танцовали, милочка моя, Анна Александровна...

Анюта и гость поклонились другъ другу, и немножко сконфузились.

— Прошу васъ, Викторъ Павлычъ, быть здѣсь, какъ дома, продолжала Бодаева: —Мы здѣсь все свои задушевныя; Анна

Александровна мой искренній другъ, надѣюсь насъ не осудитъ и при ней женироваться нечего...

Гость манерно поклонился Анютѣ. За тѣмъ двѣ рюмки мадеры развязали и языкъ и движенія, не совсѣмъ развязнаго Виктора Павлыча... Онъ заговорилъ, заходилъ, закурилъ сигару и даже— засвисталъ...

— Каковъ? спросила шопотомъ хозяйка у Анюты, показывая глазами на гостя.

— Хорошъ! прошептала послѣдняя, едва скрывая улыбку. Бодаева чуть не висла на шею своего миленькаго гишпанчика, но сестры его дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ. Анюту нѣсколько смущала эта безцеремонность Текусы Егоровны.

Не смотря на пренебреженіе къ власти мужа, Бодаева все-таки желала раздѣлаться съ гостями, до пріѣзда хозяина изъ лавки; а потому и приказала подавать чай.

Явилась на сцену гитара.

— Вы вѣрно и въ руки не брали гитары съ тѣхъ поръ, какъ у насъ были-съ? спросилъ гость, перебирая ослабшія струны.

— Играла, Викторъ Павлычъ: и сегодня, и вчера, и каждый день играю... отвѣчала хозяйка, умильно заглядывая въ глаза молодому человѣку. (Они сидѣли рядомъ на диванѣ).—Но что жъ дѣлать, слуху не имѣю, чтобъ настроить... Ахъ, Викторъ Павлычъ! еслибъ вы, напримѣръ, жили у насъ въ домѣ... тогда... тогда, конечно, и гитару бы мою почаще бы настраивали... прибавила Текуса Егоровна съ глубокимъ вздохомъ и закатила свои маленькіе глаза къ потолку.

Викторъ Павлычъ не оставался въ долгу и отвѣчалъ хозяйкѣ такимъ дьявольски-страстнымъ взглядомъ, что Анюта покраснѣла и отошла отъ нихъ подальше.

Она чувствовала себя въ неловкомъ положеніи и поднялась, чтобы отправиться домой.

— Что вы, душа моя, Анна Александровна, такъ скоро хотите насъ оставить!.. воскликнула хозяйка.

— Но уже било семь часовъ; теперь мнѣ ужъ должно быть дома, отвѣчала Анюта, намекая тѣмъ на скорое возвращеніе мужа изъ лавки.

— Ужъ не безпокойтесь: я сама васъ домой провожу, трезвонила Текуса Егоровна: —всю вину на себя приму...—И потомъ прибавила, обратясь къ гостю: А вы имѣете понятіе о томъ, Викторъ Павлычъ, что такое значитъ мужъ, необразованный купчишка, командующій женой?

Викторъ Павлычъ только кашлянулъ.

— Я полагаю, что изъ сотни купцовъ едва ли найдутся два-три, которые бы обожали своихъ женъ и обращались съ ними со всякимъ деликатствомъ... разсуждала Бодаева: — Конечно не всякой такой безобразникъ, какъ мой муженекъ; но, право, и другіе не лучше, только на другой образецъ, то есть: пополитичнѣе, похитрѣе...— Она жалостно взглянула на Анюту.

— О, помилуйте-съ, вообще купцы—медвѣди, тираны-съ, держатъ своихъ супругъ на привязи-съ... подговорилъ Викторъ Павлычъ.

— Другъ мой, Анна Александровна, я сейчасъ готова къ вашимъ услугамъ, обратилась хозяйка къ Анютѣ.

— Мы вотъ сейчасъ и поѣдемъ къ вамъ, только дайте мнѣ повторить урокъ...

Гость между тѣмъ настроилъ гитару и, по просьбѣ хозяйки, запѣлъ:

«Ты не повѣришь,
«Какъ ты мила!»

Текуса Егоровна таяла отъ восторга и вѣроятно была бы очень довольна, еслибъ не было въ комнатѣ постороннихъ глазъ и ушей. По окончаніи пѣсни, она взяла гитару и запѣла сама:

«Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою.»

Но пѣла она очень дурно, не въ тактъ, рука замѣтно дрожала, грудь сильно волновалась и голосъ обрывался...

— Что-то у меня сегодня горло охрипло, холоднаго квасу давеча напилась, сказала наконецъ, какъ бы въ оправданіе, наша артистка и положила гитару.

Вдругъ, словно бомба, влетѣла въ комнату испуганная, запыхавшаяся Ѳекла.

— Те-ку-са Его-ров-на! вѣдь самъ прі-ѣхалъ! слы-ши-ше, самъ!.. и съ гостемъ! вскричала она едва переводя духъ.

— Не-у-жели!.. воскликнула поблѣднѣвшая хозяйка.

— Ей Бо-гу-съ!..

На лицѣ Виктора Павлыча выразился сильный испугъ; онъ вскочилъ и не зналъ, что дѣлать. Дѣвицы тоже засуетились: кто складывалъ работу, кто отыскивалъ шляпку; Анюта, не желавшая показаться пьяному хозяину, ушла въ спальню.

— Что теперь намъ дѣлать-то? спросила наконецъ опомнившаяся кухарка, показывая глазами хозяйкѣ на гостя.

Послѣдняя тоже пришла въ себя; изворотливость женскаго ума взяла верхъ надъ испугомъ.

— Что жъ ты, дура, въ самомъ дѣлѣ всѣхъ переполошила сказала она служанкѣ:—Какъ будто Богъ знаетъ, что сдѣлалось... Гостьи дорогія! обратилась Бодаева къ дѣвицамъ:—сдѣлайте милость не суетитесь; мужъ мой не запрещаетъ мнѣ приглашать женскій полъ, кого я хочу... вонъ вашъ братецъ, — другое дѣло... боюсь, чтобъ Семенъ Васильичъ съ пьяна не затѣялъ какой нибудь непріятности... Вѣдь онъ такой безобразникъ!..

Но Викторъ Павлычъ, забывъ проститься съ хозяйкой, забывъ захватить свою шляпу на стулѣ, навострилъ уже лыжи въ переднюю.

— По черной лѣстницѣ спусти, шепнула хозяйка кухаркѣ, и послѣдняя, накинувъ на гостя шинель наизнанку, вытолкнула его въ черный корридоръ.

— Эй, чортова кукла, что намъ не свѣтишь!.. послышался голосъ хозяина на парадной лѣстницѣ. Ѳекла опрометью бросилась встрѣчать хозяина. Вскорѣ Семенъ Васильичъ, въ сопровожденіи гостя, ввалился въ переднюю. Гость былъ Матвѣй Матвѣичъ Жилинъ.

Ѳекла какъ увидѣла его, такъ и ахнула.

— Снимай шубу-то съ меня, сатана! продолжалъ рычать Бодаевъ и ударилъ кухарку кулакомъ по шеѣ.

— Не на то моя шея на свѣтъ родилась, чтобы ваши, сударь, кулаки надъ нею тѣшились, отвѣчала послѣдняя, стаскивая шубу съ хозяина:—Ишь какъ нализались, едва на ногахъ держитесь, постыдитесь, у насъ гостьи...

— Ахъ ты шельма этакая!.. А скажи-ка мнѣ: кто сейчасъ отъ насъ со двора сбѣжалъ... твой любовникъ, бестія, а?

Ѳекла смекнула, о комъ говорилъ хозяинъ, но смѣло отвѣчала:

— Ишь у васъ вѣрно чертики въ глазахъ-то сегодня, такъ и мерещится...

— Въ самомъ дѣлѣ, Ѳекла, когда мы стояли на парадномъ крыльцѣ, съ чернаго кто-то сбѣжалъ въ шинели и пустился со двора... подтвердилъ Жилинъ:—Смотрите, не воръ ли, все ли у васъ цѣло?..

— Это, сударь Матвѣй Матвѣичъ, былъ у насъ мальчикъ, за гостьями было приходилъ, да Текуса Егоровна ихъ не отпустила... пояснила очень спокойно Ѳекла.

— Какой къ чорту мальчикъ, ростомъ съ меня... вскричалъ Бодаевъ.

— Что жъ дѣлать, сударь, вѣрно такой ростъ Богъ далъ.

Хозяинъ хотѣлъ было опять ударить кухарку по толстой шеѣ; но она извернулась между рукъ и скрылась.

Сидѣвшая въ спальнѣ Анюта слышала голосъ мужа и не могла уйти, потому что дверь въ корридоръ была на зиму заколочена и единственный ходъ изъ спальни былъ черезъ залу.

Черезъ минуту гость и хозяинъ вошли въ гостиную, гдѣ Текуса Егоровна, принявъ спокойный видъ, старалась также успокоить трехъ сестрицъ Виктора Павлыча.

— Ахъ, мое вамъ почтенiе, всѣ молодыя и всѣ благородныя... Фу, ты, чортъ!.. воскликнулъ Семенъ Васильичъ, кивая головою гостьямъ.

— Будь маленько повѣжливѣе-то, безобразникъ!.. отозвалась жена.

— Извините-съ, Текуса Егоровна, говорилъ, между тѣмъ, сквозь зубы Матвѣй Матвѣичъ:—можетъ быть вамъ и непрiятно-съ; но у насъ съ Семеномъ Васильичемъ свои дѣла-съ; нужно поговорить, а онъ ко мнѣ не поѣхалъ, потащилъ меня къ себѣ-съ.

— Я очень рада, очень рада, Матвѣй Матвѣичъ, тараторила хозяйка, усаживая гостя, а въ душѣ посылала его къ чорту.

— Эхъ, братъ! стоитъ извиняться!.. крикнулъ хозяинъ, разваливаясь на диванѣ:—А ты, благовѣрная, безъ лишнихъ басенъ уважь-ка, сдѣлай намъ по *пуншику*, а?.. прибавилъ онъ потрепавъ жену по плечу.

— Этакая медвѣжья лапа, сказала Текуса Егоровна, отодвигаясь.

Жилинъ напомнилъ хозяину, что онъ пуншиковъ не пьетъ.

— Ахъ ты сусленникъ!.. произнесъ съ презрѣрiемъ Семенъ Васильичъ:—Ну, Текуса Егоровна, подай ему тамъ какого нибудь винца.

Текуса Егоровна встала и всего прежде бросилась къ Анютѣ въ спальню.

— Душечка моя, Анна Александровна, въ этакую крѣпость попали, заговорила хозяйка цѣлуя гостью.—Ну, кто ожидалъ, что вашъ паршивый-то муженекъ придетъ?..

— И видите: сидитъ противъ дверей и смотритъ сюда.. мнѣ тихонько и выйти отсюда нельзя... Я лучше прямо къ нему выйду... сказала рѣшительно Анюта.

— Хуже будетъ, моя милая, лучше подождите: вотъ мои Павловны сейчасъ домой пойдутъ... тогда я и васъ выпровожу какъ нибудь... я скажу, чтобъ лошадь была готова.

Анюта согласилась на предложеніе хозяйки и осталась ждать.

— А каково я, дурака-то своего безобразнаго, надула, продолжала Текуса Егоровна, чуть не хлопая въ ладоши:—изъ-подъ рукъ вѣдь птичка-то улетѣла... и видѣли, да не поймали... а еще говорятъ, что у «женщины волосъ дологъ, да умъ коротокъ»... и она залилась веселымъ смѣхомъ. Но бѣдная Текуса Егоровна— не рано ли твое торжество?

Между тѣмъ Семенъ Васильичъ занимался въ гостиной съ благородными дѣвицами.

— Ну, что вы мои почтенныя мамзели тутъ подѣлываете? говорилъ онъ:—чулки вяжете—и то дѣло; трудитесь, трудитесь, я и самъ буду трудиться... Матвѣй Матвѣичъ, намъ буфетчика не надо!.. Я самъ буду буфетчикомъ, да! самъ!...

— Какъ можно безъ буфетчика, какой ты самъ буфетчикъ!.. возразилъ Жилинъ.

— А чѣмъ же я не буфетчикъ? позволь-ка спросить?.. И Бодаевъ такъ стукнулъ кулакомъ по стоявшему передъ диваномъ столу, что всѣ тарелки съ десертомъ запрыгали и зазвенѣли... Матвѣй Матвѣичъ принялся унимать хозяина... Но хозяинъ говорилъ свое, обращаясь уже къ дѣвицамъ:

— А чѣмъ же я не буфетчикъ, мамзели, а? скажите-ка мнѣ... да что вы ничего не говорите?.. вы меня не бойтесь... пожалуйте-ка сюда!.. эй вы! вонъ тутъ варенье есть, кушайте! Да ничего не говорятъ, чортъ возьми, вѣрно жена имъ на меня что нибудь насказала...

И въ самомъ дѣлѣ гости перешептывались между собою, сбираясь поскорѣе улизнуть... Разговаривать съ хозяиномъ они не рѣшались, боясь услышать что нибудь непристойное.

Но вотъ Семенъ Васильичъ растянулся на диванѣ, положилъ ногу на стулъ и что-то столкнулъ ногою. Жилинъ наклонился и поднялъ шляпу Виктора Павлыча.

— Это что за чортъ! . вскрикнулъ Бодаевъ, вырывая шляпу изъ рукъ гостя.

— Не чортъ, а шляпа, отвѣтилъ послѣдній съ дьявольской усмѣшкой.

Всѣ три Павловны значительно переглянулись между собою.

— Какъ она сюда попала?.. да... нѣтъ это не моя!.. проговорилъ Семенъ Васильичъ, разсматривая пристально шляпу:—щегольская, чортъ возьми!..

— А, это вѣрно *тотъ мальчикъ* забылъ, замѣтилъ съ затаеннымъ смѣхомъ Матвѣй Матвѣичъ и подпрыгнулъ на стулѣ.

Слова и улыбка Жилина произвели такое странное дѣйствіе на Бодаева, что хѣмль на половину выскочилъ изъ его отуманенной головы; онъ вдругъ смекнулъ, въ чемъ дѣло. И Семенъ Васильичъ, произнеся глухое ругательство, поднялся съ дивана.

— Это тоже вѣроятно *мальчикъ* забылъ, сказалъ опять Жилинъ, вытаскивая изъ-за дивана брошенную въ торопяхъ гитару, и уже рѣзко захохоталъ...

Бодаевъ заревѣлъ, какъ раненый быкъ, оттолкнулъ ногою столъ, и тарелки съ звономъ полетѣли на полъ... Обезумѣвшій отъ бѣшенства хозяинъ, топталъ осколки фарфора, топталъ и шляпу, и несчастную гитару, звалъ жену и осыпалъ ее всевозможными ругательствами... Дѣвицы, дрожа отъ страха и держась другъ за друга, выбѣжали въ переднюю, отыскали свои салопы и чуть не кувыркомъ скатились съ лѣстницы.

— Что ты это азорничаешь, пьяница! тиранъ! безобразникъ!.. закричала-было Текуса Егоровна, вбѣжавъ въ гостиную. Но у ней пересохло въ горлѣ и руки опустились, когда она увидѣла на полу растоптанныя шляпу и гитару...

— Вотъ я тебѣ дамъ пьяницу! дамъ тирана! дамъ безобразника!.. причиталъ супругъ, надѣляя супругу полновѣсными ударами. И Текуса Егоровна съ багровыми щеками, съ растрепанными волосами, на силу вырвалась и убѣжала на кухню, ругая мужа на чѣмъ свѣтъ стоитъ...

— Ну, что ты посуду-то бьешь!.. говорилъ Жилинъ братцу въ видѣ нравоученія, смотря съ жалостью на черепки тарелокъ.— Развѣ посуда виновата? лучше поучи тѣхъ, кто виноватъ; да и то тихонько, чтобъ люди не слыхали...

— Изобью жену, шельму! изобью, живаго мѣста не оставлю! до смерти убью!.. кричалъ подстрекаемый братцомъ Бодаевъ, и бросился въ спальню, въ надеждѣ отыскать жену...

Между тѣмъ Матвѣй Матвѣичъ поднялъ съ пола измятую шляпу, осмотрѣлъ ее тщательно и даже понюхалъ.

— Одеколономъ пахнетъ!.. щеголь шельма... ай-да Текуса Егоровна!.. замѣтилъ онъ шопотомъ:—у меня бы... того-то... Жилинъ не договорилъ, глазки его сверкнули зловѣщимъ свѣтомъ: онъ вообразилъ себѣ невѣрность Анюты ..

— Оборотень, оборотень!... раздался вдругъ въ залѣ хриплый голосъ хозяина. Матвѣй Матвѣичъ поспѣшилъ туда, и увидѣлъ, что Бодаевъ тащилъ изъ спальни за руку поблѣднѣвшую Анюту...

XII.

— Оборотень! повторилъ машинально Жилинъ, не сознавая хорошенько: во снѣ или на яву видитъ свою жену.

— Такъ ужъ, братъ, самъ ты Матвѣй Матвѣичъ разбирай: настоящая ли это твоя супруга, или нѣтъ, проговорилъ Семенъ Васильичъ:—а ужъ я тутъ ровно ничего не понимаю... да, кажется, и самъ чортъ не разберетъ.

Матвѣй Матвѣичъ опомнился и шляпа, и гитара, и маска, танцовавшая съ Анютою, и неожиданное здѣсь появленіе послѣдней, преступившей приказаніе мужа и спрятавшейся при его пріѣздѣ: все это мгновенно пронеслось въ головѣ Жилина... Текусу Егоровну онъ не уважалъ, какъ и вообще многихъ женщинъ, а потому былъ въ состояніи приписать ей всевозможные низкіе поступки.

— Какимъ манеромъ вы сюда попали-съ? спросилъ, наконецъ, Матвѣй Матвѣичъ глухимъ голосомъ, подступивъ къ женѣ и впиваясь въ нее своимъ волчьимъ взглядомъ.

— Въ гости пріѣхала, отвѣчала она слегка дрожащимъ голосомъ, но стараясь казаться спокойною, хотя видѣла, что наступаетъ рѣшительная минута.

— Въ гости! въ гости-съ!.. Но съ чьего позволенія-съ!.. воскликнулъ мужъ.

— Позволенія я ни у кого не просила, а вздумала навѣстить Текусу Егоровну какъ родственницу... Вотъ и все!..

— Ишъ вы!.. у васъ на все готовъ отвѣтъ, сказалъ весело Бодаевъ, которому почему-то нравился спокойный видъ Анюты:— это такъ и слѣдуетъ, по нашему, по просту, по родственному... Не брани, братъ, ее, она у тебя золото, умница, обратился онъ къ Жилину, и легонько потрепалъ Анюту по плечу.

Жилинъ дрожалъ отъ злости.

— За чѣмъ же вы отъ меня спрятались? продолжалъ онъ допрашивать жену.

— Прятаться я не думала, мнѣ сдѣлалось дурно, и я вышла изъ гостиной, отвѣчала Анюта.

— Вамъ сдѣлалось дурно-съ, когда пріѣхалъ мужъ... понятно-съ.

— Пусть все это такъ... Но объясните мнѣ, милая сестрица, на счетъ этихъ дьявольскихъ гитары и шляпы? проговорилъ съ двусмысленной улыбкой Бодаевъ, не переставая трепать Анюту по плечу своей медвѣжьей лапой.

— Гитара... гитара... Анюта замялась:—на гитарѣ играла одна изъ дѣвицъ, бывшихъ здѣсь въ гостяхъ... но шляпа... я не понимаю, о какой шляпѣ вы говорите?..

— Такъ и есть! вѣдь вы ничего не знаете?.. Ахъ, чортъ возьми... шляпу вѣроятно хромоногій бѣсъ оставилъ, вскричалъ Семенъ Васильичъ, читавшій когда-то въ старые годы о хромоногомъ бѣсѣ:—Онъ на такія проказы великій мастеръ... И такъ, сестрица, вѣрно объ этой статьѣ придется доспроситься у Текусы Егоровны... И онъ пошелъ было отыскивать жену. Жилинъ оставилъ его.

— Ну, братъ, Семенъ Васильичъ, прощай! теперь не думаю чтобъ когда нибудь нога моя была въ твоемъ домѣ... конечно... у насъ съ тобой дѣла... Но вѣдь о дѣлѣ вездѣ можно поговорить: и у тебя въ лавкѣ, и у меня въ лавкѣ.. заговорилъ Матвѣй Матвѣичъ съ горечью, взявъ хозяина за руку.

Когда уѣхали гости, явились въ гостиную Текуса Егоровна и Ѳекла. . Первая, поднявъ разстоптанную гитару, ругала мужа, на чемъ свѣтъ стоитъ. Другая увѣряла хозяина, что одна ея знакомая торговка принесла и оставила у нихъ шляпу для того, что не купитъ ли ее Семенъ Васильичъ, и, говоря это, хитрая кухарка вертѣла измятую шляпу передъ глазами хозяина, и стращала его, что онъ за шляпу теперь заплатитъ вдвое, чѣмъ она стоитъ... Не смотря на то, что жену и кухарку Бодаевъ посылалъ къ чорту, въ душѣ онъ вѣрилъ ихъ разсказамъ, болѣе не бушевалъ и скоро захрапѣлъ на томъ самомъ диванѣ, на которомъ такъ недавно его супруга любезничала съ своимъ музыкальнымъ учителемъ.

За то Жилины не такъ скоро успокоились: мужу хотѣлось довести жену до сознанія.. Но замѣтивъ, что съ нѣкотораго времени угрозы не стали дѣйствовать на Анюту, Матвѣй Матвѣичъ притворился спокойнымъ и, разсказывая женѣ о разныхъ дурныхъ слухахъ, ходившихъ будто-бы о поведеніи Текусы Егоровны, старался вывѣдать у Анюты, что за человѣкъ сбѣжалъ съ черной лѣстницы, котораго онъ видѣлъ?.. Жена упорно и долго стояла на своемъ, что она никого не видала... потомъ не стала ничего отвѣчать...

Жилинъ колебался на той мысли, кто настоящая виновница въ этомъ дѣлѣ: Бодаева или его жена? Но Анюта была уже и тѣмъ виновата, что безъ спроса отправилась къ Текусѣ Егоровнѣ... И когда молодая женщина легла въ постель, Матвѣй Матвѣичъ принялся за свою обыкновенную экзекуцію, то есть, когда

Анюта встала по утру, руки ея было покрыты синими и багровыми пятнами, а на лицѣ была замѣтна сильная внутренняя боль...

XIII.

А между тѣмъ наступила весна и подняла жизнь во всемъ, что было кругомъ почти на глухо запертой Анюты. Зацвѣлъ роскошный май, Привольскъ по немногу оживился; каждое воскресенье, каждый праздникъ, толпа наполняла городской садъ и не смотря на отсутствіе музыки, гуляющіе находили удовольствіе оглядывать съ ногъ до головы другъ друга и сплетничать шопотомъ и въ слухъ.

Но Анютѣ отказано было и въ этомъ удовольствіи; Матвѣй Матвѣичъ держалъ Анюту почти подъ замкомъ. Пелагея Андреевна исполнила свое обѣщаніе, накупила и наслала ей разныхъ нарядовъ, но Анюта сидѣла съ своими нарядами дома. Ей хотѣлось погулять въ саду, взглянуть на привольскую публику и показать ей себя, но Жилинъ постоянно отговаривался то недосугами, то просто бранилъ женскую вѣтренность. И Анюта поневолѣ должна была довольствоваться прогулками въ своемъ домашнемъ саду, хотя садъ этотъ скорѣй можно было назвать огородомъ, потому что въ немъ, кромѣ десятка грядъ, засаженныхъ овощами для домашняго обихода и маленькой лужайки, на которой росли двѣ дикія яблони, было еще нѣсколько кустовъ смородины и малины, заросшихъ крапивою и репейникомъ; старая, съ засохшею вершиною береза, уныло покачивала своими длинными обвисшими вѣтвями, и молодая осинка, одиноко забытая въ углу, шумѣла и трепетала своими тонкими листьями, одуванчики и куриная слѣпота пестрѣли около забора и на лугу. Но и этотъ садъ съ половины іюля запирался на замокъ экономною Лизаветой Матвѣевной, которая здѣсь собирала малину и варила варенья...

Вдругъ въ городѣ разнесся слухъ, что въ Привольскѣ скоро поселится полкъ. Встрепенулись привольскіе жители отъ ста-

раго до малаго, встрепетнулись привольскія щеголихи и невѣсты, забились надеждою сердца маменекъ, у которыхъ были засидѣвшіяся въ дѣвицахъ дочки; встрепетнулись провинціальные франты, отпуская свои тупыя остроты на счетъ армейщины, которой все таки скоро приходилось уступить на балахъ и вечерахъ, потому что для провинціальныхъ барышенъ фракъ уничтожается передъ мундиромъ съ галунами. Губернскія сплетницы съ нетерпѣніемъ ожидали новой пищи, а купцы—новыхъ тароватыхъ покупателей. Захолонуло сердце у ревнивыхъ мужей, а въ томъ числѣ и у Матвѣя Матвѣича. Вотъ что онъ говорилъ своей матушкѣ:

— Такое нынче время-съ, что, ей-ей! и дому не радъ... Вѣдь непремѣнно постояльца втюрятъ; не посмотрятъ, что лишняго помѣщенія нѣтъ-съ... А армейцы извѣстный народецъ: пусти-ка его вверхъ, сейчасъ комнату испортитъ, закуритъ, да закоптитъ... да притомъ... Охъ, нѣтъ, совсѣмъ не годится пускать, и Жилинъ сдѣлалъ отчаянный жестъ; мать его поняла.

— Не годится, Матюша, не годится... я это понимаю... подтвердила она со вздохомъ:—соблазнъ одинъ будетъ, больше ничего... Развѣ намъ съ Лизой вверхъ перебраться, а наши комнаты подъ постой отдать... Черный корридоръ и черную лѣстницу наглухо заколотить, чтобъ снизу отъ постояльца и духъ къ намъ не проходилъ...

— Перебираться вверхъ я бы не желала, возразила Лизавета Матвѣевна, которой не хотѣлось оставлять свою комнату, какъ медвѣдю берлогу:—ты бы, братъ, лучше подарилъ *квалтермейстра*, и можетъ обошлось бы какъ нибудь.

— Подарилъ бы я, еслибъ отъ того толкъ былъ, отвѣчалъ братъ:—но вѣдь отъ постоя не отбудешь никакъ... Депутатъ вчера и то зубоскалитъ: къ тебѣ, говоритъ, Матвѣй Матвѣичъ, либо ротный дворъ назначимъ, либо человѣкъ пятнадцать солдатъ...

— Такъ, я думаю, лучше солдатъ принять... отдадимъ имъ на дворѣ избу, и какъ хотятъ живутъ тамъ... рѣшила Марья Михайловна.

— А если ихъ недѣли двѣ кормить придется, покуда ротныя кухни устроятъ... замѣтилъ сынъ.

— Неужели даромъ?.. воскликнула сестра.

— Конечно... вѣдь это не рекрута, съ кого за нихъ получишь: съ ротнаго, или баталіоннаго?..

Женщины покачали со вздохомъ головами. Вздохнулъ и Матвѣй Матвѣичъ: офицера принять ему не хотѣлось, изъ ревности къ Анютѣ, а солдатъ—изъ скупости...

Наканунѣ дня, когда долженъ былъ прійти полкъ, кучеръ доложилъ Матвѣю Матвѣичу, что у нихъ на воротахъ было написано число 15. Ахнулъ Жилинъ; это значило, что постой былъ назначенъ въ пятнадцать человѣкъ, и лишь только смерклось, самъ вышелъ за ворота и собственноручно стеръ мѣловую помѣтку. На другой день, чѣмъ свѣтъ, велѣлъ закрыть окна въ нижнемъ этажѣ ставнями и запереть ворота. Мать и сестра вошли наверхъ. Матвѣй Матвѣичъ ихъ попросилъ, а женѣ приказалъ не подходить къ окнамъ; самъ же онъ остался дома на весь день, и все жался около заднихъ стѣнъ. Не приказалъ Матвѣй Матвѣичъ также и прислугѣ показывать носъ за ворота, или въ окно.

Видя, какъ бѣгутъ толпы народа на площадь встрѣчать ожидаемыхъ гостей и скачутъ экипажи, перегоняя другъ друга, Анюта изъявила вслухъ желаніе: посмотрѣть на встрѣчу полка. Матвѣй Матвѣичъ запретилъ ей и думать о томъ и очень дурно отозвался о всѣхъ женщинахъ, идущихъ и ѣдущихъ смотрѣть на солдатъ... Марья Михайловна подтвердила это..

Но вотъ съ площади донеслись до слуха Анюты звуки полковой музыки; она вышла въ сѣни и стала у открытаго окна, на которомъ сидѣла Саша съ своею нянькою. Эти торжественные, отрывистые звуки напомнили Анютѣ ея дѣтство, когда ей еще было лѣтъ шесть... Въ то время стоялъ въ Кукушкинѣ тоже полкъ, и Анютѣ вспомнился одинъ весенній, солнечный теплый день, когда на площади, передъ ихъ домомъ, былъ разводъ. Также играла музыка; солдаты проходили стройными рядами; одинъ толстый офицеръ упалъ съ лошади — всѣ засмѣялись... А она съ матерью смотрѣла въ окно, на ней было бѣлое платьице... Потомъ ей вспомнился ихній постоялецъ съ сѣдыми усами, который носилъ ее на рукахъ и дѣлалъ ей изъ носоваго платка зайчика съ длинными ушами... И задумалась Анюта... и долго стояла она, отдавшись воспоминаніямъ, не слушая болтовни своей падчерицы и хриплаго шопота Ананьевны... Вдругъ голосъ мужа вывелъ Анюту изъ задумчивости.

— Нечего тутъ слушать, извольте-съ идти въ комнату-съ, проговорилъ онъ, нахмурясь.

— Я хочу послушать музыки и, кажется, никому не мѣшаю, отвѣтила Анюта, очнувшись.

— Вы равняетесь съ Сашею-съ... продолжалъ Матвѣй Матвѣичъ. Но сильный стукъ въ ворота, крикъ и брань прервали его правоученія. Саша, въ испугѣ, прижалась къ нянькѣ. Самъ

Жилинъ притихъ и слушалъ.

Стукъ и брань повторились.

На дворѣ, передъ окномъ, показался кучеръ.

— Слышите-съ, какъ ломятся; не прикажете ли отперетъ-съ? спросилъ онъ, показывая шапкою на ворота.

— Что ты дуракъ! тише, тише!... отвѣтилъ ему въ окно Матвѣй Матвѣичъ. И самъ пошелъ на чердакъ, чтобъ посмотрѣть въ слуховое окно, что дѣлается за воротами.

А тамъ долго раздавался еще стукъ и крикъ, и наконецъ все стихло.

Дѣло заключалось въ томъ, что по той улицѣ, гдѣ жилъ Матвѣй Матвѣичь, партію солдатъ разводилъ по квартирамъ не квартермейстеръ, а полковой унтеръ-офицеръ: оставляя у каждаго дома столько человѣкъ, сколько было назначено на воротахъ, Полустертое 15-е число на воротахъ Жилина, привело разводчика въ недоумѣніе; сначала онъ велѣлъ стучаться, но видя, что не отворяютъ, разсудилъ: что вѣроятно этотъ домъ свободенъ отъ постоя, и повелъ солдатъ далѣе...

— А выдумка моя славно удалась, говорилъ Матвѣй Матвѣичъ, весело потирая руки.

— Кто знаетъ, надолго ли, молвила сомнительно мать.

Дѣйствительно, не на долго, на слѣдующее же утро, когда ставни оконъ были открыты и ворота отперты въ домѣ Жилина къ нему явился, толстый, пожилой полковой офицеръ, у котораго одна нога была замѣтно короче другой.

— Рекомендуюсь, поручикъ Петровъ! проговорилъ офицеръ, шаркая коротенькой ногой и стирая потъ съ лица бѣлымъ платкомъ, съ вышитыми углами.

Матвѣй Матвѣичъ поклонился, и вопросительно смотрѣлъ на офицера.

— Поручикъ Петровъ и вашъ постоялецъ!—повторилъ послѣдній, вынимая изъ боковаго кармана сложенную бумагу:—Вотъ вамъ мой билетъ, на квартиру...

— Извините-съ, я ни билета, ни васъ, не могу принять-съ, отвѣтилъ Жилинъ.

— Какъ? Почему? Отчего?!.. вскричалъ поручикъ, покраснѣвъ краше своего воротника.

— Потому-съ?.. значитъ, помѣщенія у меня для васъ нѣтъ-съ.

— Какой вздоръ! когда постой назначенъ, значитъ и помѣщеніе есть.

— Эфто мнѣ лучше знать-съ, какъ хозяину-съ... Принять васъ натурою не могу; все равно, если такъ, то я вамъ заплачу за мѣсяцъ... Что вы намѣрены взять-съ?..

— Не деньги мнѣ нужны, а квартира! слышите, квартира! сухая, приличная, чтобъ успокоить съ похода жену... Но какъ ни горячился поручикъ Петровъ, хозяинъ стоялъ на своемъ, что квартиры у него въ домѣ нѣтъ, и не бралъ билета въ руки. Наконецъ офицеръ бросилъ билетъ на прилавокъ и ушелъ.

Сейчасъ же Матвѣй Матвѣичъ поѣхалъ къ депутату квартирной коммиссіи и, возвращая ему билетъ, объяснилъ, что принять постояльца натурою онъ не можетъ, за недостаткомъ лишнихъ комнатъ...

Депутатъ былъ лысый, насмѣшливый старикашка, у котораго носъ сходился съ подбородкомъ. Онъ уже зналъ вчерашнюю продѣлку Жилина съ запертыми воротами и потому поспѣшилъ назначить ему офицера.

— Вы говорите, любезнѣйшій Матвѣй Матвѣичъ, лишнихъ комнатъ нѣтъ? заговорилъ депутатъ: — Что жъ дѣлать, мой милѣйшій, потѣснитесь, потѣснитесь... Да и что вамъ хлопотать, добрѣйшій Матвѣй Матвѣичъ, ни сестрицъ, ни дочекъ, ни дѣвушекъ у васъ нѣтъ... За супругу, что ли, боитесь... такъ и есть!.. хе, хе, хе!.. Знаю я васъ, понимаю, мой сердечнѣйшій другъ!.. И депутатъ, ухмыляясь, погрозилъ пальцемъ Жилину.

— Но я готовъ заплатить постояльцу, чѣмъ имѣть его въ домѣ, возразилъ сконфуженный Матвѣй Матвѣичъ.

— Сто, двѣсти человѣкъ готовы лучше заплатить деньги, началъ опять старикъ: — но гдѣ же намъ квартиръ-то взять? Извольте помѣстить, — это дѣло рѣшенное.

Дальше спорить было нечего. Ругая въ душѣ депутата, Матвѣй Матвѣичъ взбѣшенный вернулся домой и приказалъ всю мебель изъ комнатъ матери и сестры переносить наверхъ, къ сильному неудовольствію Лизаветы Матвѣевны... Теперь мать и дочь должны были занять столовую.

На другой день рано утромъ къ дому Жилиныхъ подъѣхала огромная рогожная кибитка, ею правилъ усатый денщикъ самаго воинственнаго вида... Повозка была нагружена до верху подушками, узлами и узелками; сзади привязанъ былъ огромный черный сундукъ, похожій видомъ на гробъ. На сундукѣ торчала большая корзина, въ которой кудахтали куры; за повозкою тащились старыя грязныя бѣговыя дрожки, привязанныя за оглобли. И сзади этой, весьма грузной фуры, ѣхалъ на извоз-

чикѣ поручикъ Петровъ съ высокою блѣдною дамою въ поношенномъ и смятомъ бурнусѣ и весьма запыленной шляпкѣ. Фура въѣхала прямо во дворъ Жилина, при чемъ Матвѣй Матвѣичъ, стоявшій у окна, плюнулъ, а Лизавета Матвѣевна перекрестилась.

И привольскій городской садъ, по прибытіи полка, огласился звуками полковой музыки, и въ узкихъ аллеяхъ сада за-частую было тѣсно отъ множества гуляющихъ... Но Анюта только изъ окна смотрѣла на эти пестрыя толпы, проходившія мимо ихъ дома. Матвѣй Матвѣичъ вовсе не думалъ вести свою жену на публичное гулянье, особенно теперь, когда на каждомъ шагу мелькали мундиры... И Анюта, по прежнему, выходила только въ свой домашній садъ: но ей и во снѣ не снилось, что, со дня прибытія въ городъ полка, сквозь щель сосѣдняго забора, каждый день смотрѣли на нее два сѣрые, свѣтлые, умные глаза, сначала съ любопытствомъ, потомъ съ участіемъ, а далѣе съ невыразимою нѣжностью.

Правда, однажды Анютѣ почудился какой-то шелестъ за заборомъ: она пугливо оглядѣлась, но въ ту жъ минуту изъ куста вылетѣла малиновка, сѣла на заборъ и запѣла.

Въ другой разъ Анюта почувствовала запахъ сигары, но подумала, что кто нибудь куритъ на улицѣ и успокоилась. Но вотъ она услышала осторожно сдержанное чиханье за заборомъ и не устояла противъ женскаго любопытства; подошла къ забору на цыпочкахъ, осторожно отыскала щелку и стала смотрѣть: волнистые русые волосы и золотой погонъ на плечѣ офицера, мелькнули въ глаза Анютѣ; лица его она не успѣла разглядѣть: испуганная бросилась назадъ, зацѣпилась за кустъ крыжовника, оцарапала руку, разорвала платье, растеряла чулочныя спицы и, взволнованная, черезъ минуту была уже въ комнатѣ... И въ тотъ же день она узнала отъ Ананьевны, что у сосѣдки, Матрены Ивановны, которой принадлежалъ помянутый садъ, квартируетъ офицеръ, такой умный, такой тихій, словно красная дѣвушка...

И послѣ этого Анютѣ цѣлую недѣлю было какъ будто совѣстно идти въ садъ, хотя и мучило ее любопытство разглядѣть хорошенько сосѣда, если бы представился къ тому случай... Но наконецъ Анюта не утерпѣла и пошла. Долго сидѣла она подъ яблонью и усердно вязала чулокъ, прислушиваясь чутко къ каждому дуновенію вѣтерка, къ каждому шелесту травки. Анютѣ такъ вотъ и чудилось, что сквозь заборъ чужой глазъ наблюдаетъ за нею; она боялась взглянуть въ ту сторону. Но все

было тихо кругомъ: никакого шума, ни запаха сигары не было слышно.

Однажды, по обыкновенію, Анюта сидѣла въ саду съ работою; къ ней подошла поручица Петрова, ихъ постоялка.

— Съ вашего позволенія, хозяюшка, и я желала бы подышать свѣжимъ воздухомъ въ вашемъ садикѣ... сказала Катерина Ивановна (такъ звали поручицу).

— Очень рада, милости просимъ, отозвалась Анюта, отодвигаясь немного въ сторону и предлагая ей мѣсто возлѣ себя на бугоркѣ, покрытомъ муравою.

Катерина Ивановна была дама среднихъ лѣтъ, съ бѣлокурою богатою косою и веснушками на блѣдномъ лицѣ; носила постоянно темное шерстяное платье и имѣла необыкновенно ласковое обращеніе.

Катерина Ивановна успѣла уже черезъ денщика узнать хозяйскій бытъ и незавидное положеніе молодой невѣстки въ этомъ семействѣ, и частію изъ любопытства, частію изъ участія желала познакомиться съ Анетой. Сдѣлать же прямо ей визитъ она боялась, чтобъ не навлечь какой нибудь непріятности, потому что нѣсколько разъ поручица заходила къ Марьѣ Михайловнѣ и получала одинъ и тотъ же отвѣтъ: «что никого нѣтъ дома».

Теперь же, встрѣтившись въ саду, дамы наши познакомились какъ нельзя лучше. Катерина Ивановна пересказала Анютѣ свою прошлую и настоящую жизнь, назвала ей мѣсто своего рожденія и перебрала всю свою родню. Такимъ образомъ онѣ видѣлись въ саду почти каждый день, когда была хорошая погода; наконецъ, поручица, въ отсутствіе старшихъ хозяевъ, навѣстила Анюту въ ея комнатѣ. Анюта почла долгомъ отплатить тѣмъ же Катеринѣ Ивановнѣ и знакомство самое задушевное завязалось между хозяйкою и постоялкою. Посѣщая часто послѣднюю, Анюта долго засиживалась у ней, слушая разсказы Петра Петровича о походахъ и венгерской компаніи, во время которой дали ему крестъ и чинъ поручика.

Катерина Ивановна нравилась Анютѣ болѣе, чѣмъ Текуса Егоровна, какъ женщина болѣе образованная и болѣе скромная по разговору и манерамъ.

Полковая чета жила въ домѣ Жилиныхъ, какъ говорится, «тише воды, ниже травы», къ несказанному удовольствію Матвѣя Матвѣича.

XIV.

Однажды Анюта сидѣла у Катерины Ивановны,—это было уже въ половинѣ іюля и садъ былъ запертъ Лизаветою Матвѣевной,—Петръ Петровичъ вернулся съ ученья и привезъ съ собою гостя, офицера среднихъ лѣтъ и средняго роста, съ правильными чертами нѣсколько блѣднаго лица, съ добродушными сѣрыми глазами, и свѣтлыми волнистыми волосами.

— Ахъ, любезный нашъ Иванъ Сергѣичъ!.. какими судьбами, здѣсь очутились? воскликнула радушно хозяйка, подавая гостю обѣ руки, которыя Иванъ Сергѣичъ и поцѣловалъ.

— Очень просто, отвѣчалъ онъ:—рота наша со вчерашняго дня верстахъ въ десяти отъ города.

— Подпоручикъ Кремницкій! проговорилъ Петровъ, представляя Анютѣ своего гостя и шаркая коротенькой ногой.—А это, наша милая, добрая хозяюшка!.. Имя, отчество, извините, позабылъ... прибавилъ онъ, показывая Кремницкому на Анюту.

Кремницкій съ легкой улыбкой поклонился ей.

Анюта чувствовала, что яркая краска выступаетъ на ея щеки. Она узнала въ Кремницкомъ, по его волнистымъ волосамъ, постояльца сосѣдки, Матрены Ивановны.

Между тѣмъ заспанный и едва ли когда чесанный деньщикъ Артамоновъ подалъ самоваръ. Мужчины закурили сигары, заговорили о смотрахъ и ученьяхъ. Но, разговаривая съ хозяиномъ, гость не спускалъ глазъ съ Анюты, такъ что послѣдняя, по неволѣ, конфузилась.

— Завтра полковникъ ѣдетъ гулять за рѣку; говорятъ, на открытомъ воздухѣ танцы будутъ,—музыкантамъ собраться приказано... Не хочешь ли, Катенька, поѣхать посмотрѣть? обратился Петръ Петровичъ къ женѣ.

— Чѣмъ ѣхать смотрѣть на чужое веселье, перебилъ Кремницкій,—такъ не лучше ли намъ самимъ устроить что-нибудь похожее на загородное гулянье. Что вы на это скажете, добрая наша Катерина Ивановна?..

— Вы знаете, господа, что до сихъ поръ, я дѣлила съ вами походы; а раздѣлять забавы, ужь никакъ не откажусь, отвѣчала смѣясь Катерина Ивановна.

— Я не сомнѣваюсь въ вашей добротѣ,—проговорилъ гость снова цѣлуя руку хозяйки.

— Ну, Иванъ Сергѣичъ, если бъ ты только не родня былъ

моей женѣ, — не сдобровать бы тебѣ за твои любезности! воскликнулъ Петръ Петровичъ.

— Развѣ онъ вамъ родня? спросила Анюта тихо у поручицы, показавъ глазами на гостя.

— Седьмая вода на киселѣ... Кажется, братъ въ четвертомъ колѣнѣ... Право и растолковать вамъ не могу... отвѣчала послѣдняя и, обратясь къ Кремницкому, спросила: — А кто жъ будутъ наши компаньоны въ прогулкѣ?

— Я думаю, во-первыхъ: пригласить братьевъ Хвощинскихъ съ женами... началъ Иванъ Сергѣичъ.

— Ахъ ты дамскій угодникъ! чортъ тебя побери! крикнулъ хозяинъ, ударивъ его по плечу.

— Да, вѣроятно, и Анна Александровна не откажутся, продолжалъ Кремницкій, нѣжно взглянувъ на Анюту.

— Каковъ молодецъ! онъ уже знаетъ, какъ нашу хозяюшку зовутъ! замѣтилъ хозяинъ, громко захохотавъ.

Анюта и Кремницкій слегка покраснѣли.

— Еще бы! сказалъ послѣдній:—вѣдь я тутъ рядомъ квартировалъ, и какъ же было не знать сосѣдей!

Анюта рѣшительно отказалась участвовать въ предполагаемомъ гуляньѣ, и ни Катерина Ивановна, ни Кремницкій не настаивали. Такъ этотъ разговоръ и замялся самъ собою.

— Какова наша хозяюшка! замѣтилъ Петръ Петровичъ гостю, по уходѣ Анюты:—премиленькая, братецъ, штучка!.. А мужъ у нея, такъ чортъ знаетъ что это такое: желалось мнѣ сойтись съ нимъ какъ съ хозяиномъ: приглашалъ его къ себѣ—нейдетъ; самъ къ нему не разъ напрашивался — не приглашаетъ, канальи! смотритъ на тебя изъ-подлобья и только отъ него и рѣчей слышишь: «да-съ, нѣтъ-съ, мое почтеніе-съ!» а самъ такъ и норовитъ: отъ тебя поскорѣй улизнуть.

Катерина Ивановна, съ другой стороны, подсѣла къ своему кузену и принялась разсказывать все, что знала о своихъ хозяевахъ, а такъ же и о ихъ не совсѣмъ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Анютѣ.

Кремницкій нѣсколько разъ, чтобъ скрыть готовый вылетѣть вздохъ, выпускалъ густое облако сигарочнаго дыма.

Между тѣмъ, когда Анюта вернулась въ свою комнату, образъ Кремницкаго: съ волнистыми волосами, съ нѣжнымъ свѣтлымъ взглядомъ, съ добродушною улыбкою, какъ живой стоялъ передъ нею... И куда бы ни обращалась мысль Анюты, она снова возвращалась къ этому свѣтлому образу, который не поражалъ

собою воображенія, не раздувалъ пламя мятежной страсти; но, неотразимо влекъ къ себѣ всѣ помыслы, всю душу молодой женщины... Такъ прошло нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ Анюта какъ будто совсѣмъ забыла, что она живетъ въ одной берлогѣ съ своимъ медвѣдемъ, Матвѣемъ Матвѣичемъ. Она вполнѣ отдалась своему новому чувству. Разумѣется, Анюта въ это время была нѣсколько разъ и у Петровыхъ, но Кремницкаго тамъ не встрѣчила, а спросить о немъ у поручицы ей было совѣстно.

Двадцать пятаго іюля Матвѣй Матвѣичъ, прочитавши нѣсколько наставленій женѣ и нѣсколько разъ попросивши маменьку не оставить Анну Александровну своимъ совѣтомъ и наблюденіемъ, отправился въ Нижній на ярмарку, къ неописанной радости Анюты. Двадцать седьмаго числа, Марья Михайловна и Лизавета Матвѣевна, какъ женщины богомольные, отправились на богомолье въ монастырь, отстоявшій отъ города за пятнатцать верстъ, гдѣ на слѣдующій день былъ праздникъ.

Въ этотъ роковой день, еще съ утра, къ Петровымъ пріѣхалъ Кремницкій. Узнавъ, что старыхъ хозяекъ не было дома, Катерина Ивановна сама пришла звать Анюту гулять за рѣку. Анюта нѣсколько минутъ колебалась, отговаривалась; но узнавъ, что съ нимъ поѣдетъ Кремницкій, она не устояла противъ искушенія пробыть нѣсколько минутъ вблизи человѣка, о которомъ она думала и день и ночь,—Анюта согласилась.

И вотъ, въ пять часовъ вечера, компанія, состоявшая изъ супруговъ Петровыхъ, Кремницкаго, Анюты и еще двухъ старыхъ офицеровъ (гулянье такъ скоро импровизировалось, что Кремницкій не успѣлъ пригласить ни одной дамы, какъ предполагалось прежде), была уже на противоположномъ берегу рѣки. Въ тѣни елошника и молодыхъ березокъ, на скатѣ, покрытомъ густою травой и съ котораго городъ виденъ былъ какъ на блюдечкѣ,—была разостлана чистая большая скатерть, на которой красовались нѣсколько бутылокъ, нѣсколько жареныхъ курицъ и пирогъ съ яйцами. На первомъ планѣ сидѣли: Катерина Ивановна и Анюта, кругомъ полу-сидѣли, полу-лежали четыре офицера и курили. Въ сторонѣ воинственный Артамоновъ, въ курткѣ съ краснымъ воротникомъ, раздувалъ самоваръ.

И никогда не была Анюта такъ хороша, какъ въ этотъ день: сѣрое барежевое платье съ бѣлыми полосками и черная бархатная круглая мантилья съ широкимъ кружевомъ, такъ хорошо шли къ ней. Блѣдныя мелкія розы, подъ полями соломенной

шляпы съ бѣлыми лентами, такъ прекрасно обрамливали блѣдное лице Анюты, оттѣненное легкимъ румянцемъ. И такимъ самодовольствіемъ, такой радостью дышало это лице! Молодая женщина полной жизнью проживала эти минуты: она чувствовала съ какой любовью покоился на ней взглядъ уже милаго ей человѣка...

Начали пить чай. Катерина Ивановна весело перебрасывалась шутками съ мужемъ и гостями. Кремницкій сидѣлъ возлѣ Анюты и разсказывалъ ей о степяхъ своей родины (онъ былъ уроженецъ воронежской губерніи), о своемъ маленькомъ хуторкѣ, оставшемся послѣ отца, о своей больной матери и молоденькихъ сестрахъ. Онъ имѣлъ предположеніе выйти въ отставку, поселиться съ родной семьей и поправить разстроенное хозяйство. Во всякомъ словѣ Ивана Сергѣича высказывалась добрая любящая душа его, его мирный характеръ и снисходительный взглядъ на жизнь. И давняя разлука съ родной семьей, и кочевая жизнь не очерствили его души.

Анюта слушала съ удовольствіемъ своего собесѣдника. Но вотъ отпили чай, Катерина Ивановна принялась наливать пунши для мужчинъ, Анюта встала чтобъ пройтись по скату вдоль берега, посматривая на неподвижное зеркало широкой рѣки, которое къ востоку все болѣе и болѣе принимало густой лазоревый цвѣтъ отъ темнѣющаго неба, а на западѣ отражало послѣдній огненный лучъ только что закатившагося за темный лѣсъ солнца и ярко-розовую широкую полосу вечерней зари. Звонъ всенощной, гудѣвшій ко всему городу, лелѣялъ слухъ Анюты, такъ нѣжно, такъ любовно настроенной.

— Вы, я замѣчаю, очень любите природу, проговорилъ Кремницкій, догнавши Анюту.

— Почему вы такъ думаете? спросила она.

— Потому что теперь, оставивъ общество, вы съ такимъ влеченіемъ любуетесь ею; во-вторыхъ, вы такъ любили сидѣть въ вашемъ саду, въ которомъ, кромѣ природы, ужь право незамѣтно было ничего искуственнаго.

Анюта покраснѣла.

— У моей хозяйки Матрены Ивановны, хоть піоны красовались на грядкѣ,—продолжалъ подпоручикъ:—а у васъ кажется и того не было?

— У насъ есть «куриная слѣпота» и «одуванчики», проговорила Анюта засмѣявшись.

— Впрочемъ, шутки въ сторону; по моему мнѣнію, цвѣтокъ

иногда не потому можетъ быть дорогъ, что онъ красивъ и пышенъ... Какъ вы скажете?

— Я съ вами согласна, отвѣчала Анюта:—лекарственная трава конечно больше можетъ принести пользы, чѣмъ красивый букетъ.

— Ахъ нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать: я хотѣлъ сказать, что цвѣтокъ, хоть напримѣръ одуванчикъ, или вотъ этотъ колокольчикъ (Кремницкій поднялъ лиловый колокольчикъ, который сорвала Анюта и бросила) можетъ быть дороже самой роскошной розы, если онъ полученъ на память отъ любимаго человѣка.

Анюта вздрогнула; она чувствовала, что кавалеръ ея пристально смотритъ на нее, какъ будто читаетъ что у ней происходитъ на душѣ, и не знала, что отвѣтить на слова подпоручика.

— И такъ, Анна Александровна, вы позволите этотъ брошенный вами цвѣтокъ положить мнѣ въ памятную книжку? Онъ напомнитъ мнѣ васъ, гдѣ бы я ни былъ... проговорилъ тихимъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ Иванъ Сергѣичъ, закладывая колокольчикъ въ петлицу вицмундира.

Анюта чувствовала, что сердце ея застучало удвоеннымъ боемъ; собравшись съ духомъ, она пристально посмотрѣла на подпоручика. Но видя его спокойный взглядъ, приняла слова его за обыкновенный комплиментъ и отвѣчала со смѣхомъ:

— А вамъ, я думаю, такъ дорога память обо мнѣ?

— Я не отвѣчаю на вашъ вопросъ, потому что вы мои слова, можетъ быть, примете за пустую учтивость, отвѣтилъ Кремницкій, сдерживая вздохъ.—Да не зачѣмъ такъ много и говорить о томъ... А вонъ и Катерина Ивановна идетъ,—вѣдь она премилая, предобрая дама!... прибавилъ онъ обернувшись.

— Да, очень милая дама, подговорила Анюта обрадованная тѣмъ, что ихъ догоняла Петрова и своимъ присутствіемъ перерывала разговоръ, который Богъ знаетъ чѣмъ бы могъ кончиться.

— Я безъ васъ соскучилась, кричала поспѣшно идущая поручица:—устала догонявши васъ... Ахъ, подождите немножко, сдѣлайте милость

Анюта и Кремницкій вернулись назадъ.

— Знаете-ли что, Анна Александровна: мнѣ вдругъ захотѣлось малины со сливками сказала Катерина Ивановна, подойдя къ нимъ и переведя духъ.—Добрѣйшій Иванъ Сергѣичъ! вы должны мое желаніе исполнить—достать малины и сливокъ, и угостить насъ...

Отправляйтесь-ка въ деревню, вѣроятно тамъ достанете и то, и другое... И она показала на рядъ избъ, стоявшихъ не подалеку на горѣ.

Иванъ Сергѣичъ покачалъ головой.

— Вотъ вѣдь иногда дружба бываетъ тяжелѣе службы,—сказалъ онъ, поднимаясь на гору, по узкой едва замѣтной тропинкѣ.

— Отправляйтесь, отправляйтесь! кричала ему вслѣдъ хохоча Катерина Ивановна:—только смотрите, не купите прокислыхъ сливокъ. Подхвативъ Анюту подъ руку, она вернулась къ мѣсту привала, гдѣ у ея мужа и двухъ офицеровъ уже довольно покраснѣли носы и посоловѣли глаза.

Въ десятомъ часу вечера честная компанія переѣзжала рѣчку обратно. Петръ Петровичъ всю дорогу запѣвалъ:

«Ты помнишь ли, товарищъ неизмѣнный, —
Такъ капитанъ солдату говорилъ....»

Къ нему присоединялись товарищи, и все сбивались; Катерина Ивановна на нихъ смѣялась. Анюта сидѣла молча и смотрѣла на золотой снопъ луны и блѣдныя звѣзды, отражавшіяся въ темныхъ волнахъ, съ неопредѣленною думою прислушивалась она къ плеску веселъ. Возлѣ ея сидѣлъ Кремницкій и молча курилъ.

— Какъ я жалѣю, заговорилъ онъ, когда лодка подъѣзжала къ берегу:—что я теперь не у доброй Матрены Ивановны квартирую. Право, она прекрасная старушка: Кузьму моего кормила на убой; меня чуть не каждый день то къ обѣду, то къ чаю приглашала; даже моему Плутону шла мясная порція.... Но эти воспоминанія о квартирѣ Матрены Ивановны пробуждаютъ воспоминанія другія, болѣе дорогія... Вы, Анна Александровна, по прежнему ходите въ садъ?—Вопросъ свой сдѣлалъ Кремницкій чуть слышно.

— Нѣтъ, теперь не хожу, отвѣчала также тихо Анюта и вздохнула.

Не смотря на свое отсутствіе, старуха Жилина, возвратясь домой на другой день вечеромъ, знала уже, что ея невѣстка гуляла съ офицерами.

При первомъ же свиданіи сдѣлала Анютѣ выговоръ, назвавъ ея поступокъ беззаконіемъ и развратомъ, тѣмъ болѣе (по ея мнѣнію), что все это было сдѣлано умышленно, когда не было свекрови дома, и наканунѣ праздника, когда добрые люди молились у всенощной. За тѣмъ свекровь постращала Анюту, что будетъ о ея поведеніи писать Матюшѣ.

— Можете дѣлать все, что вамъ угодно, отвѣчала Анюта:—но я виновата только въ томъ, что безъ вашего позволенія приняла приглашеніе замужней, очень почтенной дамы и составила для нея компанію въ семейной прогулкѣ.

— То есть, составили компанію для офицеровъ, подхватила язвительно золовка.—Вы думаете, что насъ не было дома, такъ мы ничего и не знаемъ?... анъ нѣтъ!...

— Не съ вами я, а съ маменькой говорю, прервала горячо Анюта.

— Ужъ лучше скажите, моя радость, что съ Марьей Михайловной разговариваете!... Зачѣмъ вамъ лицемѣрить, мой ангелъ, будто я не знаю, что вамъ противно меня и матерью-то назвать. Да и что я за мать вамъ, — свекровь худая, и больше ничего. произнесла Марья Михайловна обиженнымъ тономъ и заплакала...

Анюта замолчала и поспѣшила уйти. И каждый разъ, когда она являлась къ чаю или къ обѣду, ее преслѣдовали тѣ же подозрительные взгляды, та же глубокая ненависть, скрытая подъ маской гнуснаго ханженства и лицемѣрія.

Анюта, между тѣмъ, не думая объ угрозахъ свекрови, вся предалась мысли о Кремницкомъ; она вся жила въ настоящемъ, не помышляя о будущемъ; она теперь сознательно понимала, что любитъ подпоручика; она помнила всѣ часы, въ которые его видѣла у Петровыхъ; припоминала каждое его слово, каждый взглядъ, хотя никогда ничего не слыхала отъ Ивана Сергѣича кромѣ общихъ фразъ. Она соображала, что живя за десять верстъ отъ города, онъ успѣвалъ каждый день быть у Петровыхъ; сердце подсказывало Анютѣ, что все это дѣлалось для нея. Замѣтила или нѣтъ Катерина Ивановна начинающуюся драму, но она ни Анютѣ, ни Кремницкому, даже шутя, не намекнула о томъ.

— Милая Анна Александровна, сказала однажды поручица вошедшей къ ней Анютѣ:—какое горе! вѣдь батальонъ-то нашъ завтра выходитъ въ.... скій уѣздъ. Прощайте, добрая моя хозяюшка!—и готовая заплакать Катерина Ивановна сжала Анютѣ руку.

Отъ этой вѣсти Анюта страшно поблѣднѣла: отъѣздъ Петровыхъ представился ей черною пропастью, разлучающею ее навсегда съ Кремницкимъ.

Иванъ Сергѣичъ вышелъ изъ спальни, откуда раздавался богатырскій храпъ Петра Петровича. Кремницкій весело и спокойно раскланялся съ Анютой.

— Можетъ быть, вашъ батальонъ не надолго уходитъ, замѣтила наконецъ оправившаяся Анюта хозяйкѣ.

— О, нѣтъ, говорятъ все то время, пока полкъ будетъ стоять въ вашей губерніи, отвѣчала со вздохомъ Катерина Ивановна:— и я васъ, Анна Александровна, никогда не забуду, никогда!.. а вы меня вѣроятно скоро забудете?

Анюта, стараясь скрыть волненіе, принялась увѣрять постоялку, что и она будетъ помнить ее *вѣчно*... Произнося послѣднее слово, она взглянула на подпоручика: онъ улыбался и принялся подшучивать надъ разлукою дамъ, совѣтуя имъ, какъ можно почаще, гадать другъ о другѣ на картахъ.

Анюта сперва подумала, что онъ притворяется; но потомъ, къ невыразимой досадѣ, увидѣла, что онъ былъ спокоенъ и веселъ совершенно искренно.

Возвратившись къ себѣ, Анюта чувствовала на сердцѣ острую, жгучую боль и заплакала съ досады.

— Ужь вѣрно всѣ мужчины таковы, что ихъ и въ пѣсняхъ, и въ романахъ—насмѣшниками выставляютъ, думала она:—вотъ и *онъ*, такой же... Я думала, что я *что нибудь* значу для *него*, а теперь вижу, что *ему* разстаться со мной ни почемъ. Вѣдь мы, съ отъѣздомъ Катерины Ивановны, разойдемся навсегда, свиданія наши прекратятся онъ это знаетъ: и для него ничего... а я-то дура убиваюсь, плачу о немъ, и днемъ и ночью не разстаюсь съ нимъ... И Анюта отерла слезы съ твердой рѣшимостью не плакать болѣе о *чужомъ* человѣкѣ. Но слезы невольно широкой струей набѣгали на ея прекрасные глаза. Ночью, Анюта, сама того не замѣчая, смочила слезами подушку, и встала утромъ блѣдная и разстроенная.

Часовъ въ пять вечера на дворѣ Жилиныхъ, у крыльца, опять стояла знакомая огромная кибитка, нагруженная домашнимъ скарбомъ армейскаго женатаго офицера. Тотъ же заспанный Артамоновъ опять сидѣлъ на козлахъ; сзади кибитки опять были привязаны старыя бѣговыя дрожки; для Петра Петровича была осѣдлана маленькая рыженькая лошадка. Катерину Ивановну подсаживалъ въ кибитку Иванъ Сергѣичъ. На крыльцѣ стояла Анюта съ заплаканными глазами; отъѣзжающій постоялецъ, желая молодой хозяйкѣ всевозможнаго счастья, расшаркивался своей коротенькой ногой. Ананьевна, кучеръ и кухарка Жилиныхъ стояли возлѣ крыльца и зѣвали на эту сцену. Въ окно изъ верхняго этажа выглядывала Лизавета Матвѣевна.

Еще разъ Катерина Ивановна кивнула Анетѣ головою, еще разъ поблагодарила ее за дружеское расположеніе — и лошади

тронулись. Петръ Петровичъ пожалъ руку Кремницкому, вскочилъ на лошадку и поѣхалъ вслѣдъ за кибиткой.

— Вы плачете о Катеринѣ Ивановнѣ?... Ахъ, какая право она счастливица! Какъ бы я желалъ быть на ея мѣстѣ, проговорилъ полу-серьезно, полу-шутливо Кремницкій, обратившись къ Анютѣ. Она ни слова не отвѣчала, но съ такимъ рѣзкимъ упрекомъ взглянула на него, что подпоручикъ зардѣлся. И онъ, потупясь и покручивая свои тонкія усы, быстро прошелъ въ оставленную Петровыми квартиру, чтобъ взять оттуда свою шинель; а за нимъ пошли хозяйскіе кучеръ и кухарка прибрать опустѣвшія комнаты.

Сердце Анюты разрывалось отъ грусти. Она чувствовала, что все отрадное, освѣтившее на нѣсколько дней ея скучную, однообразную жизнь, оставляетъ ее навсегда, И молодая женщина, тихо повѣся голову, пошла къ себѣ, не смѣя оглянуться назадъ.

Шедшая за Анютою Ананьевна, разсуждала вслухъ про доброту Катерины Ивановны и про бѣдность и безпокойную жизнь полковыхъ офицеровъ; она заключила свое разсужденіе пословицей:

«Не надобно и кладъ, когда у мужа съ женою ладъ».

Въ тотъ же вечеръ Лизавета Матвѣевна говорила матери:

— Ужь не спроста же у нашей снохи была такая дружба съ этой долговязой офицершей.

— И я тоже думаю, Лиза, прибавила старуха.

— Да, не спроста... продолжала дочь.—Къ постояльцу ходили и чужіе офицеры, вонъ и сегодня я одного видѣла... А какъ прощалась съ поручицей Анна-то Александровна, если бы вы видѣли! И напрактиковавшаяся въ шпіонскихъ манерахъ Лизавета Матвѣевна дошла до самыхъ крайнихъ выводовъ.

— Охо, хо, хо! поскорѣй бы хоть Матюша-то пріѣзжалъ, произнесла со вздохомъ свекровь:—а то доживешь тутъ до большого горя...

И послѣднія слова Марьи Михайловны были брошены не даромъ.

Не далѣе, какъ въ слѣдующее же воскресенье, когда мать и дочь были у обѣдни, Ананьевна доложила Анютѣ, что пріѣхалъ новый постоялецъ—офицеръ и требуетъ хозяевъ. Но такъ-какъ старыхъ хозяекъ теперь дома нѣтъ, то не выйдетъ-ли къ нему хоть она?

Анюта вышла въ залу, гдѣ дожидался офицеръ.

Изумленіе, радость и испугъ мгновенно выразились на ея лицѣ, когда она увидѣла Кремницкаго.

— Вашъ постоялецъ! прошу любить да жаловать... проговорилъ онъ по обыкновенію съ своею добродушной улыбкой, кланяясь Анютѣ и подавая ей билетъ.

— Право, я не знаю, что мнѣ дѣлать: ни маменьки, ни сестры дома нѣтъ... сказала Анюта, съ видимымъ замѣшательствомъ.

— И супругъ вашъ еще не бывалъ?

— Нѣтъ, не бывалъ.

— Значитъ, за отсутствіемъ всѣхъ старшихъ, вы полная хозяйка въ домѣ, и я надѣюсь, что вы меня не прогоните.... и пожитки мои всѣ перенесены, — подпоручикъ показалъ на окно.

Взглянувъ въ окно, Анюта увидѣла, что нѣсколько человѣкъ солдатъ сложили на улицѣ, возлѣ дома, принесенныя ими складную кровать, столикъ, чемоданъ и тюфякъ съ подушкою, и ждали покуда ихъ пустятъ на дворъ.

— Дѣлать нечего, сказала Анюта; — но...

— Но... но какъ я радъ, что опять буду васъ видѣть каждый день, прервалъ тихо подпоручикъ, смотря съ восторгомъ на Анюту, отчего ея блѣдное лице покрылось яркимъ румянцемъ.

Она видѣла себя въ зеркалѣ; какъ она хороша была въ эту минуту: бѣлый, ситцевый съ голубыми мушками капотъ, обложенный чернымъ шнурочкомъ, придавалъ ей какую-то особенную свѣжесть; коса толстымъ жгутомъ спустилась на самый затылокъ и оттѣнила собою ея бѣлую гибкую шею.

И Анюта, не понимая сама что она дѣлаетъ, закрыла лице руками отъ взоровъ Кремницкаго, какъ будто они ее жгли.

Въ гостиной послышались шаги.

— И такъ, до свиданья! проговорилъ уже твердымъ голосомъ постоялецъ, и положивъ билетъ на столъ, поспѣшно оставилъ комнату.

Отнявъ руки отъ пылающаго лица, Анюта взяла билетъ, но чувствовала, что она была словно въ угарѣ: голова ея кружилась, все вертѣлось вокругъ ея,—и она поспѣшила уйти къ себѣ, сѣла подлѣ открытаго окна и истерически заплакала.

Когда вернулись изъ церкви свекровь и золовка, нервическій припадокъ Анюты уже прошелъ. Она спокойно подала старухѣ квартирный билетъ новаго постояльца. Свекровь, крестясь и вздыхая, осыпала Анюту упреками и крупной бранью за то, что она осмѣлилась, въ отсутствіе *старшихъ*, принять постояльца.

Когда Анюта ушла изъ комнаты, Лизавета Матвѣевна замѣтила матери:

— Теперь видимо, что не даромъ втюрился къ намъ этотъ

офицецъ... теперь я припомнила, что видала его... видала, какъ онъ ходилъ къ прежнему постояльцу... Значитъ, все дѣло было напередъ слажено... Все успѣли устроить, покуда насъ дома не было... Дуракъ, который не умѣетъ трехъ перечесть, и тотъ скажетъ, что видимый рокъ!..

— Охъ, не говори, Лиза: волосъ дыбомъ становится отъ твоихъ словъ... простонала старуха. — Развѣ ѣхать мнѣ самой въ квартирную коммиссію просить, чтобы свели постояльца?... да не какъ и что говорить... Аль погодить?... Охо, хо, хо! хоть бы Матюша-то поскорѣй пріѣзжалъ... какъ бы хотѣлъ... А теперь, Лиза, хоть ты, хоть ты посматривай; а то—смотри—грѣхъ на насъ будетъ...

— Ужь сдѣлайте милость, будьте покойны: меня не проведутъ! отвѣчала твердо дочь, и принялась мысленно готовиться ко всѣмъ обязанностямъ домашняго сыщика.

XV.

На другой день, когда Анюта утромъ пила у свекрови чай, Кремницкій пришелъ познакомиться съ хозяйками. Но мать и дочь приняли постояльца чрезвычайно сухо, и послѣ обыкновенныхъ фразъ не пригласили даже сѣсть. Анюта приписала это невѣжество ненаходчивости свекрови и золовки съ незнакомымъ человѣкомъ и указала подпоручику на стулъ.

— А вы, батюшка мой, откуда родомъ-то? обратилась наконецъ старуха съ вопросомъ къ постояльцу, послѣ продолжительнаго молчанія.

— Изъ Воронежа, отвѣчалъ онъ.

— Такъ-съ. Старуха мотнула головой перекрестилась и вздохнула. — Лиза, налей имъ чаю.

И Лизавета Матвѣевна, запуская взглядъ изъ-подлобья на Кремницкаго, налила ему чаю.

— Позволите? обратился поручикъ къ вдовѣ, вынувъ сигару.

— У маменьки голова болитъ съ табачнаго дыма, отозвалась грубо Лизавета Матвѣевна.

Кремницкій спряталъ сигару.

— Извините, батюшка: не могу сидѣть — устала... изъ церкви недавно возвратилась, проговорила Марья Михайловна подымаясь со стула.

— Сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь для меня, — отвѣчалъ Иванъ Сергѣичъ, раскланиваясь.

Старуха ушла. Вскорѣ за нею скрылась и Лизавета Матвѣевна уже безъ всякихъ извиненій, оставивъ съ гостемъ одну Анюту.

Прошло четверть часа, прошло и полчаса—вдова не приходила; только ясно слышался какой-то шелесть около дверей, какъ будто кто подслушивалъ или подсматривалъ. Это слышалъ и Кремницкій и сидѣлъ замѣтно сконфуженный. Сначала разговоръ кой-какъ тянулся: Анюта расспрашивала постояльца, какъ ему нравится Привольскъ; но потомъ гость и хозяйка все болѣе и болѣе чувствовали свое неловкое положеніе, потому что ясно понимали шпіонскую выходку свекрови и золовки,—и Кремницкій поспѣшилъ откланяться Анютѣ.

И что выигралъ Иванъ Сергѣичъ, перешедши въ домъ Жилиныхъ? Онъ мечталъ часто видѣть Анюту, говорить съ нею,— но ошибся жестоко: во-первыхъ, она совсѣмъ не ходила въ низъ, не заглядывала въ кухню; садъ оставался запертымъ. Во-вторыхъ, Анюта не ходила даже въ церковь; а потому видѣть ее на дворѣ или на улицѣ не было никакой возможности: онъ только могъ увидѣть ее развѣ въ окно, поклониться, перекинуться формальнымъ привѣтствіемъ, и только. Но и тутъ Лизавета Матвѣевна, давши себѣ слово подстерегать невѣстку, тщательно выполняла обязанности видоки: она постоянно сидѣла съ работою въ гостиной, и могла слышать каждое слово, сказанное Анютою изъ окна въ спальни.

Кремницкій бѣсился отъ досады.

Анюта считала дни тѣми минутами, когда она видѣла постояльца идущаго на службу или со службы; но эти мгновенныя свиданія не удовлетворяли ихъ обоихъ. И вотъ, однажды, Ананьевна принесла молодой хозяйкѣ книгу отъ подпоручика. Анюта удивилась, тѣмъ болѣе, что она не просила у него книги; но инстинктъ любящей женщины угадалъ все: она скрыла легкій трепетъ, невольно пробѣжавшій по ея членамъ, и когда старуха ушла изъ комнаты, Анюта съ замирающимъ сердцемъ принялась перелистывать книгу, и не ошиблась — въ книгѣ была записка:

мелкими стѣсненіями.- Я догадываюсь, какъ невыносимо тяжело вамъ въ этомъ (извините) подломъ семействѣ, помѣшанномъ на формальномъ хожденіи въ церковь и на грошовыхъ счетахъ. Ваши молодыя силы просятъ жизни, свободы и сочувствія, а васъ живую замуравили въ могильный склепъ, гдѣ скоро вы будете даже дышать по приказанію вашей ехидной свекрови. Станьте выше этого положенія и отбросьте всякую робость... Лучше смерть, чѣмъ такое медленное и глухое томленіе. Я полагаюсь на вашу женскую находчивость—придумайте что-нибудь для нашихъ свиданій. Я долго ломалъ себѣ голову, и ничего не выдумалъ.» *К.*

Сердце Анюты дрогнуло: теперь она почувствовала, какъ сильно любитъ Кремницкаго, какъ метко онъ попалъ въ самую нѣжную часть ея сердца. Но какъ назначить свиданіе? гдѣ и когда? а послѣ что будетъ?.. а потомъ?.. Теперь только увидѣла она, надъ какою бездною стояла. И Пелагея Андреевна, и Матвѣй Матвѣичъ, и отзывы свекрови и золовки о Текусѣ Егоровнѣ мгновенно мелькнули въ умѣ Анюты,—холодный потъ выступилъ у ней на лбу.

— Нѣтъ, нѣтъ, подумала она:—лучше отказаться отъ всѣхъ сношеній съ *нимъ*; ему нечѣмъ упрекнуть меня, вѣдь я ему не говорила, что люблю его... Онъ для меня такъ, просто знакомый, больше ничего... Вѣдь не былъ же онъ у меня на умѣ?.. и напрасно онъ говоритъ, что я знаю о его любви,—вздоръ: я ничего не знаю и знать не хочу... И Анюта блѣдная, сильно, взволнованная, быстро ходила по комнатѣ, какъ будто этой ходьбой хотѣла размыкать одолѣвавшія ее противоположныя чувства.

— Но Боже мой, Боже! прошептала она: — оттолкнуть его!... оттолкнуть мою единственную радость, единственную отраду и для чего? для кого... для Матвѣя Матвѣича!... для того, что я ношу имя Жилина!... И она, зарыдавъ, опустилась на подушку.

Успокоясь и поразмысливъ немного, Анюта все-таки не рѣшилась назначить свиданіе и даже написать что-нибудь Кремницкому.—Будь, что будетъ, а покуда помолчу,—подумала она, и удержавъ у себя записку, отослала ему его книгу.

Перелистовавъ книгу нѣсколько разъ, подпоручикъ далеко отбросилъ ее и съ тяжелымъ вздохомъ проговорилъ:

— И ни одной строчки... ни одной! Но, можетъ, она разсердилась? Неужели разсердилась! Нѣтъ,—не можетъ быть!..

Наканунѣ одного воскресенья, въ концѣ августа, привычка быть въ церкви взяла верхъ надъ Лизаветой Матвѣевной, и она,

оставивъ свой шпіонскій постъ, отправилась вмѣстѣ съ матерью ко всенощной.

Вечеръ былъ теплый и удушливый, словно среди лѣта; тяжелыя темныя облака со всѣхъ сторонъ облегли горизонтъ и на ночь обѣщали дождь. Въ комнатахъ сдѣлалось мрачно, словно при наступленіи глубокихъ сумерекъ, хотя былъ еще всего седьмой часъ вечера. Анюта сложила работу, за которою она въ продолженіи дня болѣе думала о Кремницкомъ, чѣмъ о самой работѣ, и вышла въ гостиную, зная что золовки не было дома.

Въ эту минуту Кремницкій входилъ въ залу; увидѣвъ сквозь отворенную дверь Анюту въ гостиной, Иванъ Сергѣичъ оглянулся кругомъ, и быстро подошелъ къ молодой хозяйкѣ.

— Извините!... сказалъ онъ, вмѣсто обыкновеннаго: «здравствуйте» и раскланялся съ Анютою.

— Въ чемъ? спросила Анюта дрожащимъ голосомъ.

— Вы кажется одни?

— Да... одна...

— Я пришелъ попросить у васъ извиненія... что я... Вѣдь вы на меня сердитесь?.. и кажется лучше будетъ, если я оставлю вашу квартиру...

— Это ваше дѣло!.. произнесла Анюта поблѣднѣвъ, и схватилась за спинку ближайшихъ кресел: она чувствовала, что полъ проваливается подъ нею, и темное облако застилаетъ всѣ предметы.

— Такъ и есть, такъ и есть!.. прошепталъ подпоручикъ, грустно покачивая головой, и потомъ примолвилъ въ слухъ:—Но повѣрьте, переходя въ вашъ домъ, я не думалъ такъ съ вами разстаться, и такъ скоро... Значитъ, я воображалъ слишкомъ много... а выходитъ, что я ошибся... да?..

— Чего вы хотите? спросила Анюта задыхаясь.

— Чего? Вы вѣроятно читали мои письма къ вамъ, и знаете мои скромныя желанія... желаніе видѣть васъ почаще. Но я вижу, что вы не понимаете меня... да? Вы, можетъ, оскорбляетесь моими просьбами, моими письмами, иначе, написали бы нѣ хоть строчку!...

— Написать!.. Но что же бы я вамъ написала? Вы постоянно требовали, чтобъ я вамъ назначила свиданіе; но какъ, гдѣ и для чего? что бы изъ этого было? Нѣтъ, я тоже скажу: если бы вы понимали мое стѣсненное положеніе, вы бы не потребовали этого... Анюта глубоко вздохнула.

Подпоручикъ пожалъ плечами.

— Значитъ, мы разстаемся... разстаемся навсегда... проговорилъ онъ, понизивъ голосъ:—завтра же меня не будетъ въ вашемъ домѣ; простите меня, за все, за все!.. Простите!.. Онъ взялъ Анюту за руку: рука ея была холодна, какъ ледъ. Ему жаль стало бѣдную женщину, невыразимо жаль; онъ держалъ ея руку и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

И для Анюты настала минута страшной борьбы: одно слово «прощайте» разлучило бы ее съ Кремницкимъ навсегда; сказать ему что-нибудь утѣшительное,—значило подложить масла въ огонь.

— О, Боже мой! произнесла она изъ глубины души, подавленной противоположными чувствами, и вырвавъ руку изъ рукъ Кремницкаго, схватилась за голову.

Въ спальнѣ послышались торопливые короткіе шаги.

— Господинъ хозяинъ!.. воскликнулъ подпоручикъ, быстро отступивъ отъ Анюты.

Послѣдняя оглянулась: на порогѣ стоялъ Матвѣй Матвѣичъ, блѣдный, весь въ пыли, глазки его сверкали красноватымъ свѣтомъ.

— Матвѣй Матв... начала было Анюта, но голосъ ея порвался, и она какъ окаменѣлая стояла на мѣстѣ.

Между тѣмъ Кремницкій оправился.

— Господинъ хозяинъ!.. повторилъ онъ.

— Мое почтеніе-съ! перебилъ хозяинъ, переступя порогъ:—что вамъ угодно-съ?

— Конечно, вамъ неизвѣстно, что я вашъ постоялецъ...

Жилинъ поклонился.

— Я пришелъ къ вашей матушкѣ, продолжалъ Кремницкій, стараясь казаться спокойнымъ: видите... у моей квартиры сломался замокъ...

— Моя матушка не слесарь... позвольте замѣтить-съ, проговорилъ Матвѣй Матвѣичъ, оглядывая подпоручика съ ногъ до головы.

— Но, кажется, это обязанность хозяевъ... Притомъ же замокъ былъ сломанъ еще до меня... Кремницкій притворно горячился. И если что-нибудь изъ моихъ вещей...

— Будьте въ надеждѣ-съ, въ такомъ случаѣ-съ все будетъ исправлено-съ, перебилъ Матвѣй Матвѣичъ съ язвительной усмѣшкой, кланяясь и пятясь назадъ.

Постоялецъ тоже поклонился и вышелъ, взглянувъ искоса на Анюту.

— Въ самомъ дѣлѣ, замки у всѣхъ дверей нужно пересмотрѣть, чтобъ все было въ порядкѣ, чтобъ чужіе не лазили въ наши клѣти... проговорилъ сквозь зубы Жилинъ, по уходѣ постояльца, и смѣривъ жену съ ногъ до головы своимъ рысьимъ взглядомъ, прибавилъ:

— Такъ-то вы, Анна Александровна-съ, безъ мужа время проводите-съ, а? Весело, нечего сказать-съ! а мужъ торопится, скачетъ на почтовыхъ; жена-же и поздороваться забыла съ мужемъ, хе, хе!

Анюта какъ-будто очнулась, и усмѣхнувшись грустно промолвила, подходя къ нему:

— Теперь можно и поздороваться... но при постороннемъ, право...

— При постороннемъ! да полно, посторонній-ли-съ? А? перебилъ Жилинъ, отстраняя рукою жену. Мы эфто разузнаемъ, разузнаемъ, сударыня-съ!..

— Что жъ, развѣ въ первые вамъ меня оскорблять, сказала Анюта отступая, и пошла въ спальню.

Лишь только вернулись мать и сестра изъ церкви, Матвѣй Матвѣичъ пошелъ къ нимъ здороваться

Старуха перекрестила сына и заплакала.

— Ну, слава Богу, принесъ тебя Богъ, Матюша: словно камень съ сердца у меня свалился!.. На силу-то тебя дождалась...

— Какъ ваше здоровье, маминька-съ? Право я все объ васъ заботился-съ,—проговорилъ сынъ, цѣлуя руку матери.

— Здоровье мое извѣстно... А вотъ дома непріятности, такъ хуже всякой болѣзни... Да ужь и говорить-то, такъ сердце болитъ.... потому только и говорю, что грѣшно матери, которая дѣтямъ потакаетъ; а я хоть и не родная мать—свекровь, а все же матерью зовутъ,—а потому и боюсь, чтобъ не дать отвѣта Богу за молчаніе... Жаль, душевно жаль Анны Александровны, а пришлось сказать правду, что она ужь выходитъ, изъ рукъ вонъ... И послѣ такого предисловія мать поспѣшила разсказать сыну, какъ Анюта въ ихъ отсутствіе гуляла за рѣкою съ офицерами.

Лизавета Матвѣевна прибавила, что въ ихъ же отсутствіе приняла Анна Александровна на постой офицера, ходившаго къ прежнему постояльцу и вѣроятно коротко знакомаго.

Слушая всѣ эти разсказы, Матвѣй Матвѣичъ вертѣлся на стулѣ, вскакивалъ, быстро ходилъ по комнатѣ, и опять садился. Онъ блѣднѣлъ, зеленѣлъ и багровѣлъ.

— Да что жъ тутъ говорить, и что мнѣ слушать! вскричалъ

онъ наконецъ:—когда я самъ не успѣлъ пріѣхать, и засталъ въ гостиной... наединѣ засталъ!... И онъ разсказалъ, какъ засталъ постояльца съ Анютою.

Мать и дочь переглянулись.

— Вотъ видите, и тутъ, когда насъ же не было дома, постояльцу надобность и объ замкѣ пришла, замѣтила Лизавета Матвѣевна:—что жъ тутъ, говоритъ пословица: «видимый рокъ, коль ножемъ въ бокъ...»

— Охъ, согрѣшили мы грѣшные!—Марья Михайловна тоскливо покачала головой и перекрестилась.—А жаль, видитъ Богъ, какъ дочь родную жаль Анну Александровну... а поучить слѣдуетъ... Только ты, Матюша, смотри—дѣлай все осмотрительно, чтобъ напрасно не погрѣшить... Я бы тебѣ совѣтовала посмотрѣть въ комодѣ: нѣтъ-ли какихъ уликъ, писемъ нѣтъ-ли...

— И безъ писемъ много уликъ... замѣтила рѣзко Лизавета Матвѣевна:—чай въ городѣ въ колокола звонятъ о нашемъ позорѣ: закрывай глаза, да и бѣги со стыда за сто верстъ отъ дома...

— Себя-то ты, Матюша, побереги, не разстраивайся, голубчикъ, успокойся... продолжала старуха.

Но это утѣшеніе матери нисколько не успокоило Матвѣя Матвѣевича; если бы онъ имѣлъ голосъ Бодаева, онъ зарычалъ бы какъ левъ, или какъ первый трагикъ на нашей сценѣ. Но Жилинъ не шумѣлъ, не проклиналъ ни жены, ни судьбы; но въ глубинѣ души ужасно злился, и за ужиномъ ничего не ѣлъ.

Анюта и совсѣмъ отказалась отъ ужина; она въ это время сидѣла въ свальнѣ подъ открытымъ окномъ и думала о Кремницкомъ.

— Жестокій, *онъ*, жестокій, безжалостный человѣкъ! и какъ у него достало духу сказать, что завтра его не будетъ здѣсь?... А теперь еще хуже: мужъ пріѣхалъ.

Знакомый запахъ сигары доносился до Анюты, только она не могла опредѣлить, гдѣ Кремницкій—на крыльцѣ или на дворѣ? Но она чувствовала, что онъ гдѣ-нибудь тутъ, близко... На дворѣ было тихо, слышно было, какъ дождь тяжелыми рѣдкими каплями падалъ на тесовыя крыши.

Матвѣй Матвѣичъ вошелъ въ спальню, посмотрѣлъ въ окно, прислушался, потомъ заперъ его и закрылъ наглухо ставнями всѣ окна въ комнатѣ; заперъ и двери на ключъ.

Анюта между тѣмъ старалась казаться спокойною, надѣвала ночной чепчикъ... но сердце ея далеко не было спокойно. Въ запираньи оконъ и дверей она видѣла что-то зловѣщее.

Мужъ стоялъ передъ нею наединѣ, лицомъ къ лицу; онъ то блѣднѣлъ, то багровѣлъ, кусалъ губы и ногти, и кидалъ на Анюту яростные взгляды...

— Ну-съ, теперь извольте мнѣ отвѣчать-съ: какимъ манеромъ вы безъ меня кутили съ офицерами-съ? произнесъ наконецъ Матвѣй Матвѣичъ своимъ шипящимъ голосомъ.

— Я! кутила? воскликнула Анюта. Но взглянувъ на мужа, въ ужасѣ попятилась назадъ—такъ онъ былъ страшенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы правы-съ, я напрасно на васъ говорю, продолжалъ Жилинъ съ такой улыбкой, что Анюту забило словно въ лихорадкѣ.—Я не долженъ, не долженъ ничему вѣрить, даже и тому, что сегодня видѣлъ своими глазами.

— Сегодня!... Но что же такое вы видѣли?... произнесла Анюта дрожащимъ и испуганнымъ голосомъ.

— Что я видѣлъ? вскричалъ внѣ себя Матвѣй Матвѣичъ: ярость его дошла до послѣднихъ предѣловъ: онъ уже не могъ совладѣть съ своимъ бѣшенствомъ,—пѣна показалась на его губахъ.

— Что я видѣлъ?.. продолжалъ онъ:—а вотъ что я видѣлъ! вотъ что!... И звонкая, рѣзкая пощечина заклеймила блѣдную щеку Анюты; послѣ третьяго удара несчастная женщина пронзительно вскрикнула,—кровь ручьемъ брызнула изо рта и носа. Но мужъ не далъ ей кричать, толкнулъ на постель, лицемъ въ подушки, и... и грустно разсказывать какія побои вытерпѣла Анюта въ эти минуты... Слышно было, что по гостиной кто-то ходилъ въ это время, кто-то подходилъ къ двери спальни, будто слушалъ, что тамъ происходитъ; но никто не постучался.

Черезъ полчаса Анюта лежала въ постели съ синими пятнами на лицѣ, съ запекшеюся кровью на губахъ, съ растрепанною косою, и тихо стонала.

А Матвѣй Матвѣичъ при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчки, по совѣту матери, рылся въ комодѣ: проворно выдвигалъ ящикъ за ящикомъ, тщательно перебиралъ всѣ принадлежности женскаго туалета... И нашелъ... но только не любовныя письма нашелъ Жилинъ,—а къ неописанной радости, онъ нашелъ свой вексель въ четыре тысячи, данный на имя Анюты ея отцомъ, а наличныя деньги по этому векселю были вручены Лапинымъ самому Жилину. Какъ торжественно улыбнулся Матвѣй Матвѣичъ, и какъ быстро разорвалъ онъ попавшійся документъ... Но этимъ Жилинъ не удовольствовался; въ ту же секунду по комнатѣ распространился запахъ жженой бумаги...

Анюта видѣла все это, но ни встать, ни сказать что-нибудь она не могла, и только глухо простонала.

Утромъ Матвѣй Матвѣичъ, по обыкновенію, рано уѣхалъ въ лавку, попросивъ маменьку навѣстить Анну Александровну, которая, какъ онъ говорилъ, была не совсѣмъ здорова.

Свекровь вошла въ комнату невѣстки.

— Анна Александровна, другъ мой, неугодно ли вамъ чего пропустить—чайку али липоваго цвѣта? спросила она, поцѣловавъ руку Анюты и перекрестившись со вздохомъ.

Ставни были закрыты у оконъ, и только въ щель одного ставня пробивалась узенькая полоска свѣта и падала, на блѣдное, обезображенное лицо Анюты.

При словахъ свекрови Анюта открыла глаза; но тотчасъ же опять ихъ закрыла, словно отъ непріятнаго призрака.

— Вы, мой ангелъ, не должны сердиться на мужа, продолжала Марья Михайловна, понизивъ голосъ:—сами во всемъ виноваты... Да и потерпѣли-то не отъ чужова... а пословица говорить: «милаго побои не долго болятъ»... А кабы съ этихъ поръ далъ вамъ Богъ совѣтъ да любовь, чтобъ жить и людей не смѣшить...

И долго говорила старуха, все въ томъ же родѣ, сидя у постели невѣстки. Но послѣдняя, ни словомъ, ни вздохомъ не отозвалась на всѣ эти мудрыя изрѣченія.

Послѣ ухода свекрови пришла Ананьевна, чтобъ прибрать комнату, открыла окна и взглянувъ на Анюту всплеснула руками и воскликнула:

— Матушка вы моя, сударыня вы моя! знать вамъ большое было истязаніе?

— Ахъ, это ты няня!.. начала Анюта слабымъ голосомъ, прикрывъ рукою глаза отъ внезапнаго яркаго свѣта, наполнившаго вдругъ комнату:—сдѣ... лай милость, сходи поско... рѣе къ Текусѣ Егоро... внѣ: пусть она, напи... шетъ письмо, къ... мо... имъ въ Кукушкинъ, что я боль... на, очень боль... на, можетъ ум... ру.

— Что это вы, сударыня вы моя, говорить изволите? Да вѣдь это убійство, вѣдь *ихъ* засудятъ тогда за это... Ахъ царь, мой небесный! да я тогда, такъ и скажу, все на свѣжую воду выведу,— говорила старуха, утирая глаза.

— Сходи же ня.. ня, къ Бодае... вымъ-то. Не забудь... повторила Анюта.—Охъ, какъ голову ло... митъ... и она опять закрыла глаза.

Ананьевна поспѣшила исполнить желаніе Анюты, сходила къ Текусѣ Егоровнѣ и пересказала ей все.

— Такъ и есть, я напередъ знала, что дойдетъ до этого! воскликнула Бодаева, выслушавъ старуху. И въ тотъ же день написала въ Кукушкинъ, увѣдомляя Лапиныхъ о болѣзни ихъ дочери, передавъ въ письмѣ подробно разсказъ няни. Самой Текусѣ Егоровнѣ очень хотѣлось бы навѣстить Анюту, но она, опасаясь непріятныхъ столкновеній съ Жилинымъ, отложила свое намѣреніе до пріѣзда Пелагеи Андреевны.

Между тѣмъ Анюта лежала больная, цѣлый день не проглотивъ капли воды, не открывая глазъ. Она слышала, какъ нѣсколько разъ входили къ ней свекровь и мужъ; первая крестилась и читала какія-то нравоученія, вздыхала о соблазнахъ людскихъ, а послѣдній насмѣхался надъ ея болѣзнью, упрекалъ въ притворствѣ, называлъ себя цирюльникомъ и предлагалъ пустить кровь... наконецъ укорилъ Анюту постояльцемъ, называя ихъ обоихъ грязными именами.

Слыша все это, несчастная женщина, разумѣется, жестоко страдала; но мысль, что она терпитъ за человѣка любимаго, облегчала ея страданія: образъ Кремницкаго стоялъ предъ нею неотступно и казался еще милѣе.

На слѣдующій день Анюта встала съ постели, хотя черезъ силу, въ тѣ часы когда подпоручикъ возвращался съ ученья; она, подвязавъ распухшія щеки платкомъ, сѣла подъ раскрытое окно, скрываясь по возможности за опущенной занавѣской, и ждала возвращенія Кремницкаго, чтобъ взглянуть на него изъ своей засады. И долго Анюта сидѣла; на дворѣ была совершенная тишина—ворота были заперты, никто не приходилъ...

Вошла Ананьевна.

— Не прикажете ли вы, сударыня моя, самоварчикъ поставить? спросила она: — вы вчера маковой росинки не пропустили...

— Хорошо бы, няня; но у меня нѣтъ ни чаю, ни денегъ. проговорила Анюта.

— Объ этомъ ужь не безпокойтесь, гдѣ нибудь промыслимъ, отвѣтила съ самодовольствіемъ старуха:—я, слава Богу, не вчера сюда пришла: лавочникъ Ѳедорычъ хоть на десять цѣлковыхъ такъ мнѣ въ долгъ повѣритъ... Чужіе-то нонче лучше своихъ... вонъ наша Марья Михайловна... Богъ съ нею, что свекровь,— только обиды заводитъ: отвѣтитъ, ехидная, передъ Господомъ!...

Анюта нетерпѣливо махнула рукой; но Ананьевна, не замѣтивъ того, продолжала:

— Добро, ужь на васъ-то, моя сударыня, она Матвѣя Матвѣича напустила,—такъ нѣтъ: ей и чужіе-то люди помѣшали, и на постояльца что-то наговорила... А чего наговаривать-то, баринъ-то смиренникъ, словно дѣвица красная... Всѣ не по намъ; ну, пошелъ Матвѣй Матвѣичъ, пожаловался тамъ что-ли на офицера,—и свели съ фатеры...

— Какъ, свели?.. проговорила Анюта глухимъ голосомъ.

— Денщикъ мнѣ сказывалъ, что свели: сами бы дескать не сошли... Вчера вечеромъ пришли солдаты, и все вынесли изъ фатеры. — Да что вы, матушка, Анна Александровна? спросила въ испугѣ старуха, взглянувъ на Анюту.

Послѣдняя сидѣла блѣдная, какъ мертвецъ, и помутившимися глазами смотрѣла на няньку.

— Да что съ вами, сударыня моя?.. повторила Ананьевна.

— Н...ни...чего... прошептала Анюта; провела рукою по глазамъ; встала, шатаясь дошла до постели и упала въ подушки ничкомъ.

— Господи, Боже мой! ужь не кончается ли она? вскричала внѣ себя Ананьевна, дотронувшись до холодной какъ ледъ руки молодой хозяйки, и бросилась къ свекрови.

Старуха-хозяйка перепугалась не менѣе старухи няньки и сейчасъ же пошла въ комнату невѣстки. Хотя Лизавета Матвѣевна не переставала увѣрять мать, что Анна Александровна первая на свѣтѣ притворщица.

Первымъ дѣломъ обоихъ старухъ было привести въ чувство несчастную Анюту. Но все-таки чрезъ нѣсколько часовъ у Анюты открылся бредъ; напрасно Марья Михайловна обкладывала ее горчичниками и льдомъ, напрасно лила на нее уксусъ, бредъ не прекращался: Анюта все вскакивала, порывалась куда-то бѣжать, кого-то отыскивать, такъ что принуждены были употреблять нѣсколько разъ силу, чтобъ удержать ее въ постели.

— Удивляюсь я, маминька-съ, на вашъ ангельскій характеръ, сказалъ Матвѣй Матвѣичъ, возвратившись вечеромъ домой и заставши мать возлѣ постели жены: — сами за нею ухаживаете-съ, какъ будто она никакой непріятности не нанесла-съ?

— А какъ умретъ, Матюша? отвѣчала Жилина съ притворнымъ смиреніемъ и крестнымъ вздохомъ.—А мнѣ нужно съ тобой поговорить. И она вышла въ гостиную. Сынъ послѣдовалъ за нею.

— У жены твоей, Матюша, сильная горячка начала Марья Михайловна, опускаясь въ кресла.—Смотри, мой другъ, чего бы не случилось...

— Что жъ, на все воля Божья! отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ тихо; но потомъ прибавилъ съ усмѣшкою и сомнительно покачивая головою.—Мнѣ кажется, впрочемъ, что вы ошибаетесь, не притворство-ли тутъ одно-съ... Отчего горячкѣ-то быть-съ?

— Грѣшить напрасно, мой другъ, не хочу, — притворства нѣтъ. Конечно, всѣ подъ Богомъ ходимъ... но чтобъ послѣ не разнеслось, что отъ твоихъ рукъ: прислугѣ рта не зажмешь; вонъ, старая дура—нянька первая разболтаетъ, продолжала мать.

— Разболтаетъ... да что-жъ она разболтаетъ? Въ чемъ-же я-то-съ виноватъ?

Марья Михайловна тихонько покашляла въ платокъ и перекрестилась.

— Люди глупы... и небывалое приложатъ... По-настоящему надобно бы лекаря пригласить; да что лекарь-то скажетъ: вѣдь у нея все лицо синее... Я тебя предупреждала, чтобъ былъ по осторожнѣе; а ты ужь видно... извѣстно молодыя люди, горячіе.

Матвѣй Матвѣичъ нѣсколько минутъ молчалъ и кусалъ губы; потомъ какъ будто надумался.

— Вы думаете-съ, я того-то-съ, больно-съ? помилуйте-съ: моя рука вѣдь не у кузнеца какого-нибудь... И я не знаю отчего-съ...

— Положимъ, что такъ, прервала старуха:—но что мы лекарю-то скажемъ?..

Опять задумался Жилинъ, и началъ живо ходить по комнатѣ своими коротенькими шажками.

— А знаете что мы скажемъ-съ! воскликнулъ онъ вдругъ остановясь:—вы говорите у ней горячка; ну, мы и скажемъ, что она вскакивала—убилась...

— Она въ самомъ дѣлѣ вскакивала, сказала мать.

— И прекрасно, и прекрасно!.. заключилъ Матвѣй Матвѣичъ, потирая руки.

Марья Михайловна, въ знакъ одобренія, кивнула головой, и докторъ былъ позванъ. Осмотрѣвъ больную, онъ обложилъ ее вмѣсто горчичниковъ мушками, перервалъ горячку, возвратилъ бѣдную женщину къ жизни... Но хорошо-ли сдѣлалъ?

Спустя нѣсколько дней, Лапины, увѣдомленные и испуган-

ные письмомъ Текусы Егоровны, пріѣхали къ дочери, къ большому смущенію всего семейства Жилиныхъ.

Пелагея Андреевна, какъ вошла въ спальню Анюты, бросилась къ послѣдней на постель и зарыдала, проклиная и чужую сторону, и лихихъ людей. Александръ Петровичъ долго стоялъ молча, не могъ слова выговорить—все крѣпился; наконецъ и его слеза прошибла. Анюта была уже въ памяти, но такъ была слаба, что едва говорила, едва могла приподнять голову.

Матвѣй Матвѣичъ смотрѣлъ на эту сцену и приготовлялъ въ умѣ своемъ отвѣты на вопросы, которыхъ ожидалъ онъ отъ тестя и тещи.

Наконецъ Пелагея Андреевна обратила къ зятю свое заплаканное лице.

— Мое почтеніе-съ, маминька! Позвольте съ вами поздороваться-съ... Здравствуйте, тятинька-съ!.. Какими это судьбами-съ? И такъ неожиданно-съ... говорилъ скороговоркой Жилинъ, раскланиваясь съ тещей и тестемъ.

— Не о почтеніи рѣчь, воскликнула гнѣвно Пелагея Андреевна:—а извольте-ка отвѣчать, за что вы это Аннушку-то истиранили, а?..

— Развѣ мы за васъ свою дочь на поруганіе отдали, а?.. подговорилъ Александръ Петровичъ.

— Я не понимаю совершенно-съ, о чемъ вы изволите говорить-съ? Если о болѣзни Анны Александровны, то всѣ мы подъ Богомъ ходимъ-съ, сказалъ смотря въ полъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Вы не понимаете!.. такъ я васъ по просту спрошу: кто у Аннушки на лицѣ синяковъ надѣлалъ? спросила теща.

— И уложилъ Аннушку въ постель кто? прибавилъ тесть.

— А!.. теперь понялъ-съ, началъ Жилинъ, стараясь казаться какъ можно спокойнѣе:—они сами ушиблись!.. то есть, у Анны Александровны такой жаръ... такое безпамятство было-съ... Они вскакивали съ постели... на стѣну бросались... и разшиблись...

— Полно, лгунъ! безстыдникъ! злодѣй! Креста-то на тебѣ нѣтъ, что-ль?.. вскричала внѣ себя Пелагея Андреевна, не совладѣвъ больше съ собою:—Ты воображаешь, что мы ничего не знаемъ... анъ-нѣтъ: «у васъ дрова рубятъ, а къ намъ щепки летятъ»; за полтораста верстъ насъ, батюшка, чужіе люди увѣдомили о дѣяніяхъ-то вашихъ, да!

Матвѣй Матвѣичъ стоялъ съежившись, какъ пойманнная блудли-

вая кошка; слова тещи: *чужіе люди увѣдомили* ошеломили его. Онъ испугался такой гласности о дѣлѣ своихъ рукъ.

— Но кто же, кто васъ увѣдомилъ-съ? спросилъ онъ, наконецъ, не много опомнясь.

— Кто увѣдомилъ, про-то мы знаемъ, началъ тесть: — Да не о томъ разговоръ, а мы хотимъ узнать, чѣмъ заслужила наша дочь ваши побои?..

— Побоевъ тутъ-съ ни.. ка...кихъ не было, но... тятинька... мы объ эфтомъ, погово... римъ-съ въ другой разъ... отвѣчалъ заикаясь Жилинъ, видя, что его безстыдная ложь не удалась.

— За чѣмъ же въ другой разъ! я хочу сейчасъ, сію же минуту дознаться до дѣла, вскричала Лапина, задыхаясь. Лице ея горѣло, голосъ обрывался; она сильно ударила кулакомъ по спинкѣ креселъ, возлѣ которыхъ стояла.

— Успокойтесь, маминька!.. произнесла чуть слышно Анюта. Но ея никто не слыхалъ.

— Что жъ молчишь—отвѣчай о чемъ спрашиваютъ! продолжала теща.

— Значитъ, вы сюда ссориться пріѣхали? сказалъ Жилинъ, вмѣсто прямаго отвѣта; глазки его уже сверкали зловѣщимъ свѣтомъ.

— Не только ссориться буду, а и до начальства дойду, отвѣчала Пелагея Андреевна.

— Будемъ жаловаться, кому слѣдуетъ, прибавилъ тесть.

— А!.. когда такъ-съ,—воскликнулъ съ видимымъ бѣшенствомъ Матвѣй Матвѣичъ,—такъ я васъ утѣшу, разскажу... Я засталъ у своей жены, а у вашей любезной дочки, постояльца-офицера. Что, пріятно мнѣ было-съ?..

При этихъ словахъ мужа Анюта простонала; Лапины переглянулись между собою; Александръ Петровичъ мрачно нахмурилъ брови и опустился на стулъ, какъ будто ноги не держали его. Нѣсколько мунутъ длилось молчаніе. Пелагея Андреевна наконецъ пришла въ себя: она крѣпко вѣрила въ невинность дочери и въ твердость правилъ, которыя ей сама внушала съ дѣтства.

— Прямъ! офицера-постояльца засталъ! заговорила она, съ какимъ-то неестественнымъ смѣхомъ покачивая головой: — ужь днемъ ли, батюшка, не ночью ли засталъ, у моей-то дочери!.. Да развѣ я тому ее учила?.. Ахъ ты, безсовѣстной грѣховодникъ!.. какъ первую-то жену замучилъ...

— Если не вѣрите мнѣ, прервалъ Матвѣй Матвѣичъ, то спросите маминьку.

— Что мнѣ маминька-то ваша! не указывай мнѣ на нее, на змѣю подколодную; я столько же повѣрю ей, какъ и тебѣ... Старуха въ гробъ глядитъ, а каверзы заводитъ... продолжала теща: — такова вся ваша семья. Ишь засталъ!.. Ну-ка, Аннушка, говори: правда ли это?.. Она обратилась къ дочери.

— Этакое испытанье, Господи! Думалъ ли я слышать такія рѣчи!.. воскликнулъ Александръ Петровичъ, всплеснувъ руками.

— Тятинь...ка! ма...минь...ка! начала Анюта едва слышно, собравшись съ послѣдними силами и приподнявшись на подушкахъ: — неужели вы вѣри...те этому человѣку... который прибилъ меня до полу...смерти за то, за... то, что постоялецъ вошелъ... когда я бы... ла въ гостиной... а потомъ, какъ я лежала почти безъ памя... ти онъ огра... билъ меня, на... шелъ въ комо... дѣ век... сель и сжегъ е... го. Я все это видѣла, и не могла сказать слова.

Покуда говорила Анюта, голосъ ея постепенно возвышался, глаза горѣли, на щекахъ выступили красныя пятна, грудь высоко поднималась, и—наконецъ сильное волненіе захватило ея дыханіе: больная покатилась на подушки...

XVI.

Пелагея Андреевна схватила со стола го[illegible] капли и бросилась къ дочери; Матвѣй Матвѣичъ тоже взялъ какую-то склянку.

— Прочь, варваръ, разбойникъ! Ты и такъ уморилъ наше дѣтище! вскричала Лапина, оттолкнувъ зятя отъ постели. Послѣдній отступилъ.

Между тѣмъ Александръ Петровичъ сидѣлъ какъ громомъ пораженный; ему не хотѣлось вѣрить словамъ Анюты но вѣрилось имъ противъ воли. Наконецъ Лапинъ тяжело вздохнулъ, какъ будто освободясь отъ тяжелой ноши и, вставъ, подошелъ къ зятю.

— И такъ, Матвѣй Матвѣичъ, вы слышали, что говорила Аннушка?.. Правда ли это?..

— Кто-съ, Анна-то Александровна-съ, а и Богъ ихъ знаетъ, что они говорятъ; я думаю и сами не понимаютъ... въ горячкѣ-съ... отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ, смотря пристально на скляночку, которую держалъ въ рукахъ.

— Что жъ, вы должны же наконецъ понять, я съ вами не

и утки шучу, а спрашиваю васъ о томъ, что меня крайне тревожитъ... Отвѣчайте же мнѣ прямо.

— Да что мнѣ вамъ отвѣчать-то-съ, право не знаю... супруга моя меня обвиняетъ, будто я сожегъ какой-то вексель... что ей вѣроятно приснилось... Матвѣй Матвѣичъ усмѣхнулся тою усмѣшкой, отъ которой Анюту подирало по кожѣ. — Если тятинька-съ говорить по справедливости-съ, то я нисколько бы ни былъ виноватъ-съ, если бы то и сдѣлалъ-съ... Между мужемъ и женою что за векселя, что за пустяки? довѣренность съ обѣихъ сторонъ должна быть-съ безусловная-съ: жена моя, значитъ, все мое-съ...

— Стало быть, вы это и сдѣлали? спросилъ тесть, почти грозно

Александру Петровичу не въ чемъ было болѣе сомнѣваться.

— Послушай, Матвѣй Матвѣичъ, сказалъ онъ задыхающимся голосомъ:—если вексель въ самомъ дѣлѣ сожженъ, я подамъ на васъ прошеніе.

— При комъ же я давалъ вамъ вексель? гдѣ онъ записанъ-съ? спросилъ зять совершенно спокойно.

— Правда, ни гдѣ не записанъ: еще оплошка съ моей стороны... Лапинъ ударилъ себя по головѣ. Но все равно, я буду просить суда совѣсти; пріятно ли вамъ будетъ идти къ присягѣ подъ колокольнымъ звономъ?

— Кто жъ это меня поведетъ, жена-съ? хе, хе, хе!.. Вотъ было бы диковинное дѣло-съ!.. И опять раздался тотъ же смѣхъ.

Нѣсколько минутъ стоялъ Лапинъ передъ зятемъ, весь блѣдный; ему хотѣлось дать пощечину Матвѣю Матвѣичу, или хоть плюнуть въ глаза; но онъ только произнесъ протяжно:

— П...под...лецъ! м...мер... завецъ! — и отвернулся отъ него.

— Вы въ моемъ домѣ-съ, сказалъ Жилинъ, сверкнувъ глазами.

— Я сейчасъ оставлю твой домъ, отвѣтилъ тесть; отыскалъ свой картузъ и вышелъ изъ комнаты. Спустившись ощупью съ лѣстницы, Александръ Петровичъ очутился на улицѣ; онъ шелъ на почтовый дворъ за лошадьми.

Былъ уже вечеръ, звѣзды показались на темномъ августовскомъ небѣ и ярко сверкали; вѣтеръ вѣялъ прохладный, по мостовой шагомъ ѣхалъ извозчикъ и пѣлъ заунывную пѣсню.

Александръ Петровичъ, прошедши улицу до конца, почувствовалъ, что волненіе его утихало постоянно; прохлада вечера охолодила разгоряченную голову, пѣсня навѣвала грусть на сердце.

Лапину вдругъ сдѣлалось жаль оставить такъ внезапно дочь, которая почти умирала. Онъ тяжело вздохнулъ, отеръ глаза, постоялъ въ раздумьѣ на перекресткѣ и тихимъ шагомъ вернулся назадъ.

Когда онъ вошелъ снова въ комнату дочери, Матвѣя Матвѣича уже не было тутъ; Анюта лежала въ забытьи; самоваръ, принесенный Ананьевною, кипѣлъ на столѣ. Пелагея Андреевна, съ заплаканными глазами, хлопотала около чая.

Къ ужину гостей позвали въ столовую; но ни мужъ, ни жена туда не пошли ни вечеромъ, ни на слѣдующее утро. Жилинъ не заглядывалъ въ комнату Анюты. Утромъ пріѣхалъ докторъ, тихій учтивый старичокъ, осмотрѣлъ больную, замѣтилъ, что вѣрно съ нею было сильное волненіе, попросилъ Пелагею Андреевну, чтобъ она наблюдала за спокойствіемъ больной; прописалъ какія-то успокоительныя капли и уѣхалъ.

Часовъ въ двѣнадцать вошла Марья Михайловна. Сватьи холодно и сухо поздоровались между собой; Лапиной чрезвычайно хотѣлось побраниться съ хозяйкой, но помня наказъ доктора — не безпокоить Анюту, она удержалась.

Къ вечеру Анюта чувствовала себя несравненно лучше и опять обстоятельно разсказала родителямъ обо всемъ, что она вытерпѣла отъ мужа, а также и о сожженомъ векселѣ.

Александръ Петровичъ волновался, выходилъ изъ себя, называлъ зятя подлецомъ, но жаловаться *кому слѣдуетъ* не пошелъ. Пелагея Андреевна то же заливалась слезами, стучала кулакомъ по чему попало; но *до начальства не дошла*, — и дѣло кончилось тѣмъ, что — переночевавъ еще ночь — Лапинъ уѣхалъ въ Кукушкинъ, обѣщаясь пріѣхать за женою недѣли черезъ двѣ, если Анютѣ хуже не будетъ.

Пелагея Андреевна во все время своего пребыванія у Жилиныхъ не ходила за общій столъ ни чай пить, ни обѣдать, пробавляясь въ комнатѣ дочери чаемъ и булками. Матвѣй Матвѣичъ, не желая часто встрѣчаться съ тещею, рѣдко заглядывалъ къ женѣ, проводя время по большой части въ лавкѣ; а если бывалъ дома, то у матери. Спалъ онъ въ гостиной.

Анюта между тѣмъ видимо поправлялась: вставала съ постели и ходила по комнатѣ. Въ это время успѣла ее навѣстить Текуса Егоровна, каждый разъ не жалѣя словъ, чтобъ побранить Жилиныхъ и — кстати — своего мужа-безобразника.

— Ну, моя душечка, Анна Александровна, знаю я теперь

вашего постояльца, изъ-за-котораго твой мужъ-разбойникъ всю тревогу поднялъ,—сказала однажды Бодаева Анютѣ.

— Знаете; но гдѣ жь вы видѣли его? спросила почти шопотомъ послѣдняя, стараясь преодолѣть овладѣвшее ею волненіе.

— Онъ у Жуколина внизу квартируетъ, что возлѣ насъ небѣленый каменный домъ, если замѣтили, — продолжали Текуса Егоровна.—Ну ужь и офицеръ? точно барышня, идетъ и на окна не смотритъ, а такой миловидный!..

Анюта чувствовала, что щеки ея горятъ и поспѣшила отвернуться.

И въ этотъ вечеръ она все думала о Кремницкомъ.

— Какъ онъ близко, а я и не знала... Впрочемъ и близко, но я можетъ не увижу его, можетъ быть и къ лучшему, что онъ сошелъ отъ насъ... что бы вышло, если бы онъ еще пожилъ у насъ, что бы вышло изъ нашихъ свиданій? что бы вышло?—И снова подпоручикъ стоялъ предъ нею тихій, добродушный, ласковый, съ увлекающимъ взглядомъ, съ задушевною рѣчью,—и Анюта вздрогнула. Она инстинктивно чувствовала, что трудно было устоять ей противъ этой любви.—Все къ лучшему, прошептала она, наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ; или болѣзнь, или присутствіе матери, ея безусловная вѣра въ твердость Анюты начинали отрезвлять страстно влюбленную женщину; сама того незамѣчая, не смотря на грызущую ея тоску, Анюта волновалась меньше. И если бы хоть крошечку она уважала своего мужа, то принудила бы себя забыть и о Кремницкомъ. Но Матвѣй Матвѣичъ такъ далеко оттолкнулъ отъ себя это богатое чувствами сердце, что «лучше смерть, чѣмъ медленное и глухое томленіе».

Пріѣхалъ Александръ Петровичъ и очень обрадовался, что Анюта почти совсѣмъ была здорова.

Подленькій Матвѣй Матвѣичъ встрѣтилъ тестя, какъ будто ни въ чемъ не бывало, и тогда же замѣтилъ женѣ, что она почти здорова, а докторъ продолжаетъ визиты, за которые онъ не намѣренъ платить.

— Успокойтесь, Матвѣй Матвѣичъ, на этотъ счетъ: я доктору заплачу, сказалъ тесть, презрительно усмѣхнувшись.

— Помилуйте-съ, но и вамъ зачѣмъ же деньги на вѣтеръ бросать-съ, молвилъ потупясь Жилинъ.

— Именно на вѣтеръ! подхватила Анюта горячо:—и за чѣмъ вы звали доктора? ужь коли не удалось вамъ меня пришибить сразу, такъ и оставили бы издыхать какъ недобитую собаку... Вы думаете жизнь мнѣ больно мила? Она закрыла лице руками.

«Я никакъ не предполагалъ, что живя съ вами подъ одной кровлей, такъ рѣдко буду васъ видѣть. Я не говорю вамъ о своихъ чувствахъ: вы знаете, что я люблю васъ... Я не ошибаюсь, что и вы отвѣчаете мнѣ тѣмъ же чувствомъ. Но любить другъ друга и не видѣться, не обмѣняться парой словъ,— это одно изъ самыхъ глупыхъ положеній. Мы оба теряемъ лучшія минуты нашей жизни, раболѣпствуя передъ какими нибудь.

— Грѣхъ тебѣ, Аннушка, такія рѣчи говорить; не тѣ твои годы, чтобъ смерти желать... проговорила мать, утирая глаза.

— Вотъ видите, какъ капризничаютъ Анна Александровна-съ... а право-съ я на нихъ вовсе не сердитъ-съ, обратился Жилинъ къ тестю

Лапинъ кусалъ губы.

— Именно, не все сердиться, пора и помириться, продолжала Пелагея Андреевна, думая, что ласкою можно болѣе выиграть чѣмъ ссорою: дѣлать нечего—прошлаго не воротишь...

— Право-съ, они болѣе виноваты; только вы, какъ родители, вникнуть въ эфто дѣло не хотите-съ. Я Анну Александровну-съ завсегда любилъ-съ.

И Анюта, и отецъ ея, при этихъ словахъ Жилина, пожали плечами. Они вспомнили о срокѣ векселя,—и какъ подлъ казался имъ этотъ человѣкъ!

— Вотъ видите, подхватила Лапина:—пословица-то, что «вмѣстѣ тѣсно, а порознь тошно», вѣрно справедлива.

— Должно быть-съ, промолвилъ зять.

Пелагея Андреевна, самымъ заискивающимъ тономъ, принялась упрашивать Матвѣя Матвѣича, чтобъ онъ отпустилъ Анюту къ нимъ погостить.

— Вы, кажется, маминька сами когда-то говорили-съ, что молодымъ людямъ врозь быть не слѣдуетъ-съ, возразилъ Жилинъ съ усмѣшкой.

— Я отъ своихъ словъ не отрекаюсь, разлучницей быть не хочу... Но желательно-бы было видѣть у себя свое дѣтище, проговорила въ замѣшательствѣ Пелагея Андреевна.—Но если вы боитесь соскучиться безъ Аннушки...

— То вы, маминька, меня здѣсь и оставите? перебила вдругъ Анюта, поблѣднѣвъ и задрожавъ всѣмъ тѣломъ:—нѣтъ не остав-

ляйте меня, не оставляйте, ради Бога, не оставляйте!.. Она подошла къ матери и повисла у ней на шеѣ.

— Вонъ какъ! вонъ какъ-съ! повторялъ Матвѣй Матвѣичъ, стиснувъ зубы и впившись злобнымъ взглядомъ въ жену. Онъ готовъ былъ растерзать ее на мѣстѣ.

— Матвѣй Матвѣичъ, отпустите ее бѣдную, хоть не надолго; видите, какъ она плачетъ? обратилась къ нему теща умоляющимъ голосомъ.

— Это все только капризы Анны Александровны-съ; право, маминька-съ, отпустить ихъ теперь не время-съ, отвѣчалъ Жилинъ.

— Что жъ, и ты свой капризъ показываешь: тебѣ хочется уморить жену; ишь она, слава Богу, выздоровѣла, сказалъ горячо Александръ Петровичъ.

— Помилуйте-съ, развѣ я для того женился, чтобъ жена моя по гостямъ разъѣзжала?... возразилъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Такъ я жъ ее увезу и безъ твоего позволенія, вскричалъ Лапинъ.

— Извольте: я подамъ объявленіе о ея побѣгѣ-съ.

— Нѣтъ, я прежде съѣзжу къ губернатору, и все представлю ему.

— А развѣ я языка не имѣю отвѣтить-съ? я тоже представлю-съ, что жену мою нельзя спустить съ глазъ; а всякій мужъ долженъ наблюдать-съ за добропорядочнымъ поведеніемъ своей жены-съ.

Лапины, какъ будто по уговору, всплеснули руками, а Матвѣй Матвѣичъ вышелъ изъ комнаты.

Анюта оставила мать и бросилась передъ отцемъ на колѣни.

— Тятенька, тятенька! говорила она отчаяннымъ голосомъ: не оставляйте, не оставляйте меня здѣсь, если не хотите чтобъ я наложила на себя руки... Жизнь мнѣ опротивѣла съ этимъ человѣкомъ.

— Охъ, какія ты грѣшныя рѣчи говоришь, мой другъ! Вѣдь все же онъ мужъ твой; ну какъ мы тебя противъ его воли увеземъ? сказала плачущая Пелагея Андреевна.

— И если онъ подастъ объявленіе, то вѣдь это позоръ на весь Кукушкинъ, прибавилъ отецъ.

— И что тогда люди-то подумаютъ? а ты то посуди: у меня еще три невѣсты на рукахъ, продолжала мать.

— Боже мой! но вѣдь вы знаете теперь все!.. Знаете, что за человѣкъ онъ, воскликнула Анюта, ломая руки.

— Знаемъ, что онъ подлецъ! знаемъ, что онъ мерзавецъ! но, милая моя, все-же онъ твой мужъ!.. говорилъ Лапинъ, поднимая съ полу рыдающую дочь и самъ плакалъ.—Положимъ, что онъ не погонится за тобою, когда мы увеземъ тебя; но если опять-то онъ тебя къ себѣ не возметъ, если ты навсегда у насъ останешься...

— Я только этого и желаю, сказала Анюта.

Пелагея Андреевна стерла слезу и покачала головою.

— Нѣтъ, мой другъ, начала она:—мы этого вовсе не желаемъ. Легко сказать: на вѣкъ законъ разлучить! Ты еще человѣкъ молодой; ну, если безъ мужа свихнешься?.. что тогда люди скажутъ,—меня же потатчицей назовутъ; да и ты сама, когда одумаешься, можетъ быть будешь жаловаться, что мы тебя съ мужемъ разлучили... Погостить—дѣло другое, погостить тебя съ большой бы радостью взяли; но совсѣмъ—нѣтъ... ты этого и въ головѣ не держи, Аннушка!.. Не хочу того грѣха на душу брать.

— Но развѣ я одна несчатная на свѣтѣ? развѣ Катенька Иванова не разошлась съ мужемъ? возразила дочь.

— Катенька Ивановна—не купчиха; у дворянъ и сплошь да къ ряду расходятся, но у насъ, это считается дѣломъ зазорнымъ, пояснила Пелагея Андреевна.

— А Мѣшкова, развѣ не изъ нашего сословія? но вѣдь родители взяли же ея отъ мужа.

— То совсѣмъ другое дѣло, большая разница... Мѣшкову уже мужъ и кормить былъ не въ состояніи, онъ и самъ гдѣ-то шатается, всѣ это знали... Но ты, совсѣмъ не то, твой мужъ, слава Богу, еще прокормитъ тебя... да всякій ли его и обвинитъ?.. обвинятъ, пожалуй, скорѣй тебя, да насъ... Что дѣлать, Аннушка,—видно «судьба твоя такая, отъ судьбы ни куда неуйдешь»... Потерпи, авось стерпится—слюбится... Александръ Петровичъ началъ сморкаться.

— Тятинька и вы, какъ и маминька! произнесла съ легкимъ упрекомъ Анюта, и опустила голову на грудь; ей казалось, что все темнѣетъ вокругъ ее.

— Что жъ дѣлать, другъ мой, милая моя! заговорилъ кротко отецъ: — попрошу еще варвара, авось хоть на недѣльку тебя отпуститъ.

Дочь взглянула на него безнадежнымъ взглядомъ, тяжело вздо

хнула, отерла глаза, встала, выпила стаканъ воды и сѣла опять къ раскрытому окну, устремивъ глаза въ неопредѣленную даль.

На другой день Лапины стали собиратся домой, и—какъ не упрашивали они Матвѣя Матвѣича отпустить къ нимъ Анюту—Жилинъ стоялъ на одномъ: что не для того-де я женился, чтобъ жена моя по гостямъ разъѣзжала.

Отецъ и мать плакали, прощаясь съ Анютою; заплакала и она.

— Ну, вы не хотѣли меня взять отсюда, тятинька: я вамъ говорю, что жизнь моя теперешняя противна мнѣ. Не пеняйте на меня, если я что-нибудь сдѣлаю... проговорила Анюта, цѣлуя въ послѣднiй разъ руки у отца и матери, когда они уже выходили изъ комнаты.

— Господь съ тобою, Аннушка, грѣшно тебѣ такiя рѣчи говорить, а намъ слушать,—молвила мать, утирая слезы.

Александръ Петровичъ ничего не сказалъ, перекрестилъ дочь и поспѣшно вышелъ.

Матвѣй Матвѣичъ стоялъ на крыльцѣ и кланялся тестю и тещѣ, когда они сѣли въ тарантасъ, желалъ имъ счастливаго пути и звалъ къ себѣ напредки.

— Теперь моя Анна Александровна-съ благополучно путешествуетъ-съ: сидитъ между тятинькой и маминькой, а колокочикъ динь, динь, динь! проговорилъ съ ѣдкимъ смѣхомъ Жилинъ, проводивъ гостей и входя въ спальню.—Что, Анна Александровна-съ, не трясетъ-ли васъ?

Анюта сидѣла облокотясь на окно, смотрѣла какъ солнце западало за крыши домовъ и не отвѣчала ни слова.

— Попрыгали таки, сударыня-съ, а ничего не взяли, продолжалъ мужъ, садясь противъ Анюты и не спуская съ нея своихъ рысьихъ глазъ:—ни обмороки, ни слезки не помогли—вотъ что значитъ мужнина воля-съ! А право, напрасно вашъ тятинька къ губернатору не пошелъ.

— Когда-нибудь буду свободна и безъ губернатора, проговорила отрывисто Анюта, не взглянувъ на мужа.

— То есть, отъ супружескаго ига будете свободны, такъ-съ? но кто жъ это васъ освободитъ, позвольте узнать-съ?

— Смерть.

— Ого, вонъ какъ-съ! ужь не утопиться-ли, не удавиться-ли собираетесь?

— Можетъ быть.

— Въ такомъ случаѣ надобно объявить-съ, чтобъ съ вами бѣды не нажить-съ. Но вѣдь такими намѣреніями только можно родителей вашихъ испугать-съ: они и слезки распустятъ, а ужь я никакъ не заплачу-съ. И много, много подобнаго, говорилъ Матвѣй Матвѣичъ своей женѣ, и не по одинъ разъ, не по одинъ день. И всего пуще бѣсило Жилина молчаливое равнодушіе Анюты; она, казалось, совсѣмъ его не слушала: сидѣла неподвижно понѣскольку часовъ и смотрѣла неопредѣленно на какую-то далекую невидимую точку.

Иногда по цѣлымъ днямъ Анюта не пила, не ѣла; по цѣлымъ недѣлямъ не чесала головы, ничего не дѣлала и все думала, думала... Но о чемъ думала?

Всего чаще ей приходилъ на мысль послѣдній пріѣздъ отца и матери и послѣднее прощанье съ ними. Анюта ихъ видѣла плачущими, но жестоко отталкивающими отъ себя ее — свою дочь, предающими ее на волю жестокой судьбы, на волю ненавистнаго мужа... При воспоминаніи объ этихъ минутахъ, несчастная женщина чувствовала, что что-то оборвалось между сю и ея родителями... Она осматривалась вокругъ себя и не видѣла ни впереди, ни позади себя ни какой точки опоры. Молиться, просить помощи у неба,—но какая-же молитва укротитъ такого хищнаго звѣря, какъ ея мужъ, и о чемъ молиться?!..

Анютою овладѣла мрачная тяжелая тоска: ей хотѣлось разбить себѣ голову, задохнуться, захлебнуться,—словомъ уничтожить себя въ прахъ.

Еще болѣе раздражалась Анюта, еще болѣе приходила въ отчаяніе, когда мужъ насильственно требовалъ отъ нея супружескихъ ласкъ, и не получая ихъ, корилъ ее Кремницкимъ; тогда ей хотѣлось на самомъ дѣлѣ отмстить мужу—убѣжать къ подпоручику, высказать ему свою любовь, раздѣлить съ нимъ горечь жизни, забыться хоть на минуту...

Но минута проходила и у несчастной женщины, не доставало рѣшимости: она опять впадала въ неподвижность, въ тяжелую безвыходную тоску.

Словомъ—состояніе Анюты было близко къ сумашествію, и свекровь не разъ замѣчала это Матвѣю Матвѣичу.

— Успокойтесь, маминька-съ, отвѣчалъ послѣдній:—да съ чего ей съ ума-то сойти-съ? это только притворство одно-съ; все

равно, что и горячка: вы перепугались, да за докторомъ послали; а для чего-съ?—небось, не умерла.

— Я боюсь, Матюша, не сдѣлала бы она чего надъ собою... тогда смотри не отвертишься, — продолжала тревожно старуха.

— А отъ какой ей напасти сдѣлать-то что нибудь-съ?

— Да такъ, ни отъ какой, а просто намъ угрозить захочетъ.

— А вотъ-съ, посмотримъ, молвилъ многозначительно Жилинъ.

Сентябрь подходитъ къ концу, погода стояла дождливая, настали темные вечера.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, подъ вечеръ, Анюта сидѣла подъ окномъ и задумчиво смотрѣла, какъ моросилъ частый, мелкій дождь, словно кто его сквозь сито сѣялъ.

Мужъ сидѣлъ возлѣ другаго окна и взглядывалъ по временамъ на улицу, усердно язвилъ жену, ѣдко подтрунивая надъ ея родителями, которые, по его словамъ, какъ ни горячились, а все-таки оставили *милую* дочку во власти *постылаго* зятя. При чемъ и имя постояльца-офицера тоже попало на языкъ Матвѣя Матвѣича. Но Анюта до того уже къ этому прислушалась, что, казалось, не обращала ни малѣйшаго вниманія на слова мужа.

Въ это время, по улицѣ шелъ молоденькій полковой офицеръ; онъ машинально взглянулъ на окна дома Жилина, дошелъ до ближняго перекрестка и вернулся назадъ. Жилинъ пристально, съ ногъ до головы, осмотрѣлъ проходившаго, проводилъ его своими рысьими глазками и опять встрѣтилъ.

— Анна Александровна-съ, мимо васъ вѣроятно прогуливаются ваши знакомцы-съ, проговорилъ, стиснувъ зубы и сверкая глазками, Матвѣй Матвѣичъ.

Анюта совсѣмъ незамѣтившая проходившаго, повернула къ мужу голову и спросила спокойно:

— Кто?

— Ваши любовники-съ, пояснилъ супругъ, показывая пальцемъ въ окно.

Анюта взглянула на улицу, увидѣла офицера и при мысли: не Кремницкій ли? невольно покраснѣла.

— А! обрадовалась!.. произнесъ коротко и глухо Жилинъ; извольте идти прочь отъ окна-съ.

Анюта не трогалась.

— Слышите, что я сказалъ, прочь отъ окна! повторилъ мужъ усиленнымъ голосомъ и вскочилъ съ мѣста — въ его глазахъ уже кипѣло бѣшенство.

— Чего жъ вы отъ меня хотите? молвила Анюта, вздрогнувъ, и видя, что мужъ подходитъ къ ней, быстро встала.

— Чего я хочу? а вотъ чего хочу я: хочу, чтобъ вы не сидѣли у окна, не пялили глаза на офицеровъ, не позорили моего-съ дома; но какъ вы мужниныхъ словъ не слушаете-съ, то васъ надобно вразумлять иначе-съ!—И вдругъ раздалась тяжелая пощечина; другая же рука Матвѣя Матвѣича потянулась къ другой щекѣ Анюты...

Но послѣдняя, вскрикнувъ, оттолкнула отъ себя мужа и быстрѣе молніи изчезла изъ комнаты. Жилинъ не бросился за нею, а скрыпнулъ зубами, принялся сновать по комнатѣ, придумывая: какъ бы наказать Анюту за ея дерзкую выходку.

Между тѣмъ Анюта, сбѣжавъ быстро по черной лѣстницѣ, стояла въ темномъ углу нижняго коридора, дрожа отъ испуга и негодованія, и перебирала въ мысляхъ: что ей теперь дѣлать? вернуться въ комнату ей никакъ не хотѣлось.

— Куда жъ я пойду, куда? думала она, подавляемая тяжелою тоскою, не видя никакого выхода изъ своего положенія,—и сегодня, и завтра, и послѣзавтра тоже будетъ: развѣ въ рѣку броситься? что жъ, грѣхъ не на мнѣ будетъ... довели, Богъ имъ судья!.. и сердце ея захолонуло, ее охватилъ какой-то странный ужасъ. — О нѣтъ, нѣтъ прошептала она: зачѣмъ же топиться? лучше идти къ *нему*,—все равно, терплю же напрасно и ругательства, и побои—все равно!.. Правду говоритъ Текуса Егоровна, хоть ангеломъ будь — для *нихъ* все равно; къ нему лучше... Странная улыбка показалась на ея губахъ.

Дверь въ коридоръ съ крыльца тихонько отворилась. Входила Ананьевна.

— Няня! кликнула Анюта чуть слышно.

— Ай, кто тутъ? вскричала въ испугѣ старуха.

— Я, няня, не кричи... поди пожалуйста принеси мнѣ изъ передней салопъ, да чтобъ никто не видалъ.

— Ахъ, моя сударыня, да что вы это тутъ дѣлаете? говорила старуха, ощупью приближаясь къ Анютѣ: — салопъ! да куда вы въ такое время и въ такой дождикъ, Господь съ вами!..

— Да не кричи ради Бога, няня; ну что жъ мнѣ дѣлать, меня опять сейчасъ прибили; я хоть къ Текусѣ Егоровнѣ пока уйду, проговорила Анюта взволнованнымъ голосомъ.—Да иди же за салопомъ-то скорѣй.

— Господи помилуй! этакая жизнь—подумаешь!.. шептала старуха, покачивая головою, и стала взбираться по лѣстницѣ.

И вскорѣ Анюта въ старомъ салопѣ, накрытая шалевымъ платкомъ, перебиралась уже черезъ грязную городскую площадь; осеннія сумерки совершенно спустились, въ домахъ засвѣтились огни и отразились въ большихъ лужахъ, на улицахъ замигали фонари, отстоявшія другъ отъ другае—двали не на полверсты. По временамъ, наша бѣглянка останавливалась въ нерѣшимости,—какъ будто хотѣла вернуться назадъ; но вдругъ странная улыбка появилась на ея губахъ и она, рванувшись быстро впередъ, продолжала путь. Войдя въ одну длинную широкую и неосвѣщенную улицу, Анюта почувствовала сильное волненіе: дыханіе ея занималось, сердце билось удвоеннымъ боемъ. Она остановилась.

— Текуса Егоровна дома, хочетъ пить чай,—вонъ и самоваръ, прошептала Анюта, смотря на освѣщенное окно дома, стоявшаго на противоположной сторонѣ улицы:— не завернуть ли къ ней? а какъ бы она обрадовалась!...

Но постоявъ минуты три въ раздумьи, Анюта рѣшительно махнула рукой и перебѣжала черезъ улицу; очутившись возлѣ небѣленаго каменнаго дома, она пристально смотрѣла на окна нижняго этажа, плотно закрытыя ставнями; робно подошла къ воротамъ, хотѣла взяться за кольцо и остановилась, прислонившись къ вереѣ,- ноги ея подгибались.

На дворѣ послышались шаги, калитка отворилась, вышелъ старикъ съ сѣдою длинною бородою, похожій на дворника.

— Это домъ Жуколина? спросила Анюта дрожащимъ голосомъ, стараясь оправиться.

— Этотъ.

— Гдѣ бъ мнѣ, дѣдушка, пройти тутъ къ офицеру?

— Къ какому офицеру?—спросилъ въ свою очередь дѣдушка.

— А что тутъ квартируетъ.

— А нешто тебѣ нужно?... Старикъ засмѣялся.

— Нужно.... Я ему рубашки шила.

— Шила!... хе, хе! нѣтъ, голубушка, опоздала: офицеръ съ недѣлю какъ домой уѣхалъ, отвѣчалъ старикъ.

— Куда жъ домой? на другую квартиру что-ли? спросила бѣдняжка, у которой почему-то захолонуло сердце.

— А ты понимай, что тебѣ говорятъ... говорятъ—домой, такъ значитъ домой, забылъ въ какую *губерню*... Слышь, у него мать померла... И повторяя: «опоздала, голубка», старикъ пошелъ черезъ улицу, шлепая по грязи.

Анюта чувствовала, что силы ея совершенно покинули, въ глазахъ замелькали какія-то черныя круги; чтобъ не упасть, она снова инстинктивно прижалась къ вереѣ, и тихій глухой вопль вырвался изъ ея груди...

Въ эту минуту на противоположномъ тротуарѣ зажгли фонарь, свѣтъ упалъ прямо и ярко освѣтилъ фигуру Анюты. Бѣжавшая мимо толстая баба и широко размахивавшая руками наткнулась на Анюту.

— Ишь, бѣдненькая! Богъ тебя знаетъ: хмѣльная ты, аль хворая, что ты тутъ копошишься? убиралась бы поскорѣй домой, а то будочникъ увидитъ, подхватитъ да въ часть сведетъ, проговорила толстуха, остановясь противъ Анюты.

Какъ ни оскорбительны были эти простыя неумышленныя слова, но послѣдняя не обратила на нихъ вниманія, или ихъ не слыхала и стояла неподвижно.

— Ахъ, мои батюшки свѣты! вскричала снова разсматривавшая ее баба:—да вѣдь это Жилина молодая!.. Анна Александровна, вы это-съ? какъ вы сюда попали?.. Пожалуйте къ намъ: хозяйка будетъ очень рада... Аль меня не узнали-съ? я Ѳекла—кухарка Текусы Егоровны-съ. И говоря это, Фекла взяла Анюту подъ руку и повела къ себѣ.

Бодаева очень обрадовалась гостьѣ, хотя и удивилась ея странному появленію, но не высказала своего удивленія Анютѣ, узнавъ отъ кухарки, гдѣ послѣдняя ее встрѣтила. Текуса Егоровна только губку закусила и не обременяя Анюту вопросами, благоразумно предложила ей перемѣнить измокшую обувь и усадила гостью съ собою за самоваръ. Замѣтивъ смертельную блѣдность несчастной молодой женщины, ея неподвижный мутный взглядъ, услужливая хозяйка намочила ей голову одеколономъ и заставила выпить рюмку мадеры.

Послѣ выпитой рюмки, Анюта почувствовала, что она какъ-будто оживаетъ, почувствовала, что по всему ея тѣлу разлилась какая-то теплота, что отъ сердца словно камень отвалился; ее вдругъ охватила, вмѣсто тяжелой тоски, мягкая нѣжная грусть. Анютѣ захотѣлось плакать, и она начала жаловаться на свою горькую жизнь.

— Ахъ, Анна Александровна!.. воскликнула Бодаева:—что и говорить о нашихъ мужьяхъ. Вонъ мой безобразникъ, на прошлой недѣлѣ, двѣ ночи къ ряду и дома не ночевалъ; да ужь всѣ они хороши, и дружки-то! я вѣрила одному человѣку, и сколько стыда приняла, а вышло все дѣло плюнуть: промѣнялъ мою любовь на дрянь какую-то, на солдатскую дочку... Вотъ теперь и полковые—хороши они какъ посмотрѣть: глаза такъ и горятъ, усики заглядѣнье; сами-то въ душу тебѣ вьются, а полюби-ка—завтра же измѣнятъ, да и надъ нашей сестрой насмѣются...

При этихъ словахъ Анюта закрыла лице руками, по щекамъ катились крупные слезы.

— Полно же, душа моя Анна Александровна, полно Анюточка! позволь себя такъ назвать, ангельчикъ мой! право, люблю какъ сестру родную,—продолжала Текуса Егоровна слезливымъ голосомъ:—успокойся, знаю я и все горе-то твое; лишь только Ѳекла заикнулась, я все и поняла... Что жъ дѣлать? уѣхалъ, говорятъ—мать у него умерла... видишь, вѣдь я все знаю... Эхъ, Анюточка: не все намъ горе выплакать, не все горевать... выпей-ка, выпей еще мадерцы рюмочку—легче будетъ, ей, ей, легче будетъ! Я это испытала... иной разъ такія бываютъ часы: хоть живая въ землю зарывайся, а выпьешь винца—ну и разсудишь... И говоря это, Текуса Егоровна налила двѣ рюмки, принудила Анюту выпить вторично и сама выпила.

Послѣ второй рюмки крѣпкаго вина въ глазахъ Анюты заиграли радужные круги, и она откровенно разсказала о сегоднешней ссорѣ съ мужемъ, о своемъ неудовольствіи на родителей, что они ее не взяли къ себѣ, о своихъ отношеніяхъ къ Кремницкому; словомъ — открыла Текусѣ Егоровнѣ всю свою душу.

— Однако, вы не подумайте чего-нибудь *такого* о моемъ знакомствѣ съ Иваномъ Сергѣичемъ... я только скажу, что его я любила, люблю и никогда не забуду, заключила Анюта со слезами на глазахъ.

— Ахъ, Анеточка, ты настоящій ребенокъ! воскликнула хо-

зяйка, покачивая головой и улыбаясь: — развѣ я твоей исповѣди требую, что-ль?..

Пріѣхалъ домой Семенъ Васильичъ, и противъ обыкновенія трезвый; жена передала ему о ссорѣ Анюты съ мужемъ и теперешнемъ затрудненіи молодой женщины, которой надобно же было какъ-нибудь вернуться домой. Бодаевъ выбранилъ Жилина, что обижаетъ такую милую женку, — и самъ отвезъ Анюту домой.

Разумѣется, Матвѣй Матвѣичъ, побѣсился, поскрипѣлъ зубами, постращалъ Анюту за ея побѣгъ къ Бодаевымъ; но на этотъ вечеръ до драки не дошло.

Крѣпко тосковала Анюта о Кремницкомъ, много о немъ плакала; мужъ долго корилъ ее подпоручикомъ, и тѣмъ еще пуще растравлялъ ея сердечную рану.

Но Анюта, припомнивъ какъ первая рюмка въ домѣ Бодаевыхъ облегчила ея сердечную боль, а такъ же и совѣтъ Текусы Егоровны, «что выпьешь, такъ легче будетъ», принялась лечиться отъ грусти, то мадерою, то хересомъ, а въ послѣдствіи и ромомъ. Услужливая Ананьевна усердно бѣгала въ ближайшій погребокъ за этими лекарствами. Полетѣли въ продажу ненужныя туалетныя принадлежности, о которыхъ не зналъ Матвѣй Матвѣичъ.

Въ октябрѣ изъ Привольска полкъ куда-то выступилъ; ревнивый Матвѣй Матвѣичъ, изъ предосторожности, чтобы жена не уѣхала съ офицеромъ, заперъ ее въ спальнѣ на ключь на цѣлыя сутки, — что очень оскорбило Анюту. Въ этотъ день она долго плакала о Кремницкомъ, прислушиваясь къ звукамъ полковой музыки, долетавшимъ съ площади; потомъ Анюта *залила* горе...

На другой день по городу разнеслись слухи, что Текуса Егоровна ѣздила за тридцать верстъ провожать полковаго музыканта, что подарила ему алмазное кольцо на прощанье, и проч...

Чрезъ полгода Анюта отъ кого-то услышала, что Кремницкій совсѣмъ вышелъ въ отставку и поселился на своемъ хуторѣ навсегда.

Текуса Егоровна и Анюта и теперь здравствуютъ въ Привольскѣ и очень дружны между собою, не смотря на всѣ усилія Матвѣя Матвѣича разорвать эту дружбу. Первая, говорятъ, въ настоящее время находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ своимъ приказчикомъ.

Послѣдняя же, изъ интересной Анюты—какою мы ее до сихъ поръ видѣли—преобразилась въ толстую купчиху и все еще болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ толстѣетъ, не смотря на то, что Матвѣй Матвѣичъ каждый день ее бьетъ, заставая не въ *нормальномъ* состояніи. Говорятъ, къ Аннѣ Александровнѣ недавно изъ ближняго погребка приказчикъ подалъ предлинный счетъ; она стала упрашивать, чтобъ подождалъ. Но приказчикъ, отказавшись ждать, постращалъ, что счетъ передастъ мужу, и Анна Александровна заложила послѣднія алмазныя серьги и заплатила по счету.

Узнавъ, что Ананьевна часто бѣгаетъ въ погребокъ, Матвѣй Матвѣичъ прогналъ старую няньку; но и безъ Ананьевны къ Аннѣ Александровнѣ, какими-то невѣдомыми путями, продолжаютъ приходить бутылки, полуштофики...

Чтобъ пресѣчь совсѣмъ зло, Жилинъ рѣшился обобрать у жены всѣ деньги, какія только найдутся, и заглянулъ къ ней въ комодъ: заглянулъ и ужаснулся—въ комодѣ, кромѣ самыхъ необходимыхъ вещей, ничего не было. Догадавшись въ чемъ дѣло, Матвѣй Матвѣичъ осмотрѣлъ и всѣ женины сундуки: въ сундукахъ тоже оказалось, что и въ комодѣ. Жилинъ приступилъ къ женѣ съ допросами:

— Куда дѣвались ея вещи?

Анна Александровна упорно молчала, не смотря на истязанія; а опослѣ, чтобъ не чувствовать боли отъ побоевъ, выпила двойную порцію.

Пріѣхали Лапины навѣстить дочь. Зять сталъ имъ говорить о поведеніи своей жены, и въ подтвержденіе своихъ словъ пригласилъ тестя и тещу осмотрѣть сундуки.

Съ Пелагеей Андреевной чутъ ударъ не сдѣлался, у Александра Петровича едва не отнялся языкъ.

— Что, куда дѣвала свое добро, злодѣйка? говори, въ правду что ль пропила?!... кричала опомнившись и обращаясь къ дочери мать, — тому ли я тебя учила, а?.. Тому ли?.. Вѣдь ты послѣ этого мнѣ не дочь!.. Пелагея Андреевна зарыдала.

Самъ Лапинъ сидѣлъ, мрачно насупивъ брови, и молчалъ.

— Эхъ, маминька!.. сказала Анна Александровна съ горькою улыбкою и какъ-то отчаянно махнувъ рукою: — теперь вы на меня... а кто довелъ до того, развѣ не вы?.. Помните, какъ я валялась въ ногахъ у васъ и у тятиньки—просила, чтобъ взяли меня къ себѣ, потому что жизнь мнѣ противна была въ этомъ домѣ!..

— Ишь ты, безпутная, перебила Пелагея Андреевна: — ишь чего хотѣлось тебѣ?... хотѣлось, чтобъ мы тебя съ мужемъ развели!... словно мы тебя силою выдали?.. Вѣдь мы твоего согласія спрашивали; а коль Богъ послалъ такую судьбу, — такъ терпи...

— Когда вы меня оставили, оттолкнули, велѣли терпѣть—я и осталась, продолжала дочь:—только терпѣнія моего не достало... Жизнь моя была такъ хороша, такъ сладка, что я каждый день собиралась то — въ рѣчку броситься, то — петлю на шею надѣть... Ну, да время-то прошло, я осталась жива... и конечно не съ радости... Пусть тѣхъ судитъ Богъ, кто довелъ!..

— Откудова ты такой фанаберіи набралась, чтобъ свои вины, на чужую шею сваливать?... Нѣтъ, голубушка, ошиблась!.. Я не потатчица!.. Про меня и добрые люди этого не скажутъ!.. И долго, долго еще Пелагея Андреевна читала въ этомъ родѣ.

Дочь не возражала, вздохнула глубоко, сѣла въ уголокъ, и, задумалась. Можетъ, ей пришелъ на умъ Кремницкій — кто знаетъ? «Лучше смерть, чѣмъ медленное и глухое томленіе» — эти слова снова припомнились ей, но уже безъ всякаго значенія.

Между тѣмъ Лапины уѣхали. Пелагея Андреевна не утерпѣла и повѣдала тетушкѣ Ульянѣ Спиридоновнѣ свое горе.

Марья Михайловна также вздыхаетъ и крестится, также подличаетъ и лицемѣритъ, жалуясь на несчастное супружество своего Матюши и наконецъ убѣждаясь, что ея правоученія рѣшительно не исправляютъ невѣстки. Лизавета Матвѣевна по прежнему управляетъ хозяйствомъ въ домѣ брата, и по прежнему муштруетъ свою чахлую, забитую племянницу.

Но Анна Александровна? Отъ Анны Александровны не осталось и тѣни той свѣжей, молодой и хорошенькой Анюты, какою

мы видѣли ее подъ вѣнцомъ съ Жилинымъ. Она обрюзгза, отекла и разжирѣла отъ горькаго пьянства. Единственной отрадой въ жизни ея осталось забвеніе, забвеніе себя и всего, что́ окружаетъ ее. Она погибла, какъ погибаютъ тысячи женщинъ въ этомъ бездонномъ омутѣ, который мы называемъ супружествомъ и семействомъ нашихъ Жилиныхъ... «Ужь не лучше ли», въ самомъ дѣлѣ, «смерть, чѣмъ медленное и глухое томленіе?» какъ писалъ Анютѣ Кремницкій.

А. Кобяковъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА БЁРНЕ. *)

I.

Франкфуртъ, 29 апрѣля, 1830.

Глупая бѣлая книжка, я не думалъ, что снова увижусь съ тобой. Но это случилось, и я опять болтаю съ тобой о старыхъ и новыхъ вещахъ, и ты терпѣливо слушаешь меня и какъ всегда признаешь меня справедливымъ.

Быть больнымъ, томиться въ комнатномъ заточеніи и все переносить терпѣливо до тѣхъ поръ, пока тиранъ — болѣзнь не устанетъ! Нѣтъ. Человѣку порядочному стыдно болѣть болѣе четырехъ недѣль. А я проболѣлъ больше года. Какъ сильно любимъ мы жизнь, которая такъ мало любитъ насъ и, подобно заключенному дикому звѣрю, забываетъ своего хозяина и выскакиваетъ на свободу, чуть только отворютъ дверь его клѣтки!

И что выигрываетъ человѣкъ при этомъ? Позднія страданія не освѣжаютъ душу. Это не дождь, утоляющій жажду пылающей молодой натуры,—это осенній вѣтеръ, срывающій все, что еще осталось зеленаго

---

*) Характеристика Бёрне, какъ современника Гейне и геніальнаго критика Германіи, была представлена въ сентябрьской книжкѣ. Чтобы дополнить эту характеристику и еще ближе познакомить нашихъ читателей съ личностью Берне и съ той эпохой, въ которую онъ дѣйствовалъ, мы помѣщаемъ здѣсь „Отрывки изъ его дневника“, гдѣ онъ говоритъ самъ за себя, гдѣ онъ ясно видѣнъ со всѣми его недостатками и великими умственными качествами. Если позволятъ обстоятельства, мы намѣрены дать нѣсколько подобныхъ статей, которыя лучше всякой исторіи могутъ освѣтить то мрачное, глухое и жалкое время, въ которое пришлось жить Берне и своимъ огненнымъ словомъ защищать среди насилія и крови, человѣческія права.

Отъ редакціи.

на деревьяхъ; повсюду хрипѣніе и стонъ, какъ въ груди умирающаго, и поблекшее воспоминаніе навсегда уносится этою бурей.

Когда-то, въ мои лучшіе годы, я подошелъ близко къ одной розѣ и крѣпко ранилъ себя о ея шипы; въ то время болѣзнь спасла мою душу. А когда я выздоровѣлъ, природа тоже только что оправилась отъ болѣзни. Все растаяло — снѣгъ, моя скорбь и мой гнѣвъ. Я все простилъ, все позабылъ. Грудь моя была открыта, какъ колоннада храма, и весна свободно вѣяла въ ней какъ между этими колонами. А теперь! Мое, исцѣленіе и весна снова встрѣтились, но теперь уже совсѣмъ не то, что прежде. Я сдѣлался только немного бодрѣе, потому что окончилъ скучное дѣло.

Что это передо мной? Зеленыя деревья? синее небо? пурпурная заря?—Ахъ, да! это все прекрасно нарисовано и даже очень похоже; когда-то я зналъ и самый подлинникъ.

Нѣкогда соловей былъ для меня розою воздуха. Въ звукахъ его я слышалъ благоуханіе, и соблазнительные колючіе шипы ранили до крови мое восхищенное ухо. Теперь я только слушаю его — и слушаю съ истиннымъ удовольствіемъ. Тогда подарки весны лежали передо мною освѣщенные яркимъ свѣтомъ, и я, какъ нерѣшительный ребенокъ, не зналъ, за что прежде схватиться, чѣмъ прежде насладиться. Я не рѣшался пожелать что нибудь окончательно. Тамъ лѣсокъ, тутъ долина, наверху гора, мельница, водопадъ... Что взять? Теперь я могу размышлять и выбирать.

Соловей, весна, утренняя заря, милый взглядъ дѣвушки — все это *ничто*. ***Все*** заключается въ молодости. Міръ — зеркало, отражающее то, что смотрится въ него. Онъ отдаетъ намъ только то, что мы дали ему взаймы и не награждаетъ насъ никакими, хотя бы самыми скудными, процентами. Кто въ состояніи проникнуть въ глубь этого зеркала, кто въ состояніи уничтожить причудливую игру свѣта? Міръ позади жизни, но гдѣ оканчивается жизнь? Міръ — ничто.

Молодость — неясное слово. Мы старые умники часто произносимъ, но не понимаемъ его. Сонъ прошедшей недѣли для насъ гораздо яснѣе. И хорошо, что это такъ; хорошо, что въ старости мы забываемъ молодость,—иначе было бы худо, иначе были бы сомнѣнія, которыя замучили бы насъ до смерти.

Для какого же возраста предназначаетъ насъ рожденіе? Для какого возраста подготовляемъ мы себя? Для какого возраста воспитываемъ нашихъ дѣтей? Думали ли вы когда-нибудь объ этомъ? Я сомнѣваюсь. Для

всѣхъ возрастовъ! Да, такъ должно было бы дѣлаться, но такъ не дѣлается. Мальчикъ приносится въ жертву юношѣ, юноша — мужу, мужъ — старику. А когда старикъ, доживъ до полной зрѣлости своей свободы, хочетъ, наконецъ, насладиться ею и начать жить для жизни, — тогда приходитъ религія и говоритъ: «Погоди, старый мальчикъ, твое ученіе еще не окончено, жизнь приходитъ только послѣ смерти, гробъ есть колыбель твоей свободы». И будто бы въ самомъ дѣлѣ это говоритъ религія? Нѣтъ, къ чему лгать и лицемѣрить?..

Мы живемъ постоянно только для будущности; инструменты вѣчно настраиваются, а самый концертъ никогда не начинается. Одинъ вексель уплачивается другимъ; это мотовство, которое не имѣетъ ничего подобнаго себѣ. Проценты раздуваютъ капиталъ, и глупцы, у которыхъ никогда нѣтъ наличныхъ денегъ жизни, считаютъ себя богатыми, когда воздушный шаръ ихъ надеждъ подымается высоко въ гору. Чѣмъ только все это разрѣшится? О судьба, тебя считаютъ такою доброю, будь откровенна хоть одинъ разъ, не молчи точно дипломатъ, скажи намъ хоть одинъ разъ, чѣмъ это, наконецъ, разрѣшится?

Вы можете прочесть въ книгахъ, что изъ всѣхъ рождающихся людей почти половина умираетъ въ дѣтствѣ, юношескаго возраста достигаетъ меньше, чѣмъ половина; до пятидесятилѣтняго возраста, то есть возраста, въ которомъ начинаютъ пожинать плоды работъ, трудовъ, лишеній, доживаетъ меньше третьей части. И благу этой маленькой третьей части приносятся въ жертву двѣ большія трети! Міръ принадлежитъ молодымъ, а старики хозяйничаютъ въ немъ, пользуются и управляютъ имъ. Родители, школа, воспитаніе, государство — все заботится только о престарѣлыхъ, и молодость осуждена на то, чтобы быть прислужницей старости!

Старые умники толкуютъ о страстяхъ молодости и о своей собственной превосходной опытности. Но страсти, существующія въ каждомъ возрастѣ, суть ничто иное, какъ утонченный разумъ. Въ каждомъ возрастѣ мы считаемъ себя разумнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ и смотримъ на рузумъ этого предыдущаго, какъ на страсти. А опытность дѣлаетъ человѣка неспокойнымъ, несчастливымъ, потому что она знакомитъ его не съ правилами, а только съ исключеніями изъ нихъ. Для узнанія правилъ не нужна опытность; имъ научаетъ книга и собственное сердце Только неопытный не ошибается, только онъ счастливъ. Поэтому вѣрьте молодости; то, во что вѣритъ молодость, вѣчно. А ваше знаніе живетъ только опредѣленное время.

И природа въ своихъ человѣческихъ законахъ не дѣйствуетъ разумнѣе и справедливѣе, чѣмъ человѣкъ въ пользованіи своею свободою. Меня огорчаетъ не неосуществленіе желаній моихъ бѣдныхъ братьевъ, мнѣ становится грустно оттого, что осуществленіе приходитъ уже тогда, когда желаніе, вызвавшее его, уже давно похоронено.

Ребенокъ хотѣлъ бы попрыгать,—а онъ долженъ сидѣть въ школѣ и учиться по-латыни. Юношѣ надо было бы гулять на свободѣ, а онъ сидитъ въ комнатѣ за силуэтомъ своей возлюбленной и вздыхаетъ. Пока у насъ есть охота путешествовать, мы не имѣемъ денегъ, — а когда наберется у насъ богатство, тогда мы ужъ стары, любимъ комфортъ, играемъ въ бостонъ, и нашъ клубъ привлекаетъ насъ больше, чѣмъ Римъ и Неаполь. Тутъ являются подруги нашихъ племянницъ, онѣ обнимаютъ и цѣлуютъ любезнаго дядюшку, немилосердно топчутъ его, страдающія отъ подагры, ноги и нарушаютъ его послѣобѣденный сонъ. Дѣти сатаны! Отчего вы не пришли 30-тью годами раньше, когда дядюшка былъ еще племянникъ, когда послѣ обѣда онъ не спалъ и пилъ и когда у него не было подагры? Не смѣйтесь, не смѣйтесь! У меня есть племянники, которые отомстятъ за меня.

Въ дѣтствѣ у меня было желаніе, такое сильное, какого я не имѣлъ съ тѣхъ поръ. Оно состояло въ пріобрѣтеніи проволоки для чистки трубокъ, которую я видѣлъ у другаго мальчика. Я цѣлую ночь не спалъ отъ этого желанія. Теперь я могъ бы дюжинами покупать такія проволоки, но не сдѣлаю этого. Онѣ могутъ лежать у моихъ ногъ, и я не наклонюсь, чтобы поднять ихъ. За то у меня теперь другія желанія, и я прихожу въ бѣшенство при мысли, что можетъ быть всѣ эти вещи попадутъ въ мои руки тогда, когда я сдѣлаюсь совершенно равнодушенъ къ нимъ...

II.

Франкфуртъ, *1-го мая.*

Я читаю въ газетахъ: «Прюдомъ, старѣйшій изъ французскихъ журналистовъ умеръ». Я зналъ этого человѣка, я часто бывалъ у него. Онъ говорилъ много; но я не столько прислушивался къ его словамъ, сколько всматривался въ его лице, которое было холодно и сѣро, какъ надгробный камень и носило на себѣ полуистершуюся надпись: *«умеръ въ 1794 году»*. При началѣ революціи онъ издавалъ газету «L'ami

du peuple», читавшуюся больше-чѣмъ всѣ другія и совмѣщавшую на листахъ опаснаго формата in octavo самые страшные принципы. По его словамъ, этой газеты расходилось 40 тысячъ экземпляровъ. Когда Прюдомъ говорилъ о тѣхъ дняхъ, въ которые свобода была молода, а самъ онъ былъ человѣкъ въ цвѣтѣ силъ,—тогда потухшіе глаза его снова загорались огнемъ и въ разбитомъ голосѣ слышались полные и сильные звуки. Но чуть только онъ начиналъ говорить о послѣдующемъ и новѣйшемъ времени, какъ рѣчь его дѣлалась до того лѣнивою, сердитою и вялою, что становилось непріятно слушать его. О свободѣ въ конституціонной монархіи онъ не могъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія; онъ былъ абсолютный республиканецъ. Республиканскій абсолютизмъ вещь очень опасная; тутъ не можетъ помочь никакое спокойствіе, никакое смиренное послушаніе, потому что спокойствіе и послушаніе считаются у свободнаго гражданина преступленіемъ. Но республиканизмъ простительнѣе деспотизма; потому что то, что у этого послѣдняго составляетъ сознательную вину, у перваго только фантастическій бредъ. Послѣ долгаго странствія по знойнымъ безплоднымъ степямъ французы пришли, наконецъ, къ дикому морю свободы. Истомленные жаждой и разгоряченные зноемъ, они бросились въ него, напились, заболѣли и утонули. Но деспотизмъ разгорячается и въ самыхъ цвѣтущихъ мѣстностяхъ, страдаетъ неутолимою жаждой, и пьетъ, пьетъ до тѣхъ поръ, пока начинаетъ пить кровь.

Я познакомился съ Прюдомомъ слѣдующимъ образомъ. Осенью 1819 года ко мнѣ пришелъ однажды господинъ съ виду весьма легкій и вѣтреный. Онъ объявилъ, что необыкновенно радъ познакомиться съ такимъ publiciste distingué и spirituel какъ я, сообщилъ мнѣ, что нѣкто желаетъ основать новую газету подъ моею редакціею и спросилъ меня, желаю ли я принять на себя это дѣло? Господинъ этотъ показался мнѣ весьма мало образованнымъ, политическія убѣжденія его были не совсѣмъ ясны для меня и къ тому же онъ былъ одѣтъ не бѣдно, а мизерно, что въ Парижѣ имѣетъ особенное значеніе. Мнѣ чудилось, что подъ длиннымъ плащемъ либерализма я вижу полицейское копыто. Но это обстоятельство еще болѣе побудило меня подшутить надъ нимъ. Я отвѣчалъ, что такое дѣло, какъ редакцію газеты, приму на себя съ удовольствіемъ. Тогда онъ попросилъ меня отправиться съ нимъ къ одному знаменитому журналисту, который долженъ былъ объяснить мнѣ всѣ подробности этого дѣла, — и мы пошли къ Прюдому. Этотъ послѣдній опустился на 50, на 100 футовъ въ мою душу, какъ будто хотѣлъ

выкопать въ ней артезіанскій колодезь, и мои убѣжденія вырвались наружу яснымъ и быстрымъ потокомъ. Прюдомъ спросилъ меня, въ какомъ духѣ я былъ намѣренъ вести газету. Я отвѣчалъ: въ либеральномъ. Тогда онъ покачалъ головой и замѣтилъ, что это отвѣтъ не совсѣмъ опредѣлительный. Надо—сказалъ онъ —поставить вопросъ точнѣе и опредѣлить принципы *на чистоту*. Но эта *чистота* не была по сердцу мнѣ, честному нѣмцу, и я тотчасъ же отказался въ душѣ отъ предпріятія, на которое и онъ можетъ быть смотрѣлъ не совсѣмъ серьезно. Собственно говоря, Прюдомъ былъ правъ; но я въ то время еще не понималъ дѣла. Нѣмецкая честность велика и стара, какъ египетская пирамида; но она лежитъ въ пустынѣ и служитъ обиталищемъ смерти. У насъ нѣтъ никакихъ партій. Французъ хвалитъ и защищаетъ каждаго, стоящаго на его сторонѣ, и порицаетъ и причиняетъ вредъ каждому, дѣйствующему противъ него. Этимъ онъ не только увеличиваетъ и усиливаетъ свою партію, но и заставляетъ всѣхъ, тайно враждующихъ съ нею, отрыто высказать это враждебное настроеніе и образовать свою партію. Вслѣдствіе этого французы достигаютъ всего, а мы не можемъ добиться ничего. Газета для насъ ничто иное, какъ критическій листокъ, посвященный политической наукѣ. Политическій поступокъ, политическое событіе мы разбираемъ какъ книгу, обсуждаемъ ихъ одинъ разъ навсегда и потомъ уже никогда не говоримъ о нихъ. Говорить объ одномъ и томъ же дѣлѣ каждый день кажется намъ такъ же скучнымъ и нелѣпымъ, какъ разбирать каждый день одну и ту же книгу, —и въ этомъ глупомъ ослѣпленіи мы смѣемся надъ *«стереотипною полемикою»* французскихъ журналовъ. Мы совершенно забываемъ, что политическая газета есть родъ правительства, которое не должно ни на минуту умолкать, если не хочетъ быть низвергнутымъ. Эти заблужденія были еще живы во мнѣ въ то время, когда я совѣщался съ Прюдомомъ. Я говорилъ: «Я буду хвалить то, что достойно похвалы и порицать то, что достойно порицанія», и гордился моей германской добродѣтелью. Но отъ меня требовали, чтобы я хвалилъ нашихъ друзей и порицалъ нашихъ враговъ, какъ бы они ни поступали—и это требованіе было совершенно справедливо. Въ то время я былъ еще совсѣмъ молоденькій нѣмецъ. Съ тысячью другихъ я родился въ одинъ и тотъ же часъ во время войны за свободу, и мнѣ было тогда в его пять лѣтъ. Ахъ! изъ всей этой тысячи только я, да еще немногіе остались въ живыхъ. Это очень прискорбно.

Не смотря на то, что я тотчасъ же отказался отъ редакціи газеты

и что мы скоро разошлись съ Прюдомомъ, — мой газетный маклеръ и политическій сводникъ все таки не оставилъ меня. Онъ продолжалъ ходить ко мнѣ и нѣсколько разъ водилъ меня въ ресторанъ, гдѣ платилъ за меня. Все это я принималъ и ѣлъ съ удовольствіемъ. Разъ за столомъ я познакомился съ однимъ нѣмцемъ и, между прочимъ, разговорился съ нимъ о политическихъ дѣлахъ. Когда онъ ушелъ, мой амфитріонъ началъ весьма нѣжно упрекать меня въ неосторожности, съ которою я говорилъ о правительствѣ въ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ не было недостатка въ шпіонахъ. По словамъ его, меня ни мало не могло спасти то, что я говорилъ по нѣмецки, потому что были и такіе шпіоны, которые понимали нѣмецкій языкъ. — Какъ! шпіоны между нѣмцами! Нѣмцы между шпіонами! Это гнусная клевета! — Я былъ готовъ пустить бутылкой въ голову этому бездѣльнику-французу; но хорошо, что я не сдѣлалъ этого и только про себя продекламировалъ этотъ маленькій патріотическій монологъ. Хорошо потому, что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, я пріѣхалъ въ Парижъ во второй разъ, то познакомился не съ однимъ шпіономъ изъ нѣмцевъ. Одинъ изъ нихъ, часто посѣщавшій меня, пришелъ разъ ко мнѣ, усѣлся передъ каминомъ и началъ комфортно грѣться. Дома у него не было дровъ, да они и не были нужны ему, потому что въ Пале-Рояли, N 13, гдѣ онъ игралъ, для него было днемъ и ночью готово даровое отопленіе. Отогрѣвшись, онъ состроилъ холодную мину и сказалъ, что имѣетъ кое о чемъ поговорить со мною. Я не далъ ему продолжать и спросилъ его: не можетъ ли онъ одолжить мнѣ на самое короткое время четыреста франковъ? Этимъ вопросомъ я хотѣлъ его предупредить, потому что предполагалъ, что онъ пришелъ ко мнѣ просить въ займы денегъ, что въ Парижѣ случалось со мной довольно часто. Но онъ отвѣчалъ мнѣ, что *имѣть деньги* — для него глаголъ, не имѣющій въ изъявительномъ наклоненіи настоящаго времени, но только прошедшее и будущее. Пришелъ же онъ съ цѣлью сдѣлать мнѣ предложеніе. «Французская армія—сказалъ онъ — занята теперь въ Испаніи, поэтому теперь самая благопріятная минута, чтобы сдѣлать что нибудь. Въ Парижѣ живетъ 30 т нѣмцевъ, большею частію молодцевъ-ремесленниковъ (по извѣстному обыкновенію заговорщиковъ, онъ увеличивалъ число, чтобы соблазнить и ободрить меня). Не желаете ли, такъ какъ ничто не мѣшаетъ намъ, стать вмѣстѣ со мною во главѣ нѣмецкихъ ремесленниковъ, отправиться въ Германію и тамъ поставить вверхъ дномъ все, начиная съ Пруссіи?» Когда я увидѣлъ, что онъ не желалъ взять у меня денегъ, а хотѣлъ

только пріобрѣсть мою помощь для завоеванія Пруссіи, — лице мое прояснилось и я съ удовольствіемъ отвѣчалъ ему: —«Предложеніе ваше превосходно, и я съ радостію принимаю его; въ успѣхѣ сомнѣваться нечего, такъ какъ наши ремесленники привыкли драться. Но, къ несчастію, у меня теперь сильный насморкъ; какъ только онъ пройдетъ, я пріѣду къ вамъ въ маль-постѣ».

Состоялъ ли этотъ дуракъ и бездѣльникъ на жалованьи у французской полиціи? Не думаю, потому что она не на столько глупа. Вѣроятно, онъ былъ шпіономъ нѣмецкой державы, которая въ то время внимательно слѣдила въ Парижѣ за демагогами и тратила на это гнусное дѣло не одну тысячу добрыхъ талеровъ.

II.

Франкфуртъ, 3 мая.

Что побудило меня въ 1819 году отправиться въ Парижъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня въ то время этотъ прекрасный и удивительный городъ и какъ я былъ принятъ въ немъ, — все это я хочу записатъ прежде чѣмъ мои воспоминанія исчезли. При томъ же то, что случилось въ Парижѣ со мною, случилось и со многими другими. Мой образъ мыслей — образъ мыслей и милліона другихъ людей, которые радуются, когда находится человѣкъ, высказывающій его за нихъ. Извѣстно, что лягушки, пауки, собаки и вообще животныя стоятъ къ природѣ ближе, чѣмъ царь—человѣкъ и вслѣдствіе этого глубже чувствуютъ погоду и заранѣе предсказываютъ значительнѣйшія болѣзни и перемѣны природы Точно также есть люди, которые именно потому, что они стоятъ низко въ гражданскомъ обществѣ, связаны съ исторіею ближе и предвидятъ и чувствуютъ измѣненіе духа времени, народныя бури и войны раньше, чѣмъ властители, вельможи и могущественные люди, которые, запершись въ свой эгоизмъ, узнаютъ о томъ, что происходитъ извнѣ только тогда, когда міръ постучится въ двери этого эгоизма. Къ числу такихъ людей принадлежу и я. Что случилось со мною за цѣлый рядъ годовъ, случилось и съ цѣлымъ міромъ; что выпало на долю государствъ, народовъ, государей, выпало и на мою долю. Событія не коснулись моей личности, они не принесли мнѣ никакой выгоды и никакого вреда, они не возвысили меня, не низвергнули и не сдвинули съ мѣста, но я ощущалъ ихъ въ моихъ нервахъ. Эта симпатія даетъ мнѣ въ политическихъ дѣлахъ большую смѣлость взгля-

да и гордость пророка, надъ которою люди посмѣялись бы, еслибъ знали о ней. Я не изъ числа тѣхъ людей, которые много думаютъ о своемъ умѣ, я совсѣмъ не считаю себя проницательнымъ и охотно сознаюсь, что каждый ловкій еврей перехитритъ меня двадцать разъ въ день. Но пусть придетъ ко мнѣ министръ и скажетъ, что онъ умнѣе меня, я предамъ его осмѣянію. Вотъ уже пятнатцать лѣтъ, какъ не случалось ничего, хотя бы самаго неожиданнаго, чего бы я не предвидѣлъ и не предсказалъ. Если бы я смѣлъ печатать мои предсказанія, всѣ изумлялись бы мнѣ и я навѣрно былъ бы сдѣланъ придворнымъ пророкомъ, а можетъ быть даже пророкомъ священнаго союза, который, безъ всякаго сомнѣнія, поставилъ бы меня *высоко*, чтобы я имѣлъ возможность лучше наблюдать за всѣмъ. Даже смерть священнаго союза я положительнѣйшимъ образомъ предсказалъ прачкѣ одного совѣтника посольства, и ошибся только въ томъ, что онъ умеръ раньше, чѣмъ я ожидалъ. Да, я предсказалъ это; государственные же люди рѣшительно ничего не предчувствовали. Это послѣднее заключеніе я дѣлаю отнюдь не на томъ основаніи, что они ничего не говорили заранѣе объ этомъ событіи; я знаю, что они молчатъ не только о томъ, чего не знаютъ, но очень часто и томъ, что знаютъ. Заключеніе это я дѣлаю потому, что многое изъ того, что пагубно и ненавистно нашимъ министрамъ, сбылось именно вслѣдствіе ихъ дѣятельнаго содѣйствія и совѣтовъ.

Министры должны бы быть *тонкими* людьми, понимающими, откуда дуетъ вѣтеръ; но наши министры не таковы Они скорѣе упрямые Катоны, которые готовы лучше допустить, чтобы вся крыша обрушилась на нихъ, чѣмъ очистить домъ отъ ветхихъ, грозящихъ разрушеніемъ, принциповъ. Они смѣются надъ политическими мечтателями, ихъ книжною доктриною и не подозрѣваютъ что они сами такіе же мечтатели и идеологи, съ тою только разницею, что первые увлекаются новыми идеями, а вторые старыми Но какія изъ этихъ мечтаній самыя опасныя, какія вводятъ въ болѣе горькое заблужденіе? Какъ будущее, такъ и прошедшее не могутъ быть названы существованіемъ; но то, что еще *не есть*, можетъ *быть*, а то, что *было*, больше никогда *не будетъ*. Человѣка, который еще не живетъ, можно создать; но человѣка, который уже отжилъ, не вызоветъ изъ гроба никакое искусство, не вытащитъ никакая сила.

Впрочемъ, еслибы наши государственные люди и узнали когда нибудь, чего хочетъ время, и убѣдились, что оно можетъ сдѣлать все, что хочетъ, то и это не заставило бы ихъ поступать умнѣе. Неизбѣж-

наго они стараются избѣгать какъ можно дольше, потому что думаютъ, что выиграть время значитъ все выиграть. Но развѣ вашъ врагъ теряетъ время, которое вы выигрываете? Молодой левъ растетъ въ клѣткѣ точно также, какъ на свободѣ, и когда придетъ день, въ который вы должны будете отворить ему дверь этой клѣтки, онъ бѣшено и мощно выскочетъ изъ нея и конечно не поблагодаритъ васъ за то, что вы были стражами его молодости.

Какихъ только глупостей не надѣлали въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ наши мудрые государственные люди, эти воспитанники французской революціи, которые на экзаменѣ всѣ провалились и не получили докторскаго диплома! Они низвергнули Наполеона — и сдѣлали это не въ шумѣ побѣды, не увлеченные жаждой мести, не подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ; нѣтъ, у нихъ было два года для того, чтобы одуматься и снова сдѣлаться разсудительными — и они все таки погубили Наполеона. Я ожидалъ отъ нихъ всевозможнаго неблагоразумія, но это было свыше моихъ ожиданій; это — волшебная сказка о глупости. Наполеонъ былъ послѣдній деспотъ, съ нимъ пало деспотически-правительственное искусство и теперь природная стихія гражданскаго общества властвуетъ такъ демократически какъ только могъ бы пожелать любой якобинецъ.

Грецiя свободна, ея свобода и независимость признаны всѣми, и этимъ греки обязаны больше всего страстямъ своихъ противниковъ. Русско-турецкая война доставила ирландскимъ католикамъ и англійскимъ евреямъ эмансипацію, а венеціанцамъ — порто-франко, что, въ свою очередь, будетъ имѣть свои послѣдствія. Дона Мигуэля наградили и поощрили ниспровергнуть конституцію государства; да если бы даже простой подмастерье портнаго утащилъ португальскую корону и далъ при этомъ обѣщаніе не допускать въ государство никакой свободы, — его оставили бы на тронѣ. Но если донъ Мигуэль будетъ царствовать еще два года, а заплатанный король Испаніи еще два года будетъ охранять свой самодержавный тронъ разбойниками большихъ дорогъ, — то конституціонный духъ сдѣлаетъ на полуостровѣ успѣхи гораздо значительнѣе тѣхъ, которые онъ сдѣлалъ въ теченіе десятилѣтняго господства кортесовъ. Тираны служатъ въ наше время опаснѣйшими проповѣдниками свободы. И такимъ образомъ — удивительное дѣло! — именно та держава, которая уже четырнадцать лѣтъ преслѣдуетъ мрачною, пылающею ненавистью все, что носитъ на себѣ признаки свободы, — оказала самое большое содѣйствіе ея развитію и упроченію. Будемъ же

любить нашихъ враговъ, наши друзья причинили намъ не мало вреда.

Кто хочетъ имѣть *зрѣніе*, тотъ не долженъ смотрѣть; внѣшнее чувство убиваетъ внутреннее. Наши государственные люди ничего не знаютъ и не видятъ заранѣе, потому что они черезъ чуръ много знаютъ, и видятъ, и слышатъ. Они слишкомъ заботятся объ отдѣльныхъ вещахъ и особенно объ *отдѣльныхъ лицахъ*. Барабанный бой и постоянные выстрѣлы нашего воинственнаго времени оглушаютъ тѣхъ, кто слышитъ ихъ; глухой слышитъ лучше всѣхъ среди общаго шуму. Гарденбергъ, единственный либералъ изъ всѣхъ государственныхъ людей, какіе только были въ Германіи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, былъ *глухъ*. Гарденбергъ былъ хорошій государственный человѣкъ, потому что никуда негодился какъ министръ полиціи. Полиція! Полиція!

IV.

Франкфуртъ, 4 мая.

Шиллеръ желаетъ знать хронологію произведеній Гете, чтобы изъ нея увидѣть, какъ развивался поэтъ, какимъ путемъ шелъ его умъ. Гете исполнилъ его желаніе, и теперь Шиллеръ съ холодностью прозектора анатомируетъ своего высокаго покровителя, но анатомируетъ его за живо и въ это самое время читаетъ ему лекціи о его удивительной организаціи. Гете не дѣлаетъ при этомъ ни одной гримасы и переноситъ операцію, какъ будто она до него не касается. Онъ пишетъ своему прозектору: «На этой недѣлѣ будетъ день моего рожденія, и ни одинъ подарокъ не былъ бы такъ пріятенъ мнѣ, какъ ваше письмо, въ которомъ вы дружеской рукой подводите итогъ моего существованія». И за тѣмъ онъ проситъ Шиллера познакомить его съ ходомъ и *его* развитія. Это ужъ слишкомъ! Конечно, геній имѣетъ свои тайны, которыхъ мы, простые люди, не знаемъ и не понимаемъ. Но я никогда не думалъ, что геній можетъ такъ внимательно наблюдать самого себя, такъ слѣдить за собою на всѣхъ дорогахъ. Я полагалъ, что истинный геній—дитя, которое само не знаетъ, что дѣлаетъ, не знаетъ, какъ оно богато и счастливо. Шиллеръ и Гете такъ часто говорятъ о *какъ* и *почему*, что забываютъ *что*. Ничто не оскорбляетъ чита-

теля такъ, какъ извѣстное спокойствіе въ авторскомъ изложеніи, потому что оно заставляетъ предполагать въ писателѣ или равнодушіе или самоувѣренность. Говорить о самомъ себѣ съ такою сухою серьезностью, безъ самолюбія, безъ теплоты, безъ младенческаго чувства это, по моему.... нѣтъ, я не могу прибрать настоящее слово. Какая разница съ Вольтеромъ! Его суетность привлекаетъ насъ на его сторону. Мы радуемся, что человѣкъ такого высокаго ума боится нашего приговора, льститъ намъ, старается расположить насъ къ себѣ.

Любовь изобрѣла переписку по почтѣ, торговля употребляетъ ее въ свою пользу. Шиллеръ и Гете смотрятъ другъ на друга, какъ на книгу; ихъ отношенія ничто иное, какъ дидактическая дружба, какъ взаимное обученіе. Каждый изъ этихъ писателей имѣетъ свой особенный родной языкъ. Конечно, оба они понимаютъ другъ друга на столько, на сколько можно научиться чужому языку изъ книги и личныхъ сношеній; но Гете, точно французъ, дѣйствуетъ безъ всякаго стѣсненія для себя и говоритъ съ Шиллеромъ на своемъ родномъ языкѣ, а Шиллеръ, какъ услужливый нѣмецъ, говоритъ съ иностранцемъ на языкѣ этого послѣдняго. О дружбѣ ихъ я не особенно высокаго мнѣнія. Они напоминаютъ мнѣ лисицу и журавля, угощающихъ другъ друга; гость встаетъ изъ-за стола голодный, а хозяинъ, совсѣмъ сытый, подсмѣивается исподтишка. Но журавль Шиллеръ обдѣлываетъ свое дѣло лучше чѣмъ лисица Гете. Первый можетъ по крайней мѣрѣ помочить свой острый, идеальный клювъ въ блюдѣ Гете; Гете же, съ своимъ широкимъ реалистическимъ рыломъ, ничего не достанетъ изъ кувшина Шиллера.

Гете пишетъ: «Я теперь не годенъ ни на великое, ни на мелкое дѣло и читаю только Геродота и Ѳукидида, которые *въ первый разъ доставляютъ мнѣ чистую радость потому что я читаю ихъ не изъ-за содержанія ихъ, а только изъ-за формы*». Клянусь богами! Вотъ *эгоистъ*, какихъ еще не было на свѣтѣ. Гете окружаетъ стѣною не только *себя*, для того, чтобы свѣтъ не надоѣдалъ ему; онъ раздробляетъ и міръ на отдѣльныя *я* и загораживаетъ каждое особо, чтобъ оно не могло выйти и тронуть его прежде, чѣмъ онъ самъ этого пожелаетъ. Будь міръ созданъ имъ, онъ бы разложилъ всѣ камни по ящикамъ, чтобы *систематизировать* ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, всѣмъ животнымъ далъ бы только пустыя шкуры, чтобъ охотники могли набивать изъ нихъ чучелы, каждую красивую мѣстность вставилъ бы въ рамку, чтобъ сдѣлать изъ нея картину, и каждый цвѣтокъ посадилъ бы

въ горшокъ, чтобы можно было ставить его на столъ. Придворные Гете восторгаются этимъ свойствомъ его и называютъ его *дѣловымъ мышленіемъ*; я, простой гражданинъ, сожалѣю о немъ и называю его *слабымъ мышленіемъ*. Онъ боится всѣхъ ощущеній какъ дикихъ, своенравныхъ звѣрей, и чтобы держать всѣхъ въ повиновеніи, запираетъ ихъ въ метрическія клѣтки. Онъ самъ сознаетъ, что въ юности каждое чувство мучило его до тѣхъ поръ, пока онъ не превращалъ его въ стихотвореніе. Боже сохрани меня и моихъ друзей считать каждое движеніе сердца нездоровымъ сквознымъ вѣтромъ. Лучше не жить, чѣмъ держать такую ипохондрически-боязливую душевную діэту! Въ тысячу разъ лучше быть больнымъ!

Тоже стремленіе къ объективности заставляетъ Гете не писать, а *диктовать* свои письма. Онъ боится, что если онъ станетъ писать самъ, то къ объективности примѣшается и его субъективность, а всякой симпатіи онъ боится какъ привидѣнія... Можно ли назвать Гете счастливымъ? Онъ такъ бѣденъ и такъ одинокъ! Каждое желаніе является у него уже послѣ осуществленія его, онъ желаетъ только того, чѣмъ уже владѣетъ. Но міръ великъ, а человѣкъ малъ; онъ не можетъ обнять все существующее. Только страстное желаніе чего либо дѣлаетъ человѣка богатымъ, только религія удовлетворяетъ его. Я не хотѣлъ бы быть Гете, онъ не вѣритъ ни вочто, даже въ то, что знаетъ.

Какой-то дуракъ въ газетѣ «Gesellschafter» или въ другой какой то этого же семейства, разъ напечаталъ большими буквами: «*Гете высказалъ свое мнѣніе о французской революціи*». Это былъ трубный звукъ, заставившій подумать, что вслѣдъ за нимъ явится король,—а явился простой шутъ. А между тѣмъ именно Гете, вслѣдствіе своей фальшивой философіи природы, былъ бы человѣкъ, способный правильно понять и изобразить французскую революцію. Но онъ до того ненавидѣлъ свободу, что даже его любимая *необходимость* приводитъ его въ негодованіе, какъ скоро она произнесетъ слово въ пользу свободы. Онъ пишетъ Шиллеру: «Я прочиталъ сочиненіе Сулавы: «Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI». Въ цѣломъ оно представляетъ громадную картину ручьевъ и потоковъ, которые, вслѣдствіе природной необходимости, стремятся другъ на друга съ многихъ высотъ и многихъ долинъ и наконецъ причиняютъ разливъ большой рѣки и наводненіе, въ которомъ погибаютъ какъ тѣ, которые заранѣе предвидѣли его, такъ и тѣ, которые не имѣли о немъ

ни малѣйшаго предчувствія. Въ этомъ громадномъ эмпиризмѣ нѣтъ ничего, кромѣ природы и ничего изъ того, что мы, философы, охотно назвали бы свободою». Гете, который какъ художникъ признавалъ необходимость и не признавалъ никакой свободы, высказалъ здѣсь совершенно правильное мнѣніе о французской революціи, и помимо своего вѣдома и желаній, представилъ не только объясненіе, но и защиту ея, не смотря на всю ненависть, которую онъ питаетъ къ ней.

V.

Соденъ, 6 мая.

Слова! — И только слова? Да развѣ есть что нибудь страшнѣе, воинственнѣе словъ? Самыя высокія стѣны можно взять приступомъ, самыя сильныя укрѣпленія можно разрушить, но то, что ограждаетъ себя словомъ, неприступно и издѣвается надъ безсильными нападеніями; только все одряхляющее тысячелѣтіе разрушаетъ эту твердыню. Слово — очарованный панцырь, подъ прикрытіемъ котораго малодушный отражаетъ храбраго; вы никогда не попадете въ сердце, прежде чѣмъ не разобьете желѣзную грудь.

Сегодня теорія, завтра практика. О, на этотъ разъ и филистеры согласятся со мною, — потому что когда нѣмецъ голоденъ, тогда онъ становится отважнымъ и говоритъ то, что думаетъ.

Экипажъ стоялъ уже передъ дверьми, а обѣдъ не былъ еще готовъ. Поэтому я рѣшился отобѣдать у одной пріятельницы, жившей въ моемъ сосѣдствѣ. Я послалъ моего слугу, чтобы предупредить ее; но онъ принесъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ: «Госпожа * * * безконечно сожалѣетъ, что не можетъ доставить себѣ это удовольствіе, потому что ея мужъ уѣхалъ». Во всякое другое время этотъ страхъ остаться со мной наединѣ польстилъ бы мнѣ; но теперь я былъ голоденъ, поворчалъ, уничтожилъ сухой кренделъ и уѣхалъ...

Какъ только я пріѣхалъ сюда, тотчасъ же началъ искать позади домовъ цвѣтущую весну, но уже не нашелъ ея. Цвѣты и дѣвушки бѣгаютъ между собою въ запуски; кто кого перегонитъ? Въ дѣтствѣ я по нѣсколько часовъ глядѣлъ на небо, чтобы увидѣть падающую звѣзду. Я чувствовалъ, что звѣзда упала; но самаго паденія никогда не видѣлъ.

VI.

Соденъ, 9 мая.

Я только три дня здѣсь, а ужъ не знаю что дѣлать отъ скуки. Длинное, длинное, длинное время! Я пріѣхалъ сюда прежде всѣхъ посѣтителей водъ и до сихъ поръ остаюсь единственнымъ; я—курфирстъ Содена. Черезъ нѣсколько недѣль я буду считаться Несторомъ между соденскими гостями. Но что я выиграю этимъ въ глазахъ будущихъ посѣтительницъ? что я выиграю у нихъ, если даже мудрость будетъ слаще меда сочиться съ моихъ губъ? Можно, подобно Магомету, еще на сороковомъ году жизни быть героемъ и покорять страны; но, по мнѣнію всѣхъ историковъ—женщинъ, героическій вѣкъ мужчины оканчивается на тридцатомъ году. Скверно! Я останусь духовнымъ курфирстомъ.

Изъ моихъ оконъ я вижу скотный дворъ, и все, что происходитъ въ немъ знаю лучше и вѣрнѣе, чѣмъ многіе нѣмецкіе отцы отечества знаютъ о томъ, что дѣлается въ ихъ дворахъ. Дворъ этотъ состоитъ по обыкновенію изъ небольшаго количества людей и множества скота. Жизнь нашего двора вовсе не однообразна; каждый день случается что нибудь новое. Я внимательно слѣжу за всѣмъ и, подобно С. Симону, буду писать свои мемуары.

Вчера ночью дворъ былъ очень неспокоенъ. Ворота постоянно раскрывались, шумъ и шопотъ не смолкали ни на минуту и множество людей ходило взадъ и впередъ со свѣчами. Я только къ утру могъ уснуть. Сегодня утромъ весь дворъ, а два часа спустя и вся деревня, получили всерадостное извѣстіе о томъ, что около двѣнадцати часовъ ночи главная корова разрѣшилась отъ бремени. Родильница здорова на столько, на сколько это возможно въ подобныхъ обстоятельствахъ. Вчера послѣ обѣда я былъ представленъ ей скотницею, но довольствовался тѣмъ, что съ высокимъ уваженіемъ оглядывалъ ее; говорить же съ ней я не посмѣлъ, потому что она сама не удостоила заговорить со мною...

Сегодня утромъ происходилъ бой между гусемъ нашего двора и другимъ гусемъ изъ деревни, который, не имѣя на то никакого права, пробрался сюда. Нашъ гусь схватилъ дерзкаго пришлеца за крылья,

деревенскій сдѣлалъ тоже самое съ своимъ противникомъ, такъ что оба они образовали овальную фигуру. Они не выпускали другъ друга и долго кружились, прислонясь грудью къ груди и пылая ненавистью. Пыль вздымалась столбомъ, перья летѣли во всѣ стороны. Бой продолжался больше четверти часа. Наконецъ деревенскій гусь, сильно проученный, покрытый стыдомъ и преслѣдуемый насмѣшками, долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Остальные гуси двора конечно приняли сторону своего товарища. Это было такое гоготанье, такой свистъ и такое хлопанье крыльями, какихъ описать невозможно. Особенную злость и ярость выказывалъ одинъ старый гусь съ желтой шеей; онъ хрипѣлъ отъ бѣшенства и едва не задохся. При этомъ онъ сопровождалъ свое гоготанье такими выразительными движеніями, что я, совершенно незнакомый съ гусинымъ языкомъ, понялъ каждое слово. Онъ говорилъ (конечно по французски, потому что аристократическій гусь ни за что не будетъ гоготать иначе, какъ по французски): «Эта деревенская дрянь съ своимъ обезьяньимъ подражаньемъ большимъ господамъ, проберется куда угодно. Скоро мы, аристократы, лишимся всѣхъ привилегій и нашъ знатный скотный дворъ будетъ такъ же грязенъ, какъ уличная яма. Вотъ прекрасные плоды новой философіи! Вотъ гибельныя послѣдствія покровительства либерализму! Нашъ повелитель — быкъ всегда глухъ къ мудрымъ увѣщаніямъ своихъ старыхъ и преданныхъ слугъ. Онъ космополитъ и бѣгаетъ за молодыми идеями. Онъ погибнетъ и увлечетъ въ своемъ паденіи всѣ старыя учрежденія и всѣхъ старыхъ птицъ!» — Молодой гусь, стоявшій позади этого старика, скорчилъ при этихъ словахъ насмѣшливую гримасу и украдкой засмѣялся. Такъ какъ онъ былъ молодъ, то не боялся *молодыхъ идей* и вслѣдствіе этого былъ не такой аристократъ, какъ прочіе.

То, о чемъ тутъ шептались уже нѣсколько дней, теперь сдѣлалось извѣстнымъ всему скотному двору. Главная собака впала въ немилость и потеряла должность. Ея собственныя кости оставлены ей въ видѣ пенсіона и она можетъ ѣсть ихъ гдѣ ей угодно. Никто не понимаетъ, чѣмъ она провинилась. У нея только и было дѣла, что лаять на каждаго проходящаго, и провожать на нѣсколько шаговъ каждаго, входившаго въ дворъ и выходившаго изъ него. Нѣкоторые утверждаютъ, что она укусила одну курицу; другіе — что она узнала кое-что о любимомъ гусѣ хозяйской дочери и все разболтала. Многіе того мнѣнія, что она поссорилась съ верховою лошадью хозяина и что вліяніе этой послѣдней было причиною ея паденія. Есть и такое мнѣніе, что она коварно перетас-

кивала въ чужой дворъ все, что могла стянуть въ своемъ. Но доброжелатели ея утверждаютъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды, а все дѣло въ томъ, что хозяинъ пожелалъ отдать ея должность своей любимой собакѣ.

Одинъ либеральный быкъ пробилъ головою въ стѣнѣ дыру на столько большую, что можетъ просунуть въ нее лобъ и морду. Теперь онъ цѣлый день мычитъ внѣ двора и пользуется неограниченной свободой мычанья. Хозяинъ, какъ умный человѣкъ, хорошо разсчелъ, что у либеральнаго быка не хватитъ на столько ума, чтобы выбраться изъ стойла всѣмъ тѣломъ, и поэтому не задѣлываетъ дыру и рѣшительно не заботится о мычаньи.

Цѣлый день, съ утра до вечера, индѣйка прохаживается по двору и необыкновенно кокетливо подымаетъ и опускаетъ шею. Два индюка постоянно слѣдуютъ за нею и отъ ревности и злости надуваются и синѣютъ. Они такъ подозрительны, что не допускаютъ, чтобы одинъ хоть на шагъ опередилъ другого и приблизился къ властительницѣ ихъ сердца. Эта послѣдняя ни разу не оглядывается на нихъ, и какъ будто для того, чтобы испытать ихъ любовь и терпѣніе, не идетъ прямо, а дѣлаетъ самыя прихотливыя каприльныя фигуры Но поклонники неутомимо слѣдуютъ за нею. Не могу выразить, какимъ безчеловѣчнымъ, нелѣпымъ и гнуснымъ кажется мнѣ поведеніе этой индѣйки!..

Ахъ, ахъ! Время кажется мнѣ необыкновенно длиннымъ. Какъ одинокъ человѣкъ среди скота! Но я все-таки охотно бы обошелся безъ людей, будь здѣсь по крайней мѣрѣ дворянство. Извѣстна пѣсня. «Что такое мѣсто купанья безъ дворянства? Тоже, что нитка безъ иголки, иголка безъ нитки, голова безъ мозгу, картофель безъ соли, Баденъ безъ Пфальца».

VII.

Соденъ, 16 мая.

Въ одинъ изъ мрачныхъ, нѣмецко-союзныхъ дней сентября 1819 г. я проснулся въ Франкфуртѣ на Майнѣ съ сильной тошнотою. Я увлекся въ обществѣ добрыхъ товарищей скверными надеждами, выпилъ че-

резъ-чуръ много одуряющей свободы и теперь меня вырвало всѣмъ этимъ. Кто не знаетъ рвоты, тому незнакомо могущество карающихъ боговъ; рвота — *раскаяніе желудка.* У меня было очень скверно на душѣ. Тогда я рѣшился оставить это печальное мѣсто и отправиться во Францію, гдѣ болѣе умные и болѣе мужественные граждане знаютъ и отстаиваютъ свои права лучше насъ и гдѣ мошенники - трактирщики не могутъ безнаказанно и незамѣтно портить ихъ кроваво-красное вино.

Въ то время я издавалъ журналъ. Онъ печатался въ Оффенбахѣ, гдѣ изготовляются превосходные пряничные орѣхи. Журналъ былъ хорошъ и приходился по вкусу читателямъ до тѣхъ поръ, пока пользовался свободой. Но потомъ его подчинили цензурѣ, и я отказался отъ изданія. Когда правительства начинаютъ ощущать страхъ, они дѣлаются страшными; черезъ чуръ отважными они становятся отъ недостатка отваги.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ моего журнала была помѣщена статья, присланная мнѣ изъ сѣверной Германіи. Я не помню хорошо ея содержанія, а самаго номера у меня нѣтъ; помню только, что она была умно написана и что въ ней говорилось о средствахъ, которыя можно и должно употреблять для того, чтобы государи, не смотря на противодѣйствіе своихъ придворныхъ и министровъ, узнавали истину и нужды и желанія народа. Мой издатель разсказалъ мнѣ, что одинъ изъ посланниковъ союзнаго сейма выписалъ нѣсколько экземпляровъ этого номера. Я не обратилъ почти никакого вниманія на это обстоятельство и только сказалъ: на здоровье!

Когда я пришелъ въ полицію, чтобы взять паспортъ въ Парижъ, мнѣ сказали прійдти на другой день. Когда я пришелъ на другой день, мнѣ сказали: завтра. Въ третій разъ меня опять отправили подъ какимъ-то предлогомъ. Я приписалъ эти маневры вышеозначенной статьѣ, которую по всей вѣроятности дипломатическая любознательность положила подъ свой микроскопъ, и испугался. Я зналъ, что наша добрая франкфуртская полиція до тѣхъ поръ не занимается политикой, пока ей не прикажетъ этого какой нибудь министръ или министрикъ; но что, получивъ приказаніе, она изъ боязни сдѣлать мало, дѣлаетъ больше, чѣмъ ей приказано. На тридцать девять головъ нѣмецкаго Цербера она смотритъ съ неописаннымъ ужасомъ. У нея огромный запасъ спасительнаго страха, который хорошая полиція должна внушать мошенникамъ, и этотъ запасъ служитъ ей военнымъ матеріаломъ. Да, одного того страха, который она питаетъ къ Австріи, у нея цѣлый арсеналъ. Какъ только

Австрія отдастъ приказъ, франкфуртская полиція тотчасъ же лишается слуха и зрѣнія; она падаетъ ничкомъ, кричитъ: «Аллахъ, Аллахъ! великъ Богъ и Магометъ его пророкъ»—и повинуется.

Вслѣдствіе этого я рѣшился удрать изъ моего милаго вольнаго города безъ паспорта и какъ можно тише, — и исполнилъ свое намѣреніе. Паспортъ впослѣдствіи былъ присланъ мнѣ; но я такъ и не узналъ, по какой причинѣ его задержали нѣсколько дней. Правда, я не думаю, что это промедленіе произошло вслѣдствіе дипломатическихъ наклонностей; но тогдашній страхъ свой я и теперь еще считаю вполнѣ основательнымъ, и въ подобномъ случаѣ всегда бы поступилъ точно также, какъ и тогда. Передъ революціей одинъ умный французъ говорилъ: «Если бы обо мнѣ сказали, что я укралъ большой колоколъ съ церкви Notre Damé и привѣсилъ его къ цѣпочкѣ отъ моихъ часовъ, я бы сейчасъ же бѣжалъ изъ Франціи». Въ такомъ дурномъ положеніи было въ то время французское уголовное судопроизводство.

Въ Германіи воровство и убійство не такъ опасны для совершающаго ихъ, и если бы меня обвинили въ одномъ изъ этихъ преступленій, я бы спокойно выжидалъ слѣдствія. Совсѣмъ иное дѣло—преступленія политическія! Приди ко мнѣ завтра за завтракомъ пріятель и скажи мнѣ: «васъ подозрѣваютъ въ томъ, что вы навербовали на франкфуртской биржѣ триста храбрѣйшихъ евреевъ, чтобы во главѣ ихъ двинуться въ Мангеймъ, завоевать рейнскій Пфальцъ, сдѣлать изъ него республику и такимъ образомъ положить конецъ монархическимъ раздорамъ Баваріи и Бадена,»—я бы не далъ себѣ времени даже надѣть сапоги и бѣжалъ бы въ пантуфляхъ. Я не скажу, что нѣмецкая юстиція и администрація отличаются меньшею проницательностью и справедливостью, чѣмъ англійская; но какъ скоро дѣло зайдетъ о такъ называемомъ государственномъ преступленіи, наши судьи и администраторы совершенно теряютъ голосъ и не знаютъ, что они видятъ, что слышутъ, что дѣлаютъ, и становятся безчеловѣчными Ими совершенно овладѣваетъ фальшивая или преувеличенная идея о божественности и то же время о смертности правительства, о неприкосновенности и въ то же время о прикосновенности его. Политическое преступленіе для нихъ та же ересь, и поэтому религіозный фанатизмъ омрачаетъ ихъ разсудокъ. Да, чѣмъ честнѣе судьи, чѣмъ больше они привыкли строго исполнять свой долгъ, тѣмъ опаснѣе они какъ для невиннаго, такъ и для виновнаго. Я помню, что много лѣтъ тому назадъ, мнѣ привелось однажды въ присутствіи одного дипломата высказать неодобреніе

тому образу дѣйствій, котораго держалось прусское правительство въ отношеніи къ демагогическимъ проискамъ и вслѣдствіе котораго не одного невиннаго—невиннаго даже въ томъ узкомъ смыслѣ, въ которомъ принимаетъ это слово правительство—мучили продолжительными слѣдслѣдствіями и долгимъ тюремнымъ заключеніемъ до такой степени, что этотъ судъ оказывался совершенно равнымъ наказанію. Дипломатъ отвѣчалъ мнѣ съ достойною удивленія наивностью: «Да, это несчастные случаи, которые можно сравнить съ тѣмъ, когда черепица падаетъ съ крыши и ранитъ проходящаго». Но, чортъ побери! Правительство вѣдь не должно быть крышею, а если ужъ оно сдѣлалось ею, такъ для того чтобы защищать, а не ранить. И въ этомъ случаѣ оно должно плотно прикрѣплять свои черепицы, чтобы дуновеніе каждаго событія, буря каждой страсти не срывали ихъ и не кидали на голову проходящихъ внизу гражданъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ прискорбно, когда существуетъ такое правительство, мимо котораго нельзя пройти безъ головной боли!

Въ ясный октябрьскій день я переѣхалъ чрезъ саксенъ-гайзерскій мостъ, съ тѣмъ чтобы черезъ Страсбургъ отправиться въ Парижъ. Господинъ Рейхардъ *) ясно доказываетъ на двухъ языкахъ, что молодой человѣкъ, желающій путешествовать съ пользою, долженъ имѣть слѣдующія познанія. Именно: 1) естественная исторія, 2) математика, 3) механика, 4) географія, 5) политическая экономія, 6) языки, 7) рисованіе, 8) четкое и быстрое письмо, 9) плаваніе, 10) нѣкоторыя медицинскія свѣдѣнія, 11) изящныя искусства, особенно игра на духовыхъ инструментахъ, которые можно разбирать на части и очень удобна укладывать въ карманъ сюртука. Кромѣ того путешествующій юноша долженъ возить съ собою разныя спиртуозныя вещи, какъ напр. 1) стклянку уксуса четырехъ—разбойниковъ, 2) стклянку французской водки, 3) стклянку перуанскаго бальзама, 4) стклянку аммоніаковой соли на случай обмороковъ, 5) сткляночку гофманскихъ капель. Всѣми этими познаніями я обладалъ въ весьма малой степени, медицинскихъ же и хирургическихъ жидкостей не имѣлъ вовсе; я везъ съ собою только вторую рубашку, уже упомянутаго господина Рейхарда и маленькое, чистенькое изданіе династій французской имперіи: Наполеона I, Наполеона II, Наполеона III, до Наполеона *L*. Однажды въ Данцигѣ, На-

---

*) Авторъ извѣстнаго „Путеводителя".

полеонъ I, играя вечеромъ въ карты съ своими генералами, послѣ того какъ цѣлый день онъ проигралъ съ нѣмцами, схватилъ горсть золотыхъ и спросилъ:—N'est-ce pas, Rapp, les Allemands aiment beaucoup ces petits Napoléons?—Oui, sire, plus que le grand *), отвѣчалъ Раппъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, императоръ убѣдился въ справедливости этихъ словъ. Нѣмцы бросили на землю большого Наполеона и удержали маленькихъ, не смотря на то, что эти послѣдніе были отчеканены большимъ.

До самой саксенъ-гайзерской будки я часто оглядывался на Франкфуртъ; я все боялся, что полицейскій начальникъ Гравеліусъ и длинный Гаценмейръ бросятся за мною въ погоню. Особенно огорчало меня то, что изъ всей дорожной аптеки я не захватилъ съ собою по крайней мѣрѣ аммоніаковой соли на случай разныхъ непріятностей. Но меня нагнала только маленькая коляска, въ которой сидѣлъ лотерейный коллекторъ съ супругою; онъ, вѣроятно, только что вынулъ большой выигрышъ или самъ выигралъ его, и отправился съ женою погулять. Они были такъ вѣжливы, что по просьбѣ моей взяли меня въ коляску, или собственно говоря на козлы, потому что коляска была тѣсна для троихъ. Чуть только я переѣхалъ черезъ франкфуртскую границу, какъ на душѣ у меня стало весело. При приближеніи къ Дармштадту я настоятельно просилъ коллектора позволить мнѣ проѣхать черезъ городъ внутри экипажа. Мнѣ позволили. Собственно моя фигура достаточно сухощава; но толстый пассажиръ въ карманѣ моего сюртука сильно безпокоилъ прекрасную госпожу коллекторшу. Эти добрые люди вѣроятно думали, что въ этомъ случаѣ во мнѣ дѣйствовало честолюбіе и что я стыдился показаться въ резиденціи великаго герцога на козлахъ экипажа. Но мое желаніе имѣло совершенно другое основаніе. Именно, я хотѣлъ, чтобы меня не увидѣлъ одинъ посланникъ, мимо дома котораго мы проѣзжали, и который, какъ мнѣ казалось, снова собирался подвергнуть изслѣдованію мой тайный образъ мыслей. Это предчувствіе дѣйствительно оправдалось нѣсколько мѣсяцевъ спустя, о чемъ я разскажу впослѣдствіи моему любопытному дневнику. Правда, эта исторія стара, а память моя слаба; но въ наше время не нужно никакой памяти, чтобы не забывать глупыхъ насилій, которымъ подвергаешься.

---

*) Т. е. Правда, Раппъ что нѣмцы очень любятъ этихъ маленькихъ Наполеоновъ?—Да, ваше величество, больше чѣмъ большаго.

Въ Мангеймѣ, куда мнѣ былъ высланъ паспортъ, я сѣлъ въ почтовую карету и отправился въ Страсбургъ.

Какъ хорошо стало у меня на душѣ, когда я достигнулъ французской границы! Я чувствовалъ себя свободнымъ. Въ этой странѣ—думалъ я— честнаго человѣка тоже не оставляютъ въ покоѣ; но если онъ только не глупъ и не трусъ, то и самъ не останется въ долгу у своихъ мучителей. Тутъ тоже бьютъ, но за то тутъ защищаются. Тутъ тоже оскорбляютъ, но это не *оскорбительно*, потому что оскорбляемый отплачиваетъ тѣмъ же. У насъ же тебя ругаютъ, а ты молчи какъ лакей; тебя бьютъ какъ собаку, а ты не имѣешь права даже выть какъ собака! Въ битвѣ дѣло не въ томъ, кто получаетъ больше побоевъ — мы, или наши противники; дѣло не въ большей или меньшей боли, не въ болѣе или менѣе синихъ пятнахъ; а въ томъ, чтобы защитить свою честь и дать отпоръ противникамъ. Оттого то думающій о себѣ человѣкъ всегда умѣетъ устроить дѣло такъ, что первую пощечину даетъ онъ.

Въ годовщину лейпцигской битвы я проѣзжалъ черезъ Шампань. Въ Германіи осьмнадцатое октября празднуется теперь только вольными городами. Это дѣлается для того, чтобы франкированными письмами извѣщать лондонскихъ купцовъ, что покамѣсть все обстоитъ благополучно и хоть разъ въ годъ напоминать высокимъ, забывчивымъ союзникамъ о ихъ обѣщаніяхъ. Въ мой проѣздъ собирали виноградъ, и молодыя поселянки бросали въ мимо проѣзжавшія почтовыя кареты корзины съ ягодами въ надеждѣ получить за это какую нибудь монету. Я купилъ большой запасъ, и такимъ образомъ, пожирая виноградъ и все позабывая, пріѣхалъ къ парижской заставѣ.

Сегодня утромъ, у подошвы одного лѣсистаго холма, подъ дубомъ, я увидѣлъ молодую нищую, которая несла за спиною, въ своей сумѣ, золотокудраго мальчика. Мальчикъ составлялъ весь ея багажъ. Его не мыли съ тѣхъ поръ, какъ онъ родился; но сквозь темные слои его лица блисталъ яркій румянецъ щекъ. Солнце съ такою теплотою смотрѣло на него, какъ будто оно было его матерью, а онъ—королевскимъ сыномъ. Нищая сама кормитъ его. И онъ будетъ силенъ и здоровъ. Трава и деревья кланялись ему; лѣсныя птицы, нашептывающіе льстецы,

щебетали вокругъ него, и кроткій вѣтерокъ ласкалъ его прихотливыя кудри. Какъ счастливо это дитя! воскликнулъ я:—беззаботно переходитъ оно на рукахъ беззаботной матери изъ деревни въ деревню, съ поля на поле, изъ лѣса въ лѣсъ! Ему нечего терять, жизнь для него—лотерея безъ пустыхъ билетовъ, и пусть только выйдетъ его номеръ,—онъ непремѣнно выиграетъ. Можетъ быть, его когда нибудь повѣсятъ; но это не причиняетъ печаль, а уноситъ ее. Но какъ скучно и глупо быть сыномъ честныхъ родителей, и самому сдѣлаться честнымъ человѣкомъ, и имѣть хорошее состояніе! Мы, глупые ослы, вмѣсто того, чтобы свободно пастись на полѣ, навьючиваемъ себя мѣшками, наполненными пшеницей, и тащимъ ихъ къ богатому мельнику, котораго зовутъ Смерть, а тотъ мелетъ и просѣиваетъ это для достоуважаемаго господина Червя. Тотъ имѣетъ все, кто не имѣетъ ничего; у кого есть много, у того всегда мало. Да здравствуетъ нищенство! и во второй разъ да здравствуетъ! и въ третій разъ да здравствуетъ!

Точно такія же чувства, какія возбудила во мнѣ счастливая, ничѣмъ не нагруженная нищая, были во мнѣ, когда я, какъ она, свободный и не обремененный багажемъ, пріѣхалъ въ Парижъ. Брошенный въ это бушующее, вѣчно волнующееся море, я такъ отважно поплылъ по немъ, какъ будто родился въ водяной стихіи. На трехъ французскихъ таможенныхъ заставахъ, наполнившихъ мое сердце гордостью, потому что онѣ напомнили мнѣ о гораздо большемъ количествѣ заставъ въ моемъ любезномъ отечествѣ,—всѣ сундуки, мѣшки и узлы зажиточныхъ пассажировъ были, не смотря на дождь, выброшены изъ почтовой кареты на землю, открыты и подвергнуты осмотру, — и бѣдные богатые люди должны были сами приводить все въ порядокъ, и сердились, и сильно заботились, чтобы что нибудь не выпало и не пропало, и мучились какъ окаянные, и страдали такъ, что смотрѣть было жалко. Я же злорадостно смотрѣлъ на все это изъ оконъ гостиницы, съ удовольствіемъ потиралъ руки, и какъ самодержавный властитель моего времени употреблялъ его частію съ пользою, упражняясь съ почтальонами въ изученіи французскаго языка, частію съ пріятностію, отвѣдывая туземныхъ винъ, частію съ тою и другою, удовлетворяя своему желанію соснуть.

Въ почтовой конторѣ Парижа мое самодовольство и бѣдственное положеніе моихъ спутниковъ достигли высшей степени. Эти спутники были провинціалы или иностранцы; они, какъ и я, въ первый разъ пріѣхали въ Парижъ и рѣшительно не знали, какъ быть съ собою.

Багажъ ихъ стащили въ таможенную комнату, гдѣ царствовалъ неописанный хаосъ. Послѣ осмотра сундуковъ, носильщики взвалили ихъ на спину и, не обращая вниманія на крики пустившихся за ними въ догонку собственниковъ, потащили багажъ по улицамъ Я же, спокойный, и холодный какъ старый кондукторъ, ходилъ по двору точно по своему дому и кричалъ: да здравствуетъ демагогія! да здравствуетъ полиція! да здравствуетъ нищенство! Я пріѣхалъ въ десять часовъ утра, и только въ четыре послѣ обѣда началъ искать себѣ квартиру. У меня не было ни друзей, ни знакомыхъ, ни рекомендацій; но до всего этого мнѣ было очень мало дѣла. Я цѣлый день бѣгалъ по городу, изъ Пале-Рояля въ Тюильри, изъ Тюильри на Вандомскую площадь, съ Вандомской площади на бульвары, съ бульваровъ на Бастильскую площадь. Въ первый же день я осмотрѣлъ полгорода. Одно только немного безпокоило меня Почтовая карета ѣхала изъ Страсбурга не останавливаясь три дня и три ночи и не давала времени на удовлетвореніе самымъ необходимымъ потребностямъ. Я освобождался отъ моихъ денегъ скорѣе, чѣмъ отъ того, за что я платилъ ихъ. Въ Парижѣ я нашелъ для этого необходимое время, но не нашелъ необходимаго случая, и не зналъ какъ мнѣ быть. Наконецъ, я рѣшился войдти въ лучшій домъ Пале-Рояля, взошелъ на лѣстницу, собрался съ духомъ и сталъ искать. Я открылъ одну дверь, всунулъ голову, увидѣлъ пустую комнату ресторана, гдѣ на столѣ лежали цѣлыя груды серебряной посуды, и поспѣшно и со страхомъ отретировался. Я взошелъ во второй этажъ, снова открылъ дверь, увидѣлъ въ маленькой комнатѣ старика, занимавшагося рѣзьбою на мѣди, сказалъ: «Pardonnez, monsieur», и ушелъ. Въ третьемъ этажѣ я тоже отворилъ нѣсколько дверей, за которыми сидѣли то мужчина, то женщина, говорилъ попеременно: «Pardonnez, monsieur, pardonnez, madame», — и продолжалъ путешествіе. Наконецъ, въ четвертомъ этажѣ я увидѣлъ дверь съ маленькимъ круглымъ окошкомъ; я подумалъ, что, наконецъ, достигнулъ цѣли, быстро отворилъ эту дверь и столкнулся съ молодою, хорошенькою дѣвушкою. Опять я пустилъ въ ходъ свое pardonnez madame, — но дѣвственница схватила меня за руку, втащила въ комнату и заперла на замокъ дверь. Reposez-vous, monsieur, — сказала она мнѣ вѣжливо. Критическое положеніе мое заставило меня быть добродѣтельнымъ и я, только въ видѣ подарка, положилъ на ночной столикъ пятифранковую монету. За это благодарная дѣвица познакомила меня съ топографіей дома. Мнѣ пришлось подняться еще однимъ этажемъ выше...

Проголодавшись и уставъ отъ долгаго странствія, я вошелъ въ одну кофейную, чтобы позавтракать, отдохнуть и потомъ снова пуститься въ дорогу.

Наступившіе сумерки напомнили мнѣ, что у меня еще не было пріюта на ночь. Я остановился передъ одной гостинницей, очень хорошо выкрашенной и съ множествомъ окошекъ, вошелъ въ нее и спросилъ себѣ комнату. Хозяинъ спросилъ меня: не послать ли за моими вещами въ почтовую контору? Я лаконически отвѣчалъ, что у меня нѣтъ никакихъ вещей, а что онѣ будутъ мнѣ присланы впослѣдствіи. Это объясненіе привело его въ смущеніе, тѣмъ болѣе что мой плащъ, который я купилъ въ Мангеймѣ и который доставалъ мнѣ только до колѣнъ, придавалъ мнѣ довольно бѣдный видъ. Мнѣ дали однако комнату, сообразивъ конечно, что одною ночью рискнуть можно. Я положилъ себѣ платить за квартиру каждый день, чтобы освободить хозяина гостинницы отъ весьма простительнаго безпокойства. Когда на слѣдующее утро я хотѣлъ это сдѣлать, хозяина уже не было дома и мнѣ не довелось его видѣть цѣлый день. На третій день онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, пожалъ мою руку и явился олицетвореніемъ привѣтливости, даже дружественнаго расположенія. Онъ прочелъ въ газетахъ, что я пріѣхалъ въ Парижъ какъ политическій бѣглецъ; онъ предложилъ мнѣ весь свой домъ, свой столъ, даже кошелекъ;—«а маленькій долгъ вашъ—прибавилъ онъ—вы заплатите, когда будете въ состояніи». Прошло четырнадцать дней, пока я получилъ изъ Германіи мои сундуки; и все это время я напрасно просилъ, чтобъ мнѣ подали счетъ. Только тогда, когда я получилъ свои вещи и хозяинъ увидѣлъ, что я человѣкъ не безъ средствъ, онъ согласился получить съ меня долгъ.

Такъ поступилъ французъ, для котораго я былъ совсѣмъ чужой человѣкъ. Послѣ этого я отправился къ одному нѣмцу, моему знакомому, жившему въ Парижѣ и занимавшемуся торговлею. Я попросилъ его позволить мнѣ адресовать мои сундуки на его имя, такъ какъ я не зналъ, останусь ли на той квартирѣ, гдѣ остановился и потому не могъ послать домой вѣрный адресъ. Нѣмецъ смутился уже при одномъ появленіи моемъ; когда же я попросилъ у него позволенія воспользоваться его адресомъ, онъ испугался и растерялся до такой степени, что смотрѣть было жалко. Онъ ради Бога умолялъ меня освободить его отъ моихъ сундуковъ, такъ какъ въ газетахъ онъ прочелъ, что я запутанъ въ политическія дѣла, съ которыми онъ не желалъ имѣть

ничего общаго. «Je suis père de famille»—жалобно говорилъ дуракъ. Впрочемъ, я напрасно ожидалъ отъ него чего нибудь; онъ былъ не только нѣмецъ, но въ тоже время и еврей, т. е. былъ заяцъ на осьми ногахъ. Я далъ ему полную свободу удирать. Но этотъ случай можетъ показать министрамъ, что если они хотятъ успѣшно управляться съ непокорными либералами, то лучшее средство для достиженья этой цѣли — совершить надъ ними обрѣзаніе и превратить ихъ въ евреевъ. Тогда эти либералы сдѣлаются послушны, какъ овцы.

Въ продолженіе четырнадцати дней парижскія газеты различныхъ партій говорили о моемъ пріѣздѣ. Конечно, онѣ употребляли меня только какъ красильный матеріалъ, онѣ или рабски толкли меня въ ступѣ, или либерально разваривали меня, — но результатъ былъ все таки тотъ, что обо мнѣ говорили. Я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Да что же я такое въ самомъ дѣлѣ? Высокая особа? Курьеръ? Пѣвица? Ни то, ни другое, ни третье, а между тѣмъ обо мнѣ говорятъ газеты! Что это за странный народъ! Особенно памятна мнѣ одна длинная статья въ «Journal des Débats», въ которой частью мифологически, частью біографически разсказывалось обо мнѣ, что я еврей, якобинецъ и умный человѣкъ, и что меня послали въ Парижъ нѣмецкіе демагоги за полученіемъ mot d'ordre отъ comité directeur. Но — такъ заканчивалась статья—онъ d'ailleurs un homme de bonne foi. Такъ какъ «Journal des Débats» былъ въ то время министерскимъ органомъ, то честные нѣмцы могутъ положиться на его свидѣтельство какъ на свидѣтельство австрійскаго «Beobachter» и прусской «Staatszeitung» и вслѣдствіе этого могутъ безъ повѣрки принять, что я дѣйствительно homme de bonne foi. Вслѣдствіе этого они должны мнѣ повѣрить, когда я скажу имъ, что я не былъ посланъ въ Парижъ нѣмецкими демагогами, что я ничего не знаю о comité directeur, что такой comité никогда не существовалъ и что я не получилъ никакого mot d'ordre. Mot d'ordre! мнѣ, который позволяетъ предписывать себѣ что нибудь только своему врагу и самому себѣ! Господи Боже мой! Я не такой дуракъ.

Уже на другое утро послѣ моего пріѣзда, еще прежде чѣмъ обо мнѣ заговорили газеты, меня посѣтили многіе нѣмцы, изъ которыхъ я не зналъ ни одного, но которые завѣряли, что меня они знаютъ отлично, — что впрочемъ было весьма вѣроятно. Богъ ихъ знаетъ, откуда они узнали мой адресъ! Они накормили меня французскими любезностями, взяли меня съ собою, ввели въ свой кругъ, нѣжно обнимали

меня. Они спрашивали меня: какъ идутъ дѣла *въ любезномъ отечествѣ?* Я отвѣчать какъ дитя и какъ дуракъ. Я могу молчать когда хочу; — но я не хочу. Да и къ чему молчать? Можетъ же найтись борозда, въ которую какое нибудь сѣмя тихо упадетъ и пустить корни. «*Бѣдное отечество*!» воскликнули они, и стали смотрѣть другъ на друга и искать взаимнаго утѣшенія въ глазахъ вѣрнаго друга. Я бы охотно задушилъ этихъ мошенниковъ. Они еще нѣсколько дней вертѣлись около меня, пока мой словесный запасъ истощился; потомъ исчезли и я больше не видѣлъ ихъ. Чортъ ихъ побери, если вопреки всякому вѣроятію онъ еще не взялъ ихъ за эти десять лѣтъ!

VIII.

Соденъ, 18 мая.

Меня всегда поражало, что у обоихъ нашихъ знаменитѣйшихъ поэтовъ рѣшительно нѣтъ остроумія; но я думалъ: они полны аристократической гордости ума и стыдятся въ публикѣ обнаруживать свое знакомство съ остроуміемъ, плебеемъ по происхожденію. Дома же, когда ихъ никто не видитъ, они вѣроятно остроумны. Но когда я прочелъ ихъ переписку, то нашелъ, что они и въ халатѣ также мало остроумны, какъ въ парадномъ мундирѣ. Одинъ только разъ Шиллеръ говоритъ о Фихте: «Свѣтъ для него ничто иное какъ мячъ, который *я* пустило въ гору и который, по размышленіи, оно снова ловитъ». Вы изумляетесь, удивляетесь; но это остроумное настроеніе уже не повторяется больше въ многотомномъ сочиненіи.

Недостатокъ остроумія гнуснѣйшимъ образомъ проявляется у Гете и Шиллера тамъ, гдѣ они въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ произносятъ приговоръ надъ людьми, писателями и книгами. Приговоръ этотъ бываетъ часто очень рѣзокъ, часто очень грубъ,—но никогда въ немъ нѣтъ ни капли остроумія. Огонь горитъ, но въ то же время онъ свѣтитъ; свѣтъ предохраняетъ отъ боли и вознаграждаетъ за нее. Порицаніе безъ остроумія есть огонь безъ свѣта. Похвала не уживается съ остроуміемъ; удовольствіе можетъ быть только тамъ, гдѣ есть единство ощущенія, а остроуміе разъединяетъ, разрываетъ. Порицанію остроу-

міе необходимо; оно дѣлаетъ его мягче и обращаетъ злость въ художественное произведеніе. Безъ остроумія критика становится пошлою и злобною.

Я не знаю, какое мѣсто отведено остроумію въ сводѣ законовъ эстетики; но безъ остроумія, будьте вы величайшій писатель, вамъ не подѣйствовать на человѣчество. Вы только взволнуете немного вашихъ современниковъ и умрете вмѣстѣ съ ними. Человѣкъ, не имѣющій остроумія, не имѣетъ ни сердца, чтобы понять страданія своихъ братьевъ, ни мужества, чтобы рисковать за нихъ. Остроуміе — рука, съ помощью которой нищій прижимаетъ къ своей груди богача, а маленькій человѣкъ побѣждаетъ большаго. Оно—крючокъ, который сцѣпляетъ между собою непріятельскіе корабли и крѣпко держитъ ихъ въ этомъ положеніи. Оно — неустрашимый адвокатъ права и вѣры, который *видитъ* Бога тамъ, гдѣ Его никто еще не предчувствуетъ. Остроуміе—демократическій принципъ въ царствѣ духа; оно—народный трибунъ, который даже въ тѣхъ случаяхъ, когда король хочетъ, говоритъ: *я не хочу!*

Разумъ—хлѣбъ, который насыщаетъ; остроуміе—пряная приправа, придающая больше аппетиту. Разумъ уничтожается вслѣдствіе потребленія; остроуміе удерживаетъ свою силу на вѣчныя времена. Ученіе Гете и Шиллера очень разумно, но уже не приноситъ никакой пользы, потому что люди послѣдовали ихъ урокамъ, а новое знаніе требуетъ и новыхъ правилъ. Съ другой стороны Лессингъ и Вольтеръ также учили, искусство и ихъ время также брали у нихъ уроки, но эти уроки никогда не потеряютъ своей силы. Они сражались остроуміемъ, а остроуміе— мечъ, который можетъ быть употребленъ въ каждой битвѣ. Исторія насчитываетъ великихъ людей, которыхъ можно назвать *оглавленіемъ прошедшаго;* къ такимъ людямъ принадлежатъ Гете и Шиллеръ. Но она насчитываетъ и другихъ, составляющихъ *оглавленіе будущаго:* таковы Вольтеръ и Лессингъ.

Вы, вѣрующіе только въ боговъ и не вѣрующіе въ людей,—послушайте-ка, что говорятъ ваши высокочтимые оракулы! Шиллеръ, извѣщая Гете о плохомъ сбытѣ «Пропилеевъ», говоритъ о «совершенно неслыханномъ невѣжествѣ публики». Онъ пишетъ: «Я не могу подумать объ этомъ безъ того, чтобъ вся моя кровь не пришла въ волненіе, потому что ничто еще не давало мнѣ такого возмутительнаго понятія о нѣмецкой публикѣ». По его мнѣнію, «нѣмцамъ надо говорить правду какъ можно рѣзче». Ахъ, эту правду я уже не разъ говорилъ

имъ, и гораздо рѣзче, чѣмъ Шиллеръ. Не надо ни на минуту переставать злить нѣмцевъ; только это одно можетъ помочь. Но надо злить ихъ не по одиночкѣ,—это было бы несправедливо, потому что между ними есть и хорошіе люди,—а злить всю массу. Надо разжигать въ нихъ національную злобу, если ужь нельзя воодушевить ихъ для національной радости, и можетъ быть первая будетъ имѣть слѣдствіемъ послѣднюю. Надо день и ночь кричать имъ: «Вы не нація, вы никуда не годитесь какъ нація». Съ ними нельзя говорить разумно, а слѣдуетъ говорить неразумно, страстно; потому что имъ не достаетъ не разума, а безразсудства, страстности, безъ которыхъ разумъ—безногое существо. Безъ нихъ разумъ—голова, и больше ничего,—*caput mortuum.* Европа волнуется, подымается, просвѣщается; Германія печалится, унываетъ и опускается на землю. Государственные химики называютъ это спокойствіемъ, миромъ, сухимъ путемъ правленія.

Но имѣютъ ли Гете и Шиллеръ право такъ гордо смотрѣть на народъ, къ которому они принадлежатъ? Нѣтъ, они менѣе чѣмъ кто нибудь. Они не любили народа, они презирали его, они ничего не сдѣлали для своего народа. А народъ тоже, что дитя; должно научать его, можно бранить и наказывать; но строгимъ слѣдуетъ только казаться, а не быть имъ на самомъ дѣлѣ; надо, чтобъ на губахъ былъ гнѣвъ, а въ сердцѣ—любовь. Шиллеръ и Гете жили только въ кругу избранныхъ людей, и Шиллеръ былъ еще худшій аристократъ, чѣмъ Гете. Этотъ послѣдній водился съ знатными, могущественными, богатыми, съ гражданскою аристократіею. Такая свита довольно многочисленна; въ ряды ея можетъ незамѣтно пробраться и непосвященный, и если его открываютъ, то часто оставляютъ въ покоѣ. Напротивъ того, Шиллеръ водилъ хлѣбъ-соль съ *аристократіею человѣчества*, пировалъ съ нею за маленькимъ столомъ и съ гнѣвомъ прогонялъ всякаго незванаго гостя. И его рыцари человѣчества не умѣютъ дѣйствовать мечемъ, они только болтаютъ и позволяютъ противникамъ забивать ихъ до смерти; это декламирующая, комедіантская аристократія. Маркизъ Поза разговариваетъ въ пещерѣ тигра, какъ священникъ передъ своею мирною паствою, и забываетъ, что съ тиранами надо сражаться, а не разсуждать. Опекунъ народа долженъ быть и его предводителемъ; Ѳемидѣ безъ меча бросаютъ въ голову вѣсы правосудія.

Когда божій громъ раскатывается и грозно покрываетъ кваканье человѣчковъ, тогда благородное сердце слушаетъ, и ликуетъ, и покланяется, а кто боязливъ, тотъ слушаетъ, и притаиваетъ дыханіе, и мо-

лится. Но глупецъ зажимаетъ себѣ уши, и не слушаетъ, и не молится, и не покланяется. Въ жаркіе дни французской революціи Шиллеръ писалъ въ объявленіи о своей газетѣ *Horen:* «Но преимущественно и безусловно наша газета будетъ воздерживаться отъ обсужденія всего, что касается государственной религіи и политическаго устройства». Точно такъ поступаетъ и въ наше время всякая дрянь — журналистъ, когда для того, чтобы пріохотить читателей къ новой газетѣ, онъ увѣряетъ, что будетъ наполнять ее чистымъ золотомъ повѣстей и театральныхъ извѣстій, безъ всякой преступной лигатуры съ вѣрою и свободою. Шиллеръ былъ благороденъ, но не благороднѣе своего народа. Точно также говорилъ и думалъ Гете. Но для того ли небо посылаетъ жаждущему человѣчеству поэтовъ, чтобы они пили вино, а мы только смотрѣли на него и томились еще болѣе сильною жаждой? И при такомъ-то образѣ мыслей и выраженія, они еще позволяютъ себѣ высказывать такую жалобу: «Развитіе нѣмцевъ еще не дошло до той степени, на которой то, что нравится лучшимъ людямъ, должно быть достояніемъ каждаго». Да развѣ можетъ быть достояніемъ каждаго то, за что не каждый хватается, потому что такія вещи, какъ напримѣръ религія и гражданство, не каждаго касаются. Ужъ не долженъ ли нѣмецкій народъ ликовать и махать платками, когда Гете любезничаетъ съ коровою Мирона?

IX.

Соденъ, 20 мая.

Я прочелъ всю переписку Шиллера и Гете, я не думалъ, что буду въ состояніи сдѣлать это. Можетъ быть, это чтеніе принесетъ моему здоровью такую же пользу, какую доставляетъ леченіе водою. Теперь, чтобы вознаградить себя за такую упорную діэту, я постараюсь доставать себѣ всѣ рецензіи, которыя по всей вѣроятности будутъ появляться по поводу этой книги. Я уже заранѣе ощущаю удовольствіе. Чего только не наболтаютъ о ней, чего только не найдутъ въ ней! Гете имѣетъ много приверженцевъ, онъ, какъ истинный монархъ, всегда привлекалъ къ себѣ литературную чернь, чтобы имѣть возможность забирать въ середину круга богатыхъ и независимыхъ писателей. Соб-

ственно себя онъ держалъ всегда гордо и никогда не давилъ самъ сверху; онъ стоялъ не наклоняясь и заставлялъ давить свою чернь снизу Нѣтъ ничего удивительнѣе манеры, которая употребляется при обсужденіи Гете; я говорю манеры; я не удивляюсь тому, что его цѣнять высоко; это понятно и простительно. Его обсуживаютъ серьезно и сухо, какъ какой нибудь Corpus Juris. Съ большою назидательностью разсказываютъ исторію его происхожденія и развитія; объясняють темныя мѣста; сопоставляютъ параллельныя мысли; обращаются въ дурака. Одинъ изъ поклонниковъ Гете сказалъ мнѣ однажды: «Чтобы понимать его стихотворенія, надо быть знакомымъ и съ его сочиненіями по естественнымъ наукамъ». Этихъ сочиненій я не знаю; но что это за художественное произведеніе, которое не объясняется само собою? Я вѣдь ничего не знаю объ исторіи развитія Шекспира, а понимаю Гамлета на столько, на сколько мы можемъ понимать то, что восхищаетъ насъ Развѣ для того, чтобы понять Макбета надо прочитать и Отелло? Но Гете своимъ дипломатическимъ поведеніемъ пустилъ въ ходъ мнѣніе, что для пониманія каждаго изъ его произведеній, надо познакомиться со всѣми; онъ хотѣлъ, чтобъ ему покланялись, такъ сказать, оптомъ. Но я увѣренъ, что будущее поколѣніе вступитъ во владѣніе наслѣдствомъ Гете только cum beneficio inventarii. Одинъ изъ жрецовъ Гете, который былъ такъ счастливъ, что имѣлъ въ своемъ портфелѣ цѣлую кипу ненапечатанныхъ записочекъ своего бога, однажды разложилъ эти драгоцѣнности передо мною, провелъ по нимъ нѣжными, набожными пальцами и облизываясь сказалъ: «каждая строчка — сокровище». Этотъ добрый другъ мой смотритъ, конечно, на переписку, заключающую, въ себѣ пятьдесятъ тысячъ драгоцѣнныхъ строкъ Гете, какъ на Grünes Gewölbe *); но я охотнѣе отдамъ червонцы моего удивленія за Gewölbe дрезденское.

Но въ послѣднемъ томѣ переписки, Гете одинъ разъ, единственный разъ въ своей долгой жизни, выказываетъ прекрасную братскую любовь, — и это потому, что тутъ онъ забылся, спутался и сошелъ съ стараго обычнаго пути эгоизма. Въ посвященіи книги благородному королю баварскому, — посвященіи, въ которомъ онъ благодаритъ этого государя за полученныя отъ него доказательства благосклонности, — Гете

---

*) Grünes Gewölbe — одинъ изъ дрезденскихъ музеумовъ, въ которомъ собрано множество драгоцѣнностей.

вспоминаетъ о своемъ умершемъ другѣ Шиллерѣ и высказываѣтъ сожалѣніе, что Шиллеръ при жизни не пользовался такою же высочайшею благосклонностью; онъ даже думаетъ, что если бы такое счастіе выпало на долю Шиллера, то онъ, можетъ быть, не умеръ бы такъ рано. Гете говорить: «Высочайшая благосклонность облегчила бы его существованіе, прогнала домашнія заботы, дала возможность переселиться туда, гдѣ климатъ лучше и цѣлебнѣе; вслѣдствіе этого работы его оживились бы и ускорились на радость высокому покровителю и въ вѣчное поученіе міру».

Вѣрить ли глазамъ? Тайный совѣтникъ Гете, карлсбадскій поэтъ, осмѣливается упрекать нѣмецкаго государя за то, что онъ не облегчилъ существованія Шиллера, гордости и украшенія отечества? Ужъ не помолодѣлъ ли этотъ человѣкъ на старости лѣтъ? Нѣтъ, онъ тотъ же слабый старикъ. Эти слова его—выраженіе не свободнаго порыва души, а душевной минутной борьбы. Но то то и осуждаетъ его, что изъ этого случая мы можемъ видѣть, какое вліяніе онъ *могъ* имѣть, когда начиналъ дѣйствовать,—*могъ*, и только одинъ разъ захотѣлъ. Дѣйствительно, этими немногими словами легкаго порицанія онъ совершилъ чудо! Онъ точно волшебствомъ раскрылъ плотно затворенную, непроницаемую официальную грудь нѣмецкаго сановника! Онъ, однимъ теплымъ лучемъ своего сердца, заставилъ растаять двадцатипятилѣтній ледъ самой строгой молчаливости! Едва господинъ фонъ Беймъ, бывшій въ то время прусскимъ министромъ, прочелъ обвиненіе Гете, какъ поспѣшилъ сдѣлать слѣдующее заявленіе: «Для того чтобы отклонить по крайней мѣрѣ отъ моего государя упрекъ, дѣлаемый Гете нѣмецкимъ государямъ въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ покровителемъ Шиллера, я считаю нужнымъ довести до общаго свѣдѣнія фактъ, *официально извѣстный мнѣ одному*, именно, что когда Шиллеръ высказалъ желаніе поселиться въ Берлинѣ, то прусскій король по собственному побужденію назначилъ ему годичное содержаніе въ три тысячи талеровъ и обезпечилъ за нимъ многія другія выгоды». Отчего же господинъ фонъ-Беймъ такъ долго молчалъ объ этомъ прекрасномъ поступкѣ своего государя? отчего онъ ждалъ, чтобы случилось то, чего не могъ предвидѣть самъ Богъ, — именно, проявленіе въ Гете человѣческаго чувства? Что король прусскій отличается строгою *справедливостью*,—это знаетъ и цѣнитъ Германія; но его сановники должны дѣлать извѣстными и его *прекрасныя* дѣйствія, которыя благородное сердце всегда старается скрывать,—дѣлать извѣстными для

того, чтобы этимъ дѣйствіямъ воздавалась надлежащая хвала и чтобы онѣ подавали примѣръ нашимъ другимъ правительствамъ..

Гете могъ бы быть Геркулесомъ, могъ бы освобождать свое отечество отъ великихъ бѣдъ; но онъ срывалъ только золотые яблоки гесперійскихъ садовъ, удерживалъ ихъ для себя, и потомъ садился у ногъ Омфалы и не вставалъ съ этого мѣста. Какая разница съ жизнью и дѣйствіями великихъ поэтовъ и ораторовъ Италіи, Франціи и Англіи! Дантъ, воинъ, государственный человѣкъ, даже дипломатъ, котораго любили и ненавидѣли, защищали и преслѣдовали многіе государи, не обращалъ вниманія на любовь и ненависть, благосклонность и коварство, и не переставалъ пѣть и бороться за право человѣка. Онъ нашелъ, что старый адъ никуда не годится и создалъ новый, чтобы смирить высокомѣріе вельможъ и наказать коварныхъ поповъ за ихъ лицемѣріе. Альфіери былъ богатъ, знатенъ, и все таки какъ носильщикъ взбирался на Парнасъ, чтобъ съ вершины его проповѣдывать свободу. Монтескье былъ сановникъ, и не смотря на это, писалъ свои «Персидскія письма», въ которыхъ онъ осмѣивалъ дворъ, и свой «Духъ законовъ», въ которомъ онъ являлся судьею преступленій Франціи. Вольтеръ былъ придворный; но вельможамъ онъ расточалъ только льстивыя слова и никогда не приносилъ имъ въ жертву своего образа мыслей. Онъ носилъ высокій парикъ, тонкія маншеты, шелковые кафтаны и шелковые чулки, но онъ смѣло входилъ въ грязную лужу, какъ только слышалъ крикъ гонимаго человѣка, звавшаго на помощь, и дворянскими руками снималъ съ висѣлицы невинно повѣшенныхъ. Руссо былъ бѣдный и безпомощный нищій; но ни нѣжная заботливость, ни дружба, ни знатность не могли соблазнить его; онъ остался свободнымъ и гордымъ и умеръ нищимъ. Мильтонъ не забывалъ за своими стихотворными занятіями бѣдственнаго положенія своихъ согражданъ и дѣйствовалъ въ пользу права и свободы. Точно также дѣйствовали Свифтъ, Байронъ, точно также поступаетъ Томасъ Муръ. А что дѣлалъ, что дѣлаетъ Гете? Гражданинъ вольнаго города, онъ помнитъ только, что онъ внукъ деревенскаго старосты, который во время коронаціи императора служилъ камердинеромъ. Сынъ почтенныхъ родителей, онъ пришелъ однажды въ восторгъ, когда еще въ дѣтствѣ одинъ уличный мальчишка обругалъ его незаконнорожденнымъ, и съ фантазіей будущаго поэта началъ мечтать, что онъ сынъ какого нибудь принца. Такимъ онъ былъ, такимъ и остался. Ни разу не произнесъ онъ ни малѣйшаго словечка въ пользу своего народа,—онъ, который,

по своему положенію, дѣлавшему его неприкосновеннымъ и во время высшей славы и въ преклонной старости, имѣлъ бы право говорить то, чего бы не смѣлъ сказать никто другой. Еще за нѣсколько лѣтъ до того, онъ просилъ «высокія и высшія правительства» нѣмецкаго союза не допускать контрфакціи его сочиненій. Но ему не пришло въ голову похлопотать о такомъ заступничествѣ и для всѣхъ нѣмецкихъ писателей. Я бы лучше позволилъ, чтобъ меня, какъ школьника, били линейкой по рукамъ, чѣмъ согласился бы употреблять эти руки на то, чтобъ протягивать ихъ для выпрашиванія себѣ защиты моего, и только моего права!

Гете былъ счастливъ въ этомъ мірѣ и самъ признаетъ себя счастливымъ. Онъ доживетъ до ста лѣтъ; но и столѣтія проходятъ, и только потомство живетъ вѣчною жизнію. Оно, безстрашный и неподкупный судья, спроситъ у Гете: «Тебѣ былъ данъ высокій умъ, — возставалъ ли ты противъ низости? Небо дало тебѣ пламенный даръ слова,—употреблялъ ли ты его на защиту права? Въ рукахъ твоихъ былъ хорошій мечъ, но ты охранялъ имъ только самаго себя! Ты жилъ счастливо, но ты отжилъ».

X.

Соденъ, 22 мая.

Мнѣ было хорошо въ Парижѣ. На душѣ у меня было такъ, какъ будто съ морскаго дна, гдѣ водолазный колоколъ спиралъ мое дыханіе, я снова выбрался на свѣжій воздухъ. Свѣтъ солнца, людскіе голоса, шумъ жизни—все это восхищало меня. Мнѣ уже не было холодно въ сообществѣ рыбъ; я не былъ больше въ Германіи.

Добрые нѣмецкіе друзья, знавшіе мое нѣмецкое сердце лучше, чѣмъ знали его многіе рецензенты, объявлявшіе меня врагомъ отечества, удивлялись тому, что я такъ восхвалялъ Францію. — Ты — говорили они—и эта страна коварства, невѣрія и неправды!—Нѣтъ, не то вы говорите, друзья мои. — Большія преимущества, которыя мы имѣемъ надъ французами: свободный умъ, набожность, справедливость и любовь ко всему человѣчеству, — все это блага *внутреннія*, которыя каждый нѣмецъ можетъ перевозить съ собою въ каждую страну.

Внѣшнихъ благъ мы не оставляемъ въ отечествѣ, и всѣ эти блага, изъ которыхъ мы ни одного не имѣемъ, мы находимъ во Франціи Своимъ собственнымъ нѣмецкимъ сердцемъ можно въ волю наслаждаться только во Франціи. Тамъ оно печка, которая благодѣтельно согрѣваетъ насъ въ холодномъ климатѣ; но въ душномъ отцовскомъ домѣ съ его плотно затворенными окнами и лавками, жаръ отъ печки становится для насъ слишкомъ большимъ бременемъ. Къ чему ребяческія слезы разставанья? Начальство, печеныя яблоки и насморкъ можно найти вездѣ.

Одинъ старый греческій писатель, котораго Плутархъ цитируетъ въ жизнеописаніи Демосфена, говорилъ: «Необходимѣйшее условіе для счастія человѣка то, чтобы онъ родился въ знаменитомъ городѣ». Но такъ какъ *важнѣе быть счастливымъ*, чѣмъ *составить свое счастіе*, на что, конечно, намекалъ греческій писатель, то въ наше время необходимѣйшее условіе для счастія человѣка—жизнь въ *большихъ* городахъ, которые теперь тоже самое, что въ древности *знаменитые*.

У кого въ жилахъ течетъ не вода, тотъ въ маленькомъ городѣ долженъ сдѣлаться врагомъ человѣчества или, что еще хуже, богохульникомъ и поборникомъ мудрыхъ предначертаній божіихъ. Въ скудномъ населеніи люди и ихъ слабости выступаютъ на видъ слишкомъ по одиночкѣ и являются достойными презрѣнія, если не ненависти. Большія преступленія совершаются тутъ такъ рѣдко, что мы объявляемъ ихъ свободными дѣйствіями и безпощадно осуждаемъ тѣхъ немногихъ, которые оказываются виновными въ этихъ преступленіяхъ. Великія бѣдствія приходятъ одно послѣ другаго такъ не скоро, что мы смотримъ на нихъ какъ на неправильность, какъ на произволъ промысла и ропщемъ на злую кометную прихоть неба. Совсѣмъ не то въ большихъ городахъ, каковъ напримѣръ Парижъ. Слабости человѣка являются тамъ слабостями всего человѣчества; преступленія и бѣдствія—спасительными болѣзнями, которыя, чтобы спасти все тѣло, бросаютъ общее страданіе его на отдѣльные члены. Тамъ мы признаемъ естественную необходимость зла, а необходимость утѣшаетъ лучше, чѣмъ свобода. Когда въ маленькомъ городкѣ случится самоубійство, сколько толковъ, сколько соображеній возбудитъ оно! Одни приписываютъ его корыстолюбію, властолюбію, жаждѣ наслажденій; другіе возстаютъ противъ обольщеній, представляемыхъ игорными домами, осуждаютъ жестокость эгоистовъ-родителей, доведшихъ до гроба любящее

сердце. Но когда въ Парижѣ читаешь офиціальныя извѣстія о тамошнихъ самоубійствахъ и видишь изъ нихъ, что число этихъ случаевъ почти каждый годъ одинаково, что столько-то лишаетъ себя жизни отъ любви, столько-то отъ бѣдности, столько-то отъ большаго проигрыша, столько-то отъ честолюбія,—тогда пріучаешься смотрѣть на самоубійство какъ на болѣзни, которыя, подобно смертнымъ случаямъ, вслѣдствіе апоплексіи или чахотки, каждый годъ являются въ одинаковой пропорціи.

Горничная одной нѣмецкой дамы, жившей въ Парижѣ, неосторожно зажгла свое платье и сгорѣла. Дама была въ отчаяніи отъ *неслыханнаго* несчастія. Я далъ ей прочитать офиціальныя вѣдомости префектуры, изъ которыхъ она увидѣла, что въ Парижѣ каждый годъ погибаетъ отъ огня шестьдесятъ или восемьдесятъ человѣкъ, и что это число почти никогда не измѣняется. Это очень утѣшило мою даму. Судьба, представляемая числами, имѣетъ въ себѣ что-то очень успокоительное, математическіе доводы побѣдоносно дѣйствуютъ на каждаго и человѣческія страданія облегчились бы въ значительной степени, если бы постоянно велась арифметика и статистика ихъ.

Кто живетъ созерцательною жизнью, кто любитъ проводить время въ томъ, чтобы смотрѣть на житейскія сцены комфортно, съ колпакомъ на головѣ, трубкою во рту и чашкою кофе на столѣ, тотъ пусть избираетъ Парижъ мѣстомъ жительства. Этотъ городъ — превосходная сцена, на которой представляютъ все, что случается или можетъ случиться во всѣхъ странахъ міра. Въ Парижѣ живется такъ спокойно. Даже самое быстрое движеніе проходитъ для насъ незамѣченнымъ, потому что все—земля, на которой мы стоимъ, и воздухъ, которымъ мы дышемъ — движется. Спокойствіе есть счастіе. Въ этомъ смыслѣ г-жа Сталь совершенно права, когда говоритъ о Парижѣ: «C'est la seule ville du monde où l'on peut se passer du bonheur» *).

Спокойствіе есть счастіе, когда оно отдохновеніе, когда мы сами выбрали его, сами нашли послѣ долгихъ поисковъ; но спокойствіе не есть счастіе, когда, какъ въ нашемъ отечествѣ, оно составляетъ наше единственное занятіе.

Въ Германіи я выходилъ изъ дому, чтобы гдѣ нибудь найти дви-

---

*) Это единственный городъ въ мірѣ, въ которомъ можно обойтись безъ счастья.

женіе и нигдѣ не находилъ его; въ Парижѣ я приходилъ домой, чтобы найти спокойствіе и всегда находилъ его. Тамъ жизнь, наука, гражданство имѣютъ общественный характеръ. Правительство дѣйствуетъ открыто и не образуетъ никакого тайнаго общества, соединяющаго въ себѣ ребяческій призракъ франмасонства со всѣми ужасами религіознаго судилища, — ужасами, правда, только нарисованными, но которые тѣмъ болѣе оскорбляютъ насъ, что признаютъ насъ дѣтьми, для которыхъ достаточно такое запугиваніе.

Только въ молодости человѣкъ можетъ быть истиннымъ космополитомъ. Я тоже былъ молодъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ область фантазіи, съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Германіи, мною постоянно овладѣваетъ самая страшная скука. Здѣшняя тишина дѣлаетъ меня больнымъ, отсутствіе простора ранитъ меня. Я не люблю никакихъ соло. Даже когда Паганини играетъ, даже когда *она* поетъ, — я не могу долго выдержать. Мнѣ нужны симфоніи Бетховена или раскаты грома. Я не хочу имѣть ложу для одного себя, какъ бы широка она ни была: но не хочу тоже, чтобъ надъ моей головой была другая ложа. Я хочу сидѣть внизу, окруженный всѣмъ моимъ народомъ.

Звонкая монета въ жизни Германіи чеканится подъ землею, въ полуночной тишинѣ, точно фальшивыми монетчиками. Тѣ, которые работаютъ, не наслаждаются своимъ произведеніемъ, а тѣ, которые наслаждаются имъ и при свѣтѣ дня пускаютъ въ обращеніе то, что боязливо сдѣлано въ темнотѣ, не работаютъ. Во Франціи человѣкъ, наслаждающійся жизнью, живетъ какъ курьеръ, въ Германіи — какъ почтальонъ, который постоянно ѣздитъ на одной и той же станціи и которому счастье даетъ нѣсколько жалкихъ грошей на водку. Правда, за то мы знаемъ каждый камень на нашихъ двухъ миляхъ и даже во снѣ не собьемся съ дороги; въ этомъ случаѣ мы также геніальны, какъ лошадь. Это мы называемъ быть *основательнымъ*.

Нѣмцевъ называютъ набожными, скромными, свободно мыслящими. Но развѣ человѣкъ набоженъ, когда онъ разбиваетъ на куски человѣка, лучшее созданіе Божіе? Развѣ онъ скроменъ, когда обнаруживаетъ высокомѣріе? Развѣ онъ свободно мыслитъ, когда думаетъ о томъ, какъ бы выслужиться? У французовъ тоже есть высокомѣріе, но это высокомѣріе *личное*, а не *общинное*, какъ у насъ; оно не организовано; у французовъ нѣтъ гордости чиновника, гордости надворнаго совѣтника, гордости солдата, гордости дворянина, гордости профессора, гордости студента, гордости купца. Въ Парижѣ, какъ въ самомъ малень-

комъ нѣмецкомъ городкѣ, каждое тщеславіе освѣщаетъ себя огаркомъ свѣчи; но этихъ огарковъ столько, что изъ нихъ образуется великолѣпная иллюминація. Движеніе жизни совершается тамъ такъ быстро, что самыя мелкія явленія, раздѣленныя другъ отъ друга самыми короткими промежутками, образуютъ величавое цѣлое. Такъ тускло горящій фитиль кажется прекраснымъ огненнымъ колесомъ, когда его быстро вертятъ въ обручѣ.

Въ Германіи нѣтъ ни одного большаго города. О Вѣнѣ нечего говорить, а о Берлинѣ тѣмъ болѣе. Правда, въ Берлинѣ скопилось больше ума, чѣмъ, можетъ быть, во всякомъ другомъ мѣстѣ земнаго шара. Но онъ не идетъ въ фабрикацію, не поступаетъ въ мелочную торговлю, а составляетъ только сырой матеріалъ. Въ Берлинѣ есть умные чиновники, умные офицеры, умные ученые, умные купцы. Но нѣтъ умной массы народа. Общественная жизнь Берлина — рынокъ съѣстныхъ припасовъ, на которомъ все хорошо, свѣжо, но не сварено; тутъ яблоки, картофель, хлѣбъ и даже красивые цвѣты; но сердце не должно вѣдь быть рынкомъ, по жиламъ общества не долженъ катиться картофель, а должна течь кровь, въ которой все растворяется и въ которой нельзя различить другъ отъ друга картофель и ананасъ, пиво и шампанское, остроуміе и глупость. Общественная жизнь должна быть демократична, никакое ощущеніе, никакая мысль не должны первенствовать передъ другими, но всѣ ощущенія и всѣ мысли должны приходить каждая въ свою очередь. И въ общественныхъ разговорахъ всегда должно быть средоточіе, нѣчто, о чемъ всѣ говорятъ, потому что оно для всѣхъ важно и заслуживаетъ быть важнымъ. Король добръ, принцы пріятны, театръ прекрасенъ, куропатки очень вкусны; но постоянно говорить о королѣ, постоянно о принцахъ, постоянно о театрѣ, toujours perdrix — это надоѣстъ.

Если въ Германіи даже большіе города должны быть названы маленькими, то для того, чтобы опредѣлить характеръ маленькихъ городовъ, надо изобрѣсть новое слово. Какъ въ Англіи раздѣленіе труда, такъ у насъ раздѣленіе удовольствій доведено до крайней степени Мы веселимся гомеопатически: въ цѣлое ведро скуки попадаетъ одна капля препровожденія времени Собственно говоря, въ каждомъ городѣ есть все, что нужно для образованія пріятнаго общества, привѣтнаго очага, вокругъ котораго послѣ дневныхъ трудовъ можно собираться для того, чтобы, вымывъ руки дома, здѣсь вымывать сердце. Но у насъ требованія подобнаго образованія разрозненны и разсѣяны и мы съ невѣ-

роятнымъ усердіемъ и достойною удивленія устойчивостью стараемся поддержать это разъединеніе. Въ одномъ мѣстѣ камень, въ другомъ сталь; здѣсь трутъ, тамъ рука высѣкающая огонь; тутъ дрова, тамъ очагъ. Они называютъ это клубами, казино, рессурсами, гармоніями, коллегіями, музеями. Въ нихъ собираются люди одинаковаго образа мыслей, одинаковыхъ состояній, одинаковыхъ занятій, одинаковыхъ сословій. Тутъ каждый находитъ то, что онъ только что оставилъ; тутъ каждый слышитъ только отголосокъ своего собственнаго образа мыслей; тутъ они не узнаютъ ничего новаго и не забываютъ ничего стараго. Такія бесѣды ничто иное, какъ продолженіе дневныхъ занятій, съ тѣмъ только невыгоднымъ различіемъ, что они не приносятъ никакой пользы и что время въ нихъ пропадаетъ совершенно даромъ. Въ этихъ клубахъ царствуетъ кладбищенская тишина. Слышенъ только стукъ бильярдныхъ шаровъ, костей и домино; видны только облака табачнаго дыма, подобно привидѣніямъ выходящія изъ трубокъ. Только во время выборовъ новыхъ чиновниковъ или балотировки новыхъ членовъ, особенно когда у этихъ послѣднихъ есть противники, эта клубная смерть начинаетъ оживляться; тогда появляется жизнь подобная жизни древнеримскаго форума. Такимъ образомъ, каждый нѣмецкій городъ состоитъ изъ пятидесяти маленькихъ крѣпостей, гарнизонъ которыхъ думаетъ только о томъ, чтобы не допустить въ свои стѣны чужихъ воиновъ. Они скорѣе умрутъ отъ недостатка въ собесѣдничествѣ, чѣмъ откроютъ свои двери, потому что ихъ цѣль и удовольствіе состоитъ не въ соединеніи, а въ разъединеніи. Если министръ полиціи, дипломаты, центрально-слѣдственные коммисары дадутъ мнѣ обѣщаніе поступать со мною вѣжливо при каждомъ будущемъ случаѣ, то я сообщу имъ нѣчто важное, нѣчто демагогическое. Въ Германіи есть нѣсколько тысячъ казино и милліонъ человѣкъ ежедневно пользуется въ немъ своимъ избирательнымъ правомъ. Съ какой цѣлью? Французское правительство не можетъ справиться даже съ своими восьмидесятью тысячъ избирателей... и т. д... Я имѣю дѣло съ умными людьми, которые поймутъ, что я думаю и что имъ слѣдуетъ дѣлать. Но только будьте вѣжливы!

Когда механическія силы одинаковой величины сталкиваются между собою съ одинаковой быстротой, то онѣ останавливаютъ одна другую и остаются неподвижными. Но если самыя силы или ихъ быстрота неравны, то одна гонитъ другую и всѣ онѣ приходятъ въ движеніе. Точно то же и съ умственными силами. Въ этомъ заключается тайна нѣмецкихъ и прелести французскихъ обществъ. Гдѣ собираются

только близкіе товарищи, тамъ всегда скука будетъ предсѣдательствовать, а глупость—вести протоколъ. Но если въ нѣмецкій городъ пріѣдетъ иностранецъ, и захочетъ изучить духъ населенія, то въ этомъ онъ никогда не успѣетъ Для того, чтобы составить себѣ какое нибудь понятіе объ этомъ духѣ, ему придется цѣлый годъ посѣщать всѣ клубы, казино и общества и сводить итогъ всѣхъ своихъ наблюденій. Но и тутъ онъ обочтется, потому что общественныя тѣла точно такъ же, какъ химическія, при соединеніи образуютъ третье новое тѣло. Но именно это неизвѣстное третье въ Германіи боятся какъ злаго духа и стараются воспрепятствовать его возникновонію. Когда въ бытность мою въ Гановерѣ, меня впустили въ тамошній музей, я спросилъ секретаря, изъ какихъ классовъ гражданъ состоитъ это общество? Секретарь съ торжествомъ отвѣчалъ мнѣ: «У насъ совсѣмъ нѣтъ гражданъ, развѣ только найдется два или три, но за то мы имѣетъ двухъ министровъ». Иностранецъ имѣетъ право посѣщать гановерскій музей въ теченіе только трехъ недѣль. По разсѣянности я продлилъ этотъ срокъ однимъ днемъ, что было совершенно простительно, такъ какъ беременныя женщины часто ошибаются въ своихъ, гораздо болѣе важныхъ, счетахъ. Правда, меня не вытолкали въ ту же минуту, но письменно объяснили мнѣ, что если я еще разъ прійду, то меня съ величайшимъ сожалѣніемъ выгонять вонъ; заведенный порядокъ приказываетъ — быть грубымъ. Порядокъ! О, несчастная *номоманія* нѣмцевъ! Право, слѣдовало бы переплесть въ свиную кожу эти живые corpora juris...

XI.

Соденъ, *25 мая.*

На этихъ дняхъ я прочелъ біографію Карно, написанную Кертэ. Чтеніе это пробудило во мнѣ старое мое убѣжденіе, что при настоящемъ устройствѣ гражданскаго общества добродѣтельный человѣкъ не приноситъ государству никакой пользы. Карно былъ благородный характеръ въ чистѣйшемъ античномъ стилѣ; онъ былъ безкорыстенъ, не поддавался никакому влеченію своего сердца, никакому своему собственному мнѣнію; онъ всегда повиновался законамъ, повиновался даже всякому начальству, какъ скоро оно захватывало власть въ свои руки и народъ признавалъ его; онъ прежде всего имѣлъ въ виду отечество.

И не смотря на это, надо сознаться, что Карно оказывалъ своему отечеству хорошія услуги, но дѣлалъ это не *вслѣдствіе* своей добродѣтели, а *вопреки* ей, и что каждый даровитый бездѣльникъ могъ бы сдѣлать тоже самое и съ такою же пользою для общественнаго дѣла. Даже въ наши дни мало цѣнятъ не *сущность* добродѣтели, но только *внѣшній видъ* ея, потому что этотъ внѣшній видъ, находясь въ противорѣчіи со всѣми учрежденіями, является въ смѣшномъ видѣ. И чистѣйшій тонъ звучитъ отвратительно, когда замѣшается въ чуждую ему гармонію. Когда Карно, будучи военнымъ министромъ, заключаетъ контрактъ для государства съ одною компаніею подрядчиковъ, и вмѣсто того, чтобы принять, какъ всегда водилось во Франціи, обычный въ этихъ случаяхъ подарокъ, возвращаетъ кошелекъ съ тремя тысячами луидоровъ и заставляетъ мошенниковъ-подрядчиковъ хохотать исподтишка,—когда въ другой разъ во время существованія хищническаго директоріальнаго правленія, онъ возвращаетъ въ государственное казначейство деньги, оставшіяся у него отъ суммы, выданной ему на поѣздку по дѣламъ службы, — то при всемъ удивленіи къ подобной добродѣтели развѣ можно удержаться отъ легкой насмѣшки надъ нею? Добродѣтельный гражданинъ, желающій въ наше время служить общественному дѣлу, долженъ быть способенъ на самоотреченіе больше, чѣмъ древніе граждане, потому что ему приходится въ этомъ случаѣ приносить жертву, которая тяжела даже для добродѣтели: приходится прикрывать свою честность маской плутовства. Возвышеннѣйшій типъ добраго гражданина, такого, какого не было и въ древнее время, представилъ намъ Куперъ въ своемъ «Шпіонѣ». Многіе другіе перенесли для общаго блага мучительную смерть; но одинъ только шпіонъ Купера велъ для блага своего отечества мучительную жизнь!

Какъ отчаянно было положеніе Наполеона послѣ его возвращенія съ Эльбы, видно самымъ яснымъ образомъ изъ того, что онъ далъ Карно обществeнную должность и началъ питать къ нему любовь и уваженіе. Но въ такое критическое положеніе, въ какомъ былъ тогда Наполеонъ, могутъ попасть всѣ нѣмецкіе государи, и по этому они поступали бы очень умно, если бы въ своихъ казнохранилищахъ, рядомъ съ коронными брильянтами, держали въ видѣ рѣдкостей и нѣсколькихъ честныхъ людей. При нѣмецкихъ дворахъ столько ненужныхъ должностей; отчего бы не учредить также министерство добродѣтельныхъ дѣлъ?

Каждое утро сердце выходитъ теплымъ и мягкимъ изъ постельной печки, а вечеромъ оно холодно, жестко и сухо, какъ старая подошва. Утро, эта весна дня, прогоняетъ суровость предшествовавшаго ему вечера. Ахъ! если бы не было сна, я желалъ бы лучше быть ракомъ, чѣмъ человѣкомъ, живущимъ въ кругу людей!

XII.

Соденъ, 30 мая.

Что мнѣ больше всего понравилось въ Парижѣ, это — смѣшеніе сословій. Я увидѣлъ въ одномъ стаканѣ всѣ составныя части гражданскаго общества, соединенныя между собою; онѣ привлекали одна другую, отталкивали, волновались, шипѣли, шумѣли, а подъ конецъ каждому приходилось отбрасывать что нибудь изъ своей натуры и принимать что нибудь изъ чужой. Я увидѣлъ жизнь на влажной дорогѣ, тогда какъ до тѣхъ поръ видалъ ее только на сухой. Но не только этотъ химическій процессъ радовалъ меня; мнѣ было также пріятно глядѣть на многихъ нерастворяемыхъ нѣмцевъ, которые не находили никакого удовольствія въ этомъ зрѣлищѣ. Въ парижскихъ обществахъ я нашелъ многихъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые не могутъ терпѣть подлѣ себя никого, и когда передъ ними не стоитъ ихъ баринъ, а позади — слуга, считаютъ себя потерянными людьми и стонутъ. Въ боязливомъ стремленіи избѣжать столкновенія съ враждебными тѣлами и отыскать въ этомъ хаосѣ тѣла дружественныя, эти люди не знали, куда повернуться и, подобно орѣховой скорлупѣ, попавшей въ водоворотъ, вертѣлись вокругъ самихъ себя и оставались на одномъ и томъ же мѣстѣ. Этимъ людямъ парижская жизнь рѣшительно не нравилась и они были очень рады, когда снова вернулись домой, и каждый очутился въ своемъ родномъ ящикѣ, гдѣ все было сухо и хорошо.

Однажды, уже поздно вечеромъ, одинъ изъ моихъ друзей—нѣмцевъ вошелъ въ мою комнату и съ громкимъ смѣхомъ разсказалъ мнѣ, что онъ обѣдалъ у Лафитта и что въ числѣ гостей было полдюжины франкфуртскихъ банкировъ, на половину христіанскаго, на половину еврейскаго вѣроисповѣданія. Лафиттъ думалъ, что онъ поступитъ какъ нельзя вѣжливѣе, если усадитъ всѣхъ этихъ франкфуртцевъ одного

рядомъ съ другимъ, и вслѣдствіе этого страшное землетрясеніе было причиною, что одинъ франкфуртскій негоціантъ изъ христіанъ очутился подлѣ своего согражданина изъ евреевъ. Христіане совершенно растерялись, съ безпокойствомъ ерзали на своихъ стульяхъ и получили судороги въ локтяхъ. Но учтивость взяла верхъ, и христіане въ своемъ опьяненіи остались вѣжливы цѣлой вечеръ. Мало того: послѣ обѣда каждый изъ нихъ взялъ подъ руку своего еврейскаго земляка, пошелъ съ нимъ въ кофейную залу и самымъ дружественнымъ образомъ освѣдомлялся о состояніи торговыхъ дѣлъ.

Другая встрѣча была у меня въ Парижѣ съ однимъ нѣмецкимъ барономъ. Если я встрѣчаю дворянина и недворянина, равныхъ по чувству, уму, образованію и нравственности, то предпочитаю знакомство съ первымъ знакомству со вторымъ, какъ предпочитаю воскресенье буднимъ днямъ; у недворянина все, даже удовольствіе — занятіе; у дворянина все, даже занятіе — удовольствіе. Вслѣдствіе этого я не питаю ненависти ни къ одному дворянину, взятому отдѣльно; я ненавижу только *всѣхъ* дворянъ, и это не за ихъ ошибки, которыя имѣемъ мы, недворяне, но за ихъ хорошія свойства, которыми они обязаны своему привилегированному положенію.

Но вышеупомянутаго барона я ненавижу не только въ массѣ его собратіи, но и особенно, — ненавижу именно его личность. Это былъ прототипъ высокомѣрія, тогда какъ я — прототипъ нетерпѣнія. Мы узнали другъ друга на эмскихъ водахъ. Однажды за столомъ онъ собралъ кости на тарелку, позвалъ своего слугу и громко, въ присутствіи двухсотъ человѣкъ, приказалъ ему отнести кости собакѣ. Слуга, молодой поселянинъ, имѣлъ лучшее понятіе о чести, чѣмъ дворянинъ, и покраснѣлъ отъ стыда. Я посинѣлъ отъ злости, собралъ и на свою тарелку остатки кушанья, отдалъ ее слугѣ и сказалъ: «я надѣюсь, что собака не пренебрежетъ и мѣщанскими костями». Баронъ не сказалъ ни слова. «Il n'y a pas réparation» *)—сказала разъ въ моемъ присутствіи одна старая графиня одному молодому чиновнику посольства, который со смѣхомъ разсказывалъ ей, что его только что (дѣло было во время концерта) кто-то назвалъ бездѣльникомъ за то, что онъ хотѣлъ унести стулъ, на который облокотилась мѣщаночка этого кого-то.

---

*) Т. е. Въ этомъ случаѣ не можетъ быть удовлетворенія.

Въ это же время въ Эмсѣ находился одинъ надворный совѣтникъ, имѣвшій дурацкую страсть гоняться за гербовыми печатями старыхъ дворянскихъ фамилій. Онъ приставалъ къ каждому дворянину и ползалъ и нищенствовалъ передъ нимъ до тѣхъ поръ, пока высокородный господинъ отпечатывалъ ему свой гербъ краснымъ или желтымъ сургучемъ. Каждаго дворянина онъ называлъ барономъ, каждаго барона — графомъ, каждому графу говорилъ: ваше сіятельство, каждому сіятельству: ваше свѣтлость. Разъ въ моемъ присутствіи онъ подошелъ и къ моему барону, принадлежавшему къ старой фамиліи, изъявилъ желаніе узнать его родословную таблицу и выразилъ покорнѣйшую просьбу о печати. Баронъ съ удовольствіемъ согласился, но въ это время у него потухла сигара. Благодарный хранитель печатей кинулся за огнемъ и скоро вернулся съ зажженою свѣчей. При этомъ случаѣ я взялъ на себя смѣлость поострить немного надъ нѣмецкими дворянскими гербами и между прочимъ спросилъ: отчего это во многихъ изъ нихъ изображены животныя? Можно подумать — прибавилъ я — что родоначальники этихъ благородныхъ фамилій были скототорговцы, охотники или сторожа въ звѣринцахъ.

— Это весьма возможно, замѣтилъ другой плебей, который былъ еще смѣлѣе меня. Баронъ очень разсердился, но не произнесъ ни слова Что было ему дѣлать? Il n'y a pas de reparation между мѣщаниномъ и дворяниномъ.

Баронъ былъ очень болѣзненнаго сложенія, и поэтому еще болѣе боязливъ, чѣмъ слѣдовало. Онъ боялся воздуха, вѣтра, солнца, близости рѣки, каждый разъ уходилъ въ свою комнату въ семь часовъ вечера и затворялъ окна тотчасъ же послѣ захожденія солнца. Особенно онъ заботился о своей головѣ, которую во время обѣда покрывалъ якобинской шапочкой изъ красной кожи, причемъ видимо кокетничалъ ея черной кисточкой. Случилось, что герцогъ Кларансъ, бывшій въ то время въ Эмсѣ, давалъ на свѣжемъ воздухѣ маленькій праздникъ въ честь одной молодой и прекрасной принцессы. Приглашеніе было послано ко всѣмъ дворянамъ, бывшимъ на водахъ. Моего барона позабыли, — и это приводило его въ отчаяніе. Когда наконецъ въ два часа дня, назначеннаго для праздника, приглашенія все таки не было, онъ отправился къ коммиссару, составлявшему для герцога пригласительный списокъ, и спросилъ, почему его одного забыли? Коммиссаръ извинился; и такъ какъ въ эту самую минуту по улицѣ проходилъ одинъ изъ лакеевъ герцога, пошелъ къ нему на встрѣчу, снялъ шляпу и самымъ

вѣжливымъ образомъ попросилъ пригласить къ его свѣтлости забытаго барона. Лакей освѣдомился о мѣстѣ жительства барона, баронъ отвѣчалъ, что онъ именно теперь идетъ домой, дѣйствительно отправился и лакей послѣдовалъ за нимъ. Войдя въ пріемную, баронъ остановился, повернулся, къ лакею и выслушалъ приглашеніе. Я подивился китайскому присутствію духа какъ лакея, такъ и барона.

Праздникъ происходилъ въ саду «Четырехъ Башень» расположенномъ между пыльною большою дорогою и рѣкою, причинявшею постоянный сквозной вѣтеръ. Я, въ числѣ множества другихъ зѣвакъ, стоялъ передъ садовою оградою и смотрѣлъ на великолѣпіе. Все общество олицевторяло собою благородное здоровье безъ малѣйшей примѣси какойнибудь phtisis ignobilis. Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ въ высокоблагородную грудь можетъ пробраться чахотка и попросилъ мимо проходившаго врача разъяснить мое недоумѣніе; но онъ съ испугомъ посмотрѣлъ вокругъ себя и спросилъ меня, не взбѣсился ли я? Герцогъ былъ въ шляпѣ, всѣ остальные гости, даже мелкіе владѣтельные князья—съ непокрытыми головами, на переднюю часть которыхъ падали палящіе лучи іюльскаго солнца, а на заднюю—сквозной вѣтеръ. Въ такомъ положеніи стояли они два часу сряду, безъ всякаго движенія, не дѣлая шагу впередъ или назадъ. Принцесса, милая и живая женщина, обходила гостей и обмѣнивалась съ ними нѣсколькими словами; но нашъ баронъ не удостоился этой чести. Я былъ внѣ себя отъ изумленія, видя, какъ этотъ больной, и боязливый человѣкъ жертвовалъ своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ безплодному тщеславію и униженно пробирался въ общество, гдѣ на него обращали такъ же мало вниманія, какъ и на меня, стоявшаго за оградою. Съ злобною радостью я надвинулъ шляпу плотно на голову и держалъ предъ ртомъ носовой платокъ, чтобы напомнить барону объ опасности, грозившей отъ пыли и сквознаго вѣтра. Баронъ стоялъ недалеко отъ меня, замѣтилъ мои діэтетическія мѣры и посмотрѣлъ на меня завистливыми и грустными глазами. На слѣдующій день онъ былъ боленъ, на самомъ дѣлѣ или отъ воображенія, и пролежалъ въ постели.

Въ Парижѣ я встрѣтилъ этого барона на вечерѣ у одной герцогини. Замѣтивъ его, я подошелъ къ нему вѣжливо, даже по дружески, такъ какъ на чужбинѣ всегда пріятно встрѣтить даже самаго далекаго знакомаго. Но онъ, какъ будто мы были въ нѣмецкой купальнѣ, гдѣ дворяне отдѣляюся отъ мѣщанъ, точно боясь, что у этихъ послѣднихъ короста, отвернулся и сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня. Я только

что пришелъ изъ театра Variétés и былъ подъ вліяніемъ самыхъ злыхъ шутокъ. Поэтому я сталь какъ разъ противъ лица барона, протянулъ руку и сказалъ: «mon cher baron, мнѣ весьма пріятно встрѣтиться съ вами». Потомъ я громко *моншеровалъ* его цѣлый вечеръ и не отходилъ отъ него ни на шагъ. Когда разставили карточные столы, я заставилъ его сѣсть со мною въ экарте. Герцогиня подошла на нѣсколько минутъ къ нашему столу. Я всталъ, взялъ барона за руку и сказалъ: «поручаю вашей благосклонности этого друга и земляка; по моему мнѣнію, онъ милѣйшій человѣкъ изъ нѣмцевъ». «Вы очень скромны» возразила герцогиня. Баронъ пришелъ въ такой восторгъ и до того растерялся, когда герцогиня заговорила съ нимъ, что не замѣтилъ какъ сдвинулъ рукою одну изъ своихъ марокъ. Чрезъ это я взялъ надъ нимъ верхъ въ слѣдующей игрѣ, и онъ проигралъ партію, что доставило мнѣ большую радость.

П. Вейнбергъ.

ТЕТУШКА И ПЛЕМЯННИКЪ.

Богатое сословіе коренныхъ петербургскихъ жителей знаетъ только Большой проспектъ Петербургской стороны, да какую нибудь деревянную мостовую, ведущую на Крестовскій, а бѣдняки, особенно состоящіе на діэтѣ десятирублеваго мѣсячнаго оклада, — знакомы коротко и съ Плуталовой, и съ Теряевой и съ другими, въ которыхъ дѣйствительно можно проплутать цѣлый день и потеряться. Въ одной изъ такихъ улицъ, недалеко отъ деревянной мостовой, стоитъ и по сіе время чистенькій деревянный домикъ, въ семь оконъ на улицу, принадлежавшій когда-то отставной титулярной совѣтницѣ Пимфодорѣ Асклипіадотовнѣ Ладонкиной. Подлѣ дома, тянется саженъ на тридцать тѣнистый садъ, съ кривошлыкой бесѣдкой, качелями безъ веревокъ и прудомъ, покрытымъ все лѣто самою свѣжею плесенью. Свѣсившіяся съ забора густыя деревья придаютъ еще болѣе мрачный видъ и безъ того мрачной улицѣ. Пускаться ночью, зимою, по этой улицѣ никому не совѣтую, потому что животрепещущіе мостки, настланные вмѣсто тротуаровъ, возвышаясь на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ улицы, наполнены множествомъ дыръ, гнилыхъ, надломившихся досокъ, которыя весьма основательно называются здѣсь «капканами»; только здѣшніе жители, знающіе каждую досчечку наизусть, дерзаютъ ночью ходить по этимъ мосткамъ. Одинъ чиновникъ, любившій въ первыя числа напиваться до чортиковъ, не даромъ эти мостки, назвалъ «чортиковыми мостиками». Мѣстное начальство, въ видахъ сохраненія об-

щественнаго здравія, пыталось было настлать новые мостки, даже составляло три года примѣрную смѣту на ихъ сооруженіе, но потомъ раздумало, по весьма основательной причинѣ,—а именно: жители, знакомые съ мѣстностью, пройдутъ по этимъ мосткамъ, зажмуря глаза, а незнакомымъ не для чего забираться въ такую глушь, да еще ночью; притомъ, у здѣшнихъ бѣдняковъ есть скверная привычка выстаскивать изъ заборовъ и тротуаровъ доски, чтобъ, въ зимнее время, пользоваться даровымъ отопленіемъ. Впрочемъ, къ чести Ладонкиной, надо сказать, что около ея дома и сада были кладки самыя исправнѣйшія.

Полиція даже напоминала барынѣ, черезъ кухарку Ѳетинью, что нельзя ли-де разориться и на мостовую. Но на мостовую хозяйка не хотѣла разоряться, и отъ законныхъ предписаній и предложеній полиціи отдѣлывалась, 13 лѣтъ сряду, самымъ простымъ способомъ: чуть только тогдашній городовой заикнется про мостовую, хозяйка сейчасъ скажетъ: Доримедонтычъ, выпей рюмочку! И Доримедонтычъ выпиваетъ рюмочку, а улица все остается немощеною. Впрочемъ, я описываю прошлое и давно не былъ на Петербургской. Можетъ быть, теперь, при нынѣшнемъ быстромъ прогрессѣ, тамъ уже давно настлана торцевая мостовая, почемъ я знаю?..

Но мнѣ такъ нравилось, особенно осенью, ходить мимо дома старушки, потому что у меня постоянно болятъ подошвы отъ петербургскихъ мостовыхъ. Я окончательно погубилъ ноги, именно съ тѣхъ поръ, какъ хлопоталъ здѣсь о пособіи... Напримѣръ, новомодныя, выпуклыя, какъ купеческое брюхо мостовыя чрезвычайно какъ способствуютъ стоку дождевой воды и стаптыванію каблуковъ на сторону... То ли дѣло ступать, особенно когда на подошвахъ волдыри, по густому слою пожелтѣвшихъ листьевъ, осыпавшихся съ деревьевъ, какъ это всегда случается на здѣшнихъ улицахъ; домъ Ладонкиной, кромѣ наружнаго благолѣпія, особенно отличался изобиліемъ крестиковъ, начерченныхъ мѣломъ и углемъ на воротахъ, дверяхъ и даже на углахъ заборовъ.

Хозяйка была старушка благочестивая, поэтому приняла всѣ мѣры противъ вторженія нечистаго духа въ ея жилище.

Теперь пора поговорить и объ этой старушкѣ.

Она уже вдовѣла двадцать три года, и, не смотря на такое длинное время, не могла вспомнить о мужѣ безъ слезъ. Бывало, Ѳетинья подастъ опенки въ сметанѣ, старушка сейчасъ скажетъ: —

Ахъ, какъ мой покойникъ любилъ опенки въ сметанѣ! Одинъ бывало двѣ сковородки уберетъ!.. И изъ глазъ старушки, словно изъ петергофскихъ фонтановъ, брызнетъ влага... Начнетъ кухарка перестилать постель, Нимфодора Асклипіодотовна сейчасъ припоминаетъ: Ахъ, какъ мой Софронъ Софронычъ любилъ высоко спать; меньше четырехъ подушекъ бывало не клади! и опять—въ слезы. Особенно она была расположена къ сантиментальностямъ, когда выпивала рюмочки три ерофеичу, или настойки, на березовыхъ почкахъ, на золототысячникѣ и др. Впрочемъ, она испивала такъ умѣренно, такъ секретно, что сама Ѳетинья не знала о томъ. Графинчикъ у ней хранился въ угольникѣ подъ образами и всегда былъ тщательно запрятанъ за стклянками, бутылочками гофманскихъ, мятныхъ, лавро-вишневыхъ капель, разныхъ притираній и огуречнаго разсолу, которымъ она вытирала оконечности. Лавро-вишневыя капли принимала она отъ біенія сердца, которое всегда съ ней случалось послѣ ерофеича и тяжелаго сна. Гофманскими, а чаще мятными каплями она любила лакомиться, накапавши ихъ на сахаръ. Онѣ чрезвычайно какъ холодятъ во рту и на языкѣ Нимфодоры Асклипіодотовны. Впрочемъ, теперь ужъ не холодятъ, потому что она лежитъ на Смоленскомъ. Образъ жизни старушки былъ самый скромный, самый приличный званію «благородной дворянки», какъ она себя называла. Она—или кушала разные снѣди, опенки въ сметанѣ, грибки отвареные, маринованные, или давала деньги подъ вѣрные залоги, или молилась у Николы Мокраго, или, наконецъ, ходила за домашнимъ скотомъ и птицами. Сколько разныхъ спеціальностей въ одной титулярной совѣтницѣ!.. Разберемъ каждую порознь.

Чтобъ некомпрометировать своего званія, она давала деньги, черезъ вторыя руки, за христіанскіе проценты, за 10 въ мѣсяцъ, или за 120 въ годъ. Кто взялъ 100 рублей, отдавай 220 черезъ годъ. Впрочемъ, она заемщиковъ не принимала у себя въ домѣ, а дѣйствовала черезъ одну разбитную поручицу, мужа которой ухлопали подъ какой-то крѣпостью. Эта поручица была молода, не дурна собой, и удивительно на все способна! Сначала она жила «на той сторонѣ» и, въ два года, послѣ смерти мужа, коротко изучила статистику петербургскихъ кафе-ресторановъ, воксаловъ, загородныхъ гуляній и другихъ прекрасныхъ проявленій нашенской цивилизаціи... Старичокъ ли директоръ какого нибудь департамента къ ней пристроился, или она пристроилась къ директору — дѣло

темное: знаю только то, что она ключничала въ его имѣніи; года три поручица была дама дебелая, старичокъ былъ хилъ и сморчкообразенъ .. Кончилось дѣло тѣмъ, что подъ вліяніемъ ея ласкъ, онъ растаялъ, какъ сахаръ, на 73 году своей достохвальной жизни. Пріѣхавшіе на похороны наслѣдники нашли только голыя стѣны, да пустые сундуки, а госпожа Ухарева, т. е. дебелая дама, перебралась на Петербургскую, купила домикъ на одной улицѣ съ Ладонкиной и стала отдавать деньги на проценты, а домъ въ наемъ.— Ладонкина приходилась ей какой-то седьмой водой на киселѣ, поэтому, обѣ дамы составили тѣсный неразрывный союзъ, клонившійся къ вспомоществованію деньгами за христіанскіе 10 процентовъ... Ухарева, кромѣ того, обробатывала и другія дѣлишки.

Она, по выраженію одного армейскаго офицера, занималась «пригонкою лицъ разныхъ половъ другъ къ другу», какъ пригоняютъ на апраксиномъ сапоги изъ разрозненныхъ паръ. Это ничего, что у жениха зубы вывалились, какъ спицы изъ разсохшагося колеса, а невѣста только-что распустилась какъ роза; — Ухарева сватаетъ ихъ, невѣстѣ выхваляетъ необычайную крѣпость мышцъ бодраго старца, удесятеряетъ и безъ того значительный его капиталъ, а сластолюбиваго старикашку подбиваетъ на самую непростительную изъ глупостей—на женитьбу, рисуя передъ нимъ разныя сладострастныя картины, осуществленіе которыхъ уже 30 лѣтъ назадъ было для него невозможно... Впрочемъ, она преимущественно сватала гг. военныхъ на купеческихъ дочкахъ и выбирала изъ послѣднихъ такихъ переспѣлыхъ, которыя по 10 разъ въ день приходятъ къ тятенькѣ и спрашиваютъ: скоро ли вы меня выдадите замужъ? . Господа военные, (былого конечно времени) были удивительные охотники жениться на купчихахъ, нынче эта страсть поослабѣла, потому что шпоры, усы, эполеты и разныя прелести стали понижаться въ таксѣ... Кромѣ сватовства, Ухарева была отличная сводчица покупателей съ продавцами, мастеровъ съ заказчиками и т. п. Нужно ли было кому продать домъ, или старые сапоги, фис-гармонію, или кадку огурцовъ— всѣ обращались къ госпожѣ Ухаревой за совѣтомъ, за свѣдѣніями Она знала пол-Петербурга, какъ свою собственную ладонь, кто что ѣстъ, на чемъ спитъ; кто на комъ женился, или на чемъ повѣсился. При всемъ этомъ, она была дама очень набожная, знала церковный кругъ лучше отца Пахомія, приходскаго священника... Это-то, кромѣ родства, и было точкой сближенія между двумя благородными

дамами. Совершивши какую нибудь удачную сдѣлку съ кредиторомъ, обѣ вдовы принимались толковать, съ однимъ ли постнымъ масломъ готовить завтра обѣдъ, или дозволить себѣ вкусить рыбки; 750 земныхъ поклоновъ нужно положить, при чтеніи акафиста, или 850?

Вторая специальность: Старушка Ладонкина любила хорошо покушать. Чуть только проснется утромъ, прочтетъ «Господи благодарю Тя», пол-акафиста Богородицѣ, какъ Ѳетинья вноситъ самоваръ. Нельзя не сказать пару словъ и о Ѳетиньѣ. Ѳетинья всю жизнь провозилась у печки съ ухватомъ въ хлопотахъ съ разными пряженцами, бликами, поджариваемыми грибочками, жаркими. Оттого всѣ поры ея мѣстныхъ тѣлесъ пропитались саломъ и масломъ, а цвѣтъ лица, постоянно рдѣющаго передъ огнемъ, походилъ на цвѣтъ раскаленнаго желѣза. Всю жизнь она обрѣталась въ блаженномъ крѣпостномъ состояніи; ей ни разу неприходило на умъ задать себѣ вопросъ: человѣкъ она, или птица такая-жъ, какую она поджариваетъ?.. Вообще, такая отупѣлость и одеревенѣлость — составляютъ принадлежность тѣхъ глупыхъ старухъ, которыя не испытывали отъ господъ особенныхъ притѣсненій, примирились давнымъ давно съ своимъ положеніемъ и безропотно исполняли свое назначеніе, какъ ухватъ, горшокъ, или корыто...

Покушавши чайку, Ладонкина отправлялась въ спальню, брала четки, принесенныя будто бы съ афонской горы, зажигала лампадку передъ образомъ Споручицы всѣхъ страждущихъ и начинала творить «большую» молитву съ акафистомъ. У нея было передъ образами постоянно три неугасимыхъ лампады, почему она и брала съ кредиторовъ 9-й и 10-й проценты. Восемь процентовъ мнѣ грѣшницѣ, говаривала она, а девятый и десятый Господу Богу Твоему, на маслице!.. Помолившись, она запирала двери изнутри, на большой крючокъ, спускала шторки у оконъ, не смотря на второй этажъ, и начинала пересчитывать денежки. Открывши тихонько огромный сундукъ, крышка котораго была вся оклеена картинками модъ 1797 года, — она вынимала разные узелки и тряпочки. На тряпочкахъ и узелкахъ были особенныя метки. Въ одномъ—хранились красныя ассигнаціи, въ другой бѣленькія, въ третьей—синенькія. Были даже и цѣлковенькіе, и лобанчики съ арапчиками, и трехрублевики, которые теперь хоть за стекло, какъ рѣдкость, выставляй! Всей суммы было до 15 тысячъ. Сверхъ всего этого, были еще кружечки съ дырочками, въ родѣ церковныхъ; эти кружеч-

ки или «копилки» раскрывались только разъ въ мѣсяцъ, и въ нихъ хранилась бездна четвертачковъ, гривенничковъ и другихъ монетъ, когда еще покойникъ занималъ мѣстечко, потеплѣе чѣмъ на Смоленскомъ, то всегда, приходя изъ должности, опускалъ рубля три, четыре въ копилку. Эти деньги онъ называлъ «шальными», «приблудящими», полученными невзначай отъ неожидаемыхъ просителей. — Я сама не знаю, сколько у меня въ копилкахъ, говаривала она мужу, у котораго постоянно таскала изъ кармана деньги и старалась его на всемъ обсчитать. Это дружеское похищеніе — вещь не рѣдкая, особенно въ семействахъ стараго покроя. Мужъ, хотя и знаетъ, кто у него таскаетъ деньги, но не сердится, будучи убѣжденъ, что они пойдутъ на общую же пользу. Послѣ какихъ нибудь большихъ покупокъ въ городѣ, между мужемъ и женой затѣвался дружескій споръ. Мужъ старался доказать женѣ, что она переплатила, передала лишняго на каждой вещи, и наоборотъ: жена тоже доказывала мужу. Если мужъ назначалъ цѣну вещи, болѣе заплаченной, этотъ излишекъ жена брала себѣ; я говорю про это потому, что подобные антики - мужья и жены становятся день ото дня такою же рѣдкостью, какъ цѣлковые и трехрублевые. Даже тогдашнее наживаніе денегъ, какъ и скряжничество дышало какою-то патріархальною простотою.

Чиновники обирали почти до рубашки просителей, офицеры своихъ солдатъ, да такъ наивно, такъ «чистосердечно», какъ будто такъ и слѣдовало, по евангельскому закону: возлюби ближняго. И такъ же наивно залѣпливали прорѣхи на совѣсти восковыми свѣчами, взятыми съ лавочниковъ «не въ счетъ абонемента», разными «воздухами», вышитыми благочестивыми дамами, собственно для успокоенія своей и мужниной совѣсти; путешествіями на богомолье и прочимъ, и прочимъ. Посмотрите, какъ бралъ покойный Софронъ Софронычъ! Самимъ просителямъ было какъ-то любо, весело, что этотъ мужъ, занимавшій тогда должность Держиморды, потихоньку обираетъ ихъ. Все тогдашнее населеніе до того втянулось въ это, что чувствовало себя какъ-то неловко, скучало, когда какой-нибудь безкорыстный служака пренебрегалъ испоконъ вѣка заведеннымъ порядкомъ...

— Здравствуйте, Софронъ Софронычъ! говорилъ, низко кланяясь, входящій проситель и ставилъ тутъ же на полъ, или на стулъ

приношеніе натурой. Ладонкина, между тѣмъ, все перевѣшивала на безмѣнѣ.

— Здравствуй, Титычъ, здравствуй! говорилъ хозяинъ: — садись.

Проситель садился, встряхивалъ волосы, откашливался, отиралъ потъ.

— Ну, все полностью принесъ?...

— Все полностью, отецъ, ужь мы свою службу въ тошности наблюдаемъ... на чаѣ сдѣлалъ вашей высокородности цѣлыхъ три осьмушки почтенія, да и сахаръ отпустилъ бѣлѣющій рафинадъ-Молвo.

— Прошлый-то разъ ты не додалъ, мой милый, цѣлыхъ трехъ фунтовъ, да и масла-то деревяннаго такого отпустилъ, что лампадка-то только трещитъ, а не горитъ... Самъ знаешь, что вѣдь это не для меня, а для Бога!... Неужели и Бога-то мы рѣшимся обманывать?... Ну, что у Матрены Семеновны зубки прошли?...

— Не унимаются, отецъ, всю ночь вчера промаялись... Надо-бы выдернуть, да не даетъ... Ужь какъ я просилъ — не даетъ! А еще какой дантистъ-то у меня знакомый! Не хочу, говоритъ, они окаянные глазной зубъ, пожалуй, выдернутъ, глазъ сведетъ. Лучше сама выдерну ниткой, какъ взапрошлый разъ.

— Какъ это ниткой? спрашивалъ Софронъ Софронычъ.

— Супружница-то? она намотала толстѣющую нитку на больной зубъ, а другой конецъ привязала къ здоровому гвоздю въ стѣнѣ Ѳукидитъ Титычъ, — говоритъ — подайте раскаленную качергу, что я на жаръ положила. Я принесъ. Махайте мнѣ прямо въ лобъ, только не взаправду, а такъ, примѣрно. Я махнулъ что есть силы, только не дотронулся, моя дамочка рванулась, зубъ повисъ на ниткѣ, а кровь хлынула изо рту. — Вотъ теперь, говоритъ, полегше. Все-жъ, говоритъ, лучше, чѣмъ дантисты. Да и взаправду такъ, Софронъ Софронычъ: — Богъ вѣсть, за что имъ господа большіе деньги-то даютъ, не по работѣ совсѣмъ-съ... Я видывалъ: посадитъ на стулъ, ковырнетъ пружиной, и зубъ выскочилъ. Глядишь ему синюху и дали, а за что? за одну минутку! Нѣтъ, мой дантистъ — госпитальный фершалъ — возьметъ полтинникъ, да за то ужь возитъ возитъ со стуломъ цѣлыхъ полчаса, пока зубъ не вырветъ.... За полтинникъ-то и самъ напотѣется, да и больнаго-то зубами до обморока доведетъ!... Ну, какъ, читатель, людей съ этакими понятіями не обирать, какъ липку?... Не возьми съ него взятку, онъ тебѣ и въ

усъ не будетъ дуть! Софронъ Софронычъ скоро пролѣзъ сквозь узкія дебри первыхъ осьми классовъ, занималъ много теплыхъ должностей и умеръ, оставивъ супругѣ 50 тысячъ. Не сгори у ней домъ въ Загибенииомъ, у ней было бы теперь не 15 тысячъ. Но продолжаю о тетушкѣ.

Пересчитавши деньги, она запирала сундукъ четырьмя замками: однимъ внутренымъ и тремя наружными. Нечего и говорить, что всѣ эти деньги были «замаскированы» разными лоскуточками, обрѣзками матерій, дырявыми рубашками, наваленными поверхъ узелковъ съ деньгами. Отсюда она переходила къ «вещевому» сундуку, въ которомъ хранились серебряные подносы, вызолоченная бронза, часы въ особенныхъ ящичкахъ, разныя дорогія бездѣлушки, отданныя за четверть цѣны, подъ залогъ. Тѣмъ же порядкомъ, ревизовался шкафъ, съ платьемъ и шкафъ съ посудой. Ладонкина—необходимо объяснить,—хотя и не принимала у себя на дому кредиторовъ, но какъ осторожная женщина, заложенныя вещи хранила у себя. Для переноски ихъ изъ дома разбитной поручицы, старушка сдѣлала въ салопѣ такіе огромные карманы, въ которые можно было спрятать цѣлый домъ Воронина, не только-что какіе-нибудь часишки, или канделябру съ подносомъ. Убѣдившись, что «просроченныхъ» вещей тысячъ на пять, почувствовавши, при этомъ себя обладательницею 15-ти тысячъ, она дозволяла себѣ выпить ерофеичу. Совершивши передъ образами три земныхъ поклона, она наливала себѣ рюмочку ерофеичу, названную мужемъ «капитанскою», перекрестивши ее три раза, испивала и, свернувшись кренделемъ подъ теплымъ одѣяломъ, засыпала. Проснувшись поутру, — если только приснилось что-нибудь ночью,—она призывала Ѳетинью для совѣщанія.

— Ты, дура, я думаю, всю ночь спишь, какъ кирпичъ, и сновъ никакихъ не видишь?...

— Какъ не видѣть, сударыня? Въ запрошлую ночь видѣла, что будто стряпала на кухнѣ....

— Дура! да ты это и безъ того каждый день на яву видишь?... Вотъ ты послушай, какой я сегодня сонъ видѣла! Будто сижу я на канапеѣ въ зальцѣ, да штопаю набрюшникъ Софрону Софронычу. Вдругъ въ двери — Ярофѣй Дорофѣичъ! Помнишь, чай, Ярофѣя Дорофѣича?

— Помню, сударыня, какъ не помнить? Онъ служилъ въ департаментѣ съ бариномъ, потомъ былъ сдѣланъ дилехторомъ...

— Слушай дальше. Входитъ этакъ Ярофѣй Дорофѣичъ, а я вотъ такъ сижу. — Извините, говоритъ, что-то я проголодался, квартера далеко, такъ зашелъ къ вамъ закусить. Прикажите зажарить кусочикъ телятины, смерть—хочу телятины.

— А у меня-то, какъ на грѣхъ, телятина-то, во снѣ, вся вышла, я и говорю: съ великимъ бы моимъ удовольствіемъ, да вся вышла.

— Прикажите меня зажарить!.. (Я такъ и обомлѣла, думаю: не съ ума ли онъ спятилъ?) Что съ вами? говорю я.

— Вѣдь я тоже—телятина!.. говоритъ онъ мнѣ: вы не смотрите, что на мнѣ мундиръ, да разныя украшенія... А пощупайте уши—настоящія телячьи!.. Я пощупала, и впрямь—телячьи.

— Видѣть покойниковъ во снѣ, это хорошо, толковала Ѳетинья.

— Ужь не къ снѣгу ли это? Вставши я рылась въ сонникѣ, что означаетъ человѣкъ съ телячьей головой, да какъ нарочно, листокъ-то на эти буквы вырванъ изъ книги.

Закусивши поплотнѣе, старушка отправлялась по хозяйству, сначала въ чуланы и кладовыя, потомъ въ птичникъ, свинярню и коровятникъ. Въ чуланахъ она ревизовала всѣ баночки и кадочки съ соленьями, вареньями, маринатами и пр. Вездѣ были положены ея собственной рукой метки, и завязаны узелки на веревочкахъ, такіе замысловатые, въ изобрѣтеніи которыхъ она не уступила бы самому Гордію. Это въ предосторожность отъ Ѳетиньи, чтобъ она не отпивала грибнаго, вишневаго соку, до которыхъ была большая лакомка.

Да и сама-то барыня, ревизуя баночки и кадочки, отпивала изъ нихъ сокъ и ловила пальцемъ грибки и вишенки. У нея, послѣ дюжинки бливковъ, или двадцати-четырехъ аладушковъ, постоянно ствовалось колотье подъ ложечкой, которое, впрочемъ, проходило послѣ этихъ пробъ. Отъ такой сытной жизни и сама она походила чувна кадочку съ солеными огурчиками. Всѣ свои капоты, платья съ робронами, шитые къ свадьбѣ, во времена Павла I, она ежегодно отдавала разставлять. Да, благородная старушка любила таки покушать и всегда въ этомъ раскаявалась, особенно послѣ проповѣдей отца Пахомія, который удивительно какъ хорошо говорилъ объ изнуреніи плоти!.. Послѣ ревизіи кладовыхъ, старушка отправлялась къ своимъ свинкамъ, хохлаткамъ, буренушкамъ и прочимъ. Ея задній дворъ былъ—цѣлая естественная исторія въ лицахъ. Кромѣ положеннаго по штату разнаго звѣрья и скота, были еще сверх-штат-

ныя: три кошки, четыре собачонки, одинъ чижъ и двѣ тульскія канарейки съ Канарскихъ острововъ... Этотъ животный міръ, право, стоитъ описанія. Съ самаго ранняго утра, начиналась музыка въ домѣ и на дворѣ вдовы. Чуть только свѣтало собачій хоръ, изъ трехъ жучекъ, босаго и барбоса прекращался, смолкалъ и начинали концертъ свиньи. Густой контръ-басъ кабановъ покрывался чистѣйшимъ сопрано поросятъ младшаго возраста.

Простите, читатель, если я вдамся въ излишнія подробности, при описаніи образа жизни свиней и другихъ не совсѣмъ благородныхъ животныхъ. У насъ скотоводство, особенно свиноводство, такъ распространено, что составляетъ одну изъ главныхъ отраслей общественнаго хозяйства. Многіе почтенные мужи, даже отцы семействъ, прилагаютъ всѣ усилія къ размноженію всякаго скота.

Обыкновенно, свиньи загоняются на ночь въ хлѣвъ, который не отличается аристократическимъ комфортомъ и просторомъ. Проводя всю ночь, почти въ тюремномъ заключеньи, кабаны, свиньи, подсвинки и все свиное société — чуть только начнетъ свѣтать, — спѣшатъ подышать чистымъ воздухомъ задняго двора, и, буде можно, затесаться въ огородъ... Вотъ свиньи, лѣзутъ къ двери, неплотно примкнутой и слегка привязанной снаружи веревочкой. Старшій кабанъ, какъ имѣющій «наибольшій вѣсъ» между другими, старается всѣми силами просунуть рыло въ дверь, чтобъ, силою натиска, оторвать веревочку, намотанную на гвоздь. Но веревочку предусмотрительная Ѳетинья выбрала самую крѣпкую и намотала на гвоздикъ нѣсколько разъ.

Огорченный такою неудачей, передовой кабанъ начинаетъ хрюкать густымъ басомъ, ему вторятъ нѣжные тенора свиней и подсвинковъ, и все это завершается пронзительнымъ дискантомъ юныхъ поросятъ, которые, какъ воспитанники въ частныхъ пансіонахъ, раздѣляются на нѣсколько возрастовъ. Нимфодора Асклипіодотовна ужасно любитъ маленькихъ поросятъ нѣжнаго тѣлеснаго цвѣта. Они удивительно какъ вкусны въ зажаренномъ видѣ и весьма выгодно сбываются на рынкахъ.

У ней есть свой фаворитъ «плутишка», который удивительно какъ любитъ, когда его чешутъ палкой по брюху... Опрокинувшись на спину, припекаемый лѣтнимъ солнцемъ, онъ нѣжится въ такомъ положеніи часа два, складываетъ на груди лапки и кокетливо щурится на Нимфодору Асклипіодотовну... Однажды съ нимъ произо-

шелъ довольно трагической случай. До нѣкотораго дня, онъ постоянно лазилъ черезъ дыру въ огородъ, которая была ему акуратъ впору. Съ каждымъ днемъ, ему было труднѣе пролѣзать черезъ нее, наконецъ, въ одно прекрасное утро, дворъ Ладонкиной огласился пронзительнымъ визгомъ поросенка, застрявшаго въ дырѣ. Насилу Ѳетинья съ барыней спасли жизнь любимца, которому нельзя было податься ни взадъ, ни впередъ. На зовъ прибѣжалъ плотникъ, живш͡ій по сосѣдству, расширилъ пилой дыру и поросенокъ, съ самыми радостными чувствами, проскочилъ въ огородъ...

Конечно, это событіе не стоитъ серьезнаго вниманія просвѣщенныхъ нашихъ читателей, и я разсказалъ это потому, что случай съ поросенкомъ подалъ поводъ къ одной остроумной задачѣ, которую какой-то учитель математики предложилъ рѣшить ученикамъ:

«Нѣкій поросенокъ до неизвѣстнаго времени (иксъ) x пролѣзалъ въ дыру (въ дыру игрекъ) y; требуется опредѣлить, когда онъ застрялъ въ оной?..» При этомъ излагались другія условія: діаметръ дыры, самого поросенка, въ моментъ его рожденія, и наибольшая толщина, при совершеннолѣтіи. Всего болѣе безпокоили хозяйку эти животныя въ большіе морозы. Сначала онѣ, въ холодномъ хлѣву, ложились въ рядъ, плотно другъ къ другу. Но когда двѣ крайнія свиньи зябли, то старались забраться въ середину. Среднія, согрѣвшись, не хотѣли тревожиться, уступать теплое мѣстечко какимъ-то «выскочкамъ» и кусали, тѣснили ихъ... Двѣ другія свиньи, очутившіяся тоже съ краю и озябнувшія, лѣзли тоже въ середину. Въ этомъ проходила вся ночь. Каждая свинья искала мѣстечка потеплѣе... Но довольно о свиньяхъ, хоть съ ними и приходится имѣть каждый день дѣло.

У зажиточной старушки было три сытенькихъ коровки, которыя давали ей хорошій доходъ. Вся улица и часть Деревянной мостовой продовольствовалась молокомъ Нимфодоры Асклипіодотовны; какъ «благородная дворянка», она сама не занималась продажей, а возложила оную на Ѳетинью, которая ходила за всѣмъ скотомъ. У расчетливой старушки была удивительная сноровка въ распредѣленіи цѣнъ на молоко. Съ богатыхъ баръ, незнающихъ вообще цѣнъ на продукты, не любящихъ дрожать надъ каждой копѣйкой она брала втридорога. Съ господъ офицеровъ, живущихъ по сосѣдству съ тремя компаніонками, хозяйка брала двойную цѣну, на томъ основаніи, что они, офицеры, будто бы даромъ получаютъ жалованье.

Но больше всѣхъ отдувался какой то богатый старичокъ, который бралъ уроки въ пѣніи у цыганки, а въ танцахъ у какой-то актрисы. У Ладонкиной была своя лошадка—довольно оригинальныхъ статей. Издали ее можно было принять за свинью, такъ что желчные сенатскіе чиновники, съ весьма обширными воззрѣніями на жизнь и весьма ограниченнымъ жалованьемъ, говаривали: Нимфодора Асклиподотовна катается на свиньѣ. И дѣйствительно, трудно было придумать что нибудь неуклюжѣе этой лошади. Морда преогромная, въ ушахъ росла всякая дрянь, чуть ли не репейникъ, животъ отвислый, особенно въ періодѣ беременности и на ногахъ подъ щиколками такая выросла шерсть, что издали походила на плавательныя перья.

Приказавши, въ праздничный день, дворнику Епишкѣ (то есть Епифану, въ миніатюрѣ) заложить дрожки-дребезжалки, Ладонкина отправлялась къ обѣднѣ, къ Николѣ Мокрому, или къ Николѣ Трупилѣ, что близъ Каменноостровскаго проспекта. Впрочемъ, старушка ѣзжала часто и въ Исакіевскій соборъ, особенно когда въ немъ служитъ митрополитъ или архіерей. Она ужасно любила быть у обѣдни, когда служитъ митрополитъ или архіерей. Въ зимнее время, она брала съ собой коврикъ, чтобъ подстилать подъ ноги, особенно если дуло съ полу. Отправляясь въ храмъ Божій, не брала съ собой меньше полтинника. Десять копѣекъ на двѣ свѣчи— празднику и Заступницѣ; гривенникъ на блюдо, при первомъ обносѣ, и по пятачку, при второмъ и третьемъ. Остаточный двугривенный она въ церкви же размѣнивала на грошики и раздавала сорока нищимъ, непремѣнно сорока, потому что это число считала священнымъ. Сорокъ мучениковъ, сорокодневный постъ, сороковой день по умершемъ, сорокъ сороковъ церквей въ Москвѣ—значитъ, число священное. А какъ она постилась, такъ и сказать нельзя, особенно въ великую пятидесятницу! Стакана четыре жидкаго чайку, или кофейку, даже безъ миндальнаго молока, двѣ тарелочки ушицы, да невыпутая просвирка — вотъ ея вседневная пища во всѣ будніе дни поста. Бывало, къ великому празднику стощаетъ, какъ муха осенью, на силу ходитъ. Чуть стукнулъ праздникъ—пошло раздолье! Не успѣетъ придти отъ обѣдни въ свѣтлое воскресенье, какъ садится разгавливаться: во-первыхъ, выпьетъ чашечекъ пятокъ кофейку съ самыми густыми сливочками, въ которыхъ даже ложка стоитъ; во-вторыхъ, уплететъ полкуличика, т. е. фунтика три,

съ изюмцемъ и кордомонцемъ, яичекъ въ-крутую полдюжинки. Послѣ всего этого животикъ старушки дѣлается какъ барабанъ, она начинаетъ кататься на постелѣ.

— Ой, Ѳетиньюшка, смерть моя приходитъ! Съ чего это такъ вдругъ прихватило?... Пробовала принимать лавро-вишневыя капли и капли не помогаютъ. Сходила бы въ баню, перчикомъ потереться, али горшп накинуть, да—какъ на грѣхъ—бани-то нѣтъ въ Свѣтлое Христово воскресенье!... Послѣ такой передряги въ животикѣ, Ладонкина всегда давала какое нибудь посильное обѣщаніе: или сходить пѣшкомъ къ петербургскому Сергію, или вышить убрусецъ (полотенце) на вѣнчикъ Заступницы, или положить полторы тысячи земныхъ поклоновъ. Впрочемъ, однажды, послѣ какого-то праздника, она до того разхворалась, что частный докторъ Петербургской части вынужденъ былъ поставить ей 40 піявокъ на животикъ. Вообще, эта старушка была крѣпкая, потому что всю жизнь не знала никакихъ заботъ и печалей, кушала всегда въ сласть, спала въ волю, а если отъ просителей, при мужѣ, или отъ молочка съ кредиторами, безъ него, перепадала сотняга другая въ мѣсяцъ прибытка, это она считала милостію отъ Бога, которую Онъ ниспосылаетъ ей за ея благочестіе. Если у скотинки въ хлѣвахъ и у Ѳетиньи на кухнѣ и въ погребахъ было все въ порядкѣ, вдова принималась за какую нибудь благочестивую работу: то вязала колпачекъ съ клѣточкой, къ паникадилу, то поддонникъ подъ церковный подсвѣчникъ. У ней въ зальцѣ постоянно стояли пяльцы съ какимъ нибудь вышиваньемъ. Такъ, и въ настоящее описываемое время у нея былъ уже начатъ въ пяльцахъ какой-то узоръ и вышито чьихъ-то два крылышка, одинъ зубчатый носикъ, какъ всегда выходитъ на канвѣ, и одна ножка. Работа хоть, за разными хлопотами, туго подвигалась впередъ, за то было раздолье котамъ «баловнику» и «кубышкѣ». Они постоянно играли съ клубками разной шерсти, катали ихъ на полу и сами были похожи на клубки, такъ что издали казалось, что каталось по полу четыре клубка, изъ которыхъ у двухъ были лапы и когти.

Эти два жиряка состояли подъ особенной протекціей Ладонкиной, которая любила ихъ чуть ни больше, чѣмъ покойнаго мужа. Каждое утро, ближайшій мясникъ приносилъ имъ, за двѣ, за три копѣйки, почекъ и потроховъ. Кромѣ того, какъ только начиналось питье чая, представлялась слѣдующая картина: «баловникъ» съ

«кубышкой» влетаютъ стрѣлой и прыгаютъ на колѣни къ хозяйкѣ. Одинъ ластится на плечѣ ея и лижетъ своимъ щетинистымъ языкомъ за ушами Нимфодоры Асклипіодотовны, а другой, уставивши хвостъ торчкомъ, подъ самый ея носъ, мурнычетъ и трется около груди. Кобелекъ Піомбино присутствуетъ тутъ же, и жалобнымъ визгомъ и упрекающимъ взглядомъ даетъ понять, что ревнуетъ Нимфодору Асклипіодотовну, когда она гладитъ и цалуетъ кошекъ. Этотъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ кобелекъ былъ вымѣненъ старушкой у какой-то барыни, который, по мнѣнію послѣдней, удивительно какъ пріятно щекоталъ языкомъ локти, ладони и прочее.

Не авторское дѣло разбирать, справедливо ли это, а лучше положиться въ этомъ на вкусъ барыни.

Послѣ обычной подачки сливокъ съ сухарями, оба Васьки по очередно умирали, по командѣ старушки. Ей стоило только сказать: Васька, умри! — И оба кота, какъ актеры, умирающіе на сценѣ, падали на полъ, складывали лапки на груди и вытягивались, какъ палки. Впрочемъ, кубышка былъ зѣло лукавъ и, даже въ часъ кончины, плутовато глядѣлъ прищуреннымъ глазомъ на Нимфодору Асклипіодотовну...

Вообще, рѣдкая мать такъ ухаживала за дѣтьми, какъ она за своей домашней скотиной. Она, каждое утро, собственноручно кормила своихъ хохлатокъ, цесарокъ, гусынь, которымъ дала всѣмъ прозвища. Куры такъ привыкли къ обычной подачкѣ, что, собравшись у дверей задняго крыльца, начинали громко тараторить, чтобъ разбудить заспавшуюся барыню. Иныя, посмѣлѣе влетали, черезъ открытое окно, прямо въ комнату, или долбили носомъ стекло; она, почти каждый день, сама щупала куръ, чтобъ повѣрить Ѳетинью: не продаетъ ли она яйца на сторону.

Въ случаѣ, если курица теряла яйцо, или неслась, вмѣсто курятника, въ конюшнѣ, Ладонкина собственной барской рукой давала за несмотрѣніе легонькую затрещину, или небольшой подзатыльничикъ Ѳетиньѣ.

Это дѣлалось вовсе не изъ злобы, а собственно для внушенія должнаго страха рабынѣ, которая можетъ забыться, облѣниться, если ее иногда этакъ не поподчивать. Право, пріятно теперь вспомнить объ этомъ, какъ о дѣлѣ давно минувшихъ дней, какъ будто

это все происходило не два года назадъ, а въ средніе вѣка, или во времена какого-нибудь Камбиза, за 500 л. до Р. Х...

Да и самой Ѳетиньѣ, послѣ такой потасовочки, дѣлалось какъ-то легче, словно она сходила въ баню... Она знала, что, гнѣвъ бокъ-о-бокъ съ милостью живутъ, что, если барыня «удостоила своей барской рукой», такъ, вѣрно, что нибудь подаритъ. Охъ, что-то у меня дѣло не ладно идетъ, не къ добру!—говаривала она, бесѣдуя съ сосѣдней кухаркой.—Что такое? спрашивала та. — Да какъ же, ужь другая недѣля идетъ, а госпожа меня хоть бы пальцемъ тронула!.. Какъ только желаемое исполнялось, Ѳетинья дѣлалась не въ примѣръ веселѣе... Да и сама Ладонкина, послѣ подобной операціи, непремѣнно подаритъ кухаркѣ гривенникъ, или скажетъ: Ѳетиньюшка, отсыпь-ка при мнѣ себѣ чайку, разовъ на пятокъ! не равно, товарка къ тебѣ придетъ, такъ поподчивать будемъ чѣмъ.— Ужь я такъ вамъ по гробъ обязана, сударыня, говорила внѣ себя отъ радости, Ѳетинья. Особенно былъ для нея праздникъ, когда госпожа дарила ее какимъ - нибудь обноскомъ съ своего барскаго плеча... Случалось, хоть рѣдко, что барыня, растроивши нервы, впадала въ безсонницу, тогда, ложась послѣ ужина, приказывала Ѳетиньѣ разсказывать себѣ сказки. И Боже сохрани, если Ѳитинья, разсказывая, задремлетъ! — Ты, мерзкая, не смотри—говоритъ—что я заснула!.. Ты все говори! И въ самомъ дѣлѣ странно: пока Ѳитинья говоритъ, барыня спитъ; чуть только замолчитъ, — барыня проснется.

Такъ мирно и безмятежно протекала жизнь почтенной вдовы, число депозитокъ, арапчиковъ въ тряпочкахъ, четвертачковъ въ копилкахъ ежегодно возрастало. Расторопная поручица, давно «отрезвившаяся» женщина отлично вела дѣла: и себя не забывала и сосѣдкѣ давала хорошій доходъ. Поручицѣ необходимъ былъ авторитетъ Ладонкиной, какъ дамы честныхъ правилъ и хорошаго поведенія...

Вдругъ, одно неожиданное событіе все взволновало, взбудоражило, перевернуло все вверхъ-дномъ и даже низвело во гробъ достойную титулярную совѣтницу.

Необходимо пояснить, что года за три до роковаго событія, Ладонкина стала отдавать почти весь свой домъ въ наемъ, вмѣсто дачи. На это ее подбила поручица Ухарева, и очень скоро, потому-что старушка, годъ отъ году, становилась жаднѣе и не прочь бы-

ла за лѣто взять рублей двѣсти, триста. Сама же она перемѣщалась въ это время во флигелекъ на дворѣ, состоящій изъ четырехъ чистенькихъ комнатъ. Отдѣлавши домъ, какъ игрушечку, отдѣливши скотный дворъ отъ чистаго высокимъ заборомъ, она совершенно покинула просторныя комнаты дома, въ которомъ жила съ мужемъ, а на всѣхъ углахъ и воротахъ налѣпила вывѣску: сей домъ продается и внаймы отдается. Зимой кто-жъ забьется въ этакую глушь, особенно въ дорогую довольно квартиру. Поэтому, домъ зимою стоялъ пустой, за то передъ лѣтомъ не было отбою отъ разныхъ мелкотравчатыхъ чиновниковъ, средней руки купчиковъ, которые, желая воспользоваться близкимъ сосѣдствомъ съ Крестовскимъ и съ другими окрестными островами, нанимали отдѣльныя квартирки на все лѣто для своихъ семействъ. Отдѣлившись совершенно отъ всего міра, даже отъ жильцовъ, занимавшихъ домъ, въ лѣтній сезонъ, она погрузилась по уши въ хозяйство, углубилась въ поэзію скотнаго двора. Ей было тогда слишкомъ за 60, поэтому и ея крѣпкое здоровье не всегда могло устоять противъ разрушительнаго дѣйствія петербургскаго климата (или петербургскихъ стихій). Бродя по хлѣвамъ, курятникамъ, она часто промачивала ноги и простуживалась. Чортъ съ бараньей головой началъ чаще представляться во снѣ. Наконецъ, по собственному сознанію ея, то есть не бараньей головы, а благочестивой старушки, покойникъ уже три раза являлся къ ней во снѣ и приглашалъ къ себѣ. Напрасно она служила по покойнику панихиду за панихидой, чтобъ отбить отъ него охоту приглашать благоденствующую старушку умереть: покойникъ не угомонился, и, ночь отъ ночи, въ видѣніяхъ, дѣлался все фамильярнѣе, все развязнѣе въ обращеніи съ супругой...

Лавровишневыя капли даже не прекращали біенія сердца послѣ ерофѣичу, горшки, накинутые на животикъ, не уменьшали страданій желудка послѣ розговѣнъ, однимъ словомъ, старушка замѣтно клонилась ко гробу.

Одно видѣніе окончательно смутило ее и разстроило здоровье недѣли на двѣ (сильная, крѣпкая, какъ старинные дубовые шкапы, натура все еще боролась со старостью). Ей приснился нечистый въ какомъ-то странномъ видѣ: онъ одѣтъ былъ въ чистый, съ иголочки вицмундиръ, съ губернскимъ шитьемъ на воротникѣ, акуратъ такимъ, какое носилъ ея покойникъ, когда служилъ еще въ палатѣ, вмѣсто двухъ рукъ, начинавшихся какъ водится у плечь, у него

болталось еще четыре руки, неизвѣстно для какой цѣли пришитыя наглухо къ воротнику съ губернскимъ шитьемъ, покойникъ держалъ въ рукахъ графинъ съ ерофеичемъ и рюмкой; а на пуговицѣ мундира висѣла «копилка».—Выпьемъ, Нимфачка, выпьемъ!.. Я совершилъ сегодня отличное дѣльцо, говорилъ онъ, наливая рюмку:—посмотри, сколько шальныхъ четвертаковъ натаскали мнѣ приблудящіе просители? Я ихъ вовсе и не ожидалъ—и съ этими словами покойникъ началъ выгребать изъ своихъ огромныхъ кармановъ множество монетъ, которыя, не умѣщаясь уже въ копилку, сыпались на полъ, на столы, на стулья...

Груда гривенничковъ, трехгривенничковъ сыпалась и сыпалась, какъ градъ, застлала весь полъ. Ладонкина сначала радовалась такому изобилію денегъ, наконецъ пришла въ ужасъ, увидя, что ихъ насыпалось на полъ ей по колѣно... Она хочетъ выбраться изъ комнаты, но ноги вязнутъ въ безднѣ денегъ, деньги, какъ разбитые черепки, хрустятъ, скользятъ подъ ногами... Она кричитъ, зоветъ Ѳетинью; но никто не отзывается: покойникъ давно изчезъ, разсыпался весь, обратился въ четвертаки и гривенники; наконецъ ихъ насыпалось вплоть до горла задыхающейся, кричащей Нимфодоры Асклипіодотовны! Въ эту минуту она ахнула и проснулась.

Подлѣ нея спала, уткнувши носъ въ колѣни, Ѳетинья, которая сначала разсказывала засыпающей барынѣ сказку про какого-то бѣлаго лебедя, да такъ и заснула.

Испуганная барыня схватила Ѳетинью за воротъ, чтобъ разбудить, но Ѳетинья спала крѣпко, отхватывая носовыми форточками всевозможныя трели: то шипѣла, какъ змѣя, то хныкала, то каркала какъ воронъ, то хрипѣла, какъ только-что зарѣзанный, истекающій кровію быкъ бугай.

Долго барыня, взявши Ѳетинью за воротъ, трепала, какъ мѣшокъ, но та, не раскрывая глазъ, издавала только однѣ безсмысленныя мычанія.

— Что-ты спишь, окаянная! Ей и горюшка мало, что барыня чуть ни умерла! Опрыскай меня скорѣе богоявленской водицей, да съ молитвой!..

Ѳетинья, протирая глаза, побрела, вмѣсто того чтобъ къ угольнику подъ образами, — совершенно въ противуположную сторону, наконецъ, описавши кругъ по комнатѣ, ощупью прибрела опять къ барыниной кровати, запуталась въ коврѣ, разостланномъ подлѣ,

споткнулась и заснула, повалившись всей тяжестью тѣла на ноги проснувшейся госпожи.

— Ай! ай! разбойница! Помогите! кричала послѣдняя въ изступленіи, но никто ея не слышалъ.

Всѣ дальнѣйшія событія относятся къ разсказу о фокусникѣ-племянничкѣ, которому и суждено было уходить свою тетушку. Извѣстно, что въ Петербургѣ есть много людей, которые не принадлежатъ ни къ какому сословію, не имѣютъ никакого занятія, которые не знаютъ, гдѣ они будутъ ночевать сегодня и будутъ ли обѣдать завтра. Все состояніе этихъ людей заключается въ одной парѣ сапогъ, подъ которые на случай грязи подкладывается вмѣсто подошвы толстая сахарная бумага, и въ одномъ пальто или вицмундирѣ, разъ пять побывавшемъ на толкучкѣ для возобновленія. Пренебрегая собственностію, эти люди въ то же время не любятъ и постояннаго мѣстожительства; днемъ они скрываются, какъ летучія мыши, въ разныхъ столичныхъ трущобахъ, куда не заходитъ ни свѣтъ солнца, ни глазъ квартальнаго надзирателя. За то ночью они оживаютъ двойною жизнію, разсыпаются по подвальнымъ харчевнямъ, трактирамъ, публичнымъ домамъ и тамъ составляютъ довольно замысловатыя атаки противъ притѣсняющей ихъ собственности. Тайны этой петербургской жизни пока остаются неизвѣстными въ литературѣ и ожидаютъ своего романиста... Къ сожалѣнію, я не успѣлъ познакомиться съ фокусникомъ - племянничкомъ, а то онъ передалъ бы мнѣ не мало, интересныхъ вещей изъ этой жизни, потому что самъ принадлежалъ къ категоріи *ночныхъ* петербургскихъ людей.

Это былъ молодой человѣкъ, прошедшій сквозь огни и воды и мѣдныя трубы; въ его аттестатѣ было прописано до 40 присутственныхъ мѣстъ, которыя онъ осчастливилъ своимъ присутствіемъ, но только такъ: Въ надворный уголовный судъ поступилъ въ 1856 году, 2 іюня, а вышелъ оттуда 3 іюня того же года, въ управу благочинія опредѣлился 16 мая, а уволенъ по прошенію 18 мая и т. д.

И главное, что отовсюду увольнялся по личному прошенію, да по домашнимъ обстоятельствамъ... Вотъ ужъ умѣлъ сухимъ изъ воды выйдти. Явившись однажды къ тетушкѣ, онъ прежде всего помолился на образа и поклонившись гостямъ, чинно произнесъ:

— Богъ милости прислалъ. Былъ у обѣдни у Николы Трунилы, вамъ, тетушка, просвирочку принесъ.

— Отецъ Елизаръ говорилъ отличную проповѣдь о насыщеніи

тремя хлѣбами и пятью рыбами. Херувимской пѣли 10-й померъ, а концерта въ церкви не было.

Сообщая свѣдѣнія въ такомъ родѣ, выкидывая разныя штучки и колѣнца. свойственныя однѣмъ только набожнымъ старушкамъ, онъ умѣлъ вкрасться въ расположеніе къ тетушкѣ. У него слюнки текли при видѣ ея сундучка; не три же вѣка она проживетъ, думалъ онъ, но не подавалъ и виду нетерпѣнія.

Главною цѣлію его было — прикрыть всѣ подвиги свои, совершаемые въ другихъ частяхъ города, благонамѣренностью въ домѣ тетушки. Платье его, получившее порядочные изъяны въ полпивныхъ, трактирахъ, тщательно заштопывалось наканунѣ визита къ тетушкѣ; дурной запахъ, слѣды излишнихъ возліяній—тоже уничтожались скипидаромъ, или чѣмъ другимъ. Въ то самое время, когда тетушка задумывала сходить на богомолье какъ нельзя больше кстати явился племянничекъ и чинно усѣлся въ углу.

— А вотъ я думаю сдѣлать доброе дѣло — сходить помолиться угоднику Сергію, замѣтила тетушка:—только не знаю, на кого хозяйство-то оставить. Ѳетинья тоже просится, чтобъ ѣхать со мной.

— Да поручите мнѣ, тетушка: я и курочекъ вашихъ и коровокъ—всѣхъ устерегу. Буду беречь ихъ, какъ зѣницу ока.

— Врешь, все пропьешь, знаю тебя!..

— Тетушка, да неужели вы не вѣрите благородному слову дворянина? И на глазахъ его очень кстати показались слезы. Онъ держалъ при себѣ постоянно луковицу. Тетушка повѣрила словамъ и слезамъ племянничка. На другое утро крытая таратайка унесла тетушку къ московской машинѣ. Все хозяйство: куры, свиньи, овцы, коровы—было поручено племянничку.

Очутившись полнымъ хозяиномъ, онъ прежде всего полѣзъ въ печку, выскребъ пальцемъ кашу изъ горшка и утолилъ трехдневный голодъ. Потомъ подумалъ, что не дурно бы выпить, жаль только, что нѣтъ денегъ. Но на зеркалѣ висѣла тетушкина косынка, что внушило племянничку геніальную мысль—пустить косынку въ оборотъ. Очищенная, розыгравшись въ желудкѣ, возбудила изобрѣтательную фантазію племянничка, и онъ сталъ придумывать—какъ бы ловчѣе воспользоваться выгодами своего положенія.

— Не пустить ли что-нибудь въ оборотъ? спрашивалъ самъ себя племянничекъ, обводя глазами стѣны и потолки.

— Ба! да вѣдь теперь пора весенняя всѣ ищутъ дачъ!.. И съ этимъ открытіемъ, племянникъ бросился, къ столу, взялъ перо, бумагу и написалъ: сей домъ продается внаймы отдается, вмѣстѣ и порознь, со всѣми принадлежностями съ конюшнями, погребами и сараями.

Налѣпивши множество вывѣсокъ на всѣхъ окнахъ, воротахъ и заборахъ, онъ сталъ ожидать жильцовъ.

Не прошло полчаса, какъ явился важный баринъ, въ дорогомъ пальто и прогнусавилъ: отдается здѣсь меблированная квартира? — Какъ-же-съ, отдается; отличнѣйшая квартира-съ: шесть комнатъ, седьмая кухня, вода, все подъ рукой. Сараи, конюшни—все, какъ рукой подать.

И, почтительно изгибаясь, племянничекъ ринулся показывать требуемую квартиру.

— Мнѣ нужно поаристократичнѣе, потому что у меня будетъ гостить графъ Лежебоковъ, князь Широкохвостовъ...

— И Лежебоковымъ, и Широкохвостовымъ—всѣмъ будетъ мѣсто и просторъ, возразилъ племянничекъ, торопясь сбурать квартиру поскорѣе и взять задатокъ. Баринъ пошелъ осматривать комнаты, назначая, гдѣ быть аристократическому салону. будуарамъ разныхъ графинь Квартира понравилась, племянничекъ это замѣтилъ.

— Что будетъ стоить за все лѣто, съ моими дровами?

Никаноръ Агафонодовичъ не торговался много; ему нужно было поскорѣе получить деньги, взять побольше задатку.

— Триста рублей, отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, я больше двухъ-сотъ не дамъ: графиня тетушка обидится, если узнаетъ, что я такъ дорого плачу...

— Ну-съ двѣсти-пятьдесятъ.

— Нѣтъ, двѣсти.

— Ну хорошо-съ, двѣсти, только пожалуйте задаточекъ.

— Двадцать пять рублей будетъ.

— Дайте лучше пятьдесятъ.

— Двадцать пять, вотъ вамъ пятидесяти рублевая, дайте сдачи!

— Кчему же сдачи, все равно причтемъ.

Получивши пятьдесятъ рублей, выпроводивши почти только жильца, племянничекъ тотчасъ бросился въ портерную и закатилъ на

славу. — Когда онъ такъ ликовалъ, явился чиновникъ — семейный человѣкъ и тоже отвалилъ задатку десять рублей. Полупьяный племянничекъ скорѣе схватилъ эти деньги, упился до положенія ризъ и уже больше никого не принималъ.

На другой день, собравши задатки съ трехъ новыхъ жильцовъ за тѣ же квартиры, онъ имѣлъ до ста рублей, изъ которыхъ четверть пошла на увеличеніе дохода погребовъ. Читатель можетъ себѣ представить сумбуръ, когда всѣ жильцы, давшіе задатки, съѣхались черезъ три дня на одинъ дворъ.

— Батюшки свѣты, что это такое творится? воскликнула тетушка, когда ея таратайка, запряженная сивкой, въѣхала прямо между экипажами и возами съ поклажей. Ея сивка тотчасъ почувствовала влеченіе къ какому-то мерину и, взвизгивая на разные тоны, положила свою морду на шею другой лошади.

Между тѣмъ, жильцы бранились между собою, поднявши страшный содомъ на всю улицу. Каждый доказывалъ свои права на новую квартиру и между нѣкоторыми благородными особами дошло чуть не до потасовки.

— Я благородная дворянка, кричала одна:—мой мужъ-то колежскій совѣтникъ, протекцію можетъ оказать, кричала другая.—Споръ былъ страшный, тетушка старалась перекричать всѣхъ, доказывая, что она—хозяйка дома, но никто ее не слушалъ.

Когда поуспокоились на дворѣ, первымъ дѣломъ тетушки было заглянуть въ кладовую, гдѣ хранилась ея завѣтные сундуки, о которыхъ не забылъ любезный племянничекъ. Сопровождаемая Ѳетиньей, она робко, съ замирающимъ сердцемъ подошла къ первому изъ нихъ и увы!—нашла его взломаннымъ и значительно опорожненнымъ. Освѣдомившись объ арапчикахъ, завернутыхъ въ разные узелки, она не нашла ихъ на своемъ мѣстѣ и какъ стояла передъ сундукомъ, такъ и осталась въ неподвижномъ положеніи нѣсколько минутъ. Видно было, что она хотѣла заорать во все горло, но разинутый ротъ не издавалъ болѣе звуковъ, глаза смотрѣли, но ничего не видали, руки порывались сдѣлать движеніе, но не двигались. Затѣмъ тетушка шлепнулась на сундукъ, какъ пришибленная громомъ, и съ тѣхъ поръ, перенесенная Ѳетиньей на постель, уже болѣе не вставала. Передъ смертью она все грезила арапчиками и копилками, которыя представлялись ей въ видѣ разной чертовщины...

А гдѣ же былъ въ это время племянничекъ?

Онъ преспокойно сидѣлъ въ какомъ-то трактирѣ и доказывалъ пріятелямъ, какъ полезно имѣть самыхъ глупѣйшихъ въ цѣлой поднебесной тетушекъ. И при этомъ довольно живописно описалъ свои подвиги въ ея домѣ.

П. Горскій.

НАЧАЛА ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА.

I.

Масса населенія во всѣхъ странахъ новой Европы распадалась всегда на нѣсколько слоевъ. Одни изъ нихъ считались высшими, другіе низшими. Высшіе разумѣется брали перевѣсъ надъ нисшими, а эти подчинялись имъ. Тѣмъ и другимъ были присвоены различныя названія и различныя права, въ чемъ конечно и заключалась вся сущность выгоды высшихъ, потому что объ одномъ различіи названія не стоило бы и хлопотать.

Когда въ Европѣ существовало еще крѣпостное право, и все различіе между людьми опредѣлялось исключительно внѣшними преимуществами, высшее сословіе называлось дворянствомъ или благородными, а низшіе, въ противуположность, недворянами, неблагородными, или народомъ. Хотя, по различію національныхъ и мѣстныхъ особенностей, дворяне пользовались разными правами, но въ сущности ихъ преимущества были почти вездѣ одинаковы. Напримѣръ во Франціи, дворянство до 1789 года было избавлено отъ поголовной подати и другихъ тяжелыхъ платежей; оно получало самыя выгодныя духовныя и самыя значительныя военныя должности; оно имѣло преимущество поступать въ военную службу прямо офицерскими чинами; только оно одно могло служить въ кавалеріи; оно пользовалось исключительными правами охоты, такъ что могло даже травить зайцевъ на хлѣбныхъ поляхъ низшаго сословія, а простолюдины разумѣется не смѣли дѣлать этого на дворянскихъ поляхъ; наконецъ только оно одно могло въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — въ Дофине, въ Бретани и въ Нормандіи—заводить голубятни и птичники. Съ измѣненіемъ понятій внѣшнія преимущества были прекраще-

ны, потому что стало непонятнымъ, почему одни могутъ травить зайцевъ и держать голубей, а другіе нѣтъ; почему одни должны пользоваться всѣми денежными выгодами, и другіе только убытками. Передовые люди понимали хорошо, что внѣшнія преимущества не дѣлаютъ людей ни умнѣе, ни благороднѣе, ни полезнѣе, и что если и существуетъ между людьми какое нибудь различіе, то оно обусловливается исключительно ихъ внутренними качествами, т. е. степенью развитія и знаніями Съ этихъ поръ явилось дѣленіе людей на образованныхъ и необразованныхъ. При всемъ различіи новаго основанія отъ стараго, относительное положеніе противоположныхъ слоевъ общества измѣнилось мало; внѣшнія условія по прежнему остались въ своей силѣ, и человѣкъ со средствами сталъ образованнымъ и началъ пользоваться большими общественными выгодами; а человѣкъ бѣдный преобразился въ необразованнаго и остался въ зависимомъ положеніи. Разумѣется новый принципъ въ теоретическомъ отношеніи много выше прежняго, но въ практикѣ произошла перемѣна больше въ названіи, и прежній простолюдинъ — недворянинъ сталъ называться, по новому, простолюдиномъ—необразованнымъ.

Въ нравственныхъ отношеніяхъ различныхъ слоевъ не случилось тоже особенной перемѣны. Прежній тонъ презрѣнія и взглядъ свысока на простонародье хотя и смягчился, тѣмъ не менѣе люди, гордые своимъ образованіемъ, сохранили частью свою прежнюю заносчивость, и какъ прежде дворянинъ любилъ замѣтить иногда простолюдину, что онъ не благородный, такъ теперь онъ не упуститъ случая уколоть его невѣжествомъ. Совершенно справедливо, что простонародье не отличается тонкостью обращенія, манерами, изяществомъ языка и возвышенностью мыслей, свойственными въ такой степени людямъ свѣтскимъ. При всемъ томъ грубая масса, называемая народомъ, играетъ въ исторіи развитія человѣчества такую важную роль, что хотя значеніе народа и очевидно для всѣхъ мыслящихъ людей и изученіе его во всѣхъ его проявленіяхъ составлять одну изъ главнѣйшихъ задачъ современной науки, тѣмъ не менѣе не было еще такого великаго человѣка, у котораго нашлось бы столько силы, чтобы проникнуть въ эту глубину и открыть законы ея жизни. Не смотря на то, за народомъ остается репутація заблужденій, невѣжества, суевѣрій, грубости, тупости, жестокости, и въ то же время образованное сословіе смотритъ на народъ съ нѣкоторой боязнью, предполагая въ этой силѣ способность на все ужасное и раз-

рушительное. Такой взглядъ разумѣется весьма преувеличенъ и могъ явиться только отъ недостаточнаго знакомства съ тѣмъ, что называется народомъ, и съ тѣмъ, что называется исторіей.

Обвиненіе народа въ тупости основывается на томъ, что онъ не обнаруживаетъ особенно свѣтлыхъ понятій въ религіозныхъ вопросахъ, что онъ суевѣренъ, что онъ не понимаетъ ничего въ администраціи и въ политикѣ.

Дѣйствительно, народъ повидимому неспособенъ къ теологическимъ спорамъ и не пойметъ умозрѣній Августина или другухъ философовъ. Если бы ему пришлось присутствовать на одномъ изъ тѣхъ безчисленныхъ диспутовъ, которыми такъ отличались нѣмцы во время реформаціи, то при всемъ его уваженіи къ учености и авторитету глубокомысленныхъ теологовъ, онъ не только не понялъ бы ничего изъ того, что казалось вполнѣ яснымъ Лютеру, Кальвину и католическимъ духовнымъ; но онъ даже усумнился бы въ здравомысліи людей, отстаивающихъ съ упорствомъ такія мелочи, о которыхъ не стоитъ и говорить. Неспособность народа возвыситься до пониманья діалектической тонкости спора о значеніи свободной или несвободной воли въ поступкахъ людей можетъ заслуживать полнаго презрѣнія къ его неразвитости; но этимъ не отнимается еще отъ него достоинство здраваго разсудка и возможности понять сущность вопроса. По условіямъ своего быта, народъ развивалъ въ себѣ только тѣ практическія способности, которыя находятся въ ближайшей связи съ выгодами его матеріальной жизни. Поэтому въ немъ является простое пониманіе простыхъ вещей, имѣющихъ къ нему прямое отношеніе, а философская тонкость ускользаетъ, потому что ему нѣтъ до нея никакого дѣла. Поэтому во всѣхъ теологическихъ спорахъ и религіозныхъ войнахъ Европы сущность вопроса заключалось для народа не въ томъ, какая у кого воля и какъ слѣдуетъ понимать Евхаристію, а насколько убавится у него податей и при какомъ духовенствѣ—католическомъ или протестантскомъ—ему будетъ легче. Какъ бы слабо ни былъ развитъ народъ, но отъ него не могло ускользнуть то, что втеченіи какихъ нибудь пятидесяти лѣтъ правительство мѣняетъ въ странѣ нѣсколько разъ религію. Такъ было въ шестнадцатомъ столѣтіи въ Англіи, гдѣ сначала Генрихъ VIII придумалъ національную рилигію и свои обряды; Эдуардъ, вступившій на престолъ послѣ него, уничтожилъ нововведеніе своего отца и держался протестантства; Марія, вступившая послѣ

Эдуарда, уничтожила дѣло своего брата и поддерживала католицизмъ; наконецъ послѣ нея Елисавета сдѣлала опять новыя измѣнія. Уже эти частыя перемѣны показывали, что вопросъ заключается разумѣется не въ душеспасительной сущности той или другой религіи, и потому народъ смотрѣлъ равнодушно на то, что дѣлали высшія сословія и короли. И дѣйствительно вопросъ заключался почти исключительно въ однѣхъ внѣшнихъ перемѣнахъ, и преобразованія имѣли одно только политическое значеніе. Послѣ этого нечего было удивляться религіозному равнодушію массъ, съ какимъ онѣ переходили отъ одной вѣры къ другой, смотрѣли безучастно на религіозные споры и принимали безъ противорѣчія ту или другую форму богослуженія. У массъ народонаселенія, дѣятельность которыхъ сосредоточивается на матеріальныхъ интересахъ, развивается преимущественно свѣтскія способности; у нихъ нѣтъ времени вдаваться въ теологическія умствованія, неимѣющія никакой непосредственной связи съ ихъ бытомъ.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы народъ былъ равнодушенъ къ религіи и что для него все равно, что считать бѣлымъ и что чернымъ. Религіозное чувство, какъ извѣстнаго рода міросозерцаніе, опредѣлющее отношеніе человѣка къ природѣ и къ другимъ людямъ, живетъ также въ массахъ простонародья, какъ и въ образованныхъ сословіяхъ. Короткая сущность христіанства и кодексъ христіанской нравственности, который весь можно помѣстить на десяти печатныхъ строкахъ, очень хорошо извѣстенъ и понятенъ каждому изъ толпы, нисколько независимо отъ грамотности и развитія человѣка, потому что сущность ученія такъ проста и понятна, что она доступна самому невѣжественному уму и самому ограниченному пониманію. Поэтому необразованный человѣкъ знаетъ нехуже дворянина, что значитъ добро и что значитъ зло; онъ, можетъ быть, знаетъ даже лучше, какъ нехорошо обижать людей и лишать ихъ необходимаго въ ихъ жизни, какъ нехорошо быть несправедливымъ и т. д. Однимъ словомъ нравственный христіанскій кодексъ извѣстенъ также хорошо необразованному, какъ и образованному, съ той только разницей, что простолюдинъ изучаетъ его не изъ книжекъ, не въ школѣ, не изъ катехизиса, а въ практической жизни и по другой методѣ, чѣмъ знакомятся съ нимъ люди въ пансіонахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ. Что народъ стоитъ за свои религіозныя представленія, видно изъ того, что когда правительства касаются религіозныхъ вопросовъ, пред-

ставляющихъ для народа важность, то являются росколы, т. е. нежеланіе принять то ученіе, какое ему велять принять. Фактъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что помогъ философамъ понять значеніе и самобытность человѣческаго разума, дѣйствующаго по однимъ законамъ и въ образованнымъ и въ необразованныхъ головахъ. У каждаго человѣка свой разумъ и свои органическія особенности; поэтому въ свойствахъ представленій и мыслей должны происходить непремѣнно различія. А изъ этого слѣдуетъ, что если всѣмъ людямъ предлагать одно ученіе, то хотя они въ главныхъ основаніяхъ и будутъ всѣ согласны, но должны непремѣнно разойтись въ частностяхъ. Отсюда и являются расколы и разныя религіозныя секты. Пока теологія составляла почти исключительное занятіе мыслящихъ людей, а мыслящіе люди, по неразвитію другихъ знаній, посвящали себя почти исключительно теологіи, и вообще пока преобладало въ Европѣ теологическое направленіе, то всякое отступленіе отъ господствующаго ученія преслѣдовалось, какъ ересь, и за народомъ слѣдили, чтобы онъ не умствовалъ, а вѣрилъ тому, во что ему велѣли. Такой порядокъ повелъ не къ уменьшенію ересей и сектъ и не къ стѣсненію мыслительной способности народа, а къ тому, что разнообразныя ученія исповѣдывались тайно, и народъ только по наружности держался предписаныхъ ему обрядовъ. Съ ослабленіемъ теологическаго направленія и съ появленіемъ религіозной терпимости явилась другая боязнь, чтобы массы населеній, въ которыхъ свѣтскіе люди видѣли начала только всего дурного и злодѣйскаго, не позволила бы себѣ какихъ нибудь излишествъ противъ привиллегированныхъ сословій. Тогда—въ прошедшемъ столѣтіи, свѣтскіе люди вспомнили забытое правило, извѣстное еще римлянамъ, что религія должна служить, какъ instrumentum regni, и что ее нужно употребить политически, для обузданія народа. Высказывая такую мысль, свѣтскіе люди не указывали на источникъ своей боязни и не могли привести изъ жизни народа ни одного факта въ подтвержденіе необходимости такого политическаго ученія. Это случилось еще до французской революціи; но если бы оно случилось даже и послѣ ея и послѣ всѣхъ революцій нынѣшняго столѣтія, то и въ этомъ случаѣ факты не только не говорили бы ничего въ защиту этого ученія, а напротивъ всей своей силой доказывали бы его несправедливость, потому что если бы этотъ instrumentum оказывался дѣйствительнымъ, то разумѣется не случилось бы того, что случалось. Ошибочность ученія заключа-

лась въ томъ, что не замѣчали отсутствія въ народѣ тѣсной связи его свѣтскихъ способностей съ его вѣроученіемъ, и что обязательно принятыя правила нисколько не мѣшаютъ появленію нечестія въ религіозныхъ вопросахъ и нарушенію свѣтскихъ порядковъ. Тѣмъ не менѣе принципъ этотъ принятъ въ Европѣ и хотя онъ нисколько не измѣняетъ внутренней работы каждаго отдѣльнаго человѣческаго разума, но за то установляетъ внѣшнее общее единство. Если только въ этомъ и заключалась цѣль, то она разумѣется достигнута; но за то явилась контрабанда.

Не имѣя никакого основанія утверждать, чтобы основныя, религіозно-нравственныя понятія простонародья отличались чѣмъ нибудь отъ подобныхъ же понятій образованныхъ людей, нужно допустить, что и у тѣхъ и у другихъ они совершенно одинаковы; что же касается до способности къ тонкимъ теологическимъ словопреніямъ, то мы полагаемъ, что свѣтскіе люди оказались бы въ нихъ едва ли много сильнѣе людей совершенно незнакомыхъ съ этимъ дѣломъ.

Административныя и политическія понятія народа разумѣется не особенно обширны. Но и въ этомъ случаѣ обвиненіе его въ неспособности болѣе преувеличено, чѣмъ дѣйствительно. Вся неспособность народа происходитъ исключительно отъ отсутствія навыка; относительно же того, что ему нужно, и что мѣшаетъ его благосостоянію, то уже разумѣется никто не понимаетъ этого вопроса лучше его. Впрочемъ и административная неспособность народа кажется такой больше по отношенію къ существующимъ административнымъ пріемамъ, а не по отношенію къ тѣмъ требованіямъ, которыя наконецъ должны войти въ общее сознаніе. Современная администрація всей Европы, за исключеніемъ, и то только частью, Англіи, отличается многосложностью и запутанностью. Кромѣ сложности механизма и происходящей оттого медленности хода всѣхъ дѣлъ, безпрестанныхъ ошибокъ и недоразумѣній, администрація стоитъ вездѣ огромныхъ издержекъ, которыя падаютъ разумѣется на народъ. Во Франціи напримѣръ считается болѣе 800,000 чиновниковъ, т. е. одинъ чиновникъ приходится на каждыхъ 45 человѣкъ жителей. Такая громадная армія чиновниковъ, изъ которыхъ двѣ трети несутъ должности полицейскія и полицейскаго характера, не только должна производить большое замѣшательство въ самомъ механизмѣ управленія, но и идетъ въ явный убытокъ странѣ и даже понижаетъ уровень общаго развитія. Но зачѣмъ же Франція держитъ

такую громадную гражданскую армію? Она держитъ ее потому, что безъ нея невозможна централизація; и для удовлетворенія этой идеи Франція покрыта цѣлой системой чиновничей сѣти, подъ которой движется и живетъ народъ. Насколько такой порядокъ удобенъ и выгоденъ, можно видѣть изъ того, что всѣ имъ тяготятся и особенно разумѣется тѣ, кого связываетъ подобная система опеки.

Совершенно противное правительственной административной системѣ составляетъ самоуправленіе. Тамъ, гдѣ чиновничество пишетъ, составляетъ отчеты, рапорты, донесенія, предписанія и т. д., народъ дѣлаетъ все на словахъ. Тамъ, гдѣ холодное уголовное право безстрастно произноситъ свой приговоръ, не желая ничего знать о внутреннемъ мірѣ и о законахъ побужденій обвиненнаго, домашній судъ народа знаетъ хорошо и коротко провинившагося и обнаруживаетъ стремленіе къ извиненію и прощенію, неизвѣстному уголовному праву. Этотъ частный, нѣкоторымъ образомъ семейный характеръ всѣхъ народныхъ рѣшеній, придаетъ дѣламъ, исполняемымъ самимъ народомъ, большую мягкость, гуманность и значительную простоту. Мы не хотимъ сказать, чтобы всѣ рѣшенія, предоставленныя народу, отличались бы непогрѣшимой мудростью, безпристрастіемъ, справедливостью и отсутствіемъ страстности. Но вѣдь отсутствіемъ этихъ недостатковъ не можетъ похвалиться и администрація центральной власти Франціи, Германіи или другихъ государствъ. Мы знаемъ только, что при централизаціонной системѣ всѣ дѣйствія до послѣднихъ мелочей отличаются единствомъ проникающаго ихъ духа, чего разумѣется не существуетъ въ народныхъ мѣрахъ. Въ этомъ ихъ главное и различіе. Но и это различіе опредѣляется подвижностью народной жизни, невозможной въ слишкомъ сложномъ механизмѣ громадной правительственной администраціи. А подвижность разумѣется представляетъ больше гарантій успѣшности, выгодности и справедливости, чѣмъ неподвижность.

Если бы простота самоуправленія не представляла очевидныхъ удобствъ и выгодъ, и если бы въ массахъ народа не существовало способности для этого дѣла, то разумѣется правительство не стало бы дѣлать само добровольно уступокъ въ пользу самоуправленія. Но этого мало: система простой народной администраціи служитъ во многихъ случаяхъ образцомъ и для правительственныхъ учрежденій. Лучшимъ доказательствомъ этой мысли служитъ словесное и гласное судопроизводство. Эта первоначальная форма суда,

измѣнившаяся впослѣдствіи, подъ вліяніемъ глубокомысленно ученыхъ юристовъ и знатоковъ римскаго права, въ бездушное, медленное и мучительное, бумажное производство, и въ такомъ видѣ составивши вездѣ государственную юстицію, сохранилась въ своей первобытной простой и быстрой формѣ только въ приговорахъ народа, который и до сихъ поръ въ дѣлахъ, предоставленныхъ его рѣшенію, дѣйствовалъ міромъ, на сходкѣ.

Система эта, приложенная и къ другимъ отраслямъ администраціи, принесетъ несомнѣнную пользу, потому что упроститъ, ускоритъ и удешевитъ общій государственный механизмъ. Государственный организмъ можно сравнить съ отдѣльнымъ человѣческимъ организмомъ. Какъ основой человѣческаго тѣла служитъ отдѣльная ячейка, живущая сама собой, внутренней своей силой, на основаніи свойствъ заключающагося въ ней вещества, такъ точно государственое тѣло имѣетъ первоначальной своей формой сельскую и городскую общину. Основы жизни сельской общины весьма просты и немногосложны и всѣ они удобно разрѣшаются самими членами общины. По отношенію къ общему государственному организму обязанность общины заключается въ томъ, чтобы внести подати и повинности и представить людей для военной службы. Обязанности эти для своего исполненія не требуютъ какихъ нибудь исключительныхъ, или свышечеловѣческихъ способностей. То и другое можетъ быть выполнено поэтому людьми даже самого ограниченнаго развитія, съ точностью какая необходима въ этомъ дѣлѣ. Представителями же общины въ этомъ будутъ всего два человѣка — сборщикъ податей и сдатчикъ. Но есть еще случай, гдѣ община приходитъ въ столкновеніе съ центральной властью, — это дѣла судебнаго порядка Такимъ образомъ всѣ эти дѣла выполняются тремя представителями общины, имѣющими офиціальный характеръ, а затѣмъ всѣ вопросы—внутренней полиціи, внутренней хозяйственной администраціи, споры и недоразумѣнія—разрѣшаются самой общиной, не выходя изъ ея предѣловъ. Читатель на это замѣчаетъ, что такой порядокъ существуетъ уже во всей Европѣ и служитъ основой всякаго самоуправленія. Относительно послѣдняго, замѣчаніе вполнѣ справедливо, потому что къ этой простотѣ именно и стремится система самоуправленія; но чтобы такой порядокъ существовалъ въ Европѣ, сказать еще нельзя. Вездѣ еще живетъ недовѣріе къ силамъ народа, и законъ исторической жизни, по которому развитіе совершается отъ

первоначальныхъ основъ человѣческаго общества, подобно тому, какъ жизнь отдѣльныхъ организмовъ развивается изъ жизни отдѣльныхъ клѣточекъ, не вошелъ еще вовсе въ общее сознаніе. Поэтому рядомъ съ началами самоуправленія помѣщается система самого строгаго надзора и самой строгой опеки, какъ напримѣръ во Франціи, о чемъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже.

Разумѣется во многихъ случаяхъ можетъ показаться, что въ народѣ, т. е. въ простолюдинахъ недостаточно развиты еще способности для пониманья всѣхъ тонкостей и требованій существующихъ администрацій. Но здѣсь вопросъ въ томъ — виноваты ли въ этомъ способности народа, или уже черезчуръ хитрыя и сложныя системы управленій? Самымъ лучшимъ будетъ разумѣется всегда то, что болѣе всего просто и что доступно самому обыкновенному человѣческому пониманію. Въ своей основной сущности вопросы административнаго порядка весьма просты, и въ этомъ можно легко удостовѣриться, посмотрѣвъ на механизмъ самоуправленія тамъ гдѣ онъ существуетъ, и на способъ какимъ рѣшаетъ простонародье свои недоразумѣнія, споры и общинныя вопросы. Та же самая сущность остается и въ дальнѣйшемъ ея развитіи, и если система управленія принимаетъ впослѣдствіи такой сложный и запутанный характеръ, то совсѣмъ не потому, чтобы это требовалось внутренней трудностью разрѣшаемыхъ вопросовъ, а исключительно вслѣдствіе системы опеки.

Главный недостатокъ центральной администраціи въ ея совершенно излишнемъ формализмѣ, нисколько необезпечивающемъ достоинство исполнительности. Для поясненія нашей мысли мы приведемъ слѣдующій примѣръ. Послѣ побѣды подъ Фарнакомъ Цезарь донесъ о ней Сенату тремя словами — пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Но если бы тотъ же самый Цезарь жилъ въ наши времена сложной и развитой администраціи, онъ не смѣлъ бы поступить такимъ образомъ, и его донесеніе было бы составлено въ формѣ, отличающей современное офиціальное многописаніе, особенно развитое у нѣмцевъ. Тутъ было бы и «вслѣдствіе предписанія отъ « » числа за № « »; тутъ было бы «имѣю честь почтительнѣйше донести», или «почтительнѣйше испрашиваю разрѣшенія», и «съ совершеннымъ почтеніемъ и таковой же преданностію имѣю честь быть», или другая стереотипная фраза: «примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи» и т. д. и многія другія, совершенно неотносящіяся къ сущности дѣла изрѣченія, не считая уже излишнихъ и совершенно ненужныхъ по-

дробностей самого изложенія. Если бы явился любитель вычисленій, подобно тому господину, который расчиталъ, сколько лишняго труда и лишней бумаги тратится оттого, что въ русскомъ языкѣ существуетъ буква ъ, и опредѣлилъ бы, сколько ушло силъ, времени, бумаги, а слѣдовательно и денегъ, на всѣ ненужныя фразы официальнаго языка, въ официальной перепискѣ хотя одного какого нибудь народа, то изъ этой экономіи составился бы разумѣется капиталъ, достаточный для прорытія Суэзскаго канала. Разумѣется ни одинъ начальникъ не сомнѣвается въ почтительныхъ чувствахъ своего подчиненнаго, по крайней мѣрѣ не можетъ имѣть къ тому никакихъ основательныхъ поводовъ; точно также ни одинъ подчиненны не сомнѣвается въ томъ, что начальникъ можетъ ему приказывать; слѣдовательно очевидно, что всѣ фразы или выраженія, служащія къ заявленію подобныхъ чувствъ, едва ли необходимы, тѣмъ болѣе если подчиненный повторяетъ постоянно все одно и то же во всю свою служебную дѣятельность. На наше замѣчаніе можно возразить, что оно мелочно; но это будетъ справедливо только въ томъ случаѣ, когда то же самое будетъ отнесено и къ предмету, вызвавшему его. Разсматривая весь составъ администраціи, нетрудно замѣтить, что въ ней нѣтъ ничего особенно крупнаго, что вся сложность ея происходитъ исключительно отъ обилія мелочныхъ обстоятельствъ, и все это, приведенное къ одному началу, или къ одной основной причинѣ, можетъ быть объяснено двумя побужденіями: неувѣренностью въ способностяхъ народа и политическимъ любопытствомъ. Въ примѣръ послѣдняго удобнѣе всего привести Наполеона III, который желаетъ знать не только то, что говоритъ, читаетъ, учитъ и дѣлаетъ всякій изъ его подданныхъ, но даже и то, что онъ думаетъ. Для удовлетворенія подобнаго любопытства администрація должна разумѣется доходить до чудовищнаго развитія; число исполнителей должно быть громадно, число листовъ исписанной ими бумаги еще больше, наконецъ повтореніе фразъ официальной вѣжливости достигать до размѣра астрономическихъ величинъ. Но можно ли утверждать, что всѣ эти силы тратятся на великія дѣла, что обиліе бумагъ преисполнено высокихъ мыслей и новыхъ идей, и что для исполненія всего этого требуются исключительныя способности и не годятся люди простого мужицкаго ума? Люди мужицкаго ума разумѣется не годятся для этого, потому что они не въ состояніи понять, къ чему все это. Подобное пониманіе дается только послѣ извѣстной дрессировки спо-

собностей и характера, и вотъ почему нерѣдко люди весьма умные и вполнѣ здравомыслящіе не бываютъ въ состояніи воспитаться для администраціи и быть хорошими исполнительными органами. Вся причина въ томъ, что они не убѣждаются, нужно ли все это, и не могутъ понять — къ чему все это ведетъ.

Что же касается до сомнѣнія въ способностяхъ простолюдиновъ понимать не только то, что ведетъ къ ихъ собственному благосостоянію, но даже и вещи повидимому болѣе недоступные неразвитому уму, то въ отвѣтъ на это мы приведемъ два историческихъ факта. Переворотъ 1642 года въ Англіи былъ сдѣланъ пивоварами, башмашниками, котельниками, плотниками, истопниками, лакеями, извощиками, и всѣ эти люди достигли значительныхъ должностей въ администраціи и выказали блистательныя способности. Поэтому презрительное прозвище «поддонки общества», приданное этимъ людямъ, несправедливо, какъ брань, но справедливо въ томъ отношеніи, что и паддонки общества нелишены весьма замѣчательныхъ человѣческихъ дарованій. Кромвель былъ пивоваромъ, полковникъ Джонсъ, его зять, — лакеемъ въ частномъ домѣ; адмиралъ Динъ — слугой купца, генералъ Волли — ученикомъ у суконщика; Скиппонъ, главнокомандующій въ Ирландіи и членъ совѣта Кромвеля, не получилъ никакого образованія и былъ солдатомъ; Тоффнель былъ плотникомъ, Полковникъ Ока — истопникомъ въ пивоварнѣ; членъ государственнаго совѣта Сальвей — мальчикомъ въ бакалейной лавкѣ; изъ другихъ членовъ совѣта — Бондъ былъ суконщикомъ, Каули — пивоваромъ, Джонъ Бернерсъ — лакеемъ, Голландъ — факельщикомъ. Также неблистательно было и происхожденіе наполеоновскихъ маршаловъ, въ дарованіяхъ которыхъ разумѣется никто не сомнѣвается. Берты — военный министръ, начальникъ главнаго штаба, а потомъ вице-конетабль,—былъ сыномъ сторожа при военномъ министерствѣ; Мюратъ—король неаполитанскій и намѣстникъ императора въ 1812 году—былъ сыномъ харчевника и солдатомъ; Массена—герцогъ Риволи, князь Эслингенъ—былъ сыномъ винноторговца; Ожеро, герцогъ Кастильоне,—сынъ парижскаго зеленщика и солдатъ; Сультъ, герцогъ Далматскій,—сынъ крестьянина и солдатъ; Бернадатъ — князь Покте-Корво и потомъ король шведскій, — сынъ адвоката въ По. Подобныхъ отдѣльныхъ примѣровъ можно привести великое множество изъ жизни каждаго народа, и что достойно замѣчанія притомъ, такъ это то, что народъ выставлялъ всегда болѣе способныхъ, энер-

гическихъ и вообще замѣчательныхъ историческихъ личностей, чѣмъ другія сословія. Такое обстоятельство разумѣется не могло бы случиться, если бы простонародье не обладало способностями, которыхъ въ немъ не только не хотятъ признавать, но даже нерѣдко и отвергаютъ.

Совершенно справедливо, что иногда у норода не достаетъ условнаго развитія и знанія извѣстныхъ административныхъ пріемовъ; можно упрекнуть его также, въ общей массѣ, въ недостаткѣ общихъ взглядовъ; но все это вовсе не такія важныя вещи, чтобы пріобрѣтеніе ихъ требовало какихъ нибудь чрезвычайныхъ умственныхъ силъ и напряженія способностей. Не смотря на то, многіе смотрятъ па это дѣло совершенно ошибочно, особенно ошибаются любители народнаго образованія. Въ ихъ глазахъ грамотность владѣетъ какой-то чудодѣйственной силой, способной глину и песокъ превращать въ мыслящій мозгъ. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ думать, глядя на удивительныя усилія и мелочныя хлопоты любителей просвѣщенія. Къ мужицкому мозгу они не имѣютъ никакого уваженія и считаютъ его чѣмъ то въ родѣ безплоднаго песка и сухой глины, которые могутъ сдѣлаться плодородными только при тщательной вспашкѣ и хорошемъ удобреніи. Роль пахателей берутъ на себя разумѣется сами любители; а должности удобренія исправляютъ сочиняемыя и издаваемыя ими книжки для народнаго чтенія. Дѣятельность разумѣется похвальная, но къ сожалѣнію безплодная. Человѣческія способности нисколько не зависятъ отъ грамотности, хотя грамотность безспорно помогаетъ ихъ развитію. Возможность практическаго воспитанія способностей самими условіями жизни—есть лучшій способъ образованія народа. Этого можно достигнуть или возвышеніемъ экономическаго благосостоянія народа, или размѣреніемъ его политическихъ правъ. Возвышеніе матеріальнаго благосостоянія—вопросъ слишкомъ сложный: цѣлый народъ сдѣлать богатымъ—довольно мудрено, по крайней мѣрѣ мудрено въ короткій срокъ; но заставить народъ думать о своихъ дѣлахъ гораздо легче. Важность этого способа заключается не только въ томъ, что воспитаніе способностей можетъ совершиться въ весьма короткій срокъ, но еще и въ томъ, что оно охватитъ всю массу населенія, слѣдовательно воспитаніе будетъ огульное. Когда способности такимъ образомъ изощрятся для пониманія не только будничныхъ идей и обыкновенныхъ общественныхъ вопросовъ, но даже и отвлеченностей, тогда

найдется дѣло и для книжекъ. При нынѣшней же системѣ принятаго вездѣ школьнаго образованія, оно идетъ совершенно обратнымъ и потому недѣйствительнымъ путемъ. Во-первыхъ въ школахъ учатъ тому, что совсѣмъ не будетъ нужно въ жизни: способности не воспитываются, а развиваютъ только память,—даже и этого нельзя сказать, потому что школьное образованіе есть чистая долбня. Съ головой, набитой туго чѣмъ то для ученика непонятнымъ и неимѣющимъ никакой связи ни съ его настоящей, ни съ его будущей общественной жизнью, ученикъ выходитъ въ свѣтъ попугаемъ, гдѣ разумѣется тотчасъ же и забываетъ все то, чему его учели въ школѣ и за что били его такъ больно. Даже и не въ народныхъ школахъ, а въ заведеніяхъ болѣе высокаго полета свершается подобная же воспитательная операція, недающая мысли никакой силы и никакой самостоятельности. Вступивъ съ такимъ скуднымъ запасомъ средствъ въ дѣйствительную жизнь, непредставляющую ровно никакой возможности и никакого простора для развитія мысли, человѣкъ прежде всего видитъ безплодность своего ученія; затѣмъ погружается въ немногосложные интересы практической жизни, забываетъ то, чему учился, и живетъ исключительно одними растительными процессами своего организма, потому что для интеллектуальной жизни не имѣется пищи. Почему этотъ способъ воспитанія людей такъ нравится педагогамъ и почему они до сихъ поръ не пришли къ убѣжденію, что ихъ дѣятельность, подобно пескамъ Сагары, не производитъ ничего живаго, отвѣтить вовсе нетрудно. Всегда было извѣстно, что умы, погружаемые въ созерцаніе или усиленно занятые чтеніемъ всего безъ разбору, что написало до сихъ поръ человѣчество, бываютъ рѣдко способны смотрѣть на жизнь прямо и понимать просто ея требованія. Ученость—великое зло для несильнаго мозга; а умъ, разъ заблудившійся, блуждаетъ уже потомъ цѣлый вѣкъ и не бываетъ никогда въ состояніи не только попасть на истинную дорогу, но даже и замѣтить, что онъ бродитъ богъ-знаетъ гдѣ. Подобной болѣзнью мысли страдаютъ преимущественно всякихъ видовъ педагоги. Проживъ цѣлый свой вѣкъ въ мірѣ книжекъ, они думаютъ, что практическія требованія жизни въ состояніи удовлетвориться тѣми приторными нравственными сентенціями, которыя они считаютъ такъ наобходимыми для воображаемаго ими воспитанія сердца. И кончается зло тѣмъ, что время тратится на пустяки и на занятія безплодныя, а научить полезному педагогъ не можетъ, потому

что онъ и самъ не знаетъ, что полезно и что вредно, что нужно и что ненужно. И совершается такимъ образомъ воспитаніе человѣчества многія сотни лѣтъ, и добродушные люди еще удивляются, почему оно такъ безуспѣшно.

Обвиненіе народа въ его немиролюбивыхъ наклонностяхъ, въ его способности ко всему страшному, жестокому и разрушительному— также преувеличено, какъ преувеличены и другіе недостатки народа. Знакомство съ историческими фактами и съ причинами, вызывавшими ихъ, показываетъ напротивъ въ массахъ населеній такую вообще незлобивость и терпеливость, что о простолюдинѣ слѣдуетъ составить напротивъ противуположное заключеніе. Постоянный либерализмъ народа заключался въ его весьма скромномъ, умѣренномъ и позволительномъ желаніи улучшить свое матеріальное положеніе. Стремленіе улучшить свое положеніе, уравновѣсить тягости—вотъ тѣ побужденія, которыя приводили народъ иногда въ волненіе и заставляли его выходить изъ предѣловъ спокойной и повидимому растительной жизни, сдѣлавшейся какъ бы его нормальнымъ существованіемъ.

Бывали случаи, когда силами народа пользовались разные политическіе безумцы и честолюбцы; бывали случаи, когда имъ пользовались разные фанатики, но все это никакъ нельзя отнести къ винѣ народа, ошибка котораго заключалась единственно въ томъ, что онъ, полагаясь на обѣщанія обманщиковъ и надѣясь улучшить свое положеніе, становился только жертвой своего легковѣрія. Напротивъ никто болѣе народа не боится всякихъ общественныхъ движеній, нарушающихъ правильное теченіе экономическихъ дѣлъ. Все, что мѣшаетъ этому, все, что отрываетъ руки отъ труда, казалось народу всегда тяжелымъ бременемъ. Вотъ почему онъ такъ неохотно даетъ солдатъ, почему онъ съ такой неохотой исполняетъ общественныя и мірскія повинности, отрывающія его отъ привычныхъ занятій. И все это понятно. Земледѣлецъ и ремесленникъ, имѣющій за душой всего нѣсколько жалкихъ грошей, а иногда неимѣющій даже и ихъ, дорожитъ разумѣется больше, чѣмъ кто-либо, всякой повидимому самой ничтожной потерей, потому что всякая потеря времени и труда—для него потеря средствъ существованія. Кто собственными руками добываетъ себѣ кусокъ хлѣба, тотъ былъ всегда миролюбивъ и не любилъ отрываться отъ своихъ занятій. Воинственность и опустошительныя войны придуманы не земледѣльцами и реме-

слепниками, а людьми праздными, имѣвшими возможность жить на чужой счетъ и неимѣвшими настолько умственной силы, чтобы найти для себя болѣе полезное времяпровожденіе. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Европѣ увеличилось между вліятельными классами число людей, посвятившихъ свою дѣятельность торговлѣ и промышленности, начинать войны стало мѣстами уже не такъ легко, какъ это было въ какіе нибудь средніе вѣка. Примѣръ этого показала Пруссія въ крымскую войну.

Такимъ образомъ обвиненіе народа въ той легкости, съ какой онъ предается внутреннимъ волненіямъ, совершенно несправедливо. Если же въ числѣ европейскихъ народовъ нѣтъ ни одного, который бы не занимался время отъ времени возмущеніями, то это происходило только отъ совершенной невозможности ихъ избѣгнуть. Исторія не ставитъ подобныя явленія въ укоръ народамъ: на нихъ смотрятъ, какъ на неизбѣжное слѣдствіе предшествовавшихъ имъ причинъ. Выигрывала ли или проигрывала отъ того Европа въ своемъ развитіи—этотъ вопросъ насъ не касается, мы только возстановляемъ томъ фактъ, что народныя волненія бывали вообще чрезвычайно рѣдко и вызывались лишь исключительными, чрезвычайными обстоятельствами. По отношенію къ внѣшнимъ войнамъ внутреннія возстанія такъ ничтожны, что въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ любой историческій учебникъ. На пятьдесятъ внѣшнихъ войнъ придется едва ли одно возмущеніе—и слѣдовательно очевидно, что воображеніе людей, умѣвшее сдружиться съ вѣчными и крайне раззорительными и опустошительными внѣшними войнами, выказало себя излишне робкимъ по отношенію къ внутреннимъ движеніямъ. Этому способствовали разныя печальныя событія 19-го вѣка, когда люди, чуждые народныхъ интересовъ, возбуждали мысли для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Но народъ не такъ тупоуменъ, какъ объ немъ думаютъ. Обманутый нѣсколько разъ, онъ понялъ очень хорошо, что служилъ чужимъ интересамъ, и кто знакомъ съ европейскимъ простанародьемъ, тотъ знаетъ, какъ оно смотритъ на это дѣло.

При всѣхъ своихъ миролюбивыхъ наклонностяхъ, народъ, вышедшій изъ границъ обычной спокойной жизни, разумѣется не отличается особенной кротостью поступковъ. Народныя волненія создавали страшныя, возмутительныя и совершенно ненужныя жестокости. Когда народъ, какъ въ гусситскую войну, шелъ на защиту своихъ религіозныхъ убѣжденій, онъ жегъ церкви, разрушалъ монастыри и

не давалъ пощады духовенству. Сила и фанатизмъ гусситовъ были страшныя. Никакой замокъ, никакое укрѣпленіе не могли устоять противъ нихъ; три императорскихъ войска погибли подъ всесокрушающей силой озлобленнаго народа; города и села пылали и «гусситы причинили такое великое бѣдствіе и страданіе нѣмецкому народу, говоритъ современникъ этихъ событій, что неудивительно, если бы народъ отчаялся въ провидѣніи и сталъ недругомъ всякому, кто говоритъ чешскимъ или моравскимъ языкомъ». Какъ ни ужасны покажутся читателю эти злодѣйства, но если онъ узнаетъ причины, вызвавшія ихъ, то разумѣется ему станетъ понятна и причина озлобленія: народъ мстилъ за казнь Іоанна Гусса. Казнь этого мученика благородныхъ убѣжденій нельзя назвать иначе, какъ возмутительнымъ злодѣйствомъ. Прежде всего его схватили обманомъ, и когда онъ сослался на данный ему императоромъ охранный листъ, то ему отвѣтили что никто не обязанъ держать слова, даннаго еретику. Послѣ этого, Гусса лишили священства и приговорили къ сожженію. Когда надѣли на него высокій бумажный колпакъ, съ тремя нарисованными на немъ чертями и съ надписью: «ересіархъ»,—и потомъ предали его душу проклятію и аду, онъ отвѣтилъ на это: «А я предаю ее Господу моему Іисусу Христу». Когда Гусса вели къ костру, онъ смотрѣлъ, улыбаясь, какъ жгли его сочиненія. Передъ самой казнью его спросили, не желаетъ ли онъ исповѣдаться, но Гусъ отказался. Привязаннаго на кострѣ, его убѣждали еще разъ отказаться отъ своего ученія, но онъ отвѣтилъ, что готовъ запечатлѣть свое ученіе смертію. Тогда зажгли костеръ. Народъ, знавшій, за что погибъ человѣкъ и кто были люди, предавшіе его смерти, не вынесъ этого злодѣйства—и вотъ причина его фанатическаго озлобленія и жестокостей его религіознаго возстанія.

Въ другихъ случаяхъ народныхъ возстаній дикая ярость народа вызывалась подобными же жестокостями и опустошеніями, съ той только разницей, что жертвами ея становились другія лица. Такъ въ нѣмецкихъ крестьянскихъ войнахъ народъ, озлобленный притѣсненіями дворянъ и рыцарей, жегъ и разрушалъ рыцарскіе замки и дворянскія имѣнія, мучилъ и убивалъ дворянъ, иногда самымъ ужаснымъ образомъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Но самый страшный примѣръ злодѣйствъ и убійствъ представляетъ нашъ пугачевскій бунтъ. Во многихъ случаяхъ онъ напоминаетъ времена террора французской революціи. Какъ тамъ довольно было

иногда имѣть на рукахъ лайковыя перчатки, чтобы заплатить за эту аристократическую привычку своей головой, такъ здѣсь малѣйшее сходство съ помѣщикомъ было достаточнымъ, чтобы быть повѣшеннымъ на первомъ деревѣ, или умереть въ жестокихъ мученіяхъ. Списокъ замученныхъ Пугачевымъ людей едва ли помѣстится на двадцати печатныхъ страницахъ.

Причина, почему всѣ народныя возстанія сопровождались непремѣнно жестокостями, заключается въ томъ, что онѣ имѣли всегда личный характеръ, вызывавшій желаніе мести. Что же касается до численныхъ потерь въ людяхъ, то всѣ народныя войны, начиная съ древнихъ сицилійскихъ—возстанія Спартака, и кончая Французской революціей 1789 года, стоили человѣчеству меньшаго числа жизней, чѣмъ одна тридцатилѣтняя война. Этого однако обстоятельства достаточно, чтобы снять съ народа упрекъ въ кровожадности и въ любви къ возмущеніямъ и волненіямъ; если же онъ въ своихъ возстаніяхъ обнаруживалъ большую страстность, то это происходило оттого, что всѣ предшествовавшія обстоятельства могли вызвать только это, а не какое нибудь другое чувство.

II.

Другую составную часть современнаго европейскаго общества составляетъ высшій слой населенія. Толщина этого слоя съ большимъ развитіемъ жизни постепенно увеличивается. Первоначально къ нему принадлежало только немногочисленное дворянство, гордое своей матеріальной силой—своими богатствами, своими правами. Этого было для него достаточно, чтобы смотрѣть на себя съ особеннымъ чувствомъ уваженія, а на все то, что стоитъ ниже его, съ особеннымъ презрѣніемъ. Желаніе отличить себя во всемъ отъ толпы выразилось въ суетномъ и тщеславномъ стремленіи ко всевозможнымъ внѣшнимъ отличіямъ: въ образѣ жизни и въ одеждѣ, отличавшейся ненужной пышностью и дороговизной.

При неразвитости понятій того времени, о которомъ мы говоримъ, во всемъ образѣ жизни дворянства выражалось исключительно легкомысліе и пустое тщеславіе, рѣзко отличавшееся отъ практическихъ и здоровыхъ понятій простого народа, недававшаго никакой цѣны суетнымъ внѣшнимъ отличіямъ. При отсутствіи серьезныхъ занятій и при готовыхъ средствахъ для жизни, свободное дворянство имѣло

достаточно досуга для развитія своихъ способностей въ этомъ направленіи, и для удовлетворенія своему чувству тщеславія, придумало тѣ тонкія условія свѣтскаго общежитія и этикета, твердое изученіе которыхъ служило единственнымъ признакомъ образованности. Неограничиваясь изобрѣтеніемъ титуловъ и орденовъ, погоня за которыми составляла одно изъ главнѣйшихъ занятій, аристократія придавала не меньшее значеніе и другимъ условіямъ этикета. Одно время вопросъ о правѣ сидѣть въ присутствіи королевы—составлялъ во Франціи дѣло такой серьезной важности и вмѣстѣ съ тѣмъ такую трудно разрѣшимую общественную задачу, что даже предстояла опасность международной войны. Въ присутствіи королевы могли сидѣть только жены герцоговъ; впослѣдствіи при Людовикѣ XIII дано было такое же право женскимъ лицамъ фамиліи Буйоновъ. Это обстоятельство породило чрезвычайно серьезныя соображенія въ другихъ аристократахъ, неуступавшихъ Буйонамъ древностью происхожденія, и повело къ распрѣ. Одна партія хотѣла, чтобы старое право было сохранено въ чистотѣ, другая же находила болѣе выгоднымъ сидѣть въ присутствіи королевы. Мазарини былъ поставленъ въ чрезвычайно неловкое положеніе, и не зналъ, какъ изъ него выйдти, потому что двору угрожалъ бунтъ. Не смотря на то, ему все таки хотѣлось сдѣлать уступку въ пользу низшаго дворянства—и на королевскомъ совѣтѣ рѣшили дать подобное право еще нѣсколькимъ лицамъ. Тогда принцы крови и перы королевства почувствовали себя такъ глубоко оскорбленными, что собрали на совѣтъ въ Парижъ всѣхъ членовъ сословія, уязвленнаго этой мѣрой, чтобы возстановить въ чистотѣ свое прежнее право. Между тѣмъ низшее дворянство желало и настаивало, чтобы право сидѣть въ присутствіи королевы было распространено на всѣ фамиліи одинаковой давности происхожденія съ тѣми, кому дано было это право. Вопросъ становился чрезвычайно затруднительнымъ: споры продолжались нѣсколько мѣсяцевъ, королевству угрожала дѣйствительная опасность, потому что дворянство пользовалось еще тогда правомъ частной войны; и королева была принуждена наконецъ уступить болѣе сильной партіи — принцамъ крови и перамъ, и отнять права отъ тѣхъ, кому она предоставила ихъ въ послѣднее время.

При развитіи способностей въ сторону пустого тщеславія, очень естественно, что мелочнымъ обстоятельствамъ придавалась большая важность, но за то на дѣла дѣйствительно серьезныя не обращалось

вниманія—и вся жизнь людей сосредоточивалась на мелочахъ и пустякахъ. Такимъ образомъ считалось чрезвычайно важнымъ, на что посадить человѣка: на кресло, на стулъ или на табуретъ,—протянуть человѣку правую или лѣвую руку; кого можно поцаловать, кого нельзя; кому принадлежитъ въ церкви первое, и кому второе и третье мѣсто; кто можетъ въѣхать въ Луврѣ въ экипажѣ, и кто можетъ войти только пѣшкомъ; наконецъ кто можетъ помогать королевѣ при перемѣнѣ бѣлья. Все это могло существовать только потому, что казалось людямъ весьма существеннымъ, важнымъ и достойнымъ серьезнаго размышленія. Поэтому понятно, что всякое нарушеніе такого важнаго порядка казалось дѣломъ великой важности, могло служить предметомъ весьма глубокаго личнаго оскорбленія и вело къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Разъ принцъ Конде и графъ Суассонъ поссорились очень сильно по поводу того, кому подать королю салфетку. Каждый изъ нихъ желалъ исполнять должность метръ-д'отеля и каждый тянулъ къ себѣ салфетку съ такимъ жаромъ, что если бы не вмѣшался король, то дѣло кончилось бы печально; противники разошлись, наговоривъ другъ другу дерзостей и угрозъ.

Все это могло существовать только при отсутствіи внутренней силы и при скудости развитія. Люди, сознающіе въ себѣ нравственную силу, не могутъ давать цѣны внѣшнимъ знакамъ отличія и неспособны къ раболѣпію. Но если въ нихъ есть не только способность, но и наклонности къ униженію, то очевидно, что въ нихъ не можетъ быть ни гордости, ни чувства собственнаго достоинства, ни ума высшаго сорта, ни способности пониманія общественныхъ явленій, ни гуманнаго чувства. Способности въ людяхъ развиваются группами—и не нужно быть особеннымъ мудрецомъ, чтобы по отсутствію одной или двухъ изъ нихъ заподозрить въ человѣкѣ отсутствіе цѣлой соотвѣтствующей группы, а зная недостатокъ тѣхъ или другихъ способностей, не трудно опредѣлить и всю систему дѣйствій человѣка.

Поэтому можно безъ ошибки предугадать поступки ограниченныхъ людей, когда обстоятельства заставятъ ихъ проводить въ жизнь свои убѣжденія. При Людовикѣ XIV люди этого сорта дѣйствовали такимъ образомъ. Имъ очень хотѣлось сдѣлать протестантовъ католиками, и для этого они придумали поручить распространеніе истинъ католической церкви солдатамъ. Войскамъ было позволено дѣлать съ несчастными все, но только не убивать ихъ. Протестантамъ лили въ ротъ

кипятокъ, заставляли ихъ плясать до безчувственности, били ихъ палками по пятамъ, жгли связками волоса на рукахъ и на ногахъ, палили и жарили имъ ноги, заставляли держать въ сжатомъ кулакѣ раскаленные уголья, женщинамъ поднимали юбки надъ головами и обливали тѣло водой, или раздѣвали ихъ и заставляли танцовать. Проповѣдники болѣе высшаго разбора связывали еретиковъ, вставляли имъ въ ротъ воронки и лили вино въ горло до тѣхъ поръ, пока несчастные лишались сознанія. Другихъ раздѣвали до нага, втыкали во все тѣло булавки, рѣзали несчастныхъ перочинными ножами, рвали имъ носы раскаленными щипцами и возили ихъ такимъ образомъ по комнатѣ, пока страдалецъ не соглашался принять католичество. Случалось, что вырывали ногти на рукахъ и на ногахъ, или надували воздухъ мѣхами подъ кожу, как это дѣлаютъ съ телятами. Если же ничто не помогало, и протестантъ не отказывался отъ своей религіи, его запирали въ тюрьму, гдѣ подвергали вновь всевозможнымъ истязаніямъ.

Разумѣется, все это дѣлалось во времена довольно отъ насъ отдаленныя, когда считалось непреложной истиной только то, что было постановлено папами, когда люди не смѣли употреблять при молитвѣ другихъ обрядовъ, кромѣ принятыхъ при дворѣ; когда не представлялось никакого неудобства, а иногда даже казалось и весьма пріятнымъ, истреблять людей тысячами и даже сотнями тысячъ; такъ разсказываютъ, что Торквемада втеченіе 18-ти лѣтъ казнилъ болѣе 100,000 человѣкъ и въ томъ числѣ сжегъ 8,800 человѣкъ. Но не нужно однако заблуждаться и насчетъ особенныхъ успѣховъ прогресса въ нашемъ XIX столѣтіи. Вѣротерпимость наша, разумѣется, выше въ томъ отношеніи, что мы отвыкли отъ костровъ и не станемъ, ухвативши еретика за носъ щипцами, водить его по комнатѣ; тѣмъ не менѣе мы могли бы привести факты весьма продолжительнаго тюремнаго заключенія, сопровождаемаго самымъ страшнымъ лишеніемъ пищи, за нежеланіе принять христіанскую вѣру, и жестокое истребленіе людей цѣлыми массами, достойное временъ инквизиціи и религіозныхъ преслѣдованій. Если въ наше время не существуетъ открытыхъ религіозныхъ гоненій, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы каждый могъ исповѣдывать свободно то вѣроученіе, какое кажется ему болѣе истиннымъ. Что же касается до казней тысячами, то вотъ факты. Неаполитанскій король Фердинандъ казнилъ 4000 человѣкъ обоего пола, которые очутились въ его рукахъ

вслѣдствіе его королевскаго вѣроломства, подобнаго тому, какое было примѣнено къ Іоанну Гуссу, т. е. что не слѣдуетъ держать слова, даннаго мятежнику или еретику. Взявъ Яффу, Наполеонъ велѣлъ разстрѣлять 2000 арнаутовъ за то, что отпущенные прежде изъ плѣна, съ условіемъ не служить противъ Франціи, они не сдержали своего обѣщанія. Наконецъ при взятіи въ нынѣшнемъ году Пуеблы, маршалъ Форе объявилъ тамошнему гарнизону, состоящему изъ 12,000 человѣкъ, что если онъ не сдастся и городъ будетъ взятъ приступомъ, то горнизонъ будетъ весь истребленъ. Маршалъ объяснилъ приэтомъ, что онъ долженъ будетъ поступить такъ по законамъ войны. Законы, на которые ссылался маршалъ разумѣется непечатные, но что для дикихъ инстинктовъ существуютъ и дикіе законы и что генералъ Форе принадлежитъ къ числу людей, способныхъ перерѣзать сразу 12,000 человѣкъ, въ этомъ разумѣется никто не сомнѣвается, потому что онъ доказалъ уже, что можетъ совершать подобныя дѣла. Мы привели такъ мало фактовъ совсѣмъ не потому, чтобы не нашлось ихъ больше, а потому—что считаемъ и этого достаточнымъ.

Снисходительный читатель замѣтитъ безъ сомнѣнія, что сравнительно съ вѣкомъ Людовика XIV наше время представляетъ огромный шагъ на пути прогресса; что нынче незамѣтно въ людяхъ такого самоуниженія и раболѣпія; что тщеславіе и охота за отличіями и титулами слабѣе; что благородный образъ мыслей и всякихъ родовъ терпимость дѣлаютъ успѣхи съ каждымъ днемъ; что общественная и частная нравственность достигли до небывалой до сихъ поръ высоты; что каждый членъ благороднаго высшаго сословія проникнутъ уваженіемъ къ человѣческому достоинству, и что благодаря успѣхамъ знанія, всѣ порядочные люди преисполнены стремленія къ общему благу. Къ этому можно прибавить еще нѣсколько похвальныхъ отзывовъ о современной честности и неподкупности.

Такой свѣтлый взглядъ на жизнь, обличающій чистоту понятій и невинность души, заслуживаетъ конечно лестнаго вниманія всѣхъ благомыслящихъ и благонамѣренныхъ людей,—но только согласенъ ли онъ съ истиной и съ фактами, представляемыми современной жизнью?

Конечно нѣкоторыя историческія событія способствовали и нѣкоторымъ внѣшнимъ измѣненіямъ, но только эти измѣненія едвали соотвѣтствуютъ успѣхамъ новѣйшихъ знаній. Разумѣется, два принца крови не поссорятся нынче изъ-за чести быть метръ-д'отелями и не ста-

нутъ публично вырывать другъ у друга салфетку. Разумѣется, тонкое различіе оказываемаго предпочтенія протягиваніемъ правой или лѣвой руки потеряло свою классическую суровость, но за то явился другой обычай — давать всю руку только людямъ положительныхъ достоинствъ и заслуживающимъ полнаго вниманія; а людямъ низшаго сорта притягивать только нѣсколько пальцевъ, дѣлая и тутъ строгое различіе, кому протянуть три пальца, кому два, а кому и одинъ. Относительно общественной и частной нравственности мы воздержимся отъ сравненій, и только замѣтимъ, что немного такихъ странъ въ Европѣ, гдѣ бы деньги не служили ключемъ ко всякимъ тайнамъ, и что въ императорской Франціи, и въ императорской Австріи труднѣе найти людей, которыхъ нельзя купить, чѣмъ такихъ, которыхъ купить можно. Если же коснуться вопроса о преступленіяхъ уголовныхъ, то въ статистическихъ таблицахъ найдутся свѣдѣнія, мало говорящія въ пользу образованныхъ сословій. Образованные люди оказываются вообще нисколько не добродѣтельнѣе простонародья и дѣлаютъ пропорціонально одинаковое число преступленій, съ той только разницей, что преступленія образованныхъ людей отличаются большей обдуманностію, большимъ знакомствомъ съ тайнами химіи и большею ловкостію. Относительно вѣрности слову, терпимости и стремленія къ общественному благу, мы попросимъ читателя припомнить то, что говорилось до вѣнскаго конгресса, какъ обѣщанія держались послѣ заключенія мира, и что дѣлалось въ слѣдующія затѣмъ сорокъ лѣтъ. Относительно частныхъ и домашнихъ добродѣтелей благородныхъ людей, читатель можетъ справиться въ любомъ англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ романѣ. Романъ рисуетъ современное общество и разумѣется не лжетъ. Только о нравахъ Россіи нельзя узнать ничего изъ романовъ, потому что, по случаю нашей добродѣтельной жизни, у насъ романовъ мало, и пишутся они плохо. Наконецъ если читатель думаетъ, что грубымъ суевѣріемъ отличается только невѣжественное простонародье, то въ отвѣтъ мы приведемъ только одинъ фактъ, что по понедѣльникамъ во вторыхъ классахъ желѣзныхъ дорогъ бываетъ всегда мало пассажировъ, потому что мы еще вѣримъ въ черные дни.

Нѣкоторыя измѣненія въ физіономіи нынѣшняго и былого общества существуютъ точно, но они произошли не столько отъ измѣненія понятій, сколько по причинамъ экономическимъ. Прежде высшее общество отдѣлялось рѣзко отъ простонародья, потому что между

имъ и народомъ не было посредствующаго звѣна. Съ образованіемъ же средняго сословія эта рѣзкость сгладилась, и буржуазія заслонила аристократію. Что касается до предразсудковъ происхожденія, т. е. породы, то нынѣшній лордъ, князь, графъ, баронъ и такъ далѣе смотритъ на всякаго нетитулованнаго человѣка съ сознаніемъ совершенно такого же личнаго превосходства, какъ смотрѣлось сто лѣтъ назадъ. Предразсудокъ о благородной крови между людьми благороднаго происхожденія живетъ по прежнему, и проглядываетъ весьма ясно сквозь маску ихъ цивилизованныхъ манеръ и деликатнаго обращенія. Если все это не бросается рѣзко въ глаза въ общей массѣ высшаго сословія, то причина въ томъ, что люди, выдѣлившіеся изъ простонародья и образовавшіе достаточное среднее сословіе, внесли въ условія новой своей жизни часть прежней своей крестьянской простоты, и численнымъ перевѣсомъ способствовали тому, что въ общей массѣ жизнь стала проще, и повидимому менѣе тщеславна. Но эта простота, явившаяся съ увеличеніемъ числа людей со средствами для умѣренной, нероскошной жизни, не обнаружила замѣтнаго вліянія на измѣненіе понятій того слоя, съ которымъ слилось среднее сословіе. Сохранивъ частью свою простоту, оно заимствовало новый взглядъ на ту массу простонародья, къ которой само принадлежало еще такъ недавно. Новое экономическое положеніе дало людямъ этого класса увѣренность въ своихъ особенныхъ способностяхъ, и заразило его аристократическимъ презрѣніемъ къ простонародью. Отсюда то недовѣріе къ силамъ простого народа, отличающее всѣхъ, кто не принадлежитъ къ нему; отсюда система опеки и наконецъ, какъ слѣдствіе ея — боязнь народныхъ волненій, такъ отличающая наше девятнадцатое столѣтіе. Насколько старые закоренѣлые предразсудки и невѣжество живы еще въ Европѣ, можно безъ труда убѣдиться изъ послѣднихъ событій Пруссіи и дѣйствій юнкерской партіи, неразставшейся съ феодальными понятіями еще и до сихъ поръ. Но лучшимъ примѣромъ можетъ служить Франція, особенно замѣчательная въ томъ отношеніи, что этотъ народъ, дѣйствительно великій по своему вліянію на успѣхи цивилизаціи континентальной Европы, заключаетъ въ себѣ смѣсь такихъ противуположныхъ элементовъ общественной жизни, что его можно цитировать одинаково, какъ для доказательства проявленія великихъ умственныхъ силъ, такъ и для доказательства самого крайняго человѣческаго слабомыслія.

Во Франціи всегда существовала особенная любовь къ народу

тѣхъ, кто не считалъ себя народомъ. Отличаясь замѣчательной добротой и внимательностью къ простымъ людямъ, они полагали, что ни одинъ отдѣльный человѣкъ не въ состояніи справиться съ тягостями жизни, съ окружающимъ его на каждомъ шагу зломъ, обманами, преступленіями, и что потому нужно оградить каждаго гражданина самымъ внимательнымъ попеченіемъ, подобнымъ тому, какое оказываетъ мать своей несовершеннолѣтней дочери. Логическое развитіе этой очень простой мысли привело послѣдовательно къ весьма сложной и прочно организовавшейся системѣ надзора и руководства во всѣхъ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ жизни, отличавшихъ Францію не только во времена весьма отдаленныя, но и въ наши дни. Самыми замѣчательными представителями этой системы были Людовикъ XIV, Наполеонъ I и Наполеонъ III.

И дѣйствительно, если по недостатку силъ дитя не въ состояніи пріобрѣсти необходимыхъ ему въ жизни познаній, то разумѣется заботы объ этомъ долженъ взять на себя человѣкъ взрослый. Поэтому взрослый человѣкъ устроилъ школы, онъ взялъ на себя выборъ и назначеніе наставниковъ, воспитателей и учителей; онъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы въ головахъ этихъ наставниковъ помѣщались познанія и мысли только извѣстнаго рода, съ тѣмъ чтобы и въ головы учениковъ могли проникнуть только эти, признанныя полезными для жизни знанія, а не какія нибудь другія, могущія принести вредъ какъ ему, такъ и другимъ. Далѣе во время Людовика XIV позаботились о томъ, чтобы человѣкъ, вступившій изъ школы въ жизнь, не могъ потерпѣть какихъ нибудь непріятностей отъ злонамѣренныхъ и преступныхъ людей, и для того оградили его строгимъ полицейскимъ надзоромъ, такъ что дурнымъ людямъ оказывалось совершенно невозможнымъ—не только сдѣлать какой нибудь значительный вредъ, но даже вытащить изъ кармана благонамѣреннаго человѣка кошелекъ или носовой платокъ. Чтобы каждый честный человѣкъ былъ насчету, и чтобы были извѣстны всѣ дурные люди, способные возмутить общественное или частное спокойствіе, каждаго человѣка снабдили паспортомъ, въ которомъ обозначалось подробно все, что нужно было знать полиціи. Безъ такого вида человѣкъ не смѣлъ двинуться съ мѣста, и хотя это представляло нѣкоторыя затрудненія для воровъ и мошенниковъ, потому что поддѣлка паспортовъ была сопряжена все-таки съ нѣкоторыми опасностями, за то порядочные люди могли путешествовать въ полной

увѣренности, что за ихъ благоденствіемъ наблюдается съ неусыпностью чадолюбивой матери и что никакое зло, постигшее ихъ, не скроется отъ правосудія. Чтобы честные и благонамѣренные люди не могли бы подвергнуться обману со стороны купцовъ, которые какъ было извѣстно еще во времена грековъ состояли подъ покровительствомъ Меркурія, божества заботившагося вмѣстѣ съ тѣмъ и о благополучіи воровъ и мошенниковъ, — надъ продавцами устроили весьма строгій надзоръ, и ни одинъ мясникъ, ни одинъ булочникъ, зеленщикъ и т. д., не смѣли продавать своего товара по его настоящей цѣнѣ, а непремѣнно по таксѣ. Никто не имѣлъ права заколоть поросенка безъ дозволенія уполномоченныхъ для того лицъ, ибо поросенокъ могъ оказаться больнымъ и разстроить здоровье мирныхъ гражданъ. Чтобы частное благополучіе не могло пострадать во время прогулки, общественныхъ удовольствій и зрѣлищъ, и чтобы ничто не могло смутить развлекающихся гражданъ, командировались повсюду отряды солдатъ и полицейскихъ, и заботливость о частномъ благополучіи шла такъ далеко, что даже билеты въ театральныхъ кассахъ продавались съ строгимъ соблюденіемъ очереди. Для этого покупатели, смотря по мѣсту, строились подобно солдатамъ въ два или три ряда, и полицейскій сержантъ наблюдалъ строго, чтобы какой нибудь безпокойный человѣкъ, непроникнутый достаточно идеей о справедливости и общественномъ порядкѣ, не вздумалъ бы протянуть за билетомъ руку ранѣе, чѣмъ онъ имѣетъ на то право. Никто не могъ построить себѣ дома по своему вкусу, потому что частный, иногда неразвитый вкусъ, могъ нанести оскорбленіе идеи изящнаго и въ такомъ случаѣ предстояла очевидная опасность теоріи прекраснаго. Ни одна община, ни одинъ гошпиталь, ни одно общественное учрежденіе не имѣли самостоятельной воли въ своихъ дѣлахъ и не могли располагать свободно своимъ имуществомъ. Вездѣ существовалъ надзоръ и контроль, и никто не считался способнымъ понимать правильно свои интересы.

Для возможности осуществленія подобной сложной опеки, нужно было имѣть огромное число исполнительныхъ органовъ, и вотъ вся Франція покрылась тучами чиновниковъ. Но и они не избѣгли вліянія общей системы. Какъ каждый гражданинъ считался неспособнымъ понимать свои дѣла, такъ точно не считался способнымъ и чиновникъ понимать свою обязанность и судить правильно о нуждахъ людей, ввѣренныхъ его надзору. Къ этому присоединился еще взглядъ

нѣсколько оскорбительный для чиновничьяго достоинства въ томъ отношеніи, что чиновниковъ причислили къ числу людей расположенныхъ злоупотреблять своимъ положеніемъ. Чтобы этого не могло случиться, отъ нихъ отняли совсѣмъ власть; такъ что всякая низшая власть, завися отъ болѣе высшей, представляла непрерывный рядъ звѣньевъ, доходившихъ до главнаго центра, откуда подобно электрической силѣ расходилась по всѣмъ путямъ всенаправляющая благодѣтельная сила, созидавшая счастье и благополучіе каждаго отличнаго француза, соприкасавшагося съ этой цѣпью. А чтобы соприкосновеніе случилось непремѣнно, для того были приняты мѣры, о которыхъ мы сказали выше.

Хотя подобная система опеки существовала во всѣхъ континентальныхъ государствахъ Европы, но нигдѣ она не доходила до такого артистически тонкаго развитія, до какого довела ее Франція. Обвиненіе, дѣлаемое Людовику XVI и Наполеонамъ въ томъ, что они наводнили Францію чиновниками и способствовали всѣми силами развитію централизаціи, справедливо только въ томъ отношеніи, что эти правители болѣе чѣмъ ихъ предшественники воспользовались учрежденіемъ, глубоко укоренившимся въ правахъ ближайшаго къ нимъ сословія, которому былъ выгоденъ подобный надзоръ. Но эти выгоды давались насчетъ потерь въ другихъ отношеніяхъ; такъ что въ результатѣ явилось не столько общаго благополучія, сколько неблагополучія. Ближайшимъ слѣдствіемъ того былъ упадокъ въ общемъ развитіи способностей, привычка ходить на помочахъ, вѣчная потребность въ руководствѣ и указателѣ, и вотъ въ чемъ причина того кажущагося политическаго легкомыслія французовъ и ихъ частыхъ перемѣнъ въ правительственныхъ формахъ, каторыми такъ скандализуются глубокомысленные нѣмцы, незамѣчающіе, что ихъ политическая мудрость стоитъ гораздо ниже французской.

Кромѣ того система опеки представляетъ еще ту особенность, что ею созидается цѣлое сословіе людей, направляющихъ свои способности исключительно на заботы о ближнемъ и на руковожденіе чужими поступками. Такое занятіе, заключающееся почти въ одномъ механическомъ наблюденіи за исполненіемъ установленныхъ правилъ и формальностей, не требуетъ отъ исполнителей особенныхъ способностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не представляетъ возможности и случаевъ къ дальнѣйшему ихъ развитію. Только свободная и всесторонняя дѣятельность можетъ развивать человѣка. Поэтому хотя система

раздѣленія труда много способствуетъ усиленію экономической производительности и вполнѣ необходима, но при современномъ приложеніи этой идеи къ дѣлу, гдѣ человѣкъ цѣлый свой вѣкъ занятъ постоянно однимъ и тѣмъ же, напримѣръ приготовленіемъ винта одного и того же размѣра, или выколачиваніемъ машиной зубчатаго часового колеса, или какого нибудь кружечка, человѣкъ не можетъ получить никогда общаго взгляда на все производство и становится самъ машиной. Совершенно такое же вліяніе обнаруживаетъ и административная система раздѣленія труда и постояннаго занятія однимъ и тѣмъ же дѣломъ. У исполнителя ускользаетъ общій связный взглядъ на весь механизмъ, въ которомъ онъ изображаетъ какое нибудь незначительное колесо, или винтъ; каждое такое колесо, вертясь на своемъ мѣстѣ, знаетъ только, что оно приводитъ въ движеніе своего сосѣда. Такое простое занятіе, какъ буквальная исполнительность опредѣленныхъ правилъ, не требуетъ ни особенно обширныхъ познаній, ни широкаго развитія способностей. Вотъ почему для верченія отдѣльныхъ административныхъ колесъ могутъ быть употреблены люди всякихъ способностей, лишь бы только они имѣли достаточный навыкъ, аккуратность и вниманіе къ своему дѣлу.

Люди каждой страны распредѣляются въ занятіяхъ по своимъ способностямъ. Одинъ становится ученымъ, другой литераторомъ, третій принимается за ремесло, или изобрѣтаетъ машины, тотъ облачается въ военные доспѣхи, чтобы ограждать мирныхъ гражданъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, другой становится духовнымъ. Для всѣхъ этихъ занятій требуются и люди разразныхъ способностей, разнаго развитія, разныхъ степеней знанія. Каждая способность найдетъ себѣ соотвѣтственное мѣсто, и человѣкъ, имѣвшій силы для широкой и самостоятельной дѣятельности, не возьметъ труда мелочного, механическаго и занятія подчиненнаго, налагающаго на мысль и на волю болѣе или менѣе сильное стѣсненіе. Поэтому понятно, что люди болѣе способные къ механическому и несложному труду, займутся механическимъ дѣломъ, а люди широкихъ способностей займутся трудомъ умственнымъ. Разумѣется, эта зависимость занятій отъ способностей не доказываетъ еще, чтобы люди низшихъ способностей дѣлали дурно свое дѣло. Швейцаръ или курьеръ можетъ точно также безукоризненно исполнять свою обязанность, какъ столоначальникъ свою, или директоръ свою. Столоначальникъ, превращенный въ курьера, исполнялъ бы можетъ быть та-

кое дѣло гораздо хуже, чѣмъ свою прежнюю обязанность, все это справедливо; но только человѣкъ съ способностями Кювье или Прудона не пойдетъ ни въ курьеры, ни въ столоначальники, ни даже въ директоры. При правильности подобнаго заключенія тѣмъ не менѣе правильно и то, что едва ли выгодно для общества, чтобы люди, родившіеся съ курьерскими способностями, были лишены возможности развить ихъ до степени способностей столоначальника, или даже выше. Чѣмъ больше въ странѣ развитыхъ людей, тѣмъ для нея лучше и ни въ какомъ случаѣ нельзя признать хорошимъ тотъ общественный порядокъ, при которомъ цѣлыя сотни тысячъ людей не имѣютъ возможности развить свои способности только потому, что они лишены права самостоятельнаго дѣйствія, и вмѣсто того, чтобы служить представителями самоуправленія, служатъ представителями начала, стѣсняющаго правильное развитіе общественной жизни.

Система надзирательства, въ томъ видѣ, какъ мы о ней говорили, существуетъ во Франціи и въ настоящее время. Вѣчный контроль, необычайное обиліе разныхъ инстанцій и необходимость тратить оттого бездну времени, чтобы получить разрѣшеніе для самого пустого частнаго предпріятія, или коммунальнаго дѣла, мѣшаютъ всякому развитію общественной жизни и задерживаютъ только промышленность и торговлю. Поэтому послѣ неудачныхъ послѣднихъ выборовъ, Наполеонъ III задумалъ дать Франціи повидимому болѣе простора. Но люди, знакомые съ духомъ правящаго сословія и съ характеромъ дѣйствій императора, не обольщаются никакими блестящими надеждами насчетъ предполагаемой реформы и предстоящихъ Франціи началъ самоуправленія. Они думаютъ, что реформы ограничатся кое-какими измѣненіями въ числѣ лицъ управленія, и вмѣсто того, чтобы управляться дурно важными сановниками, они будутъ управляться съ подобнымъ же успѣхомъ чиновниками менѣе важными. Такой выходъ будетъ самый естественный въ странѣ, гдѣ насчитываютъ до 500,000 чиновниковъ, гдѣ привычка вмѣшиваться въ чужія дѣла такъ велика, что человѣку не позволяютъ даже купить на желѣзной дорогѣ билетъ безъ полицейскаго надзора, и гдѣ высшее общественное мнѣніе, воспитанное въ такихъ идеяхъ и подкрѣпляемое цѣлой гражданской арміей, привыкшей руководить во всемъ народомъ, разумѣется не въ состояніи отрѣшиться отъ убѣжденій, которыя, не смотря на всю ошибочность, кажутся ему истинными и выгодными.

Изъ того, что во Франціи въ настоящее время повторяется такой

же порядокъ внутренняго управленія, какой существовалъ при Людовикѣ XIV, когда всѣ знанія находились далеко не на той высотѣ, на какой они стоятъ въ наше время, нужно заключить, что нынѣшняя система управленія отстала отъ своего времени гораздо дальше, чѣмъ система Людовика XIV отъ своего, и причину этого можно искать только въ томъ, что люди читаютъ и учатъ не то, что слѣдуетъ читать и учить, чтобы смотрѣть правильно на общественную жизнь. Слѣдовательно вопросъ сводится къ воспитанью. Воспитаніе же французовъ не могло быть особенно блистательно, потому что происходило подъ надзоромъ духовенства и другихъ лицъ и было направлено къ тому, чтобы по возможности стѣснить въ ученикахъ развитіе мысли и предохранить ихъ отъ пониманья общихъ вопросовъ, направить на изученіе разныхъ спеціальностей, обѣщающихъ странѣ по видимому больше матеріальныхъ выгодъ.

Для людей, неубѣжденныхъ достаточно въ томъ, насколько общее развитіе образованныхъ сословій Европы страдало отъ того, что его учили не по тѣмъ книжкамъ, по какимъ бы слѣдовало, и что въ этомъ именно и причина относительной отсталости нашего времени, мы приведемъ слѣдующій примѣръ. Возьмите двухъ мальчиковъ однихъ лѣтъ и одинаковыхъ способностей. Одного учите—географіи по курсу Арсеньева, исторіи по Кайданову, логикѣ или реторикѣ по Кошанскому, политической экономіи по Буткову, геологіи по Соколовскому; а другого познакомьте съ географіей по Риттеру и А. Гумбольдту, съ логикой по Миллю, и исторіей по Шлоссеру и Бёклю, съ политической экономіей пожалуй тоже по Миллю съ придачей Прудона, съ геологіей по Лейелю и физіологіей по Фохту, Молешотту, наконецъ познакомьте его съ положительной философіей и лучшими мыслителями по этому предмету,—и тогда вы увидите, какую великую разницу создаетъ въ людяхъ разное образованіе. Если въ придачу къ Кайданову и Кошанскому пропитать еще перваго мальчика понятіями о важности человѣческой породы и преимуществѣ бѣлой кости надъ черной; если воспитать въ немъ чувство тщеславія и суетнаго стремленія къ внѣшнимъ отличіямъ, если научить его праздности и развить вкусъ къ свѣтскому легкомыслію и пустому препровожденію времени, то изъ него, разумѣется, выйдетъ человѣкъ съ блистательными качествами для французской придворной жизни середины восемнадцатаго вѣка; но совершенно лишній для нашего времени. Не смотря на очевидную ясность этого вопроса, есть люди, притворяю-

щіеся передовыми, которые спрашиваютъ иногда съ ироніей, какія же это книжки обладаютъ магической силой дѣлать однихъ людей умными, а другихъ глупыми. Разумѣется, передовые люди не знали того простаго обстоятельства, что между полезнымъ и вреднымъ человѣкомъ разница заключается только въ томъ, что въ голову къ одному попали умныя мысли, а къ другому глупыя; что разница между туркомъ и американцемъ въ томъ, что одинъ воспитывался въ одной общинной школѣ, именуемой Турціей, гдѣ нѣтъ другихъ книжекъ, кромѣ глупыхъ. а другой воспитывался въ школѣ, называемой Америкой, гдѣ хотя и водятся книжки глупыя, но умныхъ гораздо больше, и по нимъ-то и учатъ преимущественно дѣтей.

Причины, по которымъ возможна такая отсталость отъ современныхъ знаній, какую представляетъ Европа, заключается въ низкомъ уровнѣ общихъ понятій и въ перевѣсѣ сословій, тяготѣющихъ къ прошедшему. Вся исторія человѣчества больше ничего, какъ борьба разныхъ элементовъ, дѣйствующихъ по разнымъ направленіямъ. Въ новѣйшей Европѣ борятся три начала: одно изъ нихъ обнаруживаетъ наступательное движеніе впередъ, другое стремится назадъ, третье занимаетъ середину между тѣмъ и другимъ, но увлекается одинаково впередъ, вмѣстѣ со вторымъ элементомъ, общимъ ходомъ развитія. Первое начало есть народное, второе—элементъ аристократическій, а третіе—буржуазный. Каждое изъ нихъ дѣйствуетъ по своему направленію, вслѣдствіе предшествовавшихъ историческихъ причинъ. давшихъ имъ именно то, а не другое направленіе.

Аристократическій принципъ имѣетъ свою основу въ прошедшемъ и вся его логика построена на уваженіи къ старинѣ. Когда европейское общество начинало только слагаться, когда гражданскій элементъ былъ слабъ и нужно было дать прочную общественную связь отдѣльнымъ частямъ и предохранить молодое, неокрѣпшее общество отъ воинственныхъ притязаній сосѣдей, сильное дворянство и рыцарство заключали въ себѣ необходимыя качества для выполненія такой задачи, и они ее выполнили. Общество сложилось и окрѣпло, воинственные сосѣди перестали быть страшны, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы государство могло поглощать государство; а съ исчезновеніемъ такой опасности явилась возможность обратить вниманіе на внутренній гражданскій бытъ и заняться промышленностью и торговлей. Такимъ образомъ съ большей безопасностью и съ большимъ развитіемъ экономическихъ силъ военное значеніе прежнихъ знатныхъ

родовъ утратило свою важность. Не смотря на то, они удержали за собой свое прежнее положеніе и, сильные своими матеріяльными средствами, составили тѣсно замкнутое высшее сословіе, стоящее непосредственно подлѣ короны. Они соединили въ своихъ рукахъ всю свѣтскую и духовную власти и разумѣется воспользовались своимъ положеніемъ, чтобы обезпечить себя разными преимуществами, которыя дали ему возможность располагать огромными матеріяльными средствами и устроить свою жизнь возможно пріятнымъ образомъ. Въ рукахъ аристократіи соединилось такимъ образомъ все, что по мнѣнію обыкновенныхъ людей составляетъ земное счастье. Аристократія имѣла огромныя богатства, ставившія его внѣ всякихъ мелочныхъ и трудныхъ заботъ о средствахъ существованія; богатство давало ей возможность пользоваться всѣми благами и наслажденіями, которыя можно купить на деньги; оно развило въ ней вкусъ и стремленіе къ роскоши въ одѣждѣ, въ ѣдѣ и во всемъ образѣ жизни; положеніе при дворѣ позволило аристократіи достигать большихъ отличій и знатныхъ должностей, разныхъ наслѣдственныхъ титуловъ и обезпечивать за своими наслѣдниками и потомками подобное же высокое положеніе. Между тѣмъ характеръ общественной жизни сталъ измѣнятся; начали создаваться другія требованія, непохожія на тѣ, когда вся задача высшихъ лицъ заключалась въ способности защищать страну отъ набѣговъ полудикихъ сосѣдей; число высшихъ гражданскихъ должностей было невелико, тогда какъ число наслѣдниковъ и потомковъ основателей аристократіи увеличилось до чрезвычайности. Занимать низшихъ гражданскихъ должностей они не могли и не хотѣли отдѣлиться отъ всемогущаго центра, разливавшаго на нихъ, какъ солнце, свой свѣтъ и свою теплоту. Вслѣдствіе этого придворная жизнь получила особенное развитіе, древняя простота изчезла, создалась бездна новыхъ должностей и званій придворнаго штата, нетребовавшихъ для своего исполненія ни особыхъ знаній, ни исключительныхъ способностей. Большое скопленіе людей, имѣвшихъ много досуга и много денегъ, а мало серьезнаго дѣла, направило, разумѣется, ихъ умственныя силы на изобрѣтеніе разныхъ способовъ украшенія жизни, развлеченій и удовольствій. Отсюда то развитіе придворной жизни, которымъ такъ отличалось преимущественно восемнадцатое столѣтіе. Отсутствіе занятій серьезнаго характера, которымъ посвящали себя весьма немногіе, потому что немногіе были къ нимъ способны, и значительный численный перевѣсъ

должностей придворнаго штата, представлявшихъ много существенныхъ выгодъ, но нетребовавшихъ особенныхъ, умственныхъ способностей, привели къ общему стремленію за выгодными внѣшними отличіями и наружными преимуществами. Такъ какъ для достиженія ихъ требовалась не сила характера и государственныя способности, а личныя услуги, то, разумѣется, бралъ перевѣсъ тотъ, кто былъ болѣе къ тому способенъ. Такимъ образомъ угодливость заняла мѣсто личныхъ заслугъ и создались заискивающія отношенія и наружная преданность. Съ постепенной утратой чувства, достоинства и внутренней силы приходилось искать поддержки извнѣ; а какъ собственныхъ заслугъ не имѣлось, то люди стали опираться на заслуги своихъ предковъ. Этимъ путемъ гордость предковъ смѣнилась въ ихъ потомкахъ чувствомъ тщеславія, и происхожденіе, за неимѣніемъ другихъ основаній, сдѣлалось единственнымъ правомъ на отличіе и высокое положеніе. Люди, разумѣется, крѣпко хранили свои родовыя права и преимущества происхожденія отъ всякаго нарушенія ихъ въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, потому что только этимъ путемъ и могли сохранить за собой тѣ выгоды, которыми они пользовались. Вотъ почему во Франціи чуть не возникла внутренняя война по поводу вопроса, кому сидѣть въ присутствіи королевы; вотъ почему могъ возникнуть споръ о томъ, кому подавать королю рубашку и кто можетъ быть удостоенъ чести находиться при королевѣ, когда она перемѣняетъ бѣлье. И въ этомъ отношеніи Франція опередила всѣ остальныя государства Европы и довела суетный блескъ, тщеславіе и развратъ придворной жизни до такого размѣра, до котораго они не достигали нигдѣ. Самымъ цвѣтущимъ временемъ для такого порядка вещей былъ восемнадцатый вѣкъ, замѣчательный крайнимъ паденіемъ человѣческаго достоинства, крайностями умственнаго и нравственнаго разврата, и съ другой стороны создавшій то новое направленіе въ философіи и въ опытныхъ знаніяхъ, которыя вывели Европу на совершенно новый путь.

Вліяніе новыхъ идей, какъ оно ни было слабо до сихъ поръ, потребовало, для практическаго примѣненія ихъ въ управленіи, и новыхъ дѣятелей. Условія придворной жизни стали мѣняться. Во Франціи аристократическое начало встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны низшихъ сословій, и потомъ совершенно пало, на время; въ Англіи подъ него стали подкапываться еще въ семнадцатомъ столѣтіи. Поэтому понятно, что оно должно было употребить всѣ свои

силы противъ подобнаго враждебнаго напора. Видя, что новыя историческія силы стремятся лишить его одно за другимъ его прежнихъ преимуществъ и сулятъ ему будущее вовсе несоотвѣтствующее его прошедшему, оно должно было принять мѣры, чтобы остановить такой ходъ вещей. Такъ какъ все лучшее въ его жизни связано съ воспоминаніемъ о прошломъ, такъ какъ только въ немъ оно видитъ свой золотой вѣкъ, то разумѣется сущность аристократическаго начала должна заключаться если не въ возстановленіи невозможной уже въ наше время старины, то по крайней мѣрѣ въ поддержаніи того, что можетъ приблизить его къ выгодамъ прошлаго и обезпечить за нимъ занимаемое имъ положеніе. Взоры его направлены назадъ: только въ золотой старинѣ видитъ оно мудрость и йщетъ совѣтовъ и указаній. Поэтому-то мудрость предковъ получаетъ особенное значеніе, она служитъ путеводной звѣздой въ жизни ихъ менѣе мудрыхъ потомковъ и пользуется между ними тѣмъ уваженіемъ, какимъ между учеными — опытное изслѣдованіе.

Въ иномъ видѣ представляется другое начало европейской общественной жизни. Практика народа почерпается изъ другихъ источниковъ, мудрость его предковъ слаба, пользоваться ихъ совѣтами и указаніями хотя и можно, но лучше ими не пользоваться, потому что они созданы самой печальной и бѣдственной жизнью. Народу нѣтъ причины любитъ свое прошлое, потому что кромѣ бѣдности и горя онъ не видитъ въ ней ничего, ибо въ ней ничего другого и не было. Народъ ходилъ на войну, но зачѣмъ онъ ходилъ на нее, онъ не знаетъ; народъ платилъ много денегъ, но куда шли эти деньги, онъ не знаетъ; народъ трудился изъ всѣхъ своихъ силъ, не имѣя даже досуга, чтобы подумать о чемъ нибудь болѣе пріятномъ, чѣмъ вѣчная забота о средствахъ существованія, и не смотря на весь свой огромный трудъ, онъ все-таки бѣденъ. Такія ли это условія, чтобы поселить въ людяхъ любовь къ нимъ и вспоминать о нихъ съ удовольствіемъ и сожалѣніемъ? Разумѣется нѣтъ; и вотъ почему народъ вовсе не держится за связь съ своимъ прошлымъ и утѣшается только сказаніями о какихъ-то очень отдаленныхъ временахъ, когда и его герои-богатыри творили великія дѣла, сохранившіяся только въ сказкахъ. Всѣ его воспоминанія о блестящемъ прошломъ имѣютъ всегда чудесный, фантастическій характеръ, потому что ему неизвѣстенъ ни одинъ фактъ, достойный воспоминанія изъ его дѣйствительной жизни. Не имѣя

прошлаго, народъ живетъ одними ожиданіями и надеждами, вѣчно прислушивается—неговорятъ ли о какихъ нибудь перемѣнахъ, льготахъ, облегченіяхъ платежей, и такъ легковѣрно принимаетъ всякій слухъ, касающійся измѣненій въ его бытѣ. Поэтому народный элементъ есть начало подвижности и прогресса.

Элементъ буржуазный хотя явился и изъ народнаго, но заимствовавъ аристократическія начала, образовалъ нѣчто среднее, необнаруживающее ни особенной прогрессивности, ни преданности къ преданью и къ старинѣ, которыхъ у него нѣтъ. Поэтому буржуазный элементъ отличается устойчивостью и стремленіемъ утвердить свое положеніе.

Характеръ этихъ началъ общественной жизни обозначился особенно въ исторіи Европы въ послѣднія два столѣтія. Ни одинъ изъ нихъ не выказывалъ въ это время постояннаго преобладающаго вліянія, но бралъ перевѣсъ или одинъ, или другой, или третій. Смотря потому, который изъ нихъ оказывался болѣе сильнымъ, являлись въ жизни Европы или прогрессивное движеніе или остановки. Но эти остановки никогда не были слишкомъ продолжительны, такъ что въ общемъ характерѣ исторіи оставалась все-таки прогрессивность. Если обратить вниманіе на внѣшнія свойства каждаго изъ этихъ историческихъ элементовъ, то съ перваго взгляда можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ народное начало является представителемъ прогресса. Съ понятіемъ о народѣ соединяется представленіе о невѣжествѣ, заблужденіяхъ, незнаніи самыхъ простыхъ научныхъ истинъ и полномъ неразвитіи умственныхъ способностей; аристократическій же элементъ напротивъ представляетъ всѣ наружные признаки утонченнаго образованія, административныхъ способностей, навыка въ общественныхъ дѣлахъ и по видимому высокаго развитія умственныхъ способностей. Допустивъ полную справедливость такого различія, не смотря на преувеличеніе въ первомъ случаѣ недостатковъ, а во второмъ достоинствъ, разрѣшеніе загадки нужно искать въ характерѣ дѣятельности того и другого начала. Не смотря на свою научную и техническую неразвитость, народный элементъ представляетъ основную экономическую силу страны. Все производится имъ, и общее матеріальное довольство всякой націи зависитъ исключительно отъ успѣшности народнаго хозяйства. Съ тѣхъ поръ, какъ война перестала служить средствомъ пріобрѣтенія, когда стали понятны выгоды мира, когда истины политической экономіи сдѣлались

правительственной наукой, народный элементъ, какъ истинный и единственный экономическій производитель, обратилъ на себя преимущественное вниманіе правительствъ. Сильный самъ по себѣ, потому перевороту, которой онъ создаетъ своимъ экономическимъ движеніемъ, народный элементъ встрѣтилъ еще поддержку власти и, разумѣется, этимъ облегчилось уничтоженіе разныхъ стѣснительныхъ мѣръ, мѣшавшихъ его экономической свободѣ. Уничтоженіе экономическихъ помѣхъ было, разумѣется, главнымъ шагомъ къ воспитанію въ народѣ и понятій болѣе широкихъ противъ прежняго, и дало ему большую самостоятельность и свободу дѣйствій. Такимъ образомъ сила народнаго элемента—въ его трудѣ, въ его производительности, въ его практическомъ вліяніи на весь ходъ жизни, и въ его участіи въ общемъ матеріальномъ благосостояніи. Послѣ окончанія теологическихъ споровъ, когда люди обратились къ земнымъ дѣламъ, экономическіе вопросы стали главными и существенными; и тотъ, кто болѣе всѣхъ способствовалъ имъ, долженъ былъ и получить принадлежащее ему значеніе.

Аристократическій элементъ по отношенію къ народному имѣетъ болѣе теоретическій характеръ. Въ экономической производительности страны онъ не имѣетъ значенія; и потому все то, что способствуетъ развитію народнаго элемента, должно обнаруживать обратное вліяніе на элементъ аристократическій. Тѣмъ не менѣе его значеніе постоянно велико, и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ онъ обнаруживаетъ большую силу и значительное вліяніе на ходъ исторической жизни. Буржуазный элементъ, съ своими закрѣпляющими тенденціями, имѣетъ по преимуществу консервативный характеръ и направляетъ главнѣйше свою дѣятельность на сохраненіе того, что онъ пріобрѣлъ.

При всемъ экономическомъ значеніи народнаго элемента не слѣдуетъ думать, что только въ экономизмѣ и заключается вся его сила. Не смотря на кажущееся тупоуміе этой грубой массы, собственно ея иниціативой выражается то поступательное движеніе цивилизованныхъ народовъ, которое зовутъ прогрессомъ. Всѣ замѣчательныя законодательныя мѣры и самыя искреннія прогресивныя распоряженія правительствъ были въ сущности только публичнымъ заявленіемъ стремленій народа и удовлетвореніемъ его желаній. Эта грубая, повидимому немыслящая масса, обнаруживаетъ чрезвычайно тонкое пониманіе всѣхъ причинъ, мѣшающихъ ея свободному развитію; и потому-то самое блестящее мѣсто въ исторіи занимаютъ тѣ правитель-

ства, которыя умѣли понимать духъ своего времени, или выражаясь яснѣе, которыя угадывали требованія народа и распутывали стѣснявшія его узы. Если Англія наслаждается постоянно внутреннимъ миромъ и обнаруживаетъ такую силу въ своей внѣшней политикѣ и во внутреннемъ управленіи, то это происходитъ только потому, что тамъ умѣютъ прислушиваться къ народному мнѣнію и уже давно принято принципомъ держаться системы уступокъ. Только тѣ правительства считались передовыми и прогрессивными, которыя соблюдали это правило; правительства же, дѣйствовавшія въ родѣ Георга III англійскаго, или въ родѣ Наполеона I, не смотря на кажущійся блескъ ихъ царствованія, ослѣплявшій ихъ современниковъ, и при всѣхъ своихъ личныхъ талантахъ—чего впрочемъ не слѣдуетъ относить къ Георгу,—займутъ въ исторіи мѣсто, отведенное для вредныхъ людей. Причина въ томъ, что они не хотѣли или не имѣли способности быть представителями прогрессивнаго движенія и вмѣсто того, чтобы предоставить жизнь ея собственному развитію, хотѣли непремѣнно дать ей свое направленіе. Подобное заблужденіе могло явиться исключительно отъ незнакомства съ общимъ ходомъ исторической жизни и отъ ошибочнаго взгляда на роль правителя. При французскомъ взглядѣ на дѣло, было разумѣется весьма естественно думать, что жизнь 36 мильйоновъ людей не имѣетъ другого закона для своего внутренняго развитія, кромѣ личной воли одного человѣка; но Наполеонъ не хотѣлъ сообразить того, что Франція жила нѣсколько столѣтій, не нуждаясь въ его личныхъ взглядахъ, и что точно также она обойдется безъ нихъ и послѣ него. Въ общемъ періодѣ жизни Франціи какіе нибудь двадцать лѣтъ обратнаго движенія хотя и могутъ обнаружить временное вредное вліяніе, но ихъ можно сравнить съ прыщемъ на тѣлѣ, или съ другой подобной болѣзнью, не мѣшающей правильному развитію жизни во всемъ ея объемѣ.

Простая мысль, что жизнь человѣческихъ обществъ подчиняется точно также своимъ законамъ внутренняго развитія, какъ и жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, не получила еще до сихъ поръ значенія общей правительственной истины. Только этимъ и можно объяснить ту систему тягостной опеки, какою отличалась Франція, въ противуположность свободному развитію общественной жизни Англіи. Если частная и совокупная жизнь всего органическаго и неорганическаго міра подчиняется строго опредѣленнымъ законамъ, что нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы человѣкъ составлялъ въ

этомъ случаѣ единственное исключенiе. Законы развитiя человѣческихъ обществъ могутъ быть неизвѣстны, какъ неизвѣстны до сихъ поръ вполнѣ законы, управляющiе остальнымъ мiромъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ не существовало, или чтобы они зависѣли отъ личной воли отдѣльныхъ людей. Такъ какъ законы эти существуютъ, но только они неизвѣстны, то и вся задача заключается въ томъ, чтобы дать имъ возможность обнаружиться; а этого можно достигнуть только въ томъ случаѣ, когда жизнь человѣческихъ обществъ начнетъ развиваться при устраненiи всякихъ внѣшнихъ помѣхъ.

Благопрiятны ли для цивилизацiи тѣ условiя, при которыхъ развивалась до сихъ поръ европейская жизнь, и въ состоянiи ли они помѣшать прогрессивному развитiю, удобнѣе всего можно видѣть изъ двухъ болѣе крупныхъ историческихъ примѣровъ: древняго Рима и новой Францiи. Какъ добродѣтельные императоры, заботившiеся объ улучшенiи управленiя и правовъ древняго Рима, такъ и императоры развратные, недѣлавшiе ровно ничего для благосостоянiя гражданъ, не могли предупредить паденiя римской имперiи. Оно было неизбѣжно, какъ логическое слѣдствiе невѣрнаго основанiя всей древней жизни. Частныя попытки лучшихъ людей служили исключительно доказательствомъ ихъ благородныхъ стремленiй, но не могли принести никакой пользы, потому что чему слѣдовало упасть, то и должно было упасть. Причина этого заключалась въ ошибочномъ экономическомъ основанiи, поставившемъ все общество въ такiя отношенiя, что для продолженiя существованiя его, какъ государства, ему нужно было совершенно измѣнить свои старые принципы. Риму было только двѣ дороги—или измѣнить всѣ учрежденiя и остаться Римомъ по названiю, или же уступить внѣшнему натиску сильныхъ сосѣдей и утратить свои границы. Если бы въ древнемъ мiрѣ цивилизацiя была распространена равномѣрнѣе, въ родѣ того какъ она существуетъ въ настоящее время въ Европѣ, то Римъ, подобно всякому живому организму, избавился бы отъ своей болѣзни сильнымъ кризисомъ, и сильный внутреннiй переворотъ создалъ бы ему новыя учрежденiя, болѣе сообразныя съ благосостоянiемъ его гражданъ, Но прежде чѣмъ Римъ дожилъ до перiода кризиса, на него напали дикiе, нецивилизованные сосѣди и разрушили его установленiя. Въ этомъ, разумѣется, была уже не вина Рима, а исключительность внѣшнихъ условiй, по которымъ и въ наше время сильное государство можетъ погло-

тить государство слабое. Если Римъ хилѣлъ такъ много вѣковъ и не дожилъ до кризиса, то это происходило только отъ того, что прогрессивное начало было въ немъ слабѣе элемента противуположнаго, и люди, желавшіе спасать общества, не умѣли никогда смотрѣть впередъ, а напротивъ обращались постоянно къ отжившей старинѣ. Добродѣтельные катоны и «послѣдніе римляне» совершенно напрасно тратили свой жаръ, желая возвратить римлянъ къ ихъ первоначальной простотѣ, и дѣлали совершенно ненужныя убійства. Простота была возможна только тогда, когда учрежденія были еще юны и не развились до тѣхъ уродливостей экономическаго порядка и крайности богатства и нищеты, какія явились въ послѣдствіи. Когда низшіе имѣли большее значеніе, аристократическій элементъ не злоупотреблялъ такъ своимъ положеніемъ, не дѣлалъ изъ государственной жизни вѣчнаго раздора партій. Но когда праздность и богатства дошли до своихъ крайнихъ предѣловъ, оставался только одинъ выходъ — сильнаго внутренняго перелома. Такимъ образомъ старыя римскія учрежденія погибли отъ неравноправности; а неравноправность въ учрежденіяхъ при своемъ полномъ развитіи должна привести къ крайностямъ власти и безсилія, богатства и нищеты, слѣдовательно къ разстройству всѣхъ общественныхъ отношеній. Очевидно, что однѣми проповѣдями о доброй нравственности и убійствами отдѣльныхъ, болѣе злоупотребляющихъ своимъ положеніемъ лицъ, нельзя достигнуть никакихъ прочныхъ результатовъ; и если бы Катоны были въ состояніи воротить Римъ къ его прежнему золотому вѣку простоты и добродѣтелей, но оставили бы его первоначальныя учрежденія въ ихъ прежнемъ видѣ, то путемъ логическаго развитія онъ пришелъ бы опять совершенно къ тѣмъ же результатамъ, и только прошелъ бы во второй разъ по старой дорогѣ. Слѣдовательно никакія частныя мѣры и частныя вмѣшательства не въ состояніи своротить жизнь съ ея историческаго пути, потому что у ней есть своя логика и послѣдовательность. Если же и бываютъ возможны измѣненія въ общемъ ходѣ событій, то они создаются только измѣненіемъ принциповъ народной жизни и совокупнымъ участіемъ всей массы населенія страны. Если народъ имѣетъ способность понять ошибку общаго направленія и имѣетъ силу ее исправить, то онъ обновитъ всю свою жизнь, что вѣроятно и сдѣлалъ бы Римъ; если же въ немъ нѣтъ этой способности, то онъ

подчиняется чуждому влiянiю и подъ чужой властью приметъ чужiя учрежденiя. На языкѣ историковъ это называется погибнуть.

Во Францiи съ нѣкоторыми измѣненiями существовалъ тотъ же порядокъ, напоминавшiй древнiй Римъ. При Людовикѣ XIV, т. е. въ самую блестящую пору государственнаго произвола, народная жизнь была угнетена до высшей степени; правительственный смыслъ изчезъ совершенно; и если бы по сосѣдству съ Францiей кочевали бы какiе нибудь вандалы, герулы или имъ подобныя породы, то Францiя погибла бы также, какъ погибъ Римъ. Но этого не случилось только потому, что не было вандаловъ, и что германцы, отличавшiеся такой равноправностью и простотой учрежденiй во времена Тацита, въ вѣкъ Людовика XIV угнетались и опекались своими баронами не лучше французовъ. Высшее сословiе, управлявшее французами въ лицѣ своего представителя Людовика XIV, считало свои отношенiя къ странѣ самыми правильными и вполнѣ соотвѣтствующими требованiямъ мудрой политики. Они полагали, что политическая мудрость заключается въ томъ, чтобы отнимать отъ народа послѣднiй кусокъ хлѣба, чтобы отрывать его отъ его мирныхъ сельскихъ занятiй и промысловъ, и отправлять на убой въ войнахъ, до которыхъ не только ему, но даже и самому высшему сословiю не было никакого дѣла, потому что они производились обыкновенно или ради фамильныхъ интересовъ Людовика, или по его неблагоразумiю; они полагали, что изгнать изъ страны 500,000 трудолюбиваго народа ради только того, что онъ поетъ псалмы не на латинскомъ, а на французскомъ языкѣ, значитъ сдѣлать богу прiятное и доставить странѣ несокрушимое единство религiозныхъ убѣжденiй, и слѣдовательно несокрушимую политическую силу. Перечислять все, что дѣлалось ради политики, было бы слишкомъ долго. Довольно будетъ замѣтить, что то, что люди называли мудрой политикой было въ сущности страшное чудовище, поглощавшее лучшiя силы страны и убивавшее ея умственную дѣятельность. Никто изъ правящихъ людей не былъ въ состоянiи предложить себѣ вопросъ, что такое политика, чѣмъ она должна быть и неужели мудрость людей заключается только въ томъ, чтобы принимать всѣ мѣры для доведенiя страны до нищенства и до идiотизма. Но тогда было такое время, когда люди въ состоянiи были начинать междоусобную войну изъ-за того, кому сидѣть и кому стоять; тогда люди вѣрили серьезно, что только латинскiя молитвы могутъ привести человѣка къ

вѣчному спасенью; тогда думали, что величайшая мудрость заключается въ томъ, чтобы перехитрить своего сосѣда на войнѣ и въ мирѣ, и воспользоваться на его счетъ выгодами. Какого рода эти выгоды, о томъ никто не думалъ и расчетъ былъ до того слабъ, а суетность брала до того перевѣсъ надъ благоразуміемъ и здравымъ смысломъ, что тратили сотни тысячъ солдатъ и милльоны денегъ изъ-за обстоятельства, непредставлявшаго и копѣечной выгоды. Люди жили въ мірѣ фантазіи и, утративъ всякую способность простого и прямого пониманія вещей, поклонялись какъ мудрости тому, что вело всѣхъ къ гибели, и такой способъ дѣйствій считали простодушно высшими соображеніями. Эти высшія соображенія нашли себѣ въ наше время достойнаго подражателя въ лицѣ Наполеона III, съумѣвшаго согласить самыя противуположныя крайности и задумавшаго къ титулу французскаго императора присоединить еще и императорство михиканское.

Не смотря на весьма длинный рядъ годовъ, когда всю французскую жизнь хотѣли перестроить на основаніи предвзятыхъ идей и руководствуясь мудростью предковъ, основной законъ развитія оказался сильнѣе ненормальныхъ вліяній; но за то вредъ ихъ обнаружился въ томъ, что Франція отстала на нѣсколько вѣковъ. Въ этихъ обстоятельствахъ, какъ и во всѣхъ историческихъ событіяхъ, не за чѣмъ искать ни правыхъ, ни виноватыхъ, потому что ихъ нѣтъ. Какъ для каждаго отдѣльнаго организма законъ жизни заключается въ совокупности всѣхъ явленій, такъ то же самое служитъ закономъ и общественнаго развитія. Каждая органическая особь развивается на основаніи свойствъ составляющаго ее вещества и должна достигнуть полной своей нормы, если постороннія внѣшнія обстоятельства не прекратятъ ея дѣятельности. Но это возможно только съ отдѣльными недѣлимыми, а не съ цѣлой ихъ совокупностью. Поэтому хотя отдѣльныя травки на лугу и засыхаютъ, или гибнутъ отдѣльныя деревья въ лѣсу, но въ цѣломъ и лугъ и лѣсъ, не смотря даже на періоды засухъ или сильныхъ дождей, задерживающихъ ихъ совокупную жизнь, развиваются все дальше и дальше на основаніи свойствъ, присущихъ каждому составляющему ихъ недѣлимому. Подобный же законъ развитія заключается и въ внутреннихъ свойствахъ людей, составляющихъ человѣческія общества. Неизбѣжность этихъ свойствъ такова, что движеніе совершалось бы даже подъ вліяніемъ однихъ растительныхъ

отправленій человѣческаго организма. Но кромѣ растительныхъ въ немъ заключаются еще элементы животной жизни, и она-то заключаетъ въ себѣ силу, которая въ своемъ интеллектуальномъ проявленіи создаетъ то, что люди зовутъ умственнымъ прогрессомъ. Въ умственномъ элементѣ каждаго народа соединяются всѣ прогрессивныя силы отдѣльныхъ элементовъ его общественной жизни. Въ своей совокупности они служатъ выраженіемъ умственныхъ силъ страны и ея стремленій. Поэтому умственному началу въ исторіи развитія народовъ принадлежитъ то же мѣсто, какое принадлежитъ разуму въ жизни отдѣльнаго человѣка. Отъ способности людей усвоить истину и избрать сообразный съ ней способъ дѣйствій зависитъ вся сила и успѣшность прогресса народа. Способности эти бываютъ разныя; поэтому-то не всѣ истины, отъ которыхъ зависитъ счастье людей, принимаются одинаково, и самый прогрессъ можетъ получить иногда одностороннее направленіе. Какого рода знанія и истины усвоивались людьми легче и какія изъ нихъ обнаруживали преимущественно прогрессивное вліяніе на массы населеній, мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

III.

Существуетъ собственно одно знаніе—изученіе природы, т. е. составляющей ее матеріи и ея свойствъ. Человѣкъ только часть природы; и потому безъ изученія ея нельзя узнать законовъ, управляющихъ какъ отдѣльными людьми, такъ и цѣлыми обществами. Вотъ почему естественныя науки получили въ послѣднее время такую важность и почему на нихъ сосредоточено вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей.

Распространеніе изученія естественныхъ знаній важно еще въ томъ отношеніи, что познакомило людей съ новымъ научнымъ пріемомъ—наблюденія и опыта, и уже однимъ этимъ способствовало искорененію многихъ предразсудковъ и заблужденій. Прежде люди вѣрили всему, что казалось имъ истиной; теперь же они признаютъ истиной только то, что можно доказать. Но методъ естествознанія принесъ большую пользу еще и тѣмъ, что сдѣлалъ доступнымъ для многихъ то, что было нѣкогда достояніемъ только нѣкоторыхъ, ис-

ключительныхъ по уму личностей, и такимъ образомъ уравнялъ способности людей. И прежде наблюденіе и опытъ служили средствомъ для опредѣленія побужденій, управляющихъ людьми; но секретомъ этого пріема владѣли только немногіе, особенно умные люди. Для нихъ какъ отдѣльные люди, такъ и массы населеній были открытыми книгами, или лучше сказать, отдѣльными величинами, которыя они умѣли устанавливать въ своей головѣ въ извѣстномъ порядкѣ и дѣлать съ ними такія же комбинаціи и составлять такіе же выводы, какіе статистики дѣлаютъ нынче съ цифрами. Для подобной работы требовались разумѣется и особенныя способности; а какъ особенныя способности рѣдки, то слѣдовательно были рѣдки и подобные люди. Если люди такой сильной наблюдательности посвящали себя наукѣ, изъ нихъ выходили замѣчательные ученые; если же они посвящали себя государственнымъ занятіямъ, то изъ нихъ выходили замѣчательные государственные люди.

Для подобныхъ людей государственныя занятія и до сихъ поръ могутъ служить блистательнымъ поприщемъ—не только потому, что въ такихъ людяхъ всегда чувствуется недостатокъ, но еще и потому, что статистика, какъ знаніе слишкомъ еще молодое и неустановившееся, даетъ отвѣты на весьма немногіе вопросы; въ большей же части случаевъ ограничивается намеками и догадками, представляющими хотя и большую долю вѣроятія, но которыхъ однако нельзя признать доказанными истинами. Въ рукахъ людей хотя и большой честности, но обыкновеннаго ума, эти догадки и намеки могутъ послужить поводомъ только къ заблужденіямъ и ошибкамъ. Народы много терпѣли оттого, что люди посредственныхъ способностей, усвоивая себѣ какъ истину то, что имѣло или весьма слабое вѣроятіе или было даже прямой невѣрностью, строили на такомъ шаткомъ основаніи цѣлыя системы и образъ дѣйствій, которыя приносили самые печальныя послѣдствія и вели страну къ прямой гибели. Фактовъ въ подтвержденіе этого въ исторіи такъ много, что читатель не затруднится, разумѣется, припомнить ихъ самъ. Въ подобныхъ случаяхъ люди сильнаго ума могутъ оказывать всегда большую пользу народу. Статистическій намекъ наводитъ ихъ на правильное, безошибочное заключеніе. Недостаточныя цифры они наполняютъ и провѣряютъ собственными наблюденіями, и такимъ образомъ создаютъ цѣлый статистическій выводъ, неизвѣстный еще наукѣ, и на основаніи его строятъ безошибочный планъ дѣйствій.

Люди подобныхъ способностей слывутъ обыкновенно геніальными, т. е. очень рѣдкими. Но къ сожалѣнію слово это не имѣетъ точно опредѣленнаго смысла, потому что геніями называютъ безъ различія и тѣхъ, кто употреблялъ свои способности для пользы людей, и тѣхъ, кто давалъ имъ одностороннее, своекорыстное направленіе. Такіе люди являлись и на государственномъ поприщѣ—и здѣсь разумѣется чаще, и въ числѣ представителей умственнаго элемента страны, т. е. между учеными и людьми, разработывающими общественные вопросы. Но и тѣ и другіе только ошибочно признаются представителями умственнаго движенія, потому что истина только одна и разумъ, открывающій ее, тоже одинъ. То, что приноситъ вредъ, есть ложь, а что принимаетъ ложь за истину, не можетъ быть разумомъ. Если это дѣлается по невѣденію, то это—заблужденіе или ошибка; а если съ прямымъ умысломъ вреда, то—преступленіе. Счастье, удача и большой размѣръ злоупотребленія не служатъ ему оправданіемъ, точно также какъ геніальность преступленія не дѣлаетъ его добродѣтелью. Еще Катонъ старшій замѣтилъ, что кто обкрадываетъ гражданина, тотъ умираетъ въ цѣпяхъ и узахъ; но въ золотѣ и пурпурѣ умираетъ тотъ, кто обкрадываетъ государство. Подобная смутность въ оцѣнкѣ дарованій людей существуетъ и до нашихъ дней. Люди удивляются всему громадному, и большой вредъ въ ихъ глазахъ имѣетъ болѣе цѣны, чѣмъ маленькая польза. Но истинно полезный только тотъ, кто располагаетъ свои дѣйствія на основаніи общаго вывода, а не частныхъ заключеній, т. е. имѣетъ въ виду не частную, а общую пользу.

Законъ жизни заключается въ самой жизни; онъ создается не отдѣльными лицами, не знаніями или наукой, а всѣми людьми и совокупностью условій, дѣйствующихъ въ нихъ и на нихъ. Задача науки только разъяснить эти условія и знаніе ихъ сдѣлать общимъ достояніемъ; слѣдовательно заслуга ученыхъ и сильныхъ умовъ заключается въ томъ, что они умѣютъ увидѣть и понять то, что другіе не видятъ и не понимаютъ, и доказать, что наблюденіе ихъ безошибочно. Сильные умы, умѣющіе наблюдать, но неимѣющіе возможности доказать своихъ наблюденій, могутъ только возбуждать къ себѣ удивленіе людей ума болѣе слабаго, и стоятъ одиноко, не принося поэтому особенно большей пользы. Но доказанная истина и разъясненный способъ ея открытія имѣютъ огромное значеніе, по-

тому что даютъ силу и слабымъ умамъ, которые усвоиваютъ ее точно также, какъ и тѣ, кто умѣлъ ее подмѣтить.

Чтобы усвоеніе это могло случиться, нужно чтобы доказательства имѣли всю силу очевидности; вотъ почему цифры играютъ при этомъ такую важную роль и почему статистика пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе и составляетъ необходимую принадлежность знаній всякаго образованнаго человѣка. Пока вредъ рабства и невольничества доказывали съ чисто-философской точки зрѣнія, указывая его безнравственность, люди не хотѣли принимать этихъ доказательствъ, потому что для философскаго пониманія нужны болѣе развитыя способности. Человѣку же обыкновеннаго сорта философскія доказательства права и нравственности кажутся пустыми разглагольствованіями; для людей этого сорта правомъ служитъ все то, что они имѣютъ возможность дѣлать; и если бы имъ было выгодно рѣзать людей, они стали бы ихъ рѣзать. Для такихъ людей самымъ лучшимъ доказательствомъ служитъ сила, и въ ихъ глазахъ только тотъ и правъ, кто сильнѣе. Но есть люди болѣе гуманные, хотя тоже недостаточно способные отвлеченное понятіе о правѣ и нравственности перенести въ ясное практическое представленіе. Для этихъ статистическіе и экономическіе выводы имѣютъ всѣ достоинства неоспоримыхъ истинъ и заключаютъ въ себѣ неопровержимую силу убѣдительности. Такихъ людей только статистика убѣдила въ томъ, что рабство есть зло, потому что она показала имъ, насколько менѣе производительны въ экономическомъ отношеніи невольничьи штаты противъ штатовъ свободныхъ. Пока отвлеченныя понятія предлагались имъ въ туманной формѣ безнравственности, они не принимали ихъ; но когда тѣ же понятія представили имъ въ сравнительной таблицѣ пшеницы, ржи, табаку, каменнаго угля и долларовъ, они тотчасъ же поняли, что малое количество этихъ предметовъ есть безнравственность, а большое—нравственность. Точно также пока людямъ доказывали умозрительно, что система устрашенія не исправляетъ никого, ея держались постоянно; но когда были представлены болѣе осязательныя доказательства, то явилось въ этомъ дѣлѣ измѣненіе, и Франція, такъ богатая юристами и адвокатами, перестала рубить головы преступникамъ на площадяхъ и ввела систему скрытаго убійства на тюремномъ дворѣ. Юристы называютъ это правосудіемъ. Но и статистическія цифры, при всей своей доказательной силѣ, долго не обнаруживаютъ вліянія на измѣненіе поня-

тій, если имъ приходится имѣть дѣло съ большимъ числомъ людей. Такимъ образомъ не смотря на подтвержденіе точными доказательствами непроизвольности воли въ дѣйствіяхъ, называемыхъ преступленіями, старая легальная система еще очень крѣпка повсюду и по прежнему воздается окомъ за око и зубомъ за зубъ. Французскіе ученые юристы не убѣждаются ни умозрительными доказательствами, ни доказательствами статистическими; а о гуманности разумѣется и говорить нечего, потому что о ней не упоминается нигдѣ въ ихъ наукѣ права.

Потому что римское право выросло на практической почвѣ римской государственной жизни, многіе видятъ въ немъ ту реальность, которой такъ дорожитъ наше время. Но реальнымъ можно назвать только то, что согласуется съ практическимъ направленіемъ своего времени; если же въ немъ этого нѣтъ, то оно становится умозрительнымъ, и такой-то умозрительностью и отличается для насъ римское право. Стремленія новой Европы и всѣ новыя знанія не имѣютъ ничего общаго съ характеромъ римской жизни; а если у нихъ нѣтъ ничего общаго съ римской почвой, то не можетъ быть ничего общаго и съ выросшимъ на ней правомъ. Такая простая истина не представляетъ никакой убѣдительности для людей, у которыхъ мысли получили уже разъ извѣстное направленіе. Они похожи въ этомъ случаѣ на тѣхъ проповѣдниковъ нравственности, которые увѣряли нѣкогда, что человѣческій разумъ не въ состояніи постигнуть истину, и что поэтому люди должны держаться слѣпо того, чему ихъ научили одинъ разъ. Больше двухъ сотъ лѣтъ какъ доказано, что этимъ путемъ нельзя придти ни къ какому знанію и ни къ какой истинѣ, и что напротивъ только путемъ самобытнаго мышленія и отбросивъ всѣ предвзятые идеи можно дойти до истиннаго пониманія. Но такая работа не подъ силу всякому уму и слабымъ людямъ; чтобы они имѣли правильныя понятія, нужно вложить ихъ во время воспитанія, потому что если они усвоили только разъ ошибочныя идеи, то такъ и умрутъ съ ними, не выйдя никогда на истинную дорогу. Такихъ людей всегда больше, чѣмъ людей самобытнаго ума, и заблужденій больше чѣмъ истинъ; вотъ почему задача просвѣщенія заключается въ постоянномъ стремленіи къ увеличенію числа людей съ правильными понятіями и въ распространеніи истинъ. У истины не можетъ быть ничего общаго съ ложью, и она не можетъ вытекать изъ нея; поэтому очевидно, что между ними

не существуетъ никакой связи и что просвѣщеніе совершенно противуположно невѣжеству. Такимъ образомъ прогрессъ, основанный на новыхъ знаніяхъ, не имѣетъ ничего общаго съ прошлымъ временемъ, и прогрессивный человѣкъ съ прошлыми заблужденіями. Чтобы быть прогрессистомъ, нужно имѣть порядочную силу ума; и потому-то разорвать связь съ прошлымъ, сообщенную ошибочнымъ воспитаніемъ, могутъ только люди особенно счастливыхъ способностей. Такіе люди, если они находятся въ главѣ правительства, становятся реформаторами и до сихъ поръ; исторія присвоивала имъ названіе великихъ. Вся заслуга ихъ заключается въ томъ, что, разрывая связь съ прошедшимъ, они способствовали разрушенію старыхъ заблужденій.

Для людей, очень дорожащихъ ошибочными знаніями, бываетъ всегда непріятно, когда является противодѣйствіе ихъ мыслямъ. Эти люди имѣютъ весьма высокое мнѣніе о качествѣ своихъ знаній и убѣжденій и даже имѣютъ претензію считать ихъ самобытными. Въ то же время они хранятъ глубокую вѣру въ авторитетъ и, какъ сами поклоняются чужимъ мнѣніямъ, такъ желали бы, чтобы и другіе поклонялись ихъ авторитету. Это нѣсколько похоже на порядокъ военной дисциплины, перенесенной въ область мышленія. Но обнаруживая подобное притязаніе, они не замѣчаютъ того несогласимаго противорѣчія, которое находится въ воображаемой ими самобытности мысли съ поклоненіемъ авторитету. Одно изъ двухъ — дѣятельность ума или свободная или подчиненная, а совмѣститься одному съ другимъ невозможно. Вслѣдствіе такого слѣпого подчиненія чужимъ мыслямъ и старымъ мнѣніямъ является неизбѣжно неудовольствіе противъ всего того, что способствуетъ уменьшенію заблужденій, предразсудковъ и старыхъ знаній. Такое неудовольствіе, подъ вліяніемъ разгоряченнаго воображенія, впадаетъ въ преувеличеніе и въ простой замѣнѣ незнанія знаніемъ видитъ иногда посягательство на все священное и дорогое человѣчеству, нравственную порчу и даже общую гибель. Чтобы оправдать свою боязнь за паденіе дорогихъ для нихъ заблужденій, люди даже забываютъ обыкновенный, понятный всѣмъ языкъ и начинаютъ выражаться метафорами, уподобляя поступательное движеніе прогресса разрушенію. Людямъ робкаго и несамобытнаго ума кажется, что если разрушится зданіе заблужденій и ошибокъ, то вмѣстѣ съ ними погибнетъ и весь миръ. Не говоря уже про то, что отъ измѣненія мыслей люди еще не по-

гибнутъ и нигдѣ не погибали, и что прогрессъ вовсе несправедливо уподоблять геологическому перевороту, нужно замѣтить, что и самое сравненіе, придуманное людьми для собственнаго устрашенія, совершенно невѣрно. Если выражаться сравненіями, то запасъ всѣхъ человѣческихъ знаній и умственныхъ богатствъ нужно уподобить скорѣе лѣсу и еще лучше комоду, въ которомъ бережливая хозяйка накопила все то, что досталось ей по наслѣдству отъ всей ея родни, начиная отъ прародительницы. Семь осьмыхъ оказываются хламомъ, и если его выбросить, то цѣлость комода нисколько не нарушиться, а только будетъ больше мѣста для новыхъ вещей и будетъ возможнѣе порядокъ. Люди хотятъ, чтобы за каждое разрушенное заблужденіе имъ дали новую истину: ужъ истина въ томъ, что уничтожено заблужденіе. Когда преступникамъ перестанутъ рубить головы, будетъ только то, что исчезнутъ казни. Но люди этимъ недовольны. Въ замѣнъ головъ имъ дай непремѣнно что нибудь другое, чтобы они могли видѣть и осязать. Или, негръ сдѣлался свободнымъ: что же нужно людямъ въ замѣнъ негра-раба? Люди получили право свободно торговать и въ своей и чужой землѣ, или жить безъ паспортовъ; или, — человѣкъ потерялъ право бить своего ближняго: что же явилось вмѣсто всего этого? Больше ничего, какъ одни стали свободными, другіе начали жить безъ паспортовъ, а третьи перестали драться. Изъ этого очевидно, что умственный прогрессъ заключается въ уничтоженіи заблужденій, и что если тутъ и есть какое нибудь разрушеніе, то разрушеніе ведущее къ самымъ мирнымъ результатамъ и къ тому, что называется общимъ и частнымъ спокойствіемъ и благосостояніемъ.

Вслѣдствіе того свойства человѣческаго мозга, по которому онъ, усвоивъ разъ впечатлѣнія извѣстнаго порядка, рѣдко сохраняетъ способность для воспринимапія противуположныхъ впечатлѣній, самый лучшій способъ распространенія истинъ заключается въ сообщеніи ихъ людямъ въ ихъ первой молодости. Но этотъ способъ не всегда возможенъ, иногда по причинѣ самой системы образованія; а иногда потому, что извѣстныхъ истинъ еще нѣтъ, и онѣ становятся извѣстны только по окончаніи воспитанія. Люди съ счастливыми способностями съумѣютъ усвоить ихъ сами, однимъ дальнѣйшимъ чтеніемъ. Но есть люди, которые или отстаютъ отъ всякаго чтенія, считая для себя достаточно приготовленными уже для всякой человѣческой дѣятельности, какъ бы она ни была широка, или читаютъ

не то, что способно расширять кругозоръ человѣка и сообщать ему новыя познанія, а то, что доставляетъ пріятное занятіе воображенію и чувственности. Убѣждать такихъ людей довольно трудно, не только потому, что они не занимаются серьезнымъ чтеніемъ и не находятъ удовольствія въ серьезномъ мышленіи — и потому доступъ къ нимъ новыхъ понятій застрахованъ самымъ образомъ ихъ жизни, но трудность въ самомъ качествѣ ихъ мыслительной способности, туго принимающей всякую новую мысль и новое знаніе. Дальнѣйшее образованіе такихъ людей совершается умственнымъ движеніемъ того круга, въ которомъ они вращаются, и разумѣется весьма медленно и скудно. Однимъ изъ лучшихъ средствъ противъ невѣжества такихъ людей есть сатира. Разумѣется это средство внѣшнее, но когда нѣтъ другого, то оно остается лучшимъ. Для людей того сорта, противъ которыхъ направляется сатира, нѣтъ ничего ужаснѣе насмѣшки, они видятъ себя оскорбленными, униженными, кровь бьетъ имъ въ голову и жолчь разливается по тѣлу. Въ досадѣ они зовутъ сатириковъ и юмористовъ мальчишками, а сатиру мальчишествомъ, и однимъ этимъ доказываютъ, что насмѣшка достигла цѣли. Однако обвиненіе противъ даровитыхъ людей, умѣющихъ подмѣчать слабыя стороны людей и бичевать зло, несправедливо. Если у обиженныхъ не достаетъ настолько способности владѣть собой, чтобы понимать смыслъ современныхъ имъ явленій, то они могли бы узнать истину, обратившись къ исторіи. Сатира существовала во всѣ времена, когда ее вызывало само общество, т. е. когда было надъ чѣмъ смѣяться. Такъ самая отдаленная древность представляетъ намъ примѣръ Аристофана и Ювенала, новая исторія — Вольтера и Свифта. Едва ли справедливо называть этихъ людей мальчишками, и назвавъ ихъ такъ, придется считать мальчишествомъ всякую геніальность. Разумѣется, упомянутыя нами личности были сатириками высшаго разбора; но если талантливые люди, хотя и менѣе сильные, чѣмъ Вольтеръ и Свифтъ, умѣютъ тоже сказать мѣткое слово такъ, что оно заставляетъ людей краснѣть и сердиться, то очевидно, что они не принадлежатъ къ дюжиннымъ натурамъ. Называть ихъ мальчишками, значитъ признать себя неспособнымъ отвѣчать другимъ образомъ, кромѣ брани. А это доказываетъ во всякомъ случаѣ слабость умственныхъ способностей. Такимъ образомъ сатира была во всѣ времена отличнымъ средствомъ въ борьбѣ противъ невѣжества и разумѣется останется

такимъ же дѣйствительнымъ средствомъ, пока будутъ существовать невѣжды, т. е. еще очень долго.

Для людей же, на которыхъ не дѣйствуетъ ни отвлеченное мышленіе, ни очевидныя доказательства, предсталяемыя цифрами и статистиками, ни наконецъ сатира—для такихъ людей лучшимъ способомъ распространенія истинъ останутся тѣ изобрѣтенія, открытія, и учрежденія, которыми совершенно исключается возможность существованія старыхъ знаній. Стрѣлы, тараны и другія стѣнобитныя орудія исчезли, когда явился порохъ, а съ нимъ и огнестрѣльное оружіе. Съ тѣхъ поръ только башкиры сохранили лукъ и колчанъ; но за то они и башкиры. Люди правильно смотрящіе, давно уже признаютъ войну зломъ, они понимаютъ, насколько она мѣшаетъ мирному прогрессу; но люди, склонные къ насилію, смотрятъ на это дѣло иначе и полагаютъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда они неправы и не имѣютъ на своей сторонѣ доказательствъ, могущихъ дѣйствовать на разсудокъ, то при крѣпкомъ здоровьи и большой физической силѣ лучше всего употребить въ ходъ эти средства. Возможность дѣйствовать этимъ путемъ съ большой легкостью еще и въ наше время едва ли нужно доказывать. Отношеніе Англіи къ Бразиліи и Наполеона къ Мексикѣ убѣждаютъ, что и нынче не изчезло еще кулачное право. И разумѣется оно не изчезнетъ еще долго, если не помогутъ этому сами любители войны. Такъ какъ вся сущность военнаго искусства заключается въ томъ, чтобы истребить непріятеля, или по крайней мѣрѣ ослабить его до невозможности сопротивляться, то и задача военныхъ техниковъ должна клониться къ открытію и изобрѣтенію способовъ и средствъ для возможно совершеннаго достиженія этой цѣли. Хотя уже и много сдѣлано на этомъ поприщѣ, такъ что орудія берутъ за семь верстъ и даже разбиваютъ на этомъ разстояніи укрѣпленія, а ружья берутъ на версту, но все это считается недостаточнымъ и дѣйствительно недостаточно для возможности прекращенія войны. Нужно изобрѣсть нѣчто весьма разрушительное, противъ чего не могло бы устоять никакое войско, никакое укрѣпленіе и что бы давало возможность убивать сто тысячъ людей въ одну минуту. Подобную мысль имѣлъ уже одинъ французъ и ему даже казалось, что онъ и изобрѣлъ необходимый для того снарядъ, но къ сожалѣнію изобрѣтатель попалъ въ сумасшедшій домъ. Когда будетъ изобрѣтено подобное смертоносное орудіе, исключающее всякую возможность за-

щиты, то разумѣется война прекратится сама собой, потому что сдѣлается невозможной.

Нѣчто подобное, но разумѣется въ слабѣйшей степени достигнуто уже нѣкоторыми изобрѣтеніями. Извѣстно, что предразсудокъ превосходства рода есть одинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ, съ которымъ борется образованіе. Люди, считающіе себя лучше другихъ только потому, что они могутъ насчитать длинный рядъ предковъ, пользовавшихся титулами и богатствами, держали себя всегда далеко отъ такъ называемой толпы и всего того, что не можетъ равняться съ ними знатностью происхожденія. На гуляньяхъ, въ обществѣ, въ публичныхъ собраніяхъ они держатъ себя всегда особнякомъ, вѣроятно изъ боязни, что особенная матерія, изъ которой они созданы, можетъ потерпѣть отъ сосѣдства того грубаго вещества, изъ котораго произошли другіе люди. Но однако когда явились желѣзныя дороги, то пришлось забыть свои дормезы и кареты и смѣшаться съ толпой, и въ вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, и въ самыхъ вагонахъ. Разумѣется, компаніи желѣзныхъ дорогъ, расчитывавшія и на человѣческое тщеславіе, устроили особыя комнаты и вагоны для людей исключительнаго сорта; но эта уступка въ сущности такъ незначительна, что ею нисколько не уменьшается вліяніе желѣзныхъ дорогъ на внѣшнее уравненіе сословій. Необходимость быть въ толпѣ пріучаетъ тщеславныхъ людей къ невольному сближенію съ такими людьми, съ какими она безъ этого условія никогда бы не согласилась не только путешествовать вмѣстѣ, но даже быть въ одной комнатѣ. Изобрѣтеніе машинъ, создавшее богатое сословіе фабрикантовъ, способствовало тоже ослабленію аристократическихъ предразсудковъ. Точно также помогло сближенію людей разныхъ слоевъ развитіе общественной жизни и общественныхъ удовольствій, представляющихъ и для людей весьма богатыхъ такія выгоды, какими они не въ состояніи пользоваться отдѣльно. Напримѣръ, слушать каждый день какой нибудь знаменитый европейскій оркестръ музыки.

Разумѣется, всѣ эти вліянія, обнаруженныя изобрѣтеніями чисто экономическаго характера, слишкомъ еще слабы, и сдѣлали большею частью только внѣшнюю перемѣну. Но мы не говоримъ здѣсь о размѣрѣ вліянія, мы говоримъ только о томъ, что вліяніе это есть и какими способами оно достигается. Полнаго преобразованія всего интеллектуальнаго человѣка въ такой степени, чтобы измѣнилось все его міросозерцаніе, разумѣется, нельзя достигнуть одними желѣзными до-

рогами, общественными гуляньями и клубами. Такую полную перемѣну въ понятіяхъ можно сдѣлать бо̀льшимъ и бо̀льшимъ распространеніемъ образованія и тѣми мѣрами, которыя по широтѣ вліянія можно сравнить съ техническими изобрѣтеніями и открытіями. Публичное судопроизводство способствовало юридическому образованію людей гораздо больше, чѣмъ самые обширные курсы права, читанные въ школахъ и университетахъ. Подобныя же учрежденія и развитіе началъ самоуправленія помогутъ дальнѣйшему воспитанію и другихъ способностей людей и развитію ихъ понятій.

Такъ какъ сущность и успѣхъ прогресса обусловливается исключительно силой и размѣромъ умственнаго элемента каждаго народа, то очевидно, что ему принадлежитъ первое мѣсто въ исторіи цивилизаціи, и тотъ народъ идетъ впередъ скорѣе, у котораго умственный элементъ встрѣчаетъ меньше помѣхъ въ своемъ развитіи. Разработкой научныхъ вопросовъ занимаются люди, имѣющіе къ тому досугъ и способности. Людей этихъ у каждаго народа очень не много. Если нельзя назвать ихъ путеводными звѣздами—всѣхъ вообще; то тѣмъ не менѣе они все-таки стоятъ во главѣ умственнаго движенія народа, и только ихъ трудами знанія распространяются въ массахъ. А какъ знаніе есть исключительная причина прогресса, то очевидно, что люди, наиболѣе способствующіе ему, имѣютъ право на довольно почетное мѣсто. Въ практикѣ однако этого нѣтъ и по условіямъ современнаго общественнаго быта люди, занимающіеся разработкой научныхъ вопросовъ, не только не пользуются исключительнымъ вниманіемъ и не имѣютъ голоса, но нерѣдко ихъ преслѣдуютъ даже за то, что они въ своихъ знаніяхъ опережаютъ слишкомъ свое время. Фраза эта разумѣется невѣрна, потому что ни одно знаніе не можетъ быть дальше своего времени, такъ какъ оно его порожденіе. Несомнѣнно и то, что съ большимъ образованіемъ талантъ, умъ и практическія способности получатъ большее значеніе; и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ все зависитъ отъ знаній и способностей, они возьмутъ перевѣсъ надъ происхожденіемъ и богатствомъ. Скоро или нескоро можетъ осуществиться такой порядокъ, сказать нельзя; но и дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что по ходу развитія онъ осуществиться долженъ.

Н. Шелгуновъ.

СИРОТКИ.

(Изъ Гейне).

Вотъ идутъ они попарно
Въ свѣтло-синихъ сюртучкахъ.
Щечки ихъ здоровьемъ пышатъ,
Радость свѣтится въ глазахъ!
Какъ они послушны, кротки
Эти милыя сиротки!

*
* *

Въ каждомъ сердцѣ симпатію
Пробуждаетъ дѣтскій видъ.
И отъ милостыни щедрой
Кружка мѣдная звучитъ.
Какъ они всѣ тихи, кротки
Эти милыя сиротки!

*
* *

Вотъ чувствительная дама
Подбѣжала къ одному;
И батистомъ утираетъ
Грязный носъ она ему.
Какъ они всѣ тихи, кротки
Эти милыя сиротки!

Ицко сам и тот стыдливо
Вынулъ талеръ сиротамъ;
(У него есть тоже сердце)
И пошелъ къ своимъ дѣламъ.
Какъ они всѣ тихи, кротки
Эти милыя сиротки!

* * *

Господинъ благочестивый
Опускаетъ луидоръ.
И чтобъ Богъ его увидѣлъ
Обращаетъ къ небу взоръ!
Какъ они всѣ тихи, кротки
Эти милыя сиротки!

* * *

Нынче праздникъ; веселится
Цѣлый день—рабочій людъ;
И за маленькихъ сиротокъ,
Бѣдняки отъ сердца пьютъ.
Какъ они всѣ тихи, кротки
Эти милыя сиротки!

* * *

И инкогнито, богиня
Милосердія идетъ,
Переваливаясь важно,
За процессіей сиротъ
Какъ они всѣ тихи, кротки
Эти милыя сиротки!

* * *

На лугу—палатка; вьются
Флаги пестрые надъ ней.
У дверей оркестръ играетъ.
Угощать хотятъ дѣтей.
Какъ они всѣ тихи, кротки
Эти милыя сиротки!

* * *

Сѣли длинными рядами...
Пиръ горой у нихъ идетъ;
И грызутъ себѣ какъ мышки,
И суютъ усердно въ ротъ,
Торты, вафли и лепешки
Эти бѣдненькія крошки!
Какъ они всѣ тихи, кротки
Эти милыя сиротки!

*
* *

Но мерещится невольно,
Мнѣ иной, сиротскій домъ;
Нѣту лакомыхъ обѣдовъ,
Въ необъятномъ домѣ тамъ...
У людей тамъ и у неба
Дѣти тщетно просятъ хлѣба.
Какъ они всѣ тихи, кротки
Эти милыя сиротки!

*
* *

Тамъ не водятъ ихъ попарно,
Но куда ни загляни
Одинокіе, печально,
Бродятъ день и ночь они...
Тамъ голодныхъ слышны стоны,
И голодныхъ тѣхъ—мильоны!
Какъ они всѣ тихи, кротки
Эти милыя сиротки!

А. Плещеевъ.

СКВОЗЬ ОГОНЬ, ВОДУ И МѢДНЫЯ ТРУБЫ.

(РАЗСКАЗЪ.)

— Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, — а мы видали виды!

Пушкинъ.

Жилъ я когда-то въ Москвѣ. Сначала жилъ я такъ себѣ, порядочно, — т. е. порядочно въ матеріальномъ смыслѣ, потому что Москва вѣдь больше насчетъ брюха, — затѣмъ положеніе мое начало ухудшаться съ каждымъ днемъ и наконецъ дошло до того, что мнѣ приходилось разрѣшить слѣдующую задачу, предложенную самой жизнью:

— Или сожмись до послѣдней крайности, сказала мнѣ она, подави въ себѣ все, скорчись, съежись, умались до-нельзя и нищенски живи гдѣ нибудь въ темной трущобѣ Москвы, или роскошно умри съголоду въ виду этихъ, не признающихъ тебя широкихъ, веселыхъ улицъ, тѣнистыхъ бульваровъ и свѣтлыхъ, красивыхъ зданій, въ виду этихъ тысячь ликующихъ, вѣчно довольныхъ и праздныхъ лицъ, для которыхъ смерть твоя, жалкій человѣкъ, можетъ быть не послужитъ даже развлеченіемъ, предметомъ для разнородныхъ споровъ и толковъ.

Дилемма была роковая. Золотой середины, на которую такъ падокъ нашъ полуголодный, вѣчно бѣдствующій братъ не представлялось никакой. Между тѣмъ нужно же было на что нибудь рѣшиться. Я выбралъ изъ двухъ золъ лучшее — поселился на Грачовкѣ.

— А знаете ли, что такое Грачовка?

Въ ряду различныхъ характерныхъ закоулковъ Москвы, извѣстныхъ здѣсь подъ скромными именами Мошка, Щипка, Козихи, большой и малой Живодерки, Собачьей площадки, Болкана и проч., Грачовка, какъ кажется, занимаетъ самое почетное мѣсто. Это исконная усыпальница всевозможныхъ бѣдняковъ, безъ различія пола и возраста; это какая-то большая, большая могила, до верху наваленная живыми трупами, заѣденными бѣдностью, развратомъ и тому подобными бичами немощнаго человѣчества. Типъ россійскаго мизерабля, во всемъ его величіи, можно встрѣтить только здѣсь, на Грачовкѣ, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нѣтъ такой поразительной совокупности всевозможныхъ гнусныхъ условій, забивающихъ русскаго человѣка. И — Боже мой! — какимъ жалкимъ, исключительнымъ людомъ набита наша Грачовка! Спившіеся съ кругу дворовые и иные люди, воры всевозможныхъ категорій и ранговъ, до тла промотавшіеся купеческіе и чиновничьи дѣти, погибшія и погибающія женщины, шулера, нищіе, старьевщики, тряпичники, шарманщики, собачники, уличные гаеры и проч.; — подобная-то рвань ежедневно выползаетъ на свѣтъ божій изъ грязныхъ сырыхъ и вонючихъ домиковъ, чтобы совершенно помрачить и безъ того мрачную уличную картину! На каждой сотнѣ шаговъ непремѣнно вы встрѣтите полсотни кабаковъ, пивныхъ лавокъ, ренсковыхъ погребовъ и тому подобныхъ учрежденій, въ которыхъ ежедневно пропиваются и проматываются вмѣстѣ съ старыми сапогами и негодными рукавицами, десятки жизней и легіоны всевозможныхъ умовъ, совѣстей, разсудковъ и иныхъ атрибутовъ человѣка.

Право, Грачовка для каждаго свѣжаго смертнаго необходимо должна показаться чѣмъ-то въ родѣ обширной картинной галлереи, въ которой собраны всѣ лучшія произведенія величайшихъ міровыхъ мастеровъ — бѣдности, невѣжества и безнравственности!

Въ такомъ-то уголкѣ пріютился я, прижатый бѣдностью, какъ ужъ вилами. Я нанялъ комнатку, или лучше сказать, конуру за три рубля серебромъ у какой-то вдовствующей мѣщанки Подоплекиной, бабы зубастой и ехидной до того,

что даже между сосѣдями она была извѣстна больше подъ именемъ Волчихи. Но, впрочемъ тутъ не о Волчихѣ дѣло. Стѣна объ стѣну съ моей берлогой жилъ, въ такой же убогой комнаткѣ, другой жилецъ, подобный же странникъ въ божьемъ мірѣ, какъ и я. Фамилія его была Клещовъ. Мы познакомились въ первый же день. Одинаковость положенія тотчасъ заставила насъ сойтись поближе: мы чуть ли даже не подружились съ первыхъ же дней. Часто въ темные осенніе вечера, выслушивая поэтическій вой вѣтра (чортъ бы его побралъ!) и свистъ холоднаго воздуха, пробивающагося въ стѣнныя оконныя рамы, съ плохо набитыми желудками, безъ свѣчей и копѣйки денегъ, мы молча лежали на кровати, въ моей или его комнатѣ, то выгребая изъ отдаленныхъ камеръ памяти минувшіе дни довольства и счастья, то проклиная мысленно свою печальную настоящую долю. Нерѣдко пробовали, бывало, говорить въ подобныя времена, думая хоть словоизверженіемъ заглушить поѣдавшее насъ горе; но рѣчь всегда какъ-то не вязалась, голосъ тотчасъ же переходилъ въ минорный тонъ и изъ груди вылетали такія зловѣщія ноты, отъ которыхъ разомъ, какъ ножемъ, перехватывало горло, а изъ глазъ выскакивали слезы. Прожили такимъ манеромъ мы мѣсяца два. Перебиваясь изо дня въ день подобнымъ образомъ, мы наконецъ мало по малу начали какъ будто свыкаться съ своей подлой судьбой, начали скептически относиться къ лучшей жизни, философски смотрѣли на вопли голоднаго желудка, чуть ли не убѣдились даже въ совершенной ненужности тепла въ холодный зимній день и свѣта въ темный вечеръ. Живые трупы, худые, оборванные и грязные, мы старались по возможности чаще искривлять свой ротъ въ улыбку, а рѣчь довели до изумительной холодности, сдержанности и плавности, весьма обстоятельно разсуждая объ отсутствіи, напримѣръ, не только обѣда въ нѣсколько блюдъ, но даже просто куска какого нибудь пищеваго матеріала. Словомъ, Грачовка также поглотила и насъ, какъ поглотила она тысячи подобныхъ существъ, не безъ остроумія названныхъ людьми.

О Клещовѣ считаю не лишнимъ сказать здѣсь пять-шесть словъ. Это былъ брюнетъ, средняго роста, широкій и

мускулистый, съ лицомъ умнымъ и красивымъ, но до того изможденнымъ, морщинистымъ и дряблымъ, что ему, двадцати-пяти-лѣтнему молодому человѣку, всякій бы далъ непремѣнно лѣтъ сорокъ. Въ Москвѣ Клещовъ проживалъ года три, читалъ корректуру въ типографіяхъ, давалъ уроки и вообще занимался свободными промыслами подобнаго рода. Вотъ и все

Разъ, какъ теперь помню, двѣнадцатаго января, сосѣдъ мой зашолъ ко мнѣ вечеромъ съ различными покупками подъ мышкой. Нужно сказать, что въ этотъ день онъ праздновалъ память своей матери (Татьяны) и поутру ужасно печалился, что не можетъ хотя нѣсколько отличить такой день въ ряду прочихъ. Но къ вечеру обстоятельства перемѣнились: сосѣдъ перехватилъ гдѣ-то деньжонокъ, и мы принялись пировать. Купили свѣчу, золотникъ чаю, нѣсколько золотниковъ сахару, достали хлѣба, и даже (да проститъ намъ небо также и эту слабость, какъ простило, по своему милосердію, сотни подобныхъ!)—купили водки. Безногій, помятый самоваръ бойко зашипѣлъ и засвисталъ на нашемъ столѣ; рѣчь побѣжала ручьемъ; не разъ даже мы заливались дружнымъ хохотомъ, отбросивши къ чорту всю прошлую гниль.

— Право, подобная жизнь даже имѣетъ въ себѣ нѣкоторую заманчивость, бормоталъ мой сосѣдъ, наливая чуть ли не десятый стаканъ чаю. Вѣдь, посмотри, какую цѣну придаетъ нашъ братъ, бѣднякъ, хоть этому куску хлѣба что ли, или стакану чаю! Теперь намъ, ей-ей, позавидовалъ бы первый богачъ въ мірѣ, потому что его грудь уже не могутъ волновать подобныя жгучія чувства: онъ пресытился, ожирѣлъ, потерялъ цѣну наслажденію.—Охъ, Господи, Господи! прибавилъ сосѣдъ, обращаясь ко мнѣ и вздыхая:—если бы ты зналъ, какого труда мнѣ стоило выклянчить давеча у этого негодяя два рубля серебромъ, не смотря на то, что я просилъ деньги свои, кровныя, потовыя, заработанныя! Я унижался, молилъ, чуть не плакалъ, чуть не сказалъ даже, какъ дорогъ для меня нынѣшній день, въ память кого я хочу провести его лучше обыкновеннаго. — Матушка! матушка! доброе, святое существо! размышлялъ ужь самъ съ собою Клещовъ. Не такъ бы мнѣ нужно поминать тебя, моя доро-

гая, потому что, кажется, ты одна только и любила меня въ этомъ мірѣ. Послѣ твоей смерти, матушка, безъ средствъ, безъ пристани толкаюсь я вотъ уже десятый годъ въ этомъ болотѣ: силы измѣняютъ, разсудокъ мутится, никто не подаетъ руки мнѣ, слабому, немощному, сбитому съ толку страстями и скверными мыслями! Господи! Господи! лепеталъ мой сосѣдъ, закрывая лицо руками,—а между пальцами пробивались слезы.

— Полно малодушничать, уговаривалъ я его.

— Эхъ, братъ, ты не знаешь вѣдь, что за женщина была моя мать!

— Да вѣдь слезами дѣлу не поможешь...

— Поди ты къ чорту съ своими пошлыми фразами! съ ожесточеніемъ накинулся на меня Клещовъ. Выдумали, ослы какіе-то, ходячія деревья, что они чувство подчинятъ голосу своей грошовой мудрости! Что если я люблю кого-нибудь искренно, то мнѣ стоитъ только сказать себѣ: это пустяки! и конецъ дѣлу; что если я скорблю о комъ-нибудь, то стоитъ сказать только: не поможешь!—и скорбь прошла. А вѣдь, посмотришь, само-то оно, это мудрое полѣно, буквально ни на йоту не слѣдуетъ своей высокой теоріи. Эхъ вы, уроды!

Клещовъ выпилъ.

— Слушай! обратился я къ нему: вотъ отъ нечего дѣлать разскажи мнѣ лучше что-нибудь изъ своей жизни, — все-таки убьемъ какъ нибудь время.

— Да вѣдь что же разсказать? Положимъ, есть эпизоды очень интересные; но они хороши вѣдь въ связи съ цѣлымъ; а сами по себѣ они все какъ-то... ну, безцвѣтны что-ли, непонятны...

— Ну что же, разскажи въ такомъ случаѣ всю жизнь.

— Длинно очень.

— Покороче разсказывай, не забивай подробностями, — вотъ и не будетъ длинно.

— Хорошо. Я разскажу тебѣ, хоть не всю жизнь, но зато самую интересную ея часть. Только чуръ не перебивать, а если перебьешь — голову съ плечь, какъ говорится въ сказкахъ.

— Валяй! буду слушать и молчать.

Мы улеглись на кровать, и Клещовъ началъ свой разсказъ.

— Родился я, какъ надо полагать, лѣтъ двадцать пять или шесть тому назадъ (по бумагамъ, т. е. по метрическому свидѣтельству, формуляру отца и проч. до этихъ данныхъ трудно добраться, потому что всѣ мои бумаги сплошь исчерчены всевозможными замѣтками о неодобрительномъ поведенiи, долгихъ, штрафахъ, выговорахъ и проч.) Такъ родился я, положимъ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, отъ честныхъ, но благородныхъ родителей, какъ говаривала одна моя знакомая дама. Родъ нашъ извѣстенъ мнѣ только съ отцовской стороны, и—то не дальше дѣда, — раньше вѣроятно была одна персть земная. Дѣдъ и бабка мои, по отцу, были государственные крестьяне: подробностей о сихъ прещурахъ я не могу представить почти никакихъ. Знаю только, что оба они были люди добродѣтельные, причемъ дѣдъ придерживался чарки, а бабка отъ вина удалялась и пекла вмѣсто того вкусные крендели. Продажею выпеченныхъ бабкою продуктовъ занимался дѣдъ и частенько прокучивалъ вырученныя деньги, за что неоднократно былъ даже избитымъ своей половиной, «всей деревнѣ на смѣхъ, а роду своему на посрамленiе», какъ говорятъ при подобныхъ оказiяхъ. Но потасовки между этими добрыми людьми все-таки не мѣшали имъ жить по временамъ въ мирѣ и добромъ согласiи, вслѣдствiе чего почтенная чета на склонѣ дней своихъ увидѣла себя владѣтельницей осьми душъ обоего пола, изъ коихъ четыре носили на себѣ всѣ признаки мужчинъ и названы были сыновьями, другiя же четыре были отнесены къ разряду дочерей.

— Да ты брось этотъ уродливый тонъ, перебилъ я Клещова.

— Погоди, брошу еще.

— Какимъ образомъ произрастала эта почтенная семья, не могу сказать тебѣ ровно ничего. Отецъ говаривалъ, помню, что хорошо жили: «этого меду, говоритъ, у насъ не въ проворотъ было: все, бывало, уписываешь съ кренделями».

Однако «меду не въ проворотъ» отцу пришлось поѣсть только до восьмнадцати лѣтъ, послѣ чего онъ былъ сданъ въ солдаты, для избіенія враговъ отечества, неустанно посягающихъ на благоденствіе и счастье кроткихъ россіянъ. Плакалъ ли при этомъ случаѣ дѣдъ и лила ли токи слезъ бабка, не могу сказать тебѣ ничего положительнаго; но думаю, что плакали оба, ибо подобный обычай вездѣ ведется изстари, вѣроятно съ тѣхъ поръ такъ появились на свѣтъ божій знаменательныя слова: война, отечество, оружіе, побѣды, убитый и раненый. Думаю также, что со времени изобрѣтенія знаменитымъ нѣмцемъ Бертольдомъ Шварцемъ извѣстнаго пороховаго снадобья, обычай плакать залегъ въ народѣ еще глубже. Думаю, наконецъ, что потомству предстоитъ оказать человѣчеству великую услугу — познать, что стыдно убивать другъ друга, за чтобы то ни было и какъ бы то ни было. Короче сказать, я ничего не могу представить тебѣ положительнаго на этотъ счетъ... Итакъ, отецъ ушелъ въ солдаты, куда и мы послѣдуемъ за нимъ, т. е. не въ солдаты пойдемъ, а за солдатомъ; дѣда же съ бабкой предадимъ на этотъ разъ забвенію, какъ людей вполнѣ добросовѣстно выполнившихъ свое земное назначеніе.

— Хорошо-съ. Отецъ въ солдатахъ. Дивно! Служитъ, служитъ онъ, примѣрно, лѣтъ двадцать-пять съ чѣмъ нибудь или безъ чего нибудь, наконецъ служба его услашана: ему пожаловали первый офицерскій чинъ. — Да! нужно тебѣ замѣтить, что вь тѣ времена, когда начиналъ свои служебные подвиги отецъ, грамотность была забавою только нѣкоторыхъ, такъ сказать праздныхъ умовъ; вь массѣ же, напротивъ, чуть-ли не преобладало стремленіе къ невѣжеству и безграмотству, или, что одно и то же, къ такъ называемому *ученью на мѣдный грошъ*. Такъ или иначе, но поступая на службу, отецъ не зналъ грамотѣ и выучился читать, состоя уже въ высокихъ нижнихъ чинахъ, т. е. въ роли фельдфебеля, каптенармуса, или нѣчто подобное. «Писать, говаривалъ онъ, бывало, мнѣ, я выучился уже будучи офицеромъ; а прежде, хоть и умѣлъ подписать свою фамилію, но, право, не понималъ, что наковыряешь: эти разныя *зе* да *бе*, *че* да *ме*, *ле* да *хе*, — чортъ знаетъ! которая пузатая, которая съ хво-

стомъ—ничего не разберу! Вотъ какъ, дуракъ! прибавлялъ онъ: твой отецъ хоть и пишетъ плохо, а все своему царю офицеръ и пенсію получаетъ! Да, каналья!» — Впрочемъ, и относительно чтенія нужно тебѣ сказать, что отецъ вообще не довѣрялъ книгамъ гражданской печати, утверждая что *въ нихъ не хорошо написано*; церковную же печать онъ почиталъ и въ досужее время складывалъ отъ полустраницы до страницы въ сутки, долго и крѣпко задумываясь надъ значеніемъ словъ, въ родѣ: а-плъ, г-ди, б-ца, им-рекъ, с-тый и проч.: такія слова онъ читалъ не раскрывая титлъ, а такъ, какъ они были написаны, въ сокращеніи.

— Однако, чувствую, что слишкомъ мазать началъ, замѣтилъ разсказщикъ: — нужно изъясняться покороче.

— Что же ты объ матери ничего не говоришь? спросилъ я.

— Погоди, еще дойдетъ. Впрочемъ, сейчасъ можно начать повѣствованіе о ней.

— Такъ, тотчасъ по полученіи перваго офицерскаго чина, отецъ женился. Мать моя,—буквально ангелъ, а не женщина,—жила до замужества у какой-то благодѣтельной барыньки, въ качествѣ воспитанницы. Въ приданое мать моя принесла только чистую, тихую, любящую натуру да красоту, которую этотъ свирѣпый человѣкъ сокрушилъ въ первые же пять-шесть лѣтъ. Право, такихъ женщинъ, какъ моя мать, я мало видывалъ на свѣтѣ! Это было какое-то воплощенное терпѣніе и покорность; это была какая-то любовь безъ конца, безъ мѣры, любовь, на которой мать моя построила всѣ свои надежды, всѣ свои радости! И чего она добивалась отъ такого дурного человѣка? Кромѣ оскорбленій ничего не видѣла она отъ него въ теченіи цѣлыхъ десяти-двѣнадцати лѣтъ, прожитыхъ съ нимъ. При подобныхъ условіяхъ, кажется, одно только чувство и могло наполнять всю натуру поруганной женщины, это — злость, давящая, безпредѣльная, коломъ застрявшая въ горлѣ, — злость, которая, однихъ женщинъ доводитъ до преступленій, другихъ до апатіи, равнодушія ко всему окружающему. Но въ матушкѣ не было и тѣни подобнаго чувства. Она готова была цѣловать поднимавшіяся на нее руки, и постоянно твердила слова любви и забвенія своему мучителю. — Я не могу теперь припомнить, да и не же-

лаю припоминать тѣхъ оскорбленій, какими ежечастно, ежеминутно осыпалъ ее отецъ, но, увѣряю тебя, дня не проходило безъ того, чтобы этотъ человѣкъ не ругалъ и не поносилъ свою жену. . если только еще не хуже.

Голосъ Клещова вдругъ оборвался. Онъ отвернулся къ стѣнѣ, вѣроятно стараясь скрыть отъ меня слезы. Черезъ минуту онъ продолжалъ.

— Послѣ женитьбы отецъ прослужилъ недолго—лѣтъ семь что-ли. Вышедши въ отставку, вмѣстѣ съ женой и со мною (я былъ единственный сынъ), онъ уѣхалъ на житье въ одну изъ приволжскихъ губерній.

— По пріѣздѣ на мѣсто, батюшка купилъ себѣ домикъ, завелъ небольшое хозяйство и даже черезъ годъ нанялъ мнѣ въ учителя семинариста (мнѣ было тогда лѣтъ семь что-ли). Дома я учился плоховато, съ одной стороны потому, что учитель попался человѣкъ слабый и крайне ограниченный, такъ что заохотить ребенка онъ не умѣлъ да и не желалъ, съ другой потому, что всѣ мои мысли и способности разомъ поглотились различными играми, забавами и увеселеніями, на которыхъ, какъ ты знаешь, ребенку можно пугаться чортъ знаетъ до какихъ поръ, если его не отвлекутъ чѣмъ нибудь по серьезнѣе... Десяти лѣтъ меня отдали въ гимназію

— Гимназіи наши, какъ тебѣ вѣроятно извѣстно, и теперь-то не очень удовлетворительны; но въ мое время онѣ просто никуда не годились. Учителя, во-первыхъ, были все люди какіе-то старые, дряблые, увѣчные; педагогика основывалась главнымъ образомъ на розгахъ, подзатыльникахъ, колѣнопреклоненіяхъ и проч.,—словомъ, гимназія не научала чему нибудь, а напротивъ растлѣвала и портила мальчика. Разумѣется, у меня не было ни капли сочувствія къ подобному заведенію и всѣ мои помыслы были устремлены на избѣжаніе посѣщенія классовъ, тѣмъ больше, что къ розгамъ я привыкъ и не боялся ихъ.

— Когда я перешолъ уже въ третій классъ, т. е. когда мнѣ было лѣтъ двѣнадцать, вдругъ умеръ отецъ. Матушка страшно убивалась. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца, какъ сумасшедшая, она бродила изъ угла въ уголъ, покуда держали ноги. Часто убѣгала на кладбище, откуда силою приводили или приво-

зили ее, въ какомъ-то странномъ полупомѣшанномъ состояніи. Наконецъ, мало по-малу эта ужасная скорбь о потерѣ мужа перешла у ней въ тихую, вѣчную, тяжелую печать. Бѣдняжка сохла и чахла съ каждымъ днемъ. Всѣ заботы матушки въ это время были сосредоточены на мнѣ; но какъ у женщины неразвитой, крайне доброй и чадолюбивой, заботы эти, разумѣется, вертѣлись на очень обыкновенныхъ вещахъ: меня кормили до отвала, чистенько одѣвали, потакали всѣмъ моимъ шалостямъ и, главное, никто не обращалъ вниманія на мои успѣхи въ наукахъ, на мое развитіе.

— Такъ прошло цѣлыхъ пять-шесть лѣтъ. При помощи различныхъ подарковъ и взятокъ, въ разсовываніи которыхъ мать не щадила ничего, я наконецъ окончилъ курсъ. Товарищи мои собирались въ университетъ; собрался съ ними и я. Большихъ хлопотъ мнѣ стоило убѣдить матушку, потому что, дѣйствительно, ей трудно и тяжело было разстаться съ единственнымъ сыномъ, который былъ въ ея глазахъ послѣднее звено, связывающее ее съ этой жизнью; для себя мать моя едва ли желала и могла жить на свѣтѣ: подобной мысли, увѣряю тебя, ей, кажется, и въ голову не приходило. Кромѣ того, отъѣздъ мой въ университетъ былъ затруднителенъ еще и потому, что запутались наши домашнія дѣла: домъ былъ заложенъ, капиталецъ, оставшійся послѣ отца, давно прожитъ, а на двѣсти рублей пенсіи не много подѣлаешь. Однако я настоялъ — и поѣхалъ. Благословеніямъ, наказамъ и просьбамъ конца не было; пуще всего, разумѣется, мнѣ совѣтовали беречь свое здоровье.

— Вотъ-съ, пріѣхалъ я въ эту давно желанную страну. Поступилъ, опять-таки, по примѣру другихъ, на медицинскій факультетъ, не чувствуя къ медицинѣ ни малѣйшаго влеченія и не имѣя о ней ровно никакого понятія. На первыхъ же порахъ я сразу убухалъ весь капиталъ, взятый изъ дому, и написалъ матушкѣ прегнусное и префальшивое письмо, въ которомъ весьма эффектно и крайне недобросовѣстно росписывалъ свои высокія чувства сыновней привязанности (признаюсь, въ чаду студенческихъ оргій я даже какъ-то мало и вспоминалъ о любящемъ меня существѣ), а преимущественно налегалъ на высылку весьма круглой цифры денегъ. Матуш-

ка высылала. Бѣдная женщина даже ни слова не намекнула на мое слишкомъ дурное обращеніе съ деньгами и только по прежнему осыпала меня всевозможными ласками, искренно желая мнѣ и того, и другаго, и пятаго, и деятаго.

— Ну, что же былъ тогдашій университетъ? обратился я къ Клещову съ вопросомъ.

— Погоди, сейчасъ.

«Поселился я, нужно тебѣ сказать, на квартиру у одной барыньки, маіорши, владѣтельницы двухъ дочерей. Дочки были такъ себѣ, не то чтобы дурны, не то чтобы ужь очень хороши, а такъ середина на половинѣ. Въ первые же дни я по уши врѣзался въ старшую, дѣвицу лѣтъ двадцати—дѣвицу, нужно сказать, не глупую, бойкую на языкѣ и нѣсколько образованную. Ну, мнѣ что жъ тогда было? лѣтъ восьмнадцать, стало быть кровь только-что закипѣла, слѣдовательно почему не попробовать на практикѣ вычитанныя изъ романовъ теоріи. Начали мы съ ней эти отношенія, правда, очень издалека: чуть ли не съ романовъ Вальтеръ-Скотта, которые читали вмѣстѣ, а кончили, какъ и слѣдовало ожидать, поцѣлуями и увѣреніями въ вѣчной любви, которую только смерть можетъ разлучить. Словомъ, пошли такія нѣжности, что ай люли! Такъ слюбились, что водой не разольешь. Я ей конфекты таскаю, она меня страстно цѣлуетъ,—славно! Цалуемся да милуемся мы, а бѣдная старушка-матушка все отдаляется да отдаляется куда-то на задній планъ, въ сторону, съ своимъ блѣдно-желтымъ, скорбнымъ лицомъ, съ умными, добрыми, нѣжащими глазами и привѣтливыми, гармоническими рѣчами. Добрая матушка! простишь-ли ты твоему заблудшему сыну всю эту бездну, оскорбленій, всю эту гнусность и низость передъ тобою!..

«Теперь нѣсколько словъ объ университетѣ. Признаться, я мало посѣщалъ его да и плохо понималъ тѣ науки, какія мнѣ приходилось изучать; но общее мнѣніе тогдашнихъ порядочныхъ людей было противъ университета. Говорили, что профессора сильно устарѣли, что ученіе, проповѣдуемое ими, пригодно бы было лѣтъ за двадцать тому назадъ, что господствовавшій въ то время университетскій порядокъ только стѣсняетъ студентовъ, заставляя ихъ убивать время на вы-

полненіе пустыхъ формальностей и отвлекая отъ дѣла, и проч. и проч. О студентахъ я имѣю нѣсколько больше понятія и свѣденій, что и изложу сейчасъ тебѣ. А покуда не дурно выпить.

Клещовъ всталъ, выпилъ, крякнулъ, потомъ снова повалился на постель и продолжалъ такъ:

«Студенчество было не лучше профессоровъ. Да оно и понятно. Пріѣзжаетъ юноша, положимъ, съ цѣлью научиться чему нибудь, а тутъ вмѣсто науки ему читаютъ какую-то ерунду, заставляютъ застегиваться на всѣ пуговицы, раскланиваться съ начальствомъ отнюдь не ближе какъ за десять шаговъ, сажаютъ въ карцеръ—разумѣется, вмѣсто ученья студентъ бросается въ кутежъ, въ карточную и бильярдную игру и т. п. Были, напримѣръ, господа какого рода! Всѣ свои старанія они употребляли, съ одной стороны на то, чтобы развить въ себѣ физическую силу, а съ другой—чтобы найти этой силѣ приличный исходъ, т. е. такіе парни шайками ходили по улицамъ и устраивали свалки съ полиціей, обывателями или вообще съ кѣмъ прійдется. Тогдашній студентъ зналъ только одно, что университетъ даетъ ему дипломъ, а дипломъ мѣсто, потому кромѣ кое-какихъ занятій по лекціямъ для переходнаго или окончательнаго экзамена онъ ничего больше не дѣлалъ. Слова нѣтъ, были и порядочные люди, но они совершенно терялись въ массѣ и мирно забивались куда нибудь въ отдаленные углы, чтобы не развлекаться воплями полудикой толпы, то и дѣло ревущей: «Стоя одинъ я предъ избушкой», «Gaudeamus igitur» и тому подобныя пѣсни разудалаго студенчества. Но все это въ сторону. Буду говорить о собственной личности.

«Любовныя мои похожденія продолжались наилучшимъ образомъ. Мать моей возлюбленной, видя такую дурость, ловко запускала руку въ мой карманъ, вытягивая оттуда небольшія деньжонки со слезами и скорбью сколоченныя моей матушкой. Въ короткое время меня обобрали до того, что я перезаложилъ всѣ мои вещи и надѣлалъ долговъ на очень большую сумму. Впрочемъ, спѣшу оговориться, что я въ этомъ дѣлѣ слиш-

комъ сильно не виню любимую мною дѣвушку, потому что имѣю нѣкоторыя основанія думать, что она была искренно расположена ко мнѣ: во всемъ, разумѣется, отличалась главнымъ образомъ мать. Одно, правда, нѣсколько смущало мой юношескій умъ, это—поразительное совпаденіе по временамъ однихъ и тѣхъ же чувствъ любви или презрѣнія ко мнѣ въ матери и дочери. Такъ, напримѣръ, мать силится запустить руку въ мой карманъ, получитъ отпоръ и разсердится; прихожу къ дочери — та тоже сердится: на что и за что, Богъ ее знаетъ! Или: видитъ мать-маіорша мое безденежье, сѣтуетъ, печалится и совѣтуетъ отписать при этомъ къ матушкѣ, да отписать настоятельно, «потому-де старики прижилисты, на нихъ потуже надо налегать, такъ какъ они деньги гребутъ лопатами, а дѣтей въ чорномъ тѣлѣ держатъ»;—но я, положимъ, не рѣшаюсь послѣдовать благому совѣту: обидѣлась мать, обидѣлась и дочь: «ты говоритъ, меня меньше любить сталъ». Кой чортъ меньше! такимъ влюбленнымъ дуракомъ хожу, что просто даже самому совѣстно! Думаешь, думаешь, бывало: и такъ прикину и этакъ, наконецъ накатаю къ матушкѣ письмо, выжму изъ нея сотню—другую рублей, убавлю ея вѣка на пять - десять лѣтъ,—и пойдутъ у насъ балы да маскерады да рауты! Дуракъ! дуракъ! дуракъ!

Клещовъ схватилъ себя за волосы и три раза стукнулся головою объ стѣну.

— Нужно выпить маленько, замѣтилъ онъ вставая.

«Такъ протянулось время до весны, продолжалъ мой сосѣдъ. Съ каждымъ днемъ я все больше и больше хмѣлѣлъ и дурѣлъ въ этомъ любовномъ чаду, между тѣмъ какъ моя подруга замѣтно начала отлынивать. Дѣло скоро объяснилось. Противъ насъ, видишь ты, поселился какой то богатенькій барченокъ; въ три-четыре дня онъ совершенно овладѣлъ ея вниманіемъ и между ними устроились какія-то телеграфныя сообщенія, при помощи рукъ, глазъ и иныхъ амурныхъ дѣятелей. Ревность меня мучила. Частенько, сидя въ своей комнатѣ, я горько плакалъ, не зная чѣмъ помочь дѣлу. Приду, бывало, къ своей возлюбленной, она принимаетъ меня холодно-вѣжливо, говоритъ отрывочно, не дастъ даже поцѣловать руки, а о вѣчной любви, которую, по нашимъ словамъ,

только смерть могла разъединить, и помину нѣтъ. Закидывалъ я, бывало, и такъ и этакъ, и изъ Бѣлинскаго-то начну цитовать и изъ Лермонтова цѣлыми страницами луплю,—нѣтъ, не поддается. «Что мнѣ, говоритъ, Бѣлинскій или Лермонтовъ, я ихъ читала».—«Нѣтъ, вы вонъ лучше посмотрите, какой у насъ vis-á-vis хорошенькій»,—и указываетъ напротивъ. Сердце мое обольется кровью; я готовъ живьемъ поглотить проклятаго vis-á-vis; въ горлѣ вдругъ появится какая-то мучительная сухость; слезы покатятся изъ глазъ. А противникъ, какъ нарочно, тутъ и рисуется передъ окномъ: такой статный красивый. И убить-то я его хотѣлъ и на дуэль вызвать, и ноги-то переломать. (Видно ревность не свой братъ; тутъ Бѣлинскаго въ сторону, а подавай намъ какого нибудь дантиста). Однако ни убійства, ни дуэли, ни перелома ногъ не вышло, а просто написалъ я матушкѣ письмо, извѣщая ее, что я одержимъ былъ тяжкой болѣзнью, что принималъ бобровую струю и чуть-ли не золотыя пилюли съ драгоцѣнными каменьями, что меня пользовали сряду пять докторовъ, — словомъ, наворочалъ дичь безсовѣстную, наглую до крайности, причемъ убѣдительнѣйше просилъ ее выслать мнѣ пятьсотъ рублей на покрытіе долговъ и расходовъ. Недѣли черезъ полторы, въ теченіе которыхъ я метался изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлый, получилъ наконецъ письмо и деньги. Матушка писала, что извѣстіе о моей болѣзни глубоко ее огорчило и что она теперь ясно видитъ, почему я такъ долго не писалъ къ ней, что деньги, согласно моей просьбѣ, она высылаетъ *сполна*, радуется, что я поправился и убѣдительнѣйше проситъ не печалиться, когда прочту послѣдующія строки письма. А эти послѣдующія строки состояли вотъ въ чемъ: «Домъ нашъ, Коля, за не платежъ процентовъ по долгу въ приказъ и за недоимку въ строительную коммиссію, проданъ съ аукціона, причемъ, за уплатою всего этого, я получила деньгами 632 рубля серебромъ, изъ коихъ и высылаю тебѣ пятьсотъ. Сама же, милый мой другъ, поступаю теперь въ экономки къ помѣщику Тарасову,—много-ли мнѣ, старухѣ, надо, — а пенсія пойдетъ на тебя, только будь здоровъ да учись». Тутъ я, какъ будто, нѣсколько очувствовался. Вся прошлая, безобразная жизнь, гужомъ прошла передо мной съ своей грязью, пошлостью,

мерзостью! Покуда я направлялся отъ почтамта къ дому, самыя благія, самыя высокія мысли и чувства волновали мою голову. Я окончательно порѣшилъ бросить все, вернуться домой, пріискать какое нибудь мѣстишко, и на первый разъ хоть бѣдно, но честно зажить съ доброй матушкой, чтобы беречь и покоить ее на старости лѣтъ. Но чѣмъ ближе подходилъ я къ квартирѣ, тѣмъ дальше отлетали эти высокіе помыслы, въ башкѣ ворочалась какая-то дикая поѣздка на лодкѣ по разливу Волги, съ гребцами въ красныхъ рубашкахъ и пѣсенниками съ занозистыми голосами; воображеніе ярко рисовало при этомъ уничтоженнаго vis-a-vis съ угрюмымъ, желчнымъ лицомъ и сжатыми отъ злости кулаками. Погоди! думаю себѣ: я тебѣ поуслужу!.. Вотъ, наконецъ, подхожу къ самому дому: *она* стоитъ у окошка и улыбается такъ привѣтливо, такъ нѣжно. Опрометью вбѣжалъ я на крыльцо, опрометью поцѣловалъ ея руку и радостно объявилъ, что получилъ изъ дому порядочный кушъ, что хочу устроить поѣздку на лодкѣ со всевозможными штуками, — словомъ, наболталъ и навралъ чортъ знаетъ что! Вообще, этотъ день я провелъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, не смотря на печальное письмо изъ дому.

«Вечеромъ, часовъ около десяти, когда зажгли уже огни, я пробирался въ гостиную, гдѣ надѣялся обрѣсти свой предметъ. Я шолъ очень тихо, такъ что шаги мои вѣроятно не были слышны въ гостиной, гдѣ на этотъ разъ кромѣ моей Лурлеи засѣдала еще ея мать. Между ними шолъ слѣдующій разговоръ (грѣшенъ, подслушалъ, и подслушалъ, кажется, чуть-ли не въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни!):

— Много денегъ-то получилъ? спрашивала мать.

— Пятьсотъ рублей; давеча показывалъ; все радужныя.

— Ты бы хоть на этотъ разъ вела себя съ нимъ полюбезнѣе, а то амурничаешь съ другимъ, — чортъ знаетъ, еще будетъ-ли прокъ! — а этотъ разсердится, тогда всѣ расчеты лопнутъ. Надо мнѣ хоть на зимній салопишко съ него..

Тутъ матушка замялась, не пріискавъ приличнаго слова, въ родѣ: хапнуть, вытянуть, сорвать...

— Да вѣдь, маменька, теперь лѣто—бурнусъ нужно, наивно замѣтила дочь.

— Ну, проходишь еще и въ этомъ, и этотъ не старъ. А на салопъ непремѣнно нужно; а то что у тебя за солопъ? Смотри же, не промахнись опять.

— Да знаю, знаю, маменька, что мнѣ дѣлать, ужь не учите, съ азартомъ перебила дочка.

— То-то знаешь, протянула мать: много знаете, да плохо дѣлаете.

«Тутъ-то я и раскусилъ все. Стою у двери да слушаю, и чувствую, что съ меня какъ будто тяжелая шуба какая падаетъ: такъ и валится, сначала съ плечь, потомъ скользитъ по туловищу и наконецъ совершенно свалилась. Боже мой! какъ пошлъ показался я въ эту минуту даже самому себѣ. Безмозглый оселъ! я все воображалъ, что меня любятъ, тогда какъ меня просто-на-просто водили за носъ да обирали. Цѣлую ночь я не могъ уснуть, то проклиная свою дурость, то радуясь счастливой случайности, заставившей меня очнуться.

«На утро я безъ церемоніи объявилъ хозяйкѣ обо всемъ, что слышалъ вчера, и въ тотъ же день съѣхалъ съ квартиры, а черезъ недѣлю ускакалъ въ Петербургъ, въ спеціальное медицинское заведеніе, давши при этомъ себѣ клятву бросить все и остепениться.

— Ну, и остепенился же, сдержалъ свое слово, иронически замѣтилъ Клещовъ, спрыгнувъ съ кровати и выпивая.

— Пріѣхалъ въ Петербургъ. Лѣто провелъ самымъ безпутнымъ образомъ. На первыхъ же порахъ закрутился, завертѣлся колесомъ и спустилъ всѣ деньжонки, какія привезъ было съ собою. Осенью поступилъ въ медицинское заведеніе. Попробовалъ ходить на лекціи — не могу, голова не принимаетъ всѣхъ этихъ костей, мускуловъ, мозговъ и прочей медицинской утвари. Да и какая тутъ медицина, когда каждый день только и наровишь, какъ бы по Невскому прогуляться, въ трактирѣ пообѣдать, или что нибудь въ подобномъ высокомъ родѣ. Скука начала пожирать меня смертельная. Выборгская, съ своими студенческими квартирами въ видѣ коровьихъ хлѣвовъ или собачьихъ конуръ, опротивѣла до смерти, товарищишки попадались все какая-то дрянь: то въ карты наровятъ тебя обчистить, то покутить на твой счетъ, то просто

оплести на пятокъ другой рублей. Думалъ, думалъ, какъ поступить въ подобномъ положеніи — ничего не сообразилъ, почему и предалъ себя на волю благого промысла. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ послалъ матушкѣ письмо, извѣщая ее о своихъ успѣхахъ въ наукахъ (въ какихъ?) и послѣ разныхъ подходовъ и оговорокъ испрашивалъ у ней небольшое количество денегъ, якобы на лекціи, книги и тому подобныя ученыя пособія —Подлецъ нашъ братъ! мильонъ разъ онъ раскается, мильонъ разъ будетъ горько плакать и клясться, обѣщая чуть не цѣлыя горы порядочности, честности и искренности, да потомъ, какъ прорвется, однимъ ударомъ потопчетъ въ грязь все — и слезы, и клятвы, и обѣщанія! Просто отвратительно дѣлается, когда сообразишь всю свою пошлость, подлость и безнравственность! Но что же дѣлать? сознаюсь: не могу переломить себя... Нѣтъ, ты пообсуди только, дернулъ меня Клещовъ за рукавъ, какова же должна быть среда, которая выносила такое чудовище! Вѣдь не выросъ же я, какъ грибъ на навозѣ, — да и грибъ изъ чего же нибудь да выростаетъ! Вѣдь не въ зародышѣ же я былъ подлецомъ, не съ молокомъ матери всосалъ эти веселенькія качества, отъ которыхъ по временамъ чуть не съ корчами отскакиваю самъ! Мать свою обманывать такъ безсовѣстно... да еще какую мать! Эхе — хе, хе — хе!

«Да... Такъ въ отвѣтъ на письмо я получилъ деньги и коротенькое извѣщеніе отъ помѣщика Тарасова, что матушка скончалась недѣли три тому назадъ и похоронена по обряду христіанскому, а что небольшой капиталецъ, оставшійся послѣ покойницы, а ровно и сумма, вырученная отъ продажи ея имущества, препровождаются мнѣ. Вся эта исторія составила 180 рублей, на которыя теперь приходилось мнѣ сдѣлать все, иначе — голодная смерть. Посмотримъ, какъ это *все*, я сдѣлалъ.

«Во первыхъ, я купилъ себѣ лягавую собаку, за двадцать рублей, да ошейникъ съ именнымъ вензелемъ за семь: это начало *всего*; затѣмъ заказалъ новую пару платья и, по случаю, вбухалъ за бронзовыя дамскія серьги, проданныя мнѣ подъ видомъ массивныхъ золотыхъ — тоже двадцать рублей. Короче, въ два-три дня издержалъ болѣе ста рублей, — а

на что, и самъ чортъ не разберетъ! Положимъ, собака вещь хорошая, но мнѣ-то она къ чему? Вѣдь какже я не чувствовалъ, оселъ, что черезъ мѣсяцъ не только злосчастной собакѣ, но и мнѣ самому нечего будетъ ѣсть! Впрочемъ, нашему брату голодъ тогда только и страшенъ, когда онъ дѣйствительно заберетъ тебя въ руки, а то все трынъ-трава, все на авось пускаешь!

«Рождество встрѣчалъ я уже очень не·весело: въ карманѣ не было ни копѣйки, часть вещей давно заложена, хозяйка за неплатежъ денегъ держала меня въ холодной комнатѣ, полуголодная собака то и дѣло выла, полизывая мокрыя стѣны, — словомъ, бѣдность, эта подлая, непрошенная подруга, уже начала съ любовью посматривать на меня. Отъ нечего дѣлать, сконфуженный, поставленный въ тупикъ дурнымъ, безвыходнымъ положенiемъ, я принялся за анатомiю: зубрилъ кости, мускулы и прочую дребедень, зубрилъ безъ цѣли, безъ пониманья дѣла, для одного только препровожденiя времени. Прошло три или четыре дня празниковъ. Вдругъ получаю денежную повѣстку на двѣсти рублей. Отъ кого? — понять не могу. Восторгамъ, разумѣется, нѣтъ конца. Своимъ весельемъ я заразилъ даже собаку, которая принялась ожесточенно лаять и скакать по комнатѣ. Деньги, оказалось, присланы были отъ одного хорошаго знакомаго матушки, а этотъ хорошiй знакомый бралъ ихъ когда-то взаймы у ней. Сейчасъ, какъ слѣдуетъ, начались обсужденiя, какъ и куда употребить ихъ. На первыхъ порахъ, по свойственному каждому юношѣ благоразумiю, я расчиталъ, что, за уплатою хозяйкѣ и прочимъ заимодавцамъ, остатковъ хватитъ чуть не на всѣ пять лѣтъ моего ученья. Написаны были цѣлые реэстры, составлены длинныя правила, по которымъ предполагалось жить; а между тѣмъ къ вечеру противный вѣтеръ задержалъ на время ходъ нашего корабля, бойко летѣвшаго на всѣхъ парусахъ по пути порядочности и разумности — и вышло вотъ что:

«Въ сумерки зашолъ ко мнѣ прiятель-студентъ. Послѣ обычныхъ привѣтствiй и извѣщенiя съ моей стороны о полученiи денегъ, прiятель объявилъ, что существуетъ гдѣ-то, на Выборгской, что-то въ родѣ игорнаго дома, въ которомъ

можно, при счастьи, не только удвоить или утроить, но даже удесятерить имѣющуюся у меня сумму; что банкометы тамъ все люди порядочные, денегъ тьма, въ игрѣ никакихъ штукъ,—словомъ, хоть капельку повези счастье, всѣхъ можно облупить. «Что же, можетъ быть и облуплю?» подумалъ я, съ радостнымъ біеніемъ сердца, выползая изъ своей закуты на улицу. Пришли. Банкометы, «люди порядочные», имѣли самый зловѣщій видъ: это были дюжіе, саженные парни съ здоровенными усищами, хриплыми голосами и такими кулаками, что сохрани васъ Господи что нибудь замѣтить подобному господину, если вамъ не понравится его безцеремонное обращеніе съ картами — раздробитъ! Въ комнатѣ такихъ молодцовъ находилось человѣкъ шесть-семь. Трое изъ нихъ вели какую-то игру между собою; трое же или четверо бродили изъ угла въ уголъ, въ ожиданіи работы. Пріятель поочередно представилъ меня каждому изъ усачей.

— Что же, метнемъ? обратился ко мнѣ одинъ изъ игроковъ.

— Да-съ, я бы желалъ, глупо отвѣтилъ я, — и въ воспаленной башкѣ заворошились разныя дамы, десятки, тузы, семерки, углы, транспорты и прочая чепуха. То-то глупъ былъ!

— Въ банчишко? спросилъ усачъ.

— Да-съ, рабски шепнулъ я, вытягивая изъ кармана бумажникъ.

— Закладываю двадцать пять, провозгласилъ банкометъ, и выбросилъ на столъ депозитку сомнительнаго свойства.

— Три бока, захлебываясь вымолвилъ я, накрывая шестеркой трехрублевую бумажку.

Усачъ началъ метать.

— Шестерка? спросилъ онъ, указывая на упавшую на мою сторону шестерку трефъ.

— Да-съ, отвѣчалъ я, вскрывая карту.

— Шестерка ваша. Очень счастливое начало. Чувствую, что проиграю...

«Мурашки пробѣжали по мнѣ отъ шеи и до пятокъ; руки тряслись; глаза горѣли; въ вискахъ началась такая пульсація, что просто какъ молотками стучали въ голову. Точно въ чаду въ какомъ-то я принялся загибать углы, траспорты и проч.

«Ну, да что же и разсказывать то, что всякому извѣстно? Разумѣется, я проигрался до тла, т. е. изъ ста шестидесяти съ чѣмъ-то рублей у меня осталось двадцать.

«Домой вернулся часа въ три. Ночь, по случаю усталости, провелъ спокойно; но за то слѣдующій день буквально промучился, соображая свое безпутное поведеніе. Давалъ самъ себѣ клятвы, зароки и обѣщанія; тысячу разъ хваталъ себя за голову и теребилъ за волосы, такъ что привелъ даже въ ужасъ собаку, которая забилась въ уголъ и дрожала, упорно глядя на меня своими оловянными глазами. И побѣжали съ этого времени дни за днями, голодные, холодные, мучительные. Вещицы, какія были, всѣ поспускалъ, книжонки попродавалъ и остался только съ одной парой платья и шинелью, при двухъ перемѣнахъ бѣлья, да съ собакой, съ которой не имѣлъ силъ разлучиться, но которая, въ свою очередь, всѣми силами рвалась отъ меня. Наконецъ, въ началѣ мая продалъ и собаку за десять цѣлковыхъ.

«Наступили экзамены. Объ нихъ я совершенно и не думалъ, потому что на лекціи не ходилъ, записокъ не имѣлъ, слѣдовательно знаній во мнѣ было ровно столько же, сколько и въ злополучной подругѣ моей—собакѣ. Дѣла мои запутались до того, что я уже самъ какъ-то старался обѣгать этотъ трудный вопросъ о средствахъ къ жизни, ибо, кромѣ голода завтрашняго, который неминуемо смѣнитъ голодъ сегодняшній, впереди ровно ничего не предвидѣлось.

«Помню, какъ я питался одной трехъ-копѣечной булкой въ день, которую, по добротѣ сердечной, булочникъ оставлялъ мнѣ въ кредитъ. Еще помню, какъ я однажды промѣнялъ носовой платокъ на мороженое, да и наѣлся, думая хоть чѣмъ нибудь наполнить желудокъ. Только черезъ какихъ нибудь десять-пятнадцать минутъ у меня сдѣлалась такая боль въ животѣ, что я повалился на кровать да и принялся орать во все горло. Хозяйка страшно перепугалась, побѣжала за докторомъ, который, по счастью, случился близко: мнѣ дали какого-то лекарства, но, главное, докторъ снабдилъ меня билетомъ на кухмистерскій обѣдъ, что, разумѣется, помогло лучше всѣхъ лекарствъ. Впрочемъ, все это мелочи.

«Одно, знаешь, постоянно кажется мнѣ непонятнымъ, когда

я соображаю свои прошлыя бѣдствія, именно: почему я не пріискалъ себѣ хоть какой нибудь работы, — ну, хоть камни что-ли бить на мостовой? Я думаю, впрочемъ, что это потому, что, во-первыхъ, я совершенно потерялся, такъ какъ былъ слишкомъ непрактиченъ, юнъ, глупъ и проч.; во-вторыхъ, потому, что въ меня слишкомъ сильно въѣлась привычка жить на чужой счетъ; и въ-третьихъ, наконецъ, потому, что понятіе «работа» неминуемо связывалась въ моемъ умѣ съ различными высокоблагородными чувствами:—пойду я добывать хлѣбъ при помощи чисто физическихъ средствъ, — вѣдь я не мужикъ какой нибудь! Думаю, что въ силу подобной дичи я рѣшился умирать съ голоду, иного объясненія не пріищу.

«Подошли каникулы. Въ моей жизни приключился переворотъ. По рекомендаціи одного добраго знакомаго, меня пригласили въ учителя къ одному юношѣ, готовившемуся въ университетъ. Я занимался очень прилежно, такъ что скоро получилъ еще три подобныхъ урока. Словомъ, дѣла мои пошли до того хорошо, что за уплатою всѣхъ долговъ у меня еще оставалось къ началу слѣдующаго академическаго года рублей сто. И, странное дѣло! я вдругъ остепенился, сталъ расчетливъ, бережливъ и порядоченъ какъ никогда.

«Между тѣмъ товарищи мои довольно счастливо сдали экзамены. На дворѣ стоялъ августъ въ концѣ. Разъ, довольный и счастливый, одиноко блуждалъ я по незатѣйливымъ улицамъ Выборгской стороны, обдумывая, какъ буду заниматься въ будущемъ году, какъ устрою свою жизнь самымъ экономнымъ и правильнымъ образомъ, — подходитъ ко мнѣ какой-то студентъ.

— Вы, кажется, были въ К—скомъ университетѣ? спросилъ онъ.

— Былъ.

— То-то мнѣ ваше лицо знакомо. Мы вѣрно на лекціяхъ встрѣчались. Вы медикъ.

— Да.

— Я тоже медикъ и теперь вашъ товарищъ, потому что перешолъ сюда же.

— Очень радъ.

— Заходите, пожалуста, къ намъ. Я поступилъ сюда свое-

коштнымъ пансіонеромъ и живу въ самомъ зданіи, номеръ такой-то. Тамъ вы встрѣтите, кромѣ меня, еще двухъ-трехъ знакомыхъ изъ К.

— Благодарю васъ, зайду.

«Мы разстались. Черезъ день я завернулъ къ новому знакомому, гдѣ дѣйствительно нашелъ еще двухъ бывшихъ товарищей изъ К.; народъ все молодой, разгульный, веселый. Вотъ съ, повадился я къ нимъ ходить. Они только-что пріѣхали изъ дому, стало быть имѣли деньжонки, у меня тоже есть съ чѣмъ развернуться,—завели мы питву. И завели мы, другъ мой, такую питву, что только держись! Я такъ-таки и погрязъ у нихъ въ номерѣ. Безобразіе это мы назвали «ударомъ въ горькія струны». Какъ встанешь, бывало, сейчасъ спрашиваешь: не ударить-ли?—и ударимъ. Такъ прокутили мы цѣлую недѣлю, начиная съ понедѣльника. Въ субботу, когда у насъ оставалось уже очень немного денегъ, мы рѣшились «ударить въ горчайшія струны», и закончить. Ну, и вышли же «горчайшія» — будь онѣ прокляты! Часа въ два, совершенно похожіе на безсловесныхъ животныхъ, мы вздумали отправиться въ какой-то трактиръ, сѣли на извощиковъ и тронулись съ Выборгской въ городъ. На дорогѣ со мной случилось великое несчастіе: я свалился съ дрожекъ, разбилъ себѣ голову объ мостовую и, окровавленный, пьяный, былъ привезенъ прямо въ то заведеніе, студентомъ котораго числился. Безъ дальнихъ разсужденій меня посадили въ карцеръ. Покуда тянулось мое дѣло, я просидѣлъ въ заточеніи шесть недѣль, свелъ дружбу съ тюремнымъ сторожемъ и выучился у него шить сапоги. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ меня призвали къ инспектору, который вручилъ мнѣ мои документы и объявилъ, что за неодобрительное поведеніе я исключенъ.—Да, забылъ тебѣ сказать, что во время пребыванія моего въ карцерѣ я вытребовалъ съ квартиры всѣ свои вещи, распродалъ ихъ и употребилъ деньги на различныя надобности, такъ что, вышедши изъ заточенія, я оставался только въ томъ, что было на мнѣ, а на мнѣ, замѣть, не имѣлось не только теплаго, но даже какого-нибудь верхняго платья, между тѣмъ какъ на дворѣ стояла глубокая осень, т. е. даже и не осень, а зима съ двадцати-градуснымъ морозомъ.

«Выбрался я отъ инспектора, постоялъ на крыльцѣ, помоталъ, помоталъ своими бмумагами, раздумывая куда бы направить путь, наконецъ рѣшился зайдти къ вновь пріобрѣтеннымъ пріятелямъ. Тѣ приняли меня очень радушно. Начались толки, распросы и сожалѣнія. Пріятели съ участіемъ выслушали мой разсказъ о безвыходномъ положеніи, въ какое я теперь поставленъ, и предложили на время поселиться у нихъ, не смотря на то, что постороннія лица не могли проживать въ ихъ номерѣ. У одного изъ нихъ нашлось лишнее пальто; но такъ какъ онъ былъ гораздо ниже меня ростомъ, то одеженка эта далеко не прикрывала моихъ колѣнъ; однако дѣлать было нечего—и подобная штука не малая находка!

«Прожилъ я у нихъ дней шесть или семь. Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда товарищи мои разошлись по спальнямъ и когда я только что собирался разлечься на длинномъ ясеневомъ столѣ, оставшись одинъ въ номерѣ—замокъ щелкнулъ нѣсколько разъ и въ комнату вошолъ помощникъ инспектора.

— Вы зачѣмъ тутъ? спросилъ онъ меня грубо.

— Да я-съ запоздалъ, а теперь черезъ Неву идти опасно, потому и попросилъ своихъ знакомыхъ позволить мнѣ переночевать въ этомъ номерѣ.

— Да какъ вы смѣете появляться здѣсь! Вѣдь вы выгнаны отсюда, какъ негодяй! Извольте убираться вонъ! крикнулъ мой гонитель.

«Я былъ глубоко оскорбленъ. Во мнѣ даже ворохнулось порядочное чувство, но тотчасъ же замерло, потому что, что же мнѣ оставалось дѣлать? Идти въ двѣнадцать часовъ богъ вѣсть куда, рискуя погибнуть на улицѣ не хотѣлось; къ тому же ночь подъ открытымъ небомъ я могъ бы провести только приготовившись заранѣе къ этому, т. е. заранѣе угомонивши въ себѣ убѣдительными доводами всѣ страхи, опасенія и ощущенія;—но выдти на улицу, на морозъ, такъ себѣ, безъ твердой рѣшимости побороть всѣхъ этихъ внутреннихъ враговъ—во мнѣ не хватило смѣлости. Я напрямки объявилъ помощнику, что, дескать, положеніе мое вотъ каково: у меня нѣтъ ни алтына денегъ въ карманѣ, ни пріюта, гдѣ бы я провелъ спокойно ночь; слѣдовательно, я обращаюсь на этотъ разъ

къ его милосердію и прошу дозволить мнѣ переночевать здѣсь, ибо на улицѣ замерзну.

Помощникъ инспектора задумался. Видно было, что и этой стреляной птицѣ не доводилось слышать ничего подобнаго.

— Нѣтъ, здѣсь я не могу вамъ дозволить остаться; но, если хотите, вы можете провести это время въ карцерѣ.

— Покорно васъ благодарю, радостно пролепеталъ я.

— Пойдемте:

Меня опять заперли въ давно знакомый карцеръ, гдѣ, широко раскинувшись на кровати, я крѣпко проспалъ до утра.

«На утро я опять явился въ номеръ своихъ пріятелей, потому что больше дѣваться мнѣ было некуда. Весь этотъ день я посвятилъ на обдумываніе очень бойкаго плана, именно: какимъ образомъ провести слѣдующую ночь на улицѣ? Я очень ловко распредѣлилъ свое время, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось пробиться какъ нибудь только три, четыре, много пять часовъ, а тамъ я спасенъ:—могу отправиться къ заутрени въ какую нибудь церковь, потомъ къ ранней обѣдни—и дѣло въ шляпѣ! Кромѣ того, не малую поддержку въ моемъ предпріятіи обѣщали мнѣ будки, куда можно было завернуть подъ предлогомъ закуриванія и выкуриванія папироски (этого снадобья я досталъ), и поздно закрываемыя или рано открываемыя черныя и бѣлыя харчевни, гдѣ представлялась возможность обогрѣться въ теченіи пяти-десяти минутъ, маскируя свое посѣщеніе поджиданіемъ какого нибудь пріятеля, или нѣчто въ подобномъ родѣ.

«Въ десять часовъ я тронулся въ путь.

«Теперь я тебѣ разскажу, какова была въ это время погодка и чѣмъ представлялся нашему брату Петербургъ.

«Морозъ въ этотъ печальный день, какъ нарочно, крѣпчалъ и крѣпчалъ съ каждымъ часомъ. Свинцовое, непривѣтливое небо сыпало на городъ какую-то мелкую мразь, которую подхватывалъ и бросалъ въ лицо прохожимъ злой сѣверо-восточный вѣтеръ. Всѣ присмирѣли, съежились. Бѣдняки петербургскіе просто воймя—взвыли, глядя на свои дырявыя платья и жилища, на ободранныхъ и посинѣвшихъ отъ холода женъ, на полуголыхъ, полузамерзшихъ дѣтей, кургузыхъ собакъ, тощихъ злобныхъ кошекъ и на прочую нищенскую худобу.

Столичныя дамы окончательно съ ногъ сбились, не зная, куда дѣваться съ различными левретками, моськами, шарло, кинг-чарльзами и прочей увеселительной комнатной тварью—тварью изнѣженной и избалованной, тварью, которая безъ предъобѣденной прогулки по Невскому и дня не проживетъ. Ну, а возможно ли выпустить такой цвѣтокъ на улицу? Проще: морозъ запугалъ всѣхъ. Если кому нибудь случалось попадать на Невскій, вотъ какой невеселый видъ представляла эта давная улица:

«Вечеръ. Петропавловскіе часы только-что пробили половину одиннадцатаго. Народу тьма-тьмущая. Холодный вѣтеръ съ визгомъ прогуливается по широкимъ тротуарамъ, какъ бы высматривая: у кого, моль, тутъ одежонка-то поплоше, я его проберу! Пучки гаса еле мерцаютъ, погруженные, знаешь, какъ бы въ какой-то кисель. Бобры, еноты, соболи, куницы, лисицы, бороды à la Наполеонъ, губы со вниманіемъ, щеки съ одобреніемъ, глаза a la mouton, готическіе носы и носы въ стилѣ rénaissance, жалкія физіономіи чиновниковъ, мерзлыя, голодныя лица бѣдняковъ,—все сравняла, затопила и покрыла какимъ-то чалымъ колоритомъ лютующая пурга. Изъ-за зеркальныхъ оконъ французскихъ магазиновъ, ловко расписанныхъ русскимъ живописцемъ Морозовымъ, чуть брезжетъ матовый свѣтъ. Дилижансы-черепахи, вывозящіе публику куда-то въ страны вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, тащатся почему то поскорѣе, за то колеса ихъ визжатъ и свистятъ на этотъ разъ сильнѣе обыкновеннаго. Жалкіе шарманщики, какъ будто сговорившись, дружно затянули плачевную арію изъ Трубадура: «О, для чего ты, смерть, нейдешь на голосъ мой?» Даже въ скрипѣ полозьевъ, въ воплѣ локомотива, въ гудѣніи тысячепудоваго колокола, въ свистѣ городоваго,—даже и въ этихъ проявленіяхъ чисто неодушевленныхъ предметовъ, ясно слышатся вопли и жалобы на безпощадный морозъ.

«Вообще, въ такую пору невесело даже на Невскомъ, не говоря уже объ отдаленныхъ кварталахъ столицы, гдѣ искони царствуетъ нужда съ братьями своими холодомъ и голодомъ.

«Охъ, и много же должно быть пролито было въ ту пору слезъ жителями глубокихъ петербургскихъ подваловъ и

высокихъ пятыхъ этажей! Много тогда померзло ядреныхъ мужичьихъ щекъ и носовъ въ византійскомъ стилѣ. Коченѣли, слышь, среди работы крѣпкія чиновничьи руки и, не смотря ни на какія внушенія свыше, выводили вмѣсто четкаго письма однѣ безобразныя каракули. Болтали даже, что какой-то начальникъ распустилъ по случаю холода своихъ подчиненныхъ: «ибо значилось въ протоколѣ, вершить дѣла въ двадцати-градусный морозъ, каковой имѣется во ввѣренной моему смотрѣнію канцеляріи, закономъ воспрещается».

«Дѣйствительно, страшно было жить тогда на свѣтѣ добрымъ бѣднымъ людямъ!

«Вотъ въ такую-то пору непогодную выступилъ я на улицу, въ своемъ кургузомъ польтишкѣ, упорно натягивая короткіе рукава, чтобы хоть сколько нибудь прикрыть полузамерзшія руки. Стоногая волна-толпа разомъ захлестнула меня, какъ только я выкарабкался на Невскій, и потащила отъ Литейной по направленію къ Адмиралтейству. Скорчившись и съежившись, я бойко выступалъ въ своихъ дырявыхъ сапожишкахъ, хорошо зная, что только бодрость и присутствіе духа сохранятъ меня въ эту убійственную ночь. Я подавилъ въ себѣ всѣ чувства, накипѣвшія послѣ долгихъ, тяжелыхъ страданій, и вполголоса мурлыкалъ какую-то плясовую русскую пѣсню, ловко скользя по гладкому плитняку. На Аничкиномъ мосту я даже остановился передъ ретивыми конями, думая скульптурой позабавить свою жаждущую тепла и постели натуру, но суровый вѣтеръ пронизалъ меня насквозь и разомъ какъ бы заморозилъ во мнѣ чувство изящнаго. Иду дальше. Мало-по-малу до того начинаю, такъ сказать, втягиваться въ нравы ночныхъ посѣтителей Невскаго, что завожу даже разговоры съ здѣшними весталками, которыя, разумѣется, только окидываютъ меня холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ—и ничего больше. Но это меня не смущаетъ. Я знаю, что знаю, и потому теперь никто не въ состояніи выбить меня изъ той позиціи равнодушія ко всему окружающему, какую я рѣшился занять.—Ну что же, думаю я себѣ, въ томъ, что у меня кургузое пальто и дырявые сапоги?—«Общественное мнѣніе, мой другъ, противъ подобныхъ вещей, шепчетъ мнѣ какой-то тайный голосъ: въ глазахъ его, доба-

вляетъ онъ, подобный человѣкъ теряетъ право на гражданство, потому что общество признаетъ гражданами только людей приличныхъ, благообразныхъ, а не рвань, подобную тебѣ».—Общественное мнѣніе, основанное на енотовыхъ шубахъ и лаковыхъ сапогахъ,—это не дурно! съ улыбкой размышляю я, и шагаю дальше.

«Такъ пробродилъ я по Невскому часовъ до двѣнадцати ес и не больше. Начали уже запирать кое-какіе трактиры и рестораны. Довольный, веселый, подгулявшій народъ, встрѣчавшійся у подъѣздовъ подобныхъ заведеній, сильно подкрѣплялъ мой падавшій духъ. Однако морозъ началъ порядочно-таки меня прохватывать и забрался таки къ груди и за спину, въ мѣста, гдѣ такой врагъ особенно опасенъ. Я повернулъ на Литейную. Вѣтеръ дулъ въ упоръ, залѣпляя глаза какой-то дрязью. Каменные дома, какъ раскошные саркофаги, тянулись направо и налѣво. Изрѣдка въ стеклянныя двери виднѣлась украшенная цвѣтами парадная лѣстница или изящная швейцарская, богато освѣщенная газомъ. Отъ нечего дѣлать я даже началъ разсуждать самъ съ собою о томъ, какой бы домъ я себѣ выстроилъ. если бы былъ богатъ. И такъ какъ комнатъ въ предполагаемомъ домѣ было слишкомъ много да и дѣлилъ я ихъ почему-то на двѣ половины, то услужливое воображеніе сейчасъ подсовывало и подругу сердца, такую любящую, молодую, прекрасную. Теперь я имя забылъ; а то вѣдь и имя далъ.

«Забавляя себя такимъ манеромъ, добрелъ я наконецъ до Литейнаго моста. Выборгская какимъ-то чорнымъ пятномъ торчала предо мной на противоположенномъ берегу. Свѣта стало меньше, потому что гасъ смѣнился масломъ; вѣтеръ вылъ съ ожесточеніемъ; въ воздухѣ глухо отдавался отдаленный рокотъ экипажей. Жучь какая-то разомъ охватила меня! А тутъ еще бѣдный Ванька, проковылявшій подъ самымъ носомъ, прошипѣлъ простуженнымъ голосомъ.

> Ужь какъ шли-прошли веселые деньки,
> Наступаютъ слезоныя времена...

Силы небесныя! за что вы меня караете? подумалъ я, выпуская изъ глазъ слезу,—и заковылялъ на свою родимую сторонку.

Послѣ минутной паузы Клещовъ продолжалъ:

«Пришолъ я опять на свою Выборгскую. Налѣво, сойдя съ моста, стояла будка, при будкѣ находился будочникъ—я къ нему.

— Который часъ? спрашиваю.

— Та Богъ его знатъ. Часъ второй есть.

— А можно къ вамъ зайти въ будку покурить.

— Та можно. Пожалуйте.

«Мы вошли въ будку. Я закурилъ паппросу, будочникъ запалилъ свой бакунъ. Теплый, хотя и зловонный воздухъ подѣйствовалъ на меня очень живительно: полузамершіе члены начали, какъ говорится отходить, суставы сдѣлались подвижнѣе, какъ будто ихъ смазали деревяннымъ масломъ, сонъ, чувствую, такъ и крѣпитъ, такъ и крѣпитъ,—однако глаза боюсь закрыть, а то, чего добраго, осрамишься—уснешь.

— Вы откуда, баринъ? добродушно спросилъ меня будочникъ, выпуская струйку дыма, который такъ винтомъ и полезъ мнѣ въ носъ.

— То есть родомъ что-ли?

— Нѣтъ, откуда идете?

— Въ театрѣ былъ, не безъ наглости забормоталъ я.

— Такъ, протянулъ мой собесѣдникъ:

— А что?

— Да такъ, къ слову пришлось.

«Между тѣмъ я чувствую, что сонъ просто валитъ меня; почему, не смотря на смертельное нежеланіе вылѣзать изъ тепла, все-таки распростился съ своимъ случайнымъ знакомымъ и вышелъ изъ будки.

«Долго бродилъ я, одинокій, по улицамъ Выборгской, поднимая на ноги спящихъ собакъ. Наконецъ, вижу—силы измѣняютъ, нужно хоть гдѣ нибудь повалиться на часъ, другой. Вдругъ, къ удовольствію моему, около одного очень большаго дома я замѣтилъ ярусъ бревенъ. Я тотчасъ же забрался на нихъ, выбралъ удобное мѣстечко и, согнувшись что называется въ три погибели, молодецки захранѣлъ подъ несмолкаемый визгъ холоднаго вѣтра: И приснился мнѣ сонъ.

«Вижу я родной свой городъ, вижу нашъ домъ со всѣми пристройками, амбарушками, хлѣвушками и прочей мелочью.

Навалена будто бы высокая, высокая куча песку у насъ на дворѣ, и я,—будто мнѣ лѣтъ девять,—играю въ этомъ пескѣ: то ноги себѣ засыплю до колѣнъ, то грудь начну обсыпать, за пазуху напихиваю. А песокъ кажется мнѣ холодный такой, славный; и пріятно будто бы это мнѣ, потому что лѣтнее солнце такъ и печетъ, такъ и печетъ мою дѣтскую голову, а вмѣстѣ съ тѣмъ неловко какъ-то, потому что на разгоряченное тѣло вдругъ попадаетъ холодный песокъ. Только играю, играю я съ пескомъ-то и все будто бы поглядываю на домъ; а тамъ изъ окошка смотритъ на меня матушка, и смотритъ она такими веселыми, добрыми глазами. Забавлялся, забавлялся я, наконецъ что же выдумалъ? влѣзъ на самую верхушку кучи, да какъ брошусь оттуда внизъ! Матушка вскрикнула, всплеснула руками и какимъ-то нечеловѣческимъ голосомъ произнесла мое имя. Я проснулся.

— Ишь куда тебя, чорта, бездомника занесло! ворчалъ какой-то дворникъ, постукивая по мнѣ длинной метлой.—Поди прочь отсюда, мазурикъ! прибавилъ онъ, спихивая меня съ бревенъ.

Я сошелъ съ яруса.

— Ну, кабы ты, лѣшій, замерзъ тутъ, кто бы тогда къ отвѣту пошолъ?

— Небось, не замерзну, замѣтилъ я.

— То-то, не замерзну.

Во избѣжаніе разсужденій я поспѣшилъ удалиться. Заслышавъ благовѣстъ, я спросилъ у какого-то прохожаго: что это за звонъ? и узнавши, что звонятъ къ ранней обѣдни, направился въ церковь.

Церковь была почти пуста. Нѣсколько свѣчей слабо освѣщали теплые, высокіе своды. Разбитый, дряблый голосъ стараго дьячка, читавшаго часы, одиноко дребезжалъ среди гробоваго молчанія, расплываясь въ неясные, сливающіеся звуки. Я подошелъ поближе къ алтарю и прислонился къ стѣнѣ, чтобы хоть нѣсколько облегчить усталость своихъ ногъ. Простоялъ я тутъ минутъ пять; но потомъ, когда увидѣлъ, что большая часть прихожанъ сидятъ, въ ожиданіи литургіи, я отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ и тоже при-

сѣлъ на скамеечку, неизвѣстно для чего стоявшую у окна. Черезъ минуту я уже спалъ мертвецкимъ сномъ.

«По окончаніи обѣдни меня разбудилъ сторожъ, причемъ не безъ основанія замѣтилъ, что храмъ есть мѣсто бдѣнія и молитвы и что спать сюда грѣхъ ходить. Я принялъ его слова съ покорностью и, узнавши что уже восемь часовъ, направился къ своимъ пріятелямъ.

— Впрочемъ, видишь ли что, замѣтилъ мнѣ Клещовъ: — разсказывать тебѣ послѣдовательно мои похожденія въ теченіи цѣлыхъ восьмнадцати ночей было бы слишкомъ длинно, а, главное, почти невозможно, потому что я самъ уже потерялъ всякую связь между этими похожденіями, т. е. не знаю, напримѣръ, что за чѣмъ слѣдовало: ночь-ли на постояломъ дворѣ за ночевкою на съѣзжей, или на оборотъ? ночлегъ-ли у одного моего пріятеля за заутреней въ Александро-Невской лаврѣ, или заутреня за этимъ ночлеговъ? Словомъ, я теперь разскажу тебѣ только отдѣльные случаи, по чему-либо замѣчательные.

«Былъ у меня пріятель; звали его Епифанъ Львовичъ; фамиліи можешь и не знать. Вотъ-съ, въ одинъ прекрасный день, когда я, подкрѣпивши себя нѣкоторою пищею, добытою у добрыхъ пріятелей, слонялся по петербургскимъ улицамъ (нужно тебѣ замѣтить, что во мнѣ мало по малу развилась какая-то любовь, страсть къ фланерству: не смотря на тяжелую необходимость шляться цѣлую ночь, я шлялся еще цѣлый день),—такъ попадается мнѣ этотъ Епифанъ. Послѣ различныхъ вопросовъ и отвѣтовъ Епифанъ приглашаетъ меня къ себѣ. Я зашелъ въ тотъ же вечеръ. Епифанъ былъ глупъ, какъ сорокъ тысячь братьевъ вмѣстѣ не могутъ быть глупы; однако при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ я находился, подобное уродство было терпимо съ моей стороны, потому что морозъ хуже всякой глупости, а у Епифана комната теплая... Просидѣли и протолковали мы часовъ до двухъ. Епифанъ оставляетъ меня ночевать. Легли.

— Да, ваше положеніе тяжело, позѣвывая бормочетъ Епифанъ.

— Не легко, замѣчаю я.

— А вѣдь можно поправить.

— Какимъ же образомъ?

Я приподнялся на локоть.

— Есть этакая штука, протянулъ пріятель.

— Воровство что-ли?

— Ну, вотъ ужь и воровство... Нѣтъ, другая...

— Ну-ка, скажите.

— Право, вещь не дурная.

Епифанъ повернулъ ко мнѣ свою глупую харю.

— Дѣло, видите ли, вотъ въ чемъ. Есть у меня здѣсь одинъ знакомый, ему нуженъ гимназическій аттестатъ, а самъ онъ достать его не можетъ, потому что экзамена не выдержитъ, ничего не знаетъ; такъ не хотите-ли вы выдержать за него.

— Не знаю, это что-то ново для меня. Опять же, если бы я и взялся за подобное дѣло, то выдержать экзаменъ я могу не раньше января, а до того времени я еще пять разъ умру съ голоду и десять замерзну.

— Это такъ, протянулъ Епифанъ, почесывая затылокъ.

— Я, знаете, придумалъ штуку, замѣтилъ Епифанъ послѣ минутнаго молчанія: — штука недурная!

— Что такое?

— Для васъ вѣдь все равно, особенно при вашемъ положеніи.

— То есть, что же *все равно*?

— Вы вѣдь человѣкъ свободный: взялъ да и уѣхалъ куда нибудь, — ищи!

— Я совершенно не понимаю васъ.

— Видите-ли, что можно устроить. Условьтесь вы съ этимъ господиномъ,—онъ дастъ за аттестатъ двѣсти рублей,— и деньги съ общаго согласія, отдадите за руки—ну, мнѣ что-ли. Потомъ черезъ пять-шесть дней вы принесете мнѣ записку, какъ будто отъ него, чтобы я выдалъ вамъ деньги, потому что экзамены кончены. Между тѣмъ мы деньги раздѣлимъ пополамъ—и конецъ всему! А для васъ это очень выгодно, потому что, согласитесь, вы, ей-богу, умрете съ голоду! Я, батюшка, хорошо знаю эти вещи, не мало подобныхъ людей видывалъ.

— Да, ты, братъ, дѣйствительно недурную штуку выду-

малъ, размышлялъ я, натягивая на ноги дырявые сапожишки и не менѣе дырявые брючишки.

— Вы куда это? спросилъ Епифанъ.

— Да такъ... кажется, потеплѣе на дворѣ-то стало.

Епифанъ смекнулъ.

— Ну и съ Богомъ. Околѣвайте гдѣ нибудь на улицѣ.

«Я молчалъ. Въ груди клокотала какая-то мерзость. На окнѣ стояла бутылка съ деревяннымъ масломъ (по праздникамъ Епифанъ зажигалъ лампадки); хотѣлъ я раздробить этой бутылкой епифанью голову,—да такъ ужь удержался.

— Да-съ, мерзните, мерзните, чортъ съ вами! Не мало мы видывали подобныхъ дураковъ, бормоталъ пріятель, закутывая голову въ одѣяло.

Накинувши на плечи пальтишко, я стремглавъ выбѣжалъ на улицу.

«И опять любовно приняла меня въ свои широкія объятія, ты, холодная, молчаливо-суровая петербургская ночь! Спасибо тебѣ за то, что хотя ты никогда не отпихивала меня отъ себя! что хоть ты одна не наталкивала меня на безчестные выходы и ложные пути! Сколько шлялись мы рука объ руку съ тобою по этимъ безконечнымъ улицамъ, сколько видѣли на нихъ горя и слезъ,—никогда, суровая подруга моя, не шепнула ты мнѣ ни преступной мысли, ни преступнаго желанія! Честно-холодная нянька, ты тотчасъ же брала меня, ребенка, за руку и выводила на морозъ изъ проклятаго людскаго тепла, лишь только замѣчала, что я склонялся къ паденію! Всѣ мои хвалы, всѣ мои благословенія я приношу тебѣ одной, морозная, лютая петербургская ночь! Прими ихъ и вѣрь, что тебѣ, тебѣ одной я обязанъ своимъ нравственнымъ спасеніемъ!

Клещовъ заплакалъ, какъ ребенокъ.

«Выбрался, другъ мой, я изъ Милліонной на Невскій и поплелся къ гостиному двору. Злѣйшій морозъ пронизывалъ меня насквозь. Какъ-то машинально повернулъ я на большую Садовую и зашагалъ, зашагалъ, Богъ вѣсть куда. Шелъ, шелъ, вижу: частный домъ. «Зайду», думаю. Отыскалъ дежурнаго надзирателя: сидитъ онъ, грязный, замасленный, надъ

какими-то не менѣе грязными и замасленными бумагами и дремлетъ. Приходъ мой заставилъ его очнуться

— Что тебѣ нужно? грозно спросило меня начальство.

— Пришелъ просить ночлега.

— Что за личность?

— Дворянинъ.

— Имѣете какіе нибудь документы?

Я подалъ ему свои бумаги.

— Чего же вы хотите? спросилъ меня квартальный.

— Хочу переночевать въ этой части, потому что не имѣю пріюта, а на дворѣ страшный морозъ.

— Извините, я не могу васъ принять. *Сіе мѣсто* назначается только для арестантовъ.

— Вы можете запереть меня, если хотите, въ качествѣ арестанта.

— То есть для преступниковъ, поправился блюститель порядка.

— Это что-то странно, замѣтилъ я. По вашему выходитъ, что честный, но бѣдный человѣкъ долженъ мерзнуть на улицѣ, а негодяй пользуется тепломъ и пріютомъ. Мнѣ кажется напротивъ: въ смыслѣ закона порядочный имѣетъ преимущество передъ дурнымъ, и если взять дѣло въ смыслѣ общечеловѣческомъ, то и тотъ и другой одинаково достойны сожалѣнія и защиты отъ холода, голода и тому подобныхъ напастей.

— А вы не дурно разсуждаете, свертывая мои документы, замѣтилъ мнѣ квартальный. Какъ же вы, такой неглупый человѣкъ, не можете порядочно устроить себя? Право, удивляюсь... Очень, очень не глупо... хорошо разсуждаете. Такъ не можете?

— Не могу, какъ видите.

— Жалко, жалко. Возьмите ваши акты. Бойкій языкъ, очень бойкій.

Квартальный подалъ мнѣ бумаги.

— Что же, нельзя ночевать? уже съ наглостью спросилъ я.

— Ей-богу, нельзя! побожился квартальный.

— Ну, такъ прощайте.

Я повернулся къ двери.

— Слушайте-ка, у васъ родители есть? спросилъ замасленный.

— Никого нѣтъ.

— Умерли, значитъ?

— Давно.

— Жалко... А славно бы вамъ мѣстечко себѣ найти, не дурно бы зажили! Главное, не глупый человѣкъ.

— И я тоже думаю, что не дурно зажилъ бы.

— Ныньче много мѣстовъ-то хорошихъ, зѣвая замѣтилъ собесѣдникъ:—Вотъ у меня въ кварталѣ писецъ былъ—чудное мѣсто нашелъ; намедни въ шубѣ енотовой...

— Прощайте, прощайте, перебилъ я оратора, и вышелъ

«Какъ провелъ я конецъ ночи, не могу тебѣ сказать. Помню только, что по выходѣ изъ части я нашелъ на улицѣ пятакъ, которому несказанно обрадовался, ибо на слѣдующій день имѣлъ на эти деньги порядочный кусокъ (по вѣсу) чернаго хлѣба и даже купилъ какой-то рыбы, вѣроятно изъ породы несваряемыхъ, потому что послѣ пожранія ея у меня страшно разстроился желудокъ.

Теперь разскажу тебѣ еще одну знаменательную ночь

Шлялся, шлялся я по городу, гранилъ, гранилъ мостовыя, наконецъ, часа въ три, дошелъ до одной изъ столичныхъ частей. Ноги мои окончательно отказывались служить, глаза слипались, тѣло похолодѣло до того, что нѣкоторые члены совершенно потеряли чувствительность. Стоитъ передо мною часть, почему, думаю, не завернуть? Прихожу прямо въ дежурную; сидитъ городовой и куритъ трубку.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Что нужно? спрашиваетъ.

Думаю: сказать ему прямо, зачѣмъ пришелъ — не пуститъ; нѣтъ, лучше надую.

— Дежурный квартальный гдѣ?

— Спитъ. А вамъ что нужно?

— У меня есть важное дѣло.

— Нельзя теперь будить. Вы мнѣ скажите.

— Нѣтъ, мнѣ *самому* дежурному нужно объяснить.

— Будить-то нельзя.

Городовой выпустилъ изо рта трубку и почесалъ затылокъ.

— Такъ вы заприте меня до завтра, потому что мнѣ или квартальнаго, или пристава нужно.

— Извольте. У васъ есть какой-нибудь видъ.

Я вытащилъ истрепанные документы.

— Пожалуйте, пригласилъ стражъ.

— Ну, и простъ же ты, другъ мой, подумалъ я. Жалко, что я прежде не толкнулся сюда поискать ночлега; тутъ, какъ вижу, все народъ добрый живетъ.

«Меня заперли въ грязный чуланъ, въ которомъ стояла деревянная койка съ соломеннымъ тюфякомъ и неописанно-грязной подушкой. Какъ только я легъ, миріады клоповъ съ яростію впились въ мое изможденное тѣло, нѣкоторые смѣльчаки забрались даже на лицо и терзали лобъ, носъ и щеки. Но мнѣ было не до клоповъ! Я уснулъ такъ крѣпко, что поутру едва добудились.

«Вмѣстѣ съ другими арестантами и я вошелъ въ присутствіе. Въ ожиданіи пристава я усѣлся на лавкѣ около какого-то мужичка. Мужичокъ долго съ добродушіемъ посматривалъ на меня, наконецъ рѣшился заговорить.

— Ты за что? спросилъ онъ меня.

— Ни за что; я по своей охотѣ пришолъ сюда.

— По своей охотѣ... Врешь ты!

— Что мнѣ врать-то?

— Нѣтъ, ты что-то не то болтаешь... «По своей охотѣ»... повторялъ мужичокъ. Да развѣ по своей охотѣ ходятъ на съѣзжую?

— Не ходятъ, а я пришолъ.

Мужичокъ задумался.

— Слушь-ка! съ улыбкой обратился ко мнѣ сосѣдъ. Ты говоришь, что пришолъ сюда по своей охотѣ, — не хочешь ли за меня, по своей охотѣ, подъ розги лечь? а?

Я разсмѣялся.

— Нѣтъ, не хочу. А развѣ тебя попарить собираются?

— Маленько, должно, будетъ... Я, видишь ты, во хмѣлю оченно строгъ, и товарищи такъ ужь и смекаютъ: пьянъ Микитка, нетрогъ его — убьетъ! А *онъ* вчера приставать сталъ: зачѣмъ пьешь? Ну, я, извѣстно, въ ухо! не на твои, молъ, пьянствую.

— Кто же это онъ?

— Хозяинъ Расхлестовъ, Егоръ Силычъ. Страсть какой насчетъ пьяныхъ:—не любитъ!

Меня позвали къ приставу.

— Вы Клещовъ?

— Я.

— Что вы имѣете сообщить мнѣ?

Я откровенно признался, что вовсе не имѣлъ ничего, но что это, просто, была уловка съ моей стороны, чтобы только получить ночлегъ.

Приставъ улыбнулся.

— Извольте ваши бумаги и совѣтую вамъ не ходить больше по съѣзжимъ.

— Непремѣнно послѣдую вашему совѣту, какъ только буду имѣть квартиру.

— Что же у васъ такъ-таки нѣтъ никакихъ средствъ?

— Ровно никакихъ.

— Жалко. Прощайте.

Я направился къ выходу.

— Впрочемъ, постойте.

Я остановился. Приставъ приложилъ палецъ ко лбу и обдумывалъ что-то.

— Иль нѣтъ, ступайте, наконецъ измыслилъ онъ и прибавилъ, обращаясь къ полицейскому стражу: — А подать мнѣ ту каналью, что избилъ вчера купца Расхлестова!

«Между тѣмъ какъ подавали каналью, избившую купца Расхлестова, я скоротечно вымахнулъ на улицу и помчался къ Выборгской.

«Теперь разскажу тебѣ, какъ совершилось мое возстаніе изъ мертвыхъ: именно возстаніе, потому что не помоги мнѣ подобная случайность, я бы непремѣнно замерзъ гдѣ нибудь на улицѣ.

«Мыкаясь изъ одного мѣста въ другое, я какъ-то вспомнилъ, что у меня есть въ Петербургѣ землякъ, человѣкъ когда-то очень любившій меня и охотно помогавшій то совѣтами, то деньгами во времена моего студенческаго процвѣтанія. У этого земляка я не былъ уже мѣсяцевъ восемь, потому что въ такомъ грязномъ, жалкомъ видѣ, въ какомъ я находился, совѣстно было показаться на глаза этому доб-

рому человѣку. Пересиливши въ себѣ стыдъ и совѣсть, я наконецъ рѣшился толкнуться къ старому знакомому. Прихожу. Тотъ просто руками всплеснулъ. Дѣйствительно, я походилъ на мертвеца. Щоки ввалились, тусклые глаза запали въ глубокія впадины, лицо получило какой-то зелено-желтый цвѣтъ, длинные волоса въ безпорядкѣ, прядями сваливались на лобъ и шею, углы рта упали и кожа на лбу, отъ худобы, сжалась въ морщины. Костюмъ мой превосходилъ своею бѣдностью всякое описаніе: право, подобной одежды и обуви я до сихъ поръ не видывалъ ни на комъ, не смотря на то, что могу похвалиться—видѣлъ таки бѣдняковъ.

— Что съ вами? спросилъ изумленный землякъ.

— Да вотъ изъ средствъ какъ-то повыбился, замѣтилъ я.

— Боже мой! да вы не изъ средствъ выбились, а просто бѣдствуете ужаснѣйшимъ образомъ.

— Да, отчасти и такъ.

— Но вы хорошо сдѣлали, что зашли ко мнѣ. Дѣло видите ли какого рода: тутъ одинъ мой знакомый ищетъ себѣ господина въ родѣ домашняго секретаря, конторщика или что-то подобное; я именно на васъ и мѣтилъ; стало быть, мѣсто останется за вами, и завтра же вы можете приняться за дѣло. Очень радъ, очень радъ, что могу быть вамъ полезнымъ!

«Словомъ, въ какихъ нибудь два-три часа участь моя совершенно измѣнилась. Клещовъ сталъ уже не тотъ. Одѣтый, умытый, сытый, я бойко разсуждалъ съ своимъ землякомъ о разныхъ разностяхъ, шутилъ, смѣялся, остроумничалъ и проч. Въ два-три часа я совершенно забылъ о прошломъ: какъ будто бы ничего и не бывало. Вотъ что значитъ она, эта молодость зеленая! Нѣтъ, нынче не такъ ужь легко переносить всѣ подобные толчки: не то время, не тѣ силы, не та энергія.

Да, прошелъ таки, чортъ возьми, сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы! Впрочемъ, мѣдныя трубы еще впереди; объ нихъ я еще поразскажу тебѣ кое-что, на досугѣ, замѣтилъ Клещовъ, соскакивая съ кровати.

— Вотъ, выпью водки и пойду спать... Охъ, а завтра-то, завтра! а послѣ завтра-то, послѣ завтра!.. Одинъ-то день

другаго хуже, одинъ-то день другаго подлѣе! хоть и не гляди въ это туманное будущее!

Клещовъ махнулъ рукой, выпилъ водки и мы распростились.

Вѣроятно было уже очень поздно, потому что въ домѣ всѣ спали да и на улицахъ повсюду царствовала мертвая тишина;—а вѣдь Грачовка не любитъ засыпать спозаранку: посмотрите, какъ воюетъ и вопитъ она часа въ два-три ночи. Я потушилъ свѣчу и поплотнѣе закутался въ одѣяло. Въ воображеніи моемъ то и дѣло рисовался Клещовъ, среди ярко освѣщенныхъ петербургскихъ улицъ, оборванный, блѣдный, худой, посинѣвшій отъ холода.

— И сколько же, Господи Боже мой, на свѣтѣ подобныхъ странниковъ! подумалъ я.

М. А. Воронов.

ТЕМНОЮ НОЧЬЮ.

I.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ главномъ городѣ нѣкоего графства жилъ нѣкто мистеръ Уилькинсъ, исполнявшій должность стряпчаго, какъ въ самомъ городѣ, такъ и миль на двадцать въ окружности. Обширная эта практика переходила въ семействѣ Уилькинсовъ изъ рода въ родъ. Отецъ настоящаго стряпчаго считался другомъ дома во многихъ изъ окрестныхъ дворянскихъ фамилій, и этимъ онъ былъ обязанъ на столько же знанію своего спеціальнаго дѣла, на сколько своему благоразумію и честности. Не бывало еще примѣра, чтобы простой стряпчій былъ принятъ въ этихъ домахъ на такой ногѣ: его приглашали на обѣды, не включая, впрочемъ, въ эти приглашенія его жену; изрѣдка и какъ будто невзначай, онъ принималъ участіе въ конскихъ скачкахъ, при чемъ лошадь его не уступала лошади любаго сквайра. Да не подумаютъ, при этомъ, чтобы въ немъ была малѣйшая тѣнь сикофантства—для этого онъ слишкомъ много уважалъ себя Въ случаѣ надобности, онъ не отступалъ передъ самымъ крутымъ совѣтомъ: человѣку, жившему не по средствамъ, онъ не боялся внушать необходимость сокращенія расходовъ; случалось ему отваживаться и на такой шагъ, который могъ считаться еще болѣе рискованнымъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, онъ всегда готовъ былъ замолвить слово въ защиту

притѣсняемаго фермера. У него былъ единственный сынъ, Эдуардъ, и мальчикъ этотъ былъ гордостью и утѣхою родительскаго сердца. Не легко было отцу отказаться отъ честолюбивой мечты дать своему сыну университетское образованіе и сдѣлать его адвокатомъ; но собственное его дѣло было слишкомъ выгодно, чтобы передать его постороннему, а потому онъ и принялъ болѣе благоразумное рѣшеніе еще въ то время, когда Эдуардъ былъ итонскимъ школьникомъ. Эдуардъ свыкся съ надеждою поступить въ университетъ вмѣстѣ съ остальными своими школьными товарищами, сыновьями тѣхъ сквайровъ, которые пользовались услугами его отца; тяжелымъ ударомъ для его гордости было узнать, что его будущностью распорядились иначе, что ему предстоитъ возвратиться въ Гамли и стать, по примѣру своихъ отцовъ, въ положеніе зависимое отъ тѣхъ самыхъ мальчиковъ, которыхъ онъ побивалъ и въ ученьи и въ играхъ.

Отецъ старался вознаградить его за это огорченіе всѣмъ, что только можно купить на деньги: лошади его перещеголяли даже отцовскихъ; поощряя его страсть къ чтенію, отецъ позволилъ ему завести обширную библіотеку; когда же кончился его годъ ученичества въ Лондонѣ, онъ отправился за границу, снабженный чуть ли не настоящею carte-blanche въ отношеніи расходовъ — такъ, по крайней мѣрѣ, можно было предполагать по той массѣ посылокъ, которыя онъ препровождалъ домой изъ различныхъ странъ континента.

Но вотъ онъ и самъ вернулся домой и поселился въ Гамли въ качествѣ компаньона своего отца. Старикъ мистеръ Уилькинсъ гордился своимъ красивымъ, образованнымъ сыномъ, смотрѣвшимъ такимъ милымъ джентльменомъ — и гордился не даромъ. Все, чѣмъ жизнь баловала Эдуарда, не оказало на него вреднаго, по крайней мѣрѣ непосредственно вреднаго вліянія; онъ былъ чуждъ всякихъ грубыхъ пороковъ; въ немъ было даже слишкомъ много изящества для того общества, среди котораго ему предстояло жить, хотя бы это общество состояло изъ самыхъ именитыхъ кліентовъ его отца; но, что всего важнѣе, «сердце у него было на мѣстѣ», какъ отзывался о немъ отецъ.

Не знаю, что побудило Эдуарда искать доступа на балы,

на которые ежемѣсячно съѣзжалось все дворянство Гамли — было ли то его собственное желаніе или честолюбіе его отца.

Ни одно общество въ мірѣ, — такъ думали въ цѣломъ округѣ, — не имѣло болѣе правъ считать себя избраннымъ обществомъ, какъ то, которое собиралось въ бальной залѣ, пристроенной по подпискѣ къ главной гостинницѣ города. Эти заповѣдные предѣлы оставались недоступны для средняго сословія; первоначальные учредители этихъ собраній постановили было непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый желающій въ нихъ участвовать предварительно доказалъ свое шестнадцати-колѣнное дворянское происхожденіе; но первоначальные учредители гамлійскихъ собраній начинали сходить со сцены; съ ними вмѣстѣ миновались и минуэты и, въ то время, когда Эдуардъ Уилькинсъ дебютировалъ на этихъ паркетахъ, два-три магната покушались ввести въ моду вальсъ, видѣнный ими въ Лондонѣ, куда онъ былъ занесенъ союзными государями. Состоялся же этотъ дебютъ вотъ какимъ образомъ: Эдуардъ обѣдалъ у одного сквайра средней руки, который былъ родителемъ восьмерыхъ невзрачныхъ дочерей, а потому, отложивъ аристократическую спѣсь въ сторону, не слишкомъ-то протестовалъ противъ ясно выраженнаго старшимъ мистеромъ Уилькинсомъ желанія, чтобы сынъ его получилъ доступъ въ гамлійскія собранія. Не такъ взглянули другіе сквайры на появленіе сына стряпчаго въ этихъ священныхъ предѣлахъ; но случай выручилъ Уилькинса. Въ этотъ вечеръ ожидали на балъ одну фешенебельную герцогиню съ ея дочерьми. Ждали ее довольно долго, — наконецъ толпа заколыхалась, засуетилась и почетныя гостьи величественно вошли въ залу. Танцы на время пріостановились, начатый кадриль дотанцовался какъ-то небрежно, второняхъ. За тѣмъ послѣдовало совѣщаніе, перебрали всѣхъ танцоровъ и оркестру отдали приказаніе играть вальсъ. Дочери герцогини закружились въ новомъ танцѣ, нѣкоторыя изъ молодыхъ дѣвушекъ не прочь были послѣдовать ихъ примѣру; но, увы! оказался недостатокъ въ кавалерахъ, умѣющихъ вальсировать. Тутъ одинъ изъ распорядителей было вспомнилъ о молодомъ Уилькинсѣ, только-что вернувшемся

съ континента. Эдуардъ былъ превосходнымъ танцоромъ и вальсировалъ на диво. На слѣдующій туръ онъ ангажировалъ одну изъ молоденькихъ леди ***; герцогиня, мало знакомая какъ съ самими сквайрами Гамли, такъ и съ ихъ мѣстными предразсудками, не видѣла никакой причины, почему бы ея красавицѣ леди Софи не танцовать съ ловкимъ кавалеромъ и потому, не справляясь о его родословной, попросила одного изъ распорядителей бала представить ей мистера Уилькинса.

Съ этого вечера онъ сталъ любимцемъ молодыхъ дѣвушекъ, посѣщавшихъ гамлійскія собранія; маменьки тоже ничего не имѣли противъ него; за то неуклюжіе сквайры встрѣчали его появленіе обидно вопросительными взглядами, а наслѣдники ихъ (тѣ самые, которыхъ онъ побивалъ въ Итонѣ) за глаза называли его выскочкой.

II.

Положеніе Эдуарда было незавидное. По воспитанію и по вкусамъ, онъ стоялъ выше своего общественнаго положенія: ни лекарь, ни пивоваръ въ Гамли были ему не товарищи. Не было ему ровни и между молодыми дѣвушками средняго круга; а между тѣмъ онъ очень хорошо зналъ то, чего и не подозрѣвалъ отецъ, не чаявшій въ немъ души; именно, что любая изъ молоденькихъ леди, такъ охотно танцовавшихъ съ нимъ на балахъ, сочла бы себя оскорбленною, если бы стряпчій, сынъ и внукъ такихъ же стряпчихъ, осмѣлился предложить ей свою руку. Всѣ униженія, вынесенныя имъ за послѣдніе годы, своеобразно отозвались на добродушномъ по природѣ молодомъ человѣкѣ; онъ находилъ тайное наслажденіе въ томъ могуществѣ, которое давали ему отцовскія деньги: онъ почти не торгуясь спѣшилъ купить ту самую лошадь, къ которой недѣли три приторговывался бѣднякъ-наслѣдникъ какого нибудь сквайра. У кого, какъ не у Эдуарда, были самыя щегольскія ружья, самыя породистыя соба-

ки. Ни сквайрамъ, ни ихъ сынкамъ дѣла не было до произведеній искусства, которыхъ, по слухамъ, такъ много было собрано въ домѣ мистера Уилькинса; но они завидывали его собакамъ и ружьямъ; молодой человѣкъ зналъ, что они завидуютъ и потѣшался этимъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ вступилъ въ бракъ, который не хуже любаго другаго брака удовлетворилъ всѣхъ и каждаго. Безумно влюбившись въ миссъ Ламотъ, онъ былъ въ восторгѣ, когда она согласилась стать его женою; отецъ его былъ въ восторгѣ отъ его восторга, а также не безъ удовольствія вспоминалъ о томъ, что мать миссъ Ламотъ была меньшою сестрою сэра Франка Гальстера. Вступивъ въ неровный бракъ, она была отвержена своею семьею и умерла, оставивъ двухъ дѣтей, сына и дочь. Такъ какъ отецъ этихъ дѣтей оказался негодяемъ, принужденнымъ скитаться для избѣжанія кары законовъ, то дядя ихъ, сэръ Франкъ, взялъ ихъ на свое попеченіе. Маркъ Ламотъ поступилъ въ военную службу, Летиція же жила не совсѣмъ завидною жизнью въ семействѣ своего дяди. Дѣла сэра Франка были довольно запутаны, тѣмъ не менѣе онъ какъ-то странно принялъ предложеніе образованнаго, красиваго, честнаго молодаго человѣка, обѣщавшаго окружить его племянницу, если не роскошно, то, по крайней мѣрѣ, довольствомъ. Таковъ уже былъ его надменный, злой нравъ, что, будучи въ душѣ очень доволенъ этимъ бракомъ, онъ не могъ воздержаться, чтобы не попрекать отъ времени до времени своего новаго родственника его плебейскимъ происхожденіемъ.

Все это раздражало Эдуарда и оставляло горькое чувство въ Летиціи. Она страстно любила мужа и гордилась имъ; у нея было слишкомъ много здраваго пониманія, чтобы не оцѣнить его превосходство надъ ея двоюродными братьями, молодыми Гальстеръ, которые пользовались его лошадьми, пили его вина, и, въ тоже время, подсмѣивались, въ подражаніе отцу, надъ его профессіей. Дорого бы дала Летиція, чтобы мужъ ея удовольствовался чисто семейною жизнью и забылъ бы спѣсивыхъ сквайровъ, оставаясь вдвоемъ съ нею въ роскошной ихъ библіотекѣ или въ прелестной ихъ гостиной, убранной лучшими произведеніями скульптуры и живописи

Но, быть можетъ, она слишкомъ многаго требовала отъ молодого человѣка, общительнаго отъ природы. Общительность же въ тѣ дни считалась неразлучною съ бражничествомъ; Эдуардъ не любилъ пить, а между тѣмъ онъ пилъ по неволѣ и, мало по малу, сталъ выдавать себя за знатока въ винахъ. (Отца его въ это время уже не было въ живыхъ). Летиція не могла надивиться, какое удовольствіе онъ находилъ на обѣдахъ этихъ людей, которые смотрѣли на него, какъ на «стряпчаго Уилькинса, довольно сноснаго малаго», и не способны были оцѣнить ни его изящнаго вкуса, ни его артистическихъ дарованій. Она забывала, что на этихъ обѣдахъ онъ случайно сталкивался съ людьми, которые могли считаться представителями не сословной, но умственной аристократіи; когда же легкіе винные пары избавляли его отъ сознанія его неловкаго положенія, то рѣчь его лилась блестящая и свободная и онъ становился достойнымъ собесѣдникомъ, хотя бы даже для какой-нибудь заѣзжей лондонской знаменитости. Но, желаніе блестѣть и возбуждать удивленіе вовлекало его все болѣе и болѣе въ такія траты, которыя нельзя даже было оправдать его влеченіемъ къ изящному и къ умственнымъ наслажденіямъ. Онъ поставилъ себѣ задачею, чтобы вина его были самаго отборнаго свойства, кухнею его завѣдывалъ поваръ италіянецъ; Летиція должна была носить самые дорогіе наряды, самыя тонкія кружева, такъ какъ средства не позволяли ему убирать ее въ дорогіе каменья, говаривалъ онъ, съ гордымъ смиреніемъ поглядывая на брилліанты старыхъ леди и на накладное золото молодыхъ. И хороша же была Летиція въ этихъ нарядахъ; не даромъ отецъ ея, какъ говорили, былъ французскій искатель приключеній; во всей ея особѣ дышало какое-то изящество, какая-то чарующая грація — она была создана для общества, а между тѣмъ она ненавидѣла его и въ одинъ прекрасный день совсѣмъ и навсегда распростилась съ нимъ. Еще утромъ передъ тѣмъ, какъ Эдуарду отправиться въ свою контору въ Гамли, она была совершенно здорова; въ полдень за нимъ прискакали перепуганные гонцы; какъ безумный онъ кинулся домой, но засталъ ее уже безъ языка, молча сталъ онъ на колѣни подлѣ ея постели, она была при послѣднемъ издыханіи и умерла не проговоривъ ни слова. Какъ послѣднее сред-

ство заставить его очнуться отъ оцѣпенѣнія, отчаянія, ему принесли старшую дочь его, Эллиноръ. Видъ неподвижной блѣдной матери поразилъ дѣвочку несказаннымъ ужасомъ. «Мама, мама,» закричала она и, вырвавшись изъ рукъ окружающихъ, кинулась на постель: не обращая вниманія на холодъ и неподвижность смерти, она покрывала поцѣлуями ея губы и черные, блестящіе волосы, приговаривая тѣ ласковыя слова, полныя безумной нѣжности, которыми такъ часто обмѣнивались мать и дочь, оставаясь на единѣ. Наконецъ, это проявленіе любви и отчаянія, граничившаго съ изступленіемъ, заставило Эдуарда стать: онъ тихо взялъ ее на руки и замертво отнесъ въ кабинетъ. Что тамъ происходило между отцомъ и дочерью, этого никто не могъ узнать. Поздно вечеромъ мистеръ Уилькинсъ спросилъ поужинать для Эллиноръ, и слуга, явившійся съ этимъ ужиномъ въ кабинетъ, видѣлъ, какъ дочь неподвижно лежала на рукахъ у отца и отецъ кормилъ ее, шестилѣтнюю дѣвочку, съ такою же нѣжною заботливостію, какъ если бы она была шестимѣсячнымъ младенцемъ.

III.

Съ этого времени связь между отцемъ и дочерью съ каждымъ днемъ становилась крѣпче и нѣжнѣе. Каждый разъ, когда мистеру Уилькинсу случалось обѣдать дома, Эллиноръ, успѣвшая между тѣмъ пообѣдать и даже поужинать въ дѣтской, присутствовала за его столомъ, сидя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сиживала ея мать. Что-то забавное и въ тоже время грустное было въ степенномъ видѣ дѣвочки, старавшейся поддерживать достоинство занимаемаго ею поста, пока она порой, одолѣваемая дремотой, не никла головкой, оставляя недоговоренной начатую разумную рѣчь. Няни отзывались о ней, что она «умна не по лѣтамъ», и пророчили на этомъ основаніи, что она не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Но пророчество это не сбылось, между тѣмъ какъ веселый, пухленькій грудной ребенокъ занемогъ скоропостижно и умеръ въ тотъ же день.

Сосредоточенная тихая горесть Эллинор возбудила серьезныя опасенія за ея жизнь, отецъ ея оставилъ всѣ дѣла, всѣ удовольствія, чтобы ухаживать за своей любимицей. Ни одна мать, не говоря уже о самой преданной нянѣ, не могла бы сдѣлать болѣе, чѣмъ дѣлалъ мистеръ Уилькинсъ для Эллиноръ. Благодаря его заботамъ, она оправилась отъ своей печали, медленно, съ трудомъ, но оправилась; и тутъ-то вся сила ея привязанности, сжатой въ тѣсные предѣлы, излилась неудержимымъ потокомъ на отца, и наградила его съ избыткомъ за всѣ его попеченія. Съ восхищеніемъ выслушивалъ онъ разсказы няни о томъ, какъ за часъ, по крайней мѣрѣ, до его прихода, Эллиноръ начинала убирать свои игрушки и убаюкивать своихъ куколъ. Потомъ она усаживалась и начинала внимательно прислушиваться. Разъ какъ-то няня выразила удивленіе, что она на такомъ далекомъ разстояніи узнаетъ шаги отца, сама няня какъ ни прислушивалась, ничего не могла разслышать.

— Гдѣ жъ тебѣ разслышать, отвѣчала Эллиноръ:—онъ тебѣ не папа.

Мистеру Уилькинсу было пріятно, чтобы дочь смотрѣла на него, какъ на источникъ всѣхъ своихъ радостей; онъ даже слегка ревновалъ ее ко всякому, кто осмѣливался сдѣлать ей подарокъ или доставить удовольствіе, не избравъ его къ посредники.

Наконецъ, пришла для Эллиноръ пора болѣе серьознаго образованія, нежели то, какое могла преподать ей добрая старая няня. Отецъ ея вовсе не желалъ брать на себя роль наставника, такъ какъ роль эта сопряжена была съ необходимостью случайнаго порицанія и случайнаго употребленія власти, а такая необходимость, чего добраго, помѣшала бы ему оставаться идоломъ своей дочери. И такъ, онъ поручилъ леди Гольстеръ выбрать между ея многочисленными «protégées» гувернантку для Эллиноръ. Всѣ его инструкціи по этому дѣлу ограничились слѣдующимъ:

— Вы знаете, что нужно для молодой благовоспитанной дѣвушки, и, я увѣренъ, гораздо лучше меня съумѣете выбрать гувернантку для Эллиноръ. Объ одномъ прошу васъ, выберите такую, которая не вздумала бы женить меня на себѣ и

не мѣшала бы Эллиноръ наливать мнѣ чай и дѣлать все, что ей заблагоразсудится. Она слишкомъ хороша такъ какъ она есть, и исправлять ее нечего; нужно только научить ее тому, что должна знать благовоспитанная дѣвушка.

Выборъ палъ на миссъ Монро—тихую, разумную женщину лѣтъ сорока, и трудно было рѣшить, кто болѣе старается избѣгать другъ друга,—она ли мистера Уилькинса или мистеръ Уилькинсъ ея. Жизнь таки порядочно потрепала миссъ Монро; она слишкомъ много работала черезъ силу, чтобы не дорожить своими свободными вечерами въ классной комнатѣ, проводимыми ею за чаемъ съ книгою въ рукахъ или за перепиской; между нею и Эллиноръ существовало взаимное сношеніе, по которому она предоставляла молодой дѣвушкѣ по вечерамъ полную свободу располагать собою.

Единственный человѣкъ, съ которымъ знался мистеръ Уилькинсъ изъ собственнаго своего круга, въ Гамли былъ недавно опредѣлившійся священникъ, холостякъ, однихъ съ нимъ лѣтъ, обладавшій большою ученостью. Мистеръ Нессъ путешествовалъ по Европѣ въ качествѣ баккалавра, посланнаго отъ своего факультета какъ разъ въ то время, когда и мистеръ Уилькинсъ былъ за границей; отъ этого времени у нихъ уцѣлѣло много общихъ знакомыхъ и общихъ воспоминаній и это-то обстоятельство было первымъ поводомъ къ ихъ сближенію.

Мистеръ Нессъ отъ времени до времени соглашался брать къ себѣ на домъ одного — другаго ученика съ тѣмъ, чтобы приготовить его въ университетъ. Хотя онъ и былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы самъ пріискивалъ себѣ учениковъ, тѣмъ не менѣе, разъ взявшись за дѣло, полагалъ извѣстнаго рода гордость въ томъ, чтобы исполнить его хорошо.

Когда Эллиноръ было около четырнадцати лѣтъ, къ мистеру Нессу поступилъ ученикомъ нѣкто мистеръ Ральфъ Карбетъ. У отца Эллиноръ вошло въ обычай дѣлать учениковъ мистера Несси своими знакомыми: гостепріимство его утратило съ годами характеръ изящества и изысканности, но онъ оставался все тѣмъ же хлѣбосольнымъ хозяиномъ и находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ молодежи.

Молодой мистеръ Карбетъ былъ родомъ изъ дальняго графства и принадлежалъ къ одному знатному семейству. Не будь онъ такъ осмотрителенъ и серьезенъ характеромъ, по лѣтамъ его можно было назвать еще мальчикомъ; въ то время, когда онъ сдѣлался ученикомъ мистера Несса, ему было всего восемнадцать лѣтъ. Но, немного найдется людей, которые и въ двадцать пять лѣтъ столько бы передумали, сколько успѣлъ передумать молодой мистеръ Карбетъ: въ головѣ его уже сложился планъ послѣдующей его жизни; онъ уяснилъ себѣ тѣ цѣли, къ которымъ преимущественно желалъ достигнуть въ далекомъ будущемъ и избралъ вернѣйшіе пути для ихъ достиженія. Такъ какъ онъ былъ младшимъ сыномъ въ семьѣ, то родные избрали для него поприще юриста — что совпадало и съ собственными его стремленіями и способностями. Но отецъ его не былъ честолюбивъ — все, чего онъ желалъ для него, было—обезпечить ему возможность жить такъ, какъ подобаетъ джентльмену; но мечты молодого человѣка шли далѣе.

Званіе пера, дѣятельность государственнаго человѣка,—такова была цѣль, которою онъ задался. Первымъ шагомъ къ достиженію цѣли было—отличиться въ университетѣ, и для этого-то Карбетъ уговорилъ отца заплатить мистеру Нессу ту значительную сумму, за которую онъ брался готовить молодыхъ людей въ университетъ. Добродушный старый сквайръ былъ въ нѣсколько стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, но онъ на все согласился, лишь бы не выслушивать аргументаціи, мѣшавшей ему предаться обычной послѣобѣд ой дремотѣ.

Но никогда еще у мистера Несса не было такого отличнаго воспитанника, какъ Ральфъ; онъ работалъ даже болѣе, чѣмъ отъ него требовалъ его наставникъ и посвящалъ пріобрѣтенію разныхъ познаній тѣ часы, которые оставались свободными отъ собственно научныхъ занятій. Какъ наставникъ, такъ и воспитанникъ привыкли искать отдохновенія въ обществѣ мистера Уилькинса. То мистеръ Нессъ приглашалъ его въ свободные дни отобѣдать у него въ домѣ, то самъ мистеръ Уилькинсъ, съ свойственнымъ ему безпечнымъ хлѣбосольствомъ, звалъ къ себѣ мистера Несса съ молодымъ мистеромъ Карбетомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ за обѣдомъ обыкновенно предсѣда-

тельствовала, по крайней мѣрѣ номинально, Эллиноръ, успѣвшая, впрочемъ, отобѣдать гораздо ранѣе съ миссъ Монро. Она была очень мала и тщедушна для своихъ лѣтъ, такъ что отцу ея и въ голову не приходило, что она уже выходитъ изъ дѣтства—и между тѣмъ по умственному развитію и силѣ характера она была уже женщина. Такъ молодые люди, до времени попавъ въ общество старшихъ, освоившись съ этимъ обществомъ оба находили въ немъ удовольствіе. Мистеръ Карбетъ нерѣдко вставлялъ свое слово въ разговоръ джентльментовъ, спорилъ и приставалъ поочередно то къ той, то къ другой сторонѣ. Эллиноръ сидѣла молча; изрѣдка въ темныхъ глазахъ ея изображались страстное участіе, порою страстное негодованіе, когда мистеръ Карбетъ, задѣвавшій всѣхъ и каждаго, позволялъ себѣ нападать на ея отца. Ральфъ видѣлъ ея раздраженіе и забавлялся имъ. Мистеръ Несѣ и мистеръ Уилькинсъ выписывали вмѣстѣ одинъ экземпляръ *Times* и на Эллиноръ лежала забота объ исправной передачѣ газеты изъ дома ея отца въ пасторскій домъ. Отецъ ея любилъ пробѣгать столбцы не торопясь. Молодой мистеръ Карбетъ живо интересовался политикой, и, заждавшись газеты, самъ отправлялся за нею. На полдорогѣ ему не рѣдко встрѣчалась запыхавшаяся Эллиноръ и спѣшила принести свою повинную: «Пожалуйста извините меня, мистеръ Карбетъ; папа только-только что дочиталъ газету». Сначала онъ отвѣчалъ на эти извиненія довольно сурово; впослѣдствіи онъ смиловался, успокоивалъ ее, что бѣды большой нѣтъ и часто провожалъ ее до дому, подъ предлогомъ взглянуть на ея садъ и дать ей тотъ или другой совѣтъ о ея цвѣтахъ.

Она привыкла искать опоры въ его совѣтахъ, въ случайныхъ проявленіяхъ участія, въ снисходительной его заботливости. Правда, онъ былъ въ отношеніи ея взыскательнѣе, чѣмъ кто либо другой, но, странное дѣло, за это-то она и была ему благодарна. Ему нравилось рисоваться въ отношеніи ея своимъ превосходствомъ; впрочемъ, пока, они оставались большими друзьями—не болѣе.

Между тѣмъ мистеръ Уилькинсъ, совершенно было прервавшій въ первые два года своего вдовства всякія связи съ обществомъ, снова началъ выѣзжать; со смертью отца и жены,

онъ лишился всякаго внѣшняго контроля, всякой поддержки и сталъ тратить на удовольствія то время, которое ему слѣдовало бы проводить за дѣлами въ конторѣ. До сихъ поръ оно позволялъ себѣ отлучаться на охоту только случайно: теперь же эти отлучки вошли у него въ привычку; онѣ стоили ему большихъ денегъ и нерѣдко случалось, что его не было въ Гамли какъ разъ тогда, когда его присутствіе тамъ было необходимо. Стали поговаривать въ городѣ о новомъ стряпчемъ, которому уже была обѣщана поддержка двухъ самыхъ вліятельныхъ фамилій въ графствѣ, находившихъ, что мистеръ Уилькинсъ далеко не такъ исправенъ, какъ его отецъ. Сэръ Франкъ Гальстеръ призвалъ своего родственника и передалъ ему о предполагавшейся перемѣнѣ и въ тоже время въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ выставилъ ему все безразсудство его поведенія, преимущественно налегая на то, что неумѣстно ему, мистеру Уилькинсу, тягаться въ забавахъ и въ образѣ жизни за благородными землевладѣльцами. Эдуардъ вспыхнулъ. Запутанное положеніе дѣлъ сэра Франка было ему хорошо извѣстно и, сравнивая его съ круглою суммою, завѣщанною ему его собственнымъ отцомъ, онъ не могъ воздержаться, чтобы не высказать ему нѣсколько горькихъ истинъ, слѣдствіемъ которыхъ былъ окончательный разрывъ между Гальстеръ Кортомъ и Фордъ-Банкомъ (этимъ послѣднимъ именемъ окрестилъ Эдуардъ Уилькинсъ свой наслѣдственный домъ).

Ссора эта возымѣла два непосредственныхъ дѣйствія: во-первыхъ, мистеръ Уилькинсъ публиковалъ въ газетахъ, что нуждается въ надежномъ помощникѣ, который взялся бы подъ своею отвѣтственностью и подъ надзоромъ самого мистера Уилькинса вести его дѣло. Во-вторыхъ, онъ поспѣшилъ навести въ герольдіи справки о томъ, не принадлежитъ ли онъ къ одному роду съ своими однофамильцами въ южномъ Уэльсѣ, которые съ нѣкотораго времени стали называться своимъ прежнимъ именемъ—Де-Уинтонъ.

На оба запроса воспослѣдовалъ благопріятный отвѣтъ: одна изъ главныхъ адвокатскихъ фирмъ въ Лондонѣ рекомендовала искуснаго, уже немолодаго клерка, котораго мистеръ Уилькинсъ поспѣшилъ выписать, предоставивъ ему самому

назначить себѣ плату. При этомъ клеркъ себя не обидѣлъ, но мистеръ Уилькинсъ не жалѣлъ денегъ. Изъ герольдіи отвѣчали, что его обнадежили возможностью признать его вѣтвью одного генеалогическаго дерева съ южно-уэльскими его однофамильцами, — но предупредили, что необходимыя для этого справки и законныя формальности потребуютъ значительныхъ издержекъ. Въ виду благопріятнаго рѣшенія дѣла, мистеръ Уилькинсъ не испугался никакихъ издержекъ и написалъ въ герольдію, прося навести всѣ требуемыя справки въ наискорѣйшемъ времени. Между тѣмъ самъ онъ отправился въ Лондонъ, съ тѣмъ, чтобы заказать себѣ карету съ гербами Де-Уинтонскихъ Уилькинсовъ на дверцахъ и не иначе сталъ ѣздить на обѣды, какъ въ этой каретѣ, хотя до сихъ поръ всюду разъѣзжалъ въ фаэтонѣ, происходившемъ по прямой линіи отъ старомодной одноколки его отца.

Но не смотря на все это, сквайры, его кліенты, только подсмѣивались надъ нимъ и ни на волосъ не измѣняли въ отношеніи его своего надменнаго обращенія.

Новый клеркъ, мистеръ Донстеръ, былъ человѣкъ молчаливый и очень почтенный съ виду, хотя въ его наружности и не было ничего джентльменскаго. На его неподвижномъ лицѣ выражалось одно — сосредоточенное вниманіе къ тому именно дѣлу, которое въ данную минуту лежало на рукѣ. Порою въ глубокихъ впадинахъ его глазъ яркимъ пламеменемъ мелькала мысль, но онъ тотчасъ же спѣшилъ подавить эти внезапныя вспышки. Первымъ его дѣломъ, какъ только онъ поступилъ въ должность, было — привести всѣ дѣловыя бумаги въ тотъ стройный порядокъ, котораго имъ не доставало по смерти стараго мистера Уилькинса. Будучи самъ щепетильно аккуратенъ въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ не скрывалъ своего неудовольствія, если младшіе писцы опаздывали получасомъ являться въ должность и все таки пріучилъ ихъ приходить за пять минутъ до открытія конторы. Самому мистеру Уилькинсу жутко приходилось отъ аккуратности его новаго конторщика; мистеръ Донстеръ, напавъ на какое нибудь непростительное упущеніе въ дѣлахъ конторы, только приподнималъ брови и сжималъ губы,—но легче бы было мистеру Уилькинсу, если бы онъ выразилъ свое

неодобреніе словами. Мало по малу въ немъ развилась скрытная, почтительная антипатія къ мистеру Донстеру. Съ годами мистеръ Уилькинсъ все болѣе и болѣе подпадалъ вліянію безотчетныхъ ощущеній въ ущербъ вліянію своего разсудка. Онъ и не думалъ подавлять нервическое раздраженіе, которое вызывалъ въ немъ непомѣрный, непріятный голосъ мистера Донстера: провинціальный выговоръ послѣдняго оскорблялъ изнѣженный слухъ его патрона; не мало также раздраженія причинялъ мистеру Уилькинсу зеленый сюртукъ, который постоянно носилъ новый клеркъ. Но худшею, быть можетъ, виною мистера Донстера было то, что онъ дѣйствительно былъ неоцѣнимъ во многихъ отношеніяхъ. «Какъ же, настоящій кладъ!» отзывался объ немъ мистеръ Уилькинсъ послѣ обѣда; но положительная ненависть зрѣла въ немъ къ этому кладу по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался, что мистеръ Донстеръ сталъ для него незамѣнимымъ въ дѣлѣ. Между тѣм довѣрители мистера Уилькинса вторили его словамъ и отзывались о мистерѣ Донстерѣ, какъ о правой рукѣ своего господина, о настоящемъ кладѣ и не могли нахвалиться имъ.

Всѣ эти толки не доходили до Эллиноръ, жизнь которой текла безмятежно: въ ея глазахъ любимый отецъ оставался лучшимъ, добрѣйшимъ, очаровательнѣйшимъ изъ людей; она любила миссъ Монро, всѣхъ слугъ, въ особенности же кучера Диксона. Диксонъ выросъ вмѣстѣ съ ея отцомъ и свобода обращенія, установившаяся между ними еще въ дѣтствѣ, отчасти уцѣлѣла и въ позднѣйшіе годы, не смотря на чувства почтительнаго удивленія, которыя Диксонъ питалъ къ своему господину. Онъ былъ красивый, коренастый старикъ; Эллиноръ избрала его разъ навсегда въ повѣренные разныхъ своихъ маленькихъ затѣй, съ которыми она боялась навязываться мистеру Карбету, лучшему своему другу послѣ отца и Диксона. Мистеръ Карбетъ нѣсколько разъ уже замѣчалъ ей обиняками, что такія задушевныя отношенія съ слугами, по его мнѣнію неприличны. Наконецъ, видя, что Эллиноръ не возьметъ въ толкъ его намековъ,—онъ высказался прямо и тутъ въ первый разъ онъ увидѣлъ ее разсерженною. Эллиноръ была еще слишкомъ молода, чтобы умѣть формулировать свои чувства; она разразилась отрывистыми восклица-

ніями въ родѣ слѣдующихъ: «какой срамъ! добрый, милый Диксонъ, который въ честности и преданности не уступитъ любому нобльмену! Я люблю его гораздо больше, чѣмъ васъ, мистеръ Карбетъ, и всегда буду съ нимъ разговаривать!» Тутъ она залилась слезами и убѣжала, и ни за что не хотѣла вернуться, чтобы проститься съ мистеромъ Карбетомъ; а между она знала, что теперь даже съ нимъ не увидится, такъ какъ онъ на слѣдующій же день уѣзжалъ къ отцу, а тамъ долженъ былъ отправиться въ Кембриджъ.

Ральфъ считалъ своимъ долгомъ дать добрый совѣтъ сиротѣ, не имѣвшей никого, кто бы растолковалъ ей тѣ приличія, въ которыхъ воспитывались его собственныя сестры; неудача попытки была ему обидна и онъ уѣхалъ изъ Гамли огорченный и раздосадованный. Что же касается до Эллиноръ, то, узнавъ на другой день, что онъ уѣхалъ не на шутку,—уѣхалъ, не сказавъ ей ни слова на прощанье, она заперлась въ своей комнатѣ и заплакала горькими слезами, въ которыхъ самообвиненіе примѣшивалось къ горести разлуки. Къ чаю она вышла въ классную комнату, но все время просидѣла спиною къ свѣту и, какъ только миссъ Монро обратилась къ своимъ упражненіямъ въ испанскомъ языкѣ, такъ она, незамѣченная, прокралась въ садъ; тутъ она было думала снова дать волю своимъ слезамъ, но ясность лѣтняго вечера какъ будто пристыдила ея безумное горе.

По сосѣдству съ цвѣтникомъ находился небольшой клочекъ заросшей травою земли, въ самой срединѣ котораго возвышалась группа старыхъ деревьевъ. Корни этихъ деревьевъ торчали изъ земли, осенью листва ихъ въ такомъ изобиліи засыпала почву, что весною трава выростала на ней чрезвычайно рѣдко, за то нигдѣ не было такого изобилія подснѣжниковъ.

Корни этихъ старыхъ деревьевъ были любимымъ мѣстомъ Эллиноръ для ея игръ; такое-то мѣсто въ промежуткѣ корней было отведено ею подъ кухню для своихъ куколъ, а такое-то подъ гостиную и т. д. Мистеръ Карбетъ довольно презрительно относился къ ея играмъ и потому она не часто водила его сюда. За то Диксонъ принималъ въ ея заботахъ о куклахъ такое живое, дѣятельное участіе, какъ будто самому ему было не сорокъ лѣтъ, а шесть. На этотъ разъ, заглянувъ въ свой

любимый уголъ, Эллинорѣ нашла въ немъ нѣсколько новыхъ украшеній для кукольной гостиной, очень искусно выдѣланныхъ изъ сосновыхъ шишекъ. Догадываясь, что это подарокъ Диксона, она со всѣхъ ногъ бросилась его отыскивать, чтобы отблагодарить его.

— Что это такое приключилось съ моею пригожею барышнею? спросилъ Диксонъ, какъ скоро разглядѣлъ ея заплаканное лице.

— Такъ себѣ, пустяки, отвѣчала она, краснѣя.

— Или бѣда какая случилась? Не могу ли я пособить? спросилъ Диксонъ, помолчавъ.

— О нѣтъ, ничего. Мистеръ Карбетъ уѣхалъ не простившись со мною, вотъ и все. — И Эллинорѣ, казалось, снова была готова заплакать.

— Не слѣдъ ему было такъ дѣлать, рѣшительно замѣтилъ Диксонъ.

— Но я сама была виновата, поспѣшила Эллинорѣ за него заступиться.

Диксонъ пристально поглядѣлъ на нее изъ подъ своихъ нависшихъ бровей.

— Онъ сталъ выговаривать мнѣ, что я не такъ себя веду, какъ его сестры, какъ будто я непремѣнно должна во всемъ брать примѣръ съ другихъ, вотъ я и обидѣлась, и убѣжала...

— Такъ это сама мисси не хотѣла съ нимъ проститься. Ну, не слѣдъ было и мисси такъ дѣлать.

— Но, Диксонъ, я терпѣть не могу слушать выговоры.

— Сдается мнѣ, что вы и такъ ихъ не слишкомъ-то много слушаете. То-то, моя пригожая, а я все таки скажу, что мистеръ Карбетъ говорилъ дѣло: барину, видите ли, некогда, миссъ Монро ужъ больно ученостью озабочена, мамаши у васъ нѣтъ, такъ кто же вамъ скажетъ, что пристало для молодой леди, и что нѣтъ. А мистеръ Карбетъ все-таки изъ хорошаго дома, у отца его, слышалъ я, лучшій конскій заводъ въ цѣломъ Шропширѣ, и сестрицы его деликатно воспитаны.

— Ахъ ты мой милый Диксонъ! Да ты не знаешь, за что онъ мнѣ выговаривалъ и я тебѣ этого не скажу. Только ужъ, вѣрь мнѣ, если мистеръ Карбетъ и былъ немножко правъ, то во многомъ онъ совсѣмъ былъ не правъ.

— Ну, да вы не убивайтесь,—вѣдь вы у меня умница; патронъ, какъ увидитъ ваши красные глазки, чего добраго, перепугается, а у него и такъ много горя...

— Горя! у него много горя! О Диксонъ, какъ же это такъ? воскликнула Эллиноръ и лице ея мигомъ приняло не дѣтски озабоченное выраженіе.

— Да такъ, особеннаго ничего нѣтъ, неопредѣленно отвѣчалъ Диксонъ.—Только не лежитъ у меня сердце къ этому тихонѣ Донстеру и сдается мнѣ, что онъ крѣпко донимаетъ патрона.

— Я ненавижу мистера Донстера, съ жаромъ воскликнула Эллиноръ.—Въ первый разъ какъ онъ придетъ къ папа обѣдать, я не скажу съ нимъ ни слова.

— Мисси будетъ вести себя такъ, какъ пріятнѣе папашѣ, увѣщательнымъ тономъ замѣтилъ Диксонъ. И съ этими словами закадычные друзья разстались.

IV.

На слѣдующее лѣто мистеръ Карбетъ снова пріѣхалъ заниматься съ мистеромъ Нессомъ. Самъ онъ мало измѣнился за послѣдній годъ, да врядъ ли и было чему измѣняться въ его рано сложившемся характерѣ. Тѣмъ болѣе поразила его перемѣна, происшедшая съ Эллиноръ Уилькинсъ. Изъ тщедушной дѣвочки она стала высокою стройною дѣвушкою, обѣщавшею сложиться въ настоящую красавицу. Она застѣнчиво встрѣтила своего стариннаго строгаго друга, потому что она не могла забыть, при какихъ обстоятельствахъ они разстались, и вполнѣ была убѣждена, что онъ этого не забылъ и не могъ ей простить. Въ сущности же онъ давно забылъ объ этомъ и думать. А она между тѣмъ, бѣдняжка, желая доказать ему свое раскаяніе, изо всѣхъ силъ старалась обуздать свою мальчишескую рѣзвость; благодаря этимъ усиліямъ, онъ увидѣлъ въ ней молодую леди, исполненную достоинства и изящества. Впрочемъ, подъ этою, слегка чопорною внѣшностью,

не трудно было подмѣтить живую струйку ея дѣтской самобытности, и чего, чего не пускалъ онъ въ ходъ, чтобы снова вызвать эту струйку на поверхность.

Успѣхъ его былъ полный. Никому изъ близкихъ не приходило въ голову слѣдить за молодыми людьми, да и сами молодые люди не подозрѣвали къ чему идутъ. Мистеръ Уилькинсъ все еще смотрѣлъ на Эллинор, какъ на ребенка; миссъ Монро была озабочена собственнымъ усовершенствованіемъ въ наукахъ; мистеръ Нессъ хлопоталъ надъ Гораціемъ, котораго готовился издать съ собственными примѣчаніями. А между тѣмъ къ концу лѣта молодые люди были безумно влюблены другъ въ друга или, вѣрнѣе, Эллиноръ была безумно влюблена въ него, а онъ на столько былъ влюбленъ въ нее, на сколько это было совмѣстно съ разсудочностью, преобладавшею въ немъ надъ силою чувства. Впрочемъ, за исключеніемъ этой привязанности, возникшей между молодой четой, все шло по старому. Эллиноръ точно также вставала рано, поила отца чаемъ и сопровождала его послѣ завтрака въ кабинетъ; тутъ она весело болтала съ нимъ, зашивала его перчатки и, повиснувъ на его рукѣ, отправлялась съ нимъ на конюшни, гдѣ она кормила и трепала рукою самыхъ пугливыхъ лошадей, между тѣмъ какъ отецъ ея разговаривалъ съ Диксономъ. Мистеръ Уилькинсъ вообще не слишкомъ-то торопился по утрамъ въ свою контору. — Проводивъ его, она возвращалась къ миссъ Монро и садилась за уроки. Нельзя сказать, чтобы научныя занятія Эллиноръ шли съ особенною правильностью: только любовь къ отцу могла бы побудить ее серьезно заняться тою или другою отраслью знанія, но она знала, что мистера Уилькинса вполнѣ удовлетворяетъ тотъ пестрый запасъ поверхностныхъ свѣдѣній, благодаря которому она могла быть для него пріятною собесѣдницей.

Миссъ Монро и Эллиноръ обѣдали и пили чай вдвоемъ, — и то и другое очень рано. Гуляли онѣ обыкновенно въ саду, такъ какъ миссъ Монро терпѣть не могла ни усталости, ни грязи, большаго дождя и постоянно уклонялась отъ большихъ прогулокъ. Часовъ въ семь возвращался мистеръ Уилькинсъ; въ тѣ дни, когда онъ обѣдалъ дома, онъ постоянно приглашалъ или мистера Несса, или мистера Карбета, или кого

другого. Изрѣдка, и то неохотно, приглашалъ онъ мистера Донстера и въ тѣ дни не долго засиживался съ своимъ собесѣдникомъ съ глазу на глазъ, а спѣшилъ изъ за обѣда къ Эллинoръ въ библіотеку. Со всѣми остальными своими гостями мистеръ Уилькинсъ подолгу оставался за столомъ; съ мистеромъ Нессомъ его удерживала занимательность разговора, съ остальными хорошое вино, на которое онъ не любилъ скупиться.

Мистеръ Карбетъ обыкновенно оставлялъ своего наставника и мистера Уилькинса вдвоемъ и самъ спѣшилъ въ библіотеку. Тутъ онъ подсаживался къ Эллинoръ, разспрашивалъ ее о томъ, о другомъ, шутилъ съ ней, разсказывалъ ей о своей матери и сестрахъ, какъ о личностяхъ, съ которыми ей рано или поздно предстоитъ познакомиться и умѣлъ овладѣть всѣмъ ея вниманіемъ. Миссъ Монро тутъ же присутствовала, успокоенная въ своемъ чувствѣ приличія тѣмъ соображеніемъ, что вѣроятно самъ мистеръ Уилькинсъ знаетъ, что дѣлаетъ, допуская такую короткость между молодымъ человѣкомъ и своею дочерью.

Мистеръ Карбетъ задавалъ себѣ вопросъ: слѣдуетъ ли ему передъ отъѣздомъ высказаться передъ Эллинoръ и связать ее обѣщаніемъ. Ему не хотѣлось обратиться съ формальнымъ предложеніемъ къ мистеру Уилькинсу, не потому, чтобы онъ сомнѣвался въ его согласіи, за это согласіе ручалось ему снисхожденіе, съ которымъ мистеръ Уилькинсъ смотрѣлъ на короткость ихъ отношеній. Но дѣло въ томъ, что этотъ шагъ повлекъ бы за собою переговоры съ его собственнымъ отцомъ, который ничего еще не подозрѣвалъ и, конечно, взглянулъ бы на все дѣло, какъ на мальчишескую блажь. Нѣтъ, Ральфъ рѣшилъ, что съ мистеромъ Уилькинсомъ онъ годъ, другой, подождетъ говорить.

Но не слѣдовало ли ему самой Эллинoръ открыться въ своей любви и намѣреніи жениться на ней?

Опять-таки и тутъ молчаніе казалось ему болѣе благоразумною тактикой. Не потому, чтобы онъ сомнѣвался въ прочности собственнаго чувства, въ немъ онъ былъ увѣренъ. Но, формальное предложеніе съ его стороны обязывало Эллинoръ во всемъ открыться отцу; не исполнивъ этого обяза-

тельства, она много потеряла бы въ его глазахъ, а между тѣмъ этотъ поступокъ съ ея стороны повлекъ бы за собою тѣ самыя неудобства, во избѣжаніе которыхъ онъ отложилъ до поры до времени всякое личное объясненіе съ мистеромъ Уилькинсомъ.

Во взаимности Эллиноръ онъ былъ увѣренъ; самолюбіе не дозволяло ему ни на минуту усомниться въ ея постоянствѣ. «Къ тому же, разсуждалъ онъ съ собою для вящщаго своего успокоенія. — Кого она видитъ? Эти безмозглые Гальстеръ, которые должны бы были гордиться такою кузиной, не хотятъ и знать о ея существованіи и дурно отзываются о ея отцѣ. Вся деревенщина этого, по истинѣ Беотійскаго шайра, ластится ко мнѣ вовсе не за мои личныя достоинства, а потому, что отецъ мой ведетъ свой родъ отъ Плантагенетовъ, на нее же они смотрятъ свысока. Тѣмъ хуже для нихъ и тѣмъ лучше для меня. Я стою выше этихъ устарѣлыхъ предразсудковъ; что тамъ ни говорите, а дочь богатаго стряпчаго вовсе не дурная партія для меня, младшаго въ родѣ. Года черезъ три, черезъ четыре изъ Эллиноръ выйдетъ великолѣпная женщина; у нея какъ разъ тотъ стиль красоты, которымъ восхищается мой отецъ. Я не буду торопиться, и все въ свое время придетъ къ благополучной развязкѣ».

И такъ, онъ простился съ Эллиноръ, простился неохотно и нѣжно, но въ такихъ выраженіяхъ, что каждое его слово могло быть повторено во всеуслышаніе на торговой площади Гамли. Мистеръ Уилькинсъ почти приготовился выслушать отъ молодаго человѣка признаніе, сущность котораго была ему напередъ извѣстна. Но онъ ошибся въ своемъ ожиданіи.

Слѣдующіе два года прошли безъ особенныхъ перемѣнъ, по крайней мѣрѣ такъ могло показаться поверхностному наблюдателю. Мистеръ Уилькинсъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе втягивался въ безмятежное наслажденіе благами жизни, и при этомъ нельзя сказать, чтобы сущность того, что составляло для него благо жизни, улучшилось, а развѣ наоборотъ. Для него уже не имѣли прежней цѣнности ни книги нѣсколько серьезнаго содержанія, ни статуи, ни гравюры, за то онъ кидалъ сумасшедшія деньги на лошадей, на вино и на столъ. Въ этомъ не было ничего положительно

порочнаго, большая часть людей, съ которыми онъ сходился въ свои досужіе часы, дѣлало то же самое; за то они въ другіе часы, когда его не было съ ними, имѣли свои обязанности, которыя исполняли по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія. Одинъ мистеръ Уилькинсъ, недовольный своимъ положеніемъ, уклонялся отъ сопряженныхъ съ нимъ обязанностей.

Вставалъ онъ поздно и каждый разъ приходилъ въ раздраженіе, когда мистеръ Донстеръ, значительно поглядывая на конторскіе часы, докладывалъ своему господину, что такой-то кліентъ, пріѣхавшій въ условленное время, прождалъ его болѣе часа. «Зачѣмъ вы сами не переговорили съ нимъ, Донстеръ? Я убѣжденъ, что вы съумѣли бы сдѣлать не хуже меня.» — Подобнаго рода отвѣтомъ мистеръ Уилькинсъ старался порою задобрить человѣка, котораго въ душѣ не любилъ и боялся. На что обыкновенно мистеръ Донстеръ отвѣчалъ своимъ ровнымъ, дѣловымъ тономъ: «О сэръ, да развѣ они станутъ говорить о своихъ дѣлахъ съ лицемъ подчиненнымъ!»

И каждый разъ послѣ подобнаго разговора въ головѣ мистера Уилькинса возникала мысль о томъ, какъ удобно было бы взять къ себѣ Донстера компаньономъ и свалить на него всю отвѣтственность и самую суть дѣла. Докучливые кліенты, забиравшіеся спозаранку, могли не довѣрять клерку, но съ компаньономъ они могли обо всемъ говорить откровенно. —Правда, поперегъ этихъ соображеній становилось неодолимое отвращеніе, которое мистеръ Уилькинсъ питалъ къ мистеру Донстеру; мистеръ Уилькинсъ очень хорошо зналъ, что всѣ тайныя желанія послѣдняго клонились къ тому, чтобы изъ слуги сдѣлаться компаньономъ и злобно потѣшался, преслѣдуя минстера Донстера рѣчами въ родѣ вышеприведенныхъ, которыя служили какъ бы введеніемъ къ давно ожиданному разговору и заставляли Донстера испытывать танталовскія муки. Неизвѣстно, вслѣдствіе какого именно внѣшняго толчка, мистеръ Уилькинсъ, наконецъ, предложилъ ему сдѣлаться его компаньономъ. Мистеръ Донстеръ подозрѣвалъ, что толчекъ этотъ былъ—заявленіе кѣмъ нибудь изъ кліентовъ неудовольствія по поводу небрежнаго веденія дѣлъ и угроза обратиться къ другому стряпчему. Какъ бы то ни было, предложеніе было сдѣлано нехотя и по возможности нелюбезно, но какое до этого

было дѣло мистеру Донстеру въ виду существенныхъ выгодъ его новаго положенія?

Не за долго передъ этимъ, мистеръ Карбетъ формально объяснился съ Эллиноръ въ любви. Онъ уже кончилъ курсъ въ университетѣ и съ успѣхомъ продолжалъ свое юридическое образованіе въ Мидэль-Темплѣ. Приближался бальный сезонъ въ Гамли, и Эллиноръ готовилась въ первый разъ выѣхать въ свѣтъ. Ральфъ уже заранѣе ревновалъ ее къ тѣмъ поклонникамъ, которые могли у нея явиться. Но тревога его была совершенно напрасна. Эллиноръ не нуждалась въ формальныхъ словахъ и обѣщаніяхъ. Она и безъ нихъ считала себя связанною съ нимъ на вѣки и ее даже нѣсколько удивила необходимость рѣшительнаго вопроса:

— Эллиноръ, милая, согласна ли ты быть моею женою?

— О да, конечно, какъ же иначе, отвѣчала она, краснѣя.

— Стало быть, я могу переговорить съ твоимъ отцемъ;— такъ что ли, моя дорогая?

— Онъ и такъ знаетъ; я убѣждена, что онъ все знаетъ; къ тому же онъ такъ тебя любитъ. О, какъ я счастлива!

Мистеръ Уилькинсъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, курилъ сигару и пробѣгалъ отъ нечего дѣлать объявленія въ *Times*. Съ той поры, какъ мистеръ Донстеръ сдѣлался его компаньономъ, онъ все неохотнѣе и неохотнѣе заглядывалъ въ контору,—человѣкъ этотъ раздражалъ его своимъ испытующимъ, укоризненнымъ взглядомъ.

— Мнѣ нужно переговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, мистеръ Уилькинсъ; свободны ли вы теперь? спрашивалъ его, входя, мистеръ Карбетъ.

— О да, конечно, мой милый, отвѣчалъ мистеръ Уилькинсъ, догадываясь, къ чему ведетъ этотъ торжественный приступъ.—Не хотите ли сигару.

— Благодарю васъ, я не курю.

Мистеръ Карбетъ относился неодобрительно ко всѣмъ подобнаго рода вольностямъ и отказъ его звучалъ нѣсколько рѣзко, хотя и этого не было у него въ намѣреніи; довольный тѣмъ, что онъ не похожъ на остальныхъ людей, онъ вовсе не считалъ своимъ долгомъ заботиться объ ихъ исправленіи.

— Я хочу поговорить съ вами объ Эллиноръ. Она выс-

казала мнѣ убѣждение, что наша взаимная привязанность для васъ не тайна.

— Гмъ! отвѣчаъ мистеръ Уилькинсъ, снова принимаясь за свою сигару, чтобы скрыть свое волненіе.—Догадываться-то я догадывался. Вѣдь и самъ я еще не успѣлъ забыть своей молодости.—И онъ вздохнулъ при воспоминаніи о Летиціи и о собственной, богатой надеждами и силами, юности.

— Основываясь на томъ, что вы знали объ этой привязанности и ни разу не высказали неодобренія, я смѣю надѣяться, сэръ, что вы не откажете намъ въ согласіи на нашъ бракъ.

Мистеръ Уилькинсъ отвѣчалъ не вдругъ. Ему тяжело было дать свое согласіе на то, что разлучало его съ единственнымъ дѣтищемъ; слезы его готовы были хлынуть при первой попыткѣ вымолвить слово. Наконецъ онъ всталъ, и, протянувъ руку мистеру Карбету, проговорилъ:

— Да! Господь да благословитъ васъ обѣихъ. Я вамъ отдамъ ее со временемъ, только не скоро. А теперь, оставьте меня, ступайте къ ней, силы измѣняютъ мнѣ.

V.

Нѣсколько дней спустя, мистеръ Уилькинсъ спохватился, что не мѣшало бы ему снестись съ женихомъ своей дочери о томъ, какъ взглянетъ семейство молодаго человѣка на его помолвку. И такъ онъ написалъ ему исполненное достоинства письмо, въ которомъ выражалъ надежду, что Ральфъ извѣстилъ отца о своей помолвкѣ; далѣе говорилось о томъ, что молва, какъ нельзя лучше, ознакомила мистера Уилькинса съ мистеромъ Карбетомъ, занимающимъ столь видное положеніе въ Шропшайрѣ; но что онъ, мистеръ Уилькинсъ, не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія на таковую же извѣстность и очень можетъ статься, что мистеръ Карбетъ никогда не слыхалъ его имени, пользующагося, впрочемъ, изстари мѣстною извѣстностью; говорилось также о томъ, что жена ми-

стера Уилькинса была изъ стариннаго дворянскаго рода Гальстеровъ, что самъ онъ происходилъ отъ младшей отрасли южно-уэльскихъ Де-Уинтоновъ или Уилькинсовъ, наконецъ о томъ, что къ Эллиноръ, какъ единственной его наслѣдницѣ, перейдетъ со временемъ все его состояніе.

Случилось такъ, что около этого же самаго времени старшій сынъ и наслѣдникъ Карбетовъ былъ помолвленъ съ леди Маріею Брабантъ, дочерью одного изъ самыхъ надменныхъ графовъ въ шайрѣ, считавшаго участіе мистера Уилькинса въ скачкахъ за кровную обиду цѣлому графству, и постоянно дѣлавшаго видъ, что не замѣчаетъ его присутствія на званыхъ обѣдахъ, гдѣ они встрѣчались. Леди Марія гостила у Карбетовъ въ то самое время, когда было получено въ родительскомъ домѣ письмо Ральфа, со вложеніемъ письма мистера Уилькинса. На распросы мистрисъ Карбетъ и ея дочерей о томъ, что за люди эти Уилькинсы, она, безъ всякаго злаго умысла, повторила мнѣніе своего отца. Въ душѣ она была не злая дѣвушка, но, быть можетъ, и самой ей не совсѣмъ пріятно было имѣть своей невѣсткою дочь «выскочки стряпчаго», «нигдѣ не принятаго въ графствѣ», вѣчно искавшаго втерѣться въ высшій кругъ, навязывавшагося въ родство къ Де-Уинтонамъ такого-то замка, которые, какъ ей хорошо было извѣстно, только смѣялись надъ его притязаніями и говаривали, что родства у нихъ оказывается больше, чѣмъ они подозрѣвали.

Наслушавшись всего этого, мистрисъ Карбетъ и ея дочери положительно возстали противъ «глупой интриги, въ которую запутался Ральфъ»—такъ отзывались онѣ о его помолвкѣ; онѣ не давали покоя старому сквайру, пока, наконецъ, старикъ, выше всего дорожившій своимъ спокойствіемъ и постоянно находившійся подъ вліяніемъ тѣхъ, кто былъ къ нему ближе, не написалъ Ральфу гнѣвнаго письма. Въ этомъ письмѣ говорилось, что Ральфъ, какъ совершеннолѣтній, конечно имѣетъ право поступать такъ, какъ ему заблагоразсудится; отецъ же его можетъ только замѣтить, что подобнымъ бракомъ онъ разбиваетъ лучшія надежды своихъ родителей и позоритъ все свое семейство, стоящее на пути породниться съ перами временъ Якова 1-го; что, женившись на этой дѣ-

вушкѣ, Ральфъ не долженъ ожидать, чтобы Карбеты изъ Карбетъ-Галя когда-либо признали ее своею дочерью. Къ этому письму мистрисъ Карбетъ прибавила слѣдующій постскриптумъ:

«Милый Ральфъ!

Хотя, по праву младшаго сына, ты и долженъ наслѣдовать Брумли послѣ моей смерти, тѣмъ не менѣе я властна сдѣлать многое, чтобы убавить цѣнность этого помѣстья. До сихъ поръ, соблюдая твои выгоды, я воздерживалась отъ продажи лѣсовъ и посредствомъ которой я могла бы увеличить приданный капиталъ твоихъ сестеръ; но, если ты будешь упорствовать въ сохраненіи этого безумнаго обязательства, я не премину воспользоваться своимъ правомъ. Сопротивленіе твоего отца послужитъ тебѣ уважительнымъ предлогомъ, чтобы взять назадъ свое слово.»

Отвѣтъ этотъ раздосадовалъ Ральфа, но онъ только улыбнулся запирая посланіе въ свой письменный столъ.

— Бѣдный старикъ-отецъ! туда же кипятится. Ну, съ матушкой—съ той можно будетъ сговорить — стоитъ только объяснить ей, какое состояніе принесетъ съ собою въ приданое Эллиноръ; а тамъ, пускай себѣ тѣшится и рубитъ свои лѣса; еще я былъ въ пеленкахъ, какъ она мнѣ этимъ грозила,—жаль только, что вотъ уже десять лѣтъ, какъ я узналъ несостоятельность угрозы, — на порубку она не имѣетъ ни малѣйшаго права.

Онъ не счелъ нужнымъ торопиться отвѣтомъ на это письмо и даже не упомянулъ о немъ Эллиноръ. Мистеръ Уилькинсъ, оставшійся вполнѣ довольнымъ собственнымъ письмомъ къ молодому человѣку, совершенно былъ убѣжденъ, что и всякій другой не можетъ отказать ему въ одобреніи, а потому нисколько не безпокоился о томъ, что Ральфово семейство не спѣшитъ заявить ему свое согласіе. Что же касается до Эллиноръ, то она не запомнила такого счастливаго лѣта; цвѣты распускались такъ роскошно, плоды зрѣли въ такомъ изобиліи, казалось, щедрая природа хотѣла переполнить чашу радостей черезъ край. Отецъ ея былъ здоровъ и, по видимому, доволенъ. Миссъ Монро была очень ласкова, Диксонъ ходилъ молодцо-

ватѣе чѣмъ когда-либо. Одно появленіе въ домѣ мистера Донстера омрачало ясное теченіе ея вседневной жизни.

Эллиноръ стала выѣзжать на гамлійскіе балы, но ея появленіе въ свѣтѣ не сопровождалось тѣмъ блестящимъ эффектомъ, какого ожидали отецъ и ея женихъ. Знатоки восхищались ея красотою и врожденною граціею, но большинство находило, что ей недостаетъ «какого-то стиля». Не одна пожилая вдовствующая леди находила, что ей и бывать-то на этихъ балахъ вовсе не пристало; но, леди Гальстеръ (помнившая ссору своего мужа съ мистеромъ Уилькинсомъ и глядѣвшая въ сторону каждый разъ, какъ Эллиноръ близко подходила къ ней) вломилась по этому поводу въ обиду. «Миссъ Уилькинсъ происходитъ отъ одного рода съ сэромъ Франкомъ, — древнѣйшаго рода нѣтъ въ цѣломъ графствѣ. Можно было съ самаго начала не принимать въ обществѣ ея отца, но если разъ онъ былъ принятъ то леди Гальстеръ не видитъ, почему бы миссъ Уилькинсъ была не на своемъ мѣстѣ».

И такъ, выѣзды не приносили съ собою для Эллиноръ ничего такого, что могло бы пристрастить ее къ удовольствіямъ: въ успѣхѣ ея не было ничего опьяняющаго. На балы Эллиноръ пріѣзжала съ отцомъ, но роль «chapelain» исполняла въ отношеніи ея старая вдовствующая леди, просиживавшая по цѣлымъ вечерамъ за картами. Леди эта была многимъ обязана фирмѣ Уилькинса и сына и снисходила къ слабости мистера Уилькинса, желавшаго ввести свою дочь въ высшее, чуждое ей общество — въ этомъ снисхожденіи она считала нужнымъ оправдываться передъ своими знакомыми. Она дозволяла Эллиноръ сидѣть возлѣ себя на малиновомъ диванѣ, заговаривала съ ней до поры до времени, въ промежуткѣ между двумя робберами, а за тѣмъ оставляла ее въ покоѣ, въ самодовольной увѣренности, что она исполнила все, что можно было отъ нея требовать въ отношеніи къ дочери «этого *bon homme* Уилькинса». Между тѣмъ мистеръ Уилькинсъ обходилъ всю залу, и вездѣ, гдѣ только была малѣйшая надежда подцѣпить танцора, проговаривался о томъ, что дочь его на балу. И точно, иные приглашали ее въ угоду мистеру Уилькинсу, другіе, потому что, протанцовавъ обязательное количество танцевъ съ своими короткими знакомыми, могли рас-

полагать собою какъ имъ было угодно, такъ что къ концу вечера Эллиноръ была постоянно ангажирована изъ трехъ танцевъ на четвертый.

Эллиноръ нисколько не огорчалась тѣмъ, что красота ея не встрѣчаетъ должной оцѣнки, но обидно ей было порою, что первая половина вечера проходила для нея безъ приглашеній. Впрочемъ, ея вседневная жизнь была въ эту пору такъ счастлива, что, оглядываясь на нее въ позднѣйшіе годы, она готова была принять за блаженный сонъ.

Она принуждена была довольствоваться перепискою съ своимъ возлюбленнымъ. Самъ мистеръ Карбетъ пріѣзжалъ рѣдко и то не надолго. Останавливался онъ обыкновенно у мистера Несса, но большую часть дня проводилъ въ Фордъ-Банкѣ. Между тѣмъ онъ съ неутомимымъ рвеніемъ продолжалъ трудиться надъ своимъ юридическимъ образованіемъ; всѣ силы его были направлены къ достиженію тѣхъ дальнихъ цѣлей, которыя указывало ему честолюбіе. Письма Эллиноръ онъ перечитывалъ по нѣскольку разъ,—они были его единственнымъ отдохновеніемъ отъ чтенія юридическихъ книгъ. Онъ радовался тому обстоятельству, что она не слишкомъ-то веселится, что появленіе ея не возбуждаетъ слишкомъ большаго восторга, его только возмущало слегка безвкусіе шайрскихъ джентльменовъ. Быть можетъ, появленіе новыхъ поклонниковъ побудило бы его къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій, нежели тотъ, котораго онъ придерживался до сихъ поръ. Онъ уговорилъ Эллиноръ, а Эллиноръ уговорила отца, чтобы помолвка ихъ не была объявлена до тѣхъ поръ, пока обстоятельства позволятъ ему жениться на ней. Онъ боялся, чтобы оглашеніе этой помолвки, перваго и послѣдняго необдуманнаго шага его въ жизни, не повредило ему во мнѣніи тѣхъ, которые привыкли видѣть въ немъ въ высшей степени осмотрительнаго человѣка.

Мистеръ Уилькинсъ слегка удивился, но, по обыкновенію своему, согласился на желаніе Эллиноръ.

Все это время, въ отношеніи собственнаго своего семейства, Ральфъ Карбетъ держался спокойно и рѣшительно. Онъ былъ связанъ съ миссъ Уилькинсъ взаимнымъ обѣщаніемъ и могъ только жалѣть о томъ, что родные не одоб-

ряютъ его выбора. Обстоятельства не позволяли ему жениться немедленно и онъ надѣялся, что, ко времени его свадьбы, семейство его благоразумнѣе взглянетъ на дѣло и приготовится встрѣтить его жену съ подобающимъ уваженіемъ и любовью. Такова была сущность того, что онъ въ различныхъ выраженіяхъ повторялъ въ отвѣтъ на гнѣвныя письма своего отца. Наконецъ, несокрушимая его рѣшимость одержала верхъ; громы родительскаго гнѣва стали мало по малу стихать и, наконецъ, заведена рѣчь о томъ, сколько миссъ Уилькинсъ получитъ при выходѣ замужъ и сколько по смерти отца. Что касалось этого вопроса, то и самъ Ральфъ не прочь былъ уяснить себѣ въ пору своего сватовства; онъ былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ влюбленъ, чтобы много объ этомъ думать.

По всему слѣдовало предполагать, что дочь богатаго стряпчаго принесетъ съ собою хорошее приданое; круглая сумма, которая дала бы новобрачной четѣ возможность обзавестись хозяйствомъ на безбѣдную ногу, была бы ему большимъ подспорьемъ въ его профессіи. И такъ, онъ написалъ мистеру Уилькинсу письмо, въ которомъ передалъ ему въ выпискахъ содержаніе родительскаго письма, предварительно смягчивъ выраженія оригинала. Ральфъ извѣщалъ мистера Уилькинса, что въ скоромъ времени надѣется занять положеніе, которое позволитъ ему предложить свой кровъ его дочери; онъ упоминалъ тажке о помѣстьи, которое онъ, по праву младшаго сына, долженъ былъ наслѣдовать послѣ матери, и пользованіе которымъ предлагалъ обезпечить за Эллиноръ. За тѣмъ онъ упоминалъ о томъ, что отецъ его желаетъ знать, не намѣренъ ли мистеръ Уилькинсъ обезпечить Эллиноръ извѣстною суммою на случай ея вдовства, которое иначе обременило бы самого мистера Карбета заботою о ней и о дѣтяхъ, могущихъ произойти отъ этого брака; подъ конецъ письма тонко намекалось о томъ, что желательно было бы знать, какая именно будетъ эта сумма.

Письмо это заставило мистера Уилькинса очнуться отъ блаженнаго забытья. Онъ ничего не имѣлъ противъ Ральфа Карбета и даже порой находилъ успокоеніе въ мысли, что дочь его не въ конецъ осиротѣетъ съ его смертью. Но ему вовсе

не хотѣлось, чтобы новая семья Эллиноръ такъ рано вступила въ свои права; ему всегда казалось, что будетъ еще время для этого брака и послѣ его смерти — онъ рѣшительно не могъ вообразить себѣ, чѣмъ станетъ безъ нея его собственная жизнь.

Онъ сошелъ къ завтраку съ письмомъ въ рукахъ. По лицу Эллиноръ онъ угадалъ, что и она съ тою же почтой получила вѣсти отъ своего жениха и знала о содержаніи этого письма; тѣмъ не менѣе онъ положилъ его въ карманъ и старался о немъ болѣе не думать.

Кромѣ нежеланія торопиться свадьбой, мистеръ Уилькинсъ имѣлъ еще и другія причины быть не въ духѣ по поводу этого дѣла. Денежныя обстоятельства его были очень запутаны. Онъ проживалъ болѣе, нежели получалъ, не велъ никакихъ счетовъ и вообще переоцѣнивалъ свои средства. Мистеръ Уилькинсъ не сомнѣвался въ возможности надѣлить Эллиноръ приличною суммою наличными деньгами; но, чтобы осуществить эту сумму, ему нужно было поближе заглянуть въ состояніе собственныхъ дѣлъ, а это было сопряжено съ кучею хлопотъ. И такъ, онъ рѣшился пока ни слова не говорить Эллиноръ о письмѣ ея жениха. Нѣсколько дней прошло въ томительномъ ожиданіи. Эллиноръ видѣлась съ отцомъ только мелькомъ и въ эти короткія свиданія онъ видимо старался ограничить разговоръ общими мѣстами, обходя то, что ее всего болѣе озабочивало. Какъ мы уже сказали, Эллиноръ получила въ одно время съ отцемъ письмо отъ мистера Карбета, въ которомъ онъ излагалъ ей содержаніе своего письма къ мистеру Уилькинсу. Онъ писалъ ей, что деньги не имѣютъ въ его глазахъ другаго значенія, какъ средство ускорить ихъ свадьбу. Что самъ онъ готовъ довольствоваться малымъ и проситъ объ одномъ только, чтобы поскорѣе была рѣшена его участь. Наконецъ онъ заклиналъ ее любовью къ нему быть за нее ходатаемъ передъ отцомъ.

Эллиноръ медлила отвѣтомъ на это письмо, выжидая, чтобы отецъ заговорилъ съ нею объ этомъ дѣлѣ. Но когда для нея стало ясно, что онъ избѣгаетъ всякаго подобнаго разговора, молодая дѣвушка пріуныла. Она стала упрекать себя за то, что желаетъ покинуть его. Тутъ повторялся старый, нера-

зумный споръ между отцомъ и любимымъ человѣкомъ за обладаніе привязанностями молодой дѣвушки и, какъ водится, молодая дѣвушка должна была за все платиться, хотя и ни въ чемъ не была виновата. Эллиноръ стала блѣдна и уныла; раза два, нечаянно взглянувъ на отца, она встрѣтила взглядъ его, устремленный на нее съ какимъ-то испытующимъ безпокойствомъ; но онъ тотчасъ же спѣшилъ оправиться и заводилъ разговоръ о какомъ нибудь постороннемъ предметѣ.

Наконецъ, мистеръ Карбетъ потерялъ терпѣніе и написалъ мистеру Уилькинсу новое письмо, въ которомъ дѣлалъ ему отъ имени отца другаго рода предложеніе, состоявшее въ томъ, чтобы мистеръ Уилькинсъ заимообразно далъ извѣстную сумму на улучшеніе Брумлійскаго помѣстья; старшій же мистеръ Карбетъ обязывался производить уплату значительными процентами, изъ которыхъ новобрачнымъ былъ бы обезпеченъ хорошій доходъ въ настоящемъ; этою же сдѣлкою значительно увеличивалась цѣнность помѣстья, которое впослѣдствіи долженствовало быть закрѣплено за Эллиноръ и предложеніе было такъ выгодно, что соблазнило мистера Уилькинса. Надо прибавить, что не далѣе, какъ утромъ того же дня, при взглядѣ на поблекшее личико Эллиноръ, онъ ощутилъ что-то похожее на угрызеніе совѣсти. И такъ, онъ составилъ смѣту на скорую руку на клочкѣ бумагѣ, — всѣ документы его находились въ конторѣ; изъ смѣты оказалось, что онъ можетъ уплатить требуемую сумму, и онъ написалъ письмо, въ которомъ заявлялъ свое согласіе на предложеніе мистера Карбета. Прежде чѣмъ запечатать письмо, онъ призвалъ Эллиноръ и далъ ей его прочитать. Не докончивъ чтенія, она бросилась къ нему на шею, силясь выразить ему свою благодарность не словами, а ласками.

— Ну, ну, будетъ, проговорилъ онъ съ улыбкою, къ которой примѣшивался вздохъ. — Ты, кажется, принимала меня за одного изъ тѣхъ жестокихъ отцовъ, о которыхъ говорится въ романахъ. За всю прошлую недѣлю у тебя былъ такой же убитый видъ, какъ у Офеліи. Нельзя же сразу рѣшиться на уплату такой значительной суммы: такъ-то, сударыня, хоть бы вы дали время старику—отцу собраться съ мыслями.

— О папа, я одного боялась, что вы сердитесь.

—А хотя бы я и былъ не совсѣмъ въ своей тарелкѣ, такъ плохое мнѣ было утѣшеніе видѣть, какъ ты вянешь и тоскуешь. Старый Карбетъ, нечего сказать, радѣетъ о выгодахъ своего сына. Счастье мое, что я никогда не былъ мотомъ

—Но, папа, намъ не нужно всѣхъ этихъ денегъ.

—Ладно, ладно, я хочу, чтобы за тобой было хорошее приданое, ужъ коли нѣтъ за тобой громкаго имени, какъ за леди Маріей. Ну, да выкинь всякую заботу изъ головки и поцѣлуй меня покрѣпче. А теперь, мы велимъ осѣдлать лошадей и поѣдемъ, на радостяхъ, прогуляться. Вѣдь меня нынче стоитъ побаловать,—не такъ ли, Нелли?

Эта верховая прогулка была ихъ послѣднею прогулкою вдвоемъ. Вскорѣ настали дождливые дни: было ли то вліяніе дурной погоды или какой тайной заботы, удручавшей его, только мистеръ Уилькинсъ утратилъ всю свою бодрость и сталъ прибѣгать для ея возстановленія къ вину. Съ каждымъ днемъ онъ становился раздражительнѣе; на случайную просьбу Эллиноръ сопутствовать ей въ прогулкѣ ея верхомъ, онъ отвѣчалъ, что «бабамъ хорошо гулять, когда имъ вздумается, а мужчинамъ недосугъ». Въ объясненіе этого рѣзкаго отвѣта онъ добавилъ, что мистеръ Донстеръ то и дѣло жалуется на неисправность своего компаньона, и вообще позволяетъ себѣ много лишняго, такъ мистеръ Уилькинсъ счелъ за лучшее аккуратно ѣздить въ контору съ цѣлью заявить, что глава всему дѣлу онъ, а не младшій его компаньонъ.

VI.

Къ Святой недѣлѣ пріѣхалъ мистеръ Карбетъ. Для Эллиноръ этотъ пріѣздъ былъ источникомъ безоблачнаго счастія; до сихъ поръ любовь ея къ мистеру Карбету не чужда была нѣкоторой примѣси страха; но въ послѣднее время обращеніе его стало мягче; мнѣнія утратили свою рѣзкость, и онъ былъ съ нею такъ нѣженъ, что молодая дѣвушка была на верху блаженства.

За нѣсколько дней до его отъѣзда въ погодѣ произошла одна изъ тѣхъ крутыхъ перемѣнъ, которыя такъ обыкновенны въ суровомъ климатѣ Англіи. Настала сильная жара; казалось, можно было услѣдить глазомъ, какъ сѣробурыя вѣтви деревъ и кустарниковъ переходятъ въ тотъ нѣжно-зеленый цвѣтъ, который служитъ предвѣстникомъ скораго распусканія листвы. Эллиноръ не утерпѣла и расположилась пить чай въ саду, на солнечной сторонѣ того самаго дерева, корни котораго играли такую важную роль въ ея дѣтскихъ забавахъ. Легкое сопротивленіе миссъ Монро, находившей, что еще рано пить чай на свѣжемъ воздухѣ, безъ труда было побѣждено мистеромъ Карбетомъ, который принялся помогать Эллиноръ въ ея веселыхъ хлопотахъ. Подкарауливъ отца, на возвратномъ пути его домой, она схватила его за руку и шутя притащила къ столу, около котораго для него было оставлено мѣсто. Но онъ молчалъ и казался печаленъ; его безучастность повѣяла холодомъ на общее веселье. Эллиноръ стала съ безпокойствомъ въ него всматриваться; онъ замѣтилъ это и проговорилъ, содрогаясь тѣмъ безпричинным ознобомъ, который, по народному повѣрью, есть вѣрный знакъ, что кто нибудь въ эту самую минуту проходитъ по мѣсту, предназначенному быть мѣстомъ нашего погребенія.

— Не такой нынче день, Эллиноръ, чтобы пить чай на открытомъ воздухѣ. Здѣсь ужасно свѣжо и я весь дрожу. Какъ ни вкусенъ твой чай, моя милая, а я принужденъ удалиться.

— Ахъ, папа! Какая досада! Но посмотрите, солнце такъ и паритъ; мнѣ казалось, что я выбрала такое отличное мѣсто.

Но, не смотря ни на какія просьбы, онъ всталъ изъ за стола, видимо жалѣя, что разстроилъ ихъ маленькій праздникъ. Прохаживаясь взадъ и впередъ по убитой щебнемъ дорожкѣ, которая пролегала близехонько отъ нихъ, онъ продолжалъ съ ними разговаривать, стараясь ихъ развеселить.

— Согрѣлись ли вы, папа? спросила Эллиноръ.

— О да, мнѣ отлично. Дѣло въ томъ, что именно то мѣсто, гдѣ вы расположились, показалось мнѣ какъ-то холодно и сыро. Теперь я совсѣмъ согрѣлся.

На слѣдующее утро мистеръ Карбетъ уѣхалъ и за безвременно теплыми днями послѣдовали пасмурные и холодные

За однимъ изъ рѣдкихъ званыхъ обѣдовъ, на которые Эллиноръ сопровождала отца, она познакомилась съ молодымъ пасторомъ, недавно получившимъ небольшой приходъ по сосѣдству. То былъ человѣкъ добрый, простодушный, необыкновенно моложавой наружности. Эллиноръ была съ нимъ по себѣ и она весело болтала съ нимъ о разныхъ мелочахъ, равно интересныхъ для обоихъ. Когда мужская половина общества воротилась въ гостиную, Эллиноръ въ первый разъ въ жизни замѣтила, что отецъ ея выпилъ болѣе чѣмъ слѣдовало; щеки ея зардѣлись отъ стыда; ей казалось, что всѣмъ должно кинуться въ глаза то, что такъ очевидно было для нея и, желая отвлечь вниманіе хотя бы одного или двухъ человѣкъ отъ ея отца, она съ усиленнымъ одушевленіемъ стала поддерживать съ мистеромъ Ливингстономъ разговоръ о приходскихъ школахъ.

Поведеніе ея въ этотъ вечеръ имѣло такія послѣдствія, какихъ она вовсе не ожидала. Мистеръ Ливингстонъ, которому она за обѣдомъ казалась только хорошенькою, послѣ обѣда нашелъ ее очаровательною. Всю эту ночь онъ видѣлъ ее во снѣ, и проснувшись на слѣдующее утро, принялся соображать, на сколько его средства позволяютъ ему мечтать о высшемъ блаженствѣ ввести подъ кровъ своего новенькаго, уютнаго домика молодую жену. Дня черезъ два онъ написалъ ей письмо, надъ сочиненіемъ котораго ему пришлось потрудиться болѣе, чѣмъ надъ иною проповѣдью. Письмо это было искреннимъ выраженіемъ беззавѣтной любви, готовой преодолѣть всевозможныя препятствія; въ заключеніе онъ извѣщалъ Эллиноръ, что на слѣдующее утро явится къ ней въ домъ узнать, можетъ ли онъ объясниться съ самимъ мистеромъ Уилькинсомъ. Письмо пришло вечеромъ, когда Эллиноръ и миссъ Монро сидѣли вдвоемъ въ библіотекѣ; мистера же Уилькинса не было дома. Пробѣжавъ эти строки, Эллиноръ почувствовала угрызеніе совѣсти. Каково же держала себя она, невѣста другаго, съ постороннимъ человѣкомъ, если знакомство одного вечера могло подать поводъ къ такому письму? Она была несправедлива въ своихъ самообвиненіяхъ, но это до насъ не касается. Скрѣпя сердце, она снова принялась за переводъ Данта; но пріискивая слова

въ лексиконѣ и удивляя миссъ Монро своимъ необыкновеннымъ прилежаніемъ, она обдумывала про себя, какъ бы поскорѣе дождаться отца, открыться ему во всемъ и попросить его взять на себя откровенное объясненіе съ мистеромъ Ливингстономъ; только такое объясненіе могло исправить ея ошибку. Она рано простилась съ миссъ Монро и удалилась въ свою комнату; комната эта выходила окнами на цвѣтникъ и на ту самую дорожку, по которой отецъ ея долженъ былъ воротиться домой. Голова у нея болѣла, она погасила свѣчу и, присѣвъ на подоконникъ, стала глядѣть въ ожиданіи отца на садъ, освѣщенный луною. Она отворила окно, частью для того, чтобы освѣжить свою голову, частью для того, чтобы ей можно было кликнуть его потихоньку, какъ скоро его увидитъ. Вотъ стукнула калитка, отдѣлявшая садъ отъ конюшенъ, и она увидѣла мистера Уилькинса, пробиравшагося между кустовъ. Онъ шелъ не одинъ: съ нимъ былъ мистеръ Донстеръ и оба о чемъ-то горячо толковали: впрочемъ, голосовъ ихъ за отдаленностью скоро не стало слышно; они прошли прямо въ кабинетъ мистера Уилькинса.

— Вѣрно они гдѣ нибудь вмѣстѣ обѣдали, подумала Эллиноръ. — Но какая досада, что онъ именно сегодня вечеромъ вздумалъ проводить папа до дому.

Два или три раза случалось и прежде, что мистеръ Донстеръ являлся къ мистеру Уилькинсу по вечерамъ. Эллиноръ не знала, что именно было поводомъ къ этимъ позднимъ посѣщеніямъ, ни разу не сообразила она, что они какъ разъ совпадали съ тѣми днями, когда отецъ ея не заглядывалъ въ контору — не то она, конечно, поняла бы, что мистеръ Донстеръ пріѣзжалъ по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства. Появленіе его въ эти неурочные часы каждый разъ видимо раздражало мистера Уилькинса и Эллиноръ, не долго думая, впадала въ тонъ отца.

— И нужно же было ему такъ не кстати выбрать вечеръ для своего посѣщенія, разсуждала Эллиноръ. — Впрочемъ, онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не засидится долго, и когда онъ уйдетъ, будетъ еще время переговорить съ отцомъ.

И такъ она продолжала дожидаться, сидя на подоконникѣ и мечтая о своемъ будущемъ счастьи. Становилось уже очень

поздно, ночь свѣжѣла и мѣсяцъ все выше и выше поднимался надъ садомъ. Изъ окна кабинета все громче и громче раздавались голоса разговаривающихъ: разговоръ былъ видимо крупный и раздраженіе отца, о которомъ Эллинөръ догадывалась, сочувственно отзывалось въ ней. Вдругъ послышался шумъ, похожій на шумъ поспѣшно отодвигаемыхъ стульевъ, за нимъ послѣдовалъ тяжелый внезапный стукъ: снова задвигались стулья — потомъ все стихло. Эллинөръ высунулась изъ окна, чтобы лучше прислушаться, потому что сердце въ ней кольнуло отъ какого - то таинственнаго предчувствія. Среди мертвой тишины, ей только слышно было біеніе ея собственнаго сердца да шумъ крови, приливавшей къ головѣ. Но вотъ въ спальнѣ ея отца, находившейся рядомъ съ ея собственной, послышались его шаги. Она бросилась туда, чтобы узнать въ чемъ дѣло и не можетъ ли она чѣмъ помочь, но мистера Уилькинса уже не было въ спальнѣ — онъ снова ушелъ въ кабинетъ, и почти въ туже минуту она услышала скрипъ отворявшейся потаенной двери и шумъ шаговъ, удалявшихся по садовой дорожкѣ. Она подумала, что это шаги мистера Донстера и, захвативъ письмо мистера Ливингстона, сошла внизъ небольшою лѣстницею, которая прямо изъ спальни ея отца вела въ кабинетъ. Ей хотѣлось миновать болѣе прямую дорогу, чтобы не потревожить миссъ Монро и не возбудить ея любопытства. Войдя въ кабинетъ прямо изъ темноты, она съ минуту ничего не могла разглядѣть, ослѣпленная мерцаніемъ свѣчъ, которыя ярко пылали, благодаря сквозному вѣтру, врывавшемуся изъ сада въ отворенную дверь. Съ минуту ей казалось, что въ комнатѣ никого нѣтъ, но вскорѣ она, съ замираніемъ ужаса, разглядѣла ноги человѣка, лежавшаго на коврѣ по другую сторону стола. Движимая какимъ-то безотчетнымъ побужденіемъ, которое даже пересиливало ея ужасъ, она обошла столъ, взглянула и узнала мистера Донстера: голова его лежала на подушкахъ, снятыхъ съ креселъ, глаза были широко раскрыты и неподвижны. Въ комнатѣ сильно пахло водкой и оленьимъ рогомъ. Эллинөръ часто приходило въ голову впослѣдствіи, что этотъ спиртный запахъ ударилъ ей въ голову и что она дѣйствовала въ эту страшную ночь въ состояніи опьяненія. Пер-

вымъ ея дѣломъ было оторваться отъ созерцанія этого мертваго лица, которое, казалось, приковывало ее къ себѣ съ какою-то чарующею силою, и пойти притворить дверь, черезъ которую она вошла. Потомъ она взяла графинъ съ водкой и, опустившись подлѣ него же на колѣни, попробовала влить нѣсколько капель въ ротъ; но это ей не удалось. Тогда она омочила въ водкѣ свой платокъ и провела имъ по губамъ. Напрасный трудъ! Донстеръ былъ убитъ на поваль разрывомъ мозговаго сосуда; о томъ, какъ это случилось, рѣчь впереди. Понятно, что всѣ усилія Эллиноръ не имѣли никакого успѣха; отецъ ея, еще до нея, испробовалъ всѣ эти средства и равно безуспѣшно. Бѣдная дѣвушка не могла выносить взгляда этихъ мертвыхъ глазъ, она прикоснулась къ нимъ тихо и нѣжно, чтобы закрыть ихъ и усѣлась на полу подлѣ трупа; вдругъ по садовой дорожкѣ послышались торопливые, но осторожные шаги; она не испугалась, хотя и не имѣла времени призвать разсудокъ на помощь; страшная торжественность этой минуты дѣлала ея недоступною для мелкихъ опасеній.

Въ отворенную дверь вошелъ ея отецъ и при видѣ ея такъ стремительно отбросился назадъ, что чуть не сшибъ съ ногъ другаго человѣка, шедшаго за нимъ.

— Боже мой, Эллиноръ! Зачѣмъ ты здѣсь? проговорилъ онъ почти съ бѣшенствомъ.

Но она отвѣчала къ какомъ-то оцѣпенѣніи.

— Не знаю. Умеръ онъ, что ли?

— Тише, тише, дитя мое. Сдѣланнаго не воротишь.

Она подняла глаза и увидѣла позади отца другое лицо, полное скорбнаго, благоговѣйнаго ужаса; то было лицо Диксона.

— Онъ умеръ? спросила она у него.

Почтительно отстранивъ своего господина, Диксонъ выступилъ впередъ и наклонился надъ трупомъ. Долго онъ вглядывался и прислушивался, потомъ взялъ свѣчу со стола, сдѣлалъ мистеру Уилькинсу знакъ притворить дверь. Мистеръ Уилькинсъ повиновался, и съ томительною напряженностью слѣдилъ за испытаніемъ, отъ котораго, впрочемъ, ничего не надѣялся. Пламя горѣло ровно и не шелохнулось даже тогда,

когда Диксонъ поднесъ его къ самымъ губамъ и ноздрямъ Донстера. Снова опустивъ голову трупа на подушки, слуга всталъ и, стоя рядомъ съ господиномъ, продолжалъ печально глядѣть на человѣка, котораго при жизни никто изъ нихъ не любилъ. Эллиноръ, спокойная и съ сухими глазами, сидѣла въ какомъ-то забытьи.

— Какъ это такъ случилось, батюшка? спросила она наконецъ.

Дорого бы онъ далъ, чтобы оставить ее въ невѣдѣньи, но могъ ли онъ утаить правду, когда она вопрошала его и глядѣла на него своими молящими глазами передъ лицомъ самой смерти. И такъ, онъ отвѣчалъ, задыхаясь и съ трудомъ выговаривая слова:

— Онъ раздражалъ меня, онъ былъ дерзокъ со мною, я не стерпѣлъ—и ударилъ его. Не помню, какъ это случилось. Вѣроятно, падая, онъ ударился обо что нибудь головою. О, Боже правый! Всего какой нибудь часъ тому назадъ и я былъ неповиненъ въ крови этого человѣка!

— Не послать ли за докторомъ, тихимъ безнадежнымъ шопотомъ обратилась Эллиноръ къ Диксону.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, покачивая головою и поглядывая искоса на своего господина, котораго по видимому покоробило отъ этого предложенія.—Боюсь, что тутъ доктора не помогутъ; тутъ одна только и можетъ быть помощь—пустить кровь, а это я самъ не хуже любого доктора съумѣю сдѣлать. Только бы мой топорикъ былъ со мною.—Онъ пошарилъ въ своихъ карманахъ и вынулъ случившійся при немъ топорикъ, родъ ланцета, употребляемаго для пусканья крови лошадямъ. Эллиноръ попыталась было обнажить руку, но силы измѣнили ей при этомъ; отецъ торопливо кинулся ей на смѣну и сталъ дрожащими руками помогать Диксону. Но хлопотали они понапрасну; кровь не пошла и только нѣсколько капель водянистой жидкости смочило края ранки, произведенной топорикомъ. Они снова опустили трупъ на его странное ложе. Диксонъ заговорилъ первый

— Мистеръ Недъ!—Онъ знавалъ мистера Уилькинса еще мальчикомъ, и эти-то ясные беззаботные дни ожили въ его памяти; воспоминаніе было вызвано тѣмъ сознаніемъ физиче-

скаго превосходства и нравственнаго мужества, благодаря которымъ въ эту страшную ночь слуга становился, какъ и въ былыя времена, покровителемъ своего господина.—А мистеръ Недъ! Вѣдь надо же что нибудь сдѣлать.

Отвѣта не было. Да и что можно было сдѣлать?

— Видѣлъ ли кто, какъ онъ сюда пришелъ? спросилъ Диксонъ, помолчавъ.—Эллиноръ тревожно ждала отвѣта своего отца; въ ней проснулась надежда, что все это дѣло можно будетъ какъ нибудь скрыть, лишь бы избавить отца отъ наказанія и другихъ бѣдствій, которыя повлекли бы за собою открытіе его проступка; объ остальномъ она мало думала.

Но мистеръ Уилькинсъ, казалось, не слыхалъ вопроса. Диксонъ всталъ и налилъ въ рюмку немного водки изъ графина, стоявшаго на столѣ.

— Выпейте-ка вотъ этого, мистеръ Недъ, проговорилъ онъ, поднося рюмку къ его губамъ.—Вы не бойтесь, обратился онъ къ Эллинорѣ:—отъ этого ему худа не будетъ, съ водки онъ немного опамятуется, а то онъ, сердечный, совсѣмъ потерялъ голову; теперь же не время теряться. Такъ отвѣчайте мнѣ, сэръ, сдѣлайте милость. Видѣлъ ли кто мистера Донстера, когда онъ вошелъ сюда?

— Не знаю, отвѣчалъ мистеръ Уилькинсъ, как скоро къ нему возвратилась способность говорить.—Все мнѣ представляется точно въ туманѣ. Онъ вызвался проводить меня до дому; мнѣ этого не хотѣлось; чтобы отдѣлаться отъ него, я обошелся съ нимъ почти грубо. Я не былъ расположенъ говорить о дѣлахъ, я былъ навеселѣ, а въ конторѣ оказались какіе-то безпорядки и онъ открылъ ихъ. Если кто посторонній слышалъ нашъ разговоръ, то онъ можетъ засвидѣтельствовать, что я не хотѣлъ его брать съ собою. Зачѣмъ онъ упрямился? Зачѣмъ онъ хотѣлъ непремѣнно идти со мною. Вотъ онъ и пошелъ на свою же погибель.

— Да, сэръ, но этому теперь пособить нельзя, не то, навѣрное, каждый изъ насъ все на свѣтѣ отдалъ бы, чтобы оживить его, хоть и не добрый онъ былъ человѣкъ при жизни. А вотъ теперь о чемъ надо подумать: если его найдутъ здѣсь—вамъ, можетъ, плохо придется. Родныхъ и близкихъ у него не было—хватиться его некому; такъ не зарыть

ли намъ его гдѣ нибудь тихимъ манеромъ, не дожидаясь утра? У насъ добрыхъ четыре часа времени до разсвѣта. Оно, конечно, лучше бы схоронить его въ освященную землю, да только объ этомъ и думать нечего. А я такъ думаю: чѣмъ скорѣе мы выроемъ ему, сердечному, могилку, тѣмъ всѣмъ намъ будетъ лучше. Ужъ я знаю одно такое мѣстечко, гдѣ его вѣкъ не найдутъ—пусть только господинъ возьметъ одну лопату, я возьму другую, мы его живо зароемъ и схоронимъ концы въ воду.

Съ минуту длилось молчанiе. Наконецъ мистеръ Уилькинсъ проговорилъ:

— Думалъ ли мой отецъ, что я доживу до этого! Да, меня будутъ судить, какъ уголовнаго преступника. Что станется съ тобою, Эллиноръ? Да, Диксонъ, ты правъ. Мы должны скрыть это дѣло, а то мнѣ больше ничего не остается, какъ перерѣзать себѣ горло; я не переживу огласки. Одна минутная вспышка испортила всю мою жизнь!

— Пойдемте, сэръ, намъ некогда мѣшкать, отвѣчалъ Диксонъ.—И они отправились за лопатами. Эллиноръ, дрожа всѣмъ тѣломъ, упросила ихъ взять ее съ собою, чтобы ей не оставаться въ кабинетѣ одной съ... О томъ, чтобы удалиться въ свою комнату, она и слышать не хотѣла; она избѣгала оставаться наединѣ самой съ собою; она старалась забыться въ дѣятельности, таскала корзины съ землею и быстрыми неслышными шагами ходила то туда, то сюда, исполняя разныя порученiя.

Они вырыли глубокую, славную яму: въ суровомъ напряженiи работы они искали убѣжища отъ собственныхъ мыслей и угрызенiй совѣсти. Раза два мистеръ Уилькинсъ потребовалъ водки, и Эллиноръ, успокоенная хорошимъ дѣйствiемъ на него перваго прiема, повиновалась безпрекословно. Отецъ же послалъ ее въ столовую, откуда она принесла Диксону поѣсть, доставъ что могла, не тревожа никого изъ домашнихъ.

Когда все было готово къ принятiю тѣла въ неосвященную могилу, мистеръ Уилькинсъ велѣлъ Эллиноръ уйти къ себѣ въ комнату—и она почувствовала, что, точно, ей слѣдуетъ оставить ихъ однихъ. Она было хотѣла поцѣловать отца, который

утомившись, присѣлъ на краю могилы, но онъ тихо оттолкнулъ ее и проговорилъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, Нелли, ты никогда болѣе не должна цѣловать меня; я убійца.

— Нѣтъ, вы мнѣ не помѣшаете цѣловать васъ, милый, милый папа, воскликнула она, кидаясь ему на шею и покрывая лицо его поцѣлуями. Я васъ люблю и мнѣ дѣла нѣтъ, чѣмъ бы вы ни были, хотя бы вы двадцать разъ были убійцей — но вѣдь это неправда; во всемъ виновата одна случайность.

— Ступай домой, дитя мое, и постарайся успокоиться. Ступай же скорѣе, намъ нельзя терять времени. Мѣсяцъ сѣлъ, скоро начнетъ разсвѣтать Какое счастіе, что нѣтъ оконъ по эту сторону дома. Прощай же Нелли.—И она удалилась. Проходя роковымъ кабинетомъ, она отвернулась и постаралась пробраться неслышными шагами. Очутившись въ своей комнатѣ, она заперлась извнутри и прокралась къ окну. Какое-то неодолимое любопытство побуждало ее слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось до конца. Но утомленные глаза ея почти ничего не могли разсмотрѣть въ предразсвѣтной тьмѣ. Только силуэты древесныхъ вершинъ обрисовывались на небѣ, и между ними она могла распознать то хорошо знакомое ей дерево, недалеко отъ котораго была вырыта могила, какъ разъ на этомъ самомъ мѣстѣ еще такъ недавно устраивали они съ Ральфомъ свою веселую маленькую пирушку; тутъ ей припомнилось, какъ отецъ ея жаловался на ознобъ, будто чуя, что земля, на которой стоялъ его стулъ, проклятое, роковое для него мѣсто.

Работавшіе внизу дѣлали свое дѣло осторожно, но малѣйшій шумъ былъ страшно понятенъ для Эллиноръ. Не успѣли они кончить, какъ птички зачирикали свою веселую утреннюю пѣснь. Двери затворились и настала глубокая тишина. Эллиноръ бросилась совсѣмъ одѣтая на постель — она была рада той сильной, болѣзненной физической истомѣ, которая отнимала у мысли часть ея мучительности — не то, ей казалось порой, что такъ можно сойдти съ ума

Вскорѣ утренній холодъ заставилъ ее укутаться въ одѣяло, а вслѣдъ за тѣмъ она заснула тяжелымъ, мертвымъ сномъ.

VII.

Стукъ въ дверь разбудилъ Эллиноръ. То стучала ея горничная.

Полное сознанie воротилось къ ней въ ту же минуту; она проснулась съ тою же заботою, исключавшею всѣ остальныя заботы, съ которою заснула: она думала только о томъ, какъ бы оградить отца отъ всякаго подозрѣнiя.

— Дайте мнѣ полежать еще съ полчаса, сказала она горничной: — и попросите миссъ Монро не дожидаться меня къ завтраку. — Черезъ полчаса принести мнѣ чашку крѣпкаго чаю, потому что у меня сильно болитъ голова.

Горничная удалилась. Эллиноръ тотчасъ вскочила съ постели, раздѣлась и снова улеглась, такъ что, когда Мезонъ воротилась съ завтракомъ, въ комнатѣ все было приведено въ обыкновенный порядокъ.

— Какое у васъ больное лице, миссъ, воскликнула Мезонъ. — Право, вамъ бы лучше еще полежать въ постели.

Эллиноръ порывалась спросить, всталъ ли ея отецъ, но этотъ простой вопросъ такъ и замеръ у нея на губахъ. Но дѣлать нечего, она должна была принудить себя глядѣть какъ ни въ чемъ не бывало; и такъ она встала, жалуясь на нездоровье, но стараясь не придавать этому никакой важности. Не малаго труда стоило ей сообразовать свой настоящiй образъ дѣйствiй съ обычными своими поступками; до сихъ поръ жизнь ея была такъ проста и чужда всякаго расчета.

Не успѣла она еще одѣться, какъ ей пришли доложить, что мистеръ Ливингстонъ дожидается ея въ гостиной.

— Мистеръ Ливингстонъ! Она съ трудомъ могла припомнить, кто онъ такой и что ему надо.

— Сначала онъ спросилъ, можно ли видѣть господина, продолжала докладывать Мезонъ: — но, такъ какъ онъ еще не звонилъ, то Джемсъ сказалъ ему, что мистеръ Уилькинсъ еще не вставалъ. Тогда онъ подумалъ съ минуту и спросилъ, не можетъ ли онъ съ вами повидаться, говоря, что ему непремѣнно

нужно видѣть или господина или васъ. Джемсъ попросилъ его въ гостиную, а самъ пошелъ вамъ доложить.

— Мнѣ надо идти къ нему, подумала Эллинoръ. — Я постараюсь поскорѣе отъ него избавиться. Какой день и какое мѣсто для объясненія въ любви!

Она сошла внизъ, настроенная быть суровой и безпощадной къ человѣку, привязанность котораго казалась ей тыквою, выросшею въ одну ночь, безсмысленнымъ мальчишескимъ бредомъ. Ей было не до дѣвичьей стыдливости, не до робости.

При входѣ ея, онъ сдѣлалъ шага два ей на встрѣчу, но вдругъ остановился неподвижно, пораженный ея блѣднымъ, суровымъ лицомъ.

— Миссъ Уилькинсъ! Вы, кажется, нездоровы. Я боюсь, что явился слишкомъ рано, но я черезъ полчаса уѣзжаю изъ Гамли, и мнѣ казалось... О, миссъ Уилькинсъ! Что я надѣлалъ!

Въ эту самую минуту она опустилась на ближайшій стулъ, обезсиленная, по видимому, этимъ свиданіемъ; въ сущности же она изнемогала подъ гнетомъ собственныхъ думъ и почти не замѣчала его присутствія.

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ — другой, какъ будто движимый желаніемъ обнять ее, пріютить и утѣшить.

Ему такъ жаль было видѣть ее такою измученною, такъ хотѣлось помочь ей, что онъ почти забылъ въ этомъ чувствѣ всѣ личныя свои цѣли. Она заговорила первая.

— Я получила вчера ваше письмо, мистеръ Ливингстонъ. Я сама пожелала васъ видѣть сегодня, чтобы не допустить васъ до объясненія съ моимъ отцемъ. Я не стану распространяться о томъ, могли ли вы дѣйствительно привязаться ко мнѣ, видѣвъ меня всего только разъ; скажу вамъ одно только: чѣмъ скорѣе мы оба забудемъ эту глупость, тѣмъ лучше.

Она говорила съ нимъ какъ женщина, имѣющая надъ нимъ преимущество лѣтъ и опытности; ему она показалась надменною, — въ дѣйствительности же она просто была очень несчастна.

— Вы ошибаетесь, началъ онъ съ такимъ спокойствіемъ и чувствомъ собственнаго достоинства, какого никакъ не предпо-

лагалъ его предшествовавшій образъ дѣйствій,—вы не имѣете права называть безуміемъ то, что съ моей стороны могло быть большей самонадѣянностью, но, во всякомъ случаѣ, имѣло истинное чистосердечное чувство въ своемъ основаніи. Все безуміе мое состояло въ томъ, что я позволилъ себѣ даже мечтать о вашей взаимности послѣ такого непродолжительнаго знакомства. И это-то заставляетъ меня краснѣть самаго себя; я не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ свое раскаяніе въ томъ безпокойствѣ, которое я вамъ причинилъ.

Его взглядъ, устремленный на нее съ выраженіемъ такого тревожнаго участія, тронулъ ее въ эту минуту и она готова была заплакать; но пересилила себя и поднялась съ мѣста.

— Я уйду, продолжалъ онъ:—это лучшее, что я могу для васъ сдѣлать. Но могу ли я написать вамъ,—позволите ли вы мнѣ изложить вамъ то, что мнѣ хотѣлось бы вамъ сказать въ болѣе связной формѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала она:—не пишите. Вы слышали мой отвѣтъ. Мы другъ для друга чужіе и должны остаться чужими. Я невѣста другаго; мнѣ не слѣдовало бы вамъ этого говорить, но вы были такъ добры ко мнѣ.

Лице бѣднаго молодаго человѣка осунулось и онъ сталъ почти такъ же блѣденъ, какъ и она. Послѣ минутнаго размышленія онъ взялъ ея руку въ свою и отвѣчалъ:

— Да благословитъ васъ Богъ, и его тоже, кто бы онъ ни былъ. Но если вамъ нуженъ будетъ другъ,—вы мнѣ позволите быть этимъ другомъ, не такъ ли?—И, поцѣловавъ ея холодную руку, онъ удалился.

Одиночество было невыносимо для Эллиноръ; она поспѣшила наверхъ, гдѣ миссъ Монро встрѣтила ее вопросомъ:

— Что это за господинъ такъ долго толковалъ съ вами наединѣ, душа моя, въ гостиной?

И, не дослушавъ отвѣтъ своей воспитанницы, она продолжала:

— Здѣсь была мистрисъ Джаксонъ (домовая хозяйка мистера Донстера) и освѣдомлялась у насъ о мистерѣ Донстерѣ, который не ночевалъ дома нынѣшнею ночью. Вы были

въ гостиной съ этимъ,—какъ бишь вы его назвали?—мистеромъ Ливингстономъ, который могъ бы выбрать болѣе удобное время для прощальнаго визита. Вѣдь онъ, если не ошибаюсь, ни разу у насъ не обѣдалъ, а потому я рѣшительно не понимаю, съ какой стати было ему являться съ визитомъ, и въ такой часъ, когда вашъ папа еще не вставалъ.—И такъ, я сказала мистрисъ Джаксонъ: если вы желаете, я пошлю спросить у мистера Уилькинса,—хотя и не вижу въ этомъ никакой надобности, я могу положительно васъ увѣрить, что мистера Донстера здѣсь нѣтъ, а гдѣ онъ находится—этого мы никто не можемъ знать. Но она не успокоилась до тѣхъ поръ, пока я не послала разбудить вашего папа и спросить у него, не можетъ ли онъ сказать, гдѣ мистеръ Донстеръ.

— Папа сказалъ? сипло вырвался изъ пересохшаго горла Эллиноръ тотъ самый вопросъ, котораго требовали обстоятельства.

— Конечно, нѣтъ! почемъ бы могъ знать это мистеръ Уилькинсъ. Я такъ и объяснила мистрисъ Джаксонъ: мистеръ Уилькинсъ никакъ не можетъ знать, гдѣ мистеръ Донстеръ проводитъ время, свободное отъ занятій въ конторѣ, потому что, моя милая, они вращаются въ совершенно различныхъ слояхъ общественныхъ. Мистрисъ Джаксонъ извинялась, но, продолжала она, вчера они, кажется, вмѣстѣ обѣдали у мистера Годгсона; она потому-то вообразила, что мистеръ Донстеръ, возвращаясь домой, могъ сбиться съ дороги и попасть въ каналъ; а потому сочла за лучшее придти и спросить у мистера Уилькинса, не вмѣстѣ ли они вышли изъ дома мистера Годгсона. Я сказала ей, что напрасно она прежде не сообщила мнѣ всѣхъ этихъ подробностей, потому что тогда я сама могла бы спросить у мистера Уилькинса, когда онъ въ послѣдній разъ видѣлся съ мистеромъ Донстеромъ; и я отправилась переспросить его обо всемъ вторично, но это ему не понравилось, онъ одѣвался и я должна была переговаривать съ нимъ черезъ дверь и онъ многаго не могъ разслышать.

— Что же онъ отвѣчалъ?

— На сколько я могла понять его сквозь затворенную

дверь, часть дороги онъ, дѣйствительно, прошелъ съ мистеромъ Донстеромъ, но потомъ, чтобы сократить путь, свернулъ на тропинку, которая пролегаетъ прямо полями. Его по видимому очень встревожило извѣстіе, что мистеръ Донстеръ не ночевалъ дома; онъ велѣлъ мнѣ передать мистрисъ Джаксонъ, что онъ тотчасъ же отправится въ контору, какъ только позавтракаетъ, — что, по всѣмъ вѣроятіямъ, никакой бѣды не случилось, и что ей всего лучше идти прямо домой. И я тоже сказала ей, что, очень можетъ быть, она застанетъ тамъ мистера Донстера. А вотъ и папа вашъ уѣзжаетъ изъ дому. Не засидѣлся же онъ за завтракомъ.

Сила и присутствіе духа измѣнили Эллиноръ, по мѣрѣ того, какъ потребность въ нихъ становилась менѣе настоятельной? Хотя она и увѣряла миссъ Монро, что чувствуетъ себя хорошо, тѣмъ не менѣе зоркій глазъ преданной гувернантки не могъ поддаться обману. Она уложила ее на диванъ, укутала ей потеплѣе ноги, спустила всѣ шторы въ комнатѣ и удалилась на цыпочкахъ, въ надеждѣ, что Эллиноръ заснетъ. Но сильное умственное напряженіе дѣлало для нея физическій покой невозможнымъ: она не пролежала и пяти минутъ по уходѣ миссъ Монро и принялась тревожно расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ. Вскорѣ миссъ Монро возвратилась съ какимъ-то успокоительнымъ питьемъ собственнаго приготовленія; Эллиноръ проглотила его безъ обычнаго своего веселаго сопротивленія медицинскимъ предписаніямъ миссъ Монро, и вскорѣ заснула.

Проснулась она вдругъ, и довольно поздно. Подлѣ нея стоялъ отецъ и выслушивалъ разсказъ миссъ Монро о томъ, какъ она занемогла. Кинувъ бѣглый взглядъ на его измѣнившееся лице, она спрятала голову въ подушки, но пряталась она не отъ него, а отъ собственныхъ воспоминаній. Въ ту же минуту она спохватилась, что онъ можетъ иначе перетолковать этотъ поступокъ и, обвивъ его шею руками, принялась цѣловать его холодное, безцвѣтное лице.

— Будетъ, будетъ, милая, вмѣшалась миссъ Монро.—Вы должны лежать спокойно, а я между тѣмъ пойду и принесу вамъ бульонъ.

— Зачѣмъ же вамъ самимъ безпокоиться, миссъ Монро, про-

говорилъ мистеръ Уилькинсъ, звоня въ колокольчикъ.—Бульонъ можетъ принести и Флетчеръ. Онъ боялся остаться наединѣ съ дочерью, да и дочь боялось того же. Безмолвное пониманіе сокровеннѣйшихъ помышленій другъ друга, водворившееся между ними, дѣлало присутствіе каждаго изъ нихъ нестерпимо тягостнымъ для другаго. Присутствіе миссъ Монро было для нихъ облегченіемъ, какъ присутствіе третьяго лица, не причастнаго ихъ тайнѣ.

— А что, мистеръ Донстеръ, отыскался ли онъ наконецъ, мистеръ Уилькинсъ? спросила миссъ Монро.

Мистеръ Уилькинсъ отвѣчалъ не вдругъ.

— Не знаю. Я ѣздилъ по дѣлу къ мистеру Эсткорту. Не потрудитесь ли вы послать кого нибудь узнать объ этомъ у мистрисъ Джаксонъ.

Эллиноръ обомлѣла отъ этихъ словъ. Она привыкла всегда говорить правду, а между тѣмъ необходимость навязывала ей теперь обязательную ложь. Прошлою ночью, обезумѣвъ отъ испуга, она думала только о томъ, какъ бы скрыть тѣло; она не предвидѣла того безконечнаго сцѣпленія мелочныхъ обмановъ, которое неизбѣжно повлечетъ за собою одна эта ошибка. Она до глубины души была возмущена словами отца, но въ то же время она чувствовала къ нему невольную жалость, при видѣ его страшно измѣнившейся наружности. Его впалые глаза были устремлены на какую-то невидимую точку; лицо его, еще недавно цвѣтущее здоровьемъ, какъ-то старчески осунулось и самые волосы, казалось, за одну ночь посѣдѣли.

— Флетчеръ, обратился мистеръ Уилькинсъ къ слугѣ, принесшему бульонъ:—ступай къ мистрисъ Джаксонъ и узнай, возвратился ли мистеръ Донстеръ домой; мнѣ нужно переговорить съ нимъ

Переговорить съ нимъ! А онъ лежитъ въ могилѣ, убитый тѣмъ самымъ человѣкомъ, который въ эту минуту требовалъ его къ себѣ.

Эллиноръ закрыла глаза и въ отчаяніи откинулась назадъ. Минуты двѣ спустя, она услышала осторожные шаги отца и миссъ Монро, удалявшихся изъ комнаты въ увѣренности, что она спитъ.

Когда миссъ Монро часъ спустя пришла ее провѣдать, она

нашла ея въ глубокомъ обморокѣ. Ее отнесли въ постель. Отецъ изъ близка и издалека созвалъ докторовъ, которые получали за свои услуги чуть ли не по гинеѣ за минуту. Добрые люди толковали о томъ, что бываетъ же неудача человѣку: не успѣлъ этотъ негодяй Донстеръ скрыться, захвативъ съ собою часть капиталовъ, ввѣренныхъ фирмѣ, надо же было заболѣть единственной дочери мистера Уилькинса. И точно, мистеръ Уилькинсъ казался совершенно потеряннымъ и убитымъ. Люди всѣхъ состояній соболѣзновали о немъ; богатые не докучали ему своими дѣлами и не торопились требовать назадъ свои деньги. Даже сэръ Франкъ Гольстеръ и его супруга, предавъ старую вражду забвенію, явились лично освѣдомиться о здоровьи Эллиноръ.

Мистеръ Карбетъ велъ себя такъ, какъ и подобаетъ внимательному поклоннику. Миссъ Монро ежедневно получала отъ него письма, въ которыхъ онъ распрашивалъ ее о самыхъ мелочныхъ подробностяхъ; насилу дождавшись перваго намека на позволеніе видѣть Эллиноръ, онъ тотчасъ же прискакалъ самъ, и почти перепугалъ ее своею страшною нѣжностію.

Однимъ знойнымъ іюльскимъ вечеромъ миссъ Монро, не покидавшая изголовья Эллиноръ, была осторожно вызвана горничной въ другую комнату.

— Какой-то господинъ васъ спрашиваетъ, шепнула ей горничная, и миссъ Монро осторожно спустилась по лѣстницѣ въ гостиную: тутъ ея дожидался мистеръ Ливингстонъ, но она не знала, кто онъ такой.

— Я прямо съ дороги, я слышалъ, что она больна, умираетъ. Могу ли я взглянуть на нее еще разъ? Я не пророню ни одного слова, я буду удерживать самое дыханіе, только позвольте мнѣ еще разъ на нее взглянуть.

— Извините меня, сэръ, но я не знаю вашего имени. Если подъ словомъ «она» вы разумѣете, миссъ Уилькинсъ, то она, дѣйствительно, серьезно больна, хоть и не умираетъ. Въ настоящую минуту она спитъ, и мы вообще начинаемъ надѣяться...

Въ эту самую минуту рука миссъ Монро, къ великому ея удивленію очутилась въ его рукѣ и была осыпана поцѣ-

луями, прежде нежели она успѣла сообразить все приличіе подобнаго поступка.

— Да благословитъ васъ Богъ за эти слова, сударыня. Но если она спитъ, позвольте мнѣ только взглянуть на нее,— я для этого издалека пріѣхалъ, больше я ни о чемъ не буду просить.

И онъ тихо прокрался наверхъ вслѣдъ за миссъ Монро, которая укоризненно оглядывалась на него при малѣйшемъ шумѣ, хотя бы онъ даже и былъ неповиненъ въ немъ. И вотъ, при слабомъ свѣтѣ лампады, онъ увидѣлъ темную головку Эллиноръ; лицо ея было почти такъ же бѣло, какъ подушка, на которой оно покоилось; она лежала совершенно неподвижно. Постоявъ немного, онъ пошелъ назадъ и за нимъ послѣдовала миссъ Монро, тяжело ступая по лѣстницѣ, именно потому, что старалась сдѣлать шаги свои неслышными. При мерцающемъ пламени свѣчи, она разглядѣла слѣды слезъ на его лицѣ, и, какъ она говаривала впослѣдствіи, ей «стало жаль молодаго человѣка».

— Благодарю васъ, проговорилъ онъ, крѣпко пожимая ея руку.—Вѣдь вы напишите про нее, обѣщайтесь, что напишите? Адресъ мой — Герберту Ливингстону. Лангамское викарство въ Іоркширѣ. О моя дорогая! И какъ подумать, что я даже не имѣю права быть около нея!

— Ступайте, ступайте, молодой человѣкъ, будьте благоразумны; ну да, хорошо, я напишу вамъ, будьте спокойны...

— Прошу васъ, не говорите ей, что я пріѣзжалъ сюда узнавать о ея здоровьи; быть можетъ, это не понравится ей.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не скажу, да и врядъ ли она скоро, бѣдняжка, на столько оправится, чтобы чѣмъ нибудь интересоваться. Она остается равнодушною даже при имени мистера Карбета.

— Мистера Карбета! чуть слышно повторилъ Ливингстонъ и, повернувъ назадъ, онъ удалился, къ великому успокоенію миссъ Монро.

Эллиноръ стала оправляться; она чувствовала, что оправляется, силы и аппетитъ съ каждымъ днемъ прибывали безъ ея спросу; а она между тѣмъ предпочла бы укрыться въ могилу отъ этой жизни, полной тревогъ и печали. Теперь

она начинала понимать, что если бы въ ту страшную ночь у всѣхъ ихъ достало мужества откровенно сознаться въ томъ, что было, конечно, большою ошибкою и еще большимъ несчастіемъ, но, въ самомъ началѣ врядъ ли было преступленіемъ, то послѣдующій путь ихъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ и печаленъ, по крайней мѣрѣ прямо и открыто лежалъ бы передъ ними. Но ей ли было теперь измѣнить то, что было уже сдѣлано и выдавать позоръ и заблужденіе своего отца?

Настала и для мистера Уилькинса тяжелая расплата. Онъ зналъ, что подкосило ея молодыя силы и чуть не свело въ гробъ. Между тѣмъ онъ не смѣлъ предоставить своей горести свободу естественного выраженія. Ему казалось, что всѣ слѣдятъ за нимъ подозрительными взглядами, тогда какъ на дѣлѣ никто объ этомъ и не думалъ. Стоитъ какому нибудь убѣжденію укорениться въ такъ называемой «публикѣ»—и переубѣдить эту публику не такъ-то легко. Если бы мистеръ Уилькинсъ самъ вышелъ на торговую площадь въ Гамли и объявилъ, что онъ убійца мистера Донстера, то и на это добрые люди только воскликнули бы: «Бѣдный! онъ совсѣмъ растерялся послѣ этой шутки, которую сыгралъ съ нимъ человѣкъ, пользовавшійся его довѣріемъ. А тотъ обобралъ своего компаньона какъ липку — да и удралъ въ Америку»

Разныя мелочныя обстоятельства подтверждали по видимому послѣднее предположеніе. Мистеръ Уилькинсъ, съ дѣтскихъ лѣтъ знакомый всему гамлійскому люду, былъ предметомъ общаго уваженія и участія; глядя на него, растеряннаго и до времени состарѣвшагося, всѣ винили угрюмаго лондонскаго пришельца, который никогда не пользовался особенной популярностью въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ.

Собственные слуги любили мистера Уилькинса; если онъ и былъ порою горячъ, то онъ умѣлъ быть и щедрымъ. Тѣ искушенія, которымъ онъ поддавался, были доступны ихъ пониманію: ихъ нисколько не удивляло, что послѣ несчастія, поразившаго его, онъ все больше и больше предавался своей страсти къ вину. Одиноко просиживалъ онъ цѣлые вечера за бутылкой. Отъ приглашеній, приходившихъ къ нему отовсю-

ду, онъ отказывался, подъ предлогомъ болѣзни дочери,— говоря, что теперь ему не до общества.

А между тѣмъ, если бы кто могъ заглянуть въ его домашнюю жизнь, то оказалось бы, что, при всемъ своемъ безпокойствѣ о здоровьи Эллиноръ, онъ скорѣе избѣгалъ ея общества. И она, съ своей стороны, не выказывала ни малѣйшаго желанія его видѣть.

VIII.

Молодость взяла свое; какъ ни желала Эллиноръ умереть, она оправилась. Въ тотъ день, когда она въ первый разъ вышла изъ своей комнаты, миссъ Монро предложила ей, ради торжественности случая, расположиться въ гостиной; но Эллиноръ стала просить, чтобы ей позволили сидѣть въ библіотекѣ, или въ классной,—она выбирала тѣ комнаты, которыя не выходили окнами на цвѣтникъ.

Когда ей стало еще лучше и она могла пользоваться свѣжимъ воздухомъ въ подвижномъ креслѣ, нарочно присланномъ ей какою-то добродушною старою дѣвою изъ Гамли, то она неотступно просила, чтобы ее катали или по лугу или съ той стороны дома, которая была обращена къ городу.

Однажды, выходя изъ дому, она чуть не вскрикнула, когда вмѣсто Флетчера, обыкновенно возившаго ея кресло, она увидѣла Диксона. То было ихъ первое свиданіе послѣ той роковой ночи. Онъ казался мрачнымъ, усталымъ и сердитымъ — такимъ она ни разу не видала его прежде.

Какъ скоро они отъѣхали немного отъ дома, она попросила его остановиться и принудила себя заговорить съ нимъ.

— Диксонъ, у тебя очень разстроенный видъ, начала она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Да! отвѣчалъ онъ. Въ ту пору мы ни объ чемъ этомъ не подумали, миссъ Нелли. А ужъ отзовется намъ оно, чуетъ мое сердце. За одну эту ночку я больше состарѣлся, чѣмъ за всѣ пятьдесятъ лѣтъ. Богъ хоть бы и патронъ, только завидитъ

меня въ конюшнѣ, всякій разъ наровитъ обойти меня, не говоря мнѣ ни слова, словно я какой прокаженный. Много я могу снести—а ужъ это, воля ваша, мнѣ не подъ силу, миссъ Нелли.

И старикъ отеръ слезу своею морщинистою рукою. Плачъ заразителенъ и Эллиноръ, протянувъ ему свою миленькую, поблекшую ручку, зарыдала какъ дитя. Увидѣвъ ея волненіе, онъ сталъ раскаяваться въ томъ, что сказалъ.

— Диксонъ, проговорила она наконецъ:—ты не долженъ этимъ огорчаться. Онъ такъ боится всего, что наводитъ его на эти воспоминанія, онъ даже со мною избѣгаетъ оставаться съ глазу на глазъ. Добрый мой Диксонъ! вся моя жизнь испорчена; мнѣ кажется, что онъ больше меня не любитъ.

И она зарыдала, точно сердце ея разрывалось на части. Насталъ чередъ Диксона утѣшать ее.

— И, полноте, мое дитятко, онъ васъ любитъ по прежнему. Только ему тяжело насъ съ вами видѣть и не мудрено. За то я знаю другого человѣка, который всегда радъ остаться съ вами на единѣ, а это хоть въ какомъ горѣ утѣшитъ. Ужъ вы, сдѣлайте милость, не сокрушайтесь о томъ, что я вамъ сказалъ передъ этимъ. Мнѣ было немножко обидно на господина, вотъ я, старый дуралей, и проговорился вамъ. А вы лучше послушайте, зачѣмъ я нынче спровадилъ Флетчера и сказалъ ему, что самъ васъ покатаю въ креслѣ. Садовникъ не надивится, что вы не хотите и взглянуть на высадки, о которыхъ такъ хлопотали еще въ маѣ мѣсяцѣ. Вотъ я и подумалъ: дай-ко я вамъ шепну про это, и, если вы мнѣ позволите, провезу васъ цвѣтникомъ, только разочекъ, знаете, для виду, чтобы сказать, что вы были и видѣли грядки. Вѣдь рано или поздно этого не минуешь — такъ ѣдемъ, что ли, моя пригожая?

И онъ рѣшительно направился къ цвѣтнику. Эллиноръ закусила губы, чтобы удержать готовый изъ нихъ вырваться вопль отвращенія. У калитки Диксонъ остановился и, отпирая ее, проговорилъ:

— Мнѣ и самому васъ жалко: я все выжидалъ, чтобы вы пооправились. А то, вы знаете, дѣло наше такое — народъ, пожалуй, станетъ болтать. Вѣдь вы у меня молодецъ, и ра-

ди папаши многое перенесети. Вотъ и я готовъ за него перенести что угодно, хоть и обидно мнѣ, когда онъ проходитъ мимо и будто не видитъ меня; съ той поры, какъ мы были еще ребятами, онъ ни разу не забылъ со мной поздороваться до самого того времени...

— Ну вотъ вы и осмотрѣли клумбы, и можете похвалить ихъ и сказать, что все сдѣлано по вашему. Теперь мы опять можемъ кататься на вольномъ воздухѣ, а то эти цвѣты такъ крѣпко пахнутъ и могила какъ разъ на самомъ солнечномъ припекѣ.

Этою болтовнею добрый старикъ старался заговорить тревогу Эллиноръ и дать ей время оправиться, и Эллиноръ была ему благодарна.

Тягостное однообразіе ея существованія нарушалось только письмами, которыя она постоянно получала отъ мистера Карбета.

Но и эта радость была для нея не безъ горькой примѣси. Мистеръ Карбетъ не могъ наговориться о негодованіи, которое возбуждалъ въ немъ мистеръ Донстеръ своимъ бѣгствомъ въ Америку. Теперь, когда силы возвратились къ ней, онъ, не стѣсняясь, распрашивалъ ее о разныхъ подробностяхъ этого происшествія, хотя, изъ чувства деликатности, и не предлагалъ ей одного вопроса, который для него лично имѣлъ, между тѣмъ, большое значеніе; онъ воздерживался отъ вопроса о томъ именно, на сколько мистеръ Уилькинсъ и терпѣлъ черезъ это бѣгство убытковъ (молва гласила, что мистеръ Донстеръ скрылся, захвативъ съ собою значительную долю капиталовъ, ввѣренныхъ мистеру Уилькинсу, который, конечно, и долженъ былъ за нихъ отвѣчать своимъ кошелькомъ).

Не легко было Ральфу удержаться отъ всякихъ распросовъ; но онъ зналъ, что въ августѣ ему можно будетъ лично навести справки по этому предмету, а до тѣхъ поръ молчалъ. Еще до болѣзни Эллиноръ, свадьба ихъ была назначена въ концѣ лѣтней вакаціи; но теперь, какъ онъ писалъ своему отцу, онъ ничего не могъ сказать рѣшительно, пока не побывалъ въ Гамли и не узналъ, какъ тамъ обстоятъ дѣла.

И такъ въ одинъ прекрасный день, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ

явился въ Фордъ Банкъ; на этотъ разъ, вмѣсто того, чтобы остановиться по прежнему у мистера Несса, онъ явился прямо подъ кровъ Эллиноръ. Солнце только-что успѣло перевалить за полдень и весь домъ казался погруженнымъ въ дремоту среди знойной тишины этого часа. Ральфу показалось очень страннымъ, что Эллиноръ не выбѣжала къ нему на встрѣчу; слуга проводилъ его въ библіотеку и внесь его вещи въ домъ. Онъ уже было настроилъ себя къ обиженной холодности обращенія, но чувство это мигомъ исчезло, какъ скоро дверь распахнулась и передъ нимъ предстала Эллиноръ, блѣдная какъ полотно и принужденная держаться за столъ, чтобы не упасть. Впалые глаза ея казались неестественно расширенными, волосы ея были довольно плотно обстрижены; движимая смутнымъ желаніемъ явиться передъ нимъ принаряженной, она прикрыла голову чепцомъ, что придавало ей видъ сорокалѣтней женщины. Неимовѣрныхъ усилій стоило ей удержаться при этомъ свиданіи отъ истерики, но она инстинктивно сознавала, что онъ не охотникъ до сценъ и переломила себя во время.

— Какъ же я рада тебя видѣть, пролепетала она, ласкаясь къ нему и гладя его волосы своими тонкими пальцами.—Еслибы ты зналъ, какъ ты меня утѣшилъ своимъ пріѣздомъ.—А онъ между тѣмъ избѣгалъ ея взгляда, чтобы она какъ нибудь не прочла на его лицѣ, какъ поразила его перемѣна въ ея наружности.

За то, когда она сошла внизъ къ обѣду, впечатлѣніе этого перваго свиданія сгладилось; на волосы, уже слегка начинавшіе кудрявиться, она накинула черную кружевную косынку, щеки ея слегка заалѣлись румянцемъ, похожимъ на румянецъ дикой розы; только губы ея оставались по прежнему трепетны и блѣдны, и держа ѐя руку въ своей, Ральфъ замѣтилъ, что она невольно вздрагиваетъ при малѣйшемъ шумѣ.

Вдругъ это подергиванье сдѣлалось ощутительнѣе, хотя менѣе изнуренный, слухъ Ральфа не могъ еще уловить никакого особеннаго звука. Минуты черезъ двѣ въ комнату вошелъ мистеръ Уилькинсъ. Онъ встрѣтилъ мистера Карбета съ распростертыми объятіями; онъ забросалъ его словами;

между тѣмъ какъ на Эллинорь онъ почти не обращалъ никакого вниманія и она какъ-то отступила на второй планъ. Ральфъ Карбетъ нашелъ мистера Уилькинса постарѣвшимъ, но это какъ нельзя проще объяснялось различными огорченіями, постигшими его въ послѣднее время. За обѣдомъ мистеръ Уилькинсъ говорилъ неумолкая, и все болѣе о такихъ предметахъ, которые не позволяли ни Эллинорь, ни миссъ Монро принять участія въ разговорѣ. Въ этой словоохотливости мистеру Карбету казалось, что онъ узнаетъ тонкій тактъ своего хозяина, онъ приписывалъ ему желаніе избавить отъ всякаго напряженія Эллинорь, которой, казалось, и сидѣть-то на верхнемъ концѣ стола было едва ли по силамъ. Но чѣмъ разговорчивѣе становился ея отецъ, тѣмъ печальнѣе и молчаливѣе становилась она; вскорѣ и этому факту мистеръ Карбетъ нашелъ, какъ ему казалось, удовлетворительное объясненіе въ той поспѣшности, съ которою мистеръ Уилькинсъ опоражнивалъ и снова наполнялъ свой стаканъ.

— Шесть стакановъ хереса до десерта, думалъ про себя мистеръ Карбетъ.—Скверная привычка; немудрено, что Эллинорь грустить.

Когда дамы удалились, мистеръ Уилькинсъ, нисколько уже не стѣсняясь, сталъ выпивать стаканъ за стаканомъ безъ малѣйшаго по видимому ущерба остроумію и ясности его рѣчи. Ральфъ слушалъ его съ удивленіемъ, сбивавшемъ на зависть; онъ сознавалъ за собою недостатокъ этого живаго, блестящаго краснорѣчія, въ которомъ между тѣмъ онъ предвидѣлъ для себя въ будущемъ такую настоятельную потребность. Но мало по малу мысли мистера Уилькинса начали путаться, веселость его становилась неестественною и Ральфъ, круто перейдя отъ удивленія, смѣшаннаго съ завистью къ отвращенію, всталъ изъ-за стола и отправился къ дамамъ. Мистеръ Уилькинсъ послѣдовалъ за нимъ громко смѣясь, и безъ умолку болтая. По серьозно-печальному лицу Эллинорь, на которомъ между тѣмъ не было замѣтно ни стыда, ни досады, мудрено было угадать, что она чувствуетъ. Только мистеръ Карбетъ замѣтилъ, что одного взгляда ея, устремленнаго на отца, было достаточно, чтобы отрезвить послѣдняго Онъ усѣлся къ от-

крытому окну и не говорилъ уже болѣе ни слова, только тяжело отъ времени до времени вздыхалъ. Миссъ Монро, желая предоставить молодыхъ людей самимъ себѣ, взяла книгу. И такъ, они вполголоса обмѣнялись нѣсколькими словами, но разговоръ не клеился. Эллиноръ казалась слишкомъ утомленною, у Ральфа же не выходило изъ головы поведеніе мистера Уилькинса. Чтобы избавиться отъ этого натянутаго положенія, Эллиноръ рано ушла спать; мистеръ Уилькинсъ еще задолго передъ тѣмъ куда-то пропалъ и Ральфъ съ миссъ Монро остались вдвоемъ. Онъ рѣшился воспользоваться этимъ tête-à-tête, чтобы разузнать нѣкоторыя интересовававшія его подробности отъ лица, относительно мало заинтересованнаго въ дѣлѣ. Началъ онъ съ распросовъ о здоровьи Эллиноръ, но при первой возможности свернулъ разговоръ на пропавшаго мистера Донстера.

Бѣгство мистера Донстера было любимою темою миссъ Монро: она не поскупилась на подробности, касавшіяся этого событія. Она разсказала Ральфу, какъ мистеръ Донстеръ, прежде чѣмъ распроститься съ Гамли, вынулъ изъ мѣстнаго банка значительную сумму, цифра которой не опредѣлена въ точности; какъ, дня два спустя послѣ его исчезновенія, кто-то также видѣлъ его въ Ливерпулѣ, какъ, наконецъ, конторскія дѣла были въ самомъ плачевномъ состояніи и мистеръ Уилькинсъ не досчитывался значительныхъ суммъ.

— Но развѣ у него не было близкихъ людей, отъ которыхъ можно бы было узнать, что сталось съ нимъ самимъ и куда дѣвались пропавшія деньги? спросилъ мистеръ Карбетъ.

— Нѣтъ, у него никого не было. Куда, куда не писалъ, кажется, мистеръ Уилькинсъ; знаю только, что онъ получилъ письмо отъ ближайшаго родственника мистера Донстера, негоціанта въ Сити; но и тотъ ничего не могъ сказать. Изъ этого письма оказывается только, что мистеръ Донстеръ еще лѣтъ десять тому назадъ говаривалъ, что очень желалъ бы побывать въ Америкѣ и перечиталъ множество описаній этой страны; ну, словомъ, еще тогда было видно, что человѣкъ этотъ собирается бѣжать.

— Ну, десять лѣтъ злоумышлять на такое дѣло, долгонько немножко, замѣтилъ, улыбаясь, мистеръ Корбетъ; но, тотчасъ

же снова впадая въ серьозный тонъ, онъ продолжалъ:—Вы не знаете, остался ли онъ здѣсь кому долженъ?

— Объ этомъ я ничего не слыхала, несовсѣмъ охотно отвѣчала миссъ Монро: — она считала своею обязанностью въ отношеніи семейства Уилькинсъ чернить мистера Донстера, на сколько это было совмѣстно съ правдивостью.

— Странный случай! въ раздумьи проговорилъ мистеръ Карбетъ.

— Ничуть не странный! съ живостью подхватила миссъ Монро: — если бы вы только взглянули на этого человѣка съ его плѣшью, на которую онъ зачесывалъ волосы съ висковъ, съ глазами которыми онъ никогда не глядѣлъ вамъ въ лице, съ вѣчною манерою ѣсть съ ножа, когда онъ думалъ, что никто на него не глядитъ — если бы вы видѣли все это, да и многое другое, тогда, я увѣрена, не нашли бы въ этомъ случаѣ ничего страннаго.

Мистеръ Карбетъ улыбнулся.

— Я только хотѣлъ сказать, что для меня непонятно, что именно могло побудить его воспользоваться этими деньгами, такъ какъ онъ былъ ни мотъ и за нимъ не водилось никакихъ особенныхъ пороковъ. Конечно, деньги и сами по себѣ большое искушеніе, но онъ былъ компаньонъ фирмы, а потому имѣлъ хорошій случай нажиться безъ всякаго риска. Принялъ ли мистеръ Уилькинсъ какія нибудь мѣры, чтобы арестовать его въ Америкѣ?

— Ахъ, мой милый мистеръ Ральфъ! Вы не знаете нашего добраго мистера Уилькинса; скорѣе, чѣмъ отомстить мистеру Донстеру, онъ возьметъ на себя всевозможные убытки и непріятности въ придачу.

— Что за вздоръ! какая тутъ месть? Дѣло идетъ о справедливости,—о справедливости къ себѣ и другимъ. Мошенничество должно быть подвергнуто должному возмездію, чтобы отвратить другихъ отъ подражанія дурному примѣру. Но я убѣжденъ, что мистеръ Уилькинсъ принялъ всѣ нужныя мѣры, онъ не такой человѣкъ, чтобы оставаться страдательнымъ лицомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

— Ну, да, конечно. Онъ послалъ публикаціи въ Times и въ

провинціальныя газеты, за доставленіе свѣдѣній о мистерѣ Донстерѣ онъ обѣщаетъ 20 фунтовъ награжденія.

— Двадцать фунтовъ слишкомъ мало.

— Я была того же мнѣнія. Я сказала Эллиноръ, что сама не пожалѣла бы двадцати фунтовъ, лишь бы намъ воротить его—она, бѣдняжка, вся задрожала и проговорила: и я тоже, я бы жизни своей не пожалѣла, — и за тѣмъ такъ расплакалась, что я обѣщалась ей никогда болѣе не упоминать объ этомъ.

— Бѣдное дитя! Ей необходима перемѣна обстановки. Нервы ея такъ страшно потрясены этою болѣзнію.

На слѣдующее воскресенье Эллинор въ первый разъ по выздоровленіи отправилась въ церковь. Отправилась она рано утромъ, опираясь на руку своего жениха; они тихо шли мимо созрѣвающихъ жатвъ; мистеръ Карбетъ нарвалъ для нея букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и она, улыбаясь, заткнула его себѣ за поясъ.

У обитателей Фордъ-Банка было въ гамлійской церкви свое отгороженное мѣсто внизу; прямо напротивъ, на хорахъ, помѣщалась скамья для фордъ-банкской прислуги. Взглянувъ на верхъ, Эллинор увидѣла передъ собою Диксона; видъ у него былъ усталый и печальный и его, казалось, томила какая-то тайная тревога; но, не смотря на то, онъ видимо напрягалъ и слухъ и зрѣніе и душевныя свои способности, чтобы не проронить ни одного слова, раздававшагося съ каѳедры. Примѣръ его былъ укоромъ для Эллинор.

Она вышла изъ церкви въ тревожномъ состояніи духа. Въ ней такъ сильно было желаніе исполнить свой долгъ, а между тѣмъ она не знала, въ чемъ состоитъ для нея этотъ долгъ. Отъ кого же ей и было ждать указанія, какъ не отъ того, кому она отдала всю свою жизнь. Но она рѣшилась повести рѣчь околицей, — никому, даже своему мужу, не слѣдовало ей выдавать отца.

— Представь себѣ, Ральфъ, такого рода случай, начала она, идя по дорогѣ домой:—дѣвушка помолвлена...

— Это я легко могу себѣ представить, когда ты идешь рядомъ со мною.

— Да; но я говорю не про себя, возразила она, краснѣя.—

Я только дѣлаю предположеніе о томъ, что могло бы случиться. Представь себѣ, что у этой дѣвушки есть близкій человѣкъ, — ну, хоть братъ, — и она знаетъ, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ такой проступокъ, открытіе котораго опозоритъ всю семью—хотя, быть можетъ, проступокъ самъ по себѣ и не такъ ужасенъ, какъ онъ кажется съ перваго взгляда, — какъ ты думаешь, должна ли дѣвушка взять назадъ свое слово, чтобы оградить своего возлюбленнаго отъ того позора, который грозитъ ея семейству.

— Конечно, нѣтъ; она должна предварительно объяснить ему свои побудительныя причины.

— Да, но если она не можетъ этого сдѣлать.

— Я не могу судить о такихъ гадательныхъ случаяхъ. Прежде чѣмъ составить свое мнѣніе, я долженъ ознакомиться съ фактами, если только таковые существуютъ. На кого это ты мѣтишь, Эллиноръ, нѣсколько круто обратился онъ къ невѣстѣ.

— О, ни на кого, отвѣчала она испуганная. — На кого же мнѣ мѣтить? Я часто люблю задавать себѣ вопросъ: а что бы я сдѣлала въ томъ или другомъ воображаемомъ случаѣ.

— И такъ, въ концѣ концовъ, ты ставишь себя на мѣсто этой воображаемой дѣвушки?

— Ну, положимъ хоть и такъ, отвѣчала она не совсѣмъ охотно.

Онъ молчалъ и казался погруженнымъ въ размышленія.

— Вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, проговорила она робко —Не правда ли?

— Мнѣ кажется, тебѣ слѣдуетъ откровенно высказать мнѣ твою мысль, началъ онъ, стараясь говорить какъ можно мягче.—Что нибудь такое да случилось, что навело тебя на эти вопросы.

— О нѣтъ! Это я такъ только спросила, и съ моей стороны было очень глупо начинать подобный разговоръ.—А вотъ мистеръ Нессъ нагоняетъ насъ.

Этотъ разговоръ оставилъ въ Ральфѣ глубокое впечатлѣніе. Онъ былъ убѣжденъ, что тутъ дѣло не спроста, и, что до него лично касалось, всего болѣе склоненъ былъ

отыскать связь между этимъ разговоромъ и исчезновенiемъ мистера Донстера. На слѣдующiй же день онъ отправился въ городъ и разузналъ подъ рукою все, что можно было узнать о мистерѣ Дностерѣ; онъ также ловко вывѣдалъ общее мнѣнiе о запутанномъ состоянiи дѣлъ мистера Уилькинса. Молва винила въ этой запутанности мистера Донстера, но Карбетъ думалъ иначе. Онъ привыкъ объяснять всѣ поступки людей наименѣе благородными побужденiями и это-то было въ глазахъ его высшею мудростью. Онъ составилъ себѣ такого рода убѣжденiе, что мистеръ Донстеръ былъ подкупленъ бѣжать самимъ мистеромъ Уилькинсомъ, который спѣшилъ свалить на его бѣгство запутанность дѣлъ и недочеты, происходившiе на самомъ дѣлѣ отъ собственнаго его мотовства и невоздержности.

Возвратившись изъ города, онъ заговорилъ съ Эллиноръ.

— Мистеръ Нессъ перебилъ насъ вчера на очень интересномъ мѣстѣ нашего разговора. Ты вѣдь помнишь, милая, о чемъ была рѣчь.

— Помню, отвѣчала Эллиноръ, краснѣя и низко наклоняя голову надъ рисункомъ, который она набрасывала въ эту самую минуту.

— Я все думалъ объ этомъ разговорѣ. Мнѣ кажется, что дѣвушка обязана не скрывать отъ своего жениха грозящую ему возможность позора. Само собою разумѣется, что такая благородная откровенность только сильнѣе заставитъ его привязаться къ ней.

— Но, Ральфъ, если это такая тайна, которую она не должна открывать ни подъ какимъ видомъ, что бы ни вышло изъ ся молчанiя.

— Конечно, всякiе могутъ быть случаи. Пока я не имѣю данныхъ, я не могу произнести окончательнаго сужденiя.

Холодность, съ которою были сказаны эти слова, произвели желанное дѣйствiе. Эллиноръ отложила въ сторону кисть и закрыла лице руками. Послѣ небольшой паузы, она обратилась къ нему.

— Слушай что я тебѣ скажу и не спрашивай меня больше ни о чемъ; я знаю, что на тебя можно положиться. Я—та са-

мая дѣвушка, про которую я говорила; женихъ — это ты и безчестіе грозитъ моему отцу, если только откроется одно дѣло, одно ужасное дѣло, — тутъ она поблѣднѣла, — но въ которомъ онъ, право, не такъ виноватъ, какъ кажется.

Признаніе это какъ громомъ поразило Ральфа, хотя оно и не было для него неожиданностію Черезъ минуту онъ пришелъ въ себя и тутъ онъ заключилъ ее въ свои объятія, осыпалъ ласками, поцѣлуями и увѣреніями въ своей неизмѣнной привязанности, обѣщаясь любить ее теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, такъ какъ она теперь болѣе нуждалась въ этой любви. А между тѣмъ онъ былъ радъ, когда колокольчикъ, приглашавшій всѣхъ одѣваться къ обѣду, позволилъ ему удалиться въ свою комнату и обдумать все слышанное имъ на досугѣ.

IX.

Прошло нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ не легко было Ральфу Карбету подавить свое любопытство. Онъ обѣщался Эллиноръ ни о чемъ ее болѣе не распрашивать; къ тому же она твердо и рѣшительно отклоняла всякую попытку навести разговоръ на эту тему. Мистеръ Уилькинсъ былъ относительно многихъ предметовъ довольно сообщителенъ, особенно послѣ обѣда, и Ральфъ подумалъ, нельзя ли будетъ узнать кое-что отъ него. Но стоило навести разговоръ на мистера Донстера, и словоохотливость его исчезала; онъ становился угрюмъ, видимо держался на сторожѣ и бросалъ на своего собесѣдника недовѣрчивые взгляды.

Такъ проходилъ день за днемъ. Настроеніе духа мистера Карбета было не изъ лучшихъ; но онъ вообще отличался такимъ ровнымъ характеромъ, что никто изъ домашнихъ этого не замѣчалъ. Одна Эллиноръ чувствовала, что онъ измѣнился, но и та боялась самой себѣ въ этомъ признаться.

Въ одно прекрасное утро онъ объявилъ, что свадьба его брата состоится въ самомъ скоромъ времени и что письмо, полученное имъ отъ родныхъ, вызываетъ его домой къ опредѣленному, очень близкому сроку. Онъ всячески старался оправдать свой неожиданный отъѣздъ и хлопоталъ совершенно напрасно; никто и не сомнѣвался въ необходимости этого отъѣзда. Дѣло въ томъ, что въ Фордъ-Банкѣ онъ былъ самъ не свой, ему казалось, что вдали отъ Эллиноръ ему легче будетъ безпристрастно обсудить то, что ему надлежало дѣлать. Мистеръ Уилькинсъ, съ своей стороны, начиналъ тяготиться присутствіемъ своего степеннаго, проницательнаго гостя. Свадьба Эллиноръ не могла еще состояться, какъ по причинѣ ея слабости, такъ и потому, что приданыя деньги еще не были на лице. А потому ему крѣпко надоѣдалъ Ральфъ, слонявшійся повсюду, заглядывавшій въ цвѣтникъ и пользовавшійся нѣкотораго рода правомъ предлагать самые щекотливые вопросы. Одна Эллиноръ отпускала его неохотно, тѣмъ неохотнѣе, что ее, казалось, томило какое-то мрачное предчувствіе.

Домашніе Ральфа тотчасъ же догадались, что дѣла его въ Фордъ-Банкѣ шли не совсѣмъ хорошо. Но ни матери, ни любимой сестрѣ ничего не удалось отъ него выпытать. Отецъ его, настроенный женскою половиною семьи, приступилъ къ тому же вопросу съ свойственнымъ ему безтолковымъ прямодушіемъ; но едва онъ заикнулся о томъ, что надѣется, что Ральфъ образумится и не дастъ себя оплести этому проклятому стряпчему, какъ Ральфъ, холодно попросилъ его объяснить, что онъ хочетъ этимъ сказать. Когда же сквайръ выразилъ ему надежду, что онъ откажется отъ миссъ Уилькинсъ, то Ральфъ предложилъ ему вопросъ: знаетъ ли онъ, что въ такомъ случаѣ сынъ его потеряетъ всякое право называться честнымъ человѣкомъ и будетъ подлежать суду за нарушеніе обѣщанія?

Въ скоромъ времени все семейство Карбетъ отправилось въ Стокли-Кастль, гдѣ должна была праздноваться свадьба. Тутъ Ральфъ сошелся, конечно на равной ногѣ, со многими тузами графства, для которыхъ отецъ Эллиноръ, былъ просто на просто «Уилькинсъ», точь въ точь, какъ дво-

рецкій былъ для нихъ «Симмонсъ». Никто не зналъ о его помолвкѣ съ Эллиноръ, а потому онъ наслушался о своемъ будущемъ тестѣ снисходительныхъ, но не совсѣмъ почтительныхъ отзывовъ. О «бѣдномъ Уилькинсѣ» жалѣли, но винили его за страсть жить не по своему состоянію и за нерадѣніе къ своимъ дѣламъ.

Свадьба отпраздновалась по образцу всѣхъ аристократическихъ свадебъ. Членъ кабинета, дальній-родственникъ невѣсты, удостоилъ торжество это своимъ присутствіемъ. Между нимъ и Ральфомъ завязалось довольно близкое знакомство. Ральфъ интересовался политическими вопросами, и вполнѣ былъ способенъ оцѣнить тѣ именно дарованія, которыми гордился министръ. Министръ, съ своей стороны, постоянно заискивалъ въ молодыхъ людяхъ, которые, своими способностями, могли быть полезны его партіи. Уѣзжая, онъ взялъ съ Ральфа обѣщаніе часто бывать у него въ Лондонѣ.

Между тѣмъ срокъ вакаціи Ральфа приближался къ концу. Прежде чѣмъ возвратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ, онъ обѣщалъ Эллиноръ провести съ нею нѣсколько дней; и такъ, онъ изъ дома герцога прямо отправился въ Фордъ - Банкъ. Онъ выѣхалъ изъ Стокли - Кастля тотчасъ послѣ завтрака, роскошно изящнаго завтрака, за которымъ прислуживали лакеи, исполнявшіе свою должность съ плавностію и точностію настоящихъ машинъ. Въ Фордъ - Банкъ онъ пріѣхалъ очень рано, прежде нежели слуга успѣлъ окончить самую непривлекательную половину утренней уборки; контрастъ между этою неряшливостію и стройною законченностью аристократическихъ порядковъ, какъ-то особенно поразилъ Ральфа. Даже граціозная фигура Эллиноръ, бросившаяся къ нему на встрѣчу, показалась ему менѣе привлекательной, чѣмъ обыкновенно. Онъ нашелъ, что прическа ея старомодна и что рукава у нея, не то слишкомъ коротки, не то слишкомъ длинны, словомъ, что вся она не подходитъ подъ ту фешенебельную мѣрку, къ которой онъ приглядѣлся въ Стокли-Кастлѣ

Мало по малу женитьба при ограниченныхъ средствахъ начинала пугать его не на шутку. Вращаясь въ кругу

своихъ школьныхъ товарищей, людей, равныхъ ему по состоянію, между которыми иные имѣли глупость пережениться рано, онъ имѣлъ случай съ стѣсненнымъ сердцемъ подмѣтить въ подобныхъ хозяйствахъ всевозможныя шероховатости и пробѣлы. Къ тому же мысль о возможномъ позорѣ, грозившемъ семейству его невѣсты, не давала ему покоя.

Святки онъ долженъ былъ провести дома: отъ этого обязательства онъ не могъ избавиться ни подъ какимъ видомъ, что онъ и поспѣшилъ объяснить своей невѣстѣ. Дѣло въ томъ, что разлука съ Эллиноръ начинала становиться для него отдыхомъ. Впрочемъ, домашнія дрязги и пошлость, среди которыхъ проходила жизнь его собственнаго семейства, заставили его не разъ вздохнуть о Фордъ-Банкѣ.

Чуткая любовь Эллиноръ, во время его послѣдняго посѣщенія, угадала его раздраженіе по поводу разныхъ мелочныхъ упущеній въ хозяйствѣ и она всѣми силами старалась исправить ихъ къ слѣдующему его пріѣзду. Но ей предстояло бороться съ многочисленными затрудненіями: въ первый разъ въ жизни она узнала, что̀ такое безденежье; съ трудомъ допросилась она суммы, необходимой для раздачи прислугѣ жалованья.

Характеръ отца ея становился очень страннымъ; онъ избѣгалъ оставаться съ нею на единѣ; Эллиноръ видѣла это, ее тяготила та страшная тайна, которая была причиною ихъ взаимнаго отчужденія. Не мудрено, что молодая краса ея такъ и пропала безвозвратно послѣ ея болѣзни. Посторонніе, глядя на нее, качали головами и говорили: «Да! бѣдненькая миссъ Уилькинсъ! Какая она была хорошенькая, пока не подкосила ее эта горячка».

Среди всѣхъ этихъ огорченій, миссъ Монро была для нея неоцѣненной опорой. Ея совершенное невѣдѣніе всего, что не лежало на самой поверхности и, въ то же время, ея деликатность и умѣнье войдти во всѣ мелочныя заботы обыденной жизни заставляли Эллиноръ высоко цѣнить ея участіе. Глубокая привязанность существовала такъ же между Эллиноръ и Диксономъ, хотя имъ и рѣдко приходилось говорить о чемъ либо, кромѣ самыхъ будничныхъ предметовъ.

Такъ обстояли дѣла въ Фордъ-Банкѣ, когда Ральфъ Кар-

бетъ прибылъ туда на святой недѣлѣ. Чтобы провести эту вакацію съ Эллиноръ, онъ отказался отъ приглашенія погостить въ одномъ замкѣ, гдѣ ему представлялся случай перезнакомиться съ различными вліятельными личностями, а. Ральфъ вообще не пренебрегалъ такими знакомствами, которыя могли пригодиться ему въ будущемъ. Поступокъ его представлялся ему въ видѣ жертвы, и это воззрѣніе вообще не предрасполагало его къ терпимости. Онъ начиналъ положительно жалѣть, что такъ рано связалъ себя обѣщаніемъ жениться. И точно, что выигрывалъ онъ, оставаясь вѣрнымъ этому обѣщанію? Лишніе расходы, хворая жена, брюзгливый тесть, начинавшій утрачивать, по собственной же винѣ, то доброе имя, которымъ пользовался въ своемъ тѣсномъ кругу — во всемъ этомъ радости мало. Полученіе денегъ, обѣщанныхъ за Эллиноръ, начинало казаться ему сильно сомнительнымъ; наконецъ, ему не давалъ покоя страшный призракъ невѣдомаго бѣдствія, которое могло каждую минуту разразиться надъ этимъ семействомъ и задѣть его самого. Всѣ эти мысли сильно тревожили его онъ цѣлыя ночи метался на постели, проклиная свою встрѣчу съ Эллиноръ. Но когда по утру онъ сходилъ внизъ и поблекшее лице дѣвушки озарялось при его появленіи мгновенною красотою, то онъ чувствовалъ, что лучшая половина его *«я»* одерживаетъ верхъ надъ искушеніемъ; онъ чувствовалъ, что, помимо собственной воли, онъ долженъ остаться честнымъ человѣкомъ и вѣрнымъ любовникомъ.

Но съ каждымъ часомъ искушеніе становилось сильнѣе. Къ завтраку сходилъ мистеръ Уилькинсъ и начинался рядъ мелочныхъ домашнихъ сценъ; вкусъ мистера Уилькинса, извращенный съ похмѣлья, дѣлалъ его причудливымъ. Онъ былъ недоволенъ столомъ, отсюда его неудовольствіе переходило на слугъ. Ральфъ охотно бы довольствовался коркою черстваго хлѣба съ приправою умной, оживленной бесѣды, лишь бы не выставлялись передъ нимъ такъ безцеремонно, всѣ эти хозяйственныя дрязги. Къ концу завтрака Эллиноръ казалась тридцатилѣтней женщиной. Ральфу трудно было приковать свою мысль къ маленькимъ будничнымъ интересамъ, а больше ей и говорить-то съ нимъ было не о чемъ съ той поры, какъ онъ неохотно сталъ отвѣчать на распросы, касавшіеся его

собственной личности. Чтеніе ея ограничивалось старинными классическими произведеніями, о которыхъ давно уже было сказано все, что можно было о нихъ сказать,—бѣдные, которымъ она помогала, были народъ неинтересный, въ политикѣ она ничего не смыслила и всегда съ нимъ соглашалась, чтобы онъ ни говорилъ.

Въ урочный часъ они ходили гулять. Большею частью они отправлялись въ городъ за мистеромъ Уилькинсомъ, поджидавшимъ ихъ въ конторѣ. — Раза два Ральфъ не могъ не замѣтить, какъ онъ проводилъ безъ нихъ свое время. Разъ даже онъ сопутствовалъ имъ такими не твердыми шагами, что Ральфъ не могъ надивиться, какъ Эллиноръ ни о чемъ не догадывается и простодушно вѣритъ головной боли, на которую онъ ссылался. И надо же было, чтобы въ ту самую минуту, какъ Ральфъ такъ заботливо поддерживалъ своего пьянаго спутника, ему встрѣтился одинъ изъ его аристократическихъ лондонскихъ знакомыхъ и узналъ его. Достигнувъ Фордъ-Банка, онъ предоставилъ Эллиноръ уложить отца въ постель, а самъ прошелъ въ садъ, чтобы наединѣ съ самимъ собою дать волю своему раздраженію. Онъ такъ былъ погруженъ въ свое мрачное раздумье, что и не замѣтилъ, какъ чья-то маленькая ручка скользнула между его скрещенныхъ рукъ.

— Я уложила папа отдохнуть, проговорила она:—у него, по видимому, такъ страшно болитъ голова.

Ральфъ хранилъ безучастное молчаніе.

— Помнишь ли, Эллиноръ, какой у насъ былъ разговоръ прошлою осенью, началъ онъ наконецъ.—Ты говорила о какомъ-то несчастіи, грозившемъ разразиться надъ вами?—Отвѣта не было. — Грозитъ ли оно вамъ и до сихъ поръ?

— Да, отвѣчала она шопотомъ.

— И отецъ твой, конечно, знаетъ объ этомъ?

— Да, отвѣчала она тѣмъ же голосомъ. Молчаніе снова водворилось.

— Мнѣ кажется, что мысль объ этомъ губитъ его, началъ наконецъ Ральфъ рѣшительно.

— И я тоже думаю, тихо отвѣчала Эллиноръ.

— Не лучше ли тебѣ прямо сказать мнѣ въ чемъ дѣло,

продолжалъ онъ съ оттѣнкомъ раздраженія.—Быть можетъ, я съумѣлъ бы помочь вамъ.

— Нѣтъ, ты ничего не можешь сдѣлать. Я горько раскаяваюсь въ томъ, что сказала тебѣ. Я не нуждалась въ помощи, я только хотѣла знать твое мнѣніе о томъ, позволительно ли дѣвушкѣ въ моемъ положеніи связать участь другаго съ своею собственной участью, когда этотъ другой не знаетъ всего, что можетъ случиться.

— Но, милая, неужели ты не понимаешь, что я не могу угадать смыслъ твоихъ таинственныхъ намековъ. Я какъ разъ нахожусь въ положеніи того, ничего не знающаго человѣка, за котораго, сколько я могъ понять, ты не считаешь себя въ правѣ выдти замужъ. Отчего ты не хочешь мнѣ прямо сказать въ чемъ дѣло?

Она наклонилась нѣсколько впередъ, пристально заглянула ему въ лице и затѣмъ проговорила спокойнымъ голосомъ:

— Ты желаешь взять назадъ свое слово?

Онъ мгновенно вспыхнулъ и отвѣчалъ съ негодованіемъ:

— Что за вздоръ! Можно ли такъ перетолковывать простой вопросъ! Это болѣзнь сдѣлала тебя такою мнительной, Эллиноръ. Да развѣ я не доказалъ тебѣ всю глубину и искренность моей привязанности, оставаясь вѣрнымъ тебѣ, не смотря... не смотря ни на что.

Онъ хотѣлъ сказать не смотря на сопротивленіе моихъ родныхъ, но удержался. Ему не хотѣлось проговориться о фактѣ, который онъ до сихъ поръ тщательно скрывалъ.

— Я вѣрю тебѣ, Ральфъ, отвѣчала Эллиноръ, протягивая ему руку:—я была не права въ своихъ сомнѣніяхъ. Должно быть, я и въ самомъ дѣлѣ поглупѣла и сдѣлалась мнительной.

Не въ веселомъ расположеніи духа сошлись мистеръ Уилькинсъ и Ральфъ за обѣдомъ. Пока миссъ Монро и Эллиноръ оставались въ комнатѣ, между ними еще держалось какое то пасмурное согласіе. Какъ скоро Ральфъ притворилъ за дамами дверь, мистеръ Уилькинсъ направился къ буфету и досталъ оттуда бутылку.

— Хотите коньяку? спросилъ онъ Ральфа съ открытой небрежностью, наливая себѣ полный стаканъ.—Отличное это, доложу вамъ, лекарство отъ головной боли.

— Очень жаль, что вы нездоровы, проговорилъ Ральфъ.— Мнѣ бы нужно было переговорить съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ—именно о моей женитьбѣ.

— Что жъ, говорите, мысли мои совершенно ясны, если только это васъ заботитъ.

Ральфъ нѣсколько презрительно поклонился.

— Я хотѣлъ вамъ сказать, что желалъ бы, чтобы всѣ приготовленія къ свадьбѣ были окончены въ августѣ. Эллиноръ въ настоящую минуту на столько оправилась, что, думаю, переходъ къ жизни въ Лондонѣ не будетъ для нея слишкомъ тягостенъ.

Мистеръ Уилькинсъ какъ-то безсмысленно поглядѣлъ на него и промолчалъ.

— Я желалъ бы, само собою разумѣется, чтобы были приведены въ порядокъ всѣ акты, по которымъ вы передаете часть ея состоянія съ тѣмъ, чтобы оно было употреблено извѣстнымъ, заранѣе условленнымъ образомъ; словомъ, чтобы все было такъ, какъ мы порѣшили еще прошлаго года, когда я надѣялся жениться въ августѣ.

Въ отуманенной головѣ мистера Уилькинса мелькнула мысль, что ему невозможно будетъ сосредоточить въ рукахъ требуемыя тысячи, безъ помощи ростовщиковъ, которые въ послѣднее время становились все менѣе и менѣе сговорчивы. Онъ имѣлъ глупость начать торговаться, добиваясь сбавки предварительно условленной цифры.

— Вамъ не слѣдуетъ слишкомъ тѣснить меня, Ральфъ, говорилъ онъ.—Обѣщаніе это было дано еще прежде, прежде, нежели я самъ узналъ въ точности состояніе своихъ дѣлъ.

— То есть, прежде, чѣмъ мистеръ Донстеръ скрылся, подсказалъ Ральфъ, устремляя на него испытующій взглядъ.

— Ну, да именно — прежде чѣмъ Донстеръ... краснѣя и смущаясь бормоталъ мистеръ Уилькинсъ, и такъ-таки и не кончилъ предложенія.

— Кстати, началъ Ральфъ съ искуственною небрежностью въ тонѣ:—вы такъ-таки и не получали никакихъ извѣстій о Донстерѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ бѣжалъ,—куда бишь,—въ Америку, что ли?

Онъ былъ пораженъ мгновеннымъ дѣйствіемъ своего вопроса на мистера Уилькинса. Оба они привскочили. Мистеръ Уилькинсъ, блѣдный и дрожа всѣмъ тѣломъ, силился что-то сказать, но не могъ связать двухъ словъ.

— Боже! Что съ вами сэръ? воскликнулъ Ральфъ, перепуганный этими признаками физическаго страданія.

Мистеръ Уилькинсъ опустился на стулъ, и молча махнулъ ему рукою, чтобы онъ не подходилъ.

— Такъ, пустяки,—головная боль, нѣтъ, нѣтъ, да и дасть себя снова почувствовать. Что вы на меня такъ уставились, сэръ? Право, нѣтъ никакого удовольствія чувствовать, что другой не спускаетъ съ васъ глазъ.

—Извините меня, холодно отвѣчалъ Ральфъ.—Его минутное участіе, охлажденное такимъ неблагосклоннымъ пріемомъ, уступило мѣсто любопытству. Долго онъ не зналъ, какъ возобновить прерванный разговоръ. Мистеръ Уилькинсъ между тѣмъ придвинулъ къ себѣ бутылку и тянулъ коньякъ какъ воду. Опорожнивъ стаканъ, онъ уставился на мистера Карбета, силясь не смигнуть подъ его проницательнымъ взглядомъ.

— О чемъ, бишь, мы говорили, началъ наконецъ Ральфъ, стараясь принять самый непринужденный видъ.

— О томъ, до чего вамъ, чортъ возьми, никакого нѣтъ дѣла, прорычалъ мистеръ Уилькинсъ грубымъ, хриплымъ голосомъ.

— Сэръ! воскликнулъ Ральфъ и вскочилъ на ноги взбѣшенный тѣмъ, что съ нимъ такъ смѣетъ говорить «стряпчій Уилькинсъ».

— Да, продолжалъ послѣдній.—Я самъ хозяинъ въ своихъ дѣлахъ и никому не позволю въ нихъ соваться. Я уже сказалъ это разъ, но меня тогда не хотѣли послушаться и вышло худо, теперь же я повторяю. И если вы сюда за тѣмъ только ѣздите, чтобы предлагать мнѣ дерзкіе вопросы и глядѣть на меня во всѣ глаза, какъ вы сейчасъ глядѣли, то чѣмъ скорѣе вы уберетесь изъ этого дома, тѣмъ лучше.

Первымъ выраженіемъ Ральфа было—принять его слова въ буквальномъ смыслѣ, но, подумавъ, онъ еще на время скрѣпился изъ состраданія къ Эллиноръ, какъ онъ самому себѣ

формулировалъ свои побужденія. Впрочемъ, въ его тонѣ не было ничего примиряющаго, когда онъ отвѣчалъ:

— Вы лишнее выпили, сэръ, а потому сами не знаете, что говорите. Если бы я могъ думать, что вы вполнѣ владѣете своими способностями, я бы ни минуты не остался въ вашемъ домѣ послѣ этихъ словъ.

— Вы такъ думаете? заговорилъ мистеръ Уилькинсъ, вставая и стараясь казаться трезвымъ и исполненнымъ чувства собственнаго достоинства.—Такъ я же вамъ говорю, сэръ, что ежели вы когда нибудь осмѣлитесь такъ говорить со мною и глядѣть на меня такъ, какъ вы говорили и глядѣли сегодня, то я призову слугъ и велю васъ выпроводить за порогъ. Намотай же это себѣ на усъ, голубчикъ.—И онъ снова опустился на стулъ съ пьянымъ, самодовольно-глупымъ хихиканьемъ. Въ ту же минуту Ральфъ осторожно, но крѣпко схватилъ его за руку.

— Выслушайте меня, мистеръ Уилькинсъ, началъ онъ тихимъ, сиплымъ голосомъ:—я не потерплю, чтобы вы мнѣ еще разъ повторили то, что я сейчасъ отъ васъ слышалъ. Съ нынѣшняго дня мы не будемъ болѣе знаться другъ съ другомъ. Что же касается до Эллиноръ,—и тутъ у него вырвался невольный вздохъ, — то врядъ ли мы были бы съ нею счастливы. Я начиналъ думать, что въ то время, когда мы дали другъ другу слово, оба мы были слишкомъ молоды и не могли правильно обсудить этотъ поступокъ. Тѣмъ не менѣе я исполнилъ бы свой долгъ и сдержалъ бы свое слово—вы сами, сэръ, порвали связь между нами. Мнѣ быть выгнаннымъ лакеями изъ вашего дома, мнѣ, Карбету изъ Уэстли! Да я не спустилъ бы такой угрозы любому перу королевства, хотя бы онъ въ десять разъ былъ пьянѣе вашего! — И съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, вышелъ изъ самаго дома.

Мистеръ Уилькинсъ сидѣлъ неподвижно. Бѣшенство его вскорѣ перешло въ удивленіе, а удивленіе въ тревогу, которая отрезвила его.

— Карбетъ, Карбетъ, Ральфъ! воскликнулъ онъ, вскакивая съ мѣста и бросаясь въ ярко освѣщенную переднюю.

Тамъ все было тихо и на вѣшалкѣ не доставало соломенной шляпы Ральфа.

Мистеръ Уилькинсъ возвратился на прежнее свое мѣсто; онъ никакъ не могъ взять въ толкъ случившееся и не хотѣлъ вѣрить, чтобы Ральфъ былъ безвозвратно потерянъ для его дочери. Вскорѣ вошла Эллиноръ, блѣдная и встревоженная.

— Папа, что это значитъ? проговорила она, вручая ему распечатанную записку. Онъ надѣлъ очки, но руки его такъ дрожали, что онъ почти не могъ читать. Записка была адресована изъ дома мистера Несса на имя Эллиноръ и содержала всего нѣсколько строкъ. Ее принесъ слуга мистера Несса, явившійся за вещами мистера Карбета.

«Дорогая Эллиноръ, — говорилось въ запискѣ, — между твоимъ отцомъ и мною произошло столкновеніе, вслѣдствіе котораго я принужденъ былъ оставить его домъ, — и оставить, какъ мнѣ кажется, увы! навсегда. Завтра я напишу обо всемъ подробнѣе. Прошу тебя не слишкомъ горевать объ этомъ, потому что я никогда не былъ и не могу быть достоинъ тебя. Да хранитъ тебя Богъ, дорогая моя Нелли (позволь мнѣ назвать тебя въ послѣдній разъ этимъ именемъ) Р. К.»

— Что это такое, папа, воскликнула Эллиноръ, всплескивая руками. Но отецъ ея сидѣлъ молча и тупо глядѣлъ на огонь, пылавшій въ каминѣ.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ наконецъ, какъ-то жалобно вскидывая на нее глазами.—Такая ужъ судьба должно быть. Ни въ чемъ-то нѣтъ счастія ни мнѣ, ни близкимъ моимъ. Оно такъ было и прежде той ночи; стало быть, это не божья кара,—вѣдь не божья это кара, Эллиноръ?

— О, папа! воскликнула она, становясь возлѣ него на колѣни и пряча лице на его груди.

Онъ слабо охватилъ ее одной рукой.

— Читалъ я еще въ Итонѣ про Ореста и про то, какъ его преслѣдовали фуріи, тогда мнѣ это казалось вымысломъ языческой древности. Бѣдная моя сиротка! продолжалъ онъ, гладя ее рукою по головѣ.—Такъ ты его очень любила, Нелли? А мнѣ въ послѣднее время начинало казаться, что онъ и башмака твоего не стоитъ. Онъ видимо догадывался, что

случилось что-то недоброе—онъ былъ не въ мѣру любопытенъ, онъ преслѣдовалъ меня своими распросами.

— О папа, я боюсь, не я ли была тому причиной. Давно какъ-то я намекнула ему на возможность позорной огласки.

Онъ грубо оттолкнулъ ее отъ себя и уставилъ на нее широко раскрытые глаза, выражавшие не то испугъ, не то бѣшенство.

— Ты, Эллиноръ! ты сказала.

— Милый папа, выслушайте меня, молила она, обнимая его колѣни.—Дѣло было въ августѣ прошлаго года. Я заговорила съ нимъ обиняками, будто дѣлая праздное предположеніе, но онъ тотчасъ же примѣнилъ мои слова къ дѣйствительности и спросилъ: «ужъ не мнѣ ли грозитъ этотъ позоръ?» Что было мнѣ отвѣчать на это?

— Что нибудь, — все что угодно, лишь бы отвести ему глаза. Помогай мнѣ, Боже, я пропащій человѣкъ и собственное дѣтище измѣнило мнѣ.

Эллиноръ закрыла лицо руками; ударъ за ударомъ поражалъ ее въ самое сердце. Черезъ минуту отецъ ея снова заговорилъ:

— Я совсѣмъ не то говорю, что думаю. Теперь это часто со мною случается. Прости меня, Эллиноръ. Не забывай, дитя мое, что я очень несчастливъ и будь ко мнѣ снисходительна. Вотъ онъ не хотѣлъ быть снисходительнымъ, а между тѣмъ видѣлъ же онъ, что я пьянъ.

— Вы, пьяны, папа? воскликнула Эллиноръ въ скорбномъ удивленіи.

— Да. Я теперь сталъ запивать, чтобы забыться, отвѣчалъ онъ въ смущеніи.

— О, какъ же мы несчастны, воскликнула Эллиноръ, заливаясь слезами. Богъ, какъ видно, отступился отъ насъ.

— Тсъ! замолчи, перебилъ онъ ее.—Твоя мать такъ желала видѣть тебя благочестивой. Бѣдная Летиція, какъ хорошо, что ты умерла.—И онъ заплакалъ какъ ребенокъ. Не много спустя онъ оттолкнулъ отъ себя Эллиноръ и спросилъ у нея рѣзкимъ голосомъ: Что именно извѣстно ему изъ нашей тайны; я долженъ удостовѣриться въ этомъ. Что ты ему разсказала, Эллиноръ?

— Ничего папа, ничего ровно, кромѣ того, что я вамъ уже говорила.

— Повтори еще разъ, приведи въ точности всѣ твои выраженія.

— Извольте, на сколько я могу ихъ припомнить—вѣдь дѣло было еще прошлаго года. И такъ я спросила у него: Права ли та женщина, которая выходитъ замужъ, зная, что ей грозитъ позоръ и скрывая это отъ своего жениха?

— И ты не сказала ничего болѣе, ты навѣрное помнишь?

— Да. Онъ тотчасъ же примѣнилъ этотъ случай ко мнѣ, т. е. къ намъ.

— И онъ не допрашивалъ тебя о томъ, какого рода позоръ виситъ надъ твоей головой.

— Да. Онъ меня спрашивалъ объ этомъ.

— И ты ему сказала?

— Нѣтъ, болѣе онъ ни слова отъ меня не слыхалъ. Сегодня въ саду онъ снова навелъ разговоръ на эту тему, но я ничего не сказала ему. Вѣдь вы мнѣ вѣрите, папа, безусловно вѣрите?

Онъ обнялъ ее молча; потомъ онъ снова пробѣжалъ записку и сказалъ:

— Нелли, а вѣдь онъ правъ, онъ недостоинъ тебя, его пугаетъ возможность позорной огласки. И такъ, ты должна стоять одиноко и нести грѣхи своего отца.

Говоря это, онъ дрожалъ. Эллиноръ по неволѣ должна была забыть свое личное горе, чтобы позаботиться о больномъ отцѣ. Не ранѣе, какъ уложивъ его въ постель и убѣдившись, что онъ заснулъ, могла она удалиться въ свою комнату.

X.

Ральфъ просидѣлъ цѣлую ночь надъ сочиненіемъ обѣщаннаго письма къ Эллиноръ. Онъ былъ того мнѣнія, что, подойдя уже такъ близко къ окончательной размолвкѣ, было бы безуміемъ возвращаться назадъ. Врядъ ли не худшее было

для него и для Эллиноръ уже назади. Что касалось до выходки мистера Уилькинса, то Ральфъ имѣлъ откровенность сознаться себѣ, что, какъ ни оскорбительна она была, все же сама по себѣ она не представляла еще неодолимой преграды къ примиренію.

Письмо его было слѣдующаго содержанія:

«Дорогая Эллиноръ! (Не удивляйся, что я такъ называю тебя,—ты мнѣ по прежнему осталась и на вѣки останешься всего дороже). По зрѣломъ обсужденіи я рѣшаюсь на шагъ, который для меня очень тягостенъ,—тягостнѣе, нежели ты, быть можетъ, думаешь. Мы должны разстаться. Со времени нашей помолвки случилось нѣчто такое, что омрачило твою жизнь и неблагопріятно отозвалось на характерѣ твоего отца. О настоящемъ положеніи дѣлъ я нахожусь въ совершенномъ невѣдѣніи, знаю только отъ тебя же самой, что оно грозитъ въ будущемъ позоромъ. Надо же тебѣ сказать, что отличительная черта моего характера,—черта, быть можетъ, не похвальная, состоитъ въ томъ, что я выше всего дорожу незапятнаннымъ добрымъ именемъ. Я только констатирую фактъ и предоставляю тебѣ полную свободу порицанія. Какъ бы то ни было, все, что станетъ между мною и достиженіемъ этой цѣли, возбудитъ во мнѣ, признаюсь, непріятное чувство. Самая мысль о возможности подобнаго препятствія была бы для меня нестерпима. Я бы сталъ раздражителенъ и, при всей моей глубокой привязанности къ тебѣ, врядъ ли съумѣлъ бы сдѣлать тебя счастливой. И такъ, не столько изъ личныхъ побужденій, сколько для твоего же счастія, я принужденъ придать рѣшительное значеніе словамъ твоего отца, который вчера указалъ мнѣ на дверь своего дома. Да благословитъ тебя Господь, моя Эллиноръ. Постарайся забыть какъ можно скорѣе все, что связывало тебя съ такимъ недостойнымъ тебя человѣкомъ, какъ

Ральфъ Карбетъ.»

Письмо это застало Эллиноръ за завтракомъ. Пока она его читала, посланный почтительно дожидался отвѣта—дожидался по привычкѣ, потому что этого не было въ его ин-

струкціяхъ. Эллиноръ присѣла за письменный столъ и отвѣчала такъ:

«Ты правъ, совершенно правъ. Мнѣ самой бы слѣдовало это обдумать еще прошлымъ лѣтомъ. Не думаю, чтобы ты скоро могъ забыть меня, но умоляю тебя никогда ни въ чемъ себя не винить. Надѣюсь, что ты будешь счастливъ. Письмо это должно быть моимъ послѣднимъ письмомъ къ тебѣ, но я всегда буду за тебя молиться. Папа очень раскаявался вчера въ томъ, что онъ сказалъ тебѣ. Ты долженъ простить ему: всѣ мы нуждаемся въ прощеніи.»

Эллиноръ.

Отправивъ письмо, она присѣла въ ожиданіи миссъ Монро, которая накапунѣ отправилась спать, не дождавшись возвращенія Эллиноръ изъ столовой.

— А мистеръ Карбетъ все еще наверху! воскликнула миссъ Монро, видя, что Эллиноръ одна.—И Эллиноръ должна была вкратцѣ изложить ей факты, которые вскорѣ должны были сдѣлаться извѣстны цѣлому свѣту. Она разсказала ей, что сама она и мистеръ Карбетъ сочли за лучшее разойтись. Что вслѣдствіе этого онъ удалился въ домъ мистера Несса и по всѣмъ вѣроятіямъ не заглянетъ болѣе въ Фордъ-Банкъ. Изумленіе миссъ Монро не знало границъ и слушать выраженія этого изумленія было почти нестерпимою пыткою для Эллиноръ. Но худшее было для нея еще впереди. Отецъ ея въ тотъ же день опасно занемогъ; оказалось, что его разбилъ параличъ.

Прежде нежели распустились іюньскія розы, мистера Уилькинса не стало. Въ завѣщаніи своемъ, написанномъ еще за нѣсколько лѣтъ передъ смертью, онъ назначилъ опекуномъ своей дочери мистера Несса. Умственныя способности мистера Уилькинса сильно пострадали отъ паралича и онъ часто заговаривался. Но, въ рѣдкіе промежутки къ нему возвращалось спокойствіе и полное обладаніе разсудочными способностями. Должно полагать, что въ одинъ-то изъ этихъ промежутковъ онъ набросалъ карандашемъ начало слѣдующаго письма, которое послѣ его смерти сидѣлка нашла подъ его подушкой и передала Эллиноръ.

«Я очень боленъ. Мнѣ порою кажется, что я уже болѣе не встану и потому я желалъ бы испросить у васъ прощенія за все сказанное мною наканунѣ того дня, когда я занемогъ. Я боюсь, не моя ли вспыльчивость разлучила васъ съ Эллиноръ; но, я надѣюсь, вы простите умирающему. Если вы пріѣдете назадъ и согласитесь, чтобы все было по старому, я готовъ принести вамъ какое угодно извиненіе. Послѣ моей смерти она останется одна, совершенно одна, а я было расчитывалъ, что вы будете ея покровителемъ...» Тутъ слѣдовало нѣсколько словъ, которыхъ нельзя было разобрать; письмо кончалось словами: «со смертнаго своего одра заклинаю васъ быть ея опорой; я готовъ на колѣняхъ просить прощенія за все...»

Тутъ силы снова видимо измѣнили ему. Эллинор поцѣловала письмо и благоговѣйно прибрала его вмѣстѣ съ другими своими сокровищами — недоконченнымъ шитьемъ своей матери, золотомъ и прядью волосъ умершей маленькой сестры.

Душеприкащиками и опекунами Эллиноръ были назначены въ завѣщаніи мистеръ Нессъ и нѣкто мистеръ Джонсонъ, занимавшій должность прокурора въ главномъ городѣ графства. Самое завѣщаніе было писано много лѣтъ тому назадъ, когда еще мистеръ Уилькинсъ считалъ себя обладателемъ большаго состоянія, которое онъ и отказывалъ цѣликомъ своей единственной дочери. По свадебному контракту мистрисъ Уилькинсъ отписывался Фордъ-Банкъ въ неотъемлемую собственность дѣтей, могущихъ произойти отъ этого брака; храненіе этой собственности ввѣрялось сэру Франку Гольстеру и тому же мистеру Джонсону. Мистеръ Уилькинсъ завѣщалъ небольшую пенсію миссъ Монро; слуги тоже не были имъ забыты, въ особенности щедро награждался въ завѣщаніи Диксонъ.

Но что же уцѣлѣло отъ этого, когда-то значительнаго состоянія? Сколько ни доискивались душеприкащики — ничего не оказалось. Они съ трудомъ могли дознаться, куда дѣвались всѣ эти деньги, такъ перепутаны были счеты, оставшіеся послѣ мистера Уилькинса.

Между тѣмъ Эллиноръ по прежнему жила въ Фордъ-Банкѣ, въ совершенномъ невѣдѣніи о состояніи дѣлъ своего

отца. Она все болѣе и болѣе впадала въ глубокую меланхолію и этимъ приводила въ отчаяніе миссъ Монро, которая подъ часъ даже журила ее за малодушіе. Впрочемъ, раздражительность миссъ Монро происходила отъ совершеннаго ея незнанія какъ и чѣмъ пособить своей воспитанницѣ. Пришло время, когда миссъ Монро могла дѣятельно выразить свое участіе и раздражительности ея какъ не бывало. Когда съ достовѣрностію стало извѣстно, что у Эллиноръ ничего не останется кромѣ Фордъ-Банка и оказалось, что изъ всѣхъ суммъ, завѣщанныхъ мистеромъ Уилькинсомъ постороннимъ лицамъ, не можетъ быть уплачено ни одного фарсинга, тогда мистеръ Нессъ взялся осторожно сообщить ей о состояніи дѣлъ ея отца.

Эллиноръ по обыкновенію сидѣла низко склонившись надъ работой, но тотчасъ же, какъ только заговорилъ мистеръ Нессъ, отложила работу въ сторону. Кончилъ говорить мистеръ Нессъ, но она не отвѣчала ни слова, мистеръ Нессъ былъ взволнованъ и ощущалъ нѣкоторую неловкость.

— Безъ сомнѣнія, во всемъ виноватъ этотъ мерзавецъ Донстеръ, добавилъ онъ въ видѣ объясненія.

Къ удивленію его, она подняла свое неподвижное блѣдное лице и проговорила медленно и тихо, но съ какою-то спокойною торжественностію:

— Мистеръ Нессъ, никогда не вините въ этомъ мистера Донстера.

— Но, милая Эллиноръ, тутъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. Вашъ батюшка и самъ постоянно жаловался на убытки, которые потерпѣлъ черезъ бѣгство Донстера.

Эллиноръ закрыла лице руками.

— Богъ да проститъ намъ всѣмъ, проговорила она и снова погрузилась въ прежнее молчаніе. Мистеръ Нессъ продолжалъ:

— И такъ, дорогое дитя мое, вѣдь вы знаете, я васъ еще на рукахъ носилъ, но мы не должны поддаваться своимъ чувствамъ (а самъ онъ между тѣмъ задыхался; она же сидѣла совершенно спокойно) — и такъ, подумаемъ, что мы будемъ теперь дѣлать. Вы будете пользоваться доходомъ съ этого дома. Какъ разъ мы имѣемъ въ виду очень вы-

годнаго наемщика — онъ снимаетъ его на семь лѣтъ по контракту за сто двадцать фунтовъ въ годъ.

— Я никогда не отдамъ этого дома въ наймы, сказала она, вдругъ поднимаясь съ мѣста.

— Не отдать въ наймы Фордъ-Банкъ? Но почему же? Я право не понимаю васъ, Эллиноръ, вѣдь у васъ ничего нѣтъ, кромѣ дохода съ этого дома.

— Но какъ же быть, я не могу оставить этого дома; о, мистеръ Нессъ, я не могу его оставить!

— Но, дорогое дитя мое, подумайте; я знаю, что у васъ было много горя за послѣднее время, но что же дѣлать: вамъ необходима пища, должны же вы во что нибудь одѣваться, а на покрытіе всѣхъ этихъ расходовъ у васъ нѣтъ ничего, кромѣ арендной платы съ этого дома. Что до меня касается, я съ радостью предлагаю вамъ свой кровъ и чѣмъ дольше вы у меня прогостите, тѣмъ лучше. Но я долженъ сказать вамъ, что мы уже почти порѣшили дѣло съ мистеромъ Осбальдитономъ, тѣмъ самымъ господиномъ, который арендуетъ Фордъ-Банкъ.

— Но домъ этотъ — моя собственность, гнѣвно воскликнула Эллиноръ. — Я знаю, что онъ укрѣпленъ за мною.

— Нѣтъ, дитя мое, вы только имѣете право пользоваться доходомъ съ этого дома. Попечителями же надъ вашимъ имуществомъ назначены сэръ Франкъ Гольстеръ и мистеръ Джонсонъ. Но не забывайте, что вы еще несовершеннолѣтняя и мы съ мистеромъ Джонсономъ пользуемся полною властью.

Эллиноръ снова сѣла, подавленная сознаніемъ своего безсилія.

— Оставьте меня, проговорила она:—я цѣню вашу доброту, но вы не знаете всего. Я не могу продолжать болѣе этотъ разговоръ, добавила она особымъ голосомъ.

Мистеръ Нессъ молча поцѣловалъ ее въ лобъ и отправился къ миссъ Монро.

— Ну что, какъ она? было первымъ вопросомъ гувернантки.

— Нынѣшній день принесъ ей новое огорченіе, отвѣчалъ мистеръ Нессъ.—На мнѣ и на мистерѣ Джонсонѣ лежитъ при-

скорбная обязанность какъ въ отношеніи ея, такъ и въ отношеніи васъ. Мистеръ Уилькинсъ умеръ несостоятельнымъ; какъ мнѣ это ни больно, я долженъ сказать вамъ, что вы не получите вашей пенсіи.

Миссъ Монро пріуныла. Не съ одною счастливою мечтою прощалась она на вѣки въ эти минуты. Но вскорѣ мужество къ ней возвратилось, и она сказала:

— Мнѣ всего какихъ нибудь сорокъ лѣтъ, еще добрыхъ пятнадцать лѣтъ я могу, слава Богу, работать. И такъ послѣ него не осталось денегъ?

— Ни фарсинга. Дай Богъ, чтобы мы могли расплатиться съ кредиторами.

— А Эллиноръ?

— Эллиноръ будетъ жить съ доходовъ этого дома, который укрѣпленъ за нею по свадебному договору ея матери.

— Какъ великъ этотъ доходъ?

— Сто двадцать фунтовъ.

Миссъ Монро сложила губы, какъ будто собиралась свиснуть. Мистеръ Нессъ продолжалъ:

— Въ настоящую минуту она не расположена покинуть этотъ домъ. Да оно и понятно; но ея воля тутъ не имѣетъ никакого значенія, даже если бы и былъ возможенъ другой выходъ. Съ своей стороны, я могу только увѣрить васъ, что сочту за особенную честь и за счастье, если вы и она удостоите переѣхать въ мой домъ.

— Гдѣ теперь мистеръ Карбетъ? спросила миссъ Монро.

— Не знаю. Послѣ того, какъ разошлась его свадьба, онъ написалъ мнѣ длинное письмо, чтобы разъяснить дѣло, какъ онъ выразился, и чтобы оправдать самого себя, какъ я это понимаю. Я отвѣчалъ ему въ немногихъ словахъ, что съ душевнымъ прискорбіемъ вынужденъ прекратить столь пріятное для меня знакомство, но что, вслѣдствіе дружественныхъ моихъ сношеній съ Фордъ-Банкомъ, считаю продолженіе нашего знакомства съ нимъ на прежней ногѣ равно тягостнымъ и неловкимъ для всѣхъ насъ. Но, кто это сейчасъ проскакалъ мимо окна? Каково! Эллиноръ верхомъ?

Миссъ Монро подошла къ окну.

— Какъ я рада видѣть ее опять на лошади. Не далѣе, какъ сегодня утромъ я еще совѣтовала ей верховую прогулку.

— Бѣдный Диксонъ! И ему тоже плохо придется. Его награжденіе пропало наравнѣ съ другими, а онъ уже становится старъ для берейторской должности, и не всякая молоденькая леди будетъ такъ охотно брать его въ провожатые, какъ Эллиноръ.

Тотчасъ же по уходѣ мистера Несса, миссъ Монро сѣла писать кое-какимъ хорошимъ знакомымъ, которые у нея были въ кафедральномъ городѣ Истъ-Честерѣ. Въ этомъ городѣ провела она самые счастливые годы своей молодости и часто мечтала она о томъ, какъ послѣ замужества Эллиноръ удалится въ родной городъ и постарается, съ помощью своихъ добрыхъ знакомыхъ, достать въ немъ нѣсколько уроковъ. Теперь, когда Эллиноръ неизбѣжно должна была оставить Фордъ-Банкъ, миссъ Монро рѣшала за нее, что всего лучше будетъ поселиться ей гдѣ нибудь подальше отъ прежняго мѣста жительства. И миссъ Монро принялась мечтать о томъ, какъ онѣ будутъ жить вдвоемъ на деньги, заработанныя самою миссъ Монро, и на маленькій доходъ, получаемый Эллиноръ.

Проводивъ мистера Несса, Эллиноръ кликнула слугу и отдала поспѣшное приказаніе сѣдлать лошадей, а Диксону готовиться сопутствовать ей. Она чувствовала потребность переговорить съ нимъ на свободѣ и подальше отъ постороннихъ взглядовъ. Отъѣхавъ миль на шесть отъ Гамли, Эллиноръ осадила свою лошадь и Диксонъ, понимавшій ее безъ словъ, тотчасъ же подскакалъ къ ней и на ея печальный взглядъ отвѣчалъ исполненнымъ сочувствія молчаніемъ.

— Диксонъ, начала она:—говорятъ, что я не могу болѣе оставаться въ Фордъ-Банкѣ.

— Такъ мнѣ и самому сдавалось, слушая всякіе толки, что начали ходить по городу по смерти господина.

— Ты, стало быть, слышалъ, что послѣ папа ничего не осталось; бѣдный мой Диксонъ, ты не получишь того, что тебѣ слѣдуетъ по завѣщанію, а я объ этомъ и не думала прежде.

— На счетъ этого не безпокойтесь, поторопился онъ пере-

бить ее:—я все равно не дотронулся бы этихъ денегъ; онѣ все бы мнѣ казались... онъ чуть было не сказалъ «цѣною крови», но удержался во время. Впрочемъ, она и безъ того угадала его мысль.

— Нѣтъ, ты не такъ смотришь на дѣло, отвѣчала она.—Завѣщаніе было составлено за много лѣтъ передъ тѣмъ. Но, Диксонъ, что мнѣ дѣлать? Меня выживаютъ изъ Фордъ-Банка. Опекуны почти уже отдали его внаймы.

— Но, вѣдь доходъ съ найма пойдетъ вамъ же? спросилъ онъ ее тревожно.—Я много разъ слыхалъ, что домъ былъ закрѣпленъ сначала за покойницей барыней, а потомъ за вами.

— Да, но не въ томъ дѣло, ты вѣдь помнишь, тамъ, подъ березой...

— Какъ же, проговорилъ онъ, тяжело вздохнувъ:—ни на яву, ни во снѣ я еще ни разу не забывалъ этого.

— Но какъ же могу я уѣхать! воскликнула Эллиноръ.—Мало ли что можетъ случиться—могутъ вскопать это мѣсто. О, Диксонъ, мнѣ такъ вотъ и кажется, что все это выйдетъ наружу, Диксонъ; память папа будетъ обезчещена, а я этого не переживу.

— Это точно, что не слѣдуетъ давать его память на поруганіе, отвѣчалъ Диксонъ. —Но мисси, можно сдѣлать съ жильцами такого рода уговоръ, чтобы они отнюдь ничего не трогали около дома, и будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы упросилъ опекуновъ выговорить это въ контрактѣ. Думается мнѣ также, что если бы вы за меня замолвили словечко—они бы оставили меня при конюшнѣ и я бы могъ за всѣмъ присматривать. А тамъ, когда нибудь да настанетъ же день судный и все тайное сдѣлается явнымъ и безъ нашей исповѣди. Надоѣло мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ, миссъ Эллиноръ.

— Не говори такъ, нѣжно возразила ему Эллиноръ:—знаю, что тебѣ не легко, но вспомни, безъ тебя, кто будетъ моимъ другомъ, къ кому я обращусь за совѣтомъ, какъ нынче обратилась къ тебѣ? Вѣдь ты хорошо себя чувствуешь, Диксонъ, ты здоровъ? продолжала она встревоженно.

— Тѣломъ-то я бодръ и знать еще долго проживу. Всѣ мы въ нашей семьѣ долговѣчны. Душа моя тоскуетъ — вотъ оно что, да и вамъ, думаю, не легче. Одно только

и осталось намъ утѣшеніе — блюсти отъ нареканія его память: онъ былъ такой веселый и пригожій съ молоду; никому бы, глядя на него, не пришло въ голову, что сѣдины его посрамятся.

XI.

Черезъ нѣсколько дней миссъ Монро получила какъ нельзя болѣе благопріятный отвѣтъ на ея запросъ о томъ, можетъ ли учительница найдти себѣ работу въ Истъ-Честерѣ. Большая часть канониковъ были люди семейные и съ радостью готовы были поручить своихъ дѣтей такой учительницѣ, какъ миссъ Монро. Отецъ ея былъ капельмейстеромъ въ этомъ самомъ соборѣ и миссъ Монро питала тайное предубѣжденіе противъ даванья уроковъ по домамъ зажиточныхъ городскихъ торговцевъ. Совсѣмъ иное дѣло быть принятой, хотя бы и въ званіи учительницы, въ семействахъ канониковъ; тутъ она могла себя чувствовать почти какъ дома.

Эллиноръ между тѣмъ снова погрузилась въ свою унылую безучастность ко всему окружающему. Мистеръ Нессъ и миссъ Монро, при всей своей обычной робости и неспособности къ иниціативѣ, принуждены были все дѣлать за нее. Одинъ старикъ Диксонъ возбуждалъ ея участіе, единственнымъ ея утѣшеніемъ было видѣться съ нимъ и говорить о старинѣ. Эллиноръ охотно бы взяла его съ собою въ Честеръ; но объ этомъ и думать было нечего. Средства не позволяли имъ держать болѣе одного человѣка прислуги, а Диксонъ, при всей своей расторопности, не могъ исправлять многія изъ обязанностей служанки. Диксонъ старался утѣшить Эллиноръ, напоминая ей о томъ, какъ его присутствіе въ Фордъ-Банкѣ необходимо для сохраненія ихъ общей тайны. Впрочемъ, что до этого касалось, мистеръ Джонсонъ однимъ изъ условій контракта обязалъ новыхъ жильцовъ не дѣлать никакихъ измѣненій ни въ домѣ, ни въ саду. Эллиноръ видимо торопилась порвать всѣ воспоминанія, связывавшія ея съ роднымъ жилищемъ и спѣ-

шила распродать всю движимость, принадлежавшую ей въ Фордъ-Банкѣ; о чувствахъ, двигавшихъ ею при этомъ, она никому не говорила, но ей казалось порою, что, оставаясь долѣе въ мѣстахъ, полныхъ такихъ страшныхъ воспоминаній, она рискуетъ сойти съ ума и тогда кто поручится ей, что она не выдастъ тайну своего отца?

Когда почтовая карета увозившая Эллиноръ изъ Гамли повернула за уголъ дороги и миссъ Монро, сама обливаясь слезами, сказала ей, чтобы она выглянула изъ окна на исчезавшую колокольню родной церкви, Эллиноръ въ первый разъ послѣ долгаго времени заплакала, и эти благодатныя слезы облегчали ея сердце.

Позднимъ октябрьскимъ вечеромъ Эллиноръ въѣзжала въ Истъ-Честеръ, гдѣ ей предстояло провести остатокъ своей жизни. Миссъ Монро, со всею гордостью собственницы и хозяйки, знакомила Эллиноръ съ мѣстомъ ихъ будущаго пребыванія.

— Видите ли, милая, вотъ, за этою оградою находятся сады канониковъ. Вотъ въ этомъ домѣ съ крутою кровлею живетъ каноникъ Уильямсъ; у него четыре дочери, которыя будутъ моими ученицами. Слышите! Это бьютъ соборные часы. Какъ я гордилась ихъ боемъ, когда была еще ребенкомъ! Бой всѣхъ остальныхъ часовъ въ городѣ казался мнѣ такимъ дребезжащимъ и жалкимъ въ сравненіи съ ними. Я считала ихъ своею исключительною собственностью. А теперь, милая, намъ надо выдти изъ экипажа; эта дорожка, мощеная плитами, прямо ведетъ къ нашей парадной двери.

Миссъ Монро заблаговременно позаботилась нанять небольшой домикъ, принадлежавшій капитулу собора, и стоявшій на церковной землѣ. Все помѣщеніе состояло изъ кухни, тѣсной столовой, гостинной и двухъ комнатъ наверху, которыя Эллиноръ и миссъ Монро заняли подъ свои спальни. Изъ столовой стеклянная дверь вела въ маленькій отгороженный садикъ. Изъ фасадныхъ оконъ открывался видъ на величественное зданіе собора: то былъ почтенный памятникъ норманской архитектуры, съ низкою массивною колокольнею и величавою папертью; въ окрестностяхъ собора царствовала благоговѣйная тишина. Вскорѣ у Эллиноръ вошло въ

обычай исправно посѣщать утреннія и вечернія службы—это одно успокоивало ея больную душу.

Мало по малу у миссъ Монро составился обширный кругъ знакомства. Она возобновила многія старинныя связи. Почтенные каноники, въ домахъ которыхъ она давала уроки, навѣщали ее съ своими женами и любили толковать съ нею о своихъ предшественникахъ, которыхъ она всѣхъ знавала лично или по преданію. Молчаливая блѣдная миссъ Уилькинсъ возбуждала въ нихъ тоже участіе, сначала только косвенное, какъ подруга миссъ Монро, а потомъ и сама по себѣ; въ особенности расположила ихъ къ себѣ Эллиноръ своимъ усердіемъ къ церковной службѣ, своимъ исправнымъ посѣщеніемъ одной приходской школы и своею скромною благотворительностью. У нея не было недостатка въ приглашеніяхъ на небольшіе вечера, до которыхъ миссъ Монро была такая охотница, но Эллиноръ уклонялась отъ всякаго общенія съ людьми. Мистеръ Нессъ ежегодно пріѣзжалъ къ нимъ погостить, и его пріѣздъ праздновался въ маленькомъ хозяйствѣ со всевозможною торжественностью. Онъ ночевалъ въ одномъ изъ незанятыхъ домовъ капитула, а дни проводилъ съ своими пріятельницами, которыя, въ честь его, сзывали къ себѣ всѣхъ представителей соборнаго духовенства, находившихся въ то время въ городѣ, а за отсутствіемъ таковыхъ снисходили до приходскихъ священниковъ.

Навѣдывалъ ихъ еще одинъ гость, который, при первой возможности отпроситься у своего господина на нѣсколько дней, пріѣзжалъ для этого издалека. Аристократическіе знакомые ихъ даже не знали объ этихъ посѣщеніяхъ. Но въ домѣ миссъ Монро Диксонъ былъ такимъ же дорогимъ гостемъ, какъ и мистеръ Нессъ. Посѣщенія его были настоящимъ праздникомъ для Эллиноръ; она не отходила отъ него почти ни на шагъ, хотя и избѣгала съ нимъ разговоровъ. За то миссъ Монро, какъ скоро Эллиноръ выходила изъ комнаты, осыпала его распросами. Она узнала отъ него, что Фордъ Банкъ великолѣпно отдѣланъ, что старшая миссъ Гонбери вышла замужъ, что въ мелочной лавочкѣ торгуетъ уже не Джонсъ, а Браунъ. Она слегка запнулась надъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Полагаю, что мистеръ Карбетъ не ѣздитъ больше къ мистеру Нессу?

— Ни ни. Мистеръ Нессъ, пожалуй, и не принялъ бы его. Письма, другое — дѣло; изрѣдка они пишутъ другъ другу. Слышалъ я отъ старика Іова, — вы небось помните садовника мистера Несса, — такъ онъ сказывалъ, что мистеръ Карбетъ пошелъ теперь въ гору, разъѣзжаетъ по ассизамъ и говоритъ рѣчи въ парикѣ.

— Ты хочешь сказать, что онъ сдѣлался адвокатомъ.

— Ну да; а не то, чуть ли онъ не махнулъ еще выше.

Эллиноръ могла бы пополнить недостаточность этихъ свѣдѣній. Одинъ изъ знакомыхъ присылалъ имъ для прочтенія *Times* на другой день по выходѣ номера, и Эллиноръ тайкомъ отъ миссъ Монро съ замирающимъ сердцемъ пробѣгала отчеты различныхъ судовъ. Въ этихъ отчетахъ искомое имя ей попадалось, сначала рѣдко, потомъ все чаще и чаще. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣликомъ приводились рѣчи мистера Карбета,—видимо за словами его признавался авторитетъ. Наконецъ она прочитала о назначеніи его коронымъ адвокатомъ.

Деканъ собора былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ; вскорѣ онъ умеръ. Церковные сановники — въ своемъ родѣ тѣ же короли. «Деканъ умеръ—да здравствуетъ деканъ!» На мѣсто покойнаго было назначено духовное лице изъ дальняго графства. Все что ни принадлежало къ капитулу, заволновалось и бросилось собирать различныя свѣдѣнія объ ожидаемомъ деканѣ. Успѣли узнать, что ему сорокъ два года отъ роду, что онъ женатъ и семейство его состоитъ изъ восьми дочерей и одного сына. Деканскій домъ, въ которомъ было такъ тихо при его предшественникѣ — одинокомъ старикѣ,—оживился. Изъ оконъ, открытыхъ настежъ, далеко раздавался стукъ плотничьихъ работъ, производившихся во внутренности дома; вскорѣ стали наѣзжать фуры съ поклажею и другаго рода экипажи съ людьми. Эллиноръ и миссъ Монро, не будучи лично знакомы съ новоприбывшими, знали о нихъ между тѣмъ всю подноготную. Онѣ знали, что старшей миссъ Бошанъ семнадцать лѣтъ и что она очень хороша собою, только немножко кривобока, что сестра ея нео-

быкновенно умна и занимается съ отцомъ греческимъ языкомъ и математикой; миссъ Монро могла хоть на экзаменѣ отвѣчать о количествѣ слугъ въ деканскомъ семействѣ, о томъ, какъ распредѣлена между ними работа и въ которомъ часу они обѣдаютъ. Вскорѣ въ саду и на деканской скамьѣ въ соборѣ стала показываться прелестная молодая леди горделиваго вида. Говорили, что это племянница декана, дочь его умершаго брата, генерала Бошана, что она пріѣхала въ Истъ - Честеръ не на долго и скоро должна выдти замужъ; о подробностяхъ приближавшейся свадьбы пока еще мало было извѣстно.

Однажды миссъ Монро и Эллиноръ сидѣли у своего окна и слѣдили за приготовленіями къ торжественному событію, которое должно было совершиться на слѣдующій день. Цѣлое утро взадъ и впередъ сновали сидѣльцы изъ магазиновъ, и оффиціанты, носили корзины съ цвѣтами и фруктами, привозились ящики съ желѣзной дороги. Миссъ Монро принимала во всемъ происходившемъ передъ ея глазами самое безкорыстное участіе, дѣлала свои предположенія и комментаріи. Эллиноръ, соскучившись, снова принялась за свою работу, какъ вдругъ восклицаніе миссъ Монро заставило ее выглянуть изъ окна.

— Посмотрите, посмотрите! вонъ два джентльмена идутъ по липовой аллеѣ; навѣрное это женихъ съ шаферомъ.

Эллиноръ увидѣла приближавшагося мистера Карбета и съ нимъ другаго господина. Первый сильно измѣнился и постарѣлъ, но у него было все тоже умное, правильное лице. Спутникъ его былъ выше ростомъ и моложе. Конечно этотъ-то незнакомецъ и есть женихъ, — рѣшила про себя Эллиноръ, но сердце-вѣщунъ говорило ей другое. Чтобы узнать истину, ей не нужно было видѣть, какъ сіяющая красавица, краснѣя и улыбаясь, выглянула изъ окна гостиной и послала воздушный поцѣлуй не незнакомому господину, а мистеру Карбету. Тщетно лепетала миссъ Монро безсвязныя рѣчи, укоряя и утѣшая ее поочередно, умоляя ее опомниться, и прося у нея прощенія. Эллиноръ устремила на нее свой печальный взглядъ, беззвучно шевельнула губами и упала въ обморокъ. Очнувшись, она изъявила непреклонное

желаніе быть во время бракосочетанія въ церкви; ни слезы, ни мольбы миссъ Монро не могли отклонить ее отъ этого намѣренія; обыкновенно кроткая и послушная, она являла въ этомъ случаѣ небывалую упорность. Миссъ Монро опасалась сцены въ церкви, но все обошлось благополучно. Никому изъ присутствовавшихъ не пришло въ голову, что эта женщина подъ вуалью, прижавшаяся къ колоннѣ, когда-то сама надѣялась стоять передъ алтаремъ возлѣ того самаго человѣка, который теперь бросалъ такіе нѣжные взгляды на свою невѣсту.

Слава мистеръ Карбета, какъ замѣчательнаго юриста, успѣла всюду распространиться. Поговаривали о томъ, что при первой вакансіи ему предложатъ мѣсто судьи. И такъ, не смотря на свой степенный видъ и сѣдину, едва замѣтно пробивавшуюся въ его волосахъ, онъ раздѣлялъ общее вниманіе съ своей прелестною молодою. Эллиноръ видѣла и слышала все будто во снѣ; она сидѣла неподвижно и напрасно миссъ Монро такъ тревожно слѣдила за нею, какъ слѣдятъ только за сумасшедшими, готовая, даже съ помощью физической силы, удержать ожидаемый припадокъ безумія. Когда все было кончено, свидѣтели подписали свои имена, толпа постороннихъ зрителей стала расходиться и раздались на органѣ торжественные звуки «Свадебнаго марша», тогда Эллиноръ вложила свою руку въ руку миссъ Монро.

«Отведите меня домой», проговорила она кротко, и миссъ повела ее, какъ водятъ слѣпыхъ.

XII.

Есть люди, для которыхъ переходъ отъ молодости къ зрѣлому возрасту, а изъ этого возраста въ старость, совершается какъ-то мягко, незамѣтно. Другіе же, напротивъ того, вслѣдствіе одного какого нибудь роковаго, одуряющаго толчка, разомъ отрываются отъ своей молодости и становятся дряхлыми стариками.

Такова была участь Эллиноръ. Юность ея поблекла въ одну ночь, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и она уже смотрѣла пожилою женщиной. Ея рѣчи и движенія дышали какимъ-то грустнымъ спокойствіемъ, какою-то кротостью и мягкостью. Молодежь, которой при первой встрѣчѣ она казалась скучноватою, узнавъ ее, горячо къ ней привязывалась; что же касается до дѣтей и стариковъ, то она слишкомъ хорошо умѣла сочувствовать ихъ радостямъ и горестямъ, чтобы не быть ихъ общею любимицей. Миссъ Монро слегка пеняла Эллиноръ, что она держитъ себя такою старухой.

— Никто вамъ не мѣшаетъ, милая, проводить свою жизнь въ молитвѣ и добрыхъ дѣлахъ, — но почему же бы вамъ не носить цвѣтныхъ платьевъ? Если бы вы не одѣвались постоянно въ черный или сѣрый цвѣтъ, тогда мнѣ не было бы никакой надобности клясться и божиться всѣмъ и каждому, что вамъ только тридцать четыре года, чему въ добавокъ никто вѣрить не хочетъ. Хотя бы вы рѣшились носить такія шляпки, какія всѣ носятъ, и не придерживались бы допотопныхъ фасоновъ.

На мѣсто одного умершаго стараго каноника былъ назначенъ новый. Вокругъ этихъ повышеній и перемѣнъ въ составѣ соборнаго духовенства, вращались всѣ интересы Истъ-Чесгерскаго клерикальнаго кружка. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что на мѣсто умершаго назначенъ дѣятельный, ревностный пасторъ изъ дальняго графства по имени Ливингстонъ.

Имя это показалось миссъ Монро какъ-то знакомымъ. Мало по малу она вспомнила, что это имя молодаго викарнаго священника, который пріѣзжалъ узнавать о здоровьи Эллиноръ вскорѣ послѣ ея ужасной болѣзни въ 1829 году. Миссъ Монро тотчасъ же набросала въ воображеніи планъ будущаго романа, въ которомъ героинею была ея воспитанница. Она вѣрила въ людское постоянство, какъ въ возможное исключеніе, и думала, что почему же бы мистеру Ливингстону и не явить примѣръ этой рѣдкой добродѣтели? Пріѣхалъ новый каноникъ—да, это былъ тотъ самый мистеръ Ливингстонъ—онъ слегка постарѣлъ и пополнѣлъ, но все еще смотрѣлъ молодымъ человѣкомъ; на его нѣжномъ лицѣ почти нельзя было отыскать слѣда морщинъ, въ голубыхъ глазахъ свѣтилось

добродушіе и душевное спокойствіе. Онъ былъ весь преданъ своему дѣлу и вовсе уже не подходилъ подъ типъ идеальнаго любовника или героя романа, но миссъ Монро не унывала.

Само собою разумѣется, что новый каноникъ не скоро ознакомился въ частности съ каждою изъ личностей, вниманіе которыхъ было сосредоточено на немъ. Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ онъ узналъ, что дама, одѣтая въ черное, такъ ревностно посѣщавшая церковныя службы и приходскіе классы, никто иная, какъ миссъ Уилькинсъ,—мечта его молодости; онъ узналъ это, встрѣтивъ ее въ школѣ, по кроткой улыбкѣ, съ которою она слѣдила за усиліями одного изъ своихъ маленькихъ учениковъ.

На слѣдующій день онъ явился съ визитомъ къ миссъ Уилькинсъ. Не охотно встрѣтилась Эллиноръ съ человѣкомъ, одинъ видъ котораго будилъ въ ней столько тягостныхъ воспоминаній. За то миссъ Монро приняла его со всевозможнымъ радушіемъ. Миссъ Монро нарочно надѣла очки, чтобы лучше разсмотрѣть выраженіе лица Эллиноръ, но ничего особеннаго не увидала на немъ; только губы ея сжались плотнѣе и она слегка поблѣднѣла. За то миссъ Монро не могла не замѣтить, что Ливингстонъ вспыхнулъ при появленіи Эллиноръ и, на шаткомъ основаніи этого факта, она принялась строить свои воздушные замки. Но дѣло подвигалось медленно впередъ и въ этомъ миссъ Монро винила неизмѣнную ровность обращенія Эллиноръ, которая легко могла быть истолкована за холодность. Тѣмъ не менѣе мистеръ Ливингстонъ продолжалъ изрѣдка навѣщать ихъ и проводилъ у нихъ по часу, или по два. Иногда Эллиноръ присутствовала въ комнатѣ, иногда же ея не было. Въ послѣднемъ случаѣ миссъ Монро замѣтила, что онъ, при малѣйшемъ шумѣ, тревожно оглядывался на дверь.

Однообразное теченіе будничной жизни Эллиноръ было нарушено однимъ печальнымъ событіемъ: мистеръ Нессъ умеръ скоропостижно, и Эллиноръ получила извѣстіе объ этомъ черезъ мистера Брауна, духовника, жившаго недалеко отъ Гамли и избраннаго мистеромъ Нессомъ въ душеприкащики. Отъ того же мистера Брауна Эллиноръ узнала, что въ завѣщаніи своемъ покойный предоставилъ ей въ пожизненное

пользованіе доходъ со всего небольшаго капитала, который послѣ него остался; мистеръ Браунъ писалъ ей, что личное присутствіе ея въ Гамли необходимо для нѣкоторыхъ распоряженій и исполненія кое-какихъ законныхъ формальностей.

Проживъ безвыѣздно въ Истъ-Честерѣ семнадцать лѣтъ, Эллиноръ почти со страхомъ глядѣла на предстоявшую поѣздку. Ее пугало и самое путешествіе, пугало и возвращеніе въ Гамли, съ которымъ она было распростилась на вѣки. Миссъ Монро, привыкшая угадывать ея чувства, поспѣшила подѣлиться своими догадками съ мистеромъ Ливингстономъ. Она откровенно повѣряла ему все касавшееся Эллиноръ и ей казалось, что онъ также охотно ее слушаетъ. Но на этотъ разъ онъ раздосадовалъ ее своимъ хладнокровіемъ: «бояться, видите ли, путешествія на желѣзной дорогѣ нечего, несчастные случаи составляютъ рѣдкое исключеніе. А вотъ, позаботилась ли миссъ Уилькинсъ смѣниться съ кѣмъ нибудь въ приходской школѣ. Вѣдь, кажется, ея очередь учить на этой недѣлѣ?» Но въ тотъ же день миссъ Монро примирилась съ нимъ, получивъ записку отъ мистрисъ Форбсъ, одной своей хорошей знакомой, дѣтямъ которой она давала уроки. Мистрисъ Форбсъ писала, что у нея сейчасъ былъ каноникъ Ливингстонъ и разсказалъ о томъ, что Эллиноръ предстоитъ очень печальная поѣздка, во время которой ей, безъ сомнѣнія, пріятно бы было имѣть миссъ Монро своею спутницей. А потому мистрисъ Флетчеръ проситъ ее не стѣсняться и взять себѣ недѣли на двѣ вакацію, что какъ разъ совпало бы съ предписаніемъ доктора, который совѣтуетъ для Джени поѣздку на берегъ моря.

Въ гостинницѣ, гдѣ остановились путешественницы, ихъ дожидался Диксонъ. Старикъ чуть не прослезился, увидѣвъ ихъ снова среди знакомыхъ мѣстъ. Чтобы скрыть свое волненіе, онъ принялся суетиться, взявъ на себя распоряженіе ихъ поклажей. Къ великому негодованію носильщиковъ тяжестей, находившихся въ гостинницѣ и принадлежавшихъ къ позднѣйшему поколѣнію, онъ взялся лично доставить ихъ вещи въ пасторскій домъ: раза два во время дороги онъ пріостанавливался отъ усталости и миссъ Монро съ Эллиноръ

принуждены были поджидать его, болтая о томъ, о семъ между собою, чтобы дать ему оправиться.

Распоряженія, требовавшія присутствія миссъ Уилькинсъ въ пасторскомъ домѣ, были немного сложны и касались преимущественно мебели и книгъ, изъ которыхъ часть они должны были, по своему усмотрѣнію, отобрать для себя, а все остальное продать съ аукціона. Времени терять было нечего, потому что въ старомъ домѣ могли быть предприняты, по желанію новаго пастора, передѣлки. Эллиноръ провела нѣсколько дней въ хлопотахъ, никуда не выходя изъ дома. За то миссъ Монро ни минуты не сидѣла дома. У Эллинор перебывало множество посѣтителей, въ томъ числѣ и жильцы ея, мистеръ и мистрисъ Осбальдистонъ. Но она почти никого не принимала. Каждый вечеръ Диксонъ, окончивъ работу у мистера Осбальдистона, являлся къ ней, будто бы для того только, чтобы помочь ей въ переборкѣ и упаковкѣ книгъ. Эллинорѣ уговорилась съ Диксономъ, что передъ отъѣздомъ она побываетъ въ Фордъ-Банкѣ; въ самый домъ она не хотѣла заходить, хотя мистеръ и мистрисъ Осбальдистонъ и предлагали ей выбрать для этого какое угодно время, обѣщаясь нарочно уѣхать, чтобы предоставить ей полную свободу, но ей казалось священною, хотя и тягостною обязанностью осмотрѣть окрестности дома и садъ.

Однажды вечеромъ она сидѣла и болтала съ Диксономъ въ библіотекѣ. Пасторскій домъ стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ, такъ что изъ оконъ его видѣть довольно далеко. На лужайкѣ, лежавшей за садовой оградой, копошились люди съ какими-то инструментами. Эллинорѣ полюбопытствовала узнать, что они тамъ такое дѣлаютъ.

— Это они проводятъ новую желѣзную дорогу, отвѣчалъ Диксонъ.—Наши гамлійцы не хотятъ отставать отъ другихъ—подай и имъ желѣзную дорогу. Кареты, вишь, больше никуда не годятся.

Диксонъ говорилъ тономъ личной обиды, понятнымъ въ человѣкѣ, который весь вѣкъ свой провелъ между лошадьми и видѣлъ въ желѣзныхъ дорогахъ недостойныхъ соперниковъ послѣднимъ.

Между тѣмъ Эллинорѣ думала о другомъ. Диксонъ ста-

повился старъ; небольшое наслѣдство, доставшееся ей отъ мистера Несса, позволяло ей успокоить его на старости лѣтъ, а также избавить миссъ Монро отъ необходимости давать уроки, и Эллиноръ предложила Диксону переѣхать къ ней навсегда, но онъ только покачалъ головой.

— Спасибо вамъ на добромъ словѣ, только старенекъ я, чтобы переѣзжать съ мѣста на мѣсто.

— Но вѣдь ты переѣдешь ко мнѣ, Диксонъ, и заживешь по старинѣ.

— Не совсѣмъ-то по старинѣ. Въ Гамли я родился, въ Гамли же хочу и умереть.

Но она не отставала отъ него, и тутъ вышло наружу, что въ немъ укоренилась увѣренность, что стоитъ ему удалиться отъ могилы Донстера и тайна непремѣнно откроется.

— Я и не знаю какъ вамъ сказать: порою, кажется, кабы не вы, такъ бы вотъ самъ все и разсказалъ, чтобы не брать съ собою грѣха на тотъ свѣтъ; а иной разъ сплю я, и вижу, будто кто роетъ землю на этомъ мѣстѣ, либо слышится мнѣ, что рубятъ дерево. Я и бѣгу скорѣе взглянуть въ слуховое окно,—знаете, окно, что надъ конюшней,—оно выходитъ прямо въ садъ. Мистеръ Осбальдистонъ хотѣлъ дать мнѣ другое помѣщеніе, потеплѣе, да я ему сказалъ, что мнѣ на старомъ мѣстѣ лучше. Такъ, иную ночь разъ пять или шесть вскочишь съ постели, чтобы посмотрѣть, не роетъ ли кто подъ деревомъ.

Эллиноръ слегка содрогнулась. Онъ замѣтилъ это и пересталъ распространяться о своихъ суевѣрныхъ страхахъ.

— Такъ-то, мисси, я во всю ночь не сомкнулъ бы глазъ,—если бы не зналъ, что крѣпко держу эту тайну въ своихъ рукахъ. А вотъ, моя дорогая мисси, позволитъ мнѣ часто ходить къ ней, и если мнѣ въ чемъ будетъ нужда, она, я знаю, не откажетъ мнѣ. Я не могу разстаться съ Гамли. Вѣдь вы пріѣдете похоронить меня, когда меня не станетъ?

— Прошу тебя, Диксонъ, не говори такъ.

— Отчего же и не говорить? Пора мнѣ на покой, только мнѣ сдается подчасъ, что мнѣ и въ могилѣ не будетъ покоя.

Она не разслышала послѣднихъ словъ; въ эту самую ми-

нуту ей подали письмо, требовавшее немедленнаго отвѣта. Письмо было отъ мистера Броуна, но въ него было вложено другое, почеркъ котораго былъ ей слишкомъ хорошо знакомъ; прежде чѣмъ она заглянула на подпись: «Ральфъ Карбетъ», она уже знала отъ кого оно. Письмо было адресовано на имя мистера Брауна. Узнавъ изъ газетъ о распродажѣ библіотеки мистера Несса, Ральфъ поспѣшилъ написать душеприкащику послѣдняго, прося оставить за нимъ одно старинное, очень цѣнное изданіе Виргилія, за какую бы цѣну оно ни пошло. На аукціонѣ мистеръ Браунъ испрашивалъ на такого рода распоряженіе согласіе Эллиноръ. По всему видно было, что Ральфъ знаетъ только о распродажѣ библіотеки и не подозрѣваетъ, кто настоящій владѣлецъ этой библіотеки. Дрожащими руками достала она означенную книгу, завернула ее и обвязала тесемкой; быть можетъ, его руки развяжутъ этотъ узелъ, думала она. Мистеру Брауну она написала коротенькую записку, прося его, чтобы онъ отъ себя, въ качествѣ душеприкащика мистера Несса, предложилъ мистеру Карбету это изданіе Виргилія въ подарокъ, на память о его бывшемъ другѣ и наставникѣ.

Дня черезъ два она уѣхала изъ Гамли. Передъ отъѣздомъ она скрѣпилась и побывала въ Фордъ-Банкѣ. Она дала почувствовать мистрисъ Осбальдистонъ, что ей было бы слишкомъ тяжело войти въ домъ, но мистеръ Осбальдистонъ сопутствовалъ ей въ ея прогулкѣ по саду.

— Вы видите, какъ свято мы соблюдали условіе контракта, запрещающее намъ дѣлать какія бы то ни было измѣненія, замѣтилъ онъ, улыбаясь.—Вокругъ нашего жилища разросся настоящій лѣсъ. Говоря откровенно, я не прочь былъ бы порасчистить его, но мы даже не подстригаемъ деревьевъ безъ предварительнаго разрѣшенія мистера Джонсона. Надо, впрочемъ, сказать, что вашъ старый пріятель Диксонъ трясется надъ каждымъ прутикомъ, который срѣзаетъ садовникъ. Я ни разу въ жизни еще не встрѣчалъ такого преданнаго слуги. Хорошій онъ по своему малый, только слишкомъ преданъ старинѣ по мнѣнію моей жены и дочерей, которыя жалуются порой на его брюзгливость.

— Но вы не имѣете намѣренія отказать ему? спросила Эллиноръ, заступаясь за Диксона.

— О, нѣтъ! Что до меня касается, мы съ нимъ большіе пріятели, и я убѣжденъ, что сама мистрисъ Осбальдистонъ ни за что не разсталась бы съ нимъ; но съ дамами, какъ вамъ извѣстно, нужна порою извѣстнаго рода угодливость, а ею-то и не можетъ похвалиться нашъ пріятель Диксонъ.

Эллиноръ не отвѣчала. Въ эту самую минуту она входила въ цвѣтникъ. Она не могла говорить; ей казалось, что ноги отказываются служить ей; оправившись отъ смущенія, она убѣдилась, что мистеръ Осбальдистонъ ничего не замѣтилъ: онъ говорилъ все съ тою же любезностью.

— Мы дождались награды за строгое исполненіе вашего желанія, миссъ Уилькинсъ. Если предположенная желѣзная дорога пройдетъ вонъ тѣмъ полемъ, у насъ по крайней мѣрѣ не будутъ безпрестанно мелькать поѣзды передъ глазами, да и самый шумъ изъ за этой чащи будетъ раздаваться гораздо глуше. И такъ, вы не хотите зайти къ намъ, миссъ Уилькинсъ? Мистрисъ Осбальдистонъ поручила мнѣ передать вамъ, что сочтетъ за особенное счастіе; впрочемъ, я понимаю ваши чувства, это такъ естественно. А! вотъ и Диксонъ караулитъ свою миссъ Эллиноръ, о которой мы столько наслышались.— На старика этого, продолжалъ онъ, обращаясь къ Эллиноръ:— никакъ не могутъ угодить мои дочери своею верховою посадкой; онъ вѣчно толкуетъ имъ о томъ, какъ держалась въ сѣдлѣ одна знакомая ему «мисси».

— Да виноватъ ли я, сэръ, — у нихъ манера совсѣмъ не та; вольно жъ имъ держаться какими-то кульками. То ли дѣло, миссъ Эллиноръ...

— Будетъ, будетъ, Диксонъ, перебила она его, внезапно догадываясь, почему старый слуга не пользовался особеннымъ расположеніемъ своихъ госпожъ.—Можно ли будетъ Диксону отлучиться на часокъ-другой, обратилась она къ мистеру Осбальдистону.—Мнѣ еще съ нимъ надо передъ отъѣздомъ покончить одно дѣло.

Позволеніе было дано и они отправились вдвоемъ на гамлійское кладбище; тутъ онъ долженъ былъ указать Эллиноръ то именно мѣсто, гдѣ желаетъ, чтобы его похоронили. Осто-

рожно пробираясь между могилъ, онъ прямо направился къ одной, рядомъ съ которой было незанятое мѣсто. Въ этой могилѣ была похоронена хорошенькая служанка, Молла; на камнѣ виднѣлась надпись:

«Здѣсь покоится Мери Гревсъ, родившаяся въ 1797, скончавшаяся въ 1818. Мы разстались до новой встрѣчи.»

— Я поставилъ этотъ памятникъ на первыя свои сбереженныя деньги, проговорилъ онъ:—я тогда еще сказалъ, чтобы меня положили съ нею рядомъ, и я умру спокойнѣе, если буду знать, что вы объ этомъ позаботитесь. Авось никто не завладѣетъ этимъ клочкомъ земли.

Эллиноръ жадно ухватилась за случай—доставить старику единственное удовольствіе, которое она могла купить ему на деньги, и обѣщалась ему пріобрѣсти это мѣсто въ свою собственность. Видимо она осуществила этимъ обѣщаніемъ задушевную мечту Диксона; онъ, то и дѣло, повторялъ: «Вотъ за это спасибо вамъ, миссъ Эллиноръ; вотъ ужъ подлинно вы утѣшили меня».

Гораздо проще обошлось дѣло съ миссъ Монро. Почтенная эта женщина нисколько не утратила своей бодрости, по прежнему ревностно совершенствовалась въ иностранныхъ языкахъ, но сознавалась, что преподаваніе, которымъ она безостановочно занималась въ теченіе тридцати лѣтъ, начинаетъ утомлять ее. Эллиноръ поспѣшила избавить ее отъ необходимости учительствовать, и она также просто приняла это одолженіе отъ своей бывшей воспитанницы, какъ мать принимаетъ одолженіе отъ дочери. «Только бы Эллиноръ вышла замужъ за мистера Ливингстона, разсуждала она сама съ собою:—и я бы ничего болѣе не желала. Правда, продолжала она:—я не знаю, что станется безъ нея со мною; хорошо, что это дѣло не въ моихъ рукахъ.»

Но, хотя миссъ Монро и была рада, что дѣла эти не въ ея рукахъ, тѣмъ не менѣе она всячески старалась забрать ихъ въ свои руки. Она не давала Эллиноръ покоя, выпрашивая ея согласіе пригласить мистера Ливингстона на одну изъ тѣхъ маленькихъ вечеринокъ, которыя онѣ порой давали. «Безъ маленькаго поощренія, какое хотите постоянство лопнетъ», сѣтовала она про себя и, мало по малу, ей запало въ душу по-

дозрѣніе, что холостой каноникъ ухаживалъ за старшей миссъ Форбсъ. Не было въ Истъ-Честерѣ ни одного семейства, съ которымъ бы такъ коротко сошлись Эллиноръ и миссъ Монро, какъ семейство Форбсъ. Оно состояло изъ матери, богатой вдовы, и нѣсколькихъ дочерей. Мистрисъ Форбсъ ощущала большую симпатію къ Эллиноръ и послѣ долгихъ усилій ей удалось побѣдить нелюдимость миссъ Уилькинсъ. Эллиноръ стала часто бывать у нея въ домѣ.

Мистрисъ Форбсъ, потерявшая нѣсколько сестеръ въ чахоткѣ, была вообще довольно мнительна. Осенью, послѣ кончины мистера Несса, она заставила миссъ Монро обратить вниманіе на болѣзненность Эллиноръ, которая будто бы увеличилась. Бывшая гувернантка не шутя перетревожилась и до того стала донимать Эллиноръ всевозможными предосторожностями, что къ зимѣ Эллиноръ ослабѣла не на шутку и потеряла аппетитъ, да оно было и не удивильно, такъ какъ, въ угожденіе миссъ Монро, Эллиноръ по цѣлымъ мѣсяцамъ не выходила на свѣжій воздухъ. Наконецъ, въ одно декабрьское утро было принято съ общаго согласія слѣдующее рѣшеніе: мистрисъ Форбсъ собиралась съ своими дочерьми мѣсяца на три, на четыре въ Римъ. Почему бы и Эллиноръ не ѣхать вмѣстѣ съ ними? Всѣ обступили Эллиноръ, которая была въ эту пору слишкомъ слаба, чтобы долго сопротивляться; она дала уговорить себя и дѣло было въ шляпѣ.

Когда путешественники тронулись со станціи Кингсъ-Красъ, имъ на встрѣчу прокатила щегольская карета. Эллиноръ увидѣла во внутренности кареты красивую, цвѣтущую леди, няньку и груднаго ребенка. Съ ними былъ еще господинъ, котораго она слишкомъ хорошо узнала. То былъ мистеръ Карбетъ, отправлявшійся съ женою и съ ребенкомъ прогостить святки у истъ-честерскаго декана.

Ничто не можетъ дать понятія о гордости, съ какою миссъ Монро получала заграничныя письма. Она готова была читать ихъ въ полномъ собраніи каноииковъ подъ предсѣдательствомъ самаго декана, и нисколько не удивилась бы, если бы ее по этому поводу попросили пожаловать въ домъ капитула. Кругъ ея знакомыхъ состоялъ преимущественно

изъ домосѣдокъ, которыя отъ роду не имѣли гида въ руках, но томились похвальною жаждою знанія. Для этихъ дамъ историческія воспоминанія и нѣсколько избитыя подробности, на которыя сводились путевыя впечатлѣнія Эллиноръ, были исполнены дѣйствительнаго интереса.

Все, по видимому, шло хорошо; Эллиноръ писала, что здоровье ея гораздо лучше, что и подтверждалось письмомъ, которое мистеръ Ливингстонъ получилъ отъ мистрисъ Форбсъ.

Письмо это не давало миссъ Монро покоя.

Странное дѣло! о чемъ бы ему переписываться съ мистрисъ Форбсъ? Ужъ не сдѣлалъ ли онъ предложенія Ефиміи? Миссъ Монро вѣроятно успокоилась бы, узнавъ, что мистрисъ Форбсъ просто на просто писала ему о бѣдныхъ, находившихся на ея попеченіи, касательно которыхъ она, въ хлопотахъ отъѣзда, не совсѣмъ успѣла распорядиться.

Между тѣмъ совершенная перемѣна обстановки вызвала въ Эллиноръ соотвѣтствующую перемѣну настроенія. Прошлое совершенно изгладилось изъ ея памяти и молодость, казалось, воротилась къ ней. Въ Эллиноръ были живучи артистическія склонности ея отца. Новизна и картинность окружающаго сильно дѣйствовала на ея внѣшнія чувства. Группа ли на улицѣ, — римскій ли факино, драпирующійся въ свой плащъ, дѣвушка ли, идущая отъ фонтана съ кувшиномъ на головѣ — все приводило ее въ восхищеніе. Молоденькія Форбсъ, взявшія ее съ собою изъ состраданія, хилую и безучастную, не могли теперь нарадоваться на ея бодрый видъ и полунаивную оригинальность, съ которою она выражала свое удовольствіе.

Насталъ мартъ мѣсяцъ; великій постъ въ этотъ годъ приходился поздно. Послѣдній день карнавала праздновался съ обычною веселою торжественностью. Мистрисъ Форбсъ, какъ и подобаетъ богатой англичанкѣ, наняла отдѣльный балконъ; дочери ея запаслись большою корзиною цвѣтовъ, которыми приготовлялись осыпать своихъ знакомыхъ на улицѣ. Приближались сумерки, во время которыхъ, по обычаю, всѣ спѣшатъ зажечь свои свѣчи для того только, чтобы видѣть ихъ тотчасъ же погашенными всевозможными способами. Толпа на улицѣ волновалась; всюду сновали мас

ки и домино, падалъ цѣлый дождь цвѣтовъ, народъ ревѣлъ и тѣснился въ какомъ-то изступленіи бѣшеной веселости. Наши англичанки съ любопытствомъ и не безъ нѣкотораго страха глядѣли изъ окна на всю эту суматоху, какъ вдругъ послышался съ улицы знакомый голосъ, спрашивавшій по англійски: «Какъ мнѣ къ вамъ попасть?»—И минуту спустя каноникъ Ливингстонъ появился въ комнатѣ, гдѣ на него со всѣхъ сторонъ посыпались привѣтствія:

— Когда вы пріѣхали? гдѣ вы остановились? Ну что дома? Вотъ уже три недѣли какъ мы не получали писемъ; эти несносные пароходы такъ опаздываютъ по случаю дурной погоды. Здоровы ли всѣ, — здорова ли миссъ Монро? (Послѣдній вопросъ предложила Эллиноръ).

Мистеръ Ливингстонъ, кротко улыбаясь, удовлетворилъ мало по малу ихъ любопытству: Въ Римъ онъ пріѣхалъ только наканунѣ и весь день ихъ отыскивалъ. Остановился онъ въ гостинницѣ «Angleterre». Изъ Истъ-Честера онъ выѣхалъ недѣлю тому назадъ. Ко всѣмъ у него были письма, но онъ побоялся взять ихъ съ собою въ эту толкотню, чтобы какъ нибудь ихъ не вытащили у него изъ кармана. Миссъ Монро здорова, но очень безпокоится, не получая отъ Эллиноръ писемъ; какъ видно неисправность пароходовъ отзывается и въ Англіи. Всѣ эти отвѣты были довольно успокоительны, но мистрисъ Форбсъ показалось, что Ливингстонъ чѣмъ-то разстроенъ и раза два затруднился отвѣтить на вопросы Эллиноръ.

— Вы отправитесь съ нами домой, сказала она ему.—Я могу угостить васъ только холоднымъ мясомъ и чаемъ, такъ какъ нашъ поваръ отпросился, по случаю праздника, со двора; но я не хочу, чтобы нѣкоторая неисправность по провіантской части помѣшала мнѣ провести вечеръ съ добрымъ знакомымъ.

— Благодарю васъ; я бы и самъ назвался, если бы вы не имѣли любезности меня пригласить.

Каноникъ Ливингстонъ отправился сначала въ гостиницу за письмами, потомъ они всѣ вмѣстѣ сошлись на квартирѣ мистрисъ Форбсъ. Тутъ мистрисъ Форбсъ имѣла случай еще болѣе убѣдиться въ основательности своего предположенія:

видимо, у мистера Ливингстона были недобрыя вѣсти для Эллиноръ; пока она ходила переодѣваться, онъ казался такимъ серьознымъ и разсѣяннымъ. Когда она вошла, онъ разговаривалъ съ мистрисъ Форбсъ, но тотчасъ же вскочилъ съ мѣста, и, прежде чѣмъ вручить ей письма, отвелъ ее въ сторону.

— Изъ всего сказаннаго вами на балконѣ я заключаю, что многія письма изъ дома до васъ не доходили?

— Нѣтъ! отвѣчала она смутно, чѣмъ-то встревоженная.

— Съ другой стороны миссъ Монро напрасно дожидалась отъ васъ извѣстій, да и не одна миссъ Монро. — Вашъ повѣренный по дѣламъ... я забылъ его имя.

— Мой повѣренный по дѣламъ! Мистеръ Ливингстонъ! Навѣрное случилось какое нибудь несчастіе! Не скрывайте отъ меня, — я хочу все знать. Я ожидала этого — такъ говорите же. И она опустилась на стулъ, блѣдная какъ полотно.

— Дорогая миссъ Уилькинсъ! Вамъ, дѣйствительно, предстоитъ большое огорченіе, но вы представляете себѣ дѣло хуже, нежели оно есть; всѣ ваши друзья совершенно здоровы, только одинъ старый слуга...

— Ну! проговорила она, видя его колебаніе и ухватила его за руку.

— Взятъ по подозрѣнію въ убійствѣ — умышленномъ или неумышленномъ — еще не оказалось. О, мистрисъ Форбсъ, идите скорѣе сюда.

Эллиноръ была въ обморокѣ, поддерживаемая рукою, за которую она ухватилась. Когда она очнулась, она лежала полураздѣтая на постели и ее поили чаемъ съ ложки.

— Я должна встать, простанала она: — я должна ѣхать домой.

— Вы должны смирно лежать, твердо проговорила мистрисъ Форбсъ.

— Но вы ничего не знаете, я должна ѣхать домой, повторила она, силясь приподняться; но силы измѣнили ей и она снова упала на подушки. Она полежала молча, обдумывая что-то. — Принесите мнѣ чего нибудь поѣсть, проговорила она чуть слышно и вина тоже принесите. — Ей принесли пищи

и вина, и она принудила себя ѣсть и пить, хотя и давилась. — Теперь потрудитесь подать мнѣ мои письма и оставьте меня одну. Немного погодя, я хотѣла бы поговорить съ канонпкомъ Ливингстономъ; не отпускайте его, пожалуйста, я скоро приду, только дайте мнѣ побыть на единѣ съ собою

Ей подали письма и оставили ее одну. Тогда она встала съ постели, шатаясь какъ пьяная и закинувъ руки на голову. Черезъ минуту она присѣла и приступила къ чтенію писемъ. Многихъ по видимому не доставало; одни были посланы съ знакомыми, которые замѣшкались на дорогѣ, другія были отправлены по почтѣ, но въ то время между Марселемъ и Ліономъ еще не было желѣзной дороги и почтовыя сообщенія были очень неправильны. И такъ, Эллинор могла только догадываться о многихъ фактахъ, которые корреспонденты ея видимо предполагали уже извѣстными ей. Полученныя письма были отъ мистера Броуна, мистера Джонсона и миссъ Монро, послѣднее она распечатала прежде другихъ. Миссъ Монро описывала ей, какъ найдено было тѣло мистера Донстера при проведеніи новой линіи желѣзной дороги. Тѣло было узнано по платью, а также по нѣкоторымъ предметамъ, не подвергающимся тлѣнію; на немъ были найдены часы и печать мистера Донстера съ заглавными буквами его имени,— откопали также топорокъ, на ручкѣ котораго было вырѣзано: Авраамъ Диксонъ.

На этомъ мѣстѣ письма у Эллиноръ вырвался пронзительный вопль:

— О, Диксонъ, Диксонъ! а я между тѣмъ веселюсь!

У нея не достало духу окончить письмо миссъ Монро. Отложивъ его на время въ сторону, она распечатала письмо мистера Джонсона, писанное двумя недѣлями ранѣе. Онъ тоже выражалъ удивленіе, что не получалъ отъ нея отвѣта на письмо свое отъ 9 января. Далѣе онъ выражалъ надежду, что ея повѣренные не сдѣлали ошибки, распорядившись безъ ея разрѣшенія, принявъ въ соображеніе значительную сумму, предложенную за землю компаніей послѣ измѣненія въ предположенной линіи желѣзной дороги и пр., и пр. Она не могла далѣе читать, во всемъ этомъ ей видѣлась рука судьбы. Письмо мистера Броуна не заключало ничего особеннаго.

Эллиноръ уже совсѣмъ было хотѣла отложить его въ сторону, какъ вдругъ ей бросилось въ глаза имя Карбета. «Вамъ, быть можетъ, интересно будетъ узнать, что бывшій ученикъ нашего покойнаго друга, — тотъ самый, который изъявилъ желаніе пріобрѣсти старинное изданіе Виргилія, — назначенъ судьею на мѣсто мистера Дженкина.»

«Да, съ горечью подумала Эллиноръ: — онъ угадалъ, — мы съ нимъ были бы не пара». То была первая мысль, похожая на упрекъ, мелькнувшая въ умѣ ея за всѣ эти долгіе годы. Немного погодя, Эллиноръ возвратилась къ недочитанному письму миссъ Монро. Отличная эта женщина безотлагательно исполнила все, что, по ея предположеніямъ, могла бы сдѣлать сама Эллиноръ. Она написала мистеру Джонсону, прося его принять всевозможныя мѣры для защиты Диксона и не жалѣть при этомъ денегъ. Она сама собиралась въ главный городъ графства, чтобы навѣстить старика въ тюрьмѣ, но отъ Эллиноръ не ускользнуло, что всѣ эти заботы были внушены миссъ Монро любовью къ бывшей воспитанницѣ и желаніемъ ее успокоить, но что сама она, миссъ Монро, вполнѣ была убѣждена въ виновности Диксона. Эллиноръ заперла свои письма и отправилась въ гостиную. Когда она вошла, ее скорѣе можно было принять за призракъ, чѣмъ за живое существо.

— Могу ли я переговорить съ вами на единѣ? — Въ этомъ вопросѣ, произнесенномъ какимъ то беззвучнымъ голосомъ, было столько повелительнаго, что Ливингстонъ тотчасъ же вскочилъ и послѣдовалъ за нею въ маленькую столовую. — Прошу васъ, разскажите мнѣ все, что вамъ извѣстно о моемъ... ну, да вы знаете о чемъ.

— Первое извѣстіе сообщила мнѣ миссъ Монро. Накапунѣ моего отъѣзда появился отчетъ объ этомъ въ *Times*. Миссъ Монро убѣждена, что убійство, — если только старикъ въ немъ точно виновенъ, — было совершено въ минуту гнѣва Она говоритъ, что всегда знала его за честнѣйшаго человѣка въ мірѣ; съ другой стороны она, какъ видно, не слишкомъ благоволитъ къ мистеру Донстеру за тѣ непріятности, которыя онъ безъ нужды дѣлалъ вашему отцу. Она даже намекала мнѣ, что въ то время, когда онъ пропалъ безъ вѣсти,

его винили въ значительныхъ убыткахъ, понесенныхъ мистеромъ Уилькинсомъ.

— Нѣтъ, живо перебила его Эллиноръ, и вдругъ остановилась, боясь проговориться.—Дѣло въ томъ, продолжала она:—что мистеръ Донстеръ, какъ человѣкъ, имѣлъ въ себѣ много отталкивающаго и ни папа, ни я, да и никто изъ домашнихъ не любили его. Но въ дѣлахъ онъ былъ безукоризненно честенъ—прошу васъ, запомните это.

— Миссъ Монро пишетъ, продолжала она немного помолчавъ, что собирается навѣстить Диксона въ тюрьмѣ мистеръ Ливингстонъ! Я не могу этого вынести!—Но она пересилила себя, лице ея исказилось въ принужденную улыбку и она добавила, какъ бы въ свое оправданіе:

— Мнѣ такъ ужасно представить себѣ, что этотъ почтенный старикъ въ тюрьмѣ.

— Такъ вы не вѣрите въ его виновность! не безъ удивленія замѣтилъ Ливингстонъ.—А между тѣмъ, судя по всему, что я слышалъ, не подлежитъ, увы, никакому сомнѣнію, что онъ убійца Донстера. Я охотно вѣрю, что съ его стороны это было дѣло минутной вспыльчивости, чуждой всякаго злаго умысла.

Эллиноръ покачала головой.

— Какъ мнѣ отправиться въ Англію? спросила она. — Я должна ѣхать, не теряя ни минуты. Мистрисъ Форбсъ посылала узнавать о способахъ отправленія, пока вы лежали въ постели. Пароходъ въ Марсель отходитъ, какъ кажется, не ранѣе четверга, т. е. послѣ завтра.

— Но я должна ѣхать ранѣе, отвѣчала она съ живостью.— Я непремѣнно должна ѣхать; прошу васъ, выручите меня! Его могутъ осудить до моего пріѣзда.

— Увы! этого, кажется, не миновать, какъ бы вы ни с[…] шили. Дѣло его будетъ разсматриваться во время Гелл[…] фордскихъ ассизъ, а Геллингфордъ стоитъ первый въ с[…] городовъ Мидлендскаго округа. Сегодня 27-е февраля […] зы же начинаются 6-го марта.

— Завтра утромъ я отправлюсь въ Чивитту; […] жетъ, тамъ найдется пароходъ, готовый къ отп[…] всякомъ случаѣ я уже буду на дорогѣ въ Англі[…]

умреть, — и я тоже должна умереть. Боже мой! Я сама не помню, что говорю. Вы бы мнѣ оказали большую услугу, оставивъ меня одну; уговорите и ихъ меня не тревожить. Мистрисъ Форбсъ такъ добра, я увѣрена, что она меня извинитъ. Завтра передъ отъѣздомъ я приду проститься со всѣми вами, но теперь мнѣ надо собраться съ мыслями

XIII.

Оставшись одна, Эллиноръ вспомнила слышанное ею отъ мистера Ливингстона о томъ, что допросъ Диксона напечатанъ въ *Times*. Она послала спросить у него, не захватилъ ли онъ съ собою этого номера газеты. Оказалось, что онъ дѣйствительно былъ у него въ карманѣ и онъ тотчасъ же препроводилъ его къ ней.

Прочитавъ газетную статью, Эллиноръ присѣла и задумалась, соображая факты. Все клонилось не въ пользу обвиненнаго. Такой-то свидѣтельствовалъ о явной непріязни Диксона къ мистеру Донстеру—непріязни, которую Диксонъ и не думалъ скрывать. Принадлежность топорка Диксону была доказана съ полною очевидностью. Одинъ изъ свидѣтелей, служившій въ то время у мистера Уилькинса подконюшимъ, показалъ подъ присягой, что въ тотъ самый день, какъ безъ вѣсти пропалъ мистеръ Донстеръ, понадобилось пустить кровь одной изъ лошадей мистера Уилькинса, и Диксонъ послалъ его, свидѣтеля, за топорикомъ къ коновалу,—обстоятельство это потому такъ врѣзалось въ памяти свидѣтеля, что Диксонъ, какъ ему было извѣстно, имѣлъ свой топорикъ.

Далѣе мистеръ Осбальдистонъ былъ призванъ въ свидѣтели. Онъ то и дѣло прерывалъ свои показанія, выражая удивленіе, что человѣкъ такой строгой нравственности, какъ Диксонъ, могъ совершить такое ужасное преступленіе. Онъ охотно заявилъ о безукоризненномъ поведеніи Диксона за

всѣ тѣ годы, которые онъ пробылъ у него, мистера Осбальдистона, въ услуженіи. Но одно изъ показаній мистера Осбальдистона было прямо въ ущербъ подсудимому: онъ заявилъ о томъ упрямствѣ, съ которымъ старикъ сопротивлялся малѣйшему измѣненію въ той именно части сада, гдѣ было зарыто тѣло.

Дальнѣйшее было не важно: подсудимому былъ предложенъ вопросъ, можетъ ли онъ что привести въ свое оправданіе, и сдѣлано должное предостереженіе, чтобы онъ не говорилъ ничего такого, что можетъ способствовать его обвиненію. Описывалась наружность старика: «Замѣчено было, что подсудимый съ трудомъ держался на ногахъ и принужденъ былъ держаться за рѣшетку. На такомъ-то мѣстѣ допроса онъ такъ измѣнился въ лицѣ, что одинъ изъ тюремныхъ сторожей предложилъ ему стаканъ воды, но онъ отказался. Онъ отличается крѣпкимъ сложеніемъ и суровымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ лица. Была минута, когда онъ, казалось, хотѣлъ привести что-то въ свое оправданіе, но потомъ онъ раздумалъ и на вопросъ мистера Гордона (слѣдователя) отвѣчалъ: Вы ловко подобрали противъ меня всяческія улики и, какъ видно, очень этимъ довольны. Такъ ужъ я не стану васъ разстроивать, джентльмены, и ничего не скажу отъ себя».

— И такъ Диксонъ обвиняется въ убійствѣ и призывается къ суду въ Геллингфордскіе ассизы, начинающіеся марта 6-го дня, въ присутствіи барона Роштана и судьи мистера Карбета.

Мистера Карбета! Юноша, котораго она когда-то любила, и старый ея слуга встрѣтятся лицемъ къ лицу судьею и обвиненнымъ!

— Можно войти? послышался въ эту минуту за дверью голосъ мистрисъ Форбсъ.

Съ пересохшихъ губъ Эллиноръ неохотно сорвалось ожидаемое «да», которому не вторило ея сердце.

— Мнѣ такъ грустно было узнать отъ мистера Ливингстона привезенныя имъ дурныя вѣсти. Я понимаю, какой это долженъ быть ударъ для васъ. Мы сейчасъ только говорили: каково намъ было, если бы оказалось, что нашъ старый Дональдъ, за всѣ эти годы, которые онъ прожилъ съ

нами, таилъ на совѣсти такое страшное преступленіе. А право, я также мало была расположена подозрѣвать этого добраго сѣдаго старичка, навѣщавшаго васъ въ Истъ-Честерѣ, какъ и самого Дональда.

Эллиноръ видѣла, что надо же что нибудь отвѣчать.

— Да, это ужасный ударъ. Бѣдный старикъ! И нѣтъ возлѣ него ни одного друга; даже мистеръ Осбальдистонъ свидѣтельствовалъ противъ него. О Боже мой, Боже мой,— и зачѣмъ я пріѣхала въ Римъ!

— Полноте, милая, зачѣмъ же смотрѣть на дѣло въ такомъ свѣтѣ. Конечно, кто говоритъ, тяжело такое разочарованіе, но кто же изъ насъ не испытывалъ подобнаго, хотя, быть можетъ, не въ такомъ потрясающемъ видѣ; что же касается до вашей поѣздки въ Римъ...

— Мистрисъ Форбсъ, перебила ее Эллиноръ: — говорилъ ли вамъ каноникъ Ливингстонъ, что я ѣду завтра. Я должна спѣшить въ Англію, чтобы сдѣлать, что могу для Диксона.

— Да, онъ говорилъ намъ и по этому-то поводу я и рѣшаюсь докучать вамъ собою сегодня. Мнѣ кажется, душа моя, вы ошибочно понимаете лежащую на васъ обязанность. Все, что можно было сдѣлать, миссъ Монро уже сдѣлала отъ вашего имени, какъ я слышала отъ кононика Ливингстона. Къ чему же послужитъ ваше присутствіе въ Англіи?

—Прошу васъ, предоставьте мнѣ на этотъ разъ самой обсуждать свои поступки, отвѣчала Эллиноръ съ необычною въ ней раздражительностью.—Я отъ души вамъ благодарна — видитъ Богъ, я не желаю досаждать вамъ,—вамъ, которыя были такъ добры ко мнѣ, дорогая мистрисъ Форбсъ. Но мнѣ необходимо ѣхать и чѣмъ болѣе вы меня отговариваете, тѣмъ болѣе проникаюсь этой необходимостью. Завтра я отправляюсь въ Чивитту, это все таки приблизитъ меня къ мѣсту моего назначенія. Здѣсь же я бы не знала ни минуты покоя. Вы всегда были такъ добры ко мнѣ, останьтесь же добры до конца. Оставьте меня, дорогая мистрисъ Форбсъ, я не сношу разговора объ этомъ дѣлѣ. Помогите мнѣ собраться въ дорогу завтра же и вы не знаете, какъ я буду за васъ молить Бога.

Можно ли было устоять противъ такихъ просьбъ? Мистрисъ Форбсъ съ чувствомъ поцѣловала ее и отправилась къ

дочерямъ, которыя дожидались ее въ спальнѣ, собравшись въ кучку.

—Ну что, мама, какъ она?

—Она, бѣдненькая, очень разстроена. Ей почему-то кажется, что долгъ велитъ ей ѣхать въ Англію и сдѣлать все, что она можетъ для этого несчастнаго. Эта мысль такъ овладѣла ею, что съ нашей стороны, мнѣ кажется, неблагоразумно будетъ ей перечить.

Хотя мистрисъ Форбсъ и позаботилась пріискать въ провожатыя для Эллиноръ горничную, тѣмъ не менѣе мистеръ Ливингстонъ изъявилъ непремѣнное желаніе сопутствовать ей въ Англію, и Эллиноръ была слишкомъ потрясена и сосредоточена на одной мысли, чтобы воспротивиться этому желанію.

Поздно вечеромъ сѣли они на пароходъ Santa-Lucia и Эллиноръ тотчасъ же отправилась въ каюту. Она страдала морской болѣзнію и всю ночь провела безъ сна въ своей койкѣ. Рано утромъ она одѣлась и вышла на палубу; переходъ отъ душной каюты къ свѣжему воздуху былъ восхитителенъ; онъ освѣжилъ ее. Вскорѣ показался на палубѣ и мистеръ Ливингстонъ, но онъ казалось положилъ себѣ за правило не докучать ей своею особой. Обмѣнявшись съ нею изъ приличія двумя-тремя ничего не значущими словами, онъ принялся расхаживать взадъ и впередъ по палубѣ.

Вдругъ почувствовался сильный толчокъ и пароходъ остановился на ходу; его сильно раскачивало во всѣ стороны. Паръ клубами валилъ на палубу, такъ что ничего нельзя было разсмотрѣть. Въ одну минуту палуба наполнилась пассажирами всѣхъ классовъ и огласилась пестрымъ смѣшеніемъ французскихъ и итальянскихъ мѣстныхъ нарѣчій. Эллиноръ стояла молча, перепуганная и недоумѣвающая. Неужели Santa-Lucia погрузится въ морскую пучину и Диксонъ останется неоправданнымъ? Вскорѣ къ ней подоспѣлъ мистеръ Ливингстонъ, котораго она съ трудомъ могла разглядѣть и разслышать изъ за тумана и шума вырывавшихся паровъ.

— Не пугайтесь по пустому, прокричалъ онъ ей:—должно полагать что нибудь испортилось въ машинѣ. Я сейчасъ разузнаю, въ чемъ дѣло и приду вамъ сказать. Будьте спокойны.

Вскорѣ онъ возвратился.

— Часть машины повреждена по милости этихъ безпечныхъ неаполитанскихъ машинистовъ; намъ ничего болѣе не остается, какъ направиться къ ближайшей гавани, другими словами, воротиться въ Чивитту.

— О, боже мой, боже мой! Сегодня 2-е число, въ воскресенье будетъ 4-е—а ассизы начинаются 7-го! Какъ жестоко насъ преслѣдуетъ судьба.

— Это правда, отвѣчалъ онъ.—Впрочемъ изъ того, что ассизы начинаются 7-го числа еще не слѣдуетъ, чтобы дѣло Диксона стали разсматривать седьмаго же. Мы можемъ еще пріѣхать во время. Вы вѣроятно спѣшите заявить что нибудь, могущее способствовать его оправданію?

Онъ не охотно предложилъ этотъ вопросъ; отъ него не ускользнуло, что Эллиноръ избѣгаетъ распространяться объ основаніяхъ, по которымъ считаетъ Диксона невиннымъ. Но ему казалось, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, его помощь можетъ быть не безполезна для Эллиноръ, а онъ такъ желалъ быть ей полезнымъ.

Но нѣтъ. Эллиноръ не дала ему настоящаго отвѣта: она слушалась всѣхъ его совѣтовъ, одобряла всѣ его распоряженія, но упорно отказывала ему въ своемъ довѣріи.

XIV.

— Теперь куда мы поѣдемъ? спросилъ каноникъ, когда они стали приближаться къ Лондонъ-бриджской станціи?

— Въ Третъ-Уэстернъ. Геллингфордъ лежитъ въ этомъ направленіи. Но, позвольте, намъ надо проститься.

— Стало быть, вы не берете меня съ собою въ Геллингфордъ? Во всякомъ случаѣ, вы позволите мнѣ проводить васъ на желѣзную дорогу, взять для васъ билетъ и усадить васъ въ вагонъ.

На дебаркадерѣ имъ сказали, что остается еще цѣлыхъ два

часа до отправленія поѣзда. Дѣлать нечего, приходилось дожидаться въ сосѣдней гостинницѣ.

Ливингстонъ принялся расхаживать по комнатѣ съ заложенными за спину руками, то и дѣло поглядывая на часы. Когда до отхода поѣзда осталось не болѣе $^1/_4$ часа, онъ подошелъ къ Эллиноръ, которая сидѣла у стола, поддерживая голову руками.

— Миссъ Уилькинсъ, началъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.—Я надѣюсь, что вы не задумаетесь обратиться ко мнѣ, если мои услуги вамъ понадобятся въ этомъ печальномъ дѣлѣ.

— О, нѣтъ, будьте увѣрены, отвѣчала она, протягивая ему руку, и потомъ продолжала съ нѣкоторою поспѣшностію:—Вы были такъ добры и обѣщались прямо отправиться къ миссъ Монро, разсказать все, что вы знаете и передать, что я напишу ей при первой возможности.

— А я, могу ли я надѣяться получить отъ васъ нѣсколько строкъ?

— Еще бы! Какъ же мнѣ не извѣстить обо всемъ такого преданнаго друга.

— Друга! Да я вашъ другъ и покуда буду довольствоваться этимъ именемъ. Быть можетъ...

Эллиноръ не могла далѣе дѣлать видъ, что не понимаетъ его.

— Нѣтъ, отвѣчала она живо:—мы друзья и надѣюсь, что всегда останемся друзьями, хотя вы не можете знать всего. Я открою вамъ одно только: Да проститъ мнѣ Богъ, если Диксонъ виновенъ, то и я виновна не менѣе его. Но онъ невиненъ, право онъ невиненъ!

— Если онъ не виновнѣе васъ, то я не сомнѣваюсь въ его невинности. Позвольте мнѣ стать болѣе чѣмъ вашимъ другомъ, Эллиноръ,—позвольте мнѣ все знать и помогать вамъ всѣми средствами, лежащими въ моей власти, по праву жениха.

—Нѣтъ, нѣтъ, воскликнула она съ испугомъ.—Этого никогда не можетъ быть. Вы и не подозрѣваете, какое несчастіе, быть можетъ, виситъ надъ моей головой.

Если только за этимъ стало дѣло, отвѣчалъ онъ:—то я охотно рискую, меня не страшитъ никакая опасность, которой я могу подвергнуться вмѣстѣ съ вами.

— Но тутъ дѣло не въ опасности. Мнѣ грозитъ позоръ и безчестіе.

— Пусть такъ, я принимаю и позоръ и безчестіе. Быть можетъ, если бы я зналъ въ чемъ дѣло, я бы могъ оградить васъ отъ того и другого.

— Нѣтъ, прошу васъ, оставимъ пока этотъ разговоръ. Если вы будете настаивать, я принуждена буду отвѣтить: «нѣтъ».

Она не замѣтила того, что было обнадеживающаго въ этихъ словахъ и что не ускользнуло отъ Ливингстона. Когда онъ, проводивъ ее, пошелъ своею дорогой, на сердцѣ у него было легко.

Въ тѣ дни еще не было электрическихъ телеграфовъ и Элиноръ на каждой станціи принуждена была высовыватся изъ окна и распрашивать сторожей желѣзной дороги о томъ, кончился ли геллингфордскій процессъ обвиненнаго въ убійствѣ. Сторожамъ было не до нея и они отвѣчали наобумъ.

— Вези меня къ мистеру Джонсону, въ Гай-стритъ, да поѣзжай скорѣе, я заплачу тебѣ полгинеи, если ты меня скоро доставишь.

У мистера Джонсона обѣдало цѣлое общество стряпчихъ; за десертомъ его вызвалъ слуга, доложившій, что какая-то дама желаетъ переговорить съ нимъ немедленно на единѣ.

Далеко не въ любезномъ расположеніи духа онъ отправился въ кабинетъ, гдѣ его дожидалась миссъ Уилькинсъ, блѣдная какъ смерть.

— Вы ли это, миссъ Уилькинсъ? Какъ я радъ.

— Диксонъ! вырвалось у нея. Больше она ничего не могла сказать.

Мистеръ Джонсонъ покачалъ головой.

— Да! это грустный случай — и я боюсь, не онъ ли ускорилъ ваше возвращеніе изъ дома.

— Такъ онъ?

— Да! Я долженъ съ прискорбіемъ сказать, что врядъ ли можетъ оставаться какое сомнѣніе въ его виновности. По крайней мѣрѣ присяжные признали его виновнымъ и...

— И что же? проговорила она, быстро опускаясь на стулъ и приготовляясь къ отвѣту, который знала напередъ.

— Онъ приговоренъ къ смерти.

— Кто судилъ его?

— Судья Карбетъ и я долженъ сознаться, что ни разу еще не видалъ судьи, который такъ хорошо исполнилъ бы свое дѣло. Изъ молодыхъ да ранній! Повѣрите ли, слушая, какъ онъ объявлялъ приговоръ, я былъ потрясенъ до глубины души. Диксонъ, безъ сомнѣнія, виноватъ и упрямъ же онъ, старый! Я хлопоталъ объ немъ изо всѣхъ силъ по просьбѣ миссъ Монро, но онъ не хотѣлъ сообщить намъ никакихъ подробностей, не хотѣлъ палецъ о палецъ ударить для своего оправданія. Я еще, право, не знаю, какъ онъ рѣшился объявить передъ присяжными, что не признаетъ себя виноватымъ; полагаю, что имъ руководило при этомъ желаніе сохранить доброе о себѣ мнѣніе старинныхъ гамлійскихъ знакомыхъ. Но, Боже мой, миссъ Уилькинсъ! Что съ вами? Вамъ, кажется, дурно И онъ дернулъ звонокъ такъ, что шнурокъ остался у него въ рукахъ. — Эй! Эсѳирь, Джерри, — какъ васъ тамъ, скорѣе, сюда — миссъ Уилькинсъ въ обморокѣ. Воды, вина! Позовите сюда мистрисъ Джонсонъ.

Вскорѣ явилась мистрисъ Джонсонъ, добродушная женщина, не принимавшая участія въ обѣдѣ, на который были приглашены одни мужчины, и хлопотавшая все это время на кухнѣ. Она увидѣла Эллиноръ, безъ чувствъ опрокинувшуюся на стулѣ.

— Бесси, миссъ Уилькинсъ сдѣлалось дурно. Она устала отъ дороги и слишкомъ приняла къ сердцу осужденіе Диксона,—знаешь, того старика, что приговоренъ къ висѣлицѣ за убійство. Я не могу здѣсь оставаться, у меня гости. Постарайся привести ее въ чувство и уложи ее въ постель. Она остановится у насъ въ домѣ. Завтра я съ нею повидаюсь. Такъ, позаботься же о ней и, главное, не давай ей слишкомъ волноваться; вѣдь она этимъ ничему не поможетъ.

И зная, что онъ можетъ положиться на жену, онъ отправился къ своимъ гостямъ.

Эллиноръ вскорѣ пришла въ себя.

— Какъ это глупо съ моей стороны, проговорила она, какъ бы оправдываясь:—но силы измѣнили мнѣ.

— Полноте, душа моя, выкиньте это изъ головы. Отпейте-ка

этого; мистеръ Джонсонъ нарочно для васъ откупорилъ бутылку своего лучшаго портъ-вейна. Или, можетъ, вамъ лучше хочется супу, или еще чего нибудь? Вы только скажите, у насъ чего-чего не было сегодня за обѣдомъ. А тамъ вы ляжете въ постель; мистеръ Джонсонъ говоритъ, что это необходимо.

— Мнѣ нужно видѣть самаго мистера Джонсона.

— Только не теперь. Вамъ не годится думать теперь о дѣлахъ, а о чемъ же Джонсону и толковать съ вами, какъ не о дѣлахъ. Лучше постарайтесь-ка заснуть. Завтра вы проснетесь свѣжая и бодрая и еще натолкуетесь о дѣлахъ.

— Но я не могу спать, — я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока мистеръ Джонсонъ не дастъ мнѣ отвѣта на одинъ или на два вопроса.

Мистрисъ Джонсонъ знала, что съ приказаніемъ ея мужа шутить не годится и что она рискуетъ получить супружескую головомойку, если, послѣ всего имъ сказаннаго, снова за нимъ пошлетъ. Но у нея не достало духу отказать Эллиноръ въ ея неотступныхъ просьбахъ. Въ головѣ ея мелькнула блестящая мысль.

— Вотъ вамъ, милая, перо и бумага. Не можете ли вы письменно спросить его о томъ, что вы желаете знать; онъ вамъ отвѣтитъ на томъ же клочкѣ бумаги, который я пошлю къ нему съ Джерри. У него, надо вамъ сказать, обѣдаетъ нѣсколько человѣкъ знакомыхъ.

Эллиноръ написала:

«Въ которомъ часу могу я васъ видѣть завтра утромъ? Возьмете ли вы на себя трудъ устроить мнѣ въ самомъ скоромъ времени свиданіе съ Диксономъ? Не допустятъ ли меня къ нему сегодня же?»

Противъ этихъ вопросовъ мистеръ Джонсонъ выставилъ карандашемъ слѣдующіе отвѣты:

«Въ восемь часовъ.—Да. — Нѣтъ.»

XV.

На слѣдующій день Эллиноръ встала рано, одѣлась, надѣла шляпку и шаль, и вышла на улицу. Почти инстинктивно направила она шаги къ Геллингфардъ-Кастлю—тому самому зданію, гдѣ происходили засѣданія ассизнаго суда и гдѣ теперь Диксонъ ожидалъ исполненія своего приговора. Она подошла къ сторожкѣ привратника и спросила, можно ли видѣть Авраама Диксона.

— Того самаго, что будетъ на дняхъ повѣшенъ? Ну, сударыня, я тутъ вамъ ничего не могу сказать, ступайте къ тюремному смотрителю, попытайте счастья; только, позвольте вамъ доложить, вы по напрасну прогуляетесь. Къ осужденнымъ никого не допускаютъ безъ позволенія шерифа.

Эллиноръ знала, что привратникъ говоритъ правду, она не надѣялась на успѣхъ, а между тѣмъ отправилась къ тюремному смотрителю, гдѣ ей, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣчали тоже самое, только нѣсколько рѣзче.

Эллиноръ вышла изъ тюремной ограды и продолжала бродить вокругъ замка, пока на башенныхъ часахъ не пробило восемь — тогда она поспѣшила воротиться въ Гай-стритъ въ домъ мистера Джонсона.

— Мнѣ очень совѣстно, что я вчера причинила вамъ столько хлопотъ, сказала она мистеру Джонсону, когда онъ явился на условленное свиданье.

— Помилуйте, какія же хлопоты. Ни я, ни жена моя не сочли этого за хлопоты. Женщины вообще принимаютъ подобныя вещи очень къ сердцу. Я это понимаю, какъ нельзя лучше, хотя я знавалъ и такихъ дамъ которыя любаго мужчину за поясъ заткнутъ въ хладнокровіи. Иныя и глазомъ не сморгнули, когда судья Карбетъ накрылъ голову черной шапкой и объявилъ Диксона виновнымъ.

— Поговоримъ о Диксонѣ, мистеръ Джонсонъ; онъ долженъ умереть?

— Ну, до этого-то, пожалуй, еще и не дойдетъ. Мистеръ

Карбетъ намекнулъ на возможность помилованія. Присяжные не просили о смягченіи приговора; всѣ обстоятельства дѣла слишкомъ явно клонились не въ его пользу, а самъ онъ не хотѣлъ указать намъ никакихъ данныхъ, на которыхъ могла бы быть основана защита. Но судья все таки оставилъ намъ нѣкоторую надежду на помилованье.

— Я говорю вамъ, мистеръ Джонсонъ, что онъ не долженъ умереть и не умретъ Къ кому мнѣ обратиться?

— Гм! Развѣ вы можете сообщить по этому дѣлу какія дополнительныя свѣдѣнія?

— Не спрашивайте меня объ этомъ, рѣзко отвѣчала Элиноръ; потомъ добавила:—извините меня, но, прошу васъ, скажите, въ чьи руки перешла теперь власть жизни и смерти?

— Въ руки королевскаго секретаря—сэра Филиппа Гомса. Но до него вамъ будетъ труденъ доступъ; вы должны обратиться къ судьѣ, который произносилъ приговоръ и который одинъ можетъ потребовать отсрочку, судья этотъ — мистеръ Карбетъ.

— Мистеръ Карбетъ?

— Да. Онъ вообще былъ очень снисходительно настроенъ — я это сейчасъ увидѣлъ изъ того, какъ онъ формулировалъ обвиненіе. Онъ какъ разъ такой человѣкъ, къ какому вамъ слѣдуетъ обратиться. По видимому, вы не расположены мнѣ довѣриться, а то я могъ бы набросить вамъ концептъ всего, что вамъ нужно будетъ сказать.

— Нѣтъ. Я ни передъ кѣмъ не могу открыть этого, кромѣ самаго судьи. Боюсь не круто ли я вамъ отвѣтила нѣсколько минутъ тому назадъ; вы должны извинить меня; если бы вы все знали, вы бы, навѣрное, меня извинили.

— Стоитъ ли говорить объ этомъ, дорогая миссъ Уилькинсъ. И такъ, мы предположимъ, что вы обладаете такими фактами, которые не были раскрыты при слѣдствіи и судѣ. Ну-съ, вы должны явиться къ судьѣ и изложитъ передъ нимъ эти факты. Онъ, конечно, сличитъ ихъ съ протоколомъ суда и сообразитъ, согласуются ли они съ нимъ. Само собою разумѣется, что судья Карбетъ предложитъ вамъ разные вопросы съ цѣлью удостовѣриться въ истинности вашихъ показаній.

— Какъ страшно представить его себѣ судьею, проговорила Эллиноръ почти про себя.

— Это правда. Для судьи онъ еще очень молодъ. Вы, конечно, знавали его въ Гамли? Онъ былъ, помнится, ученикомъ мистера Несса.

— Да; но не будемъ говорить объ этомъ времени. Скажите мнѣ, когда могу я видѣть Диксона; я уже была въ замкѣ, но мнѣ тамъ сказали, что надо получить разрѣшеніе отъ шерифа.

— Само собой разумѣется; развѣ мистрисъ Джонсонъ не передавала вамъ этого отъ меня вчера вечеромъ? У меня обѣдалъ вчера старикъ Ормродъ; онъ служитъ секретаремъ въ судѣ и я передалъ ему ваше желаніе, онъ обѣщался побывать у сэра Генри Купера и достать разрѣшеніе къ десяти часамъ утра. Однако, мистрисъ Джонсонъ дожидается насъ къ завтраку, не угодно ли въ столовую.

Изъ за завтрака мистера Джонсона вызвали къ мистеру Ормроду, который принесъ обѣщанное разрѣшеніе.

— И такъ я могу теперь отправиться? Этими словами встрѣтила его Эллиноръ, какъ только онъ возвратился въ комнату.

Мистеръ Джонсонъ отвѣчалъ утвердительно и вызвался самъ проводить ее. Дорогою онъ предупредилъ ее, что при свиданіи будетъ присутствовать тюремный сторожъ, что таковъ уже законъ въ отношеніи преступниковъ, приговоренныхъ къ казни, но, добавилъ онъ, если этотъ свидѣтель будетъ сговорчивъ—то онъ отойдетъ подальше, чтобы ничего не слыхать.

— Мистеръ Джонсонъ принялъ надлежащія мѣры, чтобы расположить къ сговорчивости того тюремнаго сторожа, который пошелъ съ Эллиноръ въ отдѣленіе приговоренныхъ къ казни.

— Бывало, при судьѣ Мартинѣ у меня сиживало въ этомъ отдѣленіи за разъ по три человѣка, объяснялъ онъ ей дорогой.—Мы такъ и прозвали его судьей-вѣшателемъ. Но вотъ уже пять лѣтъ, какъ онъ умеръ, и съ тѣхъ поръ никогда не

бываетъ за разъ болѣе одного преступника. За то разъ содержалась у насъ женщина,—по имени Мери Джонсъ,—приговоренная къ казни за отравленіе своего мужа.

Старикъ Авраамъ Диксонъ сидѣлъ понуренный на кровати. Голова его поникла, станъ сгорбился, и онъ даже не оглянулся на вошедшихъ.

Сторожъ положилъ ему руку на плечо и, слегка раскачивая его, проговорилъ:

— Смотри-ка, Диксонъ, кто пришелъ тебя провѣдать, и потомъ, обратившись къ Эллиноръ, которая съ трудомъ удерживала рыданье, прибавилъ: — Вотъ этакъ иной послѣ приговора словно ошеломленный сдѣлается; другой же наоборотъ, мечется, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Съ этими словами онъ отошелъ въ корридоръ, оставивъ дверь отворенною, такъ чтобы они оставались у него на виду; но онъ прилежно глядѣлъ въ другую сторону и насвистывалъ, чтобы не слыхать ихъ разговора.

Диксонъ оглянулся на Эллиноръ, но тотчасъ же снова опустилъ глаза въ землю. Только сильная дрожь, охватившая его исхудалое тѣло, показало, что онъ узналъ ее.

Она сѣла возлѣ него и взяла его большую мозолистую руку. Прежде чѣмъ заговорить, она хотѣла совладать съ истерическими рыданьями, подступавшими ей къ горлу. Она ломала костлявые, морщинистые пальцы и роняла на нихъ свои жгучія слезы.

— Не думайте этого, проговорилъ онъ наконецъ глухимъ голосомъ.—Не убивайтесь изъ за меня—оно лучше, что такъ кончилось.

— Нѣтъ, Диксонъ, не лучше. Этому не бывать. Ты знаешь, что я не допущу до этого, не могу допустить.

— Пора мнѣ на покой, истомился я; у Бога мнѣ будетъ лучше, чѣмъ у людей. А крѣпко, я вамъ скажу, любилъ я его, съ той самой поры любилъ, какъ онъ былъ еще мальчикомъ, и все разсказывалъ мнѣ, словно брату родному, какъ ему трудно въ школѣ. Послѣ Молли Гревсъ онъ мнѣ былъ всѣхъ на свѣтѣ дороже. Господи! и съ ней я опять

свижусь не далѣе, какъ въ ту субботу. Я знаю, на томъ свѣтѣ мною будутъ довольны, хоть и не всегда поступалъ я по правдѣ въ этой жизни.

— Но, Диксонъ, вѣдь ты знаешь, кто сдѣлалъ это... это...

— «Виновенъ въ умышленномъ убійствѣ», продолжалъ онъ. Они назвали это умышленнымъ убійствомъ, а это неправда, чье бы это ни было дѣло.

— То было дѣло моего несчастнаго отца. Я сегодня же ѣду въ Лондонъ. Я увижусь съ судьею и все разскажу ему.

— Не унижайтесь вы передъ этимъ человѣкомъ, мисси; вѣдь это тотъ самый, что покинулъ васъ въ бѣдѣ.

Тутъ онъ взглянулъ на нее въ первый разъ, но она продолжала, какъ будто не замѣчая этого усталаго, тревожнаго взгляда.

— Нѣтъ, я увижусь съ нимъ, я знаю, что это онъ самый, но я рѣшилась. Можетъ статься, онъ охотнѣе поможетъ мнѣ, чѣмъ совершенно посторонній человѣкъ; а я... я все остальное забуду, говоря о тебѣ, мой добрый, вѣрный другъ.

— Онъ смотритъ какъ есть старикомъ въ своемъ сѣдомъ парикѣ, я бы ни за что не узналъ его. Глянулъ я на него и подумалъ: еслибъ я захотѣлъ, многое нашелъ бы я поразсказать и про тебя, милордъ судья. Не знаю, понялъ ли онъ мой взглядъ. Ужъ не знаю, по старой ли дружбѣ онъ стоялъ за мое помилованіе. Только мнѣ смерть куда милѣе ихъ помилованія. Вѣдь это по ихнему значитъ ссылка въ Ботани-бей,— сказывалъ мнѣ тюремный сторожъ. Да этакая милость меня по каплѣ уморитъ. Нѣтъ! Ужъ лучше прямо отправляться на тотъ свѣтъ, чѣмъ жить съ этими черными.

И онъ снова затрясся. Мысль о ссылкѣ, представлявшейся ему чѣмъ-то смутнымъ, по этой самой причинѣ страшила его больше смерти. Онъ твердилъ жалобнымъ голосомъ:

— Мисси! Сдѣлайте такъ, чтобы они не ссылали меня въ Батани-бей, я не вынесу этого!

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она.—Ты выйдешь изъ этой тюрьмы, чтобы воротиться со мною домой—въ Истъ-Честеръ, въ этомъ я ручаюсь. Не могу тебѣ сказать, какъ именно я устрою

все это, но ты можешь положиться на мое обѣщаніе. Брось и думать о Ботани-бей. Если тебя сошлютъ туда, я послѣдую за тобою. Я такъ увѣрена, что тебя не сошлютъ. Если ты поступилъ противозаконно, скрывъ то, что случилось въ эту роковую ночь, то, какъ тебѣ извѣстно, я виновна не менѣе тебя; если ты заслужилъ наказаніе, я раздѣлю его съ тобою. Но я увѣрена, что все кончится хорошо.

Они просидѣли молча нѣсколько минутъ, держа другъ друга за руки.

— Я былъ увѣренъ, что вы придете ко мнѣ, я зналъ, что вы уѣхали въ чужіе краи, но я просилъ у Бога: милостивый Боже! молился я, дай мнѣ еще разъ ее увидѣть! Я и священнику сказалъ, что не прежде стану молиться объ отпущеніи своихъ грѣховъ, какъ умоливъ Бога воротить васъ ко мнѣ.

И снова они погрузились въ молчаніе. Эллиноръ почти не сидѣлось на мѣстѣ отъ нетерпѣнія выхлопотать ему освобожденіе, но она видѣла, что присутствіе ея отрадно на него дѣйствуетъ, и не хотѣла оставить его ни минутою раньше срока. Голосъ его измѣнился, въ немъ слышалась какая-то старческая дрожь, и въ тѣ минуты, когда онъ молчалъ, мысли его, казалось, блуждали гдѣ-то далеко; но онъ, не смотря на это, не выпускалъ ея руки, какъ будто боясь, что она уйдетъ отъ него. Такъ прошелъ дозволенный часъ свиданія; отъ времени до времени слезы Эллиноръ капали къ ней на колѣни; она не могла удержать ихъ, хотя и сама не знала, о чемъ плачетъ.

Наконецъ, сторожъ объявилъ имъ, что часъ прошелъ. Эллиноръ, не говоря ни слова, встала и, наклонившись, поцѣловала старика въ лобъ.

— Я возвращусь къ тебѣ завтра, проговорила она.—А до тѣхъ поръ, да сохранитъ и утѣшитъ тебя Господь.

Поѣздъ желѣзной дороги, въ которомъ сидѣла Эллиноръ, уже готовъ былъ тронуться, когда она нагнулась впередъ и въ послѣдній разъ изъ вагона протянула руку мистеру Джонсону.

— Завтра я отблагодарю васъ за все, сказала она:—сегодня я не въ силахъ.

Дорогою она вспомнила, что не освѣдомилась у мистера Джонсона объ адресѣ мистера Карбета. Онъ, безъ сомнѣнія, далъ бы ей его должностной адресъ. Впрочемъ, бѣдѣ можно было пособить; остановившись въ гостинницѣ, она потребовала адресъ-календарь и отыскала его частную квартиру.

— Можно ли мнѣ будетъ послать кого нибудь въ Гайдъ-паркъ-Гарденсъ, спросила она у слуги. — Мнѣ нужно узнать, дома ли сегодня судья Карбетъ. Мнѣ необходимо его видѣть.

Гостинничный слуга поглядѣлъ на нее съ удивленіемъ и пожелалъ узнать, какъ доложить о ней судьѣ.

Но она ни за что не хотѣла, чтобы Карбетъ узналъ заранѣе, кто она такая. Предстоявшее свиданіе и безъ того было довольно тягостно. Она предпочитала явиться неожиданно и прямо приступить къ дѣлу.

Вскорѣ возвратился слуга и доложилъ:

— Сударыня, лордъ и леди Карбетъ уѣхали на обѣдъ.

Леди Карбетъ! Эллиноръ знала, конечно, что онъ женатъ; не при ней ли совершалось его бракосочетаніе въ истъ-честерскомъ соборѣ? А между тѣмъ сочетаніе этихъ двухъ именъ «лордъ и леди Карбетъ», какъ будто заставило ее очнуться отъ какого-то сна.

— Хорошо, отвѣчала она: — разбудите меня въ семь часовъ и наймите мнѣ къ восьми экипажъ въ Гайдъ-паркъ-Гарденсъ.

Ночь прошла безъ сна. Вставъ по утру, она отперла старенькую шкатулку, въ которой хранила свои сокровища: работу матери, волосы маленькой сестры и недоконченное письмо своего отца къ мистеру Карбету. «Не поможетъ ли оно мнѣ», подумала она, вынувъ его изъ шкатулки. Глаза ея упали на слова: «со смертнаго моего одра, умоляю васъ быть ей другомъ, я готовъ на колѣняхъ просить у васъ прощеніе за все» — «Возьму это письмо съ собою», подумала она и стала собираться въ Гайдъ-паркъ-Гарденсъ.

XVI.

— Дома ли судья Карбетъ? Можно ли его видѣть? спросила Эллиноръ у лакея, не слишкомъ поторопившагося отпереть ей.

Прежде чѣмъ отвѣчать, онъ окинулъ ее любопытнымъ, слегка нахальнымъ взглядомъ.

— Еще бы онъ объ эту пору не былъ дома! Но приметъ ли онъ еще васъ,—другой вопросъ.

— Не потрудитесь ли вы спросить его объ этомъ? я пріѣхала по очень важному дѣлу.

— Не можете ли вы дать мнѣ вашу карточку, или хоть сказать ваше имя. — Послушайте, Симмонсъ, обратился онъ къ камеристкѣ, проходивщей, черезъ переднюю:—вы не знаете, всталъ ли милордъ?

— О, да, онъ уже цѣлыхъ полчаса какъ одѣвается въ уборной. Миледи сію минуту сойдетъ внизъ къ завтраку.

— Не можете ли вы побывать въ другой разъ, немного попозднѣе, обратился онъ къ блѣдной, трепещущей Эллиноръ.

— Нѣтъ, пожалуйста впустите меня, я подожду, я увѣрена, что судья Карбетъ приметъ меня, если вы только назовете ему мое имя,—миссъ Уилькинсъ. Это имя ему знакомо.

— По мнѣ пожалуй. Не угодно ли вамъ будетъ подождать здѣсь, пока я подамъ завтракъ, сказалъ онъ, впуская ее въ прихожую и указывая ей на скамью. Онъ принялъ ее по платью за гувернантку, за горничную или ужъ много-много за дочь какого нибудь торговца. Она вошла и сѣла.

— Такъ вы скажете ему, что я здѣсь, проговорила она слабымъ голосомъ.

— Хорошо, хорошо, не безпокойтесь; я пошлю доложить ему, только я не думаю, чтобы онъ сталъ толковать съ вами до завтрака.

Онъ послалъ съ докладомъ маленькаго лакея, который постучался въ дверь къ мистеру Карбету и передалъ ему, что его желаетъ видѣть какая-то миссъ Дженкинсъ.

— Кто такая? переспросилъ судья изъ за затворенной двери.

— Миссъ Дженкинсъ. Она говоритъ, что имя ея вамъ знакомо, сэръ.

— Не помню что-то, пусть ее подождетъ.

Эллиноръ стала ждать. Вотъ сошла съ лѣстницы, шумя своимъ пышнымъ шелковымъ платьемъ красивая леди Карбетъ, неся на рукахъ своего хорошенькаго ребенка и сопровождаемая нянькой. Она была недовольна, что посторонніе смѣютъ тревожить ея мужа въ его собственномъ домѣ, гдѣ онъ, предполагалось, отдыхалъ отъ дѣлъ въ кругу своего семейства; самовластная и легкомысленная, она не сочла нужнымъ обойтись привѣтливо съ кроткою дѣвушкою, которая сидѣла усталая и томимая ожиданіемъ въ ея домѣ. Медленно спускаясь съ лѣстницы, она измѣряла Эллиноръ съ головы до ногъ, такъ что та смутилась подъ упорнымъ взглядомъ этихъ большихъ черныхъ глазъ. Потомъ она скрылась вмѣстѣ съ нянькой и ребенкомъ въ просторную столовую.

Вслѣдъ за нею долженъ былъ сойти судья. Эллиноръ инстинктивно опустила вуаль, заслышавъ его быстрые, твердые шаги, которые она когда-то такъ хорошо умѣла узнавать.

Онъ окинулъ просительницу однимъ изъ своихъ быстрыхъ проницательныхъ взглядовъ и опытный глазъ, не смотря на поношенность ея дорожнаго платья, тотчасъ же призналъ въ ней женщину высшаго круга.

— Не угодно ли вамъ пожаловать въ эту комнату, сказалъ онъ, отворяя дверь своего кабинета.

Искусный законникъ помѣстился спиною къ окну, Эллиноръ прямо напротивъ него. Когда она подняла вуаль, судья Карбетъ измѣнился въ лицѣ болѣе, нежели она; онъ былъ застигнутъ въ расплохъ. Но онъ умѣлъ владѣть выраженіемъ своего лица.

— Эллиноръ! Миссъ Уилькинсъ! Вы ли это? и онъ поспѣшилъ дружески протянуть ей руку, ловко скрывая свое смущеніе. А этотъ дуракъ Генри назвалъ мнѣ какую-то миссъ Дженкинсъ. Какъ смѣли они продержать васъ въ пріемной! Но вы,

какъ хотите, должны съ нами позавтракать. Леди Карбетъ, безъ сомнѣнія, будетъ очень рада съ вами познакомиться.—А между тѣмъ онъ не могъ не сознавать неловкость этой встрѣчи между его настоящей женою и тою, которая когда-то готовилась быть на ея мѣстѣ. Это придавало какую-то суетливость его пріемамъ. Несказаннымъ облегченіемъ послужилъ для него отвѣтъ Эллиноръ.

— Благодарю васъ, но я не могу принять вашего приглашенія. Я явилась сюда исключительно съ дѣловой цѣлью, иначе я, конечно, не позволила бы себѣ потревожить васъ въ такой ранній часъ. Меня привело къ вамъ дѣло бѣднаго Диксона.

— А! Я такъ и думалъ! проговорилъ судья, придвигая ей стулъ и усаживаясь самъ.

Но, не смотря на всѣ свои старанія, онъ не могъ придать своимъ мыслямъ дѣловой строй. Воспоминанія о прошломъ нахлынули на него при звукѣ ея голоса. При первомъ взглядѣ на нее, онъ былъ пораженъ перемѣною въ ея наружности и задавалъ себѣ вопросъ, такое ли точно впечатлѣніе онъ произвелъ и на нее. Послѣ этого перваго взгляда онъ избѣгалъ встрѣчи съ ея глазами.

— Я зналъ, что это будетъ для васъ жестокій ударъ. Кто-то сказалъ мнѣ въ Геллингфордѣ, что вы находитесь за границей. Но вы не должны огорчаться не въ мѣру; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что смертная казнь будетъ замѣнена ссылкой или другимъ какимъ соотвѣтствующимъ наказаніемъ. Еще не далѣе какъ вчера я говорилъ объ этомъ съ секретаремъ ея величества. Давность проступка и послѣдующее доброе поведеніе служитъ достаточнымъ поводомъ къ смягченію приговора.

Эллиноръ отвѣчала:

— Я пріѣхала объявить вамъ то, что, думаю, могу объяснить вамъ, какъ судьѣ, въ полной увѣренности, что дѣло не будетъ подвержено огласкѣ: не Авраамъ Диксонъ убилъ мистера Донстера. Она пріостановалась, глотая съ усиліемъ воздухъ.

Судья пристально посмотрѣлъ на нее.

— Стало быть, вы знаете кто убилъ его? спросилъ онъ.

— Да! отвѣчала она тихимъ и твердымъ голосомъ, глядя ему прямо въ лице печальнымъ и глубокимъ взглядомъ.

Мгновенно все стало ему ясно. Онъ закрылъ лице руками и съ минуту не говорилъ ни слова.

Потомъ онъ спросилъ, не поднимая глазъ и нѣсколько хриплымъ голосомъ:

— Такъ въ этомъ заключался позоръ, про который вы говорили мнѣ много лѣтъ тому назадъ.

— Да, отвѣчала она.

Нѣсколько времени оба сидѣли молча. Среди этой тишины раздался изъ за двери рѣзкій, звонкій голосъ, говорившій:

— Все кушанье простыло; отнесите его на кухню подогрѣть для милорда. Какъ это скучно, что ему даже дома нѣтъ покоя отъ просителей, точно нѣтъ у него пріемныхъ часовъ въ палатѣ.

Онъ поспѣшно всталъ и отправился въ столовую; но, какъ слышно было, ему не безъ труда удалось успокоить раздраженную супругу.

Когда онъ пришелъ назадъ, Эллиноръ замѣтила:

— Я, кажется, не во время пріѣхала къ вамъ?

— И нѣтъ! все это пустяки, отвѣчалъ онъ раздосадованнымъ голосомъ. — Вы поступили какъ нельзя лучше, что пріѣхали. И онъ опустился на прежнее мѣсто.

— И Диксонъ зналъ объ этомъ, продолжалъ онъ.—Извините меня, я вынужденъ предложить вамъ прямой вопросъ: преступленіе было совершено вашимъ отцомъ? Онъ убилъ Донстера?

— Да, если только это можно назвать преступленіемъ. Онъ убилъ Донстера однимъ ударомъ, въ припадкѣ гнѣва. Вы не можете представить себѣ, какъ Донстеръ порою раздражалъ папа, говорила Эллиноръ какъ-то напряженно и тупо.

— Какъ вы это узнали? — Видимо онъ нехотя томилъ ее распросами. Эллиноръ заранѣе знала, что ихъ не миновать, а между тѣмъ она говорила будто бы во снѣ.

— Я вошла въ комнату папа вскорѣ послѣ того, какъ

онъ нанесъ Диксону ударъ. Онъ лежалъ, мы думали въ обморокѣ, оказалось же, — мертвый.

— Какое участiе принималъ Диксонъ въ этомъ дѣлѣ; безъ сомнѣнiя, онъ зналъ о немъ. И что бы значилъ топорокъ съ его именемъ, найденный въ могилѣ?

— Папа разбудилъ Диксона, а онъ принесъ съ собою топорикъ, полагаю для того, чтобы пустить кровь Донстеру. Кажется, сказаннаго мною довольно. Или, быть можетъ, нѣтъ еще? Я готова отвѣчать на какiе угодно вопросы, лишь бы доказать невинность бѣднаго Диксона.

Пока она говорила, судья записывалъ ея показанiя. Онъ ничего не отвѣчалъ ей и, подумавъ съ минуту, снова принялся что-то писать, отъ времени до времени справляясь съ своими предварительными отмѣтками; минутъ черезъ пять онъ прочелъ ей сообщенные ею же факты, только изложенные имъ въ законной формѣ и въ связи. Онъ предложилъ ей еще одинъ-два незначущихъ вопроса, перечелъ ей все съизнова и попросилъ ее подписать свое имя...

Она взяла перо, но остановилась въ недоумѣнiи.

— Это никогда не сдѣлается гласнымъ? спросила она.

— Нѣтъ; я постараюсь, чтобы это осталось между мною и секретаремъ ея величества.

— Благодарю васъ.

— Немного найдется такихъ людей, какъ Диксонъ, замѣтилъ судья, запечатывая бумагу въ конвертъ.

— Это правда, отвѣчала Эллиноръ. — Я нигдѣ не встрѣчала такой вѣрности.

И въ ту же минуту у обоихъ мелькнула въ головѣ одна и та же мысль; имъ вспомнилось, что названiе это могло одному изъ нихъ служить укоромъ. Они поглядѣли другъ на друга.

— Эллиноръ, заговорилъ судья:—вѣдь мы, надѣюсь, остались друзьями.

— Да, друзьями, отвѣчала она спокойно и грустно.

Онъ и самъ, не зная почему, слегка огорчился ея отвѣтомъ. Чтобы скрыть это чувство онъ продолжалъ:

— Гдѣ вы теперь живете?

— Въ Истъ-Честерѣ.

— Но вѣдь вы, конечно, отъ времени до времени бываете въ Лондонѣ. Пожалуйста, каждый разъ, какъ вы пріѣзжаете, давайте намъ знать объ этомъ; леди Карбетъ сама будетъ у васъ. Если бы вы позволили, я бы ныньче же привезъ ее къ вамъ.

— Благодарю васъ. Я ѣду въ Геллингфордъ не теряя ни минуты. Я только и жду, чтобы вы мнѣ доставили бумагу о помилованіи Диксона.

Ея неопытность вызвала у него полуулыбку.

— Бумага эта должна быть препровождена къ шерифу, у котораго находится повелѣніе о преданіи его смертной казни. Но я ручаюсь вамъ, что бумага будетъ отправлена безотлагательно. Вы можете быть такъ же спокойны, какъ еслибъ она была у васъ въ рукахъ.

— Очень, очень благодарю васъ, сказала Эллиноръ, поднимаясь съ мѣста.

— Но какъ же это вы уходите безъ завтрака? Если вы не желаете встрѣтиться съ леди Карбетъ въ настоящую минуту, то позвольте вамъ прислать завтракъ сюда.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Вы очень добры ко мнѣ, и я рада, что еще разъ васъ увидѣла. Прощайте, еще разъ благодарю васъ.

Онъ взялъ ее руку и не выпускалъ изъ своей, глядя ей въ лице. Это лице, которое при первомъ взглядѣ онъ нашелъ измѣнившимся, казалось ему теперь точь въ точь такимъ, какъ бывало. Все тотъ же кроткій застѣнчивый взглядъ, все та же ямка на щекѣ: милордъ судья и женатый человѣкъ, онъ не могъ между тѣмъ рѣшить кто ему милѣе: это ли печальная, бѣдно одѣтая дѣвушка, или та красивая, величавая жена, которая еще не такъ давно выказала передъ нимъ не совсѣмъ привѣтливую сторону своего характера. Когда Эллиноръ удалилась, у него вырвался вздохъ сожалѣнія. Онъ достигъ того положенія, котораго такъ усиленно добивался, которому все остальное принесъ въ жертву, но тутъ-то въ немъ и проснулось сожалѣніе о жертвѣ, закланной имъ на алтарѣ своего честолюбія.

Возвратившись въ домъ мистера Джонсона въ Геллинг-

фордѣ, Эллиноръ застала тамъ миссъ Монро, которую мистеръ Джонсонъ едва-едва уговорилъ не ѣхать вслѣдъ за нею въ Лондонъ.

Много слезъ было пролито миссъ Монро надъ своею возвратившейся любимицей, прежде чѣмъ она могла связно проговорить нѣсколько словъ. Тогда она разсказала Эллиноръ, что каноникъ Ливингстонъ, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Истъ-Честеръ былъ у нея и подалъ ей мысль отправиться въ Геллингфордъ, гдѣ ея присутствіе могло быть большимъ утѣшеніемъ для Эллиноръ. Сначала она умолчала о томъ фактѣ, что самъ мистеръ Ливингстонъ сопутствовалъ ей въ Геллингфордъ; она помнила, что Эллиноръ всегда отклоняла всякую попытку сближенія съ нимъ. Но теперь Эллиноръ была уже не та.

— Какая вы блѣдная, Нелли, замѣтила миссъ Монро.—Этотъ дальній путь и хлопоты утомили васъ, дитя мое.

— У меня голова болитъ, съ усталымъ видомъ проговорила Эллиноръ.—Но я должна еще побывать въ замкѣ и объявить бѣдному Диксону, что онъ прощенъ. Я такъ устала! Не потрудитесь ли вы сходить за меня къ мистеру Джонсону и попросить его, чтобы онъ досталъ мнѣ пропускъ въ темницу.

Она прилегла на постель. Миссъ Монро, убѣдившись, что возраженія ни къ чему не поведутъ, согласилась исполнить ея порученье. Но было уже слишкомъ поздно и мистеръ Джонсонъ объявилъ, что теперь невозможно достать разрѣшеніе отъ шерифа.

— Къ тому же, добавилъ онъ, миссъ Уилькинсъ можетъ только понапрасну обнадежить несчастнаго; она, быть можетъ и сама увлеклась только ложною надеждою; надо подождать фактическихъ подтвержденій тому, что я отъ нея слышалъ, на сколько я могъ понять ея запутанное повѣствованіе.

— Она такъ страшно устала, бѣдняжка, перебила его миссъ Монро, которая никогда не могла равнодушно слышать малѣйшій намекъ о томъ, что Эллиноръ не во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ является образцомъ благоразумія и всевозможныхъ совершенствъ.

— И такъ, продолжалъ мистеръ Джонсонъ:—уговорите ее отдохнуть нынѣшній вечеръ. Къ завтра я достану разрѣшеніе шерифа, который, вѣроятно, къ тому же времени получитъ бумагу изъ Лондона.

— Благодарю васъ. Мнѣ кажется, такъ будетъ лучше.

Возвратившись въ спальню миссъ Монро нашла Эллиноръ погруженную въ тяжелый, безпокойный сонъ, до того безпокойный, что миссъ Монро, послѣ минутнаго колебанія, не пожалѣла разбудить ее.

Но она, по видимому, ничего не поняла въ отвѣтѣ, переданномъ ей миссъ Монро; она, казалось, даже забыла о своемъ вопросѣ.

Дорога, нравственное безпокойство и разныя неожиданности подточили ея силы. На слѣдующее утро пришло прощеніе Диксона, пришло и разрѣшеніе шерифа его видѣть. Но Эллиноръ ни о чемъ этомъ не знала.

Дни и недѣли проходили, а она оставалась между жизнью и смертью; миссъ Монро, какъ и встарь, заботливо ухаживала за ней, при дѣятельномъ участіи добрѣйшей мистрисъ Джонсонъ. Наконецъ однимъ іюньскимъ вечеромъ къ ней возвратилось сознаніе. Миссъ Монро, сидѣвшая у ея изголовья, услышала слабый голосъ, говорившій:

— Гдѣ Диксонъ?

— Въ домѣ каноника въ Бромгамѣ.

— Зачѣмъ онъ тамъ?

— Мы сочли за лучшее отправить его въ деревню, на свѣжій воздухъ.

— Какъ онъ себя чувствуетъ?

— Гораздо лучше. Поправляйтесь скорѣе, мы его выпишемъ повидаться съ вами.

— Вы навѣрное знаете, что все кончилось хорошо? спросила Эллиноръ.

— Навѣрное знаю, душа моя. Все кончилось хорошо.

И Эллиноръ, слабая и усталая, снова заснула.

Съ этого часа она стала замѣтно поправляться. Воспоми-

нанія, связанныя съ Геллингфордомъ, заставляли ее желать скорѣйшаго возвращенія въ Истъ-Честеръ. Каноникъ Ливингстонъ явился на помощь къ миссъ Монро, чтобы перевезти выздоравливающую домой.

На другой день по возвращеніи въ старое жилище, миссъ Монро сказала:

— Чувствуете ли вы въ себѣ довольно силъ, чтобы увидѣться съ Диксономъ?

— Да. Развѣ онъ здѣсь?

— Онъ у каноника. Мистеръ Ливингстонъ посылалъ за нимъ въ Бромгамъ, чтобы онъ могъ являться къ вамъ, какъ вы только пожелаете.

— Прошу васъ, призовите его сейчасъ же, сказала Эллиноръ, вся зарумянившаяся и трепещущая.

Она пошла на встрѣчу къ старику, еле-передвигавшему ноги. Она взяла его за руку и усадила въ свое собственное кресло, а сама опустилась возлѣ него на колѣни. Онъ же, дрожа всѣмъ тѣломъ, положилъ ей на голову руки.

— Прости мнѣ, Диксонъ, твой срамъ и твое горе. Скажи, что ты прощаешь меня и благослови меня, а потомъ пусть никогда болѣе не будетъ между нами и рѣчи объ ужасномъ прошломъ.

— Что мнѣ васъ прощать, когда вы во всю свою жизнь и комара не обидѣли.

— Но скажи, что ты меня прощаешь,—это облегчитъ мое сердце.

— Прощаю тебя, проговорилъ онъ. И съ усиліемъ поднявшись на ноги, онъ произнесъ надъ нею торжественное благословеніе. Потомъ онъ снова опустился на прежнее мѣсто; она сѣла возлѣ него, не спуская съ него глазъ.

— Мисси! вѣдь *онъ* какъ есть настоящій человѣкъ, сказалъ онъ наконецъ, глядя ей въ лице. — *Тому-то* куда далеко до него будетъ.

— Да, онъ настоящій человѣкъ, повторила Эллиноръ.

И оба замолчали. На слѣдующій день каноникъ Ливингстонъ явился съ офиціальнымъ визитомъ. Эллиноръ дорого

бы дала, чтобы миссъ Монро не выходила изъ комнаты, но эта почтенная особа была себѣ на умѣ.

Нѣсколько времени они поддерживали натянутый разговоръ о постороннихъ предметахъ. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ.

— Миссъ Уилькинсъ! началъ онъ (онъ стоялъ у камина и по видимому очень внимательно разсматривалъ наличникъ),— миссъ Уилькинсъ! могу ли я надѣяться теперь на полученіе отъ васъ благопріятнаго отвѣта? Вы знаете, что я хочу сказать... о чемъ мы тогда еще говорили въ Гретъ-Уэстернской гостинницѣ?

Эллиноръ опустила голову.

— Вы знаете, что я разъ уже была помолвлена?

— Съ мистеромъ Карбетомъ, теперешнимъ судьею. Я это знаю и, конечно, вы не предполагаете, что это можетъ поколебать мою привязанность. Я полюбилъ васъ съ первой же нашей встрѣчи, восьмнадцать лѣтъ тому назадъ, и съ той поры никого больше не любилъ. Миссъ Уилькинсъ! Эллиноръ! прекратите мою неизвѣстность.

— Хорошо, сказала она, протягивая ему свою тонкую бѣлую руку, которую онъ покрылъ поцѣлуями, чуть не плача отъ благодарности. — Погодите, удерживала она его, немного испуганная его стремительностью: — вы еще не все слышали: Мой несчастный отецъ, — бывъ выведенъ изъ терпѣнья, — въ припадкѣ гнѣва нанесъ мистеру Донстеру ударъ, прекратившій его жизнь. Диксонъ и я знали про это дѣло тотчасъ же по совершеніи его и должны были его скрыть. Мы сохранили тайну, угрызенія совѣсти свели бѣднаго отца въ могилу. Теперь вы все знаете; скажите, можете ли вы еще любить меня? Я чувствую себя какъ бы сообщницей въ этомъ ужасномъ дѣлѣ.

— Бѣдная, бѣдная Эллиноръ, проговорилъ онъ, заключая ее въ свои объятія. — Зачѣмъ я ранѣе всего этого не зналъ; я могъ бы сберечь тебѣ столько горя.

Если вы, проѣзжая въ ясный лѣтній день черезъ селеніе Бромгамъ, загляните въ ректорскій садъ, черезъ живую изгородь, отдѣляющую его отъ большой дороги, то вы, безъ

сомнѣнія, увидите дряхлаго, дряхлаго старика, сидящаго на лужайкѣ. Онъ опирается на свою палку и не спускаетъ глазъ съ двухъ прелестныхъ малютокъ, которые спѣшатъ подѣлиться съ нимъ всѣми своими горестями и радостями; они научились лепетать его имя почти въ одно время съ именами своихъ родителей.

Миссъ Монро тоже свой человѣкъ въ ректорскомъ домѣ. Зимы она проводитъ на старомъ своемъ гнѣздѣ въ Истъ-Честерѣ, но рѣдкій вечеръ не отправляется она провѣдать каноника Ливингстона и его семейство.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИРЛАНДІИ.

L'Irlande sociale, politique et réligieuse, par Gustave de Beaumont, 2 vol. 1863.

Ни въ одной странѣ не обнаружились болѣе рѣзко ошибки деспотизма, какъ въ Ирландіи; ни одна страна не доказала яснѣе безполезность стѣснительныхъ и суровыхъ мѣръ, придуманныхъ политической системой опеки. Этотъ маленькій островъ является главнымъ театромъ войны между демократіей и англійской аристократіей, самой богатой, сильной и живучей изъ всѣхъ европейскихъ аристократій; на немъ рѣшаются величайшія политическія и общественныя задачи.

Исторія Ирландіи представляетъ намъ постоянное отступленіе отъ тѣхъ началъ, по которымъ развивалась Англія, но такое нарушеніе справедливости обходилось ей всегда дорого: Ирландія была болѣзненной занозой въ ея тѣлѣ; она отвлекала его живые соки и задерживала развитіе.

«Ирландцы, говоритъ Бомонъ, въ теченіи семивѣкового рабства подъ игомъ Англіи, терпѣли постоянно притѣсненія, видѣли порабощеніе родины, преслѣдованіе религіи и національности; усилія ихъ сохранить эти блага, навлекли на страну всѣ бѣдствія: сегодня насилія, убійства, жестокости, завтра хладнокровное гоненіе; за всѣми ужасами войны слѣдовали всѣ подкупы и соблазны мира; сперва свирѣпое разореніе, потомъ страданія и развратъ бѣдности; мечъ солдата смѣнялся топоромъ палача. И не смотря на все это, ирландцы вышли изъ рабства, — но не изъ нищеты, и теперь, подъ гнетомъ ея, требуютъ отчета за прошедшее отъ страны, которая была причиной всѣхъ ихъ страданій».

Дѣйствительно, разсматривая исторію Ирландіи, нельзя не содрагнуться отъ негодованія при видѣ бѣдствій, отяготѣвшихъ надъ бѣдной націей по капризу или тупоумію ея правителей. Эдуардъ III запрещаетъ браки между ирландцами и англичанами подъ страхомъ смертной казни; подражаніе ирландскому костюму, разговоръ на ирландскомъ нарѣчіи подвергали виновнаго тюремному заключенію и конфискаціи имущества. Генрихъ VIII въ своемъ фанатическомъ рвеніи къ новой религіи пошелъ по тому же пути, не обращая вниманія на то, что страна, вслѣдствіе историческаго своего развитія, была вовсе не расположена къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія. Католики отвѣчали возстаніями. Междоусобная война загорѣлась со всѣми ея ужасами; но обѣднѣвшая Ирландія не въ состояніи была бороться съ могущественной своей соперницей. Едва она покорилась, начались конфискаціи. Елисавета рѣшилась колонизировать островъ англичанами и на первый разъ конфисковала до 600 т. акровъ земли, принадлежавшей католикамъ; Яковъ I отнялъ до 500 т. акровъ и раздалъ ихъ не только англичанамъ, но и шотландцамъ, съ однимъ условіемъ, чтобъ они принадлежали къ англиканской церкви. Ограбленные ирландцы были переселены на равнины, въ опредѣленныя мѣста, подъ надзоръ протестантскаго населенія. Не довольствуясь этимъ, Яковъ I захотѣлъ отнять остальныя земли у католиковъ и съ этой цѣлью приказалъ комиссіи, составленной изъ юристовъ, пересмотрѣть всѣ акты на владѣніе; малѣйшая неправильность въ формѣ этихъ актовъ влекла къ конфискаціи, и онъ такимъ образомъ отнялъ земли еще 450 т. актовъ. Преемникъ его, въ началѣ царствованія, продолжалъ ту же систему: лордъ Страфордъ ограбилъ всѣхъ жителей Коннаута, позволяя себѣ самые дерзкіе поступки противъ присяжныхъ, осмѣливавшихся противиться ему. Такимъ поведеніемъ Карлъ думалъ примириться съ парламентомъ, недовольнымъ его самовластіемъ въ Англіи, но какъ скоро увидѣлъ, что это не удалось ему, тотчасъ прекратилъ гоненіе. Ирландцы стали на его сторону. Возстаніе ихъ ознаменовалось всѣми варварствами національной и религіозной ненависти: протестанты были повсюду истребляемы безъ жалости: ихъ вѣшали, топили, сжигали, не щадя ни возраста, ни пола. Протестанты въ свою очередь отвѣчали подобными же жестокостями; цѣлые города были уничтожаемы до основанія; плѣннымъ не давали пощады, также какъ и безоружнымъ жителямъ; жатвы истребляли, скотъ забирали для арміи; противъ всѣхъ значительныхъ собственниковъ былъ произнесенъ

смертный приговоръ, чтобъ заставить ихъ покинуть отечество. Противъ бѣднаго класса приняли другія мѣры: однихъ безъ всякой судебной процедуры отправили въ колоніи, другихъ отослали въ провинцію Коннаутъ, откуда имъ запрещено было удаляться, подъ страхомъ смертной казни; точно также имъ было запрещено селиться въ городахъ. Реставрація не измѣнила положенія дѣлъ. Карлъ II примѣнилъ къ Ирландіи законы противъ католиковъ, пріостановилъ дѣйствіе акта *habeas corpus* и запретилъ ирландцамъ выѣзжать съ острова; пуритане, владѣльцы конфискованныхъ земель, сохранили свою собственность, кромѣ захватившихъ церковныя земли и подавшихъ голосъ въ пользу казни короля; комиссія же, назначенная для разбора жалобъ ирландцевъ (the court of claims), была не болѣе какъ кукольная комедія, потому что католики, оправданные этимъ судомъ, не прежде могли вступить во владѣніе похищенными у нихъ землями, какъ настоящіе ихъ владѣтели получатъ соотвѣтствующее вознагражденіе. Карлъ, при всемъ желаніи, не могъ ничего сдѣлать для Ирландіи: торжествующіе протестанты держали его въ рукахъ; склонность его къ католицизму могла низвергнуть его съ трона, и онъ, чтобъ показаться ревностнымъ главой англиканской церкви, позволялъ преслѣдовать во имя ея ирландскихъ католиковъ.

Паденіе Якова II стоило его приверженцамъ въ Ирландіи до 1,600,000 акровъ, конфискованныхъ парламентомъ, не смотря на противодѣйствіе Вильгельма Оранскаго.

Съ этихъ поръ борьба принимаетъ новый характеръ: Англія достигла своей цѣли, захватила въ свои руки почти всю поземельную собственность; не болѣе 6 католическихъ фамилій сохранили свои владѣнія, но отъ этого нисколько не выиграли пролетаріи.

Чтобъ сохранить преобладаніе, пріобрѣтенное рядомъ такихъ возмутительныхъ жестокостей, Англія не нашла ничего лучшаго сдѣлать, какъ облечь то же гоненіе въ юридическія формы. Отъ этого ирландское законодательство представляетъ удивительное раздвоеніе: съ одной стороны идутъ самыя либеральныя учрежденія — джури, отвѣтственность правительственныхъ агентовъ, митинги, habeas corpus; съ другой—законъ стѣсняетъ частную дѣятельность и врывается даже въ домашнюю жизнь. Вообще нельзя не замѣтить, что усилія протестанской аристократіи клонились не только къ уничтоженію католицизма, но и къ уничтоженію ирландской промышленности.

Вслѣдъ за законами, изгонявшими высшее духовенство съ острова,

были изданы другіе, ограничивавшіе отправленіе богослуженія и стѣснявшіе до невозможности оставшихся священниковъ. Всякій изъ нихъ долженъ былъ присягнуть въ томъ, что отрекается отъ Стюартовъ, и обязуется доносить о всѣхъ замыслахъ противъ ганноверскаго дома; сверхъ того онъ долженъ былъ доставить два поручительства по 50 фунт. ст.; не смѣлъ выѣзжать изъ графства, въ которомъ жилъ, не смѣлъ служить въ другомъ приходѣ и носить духовное платье; всякое внѣшнее проявленіе культа было запрещено: образа, колокольни, кресты надъ храмами были разрушены, религіозныя процессіи не позволены. Но всѣ эти постановленія казались недостаточны: чтобъ поразить католицизмъ въ самомъ корнѣ, всѣхъ католическихъ наставниковъ выслали заграницу, съ запрещеніемъ подъ страхомъ смертной казни возвращаться; тѣ изъ родителей, которые хотѣли воспитывать дѣтей въ иностранныхъ школахъ, должны были испросить особое дозволеніе, получаемое съ большимъ трудомъ. Эта система порабощенія была примѣнена и къ послѣдующимъ возрастамъ католика: ему были недоступны всѣ военныя и гражданскія должности, въ томъ числѣ и адвокатура; безчисленныя затрудненія ожидали его на другихъ поприщахъ; вздумаетъ-ли онъ заняться земледѣліемъ — законъ воспрещаетъ ему пріобрѣтать недвижимую собственность. Феодальная система, господствующая въ Великобританіи, отличается здѣсь строго послѣдовательнымъ характеромъ: она не позволяетъ возникнуть богатому среднему классу, тогда какъ въ Англіи этотъ классъ начинаетъ пріобрѣтать господствующее вліяніе: въ Англіи аристократія породы мало помалу стирается передъ денежной аристократіей, поддерживаемой сильнымъ и образованнымъ среднимъ сословіемъ. Въ Ирландіи этого нѣтъ; законы не позволяютъ фермеру обогатиться: срокъ контракта ограниченъ 31 годомъ; сумма, платимая ежегодно землевладѣльцу, не должна быть меньше $^2/_3$ урожая. Тѣ же затрудненія встрѣчаетъ несчастный ирландецъ на поприщѣ торговли и промышленности. Знаменитыя ирландскія мануфактуры шерстяныхъ издѣлій были убиты по проискамъ англичанъ; торговыя и муниципальныя корпораціи допускаютъ въ свои нѣдра католиковъ не иначе, какъ съ весьма тяжелыми ограниченіями. Работникъ не имѣетъ права отказаться отъ работы въ праздничный день, если онъ не празднуется протестантами. Владѣльцы конныхъ заводовъ не могутъ воспитывать породистыхъ лошадей далѣе пятилѣтняго возраста; а по истеченіи этого

времени всякій протестантъ имѣетъ право отнять у него лошадь, заплативъ за нее 5 фунтовъ. Браки между католиками и протестантами запрещены; католики не могутъ быть опекунами даже своихъ дѣтей; протестанты не могутъ завѣщать ничего католическимъ родственникамъ; если старшій сынъ католика сдѣлается протестантомъ, онъ становится черезъ это единственнымъ наслѣдникомъ своихъ родителей; съ этой минуты родители пользуются только доходами съ имущества, но не могутъ отчуждать его; если отступникъ одинъ изъ младшихъ сыновей, родители обязаны выдѣлить ему часть по опредѣленію канцлера Католики, на равнѣ съ протестантами, были обложены *десятиной* для содержанія протестантскаго духовенства.

Страданія Ирландіи увеличивались еще отъ дерзости и жадности протестантскихъ владѣльцевъ. «Всякій ирландскій собственникъ, говоритъ Артуръ Юнгъ, въ отношеніи своихъ католическихъ фермеровъ играетъ роль деспота, волѣ котораго ничто не можетъ противиться... За малѣйшее неуваженіе къ своей особѣ онъ совершенно безопасно можетъ наказать палкой или бичемъ... Не было путешественника, какъ бы разсѣянъ онъ ни былъ, который не видѣлъ бы, какъ лакеи знатнаго барина опрокидывали въ ровъ цѣлый обозъ, чтобъ дать проѣхать его каретѣ»...

Терпѣніе ирландцевъ истощилось: увеличеніе платы за наемъ фермъ и притѣсненія со стороны протестантскаго духовенства вызвали образованіе тайныхъ обществъ, извѣстныхъ подъ именемъ *whiteboys* или *уравнителей*; первое названіе они получили отъ того, что носили сверхъ платья бѣлыя рубашки во время своихъ набѣговъ; второе—потому что разрушали изгороди около полей и огородовъ.

Обязавшись страшной клятвой хранить ненарушимо тайну и исполнять безпрекословно всѣ приказанія общества, уравнители приступили къ дѣйствію.

Первое появленіе ихъ относится къ 1761 году; слѣдовательно писатели, полагавшіе, что это политическая партія, приверженцы претендента, были несправедливы; они введены въ заблужденіе виновниками раззоренія Ирландіи, которые старались представить причиной возстанія политическіе мотивы; доказательствомъ же того, что эти общества были порожденіемъ бѣдности, служитъ то, что они не щадили даже католическихъ священниковъ на югѣ и протестантскихъ на сѣверѣ, гдѣ большинство жителей были пресвитеріане.

«Берегитесь, писали они къ какому нибудь богатому фермеру,

вздумавшему увеличить плату за аренду:—берегитесь, мы не станемъ болѣе переносить вашей несправедливости и платить вдвое за аренду. Съ ослушникомъ будетъ поступлено съ величайшей строгостью». Исполненіе быстро слѣдовало за угрозой: виновный подвергался смертной казни, или тѣлесному наказанію, или же потерѣ имущества; другое наказаніе, къ которому часто прибѣгали уравнители, состояло въ похищеніи и обезчещеніи молоденькихъ дѣвушекъ—дочерей или родственницъ собственника, чтобъ заставить его выдать ихъ замужъ за обольстителя.

Но нигдѣ вліяніе и терроръ, внушаемый тайными обществами, не обнаруживается такъ рѣзко, какъ при доносѣ на нихъ и при платежѣ десятины. Въ первомъ случаѣ виновнаго ожидаетъ неминуемая смерть, часто прежде, чѣмъ онъ успѣетъ явиться передъ судьей. Напрасно правительство ободряло жалобы на уровнителей, платя за нихъ, помѣщая свидѣтелей въ безопасное мѣсто до окончанія процесса, помогая имъ оставить графство, — всѣ эти предосторожности оказываются почти всегда безполезными.

Единодушное сопротивленіе при взносѣ десятины еще поразительнѣе. За нѣсколько дней до срока появляются афиши, приглашающія народъ не платить подати; священники обращаются въ судъ, который рѣшаетъ дѣло въ ихъ пользу; виновные аппелируютъ; высшая инстанція утверждаетъ приговоръ низшей, но встрѣчаетъ то же неповиновеніе; затѣмъ рѣшаются прибѣгнуть къ военной силѣ; тогда при описи происходитъ стычка, или во время аукціона не находится покупщиковъ. Изъ предотвращенія этого неудобства вздумали отправлять описанныя вещи въ Дублинъ, а потомъ въ Ливерпуль, но и тамъ никто не хотѣлъ покупать ихъ, потому что сами англичане враждебно смотрѣли на духовную подать, находя, что духовенство и безъ того богато; между тѣмъ вся эта процедура стоила правительству огромныхъ издержекъ и горькихъ упрековъ отъ протестентскихъ священниковъ, обвинявшихъ его въ равнодушіи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла до войны съ американскими Штатами. Ирландія имѣла общую точку сопротивленія съ ними: борьбу за права. Эта аналогія была слишкомъ явственна, чтобъ остаться незамѣченной. Бьюрке, Фоксъ, Шериданъ говорятъ въ пользу Ирландіи; Англія видитъ, что опасно противиться, и уничтожаетъ нѣкоторые уголовные законы, въ томъ числѣ опредѣлявшіе право наслѣдованія между католиками и награждавшіе отступничество отъ католической

вѣры; сверхъ того срокъ фермерства былъ расширенъ на неопредѣленное время.

Подобная реформа, разумѣется, ничего не значила, но она показала готовность Англіи уступить; обстоятельства были слишкомъ благопріятны, и ирландцы поспѣшили ими воспользоваться.

Надо сказать, что въ это время большая часть англійской арміи была выведена изъ Ирландіи, потому что американская война требовала необыкновеннаго напряженія всѣхъ силъ Великобританіи, и все, что было можно, она послала въ возмутившіяся колоніи. Между тѣмъ берега ея были постоянно угрожаемы десантомъ, а казна страдала безденежьемъ; въ этой крайности пришлось прибѣгнуть къ образованію милиціи изъ волонтеровъ; Ирландія выставляетъ ихъ сорокъ тысячъ, берега ея обезпечены; но Англія утратила свое обаяніе. Эта милиція образуетъ родъ военнаго парламента; всякій корпусъ выбираетъ депутатовъ, которые собираются въ назначенные дни для обсужденія дѣйствій правительства; они одобряютъ или порицаютъ его поведеніе, совѣтуютъ ему разныя мѣры, требуютъ свободы торговли, независимаго парламента и смягченія законовъ противъ католиковъ. Эти требованія показываютъ огромный прогрессъ въ развитіи страны, потому что большинство волонтеровъ состояло изъ протестантовъ (*). 19 іюля 1782 г. ирландскій парламентъ объявилъ себя независимымъ отъ англійскаго и провозгласилъ принципъ, что издавать законы для Ирландіи можетъ только король съ согласія лордовъ и коммунъ Ирландіи.

Нѣкоторые писатели сравнивали этотъ поступокъ съ декларацiей американской независимости, но они ошибаются. Не надо забывать, что едва Англія покорила окончательно Ирландію, какъ дала ей право имѣть парламентъ, личную свободу, гарантію собственности и судъ присяжныхъ. Это было слѣдствіемъ не великодушія, но исторической необходимости: колонизація Ирландіи англичанами обусловливала политическія права ея; вся тяжесть гоненія падаетъ на католиковъ; но отъ нихъ зависѣло присягнуть въ извѣстныхъ формулахъ, чтобъ воспользоваться всѣми правами протестантовъ.

Такимъ образомъ, въ Ирландіи свобода никогда не переставала существовать въ теоріи; правда, Англія была сильнѣе и очень часто

(*) См. Бёкля гл. VII.

нарушала данныя ею права, но Ирландія, повинуясь несправедливымъ постановленіямъ парламента, всегда протестовала противъ нихъ. Слѣдовательно объявленіе 1782 года было только возстановленіемъ прежняго права, правда нарушеннаго, но никогда неумиравшаго въ сознаніи народа. Хотя парламентъ состоялъ изъ протестантовъ, но тѣмъ не менѣе, для пріобрѣтенія сочувствія массы населенія, онъ началъ свою дѣятельность уничтоженіемъ многихъ законовъ противъ католиковъ: имъ позволено было владѣть движимой и недвижимой собственностью, быть опекунами и наставниками и свободно отправлять богослуженіе, только не въ церкви съ колоколомъ и колокольней.

Волонтеры не остановились на этихъ реформахъ: зная, что онъ составленъ изъ подкупленныхъ членовъ, они требовали измѣненія избирательной системы, потому что продажность парламента была прямымъ ея слѣдствіемъ. Хотя палата коммунъ состояла изъ 300 членовъ, но большая часть ихъ состояла изъ креатуръ аристократіи; около двухъ сотъ были избраны такъ называемыми *гнилыми мѣстечками* (*rotten bourough*), принадлежавшими лордамъ или богатымъ собственникамъ, самимъ членамъ палаты коммунъ; иной изъ нихъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи до 20 голосовъ,—для подкупа этихъ аристократовъ правительство располагало множествомъ мѣстъ и пенсій *). Съ палатой перовъ было еще легче: перы всѣмъ были обязаны коронѣ, происходили изъ новаго дворянства и большая часть изъ нихъ жила въ Лондонѣ. Вице-короли также рѣдко показывались въ Ирландіи, обыкновенно мѣсяца на два, на три, при открытіи парламента; въ его отсутствіе страной управляли три лорда, изъ числа членовъ тайнаго совѣта, судей четырехъ судовъ или высшихъ сановниковъ англиканской церкви.

Не смотря на такой составъ парламента, мы видѣли выше, какъ онъ вотировалъ свою независимость; но въ этомъ случаѣ онъ уступилъ сильному порыву общественнаго мнѣнія, поддержаннаго значительной военной силой; но этимъ и ограничились его уступки.

Между тѣмъ вліяніе французской революціи отразилось и на Ир-

---

*) Издержки на пенсіи въ 1756 году простирались до 44 т. фунт. ст.; въ 1793 до 120 т., не считая экстренныхъ, которыя всегда значительно увеличивали расходъ; такъ въ 1765 билль о вывозѣ хлѣба стоилъ правительству до 500 т. ф. ст.

ландіи: повсюду образовались республиканскія общества, нѣкоторые пламенные патріоты мечтали объ отдѣленіи; попытки ихъ были подавлены, но страна пріобрѣла уничтоженіе еще нѣсколькихъ стѣснительныхъ постановленій; такъ католики могли быть избирателями, но не избираемыми; они допускались въ военную и гражданскую службу и въ большую часть муниципальныхъ корпорацій. Законы противъ католическаго культа также были смягчены. Но въ то же время Ирландія испытала всю тягость реакціи Питта, даже парламентъ ея былъ присоединенъ къ англійскому.

Съ этихъ поръ Ирландія повидимому затихаетъ, протестанты начинаютъ снова свои притѣсненія, но тайная борьба продолжается: митинги, пресса, петиціи дѣлаютъ свое дѣло;—и 13 апрѣля 1829 г. англійскій парламентъ провозглашаетъ эмансипацію католиковъ.

Нельзя не замѣтить въ поведеніи Англіи относительно Ирландіи странной двойственности: преслѣдуя католика, она покровительствуетъ въ немъ человѣку; лишая перваго всѣхъ правъ, она дѣлится съ протестантами этими правами. Это объясняется двойственностью принциповъ англійской конституціи.

Принципъ религіозный всегда былъ слабой ея стороной; фанатизмъ и одностороннія воззрѣнія протестантскаго духовенства всегда составляли важное препятствіе къ развитію націи; это духовенство стремилось къ деспотизму и было надежнѣйшей его подпорой; можетъ быть даже оно успѣло бы въ своихъ намѣреніяхъ, еслибъ не встрѣчало постояннаго противодѣйствія въ здоровомъ политическомъ принципѣ: чѣмъ сильнѣе становился онъ, тѣмъ болѣе распространялось просвѣщеніе и ослабѣвало вліяніе ненавидѣвшаго всякую новизну духовенства. Времена самыхъ жестокихъ преслѣдованій были времена Генриха VIII и Кромвеля, когда религіозный фанатизмъ былъ въ самомъ разгарѣ; когда же онъ потухалъ, политическая свобода дѣлала значительные шаги впередъ; XVIII вѣкъ нанесъ религіозному принципу самые сильные удары, и въ XVIII вѣкѣ Ирландія пріобрѣла болѣе правъ.

«Взгляните на прессу, говоритъ Бомонъ:—съ тѣхъ поръ, какъ она свободна въ Англіи, она не перестаетъ быть свободной въ Ирландіи. Свифтъ публикуетъ самые ядовитые памфлеты противъ ея тирановъ. Въ 1797 г., во время приготовленій къ междуособной войнѣ, журналы, самые непріязненные Англіи, выходили каждое утро, и протестантскій историкъ г. Гордонъ, приверженецъ карательныхъ зако-

новъ, приходитъ въ негодованіе при мысли о возможности нарушить священный принципъ свободы прессы.»

«По смыслу уголовныхъ законовъ ирландскіе католики не могли сбираться въ церквяхъ, чтобъ молиться Богу по обрядамъ своей вѣры, но они имѣли полное право сбираться на площадяхъ и разсуждать о строгостяхъ, которыя претерпѣвали... и ни шерифъ, представитель центральной власти, ни мировые судьи, принадлежавшіе къ аристократіи, никогда не считали своимъ долгомъ препятствовать митингу потому, что онъ созванъ съ цѣлью враждебной ихъ интересамъ и политическимъ страстямъ.»

Точно также принципъ суда присяжными никогда не былъ оспариваемъ въ Ирландіи. Она имѣла отвѣтственныхъ агентовъ администраціи и *habeas corpus*; правда, всѣ эти свободныя учрежденія были иногда нарушаемы, но они существовали *de jure*, и съ помощью ихъ она завоевывала свою свободу; они дали ея стремленіямъ демократическій характеръ.

Мы видѣли, какъ неудачны были общества волонтеровъ и соединенныхъ ирландцевъ: первое только по необходимости доставило нѣкоторыя права католикамъ, въ сущности же это была борьба ирландской олигархіи съ Англіей; второе не имѣло довольно силъ, чтобъ привести къ осуществленію свои громадные планы. Попытки этого общества сблизили между собой ирландскихъ протестантовъ и англійское правительство, и двадцатилѣтнее угнетеніе католиковъ было плодомъ ихъ союза. Это научило притѣсняемыхъ, и въ 1823 году образовалось новое общество, основанное на прогрессѣ безъ насилія, на агитаціи безъ войны, на сопротивленіи безъ революціи. Примѣненіе этихъ принциповъ, невозможное въ другихъ государствахъ, было возможно въ Англіи, потому что политическая свобода страны давала ирландцамъ довольно средствъ для борьбы, чтобъ не отчаяваться въ успѣхѣ.

«Центральный комитетъ, засѣдающій въ Дублинѣ и составленный изъ членовъ, которые избираются различно, смотря по обстоятельствамъ, представляетъ общество и принимаетъ всѣ мѣры, необходимыя для успѣха дѣла. Этотъ комитетъ собирается въ опредѣленное время, разсматриваетъ законы, предложенные парламенту, разсуждаетъ о нихъ, порицаетъ дѣйствія правительства и его агентовъ, принимаетъ рѣшенія и обнародуетъ ихъ; однимъ словомъ, дѣйствуетъ какъ настоящій парламентъ, которому не достаетъ только власти правильно

утвержденной, чтобъ издавать постановленія, обязательныя для всѣхъ. Общество имѣетъ журналъ для опубликованія своихъ дѣйствій и указовъ.» (Бомонъ).

Мало того, оно сбираетъ добровольную подать въ замѣнъ покровительства, оказываемаго платящимъ; оно основываетъ школы, богоугодныя заведенія, покровительствуетъ торговлѣ и промышленности и распоряжается выборами. Всѣ законы, изданные съ цѣлью остановить его дѣятельность, были напрасны; оно возникало всегда въ новыхъ формахъ, подъ новыми именами, но не измѣняло своихъ тенденцій. Особенное вліяніе пріобрѣло оно, когда въ головѣ движенія сталъ О'Коннель. Этотъ замѣчательный человѣкъ удивительнымъ образомъ умѣлъ соединить легальность формы и революцію идеи; онъ не отступалъ передъ возстаніемъ, но не хотѣлъ его безъ вѣрной надежды на успѣхъ; онъ ожидалъ ошибокъ и нападеній со стороны правительства, чтобъ имѣть союзникомъ общественное мнѣніе; онъ дѣйствовалъ всегда сообразно съ обстоятельствами; онъ понималъ, что главное зло Ирландіи—аристократія и преданія, и поражалъ ихъ при всякомъ случаѣ. Правда, онъ становился защитникомъ другого преданія—католическаго, но онъ пользовался имъ, какъ болѣе дѣйствительнымъ двигателемъ народа. Съ вопросомъ о католицизмѣ былъ связанъ вопросъ о всѣхъ политическихъ правахъ. Ирландскій крестьянинъ видѣлъ въ каждомъ католическомъ попѣ друга, готоваго пособить ему при нуждѣ, собрата по страданію. Во всякомъ долговременномъ притѣсненіи человѣку нужна опора, чтобъ не пасть: для однихъ опорой служитъ разумъ, для другихъ какая нибудь сильная страсть, для третьихъ вѣра. Число высоко развитыхъ людей, которые могли бы опереться на одинъ разумъ, было весьма незначительно въ Ирландіи, да и положеніе ихъ не было такъ отчаянно, чтобъ побудить дѣйствовать энергически, съ другой стороны бѣдность довела низшій классъ до образованія обществъ уравнителей; покрыть всю страну такими обществами было невозможно и неблагоразумно, потому что насильственныя средства, употребляемыя ими, были противны какъ образованнымъ классамъ, такъ и многимъ крестьянамъ; сверхъ того у уравнителей не было никакихъ матеріальныхъ средствъ для борьбы съ Англіей, не говоря уже о томъ, что англосаксонское племя считаетъ вооруженное возстаніе только тогда позволеннымъ, когда истощены всѣ законныя средства. Слѣдовательно единственнымъ двигателемъ оставался католицизмъ: подъ его знаме-

немъ должны были вступить въ борьбу разнородные интересы, двигавшіе духовной и свѣтской Ирландіей; демократіи не слѣдовало пренебрегать такимъ союзникомъ; впослѣдствіи она могла расчитаться съ нимъ, но въ настоящую минуту имъ надо было дѣйствовать за одно; въ настоящее время деспотическія стремленія его были неопасны.

Опираясь такимъ образомъ на ассоціацію, митинги и католицизмъ, О'Коннель приступилъ къ дѣлу; единственнымъ средствомъ къ улучшенію порядка вещей представляется, какъ ему, такъ и большинству Ирландцевъ, образованіе самостоятельнаго парламента. Вопросъ этотъ разсматривался на чудовищныхъ митингахъ, на которыхъ иногда сбиралось до 400 т. слушателей и даже болѣе, но Англія оставалась равнодушной; нѣсколько мелкихъ преслѣдованій, нѣсколько мелкихъ уступокъ были единственнымъ плодомъ этихъ митинговъ. Напрасно онъ вызываетъ министерство на какой либо противо-конституціонный поступокъ; оно не выходитъ изъ законныхъ предѣловъ. Тогда понимая, что нельзя долго держать націю въ такомъ напряженномъ состояніи, О'Коннель рѣшился идти на проломъ. Онъ объявилъ, что Ирландія къ 25 декабря (1843) должна имѣть свой парламентъ, и съ этой цѣлью назначилъ на 8 октября митингъ, который своей многочисленностью долженъ былъ превзойти всѣ прежніе митинги. Въ ожиданіи онъ предложилъ устройство третейскихъ судовъ по выбору народа, которые должны были замѣнить недостойные довѣрія англійскіе суды въ Ирландіи; сверхъ того онъ хотѣлъ сознавать въ Дублинѣ временный парламентъ. Эти мѣры вызвали противодѣйствіе со стороны Англіи, вице-король объявилъ предполагаемый митингъ нарушеніемъ общественнаго спокойствія и запретилъ его; народъ не хотѣлъ было повиноваться, но О'Коннель употребилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить его не выходить изъ границъ законности, и успѣлъ въ этомъ; не смотря на то, черезъ недѣлю его призвали къ суду и обвинили въ заговорѣ противъ королевы и закона и въ присвоеніи королевской прерогативы. Онъ былъ присужденъ къ годичному заключенію въ тюрьмѣ, къ уплатѣ штрафа въ 2000 ф. ст. и въ доставленіи поруки въ 5000 ф. ст. въ томъ, что будетъ впередъ хорошо вести себя въ теченіи семи лѣтъ. О'Коннель аппелировалъ къ палатѣ перовъ, и такимъ образомъ предалъ себя во власть своихъ смертельныхъ враговъ. Большинство лордовъ было противъ него, многіе изъ нихъ были лично оскорблены разными дерзкими выходками; коммиссія юрисъ-консуловъ, при-

званная какъ всегда для совѣщанія, нашла сужденіе дублинскихъ джюри правильнымъ; казалось, ничто не должно было спасти его отъ наказанія, но вышло противное. Въ палатѣ перовъ постоянно существовалъ обычай, что лорды, незанимавшіе прежде никакихъ мѣстъ по министерству юстиціи, должны были воздерживаться въ уголовныхъ дѣлахъ отъ подачи голосовъ. Въ настоящее время компетентныхъ судей было только пятеро: двое изъ нихъ вотировали противъ О'Коннеля, трое въ его пользу. Приходила очередь вотировать остальнымъ; искушеніе было слишкомъ сильно и можно было предположить, что нѣкоторые не выдержатъ, но въ это время поднялся лордъ (Whorcliff) Уорклифъ и убѣдилъ своихъ сотоварищей не нарушать принятаго обычая. Вслѣдствіе этого О'Коннель былъ оправданъ.

Нѣкоторые писатели видятъ въ этомъ поступкѣ высокій примѣръ уваженія англійской аристократіи къ закону, другіе находятъ въ немъ тонкій политическій расчетъ, третьи — превосходное средство къ уничтоженію министерства.

Какъ кажется, что еслибъ противная партія вздумала уронить министерство сэра Роберта-Пиля, то приверженцы его могли бы подать нѣсколько голосовъ для осужденія О'Коннеля и на оборотъ, еслибъ считали оправданіе его полезнымъ. Гораздо болѣе вниманія заслуживаетъ первое предположеніе, потому что отвращеніе англійской аристократіи къ тому, что она называетъ choking, вошло въ пословицу. Нарушить правила приличія для пріобрѣтенія сомнительнаго результата было выше силъ ея. А результатъ дѣйствительно былъ сомнителенъ: О'Коннель былъ силенъ не самимъ собой, а народной бѣдностью, народными стремленіями; осужденіе не облегчило бы ни этой бѣдности, ни удовлетворило этихъ стремленій; напротивъ того, оно прибавило бы славу мученика къ славѣ оратора и увеличило его значеніе. Мы охотно готовы были бы признать въ рѣшеніи этого процесса искусное политическое соображеніе, еслибъ не знали, что Пиль съ товарищами были не выше посредственности, и что они желали осужденія О'Коннеля, съ тѣмъ чтобъ его унизить потомъ прощеніемъ королевы.

Какъ бы то ни было, но ирландскій ораторъ, по освобожденіи продолжалъ агитацію, съ той разницей, что не прочь былъ отъ федеральнаго соединенія съ Англіей. Въ сущности вопросъ объ отдѣленіи былъ скорѣе постоянной угрозой Англіи, чѣмъ неизбѣжнымъ

рѣшеніемъ рокового вопроса. Дѣло не въ томъ, какія государственныя формы окружаютъ народъ—самостоятеленъ онъ или нѣтъ, но въ томъ, на сколько онъ счастливъ, на сколько эти формы и эта зависимость позволяютъ ему развиваться. Мы увѣрены, что покореніе Индіи Великобританіей принесло первой несравненно болѣе пользы, не смотря на всѣ злоупотребленія компаніи, чѣмъ пребываніе ея подъ властью туземныхъ деспотовъ. Оправданіе О'Коннеля не измѣнило соціальнаго устройства Ирландіи, и она продолжала страдать и волноваться.

Дѣйствительно, разсматривая внимательно исторію Ирландіи, нельзя не убѣдиться, что главной причиной всѣхъ безпорядковъ было несправедливое распредѣленіе поземельной собственности.

Въ Ирландіи, какъ и въ Англіи, земледѣлецъ беретъ на аренду у собственника, какого нибудь богатаго аристократа, клочекъ земли и обработываетъ его. Казалось, при такихъ одинакихъ условіяхъ и слѣдствія должны были бы быть одинаковы, но на дѣлѣ выходитъ огромная разница. Въ Ирландіи собственникъ большей частью не живетъ и даже не знаетъ своихъ имѣній; чтобъ возвысить ихъ цѣнность, онъ не вводитъ никакихъ улучшеній, не дѣлаетъ никакихъ пожертвованій, заботясь только объ одномъ—получить какъ можно высшую плату за отдачу въ наемъ фермы. Съ этой цѣлью онъ отдаетъ свои земли на откупъ какому нибудь богатому спекулянту, и тотъ уже, раздѣливъ ихъ на мелкіе участки, раздаетъ ихъ за извѣстную плату крестьянамъ. Ни собственникъ, ни главный арендаторъ не строютъ имъ ни жилища, ни снабжаютъ земледѣльческими орудіями, какъ это принято дѣлать въ Англіи. Обзавестись этимъ самъ крестьянинъ не имѣетъ средствъ, поэтому неудивительно, что при плохихъ орудіяхъ и хозяйство его идетъ плохо, а между тѣмъ плата за аренду чрезвычайно высока и собственникъ безжалостенъ: онъ видитъ въ ирландцѣ католика, врага, существо низшаго разряда, которое, отказываясь платить, разстроиваетъ его бюджетъ, уменьшаетъ сумму ежегодныхъ удовольствій. Существованіе уравнителей подъ разными именами до сихъ поръ лучше всего доказываетъ, что одна политическая свобода не въ состояніи залѣчить язвы Ирландіи, что пока большинство населенія предано голодной смерти или постепенному истощенію, до тѣхъ поръ возрожденіе страны невозможно и всякая надежда на примиреніе напрасна. Чтобъ еще болѣе увеличить доходъ, ирландскіе собственники разбили землю на чрезвычайно мелкіе участки и покровительствова-

ли разведенію картофеля, какъ растенія, которое даетъ на маломъ пространствѣ большое количество пищи; что касается до того, полезна или вредна эта пища, собственникамъ не приходило и въ голову... Что же изъ этого вышло?

Въ 1845 г. появилась повсюду болѣзнь на картофелѣ: онъ или пропалъ или причинялъ вредъ потребителямъ. Къ довершенію несчастія, рожь и ячмень, которые уродились превосходно, были отправлены, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ Англію, для уплаты арендной суммы. Восемь мильоновъ ирландцевъ умирало съ голоду посреди изобилія. Всѣ усилія англійскаго правительства остаются безплодны. Въ 4 мѣсяца оно истрачиваетъ до 850,000 ф. ст. и голодъ продолжаетъ свирѣпствовать: нѣкоторые умираютъ тотчасъ; другіе страдаютъ въ мукахъ медленной агоніи; лихорадка и другія болѣзни, порожденныя голодомъ, истребляютъ народъ тысячами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспыхиваетъ бунтъ: изнуренные бѣдняки останавливаютъ телѣги съ хлѣбомъ, назначеннымъ для отправленія въ Англію; противъ нихъ высылается войско; льется кровь... Возстаніе укрощено, но не голодъ; на слѣдующій годъ онъ разразился съ новой яростью, не смотря на то, что правительство удвоило усилія: одинъ мѣсяцъ стоилъ ему до 800,000 ф. ст., всякій день раздавалось бѣднымъ отъ 2 до 3 милл. порцій; болѣе 700,000 работниковъ трудились въ мастерскихъ, устроенныхъ нарочно для доставленія имъ работы; всѣ школы были обращены въ пріюты для дѣтей, и при всемъ томъ 280 вновь устроенныхъ госпиталей были постоянно полны, и мертвыхъ не успѣвали хоронить. Въ эти два года погибло болѣе мильона несчастныхъ ирландцевъ...

Что же дѣлала въ это время ирландская аристократія? Она обратилась къ центральной власти и требовала отъ ней помощи, вмѣшательства и такихъ распоряженій, которыхъ та не могла сдѣлать, не нарушивъ конституціи. Отвѣтомъ было знаменитое письмо лорда Росселя къ герцогу Лейстеру. Объяснивъ ему невозможность выполнить большую часть требуемыхъ мѣръ, онъ говоритъ: «но что невозможно правительству, то возможно частнымъ лицамъ и ассоціаціямъ... Ничто не мѣшаетъ имъ покупать хлѣбъ, молоть его и продавать по уменьшенной цѣнѣ». Эти слова и воззванія правительственныхъ коммиссаровъ произвели свое дѣйствіе: ирландскіе собственники присоединили свои усилія къ усиліямъ правительства, но ничего не могли сдѣлать. Земли ихъ вслѣдствіе дурной экономической системы всякій

годъ давали менѣе дохода, а фермеры, раззоренные непомѣрной платой, не могли ничего скопить себѣ на черный день,—страна съ каждымъ днемъ бѣднѣла, ненависть между партіями увеличивалась: онѣ обвиняли другъ друга въ настоящихъ бѣдствіяхъ; собственники, не получая въ теченіи двухъ лѣтъ никакого дохода съ фермъ, изгоняютъ фермеровъ; эмиграція усиливается; въ три года (1846—48) выселилось около 500,000 человѣкъ. Ошибочно было бы думать, что это бѣднѣйшая часть населенія, напротивъ большинство эмигрантовъ принадлежало къ фермерамъ; способствуя имъ переселяться, собственники имѣли въ виду слитіе множества мелкихъ фермъ въ нѣсколько большихъ; самыя зажиточныя графства доставили наибольшое число эмигрантовъ.

Всѣ эти обстоятельства уменьшили цифру населенія въ десять лѣтъ (41—51) на 1,600,000 человѣкъ; въ слѣдующіе десять лѣтъ она уменьшилась еще на 800 т.; но это не улучшило положенія оставшихся: картофель продолжалъ служить ихъ единственной пищей; плата за наемъ фермъ не уменьшалась.

Эти событія выставили въ настоящемъ свѣтѣ характеръ зла и показали, что единственное лекарство противъ него состоитъ въ измѣненіи законовъ о поземельной собственности.

Между тѣмъ февральская революція во Франціи не осталась безъ вліянія на Ирландію: партія молодой Ирландіи и партія чартистовъ въ Англіи соединили свои усилія для достиженія соціальныхъ реформъ; никогда междоусобная война не казалась такъ неизбѣжна, никогда голосъ журналовъ и народныхъ трибунъ не отличался такой вызывающей дерзостью; но благоразумныя распоряженія правительства и отказъ Франціи поддержать востаніе укротили бурю. Реформа хлѣбныхъ законовъ, исполненная, по предложенію Кобдена, сэромъ Робертомъ Пилемъ, успокоила огромное количество недовольныхъ; неумѣренныя требованія молодой Ирландіи отвратили отъ ней другія политическія ассоціаціи; общественное мнѣніе громко произнесло свое порицаніе за несвоевременность соціальныхъ реформъ въ тѣхъ размѣрахъ и такими способами, какими хотѣли произвести ихъ. Агитація мало по малу утихла, но она не осталась безъ вліянія на правительство. До сихъ поръ покупка земли въ Ирландіи была окружена страшными затрудненіями; майоратъ и право субституціи дѣлали всякую покупку невѣрной; очень легко можно было нажить процессъ и заплатить второй разъ за землю; для предупрежденія

этого оставалось одно: обратиться къ особому суду (the court of chancery), назначенному для провѣрки разныхъ обязательствъ и примѣненія статутовъ по покупкѣ недвижимыхъ имуществъ; но эта процедура сопровождалась такими проволочками и издержками, что отбивала всякую охоту къ покупкѣ. Для отвращенія этихъ неудобствъ была учреждена коммисія, (landed estates court), имѣвшая право продавать всѣ заложенныя земли; впослѣдствіи оно распространилось и на частные долги. Слѣдствіемъ была продажа земель на 25 м. ф. ст. въ десятилѣтіе отъ 1849—1859 года. Изъ числа пріобрѣтателей (8500) было 8200 ирландцевъ. Ошибка была въ томъ, что землю раздѣлили на слишкомъ значительные участки (около 250 акровъ) и продавали ихъ по такой высокой цѣнѣ (около 3 т. ф. ст.), что пріобрѣтеніе ихъ становилось невозможнымъ для большинства, тогда какъ желаніе владѣть землей составляетъ манію ирландцевъ. Негодованіе этой массы бѣдняковъ выразилось усиленіемъ тайныхъ обществъ. Никогда убійства не были такъ часты, какъ въ 1862 году; никогда они не встрѣчали такого сочувствія въ народѣ, какъ въ эпоху отъ сентября 1860 до марта 1862 года; изъ числа обвиненныхъ—7600, болѣе половины было оправдано, а виновники 2100 убійствъ остались совершенно неизвѣстными. Такимъ образомъ главный вопросъ состоитъ въ поземельной собственности; мѣры, принимаемыя правительствомъ для уменьшенія бѣдности, палліативны и не могутъ вырвать зла съ корнемъ; да и тѣ сопровождаются такими условіями, что только крайняя бѣдность можетъ заставить обратиться къ офиціальной благотворительности. Какъ скоро земледѣлецъ нанялъ хоть $^1/_4$ акра земли, онъ уже не имѣетъ права получить помощь на дому: онъ долженъ поступить въ *Workhouse*, т. е. оставить свое поле и жить какъ бы въ тюрьмѣ, потому что тамъ запрещено работать, а большое скопленіе празднаго народа не можетъ привести къ хорошимъ результатамъ.

Итакъ бѣдность наказывается, какъ преступленіе, народъ пріучается къ ниществу, а между тѣмъ въ рукахъ правительства и общества всѣ средства къ избавленію его отъ этого положенія: но принципъ религіозный и аристократическій, такъ глубоко залегшій въ англійскую конституцію, развилъ необыкновенное уваженіе къ преданію и слѣдовательно отвращеніе ко всякимъ радикальнымъ перемѣнамъ. Мало того, духъ протестантскаго прозелитизма не оставилъ еще англичанъ въ Ирландіи.

Въ 1833 году были основаны національныя школы для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій: въ этихъ школахъ они должны были почерпать элементарныя свѣдѣнія отъ общихъ учителей; для обученія же закону божію, каждый долженъ былъ учиться у духовныхъ лицъ своего вѣроисповѣданія. Черезъ 13 лѣтъ были основаны королевины коллегіи, на тѣхъ же основаніяхъ, для доставленія высшаго образованія; но такъ какъ образованіе въ Англіи находится преимущественно въ рукахъ духовенства, то, разумѣется, на такую терпимость нечего было и расчитывать: оно пользовалось всякимъ удобнымъ случаемъ къ пропагандѣ, истребляло въ дѣтяхъ начала католицизма лекціями, обольщало взрослыхъ, особенно въ голодные годы, помощью... Такое поведеніе возбуждало всякій разъ вопли католическаго духовенства, которое впрочемъ не уступало своимъ соперникамъ въ дѣлѣ обращенія. Такимъ образомъ раздоръ постоянно поддерживался.

Изъ всего этого видно, что два громадныя препятствія стоятъ на пути прогресса Ирландіи: это—поземельный аристократизмъ и религіозная нетерпимость. Ни отдѣленіе парламента, ни даже самостоятельность страны не помогутъ злу, пока земля будетъ *исключительнымъ* достояніемъ привиллегированнаго класса, пока религіозный фанатизмъ будетъ раздувать дикія страсти необразованной толпы. Только съ ослабленіемъ этой нетерпимости, когда возвысится уровень народнаго образованія и аристократія будетъ поражена въ гнѣздѣ своемъ — въ Англіи, только тогда возможны будутъ для Ирландіи счастливая будущность, федеральное соединеніе съ Англіей; до тѣхъ-же поръ разность интересовъ будетъ постоянно противиться такому сближенію и постоянно Ирландія будетъ мечемъ Дамоклеса, висящимъ надъ головой гордаго Альбіона.

В. Поповъ.

СТАРЫЙ СВѢТЪ И НОВЫЙ СВѢТЪ.

(По поводу всемірной исторіи Ф. Шлоссера).

Когда было высказано у насъ первое печатное мнѣніе противъ извѣстнаго историка Маколея, то многіе этимъ очень обидѣлись. Хотя обидѣвшіеся и принимали видъ, что имъ горько за неуваженіе къ великому писателю, но въ дѣйствительности ихъ задѣвало не то. Истинная причина заключалась въ томъ, что нужно было разставаться съ разъ уже составленнымъ мнѣніемъ и замѣнять его другимъ, а это не для всякаго легко. Разумѣется, такое обстоятельство не могло бы встрѣтиться, если бы у насъ не запоздали съ переводомъ Шлоссера, у котораго исторію Англіи узнаешь вѣрнѣе, чѣмъ у Маколея. Но у насъ была тогда мода на все англійское, и все англійское, безъ исключенія, казалось намъ самымъ лучшимъ и самымъ умнымъ.

Шлоссеръ отличается прежде всего строгой правдивостью и достовѣрностью изложенія. Онъ не приводитъ ни одного факта, не провѣривъ его; не пользуется ни однимъ историческимъ источникомъ, не опредѣливъ ранѣе, чему въ немъ можно вѣрить и чему нѣтъ. То, что Шлоссеръ перечиталъ на своемъ вѣку — печатнаго и писаннаго, книгъ и архивныхъ документовъ, могло бы испугать человѣка самого привычнаго къ ученому труду. Исторія Шлоссера не есть исторія какого нибудь сословія, или части народа: она—полное изложеніе всѣхъ событій въ ихъ послѣдовательной связи, насколько это позволяютъ существующіе историческіе источники и матеріалы.

Особенность таланта Шлоссера въ томъ, что онъ не кабинетная засушенка, которыхъ такъ много между учеными, изслѣдующими жизнь людей съ тѣмъ же безстрастіемъ, съ какимъ натуралистъ

изучаетъ лягушку или инфузорію. Говоря о самыхъ отдаленныхъ людяхъ древняго міра, Шлоссеръ не забываетъ своего времени, и когда встрѣчаетъ людскую глупость, напоминающую ему наше время, онъ не пропуститъ случая, чтобы не напомнить о томъ своимъ современникамъ.

Въ Шлоссерѣ прежде всего огромный здравый смыслъ, неотупѣвшій отъ многочтенія, какъ это часто случается съ учеными, и высокое благородство мыслей, такъ что этотъ восьмидесятилѣтній старикъ больше возмущался всякой людской гадостью, чѣмъ многіе современные ему восьмнадцатилѣтніе юноши. За то же онъ и не любилъ этихъ юношей, полныхъ тупого безучастія къ окружающей ихъ жизни, и съумѣвшихъ упасть нравственно, не видѣвъ еще ничего. Шлоссеръ хотя и проводилъ свою жизнь въ кабинетѣ, хотя онъ и не цѣнилъ высоко людей и понималъ, насколько людская глупость сама причиною своихъ скорбей и существующаго зла, но это не сдѣлало его равнодушнымъ къ людямъ, и не видя хорошаго въ настоящемъ, онъ вѣрилъ въ свѣтлое будущее и въ неизбѣжность лучшаго.

Но есть въ немъ еще и другая черта — его высокое безпристрастіе. Люди увлекающіеся, у которыхъ чувствительность беретъ перевѣсъ надъ разсудочностію, не разъ будутъ озадачены при чтеніи исторіи Шлоссера. У него есть свои герои — люди, приносившіе пользу человѣчеству и способствовавшіе прогрессу, напримѣръ Лютеръ, даже Фридрихъ Великій; но когда эти люди дѣлаютъ глупости, Шлоссеръ не старается скрывать этого, по примѣру другихъ историковъ — панегиристовъ, или людей извѣстной партіи. Что глупо и вредно, то Шлоссеръ и зоветъ глупымъ и вреднымъ, хотя бы глупость эта принадлежала величайшему генію. Когда Лютеръ суется въ политику, въ которой онъ ничего не понимаетъ, Шлоссеръ смѣется надъ нимъ; когда Лютеру, какъ въ Вартбургѣ, кажутся вездѣ черти и нечистая сила, толкающая людей на дурное, и онъ начинаетъ браниться через мѣру даже для шестнадцатаго столѣтія, Шлоссеръ не восторгается его руганью; когда Лютеръ, въ письмѣ къ доктору Рюлю, высказываетъ по поводу анабаптистовъ мысль — бей всѣхъ, Богъ признаетъ своихъ, а мужику — овсяная солома, Шлоссеръ, чтобы выставить виднѣе фактъ, приводитъ все мѣсто въ подлинникѣ изъ письма Лютера. При этомъ, частью въ оправданіе Лютера, а больше въ укоръ нашему времени, Шлоссеръ замѣчаетъ,

что многое, что въ наши дни писали доктринеры и конституціонисты противъ радикаловъ и коммунистовъ, было нисколько не мягче этихъ мыслей Лютера. Шлоссера возмущаетъ всякая жестокость, кто бы ее ни дѣлалъ. Отъ него одинаково достается и неистовствующей черни и неистовствующимъ побѣдителямъ высшихъ сословій. Онъ не скроетъ, когда разсвирѣпѣвшіе епископы, въ родѣ Трирскаго и Пфальцскаго, колятъ мужиковъ собственноручно; но зато и нескроетъ тѣхъ фактовъ, которые довели крестьянъ до возстанія, а заставитъ читателя понять, что причиной его была не реформація, а угнетѣніе крестьянъ рыцарями и дворянствомъ. Когда французскіе реформаты сдѣлали на короля Карла IX, почти еще ребенка, свое постыдное нападеніе и заставили его бѣжать пѣшкомъ изъ Монсо, Шлоссеръ обращаетъ особенное вниманіе читателя на это обстоятельство, потому что имъ объясняется, почему король, отъ природы вообще горячій и воспитанный въ ненависти къ протестантамъ, не могъ никогда забыть этого преслѣдованія и впослѣдствіи, въ Варфоломеевскую ночь, покрылъ себя вѣчнымъ стыдомъ. Шлоссеръ не увлекается величіемъ историческихъ злодѣевъ: онъ снимаетъ съ нихъ маску, надѣтую на нихъ придворными льстецами и подкупленными панегиристами, — и Филиппа II испанскаго, великаго для испанцевъ и историковъ подобныхъ же воззрѣній, рисуетъ очень невеликимъ. Для русскихъ приэтомъ будетъ, разумѣется, пріятно слышать, какъ Шлоссеръ отзывается о Петрѣ Великомъ, по случаю пораженія его подъ Прутомъ. «Страшная физическая болѣзнь поразила царя въ это время; но за то душа его проявилась во всемъ ея благородномъ и высокомъ величіи. Это доказываетъ письмо, которое онъ послалъ отсюда Сенату. Письмо это даетъ ему мѣсто рядомъ съ лучшими героями древности, потому что здѣсь онъ жертвуетъ собой и своимъ родомъ для блага государства.»

Шлоссеръ нигдѣ не говоритъ, что онъ будетъ смотрѣть на событія съ той или другой точки зрѣнія, но онъ въ своемъ разсказѣ, напоминающемъ простоту и практическій смыслъ Тацита, нигдѣ не измѣняетъ своему воззрѣнію. Воззрѣніе это сначала будетъ трудно уловить читателю, можетъ быть, онъ даже не будетъ и соглашаться съ историкомъ, но потомъ сила истины и здраваго смысла возьмутъ свое, и читатель самъ не замѣтитъ, какъ заставитъ его Шлоссеръ цѣнить иначе поступки и цѣлыхъ массъ и тѣхъ, кого прежніе историки считали великими и тѣхъ, кого они не считали великими. Многое

великое перестанетъ казаться такимъ и многое, бывшее до сихъ поръ ничтожнымъ, станетъ великимъ. Всякое страданіе отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ массъ, всякое притѣсненіе, изувѣрство, пытки, ложь, обманъ, стремленіе затупить понятія людей и сдѣлать ихъ слѣпымъ орудіемъ извѣстныхъ лицъ для извѣстныхъ цѣлей—все это вредъ и противъ всего этого возстаетъ Шлоссеръ. Онъ не скроетъ ни одного вреднаго факта и поступка лица, какъ бы оно ни было полезно прогрессу въ другихъ отношеніяхъ. Онъ ~~не~~ проститъ Кальвину, что тотъ сжогъ Серве, и Теодору Беза его обвиненія Спизама, его насмѣшекъ надъ нимъ послѣ казни. Все, что гонитъ свѣтъ знанія и полезныхъ отношеній между людьми, для Шлоссера зло, и все, что развиваетъ общее благосостояніе, — добро. Оттого при всякомъ случаѣ онъ не упуститъ замѣтить великихъ достоинствъ Евангелія и насколько его простое и понятное всякому ученіе, обѣщающее блаженство не однимъ богатымъ и знатнымъ, а всякому бѣдняку, — на сколько это ученіе выше сухой догматики ученыхъ теологовъ и ихъ философіи, съумѣвшей понятное простому уму сдѣлать непонятнымъ даже для людей болѣе развитыхъ. Вотъ взглядъ Шлоссера. Человѣкъ, страдающій въ настоящемъ и невидящій выхода къ лучшему, найдетъ утѣшеніе въ вѣрѣ въ прогрессъ. Разумѣется, этого еще мало: голодный не станетъ сытѣе оттого, что ему сулятъ хорошій обѣдъ черезъ мѣсяцъ. Но что же другое можетъ предложить Шлоссеръ? Самъ онъ, проживъ почти столѣтіе, знаетъ очень хорошо, какъ мало удовлетворяетъ жизнь и какъ мало могутъ давать люди. «Богъ,—говоритъ Шлоссеръ въ своемъ введеніи къ исторіи XVIII столѣтія—далъ ему то, чего одного желалъ достичь онъ, какъ писатель — занятіе для духа въ теченіе долгой жизни и внутренній миръ, въ сѣнь котораго онъ снова укрывался каждый разъ, если когда дерзалъ выходить на дневной свѣтъ жизни.» Такой печальный взглядъ на жизнь явился у Шлоссера потому, что онъ вмѣстѣ съ Германіей переживалъ самую трудную ея историческую эпоху. Въ XIX вѣкѣ было много надеждъ, много горячихъ стремленій, но чѣмъ они кончились и на много ли людямъ стало легче? Сколько погибло благородныхъ личностей, недостигнувъ ничего и не сдѣлавъ ничего лучшаго для тѣхъ, для кого они жили! Когда всѣ надежды и мечты рушились, когда послѣ разныхъ реакцій народу сдѣлалось еще тяжелѣе,— оставалось одно — возбудить въ людяхъ надежду на лучшее будущее, дать имъ вѣру въ вѣчный прогрессъ и заставить ихъ жить

надеждой. Только подобное утѣшеніе и могъ дать историкъ. Шлоссеръ и сдѣлалъ это. Онъ не ищетъ законовъ развитія человѣчества, какъ Бекль. Онъ просто умный и честный человѣкъ, глубоко любящій человѣчество, а еще больше свою Германію, и сообщающій ей, въ простомъ умномъ разсказѣ, судьбы міра. Въ этомъ отношеніи Европа, разумѣется, не имѣетъ другаго историка, равнаго Шлоссеру.

Кто ищетъ въ исторіи общихъ основаній и законовъ развитія человѣчества въ томъ видѣ, какъ разбираетъ и излагаетъ физіологія законы развитія клѣточки, тотъ разумѣется не останется доволенъ Шлоссеромъ. Но онъ не найдетъ этихъ законовъ и у Бекля. Бекль хотѣлъ сдѣлать первую попытку подобнаго изслѣдованія, но къ полнымъ выводамъ онъ бы не пришолъ. И это вовсе не потому, что естественныя науки только въ XIX вѣкѣ вступили на настоящую дорогу;—главная причина въ томъ, что въ исторіи развитія человѣчества дѣйствовали до сихъ поръ только нѣкоторые факторы, а не всѣ, какіе нужно, чтобы выводить изъ нихъ законы. Если физіологія знаетъ до сихъ поръ что нибудь правильное объ организмѣ человѣка, то она знаетъ только потому, что наблюдала весь организмъ въ полномъ его составѣ и въ взаимной связи всѣхъ его отправленій. Но если бы ей пришлось дѣлать свои наблюденія надъ неполнымъ организмомъ, лишеннымъ какихъ нибудь членовъ, или только надъ нѣкоторыми системами его отправленій, то разумѣется она не могла бы ничего сказать объ общихъ основаніяхъ жизни. Въ такомъ положеніи именно и находились до сихъ поръ всѣ историки.

Поэтому обвиненіе, дѣлаемое Шлоссеромъ французскимъ историкамъ, которые, вмѣсто послѣдовательнаго изложенія событій въ ихъ причинной связи, дѣлаютъ изъ своихъ сочиненій большею частью біографіи отдѣльныхъ лицъ и къ нимъ привязываютъ событія,—разумѣется несправедливо. Новыя историческія школы разумѣется правы, что пора великихъ дѣятелей, управляющихъ судьбами человѣчества, должна кончиться; но они справедливы только въ томъ случаѣ, когда говорятъ о будущемъ, потому что ни о прошедшемъ, ни о настоящемъ сказать этого нельзя. Вотъ почему правъ Карлейлъ и правы французскіе историки, когда они даютъ такое большое значеніе отдѣльнымъ лицамъ. Чтобы подтвердить наши слова, мы обратимся къ нѣкоторымъ, болѣе важнымъ, историческимъ событіямъ послѣднихъ столѣтій, когда новыя знанія и проснувшаяся мысль заставили Европу взглянуть критически на свое прошлое и настоящее.

Въ то время, какъ Лютеръ отдѣлился совершенно отъ монастыря и отъ папской церкви, Игнатій Лойола, командовавшій защитой Пампелупы, былъ такъ тяжело раненъ въ обѣ ноги, что долженъ былъ оставить военную службу. Втеченіе продолжительнаго леченія въ своемъ наслѣдственномъ замкѣ, Лойола принялся за чтеніе книгъ. Легенды, исторіи святыхъ, описанія чудесъ, которыя они творили, подѣйствовали разумѣется сильно на воображеніе испанца, выросшаго на сказкахъ, и онъ былъ осчастливленъ разными видѣніями и неземными явленіями, которыхъ, какѣ замѣчаетъ Шлоссеръ, не удостоивается холодный житель сѣвера. Тогда-то Лойола, лишенный способности для рыцарскихъ похожденій, рѣшился на похожденія духовныя. Онъ отправился пилигримомъ въ Римъ и въ Іерусалимъ. Его попытки обращенія Турокъ къ христіанству, говоритъ Шлоссеръ, нужно читать у его безчисленныхъ хвалителей—панегиристовъ, чтобы не придти къ мысли, что втеченіе двухъ лѣтъ, если не вполнѣ, то хоть частью человѣкъ этотъ былъ съумашедшимъ. Послѣ этого онъ странствовалъ, какъ проповѣдникъ, по Испаніи, и наконецъ принялся учиться. Въ Барцелонѣ ему это не удалось и онъ отправился въ Парижъ, напищенствовавъ предварительно необходимыя ему для того деньги въ Нидерландахъ. Его дикій фанатизмъ, непомѣрное суевѣріе и фанатическое самоистязаніе доставили ему вліяніе на массы; а между тѣмъ его докторъ считалъ помѣшаннымъ и многіе въ Парижѣ надъ нимъ смѣялись. Учившись девять лѣтъ, Лойола выдержалъ экзаменъ на магистра. Уже въ это время Лойола обнаруживалъ свою ненависть къ протестантамъ, которыхъ начинали преслѣдовать во Франціи, и, во имя истинной вѣры, онъ собиралъ тайно свѣденія о лицахъ подозрѣваемыхъ въ протестантизмѣ и предавалъ ихъ инквизиціи; а эта, во славу божію и на поученіе православнымъ, сжигала ихъ дюжинами.

Хотя надъ Лойолой смѣялись многіе французы и даже его земляки, жившіе въ Парижѣ, однако нѣкоторые изъ нихъ скоро замѣтили, что такимъ непритворнымъ фанатизмомъ можно воспользоваться для поддержанія папской церкви. Съ этой цѣлью къ нему присоединились нѣкоторые болѣе дальновидные люди, и они не ошиблись въ своихъ расчетахъ, потому что вскорѣ стали играть довольно значительныя роли. Тогда Игнатію пришла мысль учредить новый орденъ, чтобы служить на жизнь и смерть римскому престолу и помогать ему всѣми средствами къ уничтоженію еретиковъ. Папа Павелъ III

долго не рѣшался дать согласіе на учрежденіе новаго ордена: ни слѣпое военное повиновеніе членовъ своему главѣ, ни ихъ обѣтъ бѣдности и цѣломудрія не могли побудить Папу дать согласіе на учрежденіе ордена, котораго дѣятельность имѣла цѣлью не монастырь, а мірскія дѣла. Но наконецъ папу плѣнили клятвой, что члены ордена будутъ находится въ особенномъ его повиновеніи, и позволяютъ употреблять себя для его цѣлей безденежно. Въ 1540 году орденъ былъ утвержденъ и Лойола назначенъ его первымъ генераломъ. Ближайшими слѣдствіями этого новаго духовнаго учрежденія съ свѣтской цѣлью были фанатическія преслѣдованія въ разныхъ концахъ Европы протестантовъ и всѣхъ противниковъ злоупотребленія папской власти и папскихъ учрежденій. Свирѣпыя преслѣдованія реформатовъ во Франціи, тамошняя гражданская война, продолжавшаяся почти цѣлое столѣтіе, разстройство въ Габсбургскомъ домѣ, послѣдовавшее за смертью Максимиліана II, и нарушеніе Аугсбургскаго религіознаго мира, вызвавшее тридцатилѣтнюю войну, убившую почти совершенно Германію,—все это было преимущественно дѣломъ іезуитовъ. Прошло триста лѣтъ—и, несмотря на торжественное уничтоженіе ордена въ прошедшемъ столѣтіи, эксъ-іезуиты все еще существуютъ и плетутъ по прежнему паутину своихъ интригъ.

Почти въ тоже время, когда Лойола замышлялъ учрежденіе ордена іезуитовъ, Филиппъ II испанскій далъ Богу страшную клятву истреблять еретиковъ и еретичество. Эту клятву онъ далъ по случаю сильнѣйшей бури, застигшей его флотъ на пути изъ Нидерландовъ въ Испанію. Большая часть флота погибла, но Филиппъ спасся. Онъ приписалъ свое спасеніе особенной къ себѣ милости Бога и поклялся приносить ему во имя вѣры человѣческія жертвы. По прибытіи въ Испанію Филиппу представился немедленно случай высказать свое религіозное усердіе. Въ тюрьмахъ инквизиціи сидѣло тридцать человѣкъ, осужденныхъ за протестантизмъ, и Филиппъ устроилъ великолѣпное ауто-да-фе: онъ велѣлъ сжечь ихъ всѣхъ на публичной площади. На этомъ торжественномъ зрѣлищѣ присутствовалъ самъ король, его сынъ, весь дворъ и вся гвардія. Двое изъ осужденныхъ, принадлежавшихъ къ старой дворянской фамиліи, были сожжены заживо. Когда одинъ изъ нихъ былъ подведенъ къ королю и просилъ о милости, Филиппъ отвѣтилъ ему съ запальчивостью: «нѣтъ, я бы самъ таскалъ дрова, чтобы сжечь своего собственнаго сына, если бы онъ былъ такой же богоотступникъ, какъ

ты.» Изъ остальныхъ казненныхъ двадцать шесть были сначала задавлены, а потомъ уже сожжены. Все блестящее собраніе присутствовало на мѣстѣ казни до самаго конца, точно на театральномъ представленіи. Вслѣдъ за этой казнью Филиппъ сжегъ еще пятьдесятъ человѣкъ. Довольно взглянуть на портретъ Филиппа, чтобы найти оправданіе всѣмъ его жестокостямъ. Филиппъ имѣлъ чрезвычайно мрачное и непріятное выраженіе лица и отличался крайнимъ высокомѣріемъ. Когда въ 1548 году онъ посѣтилъ въ первый разъ Нидерланды,—жители встрѣтили его съ искренней радостью и любовью и съ большимъ торжествомъ, но его черты не прояснились ни разу. Тамъ, гдѣ отецъ его Карлъ V держалъ себя какъ первый между равными, Филиппъ оставался всегда мрачнымъ и строгимъ монархомъ.

Чтобы подавить въ Нидерландахъ развитіе протестантизма, король хотѣлъ воспользоваться іезуитами и инквизиціей; но чтобы достигнуть этого, ему нужно было бельгійскую іерархію со всѣми ея богатствами поставить въ зависимость отъ себя. Филиппъ вступилъ въ союзъ съ папой, который и предоставилъ королю право назначенія епископовъ, что прежде дѣлалось въ странѣ по свободному выбору. Потомъ они отдѣлили нидерландское духовенство отъ всякой связи съ французской и нѣмецкой церковью и, вмѣсто прежнихъ четырехъ епископовъ назначили четырнадцать. Разумѣется, что этимъ путемъ духовенство очутилось въ полной власти короля: вмѣсто прежнихъ независимыхъ аббатовъ явились королевско-папскіе епископы, которые по числу взяли перевѣсъ въ собраніяхъ чиновъ,—и король могъ дѣлать все, что ему захочется. Секретъ такой политической тактики не утратился еще въ наши дни, и на новомъ либерально-политическомъ языкѣ это называется свободной подачей голосовъ и заявленіемъ народами своихъ мнѣній черезъ выборныхъ.

Съ помощію преданныхъ себѣ людей, также какъ и онъ понимавшихъ превосходство католицизма предъ лютеранизмомъ, Филиппъ залилъ Нидерланды человѣческой кровью и достигъ того, что, вмѣсто прежняго благомыслящаго духовенства, создалось новое, поражающее Европу еще и въ настоящее время своимъ дикимъ фанатизмомъ. Вотъ два случая, историческій смыслъ которыхъ провѣрить не трудно на основаніи всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, слѣдовательно не умозрительно.

Что выиграла Европа оттого, что Игнатій Лойола, раненный подъ

Пампелуной, долженъ былъ оставить свое великое поприще и пришелъ къ мысли учредить особый духовный орденъ? Что выиграла Европа, что Филиппъ, напуганный бурей, поклялся Богу отстоять католическое ученіе? Европа не выиграла ничего, а потеряла много. Прежде всего она потеряла разными войнами и другими истребленіями огромное множество трудолюбивыхъ и въ экономическомъ отношеніи полезныхъ людей, а потомъ воспиталась въ такомъ фанатическомъ міросозерцаніи, что и до сихъ поръ не можетъ выбиться на истинный путь. И все это сдѣлали два человѣка: одинъ — Игнатій Лойола, необладавшій особенными умственными способностями, человѣкъ болѣзненный, съ разстроенными нервами, а потому часто впадавшій въ горячечное состояніе; другой — Филиппъ II, наслѣдовавшій органическое разстройство отъ своего отца. Карлъ V страдалъ, какъ извѣстно, меланхоліей, и, въ послѣдніе годы своего царствованія не только впадалъ все чаще и чаще въ мрачное состояніе духа, но и подвергался припадкамъ полнаго сумасшествія. Въ этомъ причина почему онъ отказался отъ престола. Мать Карла V совершенно лишилась разсудка, слѣдовательно болѣзнь ея сына была чисто наслѣдственная, перешедшая въ слабой степени и къ внуку. Какой же законъ можно видѣть въ томъ, что два болѣзненныхъ человѣка, усвоившихъ себѣ оттого ненормальное міросозерцаніе, имѣли возможность осуществить свои мысли и создали такой порядокъ, который благомыслящіе люди считали всегда вреднымъ, считаютъ вреднымъ и теперь, и который все-таки существуетъ болѣе или менѣе, слѣдовательно и вредитъ болѣе или менѣе? Люди факта разсуждаютъ, что все это и должно было быть, потому что оно случилось. Но вѣдь точно также оно могло бы и не случиться. Разумѣется, не существовало предопредѣленія, чтобы Лойола былъ непремѣнно раненъ, и чтобы, лечась въ своемъ замкѣ, онъ проникся восторженностью отъ чтенія жизнеописаній святыхъ. И Карлъ V тоже думалъ, что, женивъ Филиппа на англійской королевѣ Маріи, ему удастся утвердить католицизмъ въ Европѣ. Женитьба состоялась, но другая половина плана—нѣтъ, потому что съ англичанами Филиппъ не могъ сладить, какъ съ нидерландцами. Англичане поняли Филиппа, а онъ увидѣлъ тоже, что одной королевской волей не сдѣлаешь съ ними ничего.

Во всемъ этомъ нѣтъ никакого закона неизбѣжности, а существуютъ только извѣстныя причины, вызвавшія извѣстное слѣдствіе.

Тому же Филиппу не удалось въ Англіи то, что удалось ему въ Испаніи и въ Нидерландахъ. Испанія и до сихъ поръ не можетъ оправиться отъ царствованія Филиппа, и если она находится въ бѣдственномъ положеніи, то обязана тѣмъ исключительно своему хваленому королю, Филиппу II. Лойола и Филиппъ отравили Европейскій организмъ въ такой степени, что онъ страдалъ уже 300 лѣтъ, да можетъ быть пострадаетъ еще столько же. И всѣ историческія ошибки, когда люди, какъ Генрихъ VIII, имѣютъ возможность осуществить свои личныя воззрѣнія, — кончаются тѣмъ же. Исторія представляетъ цѣлый рядъ фактовъ того, что ошибочно направленная воля одного человѣка создаетъ на многіе вѣка путаницу въ отношеніяхъ людей и цѣлый рядъ всевозможныхъ невознаградимыхъ потерь. Англія разумѣется не отдѣлилась бы отъ папы, еслибы Генриху не захотѣлось жениться на Аннѣ Боленъ, и не пролилось бы въ этой странѣ столько человѣческой крови и не погибло бы столько замѣчательныхъ людей, сколько загубилъ Генрихъ — и всему причиной слишкомъ страстная натура короля. Неужели изъ этого можно выводить убѣжденіе, что Генрихъ былъ необходимъ для Англіи, и что безъ него прогрессъ Англіи былъ невозможенъ. Если человѣкъ идетъ по улицѣ и, споткнувшись о камень, упадетъ, онъ падаетъ потому, что споткнулся, но въ этомъ не было никакой необходимости: онъ могъ бы пройти также благополучно, какъ прошли до него мимо этого камня десятки людей. Если въ человѣческій организмъ ввести ядъ, то организмъ долженъ разстроится потому, что, по закону эндосмоса, организмъ всосетъ его, но принять или непринять ядъ—зависитъ отъ другихъ причинъ. Поэтому-то въ томъ, что Лойола, Филиппъ II, Генрихъ VIII и многіе другіе могли внести въ Европейскій организмъ столько яду, сколько мы находимъ еще и до сихъ поръ,—нѣтъ ничего необъяснимаго: ядъ долженъ былъ всосаться потому, что на то есть извѣстные законы, точно также какъ долженъ раствориться кусокъ сахару, положенный въ чай. Но можно сахаръ положить, можно и нѣтъ; очевидно, что Лойола и Филиппъ II могли быть, а могли и не быть. Если же они явились, то зло, внесенное ими должно было привиться къ людямъ — и въ этомъ-то и есть законъ того первнаго эндосмоса, по которому человѣческій организмъ приметъ все, лишь бы оно только имѣло удобную для принятія форму. Слѣдовательно причины зла нужно искать не въ появленіи людей способныхъ вредить, а въ свойствахъ организма, способнаго

принять отраву. Только отъ этого такъ называемые великіе люди и люди власти могли дѣлать то, что они дѣлали до сихъ поръ: они давали коллективному организму такую пищу, какая имъ нравилась самимъ, и оргнизмъ принималъ ее въ себя также безъ разбору, какъ поглощаетъ желудокъ безъ разбора и горькое и сладкое, и пищу и отраву. Очевидно, что въ принятіи яда нѣтъ никакой необходимости; но если онъ принятъ, то долженъ всосаться.

Въ этомъ отношеніи совершенно правы тѣ историки, которые приписываютъ природѣ такое большое значеніе въ развитіи человѣчества, но только они не правы въ томъ, что полагаютъ, будто бы природа и до сихъ поръ играетъ въ судьбѣ образованныхъ обществъ туже роль, какъ прежде. Какъ въ произведеніи животныхъ и растительныхъ организмовъ у природы были только извѣстные моменты, когда она ихъ создавала, и затѣмъ они жили уже своею жизнью и размножались собственной силой; такъ было и съ тѣмъ впечатлѣніемъ на чувствующій организмъ человѣка, по которому онъ усвоилъ себѣ извѣстное міросозерцаніе. Приро..а подѣйствовала только одинъ разъ, и когда впечатлѣніе создалось, то сложившееся за тѣмъ понятіе только передавалось одними людьми другимъ и усвоивалось ими. Въ однихъ случаяхъ, кажущуюся справедливость усвоеннаго понятія они имѣли возможность провѣрить собственными глазами, въ другихъ — нѣтъ. Но это не мѣшало людямъ принимать за истину все то, что казалось имъ истиной. Только въ этомъ первоначально усвоенномъ впечатлѣніи заключается причина, что возможна была дѣятельность Лойолы и Филиппа II и всѣхъ тѣхъ вредныхъ для прогресса человѣчества событій, которыми такъ богата исторія. Слѣдовательно первоначальную причину всего этого нужно искать не въ ближайшихъ къ намъ временахъ и не въ Европѣ, а въ колыбели рода человѣческаго — въ Азіи, на Востокѣ.

Древніе Греки не знали супранатурализма, Римляне также. У нихъ не существовало міра идеальнаго и реальнаго, видимаго и невидимаго; для нихъ міръ былъ одинъ и они жили въ немъ для себя, настоящимъ, не зная ничего о загробной жизни. При такомъ взглядѣ на міръ люди высоко цѣнили тѣ подвиги гражданскаго и военнаго мужества, которые приносили пользу ихъ государственной и общественной жизни. Въ Индіи было напротивъ. Между тѣломъ и душой, природой и духомъ существовало рѣзкое различіе. Цѣлью жизни было: возвратъ къ началу всего естества—Брамѣ. А этого можно бы-

ло достигнуть только разными физическими страданіями и умерщвленіемъ плоти. Ученіе это, несвязанное съ дѣйствительной жизнью, убивало всякую свободу мысли, отдѣляло человѣка отъ земли, лишало его всякой возможности прогрессивнаго движенія, порождало нетерпимость ко всѣмъ другимъ религіознымъ представленіямъ и держало людей постоянно на одномъ уровнѣ понятій. Порядокъ этотъ былъ очень выгоденъ для тамошнихъ духовныхъ, и они держали народъ на точкѣ умственной неподвижности и слѣпаго повиновенія. Греки и Римляне, какъ люди земной жизни, имѣли и о своихъ богахъ весьма земныя представленія; ихъ боги на Олимпѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они жили, занимались тѣмъ же, чѣмъ занимались Греки и Римляне на землѣ. Такой взглядъ не могъ вести къ застою и къ нетерпимости—и вотъ гдѣ причина прогрессивности древняго греческаго и римскаго міра и того снисхожденія, съ какимъ они относились ко всякому иному вѣрованію. Пиѳагоръ побывалъ на Востокѣ у Симетическихъ племенъ и, проживъ особенно долго у египтянъ, плѣнился ихъ оригинальной цивилизацiей и спокойной системой управленія. Онъ изучилъ религіозныя таинства египтянъ, былъ увлеченъ тѣмъ, что жрецы, составляя священный орденъ и держа въ своихъ рукахъ всю власть, заставляютъ служить себѣ невѣжественный народъ, и задумалъ перенести это ученіе, въ болѣе облагороженномъ видѣ, на свою родину. Ему это удалось и мѣстами составились общества пиѳагорейцевъ. «Казалось, говоритъ Шлоссеръ, что духъ востока воскреснетъ въ Италіи, и что для греческаго міра наступитъ періодъ клерикальнаго владычества и аскетизма». Но однако этого не случилось: и здравый смыслъ грековъ и ихъ политическая разумность взяли свое. Но мистицизмъ, явившійся съ востока, не исчезъ. Когда, въ послѣдніе времена Римской Имперіи и общаго нравственнаго упадка, здоровая умственная пища не могла удовлетворять ослабѣвшій умъ, мистицизмъ пробудился съ новой силой. Желаніе найти для своихъ суевѣрныхъ мнѣній какое нибудь философское основаніе заставило римлянъ кинуться въ философское фантазерство. Тогда-то создалась школа неоплатониковъ, почитавшая Пиѳагора святымъ, а его изрѣченія — изрѣченіями оракула. Одинъ изъ главныхъ распространителей ученія, Плотинъ, зашелъ въ своихъ мечтаніяхъ объ естествѣ божества и человѣка наконецъ такъ далеко, что, недовольствуясь ученіемъ Пиѳагора, рѣшился отправиться въ Персію и Индію, чтобы пропитаться еще и

тамошней мудростью. Въ Римѣ, куда онъ прибылъ впослѣдствіи, наклонность къ восточному мистицизму была уже такъ распространена, что Плотинъ скоро сталъ играть роль пророка. Наклонность къ сверхъ-естественному, къ мечтательности и аскетизму показываетъ лучше всего умственный упадокъ древняго Рима. Чтобы распространить свое ученіе Плотинъ и его ученики прибѣгали къ тѣмъ же обманамъ и мороченью простоватыхъ и суевѣрныхъ людей, къ какому прибѣгали въ XVIII столѣтіи Месмеръ и Каліостро, чтобы привлечь на свою сторону развращенную аристократію Франціи. Плотинъ выдавалъ себя за волшебника и вызывалъ духовъ. Сущность ученія Плотина была очень коротка. Онъ проповѣдывалъ, что жизнь въ обществѣ есть грѣхъ, а истинная мудрость и блаженство заключаются въ совершенномъ отрѣшеніи отъ чувственнаго міра, въ самоуглубленіи и въ созерцаніи безконечнаго.

Въ первыя времена христіанства, когда оно проникло въ высшее сословіе, явилась и необходимость защищать новую вѣру противъ обвиненій язычниковъ. Поэтому простое и, какъ Шлоссеръ говоритъ, доступное только одному сердцу ученіе пришлось отстаивать и подтверждать логическими доводами. Такимъ образомъ христіанское ученіе вошло въ тѣсную связь съ научными понятіями и философіей древности и усвоило себѣ направленіе тогдашней образованности. «Тогда же стало замѣтнымъ вліяніе восточныхъ представленій о религіи, божественномъ вдохновеніи, государственномъ устройствѣ, законѣ и необходимости существованія отдѣльнаго духовнаго сословія со взглядами грековъ и римлянъ на человѣческую мудрость, міроустройство, пророческое, вдохновенное и логическое мышленіе». Климентъ и Оригенъ, одни изъ первыхъ замѣчательныхъ христіанскихъ философовъ, сдѣлали изъ простаго и доступнаго всѣмъ христіанскаго ученія науку и превратили его въ систему мистицизма. Ихъ философія была сліяніемъ новыхъ началъ съ старыми: они пользовались идеями неоплатониковъ и создали аллегорическое и символическое объясненіе христіанскаго ученія. Они же вызвали созерцательное направленіе и выставляли самоистязаніе и углубленіе въ себя, какъ величайшую добродѣтель. Ученіе это скоро распространилось во всей Римской Имперіи, и вошло въ жизнь новыхъ народовъ.

Какъ на востокѣ Европы того времени утвердили преобладаніе духовной власти надъ свѣтской Василій Великій и Григорій Назіан-

зинъ, такъ на Западѣ утвердилъ духовную власть Амвросій. Въ это время политическое направленіе превратилось въ чисто религіозное. Амвросій былъ продолжателемъ Климента и Оригена; онъ становитъ на первый планъ интересъ богословскій, отыскиваетъ въ самыхъ обыкновенныхъ повѣствованіяхъ, священныхъ книгахъ философію и поэзію и создаетъ изъ простыхъ словъ пророковъ и апостоловъ какое-то новое ученіе. Наконецъ Августинъ закрѣпилъ христіанскую *философію, далъ окончательный перевѣсъ богословскому направленію*, и христіанизмъ въ формѣ философско-теологическаго ученія, созданнаго этими писателями, распространился въ Европѣ повсемѣстно, пока въ концѣ среднихъ вѣковъ не явилось новое направленіе, выразившееся въ лютеранизмѣ.

Лютеране хотѣли возстановить простоту евангельскаго ученія — хотя впослѣдствіи они тоже запутались въ теологіи — и это новое ученіе принялось также, какъ принялся прежде и католицизмъ. Но на сколько принимала во всемъ этомъ участіе природа? Тоже солнце свѣтило и католикамъ и протестантамъ, однѣ и тѣже звѣзды блистали надъ тѣми и другими; а одни остались по прежнему католиками, другіе вышли протестантами. Разумѣется, коренная сущность ученія не измѣнилась, но она могла бы измѣниться и при той же самой природѣ. Англичане, живущіе въ Индіи, не принимаютъ міросозерцанія индійцевъ. Греки нынѣшніе и Греки древніе имѣютъ два совершенно различныхъ міросозерцанія; а природа все таже. Евреи и Египтяне жили рядомъ; а какая разница между ученіемъ евреевъ, у которыхъ всѣ считались равноправными, какъ члены одной семьи, и народъ могъ подчиниться только Богу, а не власти одного человѣка,—и египтянами съ ихъ раздѣленіями на касты и съ ихъ безусловнымъ поклоненіемъ жрецамъ. Если природа вліяла на человѣка, то, какъ мы уже сказали, вліяла только одинъ разъ, въ моментъ появленія человѣчества, и затѣмъ первое впечатлѣніе, вызвавшее въ разныхъ мѣстахъ разное представленіе о сущности всего окружающаго человѣка, шло своимъ логическимъ путемъ, развиваясь по мѣрѣ лучшаго ознакомленія съ тѣмъ, что казалось человѣку непонятнымъ, какъ это мы видимъ у прогрессивныхъ народовъ, или же оставалось на точкѣ индійской и египетской неподвижности. Послѣдующее вліяніе природы имѣло чисто экономическое значеніе, обусловливало тотъ или другой бытъ народа и тѣ или другія условія общежитія. Такая мѣстность какъ Греція, гдѣ берега имѣютъ

гораздо больше протяженія, чѣмъ материкъ, гдѣ благорастворенный климатъ, вѣчно ясное небо и отличная почва помогаютъ земледѣльческой культурѣ,—должна бы была сообщить народу совсѣмъ иную экономическую дѣятельность, иной образъ жизни и привычки, чѣмъ жителямъ жгучихъ пустынь Африки съ ихъ рѣдкими оазисами. Англія разумѣется должна была развиться въ сильное промышленное и мореходное государство, а Саксонія должна была заняться чѣмъ нибудь новымъ, потому что у нея нѣтъ моря. Однако и это значеніе природы становится все слабѣе по мѣрѣ развитія наукъ и техническихъ изобрѣтеній. Подобная же перемѣна совершается и съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое создалъ себѣ человѣкъ при первомъ взглядѣ на непонятную для него природу и на дѣйствія загадочныхъ для него силъ. Отношеніе человѣка къ непонятному становится инымъ, и прежнія тайныя силы, которыхъ такъ боялся человѣкъ, стали для него теперь только тайнами научными.

Но это измѣненіе понятій, составляющихъ достояніе самого незначительнаго меньшинства, не имѣло до сихъ поръ почти никакого вліянія на ходъ историческихъ событій Европы, по крайней мѣрѣ, въ ихъ главныхъ основаніяхъ. И здѣсь, какъ въ своихъ представленіяхъ объ отвлеченныхъ предметахъ, Европа находится въ непосредственной связи съ востокомъ. Связь эту можно прослѣдить безъ труда и указать множество общихъ чертъ и основаній, которыя выскажутъ родственность европейскихъ порядковъ съ порядками и основаніями самой глубокой древности и самаго отдаленнаго востока. Оттого то практическіе люди и правы, когда они говорятъ, что исторія создалась не сегодня, а живетъ тысячелѣтія, и что умозрительными теоріями нельзя измѣнить сразу того, что существуетъ может быть нѣсколько тысячъ лѣтъ. Справедливо это замѣчаніе, но также справедливо и то, что практика современной и прошлой общественной жизни Европы не удовлетворяетъ даже самымъ невзыскательнымъ требованіямъ относительно общаго благосостоянія людей, которое поэтому должно остаться тоже теоріей. Все это имѣетъ въ научномъ отношеніи то не малое неудобство, что не позволяетъ въ исторіи видѣть жизнь всего человѣчества. Отъ этого же самыя лучшія и самыя умныя историческія сочиненія ничто иное, какъ постоянное повтореніе однородныхъ фактовъ, въ которыхъ мѣняются только имена дѣйствующихъ лицъ, а сущность остается все таже. Отъ этого, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ достовѣрная ис-

торія, въ ней видишь постоянный непрерывный рядъ войнъ, по личнымъ причинамъ отдѣльныхъ лицъ, и во всѣхъ событіяхъ, совокупность которыхъ называютъ исторіей человѣчества, замѣчаешь весьма малое сравнительно число дѣйствующихъ пружинъ, управляющихъ ходомъ общей жизни и дающихъ ей тотъ или другой характеръ. Для убѣжденія въ справедливости этого нѣтъ никакой необходимости обращаться къ фактамъ отдаленной исторіи, и достаточно припомнить сущность нѣкоторыхъ событій восьмнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій.

Политическая исторія восьмнадцатаго столѣтія начинается войной за испанское наслѣдство. Одно это названіе указываетъ уже на поводъ къ войнѣ, и на лицъ, для которыхъ собственно она и могла имѣть интересъ. Испанскій король Карлъ II, человѣкъ болѣзненный и слабый, не имѣлъ сына, а потому австрійскій императоръ и задумалъ пріобрѣсти испанскія владѣнія.

Свое наслѣдственное право онъ видѣлъ въ томъ, что сынъ Карла V, Филиппъ II, основалъ испанскую династію, а братъ Карла, Фердинандъ I, — австрійскую. Людовику XIV хотѣлось тоже пріобрѣсти Италію на томъ основаніи, что онъ былъ сыномъ испанской принцессы и былъ женатъ на испанской принцессѣ. Чтобы не возбудить боязни въ нарушеніи политическаго равновѣсія Европы, Людовикъ хотѣлъ доставить испанскую корону своему внуку. По этой же причинѣ и австрійскій императоръ хлопоталъ о своемъ сынѣ. Уже изъ этого видно, что поводы къ войнѣ не заключали въ себѣ никакихъ собственно государственныхъ, или, какъ выражаются нынче, народныхъ интересовъ. И дѣйствительно спорящія стороны не только не спрашивали своихъ подданныхъ о томъ, хотятъ ли они этой войны, но они даже распоряжались чужимъ добромъ, не обращая вниманія на то, что дѣло это ближе всѣхъ испанскому королю и испанской націи и что слѣдовательно имъ и нужно рѣшить, кому быть испанскимъ королемъ. Какъ бы то ни было, но затѣялась война, въ которой приняли участіе и другія державы. Есть въ этой войнѣ одинъ фактъ, хотя и неимѣющій прямаго отношенія къ войнѣ, но указывающій на сходство обычаевъ тогдашнихъ европейскихъ дворовъ съ обычаями древнеперсидскими или вавилонскими. Когда римскій король Іосифъ задумалъ для ободренія австрійскихъ войскъ, находившихся на Рейнѣ, отправиться лично въ ихъ лагерь, то свита его, долженствовавшая управлять осадой Ландау, состояла изъ двухъ сотъ

тридцати двухъ человѣкъ, изъ которыхъ, какъ замѣчаетъ Шлоссеръ, ни одинъ не былъ годенъ на полѣ битвы. Въ этой свитѣ были люди весьма разнообразные по ихъ спеціальнымъ обязанностямъ. Тутъ былъ и его княжескаго величества короля оберъ-гофмейстеръ, его сіятельство господинъ графъ Траутмансдорфъ; его княжеская свѣтлость князь Дитрахштейнъ, королевскій господинъ оберъ-кухельмейстеръ; 12 королевскихъ каммергеровъ, 1 унтеръ эпльберъ-коммергеръ; 1 мундшенкъ; фоншнейдеръ, стольникъ; духовникъ съ помощникомъ; придворный проповѣдникъ; два придворные капеллана; капельдинеръ съ помощникомъ. Изъ лицъ менѣе важныхъ: 4 столонакрывателя, 4 блюдоносителя, 3 блюдочистильщика, 8 ординарныхъ и 4 экстраординарныхъ мальчишекъ, 3 садовника съ помощниками, птичникъ съ двумя прислужницами, три камердинера, 2 келлербиндера, лейбъ-пирожникъ съ товарищемъ, вице лейбъ-поваръ съ 20 поварами и ихъ помощниками. Въ числѣ экипажей находились: 2 фуры для птицъ, фура камеръ истопнической палатки, фура для столо-накрывательной палатки, 3 мундшенкскія фуры, 2 большія фуры для куханной посуды, фура съ обѣденнымъ походнымъ столомъ, 2 фуры съ садовничьимъ богажемъ, фура съ столонакрывательнымъ багажемъ, фура съ камерфурьерскимъ богажемъ, 6 фуръ съ винами походнаго погреба, 21 фура, каждая въ 3 пары воловъ, съ собственными вещами короля. Королева, сопровождавшая своего мужа, имѣла въ своей свитѣ 170 человѣкъ. Для ея поѣзда, состоявшаго изъ 63 каретъ и 14 колясокъ, брали на каждой станціи 192 упряжныхъ и 14 верховыхъ лошадей. Вслѣдствіе этой войны, продолжавшейся почти 15 лѣтъ, произошла весьма незначительная кройка въ границахъ владѣній государствъ, принимавшихъ въ ней участіе. Наслѣдство осталось за Франціей, т. е., за внукомъ Людовика XIV.

Въ это же время происходила такъ называемая великая сѣверная война. Причины ея заключались въ томъ, что Петръ Великій хотѣлъ пріобрѣсти прибалтійскія владѣнія, а король датскій и Августъ польскій думали воспользоваться молодостью Карлъ XII, чтобы насчетъ его расширить тоже свои владѣнія. Карла XII при многихъ хорошихъ нравственныхъ качествахъ, ставившихъ его далеко выше развратныхъ правителей того времени, отличался также и величайшимъ сумасбродствомъ и упрямствомъ. Желая свергнуть Августа съ польскаго престола, онъ впутался въ польскія дѣла, несмотря на просьбы своихъ министровъ и лучшихъ генераловъ. Шведская армія

ходила взадъ и впередъ по Польшѣ, лила свою кровь въ совершенно безполезныхъ сраженіяхъ; люди гибли отъ изнеможенія, холода, дурной пищи и вредныхъ болотныхъ испареній. Еще хуже поступалъ Августъ: онъ не только заставлялъ саксонцевъ драться за свои польскія дѣла, и продавалъ саксонскихъ солдатъ голландцамъ и англичанамъ, но даже отнималъ отъ нихъ часть наемной платы. У офицеровъ онъ удерживалъ изъ жалованья 11%, а у рядовыхъ — за одежду, обмундировку хлѣбъ и кормъ лошадямъ — еще больше, такъ что кавалеристъ, вмѣсто 28 флориновъ, получалъ только 14, а пѣхотинецъ изъ двѣнадцати—только четыре съ половиною. Сумазбродныя военныя похожденія Карла XII совершенно истощили Швецію и погубили 400,000 людей, или четверть самаго лучшаго, сильнаго и работящаго населенія страны. Всѣ дѣла остановились въ странѣ: у нея не было ни денегъ, ни кредита, и у гражданъ была вытребована въ заемъ вся ихъ серебряная посуда. Мы уже не говоримъ о томъ раззореніи, какое потерпѣла Швеція отъ непріятеля. Въ 1719 году, Апраксину было поручено опустошить шведскій берегъ направо отъ Стокгольма, а Ласси—раззорить все, что лежитъ налѣво. При этомъ было выжжено 8 городовъ (а ихъ всѣхъ-то въ Швеціи было 23), 140 дворянскихъ помѣстій, 43 мельницы, 1,360 деревень, 21 мѣдныхъ, желѣзныхъ и кирпичныхъ заводовъ. Между желѣзными былъ одинъ, предлагавшій выкупу 300,000 рублей. 80,000 полосъ желѣза было брошено въ воду; погибло 100,000 головъ рогатаго скота; рудники засыпаны и лѣса сожжены. И все это было только слѣдствіемъ упрямства одного человѣка. Послѣ этого нечего удивляться, что шведское дворянство придумало для новаго короля такую конституцію, что онъ явился только тѣнью власти. Онъ не могъ брать изъ государственной кассы болѣе 50 талеровъ, не могъ ничего измѣнять въ привиллегіяхъ сословій, и они рѣшали все безъ его вмѣшательства; даже не имѣлъ права назначать лицъ въ высшія должности и могъ только выбрать одно изъ трехъ, представленныхъ ему совѣтомъ. Но, ограничивая короля, дворяне помнили только о своихъ личныхъ раззореніяхъ, но забыли о 1,360 выжженныхъ деревняхъ и 400,000 человѣкъ погибшихъ изъ простаго народа. Всѣ права и выгоды они присвоили себѣ: крестьяне не имѣли даже право выбирать сами для себя секретаря, а въ комитетѣ, назначенномъ для исполненія рѣшеній сейма и скорѣйшаго окончанія текущихъ дѣлъ, изъ крестьянскаго сословія не было ни одного человѣка.

Остальными болѣе замѣчательными войнами восьмнадцатаго столѣтія были — война за австрійское наслѣдство и семилѣтняя война. Поводомъ къ первой послужили притязанія баварскаго курфирста, Карла Альберта, на австрійскія владѣнія. Но прежде чѣмъ баварскія войска и французы успѣли приготовиться къ войнѣ, Фридрихъ II вступилъ въ Силезію, чтобы завоевать ее для Пруссіи. Баварскій курфирстъ не выигралъ ничего, но прусскій король удержалъ Силезію. Марія Терезія разумѣется не могла забыть потери Силезіи. Она вступила въ союзъ съ французскимъ королемъ, чтобы отнять отъ Фридриха II его завоеванія и возвести его по прежнему на степень курфирста и маркграфа бранденбургскаго. Въ этомъ обстоятельствѣ и вся причина семилѣтней войны. Обѣ страны—и Австрія и Пруссія—добрались до совершеннаго истощенія: не было уже ни денегъ, ни людей для пополненія армій. Какъ много значили личныя отношенія, видно изъ того, что очень дорожившая своей репутаціей Марія Терезія устроила свой союзъ съ французскимъ королемъ тѣмъ, что льстивымъ письмомъ втянула въ свою интригу его любовницу, маркизу Помпадуръ; а погибавшій уже совсѣмъ Фридрихъ II спасся только смертью императрицы Елизаветы, находившейся въ союзѣ съ Маріей Терезіей, и вступленіемъ на русскій престолъ своего почитателя Петра III, который немедленно заключилъ съ Фридрихомъ наступательный союзъ противъ Австріи.

Совершенно тотъ же порядокъ продолжался и въ войнахъ XIX столѣтія. Всѣ войны Наполеона дѣлались потому, что ему такъ хотѣлось. Его походъ двѣнадцатаго года былъ слѣдствіемъ его личнаго неудовольствія на императора Александра, и по способамъ, какими составилась его армія изъ побѣжденныхъ союзниковъ, и по числу уподоблялся вполнѣ походамъ съ несмѣтными полчищами древнихъ персовъ. Сходство будетъ еще ближе, если припомнимъ, что Наполеонъ возилъ съ собой во весь походъ въ Россіи свое любимое вино. Вообще эпоха Наполеона поразительна въ томъ отношеніи, что тѣ, кто больше всѣхъ высказалъ любовь къ своимъ повелителямъ, кто жертвовалъ своей послѣдней каплею крови и своимъ послѣднимъ грошомъ для поддержанія династическихъ интересовъ своихъ правителей, кто во всемъ этомъ дѣйствовалъ не расчитывая на личныя выгоды и пріобрѣтенія, кто одинъ несъ на себѣ дѣйствительныя матеріальныя тягости, отдавая свою жизнь и оставляя на расхищеніе и истребленіе непріятелю все свое небогатое имущество — что эти именно

люди и не получили никакихъ выгодъ, и плодами трудовъ ихъ пользовались тѣ, кто сдѣлалъ можетъ быть менѣе всего. Для дипломатовъ пятнадцатаго года не существовало народа. Они глядѣли на него какъ на листъ бумаги, изъ котораго можно кроить какія угодно фигуры, и основывались на томъ политическомъ софизмѣ, что народамъ дается въ собственность только то, что они выработали въ потѣ лица своими трудами. А кто же трудился во всемъ этомъ въ потѣ лица и пролилъ рѣки крови и далъ нужныя средства для всѣхъ войнъ? Дипломаты не хотѣли знать этого: они дѣйствовали какъ помѣщики при полюбовномъ черезполосномъ размежеваніи, думая исключительно объ округленіи границъ, и забывая, что государство составляетъ не землю съ ея рѣками и лѣсами, а народъ. Отъ этого, не думая о національности и нравственныхъ связяхъ населеній, они раскроили Саксонію, чтобы сдѣлать красивѣе карту Пруссіи, и отдѣлили отъ Польши къ Пруссіи часть населенія, не желая знать того, что поляку будетъ невозможно слиться съ нѣмцами. Эта неестественная связь разнородныхъ элементовъ замѣтнѣе еще на Австріи. Какой нибудь Меттернихъ, вся жизнь котораго была распутствомъ и всѣ дѣйствія котораго приносили только вредъ Австріи, получалъ отъ всѣхъ государей подарки, составившіе милліоны, не считая уже Іоганисберга, приносившаго ему въ годъ 80,000 талеровъ доходу; а тѣ, кто вынесъ на своихъ плечахъ всѣ тягости войны, умирали въ то же время отъ голоду. На конгрессѣ 1815 года въ Вѣнѣ не было конца баламъ, маскерадамъ, спектаклямъ, фейрверкамъ, охотамъ и тому подобнымъ удовольствіямъ, въ изобрѣтательности которыхъ призналъ бы себя вѣроятно побѣжденнымъ даже величайшій развратникъ и мотъ своего времени, Августъ II саксонскій (онъ же и польскій). И, по примѣру того же 18 вѣка, всѣ эти удивительныя похожденія нашли себѣ восторженныхъ описателей, и аффиціальныхъ хвалителей, писавшихъ по приказаніямъ австрійскихъ министровъ. Все это дѣлалось въ то время— проѣдались каждый день сотни тысячь, а на всѣ увеселенія правительство истратило 30,000,000 гульденовъ, — когда раззоренное вполнѣ государство имѣло у себя 50,000 инвалидовъ, лишенныхъ средствъ существованія, а въ Трансильваніи народъ гибнулъ отъ страшнаго голода. На вѣнскомъ конгрессѣ представителямм такъ называемыхъ народныхъ интересовъ были четыре дипломата, разумѣется никогда не спрашивавшіе народа, чего ему нужно и въ чемъ онъ нуждается.

Этотъ порядокъ былъ только продолженіемъ того, что дѣлалось ранѣе, или новымъ слѣдствіемъ старыхъ причинъ. Что понималось подъ именемъ народа, напримѣръ, въ 18 столѣтіи,—можно видѣть изъ одного факта царствованія Людовика XIV. Во время войны за испанское наслѣдство, ему нужно было разъ прикрыться именемъ народа и спросить его мнѣнія относительно предложенныхъ ему условій договора. Людовикъ собралъ всѣхъ принцевъ крови и вельможъ своего двора, велѣлъ прочитать предъ ними условія—и тѣ разумѣется дали отвѣтъ, какой былъ нуженъ королю. Это былъ народъ. Когда умеръ Людовикъ XIV, всѣ государственныя кассы были совершенно пусты, народъ страдалъ вездѣ отъ нищеты и приходилъ въ отчаяніе, кредита не было и даже доходы будущіе—за два года впередъ—были отданы въ залогъ. По вступленіи регента въ управленіе, ему нечѣмъ было заплатить жалованья солдатамъ и не на что было ихъ кормить въ слѣдующій мѣсяцъ. Куда же уходили всѣ деньги? Деньги уходили на развратъ, на придворное мотовство и на военные расходы: ими жили люди, творившіе исторію. Когда народъ, доведенный до послѣдней степени крайности всякими грабительствами, сталъ громко жаловаться и требовать наказанія людей, наживавшихся на его счетъ, регентъ вздумалъ устроить розыскную уголовную палату и взялъ силой, безъ всякаго права, имущество 4.470 лицъ, оцѣненное въ 800,000,000. Но раззоренный народъ не увидѣлъ изъ нихъ ни одной копѣйки—все пошло на оргіи двора.

Что дѣлалось во Франціи въ 18 столѣтіи при дворѣ и въ аристократическомъ кругу, читателю разумѣется очень хорошо извѣстно, потому что объ этомъ предметѣ было писано гораздо болѣе, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Но даже и Германія, съ своими миніатюрными дворами и крошечной аристократіей, повторяла тоже самое, и разумѣется, для удовлетворенія страсти къ мотовству и распутству, должна была сильнѣе обирать народъ, чѣмъ правители такихъ странъ, какъ Франція. Впрочемъ результатъ былъ одинъ — тратилось все, что собиралось, — и какъ никакимъ гнетомъ нельзя было уже выжать изъ совершенно отощавшаго народа болѣе того, что онъ давалъ, ибо онъ отдавалъ послѣднее, то дѣлали долги, уплата которыхъ съ процентами падала опять на тотъ же самый народъ. Первымъ мотомъ между нѣмецкими государями былъ разумѣется Августъ II. Про него разсказываютъ, что у него было 350 побочныхъ дѣтей. Уже этого одного факта было бы достаточно, чтобы

оцѣнить характеръ жизни и наклонности Августа. Но онъ умѣлъ тратить деньги и на другіе предметы. На одномъ изъ придворныхъ баловъ онъ былъ такъ великолѣпно замаскированъ, что одни драгоцѣнные камни, бывшіе на немъ, стоили многихъ милліоновъ. При пріемѣ турецкаго посланника, котораго Августъ хотѣлъ удивить азіятской роскошью, Августъ сидѣлъ на тронѣ въ платьѣ изъ разрѣзнаго фіолетоваго бархата, усаженнаго брильянтовыми пуговицами, стоившими до милліона талеровъ.

Придворный историкъ короля, описывающій все это, прибавляетъ, что онъ долженъ подробно описывать празднества и церемоніи потому, что въ нихъ особенно блеститъ высокій умъ и изящный вкусъ его величества короля, который устроивалъ и придумывалъ все самъ. И между тѣмъ такой высокій умъ совершенно истощилъ Саксонію и былъ постоянной политической игрушкой своихъ сосѣдей и особенно Петра Великаго. Впрочемъ панегиристъ и самъ соглашается, что о жителяхъ, умиравшихъ буквально съ голоду,—такъ было напримѣръ въ Рудовыхъ горахъ,—заботились не съ такимъ высокимъ умомъ, какъ о балахъ, маскерадахъ и придворныхъ танцорахъ. Придворныя увеселенія тянулись обыкновенно по нѣскольку недѣль, и каждое послѣдующее превосходило роскошью предыдущее. Когда графъ Фризенъ женился на графинѣ Козель, побочной дочери короля, то Августъ, собравъ въ Пильницѣ весь придворный штатъ и нѣсколько саксонскихъ полковъ, устроилъ такія увеселенія, «какихъ, какъ говоритъ его историкъ, не видано было ни на одномъ графскомъ бракосочетаніи, съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ». И подобные праздники повторялись каждый годъ. Разсказываютъ, что Августъ, желая поразить сюрпризомъ прусскаго наслѣднаго принца, привелъ его въ волшебно-освѣщенную комнату, гдѣ на софѣ лежала совсѣмъ голой дочь его Оржельская. Она была самой любимѣйшей любовницей своего отца, но впрочемъ предпочитала ему своего своднаго брата, графа Рудецкаго; а если вѣрить скандалезной хроникѣ того времени, то была благосклонна и ко всѣмъ своимъ братьямъ, число которыхъ было весьма велико. Въ то время, какъ дворъ веселился такимъ образомъ, Ландтагъ, по случаю стоянки шведскихъ солдатъ на зимнихъ квартирахъ, доносилъ коротко, «что многіе жители, по причинѣ слишкомъ большихъ притѣсненій и недостатка въ средствахъ существованія, впадали въ меланхолію, отчаяніе и даже доходили до самоубійства, потому что у нихъ безжалостно отнимали

скотъ и всякія домашнія вещи и продавали все за полцѣны жидамъ; у нихъ требовали кушанья солдатамъ, на которое непремѣнно каждый день выходило не менѣе двухъ фунтовъ мяса съ зеленью и двумя кружками пива—это стоило отъ 8 до 10 грошей и взыскивалось австрійской монетой».

При другихъ дворахъ дѣлалось тоже самое—измѣнялись только частности, но не сущность. При Баварскомъ дворѣ напримѣръ деньги тратились преимущественно на охоту, собакъ, лошадей и на процессіи. При дворѣ было около тридцати трехъ торжественныхъ дней. Въ Вюртембергѣ управленіе находилось въ рукахъ любовницы герцога—и какого рода было это правленіе, можно судить изъ того, что когда она захотѣла, чтобы ея имя упоминалось въ церковныхъ молитвахъ, то прелатъ Осіандеръ отвѣтилъ, что о ней молятся всегда въ «Отче нашъ», когда говорятъ: «избави насъ отъ лукаваго». При такомъ порядкѣ вещей всѣмъ пройдохамъ, шарлатанамъ, фокусникамъ и вообще людямъ потѣшавшимъ дворъ было совершенное раздолье. Что не тратилось на нихъ, то разворовывали. Когда умеръ герцогъ Карлъ Александръ и вскрыли его тѣло, то нашли, что «грудь его была до того наполнена пылью, дымомъ и чадомъ карнавала и оперы, что suffocatio sanguinis было неизбѣжно».

Духовные правители отличались тоже безумною расточительностію. Епископъ Бамбергскій и Вюрцбургскій держалъ у себя полный придворный штатъ: у него было по меньшей мѣрѣ тридцать каммергеровъ и шестнадцать цуговъ лошадей для каретъ. «За столомъ епископъ сидѣлъ въ креслѣ, обитомъ краснымъ бархатомъ съ золотыми кистями. Подавалось двѣ перемѣны кушанья—каждая изъ четырнадцати блюдъ; столько же блюдъ составлялъ дессертъ. Девять пажей стояли вокругъ стола и разставляли кушанья, разносимыя драбантами, которые были одѣты въ сапоги со шпорами и имѣли на себѣ ремни для карабиновъ. Драбантамъ предшествовалъ унтеръ-офицеръ, со шляпою подъ мышкой; другой унтеръ-офицеръ замыкалъ шествіе». Мы приводимъ только одинъ примѣръ, чтобы не растягивать статьи; но при всѣхъ духовныхъ дворахъ дѣлалось тоже самое.

Даже добродѣтели того времени отличались вполнѣ восточно-деспотическимъ характеромъ, хотя добродѣтельныхъ правителей и было очень мало во все столѣтіе. Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій, отецъ Фридриха Великаго, былъ однимъ изъ числа ихъ. Онъ отличался чрезмѣрной простотой и грубостью жизни, дѣлавшими его совершен-

ной противуположностью изысканному и вмѣстѣ съ тѣмъ грубому разврату на французскій ладъ, господствовавшимъ при другихъ дворахъ Европы. Фридрихъ Вильгельмъ ненавидѣлъ знатныхъ пьяницъ и мотовъ, составлявшихъ вездѣ придворную челядь, жившую на счетъ ограбленнаго народа, и не особенно жаловалъ дворянство. Разъ предводитель дворянства Восточной Пруссіи, графъ Фонъ Дона, представилъ королю записку, разумѣется на французскомъ языкѣ, въ которой протестовалъ противъ общей поземельной подати съ гуфы, говоря, что «tout le pays sera ruiné». Король отвѣтилъ ему: «Tout le pays sera ruiné? Nihil credo, но credo, что власть дворянства пошатнется. Я хочу утвердить souveraineté, какъ rocher de bronze». Фридрихъ Вильгельмъ стоялъ крѣпко за народъ, и во всѣхъ его дѣйствіяхъ было одно стремленіе улучшить положеніе народа, сдѣлать страну богаче и прекратить безпутное мотовство. Въ своей частной жизни король былъ похожъ на зажиточнаго простолюдина и хотя дочь его увѣряетъ въ своихъ запискахъ, что за столомъ можно было встрѣтить только капусту, рѣпу, горохъ и сало, но панегиристъ Фридриха, Фоссманъ, говоритъ другое: «сластей, тонкихъ и заморскихъ кушаньевъ у короля конечно не водилось—развѣ только для королевы, но рыбы и дичи было въ изобиліи». Семью свою король держалъ въ суровой дисциплинѣ и заставлялъ ихъ жить совсѣмъ не на придворный ладъ. Въ загородномъ замкѣ Вустергаузенѣ, гдѣ король проводилъ лѣто, семейство его запирали на ночь точно въ тюрьмѣ; а разъ онъ велѣлъ передать королевѣ, чтобы у нея, въ Монбижу, не собиралось такъ поздно общество, потому что король можетъ узнать и разсердиться.

Подобнымъ же турецкимъ произволомъ отличался Фридрихъ и во всемъ остальномъ. Науку онъ не признавалъ, потому что въ книгахъ и въ ученыхъ встрѣчалъ только безтолковость; о философіи, поэзіи не имѣлъ никакого понятія, даже не зналъ нѣмецкой грамматики и писалъ безъ всякой орѳографіи, но за то онъ цѣнилъ положительныя, практическія знанія. Однимъ словомъ это былъ человѣкъ со всѣми недостатками и достоинствами здравомыслящаго простолюдина того времени. На юриспруденцію онъ имѣлъ свой особенный взглядъ т. е. тоже турецкій. Находя совершенно справедливымъ, что если крестьянинъ затѣваетъ тяжбу о десятинѣ земли въ Помераніи, то нелѣпо справляться у ученыхъ, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ Юстиніанъ и юристы древности, онъ полагалъ

однако, что правитель поступаетъ хорошо, если, вмѣшиваясь въ рѣшенія судебныхъ мѣстъ, отмѣняетъ и измѣняетъ приговоры по своему личному воззрѣнію. Поэтому, не обращая никакого вниманія на судопроизводство и законодательство, онъ дѣлалъ что ему вздумается, ввелъ жестокія пытки и наказанія и расправлялся нерѣдко собственноручно. Женщины и дѣти обыкновенно его бѣгали, потому что онъ имѣлъ привычку обо всемъ распрашивать, и если что не понравится, то колотилъ палкой. Впрочемъ и бѣгать отъ него было рисковано. Онъ посылалъ въ догонку, а за бѣгство колотилъ особенно крѣпко, или же отправлялъ въ смирительный домъ и даже въ крѣпость. Какъ онъ распоряжался въ уголовныхъ дѣлахъ, покажутъ слѣдующіе два факта. Одинъ чиновникъ обсчиталъ колонистовъ въ деньгахъ, выданныхъ имъ королемъ. Судъ приговорилъ виновнаго къ тюремному заключенію; но король велѣлъ поставить висѣлицу, и когда виновный, опираясь на свои дворянскія привиллегіи, предлагалъ королю возвратить деньги, Фридрихъ отвѣтилъ: «я не хочу твоихъ шельмовскихъ денегъ»—и велѣлъ повѣсить Женщинъ-дѣтоубійцъ онъ заставлялъ шить мѣшки, въ которые ихъ завязывали и бросали въ воду.

Совершенно въ томъ же духѣ дѣйствовалъ Фридрихъ и въ экономическомъ отношеніи. Онъ видѣлъ необходимость развитія мануфактурной и земледѣльческой промышленности и возвышенія матеріальнаго благосостоянія народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ, что никто не понимаетъ такъ хорошо это дѣло, какъ онъ, и потому распоряжался чисто полицейскимъ манеромъ. Разъ въ немъ явилась какая-то непонятная ненависть къ хлопчатой бумагѣ, и онъ не только запретилъ всѣ бумажныя матеріи, но даже назначилъ срокъ, къ которому должны быть уничтожены всѣ хлопчато-бумажныя издѣлія, какъ въ торговлѣ, такъ и въ частныхъ домахъ. Фридрихъ Вильгельмъ раззорилъ многихъ тѣмъ, что заставлялъ ихъ строиться въ Берлинѣ или въ Потсдамѣ. Никакія просьбы о пощадѣ не могли помочь: человѣкъ долженъ былъ купить землю и строить ненужный ему домъ. Эта система военно-полицейскаго управленія существовала въ тоже время и вездѣ. Фридрихъ Великій былъ въ этомъ случаѣ не лучше своего отца. Уже не говоря про то, что онъ ввелъ у себя французскую систему акциза, обложилъ платежемъ предметы самые необходимые для простаго народа и соль сдѣлалъ государственной регаліей,—онъ вздумалъ даже преслѣдовать употребленіе

кофе. «Въ дѣтствѣ я ѣлъ биръ-супъ; пусть ѣдятъ его бѣдные люди, тогда деньги не будутъ выходить изъ государства», сказалъ Фридрихъ, вводя свою новую мѣру. Кофе, изжаренный и смолотый, продавался акцизнымъ управленіемъ, по цѣнѣ чрезвычайно высокой; кто же покупалъ 20 фунтовъ, тотъ могъ жарить его дома и получалъ на это билетъ. Какъ всякая дурная мѣра, и это постановленіе призвало къ дѣятельности разныхъ темныхъ людей, для которыхъ шпіонство сдѣлалось промысломъ. Вотъ что говоритъ современникъ: «День и ночь ходятъ по улицамъ дозорщики, и гдѣ услышатъ запахъ жаренпаго кофе, требуютъ, чтобы имъ показали акцизный билетъ на право жарить его. Если нѣтъ билета, кофе конфискуется, а преступникъ наказывается. Но какъ акцизные досмотрщики не могутъ усмотрѣть за обширнымъ городомъ и его окрестностями, на протяженіи полумили, то выдрессировано для надзора множество инвалидовъ. Часть конфискованнаго дается имъ въ награду; кромѣ того, каждый инвалидъ получаетъ 6 талеровъ жалованья въ мѣсяцъ». И такая мѣра была принята не въ одной Пруссіи: въ Ганноверѣ и Гессенѣ изданы подобныя же постановленія, а епископъ Гильдесгеймскій объявилъ, «что каждый горожанинъ, подмастерье, поселянинъ, работникъ и работница должны за каждый разъ, когда будутъ пить кофе, платить шесть маріинскихъ грошей штрафа». Такимъ образомъ бѣдному человѣку не позволяли даже пить кофе и сдѣлали его привиллегіей только дворянства и людей со средствами. Въ Ганноверѣ поступили еще лучше. Тамъ кабинетскимъ повелѣніемъ 24 октября 1780 года постановлено, что въ княжествахъ Календергскомъ, Геттингенскомъ, Грубенгагенскомъ, Люнебургскомъ, въ графствахъ Гайскомъ и Дипгольцкомъ поселяне не должны совсѣмъ пить кофе. Факты эти интересны между прочимъ еще и потому, что показываютъ, какъ иногда правительства бываютъ хорошо знакомы съ современными науками. Но нѣмецкія правительства не только не хотѣли справляться съ тѣмъ, какъ смотритъ на то или на другое дѣло политическая экономія,—они не обращали вниманія и на страшный ропотъ французовъ на систему акциза и раззореніе народа откупщиками и вводили у себя именно то, что послужило во Франціи одной изъ причинъ паденія дворянства. Здѣсь кстати замѣтимъ, что Фридрихъ Великій не отличался дальновидностью съ своихъ экономическихъ соображеніяхъ. Въ то время, когда дворянство начало уже падать, а среднее сословіе выступало какъ новая экономическая си-

ла,—Фридрихъ всѣми мѣрами старался поддерживать дворянъ. Послѣ семилѣтней войны онъ роздалъ дворянамъ огромныя суммы на поддержаніе ихъ хозяйства; давалъ имъ большія деньги на уплату долговъ, заботился особенно объ училищахъ для дворянскихъ дѣтей, а для людей средняго сословія, въ рукахъ котораго находилась вся промышленность и торговля, не дѣлалъ почти ничего и даже полагалъ, что большое образованіе имъ вредно.

Какъ всѣ удобства матеріальной жизни составляли привиллегію дворовъ и людей высшаго свѣта, также точно составляли ихъ привиллегію и высшія умственныя наслажденія. Разумѣется было бы несправедливо утверждать, что наука и литература находили себѣ въ этомъ слоѣ истинныхъ цѣнителей: то было скорѣе дѣломъ моды, чѣмъ потребности. Тѣмъ не менѣе высшій кругъ помогъ много новымъ писателямъ и распространенію новыхъ идей, явившихся изъ критики господствовавшихъ тогда старыхъ началъ. Если бы блестящіе салоны аристократическихъ дамъ могли бы предвидѣть, что ихъ модничанье, основанное больше на суетности, поможетъ распространенію идей между такими людьми, вовсе не аристократическаго происхожденія, которые захотятъ извлечь изъ своихъ новыхъ понятій практическую пользу, то это можетъ быть и охладило бы дамъ къ ихъ литературнымъ собраніямъ, но они этого предвидѣть не могли. Точно также не понималъ своей ошибки и французскій дворъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія ни на литературу и литераторовъ, ни на науку и ученыхъ; а занимался больше пиршествами, балами, охотами и любовными похожденіями. Когда же, понявъ свою ошибку, дворъ захотѣлъ сблизиться съ свѣтилами литературнаго міра, то было уже поздно. Между тѣмъ въ началѣ ему бы ничего не стоило привлечь аристократическихъ литературныхъ свѣтилъ на свою сторону и сдѣлать изъ нихъ придворныхъ поэтовъ. Особенно удобенъ былъ для этого Вольтеръ, жившій постоянно въ высшемъ кругу, знавшій его такъ коротко, какъ только можно, и писавшій исключительно для высшаго общества. Оттого, что дворъ отказался управлять ходомъ просвѣщенія и мнѣніями и занимался только удовольствіями и полицейскимъ управленіемъ страны, городское общество взяло на себя литературное законодательство, сосредоточило въ извѣстныхъ кружкахъ всѣ умственныя силы того времени, скоро стало въ опозицію двору и даже приняло демократическій оттѣнокъ. Вслѣдствіе такой ошибки двора все отвергаемое имъ группирова-

лось въ другихъ мѣстахъ и вскорѣ образовалось въ Парижѣ нѣсколько литературныхъ салоновъ. Болѣе замѣчательными изъ нихъ были салоны г жъ Тансенъ, Жоффренъ, Дюдеффанъ и д'Эпинассъ. Такіе же салоны образовались и въ Лондонѣ. Салоны эти были не только источниками, откуда распространялись новыя идеи, но они считались всей Европой школами хорошого тона. Разумѣется, новыя идеи и хорошій тонъ были достояніемъ только людей аристократическаго круга и не спускались ниже; такъ что либеральный Фридрихъ Великій терпѣлъ очень свободныя мысли, если они высказывались по французски и помѣщались во французскихъ сочиненіяхъ, но за подобныя же мысли, высказанныя на нѣмецкомъ языкѣ, сажалъ въ тюрьму. Домъ г-жи Жоффренъ имѣлъ такое значеніе, что нѣмецкіе дворы держали въ Парижѣ особенныхъ корреспондентовъ, обязанныхъ доносить обо всѣхъ мелочахъ, совершающихя въ этомъ источникѣ хорошаго тона и занимающихъ его представителей. Императрица Екатерина II держала при этомъ дворѣ также повѣреннаго, а Марія Терезія, во время проѣзда г-жи Жоффренъ изъ Польши, приняла ее съ высокими почестями. Г-жа Жоффренъ отличалась дѣйствительно привлекательностью въ обращеніи, очень хорошо угощала на своихъ вечерахъ и заботилась о томъ, чтобы людямъ было весело, но все таки представителей литературы и науки, несмотря на ихъ громкія имена и дѣйствительно громадныя заслуги называла въ шутку: «mes animaux», или: «ma menagèrie». А когда, по случаю пріѣздовъ иноземныхъ государей, министровъ или другихъ знатныхъ лицъ, устроивали обѣды, то они имѣли въ сущности видъ учено-литературныхъ парадовъ и торжественныхъ смотровъ ея литературныхъ диковинокъ. Хотя германскіе дворы, Фридрихъ II, парижскіе и англійскіе салоны пользовались литературными знаменитостями и ихъ произведеніями лично для себя, нисколько не желая, чтобы идеи эти прошли дальше къ людямъ не аристократическаго происхожденія, хотя нѣкоторые сочиненія даже сжигались рукою палача, и авторовъ иногда сажали въ тюрьмы; тѣмъ неменѣе умственное движеніе и критика всего существующаго, явившаяся сначала въ Англіи, скоро перешли во Францію, а наконецъ въ Германію и распространились по всей Западной Европѣ, такъ что новыя идеи сдѣлались скоро достояніемъ средняго сословія, задумавшаго воспользоваться ими для улучшенія своего положенія.

Въ это время было уже замѣчено, что новыя идеи грозятъ ста-

рому порядку, и потому начали строго преслѣдовать ихъ распространеніе. Но никакія полицейскія мѣры и строгія наказанія не помогали, да и не могли помочь. Причина заключалась въ томъ, что новыя идеи стояли слишкомъ близко къ вопросамъ жизни. Не метафизики и отвлеченныхъ предметовъ касались они, а улучшенія быта всѣхъ классовъ и возвышенія матеріальнаго благосостоянія людей. Тѣ, кто натерпѣлся отъ притѣсненія богатыхъ и знатныхъ, для кого жизнь не представляла ничего кромѣ постоянныхъ лишеній, взяли разумѣется близко къ сердцу все, что указывало имъ на причины зла и давало надежду улучшить свое положеніе. Общественные вопросы разбирались во всей ихъ полнотѣ: обсуживались отношенія народа къ церкви, къ государству, къ правительству. Идеальное стало смѣшнымъ и требованія разсудка были поставлены на первомъ планѣ. Къ этому присоединились еще разработка экономическихъ вопросовъ, разъясненіе причинъ общей бѣдности и наконецъ промышленныя изобрѣтенія и открытія, увеличившія массу людей со средствами и давшія силу среднему сословію.

Ненужно было большаго ума, чтобы понять, что богатство есть сила, что во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ были сильные лишь богатые, что только бѣдностью и богатствомъ обусловливалось дѣленіе людей на повелѣвающихъ и повинующихся, что богатые всегда повелѣвали, а бѣдные всегда повиновались. Но это теоретическое представленіе принесло бы еще мало пользы, если бы въ тоже время не была разъяснена сущность главныхъ экономическихъ явленій, неявились машины и разныя техническія открытія и усовершенствованія. Этимъ путемъ вопросъ изъ теоретическаго сдѣлался практическимъ, а во Франціи число обезпеченныхъ людей увеличилось значительно еще и продажей конфискованныхъ имуществъ.

Когда такимъ образомъ явилась сила въ среднемъ сословіи,—сословіи, забравшемъ въ свои руки всю промышленную и торговую дѣятельность, то очевидно, что идеи и стремленія средняго сословія должны были также получить небывалую до того силу. И среднее сословіе стало играть роль, какой бы оно никогда не играло безъ промышленныхъ изобрѣтеній и машинъ, и въ дѣлахъ, косающихся управленія стало получать численный перевѣсъ. Съ тѣхъ поръ появляется то стремленіе къ матеріальному благу и жажда къ деньгамъ и къ обогащенію, которымъ такъ отличается девятнадцатое столѣтіе.

Но и тѣ, кто съ появленіемъ сильной буржуазіи должны были по-

терять въ своемъ значеніи, не хотѣли также уступить легко свои права. Они не хотѣли знать того, что передъ ними не буржуазія, а новый небывалый до того элементъ—въ новыхъ идеяхъ и въ новыхъ изобрѣтеніяхъ. Не смотря на то «сынъ революціи», Наполеонъ, считавшій «идеалогіей» все то, что мѣшало его честолюбію или ослабляло его власть, пошелъ противъ всѣхъ новыхъ идей, начавъ 18 брюмера государственной измѣной и нарушеніемъ государственнаго уложенія. Ему не казалось ни сколько страннымъ начать конституцію 1804 г. слѣдующимъ образомъ: «управленіе *республикой* ввѣряется *императору*». Разумѣется, это не было идеалогіей и Наполеонъ употребилъ всѣ свои силы, чтобы недавать ей никакого хода. Для этого онъ принялъ очень строгія цензурныя мѣры противъ малѣйшей свободы мысли и свободы слова; онъ покровительствовалъ только тому, что приносило внѣшнія реальныя выгоды и заботился исключительно о тѣхъ знаніяхъ, которыя имѣли непосредственное отношеніе къ жизни; онъ создалъ вновь болѣе сотни маршаловъ, бароновъ, графовъ, герцоговъ, онъ окружилъ свой дворъ великолѣпіемъ и пышностью, какихъ не знала Франція даже въ восьмнадцатомъ столѣтіи; онъ столпилъ къ себѣ опять древнее придворное дворянство; наконецъ, подобно Соломону, онъ думалъ, что въ его головѣ заключается весь умъ Франціи, что онъ можетъ образовать общественное мнѣніе и руководить имъ. Но, при всей своей военной геніальности Наполенъ именно и ошибся въ этомъ. Наполеонъ, возстановляя старый порядокъ, хотѣлъ противодѣйствовать развитію новыхъ началъ. Но онъ впалъ въ противорѣчія. Онъ думалъ остановить развитіе мысли, и въ тоже время покровительствовалъ всему положительному и матеріальному, имѣющему непосредственное отношеніе къ жизни. Но какъ всякое матеріальное развитіе увеличиваетъ кругъ экономической дѣятельности человѣка, а съ большей дѣятельностью человѣкъ начинаетъ и понимать больше, и съ средствами для жизни получаетъ и большій досугъ для мысли, то очевидно, что покровительствуя одному, покровительствуешь и другому. Чтобы остановить мысль, нужно имѣть возможность довести людей до той первобытной бѣдности, когда тяжкій трудъ поглощалъ все время человѣка: если можно достигнуть этого, то можно и затупить людей. Достигнуть же этого нельзя, потому что нельзя уничтожить ни изобрѣтеній людей, ни ихъ вещественныхъ богатствъ. Такимъ образомъ экономическій прогрессъ неизбѣженъ, а съ нимъ

неизбѣжно и умственное развитіе. Слѣдовательно всякая помѣха мысли мѣшаетъ и экономическимъ стремленіямъ и если старое начало хочетъ подавить мысль, то этимъ самымъ оно ведетъ къ бѣдности. Но какъ ему самому нужна не бѣдность, а богатство, то очевидно, что ему приходится выбирать одно изъ двухъ или людскую тупость, съ общей бѣдностью, или матеріальное благосостояніе съ развитіемъ мысли. Ясно, что послѣднее возьметъ перевѣсъ. Но на время можно остановить или замедлить движеніе. Такъ и сдѣлалъ Наполеонъ. Впрочемъ, противодѣйствуя новымъ началамъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствовалъ и представителямъ старыхъ, потому что хотѣлъ поступать съ ними также, какъ поступалъ съ своими подданными. Этимъ онъ вооружилъ противъ себя правительства всей Европы.

Но ни возвратъ Наполеона къ старымъ началамъ, ни реставрація не могли реставрировать вполнѣ прошедшаго и это потому же закону, по которому десятилѣтній мальчикъ не можетъ сдѣлаться восьмилѣтнимъ. Впрочемъ при нѣкоторыхъ внѣшнихъ перемѣнахъ сущность осталась почти таже, потому что попрежнему все значеніе принадлежало немногимъ; а массамъ населеній, если не стало хуже, то не сдѣлалось и лучше. Въ словахъ этихъ — т. е. что нельзя было реставрировать вполнѣ прошедшаго и что въ сущности осталось все тоже—можетъ показаться читателю нѣкоторое противорѣчіе, но противорѣчія тутъ нѣтъ. Дѣло происходило такъ. Идеи, назначавшіяся первоначально для парижскихъ и англійскихъ салоновъ, для аристократіи и дворовъ, проникли въ болѣе низкій слой средняго сословія; машины, придуманныя способными людьми, послужили для учрежденія фабрикъ и разныхъ промышленныхъ предпріятій также средняго сословія, но дальше они не пошли. Такимъ образомъ среднее сословіе, забравъ силу, взяло перевѣсъ надъ прежней родовой аристократіей. Сила аристократіи убавилась, а сила средняго сословія увеличилась. Эту перемѣну можно выразить слѣдующимъ примѣрнымъ отношеніемъ: если масса народа равнялась 1,000, среднее сословіе—100, а аристократія—10; то произошло только сліяніе послѣднихъ двухъ величинъ, и какъ прежде 1,000 относилась къ 110, такъ она относится и нынче. Весь выигрышъ достался на долю средняго сословія, аристократія проиграла, а народъ остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и прежде.

Когда среднее сословіе задумало увеличить свои права, и увидѣло, что безъ физической силы ему не достигнуть своей цѣли, то оно при-

влекло на свою сторону народъ. Онъ разумѣется расчитывалъ выиграть тоже; но на дѣлѣ случилось иначе. Народомъ пользовались, и льстили ему пока онъ былъ нуженъ, а потомъ отступались отъ него. Когда же аристократія увидѣла, что дѣло ея проиграно, и среднее сословіе поняло, что ему выгоднѣе пристать къ аристократіи, потому что у нихъ интересы общіе, то сословія эти слились и пошли вмѣстѣ однимъ путемъ. Между тѣмъ, въ томъ же среднемъ сословіи нашлись люди, видѣвшіе хорошо силу новаго союза и положеніе ничего не выигравшаго народа. Они приняли сторону послѣдняго. Тогда возникла та борьба, которая придаетъ особенный характеръ девятнадцатому столѣтію. Такъ какъ среднее сословіе стало сильно матеріальными средствами и умственнымъ развитіемъ, то люди, принявшіе сторону народа, хотѣли и ему доставить тоже самое. Но борьба была слишкомъ неровна: какъ прежде среднее сословіе одолѣло аристократію, такъ теперь оно одолѣло народъ—и онъ обманулся въ своихъ надеждахъ еще разъ. Революціонныя попытки возбудили однако безпокойство правительствъ и вездѣ были приняты военно-полицейскія мѣры, чтобы—выражаясь оффиціальнымъ языкомъ—поддержать пошатнувшійся порядокъ. Въ такомъ положеніи находятся въ настоящее время дѣла въ Европѣ. Шлоссеръ говоритъ: «хитрые враги всякаго благороднаго и свободнаго движенія лукаво и насмѣшливо смотрятъ на безумство и ослѣпленіе людей, думающихъ, что ихъ слова, планы и братства возвратятъ золотой вѣкъ испорченному и утопающему въ чувственности поколѣнію; они запутываютъ несчастныхъ въ ихъ собственныя сѣти, чтобы погубить ихъ». (Истор. 18 ст. введеніе). При этомъ Шлоссеръ замѣчаетъ, что такія мѣры приведутъ къ новымъ революціямъ. Оставляя этотъ вопросъ, какъ неотносящійся къ предмету нашей статьи, мы обращаемся къ тому трудному положенію, въ которомъ долженъ находиться историкъ, задумавшій искать въ Европѣ законы развитія человѣчества.

Было бы большой натяжкой утверждать, что древній востокъ продолжается безъ измѣненія въ новой Европѣ; но будетъ такой же натяжкой и мысль, что западная Европа отрѣшилась вполнѣ отъ восточныхъ принциповъ и идей. Историкъ замѣчаетъ прежде всего то безусловное вліяніе, какое имѣютъ отдѣльные люди на судьбу народовъ, и какъ мало измѣнился коллективный организмъ, принимающій по прежнему и то, что можетъ ему вредить, и то, что можетъ приносить пользу. Разумѣется во многомъ есть у него уже опытъ, но

изъ этого слѣдуетъ только одно, что нужно умѣть пользоваться коллективнымъ организмомъ и умѣть предлагать ему лекарства. Во всякомъ случаѣ онъ въ рукахъ своего доктора. Природа не поможетъ историку, если онъ вздумаетъ искать въ ней объясненіе этого факта. Онъ можетъ замѣтить только одно, что она дала способностямъ европейца нѣсколько другое направленіе, чѣмъ способностямъ древняго египтянина. Далѣе историкъ замѣтитъ, что европеецъ развивается теперь независимо отъ окружающей его природы, подъ вліяніемъ силы экономическаго прогресса. Въ этой силѣ заключается, безъ сомнѣнія, основной двигатель общественнаго развитія. Но есть еще и другая сила, во многихъ случаяхъ имѣющая чисто матеріальное, экономическое побужденіе—метафизическое міросозерцаніе. Чтобы разъяснить себѣ разнообразные оттѣнки, а потому и разное вліяніе этой силы, нужно опредѣлить и первоначальныя идеи отдаленной древности, и самыя послѣднія понятія, и наконецъ всѣ промежуточныя степени. Кромѣ этихъ обстоятельствъ, опредѣляющихъ отношеніе человѣка къ обществу, есть еще другія не менѣе важныя: развитіе отдѣльнаго человѣка подъ вліяніемъ его семейнаго быта. Изъ того, что семья имѣетъ патріархальный характеръ, видна ея тѣсная связь съ очень глубокой древностью. Такимъ образомъ семья служитъ непосредственной связью отдаленнаго и новаго, и человѣкъ вноситъ въ общественную жизнь то, что вложила въ него семейная традиція. Вліяніе патріархальнаго быта обнаруживается также и въ равноправности женщины съ мужчиною. Обращая вниманіе на тѣ способы, какими человѣкъ подготовляется къ общественной дѣятельности, историкъ увидитъ, какъ слабо образованіе, какъ мало имѣетъ человѣкъ свободы для самостоятельнаго развитія и какъ сжата вообще мысль, если она не имѣетъ прямаго отношенія къ матеріально-полезному. Даже частная и общественная нравственность развиваются не свободнымъ путемъ. Правда, нынче уже нѣтъ наглаго мотовства и распутства восьмнадцатаго столѣтія, но тѣмъ не менѣе существуетъ развратъ тайный, и нравственность, возстановляемая полицейскимъ порядкомъ, смѣнилась приличіемъ и заботой о репутаціи.

Чтобы изслѣдовать законы развитія, историку нужны пріемы химика. Ему нужно опредѣлить всѣ элементы общаго состава и всѣ разнообразныя отношенія, въ которыхъ вещества, соединяясь между собой, создали то, что называется исторіей человѣчества. Какъ только онъ коснется этого, то увидитъ, что въ сочетаніи элементовъ есть

особенность, по которой отдѣльныя частицы приходятъ въ тѣ или другія отношенія не по свободному сродству, а вслѣдствіе возбуждающей силы особаго фермента, дающаго смѣси тотъ или другой характеръ и заставляющаго частицы соединяться въ извѣстныхъ пропорціяхъ. Этимъ ферментомъ служитъ преобладающая часть общества, такъ что цѣлое является только выраженіемъ свойствъ и качествъ меньшинства. Но и эта часть подчиняется извѣстнымъ законамъ, по которымъ она дѣйствуетъ такъ, а не иначе. Поэтому историкъ, захотѣвшій опредѣлить эти законы, пришелъ бы къ опредѣленію свойствъ и активной силы только фермента. Онъ увидѣлъ бы тутъ тѣсную связь развитія Европы съ тѣмъ, что она вынесла изъ колыбели рода человѣческаго; онъ найдетъ то поразительное родство съ востокомъ, въ которомъ убѣдятъ его не только многія основанія учрежденій, вѣрованія, предразсудки, суевѣрія, народныя преданія, но даже и родство языковъ. Такимъ образомъ предъ нимъ явится картина общей связи, гдѣ началомъ служатъ первоначальное міросозерцаніе и первое представленіе объ отношеніяхъ людей, завершающееся послѣдней цивилизаціей Европы. Названіе Старый Свѣтъ, подъ которымъ географы понимаютъ Европу, Азію и Африку, получитъ для историка болѣе глубокій смыслъ; онъ увидитъ здѣсь ту химическую лабораторію, гдѣ и до сихъ поръ совершается работа подъ вліяніемъ толчка, даннаго глубокой древностію. Связь очевидна, каждая причина вела непремѣнно къ извѣстнымъ слѣдствіямъ, но какъ историкъ опредѣлитъ изъ нихъ законъ будущей цивилизаціи, когда ему неизвѣстны свойства всѣхъ основныхъ элементовъ человѣческаго общества? Общество состоитъ изъ отдѣльныхъ единицъ, каждая личность развивается и дѣйствуетъ по своимъ физіологическимъ законамъ, слѣдовательно и правильное сужденіе о совокупной силѣ цѣлаго можно опредѣлить только въ томъ случаѣ, когда совершаются свободныя комбинаціи и когда каждая особь имѣетъ возможность проявить всѣ свои индивидуальныя особенности. Поэтому очевидно, что, для опредѣленія законовъ развитія, историку нужно изслѣдовать такое человѣческое общество, гдѣ эти отношенія отдѣльныхъ личностей приближаются по возможности къ идеалу свободнаго развитія и свободнаго проявленія своихъ свойствъ. Эту возможность представляетъ ему Новый Свѣтъ. И здѣсь является историку смыслъ болѣе глубокій, чѣмъ одно представленіе о времени, — о странѣ, открытой въ концѣ XV столѣтія. Америка представляетъ собой начало второго періода развитія человѣческихъ обществъ, ко-

гда основные элементы находятся въ отношеніяхъ болѣе благопріятныхъ для правильнаго развитія цѣлаго организма, и слѣдовательно историку легче придти къ общимъ выводамъ и къ безошибочному заключенію. Мы говоримъ, разумѣется, не о всей Америкѣ, а только о Соединенныхъ штатахъ.

Если съ словомъ Западъ соединять понятіе о послѣдней цивилизаціи, а съ словомъ Востокъ понятіе о цивилизаціи первоначальной, то Америка разумѣется западъ по преимуществу. Но и она ведетъ свое происхожденіе отъ востока, съ той только разницей противъ Европы, что многіе элементы, имѣющіе и до сихъ поръ большое значеніе въ Старомъ Свѣтѣ, не были совершенно перенесены въ Новый Свѣтъ. Отъ этого развитіе въ немъ цивилизаціи должно было совершаться путемъ болѣе легкимъ и быстрымъ, безъ той борьбы и тѣхъ препятствій, какія представлялись постоянно въ Старомъ Свѣтѣ.

Начало Соединеннымъ штатамъ положили въ Америкѣ англійскіе переселенцы. Первое поселеніе было основано въ 1585 году весьма предпріимчивымъ мореходомъ Вальпиромъ Ралеемъ, получившимъ отъ королевы Елизаветы во владѣніе небольшую часть территоріи. Въ честь королевы-дѣвственницы онъ назвалъ свое владѣніе Virginia. Для заселенія потребовались люди, и вотъ въ Америку двинулись всѣ тѣ, кому Европа была по какимъ либо причинамъ тяжела. Главными выходцами были преимущественно люди, терпѣвшіе въ Европѣ гоненія за свои религіозныя убѣжденія. Чѣмъ сильнѣе были гоненія, тѣмъ больше шло людей въ Америку. Уже и при Елизаветѣ нашлось много выходцевъ между людьми нежелавшими подчиниться господствующей церкви, но переселенія особенно усилились во время религіозныхъ гоненій, поднятыхъ королями изъ дома Стюартовъ. Предпріимчивые и смѣлые люди, оставившіе Англію, основали въ Америкѣ нѣсколько колоній, получившихъ впослѣдствіи названіе Новой Англіи. Но самое важное вліяніе на весь послѣдующій общественный бытъ и государственныя учрежденія колоній имѣла Пенсильванія, основанная въ 1682 году Вильямомъ Пеномъ. Пенъ, отецъ котораго имѣлъ громадное состояніе, былъ квакеромъ. За свои религіозныя убѣжденія онъ терпѣлъ много отъ отца и сидѣлъ нѣсколько разъ въ тюрьмѣ; чтобы спасти своихъ одновѣрцевъ отъ гоненій, Пенъ, послѣ смерти своего отца, оставившаго ему все свое состояніе, купилъ въ 1681 году отъ правительства большую площадь земли на Делаварѣ, и пригласилъ туда своихъ одновѣрцевъ. Территорія Пенсильваніи находи-

лась подъ управленіемъ самаго Пена, давшаго колоніямъ составленное имъ самимъ уложеніе. Какъ человѣкъ высокихъ нравственныхъ правилъ и большаго ума, Пенъ, разумѣется, принялъ основой учрежденія полную религіозную терпимость и гражданскую свободу. Нѣмецкіе протестанты, гонимые Людовикомъ XIV, усилили англійское населеніе Пенсильваніи, которая вскорѣ достигла чрезвычайно цвѣтущаго состоянія. Подобнымъ же путемъ создались изъ преслѣдуемыхъ людей и другія колоніи, такъ что въ теченіе ста лѣтъ въ Америкѣ образовалась 13 штатовъ.

Хотя колонисты и пользовались правами англійскихъ гражданъ, т. е. правомъ назначенія налоговъ, выборомъ чиновниковъ и самоуправленіемъ, но англійское правительство, чтобы держать колоніи крѣпче въ своихъ рукахъ, пользовалась всякими обстоятельствами для расширенія своей власти и стѣсненія правъ поселенцевъ. Этого мало, Англія старалась всѣми мѣрами пользоваться выгодами отъ своихъ колоній, чтобы увеличивать свои средства. Она хотѣла сдѣлать изъ Америки рынокъ для сбыта своихъ произведеній; она запретила устроивать въ штатахъ фабрики такихъ предметовъ, которые ввозились туда изъ Англіц; по жалобѣ англійскихъ шляпныхъ фабрикантовъ, прекратили въ Америкѣ шляпную фабрикацію и даже хотѣли закрыть всѣ желѣзные заводы. Экономическій разсчетъ англичанъ былъ до того ошибоченъ, что лордъ Чатамъ сказалъ разъ, что колоніи не имѣютъ права сдѣлать сами для себя даже гвозди. Неудовольствіе американцевъ усилилось еще болѣе, когда англійское правительство начало налагать на колоніи подати, не спрашивая населенія, ввело штемпельную бумагу для актовъ и поставило на квартиры къ колонистамъ своихъ солдатъ. Жалобы парламенту на нарушеніе метрополіей правъ колоній почти не имѣло силы. Однако въ Англіи образовались партіи: благоразумные люди видѣли весь вредъ отъ распоряженій правительства не только для Америки, но и для самой метрополіи; но партія противная хотѣла настоять на своемъ. Въ парламентѣ возникли бурные, страшные споры, но парламентъ стоялъ на своемъ правѣ облагать колоніи податями, и въ слѣдующемъ же году наложилъ пошлину на чай, стекло, бумагу. Бостонскіе купцы рѣшили не пускать къ себѣ ни одинъ корабль съ товаромъ, обложеннымъ пошлиной, и когда пришли три груза съ чаемъ, то нѣсколько молодыхъ людей, переодѣтыхъ индѣйцами, побросали тюки въ море. Между тѣмъ волненія въ Англіи по поводу аме-

риканскаго вопроса продолжались. Геніальный Фоксъ держалъ разумѣется сторону американцевъ; рядъ блистательныхъ памфлетовъ, извѣстныхъ подъ именемъ писемъ Юніуса, усиливалъ волненіе еще больше, разжигая неудовольствіе къ неспособному министерству.

Когда американцы, собравшіеся на конгрессъ въ Филадельфіи, положили не допускать въ Америку никакихъ произведеній и товаровъ Англіи, и конгрессъ отправилъ посланія къ королю и къ англійскому народу, въ которыхъ доказывалъ, что американцы хотятъ только защитить свои права, добытыя ими въ потѣ лица, то англичане объявили Массачузетъ мятежнымъ, запретили сношенія съ американскими областями и привозъ туда оружія и военныхъ припасовъ. Американцы начали усиливать свою милицію, захватили англійское оружіе и учредили въ Конкордѣ складъ военныхъ снарядовъ. Начальникъ бостонскаго гарнизона выступилъ противъ американцевъ съ войсками, и при Лексингтонѣ произошла первая стычка. Новый конгрессъ, собравшійся въ Филадельфіи, поручилъ главное начальство надъ войскомъ Вашингтону и объявилъ, что «американцы рѣшились единодушно скорѣе умереть свободными, чѣмъ жить рабами». Война началась въ 1775 году, а въ октябрѣ 1783 года признана по Парижскому миру независимость Сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ.

Чтобы объяснить Европѣ причины, побудившія американцевъ искать независимости, конгрессъ издалъ декларацію. Въ ней излагается вся исторія постояннаго стремленія Георга III нарушить права колоній. Хотя цѣлый рядъ фактовъ, выведенныхъ въ деклараціи, и относится прямо къ англійскому королю, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ уже видны тѣ новые принципы, которые должны были дать будущимъ учрежденіямъ штатовъ характеръ, не похожій на учрежденія Англіи. Декларація начинается такъ: «Уваженіе къ мнѣніямъ рода человѣческаго требуетъ, чтобы люди объявляли причины, принуждающія ихъ къ расторженію политическихъ связей, соединявшихъ ихъ съ другими, когда по теченію человѣческихъ дѣлъ становится необходимъ такой разрывъ. Мы полагаемъ, что слѣдующія истины не нуждаются въ доказательствахъ. Всѣ люди родятся равными; всѣ одарены отъ Творца извѣстными неотъемлемыми правами. Въ числѣ этихъ правъ находятся жизнь, свобода и неудержимое стремленіе къ счастію. Американцы ссылаются на неотъемлемое право націи,—когда правленіе становится пагубнымъ для тѣхъ цѣлей, для которыхъ оно

учреждено,—образовать новое правленіе на принципахъ, обѣщающихъ дать имъ наиболѣе безопасности и счастія. Правда, благоразуміе повелѣваетъ, чтобы издавна учрежденныя правительства не были измѣняемы по легкимъ и скороприходящимъ причинамъ и весь опытъ показываетъ, что люди болѣе расположены терпѣть, пока бѣдствія бываютъ сносны, нежели возстановлять свои права отмѣненіемъ формъ, къ которымъ она привыкла. Но когда долгій рядъ злоупотребленій и превышеній власти, стремящихся неизмѣнно къ одной цѣли, обнаруживаетъ намѣреніе подвергнуть ихъ безграничному угнетенію, то право и обязанность требуютъ отмѣненія такой правительственной формы и введенія новыхъ гарантій для ихъ будущей безопасности. Исторія настоящаго короля Великобританіи есть исторія постоянныхъ несправедливостей и превышеній власти, имѣющихъ прямою цѣлью учрежденіе безусловнаго угнетенія надъ американскими провинціями.» Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе мѣръ Георга III, вызвавшихъ американское возстаніе. Не смотря на мягкую и скромную форму деклараціи, въ ней однако высказана довольно опасная мысль, особенно для того времени, что подданные не только могутъ измѣнять форму правленія, но даже и отстаивать свои права силой.

По окончаніи войны, когда энергія, соединявшая всѣхъ передъ бѣдой, ослабла, обнаружилось большое внутреннее разстройство и отсутствіе единства въ управленіи. Тогда въ маѣ 1787 года собрались уполномоченные отъ штатовъ, и составили конституцію, обнародованную въ іюлѣ 1788 года. Конституція эта послужила основаніемъ того быстраго развитія матеріяльнаго благосостоянія соединенныхъ штатовъ, которыми она такъ поразила Европу.

Въ томъ, до чего достигли Соединенные штаты, было бы странно видѣть нѣчто вполнѣ законченное. Полное совершенство есть начало конца. Поэтому люди, которые на указываемыя имъ хорошія стороны американской жизни отвѣчаютъ перечисленіемъ недостатковъ, и правы и неправы. Правы они тѣмъ, что недостатки эти дѣйствительно существуютъ, но неправы потому, что, требуя безусловнаго, идеальнаго совершенства, забываютъ, что въ Америкѣ больше хорошаго, чѣмъ дурнаго. Это значитъ, что условія тамошняго общежитія способствуютъ больше благоденствію, чѣмъ общей бѣдности. Только отъ этого Соединенные штаты и могли развиваться съ такой удивительной быстротой, показывающей, какъ великъ залогъ силы въ каждомъ человѣкѣ, заставляющей его стремиться къ устройству своего благо-

состоянія, когда эта сила не встрѣчаетъ препятствій. Извѣстно что первыя человѣческія общества, когда вся ихъ внѣшняя жизнь сосредоточивается на войнахъ, никогда не могутъ достигнуть матеріальнаго благосостоянія. Только успѣетъ страна устроиться, какъ найдутъ на нее воинственные сосѣди и разстроятъ и разграбятъ все. Война кончилась, люди принялись снова за трудъ и не успѣли они еще поправится вполнѣ, какъ воинственный сосѣдъ нахлынулъ опять и разорилъ все снова. При такомъ порядкѣ никакой экономическій успѣхъ невозможенъ, и вотъ почему цивилизованные народы, достояніе уже нѣкотораго благосостоянія, такъ боятся войны. Но и мирныя времена, по своему вліянію на экономическій бытъ, могутъ быть не лучше какого нибудь воинственнаго сосѣда, если по разнымъ причинамъ внутренняго быта каждый отдѣльный человѣкъ не пользуется всѣми условіями для развитія своихъ экономическихъ силъ. Постоянный рядъ помѣхъ можетъ даже воспитать цѣлыя поколѣнія въ безпечности и незаботливости о лучшемъ, если стремленіе къ улучшенію быта не приноситъ никакой выгоды трудящемуся. Экономическая энергія одинаково свойственна всѣмъ людямъ, но она можетъ быть убита въ нихъ посторонними вліяніями. Поэтому то и не существуетъ на свѣтѣ людей лѣнивыхъ отъ природы, —ибо каждый человѣкъ желаетъ лучшаго и стремится къ нему на сколько позволяютъ ему его собственныя силы, и если встрѣчаются отступленія отъ этого закона, то они созданы посторонними внѣшними причинами. Справедливость этого заключенія подтверждается фактомъ благосостоянія Америки. Разумѣется, при такомъ быстромъ развитіи страны, какое представляютъ Соединенные штаты, неизбѣжны многіе факты весьма вреднаго свойства. Но не нужно забывать, что жители Америки не вновь созданныя существа, внезапно свалившіяся съ какой нибудь планеты; что ихъ жизнь составляетъ продолженіе быта западной Европы, что вмѣстѣ съ полезными идеями проникли въ Америку и идеи вредныя, и слѣдовательно должны были привести и къ вреднымъ результатамъ. Какъ Европа представляетъ собой выводъ изъ всѣхъ предъидущихъ причинъ, дѣйствовавшихъ можетъ быть въ времена весьма отдаленныя, такой же логическій выводъ изъ всего предъидущаго составляетъ и настоящая жизнь американскихъ штатовъ. Поэтому рядомъ съ силой, могуществомъ и необычайно быстрымъ прогрессомъ въ Америкѣ замѣчается возмутительное варварство, грубость, безчестность и обманъ. Но неужели

Европа имѣетъ право требовать, чтобы въ Америкѣ встрѣчались исключительно только свѣтлыя стороны. Америка дитя Европы, а родители, не отличающіяся всѣми человѣческими совершенствами и добродѣтелями, едва ли имѣютъ какое либо право требовать геніальности и совершенства отъ своихъ дѣтей. Одна изъ самыхъ вредныхъ причинъ, мѣшающихъ полному развитію американскихъ штатовъ, есть невольничество. Но и эта идея родилась у поселенцевъ не на американской почвѣ, а завезена ими изъ Европы. Такъ что причина всего дурнаго и всего хорошаго, что представляетъ Америка, имѣетъ прямую и непосредственную связь съ тѣми идеями и съ тѣмъ опытомъ практической жизни, какой дала поселенцамъ до ихъ прибытія въ Америку европейская цивилизація.

Когда учредилась республика Соединенныхъ штатовъ, она нашла уже невольничество готовымъ. Составители конституціи понимали вполнѣ весь вредъ подобнаго учрежденія и вотъ почему въ конституціи не употреблено нигдѣ слово невольникъ или невольничество. Америка даже первая изъ всѣхъ государствъ (1 января 1808 г.) запретила торговлю неграми. И не смотря на это, какъ выражаются американцы, домашнее учрежденіе не только уцѣлѣло въ свободной странѣ, но даже привело и къ войнѣ. Такой выходъ былъ неизбѣженъ, и разумѣется въ этой войнѣ заключается спасеніе Америки. Зло невольничества заключалось не только въ томъ, что бѣлые обратили черныхъ въ домашнихъ животныхъ, но и въ томъ, что изчезла равноправность и самихъ бѣлыхъ. Законъ говоритъ, что бѣлые всѣ равны, а невольничество сдѣлало то, что законъ этотъ потерялъ силу. По мнѣнію плантаторовъ, невольничество есть необходимое условіе для процвѣтанія южныхъ штатовъ, поэтому они не только отстаиваютъ его всѣми способами, но общественное мнѣніе сторожитъ зорко, чтобы не прокралась въ печати ни одна мысль противъ этого учрежденія. Такимъ образомъ цензура общественнаго мнѣнія ограничила въ южныхъ штатахъ свободу мысли не хуже правительственной цензуры Европы. Южане пошли еще дальше: они даже стали отвергать право на свободу и въ бѣломъ человѣкѣ, если нужда ставитъ его въ зависимость отъ другаго, и одинъ изъ южноамериканскихъ публицистовъ предложилъ обращать въ рабство пріѣзжающихъ въ Америку нищихъ — эмигрантовъ и отправлять ихъ на плантаціи юга. Еще интереснѣе, что пятая часть всего невольничьяго населенія или 600,000 ч. принадлежатъ духовнымъ.

Для историка, отыскивающаго законы развитія человѣчества, фактъ американскаго невольничества долженъ представлять особенный интересъ. Хотя идея о невольничествѣ и занесена въ Америку изъ Европы, но и сама мѣстность, гдѣ существуетъ невольничество, должна представлять какія нибудь особенности, способствующія его существованію. Эти обстоятельства существуютъ дѣйствительно въ климатѣ страны, такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ думать на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, представляемыхъ статистикой относительно живучести разныхъ племенъ и акклиматизаціи человѣка. Извѣстно, что американскія туземныя племена, по мѣрѣ сближенія съ бѣлыми, вымирали. Это заставило колонистовъ добывать себѣ рабочихъ въ другихъ мѣстахъ и такимъ образомъ возникло въ Америкѣ невольничество. Черные, составляющіе рабочее населеніе юга, отличаются замѣчательной живучестью. Не смотря на всю жестокость обращенія съ ними и самое дурное содержаніе, они размножаются съ гораздо большей быстротой, чѣмъ бѣлое свободное народонаселеніе. Но это возможно только въ жаркомъ климатѣ, и въ Америкѣ, какъ показали наблюденія, чернымъ благопріятствуетъ по своимъ климатическимъ условіямъ только полоса хлопчатника и сахарнаго тростника; въ холодныхъ же странахъ негры умираютъ отъ чахотки. Теперь извѣстно положительно, что переселеніе въ страну, имѣющую совсѣмъ отличный климатъ, вредно для всякаго племени. Акклиматизоваться человѣкъ не можетъ и чѣмъ онъ долѣе остается въ климатѣ для него нездоровомъ, тѣмъ онъ становится хилѣе, а въ массѣ переселенцы вымираютъ все сильнѣе и сильнѣе. Только въ первое время пребыванія человѣка въ совершенно новой для него по климату странѣ нечувствительно ея вредное вліяніе. Поэтому міазмы римской Компаньи не дѣйствуютъ вредно на здоровье путешественника, только проѣзжающаго чрезъ эту мѣстность, и напротивъ они разрушаютъ здоровье тѣхъ, кто вздумаетъ пожить въ Компаньи нѣкоторое время. Замѣчено, что художники-иностранцы заболѣваютъ только на второй годъ. Чтобы избавиться отъ вреднаго вліянія нездороваго климата нужно по возможности отстранить себя отъ непосредственнаго его дѣйствія — не заниматься тяжелыми работами въ полѣ и вообще не напрягать трудомъ физическихъ силъ. Поэтому-то вредный климатъ и усиливаетъ особенно смертность переселившагося земледѣльческаго сословія, подвергающаго себя всѣмъ вреднымъ вліяніямъ атмосферы работой въ открытомъ полѣ, подъ жгучимъ солн-

цемъ, вѣтромъ и дождемъ. Люди, не ослабляющіе себя изнурительной работой—купцы, ремесленники, чиновники вымираютъ не въ такой сильной степени, какъ земледѣльцы. Дѣти иностранцевъ вымираютъ еще въ сильнѣйшей степени, все равно родились ли они тутъ или пріѣхали изъ другой мѣстности. Въ Алжирѣ замѣчено, что изъ 100 рожденныхъ тамъ негровъ достигаютъ юношескаго возраста только двое. Въ Египтѣ замѣчено тоже самое. Изъ 90 дѣтей Мегмета-Али осталось въ живыхъ — пятеро. Этимъ объясняется почему Египетъ населенъ и до сихъ поръ племенемъ, жившимъ въ немъ въ самыя отдаленныя времена, а племена завоевателей изчезали. Въ Америкѣ смертность не особенно чувствительна для европейскихъ переселенцевъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, климатъ которыхъ подходитъ къ климату западной Европы, и вотъ почему эмигранты направляются преимущественно въ сѣверные и западные штаты, но не переселяются въ другія части свѣта.

Когда европейскіе поселенцы заняли въ Америкѣ полосу хлопчатника и сахарнаго тростника, они не руководствовались разумѣется никакими статистическими соображеніями. Они могли замѣтить только одно, что климатъ этотъ для нихъ тяжелъ, что туземцы вымираютъ и стали замѣнять ихъ неграми. Изъ того, что негръ переносилъ климатъ Америки не только хорошо, но даже лучше чѣмъ кто либо; изъ того, что бѣлые при удобной, спокойной и обезпеченной жизни могли пользоваться и счастливымъ здоровьемъ и матеріяльнымъ благосостояніемъ, они вывели заключеніе, что сама природа опредѣлила бѣлому быть господиномъ, а черному рабомъ. Но это заключеніе было совершенно противуположно указаніямъ природы. Она именно показывала, что настоящимъ господиномъ и настоящимъ земледѣльцемъ и землевладѣльцемъ юга должно быть цвѣтнокожее племя и что не можетъ быть господиномъ страны тотъ, кто вымираетъ подъ палящими лучами ея солнца. Присвоивъ себѣ права господъ, бѣлые пришли весьма послѣдовательно ко всѣмъ тѣмъ особенностямъ, которыя характеризуютъ всякій гражданскій бытъ, построенный на рабствѣ. Явилось стѣсненіе свободы мысли, свободы образованія; бѣлый южныхъ штатовъ утратилъ незамѣтно способности для гражданскаго общежитія, сдѣлался грубъ и жестокъ, оказался неспособнымъ понимать ясно ясное для всѣхъ и въ то время, когда сѣверные свободные штаты шли впередъ, южные шли назадъ. Очевидно, что существованіе Союза въ такомъ видѣ было невозможно и южнымъ

штатамъ нужно было или отказаться отъ рабства, или отдѣлившись, составить независимое невольничье государство. Въ послѣднемъ случаѣ существованіе его будетъ разумѣется непрочно и исходъ очевиденъ.

Такимъ образомъ для исторіи цивилизаціи получаютъ особенный интересъ сѣверные штаты; только въ нихъ можно дѣлать наблюденія для выводовъ о будущихъ судьбахъ человѣчества, потому что въ южныхъ повторяется старая, мертвая для Европы, идея пережитаго уже ею періода рабства. Къ чему ведетъ рабство, Европа знаетъ изъ опытовъ Египта, Индіи, древней Греціи, Рима и своего собственнаго; но она не знаетъ еще всѣхъ условій свободныхъ гражданскихъ отношеній и матеріальныхъ выгодъ свободнаго развитія; а это она можетъ изучить только въ сѣверныхъ штатахъ Америки.

Особенно важны свободные штаты для сравнительной исторіи. Сравнительный методъ давно уже принятъ при изученіи животныхъ и растительныхъ организмовъ, но онъ не былъ примѣнимъ къ изученію человѣческаго общества. До сихъ поръ исторія разсказывалась или въ послѣдовательной связи тѣхъ фактовъ, съ болѣе или менѣе умнымъ разборомъ ихъ причинъ и слѣдствій или же дѣлались попытки обобщенія частностей для вывода изъ нихъ общихъ законовъ, управляющихъ людьми. Но общіе законы дадутъ и идею слишкомъ общую, но не укажутъ на тѣ особенности, которыми отличаются между собой отдѣльныя національности и которыми опредѣляются разныя частности къ исторіи цивилизаціи отдѣльныхъ народовъ. При сравнительномъ же методѣ станетъ вполнѣ яснымъ, что задерживало одинъ народъ и что помогало развитію другаго. Лучшимъ примѣромъ для поясненія этой мысли можетъ служить вопросъ о преступленіяхъ. Прежде полагали, что причиной преступленія самъ человѣкъ лично и отъ его личной воли зависитъ быть добродѣтельнымъ или нѣтъ. Согласно съ этой мыслью сложилось и все юридическое право и уголовное законодательство, вѣчно боровшіяся съ отдѣльными лицами. Уголовный судъ казнилъ или сжигалъ преступника, мучилъ его разными весьма хитро придуманными способами, отсылалъ на тяжкія работы, или отправлялъ въ отдаленныя, обыкновенно вредныя мѣстности, гдѣ человѣкъ погибалъ преждевременно, и люди думали простодушно, что зло наказано и добродѣтель торжествуетъ. Но не то показали статистическія наблюденія новаго времени. Наблюдая число однородныхъ преступленій въ разные періоды времени, статистики

замѣтили въ нихъ удивительную правильность. Повидимому самыя непроизвольныя преступленія и тѣ подчинялись этому закону. Въ дѣлѣ убійства, кажется, зависитъ вполнѣ отъ человѣка—убить или неубить, а если и встрѣчаются обстоятельства, вызывающія мгновенную вспыльчивость, желаніе мести, ревность и другія побужденія, то все это имѣетъ повидимому характеръ полной случайности. Между тѣмъ оказывается, что число убійствъ остается изъ періода въ періодъ всегда пропорціональнымъ населенію страны, такъ что можно почти безошибочно сказать, что въ такой-то странѣ будетъ такое-то число убійцъ. Въ преступленіяхъ относительно собственности повторяется тоже самое. Нельзя предсказать, кто именно украдетъ—Иванъ, Петръ или Алексѣй, но можно утверждать положительно, что одинъ изъ 5,000 французовъ будетъ непремѣнно воромъ, точно также какъ одинъ изъ 18,000 сдѣлаетъ уголовное преступленіе противъ лица. Съ такой же точностью можно предвидѣть, что умретъ непремѣнно извѣстное число лицъ, родится точно также извѣстное число, наконецъ будетъ заключено извѣстное число браковъ. Здѣсь очевидно дѣйствуютъ постоянныя причины, приводящія непремѣнно къ такимъ, а не къ инымъ слѣдствіямъ, потому что иначе общество не могло бы создавать съ математическою точностью рядъ однородныхъ фактовъ. Статистика еще недостаточно богата наблюденіями по вопросамъ нравственнаго порядка, но и изъ немногаго, что есть, обнаруживается, что характеръ и размѣръ преступленій въ разныхъ странахъ бываетъ разный. А если число убійствъ или кражъ въ Англіи иное, чѣмъ во Франціи, въ Россіи, и въ сѣверныхъ штатахъ Америки; если каждая изъ этихъ странъ представляетъ свои исключительныя особенности въ преступленіяхъ, то очевидно, что должны существовать исключительныя особенности и въ причинахъ ихъ производящихъ. Но въ чемъ же скрываются эти причины? Въ точности онѣ еще не изслѣдованы, хотя главная причина — бѣдность совершенно очевидна; совершенно несомнѣнно только то, что какъ весь бытъ народа обусловливается его учрежденіями, то и причины всего хорошаго и дурнаго, т. е. полезнаго и вреднаго, для общества нужно искать въ самихъ его учрежденіяхъ. Параллель всѣхъ вредныхъ для общаго благосостоянія фактовъ, въ видѣ разнаго рода преступленій и изслѣдованіе причинъ ихъ, приведетъ разумѣется къ правильному пониманію общественныхъ учрежденій. Полезное для одного не можетъ быть вреднымъ для другаго и едва ли есть основаніе

сомнѣваться въ томъ, что причины, дѣйствовавшія благодѣтельно на развитіе матеріальнаго довольства Америки, не окажутся въ такой же степени благодѣтельны для Франціи, Германіи и проч. Но подобная параллель важна еще и относительно другаго вопроса, составлявшаго постоянно предметъ особенной заботливости такъ называемыхъ филантроповъ и друзей человѣчества—религіозно нравственнаго воспитанія народовъ. Статистическія наблюденія не говорятъ ничего, чтобы эта заботливость приводила къ какимъ либо замѣтнымъ результатамъ. Въ поступкахъ отдѣльныхъ личностей могла существовать перемѣна; отдѣльныя лица, извлеченныя изъ нищеты или дурнаго общества, становились лучше и это разумѣется не подлежитъ сомнѣнію; но въ тоже время замѣчено, что въ цѣломъ случайныя причины изчезаютъ и общество во всемъ своемъ объемѣ подчиняется все таки одному общему закону: Ивана спасли отъ нищеты и преступленія, но вмѣсто его сдѣлался преступникомъ Петръ. Точность этого несомнѣннаго вывода показываетъ, что такъ называемыя нравственность и безнравственность имѣютъ свою нормальную долю для каждаго человѣка, подобно матеріальному благосостоянію, что при несоотвѣтственномъ распредѣленіи предметовъ матеріальнаго довольства, извѣстное число людей должно быть непремѣнно бѣдно и что при общихъ причинахъ, обусловливающихъ повсемѣстность этого явленія, можно сдѣлать богатымъ одного только на счетъ другаго. Такой же фактъ замѣчается и въ явленіи нравственности людей. Слѣдовательно очевидно, что общая нравственность какого нибудь народа зависитъ не только отъ условій его религіозно-нравственнаго образованія, но и отъ другихъ причинъ, которыя, при помощи статистики, историки, разумѣется, и разъяснятъ впослѣдствіи. Но въ этомъ вопросѣ есть еще другое обстоятельство. Люди, основывающіеся не на общихъ статистическихъ выводахъ, а только на нѣкоторыхъ частныхъ наблюденіяхъ, замѣтили, что грамотность не уменьшаетъ числа преступленій, а напротивъ еще увеличиваетъ ихъ; изъ этого они сдѣлали выводъ, что грамота вредна. Ошибочность такого заключенія доказать нетрудно. Польза грамотности совсѣмъ не въ томъ, что она дѣлаетъ человѣка добродѣтельнѣе, а въ томъ, что доставляетъ человѣку большую возможность развитія его способностей. И прежде всего это обнаруживается въ экономической дѣятельности человѣка. Она расширяетъ кругъ его дѣйствій и доставляетъ больше случаевъ къ увеличенію средствъ

существованія. Значитъ, грамотность имѣетъ прежде всего чисто экономическое значеніе. Что же касается до того, приведетъ ли она человѣка къ преступнымъ, или къ добродѣтельнымъ поступкамъ, то это зависитъ вовсе не отъ нея, а отъ условій общежитія. Если эти условія такого рода, что они помогаютъ больше возникновенію вредныхъ проступковъ, то разумѣется слѣдствіемъ грамотности, или вѣрнѣе увеличеніемъ круга дѣйствій, будетъ и увеличеніе числа преступленій, а если условія гражданскаго порядка способствуютъ большему развитію полезныхъ наклонностей, то число преступленій убавится. Ясно, что грамота тутъ ни въ чемъ не виновата, и что народъ, желающій выдти изъ экономическаго застоя и достигнуть матеріальнаго благосостоянія, съ одной грамотой достигнуть этого не можетъ. Его не сдѣлаешь добродѣтельнѣе тѣмъ, что указывая на примѣры добродѣтельныхъ Антониновъ, будешь увѣрять, что, добро услаждаетъ душу, а зло губитъ; всякій убійца знаетъ очень хорошо, что людей убивать не слѣдуетъ; точно также какъ вору извѣстно, что воровство вещь не хорошая, и не смотря на то одинъ убиваетъ, а другой воруетъ. Чтобы создать вѣроятность большаго числа полезныхъ дѣйствій, а вѣроятность вредныхъ довести до минимума, нужно обратить вниманіе на условія общественной жизни народа и его гражданскія учрежденія. Сдѣлавъ параллель въ нравственной статистикѣ разныхъ народовъ будетъ легко увидѣть, какой народъ добродѣтельнѣе и что учрежденія способствуютъ болѣе общественной и частной безопасности. Работа эта разумѣется весьма трудная, не только относительно числовыхъ статистическихъ данныхъ, но и потому еще, что понятія о нравственности у разныхъ народовъ весьма условны.

Для параллели съ Европой весьма важенъ способъ, какимъ разрѣшили американцы вопросъ религіозной. Въ каждомъ государствѣ Европы есть своя государственная религія. Въ Америкѣ же, гдѣ ядро населенія составили гонимые за вѣру квакеры, пуритане, гугеноты и нѣмецкіе протестанты, ея не существуетъ и объ религіи не говорятъ ни слова не только основная конституція соединенныхъ штатовъ, но по одной изъ послѣдующихъ дополнительныхъ статей даже постановлено, что конгрессъ не долженъ издавать никакого закона, касающагося религіи. Это сдѣлано вовсе не отъ недостатка благочестія или неуваженія къ религіозному чувству людей или равнодушія къ ней; а по тому простому соображенію, что религіозное зако-

нодательство можетъ повести къ религіознымъ гоненіямъ и къ господству духовенства. Испытавъ въ Европѣ, что значитъ то и другое, американцы приняли мѣры, чтобы у нихъ не повторялся опытъ Европы. Тонкость развитія американцевъ въ этомъ отношеніи такъ велика, что при всемъ своемъ уваженіи къ духовенству они не избираютъ никогда духовныхъ въ числѣ конгресса, хотя это и незапрещено закономъ. Число лицъ, принадлежащихъ въ Америкѣ къ тому или другому вѣроисповѣданію, неизвѣстно. Католики однако составляютъ менѣе четверти всего населенія и при полной свободѣ вѣроисповѣданія многіе изъ нихъ переходятъ въ протестантство, а многіе не приписываются вовсе ни къ какой церковной общинѣ. Религіозныя представленія обнаруживаютъ вліяніе на весь бытъ людей; съ ними тѣсно связано и умственное и экономическое развитіе населеній; поэтому полное разрѣшеніе этого вопроса принесло бы большую пользу особенно тѣмъ, что могло бы убѣдить наконецъ людей въ отсутствіи всякой необходимости поддерживать силой тѣ или другія религіозныя убѣжденія. Изъ примѣра Америки извѣстно только, что свобода совѣсти не ведетъ ни къ какимъ печальнымъ политическимъ послѣдствіямъ, тогда какъ и прошедшій и настоящій опытъ Европы говоритъ совсѣмъ другое. Кромѣ того, извѣстно, что чѣмъ больше религіозныя вѣрованія допускаютъ свободу мысли, тѣмъ развитѣе бываетъ населеніе и тѣмъ выше его матеріальное благосостояніе. Изъ двухъ деревень—протестантской и католической, живущихъ при условіяхъ совершенно одинаковыхъ, протестантская всегда богаче католической; въ ней всегда больше внѣшней порядочности и чистоты, какъ въ правахъ, такъ и въ образѣ жизни. При опредѣленіи вліянія религіозныхъ постановленій на бытъ народа важно обратитъ вниманіе еще и на слѣдующее обстоятельство. Въ крупныхъ чертахъ извѣстно, къ чему вели религіозныя заблужденія—они создали кровавыя преслѣдованія и религіозныя войны. Но это только одна сторона вопроса, опредѣлившая характеръ дѣятельности духовной власти; за тѣмъ остается еще масса всего остальнаго населенія. При общемъ умственномъ и экономическомъ развитіи Европы, прогрессивное движеніе должно было встрѣтиться съ церковнымъ началомъ и увлечь его за собой. Между тѣмъ этого не случилось и не только католицизмъ, но даже и протестантизмъ остались вѣрные своимъ первоначальнымъ основаніямъ. Слѣдовательно, если прогрессивное движеніе не обнаружило вліянія на церковь, то зна-

чить церковь обнаружила свое влiянiе на прогрессъ. Церковь консервативна, а потому и влiянiе ея могло быть только консервативнымъ. Но какъ экономическiй прогрессъ совершается съ неудержимой силой, одинаково поддерживаемый и свѣтскими и духовными лицами, чисто научныя изслѣдованiя тоже не встрѣчаютъ препятствiй, то очевидно, что и самыя религiозныя представленiя должны устранить свой первоначальный характеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда они приходятъ въ непосредственное столкновенiе съ научнымъ и экономическимъ движенiемъ. Въ этомъ случаѣ должно произойти одно изъ двухъ — наружное благочестiе или будетъ соотвѣтствовать внутреннему или нѣтъ. Если оно соотвѣтствуетъ ему вполнѣ, то и во всѣхъ дѣйствiяхъ человѣка должна выражаться послѣдовательность съ его религiознымъ представленiемъ, если же нѣтъ, то человѣкъ двоится и наружное благочестiе становится однимъ формализмомъ. Но такая дѣйствительность не можетъ обнаружиться исключительно въ одномъ наружномъ благочестiи, она должна отразится и во всей жизни человѣка, и человѣкъ, подчиняющiйся внѣшнимъ обрядамъ не по внутреннему убѣжденiю, а ради исполненiя требованiй духовной власти, внесетъ фальшь и во всю свою жизнь. Фальшъ эта мѣшаетъ частному и общему нравственному прогрессу; передаваемая отъ отца къ сыну, она воспитываетъ въ притворствѣ цѣлыя поколѣнiя и уже этимъ однимъ увеличиваетъ число такъ называемыхъ преступныхъ дѣйствiй. Въ Америкѣ, гдѣ религiя составляетъ дѣло совѣсти каждаго человѣка, а не исполненiе казенной обязанности, ничего этого нѣтъ и не можетъ быть и при полной религiозной свободѣ тамъ существуетъ все таки 40,000 церквей. Фактъ этотъ важенъ въ томъ отношенiи, что показываетъ, что религiозное чувство и потребность набожности можетъ жить въ людяхъ и безъ принудительныхъ мѣръ; если же, какъ боятся нѣкоторые, религiозное чувство можетъ ослабнуть или даже и совсѣмъ изчезнуть подъ влiянiемъ цивилизацiи и прогресса, то уже самая эта боязнь убѣждаетъ въ томъ, что принудительныя мѣры не приведутъ ни къ чему и время возьметъ свое; но какъ нѣтъ никакихъ основанiй предполагать, чтобы религiозное чувство могло изчезнуть въ людяхъ—что подтверждаетъ и Америка—то очевидно, что оно будетъ существовать и безъ особенной заботливости объ его поддержанiи и развитiи, собственной внутренней силой каждаго человѣческаго организма. Если же въ религiозной заботливости выражается желанiе

поселить во всѣхъ людяхъ истинное религiозное чувство, то и опытъ Европы и опытъ Америки показали, что вопросъ этотъ не могутъ рѣшать отдѣльныя лица.

Разсматривая учрежденiя Сѣверо американскихъ штатовъ видишь, что у нихъ была одна главная задача—доставить отдѣльному лицу возможность полнаго развитiя своихъ силъ и способностей, не вредя цѣлому. Въ европейскихъ же учрежденiяхъ видимъ, кромѣ того, еще и разныя частныя цѣли отдѣльныхъ сословiй и даже отдѣльныхъ лицъ. Американцы ограждаютъ во всемъ личную неприкосновенность гражданина; боясь, чтобы частное лицо не потерпѣло какого либо насилiя, свобода видна у нихъ въ каждомъ параграфѣ конституцiи Особенно недовѣрчивы американцы къ военной силѣ въ мирное время и потому постоянное войско ихъ доходитъ въ обыкновенное время до самой незначительной величины и усиливается только въ случаѣ войны. Напримѣръ въ 1781 году боевыя силы американцевъ составляли 32,580 человѣкъ, а по окончанiи войны онѣ составляли только 1,500 человѣкъ. Во время войны съ Англiей въ 1815 году американское войско состояло изъ 32,000, а когда въ военной силѣ миновала нужда, осталось только 6,000 ч. И въ нынѣшней войнѣ повторяется тоже; теперь у американцевъ большiя войска, а когда не будетъ въ нихъ нужды, ихъ распустятъ Въ судебныхъ учрежденiяхъ и въ опредѣленiи отношенiй правительства къ частнымъ лицамъ видна таже осторожность и боязнь, чтобы частный интересъ не былъ поглощенъ интересомъ правительственнымъ. Въ этомъ отношенiи Америка представляетъ совершенную противоположность Европѣ. Но, причину эту не нужно искать въ различныхъ формахъ правленiя; и монархическiя государства при извѣстныхъ условiяхъ свободнаго прогрессивнаго развитiя могутъ держаться тѣхъ же началъ. Примѣромъ можетъ служить Англiя, хотя и не во всемъ. Но Англiя при всемъ своемъ развитiи заключаетъ въ себѣ еще слишкомъ много старыхъ началъ, мѣшающихъ ея прогрессу и проявленiю свободныхъ отношенiй отдѣльныхъ личностей. Поэтому опредѣленiе законовъ развитiя человѣчества при полномъ и свободномъ проявленiи всѣхъ факторовъ общественной жизни возможно только въ Америкѣ. Въ Соединенныхъ штатахъ при самомъ учрежденiи ихъ уже не существовало тѣхъ задерживающихъ причинъ, которыя и до сихъ поръ живутъ въ полной силѣ въ Европѣ, особенно въ континентальной. Когда освободится отъ нихъ Европа,

предвидѣть довольно трудно; Америка же почти сто лѣтъ живетъ на другихъ началахъ, непохожихъ на европейскія; а потому въ нынѣшнихъ условіяхъ общественной жизни свободныхъ штатовъ Америки Европа можетъ видѣть во многомъ свое будущее.

Не смотря на все значеніе Америки въ историческомъ отношеніи ученые Европы обращали на нее весьма слабое вниманіе. Европейскіе историки занимались исключительно болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ историческихъ фактовъ Стараго Свѣта; о Новомъ же Свѣтѣ говорили весьма мало и какъ бы только для полноты разсказа. Вообще всемірныя исторія выходила весьма многотомна и читатель терялся обыкновенно въ обиліи фактовъ, не составляя себѣ или никакого или весьма смутное понятіе объ общемъ ходѣ цивилизаціи. Попытка Бокля написать нѣсколько иную исторію цивилизаціи прекратилась его внезапной смертью. Хотя Бокль и хотѣлъ писать только исторію Англіи, но по логическому ходу мысли ему пришлось бы перейти къ исторіи Соединенныхъ штатовъ, потому что исторія ихъ развитія составляетъ продолженіе исторіи Англіи. Это двѣ части одного романа, нѣсколько печальнаго въ началѣ и болѣе утѣшительнаго въ своей второй половинѣ. Къ сожалѣнію, Бокль умеръ и для назиданія европейскихъ читателей остались опять ихъ прежнія исторіи. Задача Бокля была трудна; вполнѣ бы онъ ея не разрѣшилъ, но онъ помогъ бы по крайней мѣрѣ пониманію многихъ фактовъ, излагаемыхъ обыкновенно въ исторіяхъ въ видѣ сухаго перечня. Впрочемъ упрекъ этотъ не относится къ Шлоссеру. Хотя онъ и не пытается искать законовъ, управляющихъ судьбами человѣчества, и только разсказываетъ хорошія и дурныя дѣла людей, но за то онъ разсказываетъ ихъ такъ, что человѣкъ, не лишенный способности здраваго пониманія вещей, найдетъ въ Всемірной исторіи Шлоссера чтеніе, возбуждающее правильный и благородный образъ мыслей. А этого-то намъ и нужно.

Н. Шелгуновъ.

ПОЛЬША И ИСПАНІЯ, ЛЕЛЕВЕЛЯ.

Польша и Испанія. Историческая параллель въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ, Іоахима Лелевеля. Переводъ съ польскаго Ѳ. Каширина. Спб. 1863.

Всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею, ясно, что если провести параллель между Польшею и Испаніею, то эта параллель обнаружитъ между ними гораздо болѣе различія, чѣмъ сходства. Сходство, какое можно найти между исторіею Польши и исторіею Испаніи, по большей части случайное и внѣшнее. Настоящее же, такъ сказать, органическое сходство судьбы Испаніи и Польши замѣчается только въ одной изъ причинъ ихъ упадка: въ преобладаніи духовенства, въ подчиненіи правительствами народныхъ интересовъ цѣлямъ католицизма. Но и это сходство, все-таки не истекающее изъ основнаго духа обоихъ народовъ, ограничивается всего какими нибудь двумя вѣками. Различіе между Польшей и Испаніей огромно и существенно, такъ какъ оно проявляется именно во внутренней жизни этихъ государствъ, въ развитіи ихъ національныхъ учрежденій. Поэтому мы думаемъ, что параллель между исторіею Польши и Испаніи представитъ очень мало поучитель-

го. Она можетъ быть *любопытна*, особенно когда проводитъ ее человѣкъ съ такими громадными историческими свѣдѣніями, какія имѣлъ Лелевель,—но пользы отъ нея мало, потому что изъ нея нельзя вывести никакихъ положительныхъ результатовъ кромѣ вреда отъ преобладанія церкви надъ государствомъ, что во первыхъ теперь уже не требуетъ доказательствъ, а если бы еще и требовало ихъ, то доказывалось бы лучше примѣромъ одной Испаніи, чѣмъ примѣромъ двухъ государствъ, изъ которыхъ въ одномъ къ этой причинѣ упадка присоединились другія, не менѣе важныя. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ русскаго переводчика брошюры Лелевеля о пользѣ ознакомленія съ нею русской публики. Брошюра Лелевеля ничто иное, какъ «диллетантскій» трудъ великаго ученаго. Подмѣтить случайныя сходства двухъ исторій съ той точностью и сравнить ихъ съ тѣмъ остроуміемъ, какими отличается эта брошюра, могъ только глубоко-мыслящій человѣкъ; но изъ того, что это произведеніе потребовало большаго труда, никакъ не слѣдуетъ, что оно само составляетъ настоящій ученый полезный трудъ. Это есть нѣчто въ родѣ тѣхъ маленькихъ кораблей изъ слоновой кости, которые вырѣзываютъ китайцы. Такой корабликъ предполагаетъ въ художникѣ огромный трудъ, но остается все-таки только любопытною игрушкой. Г. Кашнринъ слѣдующимъ образомъ изложилъ побужденія свои къ предпринятой имъ небольшой работѣ:

> Настаетъ время усиленной внутренней дѣятельности русскаго общества для разрѣшенія тѣхъ задачъ, *которыя поставило послѣднее польское возстаніе*. Теперь приходится сознаться, какъ мало мы знали Польшу и какъ неудовлетворительны были тѣ свѣдѣнія о ней, которыя мы почерпали, по большей части изъ Revue des deux Mondes, изъ статей и книгъ гг. Мазада, Форстера и имъ подобнымъ. Наступаетъ время для прямого, непосредственнаго знакомства съ поляками, съ ихъ исторіею и литературою, и ихъ общественнымъ развитіемъ и настроеніемъ.

Нельзя не согласиться, что ближайшее, хорошее знакомство одного народа съ другимъ всегда бываетъ полезно для нихъ обоихъ. Замѣтно также, что знакомство тѣмъ лучше, чѣмъ оно непосредственнѣе. Но къ сожалѣнію, брошюра переведенная г. Кашнринымъ можетъ очень мало способствовать дѣйствительному, всестороннe-

му ознакомленію русскихъ съ польскою исторіею. Напротивъ, для того чтобы понять какъ слѣдуетъ брошюру Лелевеля, нужно уже быть хорошо знакомымъ съ польскою исторіею. Ученыя диссертаціи, содержащія одни выводы наукъ, представляемые въ краткихъ чертахъ, безъ поясненія и оговорокъ о фактахъ, которые предполагаются уже всесторонне извѣстными — плохіе учебники для начинающихъ. Брошюра Лелевеля не научитъ ничему русскихъ, незнакомыхъ съ польской исторією; это доказывается примѣромъ самого г. Каширина, который написалъ, на основаніи ея свое предисловіе къ переводу. Мы можемъ даже увѣрить почтеннаго переводчика, что хотя въ статьяхъ Мазада встрѣчаются невѣрности и искаженія, однако статьи эти обнаруживаютъ въ авторѣ гораздо большее пониманіе смысла всей польской исторіи, чѣмъ сколько его оказывается въ предисловіи, написанномъ г. Карпинымъ на основаніи диссертаціи Лелевеля, вовсе непонятной большинству русской публики. Что касается «разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя поставило польское возстаніе, то въ этомъ отношеніи г. Каширинъ естественно могъ бы оказать услуги русскому обществу только переводомъ одного изъ такихъ сочиненій Лелевеля, которыя сколько нибудь касаются новѣйшей исторіи. Переведенная же имъ брошюра не имѣетъ никакого отношенія къ современнымъ событіямъ. Она относится только къ исторіи Польши до перваго раздѣла, а въ этой исторіи нѣтъ ровно ничего общаго съ тѣмъ, что происходитъ теперь. Внутренній кризисъ въ польскомъ народѣ произошелъ именно послѣ той эпохи, которой предлежащая брошюра вовсе не касается.

Теперь замѣтимъ еще вообще, что если русское общество мало знало и мало знаетъ Польшу, т. е. духъ и исторію польскаго народа, то этому причиной не только «безучастіе и бездѣятельность», въ которой г. Каширинъ упрекаетъ русское общество. Главная причина состоитъ въ трудности пониманія чего-либо очень оригинальнаго по себѣ и вмѣстѣ совершенно различнаго, по природѣ, съ наблюдающимъ. Историческія и географическія обстоятельства, обусловившія складъ государствъ русскаго и польскаго и духъ обществъ развившихся въ этихъ государствахъ, провели между ними рѣзкую черту различія, на которой воздвиглась цѣлая стѣна недоразумѣній. Русскій и польскій элементы до того отличны другъ отъ друга, что

можно сказать между ними, кромѣ внѣшней потитической связи, нѣтъ ничего общаго. Это обстоятельство, сказать мимоходомъ, сильно противорѣчитъ той теоріи расоваго подобія и расовой солидарности, къ приверженцамъ которой вѣроятно принадлежитъ г. Каширинъ, сотрудникъ «Дня». Отсюда загадочность явленій, происходящихъ въ одномъ изъ этихъ народовъ для другаго, отсюда та взаимная антипатія, которую раздули историческія ошибки съ той и съ другой стороны. Мы можемъ положитольно сказать, что намъ не случалось прочесть ничего, ни на русскомъ, ни на польскомъ языкѣ о Польшѣ и Роосіи, въ чемъ бы было замѣтно пониманіе одного изъ этихъ народовъ другимъ. Въ историкахъ чуждыхъ раціонализма, какъ напримѣръ въ Карамзинѣ или Нарушевичѣ гораздо менѣе искаженій правды о непонятномъ сосѣдѣ, нежели въ писателяхъ позднѣйшихъ, силившихся отдать себѣ отчетъ въ томъ, что совершенно ускользало отъ ихъ пониманія. Если требуется показать это на примѣрѣ, то мы возьмемъ изъ самыхъ видныхъ фактовъ русской исторіи, фактъ, которымъ по справедливости гордится русскій народъ, именно ополченія противъ польскаго ига въ 1613 году. Понялъ ли Лелевель истинное его значеніе? Посмотримъ, какъ онъ о немъ отзывается. «Бояре умѣли выжидать и уцѣлѣли по оплошности побѣдителей, не своими средствами» (переводъ г. Каширина). Переводчикъ сдѣлалъ противъ этого мѣста выноску, въ которой упрекаетъ Лелевеля въ непониманіи великаго факта русской исторіи—борьбы русскаго народа за независимость.

И упрекъ этотъ совершенно справедливъ. Лелевель, какъ будто упуствивъ изъ виду значеніе этого великаго народнаго ополченія противъ польскаго ига, ополченія совершеннаго самимъ народомъ подъ вліяніемъ духовенства и подъ предводительствомъ смѣлыхъ вождей, добровольно ставшихъ во главѣ народа. Не ясно ли, что писатели обоихъ народовъ не понимаютъ естественныхъ явленій, происходящихъ у сосѣдей и не умѣютъ или не хотятъ отдавать справедливость самымъ чистымъ и неотразимымъ проявленіямъ ихъ духа? Мы не знаемъ «наступаетъ ли» время, какъ говоритъ г. Каширинъ, «для прямаго непосредственнаго знакомства» русскихъ съ поляками, но не можемъ не желать искренно, чтобы народы эти взаимно познакомились и познакомились «непосредственно». Только такимъ образомъ и можно

достигнуть «разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя поставило настоящее польское возстаніе».

Обращаясь теперь къ брошюрѣ Лелевеля, съ тѣмъ, чтобы показать какого рода сходство и различіе было въ исторіи Польши и Испаніи за три вѣка, мы должны повторить, что параллель эта относится ко временамъ давно-прошедшимъ и что въ нашемъ бѣгломъ взглядѣ на исторію Польши мы оставили совершенно въ сторонѣ нынѣшнія событія, какъ не имѣющія ничего общаго съ характеромъ той исторіи, которая служитъ однимъ изъ терминовъ сравненія, проведеннаго Лелевелемъ.

Остановимся прежде всего на самомъ основаніи испанскаго и польскаго государствъ въ томъ видѣ, какимъ впослѣдствіи обусловливалась роль ихъ въ Европѣ 1) Король Аррагоніи и Сициліи, Фердинандъ, посредствомъ брака присоединилъ къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ Кастилію, затѣмъ положилъ конецъ могуществу мавровъ—пришельцовъ, завоевавши значительную часть земель, прежде населенныхъ готами. Такимъ образомъ король Аррагоніи и Кастиліи соединилъ четыре государства пиринейскаго полуострова; впослѣдствіи, онъ наслѣдовалъ еще нижне - германскія и бургундскія владѣнія и Португалію, а Колумбъ открылъ еще огромное владѣніе въ Америкѣ. 2) Внѣшнее образованіе государства польскаго представляетъ нѣчто подобное. Посредствомъ брака литовскій князь Ягелло сдѣлался королемъ польскимъ, затѣмъ положилъ конецъ могуществу нѣмецкихъ рыцарей—пришельцовъ, «завоевавшихъ значительную часть земель, населенныхъ литовскимъ племенемъ: къ польской коронѣ были присоединены земли мазовецкія и прусскія. Четыре княжества, лишившіяся князей, соединились въ польскую республику, которой подчинились еще значительныя прибалтійскія и придунайскія земли. Въ этомъ сравненіи, дѣйствительно, оказывается сходство, но сходство чисто внѣшнее и по большей части совершенно - случайное. Соединеніе съ польскою короной послѣднихъ польскихъ удѣльныхъ земель было фактомъ, равнозначущимъ сгруппированію испанскихъ земель около аррагонскаго престола. Но соединеніе съ Польшею Литвы было уже вовсе не похоже на соединеніе Кастиліи съ Аррагоніею, хотя и это послѣднее въ первое время было присоединеніемъ, а не сліяніемъ.

Дѣло въ томъ, что въ польской республикѣ соединялись при этомъ два разноплеменные народа, что литовское княжество, существовавшее на принципѣ самовластія и литовское общество, построенное на основахъ феодализма, соединялись съ конституціонною короной польской, съ польскимъ обществомъ, въ которомъ тогда въ значительной степени былъ развитъ шляхетско-демократическій элементъ. Вотъ въ чемъ вся тайна прочности соединенія великаго княжества Литвы съ Польшею, полноты слiянія литовскаго общества съ польскимъ. Отсюда произошелъ тотъ процессъ слiянія, та «польская пропаганда», которая была вполнѣ естественна и законна, пока (чрезъ двѣсти лѣтъ) она не потеряла своего значенія подъ вліяніемъ іезуитизма, изказившись въ пропаганду совсѣмъ иного, не освободительнаго и живительнаго, а напротивъ притѣснительнаго и мертвящаго свойства. Періодъ преобладанія іезуитизма продолжался болѣе полутораста лѣтъ. Соединеніе Литвы съ Польшею не было похоже и на соединеніе какихъ нибудь Нидерландовъ съ Испаніею. Соединеніе Литвы съ Польшею ознаменовалось органическою переработкою одного общества другимъ: просвѣщеніемъ, любовью, усыновленіемъ и освобожденіемъ. Литовскіе язычники были обращены въ христіанство; литовскіе дворяне были формально *усыновлены* польскими, получили равныя съ ними права, были освобождены отъ феодальной зависимости отъ бояръ, получили участіе въ конституціонной жизни. Такимъ образомъ случайная, механическая связь Литвы съ Польшею обратилась въ органическую (мы говоримъ о періодѣ до—іезуитскомъ). Если Кастилія не отдѣлилась отъ Аррагоніи, то это было естественно: ихъ соединяло единство народа и наслѣдственность престола. Нидерланды и Бургундія легко отдѣлились отъ Испаніи. Но почему неодноплеменная Литва не отстала отъ Польши при первомъ удобномъ случаѣ? Отчего Венгрія, соединенная съ Польшею въ особѣ одного короля при Владиславѣ III также какъ Литва при Владиславѣ II (Ягеллѣ), не осталась въ этомъ соединеніи? Оттого, что не имѣла того прочнаго единства съ Польшею, какое имѣла Литва. Недостатка въ случаѣ отдѣлиться отъ Польши не было. Еще при первомъ Ягеллонѣ такую попытку сдѣлалъ Витолдъ; такія же попытки дѣлали и другіе князья — намѣстники литовскіе. Недостатка въ силѣ также не было: Литва была не слабѣе Польши. Отчего наконецъ Литва не присоединилась къ великому княжеству москов-

скому, съ которымъ вмѣстѣ она была бы сильнѣе Польши? Были же въ Литвѣ такіе бояре, которые этого желали, какъ Глинскій, или такіе, которые хотѣли избрать королемъ Ивана Грознаго, чтобы дать литовско-русскому элементу преобладаніе въ республикѣ польской. Но въ томъ-то и дѣло, что этого могли желать одни бояре, которымъ соединеніе съ Польшею было невыгодно, уменьшая ихъ собственное значеніе, ихъ феодальную власть. Послѣдній изъ Ягеллоновъ, Сигизмундъ-Августъ отказался даже отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Литву, для того, чтобы и литовскій престолъ сдѣлать избирательнымъ и такимъ образомъ устранить возможность распаденія этихъ государствъ, въ случаѣ если бы наслѣдственные князья Литвы не были постоянно избираемы королями Польши.

Но для того, чтобы этотъ смѣлый и великодушный (такъ какъ оставалась женская линія Ягеллоновъ) шагъ велъ къ цѣли, нужно было имѣть полную увѣренность, что Литва, освобожденная отъ феодализма, не отдѣлится отъ Польши, не будетъ избирать себѣ нарочно особыхъ монарховъ, что могло случиться *), такъ какъ претендентовъ всегда было много и впослѣдствіи бывали примѣры, что два претендента въ одно время были провозглашаемы королями и престолъ оставался за тѣмъ, чьи сторонники захватывали престолъ во имя права—силою (такъ Янъ Замойскій разбилъ и взялъ въ плѣнъ эрцгерцога Максимиліана, котораго поддерживала партія Зборовскихъ и такимъ образомъ утвердилъ на престолѣ Сигизмунда III) Почему-же всѣ претенденты являлись претендентами на оба престола вмѣстѣ, почему Литва не воспользовалась никогда столь удобными случаями для избранія себѣ отдѣльнаго монарха, нарушивъ установленный законъ, и почему король Сигизмундъ - Августъ могъ смѣло расчитывать на это, объявляя и литовскій престолъ избирательнымъ?—Потому что тотъ же король окончательно утвердилъ органическую связь литовскаго общества къ польскимъ, призвалъ представителей литовскаго дворян-

---

*) Нѣчто подобное случилось уже прежде, когда въ Литвѣ Казиміръ Ягеллонъ былъ объявленъ великимъ княземъ еще до наступленія междуцарствія при Владиславѣ III.

ства на сеймъ, ввелъ въ Литвѣ польское судебное устройство, а вмѣстѣ и освободилъ окончательно литовское общество отъ феодальной зависимости какъ своей, такъ и магнатовъ или бояръ. Освободивъ литовское дворянство онъ совершенно уравнялъ его въ правахъ съ дворянствомъ польскимъ; однимъ словомъ, далъ Литвѣ такое же демократическо-шляхетское устройство, какое имѣла Польша и такимъ образомъ политическую власть въ Литвѣ изъ рукъ пановъ отдалъ въ руки шляхты, которая уже и не могла дозволить осуществленія сепаратическихъ стремленій. Литовскіе паны такъ гнѣвались на это, что не хотѣли подписать люблинской уніи и уѣхали изъ Люблина (въ числѣ ихъ Ходкевичи и Радзивиллы). Замѣчательно, что литовскіе паны, стремившіеся къ возстановленію своего преобладанія въ краѣ, готовы были призвать на общій престолъ не только Ивана Грознаго, но и Максимиліана австрійскаго,—то есть принца самодержавно-феодальнаго дома; въ числѣ сторонниковъ послѣдняго (передъ избраніемъ Генриха Валуа) были именно великій маршалъ литовскій Янъ Ходкевичъ и виленскій воевода Николай Радзивиллъ. Въ тайномъ свиданіи съ папскимъ легатомъ, кардиналомъ Комендони, они еще при жизни Сигизмунда Августа, условились провозгласить, тотчасъ по смерти этого короля, великимъ княземъ литовскимъ эрцгерцога Максимиліана. Что остановило исполненіе этого заговора? *Гласность*. Корреспонденція ихъ была перехвачена. Но при какомъ условіи гласность можетъ воспрепятствовать исполненію какого нибудь предпріятія? Очевидно, только тогда, когда общественное мнѣніе противъ него.

Мы распространились объ этомъ важномъ отношеніи для того, чтобы показать, что даже такой, повидимому внѣшній фактъ, какъ присоединеніе Литвы къ польской коронѣ имѣлъ значеніе совершенно различное съ тѣмъ, какое имѣло соединеніе съ Испаніею разныхъ, ничѣмъ не связанныхъ съ нею владѣній. Что касается развитія учрежденій, внутренней жизни въ Польшѣ и Испаніи, то есть того, въ чемъ наиболѣе выразился духъ этихъ народовъ и что, слѣдовательно, должно быть принято за самый существенный предметъ для сравненія между ними,—то эта сторона въ то время не представляла никакого сходства между Испаніею и Польшею. Лелевель, въ своей параллели долженъ былъ поставить рядомъ слѣдующія двѣ характиристики:

Испанія. „Король увеличивалъ свои доходы, обезсиливая своихъ подданныхъ, ставилъ ихъ въ ряды своихъ войскъ; кортесы оказываютъ слабое сопротивленіе, наконецъ вовсе перестаютъ дѣйствовать; воля короля и королевскій указъ заступили ихъ мѣсто; четыре государства —Кастилія, Аррагонія, Гренада и Наварра составляютъ собственность деспота, который деспотически повелѣваетъ колоніями за моремъ. *Польша.* Сеймы устанавлялись и развивали свою дѣятельность, представительство на нихъ шляхетское городское—слабое; четыре земли—Польша, Литва, Пруссія и Мазовія, по Вислѣ и Нѣману, составляютъ Польшу, въ которой властвуетъ шляхетское сословіе съ королемъ, а примыкающія къ ней разныя области находятся подъ опекою республики.

Лелевель сравниваетъ Испанію и Польшу также въ географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Испанія страна гористая, государство континентальное и морское, съ первостепеннымъ флотомъ; Польша государство исключительно—континентальное, равнина, на которой дѣйствовала превосходная конница, и т. д. Это и тому подобныя сравненія очень остроумны, но отъ нихъ, очевидно, мало пользы, особенно для разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя поставило нынѣшнее польское возстаніе. Въ параллели Лелевеля роль московскаго государства по отношенію къ Польшѣ сравнивается съ отношеніемъ къ Испаніи французскаго королевства. Очевидно, что это сходство совершенно внѣшнее. Войны Франціи съ Испаніею за Неаполь, Сицилію, Миланъ, Наварру, Бургундію, и борьба Россіи съ Польшею за владѣнія до Березины—двѣ вещи, которыя такъ очевидно различны между собою, что объ этомъ напрасно мы стали бы распространяться. Проводя эту параллель, Лелевель долженъ былъ ограничиться самымъ поверхностнымъ сходствомъ, которое, при всемъ остроуміи автора, страдаетъ натяжками. Какую цѣну, напримѣръ, могутъ имѣть сближенія въ родѣ слѣдующихъ: 1) Карлъ V будучи четыре раза вызванъ Франциском на бой и т. д. 2) Четыре раза вызванные Москвою на бой, Сигузмунды и проч. 1) Не столько повредила Франциску измѣна Бурбона, сколько собственная неосторожность; 2) Василію помогла измѣна Глинскаго болѣе, чѣмъ всѣ его нестройныя толпы, когда онъ осаждалъ Смоленскъ; 1) Король испанскій вывелъ въ поле испытаное войско съ искусными вождями, дѣло принимало серьезный оборотъ; 2) Въ свою очередь, вскорѣ долженъ былъ встревожиться и Иванъ

Грозный. Баторій, самъ искусный полководецъ, вывелъ въ поле храбрую шляхту и т. д. Это скорѣе ученая забава, чѣмъ полезное изслѣдованіе. Впрочемъ, сравненіе итальянскихъ войнъ съ войнами за Лифляндію и Сѣверское княжество есть лучшее мѣсто въ параллели Лелевеля. Мы уже замѣтили, что роль Франціи и роль Москвы были вовсе неодинаковы. Но и роль Испаніи въ этомъ періодѣ ужь вовсе не похожа на роль Польши. Можно даже сказать, что Испанія при Карлѣ I вовсе не имѣла собственной роли, а подчинялась политикѣ германскаго императора. Баторій былъ чужеземецъ въ Польшѣ, какъ Карлъ V (I) въ Испаніи, но что послѣдній имѣлъ въ Испаніи совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ Баторій въ Польшѣ, въ этомъ достаточно убѣждаютъ насъ такіе факты, какъ переходъ въ Польшѣ судебной власти изъ рукъ короля въ руки независимыхъ гражданскихъ трибуналовъ, со всѣми атрибутами современныхъ судовъ, между тѣмъ какъ въ Испаніи самымъ страшнымъ и безотчетнымъ трибуналомъ была инквизиція. На поверхностный взглядъ два факта могутъ быть похожи, между тѣмъ какъ они совершенно различны по своему характеру и значенію.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы опредѣлить свойства параллели между Испаніею и Польшею. Довольно приведенныхъ нами примѣровъ для доказательства, что сходство судебъ этихъ народовъ было большею частью внѣшнее и случайное. Обратимся теперь къ періоду упадка ихъ, къ тому отдѣлу ихъ исторіи, въ которомъ есть наиболѣе сходства существеннаго. Одною изъ главныхъ причинъ упадка какъ Испаніи, такъ и Польши было преобладаніе духовенства и іезуитизмъ. Но дѣйствіе этой причины въ обоихъ государствахъ было различное. Въ Испаніи, какъ и въ Польшѣ, преобладаніе духовенства могло исказить политику государей, мертвящимъ своимъ дѣйствіемъ отуманить народъ, сдѣлать его равнодушнымъ, тупымъ. Но въ Испаніи управлялъ одинъ король. Въ Польшѣ хозяйничало дворянство; въ Испаніи диссиденты были за моремъ, въ Польшѣ—внутри государства; Испанія, окруженная морями и горами, вела свою католическую войну внѣ предѣловъ пиринейскаго полуострова, далеко отъ сердца государства; въ Польшѣ кровавая фанатическая драма разыгралась внутри страны. Что значило возстаніе Нидерландовъ для самой Испаніи? Это была внѣшняя война. Не

то значило для Польши возстаніе казаковъ: они подходили подъ Львовъ и Замосьць. Если бы Польша была морскою державой, то она вела бы войну съ Швеціею, свергнувшею фанатическаго Сигизмунда III, на морѣ и въ Швеціи. Была попытка высадки въ Швецію; при Сигизмундѣ III былъ даже маленькій польскій флотъ; но въ этихъ попыткахъ не было ничего серьезнаго. Вмѣсто того Польшѣ пришлось выдержать убійственны нашествія шведовъ. Извѣстно, что непріязнь съ Швеціею, порожденная Сигизмундомъ III, и преслѣдованіе казаковъ составили двѣ первыя внѣшнія причины упадка польскаго государства. Обѣ были созданы религіознымъ фанатизмомъ. Сверхъ того, въ самовластно управляемой Испаніи нравственное паденіе самого народа, подъ вліяніемъ духовенства, не имѣло того значенія, какое имѣло нравственное паденіе подъ вліяніемъ іезуитовъ польскаго дворянства, то есть, *гражданства* въ политическомъ смыслѣ. Но къ преобладанію іезуитовъ въ Польшѣ присоединились многія другія обстоятельства. Республика потеряла de facto свой шляхетско-демократическій характеръ. Вмѣсто того, чтобы развивать свои учрежденія на прежнемъ, естественномъ пути, она отступила назадъ, къ олигархіи. Эта поздняя олигархія, подчинивъ себѣ нѣкогда самостоятельное и просвѣщенное шляхетское общество, обративъ его въ разноливрейныя, невѣжественныя, гуляющія и буйныя толпы слугъ, столь же виновна въ паденіи Польши, какъ и іезуитизмъ. Но почему же польское общество подпало подъ власть олигархіи? Почему, если прежде оно было самостоятельно и сильно, оно не поддержало своей самостоятельности? Потому, что борьба трехъ равноправныхъ властей, какими были въ Польшѣ (король, магнаты и шляхта, т. е. независимый правитель, сенатъ и палата депутатовъ), такъ какъ она продолжалась неопредѣленное время безъ успѣха для всѣхъ трехъ соперниковъ, привела къ анархіи. Какъ скоро наступила анархія, то есть, произволъ болѣе сильнаго сословія, невозможность легальнаго рѣшенія вопросовъ, то само собою разумѣется, что верхъ взяла та сторона, которая имѣла болѣе компактную наслѣдственную организацію и болѣе матеріальныхъ средствъ. Въ такомъ положеніи находилась польская аристократія. Короли, у которыхъ шляхта не успѣла отнять раздачи староствъ и достоинствъ, были избирательные и потому не могли упрочить своей власти; магнаты же постоянно пользовались отъ всѣхъ королей

раздачею староствъ и достоинствъ воеводъ и кастеляновъ, гетмановъ и канцлеровъ. Такимъ образомъ аристократическіе дома въ Польшѣ пріобрѣли несмѣтныя богатства, которымъ не было равныхъ у аристократіи иныхъ странъ, и сильное вліяніе въ республикѣ, помощью своихъ огромныхъ поземельныхъ владѣній. Пользуясь такимъ образомъ преимуществами аристократіи странъ самодержавныхъ, польскіе магнаты находили для себя новое орудіе въ конституціонныхъ формахъ, которыя давали сильное вліяніе тому, у кого была многочисленная партія. Такимъ образомъ то, что существовало de jure, самымъ скандальнымъ образомъ было извращено тѣмъ, что установилось de facto. Демократическому элементу, т. е. одаренной политическими правами многочисленной шляхтѣ, не удалось захватить въ свои руки преобладанія въ государствѣ; конституціонная борьба, которая долго вела къ этой цѣли, впослѣдствіи извратилась и стала на дѣлѣ приносить пользу одной аристократіи. Въ Польшѣ вполнѣ осуществлялась та теорія равенства и самостоятельности *трехъ факторовъ власти*, которую въ новѣйшее время стали проповѣдовать прусскіе феодалы. Неестественность, невозможность такого образа правленія слишкомъ очевидна. Одинъ польскій историкъ приводитъ слѣдующія слова Тацита:

«Города и го ударства должны быть управляемы или королями, или первостепенными домами, или самимъ народомъ. Правленіе же, составленное изъ этихъ трехъ началъ прибавимъ—при одинаковомъ поползновеніи ихъ на преобладаніе), почти невозможно, а если бы и могло существовать, то было бы только удивительнымъ фактомъ, а не прочнымъ учрежденіемъ».

Въ Англіи также три фактора власти, но общины несомненно и безспорно преобладаютъ. Польскимъ и шляхетскимъ общинамъ не удалось присвоить себѣ такого пресобладанія. Теорія г. Бисмарка вполнѣ осуществилась въ Польшѣ. Представимъ примѣръ. Шляхта имѣла право отказать въ налогѣ. Непріятель вступалъ въ границы Польши; палата депутатовъ, не имѣя юридическихъ средствъ добиться какой либо реформы въ свою пользу, при существованіи «про-

бѣловъ въ конституціи» (какъ называютъ это нынѣ въ Пруссіи), прибѣгала къ фактическому средству, именно отказывала въ новомъ налогѣ или въ сборѣ ополченія. Что же дѣлало правительство? Иногда оно уступало, иногда, если его поддерживали сенатъ, магнаты, оно вело войну (часто войну завоевательную, противъ которой возставали депутаты) на свой собственный счетъ и на счетъ магнатовъ. Шляхтѣ оставалось для позиціи одно легальное оружіе—liberum veto и одно фактическое—составленіе конфедерацій. Но это были средства отчаянныя. Частое употребленіе ихъ, и впослѣдствіи, когда шляхта была уничтожена и раздавлена магнатами, употребленіе этихъ средствъ во зло, извращеніе этихъ гарантій свободы въ средства притѣсненія, не мало повредили республикѣ. Въ этихъ ультра-либеральныхъ формахъ проявилось впослѣдствіи полное олигархическое преобладаніе.—Вотъ внутреннія причины паденія Польши. Изъ внѣшнихъ главными были сперва искаженіе политики фанатизмомъ, а потомъ образованіе сильныхъ войскъ вокругъ федеративной Польши, въ которой власти, находясь въ вѣчномъ спорѣ одна съ другою, взаимно ослаблялись, въ которой надъ raison d'Etat совершенно преобладало личное право и личная воля, въ которой правительству не позволяли (изъ недовѣрія къ нему) держать болѣе 18 т. войска, а между тѣмъ вокругъ Польши, да и во всей Европѣ, съ нѣсколькими исключеніями, росли огромныя, сильно централизованныя, военныя державы. Посреди ихъ слабѣйшій долженъ былъ пасть во всякомъ случаѣ, даже независимо отъ внутреннихъ причинъ. Закончимъ нашу статью слѣдующимъ замѣчаніемъ. Когда говорится о внутренней свободѣ, существовавшей въ прежней республикѣ польской, то обыкновенно слышится возраженіе: а угнетеніе народа? Въ самомъ дѣлѣ, угнетеніе народа есть безславный фактъ польской республики. Народъ (Kmieci, poddani) дѣйствительно былъ угнетенъ, впрочемъ никакъ не болѣе чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы. Во Франціи еще при Людовикѣ XVI были крѣпостные, въ Россіи новая эра народной свободы началась съ современнаго намъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Не слѣдуетъ забывать, что шляхта была очень многочисленна. Много ли было въ концѣ XVIII стол. государствъ, въ которыхъ милліонъ гражданъ пользовался правами политическими, законодательными? Если и теперь брать конституціонныя государства, гдѣ избраніе не поголовно, то число ихъ избирателей, то есть, гражданъ, одаренныхъ политическими правами, будетъ весьма огра-

ниченно, въ сравненіи со всѣмъ поселеніемъ. Вся разница въ томъ, что нынѣ гражданинъ признается неспособнымъ къ пользованію политическими правами, если онъ платитъ однимъ пенни менѣе податей, чѣмъ сколько установлено въ законѣ, а въ Польшѣ не имѣлъ политическихъ правъ тотъ, въ комъ не предполагалось ни образованія, ни наслѣдственной любви къ свободѣ.

Л. Половскій.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ЛИСТОКЪ.

Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Публичныя лекцiи Карла Фогта. Изданiе Н. А. Гайдебурова. Т. I. Выпускъ первый. Спб. 1863.—Физiологическiе эскизы Я. Молешотта. Переводъ съ примѣчанiями А. Пальховскаго. М. Изд. Грачева и Черенина. 1863.—Геологическiе этюды Германа Бурмейстера, перевелъ Н. Михайловъ. Двѣ части. Спб. Изданiе Товарищества: Общественная Польза. 1863.—Человѣкъ и сохраненiе его здоровья. Общепонятныя гигiеническiя письма д-ра Ф. Эстерлена. Переведено подъ редакцiей Н. Бакста. Выпускъ первый. Спб. 1863.—Исторiя французской революцiи и ея времени (1789—95) Генриха Зибеля. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцiею В. Ососова. Часть первая. Спб. 1863.—Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой и его сочиненiя. Сочиненiе М. А. Дмитрiева. М. 1863.—Исторiя кусочка хлѣба, описанiе жизни человѣка и животныхъ въ письмахъ. Соч. Масе. Переводъ съ французскаго. Изданiе А. Головачева. М. 1863.—Полное собранiе сказокъ Андерсена съ 125 гравированными политипажами. Выпускъ I. Изданiе переводчицъ. Спб. 1863.—Полное собранiе сочиненiй Генр. Гейне, въ русскомъ переводѣ, издан. подъ редакцiею Ѳ. Берга. Т. I. Разсказы и поэмы. Спб. 1863.

Любопытный примѣръ живучести предразсудковъ и совмѣстимости грубаго невѣжества съ обширными знанiями представляетъ намъ вопросъ объ отношенiи человѣка къ природѣ. Ни одинъ, не говорю естествоиспытатель, но никто изъ образованныхъ людей не будетъ оспаривать истины, что человѣкъ есть прежде всего животное. Между тѣмъ не только образованные люди, но и самые зоологи упорно отрицаютъ всякую естественную связь между *царемъ природы* и остальнымъ животнымъ мiромъ. Они настаиваютъ на томъ, что человѣкъ и прочiя животныя раздѣляются глубокою пропастью и что видѣть между ними ту связь, которая соединяетъ между собою не только всѣ ступени животнаго мiра, но и этотъ послѣднiй съ растительнымъ — значитъ унижать человѣка. Поэтому въ классификацiи животныхъ они не даютъ мѣста чело-

вѣку, а ставятъ его особнякомъ, называя его то царемъ природы, то вѣнцомъ творенія, то еще другими лестными наименованіями, выражающими затаенную мысль, что человѣкъ ничего общаго съ животными не имѣетъ, а есть существо особаго рода, и что если они, уступая очевидности, соглашаются признавать его животнымъ, то согласіе это только мнимое, потому что затѣмъ всѣ ихъ усилія клонятся къ тому, чтобы обособить человѣка. Поэтому зоологическое опредѣленіе человѣка, какъ животнаго, ни къ чему не приводитъ, потому что, сказавъ, что человѣкъ есть животное, зоологи начинаютъ доказывать, что это опредѣленіе ложно, что человѣкъ отдѣляется отъ животныхъ пропастью, однимъ словомъ, что онъ — не животное, а существо особое, отличное отъ остальныхъ произведеній природы.

Правильная антропологія, развивающаяся теперь, желаетъ прежде всего опредѣлить: что такое человѣкъ? Зоологическое опредѣленіе, принятое до сихъ поръ, не можетъ быть подвергнуто ни малѣйшему сомнѣнію, потому что есть очевидный фактъ. Но зоологія, причисливъ человѣка къ животнымъ, въ дальнѣйшемъ развитіи этого вопроса, старалась доказать противное, старалась исключить человѣка изъ ряда животныхъ и дать ему мѣсто внѣ органическаго міра. Поэтому теперь антропологамъ приходится снова разбирать вопросъ объ отношеніи человѣка къ природѣ, опредѣлить, стоитъ ли онъ выше ея или заключается въ ней и указать его мѣсто въ ряду животныхъ. Для этого необходимо разобрать, дѣйствительно ли существуетъ та пропасть, которая въ наукѣ раздѣляла до сихъ поръ человѣка отъ животнаго, или она есть порожденіе невѣжественнаго и смѣшного самолюбія и предразсудковъ. Натяжки, къ которымъ прибѣгали зоологи, чтобы доказать существованіе вышеупомянутой пропасти, и ихъ непослѣдовательность достойны изумленія; между тѣмъ какъ единственный палецъ лошади не препятствуетъ ей находиться въ одномъ отдѣлѣ съ толстокожими, имѣющими по нѣскольку пальцевъ; зубы броненосца не мѣшаютъ ему стоять въ одномъ отдѣлѣ съ беззубымъ муравьѣдомъ, — несвободный большой палецъ нижней конечности и непрерывный рядъ зубовъ человѣка считаются достаточнымъ основаніемъ, чтобы для него создать особый отдѣлъ отъ обезьянъ, у которыхъ большой палецъ свободенъ и рядъ зубовъ мѣстами прерывается. Не удивительно ли, что такая непослѣдовательность существуетъ съ цѣлью поддержать какое-то достоин-

ство человѣка! Каково же должно быть это достоинство, если его приходится защищать такими нелѣпостями. Но высшая нелѣпость состоитъ именно въ томъ, что считаютъ постыднымъ для людей и для ихъ генеалогическаго древа признать ихъ связь съ остальнымъ органическимъ міромъ. Одно изъ двухъ: или человѣкъ есть нѣчто совершенно особенное отъ всего остальнаго органическаго міра, или, если онъ принадлежитъ къ нему, то долженъ относиться къ нему, какъ и прочія животныя, т. е. занимать мѣсто въ немъ, а не надъ нимъ. Но едва кто нибудь осмѣлится высказать подобную мысль, какъ раздаются вопли и жалобы на то, что будто бы хотятъ низвести человѣка на степень животнаго. Очевидно, что тотъ, кто полагаетъ, что его достоинство можетъ пострадать, если наука найдетъ зоологическую связь между человѣкомъ и обезьяной—можетъ самъ служить прекраснымъ примѣромъ этой связи. Линнея въ наше время, конечно, никто не сочтетъ за нигилиста или еретика, но Линней слишкомъ уважалъ науку, чтобы позволить себѣ ломать ее во имя разныхъ отвлеченностей. Поэтому онъ въ своей классификаціи создалъ отдѣлъ *приматовъ*, куда отнесъ не только человѣка, но и обезьяну и летучихъ мышей, вовсе не думая о тѣхъ отсталыхъ естествоиспытателяхъ, которые способны оскорбиться этимъ. Но эта классификація была неправильна, потому что основана на признакѣ далеко не существенномъ, а именно на расположеніи сосцовъ на груди. Поэтому она была лишена всякаго научнаго основанія и должна была рухнуть. Но новѣйшіе классификаторы, замѣтившіе этотъ недостатокъ и уничтожившіе отдѣлъ приматовъ, если обладали большими познаніями, чѣмъ Линней, то имъ не доставало его равнодушія къ предразсудкамъ и къ голосу невѣждъ. Имъ, во что бы то ни стало, нужно было найти бездонную пропасть между человѣкомъ и остальными животными. Поэтому, разсматривая животныхъ и отыскивая въ нихъ общія свойства для того, чтобы группировать ихъ и составлять правильную классификацію, они разсматривали человѣка только за тѣмъ, чтобы найти въ немъ свойства, которыя бы позволяли исключить его изъ ряда прочихъ животныхъ, т. е. поступали совершенно наоборотъ. Такъ одни указывали на устройство нижней конечности (Бурмейстеръ, Веберы), другіе находили отличительный признакъ человѣка въ совершенно сросшейся нижней челюсти, третіе — въ непрерывномъ рядѣ зубовъ, четвертые — въ абсолютно большей, пятые — въ относительно большей величинѣ и

тяжести мозга, шестые, наконецъ, въ существованіи задней мозговой доли и такъ называемыхъ аммоніевыхъ роговъ въ боковыхъ желудочкахъ мозга (Р. Оуенъ). Были и такіе, которые, упуская изъ виду, что рѣчь идетъ объ анатоміи, указывали на свободную волю и самосознаніе, какъ на отличительные признаки человѣческаго организма (Шопенгауеръ, Бишоффъ). Такъ какъ эти естествоиспытатели заботились не объ интересахъ науки, а объ интересахъ суевѣрій, то естественно, что они не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ и ушамъ, если встрѣчали что нибудь *несогласное* съ ихъ теоріей. Ричарда Оуена, естествоиспытателя весьма почтеннаго и добросовѣстнаго во всемъ, не касающемся антропологіи, никакіе фотографическіе снимки не убѣдили и не убѣдятъ въ существованіи у обезьянъ аммоніевыхъ роговъ въ боковыхъ желудочкахъ мозга, потому что онъ разъ навсегда порѣшилъ, что человѣческій мозгъ *долженъ* существенно отличаться отъ мозга обезьяны. Можно убѣдить незнающаго, но нельзя — не желающаго знать. Впрочемъ, съ этой теоріей теперь происходитъ то, что случается рано или поздно со всѣми теоріями, основанными не на фактахъ, а на идеяхъ, изготовленныхъ заранѣе и насилующихъ факты для своего оправданія: она погибаетъ. Наконецъ, нашлись люди, которые, при всемъ своемъ уваженіи къ человѣческому достоинству, сочли однако не унизительнымъ для царя природы постараться изучить его организмъ. Они стали разсматривать его, между прочимъ, съ сравнительно-анатомической точки зрѣнія, тщательно и съ великимъ трудомъ собирая факты и не заботясь объ удобствѣ и неудобствѣ выводовъ, логически вытекающихъ изъ этихъ фактовъ. Въ числѣ ученыхъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣхамъ сравнительной анатоміи человѣка, особенно знаменитъ американецъ *Мортонъ*, смерть котораго (въ 1851 г.) окружена таинственностію, напоминающею намъ поступки инквизиціи. Въ настоящее же время въ этомъ отношеніи оказалъ весьма важныя услуги лондонскій профессоръ Гёксле. Та же исторія повторилась и въ другомъ отношеніи, а именно въ вопросѣ о древности человѣческаго рода. До двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія твердо держались мнѣнія, что родъ человѣческій не старѣе 5—7000 лѣтъ. Разумѣется, противъ этого мнѣнія, по недостатку фактовъ, можно было возразить только то, что и оно ничѣмъ *фактически* не доказано. Но въ 1820 г. Разумовскій открылъ въ нижней Австріи близъ Бадена человѣческія кости вмѣстѣ съ костями исчезнувшихъ животныхъ. Тоже открытіе около того ж

времени сдѣлалъ Буэ въ рейнской долинѣ. Въ 1829 г. Кристоль въ Гардскомъ департаментѣ нашелъ горшки и человѣческій зубъ вмѣстѣ съ костями допотопныхъ гіенъ, носороговъ и другихъ животныхъ. Въ Бельгіи Шмерлингъ открылъ орудія, сдѣланныя изъ костей медвѣдя и человѣческія кости вмѣстѣ съ остатками допотопныхъ животныхъ. Шрингъ въ окрестностяхъ Шово открылъ множество человѣческихъ костей, черепъ, пробитый орудіемъ, и каменный топоръ, относящіеся къ допотопной эпохѣ. Лундъ въ Бразиліи нашелъ черепы и горшки съ остатками допотопныхъ животныхъ. На берегахъ Миссиссипи нашли человѣческія кости на глубинѣ 100 футовъ съ костями мегатерія и мастодонта. Въ Девонширѣ найдены топоры и каменныя стрѣлы, посуда и рядомъ кости допотопныхъ львовъ и медвѣдей. Близъ Амьена Буше де Пертъ нашелъ кремневые топоры на мѣловой формаціи. Въ осадкахъ Нила были найдены разныя орудія и развалины построекъ, которымъ было по пятнадцати тысячъ лѣтъ. Въ долинѣ Мааса Фонтанъ нашелъ человѣческіе кости и зубы, а также стрѣлы вмѣстѣ съ костями допотопныхъ животныхъ. Наконецъ, теперь знаменитѣйшіе ученые, какъ Агассицъ и Лейель, считаютъ человѣка современникомъ мамонтамъ и мастодонтамъ и приписываютъ ему генеалогію во сто тысячъ лѣтъ.

Что же дѣлали отсталые естествоиспытатели, заботящіеся объ интересахъ легендъ, а не науки, когда такія открытія съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе отодвигали ихъ завѣтный предѣлъ, положенный древности рода человѣческаго? Дѣлали они тоже, что теперь Ричардъ Оуенъ дѣлаетъ относительно мозга обезьяны, т. е. не хотѣли ни видѣть, ни слышать. Вотъ что говоритъ Фогтъ:

„Надо прочесть жалобы одного археолога *Буше де-Перта*, чтобы понять, какихъ усилій стоило ему заставить нѣсколькихъ безпристрастныхъ натуралистовъ взглянуть на древніе слои, изъ коихъ онъ въ большомъ количествѣ вырылъ кремневые топоры. Онъ говоритъ: „надо мной смѣялись, не хотѣли даже взглянуть на вещи, боясь сдѣлаться еретиками въ наукѣ. Но когда факты оказались столь очевидными, что невозможно было въ нихъ усумниться, мнѣ все таки пришлось испытать хуже чѣмъ возраженіе, чѣмъ критику, чѣмъ сатиру, чѣмъ преслѣдованіе—я встрѣтилъ одно молчаніе. Не отрицали фактовъ не оспаривали ихъ — просто предали забвенію, или же искали объясненій еще болѣе неожиданныхъ, чѣмъ самые факты: что кремневые топоры-произведеніе огня, что вулканы выбрасывали ихъ въ жидкомъ видѣ и что, при паденіи въ воду, они получали отъ внезапнаго охлажденія форму

нѣсколько похожую на форму капель жидкаго стекла. Другіе, напротивъ, звали на помощь холодъ; говорили, что кремень былъ расколотъ морозомъ и такимъ образомъ вышли ножи и топоры. Или говорили, что работники клали ихъ въ песокъ, и что они собственной тяжестью опустились въ песчаные слои. Я не очень заботился объ этихъ возраженіяхъ; для меня вдесятеро были чувствительнѣе упорные отказы изслѣдовать факты, и слова „это невозможно", произносимыя съ полнымъ нежеланіемъ вникнуть въ дѣло." (Челов. и его мѣсто въ природѣ, стр. 14).

Наконецъ и въ третьемъ случаѣ до сихъ поръ еще не было сдѣлано ничего положительнаго, благодаря упорству предразсудковъ. Всякому должно, конечно, показаться страннымъ, что зоологи, считающіе,—когда рѣчь идетъ о низшихъ животныхъ,—необходимымъ дѣлить отдѣлы на семейства, семейства на роды, роды на виды и принимать еще множество разновидностей, упорно настаиваютъ на томъ, что въ созданномъ ими отдѣлѣ *двурукихъ* нѣтъ достаточно основаній, чтобы раздѣлить его не только на семейства, роды, но даже на виды. Отдѣлъ двурукихъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ лишь изъ одного вида; полинезійскій негръ и англичанинъ составляютъ лишь одинъ видъ, между тѣмъ какъ волкъ и собака—отдѣльные роды!

Въ настоящее время наука уже имѣетъ достаточно фактовъ, чтобы отвергнуть устарѣвшія понятія въ зоологіи и указать человѣку то мѣсто въ ряду животныхъ, куда ставитъ его природа, а не упрямые предразсудки отсталыхъ естествоиспытателей. Современная наука имѣетъ въ рукахъ тотъ матеріалъ, которымъ должна быть засыпана пропасть, вырытая невѣжествомъ между человѣкомъ и остальнымъ органическимъ міромъ. Если наука требуетъ, чтобы въ ряду животныхъ двурукія были соединены въ одинъ отрядъ съ обезьянами, то что же изъ этого? Слѣдуетъ ли изъ этого, что здѣсь подвергается сомнѣнію превосходство человѣка надъ прочими животными? Слѣдуетъ ли изъ этого, что унижается достоинство человѣка? Нисколько. Напротивъ того, лишь тогда будетъ вполнѣ ясно высшее положеніе человѣка, когда онъ примкнетъ къ ряду организмовъ; его превосходство ясно опредѣлится такимъ сопоставленіемъ. Между тѣмъ какъ теперешнее его положеніе ничего не доказываетъ, потому что лишено всякаго научнаго основанія. Какъ скоро люди согласились, что и они — животныя, имъ надо понять, почему это такъ и въ какихъ отношеніяхъ находятся они къ прочимъ существамъ. Что же

асается до униженія чести, подобающей *царю животныхъ*, то ужъ это слишкомъ старая пѣсня. Ее пѣли еще тогда, когда явились дерзкіе, утверждавшіе, что земля не есть центръ вселенной и что не на потѣху людямъ блещутъ звѣзды и свѣтитъ солнце. Но невѣжество старо, почему же и не пѣть ему старыхъ пѣсенъ?

Карлъ Фогтъ представляетъ намъ въ своей книгѣ: *«Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ»* послѣдніе результаты науки касательно вопроса, о которомъ я говорю. Въ первой части этого сочиненія находится сравнительно—анатомическій разборъ человѣка и ближайшихъ къ нему животныхъ, взвѣшиваются и оцѣниваются доводы *за* и *противъ* причисленія его къ одному отдѣлу съ обезьянами и, сколько можно судить по вышедшимъ доселѣ выпускамъ, строится новая классификація для животныхъ, принадлежавшихъ къ Линнееву отдѣлу *приматовъ*. Вторая часть, по словамъ автора, будетъ заключать въ себѣ разборъ древности рода человѣческаго и изслѣдованія о происхожденіи расъ и видовъ человѣка и домашнихъ животныхъ. Въ русскомъ переводѣ пока вышелъ одинъ выпускъ (пять лекцій). Въ немъ заключается сравнительная анатомія различныхъ человѣческихъ расъ, служащая какъ бы введеніемъ къ предмету лекцій. Поэтому я бы отложилъ разборъ этого сочиненія до слѣдующаго выпуска, еслибъ не имѣлъ въ виду другой книги, содержаніе которой побуждаетъ меня поговорить здѣсь о предметѣ лекцій Фогта. Книга эта: *«Геологическія картины»* Бурмейстера, въ русскомъ переводѣ названная *«Геологическими этюдами»*. Въ этомъ сочиненіи находятся двѣ главы, имѣющія прямое отношеніе къ сочиненію Фогта: *Человѣческая нога* (въ 1 части) и *Черный человѣкъ* (во 2-й). Фогтъ, пользуясь трудами Гёксле, Грасіоле, Велькера, Мортона и др., доказываетъ (2 Liefer.), что тѣ признаки, которые считались доселѣ отличительными свойствами человѣка, недостаточны для совершеннаго разграниченія человѣческаго рода отъ прочихъ животныхъ. Онъ утверждаетъ, что признаки эти или существуютъ и у другихъ животныхъ или покрайней мѣрѣ представляютъ постепенные переходы, такъ что рѣзкой разграничивающей черты нигдѣ нельзя замѣтить. Такъ анатомическія изслѣдованія Маршала, Роллестона и Гёксле опровергли мнѣніе Оуена касательно исключительной принадлежности человѣку аммоніевыхъ роговъ. Въ первомъ выпускѣ его лекцій (стр. 135—136) находятся изображенія мозга че-

ловѣка и обезьяны (шимпанзе), сходство которыхъ поразитъ даже читателя, совершенно незнакомаго съ анатоміей.

Точно также не выдерживаетъ никакой критики мнѣніе касательно абсолютнаго или сравнительнаго превосходства тяжести и вѣса человѣческаго мозга надъ мозгами прочихъ животныхъ. Большіе млекопитающіе, киты, дельфины, слоны имѣютъ мозгъ большей тяжести и величины; у маленькихъ американскихъ обезьянъ и у пѣвчихъ птицъ мозгъ имѣетъ относительно большую величину: у человѣка вѣсъ мозга относится къ вѣсу тѣла, какъ 1 : 36, у маленькихъ же обезьянъ какъ 1 : 13 : 24 : 25 (вып. 1 стр. 94, 2 Lief. S. 19). Далѣе утверждали, что челюсти человѣка рѣзко отличаются отъ прочихъ животныхъ непрерывнымъ рядомъ зубовъ, между тѣмъ какъ у обезьянъ между зубами всегда находятся промежутки. Фогтъ, для опроверженія этого мнѣнія, указываетъ на ископаемаго толстокожаго Anoplotherium, на что указываетъ также Бурмейстеръ (Геолог. этюды ч. 1, стр. 245—46), котораго уже никакъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ этому вопросу. Бурмейстеръ говоритъ даже, что у обезьянъ и хищныхъ животныхъ зубы расположены такъ же, какъ у человѣка; но это какая-то странная ошибка, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый. Какъ бы то ни было, но непрерывный рядъ зубовъ никакъ не можетъ считаться исключительной принадлежностію человѣка. Что касается того мнѣнія, что будто только у одного человѣка швы верхней челюсти сростаются совершенно, то еще Гете и Лодеръ доказали несправедливость его. Этотъ признакъ представляетъ намъ, сверхъ того, примѣръ постепенности перехода отъ высшихъ типовъ къ низшимъ. У бѣлыхъ швы эти сростаются очень рано, между тѣмъ какъ у негровъ они остаются долго несросшимися, точно также, какъ у кретиновъ и идіотовъ и какъ, съ другой стороны, у шимпанзе. У нашихъ же обезьянъ они никогда не заростаютъ. Точно такую послѣдовательность въ развитіи видимъ мы и въ томъ, что доселѣ считается лучшей и значительнѣйшей привиллегіей рода человѣческаго, а именно въ строеніи нижней конечности. Бурмейстеръ говоритъ объ этомъ:

„Мы утверждаемъ, что не голова, не рука, не грудь, а нога, и преимущественно нижняя часть ея, собственно ступня, есть та часть человѣческаго тѣла, которая зоологически наиболѣе отличаетъ человѣка отъ животныхъ; потому что нигдѣ лучше, чѣмъ въ ней, не проявляется физическая особенность человѣка, т. е. ни одна часть человѣ-

ческаго тѣла не удаляется болѣе отъ соотвѣтствующей части тѣла животныхъ.“ (Геол. этюды, часть I, стр. 72).

И далѣе онъ повторяетъ нѣсколько разъ ту мысль, что ни одинъ органъ человѣческаго тѣла не образованъ столь человѣчески, какъ нога. Главныя черты нижней конечности человѣка, рѣзко отличающія ее отъ соотвѣтствующей части животныхъ, состоятъ въ устройствѣ большаго пальца. Онъ не противуполагается прочимъ, какъ на рукѣ, а соединенъ съ остальными, и отдѣльныя движенія его весьма ограничены. Въ тоже время онъ больше прочихъ. Бедро человѣка сравнительно длиннѣе бедра всѣхъ прочихъ животныхъ; наконецъ, мягкія части расположены у человѣка на ногѣ такъ, что образуютъ выпуклости и утолщенія, подобныхъ которымъ не видимъ ни у одного другаго животнаго. Но тотъ же Бурмейстеръ въ статьѣ своей *Черный человѣкъ* (Геол. этюды ч. II) говоритъ слѣдующее:

„Большой палецъ (у негровъ въ Бразиліи) меньше нашего; кромѣ того у нихъ гораздо болѣе замѣтно, что второй палецъ величиною превосходитъ первый. Въ этомъ уже замѣчается животный характеръ, *потому что именно особенная величина большаго пальца есть настоящій (?) признакъ человѣческой ноги:* въ ногѣ же негра тонкость перваго пальца составляетъ приближеніе къ обезьянѣ. Положеніе этого пальца, отдѣленнаго отъ втораго большимъ промежуткомъ, поддерживаетъ это сходство“ (стр. 102).

„Видя передъ собою черныя ноги, обнаженныя до колѣнъ, сжатыя съ боковъ и неимѣющія никакой округлости, я невольно вспоминалъ обезьянъ, и чѣмъ болѣе всматривался, тѣмъ болѣе убѣждался въ этомъ сходствѣ, потому что и въ бедренной части видѣлъ тоже отсутствіе полноты, которая должна быть ей свойственна.“ (стр. 106).

„Кто наблюдалъ когда нибудь въ звѣринцѣ руку обезьяны, тотъ вѣроятно замѣтилъ ея тонкіе пальцы съ узкими длинными ногтями, пусть вспомнитъ онъ также отвратительную, плоскую заднюю ногу ея, и тогда онъ скоро убѣдится въ сходствѣ ея съ ногою негра. Недостатокъ выпуклости, подошва, всею плоскостью своею прикасающаяся къ землѣ маленькій, отдѣленный большой палецъ, составляютъ такіе же полные признаки обезьянъ, какъ голень, лишенная икръ и сдавленная, заостренная бедренная кость“ (стр. 112).

Бурмейстеръ, когда писалъ это, еще не могъ знать, до какой степени поразительно замѣченное имъ сходство, потому что ему была неизвѣстна наиболѣе человѣкоподобная обезьяна — горилла. «Задняя конечность гориллы», говоритъ Гёксле, «оканчивается на-

стоящей ногой съ подвижными пальцами. Это, если угодно, цѣпкая нога, а не рука; это нога, отличающаяся отъ человѣческой не основнымъ характеромъ, а лишь степенью подвижности и второстепеннымъ расположенiемъ отдѣльныхъ частей» (2 Liefer. S. 197).

Такимъ образомъ, чтобы мы не приняли за отличительную черту человѣческаго рода, мы или найдемъ тоже самое у животныхъ въ такой же степени развитiя или увидимъ постепенность въ развитiи, начинающуюся еще въ предѣлахъ человѣчества.

Строенiе таза, форма живота, строенiе верхней конечности, развитiе нижней челюсти, даже волоса и потъ — все однимъ словомъ, что мы видимъ въ человѣкѣ, переходитъ въ обезьяну, проходя по дорогѣ черезъ цвѣтныя расы и тѣ несчастныя созданiя, которыя рождаются иногда среди бѣлаго племени, напоминая ему его родство съ прочимъ мiромъ животныхъ: я говорю объ идiотахъ, кретинахъ и микроцефалахъ. Въ этомъ отношенiи всего любопытнѣе взглянуть на мозгъ и нервную систему, такъ какъ отъ ихъ развитiя и отношенiя зависитъ нравственная и умственная сторона животныхъ. Если послушаемъ Бурмейстера, начинающаго свою статью о человѣческой ногѣ тѣмъ, что онъ отказывается отъ всякой солидарности съ матерiалистами, то увидимъ, что даже непосредственное наблюденiе надъ умственной дѣятельностью черной расы даетъ возможность замѣтить ея близкое зоологическое родство съ обезьяною.

„Нисколько не сомнѣваясь и не отрицая человѣчества негра, говоритъ онъ (Черный чел. ч. II, стр. 128—31), мы должны однакожъ признать за основательный научный фактъ, что въ отличiяхъ негра отъ европейца заключается сходство съ обезьяною, а слѣдовательно и съ животными. Въ 1785 году подобный же результатъ былъ выведенъ Зёммерингомъ. . . . .
Негръ вообще не лишенъ способностей, но онѣ ограничиваются у него подражанiемъ, заучиванiемъ извѣстнаго; ихъ не хватаетъ на собственное изобрѣтенiе и даже всякое самостоятельное сужденiе. Большую часть негровъ можно назвать понятливыми, переимчивыми, но немногихъ можно назвать искусными. Такимъ образомъ даже въ духовной сферѣ мы находимъ въ нихъ нѣкоторую аналогiю съ обезьянами, передразниванiе которыхъ вошло въ пословицу. Эта аналогiя выражается и у негра не только въ способности, но и въ охотѣ къ подражанiю, и объясняетъ тѣ нерѣдко замѣчательные мимическiе таланты, которыми обладаютъ многiе изъ нихъ.“

Если мы теперь обратимся къ анатомiи и посмотримъ на разви-

тіе умственныхъ органовъ, то увидимъ, что оно вполнѣ согласно съ наблюденіями Бурмейстера надъ проявленіемъ умственныхъ способностей черной расы. Мы увидимъ, что она дѣйствительно и въ анатомическомъ отношеніи представляетъ собою тотъ же переходъ отъ бѣлаго племени къ обезьянамъ, который былъ замѣченъ Зёммерингомъ и Бурмейстеромъ.

Зёммерингъ, Блуменбахъ, какъ и всѣ новѣйшіе изслѣдователи, согласны въ томъ, что мозгъ негра развитъ несравненно менѣе, чѣмъ мозгъ бѣлаго, а именно полушарія его менѣе, извилины мозга (считавшіеся прежде мѣрою умственныхъ способностей, но значеніе коихъ новѣйшими анатомами ограничено) менѣе развиты и весь мозгъ представляетъ собою больше сходства съ мозгомъ обезьяны, чѣмъ съ мозгомъ кавказскаго племени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить между собою изображенія мозга математика Гаусса, готтентотской женщины и орангутанга (фигуры 67, 68 и 69), находящіяся у Фогта (2 Lief. S. 232—33). Кромѣ того, у негровъ мозгъ мало развитъ сравнительно съ остальной нервной системой, и чѣмъ ниже мы будемъ спускаться по зоологической лѣстницѣ, тѣмъ болѣе будетъ возрастать это отношеніе, такъ что наконецъ у насѣкомыхъ центральнаго мозга не существуетъ.

Наблюденія и изслѣдованія надъ человѣческимъ черепомъ и мозгомъ уже давно занимали естествоиспытателей; но до сихъ поръ они не имѣли еще развитія, требуемаго для того, чтобы они могли дать какіе нибудь обширные результаты. Тѣмъ не менѣе на эти изслѣдованія теперь обращено особенное вниманіе и, не смотря на трудности ихъ, можно надѣяться, что скоро они дадутъ богатый плодъ. Въ началѣ же они давали поводъ ко многимъ ошибкамъ, потому что дѣлались весьма одностороннимъ образомъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторое время такъ называемый Камперовъ уголъ (при верхнихъ рѣзцахъ, образующійся проведеніемъ въ эту точку линій отъ уха и корня носа) считался мѣриломъ человѣческаго ума. Такое же значеніе имѣли вѣсъ, величина и количество извилинъ мозга. Но хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія, что степень умственныхъ способностей должна зависѣть отъ развитія мозга, тѣмъ не менѣе только совокупность этихъ признаковъ и возможно большая сумма наблюденій, позволяющая съ наименьшей ошибкой выводить среднее отношеніе, могутъ дать вѣрные результаты.

Такъ измѣренія надъ вмѣстимостью череповъ у разныхъ наро-

довъ были сдѣланы въ большихъ размѣрахъ Мортономъ, Айткенъ Мейгсомъ, Велькеромъ и Брока, и изъ этихъ измѣреній можно навѣрное сказать, что вмѣстимость черепа увеличивается вмѣстѣ съ умственными способностями. Въ таблицѣ Фогта самая меньшая вмѣстимость существуетъ у австрійцевъ (1228 куб. центиметровъ), а самая большая у англичанъ (1572 куб. центиметра), что вполнѣ соотвѣтствуетъ внѣшнему проявленію умственныхъ силъ этихъ народовъ.

При этомъ весьма замѣчательно то, что цифры вполнѣ подтверждаютъ догадку, что умственные органы совершенствуются отъ поколѣнія къ поколѣнію, потому что знатные парижане XII вѣка имѣютъ вмѣстимость черепа въ 1425 куб. цент., между тѣмъ какъ черепа XIX в. съ кладбищъ des Innocents и de l'Ouest, гдѣ погребались бѣдные классы, имѣютъ 1460 куб центим. вмѣстимости. Между тѣмъ черепа высшихъ классовъ имѣютъ большую вмѣстимость, чѣмъ черепа низшихъ классовъ той же эпохи.

Большое значеніе имѣютъ также измѣренія и изслѣдованія надъ величиною поверхности мозга, вѣсомъ его и др., но фактовъ собрано покуда еще слишкомъ мало, чтобъ можно было основать на нихъ настоящую психологію. Гипотезы во всякомъ случаѣ заняли бы въ ней слишкомъ много мѣста. Но принимая въ расчетъ быстрый ходъ естественныхъ наукъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что труды антропологовъ дадутъ скоро блистательные результаты. Эти результаты были бы достигнуты еще скорѣе, еслибъ упрямство и самолюбіе самихъ естествоиспытателей, какъ Оуенъ или Либихъ, не заслоняли собою для нихъ болѣе высокихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи Фогтъ стоитъ несравненно выше ихъ: нельзя не уважать его за благородное безпристрастіе, съ которымъ онъ отказался въ пользу Дарвина отъ своей теоріи происхожденія видовъ, которую столько лѣтъ защищалъ, пока не убѣдился въ справедливости противниковъ.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ изданіи г. Гайдебурова. Изданіе весьма хорошо, рисунки не уступаютъ рисункамъ оригинала. Переводъ довольно порядочный, хотя мѣстами попадаются выраженія довольно странныя. Что, напримѣръ, обозначаетъ слово: заположеніе? Странно также называть сосковидный отростокъ мастоидальнымъ. Не мѣшало бы заглянуть въ анатомію также по поводу стрѣловиднаго шва, который стрѣлообразнымъ никогда не называется. Желательно бы было также, чтобы Huxley назывался Гексле, а не Гукслей.

Не могу также не сказать здѣсь нѣсколько словъ нашимъ издателямъ. Издавать въ переводахъ замѣчательныя произведенія западной науки дѣло такое важное, что нельзя не обратить на него вниманіе. Нельзя не похвалить также распространившееся обыкновеніе издавать такіе переводы выпусками. Это имѣетъ весьма много удобствъ для читателей, потому что такимъ образомъ они могутъ скорѣе знакомиться съ сочиненіями знаменитыхъ европейскихъ писателей. Что касается до издателей, то нечего и говорить, что это для нихъ весьма удобно. Но съ ихъ стороны необходима при этомъ добросовѣстность и аккуратность, при недостаткѣ которыхъ публика можетъ, наконецъ, перестать покупать книги, выходящія выпусками, что будетъ весьма дурно. Вотъ напр. «Физіологическія картины» Л. Бюхнера, первый выпускъ которыхъ вышелъ годъ тому назадъ. Въ какомъ положеніи находятся читатели, купившіе его и ожидающіе отъ Г. С. Усова слѣдующихъ выпусковъ? Будутъ ли они покупать другія сочиненія, издаваемыя выпусками? А «Исторія литературы» Геттнера? А «Шекспиръ» Гервинуса? Вѣдь это тянется цѣлые годы. Въ это время г. Серно-Соловьевичъ успѣлъ издать 9 толстыхъ томовъ «Всемірной исторіи» Шлоссера, а г. С. Усовъ не можетъ дать втораго выпуска «Физіологическихъ картинъ». Это весьма плачевно, потому что можетъ, наконецъ, надоѣсть публикѣ и повредить издателямъ болѣе аккуратнымъ. Поэтому я надѣюсь что г. Гайдебуровъ не захочетъ испытывать долготерпѣніемъ русской публики (хотя она и русская, но можетъ, наконецъ, выйдти изъ терпѣнія) и не замедлитъ выдать второй выпускъ.

«Геологическіе этюды» Бурмейстера, пользующіеся вполнѣ заслуженной лестной репутаціей въ Германіи, представляютъ рядъ картинъ (какъ они и называются въ оригиналѣ), не имѣющихъ между собой почти никакой связи. Собственно эпитетъ *геологическіе* идетъ только къ четыремъ первымъ статьямъ первой части: *Образованіе земной коры. Человѣческая нога, Прошедшее и настоящее животнаго царства* и *Современная палеонтологія*; пятая статья этой части *О достоинствѣ животныхъ существъ* есть довольно странное разсужденіе о сравнительномъ достоинствѣ собаки или лисицы, оленя или лося, лошади или осла. Признаюсь, что при всемъ уваженіи, которое я питаю къ ученому автору, я не могу понять, съ какою цѣлью восхваляетъ онъ достоинства лисицы передъ собакой и волкомъ или оленя передъ лосемъ. Это тѣмъ страннѣе, что эти сравненія дѣ-

лаются съ какой-то весьма нелѣпой точки зрѣнія, и вся статья неожиданно разражается увѣщаніемъ трудиться, «потому что трудъ есть средство къ самосохраненію». Вся эта дребедень весьма не клеится съ четырьмя предъидущими статьями, какъ не клеится разсужденіе о древнихъ статуяхъ съ статьей о человѣческой ногѣ. Въ этихъ разсужденіяхъ ученый авторъ договаривается до того, что утверждаетъ, будто въ греческихъ изваяніяхъ человѣческій геній достигъ всего, чего только могъ достигнуть. Это ничего, а плачевно то, что, по словамъ автора, вслѣдствіе этого обстоятельства, мы обречены на неподвижность, которая притомъ обѣщаетъ быть продолжительною. Вотъ тебѣ и разъ! Въ Китай, значитъ, должны обратиться! Но Бурмейстеръ утѣшаетъ насъ тѣмъ, что за то общество и его культура, которымъ нѣкоторые предсказываютъ паденіе, останутся цѣлы и невредимы. Разумѣется, если обречены на неподвижность, такъ какъ же падать. Впрочемъ, авторъ полагаетъ, что они уцѣлѣютъ потому, что существуютъ греческія произведенія искусствъ, которыя не могутъ быть уничтожены. Вкратцѣ это выходитъ, что Венеры и Апполоны грековъ обратятъ европейцевъ въ китайцевъ. Что жъ они до сихъ поръ этого не сдѣлали? Вообще это несчастное разсужденіе убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, какъ неприлично естествоиспытателю толковать о произведеніяхъ искусства и отбивать хлѣбъ у разныхъ присяжныхъ эстетиковъ. Пускай себѣ стоятъ мраморные боги на старыхъ пьедесталахъ для развлеченія верхоглядовъ, именующихъ себя художниками и прикрывающихъ свою неспособность къ серьезному труду избитыми фразами о ляжкахъ Венеръ и профиляхъ Апполоновъ. Лучше не тревожить этого классическаго хлама, пока время не похоронитъ его вмѣстѣ съ тѣми тунеядцами, которымъ въ жизни нечего дѣлать, какъ восторгаться ляжками Венеръ и профилями Аполлоновъ.

Впрочемъ, такія мелочи нисколько не уменьшаютъ достоинство «Геологическихъ этюдовъ». Третій и четвертый этюды первой части отличаются большимъ интересомъ. Въ первомъ изъ нихъ (*Прошедшее и настоящее животнаго царства*) авторъ представляетъ намъ исторію животныхъ организмовъ, населявшихъ землю съ самыхъ первыхъ временъ.

Я постараюсь изложить вкратцѣ сущность этой статьи.

Едва началась на земномъ шарѣ органическая жизнь, какъ явились уже представители главныхъ классовъ животныхъ, населяющихъ

его теперь. Тутъ были не только полипы, лучистыя, моллюски и суставчатыя, но и позвоночныя. Но дѣло въ томъ, что позвоночныя явились сперва въ видѣ рыбъ; другихъ же отдѣловъ этого класса, пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ не было, потому что они не могли жить въ той средѣ. Представители животныхъ классовъ были, впрочемъ, отличены отъ видовъ, существующихъ теперь, или, лучше сказать, они представляли собою соединеніе нынѣ существующихъ видовъ. Такъ въ древнѣйшую эпоху изъ позвоночныхъ существовали только рыбы. Но, представляя въ главныхъ чертахъ сходство съ нынѣшними рыбами, тогдашніе целекантины совмѣщали въ себѣ также признаки прочихъ позвоночныхъ, были представителями не только класса рыбъ, но выражали собою понятіе позвоночнаго вообще. Во вторичную эпоху прежде всего явились рыбы уже съ костянымъ скелетомъ, тогда какъ у предъидущихъ онъ былъ хрящевой. Рядомъ съ рыбами явились и земноводны, какъ скоро атмосфера освободилась отъ углерода. Земноводныя эти не представляли собою ни одного изъ извѣстныхъ намъ теперь отряда ихъ; они не были ни змѣями, ни ящерицами, ни черепахами, ни лягушками, а были въ одно и тоже время и тѣми, и другими, и третьими, и четвертыми. Кромѣ того, они еще не утратили совершенно рыбьяго характера, такъ что переходъ отъ рыбъ къ земноводнымъ виденъ на нихъ ясно. Мало того, они представляли собою эмбріоны высшихъ позвоночныхъ, птицъ и даже млекопитающихъ! Чудовищный эналіосавръ представляетъ собою именно такое соединеніе кита, крокодила и птицы, между тѣмъ какъ другая допотопная ящерица, диносавръ, напоминаетъ въ одно и тоже время черепаху и толстокожее млекопитающее, а третья, птеросавръ, напоминаетъ летучую мышь.

Въ третичной эпохѣ всѣ эти странныя животныя изчезаютъ и на мѣсто ихъ являются уже особые представители класса позвоночныхъ. Пресмыкающіе, птицы и млекопитающіе уже не смѣшиваютъ своихъ формъ, а высылаютъ, каждый, особыхъ представителей. Но отдѣльныя формы каждаго изъ этихъ классовъ все таки остаются смѣшанными. Такъ сперва является аноплотерій, бывшій вмѣстѣ и толстокожимъ и жвачнымъ. Но въ верхнихъ слояхъ третичной формаціи и это животное изчезаетъ и на мѣсто его являются жвачныя отдѣльно отъ толстокожихъ. По мѣрѣ приближенія къ аллювіальному періоду формы животныхъ все болѣе и болѣе приближаются къ нынѣшнимъ.

Мастодонтъ третичной формаціи въ диллювіальномъ періодѣ является въ видѣ мамонта, который ближе къ слону, чѣмъ предъидущій. Диллювіальный періодъ въ разнообразіи формъ уже не уступаетъ аллювіальному. Наконецъ, въ немъ же, какъ доказали новѣйшія изслѣдованія, о которыхъ я упомянулъ выше, является человѣкъ.

Другое обстоятельство, на которое указываетъ Бурмейстеръ, состоитъ въ томъ, что изчезнувшія животныя никогда не превосходили величиною нынѣшнихъ, а, напротивъ того, между ними не было ни одного, котораго по величинѣ можно бы было сравнить съ китомъ. Прежніе геологи, полагавшіе противное, был введены въ заблужденіе тѣмъ, что многія животны, какъ лягушки, двуутробки, лѣнивцы, прежде были несравненно больше нынѣшнихъ. Но не надо забывать, что тѣ животныя были не только лягушками, или двуутробками, но вмѣщали, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ себѣ формы другихъ животныхъ, отличающихся и теперь величиною. Тѣ же, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ видамъ, не были больше ихъ, такъ что даже знаменитая шлейхцерова саламандра, принятая за человѣка, не превосходила размѣрами нынѣшней большой саламандры.

Вторая часть «Геологическихъ этюдовъ» состоитъ изъ слѣдующихъ статей: *Океанъ*, *Черный человѣкъ*, *Тропическій первобытный лѣсъ*, *Плоды Бразиліи* и *Общая характеристика органическихъ существъ Бразиліи*. Она представляетъ собою гораздо болѣе цѣльное сочиненіе, чѣмъ первая, и содержитъ въ себѣ описаніе путешествія автора въ Южную Америку; этому описанію какъ нельзя болѣе идетъ названіе картинъ, потому что отдѣльныя статьи представляютъ собою картины тропическихъ странъ. Названіе же *этюдовъ* въ этомъ случаѣ ровно ничего на выражаетъ, если только вообще оно когда либо выражаетъ что нибудь въ наукѣ, въ чемъ я сомнѣваюсь. Этимъ страшнымъ словомъ, заимствованнымъ изъ музыки или изъ живописи, навѣрное не знаю,—у насъ переводятъ нѣмецкое Studien. Но это все равно, что *прыжокъ* переводитъ *происхожденемъ*. Въ статьѣ *Океанъ* авторъ разбираетъ вопросъ о цвѣтѣ моря, при чемъ объясняетъ зеленоватый цвѣтъ внутреннихъ морей отраженіемъ дна и неба, а голубой цвѣтъ океана отраженіемъ лишь одного неба, потому что при значительной глубинѣ дна оно перестаетъ просвѣчивать.

Онъ описываетъ также свое плаваніе и разсказываетъ весьма

увлекательно и интересно о животныхъ и растеніяхъ, попадавшихся ему на пути. Остальныя статьи описываютъ растенія и животныхъ Бразиліи. Впечатлѣніе, вынесенное авторомъ изъ путешествія въ тропическія страны, не можетъ считаться благопріятнымъ. Онъ говоритъ, что сильно разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ во всемъ, начиная съ плодовъ и кончая первобытнымъ человѣкомъ. По мнѣнію Бурмейстера, Бразилія, какъ и вообще тропическія страны Новаго Свѣта, не представляетъ тѣхъ условій, которыя необходимы для развитія въ странѣ цивилизаціи. Вообще взглядъ автора на тропическія страны и ихъ произведенія рѣзко отличается отъ похвалъ, расточаемыхъ имъ большей частью путешественниковъ. Вторая часть его «Геологическихъ картинъ» или «Геологическихъ этюдовъ», какъ угодно выражаться товариществу «Общественной Пользы», прочтется съ интересомъ, хотя въ ней только вторая статья (*Черный человѣкъ*) можетъ быть поставлена на ряду съ четырьмя статьями первой части. Въ заключеніе нельзя не упомянуть о необыкновенно хорошемъ переводѣ этой книги, дѣлающемъ большую честь г. Н. Михайлову. По моему мнѣнію, книга эта переведена рѣшительно лучше всѣхъ, которыя были изданы въ послѣднее время по части естественныхъ наукъ.

Нечего сказать — удивительное остроуміе являютъ наши издатели въ переводѣ заглавій издаваемыхъ ими книгъ. Сейчасъ мы видѣли, что слово Studien переводится *этюдами*; но еще удивительнѣе переводить слово Skizzen (*очерки*) *эскизами*. Но именно такъ поступилъ г. Пальховскій, который назвалъ *физіологическе очерки* Молешотта *физіологическими эскизами. Физіологическіе эскизы*! Эти два слова рѣшительно вопіютъ о томъ, что ихъ поставили рядомъ. Послѣ этого можно ожидать *хирургичекихъ оперъ*, *патологическихъ акварелей* и *фармакологическихъ фресковъ*! Всего можно ожидать отъ остроумія нашихъ издателей! Но дѣлать нечего, давайте говорить о *физіологическихъ эскизахъ*. Книга эта, подобно сочиненію Бурмейстера, о которомъ я только-что говорилъ, состоитъ изъ четырехъ

совершенно особыхъ статей: *Источники силъ человѣка на свѣжемъ воздухѣ*, *Роговой панцырь человѣка* и *Воспоминаніе о Форстерѣ.* Изъ нихъ названіе физіологическихъ очерковъ идетъ только къ тремъ первымъ, которыя по предмету, разсматриваемому ими, имѣютъ дѣйствительно между собою связь. Въ первой изъ нихъ знаменитый авторъ разсматриваетъ *питаніе* человѣческаго организма. Эта статья по предмету близко подходитъ къ его же книгѣ: *Ученіе о пищѣ*, о которой я говорилъ въ одномъ изъ прежнихъ листковъ. Однако никакъ нельзя сказать, чтобы здѣсь онъ повторялъ сказанное въ этой другой своей книгѣ. Объ этой статьѣ я буду говорить ниже, а пока обращаюсь къ слѣдующимъ. Въ статьѣ *на свѣжемъ воздухѣ* излагаются читателямъ законы *дыханія* и *кровообращенія*, причемъ, какъ можно судить по заглавію, авторъ разсказываетъ процессы, совершающіяся въ человѣкѣ во время прогулки. Здѣсь я обращу вниманіе тѣхъ господъ, которые считаютъ матеріалистовъ какими-то сухими теоретиками, неспособными понимать прекрасное, на слѣдующую страницу:

„Когда, говоритъ Малешоттъ, мы выходимъ изъ лѣса на освѣщенный солнцемъ холмъ, то въ оживленіи нашего дыханія принимаетъ участіе и солнечный свѣтъ,—и матеріальное отношеніе между воздухомъ и нашимъ мозгомъ, происходящее чрезъ посредство крови, освѣжаетъ наши чувства и дѣлаетъ насъ способными наслаждаться природой. Ибо мозгъ преимущественно предъ всѣми другими органами находится въ зависимости отъ притока артеріальной крови, достаточно насыщенной кислородомъ. Чрезъ это только для него становится возможнымъ образованіе клѣточекъ и волоконъ, которыя онъ, ощущая и мысля, разрушаетъ (при чемъ самымъ разрушеніемъ обусловливается чувство наслажденія и подготовляется ощущеніе потребности въ новомъ созиданіи *). Но къ этому дѣйствію воздуха и свѣта присоединяются еще впечатлѣнія чувствъ. Представимъ себѣ, что съ холма, на который мы взошли, видна красивая, не густо заселенная долина, обставленная лѣсомъ и скалистыми горами, по которой серебряною лентою вьется рѣка въ зеленыхъ берегахъ, — долина, очаровательность которой дѣйствуетъ на нашъ духъ, преисполняетъ насъ чувствомъ настоящаго и возсоздаетъ передъ нами картины прошлой жизни: тогда грудь у насъ расширяется,

*) Надо сознаться, что это гипотеза, лишенная всякаго опытнаго основанія; конечно, нельзя спорить, что этого быть не можетъ, но нельзя также вѣрить такимъ фантастическимъ предположеніямъ, которыя остаются фантастическими, не смотря на свой реальный видъ.

и мы всѣмъ своимъ мышленіемъ погружаемся съ сознательнымъ блаженствомъ въ созерцаніе гармоніи природы и величія человѣчества.

Не говорите, что человѣку лишь только во время нѣкоторыхъ прогулокъ удается такъ глубоко проникнуть въ святыню своего существа. Природа столь многостороння, что она на каждомъ шагу, даже среди самой однообразной равнины, можетъ выводить насъ изъ тѣснаго круга нашей обыденной жизни, если только мы хоть сколько упражнялись въ томъ искусствѣ, которому словомъ и дѣломъ училъ нашъ жизненный наставникъ (Гете) и которое состоитъ въ томъ, чтобы "разумно-усердно трудиться и разумно-чувственно наслаждаться." Когда прогулка послѣ усерднаго труда встрѣчаетъ въ насъ способность къ благородному чувственному наслажденію, то краски воздуха и полетъ птицъ, шумящая нива и смолистый запахъ лѣса, синяя безпредѣльность моря и пустота степи — все это будитъ въ насъ тѣже мысли и порождаетъ тоже расположеніе духа, какъ и взглядъ на ребенка, болтающаго за рѣшеткой сада, или на странствующаго ремесленника, котораго путь въ далекій міръ выводитъ насъ, по крайней мѣрѣ мысленно, изъ того маленькаго круга, въ который мы замкнуты нашимъ стремленіемъ къ образованію или трудомъ изъ-за насущнаго хлѣба.» (стр. 95)

Изъ этихъ словъ мы можемъ видѣть, что только академическое буквоѣдство и филистерская ученость способны засушить въ человѣкѣ всѣ человѣческія симпатіи. Мыслящій человѣкъ всегда будетъ сочувствовать природѣ и понимать красоту ландшафта, прелесть густаго лѣса, свѣжесть воздуха, ароматы травъ и все что представляетъ ему чистая, сельская природа. Но я полагаю, что наслажденіе его будетъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе онъ понимаетъ свою связь съ этой природой; оно не уменьшится оттого, что онъ умѣетъ объяснить себѣ, почему онъ его испытываетъ, потому что только то наслажденіе можетъ быть высоко и вполнѣ человѣчно, которое разумно и сознательно. Для невѣжды не существуетъ этого высокаго наслажденія; для него природа нѣма, потому что онъ не понимаетъ своихъ отношеній къ ней. Оттого-то онъ способенъ одинаково восторгаться какъ природой дѣйствительной, такъ блѣднымъ, искаженнымъ отраженіемъ ея въ какомъ нибудь полуграмотномъ стихѣ нашего ніиты или въ рисункѣ невѣжественнаго живописца; даже этими чахлыми произведеніями записной эстетикъ способенъ восхищаться болѣе, потому что онъ не понимаетъ красоты естественной и высокой въ своей простотѣ.

Содержаніе третьей статьи *Роговой панцырь человѣка*, понятно

по заглавію ея. Я упомяну о ней при разборѣ слѣдующей книги, а пока обращаюсь къ четвертой.

Въ послѣднее время, читатели нѣсколько познакомились съ нѣкоторыми дѣльными сочиненіями нѣмецкихъ естествоиспытателей. Заслуга этихъ писателей велика: въ ихъ популярномъ изложеніи самые серьезные предметы становятся не только понятными для непосвященныхъ, но возбуждаютъ, сверхъ того, высокій интересъ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, потому что естествознаніе само по себѣ предметъ слишкомъ важный и слишкомъ любопытный, чтобы не возбуждать интереса въ публикѣ. Но сухое изложеніе можетъ напугать большинство читателей, ищущихъ въ чтеніи прежде всего занимательности. Я помню, что въ дѣтствѣ для меня не было болѣе скучнаго предмета, не исключая даже математики, латинскихъ и нѣмецкихъ спряженій, какъ зоологія, потому что я долженъ былъ *изучать* ее по книгѣ Ю. Симашко. Между тѣмъ, мы еще будемъ имѣть случай убѣдиться, до какой степени важно распространеніе естествознанія въ массѣ общества. По этому люди, ученость которыхъ не помрачаетъ ихъ умственныхъ способностей, которые съ обширными познаніями соединяютъ желаніе распространять полезныя знанія, и пишутъ не для себя и своихъ собратій, а для публики, люди эти достойны уваженія современниковъ и благодарности позднѣйшихъ поколѣній. Въ Германіи есть люди, сдѣлавшіе для науки болѣе, чѣмъ Фогтъ или Бюхнеръ, но для публики они сдѣлали болѣе, чѣмъ кто либо. Поэтому еслибъ *Георгъ Форстеръ* не былъ бы великимъ геніемъ въ наукѣ и политикѣ, не былъ бы величайшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, то уваженіе и благодарность потомковъ принадлежали бы ему по праву, потому что онъ первый далъ наукѣ демократическій характеръ. До него ученое сословіе, подобно аристократіи и духовенству въ старыхъ монархіяхъ, стояло на недосягаемой высотѣ, не заботясь о кормившихъ его массахъ. Въ этомъ отношеніи оно сохранило обычаи своихъ предшественниковъ, александрійскихъ ученыхъ и средневѣковыхъ докторовъ. Въ скучной недоступности представлялось оно обществу. Науки были аристократичны; цѣлью ихъ были онѣ сами.

Георгъ Форстеръ былъ первый, который сдѣлалъ демократичнымъ естествознаніе, конечно съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ теперь Прудонъ демократизируетъ философію. Кромѣ того, въ своихъ воззрѣніяхъ онъ пошелъ по тому пути, по которому теперь идутъ реалисты. Поэтому

послѣдователь его въ наукѣ, Молешоттъ, старается во многихъ сочиненіяхъ, спеціально посвященныхъ разсмотрѣнію научной и политической дѣятельности этого великаго человѣка, показать его истинное значеніе въ наукѣ и въ исторической жизни Германіи. Онъ считаетъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что политическая дѣятельность Форстера, вполнѣ соотвѣтствовавшая его глубокому и гуманному взгляду на историческія событія и народы, казалась тупоумнымъ современникамъ его ложною и вредною для его отечества. До сихъ поръ еще существуютъ глупцы, какъ напр. Клейнъ, которые выкапываютъ разные дрязги, чтобы очернить эту свѣтлую личность въ исторіи. Лай этихъ филистеровъ и неделикатность разныхъ беллетристовъ побуждали Молешотта нѣсколько разъ браться за перо, чтобы защитить своего великаго учителя. Такъ какъ дѣятельность Форстера была чрезвычайно разнообразна и вездѣ и всегда одинаково благородна и разумна, то споръ между Молешоттомъ и Клейнами былъ тѣмъ горячѣе, что тутъ дѣло шло уже не только о личности Форстера, но гораздо болѣе о тѣхъ принципахъ въ наукѣ и жизни, которыхъ онъ былъ представителемъ. Не мудрено поэтому, что въ Германіи существуетъ особая литература, занимающаяся исключительно этой личностью. Уже изъ этого видно, что для нашей публики будетъ не безполезно составить хотя самое слабое и неполное понятіе о человѣкѣ, котораго имя служитъ лозунгомъ всей прогрессивной партіи Германіи. Взглядъ на этого человѣка, котораго геній опередилъ понятія не только его современниковъ, но и большей части теперешняго общества, дѣйствуетъ необыкновенно отрадно и производитъ благодѣтельное впечатлѣніе, хотя геній его и поражаетъ читателя своей всеобъемлющей глубиной и проницательностью, для которой равно доступны законы, какъ природы, такъ и жизни народовъ. Переводъ сочиненій Форстера на русскій языкъ былъ бы хорошимъ дѣломъ. Хотя сочиненіямъ этимъ восемьдесятъ лѣтъ, но взглядъ автора еще и въ наше время многимъ бы показался черезъ-чуръ смѣлымъ и широкимъ. Пока приходится радоваться и тому, что наконецъ семдесять лѣтъ спустя послѣ смерти Форстера, когда слава его уже давно распространилась по всему образованному міру, на русскомъ языкѣ въ первый разъ является нѣсколько благородныхъ словъ, посвященныхъ знаменитымъ естествоиспытателемъ своему великому учителю.

По словамъ Бѣлинскаго, Гоголь въ своей «Перепискѣ съ друзья-

ми» выразилъ мысль, что учиться грамотѣ, чтобъ умѣть читать, прилично только дуракамъ-нѣмцамъ; что же касается до *словенъ*, то имъ стоитъ только въ затылкѣ у себя почесать, чтобы сразу всю суть постигнуть. Бѣлинскій, разумѣется, говоритъ это въ насмѣшку, но я полагаю, что, если только Гоголь сказалъ нѣчто подобное, то онъ былъ не совсѣмъ не правъ.

Вотъ напримѣръ, хоть бы о Форстерѣ. Въ Германіи изъ за него много лѣтъ ведется весьма серьезная полемика, пишутся огромные томы, съ жадностію читается всякая новая строчка «народнаго естествоиспытателя», не бывшая доселѣ изданною. Клейны горячо нападаютъ на него во имя мракобѣсія и рудольфштадтъ—зондерпсгаузенскихъ патріотизмовъ. Лучшіе, прогрессивные люди, какъ Молешоттъ, защищаютъ его и внушаютъ обществу должное уваженіе къ памяти великаго человѣка. Предметъ оказывается неисчерпаемымъ, потому что поприще дѣятельности Форстера было чрезвычайно широко и вездѣ онъ показалъ себя столь же геніальнымъ, сколько гуманнымъ: такую дѣятельность трудно исчерпать одной книжкой; поэтому хотя вся прогрессивная Германія торжествовала столѣтній юбилей дня рожденія Форстера (26 ноября 1854), но вѣрно онъ будетъ оцѣненъ, по словамъ Молешотта, лишь тогда, «когда всестороннее образованіе народа будетъ общею цѣлью педагоговъ,—когда сознательное знаніе естественныхъ условій для существованія человѣка въ настоящемъ будетъ считаться столь же важнымъ, какъ и познаніе условій его образованности въ прошедшемъ»...

Но *словенинъ* не задумался. Едва явилось на русскомъ языкѣ первое слово о Форстерѣ, какъ въ ту же минуту явилась и оцѣнка его... *Словенинъ* почесалъ въ затылкѣ... и рѣшилъ, что Форстеръ—*смѣшонъ*!

Кто же это?—спроситъ изумленный читатель—вѣрно г. Катковъ или г. Аскоченскій? Но вѣдь имъ иначе и нельзя, вѣдь и у насъ есть Клейны, да еще почище нѣмецкихъ.

Нѣтъ, читатель, ты ошибся. Прежде чѣмъ наши Клейны увидѣли книгу, переведенную г. Пальховскимъ, какъ сей ярый, безпардонный прогрессистъ уже возвѣстилъ публикѣ, что Форстеръ—смѣшонъ. Такая безпардонность заставляетъ меня обратить вниманіе на г. Пальховскаго: мнѣ любопытно видѣть, какимъ образомъ *словенинъ* чешетъ свой затылокъ и обгоняетъ самый прогрессъ.

Бываютъ люди, при которыхъ рѣшительно нельзя высказывать свои мнѣнія, потому что завтра же услышишь отъ этихъ людей тѣ

же самыя мнѣнія, которыя считаешь истинными и которыми дорожишь, въ такомъ искаженномъ видѣ, что долго не можешь прійти въ себя. Къ числу такихъ людей принадлежитъ г. Пальховскій. Онъ по видимому много читалъ (особенно досталось отъ него Миллю); но въ этомъ-то и бѣда. Вещи, весьма почтенныя, вынесенныя имъ изъ чтенія, превращаются подъ его перомъ въ такія противныя порожденія словенскаго затылка, что дѣлается тошно.

Напримѣръ, онъ знаетъ, что умственная дѣятельность находится въ прямой зависимости отъ состоянія организма. Я полагаю, что того же мнѣнія держится и Молешоттъ, что извѣстно даже незнающему нѣмецкаго языка г. Игдеву. Но г. Пальховскій, переводя Молешотта, никогда не пропускаетъ случая выразить эту мысль въ примѣчаніи, такъ что, наконецъ, это становится въ высшей степени несноснымъ. Но это мелочь, а вотъ въ чемъ дѣло:

Г. Пальховскій нѣкогда писалъ въ «Атенеѣ» ретроградныя (какъ самъ говоритъ) статьи по вопросу объ эмансипаціи женщинъ. Въ настоящее время, убѣжденный Д. С. Миллемъ, который, какъ извѣстно, какъ дважды-два—четыре доказалъ многія великія, хотя не новыя истины, что женщина есть человѣкъ, что не слѣдуетъ стѣснять свободу религіи, что государство можетъ существовать безъ цензуры и т. д., г. Пальховскій, говорю я, убѣжденный Миллемъ, раскаявается въ этихъ ретроградныхъ статьяхъ. Но, Боже мой, что это за раскаяніе! Г. Пальховскій, чтобъ омыть этотъ грѣхъ, далъ обѣтъ кстати и не кстати возвѣщать публикѣ, что онъ стоитъ отнынѣ за свободу женщинъ. Онъ опасается, что его ретроградныя статьи перешли въ жизнь. Что онъ хочетъ этимъ сказать — мнѣ неизвѣстно, и я сомнѣваюсь, чтобы это могло быть извѣстно даже самому г. Пальховскому.

Въ какую же въ самомъ дѣлѣ жизнь перешли статьи г. Пальховскаго? Неужели онъ полагаетъ, что какой нибудь господинъ, прочитавъ его статью, стѣснилъ свободу своей жены. Если такъ, то успокойтесь, г. Пальховскій,—надъ вашими ретроградными статьями эмансипаторы также весело смѣялись, какъ теперь смѣются ретрограды надъ вашими прогрессивными примѣчаніями. Кромѣ того, ретрограды вѣроятно весьма довольны, что избавились отъ такого союзника и пріобрѣли такого врага, какъ вы: припомните басню о медвѣдѣ...

Но стремленіе г. Пальховскаго загладить свою вину передъ дама-

ми неудержимо. Чуть напр. Молешоттъ попробуетъ сказать, что работающіе мужчины должны больше ѣсть, чѣмъ женщины и старики... глядишь, — г. Пальховскій тутъ какъ тутъ и ужъ обличаетъ Молешотта въ обскурантизмѣ. Является на сцену дѣвица Ройе, и г. Пальховскій требуетъ, чтобы она ѣла столько же, сколько мужчина. Дѣвица Ройе, «читающая лекціи философіи въ Лозаннѣ», разумѣется и не подозрѣваетъ, что въ Москвѣ существуетъ *словенинъ*, настаивающій на томъ, чтобы она побольше ѣла. А жаль, что она этого не знаетъ: это послужило бы ей немалымъ развлеченіемъ.

Но все это еще только цвѣточки. Надо знать, что Форстеръ въ семейныхъ отношеніяхъ, былъ въ послѣднее время своей жизни весьма несчастливъ. Жена его, которую онъ очень любилъ, осталась въ Германіи, между тѣмъ какъ онъ былъ въ Парижѣ. Кромѣ огорченія, причиняемаго разлукой съ женой и дѣтьми, Форстеръ испыталъ другое горе: онъ зналъ, что жена его любитъ его какъ друга, сердце же ея принадлежитъ другому. Въ этомъ обстоятельствѣ онъ является намъ такою свѣтлою, гуманною, безукоризненною личностію, какъ и во всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ своей жизни. Для доказательства приведу отрывки изъ его писемъ къ женѣ и къ ея любовнику, которые цитируетъ Молешоттъ:

«Въ 1792 г., когда Майнцъ перешелъ въ руки французовъ, Форстеръ писалъ Губеру (любовнику жены): «Что я не могу требовать отъ Терезы жертвы жить и умереть со мной—это я чувствую; и тѣмъ тяжелѣе мое положеніе. Отъ 24 іюля въ письмѣ къ женѣ: «Да благословитъ Богъ тебя и твоего друга... Я ношу васъ обоихъ неразрывно въ своемъ сердцѣ и думаю, что такъ будетъ до когда жизни...» Отъ 24 октября: «... Если волна снесетъ насъ опять вмѣстѣ, если она со временемъ выброситъ на одинъ и тотъ же берегъ, — благо намъ! Я же буду грести до потери силъ... Цѣлую тебя, моя милая. Губеру радушно кланяюсь Твой вѣрный и искренній другъ». 11 декабря: «послѣ всего, что уже случилось, мои дорогіе друзья, было бы несправедливо принимать мнѣ себя въ разсчетъ... Будьте счастливы — и я буду покоенъ». Отъ 28 декабря: «...Я вполнѣ сознаю свои отношенія къ вамъ и знаю, что насъ ничто не можетъ разстроить и не разстроитъ. Заботясь о васъ, я думаю только, чтобы вамъ,—если только вы когда нибудь будете здѣсь,—не было ни малѣйшаго неудобства».

Еслибъ Молешоттъ ограничился приведеніемъ этихъ словъ, то еще есть надежда, что дѣло кончилось бы для Форстера благополучно. Но на бѣду Молешоттъ вздумалъ сказать, что Форстеръ грустилъ и го-

ревалъ объ утратѣ любви своей жены. Plus royaliste que le roi, болѣе прогрессивный, чѣмъ прогрессъ, г. Пальховскій не стерпѣлъ; этакого безобразія онъ не можетъ выносить: онъ самъ былъ прежде ретроградомъ и знаетъ, что это большой порокъ, который требуетъ примѣрнаго наказанія. Рука словенина отправляется къ затылку, и Форстеръ объявленъ смѣшнымъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ смѣлъ огорчаться? Это тѣмъ глупѣе съ его стороны, что назначеніе человѣка — наслаждаться, что доказалъ самъ г. Пальховскій въ своихъ примѣчаніяхъ. Впрочемъ не мудрено, что Форстеръ огорчался: вѣдь онъ былъ глупъ и не имѣлъ ни капли смысла; такъ, по крайней мѣрѣ, отзывается о немъ нашъ словенинъ, порицая по дорогѣ Молешотта за то, что онъ тоже не называетъ Форстера глупцомъ. Г. Пальховскій удивленъ, что «такой раціональный человѣкъ, какъ Молешоттъ, относится тепло къ нелѣпостямъ Форстера, *какъ будто въ нихъ и въ самомъ дѣлѣ есть какой нибудь смыслъ?»* Послѣдняя фраза особенно мила: какъ будто въ самомъ дѣлѣ есть какой нибудь смыслъ у Форстера! Знаете, что, г. Пальховскій: зачѣмъ вы Молешотта переводите? Я бы на вашемъ мѣстѣ не сталъ бы знаться съ такимъ обскурантомъ. Какъ будто въ немъ и въ самомъ дѣлѣ есть какой нибудь смыслъ! Впрочемъ, вы безпристрастны, какъ само безпристрастіе: вы и Молешотту не даете спуска. Вы ловите его именно въ томъ, въ чемъ онъ считаетъ себя наиболѣе сильнымъ — въ наукѣ. Вы порицаете его опредѣленіе жизни, и сами опредѣляете ее по настоящему, такъ какъ слѣдуетъ опредѣлять. Только вотъ что, г. Пальховскій: на страницѣ первой вы говорите, что *жизнь есть циклъ опредѣленныхъ явленій*, а на страницѣ второй, что *жизнь есть стремленіе наслаждаться.* Я нахожу, что оба опредѣленія равно глубокомысленны, равно научны и равно остроумны, такъ что не знаю, какое выбрать, что называется embarras de richesse. Впрочемъ, довольно о г. Пальховскомъ: достаточно и того, что мы видѣли. Въ заключеніе умоляю васъ, г. Пальховскій, снова начать писать ретроградныя статьи. Но я знаю, что мое моленіе напрасно: г. Пальховскій будетъ неуклонно ратовать за прогрессъ, обличая въ отсталости и глупости Молешоттовъ, Фогтовъ, Дарвиновъ и даже Форстера. Божеское, значитъ, попущеніе такое, — ничего съ этимъ не подѣлаешь.

Первый очеркъ Молешотта такъ близко подходитъ, по нѣкоторымъ причинамъ, которыя ниже я покажу, къ предмету книги Эстерлена «Человѣкъ и сохраненіе его здоровья», что я буду говорить о нихъ здѣсь вмѣстѣ.

Въ послѣднее время въ области естествознанія на развалинахъ медицины возникла совершенно новая наука, которой, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто между всѣми науками, если только между ними можетъ быть споръ о первенствѣ. Наука эта есть общественная гигіена. До сихъ поръ была извѣстна только частная гигіена, состоявшая изъ весьма дѣльныхъ совѣтовъ въ родѣ того, чтобы носить на животѣ фланель, ѣсть умѣренно, но питательную пищу и не спать слишкомъ долго. Подобная наука, если только она заслуживала названіе науки, занимала послѣднее мѣсто и была лишь небольшимъ приложеніемъ къ медицинѣ. Въ медицину тогда вѣрили твердо и непоколебимо, и хотя по временамъ высказывали мысль, что важнѣе сохранять здоровье, чѣмъ поправлять его, но на практикѣ было не то. Болѣзни представляли себѣ чѣмъ-то внѣшнимъ, чуждымъ организма, какимъ-то врагомъ его, котораго предотвратить нельзя. Полагали, что напр. эпидеміи являются вслѣдствіе распространенія въ воздухѣ какой-то особенной матеріи, *міазмовъ*. Никто, конечно, этихъ міазмовъ не видалъ, и самыя тщательныя изслѣдованія не могли показать ихъ, но такъ какъ ужъ слово это было изобрѣтено, то были очень рады, что могутъ употреблять его тамъ, гдѣ безъ него пришлось бы покаяться въ невѣдѣніи. Но, разумѣется, предположивъ, что эпидеміи происходятъ отъ какого-то особеннаго, внѣшняго вещества, нельзя было и думать о мѣрахъ гигіеническихъ. Приходилось прибѣгать къ аптекарской батареи противъ этого таинственнаго врага.

Еще древніе народы испытывали на себѣ удары этого страшнаго врага. Опустошительныя болѣзни слѣдовали обыкновенно за войнами и голодомъ и довершали гибель страны. Въ нихъ видѣли проявленіе гнѣва раздраженнаго божества, и человѣческія жертвы считались едва достаточными для его умилостивленія. Съ развитіемъ медицины жертвы продолжались приноситься раздраженнымъ божествамъ, правда не на алтаряхъ, а въ больницахъ и лазаретахъ. Тысячи пудовъ, бочекъ, чановъ всевозможныхъ ядовъ стало поглощать человѣчество, видя въ этомъ единственное спасеніе противъ таинственнаго зла, поражавшаго его. Но милліоны тратились ежегодно на лекарственныя спа-

добья, тысячи людей эксплуатировали страданія прочихъ, опоражнивались ведра микстуръ, а неумолимый врагъ какъ будто смѣялся надъ всѣми усиліями побѣдить его. Опустошенія, производимыя болѣзнями, особенно поразительны своей громадностью въ классическую эпоху невѣжества и бѣдности — въ средніе вѣка. Цѣлые города, огромныя арміи, цѣлыя страны даже вымирали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, какъ напр. арміи крестоносцевъ или Исландія въ XIV вѣкѣ. Неурожаи и эпидеміи являлись какъ неотразимое зло, періодически, каждые три, четыре года и поглощали огромныя массы народа. Примѣръ этому можно видѣть еще и понынѣ у насъ въ Россіи въ скотскихъ падежахъ, которые считаются неизбѣжнымъ зломъ и встрѣчаются съ совершеннѣйшей апатіей, хотя часто приносятъ съ собой роззореніе и нищету.

Подобныя бѣдствія поражаютъ насъ своей громадностью. Мы ужасаемся, читая о страшныхъ опустошеніяхъ, которыя производили эпидеміи, какъ напр. чума въ Марсели въ 1720 г. Насъ поражаетъ это вымираніе людей цѣлыми тысячами, десятками тысячъ въ теченіе немногихъ дней, и мы готовы благодарить невидимую силу, не насылающую въ наше время подобныхъ бѣдствій. Но подобный выводъ слишкомъ поспѣшенъ: таинственный врагъ, съ которымъ столько столѣтій такъ безуспѣшно борется медицина, не сдѣлался менѣе лютъ и свирѣпъ, чѣмъ былъ прежде; онъ только перемѣнилъ тактику, и если не истребляетъ насъ сразу цѣлыми массами, то тѣмъ губительнѣе его сила, дѣйствующая почти незамѣтно. По словамъ Эстерлена, въ одномъ Лондонѣ ежегодно умираетъ отъ чахотки 8—10,000 чел. Отъ тифа въ одной Германіи ежегодно гибнетъ по крайней мѣрѣ 300,000 чел., а въ Англіи 150,000; холера истребила до 60 милліоновъ людей. Изъ ста новорожденныхъ до года доживаетъ только отъ 70—80, а до шести лѣтъ едва 30—40. Наконецъ, что всего ужаснѣе, смертность между молодыми людьми сильнѣе, чѣмъ между стариками! Тифъ, холера, чахотка, золотуха, сифилисъ похищаютъ не меньше жертвъ, чѣмъ прежнія моровыя язвы. Но тѣ, являясь въ странѣ, однимъ ударомъ ниспровергали цѣлыя народонаселенія; эти же тѣмъ губительнѣе, что сжились съ обществомъ, получили въ немъ право гражданства и ежедневно требуютъ новыхъ жертвъ. Медицина, дошедшая, наконецъ, до сознанія своего невѣжества, объявляетъ себя безсильною противъ этого зла,

и такимъ образомъ человѣчество лишается даже этого ничтожнаго защитника противъ таинственнаго врага.

Но въ то самое время, когда медицина отрекается отъ самой себя и сознается въ своемъ безсилiи, свѣтъ науки открываетъ кто такой этотъ врагъ общества. Оказывается, что это все тотъ же, который производитъ всѣ прочiя бѣдствiя, а именно, само общество, т. е. его безобразное устройство, основанное на невѣжествѣ и насилiи. «Не природа, говоритъ Эстерленъ, а человѣкъ самъ убиваетъ себя и другихъ». Таинственный врагъ общества есть оно само, онъ не внѣ его, а въ немъ.

Теперь понятно намъ, почему медицина должна была кончить самоотреченiемъ: въ силахъ ли были ея микстуры и пластыри излечить зло, корень котораго лежитъ въ основѣ всѣхъ существующихъ человѣческихъ учрежденiй? Въ силахъ ли какой нибудь врачъ спасти отъ неминуемой смерти работника на ртутныхъ рудникахъ или вылечить умирающаго съ голоду? Единственное леченiе, которое можетъ быть употреблено, состоитъ въ томъ, чтобы удалить перваго съ рудника и накормить втораго. Въ частномъ случаѣ это возможно для врача, но никакой врачъ не можетъ такимъ путемъ излечить массу; излечить цѣлое общество можетъ только оно само съ помощью знанiя, потому что его болѣзнь проистекаетъ отъ невѣжества. Если жестокiй плантаторъ моритъ съ голоду рабовъ, то единственный врачъ, который спасетъ ихъ отъ голодной смерти, будетъ тотъ, который научитъ ихъ снять свои оковы, дабы они могли разбить двери темницы и задушить жестокаго господина.

«Поэты, говоритъ Эстерленъ, конечно говорили, что смерть стучится безпристрастно у дверей богатыхъ хоромъ и бѣдныхъ лачугъ. Но на дѣлѣ оно не такъ. Теперь статистически найдено, что рабочiе и бѣднѣйшiе классы, какъ поденщики, ремесленники, фабричные работники и т. д., среднимъ числомъ, живутъ отъ двадцати пяти едва до тридцати лѣтъ, между тѣмъ какъ средняя продолжительность жизни всѣхъ состоятельныхъ высшихъ классовъ доходятъ отъ пятидесяти до шестидесяти, а духовныхъ —даже отъ шестидесяти до восьмидесяти лѣтъ, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ вдвое болѣе средней продолжительности жизни бѣднѣйшихъ классовъ. Въ хорошихъ частяхъ городовъ, гдѣ живутъ высшiя и богатѣйшiя сословiя, умираетъ ежегодно едва одинъ на шестьдесятъ человѣкъ, а въ худыхъ частяхъ тѣхъ же городовъ — одинъ на двадцать и пятнадцать. Въ Ирландiи умираетъ десятая часть народонаселенiя отъ одной нервной горячки, а въ Англiи едва шестидесятая часть». (стр. 7).

«На горахъ Норвегіи или Шотландіи и въ Альпахъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 94), общественное здоровье, не смотря на холодъ, находится въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ даже на умѣренномъ востокѣ, а свободные негры на Доминго и Суринамѣ несравненно здоровѣе и крѣпче своихъ единоплеменниковъ, находящихся въ рабствѣ» . «Общественная нравственность, продолжаетъ онъ (стр. 158), число преступленій, равно какъ набр. незаконнорожденныхъ дѣтей, постоянно возвышается или понижается пропорціонально съ цѣнами на съѣстные припасы. Особенно же отражается цѣнность съѣстныхъ припасовъ на общественномъ здоровьи, которое тѣмъ лучше, и средняя продолжительность жизни тѣмъ дольше, чѣмъ больше количество съѣстныхъ припасовъ, особенно же хлѣба и мяса, приходится среднимъ числомъ ежедневно на человѣка... Если какой нибудь народъ или нѣкоторыя его сословія должны страдать отъ дурной или недостаточной пищи, то они заранѣе обречены болѣзнямъ и смерти.»

Молешоттъ приводитъ (Физіол. эскизы, стр. 49) слѣдующія слова Мульдера:

«Если идетъ рѣчь о лошадяхъ или о лошадиной работѣ, то никто не сомнѣвается, что пища должна соотвѣтствовать работѣ. Если животныя должны работать хорошо, то—какъ извѣстно—не сѣно, а овесъ можетъ удовлетворить въ этомъ случаѣ условіямъ лошадиной пищи. А если имъ приходится работать усиленно, то недостаточно и овса, а нужны бобы. Лошадямъ дается то, въ чемъ онѣ нуждаются. А людямъ?»

Для существованія человѣка необходимы слѣдующія условія питанія: 1) чтобы онъ получалъ пищу въ количествѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ потребностямъ его организма; 2) чтобы она заключала въ себѣ всѣ главныя питательныя вещества; 3) чтобы она заключала ихъ въ наименьшемъ объемѣ. Взрослому работающему человѣку необходимо 2—3 фунтовъ твердой пищи: всякая недодача этого количества производитъ разстройство въ организмѣ. При этомъ пища эта должна состоять изъ мяса и хлѣба. Всякая пища, не содержащая въ себѣ одного изъ главныхъ питательныхъ веществъ, негодна для употребленія и влечетъ за собой болѣзни и смерть. По этому человѣкъ не можетъ питаться однимъ жиромъ или однимъ бѣлкомъ, а также не можетъ питаться пищей, вовсе не содержащей въ себѣ бѣлка или крахмала. Далѣе онъ не можетъ также питаться пищей, которая хотя и содержитъ въ себѣ необходимыя начала, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что ее надо съѣсть слишкомъ

много, чтобы извлечь необходимое количество питательныхъ веществъ. Такъ однѣми грушами человѣкъ вовсе бы не могъ жить, потому что ему пришлось бы съѣдать за всякій фунтъ мяса 110 фунтовъ грушъ. Картофелю необходимо ѣсть 20 фунтовъ вмѣсто фунта мяса, хлѣба—четыре фунта. Поэтому тѣ классы, которые употребляютъ въ пищу хлѣбъ и картофель и почти вовсе не ѣдятъ мяса, этимъ самымъ разстроиваютъ свой организмъ, подвергаются болѣзнямъ и рано умираютъ.

Потребности организма до того настоятельны, что если бы человѣкъ получалъ только то количество пищи, которое ему необходимо, то прибавка къ хлѣбу лишнихъ 5 процентовъ (напр. вмѣсто 40° 45°) равнялось бы для него 18-дневному совершенному голоданью. Молешоттъ въ третьемъ очеркѣ Физiол. эскизовъ (стр. 175) представляетъ любопытное вычисленiе, изъ котораго видно, что человѣку только на пополненiе ежегодной убыли въ кожицѣ и ногтяхъ необходимо въ годъ 9 фунтовъ говядины, слѣдовательно 30 фунтовъ хлѣба и 150 фунтовъ картофеля! Если положимъ, что фунтъ говядины стоитъ 10 коп., а поденная плата равняется 30 коп., то человѣку необходимо проработать три дня въ году на одни ногти! Но стоитъ только подумать, какъ сравнительно ничтожны расходы организма не только на ногти, но и вообще на роговую ткань, чтобы понять, какъ неотразимо убійственное влiянiе бѣдности не здоровье и жизнь.

Правители близорукiе и ученые, которые не первый день теперь стараются изобрѣсти паллiятивныя средства для глубоко коренящагося зла, давно помышляли о томъ, чтобы «и волки были сыты и овцы цѣлы». Къ числу такихъ попытокъ относятся разведенiе картофеля и изобрѣтенiе супа изъ костей. Повидимому замѣна мяса живой и питательной птицей была бы истиннымъ благодѣянiемъ для бѣдныхъ классовъ. Но, къ сожалѣнiю, если скудно-питаемый мозгъ этихъ классовъ можно обмануть ложной филантропiей, то весь организмъ ихъ не поддается на подобный обманъ. Молешоттъ приводитъ примѣры того до какой степени не экономично употребленiе въ пищу такихъ экономическихъ припасовъ.

«Рабочiе въ кузницахъ департамента Тарнъ, говоритъ онъ, въ продолженiи долгаго времени питались растительной пищей. Чрезъ это каждый работникъ терялъ среднимъ числомъ въ году 15 дней, лечась отъ язвъ и другихъ болѣзней. Въ 1833 г. начальство надъ заведенiемъ принялъ Талабо. Онъ устроилъ такъ, что мясо сдѣлалось главною составною

частью въ столѣ рабочихъ; отъ этого ихъ здоровье поправилось до такой степени, что только три дня въ году приходилось на болѣзни. Такимъ образомъ, вслѣдствіе мясной пищи, каждый рабочій пріобрѣлъ въ году лишнихъ 12 дней. А для 20 милліоновъ рабочихъ это составляетъ ежегодно 240 мил. дней...»

«Ирландецъ, у котораго въ его отечествѣ при картофельной діэтѣ руки были негодны для труда, въ Америкѣ, при питательной пищѣ, при мясѣ и при хлѣбѣ, нерѣдко особенно цѣнится какъ рабочій. Нужно ли также сравнивать голодающаго пролетарія въ Англіи съ исполинскимъ, сильнымъ, ростбифами упитаннымъ ремесленникомъ?» (стр. 71).

Совершенно справедливо говоритъ Молешоттъ, что тотъ, кто 14 дней будетъ питаться однимъ картофелемъ, не будетъ въ состояніи заработать себѣ даже на картофель. Совершенно справедливы также слѣдующія слова Эстерлена:

«Давно уже конечно существуетъ множество полицейскихъ и медицинскихъ постановленій съ цѣлью охраненія народнаго здоровья. Но до сихъ поръ всѣ эти мѣры приносили очень мало пользы уже потому, что, за немногими исключеніями, всѣ онѣ имѣютъ въ виду устраненіе второстепенныхъ, часто самыхъ ничтожныхъ причинъ зла. Такъ, напримѣръ, воспрещены всѣ вредныя краски на конфектахъ, конфектныхъ бумажкахъ и визитныхъ карточкахъ. равно какъ и всѣ сколько нибудь ядовитыя вещества въ пивѣ, винѣ, мукѣ, хлѣбѣ, мясѣ и проч. Но почти никто не хочетъ подумать о томъ, что въ тысячу разъ худшій ядъ для народа, если онъ совсѣмъ не можетъ себѣ купить мяса, если работникъ принужденъ ежедневно работать отъ 12 до 16 часовъ, питаясь хлѣбомъ, картофелемъ и т. п.»

Однимъ словомъ, можно прямо сказать, что жизнь низшихъ классовъ есть медленное умираніе отъ голоду и что и огромное большинство людей умираетъ насильственной смертью.

Правда, тутъ нѣтъ гильотинъ и висѣлицъ, не видно вблизи палачей, поэтому зрѣлище этихъ убиваемыхъ массъ не поражаетъ поверхностнаго наблюдателя. Но за то людямъ, видящимъ далѣе внѣшности, представляется зрѣлище ужасное.

Подобно тому, какъ жизнь низшихъ классовъ есть медленная агонія, такъ и трудъ ихъ есть борьба за эту жалкую жизнь. Отъ того-то въ старомъ обществѣ понятіе труда соединено съ понятіями лишенія и нищеты. Между тѣмъ самъ по себѣ трудъ не имѣетъ того мрачнаго значенія, какое ему даетъ безобразное общественное устройство. Каждое напряженіе мускуловъ есть собственно физическій трудъ,

и это напряженіе есть потребность нашего организма, въ удовлетвореніи которой мы должны бы находить наслажденіе, а не тягость. И мы находимъ это наслажденіе тамъ, гдѣ нашъ трудъ не есть борьба за существованіе. Танцы или прогулка есть трудъ, но трудъ которому мы предаемся съ удовольствіемъ; между тѣмъ онъ получилъ бы для насъ такое мрачное значеніе, еслибъ мы должны были танцовать, чтобъ существовать. Плясуны коръ-де-балета, всякій вечеръ работающіе ногами нѣсколько часовъ сряду изъ за куска хлѣба, вѣроятно считаютъ свой трудъ столь же тяжелымъ, какъ каменьщики или носильщики. Изъ этого ясно, что самъ по себѣ трудъ долженъ быть привлекательнымъ и доставлять наслажденіе, и что только жалкая цѣль изъ за которой большинство трудится, дѣлаетъ его тяжелымъ и мучительнымъ, тѣмъ болѣе, что большая часть трудятся свыше силъ и, истощая свой организмъ, не имѣютъ даже возможности возстановить затраченныя силы.

Что подобное положеніе не можетъ быть прочнымъ и что потребности желудка не могутъ не заявлять себя, доказали уже неоднократно кровавые перевороты, стоившіе такъ дорого европейскому обществу. Ни войска, ни полиція, ни краснорѣчіе разныхъ публицистовъ и экономистовъ, ни мишурная филантропія не могутъ защитить общество отъ ужасовъ революціи. Только коренная реформа всего общественнаго быта можемъ положить конецъ этому злу. Иначе революціи сдѣлаются такимъ же неотразимымъ, періодическимъ бѣдствіемъ, какимъ прежде были войны, чума и голодъ. Только люди, находящіе подобное положеніе для себя выгоднымъ, упорно противятся всякимъ реформамъ и называютъ утопіей и мечтой всякую попытку положить конецъ ненормальному состоянію общества. Но наука не обращаетъ вниманія на ихъ крики, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе превосходитъ въ осуществленіи самыя смѣлыя мечты прежняго времени. Если бы въ эпоху римской имперіи кто нибудь сказалъ, что со временемъ народонаселеніе увеличится въ 20 разъ и что, не смотря на это, 8,000 англичанъ, живущихъ на пространствѣ одной квадратной мили будутъ жить гораздо лучше 400 чел. подданныхъ Траяна, жившихъ на томъ же пространствѣ, — еслибъ кто сказалъ, что придетъ время, когда послѣдній солдатъ будетъ имѣть больший комфортъ, чѣмъ цезари и консулы,— еслибъ кто нибудь сказалъ, что наука, сойдя съ своего пьедестала, будетъ покорно служить обыденнымъ нуждамъ людей, а машины бу-

дутъ уничтожать пространство, замѣнять трудъ и увеличивать въ сотню разъ богатство народовъ, то такого человѣка, безъ сомнѣнія, сочли бы за помѣшаннаго. И теперь также подвергаются насмѣшкамъ и преслѣдованію люди, говорящіе, что жизнь должна быть жизнію, а не агоніей, трудъ — наслажденіемъ, а не бѣдствіемъ, пища должна доставаться человѣку такъ же легко, какъ воздухъ, и что тысячи не должны страдать, чтобы доставлять роскошь единицамъ. Найдутся, быть можетъ, люди, которые утопіей сочтутъ и эти слова ученаго:

«Фактъ, что болѣзни и моровыя язвы можно предотвращать съ такою же вѣрностію, какъ и огонь, не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію, ибо онѣ уже сотни разъ были устраняемы; а подтвержденіе этого факта мы должны считать однимъ изъ величайшихъ благодѣяній для человѣчества.

И можемъ ли мы не назвать высочайшимъ торжествомъ человѣка, если онъ въ извѣстной мѣрѣ научился подчинять своей власти болѣзни и смерть, точно такъ, какъ мертвую природу, если онъ и его жизнь находятся такимъ образомъ въ его собственной власти, такъ что онъ не долженъ болѣе заболѣвать или умирать преждевременно, если только захочетъ употреблять надлежащія средства»...

«Намъ слѣдуетъ только жить согласно законамъ природы, стараться, по мѣрѣ силъ, давать возможность жить точно также и бѣднѣйшимъ классамъ народа, находящимся въ опасности, — и почти всѣ болѣзни изчезнутъ сами собою.» (Гигіен. письма, стр. 10—11).

Но если невѣжды и обскуранты сочтутъ эти слова утопіей, то истина отъ этого не пострадаетъ, потому что сознаніе неправильности общественнаго строя уже существуетъ въ обществѣ, и люди уже слушаются голоса науки. Въ Англіи существуютъ уже комитеты для сохраненія общественнаго здравія, которые ежегодно разсылаютъ медиковъ и экспертовъ всюду, гдѣ умираетъ болѣе 25 чел. изъ тысячи, съ цѣлью открыть и устранить причины такой смертности. Каждый англичанинъ имѣетъ возможность требовать, чтобы общины и городскіе магистраты принимали всѣ средства для устраненія зла. Рабочія ассоціаціи, все болѣе и болѣе распространяющіеся на западѣ Европы, спасаютъ многія тысячи рабочихъ отъ недостатковъ и даютъ имъ средства жить дольше и лучше. Одни великіе и мудрые закрываютъ глаза на все. «Они, говоритъ Эстерленъ (стр. 20), можетъ, совсѣмъ и не думаютъ о здоровьи народа, по-

тому что обыкновенно заботятся болѣе объ охраненіи правъ собственности и другихъ привиллегій, чѣмъ о здоровьи и жизни массъ. Разумѣется, многое извиняется незнаніемъ и забота объ общественномъ здравіи, какъ мы ее теперь понимаемъ, есть вполнѣ дитя новѣйшаго времени. Но во всякомъ случаѣ состояніе народа, при которомъ тысячи людей необходимо должны заболѣвать и умирать, опаснѣе для него какихъ нибудь преступниковъ, и то, чѣмъ можно было оправдаться лѣтъ 20 назадъ, не можетъ уже теперь служить извиненіемъ».

Это въ высшей степени вѣрно. И безпощадной обличительницей выступаетъ теперь гигіена, которая своими цифрами громче всякихъ краснорѣчивыхъ фразъ вопіетъ противъ общественнаго безобразія и въ поразительно яркомъ свѣтѣ выставляетъ недостатки общественнаго строя. Я заключу мой разборъ слѣдующими прекрасными словами г. Бакста, которыя онъ предпослалъ своему переводу книги доктора Эстерлена.

«Правда, можетъ, никакая другая наука не въ состояніи представлять намъ въ такихъ яркихъ краскахъ все гибельное дѣйствіе какого нибудь даннаго общественнаго устройства, какъ гигіена, которая разсматриваетъ это дѣйствіе не въ отношеніи общественной религіозности, условной общественной нравственности и проч., а ставитъ насъ прямо лицемъ къ лицу съ жизнію и смертію людей! Правда, можетъ, никакая другая наука не представляетъ намъ въ такихъ страшныхъ краскахъ послѣдствій необезпеченнаго труда и неправильнаго раздѣленія богатства, какъ гигіена, которая показываетъ, что богатые классы народа не только лишаютъ бѣдныхъ всѣхъ удовольствій жизни, но и прямо, такъ сказать, живутъ ихъ смертію, т. е. что въ нашемъ обществѣ бѣдные классы должны жить меньше богатыхъ на 20 — 30 лѣтъ. Правда, можетъ, никакая другая наука не можетъ представить намъ такими свѣтлыми красками благодѣтельныхъ дѣйствій всякаго разумнаго общественнаго переворота, какъ гигіена... Но вѣдь все это едва ли сознательно извѣстно многимъ въ нашемъ обществѣ.» (стр. II).

Да. И долгъ всякаго порядочнаго человѣка, понявшаго эти простыя истины, распространять ихъ среди общества, которому онѣ едва ли извѣстны. Только когда сознаніе истинныхъ потребностей сдѣлается достояніемъ возможнаго большинства, когда многіе поймутъ, въ чемъ состоятъ ихъ истинныя выгоды, тогда только жизнь человѣческая сдѣлается жизнью, а смерть перестанетъ быть насильственною. А пока

Бѣдность гибельнѣй всякой заразы —
Въ нашей улицѣ люди такъ мрутъ,
Что по ней, то и знай, на кладбища,
Какъ въ холеру, тащатъ мертвецовъ.
Холодъ, голодъ, сырыя жилища, —
Не робѣй, Варсонофій Петровъ!..

Недавно вышла въ русскомъ переводѣ г. Ососова *«Исторія французской революціи»* Генриха Зибеля. Какъ предметъ этого сочиненія, такъ и имя автора, не позволяютъ говорить о ней въ тѣсныхъ предѣлахъ «Библіографическаго Листка». Поэтому г. Писаревъ скоро познакомитъ въ болѣе обширной статьѣ читателей «Русскаго Слова» съ этимъ сочиненіемъ. Я же замѣчу здѣсь, что хотя книга эта имѣетъ интересъ, во-первыхъ, какъ первое сочиненіе о великой революціи, являющееся у насъ въ печати, во-вторыхъ, не лишена многихъ достоинствъ; но ее нельзя никоимъ образомъ считать авторитетомъ по предмету, которымъ она занимается, потому что авторъ имѣлъ болѣе въ виду интересы прусской либерально-консервативной партіи, чѣмъ интересы науки и исторической правды. Тѣмъ не менѣе она замѣчательна уже потому, что представляетъ собою примѣръ исторіи націи, а не государства,—народа, а не правительства.

Слыхали ли вы, читатель, когда нибудь о князѣ Иванѣ Михайловичѣ Долгорукомъ? Неужели не слыхали? Въ такомъ случаѣ вамъ должно быть очень совѣстно, потому что этотъ князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Замѣчателенъ же онъ тѣмъ, что былъ знакомъ съ господиномъ Дмитріевымъ, написавшимъ объ немъ толстую книжицу. Но, быть можетъ, ваше невѣжество, читатель, такъ глубоко, что вы не знаете, кто

такой г. Дмитріевъ. Но нѣтъ, этого быть не можетъ; г. Дмитріевъ не умретъ въ исторіи русской литератры, не потому, что онъ написалъ «Московскія элегіи», а потому что далъ этимъ поводъ Добролюбову написать одинъ изъ остроумнѣйшихъ его разборовъ. Теперь, читатель, вы понимаете, какая замѣчательная личность г. Дмитріевъ, а слѣдовательно поймете и интересъ, возбуждаемый его знакомымъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ. Книга г. Дмитріева раздѣляется на двѣ части. Первая называется *Жизнь и характеръ князя Долгорукаго*, съ эпиграфомъ

Натура жизнь дала
А страсти воспитали.

Изъ этого эпиграфа мы могли бы заключить, что покойницу-маменьку князя Ивана Михайловича звали *Натурою*. Но натура здѣсь употреблена болѣе иносказательно, а маменьку князя звали Анной Николаевной, что гораздо проще и прозаичнѣе.

И такъ, не натура, а княгиня Анна Николаевна дала жизнь знакомому г. Дмитріева. Великое событіе это совершилось, по словамъ г. Дмитріева, 7 апрѣля 1764 г., въ середу на Страстной недѣлѣ, какъ разъ передъ полуднемъ. Нельзя не видѣть въ этихъ числахъ много знаменательнаго: не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ было что нибудь знаменательнаго—родиться 7 апрѣля, въ середу, а потому что всѣ событія жизни князя Долгорукаго имѣютъ какъ для него, такъ и для его біографа два смысла: одинъ простой, а другой знаменательный. Къ числу такихъ событій относятся, напр., болѣзнь оспа, постигшая князя 26 марта 1765, когда этотъ великій мужъ былъ еще самымъ нѣжнымъ младенцемъ, котораго страсти еще не успѣли воспитать. Не менѣе знаменательно было и то, что князь, «по благородному обычаю тогдашняго дворянства», шестнадцати лѣтъ поступилъ въ военную службу. При этомъ мы узнаемъ, что и г. Дмитріевъ, также слѣдуя этому благородному обычаю, поступилъ въ Семеновскій полкъ 7 мѣсяцевъ отъ роду (стр. 13). Число 3 го іюня было для князя не менѣе знаменательно, чѣмъ 7 апрѣля и 26 марта. Онъ самъ выражается объ этомъ числѣ такъ:

«Третье іюня сдѣлалося для меня сугубо замѣчательнымъ на всю мою жизнь: въ этотъ день скончалась баба моя, схимонахиня Нектарія, и въ тотъ же самый день, нѣсколькими годами позже, я вступилъ на службу Царю и отечеству». (стр. 13).

Вообще, читая біографію князя, можно убѣдиться, что рѣшительно не было дня въ году, который бы не былъ для него сугубо замѣчательнымъ. Впрочемъ, для того, чтобы постичь, въ чемъ именно заключается знаменательность этихъ чиселъ и событій, необходимо, подобно г. Дмитріеву, вступить на службу еще въ царствованіе блаженныя памяти императрицы Екатерины II. Что касается до меня-то, я нашелъ только одно знаменательное событіе въ жизни князя Долгорукаго, а именно полученіе имъ письма отъ генералъ прокурора, въ которомъ ему дѣлался отъ имени блаженныя памяти императора Павла Петровича выговоръ за дурное обращеніе съ женой (стр. 41).

Но, да не подумаетъ торопливый читатель, что обращеніе князя Долгорукаго съ женой было дѣйствительно дурно. Хотя страсти и воспитали его, но было бы непростительно предполагать въ немъ такую черту. Далѣе читатель можетъ найдти несомнѣнныя доказательства нѣжной любви князя Долгорукаго къ своей супругѣ. Когда она умерла—что случилось 12 мая—онъ не преминулъ замѣтить, что это число сугубо знаменательно, «ибо въ этотъ день, по непонятному капризу природы, всѣ весеннія непогоды прекратились». За тѣмъ онъ воздвигъ ей памятникъ, на которомъ было изображено по французски: Dieu retira son souffle à lui; et Eugénie mourut. Кромѣ того онъ нашелъ, «что смерть ея была лучшимъ доказательствомъ ея религіи». (стр. 61).

Но я опасаюсь, чтобы убѣжденный всѣми этими доводами читатель не заключилъ, что генералъ прокуроръ ошибся, дѣлая выговоръ князю, поступилъ необдуманно, несправедливо. Этотъ выводъ былъ бы еше хуже, ибо обличалъ бы вольнодумство читателя, и по этому онъ долженъ найдти въ своей головѣ способъ и князя оправдать и генералъ-прокурора найдти справедливымъ.

Я забылъ упомянуть еще, что кромѣ выше упомянутой надписи на французскомъ языкѣ, была сдѣлана княземъ на гробѣ жены другая, собственнаго изобрѣтенія. Вотъ она:

Евгенія была изящность естества;
Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ дней блаженство;
Въ чертахъ ея лица зрѣлъ міра совершенство;
Въ чертахъ ея души зрѣлъ образъ божества.

Согласитесь сами, читатель, можно ли предполагать, чтобы вкушая съ женой семнадцать лѣтъ райскихъ дней блаженство, можно

было обращаться съ ней дурно? И съ кѣмъ же? — съ изящностью естества!

Вскорѣ послѣ смерти естества князь вступилъ во второй бракъ. Дмитріевъ говоритъ по случаю этого: «Онъ такъ отмѣтилъ это въ своихъ запискахъ: *12 генваря я принялъ новыя узы. Пожарская сдѣлалась княгинею Долгорукой*». Нельзя не сознаться, что отмѣтилъ онъ это весьма удачно.

Мнѣ бы пришлось переписать всю книгу г. Дмитріева, еслибъ я вздумалъ передавать читателю всѣ достопримѣчательности, совпаденія, аллегоріи, предзнаменованія и чудеса, которыми изобиловала жизнь князя Долгорукого. Достаточно сказать, что, исключая всего этого, жизнь князя не представляетъ болѣе ничего: онъ ѣлъ, спалъ, служилъ, писалъ мадригалы, а все остальное время было посвящено изысканію аллегорій или сопоставленій. Можно бы было удивляться, почему теперь не случается никакихъ аллегорій или совпаденій. Но дѣло объясняется просто, если послушаемъ г. Дмитріева, какъ проводили тогда время старцы и юноши.

> «Мы играли въ разныя игры, бѣгали въ горѣлки, качались на качеляхъ и катались съ горъ, гдѣ ихъ находили; пѣли, говорили, смѣялись, полдничали съ аппетитомъ молодости и усталости, расходились и опять сходились вмѣстѣ; и только съ наступленіемъ вечера возвращались въ Москву, веселые и довольные, какъ нынче ужъ, кажется, не веселятся молодые люди. Причиною этого, можетъ быть, было то, что мы въ нашей молодости были удивительно какъ беззаботны.»

Совершенно вѣрно угадали причину, г. Дмитріевъ. Но вы и среди нашего развращеннаго времени, среди общества, въ которомъ жилъ Бѣлинскій, къ которому вы питаете такую непримиримую злобу, сохранили вашу прежнюю беззаботность. Это доказываютъ ваши «Московскія элегіи» и ваша біографія князя Долгорукого.

Но я полагаю, что довольно о книгѣ г. Дмитріева. Курьёзовъ въ ней такъ много, что всего не разскажешь. Отъ нея вообще вѣетъ какимъ то умилительнымъ вѣяніемъ добраго, стараго времени. Жаль даже становится добраго г. Дмитріева, для котораго безвозвратно прошли времена бѣганія въ горѣлки и писанія мадригаловъ: видно, что ему какъ-то неудобно среди этого общества, въ которомъ безнаказанно проживалъ не только Бѣлинскій, но и Добролюбовъ. И надо же было пройдти этому славному времени! Нѣтъ, преж-

гіе старцы были счастливѣе: князь Долгорукой по гробъ жизни писалъ стихи въ родѣ этого:

Другая—той я далъ прозванье Анемоны,
Славнѣе красотой Надировой короны!

И хотя г. Дмитріевъ и повторилъ за нимъ въ «Московскихъ элегіяхъ»:

Помните: имя ей было у насъ—Анемона. Въ дни оны
Князь написалъ, что она и Надировой краше короны,

но за эти стихи не привѣтствовали его беззаботные крики юношей, рѣзвившихся вокругъ него. Нынѣшніе юноши, озабоченные и злобные, встрѣтили эти стихи свистомъ. Бѣдные старцы! жалкіе старцы!

Въ прошломъ листкѣ я говорилъ о замѣчательномъ недостаткѣ въ нашей литературѣ хорошихъ дѣтскихъ книжекъ и о непомѣрной уродливости существующихъ. За то нынѣшній разъ я могу поговорить о цѣлыхъ двухъ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для дѣтей и отличающихся большими достоинствами. Я говорю о нихъ вмѣстѣ, потому что обѣ эти книги рѣзко выдаются среди общаго скудомія и пошлости; но въ сущности между ними нѣтъ ничего общаго, и первая изъ нихъ *«Исторія кусочка хлѣба»* на столько же лучше второй *«Сказокъ Андерсена,»* на сколько эти сказки лучше твореній гг. Дьяконовыхъ и Модестовыхъ.

Авторъ *«Исторіи кусочка хлѣба»* имѣлъ въ виду читателей дѣтскаго возраста. Этимъ объясняется (но не оправдывается) наивное заглавіе и не менѣе наивный слогъ, производящій довольно непріятное впечатлѣніе. Если дѣтей признали способными слушать физіологію, а не похожденія мальчика съ пальчикъ, то почему продолжаютъ считать ихъ неспособными понимать вещи, выраженныя человѣческимъ языкомъ, а не какимъ-то исковерканнымъ, который г. Головачевъ, переводчикъ *«Исторіи кусочка хлѣба»* называетъ *игривымъ*. Я бы могъ сказать еще о другомъ недостаткѣ этой книги, состоящемъ въ непонятныхъ для дѣтей разсужденіяхъ о разныхъ отвлеченностяхъ, какъ напр. о томъ, что должно думать во время ѣды и кого и за что слѣдуетъ благодарить, я бы могъ сказать, что къ физіологическимъ письмамъ странно примѣшивать какую-то пошлую мораль, но я предпочитаю не говорить объ этомъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ я полагаю, что эта книга будетъ у насъ читаться не дѣтьми, а взрослыми, для огромнаго большинства которыхъ популярныя сочиненія Фогта и Молешотта покажутся все

таки слишкомъ серьозны; во-вторыхъ же потому, что мнѣ бы было непріятно говорить о мелочныхъ недостаткахъ книги, отличающейся такими удивительными достоинствами.

Дѣйствительно, трудно придумать что нибудь лучше этой книги. Первое, что поражаетъ въ ней, это необыкновенная ясность изложенія такихъ вещей, которыя кажутся довольно замысловатыми. Обыкновенно требуется нѣкоторое сосредоточеніе и напряженіе мыслей для того, чтобы понять напр. процессъ дыханія. Въ книгѣ же Масе онъ изложенъ съ такой ясностью, простотой и, такъ сказать, очевидностію, что мало-мальски смышленый ребенокъ не можетъ не понять его. Кромѣ того, авторъ съумѣлъ сдѣлать свой разсказъ въ высшей степени занимательнымъ, такъ что любопытство ребенка можетъ быть возбуждено имъ гораздо сильнѣе, чѣмъ похожденіями мальчика съ пальчикъ. Наконецъ, авторъ съумѣлъ придать своей книгѣ еще одно, въ высшей степени драгоцѣнное качество. А именно все прочитанное въ ней остается въ памяти съ необыкновенной легкостью и безъ малѣйшаго усилія. Эта цѣль достигается, во-первыхъ, нагляднымъ и простымъ способомъ изложенія, а во-вторыхъ, тѣмъ, что разсказъ производитъ впечатлѣніе совершенно цѣльное. Не только всѣ процессы человѣческаго организма, но и весь животный міръ открывается сразу читателю съ той точки зрѣнія, на которую его ставитъ авторъ, такъ что двѣнадцати-лѣтній ребенокъ, прочитавшій эту книгу, будетъ болѣе знать о физіологіи и зоологіи, чѣмъ многіе студенты. Впрочемъ, что бы я ни говорилъ объ этой книгѣ, я не могу дать читателю понятіе о десятой долѣ достоинствъ ея. Лучше всего будетъ, если я сдѣлаю изъ нея выписку. Но въ ней такъ все хорошо, что я рѣшительно недоумѣваю, что выбрать. Возьму то, что по предмету своему наиболѣе сухо и непонятно, а именно разсказъ о питательныхъ веществахъ.

«Высушенная клейковина (выдѣленная изъ муки), хрупка и прозрачна. Она сохраняется въ алкоголѣ неопредѣленное время, скоро сгниваетъ въ водѣ, выставленной на воздухъ, и легко растворяется въ садовомъ или поташномъ щелокѣ. 100 золотниковъ глютина (клейковины) содержатъ:

Углерода	63	зол.
Водорода	7	»
Кислорода . . .	13	»
Азота	17	»
	100	зол.

— Что вы хотите сказать этими подробностями о свойствахъ вашей клейковины, скажете вы, они вовсе меня не интересуютъ.

Погодите минутку.

Вы никогда не присутствовали при кровопусканіи, не такъ ли? Очень жаль; если бъ у васъ достало духу смотрѣть въ чашку, то черезъ нѣсколько минутъ вы бы могли замѣтить, что вся собранная кровь раздѣляется на двѣ части: на желтоватую и прозрачную жидкость и на плотную красную массу, плавающую сверху и называемую кровянымъ сверткомъ. Свертокъ этотъ имѣетъ красный цвѣтъ отъ безчисленнаго множества красныхъ кружечковъ, о которыхъ мы будемъ говорить много впослѣдствіи, и которые соединены вмѣстѣ какъ бы сѣтью, посредствомъ одного вещества, на которое прошу теперь обратить ваше вниманіе.

Вещество это имѣетъ бѣловатый цвѣтъ, эластичность и клейкость. Высушенное, оно дѣлается хрупкимъ и полупрозрачнымъ. Оно сохраняется въ алкоголѣ, скоро сгниваетъ въ водѣ, выставленной на воздухъ, и легко растворяется въ содовомъ или поташномъ щелокѣ. Наконецъ 100 золотниковъ этого вещества содержатъ:

Углерода	63	зол.
Водорода . . .	7	»
Кислорода . . .	13	»
Азота	17	»
	100	зол.

Вещество это носитъ названіе фибрина или волокнины. Оно идетъ на образованіе фабровъ или волоконъ мускуловъ, которые находятся почти готовыми въ крови. По чему вы смѣетесь?

— Какъ чему? Вы говорите мнѣ два раза одно и тоже Неужели вы думаете, что я уже забыла ваши скучныя подробности о свойствахъ глютина? И вдругъ они являются совершенно безъ измѣненія по поводу фабрина; вы вѣрно ошиблись!

— Нѣтъ, милостивая государыня, я и не думалъ ошибаться. Если же свойства одинаковы, то вѣроятно оба тѣла составляютъ одно вещество Дѣйствительно глютинъ и фибринъ совершенно одно и тоже; такъ что еслибъ ученому показали ихъ высушенными, то онъ никогда не могъ бы сказать, которое изъ нихъ взято изъ муки, которое изъ крови.

Я сказалъ вамъ, что мускулы наши находятся почти готовыми въ крови. Теперь вы видите, что я вамъ высказалъ еще не все. Волокна мускуловъ, совершенно готовыя, находятся даже въ хлѣбѣ, который мы ѣдимъ...

. . . .

— А какъ же образуется фибринъ въ дѣтяхъ, которые пьютъ одно молоко?

Я долженъ вамъ признаться, что въ молокѣ нѣтъ его; но вы вѣ-

роятно знаете, что такое простокваша. Здѣсь молоко также раздѣлено, какъ и кровь: снизу находится желтоватая и прозрачная жидкость, носящая названіе сыворотки; сверху же — бѣлые сгустки или свертки, изъ которыхъ дѣлаютъ сыръ и которые содержатъ въ себѣ много масляныхъ частей. Тщательно отдѣливъ ихъ отъ всего остальнаго, получаютъ родъ бѣлаго порошка, главной составной части сыра, и носящаго хорошенькое (?) названіе казеина, потому что по латынѣ творогъ называется caseus. На этотъ разъ я не буду надоѣдать вамъ, описывая его свойства, но вы должны знать одно: 100 золотниковъ казеина содержатъ:

Углерода	63	зол.
Водорода	7	»
Кислорода . . .	13	»
Азота	17	»
	100	зол.

— Также, какъ фабринъ и клейковина?

Именно; и теперь вы поймете конечно, что крови не нужно много искусства, чтобы образовать мускулы изъ казеиная, который ребенокъ сосетъ вмѣстѣ съ молокомъ...

Китайцы приготовляютъ изъ гороха жидкую массу, проквашиваютъ ее, также какъ мы дѣлаемъ это съ молокомъ. Потомъ выжимаютъ свертокъ, солятъ его, кладутъ въ формы и получаютъ сыръ, настоящій сыръ, составленный изъ чистаго казеина. Дайте его химику и спросите, что содержится въ 100 золотникахъ его, и онъ отвѣтитъ вамъ:

Углерода. . . .	63	зол.
Водорода. . . .	7	»

Останавливаюсь на этомъ: вы должны знать остальное.

. . . .

Гдѣ досталъ цыпленокъ, вылупившійся изъ яйца, свой клювъ, перышки, лапки и все свое тѣло?

Ясно, что всѣ составныя части этого находились въ жидкости яйца, потому что никто не клалъ ихъ туда, покуда курица сидѣла на немъ и, если природа могла изъ этой жидкости сдѣлать кости, мускулы и глаза цыпленка, то вѣрно не затруднилась бы сдѣлать изъ нея и ваши кости, ваши мускулы и глаза, если бъ вы скушали яйцо.

И такъ, въ немъ несомнѣнно находится питательное вещество. Оно называется альбуминомъ отъ латинскаго слова albumen, что значитъ бѣлокъ яйца. Онъ легко узнается по одному свойству, бросающемуся въ глаза. Подверженный температруѣ отъ 60—75 градусовъ, смотря по количеству воды въ немъ находящейся, альбуминъ твердѣетъ и изъ безцвѣтной и прозрачной жидкости, превращается въ твердую, бѣлую массу, знакомую каждому, кто ѣлъ яйца на святой недѣлѣ. Я прибавлю только маленькую подробность. 100 золотниковъ альбумина содержатъ:

Углерода . . . . 63 зол.
Водорода. . . . . — »

— Я увѣрена, что вы скажете 7.

Точно такъ, а остальное вамъ извѣстно. Припомнивъ послѣднюю нашу бесѣду вы поймете образованіе цыпленка.» (стр. 200—205).

Прочитавъ этотъ отрывокъ, читатель пойметъ, что хвалить эту книгу — дѣло лишнее: каждая страница, ея въ десятеро лучше говоритъ сама за себя, чѣмъ всякія похвалы.

Жаль, что г. Головачевъ не потрудился передѣлать французскія географическія названія на русскія. Впрочемъ, я слишкомъ ему благодаренъ за этотъ переводъ, чтобъ говорить о его небольшихъ промахахъ. Книга эта, которую не будутъ читать только Митрофанушки или дѣти, у которыхъ родители — Скотинины, стоитъ 1 рубль 25 коп.

«Сказки Андерсена», изданныя *переводчицами*, пріобрѣли себѣ уже давно лестную репутацію въ этомъ родѣ литературы. Дѣйствительно наивный юморъ Андерсена неподражаемъ и сказки его равно богаты, какъ содержаніемъ, такъ и остроуміемъ. Кромѣ того фантазія его чрезвычайно богата, и когда онъ заставляетъ разговаривать между собою птицъ и звѣрей, куклы и елки, иголки и воротнички, то разговоры эти выходятъ удивительно хорошо и, кажется, что если бъ всѣ эти вещи дѣйствительно могли заговорить, то сказали бы именно то, что заставляетъ ихъ говорить Андерсенъ. Какъ хороши напримѣръ эти крысы, разговаривающія такимъ образомъ:

— Вы знаете только одну эту сказку? спросили крысы.

— Только эту, отвѣчало дерево.

— Это очень жалкая сказка! не знаете ли вы какую нибудь про сальныя свѣчи и сало? Какую нибудь буфетную исторію?

Или до чего комиченъ этотъ разговоръ:

«Императоръ велѣлъ внести ларчики въ большую залу, гдѣ дочь его играла «въ гости» со своими придворными дамами. Увидавши ларчикъ съ подарками, она захлопала въ ладоши отъ радости.

— Ахъ, еслибъ это была маленькая кошечка! сказала она. Но тутъ она увидѣла кустъ съ великолѣпной розой.

— Какъ она мило сдѣлана! сказала фрейлина.

— Это не только мило, сказалъ императоръ:—это прелестно! Но тутъ принцесса ощипала ее и чуть не расплакалася.

Fi, papa! сказала она, — вѣдь роза эта не искусственная, а натуральная! Fi,—повторили всѣ придворныя дамы:

— Натуральная!

— Погодите сердиться, сказалъ императоръ: — посмотрите сперва, что въ другомъ ларчикѣ. Увидѣли соловья. Онъ пѣлъ такъ хорошо, что сначала никто не нашелся сказать ничего дурнаго.

— Superbe! charmant! воскликнули придворныя дамы; онѣ между собою говорили всегда по французски, и одна хуже другой.

— Какъ эта птица напоминаетъ мнѣ табакерку покойной императрицы, сказалъ старый кавалеръ.:—тотъ же тонъ, та же манера

— Да, сказалъ императоръ—и заплакалъ какъ малое дитя».

Но какъ не прекрасны сказки Андерсена, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ служить хорошимъ чтеніемъ взрослымъ, а не дѣтямъ, потому что только взрослые поймутъ содержаніе ихъ, для дѣтей же будетъ доступна только блестящая фантазіей форма. Впрочемъ, если кто непремѣнно желаетъ давать дѣтямъ сказки, тому нельзя требовать лучшаго, какъ сказки братьевъ Гриммовъ и Андерсена.

Наконецъ разродился г. Бергъ изданіемъ перваго тома Гейне. Гейне и г. Бергъ! Персики и саламата! Мышь и мраморная стѣна! И за что наши почвенники рѣшились подвергнуть великаго поэта такой жестокой казни, какъ ихъ изданіе и переводъ! Соединившись съ г. Всеволодомъ Костомаровымъ, они цѣлой толпой выступили противъ человѣка, который, правда, безпощадно осмѣивалъ нѣмецкихъ филистеровъ и доносчиковъ (см. статью «о доносчикѣ» въ изданіи г. Берга), но даже и не подозрѣвалъ существованія нашихъ почвенниковъ. Гг. Страховъ, Вс. Костомаровъ, Аверкіевъ и Бергъ истязуютъ творенія Гейне, а г. Ап. Григорьевъ совершаетъ ту же операцію надъ его личностью. Какая злая насмѣшка судьбы! Гейне, благородный Гейне, поэтъ свободы, врагъ и жертва филистерства и Менцеля переводится для русской публики гг. Ап. Григорьевымъ, Страховымъ и Вс. Костомаровымъ! И за что, повторяю, эти господа такъ злостно поступили съ Гейне? Неужели не могъ г. Страховъ, вмѣсто того, чтобы подымать на дыбу его сочиненія, написать о немъ одну изъ тѣхъ остроумныхъ статей, которыми онъ

украшалъ «Время». Неужели не могъ г. Аверкіевъ написать въ «Осу» игривый куплетецъ въ осмѣяніе Гейне, вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ заговорѣ г. Берга противъ великаго поэта? Даже самъ г. Вс. Костомаровъ могъ бы избрать другое оружіе, если не противъ самого Гейне — онъ къ счастію не жилъ въ Петербургѣ, да и притомъ давно умеръ — то противъ его почитателей... Менцель, Менцель, зачѣмъ ты жилъ въ Германіи! Твои калмыцкія скулы, описанныя Гейне, не даромъ призывали тебя на родину нашихъ почвенниковъ. Здѣсь ты былъ бы безопасенъ отъ свиста твоей жертвы, и могъ бы не только блистать въ ряду гг. Страхова, Берга, Ап. Григорьева и Аверкіева, но еще въ сообщничествѣ этихъ господъ жестоко поразить твоего врага!

Первымъ изъ заговорщиковъ выступаетъ г. Ап. Григорьевъ. Онъ касается своей рукой чистой личности германскаго поэта и объявляетъ его «порожденіемъ жидовства» (стр. 6) и подъ видомъ любезности говоритъ, что лучшее созданіе его «Германія», потому только не возбуждаетъ въ немъ — въ Ап. Григорьевѣ — омерзѣнія, что ее написалъ Гейне.

Теперь посмотримъ на переводы: г. Страховъ перевелъ *«о доносчикѣ»*,—надо сознаться, очень плохо. Напр., слово Rothe онъ переводитъ *ротой* вмѣсто *шайка*, такъ что читатель можетъ подумать, что христіанскіе миссіонеры въ Китаѣ составляли роту, выстраивались по командѣ и обращали въ православіе посредствомъ артикуловъ. Переводъ г. Костомарова *«Бахерахскій раввинъ»* гораздо лучше и напрасно г. Бергъ не поручилъ г. Костомарову перевести статью *«о доносчикѣ»*. Г. Костомаровъ не перевелъ бы Rothe—ротой и позаботился бы смягчить нѣкоторыя выраженія, переданныя г. Страховымъ черезчуръ рѣзко. Напр., на стр. 101 находится слѣдующее мѣсто:

«Извѣстно какъ и какимъ способомъ это произошло, да и самъ доносчикъ, этотъ литературный сыщикъ, уже давно подвергся презрѣнію общества... Никогда еще нѣмецкое юношество не наказывало такими острыми бичами и не клеймило такими раскаленными насмѣшками болѣе жалкаго грѣшника. Мнѣ право жаль этого несчастнаго, которому природа ввѣрила маленькій талантъ, а Котта большой газетный листъ, и который сдѣлалъ такое гнусное употребленіе изъ того и другого!.. Предводители партіи дѣйствія пребывали въ благоразумномъ молчаніи или сидѣли за плотными тюремными рѣшетками и ждали своего приговора.» И да-

лѣе ужъ черезчуръ безцеремонно выражено, что «сдѣлаться доносчикомъ только негодяй» можетъ. (Стр. 105) *).

Я сказалъ, что г. Вс. Костомаровъ удачно перевелъ *«Бахерахскаго раввина»* и что поэтому сожалѣю, что не онъ же перевелъ статью *«о доносчикѣ»*. Но за то стихи Гейне, его знаменитую «Германію» г. Вс. Костомаровъ изуродовалъ до послѣдней крайности. Во-первыхъ, онъ самъ сознается, что многое пропускалъ, оттого, что было трудно перевести (стр. 297); во-вторыхъ, стихъ его до того тяжелъ и Гейне онъ до такой степени не понялъ или не желалъ понять, что я не знаю, какъ можно являться въ печати съ подобнымъ переводомъ.

Напр., г. Вс. Костомаровъ пишетъ:

Въ славномъ Ахенѣ, въ древнемъ соборѣ стоитъ
Императора Карла гробница:
Но Карлъ Майеръ не есть Карлъ Великій: они
Совершенно различныя лица.

Не говоря уже о дубоватости стиха, спрашивается: есть ли здѣсь какой нибудь смыслъ. Почему переводчикъ увѣряетъ читателя, что Карлъ Майеръ не есть Карлъ Великій? Можетъ ли быть болѣе плоская острота. Но разумѣется, это острить г. Вс. Костомаровъ; Гейне же говоритъ:

Zu Aachen im alten Dome liegt
Carolus Magnus begraben, —
Man muss ihn nicht verwechseln mit Carl
Mayer. Der lebt in Schwaben.

Не дурно также, что, говоря о Кельнскомъ соборѣ, г. Костомаровъ замѣнилъ *конюшню*—чѣмъ бы вы думали? — *парламентомъ!* Слова Гейне:

Gewissermassen hat er mich auch
Politisch compromittieret,

г. Вс. Костомаровъ передаетъ такъ:

---

*) Г. Страховъ также ошибся, сказавъ въ статьѣ „о доносчикѣ“, что доносчикъ, о которомъ идетъ рѣчь, написалъ „исторію нѣмецкой литературы“. Сколько мнѣ помнится, это исторія италіанской, а не нѣмецкой литературы. Впрочемъ, это можетъ быть опечатка.

Политически-то онъ *сконфузилъ* меня:
А вѣдь это, какъ хочешь, обидно!...

Конфузъ и происходящая отъ этого обида — принадлежатъ уже собственно г. Вс. Костомарову; какъ читатели могутъ сами судить, Гейне ничего не знаетъ о томъ, обидно или нѣтъ быть

Politisch compromittiert.

Недурна также строфа:

Вдругъ одинъ изъ несчастныхъ скелетовъ встаетъ
И костлявый свой ротъ разжимаетъ,
И старается мнѣ объяснить *почему*
Эта почесть ему подобаетъ.

Какая почесть? Разжимать ротъ? Вѣдь по вашему выходитъ такъ, г. Вс. Костомаровъ? Но вѣдь это, смотря потому, какъ кто разжимаетъ. Бываютъ и такіе, которые весьма гнустно разжимаютъ ротъ. Слова Гейне:

Und dieser Landstrassenkoth, er ist
Der Dreck meines Vaterlandes!

г. Вс Котомаровъ переводитъ слѣдующимъ образомъ:

Какъ мнѣ васъ не любить, о нѣмецкая грязь,
И толчки и родные морозы!

Такими *вольностями* переводъ г. Костомарова изобилуетъ: такъ лѣтопись Тацита онъ называетъ—*брошюрой*, слово Recke (герой, воитель) *дѣтиной*, такъ что Германъ der Cheruskerfürst выходитъ—*дѣтина*; далѣе онъ утверждаетъ, что Gedärmen (кишки) значитъ теплый пометъ и что слѣдовательно римскіе жрецы гадали по теплому помету! Гамбургскихъ дѣвъ, старыхъ знакомыхъ Гейне, про которыхъ поэтъ говоритъ, что онѣ

...an des Jünglings Bildung einst
Den thätigsten Antheil nahmen!

Г. Костомаровъ называетъ *невинными*.

Но самое замѣчательное дополненіе г. Вс. Костомарова къ творенію Гейне состоитъ въ слѣдующей строфѣ, *вовсе не находящейся у Гейне и принадлежащей отъ перваго до послѣдняго слова. Вс. Костомарову.*

Вотъ она:

Онъ мнѣ пѣлъ, будто я до сихъ поръ сохранилъ,
Непорочность чистѣйшей дѣвицы,
Какъ же это?.. Не ужъ-то ужъ я не давалъ,
Никому .. ни ведерка водицы.

Далѣе г. Вс. Костомаровъ говоритъ, что ради нравственности онъ измѣнилъ обрядъ клятвы въ XXIV главѣ. Нельзя не сознаться, что понятія г. Вс. Костомарова о нравственности отличаются совершенно особеннымъ характеромъ.

Въ довершеніе характеристики изданія г. Берга надо сказать, что оно крайне небрежно, даже грязно. Бумага, печать и наружный видъ книги вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію; только цѣна не соотвѣтствуетъ этому, потому что за маленькій томикъ, дурно переведенный и изданный и къ тому же, какъ мы видѣли выше изъ словъ самого г. В. Костомарова, заключающій въ себѣ далеко не полные переводы, г. Бергъ желаетъ получить 1 р. 50 коп. Но

Подайте мальчику на хлѣбъ —
Онъ Костомарова питаетъ.

Презрѣніемъ и негодованіемъ должно встрѣтить общество эту отвратительную книгу, въ которой топчется въ грязь имя величайшаго поэта нашего вѣка. Если существуетъ только благородное негодованіе на свѣтѣ, то оно должно постичь это проявленіе общественнаго упадка. Не вздумайте раскаяваться, г. Страховъ: никакое раскаяніе не поможетъ вамъ.

Но я боюсь, что г. Вс. Костомаровъ вздумаетъ остаться недовольнымъ моимъ отзывомъ объ изданіи г. Берга; я знаю, что, если онъ вздумаетъ опровергать меня, то мнѣ не устоять, ибо его перо въ этихъ случаяхъ весьма краснорѣчиво. Въ такомъ случаѣ, прошу г. Берга передать г. Вс. Костомарову, что мнѣ даже очень и очень нравится его переводъ, особенно вставленная имъ самимъ строфа

O, tempora, o mores!

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА

Письмо Людовика Наполеона къ германскому сейму объ обще-европейскомъ конгрессѣ.—Дипломатическая комедія, разыгранная по поводу этого пресловутаго конгресса.—Мечты французскаго императора разрушаются практическимъ Джонъ-Булемъ. — Воинственныя гипотезы парижанъ. — Тревожное состояніе французскаго правительства и его парадоксальное существованіе.—Финансовыя операціи и новый заемъ Фульда.—Выборы въ законодательное собраніе, руководимые г. Персиньи.—Подкупы, подлоги и другіе маневры правительственныхъ агентовъ противъ оппозиціонныхъ кандидатовъ.—Уступки прусскаго короля общественному мнѣнію.—Отмѣна репрессивнаго закона отъ 1 іюня о прессѣ и журналахъ.—Неопредѣленныя отношенія Германіи къ шлезвигъ-голштинскому вопросу.—Воззрѣніе на него Австріи, Пруссіи и нѣмецкихъ филистеровъ.—Ухаживанія Виктора Эммануила за Гарибальди.—Женщина-шпіонъ въ Римѣ и обнародованіе ея скандалезныхъ показаній.—Процессъ Пальмерстона съ О'Кномъ за нарушеніе супружеской чести послѣдняго.—Приближеніе кризиса американскихъ сепаратистовъ.

Уже болѣе мѣсяца предметомъ общей политики служитъ предложеніе, сдѣланное императоромъ Людовикомъ Наполеономъ Бонапартомъ европейскимъ державамъ относительно конгресса для миролюбиваго рѣшенія вопросовъ, волнующихъ общественное мнѣніе Европы и угрожающихъ разразиться войною.

Вотъ и приглашеніе на этотъ конгресъ, адресованное къ Германскому союзу, и написанное такимъ же образомъ, какъ и остальныя девятнадцать писемъ, отправленныя по тому же случаю къ другимъ правительствамъ:

«Высочайшіе и славнѣйшіе государи и вольные города свѣтлѣйшей германской конфедераціи!

«Въ виду событій, ежедневно возникающихъ и смѣняющихся одно другимъ, я считаю необходимымъ высказать всю свою мысль государямъ, которымъ ввѣрена судьба народовъ.

«Всякій разъ, когда вслѣдствіе какихъ либо сильныхъ переворотовъ, потрясаются основанія и измѣняются границы государстъ, между правительствами заключаются торжественные договоры съ цѣлью согласовать новыя стихіи и, подвергая пересмотру совершившіяся перемѣны, освятить новый порядокъ вещей. Такова была цѣль вестфальскаго трактата въ семнадцатомъ столѣтіи и вѣнскихъ переговоровъ въ 1815 году. На этомъ послѣднемъ основаніи въ настоящее время покоится зданіе европейской политики, и однакожъ—вамъ извѣстно—это зданіе теперь рушится со всѣхъ сторонъ.

«Если внимательно разсмотрѣть положеніе различныхъ странъ, то нельзя не замѣтить, что почти во всѣхъ пунктахъ вѣнскіе трактаты нарушены, измѣнены, находятся въ пренебреженіи или подвергаются опасности быть уничтоженными. Отсюда возникаютъ обязанности, не опредѣленныя никакими правилами; права, лишенныя всякихъ основаній и претензій, не знающія никакой узды. Такое положеніе тѣмъ болѣе опасно, что новѣйшія усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ, вызванныя цивилизаціею, которая соединила народы солидарностью матеріальныхъ интересовъ, могутъ сдѣлать войну еще болѣе разрушительною.

«Это—предметъ первой важности. Намъ медлить нельзя. Мы должны дѣйствовать рѣшительно, прежде чѣмъ какія нибудь внезапныя, неотразимыя событія не нарушатъ спокойствія нашего ума и не вовлекутъ насъ, вопреки нашему желанію, на противоположный путь.

«Поэтому я предлагаю вамъ рѣшить настоящее положеніе дѣлъ и упрочить на конгрессѣ будущность Европы.

«Призванный на тронъ Франціи провидѣніемъ и волею французскаго народа, но воспитанный въ школѣ несчастія, я, быть можетъ, болѣе всякаго другаго обязанъ знать права государей и законныя требованія народовъ.

«Поэтому я готовъ, безъ всякой предварительной системы, внести въ международный совѣтъ духъ умѣренности и справедливости, который обыкновенно достается въ удѣлъ людямъ, подвергавшимся столь различнымъ испытаніямъ.

«Принимая на себя подобную иниціативу, я не руководствуюсь никакими тщеславными побужденіями; но такъ какъ мнѣ, болѣе чѣмъ всякому другому государю, приписываются честолюбивые замыслы, то я желаю этимъ откровеннымъ, чистосердечнымъ поступкомъ доказать, что единственная моя цѣль заключается въ томъ, чтобы безъ потрясеній достигнуть умиротворенія Европы. Если вы согласитесь съ этимъ предложеніемъ, то прошу принять Парижъ мѣстомъ собранія членовъ конгресса.

«Въ случаѣ, если союзные государи и друзья Франціи найдутъ нужнымъ увеличить своимъ личнымъ присутствіемъ авторитетъ преній, я почту за честь предложить имъ свое искреннее гостепріимство. Европа, быть можетъ, признаетъ въ нѣкоторомъ отношеніи выгоднымъ, что столица, откуда столь часто подавался сигналъ государственныхъ потрясеній, сдѣлается мѣстомъ конференцій, имѣющихъ цѣлью положить основаніе всеобщему миротворенію.

«Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы изъявить свою искреннюю привязанность къ вамъ и живой интересъ, который я принимаю въ благоденствіи государствъ германскаго союза.

«Затѣмъ, высочайшіе и славнѣйшіе государи и вольные города свѣтлѣйшей германской конфедераціи, я прошу Бога, чтобъ онъ охранялъ васъ, какъ вы того заслуживаете, своимъ святымъ покровительствомъ.

«Писано въ Парижѣ, 4-го ноября 1863 года по Рождествѣ Христовѣ.

«Наполеонъ».

Съ психологической точки зрѣнія этотъ документъ очень интересенъ. Своимъ слогомъ онъ нисколько не похожъ на канцелярскія произведенія, которыхъ оффиціальные обороты, преднамѣренныя недомолвки и безконечные періоды, гдѣ мысль теряется, какъ въ лабиринтѣ, повидимому говорятъ вамъ: господа, не вѣрьте мнѣ, я постараюсь не лгать, но буду въ отчаяніи, если выскажу правду. Напротивъ, это приглашеніе на конгрессъ выражено такимъ же языкомъ,

которымъ говорятъ всѣ; оно поэтому понято всѣми, а не только тѣми, которые посвящены въ таинства дипломаціи. Оно дѣйствительно написано съ цѣлью произвести эффектъ въ Европѣ. Этотъ эффектъ да позволено намъ будетъ пока еще не опредѣлять. Ловко притворяясь откровеннымъ и чистосердечнымъ и выказывая наивность, которая еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе, производимое этою выходкою, человѣкъ 2-го декабря воскликнулъ въ рѣчи, произнесенной при открытіи палаты и въ своихъ письмахъ къ государямъ: «Я конечно добрый малый, чуждый коварства, но долженъ согласиться со всѣми, что дѣла Европы находятся въ плохомъ положеніи. Вѣнскіе трактаты перестали существовать. Замѣнимъ ихъ трактатомъ парижскимъ. Насъ двадцать человѣкъ отвѣтственныхъ за то, что происходитъ въ Европѣ. Соберемся вокругъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, и устроимъ наши дѣла по взаимному согласію. Всякій пусть выскажетъ свои интересы. Мы немного урѣжемъ въ одномъ мѣстѣ, поубавимъ въ другомъ. Одинъ уступитъ часть своихъ правъ, другой откажется отъ своихъ претензій. Мы обезоружимъ, отошлемъ въ мастерскія и къ плугу большую часть нашихъ солдатъ, продадимъ купцамъ и судохозяевамъ большую часть нашихъ военныхъ кораблей и установимъ новую эру.

«И во всѣхъ случаяхъ недоразумѣнія, какія могутъ возникнуть между народами и королями, я предлагаю себя въ посредники. Мое исключительное положеніе даетъ мнѣ на то право: въ качествѣ монарха, я принадлежу къ корпораціи государей, но я былъ несчастливъ, а это значитъ, что я принадлежалъ къ народу...»

Словомъ, это предложеніе конгресса было комедіей, разыгранною съ тѣмъ, чтобы выиграть время. При этомъ заранѣе чувствовалось сожалѣніе, что оно не будетъ принято серьезно, и питалась смутная надежда, что авось оно удостоится хотя только наружнаго, притворнаго вниманія въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, на столько именно времени, сколько нужно для того, чтобы задать владѣтельнымъ особамъ блистательныя празднества въ Парижѣ и въ глазахъ наивныхъ народовъ явиться президентомъ совѣта государей, императоромъ, возсѣдающимъ на тронѣ посреди императоровъ, королей и другихъ властителей. Это была великолѣпная мечта!...

Но эта мечта разрушена Англіей.

«Съ искреннимъ прискорбіемъ, говоритъ Morning Post, органъ лорда Пальмерстона, — Англія отказывается отъ участія въ предло-

женномъ конгрессѣ европейскихъ державъ. Цѣль императора французовъ заслуживаетъ удивленія, но государственные люди Великобританіи полагаютъ, что средства, которыми онъ хочетъ достигнуть этой цѣли, едва-ли могутъ повести къ желаемому результату.

«Такъ какъ Англія съ самаго начала возразила, что проэктъ конгресса слишкомъ неопредѣленъ и не имѣетъ ясно обозначенной цѣли, то тюльерійскій кабинетъ согласился на предварительные переговоры. Предложено было заниматься на конгрессѣ вопросами относительно Польши, Шлезвига и Голштиніи, Италіи и Румыніи.

«Практическій смыслъ англичанъ нашелъ, что эти вопросы такъ затруднительны, что нельзя ожидать разрѣшенія ихъ на конгрессѣ. Поэтому министры Англіи не сочли нужнымъ совѣтовать ея величеству, королевѣ, отправить представителя на конгрессъ, который они признаютъ утопіей.»

Daily News, журналъ лорда Росселя, съ своей стороны замѣтилъ: «Отвѣтъ Франціи на предложенные Англіею вопросы относительно цѣли конгресса не признанъ удовлетворительнымъ для рѣшенія того затруднительнаго положенія, въ какомъ находятся дѣла Европы.

«Конгрессъ можетъ служить только самымъ вѣрнымъ средствомъ для возбужденія войны.»

Къ тому же Англія была весьма рада принять въ виду цѣлаго свѣта положеніе, обозначенное въ Saturday Review словами: «Франція предполагаетъ, а Англія располагаетъ.»

Досада императора французовъ была тѣмъ болѣе велика, что онъ заранѣе угрожалъ своимъ гнѣвомъ тому государству, которое откажется принять участіе въ конгрессѣ. Дѣйствительно, онъ свою знаменитую рѣчь къ палатамъ заключилъ словами: «Отказъ заставитъ предполагать существованіе тайныхъ замысловъ, опасающихся дневнаго свѣта.»

Досада императора была такъ велика, что въ Парижѣ носился слухъ, справедливый или ложный, будто въ совѣтѣ министровъ Людовикъ Наполеонъ предложилъ вопросъ: не объявить ли Англіи войну? Надо сказать, что это было бы весьма страннымъ заключеніемъ переговоровъ, начавшихся по поводу Польши. Есть цѣлая партія политиковъ, людей, какъ обыкновенно, весьма убѣжденныхъ въ своемъ мнѣніи, которые съ увѣренностью говорятъ о союзѣ противъ Англіи и Австріи, готовящемся будто бы между Россіею, Франціею и Италіею. Они основываютъ свои предположенія на письмахъ изъ Турина,

въ которыхъ упоминается о какомъ-то трактатѣ между Викторомъ Эммануиломъ и петербургскимъ кабинетомъ, — трактатѣ политическомъ, совершенно независимомъ отъ торговаго договора, недавно заключеннаго между этими двумя правительствами.

Все это не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Если подумаешь о настоящемъ положенiи дѣлъ, то приходишь къ тому заключенiю, что къ будущей веснѣ нужно ожидать войну, войну всеобщую, которую уже два года тому назадъ предсказывали всѣ и которая ожидалась со дня на день.

Донесенiе лорда Росселя въ то же время намъ представляетъ, въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтъ Австрiи. Эта держава дала знать лондонскому кабинету, что она не приметъ участiя въ конгрессѣ, если на немъ долженъ быть представленъ венецiянскiй вопросъ. Между тѣмъ извѣстно, что объ италiянскомъ вопросѣ упоминается въ депешѣ Друэнъ-де-Люиса на ряду съ другими вопросами, подлежащими разсмотрѣнiю. Слѣдовательно, Австрiя не будетъ участвовать въ конгрессѣ, также какъ и Россiя и всѣ прочiя державы.

Итакъ, приходится произнести элегiю надъ конгрессомъ, этимъ произведенiемъ императорской фантазiи. Жаль тѣхъ, которые ожидали отъ него учрежденiя амфиктiоновскаго совѣта, конституцiи соединенныхъ европейскихъ штатовъ и перваго шага на пути къ осуществленiю всеобщаго мира, этой мечты аббата Сенъ-Пьера... Даже биржевые спекуляторы ошиблись и отвѣтили на рѣчь императора возвышенiемъ курса на *десять* сантимовъ.

Но если война неизбѣжна, то спрашивается, противъ кого-же она будетъ?

Противъ Россiи за Польшу?—Это идея общая, идея инстинктивная, популярная...

Это идея вульгарная. возражаютъ нѣкоторые. Императаръ Наполеонъ принужденъ будетъ, вслѣдствiе соглашенiя между г. Бисмаркомъ и г. Горчаковымъ, вести войну противъ Пруссiи. Войска наши не пойдутъ въ Польшу, но будутъ сражаться передъ Майнцемъ и миръ заключенъ будетъ въ Берлинѣ. Что-же касается похода въ Варшаву или Вильну, то, въ случаѣ успѣха, въ немъ не будетъ надобности, а въ случаѣ неудачи—не будетъ на то времени.

Вы ошибаетесь, говорятъ другiе. Императоръ Людовикъ Наполеонъ ненавидимъ всею Европою, за исключенiемъ русскаго правительства. Императоръ востока и императоръ запада подаютъ другъ другу руку черезъ Германiю. Оба они имѣютъ соперницею Австрiю

и явнымъ или скрытымъ врагомъ Англію. Крымская война служила только предлогомъ; она представила новое доказательство тайной связи между Франціею и Россіею и ихъ естественной антипатіи противъ вѣроломнаго Альбіона. Вы увидите, что война объявлена будетъ противъ Англіи и Австріи. Императоръ Наполеонъ обратится къ великодушію императора Александра въ пользу Польши. Герцогство варшавское будетъ возстановлено, быть можетъ, даже обращено въ королевство, вмѣстѣ съ Галиціею, которую придется отнять у Австріи съ тѣмъ, чтобы вознаградитъ Россію на Дунаѣ. Викторъ Эммануилъ вступитъ въ этотъ союзъ за Венецію. Торговый трактатъ между Италіею и Россіею есть только занавѣска, скрывающая военный трактатъ, заключенный въ видахъ войны противъ Австріи, которая первая испытаетъ на себѣ неотразимое могущество страшнаго союза между двумя могущественными императорами.

Что касается бельгійцевъ, то они также находятся въ безпокойствѣ. Они опасаются, чтобы война противъ Австріи не обратилась въ войну противъ покровительницы ихъ, Англіи. Они дѣлаютъ огромные расходы на укрѣпленіе Антверпена и приготовляютъ свои казармы для солдатъ, въ красныхъ кафтанахъ. Они сильно безпокоятся, чтобы вопросы польскій и шлезвигъ-голштинскій не послужили предлогомъ къ вторженію французовъ въ Бельгію и къ поправкѣ границъ на сѣверѣ бонапартистской имперіи.

Вотъ какимъ образомъ большая часть нашихъ политиковъ предвѣщаютъ къ веснѣ войну, великую, неотразимую войну.

Господинъ Эрнестъ Жирарденъ, главный редакторъ Presse, журнала оппозиціи его величества, предлагаетъ, съ своей стороны, четвертую войну. Послѣ этого несостоявшагося конгресса государей, представлявшаго во всѣхъ отношеніяхъ повторенія франкфуртскаго конгресса, г. Эрнестъ Жирарденъ созываетъ конгрессъ націй съ цѣлью объявить Парижъ «столицею міра», а императора французовъ — «императоромъ народовъ».

Въ случаѣ, если этотъ конгрессъ не состоится, главный редакторъ журнала Presse предлагаетъ объявить всеобщую войну народовъ противъ государей. Таково неожиданное заключеніе большаго сочиненія, озаглавленнаго «La Paix du Monde».

Судя по послѣднимъ депешамъ, націи еще не приняли приглашенія г. Жирардена.

Еслибъ г. Жирарденъ одинъ объявилъ всеобщую войну народовъ

противъ королей, то мы бы и не упомянули о такой причудливой выходкѣ, но носится всеобщій слухъ, что эта выходка зародилась въ Компьенѣ, куда нашъ почтенный публицистъ приглашенъ былъ quasi дружественнымъ образомъ въ гости къ императору. Въ то же время Patrie, другой офиціальный журналъ, также съ большимъ апломбомъ объявляетъ революціонную войну противъ европейскихъ правительствъ. Вотъ это должны принять къ свѣдѣнію господа Мадзини, Гарибальди, Кошутъ и Ледрю-Ролленъ: имъ стоитъ только явиться къ банкиру Деламарръ или въ бюро Esprit public чтобъ получить всѣ необходимыя инструкціи!

Какъ бы то ни было, подобныя фразы въ подобныхъ журналахъ должно читать съ осмотрительностью, тщательно вытерѣвъ напередъ свои очки: это—вещь важная, говорятъ нѣкоторые... Полноте! Это даже не смѣшно, это просто пошло!

Мы произвели смотръ главнѣйшимъ воинственнымъ гипотезамъ; остается упомянуть о предположеніяхъ тѣхъ политиковъ, которые думаютъ, что война можетъ-быть отложена еще на годъ, такъ какъ вопросъ о ней тянется уже цѣлыхъ два года. Франція, говорятъ эти мыслители, еще не вышла изъ своего затруднительнаго положенія относительно Мексики. Она притомъ не можетъ воевать съ Россіею, не сталкиваясь съ обширною Германіею, которая питаетъ къ намъ безсмертную ненависть. Эта непримиримая соперница не можетъ простить намъ, что мы не исчезли съ лица земли послѣ сраженія при Ватерлоо. Она ищетъ случая нанести намъ новое пораженіе, подобное лейпцигскому. Императоръ это знаетъ и заблаговременно остановится въ своихъ предпріятіяхъ. Онъ остережется недовѣрія Англіи и не захочетъ вмѣшаться въ щекотливое дѣло Шлезвига и Голштиніи. Между тѣмъ остатокъ польскихъ инсургентовъ замерзнетъ зимою въ болотахъ; Польша покрыта будетъ снѣжнымъ саваномъ, и дѣлу конецъ.

Какое же ваше собственное мнѣніе? быть можетъ удостоютъ спросить вашего корреспондента. Какое вы полагаете сдѣлать заключеніе относительно этого предмета? Распутайте намъ этотъ гордіевъ узелъ, если можете...

Еслибъ я могъ это сдѣлать, то не счелъ бы полезнымъ. Къ чему прибавлять свое личное мнѣніе къ тѣмъ, которыя уже въ ходу? Еще не настала минута выводить заключенія изъ настоящаго положенія дѣлъ. Теперь подобныя заключенія могутъ быть только мечтами.

Никто не знаетъ, что выйдетъ изъ этого процесса броженія. Несомнѣнно только то, что всѣ эти явленія служатъ предвѣстниками кризиса или какихъ нибудь рѣшительныхъ событій. Массы еще нисколько не взволнованы; въ средѣ народовъ господствуетъ еще совершенное спокойствіе. Но всѣ люди мыслящіе, которые любятъ отдавать себѣ отчетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, сильно озабочены. Конечно все это безпокойство есть отраженіе неизвѣстности, господствующей въ высшихъ сферахъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти отважные проекты, эти отчаянныя выходки и эти противорѣчивые планы, которые приписываются нашему правительству, доказываютъ, что оно находится въ тревожномъ состояніи и не знаетъ, къ какимъ прибѣгнуть мѣрамъ, чтобы выйдти изъ своего затруднительнаго положенія.

Впрочемъ, не должно терять изъ виду, что наполеоновская династія, менѣе всякой другой, нуждается въ благоразуміи. Умъ, холодный умъ, въ томъ видѣ, какъ онъ олицетворяется Англіею, убиваетъ Бонапартовъ и ужь никакъ не служитъ причиною ихъ существованія. Съ извѣстной точки зрѣнія, ничто не можетъ быть нераціональнѣе царствованія двухъ императоровъ Франціи. Вотъ уже цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, какъ существуетъ декабрьская монархія. Съ самой той минуты, какъ она возникла среди крови и грязи, которыми покрыты были парижскіе бульвары, всѣ предсказывали, что ея существованіе будетъ эфемерно. Люди самые благоразумные полагали, что она продержится не долѣе шести мѣсяцевъ. Во Франціи многіе ежедневно удивляются, что имперія до сихъ поръ еще существуетъ. Это удивленіе повторяется уже двѣнадцать лѣтъ. Представляя собою воплощеніе парадокса, имперія живетъ парадоксомъ и самый парадоксальный характеръ ея заключается въ продолжительности ея существованія.

Этотъ парадоксъ, это безпрестанное сопоставленіе двухъ противоположностей, и служитъ причиною того безпокойства, которое возбуждается политикою императора. На сколько философу и историку пріятно разсматривать это царствованіе въ отношеніи его принципа, его дѣятельности, его средствъ, его роли и его судьбы; на столько же политики и дипломаты затрудняются въ рѣшеніи вопросовъ, возникающихъ по поводу этой политики. Парадоксъ игривъ и непостояненъ, какъ зыбь воды; онъ и вѣроятенъ и невѣроятенъ; онъ и

справедливъ и ложенъ; онъ не справедливъ, и не ложенъ въ одно и то-же время. Извольте-ка тутъ добиться толку!

Вотъ какое слово, истинное или ложное, приписываемое г. Тьеру, друзья, при встрѣчѣ съ вами на улицахъ Парижа, теперь шепчутъ вамъ на ухо:

«Я первый предсказывалъ, что имперія состоится; теперь я говорю, что имперія падетъ»!

Мы не имѣемъ притензіи на такое же знаніе, какимъ обладаетъ г. Тіеръ. Мы въ этомъ отношеніи систематическіе невѣжды. По нашему мнѣнію, глупцы ошибаются потому, что не знаютъ ничего, а люди умные — потому, что знаютъ слишкомъ много. Это, намъ кажется, особенно справедливымъ въ дѣлѣ политики. Вообще говоря, таинства канцелярій болѣе отрицательны, чѣмъ положительны, тогда какъ воображеніе народовъ, подобно природѣ, не любитъ пустоты. Въ клубахъ, кофейняхъ, въ обществахъ нашихъ буржуа говорятъ рѣшительно: Наша армія выступитъ въ походъ въ такой-то день; она будетъ сражаться въ такомъ-то мѣстѣ, и послѣ побѣды заключенъ будетъ миръ на такихъ-то условіяхъ. Но въ дѣйствительности, совѣты министровъ рѣшаютъ только одно: они откладываютъ свои рѣшенія. Посланники ѣдутъ въ нарочныхъ поѣздахъ и за ними медленно, будто въ дилижанахъ, отправляется ихъ политика; напротивъ, народъ путешествуетъ тихо, но его политика быстро несется впередъ, требуя лучшей будущности. Словомъ, чѣмъ менѣе кто посвященъ въ дѣло, тѣмъ болѣе онъ рѣшителенъ въ своихъ предположеніяхъ. Въ этомъ отношеніи, существуетъ нѣкоторая выгода на сторонѣ народа: знакомый только съ общимъ ходомъ событій, онъ придерживается синтеза и исторической истины; тогда какъ дипломаты, занимающіеся политикою по профессіи, часто теряются въ мелочахъ и при этомъ забываютъ сущность дѣла. Народъ обладаетъ даромъ пророчества, потому что находится въ невѣдѣніи. Исторія религій намъ уже показала, что самыми лучшими пророками были невѣжественные пастухи. Изрѣченія дельфійскаго оракула произносились въ потьмахъ.

Но всѣ пророчества, истинныя или ложныя, главнымъ образомъ отличаются тѣмъ, что они примѣняются къ бидущности неопредѣленной. Они слишкомъ неопредѣлительны, и потому не имѣютъ никакого практическаго значенія и совершенно безполезны. Ихъ можно слушать съ довѣріемъ или недовѣріемъ, но они никогда не производятъ

разочарованія и отъ нихъ всегда съ новымъ интересомъ обращаются къ дѣйствительности, къ фактамъ вульгарнымъ, которые можно видѣть и опредѣлить. Отъ пророчествъ всегда возвращаются къ исторіи.

Перейдемъ теперь на почву болѣе практическую и обратимся къ бюджету г. Фульда.

Г. Фульдъ торжественно объявилъ, что закрываетъ большую книгу и что не раскроетъ ее болѣе. Однакожъ, онъ недавно еще говорилъ, что требуетъ причисленія трехъ сотъ милліоновъ къ цифрѣ нашего долга. Сказать правду, никто не удивился такой непослѣдовательности. Такъ какъ расходы постоянно увеличиваются скорѣе доходовъ, то какимъ образомъ сохранить между ними равновѣсіе, не забирая денегъ впередъ. Многіе даже удивлялись умѣренности займа и спрашивали себя, не имѣетъ ли г. Фульдъ намѣренія, занимая такую ничтожную сумму, успокоить общественное мнѣніе и мало по малу проложить дорожку новому займу, въ пятьсотъ милліоновъ. Весьма длиненъ былъ бы списокъ, еслибъ исчислить всѣ операціи этого министра, которыя были дѣйствительными займами, хотя и не имѣли этого названія. Чтобы не идти далеко, достаточно замѣтить, что въ прошломъ году текущій долгъ обошелъ мысъ Бурный: онъ превзошелъ милліардъ на пятьдесятъ-три милліона. Г. Фульдъ выдумалъ тогда превращеніе рентъ и со сто-пятидесятью-семью милліонами, вырученными такимъ образомъ, онъ достигъ дефицита, простирающагося до восьми-сотъ-девяносто-шести милліоновъ. Для большихъ публичныхъ работъ, въ послѣдніе годы, онъ избѣгалъ необходимости раскрыть большую книгу, но за то, какъ бы для постскриптума, раскрывалъ маленькую, находившуюся возлѣ и назначенную для тридцати годичныхъ облигацій. На добавочный бюджетъ 1863 года, представленный теперь на разсмотрѣніе законодательнаго корпуса, предположено отдѣлить семнадцать милліоновъ изъ суммы облигацій компаній желѣзныхъ дорогъ, каковыя деньги включены въ портфель казны, какъ представителя расходовъ, сдѣланныхъ государствомъ въ прежнія времена.

Предлагаютъ еще продать на тридцать-два милліона оставшіяся тридцати годичныя облигаціи, сдѣлавшіяся свободными вслѣдствіе соглашенія съ компаніями. Это отчужденіе доходовъ, которыми пользовалась казна для удовлетворенія своей потребности въ постепенной

уплатѣ долга, падающей всею тяжестью на будущность. Если такая операція не настоящій заемъ, то весьма на него похожа.

Не смотря на такую аферу, пришлось раскрыть большую книгу и произнести слово: заемъ.

Этотъ заемъ, говоритъ г. Фульдъ, не будетъ новымъ обремененіемъ для казны, такъ какъ, подъ названіемъ консолидированнаго долга, едва придется платить проценты, которые въ настоящее время платятся подъ названіемъ текущаго долга. Это пѣсня, которую мы давно привыкли слышать отъ австрійскихъ министровъ финансовъ. Правда, что текущій долгъ уменьшится на сумму, равную доходу отъ займа, но съ тѣмъ только, чтобы въ наивозможно скорѣйшемъ времени увеличиться на новые триста милліоновъ. Названіе текущаго долга даетъ намъ понять, что уровень его измѣняется по капризамъ и по потребностямъ министра. При содѣйствіи банка и генеральныхъ сборщиковъ, размѣнъ будетъ производиться по мѣрѣ возможности, а когда настанетъ рѣшительная опасность, то вся та сумма, которую уплатить окажется невозможнымъ, отнесена будетъ къ общественному долгу. Послѣ того выпущены будутъ новые билеты казначейства въ такомъ числѣ, въ какомъ захочетъ ихъ принять публика.

Счеты г. министра не успокоительны. Представляя бюджетъ 1862 года, онъ говорилъ: «Расходы были предвидѣны съ точностью, и нѣкоторыя государственныя услуги, которыя до этого времени въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, требовали дополнительнаго кредита, теперь вознаграждены болѣе удовлетворительнымъ образомъ.»

Дѣлая такія прелестныя обѣщанія, онъ получилъ для бюджета ординарнаго и экстраординарнаго и наконецъ спеціальнаго сумму въ 2,060,613,362 франка.

Это оказалось неудовлетворительнымъ. До истеченія одной трети года, г. Фульдъ потребовалъ пособія отъ палаты и представилъ ей повѣрочный ординарный бюджетъ, потомъ повѣрочный экстраординарный въ 133,477,979 франковъ, которые и были утверждены.

Аппетитъ приходитъ во время ѣды, говоритъ французская пословица. Уничтоживъ эти сто тридцать три милліона, г. Фульдъ представилъ еще добавочный ординарный бюджетъ, потомъ добавочный экстраординарный, по которому требовалъ новую сумму въ 93.834,501 франкъ. Благодаря этимъ маленькимъ бюджетамъ, съ хитросплетенными названіями, распускающимися, подобно отпрыскамъ, вокругъ

главнаго бюджета, и за которыми министръ ухаживаетъ съ любовью, какъ садовникъ за своими растеніями — Франція должна за 1863 годъ заплатить два милліарда 287,925,842 франка. Это самый значительный бюджетъ, какой когда либо существовалъ на свѣтѣ.

Замѣтьте, что годъ еще не кончился и что мы не имѣемъ еще окончательнаго бюджета въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ будетъ счетною палатою.

Замѣтьте еще, что 1863 годъ обойдется намъ по крайней мѣрѣ семидесятью однимъ милліономъ дороже, чѣмъ 1859, знаменитый италіянскою войною и богатый результатами, предвидѣнными или непредвидѣнными, преднамѣренными или случайными. На что же употреблены всѣ эти деньги? — На безразсудную войну въ Мексикѣ и на знаменитый избирательный походъ.

«У насъ, замѣчаетъ г. Кошю, лучшій нашъ экономистъ: — у насъ, какъ и въ другихъ государствахъ, министръ финансовъ подвергается внѣшнему вліянію, вмѣсто того, чтобы самому имѣть вліяніе на другихъ. Онъ даетъ средства существованія для политики, которую не самъ создаетъ. Только въ одной Англіи придерживаются аксіомы, что политика должна имѣть свой центръ тяжести въ финансахъ. Первый министръ—въ то же время первый лордъ казначейства и тотъ, кто управляетъ финансами подъ именемъ канцлера казначейства, есть его главный помощникъ. Финансовое искусство, вмѣсто того чтобы удовлетворять требованіямъ политики, служитъ для нея оракуломъ. Къ нему обращаются за совѣтами и оно должно сообразоваться не съ случайными требованіями настоящей минуты, но со всеобщею экономіею и съ постоянными интересами общества. Этотъ принципъ даетъ блистательные результаты, когда онъ примѣняется такимъ министромъ, какъ Гладстонъ.

Отъ расходовъ г. Фульда, мы, по естественному сцѣпленію понятій, перейдемъ къ выборамъ, столь усердно руководимымъ господиномъ Персиньи.

Пересмотръ правъ избранныхъ депутатовъ наконецъ оконченъ въ законодательномъ корпусѣ. Онъ продолжался не менѣе мѣсяца. Двѣсти избраній были оспариваемы и изъ нихъ шесть только отмѣнены, а именно избранія: капиталиста Исаака Перейра; г. Цорнъ-де-Бюллака, императорскаго каммергера; господъ Бурсье-де-Виллеръ, Бравэ и Боателя, брата префекта полиціи, — все членовъ большинства; наконецъ, господина Пельтана, оппозиціоннаго депутата Парижа.

Этотъ титулъ объясняетъ строгость, какая употреблена была въ отношеніи къ этому лицу. Весьма трудно изложить вкратцѣ и ясно доводы, къ которымъ прибѣгли для уничтоженія избранія Пельтана. Это избраніе было предметомъ сильнаго спора; Пельтанъ и его соперникъ почти уравновѣшивали другъ друга. На сторонѣ перваго было только необходимое большинство. Вслѣдствіе произвольнаго распредѣленія избирательныхъ округовъ, ловко произведеннаго правительствомъ, многіе голоса оппозиціи оказались на сторонѣ Жюля Фавра, независимаго кандидата. Эти голоса были уничтожены и такъ какъ на сторонѣ г. Пельтана все таки сохранилось большинство, то онъ и былъ избранъ въ депутаты коммиссіею и даже самимъ префектомъ. Но на другой день, неизвѣстно вслѣдствіе какого наитія, вдругъ префектъ объявилъ, что это избраніе не имѣетъ никакой силы, такъ какъ оно произведено по департаменту, а не по округу (?). Такъ какъ между тѣмъ не уничтожены были голоса, данные въ пользу Жюля Фавра, то алгебраическое отношеніе абсолютнаго большинства и большинства относительнаго кандидата надъ его конкурентами измѣнилось такъ, что на сторонѣ г. Пельтана не оказалось болѣе достаточнаго числа голосовъ для утвержденія этого избранія. Префектъ Сены, баронъ Гаусманъ, рѣшился протестовать противъ самого себя и вслѣдствіе такого отважнаго самоотрицанія на слѣдующее воскресенье назначены были новые выборы.

И такъ вотъ единственное избраніе оппозиціи, противъ котораго правительство нашло возможнымъ сдѣлать возраженіе. Напротивъ, число протестацій противъ правительственныхъ кандидатовъ гораздо болѣе значительно. Двѣсти избраній были оспариваемы. Это число далеко превосходитъ абсолютное большинство. Такимъ образомъ, большинство было въ одно и то же время и судьею и тяжущеюся стороною. Г. Поль ратификовалъ избраніе г. Жака, съ тѣмъ чтобы г. Жакъ ратификовалъ избраніе г. Поля. Это было примѣненіе повторявшагося сто-девяносто-четыре раза правила: Передай мнѣ ревень, я передамъ тебѣ кассію. Къ тому же эти пять правительственныхъ избраній были уничтожены вслѣдствіе личной ненависти, господствовавшей между членами большинства.

Читатели нашего политическаго обозрѣнія помнятъ, что правительство упорно затѣяло избирательную борьбу, основывая на ней вопросъ существованія самой имперіи. Оно вступило на арену партій, въ качествѣ партіи, и возложило свою судьбу на главу канди-

дата, которому придавало титулъ императорскаго, удостоивая въ то же время прочихъ кандидатовъ титуломъ враговъ императора. Это было дѣйствіе насильственное, діаметрально противоположное всѣмъ конституціоннымъ правиламъ. Объ этомъ мы упомянули шесть мѣсяцевъ тому назадъ, предоставляя себѣ ко времени повѣрки выборовъ въ законодательномъ собраніи произвести оцѣнку средствъ, употребленныхъ господиномъ Персиньи для того, чтобы доставить побѣду тѣмъ кандидатамъ, которымъ онъ заклеймилъ буквою N съ короной, какъ мебель, принадлежащую къ тюльерійскому дворцу.

Еслибъ намъ пришлось описать всѣ подробности предосудительныхъ дѣйствій, совершенныхъ по случаю выборовъ агентами администраціи въ тридцати шести тысячахъ коммунахъ Франціи, то это былъ бы трудъ ужасный и притомъ излишній. Недавно по этому предмету явились въ свѣтъ два большія сочиненія in-octavo, изданныя въ одно и то же время двумя авторами. Кто спеціально желаетъ познакомиться съ этимъ вопросомъ, тотъ можетъ обратиться къ книгѣ г. Жюля Ферра, озаглавленной: *Избирательная борьба 1863 года.* Онъ найдетъ въ этомъ сочиненіи драгоцѣнное собраніе матеріаловъ, которые достойны занять мѣсто въ національныхъ архивахъ, какъ документы великаго процесса, затѣяннаго правительствомъ противъ націи. Здѣсь помѣщены циркуляры префектовъ и супрефектовъ, прокламаціи мэровъ и перечислены административныя благодѣянія, щедроты и въ особенности обѣщанія, данныя избирателямъ относительно постройки моста, или устройства дороги, или прорытія колодца, или учрежденія суда или мэрства, или проведенія рельсовъ или канала, или основанія порта, или вообще относительно надѣленія такими благами, за которыя народъ платитъ подати, но которыя раздаются правительствомъ; далѣе здѣсь показаны препятствія, противопоставлявшіяся правомъ кандидатовъ и дѣйствія мэровъ, полевыхъ стражей, коммиссаровъ полиціи и т. д. Наконецъ, въ этой книгѣ можно полюбоваться театральными выходками служителей администраціи, обыкновенно предшествовавшими развязкѣ избирательной драмы.

Во все продолженіе преній, палата, казалось, надѣлена была безошибочнымъ критеріумомъ. Если въ какомъ нибудь дѣйствіи обвинялась оппозиція, то это обвиненіе было справедливо; если ж обвинялось правительство, то обвиненіе было ложно. Если кандидатъ, неблагопріятный правительству, велитъ прибить объявленіе,

съ подписями своихъ избирателей, но безъ своей собственной, которая впрочемъ находится на экземплярѣ, представленномъ въ судебное мѣсто, то такой поступокъ признается беззаконнымъ. Но подобное же дѣйствіе со стороны оффиціальнаго кандидата считается позволительнымъ. Законъ объявляетъ, что государственные чиновники и вообще всѣ лица, получающія жалованье по бюджету, не могутъ быть избираемы; а между тѣмъ каммергеры императора, также содержимые на счетъ казны, избираются будто по праву. Управитель поземельнаго кредита, дающій присягу въ вѣрности главѣ государства, не есть чиновникъ, такъ же какъ и директоръ монеты Франціи, который носитъ мундиръ и получаетъ казенное содержаніе. Вотъ одинъ экс-кандидатъ императора, сдѣлавшійся экстраоффиціальнымъ кандидатомъ и котораго коммиссаръ правительства упрекаетъ въ томъ, что онъ, этотъ кандидатъ, не обуздалъ своей благотворительности въ минуту выборовъ. Мы бы готовы были присоединиться къ этому упреку, но накапунѣ дѣло шло о правительственной кандидатурѣ и при этомъ случаѣ объявлено было, что правительство можетъ оказывать милости и прибѣгать къ мѣрамъ строгости во время выборовъ, и что за такой поступокъ оно не подлежитъ упреку. Мало того, г. Ножанъ-Сенъ-Лоранъ, правительственный адвокатъ, объявилъ при подобномъ случаѣ, что «оказывать какую нибудь милость не значитъ подкупать». Это изрѣченіе достойно стать на ряду съ знаменитымъ изрѣченіемъ господина Гизо, который обратился къ избирателямъ Лизіе съ словами:

«Ужь не чувствуете ли вы себя подкупленными?»

Преждевременное открытіе выборовъ, дозволявшее правительству ставить своихъ креатуръ, съ бюллетенями, передъ пустыми урнами, безъ свидѣтелей, признано незначительнымъ отступленіемъ отъ закона и услугою, оказанною населенію.

Прозрачность бюллетеней, при которой не существуетъ тайная подача голосовъ, возбудила въ народѣ всеобщія жалобы. Палата объявила, что эти жалобы суть только выраженіе мелочнаго недовѣрія къ правительству.

Далѣе, когда кандидатъ оппозиціи, съ своей стороны, печаталъ на бюллетеняхъ также прозрачныхъ: Такой-то, *не кавалеръ ордена почетнаго легіона и не кандидатъ правительства*, то палата называла такой поступокъ коварнымъ, имѣющимъ цѣлью обмануть довѣріе избирателей (и хитрость надзирателей, наблюдающихъ за вы-

борами). Палата утверждала, что употребленіе авторитета во зло нисколько не оскверняетъ самыхъ избраній, а только выборы той коммуны, гдѣ совершился подобный фактъ. Она почти заставила судебныя мѣста допустить, что если такія продѣлки совершаются не лично самимъ кандидатомъ, то онѣ нисколько не должны препятствовать утвержденію его избранія. Эта мѣра даетъ полный произволъ дѣйствіямъ разныхъ оффиціозныхъ и оффиціальныхъ мушаровъ.

Кромѣ того, палата отказывалась принимать протесты, съ подписями, которыя не были засвидѣтельствованы оффиціальными лицами. Другими словами, она не хотѣла признать противъ агентовъ правительства никакихъ протестовъ, если они не контрасигнировались этими же агентами.

Можно подумать, что мы преувеличиваемъ факты, но мы въ подтвержденіе нашихъ словъ сдѣлаемъ нѣкоторыя извлеченія изъ аналитическихъ отчетовъ о преніяхъ, которые разосланы были въ журналы самимъ правительствомъ:

Г. Базъ прибилъ объявленіе о своей кандидатурѣ; нѣкоторые мэры велѣли содрать эту афишку. Императорскій прокуроръ запретилъ экзекутарамъ формулировать законнымъ образомъ жалобу г. База до окончанія выборовъ.

Его превосходительство, г. министръ Рулье, держалъ рѣчь въ палатѣ, стараясь доказать, что императорскій прокуроръ былъ въ этомъ дѣлѣ совершенно правъ, такъ какъ г. Базъ хотѣлъ *внушить страхъ* администраціи помѣщеніемъ гербовой бумаги тамъ, гдѣ не слѣдуетъ.

Г. Тьеръ, котораго участіе въ этихъ преніяхъ ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ, замѣтилъ, что государство существуетъ только законностью и что правительство само подкапываетъ свои основы, если употребляетъ двоякій вѣсъ и двоякую мѣру.

По закону, только французъ можетъ быть представителемъ французскаго народа. Правительство освободило отъ этого условія испанца Кампаньо и американца Уелльса. На канунѣ избранія господина Кампаньо, въ Тулузу прибыла цѣлая бригада людей, изъ вѣдомства путей сообщенія. Эти люди немедленно приступили къ производству работъ и начали вбивать сваи для устройства пристани, которую желали имѣть мѣстные жители. Но по окончаніи выборовъ, сваи исчезли и избиратели остались съ правительственнымъ кандидатомъ, избраннымъ въ депутаты, и лишились своей иллюзіи.

Подобная продѣлка была совершена во многихъ департаментахъ. Мы даже знаемъ два департамента, раздѣленные другъ отъ друга рѣкою и другъ у друга оспаривающіе желѣзную дорогу. Въ день самыхъ выборовъ въ оба департамента явились агенты правительства и оффиціально объявили—жителямъ праваго берега, что дорога устроится на правой сторонѣ рѣки, а жителямъ лѣваго берега, что дорога проведена будетъ по лѣвой сторонѣ. На томъ и другомъ берегу восторжествовали кандидаты правительства.

Господинъ Перейра, орлеанскій банкиръ, явился конкуррентомъ правительственному кандидату. Въ моментъ выборовъ журналъ префектуры объявилъ, что городъ Орлеанъ находится въ осадномъ положеніи, что г. Перейра овладѣлъ городскою ратушею и господствовалъ бы въ ней до сихъ поръ, еслибъ главный комендантъ департамента не возстановилъ порядка. Подлѣ циркуляра господина Перейры, оффиціальный журналъ перепечаталъ безъ всякихъ объясненій изъ стараго номера статью, относящуюся къ 4 декабря 1851 года и въ которой объявляется, что толпа въ четыреста человѣкъ, въ томъ числѣ и г. Перейра, устремилась на Европейскую площадь и овладѣла ратушей. Блогодаря г. префекту, эта статья распространилась въ огромномъ числѣ экземпляровъ; извѣстіе это объявлено было въ коммунахъ при звукѣ трубы; испуганные поселяне поспѣшили вотировать за представителя торжествующаго порядка и герцогъ Тарантскій, кандидатъ императора, одержалъ верхъ надъ своимъ конкуррентомъ.

Когда эта продѣлка разсказывалась въ палатѣ, всѣ наши депутаты разразились громкимъ хохотомъ... Какова шутка, разыгранная съ оппозиціею!

Еще болѣе занимательно было избраніе г. Боателя, брата префекта полиціи. Онъ имѣлъ конкуррентомъ одного члена большинства императорскаго кандидата вопреки императору, и его назначеніе въ депутаты уничтожено было однимъ каммергеромъ императора. Итакъ, это было дѣло семейное.

Императорскій каммергеръ разсказывалъ намъ, что, по примѣру другихъ депутатовъ большинства, г. Боатель велѣлъ вести по коммунѣ огромнаго быка, обѣщаясь зарѣзать его и угостить имъ благомыслящихъ избирателей. Большое количество кабаковъ открыто было префектомъ въ продолженіе выборовъ. Друзья г. Боателя и императора даромъ напивались тамъ пьяными, истребляя огромное

количество вина. Инспекторы начальныхъ школъ справлялись у школьнаго учителя, съ цѣлью, которую не трудно угадать, объ именахъ и адресахъ всѣхъ старыхъ военныхъ избирателей, получающихъ пенсію отъ правительства;—всѣхъ, украшенныхъ медалью острова Св. Елены, также получающихъ пенсію;—всѣхъ кавалеровъ, могущихъ получить пенсію; всѣхъ отставныхъ, къ какой бы администраціи они прежде ни принадлежали, которыхъ жизнь зависитъ отъ кассы вспомоществованія престарѣлымъ;—всѣхъ людей, заинтересованныхъ общественною службою, архитекторовъ, каменьщиковъ, и т. д.;—всѣхъ избирателей, долженствующихъ въ слѣдующемъ году вынуть жребій, а равно и тѣхъ, которые имѣютъ сыновей, состоящихъ въ государственной службѣ. За обѣщаніе вотировать въ пользу правительственнаго кандидата платилось отъ одного до пяти франковъ. Префектъ избралъ одного вора съ тѣмъ, чтобы онъ похищалъ бюллетени противной стороны. Префектъ парижской полиціи поспѣшилъ на помощь своему брату съ полицейскими агентами, заразившими воздухъ города Камбрэ. Такъ какъ эти люди не довѣряли супрефекту, господину Барро, сыну Фердинанда Барро, сенатора и бывшаго министра, то они стали слѣдить за каждымъ шагомъ этого чиновника и наконецъ застали его въ болѣе или менѣе преступной бесѣдѣ съ одной дамой, живущей въ городѣ. Конечно, поведеніе молодаго Барро было легкомысленно. Агенты полиціи узнали такимъ образомъ съ достовѣрностью, что дама, съ которою застали его, покровительствуетъ сопернику Боателя. Съ свойственнымъ этимъ людямъ чутьемъ, они заключили, что любовникъ и любовница не принадлежатъ къ одной и той же партіи. Поэтому телеграмма министерства внутреннихъ дѣлъ немедленно потребовала господина Барро въ Парижъ. Супрефектъ отправился съ нарочнымъ поѣздомъ и немедленно явился въ кабинетъ министра, гдѣ ему сообщили, безъ дальнѣйшихъ объясненій, что начальство сочло нужнымъ дать ему отпускъ на двѣ недѣли. Освободившись отъ этого таинственнаго вліянія, выборы производились блистательнымъ образомъ. Толпы пьяныхъ рабочихъ, при звукахъ трубъ и барабана, бросились къ избирательнымъ урнамъ, за которыми для большей безопасности наблюдали отецъ и зять оффиціальнаго кандидата. Тѣ избиратели, которые, благодаря сильнымъ возліяніямъ вина, не въ состояніи были идти, пріѣзжали въ тележкахъ. Одна такая телега была наполнена людьми, имѣвшими на груди медаль острова Св. Елены, и

мнимыми инвалидами. Вся эта масса народа кричала: «Да здравствуетъ Боатель! Да здравствуютъ Боатель и императоръ!»

А говорятъ еще, что во Франціи не веселятся!

Прусскій король тоже произнесъ тронную рѣчь. Тѣ, которые надѣялись, что слова государя повлекутъ за собою общее примиреніе, жестоко ошиблись.

«Горячо желаю — сказалъ онъ — окончанія столкновеній, возникшихъ между моимъ правительствомъ и частью народныхъ представителей. Обязанность моя, какъ монарха, повелѣваетъ мнѣ твердо стоять за право престола...

«Новая организація арміи есть слѣдствіе неоспоримой необходимости... Я соглашусь утвердить только тотъ бюджетъ, который обезпечитъ ненарушимость настоящей организаціи арміи.

«Противъ этой организаціи нельзя возражать мнѣніемъ о недостаточности нашихъ матеріальныхъ средствъ, потому что въ теченіи этого года казенный сборъ не только вполнѣ покрылъ расходы, причиненные этою организаціей, но еще доставилъ значительный излишекъ.

«Мы живемъ въ смутное время и можетъ быть вступаемъ въ еще болѣе смутное... Но согласіе между нами можетъ возстановиться только тогда, когда власть королевская, необходимая для прусской монархіи, останется неприкосновенною...»

Такимъ образомъ, король Вильгельмъ не сдѣлалъ ни малѣйшей уступки, Правда. что и народъ прусскій, въ лицѣ палаты, оказался такимъ же твердымъ. Палата прежде всего поспѣшила измѣнить свой составъ; Грабовъ сдѣлался ся президентомъ, Тиршъ и Бокумъ-Дольфъ—вицепрезидентами.—Г. Гробовъ въ свою очередь повторилъ, что народъ и палата только того и желаютъ, чтобы прекратить несогласія, но что это совершится только тогда, когда конституція будетъ истолкована надлежащемъ образомъ и примѣнена къ дѣлу совершенно согласно съ ея духомъ, и когда понятіе о вѣрности престолу не будетъ отдѣлено отъ понятія о вѣрности народу.»

Въ слѣдъ за тѣмъ г. Бисмаркъ представилъ палатѣ законъ о

прессѣ, который онъ утвердилъ въ отсутствіе депутатовъ. Г. Бисмаркъ увѣрялъ, что этотъ законъ имѣлъ только временный характеръ и что дѣйствіе его прекратится, какъ скоро въ Пруссіи водворится ея прежнее положеніе. Коммиссія, которой было поручено разсмотрѣть этотъ законъ, постановила: 1) не утвердить его въ силу § 63 конституціи, 2) объявить, въ силу § 103, что законъ этотъ не имѣетъ законной силы ни самъ по себѣ, ни вслѣдствіе временныхъ обстоятельствъ.

Въ виду такой ясной опозиціи, прусское правительство сочло нужнымъ отмѣнить королевское постановленіе отъ 1 іюня о прессѣ и журналахъ. Палата вступила съ правительствомъ въ большое сраженіе, но министерство предпочло отступить, потому что мѣсто битвы не было благопріятно для него. За то оно немедленно представило проектъ закона о военной службѣ, совершенно сходный съ проектомъ, предложеннымъ въ прошедшемъ году.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда 15 ноября умеръ датскій король. Онъ умеръ какъ разъ въ то время, когда кризисъ въ герцогствахъ достигъ повидимому высочайшей степени, когда съ минуты на минуту ожидали федеральной экзекуціи, которою Германскій Союзъ столько разъ угрожалъ Даніи. Смерть короля ускорила роковое уже столкновеніе.

Лично, король датскій Фридрихъ VII былъ человѣкъ, въ которомъ къ одному или двумъ большимъ недостаткамъ присоединялись большія достоинства. Онъ былъ вспыльчивъ и упрямъ, но въ то же время обладалъ твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ, благороднымъ умомъ, изящнымъ чувствомъ, проявлявшимся въ страсти къ археологіи; онъ былъ однимъ изъ первыхъ антикваріевъ Европы, кромѣ того отлично зналъ скандинавскія древности и имѣлъ въ своемъ фридрихсгальскомъ дворцѣ драгоцѣнное собраніе ихъ. Говоря о Фридрихѣ VII, трудно умолчать о приключеніяхъ его въ частной жизни, о любовныхъ интригахъ его, нерѣдко сопровождавшихся скандалами, о ссорахъ съ первою женою, младшею дочерью короля Фридриха VII, о разводѣ, о второмъ бракѣ, окончившимся вторымъ разводомъ, наконецъ о связи съ модисткою Росмюссенъ, изъ которой онъ сдѣлалъ графиню Ваннеръ.

Фридрихъ былъ датчанинъ и скандинавъ, т, е. анти-германецъ до глубины костей; онъ не только ненавидѣлъ нѣмцевъ, но и презиралъ ихъ, и можетъ быть только вслѣдствіе этого послѣдняго

чувства осмѣлился не побояться сильной Германіи и затѣять вторую войну между нею и маленькою Даніею.

Дѣйствительно, Данію нельзя назвать иначе какъ маленькою; все королевство, со включеніемъ спорныхъ герцогствъ, Исландіи, Грелландіи и островов Фарвезъ заключаетъ въ себѣ всего 2,729,000 жителей. Если бы Германія успѣла въ своихъ завоевательныхъ планахъ, то раздробленная Данія исчезла бы съ карты Европы и рано или поздно Германія въ свою очередь потребовала бы неотдѣлимости герцогствъ отъ собственно датскаго королевства и побѣдоносно утвердилась бы въ Копенгагенѣ.—Половина Даніи въ длину занята полуморскимъ населеніемъ, искусными и смѣлыми матросами. На этой полосѣ земли находится портъ Киль, который могъ бы сдѣлаться важнымъ военнымъ портомъ Германіи на Балтійскомъ морѣ. Такъ какъ Киль въ Голштиніи, то Данія могла бы еще уступить его, но чтобы извлечь еще большую выгоду изъ этого пограничнаго города, Германія увидѣла бы для себя необходимость утвердиться въ южной части Шлезвига.

Если вѣрить грамотѣ отъ 30 марта нынѣшняго года, то изъ двухъ спорныхъ герцогствъ, Данія была бы не прочь, принявъ Эйдеръ границею, уступить Голштинію съ 544 т. жителей ея, но въ замѣнъ этого прочно утвердить за собою Шлезвигъ съ его 410 т. жителей. Населеніе Голштиніи — нѣмецкое, и потому права Германіи на эту страну кажутся намъ неоспоримыми. Но въ Шлезвигѣ населеніе смѣшанное по племени и по языку; по показаніямъ нѣмецкихъ статистиковъ, 215 т. изъ этого населенія говорятъ по нѣмецки, 155 т. — по датски, а 40 т. — на томъ и другомъ языкѣ. Какъ тутъ быть?

Въ своихъ требованіяхъ на Шлезвигъ, нѣмцы основываются на трактатѣ, заключенномъ 4 вѣка тому назадъ и объявлявшемъ нераздѣлимость Шлезвига и Голштиніи. Правда, что на основаніи того же самаго трактата, эти два нераздѣлимыя между собою герцогства были присоединены къ датскому королевству вслѣдствіе личнаго союза, не менѣе прочнаго чѣмъ тотъ, который, по мнѣнію нѣмцевъ, существуетъ между Австріею и Венгріею.

Весь вопросъ вертится около тѣхъ трехъ пунктовъ, которые прусскій король выставлялъ на видъ въ своемъ письмѣ отъ 21 марта 1848 г. къ герцогу Аугустенбургскому,—именно: 1) герцогства суть независимыя государства, 2) они тѣсно связаны другъ съ другомъ,

3) въ герцогствахъ право престолонаслѣдія принадлежитъ мужской линіи.

Каждый изъ этихъ пунктовъ подалъ поводъ къ безконечнымъ толкованіямъ со стороны какъ датскихъ, такъ и нѣмецкихъ писателей. Пошли въ ходъ копенгагенскіе архивы, старые, полуизъѣденные червями пергаменты; изслѣдователи выставляли на видъ письмо отъ 5 іюня 1448 г., заключавшее въ себѣ параграфъ, который, какъ утверждали, былъ извлеченъ изъ акта, подписаннаго въ 1326 г. королемъ Вольдемаромъ и формулировалъ неприсоединимость Шлезвига къ Даніи; они сопоставляли договоръ 1860 г. и Coup d'Etat 1721 г., они спорили о томъ, что понимали датскіе короли, когда при восшествіи на престолъ обѣщали не нарушать *привиллегіи* герцогствъ? они то признавали, то отрицали силу грамотъ, которыми Христіанъ VII, въ 1846 г., распространилъ на герцогства порядокъ престолонаслѣдія, принятый въ Даніи и опредѣленный закономъ *lex Regia*. Шуму было много

У послѣдняго короля не было наслѣдниковъ, и порядокъ престолонаслѣдія былъ въ королевствѣ одинъ, въ герцогствахъ другой. Чтобы обезпечить цѣлость монархіи, король Фридрихъ рѣшился установить порядокъ престолонаслѣдія европейскимъ актомъ. Слѣдствіемъ этого рѣшенія было обнародованіе лондонскаго протокола отъ 8 мая 1852 г., въ силу котораго принцъ Христіанъ Глюксбуръ (отецъ принцессы Александры, жены англійскаго принца), былъ по назначенію короля и съ согласія Англіи, Франціи, Россіи, Австріи, Пруссіи, Саксоніи, Гановера и Виртенберга, объявленъ наслѣдникомъ датскаго престола. На эту сдѣлку согласились и всѣ тѣ, которые могли заявить свое притязаніе на датскую корону, а въ числѣ ихъ и герцогъ Аугустенбургскій, отецъ теперешняго претендента. Этотъ послѣдній въ 1848 г. сталъ во главѣ нѣмецкаго возмущенія, но потерпѣлъ пораженіе. Въ 1852 г. отецъ его, въ виду угрожавшаго ему банкротства, продалъ какъ Исавъ право старшинства и уступилъ за семь миллионовъ франковъ всѣ свои права и притязанія на герцогства. Сынъ не отказался отъ денегъ, но требуетъ теперь возвращенія своихъ правъ на герцогства.

Третій претендентъ — герцогъ ангальтъ-шварцбурскій; онъ тоже желаетъ чѣмъ-нибудь поживиться и увѣряетъ, что герцогство Лауэнсбургъ его законная собственность.

Въ довершеніе всѣхъ затрудненій, является Россія, которая при

изъявленіи согласія на трактатъ 1852, формально заявила, что въ случаѣ прекращенія глюксбургской династіи въ герцогствахъ, право престолонаслѣдія переходитъ къ голштинъ-готторпскому дому. Такимъ образомъ, герцоги ангальтскій и аугустбергскій, оспаривая права Глюксбурга, открываютъ дверь наслѣдникамъ голштинъ-готторпскаго дома; нападая на Данію, они рискуютъ можетъ быть подвергнуться нападенію Россіи, и вмѣсто ненавистнаго ему датчанина увидѣть па своемъ сеймѣ русскаго. А этого, конечно, имъ совсѣмъ не хочется.

Что касается до насъ, то мы думаемъ, что этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ общею подачею голосовъ. Но мы затрудняемся рѣшить, въ чью пользу высказалась бы она, если бы къ ней рѣшились прибѣгнуть. Въ Шлезвигѣ, напримѣръ, какъ увѣряютъ насъ, вельможи и богатые граждане принадлежатъ къ нѣмецкой партіи, а поселяне и мелкіе граждане—къ датской; реакціонеры сочувствуютъ германскимъ интересамъ, либералы — напротивъ, но силы ихъ не перевѣшиваютъ другъ друга. Поэтому мы сознаемся въ своей неспособности рѣшить этотъ вопросъ такъ или иначе. Сознаемся также въ полномъ равнодушіи нашемъ къ вопросу о трактатахъ. Нѣмцамъ, утверждающимъ, что трактатъ 1852 г. не имѣетъ силы, потому что онъ слишкомъ новъ, мы бы охотно возразили, что трактаты, заключенные во время короля Вольдемара, задолго до до изобрѣтенія книгопечатанія, реформаціи и открытія Америки, кажутся намъ еще менѣе дѣйствительными, какъ бы они подлинны или не подлинны ни были.

За неимѣніемъ лучшаго, доводы, основанные на преобладаніи того или другаго народа или племени, кажутся намъ превосходными, но мы все-таки не придаемъ имъ рѣшительной цѣны. Для насъ, ставящихъ выше всего права человѣка, національность не есть дѣло грубо-физическое, дѣло воспроизведенія рода человѣческаго въ географическомъ бассейнѣ. Мы смотримъ на нее прежде всего съ нравственной точки зрѣнія, мы олицетворяемъ ее въ видѣ идеи, миссіи, за исполненіе которой берется группа людей, связанныхъ общими интересами. Національность представляетъ собою, да и должна представлять, вопросъ о человѣческой свободѣ, а не о роковомъ прикрѣпленіи къ почвѣ и племени. — Возвращаясь затѣмъ къ запутанному датскому дѣлу, мы находимъ, что какъ съ одной, такъ и съ другой спорющей стороны споръ этотъ подкрѣпляется доводами, ко-

торые сами по себѣ являются оскорбленіемъ нашему времени, цивилизаціи и человѣчеству. Если люди не овцы, которыхъ Вольдемары и Христіаны завѣщаютъ другъ другу, то обращайтесь къ нимъ за совѣтомъ по крайней мѣрѣ въ сомнительныхъ вопросахъ. Положимъ, что права Христіана неоспоримы, положимъ, что права герцога аугустенбургскаго еще болѣе неоспоримы. Отчего же бы въ этомъ спорномъ случаѣ не обратиться за рѣшеніемъ къ народу?

Возвращаемся къ фактамъ. И такъ, герцогъ аугустенбургскій объявилъ себя милостію божіею (?) и соизволеніемъ народа (?) государемъ трехъ герцогствъ: Шлезвига, Лауэнбурга и Голштиніи. Такъ какъ каждый государь имѣетъ право чеканить монету, то этотъ государь началъ тѣмъ, что сдѣлалъ заемъ.

Не успѣлъ онъ объявить о своихъ правахъ, какъ многіе изъ нѣмецкихъ государей поспѣшили телеграфическими депешами признать ихъ; это сдѣлали именно великіе герцоги баденскій и саксенъ-веймарскій, герцоги саксенъ-мейнингенскій и саксенъ-кобургъ-готскій. Г. Робертъ Моль, министръ баденскій, явился въ качествѣ уполномоченнаго отъ голштинскаго герцога при германскомъ сеймѣ, который торжественно принялъ его, выславъ датскаго посланника, что возбудило сильное негодованіе въ Копенгагенѣ. Данія стала совершенно на военную ногу, она выставила на своихъ границахъ 200 пушекъ большаго калибра. Наконецъ все готово, чтобы устремиться въ бой по первому сигналу. Герцогства наполнены датскими войсками; нѣмецкія газеты каждый день извѣщаютъ объ отказахъ чиновниковъ герцогствъ приносить присягу; въ свою очередь, датскія газеты наполняютъ свои столбцы вѣрноподданническими адрессами. Въ Франкфуртѣ ругаются надъ *королемъ — протоколомъ*, въ Стокгольмѣ проклинаютъ *принца—клятвопреступленіе*. Чѣмъ все это кончится?

Наперекоръ Даніи, объявившей, что вступленіе нѣмецкихъ войскъ въ Голштинію она сочтетъ вызовомъ къ войнѣ, National Verein явился бойцемъ за божественное право принца аугустенбургскаго. Онъ послалъ къ нему въ качествѣ депутатовъ г. Фриса и своего президента, графа Беннигсина; принцъ сказалъ имъ: «Въ этомъ дѣлѣ нельзя дѣлать различія между правительствами и народами. Сознаніе своихъ правъ народомъ есть лучшая защита правъ государя. Шлезвигъ-Голштинія долго была подъ гнетомъ; во имя права государей, во имя этихъ правъ государей, я освобожу его, и освобожу скоро, если Богу будетъ угодно!»

Въ тотъ самый день National-Verein издалъ слѣдующій адрессъ: «Къ нынѣшнему народу! Смерть короля датскаго, восшествіе принца аугустенбургскаго на престолъ шлезвигъ-голштинскій, влекутъ за собою важный вопросъ о томъ, захочетъ ли нѣмецкій народъ потерпѣть, чтобы соплеменный ему народъ раздѣлялъ судьбу Альзаса и Лотарингіи? Нѣмецкая провинція Пруссія была нѣкогда подчинена Польшѣ, Померанія находилась подъ владычествомъ Швеціи, рейнскіе Нидерланды (?) присоединились къ Франціи. Мечъ нашихъ предковъ возвратилъ эти страны нѣмецкому отечеству. Теперь надо сдѣлать тоже самое со Шлезвигомъ-Голштиніею.

«Шлезвигъ-Голштинія раздавлена иноземными войсками; ея собственныя силы находятся въ датскихъ островахъ, далеко отъ родимыхъ мѣстъ. Лишенные возможности сопротивляться, наши братья по ту и сю сторону Эльбы все-таки отказались признать навязаннаго имъ государя. Полные довѣрія къ намъ, они ожидаютъ отъ насъ содѣйствія и помощи.

«Мы обращаемся къ вамъ, германскіе государи, чтобы предупредить васъ! Въ качествѣ сыновъ общей отчизны, вспомните тяжкую отвѣтственность, лежащую на васъ, вспомните, что народъ можетъ прощать и забывать многія несправедливости, за исключеніемъ вѣроломной передачи его чести и его свободы чужеземцу! Кто станетъ уважать вашу собственную законную власть, если вы сами уступаете права законнаго германскаго государя иноземному притѣснителю?

«....Суммы, собранныя по подпискѣ на устройство флота и отложенныя въ запасъ National-Verein'омъ, будутъ употреблены смотря по чувствамъ жертвователей теперь, когда дѣло идетъ о защитѣ нашихъ береговъ отъ непріятеля. Но для цѣли, къ которой мы стремимся, нужны гораздо болѣе значительныя средства, — и прежде всего нужны добровольная контрибуція народа и прочная организація. Въ этихъ видахъ *National-Verein* основалъ комитетъ для пособій, который посвятитъ всѣ свои силы этому дѣлу.

«Братья-нѣмцы! Въ вашихъ рѣчахъ и патріотическихъ пѣсняхъ вы не разъ вспоминали о Шлезвигъ-Голштиніи; вы не разъ клялись, что она можетъ разсчитывать на васъ въ рѣшительную минуту. Взрослые и молодые люди изъ вашей среды испытывали свои силы въ гимнастическихъ играхъ и стрѣльбѣ, торжествовали свое брат-

ство на большихъ празднествахъ, посвящали себя священной службѣ отечеству!

«Пусть же теперь ваши дѣла соотвѣтствуютъ словамъ! Иноземецъ насмѣхается надъ нѣмецкою осторожностію; докажите, что эти насмѣшки касаются не васъ, что вы не обращаете вниманія на его угрозы, что когда дѣло идетъ о національной чести, вы не боитесь даже его оружія и его войскъ.»

Подъ покровительствомъ National-Verein'а, въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ составлялись комитеты для образованія волонтерскихъ отрядовъ, которые должны были устремиться въ Голштинію. Графъ Бодиссенъ предложилъ себя въ главнокомандующіе этими войсками.

Германскій Союзъ не принялъ никакихъ обязательствъ въ отношеніи къ Даніи, потому что онъ не былъ въ числѣ подписавшихъ лондонскій протоколъ, куда безъ сомнѣнія его не удостоили пригласить. Это обстоятельство не мѣшаетъ тому, что положеніе его оказывается совершенно смѣшнымъ, благодаря вѣнскому трактату, который, поставивъ его подъ покровительство Европы, связалъ его въ дѣлѣ объявленія внѣшней войны такими формальностями, которыя онъ не имѣлъ бы никакой возможности выполнить въ отношеніи къ Даніи. Съ другой стороны, союзъ не можетъ объявить противъ Даніи федеральную экзекуцію безъ того, чтобы не признать датскаго короля законнымъ властелиномъ герцогствъ, по крайней мѣрѣ на томъ же основаніи, на какомъ герцогу Гессенъ-Кассельскому даютъ полную свободу распоряжаться какъ угодно и оставаться неконституціоннымъ государемъ. Такимъ образомъ, если союзъ объявитъ войну датскому королю какъ чужеземцу, то поступитъ противъ закона; если же онъ вызоветъ его на бой какъ властелина герцогствъ, то признаетъ законность его правъ и тѣмъ только поможетъ ему.

Мелкія государства, участвующія въ союзѣ, хотѣли, чтобы онъ затѣялъ войну за наслѣдство престола въ пользу герцога аугустенбургскаго, но большія государства позволили ему только объявить, но немедленно—федеральную экзекуцію.

Понятно, что въ этомъ кризисѣ всѣ взоры обращены на Пруссію и Австрію—двѣ державы, держащія въ рукахъ германскую конфедерацію. Къ великому изумленію публики и глубокому негодованію партіи National-Verein'а, гг. Бисмаркъ и Рехбергъ объявили почти одинаковое рѣшеніе. Вотъ начало рѣчи, произнесенной въ берлинской палатѣ 1 го декабря:

«Можно сожалѣть о томъ, что лондонскій трактатъ подписанъ; но честь и благоразуміе повелѣваютъ намъ не оставлять ни малѣйшаго сомнѣнія въ нашей вѣрности трактатамъ, и мы утверждаемъ, что это же самое обязательство лежитъ на Даніи.»

Въ прошедшей хроникѣ нашей мы позволили себѣ высказать мысль, что г. Бисмаркъ можетъ быть воспользуется представившимся случаемъ для того, чтобы на спинѣ Даніи помириться съ Пруссіею и Германіею. Берлинскій кабинетъ былъ совсѣмъ другаго мнѣнія. Стоитъ не много вдуматься въ дѣло, чтобы понять, что Пруссія и Австрія вовсе не желали затѣять новую войну за наслѣдство престола,—войну, которая можетъ быть отдала бы во власть Россіи землю между Эльбою и Одеромъ, т. е. одинъ изъ ключей Германіи, или создала бы новое морское и торговое государство съ милліономъ жителей. Австрія отъ этого ничего бы не выиграла, а Пруссіи пришлось бы много потерять.

Иностранная дипломатія желаетъ миролюбивой сдѣлки. Она совѣтуетъ хорошо Христіану отмѣнить конституцію 18 ноября (?). Но все что новый государь могъ сдѣлать до этихъ поръ — это то, что онъ отмѣнилъ грамоту 30-го марта 1863 года. Правда, что новая конституція имѣетъ тоже основаніе, что и эта грамота,—и что слѣдовательно со стороны какъ нѣмцевъ, такъ и датчанъ, нѣтъ ничего кромѣ неясности, непослѣдовательности и противорѣчій. Спрашиваемъ еще разъ, отчего бы не обратиться къ общей подачѣ голосовъ?

Но долой справедливость! долой здравый смыслъ! мы предпочитаемъ имъ случайности битвы, сабли, штыки, огонь, и слышимъ, какъ всѣ сыны философствующей Германіи, охваченные одною горячкою, кричатъ: «Молчи логика! пусть говоритъ пушка!»

Италія хочетъ быть готова къ великимъ событіямъ, которыя могутъ совершаться будущею весною. Ея военный флотъ лучше австрійскаго, въ арміи 300 т. солдатъ готовыхъ къ бою, офицеры молоды и энергичны, солдаты совершенно убѣждены, что они стоятъ выше австрійцевъ.. Половина національной гвардіи можетъ быть мобилизирована, у нея въ рукахъ 700 т. ружей. Это еще не весь милліонъ, который былъ нуженъ для Гарибальди, но почти. Правительство снова вступаетъ въ сношеніе съ знаменитымъ патріотомъ,

который все еще ходитъ на костыляхъ; но его просятъ забыть, что нога его раздроблена королевскою пулею, — и онъ способенъ сдѣлать это.

Носятся смутные слухи о волненіи, которое скоро должно произойти не въ истощенной и голодной Венгріи, но въ Кроаціи.

Судя по корреспонденціямъ изъ Рима, городъ сильно встревоженъ обнародованіемъ показаній одной шпіонки папской полиціи, фамилія которой—Діоталеви. Показанія ея украдены у Коллемази, судьи кавалера Фаусси и потомъ отпечатаны съ комментаріями иждивеніемъ національнаго комитета. Они касаются 200 человѣкъ всевозможныхъ чиновъ и занимавшихъ всевозможныя должности; Діоталеви обвиняла ихъ въ томъ, что они измѣняли папскому правительству, получали отъ Пьемонта деньги, помогали дѣйствіямъ національнаго комитета, входили въ переговоры съ Кавуромъ и Риказоли,—однимъ словомъ, продали себя революціи. Книгу эту разослали всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ. Компрометированные показываютъ видъ, что смѣются, но судъ Консульты (?) призналъ дѣйствительными доносы Діоталеви, пославъ ихъ къ папѣ съ запиской, въ которой было сказано, что на всѣхъ ступеняхъ іерархіи (sic) есть измѣнники.

Или г-жа Діоталеви лжетъ, или она говоритъ правду.

Если она лжетъ, то судъ поступилъ преступно, постановивъ рѣшеніе на основаніе ея показаній и сославъ Фаусси въ каторжную работу на 20 лѣтъ. И не только онъ явился дурнымъ судьямъ, но еще выказалъ въ страшномъ видѣ римское судопроизводство.

Если она сказала правду, — вся папская машина должна скоро обрушиться.

Кромѣ извѣстія объ отказѣ Великобританіи явиться на конгрессъ, предложенный французскимъ императоромъ, — мы не имѣемъ изъ Англіи почти никакихъ извѣстій.

Не слышно ничего новаго о процессѣ, который затѣялъ съ Пальмерстономъ О'Кенъ по поводу уплаты 1,250,000 франковъ, — суммы, въ которую вышереченный О'Кенъ оцѣниваетъ вредъ, при-

чиненный его супружеской чести благороднымъ лордомъ. По словамъ одной газеты, г-жа О'Кенъ интересная брюнетка, маленькая, толстенькая и съ прекрасными глазами. Да, вѣроятно прекрасными, потому что одинъ взглядъ ихъ, въ ту минуту какъ онъ принимаетъ нѣжное выраженіе, оцѣнивается въ 50 т. фунт. стерл.

Японскія дѣла возбудили сильные споры въ журналистикѣ и, какъ видно, проникли даже въ кабинетъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, бомбардировка Кагозимы адмираломъ Куперомъ не прибавила ни капли славы британскому оружію. Англичане доказываютъ, правда, что они удалились съ тріумфомъ, но князь Сатумы доказываетъ съ своей стороны, что побѣду одержалъ онъ, и японцы вѣрятъ этому. Увидѣвъ рѣшительную невозможность, не смотря на свои хваленыя армстронголы пушки, разрушить японскія крѣпости, англичане отмстили за свою слабость тѣмъ, что сожгли Кагозиму, большой торговый городъ, имѣющій 200 т. жителей. Сначала они хвастались этимъ поступкомъ, но когда краснорѣчивый Брайтъ сдѣлалъ это подлое дѣло предметомъ общаго негодованія, — тогда *Morning Post*, органъ правительства, сталъ доказывать, что Кагозиму никогда не бомбардировали. Правда, городъ былъ обращенъ въ кучу пепла, правда, множество несчастныхъ погибло, правда, товары на цѣлые милліоны сдѣлались добычею пламени, — но англичане были не виноваты въ этомъ несчастіи. Всѣ выходили чистыми изъ этого дѣла — и посланникъ, давшій приказаніе бомбардировать, и курьеръ, передавшій его, и адмиралъ исполнившій его. Во всемъ были виноваты только ничѣмъ не оправдаемые вызовы японцевъ, на которые надо же было отвѣчать хоть однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. Но случилось такъ, что въ это время былъ сильный вѣтеръ, мѣшавшій вѣрно направлять выстрѣлы, въ слѣдствіе чего ядра падали въ полверстѣ отъ своей цѣли... Обвиненіе взваливавшееся на англійскихъ офицеровъ, было чистою клеветою, — и чтобы доказать это, министръ поспѣшилъ послать адмиралу Куперу и полковнику Нилю орденъ Бани!

Извѣстія отъ Америки не дурны; все идетъ хорошо на полѣ битвы, въ избирательныхъ собраніяхъ, въ настроеніи народа. Никогда

еще будущность свободныхъ установленій Новаго Свѣта не являлась въ такомъ утѣшительномъ свѣтѣ какъ теперь.

Съ тѣхъ поръ какъ армія......, разбитая на берегахъ Чикамауги, увидя себя въ необходимости укрытся въ стѣнахъ Чаттанвоги, положеніе ея сдѣлалось однимъ изъ самыхъ критическихъ. Около 50 т. человѣкъ столпилось въ узкой долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами. Непріятель ставилъ батареи на всѣхъ сосѣднихъ вершинахъ и бомбардировалъ городъ. На желѣзныхъ дорогахъ, соединявшихъ Чаттанвогу съ Миссисипи, долиною Теннесэй и Нашвилемъ, сообщеніе было или совсѣмъ прекращено или постоянно сопряжено съ опасностью. Мосты, проведенные черезъ рѣку, были разрушены. Подвозъ припасовъ прекратился и въ войскѣ начинаетъ чувствоваться голодъ.

Это еще не все. Чтобы укрѣпиться и имѣть возможность снова принять оборонительное положеніе, надо было удержать сообщенія съ востокомъ, т. е. съ Мессисипи. Армія изъ 30 т. человѣкъ, предводительствуемая генераломъ Шерманомъ, отправилась изъ Мемфаса чтобы соединиться съ войсками расположенными въ Чаттанвогѣ. Въ то же самое время 25 т. конфедератовъ Льюстритта, отчаявшись выжить федералистовъ изъ Чаттанвоги, двинулись усиленнымъ маршемъ къ Кноксвилю съ цѣлью разбить унionистскаго генерала Бернзайда. И тѣ и другіе пришли на мѣсто назначенія въ одно время и была минута когда казалось, что несчастіе постигнетъ какъ армію Бернзайда, такъ и войско Брагга. Но оно обрушилось только на конфедератовъ. Бернзайдъ, предувѣдомленный уже задолго до того, занялъ крѣпкую позицію подлѣ Кноксвиля и держался на ней, между тѣмъ какъ армія Брагга была разсѣяна и бѣжала, оставивъ назади себя тысячи плѣнниковъ и всю свою артиллерію. Теперь побѣдоносные федералисты могутъ легко пойти на Кноксвиль, освободить Бернзайда и безпрекословенно занять восточную часть Теннесея. Тогда цѣлая покатость бывшихъ федеральныхъ штатовъ снова перейдетъ во власть союза; точно тоже сдѣлается и съ центральною мѣстностью, откуда всѣ рѣки стекаютъ къ Огіо, Миссиссипи, Мексиканскому заливу и Антлантическому океану.

Въ другихъ мѣстахъ, не говоря о нескончаемой осадѣ Черльстона, федералисты дѣйствуютъ съ такимъ же успѣхомъ. Генералъ Мидъ взялъ съ бою переходъ черезъ двѣ рѣки—Раппаганокъ и Раладанъ. Онъ приближается къ Ричмонду, такъ что по неволѣ начинаешь ду-

мать, что осада этого города снова начнется. Наконецъ, на крайней южной границѣ страны генералъ Банксъ занялъ устье Ріо-Гранодe и завладѣлъ лѣвымъ берегомъ этой рѣки прежде чѣмъ французы успѣли расположиться на правомъ. Вотъ событіе, не предвѣщающее ничего хорошаго наполеоновской политики и наполеоновскимъ честолюбивымъ мечтамъ. Янки какъ будто хотятъ собственными глазами увидѣть, что происходитъ въ Мексикѣ. Они дерзко идутъ посмотрѣть на новую монархію! (Золотыя грезы о бонапартитской американской имперіи разлетаются дымомъ, и уже самъ сенатъ совѣтуетъ императору заставить Мексику заплатить расходы по экспедиціи и воротить войска во Францію).

Очевидно, что для южной конфедераціи наступаетъ рѣшительный кризисъ. Финансы ея давно уже не существуетъ, потому что бумажныхъ денегъ ея не принимаютъ даже сами конфедераты и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, расположенныхъ въ центрѣ мятежныхъ штатовъ за монетную единицу приняли фунтъ нитокъ. Арміи начинаютъ разстраиваться, что доказала слабость Брагга послѣ его побѣды при Чиккамаугѣ. Кромѣ того, голодъ начинаетъ чувствоваться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ конфедераціи; деревни Виргиніи, опустошенной войною, восточнаго Теннесея, занятаго федералистами, не посылаютъ больше припасовъ въ Ричмондъ; народъ громко требуетъ хлѣба, и Вашингтонское правительство принуждено отправлять въ Ричмондъ подъ парламентскимъ флагомъ провизію для того, чтобы федералисты—плѣнники не умерли съ голоду. Вотъ до чего дошли надменные плантаторы послѣ трехлѣтняго мятежа!

Но самымъ утѣшительнымъ явленіемъ для дѣла сѣвера и свободы служитъ постепенное истребленіе партіи *мѣдноцвѣтныхъ змѣй*, которая желала продолженія рабства и мира съ плантаторами во что бы то ни стало.—Выборы были произведены въ трехъ изъ самыхъ большихъ государствъ республики—Нью-Іоркѣ, Пенсильваніи, Огіо,—и во всѣхъ нихъ, большинство заявило себя въ пользу продолженія войны и всѣхъ ея послѣдствій, пагубныхъ для рабства. Такое же рѣшеніе принято въ Индіанѣ, Іовѣ и въ двухъ государствахъ—Мариландѣ и Делаварѣ, гдѣ еще есть достаточное количество рабовъ. Американская нація составляетъ все болѣе и болѣе тѣсное цѣлое въ виду одинаковой цѣли, и если этотъ союзъ не разрушится, то нѣтъ сомнѣнія, что она восторжествуетъ.

Большой праздникъ въ честь примирені былъ данъ недавно на

Четтисбургскомъ холмѣ, гдѣ погребены 10 т. солдатъ, падшихъ за свободу отечества. Большое кладбище, на которомъ лежатъ они было только-что окончено, и тысячи американцевъ стеклись со всѣхъ сторонъ отдать честь своимъ погибшимъ героямъ. Президентъ Союза сказалъ при этомъ слѣдующія слова:

«Восемдесять семь лѣтъ тому назадъ, наши отцы образовали новую націю, свободную по происхожденію и преданную принципу равенства всѣхъ людей. Теперь мы ведемъ страшную междоусобную войну, чтобы доказать, что такая нація можетъ жить долго. Мѣсто, на которомъ мы сошлись теперь, есть мѣсто отдохновенія тѣхъ, которые пожертвовали жизнью для того, чтобы свободная нація не умирала. Но мы не можемъ освящать эту почву: она освящена уже доблестными людьми, сражавшимися за отечество. Міръ скоро забудетъ наши слова, но не забудетъ ихъ подвиговъ. Мы, живые, пришли сюда, чтобы посвятить себя еще неоконченному дѣлу, для котораго они такъ доблестно трудились... Нѣтъ, эти мертвые не даромъ умерли... Народъ снова возродится для свободы, и правительства, вышедшія изъ народа, живущія народомъ и для народа, не исчезнутъ съ этой земли!»

Жакъ Лефренъ.

АНТИЛЬСКІЕ ОСТРОВА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА— БУДУЩАЯ НЕГРИТЯНСКАЯ ИМПЕРІЯ.

I.

Первые люди были черны—говоритъ одна старая легенда. Однажды три сына Ноя шли по пустынѣ, увидѣли въ отдаленіи воду фонтана и подбѣжали, чтобы выкупаться въ ней. Іафетъ успѣлъ прибѣжать первый и окунулся въ свѣжую воду, совершившую чудо съ его тѣломъ. Станъ его выпрямился, черепъ сдѣлался больше, кожа засверкала бѣлизною, и когда онъ вышелъ изъ воды, братья при-

няли его за полу бога. Но вода въ фонтанѣ быстро уходила и послѣдняя капля исчезла, когда Симъ, страшно запыхавшись, добѣжалъ до берега. Не смотря на это, онъ бросился на влажный песокъ, набралъ его цѣлыя пригоршни и сталъ тереть себѣ тѣло; кожа его сдѣлалась свѣтлѣе, черты лица—красивѣе; но такъ какъ влажность испарялась отъ солнечнаго зноя, то онъ побѣлѣлъ только въ половину. Наконецъ добѣжалъ и Хамъ, весь въ поту; онъ послѣдовалъ примѣру брата, началъ усердно тереть себя пескомъ, но песокъ былъ уже сухъ. Въ отчаяніи онъ сталъ рыть землю ногтями, чтобы отыскать хоть каплю воды, но нашелъ только красный и жгучій песокъ. Братья сочли его проклятымъ богами и сдѣлали изъ него своего раба.

Эта легенда, завѣщанная многими вѣками, еще и теперь выражаетъ собою дѣйствительное положеніе дѣлъ. Іафетъ все продолжаетъ купаться въ волшебномъ фонтанѣ и повидимому совершенно завладѣлъ его водою. Онъ пьетъ сколько душѣ угодно, между тѣмъ какъ бѣднякъ африканскій, братъ его, сидитъ на пескѣ и тщетно старается добыть себѣ каплю воды. Но Іафетъ, какъ будто недовольный своимъ счастіемъ, не переставалъ еще угнетать несчастнаго брата. Въ наши дни, какъ и во время Соломона, корабли ѣздятъ въ Африку за золотомъ, слоновою костью, обезьянами и неграми, и еслибы американскіе плантаторы строили пирамиды, они бы съ гордостью могли начертать на нихъ сцены, изображающія продажу рабовъ, и похожія на тѣ, которыя мы видимъ на египетскихъ памятникахъ.

Рабство, однако, выпало на долю не однихъ черныхъ. Этотъ гнусный фактъ существуетъ подъ различными названіями вездѣ, гдѣ первенствуетъ несправедливость,—но въ примѣненіи къ неграмъ онъ оказывается особенно жестокимъ. Въ другихъ мѣстахъ рабство, вызванное прикрѣпленіемъ къ землѣ и голодомъ, есть несчастіе, гнетущее отдѣльныя личности; въ Африкѣ же оно сдѣлалось наслѣдственнымъ явленіемъ, которое одинъ вѣкъ завѣщаетъ другому, и обрушилось на всю массу населенія; слово негръ служитъ почти синонимомъ слова рабъ. Цвѣтъ его кожи отмѣчаетъ его какъ товаръ, и страна, въ которой онъ живетъ, до сихъ поръ служитъ необходимымъ мѣстомъ охоты на людей. Не останавливаясь на различныхъ формахъ рабства, обратимъ все вниманіе на самую чудовищную, на рабство африканцевъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ

въ конфедеральныхъ штатахъ, въ Бразиліи, на Антильскихъ островахъ какъ испанскихъ, такъ и голландскихъ.

Торгъ неграми, производящійся уже цѣлые вѣка народами Европы и Азіи, начался въ Америкѣ въ 1500 г., и уже десять лѣтъ послѣ того, на островѣ Санъ-Доминго было такое множество африканцевъ, что губернаторъ Обандо, боясь за безопастность колоніи, умолялъ испанскаго короля положить конецъ этой эксплуатаціи. Всѣ морскіе народы—испанцы, португальцы, голландцы, французы, одинъ за другимъ принимали участіе въ торговлѣ неграми, но коммерческій геній англичанъ скоро отдалъ въ ихъ руки почти исключительную монополію торговли человѣческимъ мясомъ. Въ продолженіи двухъ столѣтій они упражнялись въ искусствѣ брать въ плѣнъ негровъ и распоряжаться ими. Когда торговля неграми была оффиціально уничтожена, тогда она на самомъ дѣлѣ приняла еще болѣе жестокій характеръ вслѣдствіе свирѣпыхъ предосторожностей, которыя торговцы должны были принимать для того, чтобы не попадаться въ руки крейсеровъ. За каждымъ прогрессомъ въ общей цивилизаціи слѣдовалъ прогрессъ только, въ обратномъ смыслѣ, въ торговлѣ этимъ товаромъ, который называютъ *чернымъ деревомъ*. По мѣрѣ того какъ идея человѣческаго братства распространялась по свѣту, торгъ неграми становился все ужаснѣе и ужаснѣе.

Число людей, оторванныхъ отъ родины въ три послѣднія столѣтія и перевезенныхъ въ американскія колоніи, опредѣляютъ въ 50 милліоновъ. Число это должно быть принято на вѣру, потому что до французской революціи, опустошеніе береговъ Гвинеи и похищеніе негровъ цѣлыми тысячами были слишкомъ неважными для того, чтобы высокородная наука-статистика стала заниматься ими. Послѣ революціи, торговцы начали совершать свои преступленія въ тайнѣ. Поэтому никто никогда не узнаетъ, сколько живыхъ людей они побросали въ море, чтобы избѣгнуть преслѣдованія крейсеровъ. Какъ бы то ни было, но теперь въ обѣихъ Америкахъ считается едвали пятнадцать милліоновъ негровъ или мулатовъ,—число весьма незначительное по сравненію съ числомъ негровъ, привезенныхъ туда изъ Африки. Плантаторамъ были совершенно безполезны дѣти и женщины, и торговцы неграми, строго держащіеся правила о равновѣсіи предложенія и требованія, привозили имъ только здоровыхъ мужчинъ, которые умирали, не оставляя послѣ себя дѣтей. Изъ этихъ 15 милліоновъ негровъ, силою превращенныхъ въ аме-

риканцевъ, 8 милліоновъ находились еще въ рабствѣ при началѣ междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, и одни конфедеральные штаты имѣли у себя половину этой арміи рабовъ.

Участь негровъ одинаково плачевна почти во всѣхъ колоніяхъ, и было бы лишнимъ трудомъ стараться ввести какую нибудь классификацію въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Чтобы найти постыдное оправданіе преступленія въ самомъ преступленіи, многіе не разъ утверждали, что плантаторы испанскіе, французскіе, бразильскіе поступали съ рабами человѣчнѣе, чѣмъ ихъ англо-саксонскіе собратья по ремеслу. Это отличіе слишкомъ тонкое для того, чтобы не возбуждать къ себѣ презрѣнія. Вездѣ, гдѣ человѣкъ продается и покупается какъ вещь, вездѣ гдѣ рабъ гарантированъ отъ произвола своего господина только своею стоимостью, опредѣленною крупною и мелкою монетою,—неизбѣжны постоянный произволъ, долгія мученія, страшныя драмы. Если рабовладѣлецъ-человѣкъ подлый, онъ станетъ наслаждаться мученіями безсильной жертвы своей. Если онъ человѣкъ хорошій, онъ сдѣлаетъ изъ своей живой собственности средство удовлетворенія своимъ порокамъ. Національность тутъ ничего не значитъ, къ какому бы племени человѣкъ ни принадлежалъ; страсти его, если онѣ не подчинены никакому контролю, всегда приводятъ къ одинаково гнустнымъ результатамъ.

Но мы не имѣемъ здѣсь намѣренія возбуждать состраданіе къ участи негровъ разсказомъ о страшныхъ мученіяхъ, увы! слишкомъ часто постигающихъ ихъ; обыкновенная судьба раба достаточно ужасна для того, чтобы было безполезно цитировать факты исключительнаго варварства. Изслѣдованіе самой мягкой формы рабства уже хорошо покажетъ всю гнусность этого учрежденія.

Войдемъ въ семейство одного изъ тѣхъ уважаемыхъ плантаторовъ, которые серьезно считаютъ себя патріархами,—одного изъ тѣхъ людей относительно добрыхъ, которые имѣли несчастіе родиться рабовладѣльцами и которые, не смотря на нравственную испорченность, порожденную въ нихъ этимъ положеніемъ, остались честными и готовыми дѣлать то, что они называютъ добромъ. Допустимъ, что они дѣлаютъ своихъ рабовъ матеріально счастливыми на столько, на сколько это возможно, что они не обременяютъ ихъ работою, щедро снабжаютъ одеждою и съѣстными припасами, позволяютъ имъ каждое воскресенье танцовать подъ звуки тамбурина, ухаживаютъ за ними во время болѣзни, посылаютъ даже своихъ женъ и дочерей

освѣдомляться о здоровьѣ негритенковъ. Что-же окажется! Окажется, что эта форма рабства, повидимому до такой степени мягкая, одна изъ опаснѣйшихъ формъ, потому что негръ, поставленный въ такое положеніе, пріучается дорожить своимъ рабствомъ и доходитъ до того, что наслаждается своимъ униженіемъ. Какъ будто не довольствуясь тѣмъ, что ему нельзя располагать своимъ тѣломъ, онъ продаетъ и свою душу, онъ становится преданнымъ рабомъ, тогда какъ тѣ изъ его братьевъ, которые подвергаются жестокому обращенію, спасаются по крайней мѣрѣ отъ безусловнаго рабства тѣмъ, что воля ихъ протестуетъ противъ ихъ ужаснаго положенія. Такимъ образомъ, негру суждено одно изъ двухъ: или испытывать вѣчныя мученія, постоянно поддерживающія въ немъ желаніе свободы, или грубо довольствоваться своею участью, терять свое *я*, заживо хоронить себя.

Въ чемъ же состоитъ счастіе негра, въ которомъ благодѣянія его хозяина поселяютъ благодарность, равную благодарности вѣрной собаки?—Онъ родился въ *лагерѣ*, т. е. группѣ болѣе или менѣе дрянныхъ избушекъ, отдѣленныхъ отъ барскаго дома широкимъ дворомъ и высокою оградою. Все дѣтство онъ провелъ въ томъ, что гулялъ на заднемъ дворѣ съ животными, или, если его лицо имѣло счастіе понравиться барину, былъ приставленъ къ барскому сыну, не перестававшему мучить его. Каждую минуту маленькій деспотъ ругался надъ нимъ, а онъ долженъ былъ улыбаться; его били, а онъ не сопротивлялся; въ его присутствіи насмѣхались надъ его отцемъ и матерью, а онъ слушалъ и не говорилъ ни слова. Такою-то цѣною онъ покупалъ право презирать другихъ негритенковъ, которымъ было запрещено и входить на хозяйскій дворъ. Какъ только силы его немного укрѣпились, онъ началъ работать то у себя дома, подъ хлыстомъ хозяина, то на полѣ, подъ бичемъ надзирателя. Въ минуты отдыха онъ долженъ приготовить для себя кушанье или играть, если ему это позволено. Но Боже упаси! если замѣтятъ, что онъ вздумалъ чертить на пескѣ буквы или читать по складамъ,—Боже упаси! потому что какъ бы добръ ни былъ хозяинъ, онъ всегда заставитъ уважать законъ, который объявляетъ обученіе раба преступленіемъ. Рабовладѣлецъ, который рѣшился бы нарушить предписанія закона, былъ бы наказанъ какъ измѣнникъ общему дѣлу. Въ силу закона, африканецъ осужденъ на невѣжество. Въ силу закона, онъ—плѣнникъ въ плантаціи и не можетъ выйти оттуда безъ

паспорта. Законнымъ образомъ негръ существуетъ только для того, чтобы нести казнь. Его показанія не имѣютъ никакой силы въ судныхъ дѣлахъ, у него нѣтъ ни одного права, которое бѣлый былъ бы обязанъ уважать, первый встрѣчный бьетъ или оскорбляетъ его какъ ему угодно. Мало того, онъ не имѣетъ права самъ вступать въ бракъ, господинъ его можетъ дать ему жену или отнять ее, смотря по своему желанію. Даже его дѣти не принадлежатъ ему: если онъ любитъ ихъ, такъ это его добрая воля, потому что плантаторъ очень легко можетъ подарить ихъ другому. Такимъ образомъ, все счастіе негра только отрицательное и состоитъ въ томъ, что его не мучатъ. По теоріи, рабъ есть существо мертвое, на практикѣ только его руки имѣютъ привилегію оставаться живыми.

Но допустимъ, что негръ удовлетворенъ своимъ животнымъ состояніемъ: другой думаетъ за него, другой распоряжается за него, у него нѣтъ ни одной заботы какъ нравственной, такъ и умственной, онъ пользуется нѣкоторыми грубыми наслажденіями, въ лицѣ своего хозяина онъ покланяется богу-мстителю или даже богу-благодѣтелю. Увы! это гнусное блаженство вдругъ омрачается. Плантаторъ умираетъ или разоряется. Кредиторы или наслѣдники набрасываются на имѣніе. Негра отрываютъ отъ родимаго мѣста, разлучаютъ съ товарищами, братьями, дѣтьми, женою, которую онъ осмѣливался называть своею; его отвозятъ на рынокъ, гдѣ любители ощупываютъ его, считаютъ зубы, осматриваютъ языкъ, послѣ чего его выводятъ на возвышеніе и продаютъ съ молотка. Если при этомъ онъ чувствуетъ грусть, если перемѣна мѣста заставила его похудѣть, если онъ плачетъ при мысли о своемъ семействѣ и своей отчизнѣ, или—что считается еще большимъ преступленіемъ,—бросаетъ на своего новаго господина мрачные взгляды,—о, значитъ онъ дурной негръ, невыгодный товаръ. Но если онъ остается свѣжимъ и бодрымъ, если отъ кнута и маиса онъ толстѣетъ, если онъ съ удовольствіемъ выказываетъ свои здоровые мускусы и бѣлые зубы,—о, въ такомъ случаѣ это отличный негръ, товаръ перваго сорта! И пусть не думаютъ, что эти отборные негры рѣдки. Благодаря брачнымъ союзамъ, которые съ большою разсудительностью устраиваются воспитателями человѣческаго стада, благодаря въ особенности чувству униженія, переходящему отъ отца къ сыну,—плантаторы успѣли образовать специальную породу полевыхъ негровъ, подобно тому какъ наши земледѣльцы образовали двѣ породы быковъ, употребляемыхъ въ пищу и

для полевыхъ работъ. Не имѣя нужды въ томъ, чтобы ихъ живыя машины имѣли что нибудь кромѣ мускуловъ, желая пріобрѣсть себѣ людей здоровыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенныхъ всякого понятія о чести, они подавили въ своихъ рабахъ то, что остается у послѣдняго изъ людей: совѣсть и надежду, —по крайней мѣрѣ кажется, что они почти успѣли въ этомъ. Когда множество христіанъ было въ плѣну въ Марокко, англійскій консуль Дюпюи, жившій въ Могародѣ, говорилъ объ этихъ несчастныхъ людяхъ: «Тѣ, которые долго томятся въ рабствѣ, теряютъ наконецъ умъ и чувство. Они становятся ровнодушны ко всему, они отвратительно пресмыкаются, всѣми способностями ихъ овладѣваетъ какая-то тупая неподвижность. Смотря на нихъ кажется, что страданія и увѣренность въ невозможности найти защиту разрушили въ нихъ все, даже способность надѣяться!» Этотъ переходъ въ животное состояніе доказывается даже анатомическими изслѣдованіями. Мортонъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи Crania Americana, показалъ, что черепы негровъ, рожденныхъ въ Африкѣ, имѣютъ среднюю величину, превосходящую на 47 кубическихъ центиметровъ величину череповъ американскихъ рабовъ, Такимъ образомъ, не смотря на удивительную противоположность между цивилизацеію Соединенныхъ Штатовъ и варварствомъ негровъ, живущихъ въ большихъ лѣсахъ Гвинеи, африканцы, которыхъ перевозятъ въ Америку, мало-по-малу дѣлаются тупѣе въ умственномъ отношеніи и черепы ихъ уменьшаются въ объемѣ. Рука хозяина опустилась на ихъ голову и сдѣлала ее похожею на голову обезьяны. Какое торжество для плантаторовъ! И въ тоже самое время какое возраженіе тѣмъ, которые хотѣли-бы отдалить эмансипацію негровъ подъ тѣмъ предлогомъ, что не будучи достаточно выучены, они не съумѣютъ справиться сами съ собою. «Надо прежде образовать негровъ, а потомъ уже освободить ихъ!» —повторяютъ эти люди наперерывъ другъ передъ другомъ, притворяясь въ незнаніи того, что рабство порождаетъ только развращеніе нравовъ, и что только свобода можетъ научить умѣнью пользоваться свободою.

Въ былое время, англосаксонскіе плантаторы оправдывали рабство негровъ только тѣмъ, что это фактъ совершившійся и что оно есть дѣло матеріальнаго интереса. Во время разгара ихъ революціонной войнѣ они начали даже составлять эманципаціонныя общества и просили только кратковременной отсрочки для уничтоженія бича, завѣщаннаго имъ предками. Отсрочка эта была дана имъ; но извѣстно,

какъ они воспользовались ею, какъ изъ скромныхъ и незаносчивыхъ людей они сдѣлались надменными властелинами американской республики. Подъ разными гуманными предлогами они до 1808 г. не прекращали торговли неграми. Сдѣлавшись болѣе смѣлыми, они колонизировами своими рабами Луизіану, Арканзасъ, Миссури. Они купили Флориду, чтобы населить ее неграми. Нѣсколько времени спустя, ловко пробравшись въ мексиканскую республику, гдѣ рабство было уничтожено, они заняли тамъ обширныя мѣстности и возстановили на нихъ проклятое учрежденіе. Наконецъ они добились права перевозить своихъ рабовъ во всѣ свободныя государства, и съ этихъ поръ могли предписывать законы. На конгрессѣ, каждая битва, въ которую они вступали съ своими противниками, оканчивалась для нихъ блистательною побѣдой. Въ 1848 г. жители сѣвера, взволнованные европейскими событіями, попробовали было протестовать и составили общество Tree Soiler-, т. е. гражданъ свободной земли,—но реакція 1850 г. скоро сокрушила ихъ. Въ это-то время одинъ изъ ораторовъ рабской партіи кинулъ въ лице сѣверу слѣдующее кровавое оскорбленіе: «Мы всегда будемъ смирять васъ съ помощью не нашихъ негровъ, а вашихъ собственныхъ бѣлыхъ рабовъ. Мы знаемъ, какъ далеко поступать. Мы уже опрокинули васъ, и еще много разъ будемъ топтать васъ ногами. Мы припремъ васъ къ стѣнѣ и пригвоздимъ васъ къ ней, какъ какія нибудь фальшивыя монеты!» Люди сѣвера отвѣтили наконецъ на эти оскорбленія. Они взяли Новый Орлеанъ, метрополію рабства, а теперь бомбардируютъ Чарлстонъ, средоточіе рабской партіи.

Но возвращаемся къ нашему разсказу. Благодаря шестидесяти годамъ побѣдъ и борьбы, и языкъ, и теорія плантаторовъ измѣнились. Сначала они приводили въ свое оправданіе совершившійся фактъ, потомъ начали выставлять на видъ священныя права собственности, наконецъ прибѣгли къ исторіи и снисходительной анатоміи, стали на этихъ научныхъ основаніяхъ доказывать безусловное превосходство бѣлого племени надъ черныхъ. Они начали доказывать, что рабство необходимо для счастія раба, начали писать идиліи и эклоги, предметомъ которыхъ служила счастливая участь негровъ, ввѣренныхъ попечительности надзирателя. А такъ какъ аболиціонисти утверждали, что тѣло и душа человѣка не можетъ быть чужою собственностью, что мнимое или дѣйствительное превосходство бѣлыхъ надъ черными только налагаетъ на первыхъ болѣе обширныя обязанности,—а ихъ противники, чтобы разомъ положить предѣлъ этимъ

неблагопріятнымъ доводамъ, пустили въ ходъ свое божественное право. Съ этихъ поръ они перестали оправдываться и сдѣлали изъ рабства догматъ. Католики, евреи, протестанты—всѣ поспѣшили помѣстить этотъ догматъ въ число догматовъ своей религіи. По мнѣнію этихъ учителей, рабство африканскаго племени было установлено Іеговою; это Онъ покрылъ чернымъ цвѣтомъ кожу негра, Онъ, скоро послѣ сотворенія міра, заклеймилъ потомство Хама и до сихъ поръ не снимаетъ съ него своего проклятія. Это онъ сдѣлалъ ихъ слугами другихъ, заранѣе осудилъ ихъ носить оковы, «терпѣть удары кнута, жить въ презрѣнной нищетѣ,—и кто возстаетъ противъ всѣхъ этихъ вещей, посланныхъ свыше, тотъ является бунтовщикомъ противъ провидѣнія. Рабство, точно тоже такъ ковчегъ завѣта евреевъ, убиваетъ каждаго, кто осмѣливается поднять на него руку. Послѣдователи новаго догмата сознаются теперь, что они богохульствовали когда въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ провозглашали равенство всѣхъ людей. Теперь они смотрятъ на неравенство и рабство большинства какъ на единственное ручательство за сохраненіе свободы. Подобно тѣмъ средневѣковымъ архитекторамъ, которые первый камень своей постройки ставили на ребенкѣ, котораго они раздавливали,—эти новые учители объявляютъ, что изъ милліоновъ своихъ негровъ сдѣлаютъ основаніе будущей своей имперіи. Логическіе до самого конца, они намѣрены также требовать рабства бѣлыхъ людей изъ бѣднаго класса, и одинъ изъ ихъ корифеевъ воскликнулъ однажды при рукоплесканіяхъ всѣхъ слушателей: «Еслибъ моя собственная мать была раба, а бы счелъ преступленіемъ освободить ее, потому что рабство—святое дѣло!»

Теперь когда междоусобная война уже два года свирѣпствуетъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ и опустошаетъ ихъ,—когда несчетныя тысячи труповъ усѣяли полѣ битвы, на которыхъ свободные люди дрались съ владѣльцами рабовъ, — когда по дѣвственнымъ лѣсамъ Америки пронесся отголосокъ кликовъ: «смерть рабству!» — теперь уже не трудно предсказать исходъ патріархальнаго учрежденія. Но если бы даже мы не ждали съ минуты на минуту извѣстія о рѣшительномъ ударѣ, то не задумались бы утверждать, что рано или поздно человѣческая совѣсть восторжествовала бы надъ преступленіемъ! Рано или поздно рабство перестало бы существовать въ Бразиліи и на испанскихъ Антильскихъ островахъ точно также какъ въ американской республикѣ.

II.

Однакожъ, не слѣдуетъ думать, что эра братской любви немедленно откроется для племенъ, нѣкогда враждебныхъ другъ другу. Вѣковая ненависть между сосѣдними и соплеменными народами прекращается только послѣ вѣковой борьбы; каково же она должна быть прочна между такими несходными между собою племенами, каковы африканцы и англо-американцы! Притомъ же прошедшее не забывается такъ скоро; преступникъ не легко прощаетъ своей жертвѣ. Если негръ, счастливый свободой, которую ему возвратятъ люди сѣвера, изгонитъ изъ своего сердца жажду мщенія, что болѣе чѣмъ вѣроятно, — то прежній хозяинъ, у котораго вырвутъ изъ рукъ бичъ, перестанетъ ли вслѣдствіе этого ненавидѣть свою прежнюю жертву?

Вѣроятно, въ преобразованной республикѣ будетъ введено раздѣленіе труда. Вѣроятно негры спеціально займутся нѣкоторыми отраслями земледѣлія или промышленными и домашними работами. Но прежде чѣмъ раздѣленіе труда осуществится, будетъ ли американскій работникъ терпѣть подлѣ себя раба, котораго онъ прежде презиралъ и который теперь появился на рынкѣ свободнаго труда, готовясь можетъ быть понизить заработную плату? — Какъ бы то ни было, англо-американцы, чрезмѣрно гордые быстрыми успѣхами своими въ матеріальной цивилизаціи, не имѣютъ еще той симпатической нѣжности къ другимъ народамъ, которая есть главный признакъ высокаго нравственнаго развитія. Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что американская нація заслуживаетъ, чтобы ее любили и уважали. Настоящая война, предпринятая въ видахъ цѣлости союза, сдѣлалась войною за свободу, войну въ пользу угнетеннаго. Мы удивляемся этому неустрашимому народу, который идетъ впередъ съ такою изумительною смѣлостью, скашиваетъ дѣвственные лѣса, какъ мы — траву на полѣ, строитъ каменные и мраморные города въ степяхъ, только что покинутыхъ буйволами, въ теченіе десяти лѣтъ оканчиваетъ такія работы, какія на нашемъ старомъ материкѣ медленно совершены шестидесятью поколѣніями. Но въ то же самое время мы не можемъ не сравнивать этихъ лихорадочно-дѣятельныхъ, энергическихъ людей съ тѣми страшными локомотивами, которые они пускаютъ по своимъ желѣзнымъ дорогамъ. Вооруженные спереди огром-

нымъ треугольнымъ остріемъ, эти локомотивы несутся черезъ лѣса, луга, воздѣланныя поля, и если пасущіяся стада не успѣютъ свернуть съ дороги, неумолимая коса разрѣзываетъ ихъ на куски и разбрасываетъ трупы вправо и влѣво. Почти точно также энергическіе піонеры американской цивилизаціи поступаютъ въ отношеніи къ туземцамъ. Въ первыя времена колонизаціи, бѣлые завладѣвали землею вооруженною силою и обращали въ рабство индійцевъ, взятыхъ въ плѣнъ во время битвы; но такъ какъ благородные сыны лѣсовъ были готовы лучше умереть, чѣмъ работать на другого, — то бѣлые поняли, что ихъ рабство слишкомъ обременительно и начали довольствоваться тѣмъ, что истребляли ихъ. Имъ предпочитали плѣнниковъ, присланныхъ изъ Англіи, побѣжденныхъ изъ Куллодена, Дембара и Ирландіи; имъ предпочитали особенно наивныхъ нѣмцевъ, купленныхъ въ ихъ княжествахъ и высаженныхъ на берега Пенсильваніи и Виргиніи. Потомъ пришла очередь негровъ, которыхъ боязливая покорность не оставляла желать почти ничего больше и цвѣтъ которыхъ избавлялъ ихъ владѣльцевъ отъ всякаго угрызенія совѣсти. Но охота на индійцевъ все-таки продолжалась: ихъ травили въ родныхъ лѣсахъ, ихъ оттѣсняли за Огіо, у нихъ отымали обширные луга и ссылали на востокъ отъ Миссисипи; теперь ихъ вытѣсняютъ изъ Сьерры-Невады и Скалистыхъ горъ. Піонеръ продолжаетъ обращать въ пустыню мѣста, по которымъ онъ проходитъ, и въ одно и то же время убиваетъ дикаго звѣря и туземца. Съ каждымъ годомъ, между тѣмъ какъ американское населеніе страшно увеличивается, число туземцевъ, погибающихъ отъ оспы и водки, значительно уменьшается, и можно почти опредѣлить день, когда самое это племя исчезнетъ и оставитъ послѣ себя только нѣсколько разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ личностей. Одни индѣйскія семейства, высланныя въ восточныя пустыни, принуждены теперь существовать войною и грабежами, и черезъ это дѣлаютъ еще болѣе неизбѣжнымъ свое окончательное истребленіе; другія, расположенныя на землѣ, великодушно отведенной имъ Соединенными Штатами, увлеклись примѣромъ пограничныхъ государствъ; ихъ воины умѣютъ читать и писать, но въ то же время они до того роскошничаютъ, что заставляютъ негровъ-рабовъ обработывать ихъ земли, и такимъ образомъ пріучаются презирать трудъ, который одинъ бы могъ спасти ихъ, и медленно погибаютъ жертвами порокомъ мнимой цивилизаціи. Куда дѣвались Массачужетсы, мудрые въ совѣтѣ, Али-

бамоны, мужественные въ битвѣ, Делавары, Илинойцы и тѣ многочисленныя семейства, которыя населяли луга живописной Индіаны? Они безмолвно умерли и не нашли, подобно могиканамъ, своего Фенимора Купера, который разсказалъ бы міру жизнь послѣдняго изъ ихъ предводителей. Я до сихъ поръ еще помню глубокое волненіе, испытанное мною при посѣщеніи на берегахъ Миссисипи лагеря, не задолго до того покинутаго остаткомъ племени Хумасовъ. Тропинки уже заросли травою, но самое мѣсто, на которомъ былъ расположенъ лагерь, было еще обнажено и на немъ росли только двѣ три ліаны. Камышъ служившій индѣйцамъ постелью, былъ разбросанъ въ безпорядкѣ. Вокругъ тѣснились высокія деревья. Могильная тишина царствовала въ этомъ уединенномъ мѣстѣ и я вздрагивалъ при трескѣ сухихъ вѣтвей подъ моими ногами. Что сталось съ послѣдними изъ Хумасовъ? Куда укрылись жалкіе потомки гордаго племени, оставивъ это убѣжище, такъ хорошо выбранное и однако же находившееся въ такомъ близкомъ разстояніи отъ деревни бѣлыхъ? Никто не справлялся объ этомъ. Знали только, что многіе изъ нихъ были похоронены въ сосѣднемъ рву и видѣли, какъ нѣсколько исхудалыхъ женщинъ въ рубищѣ пробрались въ лѣсъ и направились къ востоку.

И если ужь индѣйцы, которыхъ англо-американцы считали людьми благородной крови, были вытѣснены изъ мѣстъ своего жительства,—то какимъ образомъ негры, одно прикосновеніе которыхъ считалось позорнымъ, могутъ надѣяться, что имъ можно будетъ спокойно колонизировать американскіе штаты рядомъ съ ихъ прежними владѣльцами? Результаты настоящей войны повидимому доказываютъ намъ, что это возможно; во всякомъ случаѣ усилія сдѣланныя нѣкогда свободными государствами сѣвера для того, чтобы избавиться отъ своихъ вольноотпущенныхъ, которыхъ они отправили съ этою цѣлью на африканскій берегъ для основанія новыхъ колоній, могутъ быть признаны, совершенно безплодными. Теперь пришлось бы переселять не тысячи, а милліоны людей. Негры рожденные въ Америкѣ не знаютъ отчизны своихъ предковъ; подъ вліяніемъ другаго климата, ихъ тѣлесный организмъ, ихъ образъ жизни, даже ихъ черты измѣнились; они узнали такія умственыя и нравственныя потребности, о которыхъ прежде не имѣли понятія; они сдѣлались гражданами Новаго Свѣта и возвращеніе въ Африку для нихъ равнялось бы изгнанію. Нѣкоторые изъ нихъ, правда, съ радостью отправляются въ либе-

рійскую республику, но большинство желаетъ оставаться въ странѣ, въ которую ихъ привезли торговцы неграми. Ужь если ихъ оторвали отъ родины и перевезли въ Америку, то пусть ихъ предоставятъ по крайней мѣрѣ пользоваться выгодами своего несчастія! Пусть они останутся на старомъ мѣстѣ какъ улики двухъ преступленій: торговли неграми и рабства! Пусть они останутся особенно потому, что они имѣютъ право наслаждаться свободою тамъ, гдѣ они такъ долго ходили въ оковахъ! Пусть они останутся, чтобъ сдѣлаться людьми на той самой землѣ, которую они обработывали какъ животныя!

III.

Но если къ счастію невозможно снова переселить посредствомъ торговли въ лѣса Гвинеи американскихъ негровъ,—если прежніе рабы, получивъ свободу, сдѣлались теперь навсегда гражданами Новаго Свѣта,—то нѣтъ сомнѣнія, что они мало по малу переселятся въ теплыя страны и сдѣлаютъ ихъ средоточіемъ своей новой національности. Уже невозможность бороться съ свободнымъ трудомъ заставляла плантаторовъ Мариланда и Виргиніи продавать своихъ рабовъ на южныхъ рынкахъ, а вслѣдствіе войны цѣлыя толпы плантаторовъ бѣжали, гоня передъ собою свою двуногую скотину. За этой насильственной эмиграціей черныхъ должна необходимо послѣдовать эмиграція добровольная, которая также направится къ югу. Мнимая неуживчивость бѣлаго и чернаго племени, зависть бѣлыхъ работниковъ къ чернымъ, закоренѣлость предразсудковъ, которые невозможно истребить и которыя часто смѣшаны съ религіозными понятіями,—все это будетъ способствовать къ тому, что негры устремятся въ южныя страны; въ то же самое время, огромная выгода, которая будетъ состоять для нихъ въ томъ, что на югѣ они найдутъ болѣе плотное населеніе изъ своихъ братьевъ; потомъ примѣчательная сила, заключающаяся для нихъ въ республикѣ Гаити и англійскихъ Антильскихъ островахъ, на которыхъ живутъ негры свободные и собственники; наконецъ чисто матеріальная потребность погрѣться на солнцѣ — все это подѣйствуетъ какъ химическія силы, сплачивающія между собою частицы одного тѣла, и мало по малу размѣститъ массу цвѣтнаго населенія на Антильскихъ островахъ и

на берегахъ Мексиканскаго залива и Караибскаго моря. Съ другой стороны экватора эмиграція движется противуположнымъ путемъ. Выгнанные конкурренціею свободныхъ работниковъ, бразильскіе плантаторы оставляютъ съ своими неграми умѣренный климатъ и идутъ селиться въ провинціяхъ тропическаго пояса. Такимъ образомъ черное населеніе скопляется въ жаркихъ странахъ Новаго Свѣта и средоточіемъ, къ которому оно стремится, служатъ Антильскіе острова. Сгруппированные въ числѣ десяти милліоновъ на берегахъ и на островахъ этого прекраснаго моря, катящаго свои воды между двумя Америками, они уже носятъ въ себѣ элементы будущаго народа. Конечно, чувство общей симпатіи не соединитъ ихъ въ одно цѣлое уже въ первомъ поколѣніи. Различіе въ религіи, правахъ, языкѣ, національное соперничество, завѣщанное имъ прежними хозяевами ихъ— французами, испанцами, англичанами, американцами, горькое презрѣніе, которое негры, сдѣлавшіеся свободными уже давно, будутъ питать на первыхъ порахъ къ своимъ только что освободившимся братьямъ—все это затруднитъ слитіе и будетъ часто подавать поводъ къ опасностямъ; то это слитіе должно во чтобы то ни стало осуществиться. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что какъ только негры и цвѣтное населеніе Америки составятъ одинъ народъ, они сдѣлаются серьезными дѣятелями въ исторіи человѣчества.

IV.

Если справедливо, что дѣятельность народа обусловливается географическимъ положеніемъ мѣста его жительства,—а справедливость этого замѣчанія потверждается примѣромъ Греціи, Италіи, Франціи, Англіи, Германіи, — но несомнѣнно, что историческая роль, которую суждено играть американскимъ неграмъ, имѣетъ необыкновенно важное значеніе. На сколько прежняя отчизна черныхъ, эта тяжелая континентальная масса, носящая названіе Африки, неспособна понять и развивать цивилизованную націю, — на столько Антильскіе острова, расположенные гирляндой вокругъ Караибскаго моря, какъ будто созданы для народа энергическаго, счастливаго, полнаго жизни. Знойная Африка — страна суровая, безъ заливовъ, безъ губъ, безъ полуострововъ. Берега ея покрыты болотами и влажными лѣсами, рѣки ея, запруженныя скалами, имѣютъ не глу-

бокія устья и русла; европейскую цивилизацію не пропускаетъ въ нее двойная застава: Атласъ и Сагара. Напротивъ того, Антильскіе острова, расположенные въ видѣ двойной цѣпи съ правильными звеньями, они образуютъ при входѣ въ Караибское море круглый перешеекъ, перерѣзанный въ разныхъ мѣстахъ широкими проходами, въ которыхъ течетъ постоянно свѣжая вода. За ними идутъ большіе Антильскіе острова съ ихъ высокими горами, легко доступными долинами, удивительными равнинами. Дальше къ востоку море замыкается продолговатымъ перешейкомъ, имѣющимъ около тысячи миль въ длину и соединяющимся съ превосходными равнинами, пользующимися въ серединѣ тропиковъ умѣреннымъ климатомъ Европы. Эти-то прелестныя мѣстности становятся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе исключительною собственностью смѣшанныхъ племенъ, и по этой-то будущей сценѣ великихъ политическихъ и соціальныхъ событій мы совершимъ быстрое путешествіе съ нашими читателями.

V.

Не возможно выразить словами то состояніе блаженства и нѣги, которое овладѣваетъ европейцемъ, когда онъ въ самомъ разгарѣ зимы оставитъ морозы и снѣга своего отечества и очутится посреди Антильскихъ острововъ и услышитъ теплое и ласкающее вѣяніе тропическаго воздуха. Въ счастливомъ климатѣ Антильскихъ острововъ какъ будто чувствуешь себя освобожденнымъ отъ тѣхъ матеріальныхъ препятствій, которыя стѣсняютъ наши движенія въ Европѣ, каковы напр. сопротивленіе атмосферы, жесткость температуры, что-то рѣзкое и враждебное въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ. На Антильскихъ островахъ теплота воздуха почти не превосходитъ теплоты тѣла и какъ будто погружаетъ его въ благоухающую ванну. Вамъ кажется, что весь организмъ вашъ вотъ-вотъ расплывется въ этой упоительной природѣ; а тутъ еще вѣтерокъ увеличиваетъ ваше блаженство, потому что своимъ, всегда ровнымъ и гармоническимъ, дыханіемъ, онъ постоянно очищаетъ и освѣжаетъ атмосферу.

Неудивительно, что въ этой мѣстности, въ которой самое дыханіе доставляетъ вамъ физическое наслажденіе, вы чувствуете въ себѣ расположеніе восхищаться и удивляться. Притомъ же, это море такъ

помогаетъ вашему настроенію прелестью и разнообразіемъ своихъ картинъ! Около корабля, шумно вспѣнивающаго воду, проходитъ безчисленное множество трехцвѣтныхъ галеръ, развѣвающихъ свои бѣлые и розовые паруса и вскидывающихъ свои голубыя весла; миріады летучихъ рыбъ прыгаютъ съ волны на волну; въ сторонѣ тянутся необозримые зеленые луга. Большія птицы устремляются сверху съ быстротою молніи и схватываютъ рыбу, которая приманила ихъ своей серебристой чешуею.

Если наклониться къ водѣ и всмотрѣться въ тѣнь отъ лодки, въ которой ѣдешь, то можно увидѣть не только поверхность моря, но и дно его. Сначала вы видите только смутныя, неопредѣленныя линіи, но скоро начинаете мало по малу различать всевозможныхъ рыбъ и животныхъ, похожихъ на распускающуюся ленту, на самое тонкое кружево, на цвѣты, на звѣзды. По временамъ акула всплескиваетъ хвостомъ и спугиваетъ безмятежно плавающихъ рыбъ. Въ этой прозрачной водѣ передъ вами происходятъ страшныя убійства, происходитъ волненіе, похожее на то, которое производятъ инфузоріи въ капелькѣ уксуса. Часто вы видите и самое дно моря съ его поростами, животными, подводными скалами, и видите такъ ясно, какъ будто вашъ корабль касается ихъ. Подлѣ берега Санъ-Доминго я различалъ дно на 26 метровъ, 80 футовъ глубины.

Такъ ночи за днями, а дни за ночами проходятъ въ созерцаніи прелестнѣйшихъ картинъ, повергающихъ въ вѣчное упоеніе любителя природы. Днемъ вы наслаждаетесь видомъ этого живого и великолѣпно освѣщеннаго моря, ночью ваши впечатлѣнія мало-помалу разрѣшаются сномъ, исполненнымъ сладкой нѣги.

Мы плывемъ вдоль береговъ Порто-Рико, подлѣ Санъ Доминго, проходимъ у подошвы горъ Жаккменя, Кайескихъ и мыса Тибурона, огибаемъ островокъ Навазе, на которомъ сѣверные американцы водрузили нѣсколько лѣтъ тому назадъ свое знамя, и подъѣзжаемъ къ Ямайкѣ.

Корабль, увлекаемый теченіемъ, плавно скользитъ по гладкой поверхности рѣки и передъ вами, въ видѣ необъятной панорамы, медленно развертывается великолѣпная картина береговъ. Около берега пироги негровъ быстро несутся по водѣ, а тутъ и тамъ красуются корабли, похожіе на бабочекъ, усѣвшихся на цвѣточномъ листѣ на берегу пруда. По берегу тянутся поля тростниковаго сахара, усѣянныя селеньями и полузакрытыя дымомъ, выходящимъ

изъ фабрикъ. Надъ берегомъ—покатости, покрытыя лѣсами, потомъ другая цѣпь холмовъ, перерѣзанныхъ желтоватыми корнями, потомъ высокія горы, на которыя воздухъ накинулъ свой лазурный плащъ. За одною великолѣпною картиной слѣдуетъ другая, еще великолѣпнѣе. А ко всему этому присоединяются еще спокойствіе, тишина, сдержанная сила земли и моря... Природа тропиковъ кажется и понимаетъ свою красоту. Гордая и надменная, она не хочетъ знать своихъ поклонниковъ и довольствуется сама собою. Она не кокетничаетъ какъ природа умѣренныхъ климатовъ, въ ней нѣтъ ничего нѣжнаго, фамильярнаго, интимнаго. Можетъ быть, потому-то ее любятъ такою сильною любовью — любовью безнадежной, страстью вѣчно неудовлетворенной!

Продолжая такимъ образомъ наше путешествіе, мы въ нѣсколько дней достигаемъ другой стороны антильскаго моря, именно берега Колумбіи,—и передъ нами развертывается удивительнѣйшая панорама горъ. Облитая ослѣпительнымъ свѣтомъ, Сьерра-Невада ставитъ одна на другую свои вершины, совершенно не сходя между собою. Внизу, вдоль заливовъ, образующихъ полукругъ, тянется лѣсъ, настоящій тропическій лѣсъ, до того непроницаемый, до того густой, что сами деревья какъ будто исчезли подъ зеленью. За этимъ лѣсомъ, въ которомъ вся зелень сливается въ одну плотную массу, идутъ другіе лѣса, гдѣ деревья уже яснѣе отдѣляются другъ отъ друга. Дальше—пастбище и суровыя скалы, а еще выше—ледники и снѣга, сверкающіе при свѣтѣ солнца. Снизу вы видите всѣ эти поясы, всѣ эти климаты, расположенные одинъ выше другаго; вы разомъ видите всю природу этой страны со всѣми ея оттѣнками,—такъ отлоги эти горы отъ уровня моря до самой вершины, подымающейся на 6 т. метровъ въ вышину. Ни въ одной странѣ свѣта такія высокія горы не идутъ вверхъ такъ смѣло и ровно отъ самой поверхности моря; волканы Сандвичевыхъ острововъ, Оризока и др., которыя точно также подымаются надъ моремъ, далеко не такъ высоки и не до такой степени украшены всѣмъ богатствомъ растительности.

Вдоль гренадскихъ береговъ, на западной оконечности Караибскаго моря, поселено на довольно ограниченномъ пространствѣ какъ бы résumé племенъ, населяющихъ всѣ антильскіе берега. Тутъ старыя испанскія общины, индійскія семейства, негритянскія республики, одинъ молодой англо-саксонскій городъ и наконецъ ометисы.

Начнемъ съ царицы Индіи, древней Картагены, теперь сдѣлавшейся столицею штата Больвара. Когда вы обогнули мысъ, городъ этотъ является передъ вами во всей своей красотѣ, окруженный кокосовыми деревьями и расположенный у подошвы зеленаго холма. Пожелтѣвшія башни высокихъ зданій видны изъ за длиннаго ряда стѣнъ. Издали вамъ кажется, что вы приближаетесь къ городу дворцовъ, богатому и торговому городу; но по мѣрѣ того какъ вы подходите, великолѣпные памятники превращаются въ развалины. Въ стоячей водѣ гавани гніютъ остатки кораблей, сквозь окна большихъ домовъ съ проломанными крышами видно самое небо; монастыри, церкви, дворцы полуразрушены; башни готовы каждую минуту обвалиться. Среди этихъ развалинъ, сами люди кажутся развалинами: на улицахъ видны только больные, слѣпые, горбатые, хромые, зачумленные; всѣ болѣзни какъ будто назначили здѣсь другъ другу свиданіе, чтобы общими усиліями быстро истребить это древнее племя побѣдителей, которое чванится своимъ происхожденіемъ отъ благороднѣйшихъ испанскихъ гидальго; они постоянно толкуютъ о чистотѣ своей крови и умираютъ отъ заразы. Какъ видно, нельзя быть тираномъ безъ того, чтобы не понести наказанія за свои насилія. Въ продолженіе трехъ столѣтій испанскіе побѣдители гнали и притѣсняли индійцевъ. Они истребили милліоны туземцевъ оружіемъ или кнутомъ, и въ Новой Гренадѣ путнику указываютъ еще теперь на долины, гдѣ бѣлѣютъ груды скелетовъ. Потомъ явились инквизиторы, поддерживавшіе кострами чистоту вѣры, и сожгли тѣхъ, которыхъ пощадила сѣкира палача. Но сами бѣлые, упоенные своею тираніей, скоро послѣ побѣды обратились въ стадо рабовъ; деморализація сдѣлалась страшная, и теперь этотъ упадокъ еще продолжается, не смотря на сорокъ лѣтъ политической свободы. Когда гаснетъ свѣтильникъ жизни нравственной, тогда потухаетъ и свѣтильникъ жизни матеріальной, и чтобы снова возжечь его, нужны усилія многихъ годовъ. Три вѣка преступленій не могутъ открыть дорогу къ благосостоянію; поэтому въ дѣлѣ цивилизаціи Антильскихъ острововъ и центральной Америки мы возлагаемъ мало надежды на прямыхъ потомковъ древнихъ испанскихъ побѣдителей. Отправимся къ другому народу, чтобы увидѣть, чего мы можемъ ожидать отъ него.

Достаточно перейти одинъ рукавъ моря, чтобы очутиться посреди индѣйцевъ, потомковъ прежнихъ жертвъ. Скрывшись въ непроницаемые лѣса, защищенные болотами и лихорадками, они могли спастись отъ ярости первыхъ испанскихъ завоевателей и теперь спокойно живутъ на берегу Даріенскаго перешейка и на островахъ Санъ Бласъ, разбросанныхъ въ огромномъ количествѣ по поверхности моря. Издали, эти острова были бы не замѣтны, если бы ихъ не окружали высокія кокосовыя деревья. Здѣсь и тамъ видны крыши изъ пальмовыхъ листьевъ, наложенныя но четыре столба; подъ этого рода хижины индѣянка занимается хозяйствомъ или варитъ кушанье, дѣти плещутся въ водѣ или валяются на пескѣ, между тѣмъ какъ самъ индѣецъ садится въ пирогу и везетъ на продажу раковины или кокосовые орѣхи. Съ виду онъ счастливъ и спокоенъ, но онъ робокъ и дрожитъ, когда предлагаетъ свой товаръ чужеземцу. Индѣецъ боится европейца, испанца съ другого берега, негра; онъ не смѣетъ ходить подлѣ городовъ, онъ страшится сосѣдства всякой новой колоніи. По преданію и по инстинкту онъ знаетъ, что краснаго человѣка могутъ обидѣть всѣ другіе племена. Можетъ быть онъ узналъ, что изъ милліоновъ караибовъ, нѣкогда населявшихъ острова, уцѣлѣло нѣсколько десятковъ человѣкъ. Онъ потерялъ довѣріе къ самому себѣ. Онъ чувствуетъ, что лишился своей отчизны и сдѣлался чужимъ на землѣ и на морѣ своихъ предковъ. Такимъ образомъ и этотъ робкій потомокъ индѣйцевъ, точно также какъ униженный потомокъ побѣдителей, не носитъ въ себѣ элементовъ, необходимыхъ для возрожденія этой части свѣта. Онъ самъ оставляетъ себя, оставимъ и мы его.

Наконецъ, мы пріѣзжаемъ въ Колонъ, составляющій оконечность желѣзной дороги перешейка. Подлѣ длинной плотины, заставленной товарами, стоитъ пароходъ изъ Нью-Іорка; онъ привезъ тысячи пассажировъ, отправляющихся искать счастія въ Калифорнію; нѣсколько фрегатовъ стоятъ въ гавани; паралельно съ селеніемъ, идетъ рядъ деревянныхъ домовъ, украшенныхъ, точно китайская улица, флагами всевозможныхъ видовъ и цвѣтовъ; вокругъ тянутся вонючія болота, морской рукавъ, запруженный грязью и наконецъ непроницаемый лѣсъ. На улицахъ происходятъ самыя безпорядочныя

сцены: животныя валяются въ кучѣ сора и падали, на которую жадными глазами смотрятъ коршуны, сидящіе на крышахъ домовъ; обезьяны, привязанныя у дверей, съ визгомъ мечутся во всѣ стороны; голыя дѣти катаются въ пыли и грязи; игроки сидятъ за столами, пьютъ и обмѣниваются криками и ругательствами. Посреди этой сумятицы проходятъ люди тощіе, истомленные болотистыми горячками, но поддерживаемые болѣе могущественною горячкою — гнусною жаждою золота; зловѣщіе и страшные по наружности, они только и думаютъ что объ игрѣ, только и желаютъ, что обогатиться на этой зачумленной почвѣ.

Американцы, французы, англичане, собравшіеся въ этомъ городѣ, доказываютъ своими костюмами, квартирами, образомъ жизни, что они только равнодушные и временные гости въ этой богатой и роскошной природѣ Антильскихъ острововъ. Одѣтые какъ въ Нью-Іоркѣ, они построили свои дома по образцу тѣхъ, которые строятся на лугахъ востока и Канады. Они пьютъ алкоголь, они пожираютъ мясо, какъ въ то время, когда они жили въ холодномъ климатѣ сѣвера, они даже не умѣютъ пользоваться богатствами, которыя расточаетъ имъ щедрая земля, пріютившая ихъ; живя въ сосѣдствѣ великолѣпнѣйшихъ лѣсовъ, они выписываютъ изъ Новой Англіи и Канады доски для постройки своихъ домовъ; имѣя подлѣ себя безгранично-плодородную землю, они питаются только хлѣбомъ и соленьями, которые присылаются къ нимъ изъ Нью-Іорка, да корнями и рисомъ, привозимымъ неграми Антильскихъ острововъ. Но одно обстоятельство особенно доказываетъ, что эти англо-саксоны и эти европейцы здѣсь не дома, и живутъ несогласно съ окружающею ихъ природою; они почти всѣ холостяки и остаются здѣсь только до тѣхъ поръ, пока умрутъ или составятъ себѣ состояніе; семейная жизнь еще не установилась въ колоніи, благотворное вліяніе женщины не смягчаетъ нравственности этихъ поклонниковъ Маммона. Конечно, не этимъ людямъ суждено преобразовать эти мѣстности и сдѣлать изъ нихъ земной рай, приспособленный къ потребностямъ человѣка; вѣчно полные грязной жажды золота, они, по моему мнѣнію, съ точки зрѣнія нравственной очень немногимъ отличаются отъ пиратовъ, плававшихъ нѣкогда по водамъ Антильскихъ острововъ.

Сознаемся, что нельзя не подивиться дѣятельности, которую сѣверные американцы, поселившіеся на перешейкѣ, выказываютъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Они съумѣли выстроить городъ на бо-

лотистой почвѣ, на которой индѣйцы съ трудомъ рѣшались возводить хижины. Они провели панамскую желѣзную дорогу черезъ рѣки, лѣса и болота. Благодаря имъ, Атлантическій и Тихій океаны будутъ соединены двумя другими линіями, и когда каналъ для соединенія двухъ морей, о которомъ такъ много говорили даже воФранціи и который служилъ предметомъ столькихъ проектовъ, будетъ, наконецъ, проведенъ, то нѣтъ сомнѣнія, что честь и этого сооруженія выпадетъ на долю этихъ неутомимыхъ піонеровъ матеріальной цивилизаціи. Но намъ мало дѣла до того, будетъ ли сѣверный материкъ отдѣленъ каналомъ отъ южнаго, намъ мало дѣла до того, что мѣдь изъ Чили и шерсть изъ Австраліи будутъ приходить въ Англію черезъ Панамскій перешеекъ, превращенный въ проливъ, — для насъ все это не важно, если американецъ будетъ по прежнему презирать негра, если индѣецъ будетъ по прежнему убѣгать въ лѣса какъ спуганный козленокъ, если эта страна, созданная для того, чтобы сдѣлаться торговымъ складомъ произведеній всей земли, не перестанетъ быть театромъ племенной ненависти, если бѣлые вѣрные завѣщаніямъ первыхъ испанскихъ завоевателей, а потомъ рабовладѣльцевъ, будутъ по прежнему требовать права исключительнаго господства! Свобода торговли для насъ не такъ важна, какъ братское примиреніе людей!

VI.

Не далеко отъ Колона, напримѣръ въ Шагрѣ и на гористомъ островкѣ С. Андре, недавно основаны колоніи совсѣмъ иного рода. Тутъ негры и цвѣтные люди, собравшіеся изъ всѣхъ пунктовъ Антильскихъ островов, проводятъ жизнь пріятно, въ полнѣйшей независимости, подъ тѣнью высокихъ деревьевъ. Для удовлетворенія своимъ нуждамъ, они воздѣлываютъ около своихъ хижинъ банановыя деревья и огородныя растенія, и по окончаніи трудовъ съ пѣснями качаются на висячихъ сѣткахъ. Когда имъ вздумается постранствовать по свѣту, они садятся на первый встрѣчный корабль и отправляются на сѣверъ или на югъ. Всегда счастливые, никогда не мстительные, соотечественники всѣхъ людей, африканцы по роду, американцы по мѣсту рожденія, космополиты по привычкамъ и симпатіямъ, они чувствуютъ себя какъ дома на всѣхъ берегахъ Антиль

скихъ острововъ. На дѣлѣ они считаютъ себя настоящими властелинами этихъ островов, гдѣ число ихъ въ десять разъ превосходитъ число бѣлыхъ; какъ будто по справедливому наказанію судьбы, плантаторы видятъ, что ихъ мѣста заступаютъ прежніе ихъ рабы; истребленіе краснокожихъ принесло пользу только чернокожимъ, вывезеннымъ изъ Африки. Когда неизбѣжная эманципація рабовъ Кубы осуществится, преобладаніе цвѣтнаго племени на Антильскихъ островахъ будетъ несомнѣнно, и обширная негритянская республика соединитъ сѣверную Америку съ южною.

На высокихъ равнинахъ Колумбіи живетъ энергическое и гордое племя, которое любитъ трудъ и которое, по нашему мнѣнію, соединяетъ въ себѣ всѣ элементы необходимые для образованія народа достойнаго его удивительной страны. Это племя состоитъ изъ индѣйцевъ, смѣшавшихся въ послѣднія триста лѣтъ съ потомками древнихъ испанскихъ побѣдителей и древнихъ черныхъ рабовъ. Въ наше время они составляютъ колумбійскій народъ. Конечно, если было племя, казавшееся осужденнымъ на смерть, то это было племя индійское. Испанцы страшно избивали его, самое имя ихъ почти исчезло на всѣхъ Антильскихъ островахъ, и вдругъ оно снова появляется, но уже не смиренное и покорное, но побѣдоносное и полное вѣры въ самого себя. Ихъ общины еще слишкомъ разсѣяны для того, чтобы оказывать ложное вліяніе на судьбы человѣчества, но онѣ насчитываютъ уже въ своей средѣ милліоны людей и могутъ похвалиться благородной исторіею борьбы и побѣдъ. Во время своей войны за независимость, длившейся 20 лѣтъ, отъ 1810 до 1830 г., и скано-индѣйцы доказали кротость и неразрушимость своей національности. Большая часть этихъ американскимъ революцій была прежде всего воскресеніемъ убитыхъ національностей. Это инкасы выходили изъ своихъ могилъ и требовали у Пизарро и Корнеса возмездія за три вѣка рабства.

Насколько эти народы пользовавшіеся такимъ презрѣніемъ, насколько эти цвѣтные люди, населяющіе Антильскіе острова и центральную Америку, въ особенности метисы, живущіе на высокихъ равнинахъ Колумбіи, превосходятъ въ нравственномъ отношеніи этихъ бѣлыхъ искателей приключеній, думавшихъ, что міръ созданъ только для нихъ и успѣвшихъ однако только истребить туземцевъ безъ всякой пользы для самихъ себя! Счастливая натура, симпатическій умъ, беззаботность, семейный духъ и въ особенности огромная вы-

года, заключающаяся для нихъ въ томъ, что они живутъ такъ сказать къ пловучей отчизнѣ и чувствуютъ себя какъ дома на всѣхъ островахъ и на всѣхъ берегахъ тропиковъ, — дѣлаютъ негровъ однимъ изъ самыхъ гуманныхъ и самыхъ способныхъ для воспринятія прогресса племенъ. Они может быть слишкомъ подвижны, но эта подвижность уравновѣшивается силою сопротивленія и прочностью смѣшанныхъ племенъ Колумбіи. На этотъ-то народъ мы возлагаемъ большія надежды въ дѣлѣ практическаго слитія всѣхъ племенъ, нѣкогда враждебныхъ другъ другу, въ одинъ великій народъ. Потомки краснокожихъ, африканцевъ, черкесовъ, эти люди германически соединяютъ въ себѣ самыя разнообразныя качества: понятливость, кротость, нравственную силу. Это соединеніе племенъ, сдѣлавшееся уже совершившимся фактомъ, развѣ не есть умственный прогрессъ, далеко превосходящій прогрессъ матеріальный, который долженъ наступить вслѣдствіе пробитія Панамскаго перешейка? Англо-саксонцамъ предстоитъ честь открыть проходъ для кораблей, испано-американцамъ — совершить примиреніе народовъ!

Владѣтели острововъ этого моря, раздѣляющаго двѣ Америки, черные, уже вслѣдствіе географическаго положенія ихъ будущей имперіи, являются будущими посредниками между американцами сѣвера и колумбійцами юга, — націями, которыя до сихъ поръ представляли контрастъ повидимому непримиримый.

Съ одной стороны — смѣлые англо-саксонцы, бѣшено подвигающіеся впередъ по пути матеріальнаго прогресса и не останавливающіеся ни на минуту, чтобы поднять отставшихъ товарищей; съ другой — испано-американцы, которые могутъ гордиться тѣмъ, что давно уже уничтожили рабство и положили предѣлъ истребленію туземцевъ. А кто же можетъ претендовать на честь примиренія довольно враждебныхъ другъ другу населеній двухъ материковъ, — какъ не цвѣтной человѣкъ, который, вслѣдствіе слитія племенъ, сдѣлался братомъ колумбійца и станетъ воспитанникомъ того самого американца, у котораго онъ былъ рабомъ? Когда черный возвысится вслѣдствіе свободнаго труда, когда воспоминаніе о его рабствѣ совершенно исчезнетъ, когда его симпатическая наивность, кротость, удивительная сила сопротивленія и много другихъ качествъ, закрытыхъ рабствомъ, обнаружатся съ возвращеніемъ свободы, тогда конечно онъ больше чѣмъ кто-нибудь другой будетъ способенъ исполнить дѣло примиренія, — дѣло, возлагаемое на него географическою

необходимостью. Уже и теперь многимъ испано-колумбійцамъ можно бы брать примѣръ съ этихъ американскихъ негровъ, которые, едва утвердившись на островѣ Гаити, горячо принялись за сѣяніе хлопка, проложеніе дорогъ, устройство школъ; а что касается до американцевъ сѣвера, то я достаточно уважаю ихъ для того, чтобы быть убѣжденнымъ, что когда-нибудь они не откажутся поучиться братской любви у своихъ прежнихъ жертвъ. Исполняя такимъ образомъ обязанности посредниковъ и примирителей, вольноотпущенные негры благородно отомстятъ сынамъ тѣхъ испанцевъ, которые были первыми основателями торга неграми, и тѣмъ американцамъ, которые до сихъ поръ еще не признаютъ рабства преступленіемъ. Впрочемъ, миссія, которую можно предсказать неграмъ Америки,—та же самая, которую они исполняютъ уже теперь на берегахъ Гвинеи! Десять тысячъ колонистовъ Либеріи сдѣлали можетъ быть больше, чѣмъ всѣ бѣлые народы вмѣстѣ для дѣйствительнаго прогресса Африки и пріобщенія ея жителей къ цивилизаціи новаго времени.

Наше мнѣніе о будущемъ значеніи негровъ въ развитіи человѣчества покажется можетъ быть преувеличеннымъ, потому что мы воображаемъ себѣ, что только бѣлое племя должно играть роль въ исторіи. Но мы горды не въ мѣру. Въ самомъ дѣлѣ, что такое были наши предки? Если вѣрить Цицерону, они были тупѣйшіе изъ всѣхъ людей. Но если даже это несправедливо, то надо сознаться, что они отличались жестокостью. Еще двадцать столѣтій тому назадъ, Галлы разбивали головы у своихъ военноплѣнниковъ. Во времена не столько отдаленныя крестоносцы превращали въ пустыню богатую страну альбигойцевъ; бургонцы дѣлали изъ Франціи необозримую бойню; набожные люди купались въ крови, празднуя день добраго Св. Варфоломея! А если мы доказываемъ наше превосходство надъ неграми, если мы обвиняемъ въ безсиліи негровъ и туземцевъ,—то вѣроятно мы воспользовались открытіемъ Новаго Свѣта для того, чтобы доказать благородство нашего рода? Да, мы начали съ того, что принялись за избіеніе индѣйцевъ, которые встрѣтили насъ какъ полу-боговъ; мы уничтожили цивилизацію инкасовъ, мексиканцевъ, миркасовъ; мы истребили цѣлые народы; мы набросили на жалкіе остатки туземцевъ красный плащъ священной инквизиціи; потомъ, когда отъ индѣйскаго племени не осталось почти никакихъ слѣдовъ, начался африканскій торгъ неграми. Вотъ какія наши права на уваженіе негровъ и туземцевъ! Вотъ

что доставляетъ имъ безспорное превосходство въ умственномъ и нравственномъ отношенiи! Правда, что мы оказываемъ постоянное научное попеченiе слѣдамъ народовъ, исчезнувшихъ со сцены мiра. Перуанскiя мумiи занимаютъ въ нашихъ музеяхъ самое почетное мѣсто; не лучше ли было бы сохранить самый народъ.

Дѣло разрушенiя, совершенное бѣлыми въ Америкѣ, одно изъ страшнѣйшихъ дѣлъ, совершенныхъ людьми; но къ счастiю оно не достигнуло своей цѣли, что доказываетъ въ наше время примѣръ испано колумбическихъ республикъ. Въ нихъ, какъ и Антильскихъ островахъ, мирныхъ индѣйцевъ посылали на смертельныя работы въ рудникахъ, бѣжавшихъ отдавали на растерзанiе собакамъ, упитаннымъ человѣческимъ мясомъ; тѣхъ, которые осмѣливались призывать на помощь своихъ старыхъ боговъ, жгли и жарили на кострахъ. И однакожъ, не смотря на всѣ эти попытки истребленiя, индѣйцы, осужденные на смерть, выходятъ изъ берлогъ не какъ спуганные звѣри, но какъ люди, проникнутые чувствомъ собственнаго достоинства; на потомковъ своихъ преслѣдователей они не смотрятъ уже какъ на страшныхъ боговъ, но соглашаются назвать ихъ братьями; съ прежними своими господами—бѣлыми и прежними товарищами—черными они образуютъ новое племя, которое не уступаетъ никакому другому въ умственномъ отношенiи. Правда, что они не совсѣмъ еще освобождались отъ невѣжества и фанатизма, завѣщанныхъ имъ священною инквизицiею для того, чтобы дѣло разрѣшенiя, начатое ею, продолжалось и послѣ нея; правда, что быстрое смѣшенiе племенъ и проникновенiе европейскихъ идей производитъ въ нихъ извѣстнаго рода броженiе, совершающеся во время всякаго химическаго процесса; но несомнѣнно то, что населенiе этихъ общинъ, составленныхъ изъ индѣйцевъ, негровъ, креолевъ и ихъ метисовъ постоянно увеличивается, что торговля и образованiе съ каждымъ днемъ развиваются въ нихъ, и что рано или поздно онѣ станутъ въ ряду могущественныхъ государствъ.

Что касается до насъ, то мы вѣримъ въ солидарность нацiй и племенъ. Нельзя повредить малѣйшей изъ нихъ безъ того, чтобы всѣ не начали страдать въ то же время; малѣйшая несправедливость, совершенная въ какомъ бы то ни было уголкѣ мiра, нарушаетъ нравственную гармонiю всей вселенной. Что же должно происходитъ, когда миллiонъ людей бьютъ, заковываютъ въ цѣпи, обращаютъ въ какихъ-то дикихъ животныхъ. Конечно, эти бѣдные

черные, влачащіяся въ оковахъ съ плантанціи на плантацію, и орошающіе своимъ потомъ землю отдаленныхъ полей, кажутся намъ совсѣмъ не страшными. Послѣ болѣе или менѣе долговременной жизни они жалко умираютъ гдѣ нибудь на полѣ и кости ихъ лежатъ непохороненными на травѣ саваннъ. Необозримое море отдѣляетъ насъ отъ нихъ. А между тѣмъ, эти люди, безмолвно согнувшіеся подъ кнутомъ, эти негры, которые погибаютъ неоплакиваемые никѣмъ,—умѣютъ поражать насъ своимъ мщеніемъ. Ихъ униженіе сообщается намъ, воздухъ которымъ они дышали, переносится черезъ моря и заражаетъ наши души, и всѣ свободные люди впадаютъ въ косвенное рабство. Значитъ, великъ будетъ тотъ день, въ который цѣпи ихъ упадутъ наконецъ и всѣ они сдѣлаются людьми съ тѣмъ же счастіемъ и тѣми же стремленіями, которыя выпали на нашу долю. Всѣ племена равно необходимы другъ другу; онѣ дополняютъ другъ друга какъ лучи призмы, какъ звуки голоса и составляютъ гармонію только тогда, когда онѣ соединены въ одно цѣлое. Вопросъ о происхожденіи племенъ долго служилъ и еще долго будетъ служить спорнымъ вопросомъ; но отвѣтъ, который даетъ наука не можетъ ни сплотить, ни разбить узы соединяющія насъ съ нашими братьями всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ климатовъ. Происходятъ ли люди отъ одного семейства, или отъ многихъ различныхъ корней,—они все таки соединены между собою и общая обязанность ихъ имѣть одно общее пониманіе справедливости и свободы! Пусть позади нихъ будетъ прошедшее, полное ненависти и порядка,—все это ничего, если они хоть когда-нибудь соединятся и составятъ одно счастливое и свободное человѣчество!

Э. Реклю.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Что мы сдѣлали въ 1863 году и какія наши надежды на 1864-ый?—Истинный критеріумъ для оцѣнки современныхъ цивилизацій.—Ихъ гальваническая позолота и внутренняя пустота.—Значеніе собственности и капитала въ современномъ движеніи европейскихъ обществъ.—Успѣхи нашей народной грамотности за прошлый годъ.—Странствующіе педагоги и переливаніе изъ пустого въ порожнее этими господами.—Г. Золотовъ и его „Изслѣдованіе грамотности по деревнямъ“.—Почему крестьянинъ не вѣритъ въ нашу педагогическую заботливость о немъ и боится всякихъ нововведеній?—Можно ли обвинять его въ неспособности къ умственному развитію?—Когда наступитъ для народа эпоха сознательнаго образованія?—Лучшее средство въ настоящее время для распространенія знаній въ народѣ—сближеніе его съ болѣе образованными классами и улучшеніе образованія этихъ послѣднихъ.—Потребность реформы въ самой системѣ нашего образованія.—Отсталость и безполезность нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній.—Давно чувствуется недостатокъ въ университетахъ и популярныхъ книгахъ.—Невѣжественная книжная торговля и негодность книжекъ, предназначаемыхъ для народа.—Непріятная исторія, случившаяся съ государственнымъ банкомъ. — Выкупныя операціи въ Западномъ краѣ. — Увеличеніе акциза съ вина и спирта. — Предположенія о новыхъ налогахъ съ недвижимыхъ имуществъ.—Проэктъ о преобразованіи столичныхъ полицейскихъ учрежденій.—Значеніе и кругъ дѣятельности будущихъ полицейскихъ судей.—Составъ судебно-полицейской власти и денежные оклады на содержаніе ея.

«Когда ложишься спать, совѣтовалъ одинъ изъ древнихъ мудрецовъ, то вспоминай о томъ, что сдѣлалъ впродолженіи дня». 1863 годъ, прожитый нами, собирается заснуть глубокимъ и вѣчнымъ сномъ, и потому не мѣшаетъ ему освѣжить свою память воспоминаніемъ о его прошлой дѣятельности и оцѣнить ея достоинство. Что мы сдѣлали и какіе результаты нашихъ дѣлъ за 1863 годъ? Съ какимъ грузомъ на совѣсти и съ какими надеждами на будущее мы приступаемъ къ новому году? Что остается за нами и что предвидится хорошаго впереди насъ? Насколько прибавили мы къ своему прогрессу, который, къ сожалѣнію, всегда отличался тѣмъ, что, сдѣлавъ шагъ впередъ, спѣшилъ сдѣлать нѣсколько назадъ? Всѣ эти ночныя размышленія намъ полезны не потому, чтобы можно было извлечь изъ нихъ какія нибудь назидательныя истины. Что прошло, того не воротишь; исторія не повторяетъ себя и мы можемъ быть

увѣрены, что завтрашній день не будетъ походить на вчерашній. Правда, бываетъ полнѣйшее сходство не только между отдѣльными днями, но и цѣлыми эпохами, но это возможно только тамъ, гдѣ прекращается всякая жизнь, гдѣ разложеніе и смерть все сравниваютъ до неопредѣленной математической величины, выражаемой нулемъ. Нули всѣ похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды, какъ ученые мужи Москвы на ученыхъ мужей Петербурга. Исторіи нѣтъ никакого дѣла до нулей, и мы намѣрены говорить здѣсь не о современной пустотѣ, а о живомъ и дѣйствительномъ русскомъ обществѣ, которое, какъ извѣстно переживаетъ свой отроческій періодъ и слѣдовательно растетъ не по днямъ, а по часамъ. Да, мы растемъ шибко, но для чего и для кого растемъ — это остается для насъ такой же неопредѣленной величиной, какъ нуль. Но если мы растемъ, — значитъ у насъ есть своего рода исторія и слѣдовательно воспоминанія. Да, есть, и какія еще! Но обращаться къ нимъ за наставленіями и совѣтами рѣшительно нѣтъ никакой надобности, во первыхъ потому, что воспоминанія ничему не учатъ, а во-вторыхъ потому, что отъ нашихъ воспоминаній по большей части дѣлается во рту горько и въ животѣ холодно. Въ этомъ случаѣ мы съ чистою совѣстью можемъ проститься съ прошлымъ годомъ, пожелавъ ему на сонъ грядущій всѣхъ благъ и между прочимъ —поскорѣе убираться со сцены и не коптить небо даромъ. Не много мы беремъ съ собой отъ этого года, и на-легкѣ можемъ переправиться въ будущій, пожалѣвъ развѣ о томъ, что настоящій былъ слишкомъ длиненъ... Наши болѣе чѣмъ скромныя ожиданія не сбылись, наши преждевременные разсчеты потерпѣли злостное банкротство, и вотъ, сидя у моря, намъ приходится снова ожидать погодки. Ну, и подождемъ—вѣдь мы привыкли ожидать по переднимъ разныхъ милостей.

Но все таки намъ слѣдуетъ подвести подъ какой нибудь общій итогъ суету суетствій 1863 года. Если жизнь отдѣльнаго человѣка, поставленная въ условія правильнаго развитія, не можетъ остаться безплодной впродолженіи года, то жизнь шестидесяти милліоновъ людей, соединенныхъ такъ или иначе общими интересами, должна бы, кажется, дать громадные результаты. Такъ это и бываетъ у народа, котораго дѣятельность свободно развивается и котораго силы не лежатъ мертвымъ капиталомъ. Но экономія народнаго труда и его годности зависитъ не отъ количества рукъ и головъ, а отъ качества ихъ. Поэтому Китай и Японія вмѣстѣ приносятъ себѣ и человѣ-

честву гораздо менѣе пользы, чѣмъ маленькая Швейцарія или одинъ изъ Сѣверо-американскихъ штатовъ. Разница въ томъ, что качество дѣятельныхъ силъ у первыхъ гораздо ниже, чѣмъ у послѣднихъ, хотя цифра народонаселенія Китая и Японіи въ нѣсколько сотъ разъ больше Швейцаріи и сѣверо-американскаго штата. Главнымъ же двигателемъ всякой человѣческой дѣятельности служитъ степень умственнаго развитія, руководящаго нашими силами. Чѣмъ меньше ума у народа, тѣмъ меньше энергіи и способности въ выполненіи своего дѣла, тѣмъ ниже общій итогъ народнаго труда. Само собою разумѣется, что есть и другія обстоятельства, чисто внѣшнія, задерживающія ходъ общественной дѣятельности, но мы здѣсь предполагаемъ, что умный и образованный народъ владѣетъ такими активными способностями, которыя даютъ ему средства отклонять или уничтожать эти обстоятельства. Если же онъ подставляетъ подъ нихъ свою шею, какъ быкъ подъ ярмо, то значитъ, что сознаніе пассивнаго своего состоянія у него не достаточно выработалось. Конечно, есть примѣры, показывающіе, что чувство свободы и хорошаго экономическаго устройства развивается прежде, чѣмъ народъ достигаетъ соотвѣтственнаго его соціальному положенію умственнаго образованія, но безъ этого послѣдняго ему трудно держаться на высотѣ общественнаго благосостоянія и продолжать его дальнѣйшій прогрессъ. Въ эпохи самыхъ нелѣпыхъ политическихъ реакцій и гнилаго застоя вездѣ и всегда упадокъ народныхъ силъ прежде всего отражался на умственномъ состояніи. И потому Бёкль въ своей исторіи совершенно правъ, когда онъ оцѣниваетъ достоинство той или другой цивилизаціи на основаніи болѣе или менѣе здоровыхъ мозговъ у каждаго историческаго народа. Мозги плохи—значитъ плоха и негодна вся общественная жизнь; напротивъ, если мозги хороши и надѣлены полезными знаніями—значитъ и цивилизація народа совершается не дурно. Впрочемъ при оцѣнкѣ этого факта, не надо увлекаться оптическимъ обманомъ современныхъ цивилизацій. Ихъ внѣшній блескъ, ихъ гальваническая позолота большею частію скрываетъ отвратительную внутреннюю нищету; верхній слой представляется въ самой привлекательной формѣ, а въ срединѣ и внизу насыпана куча разнаго сору. Въ такомъ обманчивомъ видѣ является мыслящему наблюдателю галантерейный вѣкъ Людовика XIV и всѣхъ подобныхъ ему закулисныхъ героевъ. Если посмотришь на этотъ вѣкъ сверху, то удивишься его богатству, талантамъ и успѣхамъ, а если заглянешь снизу, то не-

вольно отвернешься отъ грубѣйшаго невѣжества, голодной нищеты и общихъ стоновъ угнетеннаго народа. Кто приметъ мѣркой для оцѣнки тогдашней Франціи одно придворное общество, состоявшее на жалованьѣ у короля, тотъ назоветъ страну очень образованной, а кто войдетъ поближе въ положеніе самого народа, тотъ изумится его глубочайшему варварству. Поэтому истинный критеріумъ для опредѣленія умственнаго развитія народа и его дѣйствительной цивилизаціи пока принимается ошибочно, и многимъ образованнымъ народамъ нашего времени мы должны были бы отказать въ этомъ почетномъ званіи, еслибъ поскоблить ихъ наружную позолоту. XIX вѣкъ идетъ къ тому, чтобы засыпать пропасть, въ которую провалились всѣ древнія цивилизаціи и многія изъ новыхъ, и если онъ разрѣшитъ эту величайшую проблемму, то на долю его выпадетъ превосходный жребій. Нельзя сказать, чтобы и прежде не было попытокъ уравнять общественныя отношенія людей, но эти попытки дѣлались вкривь и вкось, т. е. искали разрѣшенія задачи не въ сущности ея, а въ побочныхъ обстоятельствахъ. Такъ, человѣчество долго боролось за свободу совѣсти, за уничтоженіе привиллегій рода и сословія, за право личной безопасности, за право независимыхъ убѣжденій, но только въ нашъ вѣкъ право труда и собственности сдѣлалось предметомъ главнѣйшаго интереса. Уравненіе всѣхъ другихъ человѣческихъ правъ прямо зависитъ отъ разрѣшенія этого вопроса, который стоитъ выше всякой національности, всякой политической системы, и также важенъ для жителя внутренней Африки, какъ и для жителя Европы. Нѣтъ сомнѣнія, что процессъ самого разрѣшенія пройдетъ у каждаго народа своимъ путемъ, выразится въ той или другой формѣ, но сущность права—быть сытымъ и одѣтымъ останется вездѣ понятной и вопіющей потребностію; рано или поздно, но тунеядство и нищенство должны исчезнуть съ лица земли, какъ изчезли черныя язвы среднихъ вѣковъ. Когда человѣческая мысль, освободившись отъ старыхъ схоластическихъ путъ, остановится на разработкѣ дѣйствительныхъ интересовъ и когда сытыхъ будетъ больше, чѣмъ голодныхъ, тогда маштабъ для оцѣнки цивилизацій сдѣлается правильнѣе и распредѣленіе умственныхъ пріобрѣтеній нормальнѣе. Но возвратимся къ нашему обществу и посмотримъ, чѣмъ оно отличилось за 1863 годъ, если даже будемъ мѣрить его цивилизацію à la M. de Gérébzoff. Начнемъ съ умственнаго развитія.

Доселѣ у насъ были странствующіе актеры, художники въ родѣ

суздальскихъ богомазовъ, разные юродивые, раскольники бѣгуны, бездомные батраки и проч., а теперь мы обзавелись странствующими педагогами. Назначеніе этого новаго класса состоитъ въ томъ, чтобы странствовать съ педагогическими цѣлями; одни странствуютъ въ Европѣ, присылаютъ оттуда очень интересныя свѣдѣнія о томъ, что парижская Сорбонна существуетъ столько-то лѣтъ, а въ Гейдельбергѣ и Боннѣ обучаютъ такимъ-то наукамъ, — однимъ словомъ, очень интересныя свѣдѣнія! Другіе странствующіе педагоги путешествуютъ по Россіи и очень занимательно описываютъ, точь въ точь, какъ путевыя письма нашего корпуснаго Гервинуса, М. И. Семевскаго, — описываютъ, въ какой деревнѣ учитъ грамотѣ пономарь, а въ какой самъ помѣщикъ; при этомъ для полноты статистическихъ данныхъ не забывается прибавить, что въ такой-то гостинницѣ странствующій педагогъ пуще свего натерпѣлся отъ клоповъ, а въ такой-то отъ голода. Случается и такъ, что нѣкоторые изъ нихъ, т. е. не изъ клоповъ, а изъ странствующихъ педагоговъ засядутъ въ какомъ нибудь тепломъ мѣстечкѣ и сидятъ — себѣ на здоровье. Къ числу такихъ же педагоговъ принадлежитъ и г. Золотовъ, странствіемъ котораго мы намѣрены здѣсь заняться. Не считаемъ лишнимъ сказать, какъ мы напали на г. Золотова. Желая познакомиться съ ходомъ грамотности нашего народа и съ нѣкоторыми данными по этому предмету, мы пересмотрѣли не мало печатнаго хлама, просили кой-кого доставить намъ какія нибудь свѣдѣнія, но ничего путнаго не добились, и должны были ограничиться «Изслѣдованіемъ грамотности по деревнямъ» г. Золотова. Что это за интересное изслѣдованіе! — гораздо интереснѣе, чѣмъ исторія цивилизаціи торопецкихъ кокошниковъ, приготовляемая къ печати М. И Семевскимъ! Чего только въ этомъ изслѣдованіи нѣтъ! Такъ, между прочимъ, отсюда мы узнаемъ, что въ городѣ Епифани г. Золотову принесли такихъ щей, «похлебавъ которые (говоритъ г. Золотовъ) мы пришли къ тому убѣжденію, что пока на Руси еще не легко быть странствующимъ педагогомъ»; въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ, что тульскій преосвященный Никандръ поцѣловалъ г. Золотова, да, поцѣловалъ—только неизвѣстно куда, въ лобъ или въ уста, послѣ чего странствующій педагогъ «съ самымъ сладкимъ чувствомъ въ душѣ» отправился на перекладныхъ въ Москву. Далѣе мы узнаемъ, что въ селѣ Покровскомъ священники-педагоги окрестныхъ мѣстъ просили г. Золотова показать имъ собствен-

ную его методу обученія, и онъ благосклонно показалъ: «Право, говоритъ онъ, умилительно было видѣть, когда на классной скамьѣ и передъ классной доской усѣлось до десяти священниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были уже достаточно пожилые люди, и всѣ они съ одинаковой любознательностію слѣдили за каждымъ изложеніемъ, прося иногда повторить и еще разъ объяснить указанное, что казалось нѣкоторымъ недостаточно яснымъ или не совсѣмъ примѣнимымъ въ сельскихъ школахъ. Не скажу лекція, но наша дружеская бесѣда продолжалась болѣе трехъ часовъ и долго еще, при разставаніи, уже вышедши изъ комнаты, мы продолжали эту бесѣду, пріостанавливаясь для этого на дворѣ». Такимъ образомъ эта умилительная бесѣда должна была вдругъ произвести десять педагоговъ, не считая самого г. Золотова. Кромѣ этихъ умилительныхъ сценъ странствующій педагогъ сообщаетъ намъ свѣдѣнія въ такомъ родѣ: въ училищѣ N. преподаетъ грамоту священникъ К., а въ училищѣ М. дьяконъ П.; въ селѣ X. дѣти учатся въ церковной сторожкѣ, а въ селѣ У. въ крестьянской избѣ. Въ одной школѣ значится 30 учениковъ, а въ другой—40 и т. д. Мѣстами у странствующихъ педагоговъ встрѣчаются и статистическія данныя, но въ такомъ сыромъ видѣ, что лучше было бы, если бъ ихъ вовсе не встрѣчалось. По этимъ даннымъ, собраннымъ случайно и не провѣреннымъ обыкновенными пріемами точной статистики, нельзя сдѣлать ни одного толковаго вывода. Для кого же и для чего собираются эти свѣдѣнія? Не лучше ли горохомъ въ стѣну бросать, чѣмъ путешествовать съ такими педагогическими цѣлями? Что выиграетъ отъ этого такъ называемая педагогика и читающая публика? А между тѣмъ на эти странствія тратятся время, деньги и трудъ человѣка. Ну, стоитъ ли игра сальныхъ свѣчъ, г. Золотовъ?

И такъ у странствующихъ педагоговъ нечего взять. Многіе изъ нихъ, вѣроятно, странствуютъ ради самого странствія, и это едва ли не самые полезные изъ ихъ класса. Слѣдовательно о ходѣ нашей грамотности мы и въ настоящемъ году узнали не больше того, что знали прежде. Но это еще не бѣда. Дѣло вотъ въ чемъ: есть ли желаніе у нашего народа учиться? Сознаетъ ли онъ потребность быть грамотнымъ? Таково ли его матеріальное положеніе, чтобы удовлетворить этой потребности? На первый вопросъ г. Золотовъ отвѣчаетъ утвердительно. Онъ говоритъ, что «сельская грамотность положительно двинулась» и тутъ же мимоходомъ замѣчаетъ, что ра-

скольники не хотятъ учить своихъ дѣтей по новымъ книгамъ, а православные крестьяне бѣгутъ всякаго нововведенія въ обученіи, какъ огня. И это совершенно понятно. Мужикъ боится всякой новизны, потому что историческія обстоятельства не пріучили его довѣрчиво смотрѣть на тѣ нововведенія, которыя онъ такъ долго выносилъ на своей спинѣ. Крѣпостное право ниспосылало на него реформы, отъ которыхъ не скоро заживутъ бока этихъ странныхъ людей, не понимающихъ, что грамотность дарятъ имъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, съ какимъ преподавали помѣщичью цивилизацію. Крестьянинъ нашъ такъ запуганъ всякими попечительными о немъ заботами, что по неволѣ дѣлается остороженъ, упрямъ и недовѣрчивъ ко всякому новому благодѣянію. Курная и вонючая изба для него кажется лучше не потому, чтобъ онъ не сознавалъ потребности жить въ свѣтлой и чистой избѣ, а потому что ему боязно рѣшиться на всякую перемѣну, такъ какъ она самымъ вѣроломнымъ образомъ можетъ обмануть расчеты его; тамъ ему хоть жутко, но онъ увѣренъ, что не будетъ хуже. Точно съ такимъ же недовѣріемъ относится народъ и къ обновленію своего міросозерцанія, исполненнаго всевозможныхъ нелѣпостей. Это темное міросозерцаніе, при всей узкости его понятій боится всякой новизны, потому что стоячее болото предразсудковъ и суевѣрій совершенно согласно съ той обстановкой, среди которой онъ живетъ; онъ также крѣпко держится преданія, какъ той отцовской бороны, которую онъ привыкъ считать единственно хорошей бороной въ свѣтѣ; его прадѣдъ взрывалъ ею землю, его дѣдъ и отецъ покрывали ее своимъ потомъ, и ему думается, что лучше этой бороны нечего и желать. Здѣсь консерватизмъ переходитъ уже въ мертвящую тупость, потому что отъ знанія ничего не ожидается и польза его нисколько не сознается. Повидимому, странно, какъ это человѣкъ не хочетъ измѣнить своего предразсудка на ясное пониманіе вещей и худшее положеніе сдѣлать лучшимъ? Но странности тутъ никакой нѣтъ: не хочетъ потому, что не испыталъ, а чтобы испытать лучшее положеніе надо многимъ рискнуть, а рискъ-то и страшенъ тамъ, гдѣ человѣкъ зависитъ отъ трехъ лишнихъ мѣръ ржи или отъ здоровья лошаденки. Но эти микроскопическія обстоятельства незамѣтны для нашихъ выспреннихъ мыслителей, и они готовы отказать народу даже въ возможности какого нибудь стремленія къ усовершенствованію. Имъ кажется, что онъ тупицей вышелъ на свѣтъ божій, такъ и останется навсегда тупицей. Ихъ

барственному презрѣнію нѣтъ гриницъ къ этому сѣрому люду, и они серьезно обижаются, когда говорятъ имъ, что это такой же матеріалъ, какъ и вы, но только другой выдѣлки. У человѣка можно отнять все—свободу, права и жизнь, но пока онъ—человѣкъ, у него нельзя отнять желанія быть возможно болѣе *счастливымъ*. Но что значитъ славо: счастіе? Одни понимаютъ его, какъ сумму всевозможныхъ наслажденій, и на эту тему сочиняютъ разныя идилліи, приправляя ихъ статистическими и историческими фактами. Изъ этихъ идиллій выходитъ самое праздное козлогласованіе, когда посмотрѣть кругомъ на это море человѣческихъ страданій. Слово счастіе, пока не осуществятся лучшія надежды человѣчества, надо принять въ болѣе ограниченномъ и скромномъ смыслѣ. Пока оно значитъ не болѣе, какъ меньшая сумма страданій, которыя приходится испытывать большинству. Вотъ къ этой-то верховной цѣли стремится каждый человѣкъ, стемится инстинктивно, постоянно, и всѣми своими силами, какими только надѣленъ. Въ области механическаго труда онъ только и думаетъ о томъ, чтобы работа его была легче и прибыльнѣе, чтобы она причиняла ему возможно меньше вреда и отвращенія; въ области мысли онъ старается найдти полное сочувствіе къ предмету своихъ занятій и, употребивъ какъ можно менѣе времени и усилій, достигнуть лучшаго успѣха. Это такое законное, высоко нравственное желаніе, что отрицать его въ человѣкѣ—значитъ отрицать самого человѣка. Мужикъ и помѣщикъ, чернокожій и бѣлый, рабъ и свободный—всѣ одинаково стремятся къ тому, чтобы быть счастливыми Образованіе,—не то, что мы называемъ этимъ словомъ,—а обрazованіе дѣйствительное, т. е. всестороннее развитіе нашихъ силъ, составляетъ главную долю въ суммѣ нашего счастія, и слѣдовательно отказывать въ стремленіи къ образованію никому нельзя. Въ народѣ оно также есть, но отъ стремленія до выполненія на дѣлѣ лежитъ большое разстояніе. Наши странствующіе педагоги все еще думаютъ, что надо внушать крестьянину желаніе учиться, что онъ такъ грубъ, что иногда не мѣшаетъ и вколачивать въ него насильно наши благодѣтельныя познанія. Горько ошибаются эти господа. Какъ бы ни былъ грубъ и забитъ человѣкъ, но въ немъ никогда не умираетъ желаніе совершенствовать себя. Но почему же онъ не хочетъ учиться? Почему онъ посылаетъ ко всѣмъ чертямъ нашу грамоту, которую мы навязываемъ ему чуть ли не даромъ? Во-первыхъ потому, какъ мы замѣтили выше, что онъ боится этого дешеваго бла-

годѣянія, и боится не безъ основанія. Во-вторыхъ, онъ охотно сталъ бы учиться самъ, нашелъ бы себѣ и наставниковъ и книжки получше тѣхъ, какія мы сшиваемъ ему изъ своего стараго тряпья, но на это нужны матеріальныя средства, потому что пока еще знаніе достается людямъ не такъ дешево, какъ вода и воздухъ. А откуда взять эти средства? какъ ни расписываютъ намъ почвенники благоденствіе народа, но намъ извѣстны почти съ математическою точностію его достатки. Русскій крестьянинъ, въ общемъ итогѣ его производительныхъ силъ, заработываетъ около 100 р. Если мы разложимъ эту сумму на самыя необходимыя жизненныя его потребности, на пищу, одежду, на содержаніе скота, на починку земледѣльческихъ орудій, избы и телеги, на непредвидѣнные поборы то съ той, то съ другой стороны, то у половины крестьянъ останется не болѣе двухъ рублей въ годъ, которыми они могутъ располагать для обученія своихъ дѣтей, а у другой половины и этого нѣтъ. На что же учиться-то? А на казенный счетъ или благотворительными мѣрами нельзя обучить всѣ пятьдесят милліоновъ безграмотныхъ людей. Поэтому, чтобы не ловить журавлей въ небѣ, и дѣйствовать болѣе практически,—пока не измѣнится положеніе нашего крестьянства, мы должны идти къ его образованію другимъ путемъ—сближеніемъ его съ тѣмъ образованнымъ классомъ, какой находится у насъ. Пусть этотъ классъ, имѣющій возможность и время пріобрѣтать познанія, расширяетъ свой кругъ, пусть купецъ, мѣщанинъ, городской ремесленникъ, одпимъ словомъ, всѣ, кто ближе соприкасается съ народомъ, сдѣлаются поумнѣе, чѣмъ же видимъ ихъ теперь. Черезъ нихъ пройдетъ знаніе въ массу безъ всякихъ втискиваній и правоученій; вліяніе ихъ окажется въ тысячу разъ дѣйствительнѣе, чѣмъ проэктированныя наши школы для народа. Поэтому распространеніе элементарныхъ учебныхъ заведеній для образованія болѣе достаточныхъ классовъ составляетъ первѣйшую потребность настоящей минуты; чѣмъ больше накопится знаній въ этомъ кругу, тѣмъ скорѣе подвинется грамотность народа, тѣмъ сильнѣе онъ почувствуетъ необходимость ея. Но элементарныя школы могутъ процвѣтать только тогда, тогда высшее образованіе, раздаваемое университетами и академіями, сдѣлается доступнымъ каждому, желающему получить его. Въ этомъ случаѣ всякое препятствіе вредитъ дѣлу; денежные налоги на право образованія составляютъ одну изъ серьезныхъ стѣснительныхъ мѣръ, особенно опасныхъ тамъ, гдѣ и безъ того смотритъ на свое ум-

ственное развитіе глазами Еруслана Лазарыча. Для многихъ изъ нашихъ юношей еще доселѣ университетскій дипломъ и соединенныя съ нимъ права служатъ единственной приманкой для полученія высшаго образованія. Правда, что это образованіе называется высшимъ только потому, что такимъ же почетнымъ именемъ оно пользуется и въ Европѣ, хотя дѣйствительная стоимость его вѣситъ немногимъ больше, чѣмъ стоимость ученія старой кіевской бурсы. Пока не переведутся въ нашихъ университетахъ такія ископаемыя личности, какъ Креозотивы, въ аудиторіи ихъ не зачѣмъ и ходить, кромѣ какъ за полученіемъ правъ и дипломовъ. Вѣдь нельзя же требовать, чтобы деревянная кафедра привлекала юношество своимъ умомъ или познаніями. Вѣдь еще не было примѣра, чтобы скамейка, на которую садятся для записыванія лекцій, сама по себѣ могла возбудить въ студентѣ симпатію къ наукѣ и дать почувствовать ея наслажденіе. Правда и то, что наша дѣйствительная жизнь такъ не замысловата, такъ мелка въ своемъ теченіи, что запросъ на глубокія познанія и приложимость ихъ къ дѣлу вовсе не такъ велики, чтобы нельзя было пріобрѣсти мѣднымъ лбомъ того, что обыкновенно пріобрѣтается образованіемъ. Все это, конечно, не можетъ содѣйствовать распространенію знанія между достаточными классами и не даетъ особенно назидательнаго примѣра народу, еслибъ онъ и хотѣлъ учиться.

Кромѣ того, самое качество образованія, получаемаго нами, не можетъ оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ оно было для современниковъ Петра Могилы. Что имѣло достоинство и прелесть въ XVII вѣкѣ, то не годится теперь. Если почтенные наши предки умилялись до слезъ надъ поученіями Луки Жидяты, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ и потомки восхищались этой исторической плесенью. Многое, что нравилось нашимъ отцамъ, можетъ стошнить въ 1863 году даже читателя «Домашней Бесѣды». Поэтому реформы въ самомъ направленіи и духѣ образованія неизбѣжны. Намъ предстоитъ еще продолжительная борьба съ схоластическими понятіями, которыхъ остаются цѣлые непочатые углы. Можно было бы указать на множество такихъ учебныхъ заведеній, которыя давно отжили свое время и оказали бы немалую услугу, если бъ перестали существовать. Ненужный балластъ ихъ уступилъ бы мѣсто чему-нибудь новому и полезному, а молодыя силы растрачиваемыя на переливаніе изъ пустого въ порожнее, пригодились бы для чего нибудь дѣльна-

го. Такъ, о преобразованіи нашихъ семинарій и допотопнаго ученія ихъ давно говорится, и литература и общество единодушно заявляютъ эту настоятельную потребность, но отъ этого дѣлу не легче. Извѣстно, что мы не взыскательны и довольствуемся однѣми фразами тамъ, гдѣ надо дѣйствовать. Точно также едва ли не со временъ Петра I мы судимъ и рядимъ объ основаніи университета въ Сибири, сочиняемъ разные проэкты, отказываемъ даже капиталы, а Сибирь, какъ при храбромъ Ермакѣ, такъ и теперь остается по прежнему безъ университета; иначе говоря, самый темный уголъ Россіи, отрѣзанный со всѣхъ сторонъ отъ образованнаго міра, не освѣщается ни однимъ лучемъ свѣта. Но это не мѣшаетъ намъ помечтать о народномъ образованіи и надѣяться, что не сегодня, такъ завтра оно снизойдетъ на насъ, какъ небесная манна. Относительно достоинства тѣхъ умственныхъ сокровищъ, которыя мы предлагаемъ народу, намъ надо подумать еще серьезнѣе. Здѣсь благороднѣйшая цѣль можетъ обратиться въ отвратительное орудіе; здѣсь уже готовая почва предразсудковъ еще сильнѣе окрѣпнетъ, если мы будемъ все безъ разбору валить на нее съ нашими разсадниками образованія. Можно судить по тѣмъ книжонкамъ, которыя пишутся у насъ и которыми выгодно торгуетъ невѣжественная книжная торговля, что за сокровища подносимъ мы народу. По нашему мнѣнію, было бы гораздо лучше, если-бъ онъ еще на сто лѣтъ остался безграмотнымъ, чѣмъ учился бы грамотѣ по этимъ пошлымъ книжкамъ. Не даромъ онъ отвертывается отъ нихъ и предпочитаетъ свою дикость ложному ученію.

И такъ по вопросу о народной грамотности мы пока остаемся при однихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ, и это, можетъ быть, къ лучшему.

Непріятная исторія, случившаяся съ нашимъ государственнымъ банкомъ, къ великому для него благополучію не имѣла и едва ли будетъ имѣть какія-нибудь ощутительныя для *общества* послѣдствія; мы принимаемъ здѣсь слово *общество* въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. не однихъ петербургскихъ банкировъ, негоціантовъ, содержателей разныхъ магазиновъ съ иностранными товарами и потребителей заморскихъ произведеній, но всю массу населенія, способную вообще чувствовать на себѣ послѣдствія финансовыхъ кризисовъ. Закрытіе размѣнныхъ кассъ дало пищу нѣкоторымъ изъ нашихъ благонамѣренныхъ ежедневныхъ газетъ для передовыхъ статей, въ которыхъ съ непритворнымъ усердіемъ и даже съ нѣкоторымъ азартомъ дока-

зывалась нормальность явленія; въ обществѣ сначала заняты были самымъ фактомъ, принявшимъ болѣе скандалезное, чѣмъ соціальное значеніе, потомъ начали повторяться слухи о перемѣнахъ въ системѣ финансоваго управленія, и наконецъ все начало умолкать, какъ будто фактъ случился гдѣ-нибудь въ Испаніи, Мексикѣ и т. п.; теперь заняты вопросомъ одни мѣнялы, которые весьма довольны, что банкъ заперъ двери своихъ размѣнныхъ кассъ, потому что мѣнялам въ это время обильная пожива. Наши внутренніе торговые обороты, совершающіеся *на долгихъ*, и не скоро еще почувствуютъ на себѣ вліянія кризиса, да и вообще чѣмъ выразится это вліяніе—вопросъ весьма любопытный. Настоящія газетныя корреспонденціи изъ Россіи доказываютъ, что многое у насъ совершается «наперекоръ стихіямъ»: цѣны, не смотря на финансовыя затрудненія падаютъ на предметы первой потребности, тогда какъ при подобныхъ обстоятельствахъ надо было ожидать общаго возвышенія; даже въ Петербургѣ все идетъ по старому... И можно думать, что банкъ долго не отопретъ своихъ дверей, если не постучатся иностранцы.

Для русскаго общества гораздо болѣе пріобрѣтаетъ значеніе возвышеніе банкомъ учетнаго процента; теперь за учетъ векселей и подъ залогъ товаровъ и бумагъ банкъ беретъ 9%. Здѣшніе купцы жалуются также на нѣкоторую скупость, или лучше сказать чрезмѣрную разборчивость банка по учету векселей. Добиться счета въ банкѣ вообще весьма трудно не смотря на солидность оборотовъ и несомнѣнную благонадежность купечествующей личности; болѣе всего затрудняется доступъ въ банкъ купечеству средней руки.

Но затрудненія купцовъ по части кредита ничто въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находятся помѣщики: владѣя тысячами десятинъ земли, они часто поставлены бываютъ въ невозможность въ настоящее время окредитоваться на одну сотую долю своей недвижимости, если она не находится около Москвы или Петербурга. Такія дачи еще пристроиваются кое-какъ подъ закладныя, а земли въ среднихъ губерніяхъ, не говоря уже объ отдаленныхъ, идутъ въ цѣнѣ развѣ только за карточнымъ столомъ. Въ западныхъ губерніяхъ, въ особенности въ литовскихъ, находящихся, какъ извѣстно, въ исключительныхъ обстоятельствахъ, за неимѣніемъ правильнаго кредита, земли переходятъ отъ дворянъ польскихъ къ такъ-называемымъ іерусалимскимъ дворянамъ, по цѣнамъ баснословно

дешевымъ. Такимъ образомъ, въ составъ западнаго земства входитъ въ лицѣ евреевъ новый элементъ, и московскому «Дню» предстоитъ новая забота отстаивать русскую народность въ этомъ краѣ отъ вліянія еврейской цивилизаціи.

Западный край, съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался театромъ послѣдней борьбы, подвергался учеными славянофилами разнымъ изслѣдованіямъ, и, между прочимъ, религіозно-статистическому: г. Риттихъ издалъ религіозный атласъ всего западнаго края, а г. Кояловичъ въ своихъ замѣткахъ объ этомъ трудѣ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» дѣлаетъ статистическіе выводы о вѣроисповѣданіяхъ. Атласъ этотъ, какъ говоритъ г. Кояловичъ, изданъ съ содѣйствіемъ Министерства внутреннихъ дѣлъ и на основаніи матеріаловъ Кеппена, Лебедкина и изданныхъ до сихъ поръ статистикъ западной Россіи. Выводы, къ которымъ пришолъ составитель атласа слѣдующіе: нѣкоторыя вѣроисповѣданія западной Россіи совпадаютъ съ національностью, напримѣръ еврейское, магометанское и большею частію протестантское. На другія, какъ напримѣръ православное и латинское, не даютъ подобнаго результата, потому что исповѣдуются смѣшанно различными національностями. Все населеніе западной Россіи, составляющее 10,659,800, раздѣлено авторомъ на православныхъ, которыхъ 7,772,800 и латинянъ, которыхъ 2,633,400, въ томъ числѣ: литовцевъ 855,700, жмудиновъ 447,800, латышей 158,500, малороссовъ 85,950, бѣлоруссовъ 175,900 и поляковъ-латинянъ 909,600.

Для полноты этихъ выводовъ—замѣтимъ мы—слѣдовало бы г. Риттиху показать сколько въ числѣ 7 милліоновъ православныхъ считается поляковъ и другихъ народностей, а главное сколько въ числѣ православныхъ числится бывшихъ уніатовъ, обращенныхъ въ православіе съ уничтоженіемъ уніи въ царствованіе императора Николая I; эти историко-статистическія цифры показали бы постепенное возрастаніе числа православныхъ въ западномъ краѣ, показываемаго въ означенныхъ статистическихъ матеріалахъ. Нынѣ сомнѣнія, что въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ есть свѣдѣнія о бывшихъ уніатахъ, и остается пожалѣть, что г. Риттихъ не воспользовался ими въ ущербъ значенія своего труда. Въ одной изъ недавнихъ корреспонденцій «Сѣв. Пчелы» мы встрѣтили извѣстіе, что переходъ изъ уніатства въ православіе совершается и понынѣ отдѣльными лицами и цѣлыми селеніями. Нѣкоторыя изъ этихъ селеній, прибавляетъ корреспондентъ, настойчиво стояли за уніатство во время послѣдняго

всеобщаго возсоединенія, измѣнили русскія молитвы на польскія и постоянно упоминали въ своихъ молитвахъ о папѣ, какъ о всемірномъ архіереѣ. Даже эти изъявили въ послѣднее время желаніе обратиться въ православіе. Изъ этого слѣдуетъ, что въ то время, когда г. Риттихъ собиралъ свѣдѣнія о раздѣленіи западной Россіи по вѣроисповѣданіямъ, цѣлыя селенія и отдѣльныя личности фактически принадлежали къ уніи и, конечно, были скорѣе латинцами, чѣмъ православными. Къ какому же сорту причисляетъ это уніатское населеніе г. Риттихъ въ своей статистикѣ, неизвѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ считаетъ ихъ православными, потому что въ офиціальныхъ данныхъ уніаты считаются православными, за уничтоженіемъ уніи по распоряженію правительства; но мы находимъ, что въ атласѣ г. Риттиха, имѣющемъ спеціальную цѣль раздѣлить населеніе края по вѣроисповѣданіямъ, было необходимо упомянуть объ уніатахъ, такъ какъ этотъ оттѣнокъ въ цифрѣ православнаго населенія имѣетъ немалое значеніе. Для велико-русской публики, весьма снисходительной въ подобнымъ статистическимъ изысканіямъ, пробѣлъ въ трудѣ г. Риттиха, пожалуй, останется незамѣченнымъ, но мѣстные жители, естественно, не усвоятъ себѣ къ этому изданію того уваженія, которое старается внушить ученый рецензентъ его г. Кояловичъ.

Политическое движеніе въ западныхъ провинціяхъ, говорить о которомъ мы отлагаемъ до болѣе удобнаго времени, когда нѣсколько остынутъ страсти, заслоняетъ совершающійся въ краѣ не менѣе важный по своему значенію переворотъ соціальный и экономическій, о сущности котораго мы считаемъ обязанностью сдѣлать нѣсколько замѣтокъ. Три указа, изданные 1 марта, 30 іюля и 2 ноября этого года, извѣстныя публикѣ подъ именемъ обязательнаго выкупа, прекратили всякія поземельныя и личныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, установленныя положеніемъ 19 февраля 1861 года; мѣра эта, такъ сказать невелировала сословныя права крестьянъ по губерніямъ литовскимъ, южно-русскимъ и бѣлорусскимъ, но сопровождаясь вмѣстѣ съ тѣмъ другими распоряженіями правительства, именно повѣркой уже утвержденныхъ и введенныхъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, переоцѣнкой оброка за отведенныя крестьянамъ земли и слѣдовательно переоцѣнкой стоимости самыхъ земель, мѣра эта вводитъ весьма рѣзкое разнообразіе въ экономическія условія каждый изъ названныхъ губерній. Для объясненія этого обстоятельства мы должны войти въ нѣкоторыя подробности. При составленіи положенія

19 февраля 1861 г. правительство, предполагая введеніе слишкомъ возвышеннаго оброка и высокой оцѣнки за крестьянскія земли въ литовскихъ губерніяхъ, постановило въ самомъ положеніи 19 февраля произвести повѣрку уставныхъ грамотъ посредствомъ особыхъ повѣрочныхъ коммиссій; до 1 марта 1863 г., мѣра эта не была приводима въ исполненіе, и уставныя грамоты, составленныя помѣщиками вошли въ дѣйствительную силу, по нимъ были опредѣлены крестьянскіе земельные надѣлы, оброкъ и оцѣнка земель для выкупа, который и былъ отчасти совершенъ до изданія указа 1 марта, относящагося къ литовскимъ губерніямъ, на основаніи оцѣнки оброка и земель по уставнымъ грамотамъ. Съ распространеніемъ возстанія въ Литвѣ правительство предприняло повѣрку уставныхъ грамотъ и учредило для этого повѣрочныя коммиссіи, поставивъ ихъ подъ управленіе главнаго начальника края. Для дѣйствія этихъ коммиссій относительно пониженія оброка противъ уставныхъ грамотъ хотя и составлены правила съ опредѣленіемъ размѣра оброка для каждаго разряда земель, по качеству ихъ, но коммиссіямъ предоставлено право понижать оброкъ по своему усмотрѣнію и ниже опредѣленныхъ правительствомъ размѣровъ. Такъ какъ повѣрочныя коммиссіи дѣйствуютъ по указаніямъ главнаго начальника края, преслѣдующаго исключительно политическую цѣль—усмиреніе возстанія, въ которомъ, какъ извѣстно, приняли главное и дѣятельное участіе помѣщики, то, естественно, повѣрка уставныхъ грамотъ обратилась изъ административно-экономической въ карательную мѣру для помѣщиковъ, и чѣмъ болѣе мѣра эта служитъ карой для помѣщика, уменьшая размѣръ оброка и цѣнность переходящихъ къ крестьянамъ въ собственность земель, тѣмъ болѣе она облегчаетъ крестьянъ въ денежныхъ платежахъ за земли.

Въ послѣднее время возбуждено въ журналахъ нѣсколько видныхъ вопросовъ, касающихся реализаціи положенія 19 февраля, и мы находимъ не лишнимъ высказать по нѣкоторымъ изъ нихъ наше слово. При современномъ фазисѣ крестьянскаго дѣла, самый важный вопросъ, конечно, поземельный, и именно разверстаніе угодій. Срокъ для этой операціи назначенъ былъ по положенію въ текущемъ году, т. е. черезъ два года послѣ изданія положенія. Помѣщику предоставлено право, въ случаѣ несогласія крестьянъ на полюбовное разверстаніе земель, резверстаться по его усмотрѣнію и даже перенести на другое мѣсто крестьянскія усадьбы съ денежнымъ пособіемъ кресть-

янамъ на постройки и обзаведеніе. Судьями въ этомъ обязательномъ разверстаніи земель, въ случаѣ жалобъ крестьянъ, должны быть мировые посредники, мировые съѣзды и губернскія присутствія. При неимѣніи въ законахъ какихъ-либо правилъ и указаній, по которымъ можно бы было признавать правильнымъ или неправильнымъ требуемое помѣщикомъ разверстаніе, естественно, долженъ играть главную роль личный взглядъ мироваго посредника и другихъ учрежденій мироваго института; а личныя воззрѣнія, какъ извѣстно, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности опереться на законъ, находятся въ зависимости отъ убѣжденій или направленія чиновника. Представимъ себѣ мироваго посредника крѣпостникомъ, усерднымъ поборникомъ помѣщичьихъ интересовъ: какъ онъ будетъ дѣйствовать въ отношеніи разверстанія?. Съ другой стороны, представимъ мироваго посредника дѣйствующимъ безпощадно въ интересѣ крестьянъ: естественно, пострадаетъ помѣщикъ. Надо замѣтить, что крестьянамъ не предоставлено права требовать разверстки, они должны довольствоваться участками земли, отведенными имъ по уставнымъ грамотамъ, слѣдовательно обязательное разверстаніе во всякомъ случаѣ будетъ выражать интересъ помѣщика, а не крестьянъ. Примирить же эти интересы, такъ чтобы обѣ стороны были удовлетворены справедливо, — трудъ непреодолимый и для посредника, который впрочемъ можетъ еще въ натурѣ обозрѣть земли, и для мироваго съѣзда, и для губернскаго присуствія, которыя могутъ только заочно разсуждать о предметѣ, основываясь на удостовѣреньяхъ мировыхъ посредниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при каждомъ разверстаніи, когда оно обязательно, выдвинутся всѣ мельчайшіе интересы обѣихъ сторонъ для усугубленія доказательствъ въ пользу этихъ интересовъ и будутъ представляться несогласимыми безъ вмѣшательства власти, а власть эта есть мировыя учрежденія, не имѣющія для разрѣшенія подобныхъ споровъ никакихъ руководящихъ основаній.

При такомъ положеніи дѣла вопросъ представляется общимъ и настойчиво требующимъ разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ.

Если помѣщики будутъ стремиться къ тому, чтобы обособить свои владѣнія отъ крестьянскихъ, уничтоживъ такимъ образомъ чрезполосность, эту язву нашего земства, то злоупотребленія предоставленнаго помѣщикамъ права не могутъ быть часты и мировымъ учрежденіямъ останется разрѣшать въ подобныхъ дѣлахъ одинъ вопросъ: дѣйствительно л отводимыя крестьянамъ земли удобны, такъ какъ по-

ложеніе требуетъ, чтобы земли крестьянскаго надѣла были удобныя. Если же помѣщики будутъ преслѣдовать при разверсткѣ земель другія цѣли, и именно: сбыть крестьянамъ всѣ худшіе участки воздѣланной земли, а себѣ оставить лучшіе и болѣе цѣнные, и при этомъ случаѣ не только не допускать чрезполосности, но напротивъ ввести ее въ самой крайней степени. А подобныя цѣли могутъ входить въ соображеніе помѣщиковъ по многимъ причинамъ, и между прочимъ для того, чтобы впослѣдствіи выгодно продать свои земли этимъ же крестьянамъ за возвышенную цѣну, если онѣ будутъ расположены въ мѣстахъ ближайшихъ къ крестьянской осѣдлости.

Положеніе 19 февраля, предоставляя помѣщикамъ право обязательнаго разверстанія и обмѣна угодій съ крестьянами, не опредѣляетъ цѣли этой мѣры, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, кроется корень тѣхъ затрудненій, которыя теперь могутъ возникнуть. Если бы положеніе ограничивало право помѣщика однимъ условіемъ, именно: обязательное разверстаніе угодій можетъ быть допускаемо единственно для избѣжанія чрезполосности, съ тѣмъ чтобы земли крестьянъ и помѣщика были отведены въ одной межѣ; — тогда примирить самые противуположные интересы во имя одной общеполезной цѣли было бы вполнѣ возможно для мировой власти; иначе она будетъ поставлена въ необходимость дѣйствовать по произволу, руководясь личными воззрѣніями и чувствами.

На основаніи положенія, послѣ выкупа, разверстаніе совершается или по законамъ о полюбовномъ размежеваніи, или на основаніи общихъ для всѣхъ землевладѣльцевъ постановленій о размежеваніи отъ правительства. Такимъ образомъ, если при настоящемъ обязательномъ разверстаніи угодій крестьянскія земли не будутъ отдѣлены въ особую дачу, то затѣмъ должно быть размежеваніе по общимъ законамъ. Но бѣда въ томъ, что въ положеніи не высказана прямо неизбѣжность размежеванія для устраненія чрезполосности, что и можетъ дать поводъ помѣщикамъ при настоящемъ разверстаніи еще болѣе усложнить чрезполосность для своихъ выгодъ. Надо надѣяться, что со стороны правительства будетъ какимъ либо образомъ предупреждена возможность чрезполосности при настоящей разверсткѣ угодій, съ чѣмъ вмѣстѣ само собою должны устраниться затрудненія, которыя не безъ основанія выражаются въ настоящее время въ нашихъ журналахъ.

«С. Петербургскія Вѣдомости», въ № 280, посвящая вопросу о разверсткѣ угодій большую статью, представляютъ его на столько

зависящимъ отъ произвола помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ, что не находятъ никакихъ средствъ помочь дѣлу, кромѣ обращенія къ добросовѣстности мировыхъ посредниковъ и бдительному вниманію общества. Гарантіи для дѣла едвали достаточныя; по важности предмета, было бы желательно, чтобы вопросъ былъ обсужденъ въ журналахъ съ болѣе практической цѣлью.

«Новыя эпохи, говорятъ С.-Петербургскіе Вѣдомости, въ крестьянскомъ дѣлѣ должны бы пользоваться большимъ вниманіемъ общества. Должно особенно внимательно слѣдить, на сколько упрочивается de facto успѣхъ реформы. Мы говоримъ de facto, потому что данное уставной грамотой еще можетъ быть потеряно теперь. Пусть приложатъ мировые посредники еще разъ свое усердіе, чтобы соблюсти свою неоцѣнимую заслугу и не потерять плодовъ прежняго старанія. Намъ остается теперь уже наблюдать факты; необходимо какъ можно болѣе расширить кругъ нашихъ свѣдѣній по этому предмету; намъ нужнѣе дѣльныя сообщенія провинціальныхъ корреспондентовъ; намъ нужны офиціальныя извѣстія о занятіяхъ губернскихъ присутствій и мировыхъ съѣздовъ; во имя общества мы просимъ тѣхъ, отъ кого это зависитъ, содѣйствовать полнотѣ обнародываемыхъ постановленій и документовъ, въ чемъ чувствуется большой недостатокъ». (sic).

Намъ, кажется, не совсѣмъ умѣстнымъ слишкомъ слезный тонъ этой тирады, тѣмъ болѣе, что въ статьѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей вопросъ не развитъ со всѣхъ сторонъ и не направленъ къ какому-либо исходу, кромѣ рекомендаціи его общественному вниманію, что, надо замѣтить, тѣмъ болѣе недостаточно, чѣмъ важнѣе и серьезнѣе самый вопросъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ опубликованъ указъ сената объ увеличеніи съ 1 января 1864 года акциза съ вина и спирта: вмѣсто 4 к. платимыхъ въ истекающемъ году, хлѣбное вино облагается съ 1 января 1864 года 5 к. сер. съ каждаго градуса безводнаго спирта, что составитъ 5 р. съ ведра безводнаго спирта, болѣе платимаго на 1 р. указъ не содержитъ въ себѣ никакихъ объясненій, поче-

му именно только на одну копѣйку съ градуса возвышенъ акцизъ и по какимъ побудительнымъ причинамъ, поэтому и мы ограничиваемся лишь замѣчаніемъ, что ожидаемый новый годъ въ питейномъ отношеніи нисколько не похожъ на своего предшественника, удешевившаго водку.

Рядомъ съ возвышеніемъ акциза на вино стоитъ, по своей естественной связи, разъясненіе, сдѣланное недавно отъ департамента неокладныхъ сборовъ по вопросу о томъ; могутъ ли купцы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не имѣютъ права строить винокуренныхъ заводовъ, участвовать въ устройствѣ этихъ заводовъ и въ производствѣ винокуренія, въ качествѣ компаньоновъ съ лицами, имѣющими на то право?

Надо замѣтить, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи винокуреніе составляетъ привиллегію помѣщиковъ, и такъ какъ недостатокъ капиталовъ у этого почтеннаго сословія сильно препятствуетъ имъ пользоваться своей привиллегіей въ тѣхъ размѣрахъ, до какихъ было бы возможно довести винокуренное производство, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, то, естественно помѣщики начали нуждаться въ товариществѣ съ лицами, имѣющими наличные капиталы. Но здѣсь-то и оказалось препятствіе, для преодолѣнія котораго теперь, за разъясненіемъ департамента неокладныхъ сборовъ, уже нужно имѣть нѣкоторую юридическую ловкость, со стороны желающихъ составлять товарищества на винокуреніе изъ купцовъ и помѣщиковъ.

Департаментъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что такъ какъ по ст. 1529 т. X, ч. I, договоръ недѣйствителенъ и обязательство ничтожно, когда договоръ клонится къ присвоенію частному лицу такого права, котораго оно по состоянію своему имѣть не можетъ, то всѣ лица, непользующіяся на основаніи положенія о питейномъ сборѣ правомъ винокоренія, не могутъ быть допускаемы ко вступленію въ товарищество или кампаньоны по винокуренію. Хотя участіе въ устройствѣ винокуренныхъ заводовъ и въ производствѣ на нихъ винокуренія ссудою капиталовъ или другими средствами невоспрещается купцамъ но подобное участіе не можетъ давать имъ передъ закономъ правъ товарищей-винокуровъ, потому что оно по означенной причинѣ не можетъ быть облечено въ форму товарищества, посредствомъ законносовершеннаго договора.

Другими словами: купцамъ можно принимать участіе въ устройствѣ заводовъ и производствѣ на нихъ винокуренія ссудою капита-

ловъ, или другими средствами (т. е. и личнымъ участіемъ въ управленіи), но совершать условіе объ этомъ участіи нельзя

По смыслу этого разрѣшенія, всякое условіе, всякій актъ объ участіи купца въ устройствѣ винокуреннаго завода и въ производствѣ винокуренія, дѣлается незаконнымъ; но едва ли найдется такой юристъ, который опровергъ бы положенія, что на всякое законное дѣйствіе можетъ быть совершенъ и договоръ. Мы находимъ, что означенный вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ гораздо проще и вполнѣ законно, безъ малѣйшаго пародокса. Законы наши различаютъ условія и договоры между частными лицами отъ товариществъ и компаній, утверждаемыхъ правительствомъ; договоръ и условія, совершаемыя нотаріальнымъ и даже крѣпостнымъ порядкомъ, не подлежатъ утвержденію правительства. Законы о правѣ собственности допускаютъ *неполное право* собственности, и именно: когда право пользованія выгодами, право владѣнія или распоряженія принадлежитъ другому лицу отдѣльно отъ права собственности владѣльца на предметъ собственности. Слѣдовательно всякій договоръ о правѣ участія въ устройствѣ винокуреннаго завода и производствѣ винокуренія, совершенный между помѣщикомъ-владѣльцемъ завода и купцомъ, будетъ вполнѣ законнымъ и дѣйствительнымъ актомъ, и на оборотъ, если эти лица войдутъ въ министерство финансовъ, съ просьбой объ утвержденіи составленнаго между ними товарищества или акціонерной компаніи на устройство завода и производства винокуренія, то просьба эта не можетъ быть удовлетворена.

Образованію товарищества или компаніи препятствуетъ сословная привиллегія, установленная закономъ, но эта привиллегія нисколько не отнимаетъ у привиллегированнаго лица права входить въ условія и договоры съ частными лицами, для своихъ выгодъ, не нарушая этимъ ровно ничьихъ интересовъ.

Въ законѣ положительно нѣтъ основанія, по которому можно бы было запретить помѣщику построить на соединенный капиталъ винокуренный заводъ, взять подъ залогъ его ссуду, обезпечить ее доходомъ съ завода, предоставить управленіе заводомъ, отдѣльно отъ права собственности, кому найдетъ выгоднымъ, и т. п., и совершить объ этомъ условія и договоры.

На этотъ разъ намъ приходится говорить преимущественно о земскихъ интересахъ. Какъ слышно, проэктъ о земскихъ устройствахъ долженъ получить въ непродолжительномъ времени окончательную

санкцію правительства. Учрежденія эти введутъ выборное начало въ размѣрахъ, еще небывшихъ у насъ. Если сословное неравновѣсіе и будетъ способствовать тому, что дворянство получитъ нѣсколько болѣе вліянія, нежели другія сословія, то это будетъ прямымъ отраженіемъ самой дѣйствительности: въ управленіи общественными дѣлами, ни одно сословіе до сихъ поръ не принимало такого значительнаго участія, какъ дворянство, и участіе это еще можно назвать отчасти активнымъ; весь же прочій людъ едва-едва способенъ на отрицательное значеніе въ мѣстныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Земскія учрежденія, мѣстный судебный институтъ (когда таковой будетъ), все это требуетъ выбора, т. е избираемыхъ и избирателей. По этому предмету нерѣдко встрѣчались въ печати весьма куріозные жалобы мѣстныхъ радикаловъ на злоупотребленія *родственныхъ связей*. Въ многихъ изъ уѣздовъ нашихъ срединныхъ губерній, этихъ дворянскихъ гнѣздъ, можно найти, что всѣ дворяне родня между собою; расположаясь въ одномъ и томъ же уѣздѣ, одна дворянская фамилія снабжаетъ женихами и невѣстами цѣлый уѣздъ въ теченіи лѣтъ пятнадцати; при ограниченности числа дворянскаго населенія, естественно, родство дѣлается поголовнымъ — и избираемые и избиратели, всѣ родныя. Въ одномъ изъ подобныхъ уѣздовъ весь мировой съѣздъ, повѣрившій уставныя грамоты и разрѣшившій крестьянскія жалобы, состоялъ изъ ближайшихъ родственниковъ. Мировые судьи, какъ извѣстно, будутъ избираться пожизненно. «Ну какъ не порадѣть родному человѣчку!» говоритъ Фамусовъ; вѣроятно, то же самое скажутъ при выборахъ и избиратели, чтобы слова эти при случаѣ вспомнилъ и пожизненный мировой судья.

Съ 1864 года учреждается особый налогъ въ государственный доходъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ. Вмѣстѣ съ правилами о взиманіи этого налога опубликована роспись, сколько съ каждой губерніи должно быть взыскано; со всѣхъ губерній опредѣлено 2,075,900 р., въ томъ числѣ 546,000 р. приходится на московскую и петербургскую губерніи.

Налогу подлежатъ всѣ недвижимыя имущества, составляющія частную собственность, изъ числа же принадлежащихъ земству, городамъ, духовнымъ вѣдомствамъ, благотворительнымъ, ученымъ обществамъ и установленіямъ и учебнымъ заведеніямъ, подлежатъ налогу только тѣ имущества, которыя приносятъ доходъ. Отъ налога освобождены: имущества содержимыя непосредственно на счетъ государ-

ственнаго казначейства, также принадлежащія земству, городамъ и проч., и не приносящія дохода, и малоцѣнныя имущества, на которыя пришлось бы по раскладкѣ налогу 25 коп. Налогъ не распространяется на Азіатскую Россію. Наименьшая цифра общей суммы налога принадлежитъ Олонецкой губерніи, которая повинна заплатить со всѣми своими уѣздными городами только 4,540 р., т. е. втрое менѣе низшей цифры, опредѣленной для другихъ губерній.

Весьма любопытно сдѣлать сближеніе двухъ взятыхъ нами выше цифръ: общей суммы налога и части ея, причитающейся на петербургскую и московскую губерніи. Необходимо предположить, что для раскладки налога по губерніямъ принята была какая-нибудь оцѣнка имуществъ, или хоть простое исчисленіе ихъ. Судя по этой раскладкѣ, видно, что Москва и Петербургъ, взятыя вмѣстѣ представляютъ болѣе четвертой доли всей недвижимой городской собственности въ цѣлой европейской Россіи, въ томъ числѣ и Остъ-зейскія провинціи, считая всѣ частныя фабрики, заводы, дачи, дома, сады, огороды и даже пустопорожнія мѣста. И дѣйствительно, если оцѣнивать недвижимую городскую собственность въ Россіи по доходу, то оцѣнка эта будетъ весьма незначительна, потому что результаты нашего фабричнаго, заводскаго и всякаго другаго производства крайне бѣдны; если же принять въ расчетъ абсолютную цѣнность земель и строеній въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, то относительно земель получится баснословная дешевизна, а относительно строеній, повсюду конечно деревянныхъ, съ весьма немногими исключеніями, полнѣйшее ничтожество, потому что старыя полусгнившія щепки, если онѣ не приносятъ дохода, не могутъ имѣть никакой цѣнности.

Вводимый налогъ съ городскихъ имуществъ обличаетъ всю бѣдность нашихъ городскихъ сословій, нашей буржуазіи внутреннихъ городовъ. Наше богатство, кажется, мы только и можемъ измѣрять пространствомъ планеты, обозначеннымъ русскими границами, въ этомъ отношеніи мы, пожалуй, перещеголяемъ всѣхъ: стоитъ только указать на киргизъ-кайсацкія, кабардинскія и другія степи...

Вопросъ о преобразованіи полицейскаго управленія принадлежитъ къ числу самыхъ давнишнихъ вопросовъ, возбужденыхъ въ печати, такъ что его справедливо назвать вопросомъ *хроническимъ*, потому что для радикальнаго разрѣшенія его и теперь не предвидится еще возможности, такъ какъ первымъ и непремѣннымъ условіемъ полицейской реформы является устройство такихъ судовъ, которые огра-

ничивали бы исполнительную полицейскую власть, а наша судебная часть, какъ извѣстно, все еще ожидаетъ новаго устройства. Полицейское управленіе въ губерніяхъ и уѣздахъ измѣнено нѣкоторыми паллiативными мѣрами, какъ напримѣръ, учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей, соединеніемъ земской и городской полиціи и т. п. столичная же полиція остается при прежнемъ устройствѣ. Для составленія проекта преобразованія здѣшней полиціи была учреждена особая коммиссія, трудъ которой и разсматривается теперь законодательнымъ порядкомъ. Само собою разумѣется, что по приведенной нами причинѣ, коммиссія должна была проектировать также лишь паллiативныя мѣры для реорганизаціи полицейскаго управленія, которыя могутъ имѣть мѣсто только до новаго судебнаго устройства. До какой степени важна для Россіи судебная реформа и какъ нуждается общество въ скорѣйшемъ окончаніи трудовъ по этой части, легко убѣдиться изъ того, что никакая радикальная мѣра ни въ одной отрасли управленія дѣлается невозможной. Но самый проектъ временнаго преобразованія петербургской полиціи доказываетъ, что судебная реформа еще не такъ близка, какъ бы желало этого русское общество.

Во всякомъ случаѣ проектъ реформы петербургскаго полицейскаго управленія имѣетъ весьма важное значеніе, потому что, какъ слѣдуетъ ожидать, проектируемое устройство исполнительной полиціи останется и при окончательной организаціи судебной части.

Въ устройствѣ полицейскаго управленія, котораго слѣдуетъ желать какъ наилучшаго, должно быть положено основаніемъ совершенное отдѣленіе судебной и слѣдственной части отъ исполнительной, которая одна и должна составлять обязанность полиціи. Для точнаго опредѣленія границъ власти и обязанностей полиціи, конечно могутъ служить хорошо составленныя инструкціи, наказы и приказанія главнаго начальника полиціи, но исполнительныя обязанности, по свойству своему, вообще таковы, что весьма возможно и превышеніе власти и упущеніе при исполненіи обязанностей каждымъ лицомъ управленія, начиная отъ городоваго до полицеймейстера.

Между тѣмъ полицейское дѣло таково, что исполнителямъ некогда разсуждать коллегіально надъ каждымъ живымъ фактомъ, по которому требуется участіе полиціи. Чтобы полиція, не смотря ни на что, оставалась въ предѣлахъ своей власти, необходимъ судъ, который

быстро и справедливо могъ бы обсуждать дѣйствія полиціи, наравнѣ со всякимъ частнымъ лицомъ, нарушившимъ законъ.

Кромѣ посредничества суда между полиціей и обществомъ, имѣетъ громадное значеніе и самый механизмъ полиціи въ томъ отношеніи, чтобы полиція была учрежденіемъ дѣйствительно полезнымъ для общества. Эта внѣшняя сторона полицейскаго устройства и составляетъ существенное содержаніе настоящаго проекта. Отдѣленіе судебно-полицейской части отъ исполнительной проектъ коммиссіи разрѣшаетъ учрежденіемъ особыхъ полицейскихъ судовъ отъ вѣдомства министерства юстиціи. Это вмѣсто настоящей управы благочинія и словесныхъ судовъ, существующихъ при каждой части. Съ устройствомъ общихъ судовъ, полицейскіе суды уже не должны имѣть мѣста, до тѣхъ же поръ они необходимы для тѣхъ дѣлъ, которыя исполняются теперь управой благочинія и словесными судами.

Судебно-полицейскую часть предположено организовать изъ двухъ инстанцій: полицейскихъ судей—власти единоличной, и городоваго полицейскаго суда, рѣшающаго дѣла коллегіально. Обѣ инстанціи производятъ дѣла гласно и устно, закрытое же дѣлопроизводство допускается въ особыхъ случаяхъ (?) по усмотрѣнію суда; въ дѣлахъ нарушающихъ благопристойность и въ дѣлахъ, гдѣ обѣ стороны сами желаютъ сохранить тайну. О правѣ на это самихъ тяжущихся нечего и говорить, но предоставлять судьѣ и городовому суду по своему усмотрѣнію, безъ установленныхъ на то правилъ, вести дѣло открытымъ или закрытымъ порядкомъ, едва ли удобно. По крайней мѣрѣ въ случаяхъ жалобъ тяжущихся необходимо въ подобныхъ дѣлахъ участіе сената, потому что иногда открытыя двери суда могутъ быть лучшей гарантіей для успѣха правой стороны.

Въ Петербургѣ предполагается двѣнадцать полицейскихъ судей, которымъ въ предѣлахъ ихъ участковъ должны подлежать дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, въ томъ числѣ и по нарушеніи устава о печати; вообще власть судей въ уголовныхъ дѣлахъ ограничивается дѣлами, по которымъ денежный штрафъ не превышаетъ 300 р. сер., а арестъ—трехъ мѣсяцевъ и которые не влекутъ лишенія или ограниченія какихъ-либо правъ и преимуществъ; въ гражданскихъ дѣлахъ полицейскіе судьи должны разбирать споры по договорамъ, необезпеченныхъ залогомъ, кромѣ векселей, по которымъ,

равно какъ и по закладнымъ, взысканія останутся, вѣроятно, на обязанности исполнительной полиціи; дѣла объ ущербахъ и убыткахъ не свыше 500 р. сер.; всѣ дѣла, которые теперь разбираются коммиссіей между рядчиками и рабочими, на всякую сумму; взысканія по безспорнымъ обязательствамъ; возстановленіе нарушеннаго владѣнія, если нѣтъ спора о правѣ, и наконецъ всѣ гражданскіе споры, разборъ которыхъ будетъ довѣренъ судьѣ обѣими тяжущимися сторонами.

Петербургъ, какъ городъ многолюдный и преисполненный преимущественно обывателями достаточными, содержащими прислугу, нуждается крайне въ судахъ, гдѣ можно бы было находить расправу на нанятыхъ въ услуженіе людей различныхъ профессій, какъ-то: кучеровъ, которымъ ввѣряются лошади и экипажи и которыхъ обязанности во время ѣзды по улицамъ уже перестаютъ быть обязанностями домашними; поваровъ и кухарокъ, которые, какъ всякому понятно, имѣютъ весьма важное значеніе въ гигіеническомъ отношеніи; нянекъ, гувернантокъ и гувернеровъ, вліяніе которыхъ ощутительно отзывается на всей будущности дѣтей, ввѣренныхъ ихъ присмотру и воспитанію; и наконецъ всей домашней прислуги, которая имѣетъ доступъ ко всѣмъ предметамъ движимой собственности каждаго обывателя.

Въ настоящее время люди, занимающіеся разнаго рода службой по найму частныхъ лицъ находятся *внѣ всякаго суда*, вслѣдствіе чего состояніе ихъ нравственности, или лучше сказать степень добросовѣстности въ исполненіи принятыхъ ими на себя обязанностей, ниже всякаго вѣроятія. Служить въ этихъ дѣлахъ помощью не можетъ ни одинъ изъ настоящихъ судовъ, а что касается проектируемыхъ полицейскихъ судей, то хотя по подсудности имъ лицъ всѣхъ сословій и всякаго званія, жалобы на прислугу и вообще людей, занимающихся службой по частному найму, и могутъ быть обращаемы къ полицейскимъ судьямъ, но едва ли они будутъ успѣвать творить судъ по нимъ, потому что въ такомъ случаѣ имъ не будетъ время заниматься разборомъ споровъ и тяжебъ по имуществамъ, весьма многочисленныхъ въ Петербургѣ, или имъ придется уклоняться отъ разбора мелкихъ жалобъ на прислугу, или пренебрегать этими дѣлами, что повлечетъ за собою неизбѣжное самоуправство и поста-

витъ цѣлыя десятки тысячъ самого подвижнаго, такъ сказать летучаго населенія, внѣ суда, какъ это дѣлается теперь.

Мы думаемъ, что кромѣ всѣхъ возможныхъ судовъ, въ столицахъ необходимы специальные суды для разбора жалобъ и наложенія взысканій на людей нанимающихся въ домашнюю службу. Проступки и преступленія противъ устава о книгопечатаніи также будутъ судимы полицейскими судьями, которые, какъ мы замѣтили выше, представляютъ власть единоличную. Извѣстно, что нѣтъ вопросовъ болѣе спорныхъ, какъ въ дѣлахъ о нарушеніи правилъ книгопечатанія и разрѣшеніе подобныхъ дѣлъ единоличной властью полицейскаго судьи едва ли будетъ удобно; рѣшенія судьи, по проекту, считаются окончательными если наказаніе за проступокъ ограничивается выговоромъ, или штрафомъ не свыше 30 рублей, а въ гражданскихъ дѣлахъ, если цѣна иска не болѣе 30 рублей; въ дѣлахъ же превышающихъ эти цифры допускается жалоба городовому суду, составляющему вторую инстанцію. Дѣло по нарушенію правилъ книгопечатанія, надо замѣтить, весьма щекотливо для самолюбія истца и отвѣтчика, слѣдовательно подводить ихъ подъ одинъ уровень съ имущественными спорами или съ проступками противъ личности, совершенными не публично, не только не удобно, но произвольно. Допустимъ, что въ судъ поступаетъ жалоба на редактора журнала за оскорбительный намекъ на частное лицо. Если судья сдѣлаетъ выговоръ или наложитъ штрафъ въ 30 р., то едва ли удовлетворитъ обѣ стороны, потому что всякая изъ нихъ заинтересована въ дѣлѣ самолюбія и потому пожелаетъ опровергнуть всякое рѣшеніе судьи, хотя бы оно сопровождалось штрафомъ въ 30 копѣекъ; а жалоба по закону невозможна.

Процессы по дѣламъ книгопечатанія, какъ слѣдуетъ ожидать, не будутъ слишкомъ часты и по свойству своему они таковы, что постоянно будутъ возбуждать пренія pro и contra; поэтому не будетъ ли удобнѣе, чтобы всѣ процессы по дѣламъ книгопечатанія начинались прямо со второй инстанціи, т. е. съ городоваго суда, гдѣ дѣла рѣшаются коллегіально.

Изъ проекта о преобразованіи полиціи видно, что на процессы по дѣламъ книгопечатанія обращено было весьма мало вниманія; почему они и подпали вѣдѣнію судьи.

Городовой судъ будетъ состоять изъ предсѣдателя, его товарища, опредѣляемыхъ высочайшей властью и трехъ членовъ, назначаемыхъ министерствомъ. Вѣдомству городоваго суда подлежитъ разсмотрѣніе рѣшеній и дѣйствій полицейскихъ судей, вслѣдствіе жалобъ, требованій и протестовъ, наложеніе *административныхъ* взысканій на судей (?) и судебныхъ приставовъ, разрѣшеніе недоразумѣній и сомнѣній первой инстанціи. Городовой судъ, въ качествѣ первой инстанціи, разбираетъ дѣла о развратномъ поведеніи отставныхъ чиновниковъ и о нарушеніи паспортныхъ правилъ, невлекущихъ другихъ наказаній кромѣ денежнаго штрафа.

Мы окончательно отказываемся уяснить читателю, почему городовому суду, составляющему высшую судебную инстанцію, (сенатъ по отношенію къ суду имѣетъ лишь право кассаціонное) предоставлено утопать въ дѣлахъ о развратномъ поведеніи отставныхъ чиновниковъ и о нарушеніи паспортныхъ правилъ и что именно въ этихъ дѣлахъ такъ важно, что требуется коллегіальный приговоръ высшаго судилища. Дѣлъ о просроченныхъ паспортахъ и о мордобитіи отставныхъ пьяныхъ чиновниковъ, въ питейныхъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, будетъ такъ много, что одному центральному суду едва ли будетъ легче съ ними справится, чѣмъ двѣнадцати полицейскимъ судьямъ. Дѣла подобнаго рода, какъ сказано въ проектѣ, не влекутъ другихъ наказаній кромѣ денежнаго штрафа и, замѣтимъ мы, по всей вѣроятности, весьма въ рѣдкихъ случаяхъ свыше 30 рублей; слѣдовательно, дѣла эти такимъ образомъ не подходятъ ни къ одной категоріи дѣлъ, предоставленныхъ вообще городовому суду. Кромѣ всего, какъ-то странно, что за нарушеніе правилъ о книгопечатаніи будетъ судить полицейскій судья и въ извѣстномъ случаѣ постановлять окончательное рѣшеніе, а за просрочку паспорта или по обличенію какого-нибудь отставнаго чиновника въ пьянствѣ и разныхъ скандалахъ, денежныя штрафы будутъ налагаться высшей инстанціей.

При судьяхъ и городовомъ судѣ учреждаются судебные пристава, въ числѣ двухъ при каждомъ судьѣ и двѣнадцати при городовомъ судѣ, всего 36; они избираются предсѣдателемъ суда и утверждаются въ должности сенатомъ. Обязанность ихъ—исполненіе постановленій и рѣшеній полицейскихъ судей и городоваго суда, вводъ

во владѣніе недвижимыми имѣніями, опись и храненіе имуществъ и т. п.

При судебной полиціи состоятъ: городовой прокуроръ и шесть судебно-полицейскихъ стряпчихъ. Обязанность прокуратуры есть преслѣдованіе преступленій и проступковъ, независимо отъ просьбы частныхъ лицъ, возбужденіе исковъ въ дѣлахъ казны, содѣйствіе судьямъ и наблюденіе за исполненіемъ судебныхъ формъ и обрядовъ; прокуроръ и стряпчіе собираютъ свѣдѣнія, служащія къ подкрѣпленію обвиненій, возбуждаемыхъ помимо жалобы частныхъ лицъ и даютъ заключеніе о существѣ дѣлъ и опредѣленіи наказаній.

Полицейскіе судьи, члены городоваго суда и судебные пристава не могутъ быть увольняемы отъ должности или переводимы на другую безъ ихъ собственнаго желанія; удаленіе ихъ отъ должностей совершается не иначе какъ съ преданіемъ суду, по опредѣленію сената.

Что касается до безсмѣнности судей, то это лучшая гарантія для свободы ихъ совѣсти; но безсмѣнность судебныхъ приставовъ, обязанность которыхъ исключительно исполнительная, нѣтъ основанія признать раціональной. Судебный приставъ непричастенъ рѣшенію дѣлъ, онъ исполняетъ лишь рѣшеніе судьи, или суда; къ чему же служитъ его безсмѣнность. Его совѣсть остается въ покоѣ, и за исполненіемъ судебнаго рѣшенія лучше всѣхъ наблюдаютъ тяжущіеся, и если приставъ привелъ рѣшеніе въ исполненіе неправильно, то это легко городовому суду исправить, командировавъ другого пристава, а неисправнаго уволить. Другое дѣло прокуратура: ея обязанности касаются самаго существа судебныхъ рѣшеній, прокуроры протестуютъ, даютъ заключенія, наблюдаютъ за исполненіемъ формъ; начинаютъ иски за казну, преслѣдуютъ преступленія и проступки, не касающіеся частныхъ лицъ, и, конечно, въ томъ числѣ по дѣламъ о нарушеніи законовъ о печати, и т. п.; все это требуетъ независимости ихъ положенія и безсмѣнность ихъ и независимость отъ административной власти, вполнѣ необходима.

Организація исполнительной полиціи предполагается слѣдующая: оберъ полицеймейстеръ, его товарищъ, четыре полицеймейстера, 40 полицейскихъ приставовъ (не много ли?), 259 околодочныхъ надзирателей, 2,115 городовыхъ стражей, 300 полицейскихъ служителей,

15 резервныхъ офицеровъ, и 150 такихъ же стражей. Всего, кромѣ высшихъ чиновъ полицейскаго управленія, т. е. оберъ-полицеймейстера, его товарища и полицеймейстеровъ,—2,870 человѣкъ, среднимъ числомъ на каждые 5 домовъ приходится по одному лицу. Число полицейскихъ приставовъ, которые будутъ не болѣе какъ передаточной инстанціей между полицеймейстерами и околодковыми надзирателями, и число этихъ послѣднихъ какъ кажется слишкомъ роскошнымъ для Петербурга; это хоть бы Парижу или Лондону.

Содержаніе чинамъ судебной и исполнительной полиціи предполагается слѣдующее: оберъ-полицеймейстеру 10,000 р., товарищу его 5,000, полицеймейстерамъ по 4,500 р., приставамъ по 3,100; околодковымъ надзирателямъ по 300 р., городскимъ сторожамъ отъ 150 до 200 р.

Улучшеніе содержанія распространяется такимъ образомъ на лицъ высшихъ, до приставовъ включительно; околодковымъ же придется колотиться, особенно если они будутъ изъ офицеровъ, и по принятому обычаю налагать нѣкоторую контрибуцію на охраняемыхъ, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ-то особенно и будутъ зависѣть ежедневные мелкіе случаи гражданъ. Тоже самое можно сказать и о городовыхъ стражахъ: жалованье дворниковъ, водовозовъ, вообще всякой прислуги и всякаго здороваго человѣка, промышляющаго чѣмъ бы то ни было въ Петербургѣ, будетъ болѣе жалованья городоваго, слѣдовательно взятка, въѣвшаяся въ нашу натуру, будетъ опять немалымъ соблазномъ.

По судебной полиціи предполагается: предсѣдателю 5,000 руб., товарищу 3,000, членамъ суда по 2,000, полицейскимъ судьямъ по 3,000 р. и на канцелярію 1,500 р., судебнымъ приставамъ 1,200 и на канцелярію 800 руб., прокурору 3,000 р. и на канцелярію 1,000, стряпчимъ по 1,800 р.

Сумма всѣхъ издержекъ: на исполнительную полицію 841,500 р. и на судебную 188,800, всего 1,030,300 р.

На пополненіе этого расхода, относимаго на счетъ города, коммиссія полагаетъ учредить особые сборы: съ вывѣсокъ, питейныхъ, трактирныхъ и увеселительныхъ заведеній, съ лошадей, съ частныхъ объявленій, печатаемыхъ въ газетахъ (по 20 к. за объявленіе), съ денежныхъ взысканій, производимыхъ полиціей и т. п.

Когда проектъ этотъ получитъ утвержденіе и сборы на содержаніе

полиции сдѣлаются дѣйствительно необходимыми, мы еще будемъ имѣть случай обратиться къ обсужденію предмета о столичныхъ сборахъ, а теперь мы считаемъ достаточнымъ нашъ очеркъ о предполагаемомъ преобразованіи здѣшней полиціи, котораго, можетъ быть, придется ожидать еще весьма долго, хотя во всякомъ случаѣ прежде осуществленія судебной реформы, о которой кромѣ нескончаемыхъ надеждъ и темныхъ слуховъ мы ничего не можемъ сказать.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА

Жалкая роль авторовъ общественныхъ замѣтокъ. — Лѣтописцы, смѣшивающіе свою домашнюю жизнь съ общественною жизнью.—Опытъ современнаго фельетона.—Поучительные разсказы и уличныя впечатлѣнія.—Нѣчто объ упражненіи мускуловъ при чтеніи „Отечественныхъ Записокъ“.—*Духовный* или *дудышкинскій* бракъ. Поэтъ Фетъ, какъ часть Тургенева и дополненіе Некрасова. Персидскій поэтъ и русско-персидскій рецензентъ. Посланіе въ стихахъ во вкусѣ Гафиза.—Вечеръ въ маскарадѣ Большаго театра.—Два типа маскерадныхъ героевъ.—Странная манія трехъ субъектовъ: старушки съ выборгской стороны, экзальтированнаго помѣщика и одного русскаго поэта. — Пѣсня о видѣніяхъ стихотворца съ коментаріями Михаила Бурбонова.—Русскіе переводчики Гейне.—Утро лирическаго московскаго пѣвца и пѣсня русскаго педагога изъ нѣмцевъ.—Нѣсколько словъ о лирическихъ пѣсняхъ на гражданскихъ бичевкахъ.—Полемика русскихъ публицистовъ.—Отрывокъ изъ “былины о двухъ московскихъ богатыряхъ„.—Сбѣжавшая губернія и ея защитникъ.—Земной эдемъ, открытій въ Россіи Г. Чичеринымъ, и его мнѣніе о молчаніи и языкочесаніи.—Замѣтка о нѣкоторыхъ литературныхъ салонницахъ.—Слухи передъ новымъ годомъ.—Объявленіе о новыхъ газетахъ.—Хоры изъ Манфреда въ Московскомъ музыкальномъ обществѣ.—Новый великосвѣтскій романъ.—Глава изъ свѣтской поэмы въ стихахъ.—Провинціальныя извѣстія. Ярославскія львицы и проектъ о преобразованіи клуба. — Два педагога.—Ржаніе одного помѣщика.—Курьезная жалоба.—“*Дѣло о солдатѣ, съѣденномъ теленкомъ*“.

Всякій разъ, когда мнѣ случается перебирать газеты, — а я имѣю несчастную привычку читать ихъ каждый день,—всякій разъ, когда я наскоро пробѣгаю газетные фельетоны, у меня невольно вырывается восклицаніе: слава богу, что я не фельетонистъ и не ношу на себѣ ихъ бумажнаго мундира! Изъ всѣхъ мундировъ—это самый ужасный для русскаго человѣка, который носитъ его на себѣ, какъ тяжкую обузу. Читая газетные фельетоны наши, невольно разомъ входишь въ положеніе ихъ составителей. Отъ фельетониста требуется новостей общественной жизни, а жизнь наша на такія новости очень скупа; отъ

него требуютъ веселости, живости, остроумія въ то время какъ его русскіе мозги работаютъ очень медленно, а если онъ иногда своеобразно и остритъ, то это случается не часто — по годовымъ праздникамъ. Кромѣ того, русскій фельетонистъ считаетъ одинаково не приличнымъ икать въ обществѣ, смѣяться въ своихъ фельетонахъ и ходить въ нечищенныхъ сапогахъ. Даже вотъ что: онъ скорѣе надѣнетъ грязные сапоги, скорѣе позволитъ себѣ икнуть въ гостиной любезной дамы, чѣмъ рѣшится смѣяться въ своей лѣтописи». Не думайте, пожалуйста, что я клевещу на нашихъ добродѣтельныхъ авторовъ различныхъ «петербургскихъ замѣтокъ», — я говорю истинную правду. Ссылаюсь прямо на фельетониста «Голоса», который, говоря о театрѣ изрекъ слѣдующее: «можно ли смѣяться надъ тѣмъ, что даетъ хлѣбъ десяткамъ, сотнямъ человѣчества». Видите ли въ чемъ дѣло: десяткамъ, сотнямъ человѣчества даютъ хлѣбъ — взятки, мошенничества, грабежъ, убійства, а потому надъ ними грѣхъ и смѣяться. Вѣдь не правда-ли: надъ ними и смѣяться грѣхъ и обижать ихъ нельзя?

И такъ нашъ фельетонистъ смѣяться не умѣетъ и не хочетъ, болтать неспособенъ и наблюдательностью не одаренъ. Что же изъ всего этого выходитъ?

Слава богу, что я не фельетонистъ!

А признаюсь, я очень люблю слѣдить за хитростями лѣтописцевъ воскресныхъ фельетоновъ, люблю слѣдить съ какимъ искусствомъ умѣютъ они наполнить, ни о чемъ собственно не говоря, двѣнадцать столбцевъ газеты.

Преставьте на этотъ разъ, что я фельетонистъ, представьте себѣ, что я помѣщаю свои «листки» въ какой нибудь ежедневный газетѣ, — я сейчасъ же принимаю на себя типъ одного изъ такихъ журналистовъ и познакомлю васъ съ ихъ манерой занимать свою публику.

Принимая на себя такую новую роль, я тотчасъ получаю увѣренность въ томъ, что, русская публика не столько интересуется общественными новостями, сколько моей собственной персоной, т. е. моимъ расположеніемъ духа, состояніемъ здоровья и ежедневными похожденіями. Придя къ такому обѣжденію, я увѣренъ, что могу напомнить своей автобіографіей огромное число газетныхъ столбцевъ. Напримѣръ, по поводу петербургскаго климата я могу написать цѣлое разсужденіе о моемъ насморкѣ, о хроническомъ кашлѣ моей кузины, по милости котораго она не можетъ участвовать въ благотворительномъ концертѣ. Я могу разсказать вамъ цѣлую исторію о томъ, какъ у меня болѣлъ зубъ,

камъ я бѣгалъ къ дантисту и какъ онъ вмѣстѣ съ зубами едва не оторвалъ моей собственной головы.

Я выхожу на улицу. (Не позабудьте, что все это я пишу въ предполагаемомъ фельетонѣ). По случаю мерзѣйшей слякоти и мелкаго осенняго дождя я печатно дѣлаю строжайшій выговоръ природѣ и при этомъ заявляю публикѣ, что я надѣлъ высокія, теплыя галоши. Вы думате что публикѣ до этого дѣла нѣтъ? Ошибаетесь: у фельетониста все идетъ къ дѣлу. Пользуясь случаемъ, онъ коснется вопроса о непрочности петербургской обуви и кстати рекомендуетъ читателю хорошаго сапожника.

Въ качествѣ фельетониста я выхожу на улицу, хоть на Невскій проспектъ. Какъ солидный человѣкъ я иду смирно, ничему не улыбаюсь, ни дивлюсь. Не удивляетъ меня даже странный способъ, который употребляютъ пассажиры конно-желѣзной дороги, чтобъ попасть въ карету мимо идущаго поѣзда. Поѣздъ идетъ не останавливаясь, и кондукторъ желая помочь бѣгущему сзади путнику чуть ли не за волосы вталкиваетъ его въ делижансъ. Все это меня ни сколько не удивляетъ. Я начинаю знакомить читателя съ слѣдующимъ весьма интересным разговоромъ своимъ съ извощикомъ. (Строчки выходятъ самыя коротенькія, что во 1-хъ пріятно для глазъ, а во 2-хъ для моего кармана.

— Извощикъ!

— Куда прикажете?

— На Гагаринскую пристань.

— Сорокъ копѣекъ.

— С-к-о-л-ь-ко?!.

— Сорокъ копѣекъ пожалуйте.

— Двугривенный.

— Маловато. Тридцать...

Подъѣзжаетъ другой извощикъ.

— Куда прикажете?

— На Гагаринскую... и т. д. и т. д.

Такими остроумными разговорами я наполня четыре столбца фельетона и вывожу изъ этого мораль слѣдующаго рода: петербургскіе извощики оттого такъ дороги, что на нихъ не наложено таксы. Затѣмъ обращаюсь къ новостямъ... Ну, хоть къ театральнымъ. Здѣсь я съ удовольствіемъ потираю руки, зная что театръ меня выручитъ на цѣлый десятокъ газетныхъ столбцевъ. Идетъ, напримѣръ, въ бенифисъ Бур-

дина новая комедія Островскаго «Тяжелые дни», и вотъ я, прежде чѣмъ говорить объ игрѣ актеровъ, начинаю поощрять г. Островскаго. Чтобъ увѣрить публику въ томъ, что этотъ писатель, дѣйствительно, поощренія достоинъ и начинаю разсказывать *своими словами* все содержаніе новой пьесы. Комедія Островскаго разсказанная *своими словами*!!. Что можетъ быть остроумнѣе всего этого! Послѣ того я приступаю уже къ разбору самой игры пьесы, т. е. одного актера глажу по головкѣ, а другаго — порицаю; въ одномъ подмѣчаю искреннее чувство, въ другомъ — вижу холодность и т. п. Затѣмъ, объявивъ читателю о томъ, что я писать по ночамъ долго не могу (ибо всѣ фельетонисты пишутъ по ночамъ), потому что супруга моя боится спать одна, я прощаюсь съ нимъ и заканчиваю свою лѣтопись...

Слава Аллаху, что я не фельетонистъ и не состою при публикѣ чиновникомъ фельетонныхъ порученій. Благодаря своей свободѣ, я пользуюсь правомъ лѣниться и не похожу на бѣдныхъ фельетонистовъ, которые съ ранняго утра, какъ пушечное ядро вылетаютъ изъ квартиръ и рыскуютъ по цѣлому городу, по кандитерскимъ, по клубамъ и собраніямъ съ благою цѣлью выводить какое нибудь явленіе. Пользуясь своимъ правомъ, я могу цѣлый день лежать на диванѣ, и если меня станутъ увѣрять, что гдѣ-то родились свѣжія новости, — я этому рѣшительно не повѣрю. Пусть *самъ* г. Громека будетъ увѣрять меня въ этомъ — я все-таки на слово не повѣрю, потому что знаю: новостей нѣтъ —

И не жди — не будетъ..

Вѣдь наши новости — и не новости вовсе. Представьте себѣ, что г. Дьяченко написалъ и поставилъ на сцену новую комедію — и вы вѣрно не подумаете, что это новость, вѣрно не подумаете, что я пойду въ театръ смотрѣть его новое произведеніе. Я не видавши могу сказать вамъ — въ чемъ заключается новая драматическая штука г. Дьяченко, потому что стоитъ видѣть только одинъ актъ его штуки, чтобъ написать впередъ хоть на 10 лѣтъ рецензіи на всѣ будущія драматическія штуки г. Дьяченко. О балетахъ я тоже не стану говорить, потому что ничего путнаго и новаго не могу сказать вамъ изъ этого міра ученыхъ ножекъ, образованныхъ икръ и эманципированныхъ ляшекъ, хотя меня одинъ добродѣтельный фельетонистъ и увѣрялъ, что г-жа Петипа своими прыжками выражаетъ глубокую мысль и литературою своихъ танцевъ *приводитъ въ жизнь* соціальныя начала».

За какими же новостями я буду гоняться? Если пройдетъ слухъ, что И. Тургеневъ печатаетъ новый романъ, то я этому тоже не дамъ

вѣры, потому что твердо знаю, что романы И. Тургенева только являются однажды въ годъ для русской публики, а именно—къ новому году, вмѣстѣ съ елками, чиновничьими наградами и дешевой распродажей гостинодворскихъ товаровъ. Я не стану гоняться за разными городскими сплетнями и утками, въ родѣ того, что Петербургъ къ январю мѣсяцу скроется подъ волнами наводненія или что г. *Шандоръ* изъ Америки есть псевдонимъ М. М. Достоевскаго. Какое мнѣ дѣло до всего этого? Я ничего не ищу, но какъ г. Фетъ:

Самъ не знаю я, что буду
Пѣть,—но только пѣсня зрѣетъ.

Въ настоящее время, напримѣръ, я хочу лѣниться, хочу лечь на софу (хотя софы у меня нѣтъ, но такъ какъ я ожидаю, что подписавшись на какую нибудь новую газету, непремѣнно получу въ премію хорошую софу—поэтому и говорю такъ), хочу лечь на софу съ цѣлью вырабатывать ручные мускулы — т. е. лежа читать «Отечественныя Записки», начиненныя чугунную ученостью, громековскими бомбами и тяжеловѣстной критикой.

И такъ я начинаю читать «Отечественныя Записки» и останавливаясь на литературныхъ размышленіяхъ г. Дудышкина. Драгоцѣнныя размышленія! Глубокомысленныя открытія! оригинальные пріемы этого критика привели его къ заключенію, что авторъ романа «Что дѣлать?» подражалъ и «бралъ уроки» у г. Авдѣева (въ «Подводномъ камнѣ»). Упрекъ въ такомъ подражаніи просто неподражаемъ!

Расматривая въ ономъ романѣ отношенія мужа и жены, критикъ сдѣлалъ совершенно новое открытіе, Такъ какъ эти супруги жили въ разныхъ комнатахъ, другъ другу не мѣшали и каждый изъ нихъ занимался своимъ дѣломъ, такъ они безъ дозволенія не входили другъ къ другу въ комнату, то критикъ задалъ себѣ вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ живутъ они? Въ законномъ бракѣ? Нѣтъ. Въ грожданскомъ? тоже нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь странныя отношенія? Мы привыкли встрѣчать на Руси мужей и женъ, которые въ своемъ домашнемъ быту ни чѣмъ не стѣснялись другъ передъ другомъ, ходили вмѣстѣ въ баню, и доходили до той невинной простоты, которую ни чѣмъ не отличишь отъ цинизма, а тутъ... что это за новые люди? какъ это они устроили жизнь свою? Жена не можетъ показаться мужу въ утреннихъ «легкотканныхъ одеждахъ», а мужъ не рѣшается безъ условнаго знака войти въ спальню своей супруги? Вѣдь передъ такимъ фактомъ не-

вольно станетъ въ тупикъ чернозеленый, славянскій критикъ привыкшій мѣрить старыхъ великороссійскимъ аршиномъ отношенія мужа и жены. Встрѣвъ же новыя отношенія въ романѣ, критикъ рѣшилъ, что это «бракъ безъ любви, но съ уваженіемъ», что это *«духовный бракъ»*.

Духовный бракъ! это что-то совсѣмъ новое!

Бракъ духовный, полюбовный,
Отношеній близкихъ врагъ,
Вѣчно ровный, хладнокровный,
Бракъ нисколько не грѣховный
И изъ браковъ—лучшій бракъ

Этотъ вновь открытый «духовный бракъ» по справеливости нужно называть теперь «дудышкинскимъ бракомъ».

Знай же, любезный читатель:

Если съ женщиной живешь ты,
Съ ней не видясь натощакъ,
Значитъ васъ соединяетъ
Межъ собой духовный бракъ.

* * *

Если утромъ къ ней идешь ты,
Надѣвая новый фракъ,
И стучишься въ дверь тихонько,—
Значитъ—то духовный бракъ,

* * *

Если рѣчь съ ней заведешь ты,
Не обмолвившись никакъ
Ни однимъ клубничнымъ словомъ,—
Значитъ—то духовный бракъ.

* * *

Если за руку берешь ты,
То держи ее вотъ такъ:
Словно руку жмешь начальству,—
Значитъ—то духовный бракъ.

* * *

Бракъ законный, бракъ гражданскій
Намъ сулятъ не мало благъ,
Но себя отъ бѣдъ спасешь ты,
Лишь вступивъ въ духовный бракъ.

* * *

Буду читать дальше и попробую изъ словъ г. Дудышкина составить небольшой ребусъ для читателя: пусть отгадаетъ онъ—бранится критикъ или хвалитъ какого-то русскаго писателя. Слушайте:

«Да, это такъ; *кругъ его идей тѣсенъ*, *очень тѣсенъ*. Нигдѣ онъ не говоритъ *хорошихъ мыслей*; нигдѣ онъ *не научитъ добру* читателя, не предостережетъ отъ взяточника, не пожалѣетъ мужика; для него не существуетъ формы правленія, для него нѣтъ разницы между ступенями общественности; для него нѣтъ деспотизма семейныхъ узъ; онъ совершенно равнодушенъ къ бѣдности бѣдняка и къ богатству богатаго; онъ не язвитъ начальника, не мирволитъ бѣдному и загнанному чиновнику. Ничего этого нѣтъ у него, я въ этомъ отношеніи можно сказать: *кругъ его понятій очень тѣсенъ*»...

Прочтя эту краткую характеристику, вы непремѣнно подивитесь ядовитости г. Дудышкина и его безпощадности къ неизвѣстному автору Тутъ-то вы и ошибетесь: г. Дудышкинъ пишетъ это о г. Фетѣи пишетъ въ защиту его,—онъ хвалитъ этими словамиг. Фета, вовсе не подозрѣвая, что

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ!

По мнѣнію г. Дудышкина, г. Фетъ есть дополненіе Некрасова, а Некрасовъ дополненіе Фета, и въ то же самое время—тоже его мнѣніе—г. Фетъ есть часть г. Тургенева. Можетъ-быть такое толкованіе выш ло не совсѣмъ ясно, а потому мнѣніе критика нужно формулировать такимъ образомъ: возьми кусочекъ Некрасова и часть г. Тургенева, положи это въ критическую ступку г. Дудышкина, столки и перемѣшай и изъ этого смѣшенія образуется г. Фетъ—цѣльная физіономія поэта. Теперь, кажется, ясно...

Чтобъ разомъ смутить всѣхъ хулителей Фета, г. Дудушкинъ ставитъ его на одну доску... съ кѣмъ бы вы думали?—съ Шекспиромъ, Гёте и Вольтеромъ, а по лиризму сравниваетъ его съ г. Чернышевскимъ. (Отеч. Зап. № 10, литер. лѣтопись, стр. 213—218) Что, каково?

И такъ мы будемъ знать теперь, что г. Фетъ—высшая, поэтическая натура, «хотя кругъ его понятій и оченъ тѣсенъ»; будемъ знать,

Что съ нимъ въ одномъ почетѣ
Вольтеръ, Шекспиръ и Гёте.

Чтобъ окончательно выручить г. Фета, г. Дудышкинъ призываетъ на помощь персидскаго поэта Гафиза и указываетъ на переводы г. Фе-

та изъ этого стихотворца. «Такой удивительной формы мы не встрѣчали со времени Пушкина!» восклицаетъ г. Дудышкинъ. Изъ этого восклицанія мы видимъ, что художественная форма стиховъ доведена до совершенства Пушкинымъ, а послѣ его не улучшалась, и что только Пушкинъ одинъ могъ сравниться по формѣ съ Гафизомъ! Хорошъ-же критикъ, который не знаетъ, что со времени Пушкина и до нашихъ временъ внѣшность и фактура стиха ушли далеко впередъ, такъ что блестящій въ свое время стихъ автора «Онѣгина» теперь уже никого не удивитъ, что же касается до Гафиза... но лучше посмотримъ теперь на г. Фета, обсыпаннаго персидскимъ порошкомъ персидской поэзіи, полюбопытствуемъ оцѣнить эту «удивительную форму», которая еще до нынѣ дивитъ г. Дудышкина.

Вотъ переводъ г. Фета изъ Гафиза:

Не будь, о богословъ, такъ строгъ!
Не дуйся, моралистъ, на всѣхъ!
Блаженства всюду ищемъ мы,—
А это ужь никакъ не грѣхъ!

***

Насъ, какъ израильскихъ сыновъ,
Пустынный истомилъ побытъ,
И мы у неба просимъ яствъ—
А это ужь никакъ ни грѣхъ!

***

Людскую кровь не станемъ лить
Мы для воинственныхъ потѣхъ;
Льемъ виноградную мы кровь,—
А это ужъ ни какъ не грѣхъ!

***

Мы разверзаемъ кладъ души,
Чтобы для сладостныхъ утѣхъ
Всѣ перлы сердца раскидать,—
А это ужь никакъ не грѣхъ!

***

Мы славимъ милую въ стихахъ,
И насъ, быть можетъ, ждетъ успѣхъ,
Плѣнительнымъ плѣненъ поэтъ,—
А это ужь никакъ не грѣхъ!

***

Ты какъ оселъ или верблюдъ,
Кряхтя, тащи тяжелый мѣхъ—
Мы все, что давитъ, съ плечь долой,—
А это ужь никакъ не грѣхъ!

И это называютъ удивительной художественной формой! Помилуйте, да такіе стихи дядя Пахомъ постоянно писалъ; даже г. Розенгеймъ, если немного принатужится,—

Вѣдь и ему писать не грѣхъ!—

такихъ куплетовъ пять-сотъ саженъ сочинитъ; даже Н. В. Гербель— и тотъ не отстанетъ отъ другихъ. Вѣдь такой удивительной формой и самъ я могу удивить, и не только такой формой, а, пожалуй, немножко и похитрѣе:

Не будь, о критикъ, очень строгъ
И не сердись за смѣхъ,
Я-бъ вовсе не смѣяться могъ,
Да развѣ это грѣхъ?

***

Ты очень мудрый человѣкъ,
Мудрѣе прочихъ всѣхъ,
А мы—смѣемся цѣлый вѣкъ,
Да развѣ это грѣхъ?

***

Ты намъ открылъ *„духовный бракъ“*
И заслужилъ успѣхъ,
Въ твоихъ словахъ — положимъ — мракъ,
Да развѣ это грѣхъ?

***

Ты не зашьешь всю жизнь теперь
Критическихъ прорѣхъ:
Прорѣхи есть у всѣхъ, повѣрь,
Да развѣ это грѣхъ?

***

Ты говоришь—Некрасовъ, Фетъ,
Точь въ точь—двойной орѣхъ,
Ну, что жъ! Хотъ въ этомъ смысла нѣтъ,
Да развѣ это грѣхъ?

***

Тебя стихомъ плѣнилъ Гафизъ,
Такъ что жъ такое!.. Эхъ!..
Хоть Тредьяковскимъ ты плѣнись,
Да развѣ это грѣхъ?

*
* *

У всякаго особый вкусъ...
Вѣдь не боясь помѣхъ,
Я Рогенгеймомъ увлекусь,
Да развѣ это грѣхъ?

*
* *

Капризенъ въ формѣ былъ Гафизъ,
Какъ ты въ статьяхъ... У всѣхъ,
Повѣрь, мой критикъ, свой капризъ,
Да развѣ это грѣхъ?..

У всѣхъ свой капризъ... Капризничаютъ не только персидскіе поэты, и русскіе критики, теперь даже капризничаютъ книги и журналы. Такъ напр. долгое время спокойно лежали въ «Москвитянинѣ» статьи А. Григорьева, и такъ бы онѣ и пролежали тамъ до конца вѣка, но вдругъ на эти статьи нашелъ капризъ и они въ прошломъ году изъ «Москвитянина» перебрались въ журналъ «Время»... Противъ каприза ничего не подѣлаешь.

А вотъ еще новый случай въ томъ же родѣ.

Въ прошломъ году въ журналѣ «Собраніе иностранныхъ романовъ и повѣстей» былъ помѣщенъ въ русскомъ переводѣ англійскій романъ: «Безъ заглавія». Романъ этотъ благополучно пролежалъ въ изданіи г-жи Ахматовой,—но вдругъ черезъ нѣсколько времени ему вздумалось пошалить и онъ перебрался въ другое изданіе, а именно въ Русскій Вѣстникъ», гдѣ ему вздумалось перемѣнить свое названіе. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» романъ назывался уже не «Безъ заглавія», но *«Безъ роду, безъ племени»*. Не знаю какъ публикѣ, а самому роману очень понравились такія прогулки и онъ чрезъ нѣсколько времени изъ *«Русскаго Вѣстника»* перебрался въ «Сынъ Отечества», гдѣ назвался опять иначе: *«Силой судьбы»*. Представьте же себѣ положеніе читателя, живущаго гдѣ нибудь въ провинціи и разомъ выписывающаго «Русскій Вѣстникъ», «Сынъ Отечества» и «Собраніе романовъ», представьте себѣ его удивленіе, когда во всѣхъ трехъ изданіяхъ онъ встрѣ-

титъ одинъ и тотъ же переводной романъ. Вотъ что значитъ капризъ!..

Капризъ случая ставитъ часто людей въ еще большее комическое положеніе.

Въ такое положеніе была недавно, а именно 29 ноября, поставлена публика Большого театра. Въ то самое время, когда она ждала поднятія занавѣса — совершенно неожиданно зальная газовая люстра погасла и весь театръ покрылся мракомъ. Въ публикѣ сначала посмѣялись, потомъ въ большинствѣ дамскихъ ложь началось смятеніе: дамамъ вообразилось, что ихъ сейчасъ начнетъ грабить шайка мошенниковъ. Впрочемъ, скоро всѣ успокоились, потому что грабители не являлись, въ корридорахъ было свѣтло, и передняя рамка у сцены была освѣщена. И вотъ, съ отверстія потолка спустился какой-то ящикъ съ ламповщиками, рожки были зажжены, и все пошло своимъ порядкомъ. Вотъ на московскомъ театрѣ, около того же самаго времени, не обошлось такъ благополучно. Въ театрѣ потухъ газъ и режисеръ хладнокровно доложилъ публикѣ, что она можетъ ѣхать изъ театра домой, потому что въ резервуарѣ не оказалось газа... Московская публика почесала затылокъ и поѣхала по домамъ

Въ настоящую минуту я самъ даже начинаю капризничать и, отбрасывая съ своихъ колѣнъ кипу газетъ и журналовъ, отправляюсь въ маскарадъ Большого театра. Двѣнадцать часовъ. Ѣду смотрѣть, какъ веселятся петербургскіе люди.

Едва успѣлъ я на подъѣздѣ Большого театра сдать свое платье, какъ наткнулся на романъ во вкусѣ петербургскихъ маскарадовъ. Кто-то сзади остановилъ меня рукой. Я оглянулся и увидѣлъ маску въ черномъ атласномъ домино.

— Послушай, скажи мнѣ, гдѣ тутъ берутъ эти билеты? спросила меня маска

— По лѣстницѣ, направо.

— Ахъ, нѣтъ! Какой-ты, право, не догадливый... Я не о томъ вовсе говорю..

— Такъ о чемъ-же ты говоришь?

— Несносный! Неужели не понимаешь... Ну, введи меня въ маскарадъ...

Я тутъ только понялъ—въ чемъ дѣло.

— Хорошо, если ты меня знаешь, то я дамъ тебѣ билетъ. Знаешь ты меня?

— Еще бы, знаю...

— Ну, какъ меня зовутъ?

— Какъ! Постой... сейчасъ скажу... какъ на зло сейчасъ забыла... Постой.. Но я уже шелъ вверхъ, лишая себя удовольствія войти въ маскарадъ съ маской...

Когда я явился въ залу — народу было уже много и по всеобщей толкотнѣ можно было назвать вечеръ оживленнымъ. Иныхъ признаковъ оживленія замѣтить я не могъ никакъ. Маскарадъ, какъ мѣсто интригъ, живого остроумія, милыхъ шалостей и дурачествъ у насъ вовсе не имѣетъ никакого значенія. Невскія женщины только потому любятъ маскарады, что всѣ онѣ подъ маской кажутся прекрасными и избавлены тамъ отъ труда прибѣгать къ косметической живописи. Если въ толпѣ двѣ-три маски отдѣляются по своей живости и развязности отъ прочихъ, то по справкамъ непремѣнно оказывается, что онѣ *иностраннаго происхожденія*. Если посреди этой толпы толкающейся, почти безмолвной и скучающей какой-то праздничной скукой, каждого изъ насъ можетъ загрызть самая ужасная тоска, то нельзя безъ большого удивленія и любопытства посмотрѣть на ту публику обоего пола, которая не сходитъ въ маскарадную залу, а съ открытыми лицами сидитъ въ открытыхъ ложахъ. Зачѣмъ она сидитъ тамъ? на что смотритъ? почему ее интересуетъ это зрѣлище полу-сонной, полу-двигающейся толпы?.. Трудно понять...

Музыка гремитъ... Въ залѣ, которая нагрѣвается множествомъ газовыхъ рожковъ и тысячью легкихъ, становится жарко... Передо мной то и дѣло мелькаютъ маскерадные герои, счастливые и несчастливые, одинокіе или посреди толпы масокъ.

Маскерадные герои дѣлятся на два совершенно противоположные лагеря и между собою ни въ чемъ не похожи. Какъ тѣ, такъ и другіе, не пропустятъ ни одного маскарада; тѣ и другіе всегда послѣдними покидаютъ маскарадную залу. Первые изъ нихъ,—счастливые баловни фортуны,—постоянно окружены разнохарактерной вереницей масокъ, которыя весь вечеръ льнутъ къ нимъ, разумѣется, не съ романической цѣлью. Молодящіеся старички и молодые люди, одержимые собачьею ста-

ростью небрежно и снисходительно слушаютъ ихъ общую болтовню и подчиваютъ ужинами съ шампанскимъ.

Другой родъ несчастливыхъ героевъ—большею частію департаментскихъ юношей—не такъ избалованъ маскерадными похожденіями. Такой юноша съ замираніемъ сердца, съ пересохшимъ ртомъ и горломъ, тоскливо перебѣгаетъ залу во всѣхъ направленіяхъ, и при встрѣчѣ съ каждой маской думаетъ: вотъ эта непремѣнно подойдетъ ко мнѣ! Иная дѣйствительно подойдетъ къ нему и онъ разцвѣтетъ и развѣситъ уши...

— Послушай, зачѣмъ ты помадишься такой вонючей помадой? Фи!.. Стоять подлѣ тебя нельзя... скажетъ ему маска и ударивъ его по рукамъ вѣеромъ, проскользнетъ въ толпу.

Всѣ надежды несчастнаго героя распадутся въ прахъ, онъ растеряется, но все-таки будетъ улыбаться, будетъ улыбаться для того, чтобъ кругомъ подумали, что маска сказала ему какую-нибудь любезность.

Подобный сортъ маскерадныхъ витязей, очень не взыскателенъ на счетъ масокъ. Когда онъ потеряетъ всякую надежду встрѣтить «даму» въ маскарадѣ, онъ беретъ себѣ маску *на прокатъ*, т. е. подговариваетъ какую-нибудь свою поджарую, вылинявшую кузину ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. И вотъ онъ въ маскарадѣ съ своей кузиной. Поднявъ высоко голову, махая шляпой онъ ходитъ съ ней по залѣ и весь вечеръ, чтобъ всѣ видѣли, нашептываетъ ей что-то на ухо.

Со стороны вы смотрите на эту пару, видите перешептываніе угрястаго юноши съ голубымъ домино, замѣчаете довольство, разлитое по всему лицу маскераднаго героя, и думаете что между ними идетъ какой-то таинственный, интимный разговоръ, ведется маскерадная интрига. Но тутъ вы жестоко ошибетесь въ вашемъ предположеніи. Если бы намъ можно было подслушать эту пару, мы услыхали бы совсѣмъ не то...

Вотъ онъ наклонился къ уху своей кузины и не смотря на то, что лицо его приняло лукавое донъ-жуановское выраженіе, онъ говоритъ:

— Мнѣ тетинька говорила, что кухарка украла у васъ двѣ скатерти и разливную серебряную ложку... Вамъ непремѣнно слѣдуетъ подать заявленіе въ кварталъ.

Вотъ онъ опять наклоняется къ плечу своей маски, и сказавъ ей громко, такъ чтобъ всѣ слышали: «Ахъ, маска, какъ ты капризна!» — онъ продолжаетъ уже тихо:

— Завтра я думаю сходить передъ должностью на Семеновскій

плацъ: мнѣ говорили, что тамъ отличное драповое пальто за 8 р. с. продается.

Такимъ образомъ онъ *интригуетъ* свою кузину цѣлый вечеръ. Бѣдная кузина!.. Но такъ какъ не у всякаго найдется заваляшая кузина или карявая сестрица (подъ маской вѣдь не видать!), то убогій маскерадный герой прибѣгаетъ къ другимъ мѣрамъ, а именно — онъ идетъ къ большому буфету. Около буфета постоянно мелькаютъ маски, алчущія и жаждущія полакомиться на чужой счетъ, *на даровщинку*. Смѣтливый департаментскій ловеласъ стоитъ и ждетъ, съ жирной улыбкой посматривая вокругъ себя.

Къ нему подходитъ маска...

— Купи мнѣ яблоко или винограду! проситъ она.

Онъ только этого и ждалъ и обѣщаетъ ее угостить только съ тѣмъ уговоромъ, если она *пойдетъ съ нимъ ходить*... Такому герою ничего больше и ненадо; для него нѣтъ выше наслажденія какъ *ходить* по залѣ съ маской.

— Ходить-то я, пожалуй, могу весь вечеръ, безцеремонно замѣчаетъ маска, а ну если я отъ ходьбы-то проголодаюсь: накормишь меня ужиномъ?..

— Накормлю, непремѣнно будемъ ужинать... Пойдемъ, пойдемъ въ залу. И вотъ угрястый юноша блаженствуетъ: онъ ходитъ какъ и прочіе, рука объ руку съ маской. Не смотря на увѣренія своей маски, что она по французски слова не смыслитъ, онъ громогласно забрасываетъ ее французскими фразами:

— Comptez-vous aller en France cet été?

— Перестаньте болтать сорокой...

— Je vous prie de ne pas le faire, car vous lui fendez le coeur, si vous vous moquez de lui...

— Да, полноте же...

Но онъ уймется только тогда, когда замѣтитъ, что нѣсколько счастливыхъ маскерадныхъ героевъ изъ перваго разряда мимоходомъ обратили на него свое вниманіе.

Музыка между тѣмъ играла кадриль. Посреди залы очистился кругъ для танцующихъ, гдѣ стали составлять пары какіе-то тирольцы и полишинели.

Когда изъ этой толкотни и несносной духоты я пошелъ искать курительной комнаты, то долженъ былъ пробраться въ нее чрезъ холодныя, зимнія сѣни. Въ самой курительной комнатѣ, назначенной для

театральной публики было такъ холодно какъ въ сараѣ. Порядочные дрова получили бы способность обижаться, если бы имъ отвели подобное помѣщеніе... Съ лихорадочною дрожью я выскочилъ оттуда и снова отправился въ маскерадную баню.

На встрѣчу мнѣ попался одинъ знакомый съ маской. Онъ подвелъ маску ко мнѣ.

— Вотъ онъ самъ на лицо, указывалъ онъ на меня: браните его самого. Эта маска, батюшка, выстрѣливала въ меня цѣлымъ залпомъ стиховъ, и бранитъ васъ всѣхъ за то, что вы чувства преслѣдуюте... Презабавная..

— Иди, иди извергъ! говорила маска своему прежнему спутнику какимъ-то горловымъ задыхающимся голосомъ.

Не успѣлъ я оглянуться какъ она повисла на моей рукѣ. Мы пошли.

— Ахъ, вы ужасные люди, ужасные люди начала она длинный монологъ, не отдыхая на минуту. Вы все отвергаете, не понимаете истиннаго чувства, не понимаете истинной поэзіи, какъ напримѣръ у Ростопчиной. Ахъ, да! знаешь, какъ она говоритъ:

Я узница, а не жена.

Вы злые, злые!.. Чувства женщины вамъ не понятны... Вотъ посмотри ты на меня, я совершенно одна въ мірѣ.

Я одна, кругомъ чужіе,
Нѣту жалости ни въ комъ...

Меня никто не разгадалъ еще, а между тѣмъ я могла дать много счастія другой жизни, могла оживить новыми силами пылкое сердце! Помните, эти стихи:

Приходи мой другъ единственный
Ночью въ мой покой таинственный;
Тамъ алоэмъ съ кипнамонами
Померанцемъ и лимонами

И душистыми бананами
И цѣлебными бальзамами
И гвоздикой и лилеями
Напитался садъ съ аллеями.

Съ тѣла, страстью раскаленнаго
Сорвала я ткани лишнія...

Дожидаяся влюбленаго
Друга милаго, безсоннаго,
Раскраснѣлась словно вишня я...

—

Я не зналъ, что и думать о своей спутницѣ.

— Не хочешь ли, маска, выпить стаканъ воды, — предложилъ я ей.

— Къ чему тутъ стаканъ воды, когда и океанъ не потушитъ того, что горитъ въ моей груди... продолжала она въ томъ же тонѣ.

— Послушай, маска, еслибы я не видалъ твоихъ глазъ, по которымъ видно, что ты не старуха, то подумалъ бы, что ты родилась въ томъ столѣтіи.

— Что вѣкъ?

Что жизнь? — Одна-ли, двѣ-ли ночи..

Сердце никогда не умираетъ, какъ стихи поэта! Ахъ! Фетъ! за что всѣ такъ бранятъ ..

Ахъ, дитя! къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мнѣ въ коронѣ звѣздной...

Какъ бы обрадовались гг. Дудышкинъ и Эдельсонъ, если бы встрѣтили эту защитницу ихъ средневѣковаго девиза.

— Я ищу человѣка, неутомимо продолжала маска, который бы какъ на святыню смотрѣлъ на мои чувства, далекія всего земного... Я ищу любви, но любви, чистой, я ищу духовной любви... я хочу

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя
О любви мнѣ сладкій голосъ пѣлъ.

— Не читала ли ты статьи Дудышкина, маска, *о духовномъ бракѣ*, — смѣясь спросилъ я... Но маска меня не слушала и продолжала развивать свою поэму.

Во всякомъ случаѣ я былъ очень радъ, встрѣтивъ такое родство душъ между русскимъ критикомъ и моей маскарадной незнакомкой.

Наговорившись до сыта, моя маска наконецъ замѣтила, что я не очень внимательно и серьезно слушаю ее болтовню и тотчасъ же меня бросила, прицѣпившись къ какому-то очень юному джентльмену. Болтовня эта ужасно утомила меня и я уѣхалъ изъ маскарада.

———

Получивъ съ почты въ настоящую минуту еще только *сентябрскую* книжку «Русскаго Вѣстника», я невольно произнесъ слѣдующій афоризмъ: *«Русскій Вѣстникъ»* не только отъ вѣка отстаетъ, но даже отстаетъ отъ мѣсяцевъ, потому что его *сентябрская* книжка выходитъ въ декабрѣ. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ, мнѣ извѣстныхъ, по поводу запаздыванья московскаго журнала образовалась даже такая поговорка: если кто придетъ въ гости очень поздно, то ему говорятъ: вы опаздываете, какъ «Русскій Вѣстникъ».

Пересматривая въ этой книжкѣ «Русскаго Вѣстника», три стихотворенія князя Вяземскаго, я невольно началъ припоминать о цѣломъ совершенно особенномъ рядѣ человѣческихъ странностей. Странности эти выражаются тѣмъ, что вотъ вдругъ человѣку залѣзетъ въ голову какая нибудь мысль или подозрѣніе и онъ никакъ не можетъ отъ нихъ отдѣлаться. Случаевъ такихъ бываетъ много. Такъ однажды представилось гоголевскому герою, что у него носъ пропалъ, а разъ убѣдившись въ этомъ, онъ не могъ увѣрить себя въ противномъ, ни съ помощью зеркала, ни съ помощью собственнаго осязанія.

Разскажу два подобныхъ случая.

Знаю я на Выборгской сторонѣ одну старушку, которая живетъ съ своими дочерьми. Дочери ухаживаютъ за старухой и содержатъ ее. Не смотря на ласки и услуги дѣтей у старушки съ нѣкоторыхъ поръ явилась манія, нѣчто въ родѣ помѣшательства. Иногда найдетъ на нее такой стихъ, что ей кажется будто всѣ родственники ее обокрали. Начнетъ она охать, жаловаться всѣмъ при встрѣчѣ на судьбу и на дочерей, которыя ее, изволите-ли видѣть, ограбили. Напрасно старуху стараются убѣдить въ противномъ, показываютъ, что всѣ ея вещи, все ея имущество цѣло и нетронуто — она никому не хочетъ въ этомъ вѣрить и плачетъ, разливается, плачетъ... Разумѣется, на такую старуху обижаться нельзя и нужно рукой махнуть.

А вотъ вамъ даемъ другой случай — изъ провинціальной жизни. Жилъ въ одномъ городѣ мелкопомѣстный помѣщикъ Кукишкинъ и жилъ безъ всякихъ бурь и треволненій. Однажды какъ-то случилось Кукишкину идти по улицѣ. Попадается ему на встрѣчу плотникъ и представилось Кукишкину, что плотникъ ему языкъ высунулъ и кулакомъ погрозилъ. Попадается баба на встрѣчу — баба дѣлаетъ тоже самое. Идетъ онъ въ другую улицу, и кажется всѣ, кто ни попадется, ему языки высовываютъ и кулакомъ грозятъ. Идетъ онъ дальше и представляется,

ему, что всѣ кричатъ вслѣдъ ему: подлецъ помѣщикъ Кукишкинъ! подлецъ помѣщикъ Кукишкинъ!...

Такъ прошелъ день-другой, прошла недѣля, и исторія не прекратилась. Куда-бы ни пошелъ Кукишкинъ всѣ—уличные мальчишки, дамы, нищіе, лавочники, показывали ему языкъ, грозили кулакомъ и кричали: подлецъ помѣщикъ Кукишкинъ!..

Взорвало это, наконецъ, Кукишкина. Отправляется онъ къ мѣстному полиціймейстеру.

— Что вамъ угодно? спрашиваетъ онъ...

— Я къ вамъ съ жалобой пришелъ. Вотъ уже цѣлую недѣлю, едва я только носъ покажу на улицу, какъ мнѣ всѣ начинаютъ грозить и подлецомъ обзывать. Я этого стерпѣть не могу...

Полиціймейстера, разумѣется, удивила такая странная жалоба. Онъ разсмѣялся. Къ счастію онъ былъ человѣкъ догадливый, а потому отпустилъ помѣщика Кукишкина, съ обѣщаніемъ, сдѣлать зависящее распоряженіе о томъ, чтобъ горожане не смѣли говорить ему грубостей.

Прошла еще недѣля. Однажды полиціймейстеръ встрѣчаетъ на улицѣ Кукишкина.

— Здравствуйте... Ну что, помогло ли мое внушеніе, спрашиваетъ первый. Обижаютъ ли васъ теперь на улицѣ?

— Нѣтъ, перестали.

— И языковъ не высовываютъ и кулаками не грозятъ?

— Нѣтъ, теперь всѣ вѣжливы стали, благодаря вамъ, и при встрѣчѣ со мною кланяются и говорятъ:—Будьте здоровы, г. Кукишкинъ!

Съ тѣхъ поръ ему дѣйствительно не представлялись подобныя обиды со стороны жителей скромнаго города.

Что вы на это скажете?

Вотъ той же самой галлюцинаціей, которой страдали провинціалъ помѣщикъ и старушка съ Выборгской стороны, одержимъ одинъ россійскій стихотворецъ, имѣющій большое сходство съ другимъ поэтомъ — Кн. Вяземскимъ. Этотъ, стихотворецъ страдаетъ *нигилизмоманіей* и въ каждой ихъ строкѣ видитъ какую-то потаенную баррикаду, вездѣ видимъ онъ у насъ самодѣльныхъ Дантоновъ и Робеспьеровъ.

Дантонъ! Маратъ! Ихъ вѣкъ давно умчался:
Ихъ «Вѣстникъ» истребилъ, а «День» въ томъ росписался.

Но россійскій стихотворецъ «временъ Булгарина и Николая Греча» думаетъ совсѣмъ иначе и вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, даже въ каж-

домъ темномъ углу собственной квартиры видитъ, какъ уѣздная барышня, какихъ-то «ужасть какъ страшныхъ мужчинъ». Вотъ что пишетъ онъ, обращаясь къ одному изъ такихъ «ужасныхъ кавалеровъ»:

Напрасно мыслишь ты, прекрасный *) либералъ,
Что отъ толпы впередъ далеко ты *удралъ* **),
Что ты опередилъ свой вѣкъ столѣтьемъ цѣлымъ,
Что разумомъ своимъ всевѣдущимъ и смѣлымъ,
Порядка новаго предтеча и пророкъ,
Народамъ и царямъ преподаешь урокъ.
Не вѣренъ твой расчетъ и ложь въ твоей посылкѣ!
Ты не впередъ ушелъ *съ глазами на затылкѣ* ***),
Ты за семьдесять лѣтъ перескачилъ назадъ.
Стара и рѣчь твоя, и старъ весь твой нарядъ,
И съ новизной своей ты яркая заплата
Въ кровавомъ рубищѣ Дантона и Марата.

Вотъ до чего доводитъ «нигилизмоманія». Говорятъ, что тотъ же самый стихотворецъ сложилъ про себя слѣдующую пѣсенку, а если не онъ самъ, то, вѣроятно, кто-нибудь изъ его друзей:

---

*) Слово *прекрасный* нужно понимать здѣсь въ смыслѣ коварномъ.

**) Слово *удралъ* заимствовано у Михаила Бурбонова, который первый началъ употреблять въ стихахъ подобныя смѣлыя выраженія. Въ справедливости этого показанія можно убѣдиться изъ слѣдующаго посланія М. Бурбонова:

Когда красавицъ Аполлонъ
(Не ты—его журнальный тескэ!)
Меня прогналъ съ Парнаса вонъ
И обругалъ довольно жостко,
Съ Парнаса мигомъ *я удралъ*,
Чтобъ отъ тычковъ избавить шею
И.... неожиданно попалъ
Въ литературную траншею.

***) Опять выраженіе, заимствованное у Михаила Бурбонова, который даже принялъ на свой собственный счетъ обращеніе неизвѣстнаго стихотворца, и такъ отвѣчалъ ему:

Огромный смыслъ лежитъ въ твоей посылкѣ,
И мы не встрѣтимся съ тобой въ журнальномъ стадѣ:
У насъ глаза — положимъ — на затылкѣ,
А у тебя нѣтъ глазъ ни спереди, ни сзади.

ЖРЕБІЙ ПѢВЦА.

Новый, старый жаръ
Испыталъ поэтъ.
И его кошмаръ
Давитъ много лѣтъ.
Видитъ всюду онъ:
Передъ нимъ стоятъ—
Господинъ Дантонъ,
Господинъ Маратъ.

***

Въ улицѣ — ѣзда...
Школьники бѣгутъ...
Кажется, вѣдь тутъ
Что бы за бѣда?
Но поэтъ смущенъ;
Видитъ—самъ не разъ—
Передъ нимъ—Дантонъ,
А за нимъ—Маратъ.

***

Сынъ не зналъ урокъ,
Бѣгаетъ весь день,
Но отецъ не могъ
Видѣть въ этомъ—лѣнь;
И уснувъ, сквозь сонъ
Видѣлъ, что стоятъ
Передъ нимъ—Дантонъ,
А за нимъ Маратъ

***

Вычистилъ слуга
Дурно сапоги,—
Видитъ онъ врага
Въ личности слуги,
И лакею онъ
Говоритъ:—«Ты, братъ,
Тоже сталъ Дантонъ,
Тоже сталъ Маратъ».

***

На подушку разъ
Шла изъ носу кровь,—
Этимъ ужь не въ бровь,
Прямо въ самый глазъ
Былъ уколотъ онъ:
Передъ нимъ стоятъ—
Господинъ Дантонъ,
Господинъ Маратъ.

* *
*

Съ почты получилъ
Книги изъ столицъ,
Но едва раскрылъ
Нѣсколько страницъ,—
Испуская стонъ,
Крикнулъ: „гнать назадъ
Это самъ Дантонъ!
Это самъ Маратъ!

* *
*

Всюду—день и ночь,
Уже много лѣтъ
Ту двойную тѣнь
Видитъ нашъ поэтъ.
Гдѣ бы ни былъ онъ—
Передъ нимъ стоятъ—
Господинъ Дантонъ,
Господинъ Маратъ.

Тотъ же самый неизвѣстный стихотворецъ, желая совершенно доконать нагилистовъ, поражаетъ ихъ слѣдующимъ ударомъ:

Грѣхъ ихъ преслѣдовать упрекомъ или свистомъ
На нѣтъ и нѣтъ суда—плодъ дастъ-ли пустоцвѣтъ?
Ума въ нихъ нѣтъ, души въ нихъ нѣтъ—
Тутъ по неволѣ будешь нигилистомъ *).

Очень злая эпиграмма! Удивляюсь только ея церемонности. Прочтя это четверостишіе, я только одно могу замѣтить:

---

*) Михаилъ Бурбоновъ—какъ Донъ-Кихотъ въ чинѣ маіора—и эти стихи принялъ почему-то на свой счетъ и отвѣчалъ такъ:

Ты-бъ насъ преслѣдовалъ, когда бы только могъ,
И нигилистовъ всѣхъ прогнать былъ радъ съ дороги,
Да то бѣда одна: таланту не далъ Богъ
И параличъ разбилъ равно языкъ и ноги.

Поэты старые—большіе чудаки!
У нихъ въ ругательствахъ приличья виденъ слѣдъ.
Чѣмъ тонко замѣчать: ума въ васъ вовсе нѣтъ,
Сказали-бъ напрямикъ:—вы, просто, дураки.

Во всякомъ случаѣ я очень люблю читать стихи этого древняго поэта, люблю уже по одному тому, что каждая его риѳма облита ведромъ пота. Кстати о риѳмахъ. Одинъ герой повѣсти Н. Щедрина очень затруднялся въ риѳмѣ къ слову: *образъ*. Риѳма, дѣйствительно трудная... Какого же было мое удивленіе, когда я узналъ, что извѣстный «поэтъ майковскаго періода» г. Тютчевъ послѣднее время очень занимался *образомъ* и нашелъ таки риѳму на него... Что слухъ этотъ справедливъ—я могу подтвердить кому угодно.

Кажется, уже болѣе пятнадцати лѣтъ русскіе поэты стали знакомить нашу публику съ пѣснями, а между тѣмъ по милости этихъ же самыхъ русскихъ поэтовъ публика мало знакома съ поэтическою личностью нѣмецкаго юмориста. Авторъ «Германіи» съ его убійственнымъ юморомъ, отъ котораго морозъ подираетъ по кожѣ и въ то же самое время вырывается неудержимый хохотъ, по милости нашихъ переводчиковъ выходитъ чѣмъ-то въ родѣ, Ѳ. Берга, воспѣвающаго зайчиковъ и цвѣточки. Ту сторону огромнаго таланта Гейне, гдѣ только выражается одинъ его капризъ, минутная лирическая шалость, наши переводчики возвели въ общій типъ поэзіи Гейне и начали въ-запуски переводить его пѣсенки въ родѣ слѣдующей:

Превратились, дитя, мои слезы
Для тебя въ полевые цвѣты,
То не вздохи мои раздаются:
Соловья тамъ заслушалась ты.

* * *

Полюби меня только,—цвѣтами
Я бъ усыпалъ малютки постель,
И всю ночь тебя стала бъ баюкать
Соловьиная нѣжная трель.

Подобнаго рода пѣсни не только переводить, но и самому писать не трудно пользуясь пріемомъ Гейне. Это вѣдь не то что перевести его зимнюю сказку «Германію», для чего нужно и переводчику имѣть извѣстную силу. Съ «Германіей» такъ и случились. Г. Водо-

возовъ ее не *переводилъ*, а точно перетаскивалъ на русскій языкъ, и сдѣлалъ изъ Гейне какого-то нѣмецкаго Розенгейма. Г. Всеволодъ же Костомаровъ передѣлалъ «Германію» по своему маштабу (маштабъ же г. Вс. Костомарова извѣстенъ) и *исправлялъ* Гейне...

И такъ переводчики наши, считая Гейне поэтомъ въ родѣ Фета и Тютчева, стали въ перегонку переводить изъ него пѣсни, имъ доступныя. Да за то, кто же и не переводилъ Гейне! Всѣ переводили.

Если кто среди насъ переводитъ стихи —
То всю жизнь переводитъ изъ Гейне.

Я самъ началъ себя помнить съ тѣхъ поръ, какъ сталъ переводить изъ Гейне и былъ еще въ курточкѣ, какъ изводилъ нѣмецкаго поэта и писалъ:

Высоко надъ землей
Въ небѣ звѣзды стоятъ.
Съ неземною тоской
Другъ на друга глядятъ
Что-то все межъ собой
Безъ конца говорятъ... и т. д.

Каждый изъ нашихъ стихотворцевъ влѣзалъ въ гейневскую перчатку и кричалъ оттуда, что онъ его переводчикъ. Множество его пѣсенъ выдержали нѣсколько переводовъ и все дѣло заключалось въ томъ, что одинъ переведетъ, напр.

Привяжи, душа—рыбачка,
Ты у берега челнокъ!
Подойди, рука съ рукою,
Сядемъ рядомъ на песокъ—

Стихотвореніе переведено и, кажется, дѣлу конецъ. Нѣтъ, не тутъ-то было: является новый переводчикъ, который обидѣвшись за перваго, пишетъ:

Красавица — рыбачка,
Причаль свою ладью,
Приди и выдь на берегъ,
Дай ручку мнѣ свою:

Но мы и двумя переводами не отдѣлываемся и получаемъ третій

Причаль, рыбачка, поскорѣй,
Я къ берегу зову,
Изъ лодки выдь, мнѣ руку дай
И сядемъ на траву.

Вотъ какъ забавляются русскіе поэты!.. Примѣровъ такихъ забавъ много. Одинъ переводчикъ, именно Л. А. Мей, тоже для забавы перерядилъ Гейне въ славянскую поддевку и перевелъ его такимъ образомъ:

Доля — веселая дѣвка:
Все ей смѣшонъ да издѣвка —
Чмокнетъ тебя въ полуночь
Кудри растреплетъ и прочь... и т. д.

Забавляются русскіе поэты надъ Гейне и другимъ манеромъ. Такъ г. Н. Бергъ переводитъ напр. пѣсню Гейне (и притомъ не разъ одинъ уже переведенную другими) придумываетъ ей особое игривое названіе и выдаетъ ее не за переводъ, а за собственное сочиненіе. Самъ, говоритъ, сочинилъ.

Всякій разъ какъ я вспомню о русскомъ поэтѣ, а всякій русскій поэтъ — непремѣнно переводчикъ Гейне, онъ мнѣ иначе не представляется, какъ въ слѣдующей московской обстановкѣ. Всѣ истинные поэты — необходимо живутъ въ Москвѣ; если случайно и заводятся они въ Петербургѣ—то не надолго: не сегодня, такъ завтра въ бѣлокаменную удерутъ.

И такъ, сидитъ поэтъ въ Москвѣ въ жаркій лѣтній день у раскошнаго окна. Грудь на роспашку, безъ сюртука и галстуха. Зной такъ и валитъ въ комнату. Потъ градомъ катится съ поэта и онъ прохлаждается домашнимъ квасомъ, котораго выпиваетъ нѣсколько графиновъ. Вотъ тутъ-то и особенность московской жизни, у кого вы найдете въ Петербургѣ домашній квасъ? Вотъ я живу въ домѣ богатаго домовладѣльца, онъ пару лошадей держитъ, а домашняго квасу все-таки не имѣетъ. Въ Москвѣ же этотъ славянскій нектаръ въ каждой квартиркѣ бѣдной найдется.

Поэтъ сидитъ, пьетъ квасъ и куритъ въ черешневомъ чубукѣ жуковъ табакъ. Куритъ, потѣетъ и пьетъ.

Приносятъ «Московскія Вѣдомости», но онъ ихъ только лѣниво перевернулъ и положилъ на столъ. «Экой шрифтъ скверный — глазамъ больно.» Но газету онъ не читаетъ не потому, что шрифтъ, въ самомъ дѣлѣ, нехорошъ, а потому что, какъ натура поэтическая, онъ политикой вовсе не интересуется. Что ему политика!.. Долетали до него разные политическіе толки, но очень смутно, такъ что въ его головѣ рѣшительно все перемѣшалось. Какими-то неясными образами ходили въ ней политическіе вопросы и въ общей ихъ путаницѣ онъ

смѣшивалъ тронную рѣчь Наполеона съ прокламаціею Линкольна и шлезвигъ-голштинскій вопросъ съ японскими волненіями. Поэту, рожденному «для сладкихъ пѣсенъ и молитвъ»—до всего этого мало дѣла.

Листъ «Московскихъ Вѣдомостей» брошенъ и уже залитъ квасомъ. Жаръ какъ будто сталъ меньше. Поэтъ беретъ со стола гитару и начинаетъ тихо напѣвать:

Близь Ревеля баронъ — баронъ любитель псовъ,
Жилъ съ деревенской простот-о-о-о-ою...!

или же пѣсенку Жуковскаго:

Дѣвушки-дѣвицы
Разъ мнѣ говорили:
Нѣтъ-ли небылицы
Иль старинной были...

Но гитара и пѣніе скоро наскучили. Если у поэта есть фортопьяно, а при фортопьянѣ жена (поэты большею частію женятся для музыки), то онъ обращается къ послѣдней съ словами...

— Пожалуста, съ играй поди, знаешь, мое любимое...

Жена знаетъ это *мое любимое* и играетъ. Поэтъ сидитъ и самъ себя увѣряетъ, что онъ слушаетъ музыку, что онъ любитъ музыку, (вѣдь нельзя же поэту не любить музыки!) Но на самомъ-то дѣлѣ и не слушаетъ музыки и не любитъ ее.

Любимое наконецъ съиграно.

— Что я теперь стану дѣлать? думаетъ поэтъ, допивая послѣдній стаканъ квасу. Вдругъ лице его свѣтлѣетъ: онъ нашелъ себѣ занятіе.

— Дай, говоритъ, я стану переводить Гейне! Именно Гейне переводить булу...

Затѣмъ онъ дѣйствительно садится переводить Гейне, т. е. не то что въ самомъ дѣлѣ Гейне... позвольте, тутъ есть маленькій секретъ, который я теперь открою.

Поэтъ идетъ къ шкапу и вынимаетъ изъ него стихотворенія Гейне, въ переводѣ М. Михайлова. Вотъ по этой-то книжкѣ онъ и будетъ переводить нѣмецкаго поэта. Вы, я вижу, меня не совсѣмъ понимаете? Я сейчасъ объясню все дѣло. Переводить Гейне—изъ самого Гейне—дѣло не всегда легкое, притомъ же этотъ нѣмецкій языкъ... бррръ!!.. сами вы знаете какой это языкъ: сосисками отъ него пахнетъ. Поэтому-то не лучше ли переводить Гейне по *русскому* переводу. Этотъ способъ—презанимательный. Раскройте наудачу, напр. книжку переводовъ М. Михайлова и читайте пѣсню:

Когда гляжу тебѣ въ глаза,
Стихаетъ на сердцѣ гроза,
Когда въ уста тебя цалую,
Душею вѣрю въ жизнь иную.

* *
*

Когда склонюсь на грудь твою,
Не на землѣ я, а въ раю...
Скажи «люблю»—и, самъ не знаю
О чемъ я горько зарыдаю.

А вотъ другой переводъ той же пѣсни:

Когда въ глаза тебѣ гляжу,
Грозы въ душѣ не нахожу,
Когда я устъ твоихъ коснусь —
Я Богу вѣрю и молюсь.

* *
*

Когда склонюсь къ тебѣ на грудь,
Мнѣ, точно, рай—земной мой путь,
Шепнешь „люблю,“—не знаю самъ
Зачѣмъ я волю дамъ слезамъ.

Которая пѣсня лучше? Но тутъ дѣло не въ томъ, которая изъ нихъ лучше, а въ томъ, что первая пѣсня—изъ Гейне, а вторая изъ Михайлова, т. е. переводъ съ перевода, а такихъ переводовъ въ русской литературѣ не мало.

Лучшимъ типическимъ представителемъ русскихъ переводчиковъ Гейне я считаю одного нѣмца, который былъ учителемъ *русскаго* (замѣтьте!) языка въ провинціальной гимназіи и который вотъ какъ граціозно перевелъ одно гейневское стихотвореніе:

Съ сумеркомъ прибѣжалъ вечеръ,
Дикая кричалъ заливъ
И я на берегѣ стоялъ
И на дикія волны смотрялъ.
Мой грудь потолстѣлъ, какъ море,
И сильный меня хватилъ
Желаніе къ отечеству,
Любезный образъ,
Который меня вездѣ, вездѣ зоветъ —
Въ шумѣ моря, въ дыханіи вѣтеръ
И въ дыханіи собственной груди.

Съ легкимъ трость я писалъ на пескѣ:
Алиса! я люблю тебѣ!
Но дикія волны
Разсмѣевались надъ моимъ сладкимъ объясненіемъ
И уничтожили его.
Сломающій трость, разбросающій песокъ,
„Дикія волны, я не вѣрю вамъ!
Море потемнѣетъ,
Но сердце мой будетъ свѣтло."
И сильнымъ рукой
Изъ лѣсовъ Норвегіи я хватилъ
Самый высшій елкъ
И запихнулъ его въ горящемъ пастѣ Этна
И съ этимъ великанскимъ перомъ
Писалъ на темномъ небѣ:
Алиса! я люблю тебѣ!..

Если русскіе переводчики Гейне разсмѣются надъ этимъ переводомъ то тѣмъ хуже для нихъ: они засмѣются сами надъ собой.

Между нашими *оригинальными* поэтами съ нѣкоторыхъ поръ возродился новый типъ стихотворцевъ. Стихотворцы эти отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что изъ гражданскихъ веревочекъ свиваютъ лирическія пѣсни, чѣмъ дѣлаютъ переходъ отъ наивной поэзіи Фета къ поэзіи *будто бы* сознательной, хотя собственно говоря гражданская сторона ихъ пѣсенъ тоже не совсѣмъ уловима. Гражданскіе бичевки вы точно замѣчаете, но до самой суши пѣсенъ все-таки не добираетесь.

Типомъ подобныхъ поэтовъ можетъ служить г. П. Ковалевскій— присяжный поэтъ Современника. Вотъ послушайте его стихотвореніе.

ОПОЗДАЛЫЕ.

Подъ мракомъ тучъ и подъ грозой
Мы терпѣли, о ведра ждали
Блеснуло солнце за горой—
И мы поспѣшною толпой
Къ открывшейся пустились дали.

Была заманчива намъ даль
И бодро къ ней мы поспѣшали;
Минуты каждой было жаль;
Все намъ казалося едваль
Мы выйти въ путь не опоздали?

Идемъ. А западъ полосой
Уже блистаетъ за горами...
И ослѣпляя красотой,
Скрывается во мглѣ густой
Даль, не достигнутая нами.

Мы ровно ничего не понимаемъ въ этой пѣснѣ. Мы не знаемъ, куда идутъ эти «опоздалые», какая это красивая даль, которой они не достигли, но за то мы понимаемъ, что во всемъ этомъ есть какія-то гражданскія слезы есть узелки гражданскихъ веревочекъ, а потому у насъ опускаются руки для всякаго порицанія.

Я сказалъ, что подобнаго рода поэзія есть переходная ступень отъ поэзіи Фета, т. е. сдѣлай г. Фетъ шагъ впередъ—и онъ неизбѣжно дописался бы до г. Ковалевскаго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, г. Фетъ не такъ бы, напримѣръ, закончилъ свое слѣдующее извѣстное стихотвореніе:

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

Сдѣлай г. Фетъ еще шагъ впередъ и онъ бы не поставилъ здѣсь точки, а такъ бы продолжалъ:

Чудная картина,
Какъ ты не родна,—
Скорбью гражданина
Все жъ душа полна,
И тоски пейзажа
Выразить нѣтъ словъ:
Съ третьяго этажа
Сброситься готовъ.

Будущій пѣвецъ, которому г. Фетъ передастъ свою лиру, какой-нибудь *Ѳетъ*, непремѣнно узаконитъ эту лирико-гражданскую поэзію.

Къ распрямъ и политическимъ перебранкамъ многихъ русскихъ публицистовъ очень идетъ поговорка: «милые бранятся—только тѣшутся». Ссорились между собою гг. Катковъ и Н. Павловъ, ссорился г. Громѣка съ г. Скарятинымъ, ссорился «День» съ «Русскимъ Вѣстникомъ», а въ сущности что же изъ этого вышло? Ровно ничего: милые ссорились—только тѣшились

Ихъ познакомила общая доля,
Ихъ подружило желанье одно,

а потому до ссоръ-ли тутъ!...

Вотъ хоть послѣдняя полемика между г. И. Аксаковымъ — «публицистомъ вообще пріятнымъ» и г. Чичеринымъ — «публицистомъ пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ», посмотрите какъ мирно, комически мирно она закончилась...

Полемика эта, кромѣ шутокъ, происходила съ обѣихъ сторонъ не безъ нѣкотораго остроумія. Дѣло въ томъ, что въ редакціи «Дня» было совѣщаніе, о которомъ разсказываетъ одна московская былина. Привожу здѣсь только одно начало былины:

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ БЫЛИНЫ

О ДВУХЪ МОСКОВСКИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

Подъ стѣнами бѣлокаменной,
Замѣчательной преданьями,
Публицистовъ рѣчью пламенной,
Сикофантова изданьями
И классическими зданьями
Замѣчательной царь-пушкою,
(Исторической игрушкою),
Полемическими свайками,
Калачами вмѣстѣ съ сайками,—
Въ свѣтлой гридницѣ Аксакова
Собралось народа всякаго.
Поснимавъ шеломы мѣдные
И кольчатыя нагрудники
Собралися „Дня" сотрудники
Порицать идеи вредныя
Петербургской журналистики
И изданій невскихъ листики,
Собрались сыны Московіи

Препираться въ краснословіи
И съ терпѣньемъ москвитянина
Или юноши влюбленнаго
Почитать статей Антонова *)
И статеекъ Волынянина **)

***

Что не пѣсенка соловушки
По зарѣ несется трелями,
Разгоняя сонъ въ головушкѣ
Надъ горячими постелями
Молодца и красной вдовушки,
То промчалась рѣчь Аксакова
Всѣхъ плѣняя одинаково
Богатырской прибауткою
И московской, сочной шуткою.

Для полнаго сохраненія мѣстнаго колорита, обращаюсь теперь къ собственнымъ словамъ московскихъ публицистовъ.

Въ № 48 «Дня», г. Аксаковъ, удивляясь постоянному молчанію Тамбовской губерніи, зло восклицаетъ: «Да, полно существуетъ ли такая губернія? не сбѣжала-ли она?» Казалось-бы, что тѣмъ дѣло должно и кончиться. Но случилось иначе. На бѣду г. Аксакова случилось такъ, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ г. Чичерину вздумалось родиться именно въ этой же самой Тамбовской губерніи. Не родись г. Чичеринъ въ этой губерніи—онъ-бы промолчалъ въ данномъ случаѣ, но теперь онъ счелъ нужнымъ обиду г. Аксакова принять на свой счетъ. «Тамбовская губернія — это я!» подумалъ г. Чичеринъ, и такъ спѣшилъ отвѣчать своему обидчику. Отвѣтъ его стоитъ вниманія.

«Мнѣ заподлинно извѣстно, что сдѣлалось съ Тамбовскою губерніею. Я въ ней родился, воспитывался, живу въ ней каждое лѣто и люблю ее сердечно. Могу сообщить вамъ о ней самыя достовѣрныя свѣдѣнія. Вы усомнились въ самомъ существованіи Тамбовской губерніи. Вы подозрѣваете что она куда-то сбѣжала, пропала безъ вѣсти»

(Г. Чичеринъ обиженъ за свою губернію, обиженъ тѣмъ, что предположивъ, что Тамбовская губернія сбѣжала куда-то, пропала безъ вѣсти, могутъ подумать, что и уроженецъ ее тоже пропалъ безъ вѣсти, и такого предположенія г Чичеринъ снести не могъ и спѣшилъ дать отпоръ).

---

*) **) Постоянныя сотрудники „Дня".

«Смѣю васъ увѣрить, продолжаетъ онъ, что она преспокойно стоитъ на мѣстѣ, не смотря на то, что не считаетъ нужнымъ о себѣ говорить... Мнѣ кажется (*слушайте!*) что въ настоящее время (*какое же это особое время?*) молчаніе есть именно признакъ благополучнаго пребыванія на мѣстѣ. (*Вотъ оно что!*) Видно не дурно жить, если не жалуются (*экой счастливый уголокъ!*) не приходятъ въ азартъ и не чувствуютъ потребности изливаться на страницахъ русскихъ журналовъ.

«Васъ порочитъ дѣйствительно нѣсколько странное явленіе. Съ недавнихъ поръ Россію постигла язва непомѣрнаго *языкочесанія*. (Дочесался же языкъ г. Чичерина до новаго, да еще ядовитаго слова, въ родѣ его *казачества въ наукѣ*) Всѣ взапуски пустились говорить, и старый и малый, знающіе и невѣжды, чиновники, помѣщики *и люди безвѣстнаго рода и племени* (за послѣднихъ всего обиднѣе: чиновники и помѣщики еще и туда и сюда—у нихъ языкъ можетъ чесаться,—а, тутъ вдругъ,—вообразите, заговорили *люди безвѣстнаго рода и племени*,—вѣдь это ужасно!) «И вотъ среди этого Вавилонскаго столпотворенія, въ самомъ центрѣ Россіи, за 450 верстъ отъ Москвы, есть губернія, которая молчитъ себѣ да молчитъ. Васъ это озадачило...На вашемъ мѣстѣ я сдѣлалъ бы иное заключеніе; я сказалъ бы: должно быть—*что мудрѣйшая изъ губерній* (ибо это родина самого г. Чичерина) я вспомнилъ бы поговорку; *рѣчь—серебро, а молчаніе—золото.*»

Далѣе г. Чичеринъ увѣряетъ, что молчаніе не признакъ сна, и что «въ тишинѣ совершается великое превращеніе народной жизни.» Однимъ словомъ, какъ замѣчаетъ г. Аксаковъ,—по мнѣнію г. Чичерина—Тамбовская губернія есть русское Эльдорадо и въ ея китайскомъ молчаніи видѣнъ здоровый русскій прогрессъ. Чѣмъ же кончилась эта полемика? А тѣмъ, что г. Аксаковъ, радуясь за тамбовскую цивилизацію, просилъ г. Чичерина указать ему на корреспондентовъ, которые могли бы сообщать ему факты о тамбовскихъ аркадскихъ нравахъ, объ его счастьѣ и благоденствіи.

Милые бранятся—только забавляются: полемики ихъ не доводятъ до вражды.

Полемики г. Чичерина съ г. Аксаковымъ напомнили мнѣ о моихъ врагахъ. Я никогда не отвѣчалъ и не буду отвѣчать на выходки цѣлой стаи враговъ, которыхъ у меня развелось многое-множество. Я и теперь не думаю отвѣчать имъ, но въ концѣ послѣдней книжки этого года я хочу сказать о нихъ нѣсколько словъ.

При той независимости, съ которой я всегда отзывался о разныхъ литературныхъ солопницахъ, мнѣ нужно было давно ожидать, что враги у меня будутъ. Я ждалъ враговъ, но думалъ, что они будутъ гораздо злѣе, думалъ, что они станутъ проходить съ убійственнымъ молчаніемъ мимо какого-то неизвѣстнаго «темнаго человѣка», а они-то, они-то!... Они посвящаютъ мнѣ цѣлыя изданія и думаютъ больше о мнѣ, чѣмъ о публикѣ. Я въ концѣ каждаго мѣсяца гуртомъ пересматриваю эти изданія, для меня выпускаемыя въ свѣтъ и любуюсь ихъ стараніемъ выжать изъ себя хоть одно мѣткое, язвительное словцо...Бѣдные! когда я пишу, они стоятъ сзади меня, слѣдя за каждымъ моимъ словомъ, какъ будто я составляю интересное для нихъ духовное завѣщаніе. Желая поразить меня своимъ «языкочесаніемъ», они кажется, для того, чтобъ ихъ языкъ былъ злѣе, кололи его булавками, но и это не помогало, и они все таки оставались похожими на того славянскаго мужа, который корчилъ предъ своей женой ревниваго Огелло, а жена въ это время писала письмо къ своему любовнику. Всѣ эти господа за неимѣніемъ зубовъ, кусаются деснами, и десны ихъ отъ такого упражненія такъ распухаютъ, что они, вѣроятно, на ночь смазываютъ ихъ квасцами. Читая статьи этихъ господъ, я не рѣшаюсь подносить ихъ къ носу, потому что они пропитаны тѣмъ самымъ зловоннымъ потомъ бездарности, которая грызетъ до крови ногти и готова отгрызть собственную голову, для того, чтобъ придумать злую обидную эпиграмму, но, увы! придумываетъ какіе-то литературные акафисты и кондаки.

Именъ этихъ субъектовъ я не называю во 1-хъ потому, что у нихъ, какъ у Расплюева, нѣтъ имени, а во 2-хъ, всѣ эти господа такъ между собою схожи, что, право, для отличія ихъ нужно мѣтить, какъ носовые платки, мѣтками изъ краснаго шелка.

За этими добродушными литературными вдовицами, принимающими на себя роль хищныхъ, я замѣтилъ одну наивную привычку: желая поразить враг , они берутъ у него его собственное выраженіе и имъ же стараются уязвить его. Господа! будьте же и остры и тупы на свой собственный счетъ и не поражайте враговъ имъ же принадлежащимъ оружіемъ. Неужели вы и тупости своей не придумаете? Впрочемъ, вѣдь и то правда: самая тупость есть тоже продуктъ человѣческаго мозга, а эти (писаки) могутъ поставлять продуктъ для однихъ только агрономовъ.

Ругайтесь же, господа,—и никогда не стану отвѣчать вамъ; ку-

сайтесь до утомленія вашей добродушной кровожадности, но только, пожалуйста, говорите всегда, когда вы укусите меня: вѣдь иначе какъ же я и узнаю объ этомъ? Кусайтесь же совершенно безнаказанно, и если вы отгрызете штрипку на моихъ панталонахъ, вы можете употребить ее, какъ закладку на той страницѣ вашихъ произведеній, гдѣ ваше клубличное или казарменное остроуміе будетъ особенно сочно и забористо.

Новый годъ на дворѣ. Новый годъ сулитъ намъ множество обѣщаній. На обѣщанія не скупятся ни старые, ни новые журналы.

«Сѣверная Пчела», вступая въ супружество съ новымъ ежемѣсячнымъ журналомъ «Заграничный Вѣстникъ», будетъ называться по всей вѣроятности, *дешевкой*, потому что станетъ продаваться по баснословно дешевой цѣнѣ.

Нѣкто г. Михно издаетъ съ новаго года журналъ «*Русская сцена*», въ которомъ примутъ участіе всѣ писатели сошедшіе со сцены, а именно гг. Н. В. Кукольникъ (вѣроятно вы помните г. Кукольника?) Тимофѣевъ (а этого знаете?) Ѳ. Кони, П. Вейнбергъ, Евгеній Туръ, Языкова (?!) Роммеръ (?!) и мн. др.

На Руси явится еще «Русь» подъ редакціей г. Бажанова.

Г. Боборыкинъ даромъ будетъ съ 1 января раздавать всѣмъ желающимъ свой романъ: «Въ путь-дорогу?»

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» явятся романы четырехъ Толстыхъ: Л. Толстаго, Алек. Толстаго, Е. Толстаго и Ѳ. Толстаго (Ростислава).

Множество новыхъ комедій гг. Дьяченко, Потѣхина 2 и др.

Бесѣду о радостяхъ будущаго 1864 года откладываю до январской книжки. Теперь же пока мы въ саромъ году и принуждены удовольствоваться декабрскими новостями к... ну, хоть, новой комедіей Н. Потѣхина: «Доля-Горе» — въ Петербургѣ и въ московскомъ музыкальномъ обществѣ—музыкой Шумана въ увертюрѣ и хорахъ къ Байроновскому Манфреду. Не знаю какова музыка г. Шумана, но слова къ хорамъ — замѣчательны. Чтобъ показать всю ихъ прелесть укажу на московскій самодѣльный переводъ хора духовъ:

Въ прежній хаосъ все низвергнетъ слово его.
Дохнулъ онъ—и бурный вихрь вздымаетъ валы!
Сказалъ—и громъ гремитъ и молнія блещетъ!
Взглянулъ—и меркнетъ лучь солнца передъ нимъ!
Чуть дрогнулъ—и разлетится міръ на части...
Гдѣ онъ ступилъ—волканъ поднимаетъ землю;
Язву раждаетъ его тѣнь.
Грозно въ небесахъ, какъ гонцы,
Кометы мчатся передъ нимъ.

Браво! Переводчики! Мы вызываемъ московскаго переводчика...

Съ давнихъ поръ намъ не случалось читать въ русскихъ журналахъ повѣстей изъ свѣтскаго быта. Свѣтскіе писатели замолчали, даже гр. Соллогубъ и тотъ измѣнилъ себѣ и вмѣсто велико свѣтскихъ разсказовъ сталъ писать юбилейные куплеты. Каково-же было наше удивленіе, когда въ сентябр. книжкѣ «Русскаго Вѣстника» мы узрѣли новый великосвѣтскій романъ графа Е. Толстаго, романъ съ княгинями и князьями, съ пышными будуарами и свѣтской болтовней. Въ произведеніи гр. Е. Толстаго, которое онъ самъ назвалъ почему-то «*Неудачнымъ романомъ*» (зоилы говорятъ, что романъ дѣйствительно неудачный) всѣ правила свѣтскаго романа соблюдены.

Давно намъ не приводилось читать салонныхъ романовъ и повѣстей салонныхъ писателей. Подъ вліяніемъ новаго произведенія гр. Е. Толстаго я самъ началъ писать большую поэму изъ великосвѣтскаго міра, чтобы хоть нѣсколько познакомить читателя съ будуарнымъ романомъ г. Е. Толстаго; я переведу здѣсь первую главу изъ этой поэмы, надѣясь заслужить похвалу отъ всѣхъ почитателей «большаго свѣта». Прошу ихъ смотрѣть снисходительно на мой первый опытъ. И такъ, я начинаю.

ГЛАВА ИЗЪ СВѢТСКОЙ ПОЭМЫ.

Въ благовонномъ будуарѣ
Запахъ розъ и poudre de rix
И разсыпались волнами
Вкругъ атласныя драпри.

Подъ раскрашеннымъ экраномъ
Съ трескомъ теплится каминъ
И подъ лампой абажурной
Глазъ не рѣжетъ керасинъ.

На прозрачныхъ этажеркахъ
Бронза, золото, фарфоръ
И разбросаны небрежно
На каминѣ Presse и Nord.

На стѣнѣ изъ пышныхъ рамокъ
Тамъ глядѣли, какъ свои —
Ликъ Люи—Наполеона
И Друэна де-Люи.

На диванѣ у камина
Чьи-то ножки, чей-то станъ...
То Маркиза Леонора
Опустилась на диванъ.
Ручка тихо щиплетъ блонды.
Губки сжались, чуть дыша.
Графъ сидитъ и мыслитъ втайнѣ:
„Какъ маркиза хороша!"

— „Вы сегодня очень глупы,
Милый графъ,—нагнали сплинъ"...
(Графъ гаванскую сигару,
Вслухъ зѣвнувъ, швырнулъ въ каминъ).

— «Вы, ей-богу, очень странны:
То клянетесь мнѣ въ любви,
То сидите, какъ убитый
Цѣлый вечеръ vis-à-vis».

„Леонора! вы капризны...
Я дѣйствительно убитъ"...
(Снова новую сигару,
Графъ закуривать спѣшитъ.)

„Цѣлый годъ я жду отвѣта.
Что жъ, скажите: да иль нѣтъ?"
Но маркиза занялася
Бомбоньеркою конфетъ.

„Вамъ, я знаю, мужъ противенъ,
Я вамъ нравлюсь, я влюбленъ.
Что-жъ мѣшаетъ намъ?" (Сигару
Вновь въ каминъ бросаетъ онъ).

— „Мужъ мнѣ точно, что противенъ,
У него несносный нравъ,
Да и старъ онъ, но... „Но, что же?"
Развалившись молвилъ графъ.

— „Я люблю васъ... не хотите-ль
Милый графъ, моихъ конфетъ?..
Я люблю васъ, но рѣшилась
Все же вамъ отвѣтить: *нѣтъ*!.“

Тутъ маркиза граціозно
Вдругъ зѣвнула:—„Ахъ, тоска“!..
Графъ потягиваясь сдѣлалъ
Два отличные зѣвка.

Я люблю васъ, графъ Евгеній,
Но вы—видите-ль—умны,
А мы, женщины, въ мужчинѣ
Избѣгать ума должны.

Умъ мужчинъ для насъ опасенъ,
Страсть нужна намъ, сердца жаръ„...
(Графъ небрежно изъ кармана
Вынимаетъ порть-сигаръ)

— „Люди умные болтливы,
(Два протяжные зѣвка)
Потому себѣ ищу я, —
Графъ, не злитесь,—дурака“.

„Вы безумны, Леонора!“
— «Что жъ! во вкусахъ всякій правъ»...
(Портъ-сигаръ слоновой кости
Изъ руки роняетъ графъ).

„Но, вѣдь такъ мутить безбожно!“
— «Я шучу? О, нѣтъ, никакъ!»
(Графъ беретъ со стула шляпу
И застегиваетъ фракъ).

— „Что жъ мнѣ дѣлать?“—,,Если можно,
Превратитесь въ дурака‘‘..
(Графъ зѣвнулъ, маркиза тоже
Начала зѣвать слегка).

,,Такъ прощайте!‘‘ Графъ съ зѣвотой
Покидаетъ будуаръ,
А она зѣвнула тоже,
Крикнувъ вслѣдъ:—,,Au revoir‘‘!

Для перваго опыта довольно. Если между моими читателями найдутся свѣтскія люди и дамы, я смиренно буду ждать ихъ приговора.

Поднимемъ теперь другой занавѣсъ и посмотримъ, что дѣлается на сценѣ провинціальнаго міра.

Въ № 275 «С. Пб. Вѣдомостей» пишутъ изъ Ярославля:

Въ Ярославлѣ недавно открылись семейные вечера, устроенные съ цѣлью сближенія разрозненныхъ уголковъ провинціальнаго общества. Сначала все будто бы шло хорошо: молодежь танцовала, другіе играли въ карты, третьи толковали о политическихъ дѣлахъ. Все шло, говорю я, пока хорошо, но нѣкоторыя ярославскія львицы не выдержали и устроили демонстрацію. Когда въ залу клуба являлись незнакомыя имъ личности, онѣ съ азіатскою нетерпимостью громко спрашивали: *эта кто такая? откуда она?* Вскорѣ послѣ этого, татарщина заразила и мужскую половину клуба. Нѣкоторые господа, либералы въ духѣ «Русскаго Вѣстника», приготовили проектъ о преобразованіи клуба. Проектъ ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ дѣйствительными членами клуба были дворяне, а купцы могли быть только членами - посѣтителями.

Ай да ярославскіе либералы!...

Славься клубъ провинціальный,
Ярославскій клубъ дворянъ
И проектъ ихъ либеральный,
Ставшій гордостью славянъ.
Ахъ, предвидимъ мы заранѣ—
Слухъ пройдетъ во всѣ концы;
Въ клубъ войдутъ одни дворяне
И изгонятся купцы.
И тогда-то будетъ любо
Для дворянскихъ всѣхъ сердецъ:
Что не вступитъ въ двери клуба
Ни одинъ уже купецъ.

Теперь два слова о нѣкоторой особенности яр — ской гимназіи. Въ этой гимназіи такіе пастушескіе, наивные нравы, что тамъ никогда не бываетъ педагогическихъ совѣтовъ: все дѣлается само собою. Нужно учинить какое нибудь распоряженіе — оно учиняется одною рукою; нужно выписать журналы—и журналы выписываются по выбору одного, потому педагоги могутъ читать только тѣ изданія, которыя *нѣкто* заблагоразсудилъ выписать. Каждый яр — скій преподаватель смѣло можетъ пѣть:

И я въ Аркадіи родился!..

А вотъ что пишутъ въ «Спб. Вѣд.» о другомъ педагогѣ:

«По случаю храмоваго праздника происходила служба въ церкви одного частнаго учебнаго заведенія при многихъ служащихъ чиновникахъ и стороннихъ посѣтителяхъ. Глава заведенія видимо скучалъ и не зналъ, какъ убить время. То подойдемъ къ правому клиросу и озирается кругомъ, по сторонамъ, то быстро перейдетъ къ лѣвому и оттуда высматриваетъ молящихся воспитанниковъ, то остановится посрединѣ церкви, то стремглавъ обратится къ стойкѣ, гдѣ продаютъ свѣчи, давъ двѣ или три изъ нихъ кому-либо изъ воспитанниковъ, чтобы поставить къ мѣстнымъ образамъ, то обратится къ выходу изъ церкви въ залу, смотря въ окно, то перебѣжитъ на хоры, указывая молящемуся воспитаннику какъ дѣлать земной поклонъ, то застегнетъ пуговицу, то поправитъ платье, то гордо всматривается въ лица служащихъ. Словомъ, глава былъ въ особомъ состояніи духа, препятствовавшемъ ему быть въ церкви, и, вотъ случай, который вполнѣ выказалъ это состояніе. Къ началу херувимской пришла въ церковь жена классцаго надзирателя, въ сопровожденіи кормилицы, несшей на рукахъ маленькаго сына именинника, съ желаніемъ пріобщить его. Малютка, при видѣ воспитанниковъ, стоящихъ по сторонамъ церкви, былъ, по видимому, чѣмъ-то озадаченъ и не взирая на ласки своей кормилицы и старанія матери, поспѣшилъ подать голосъ среди всеобщей тишины. Глава заведенія, услыхавъ голосъ ребенка. мигнувъ унтеръ-офицеру, который тотчасъ явился выслушать приказаніе начальника. «Я тебѣ приказываю выпроводить это», указывая пальцемъ на кормилицу съ ребенкомъ. Сержантъ, при матери и близко стоявшемъ отцѣ, объявилъ о волѣ своего начальника. Отецъ, подавляемый обидою, уговаривалъ кормилицу поспѣшнѣе одѣться и выйти изъ церкви, но кормилица съ

матерью старались еще какъ нибудь приласкать ребенка. Тогда глава счелъ за лучшее лично распорядиться съ ослушниками его воли. Надобно сказать, что все это происходило во время пѣнія херувимской. Онъ, величественно и быстро, своими мощными руками, схватилъ за плечо кормилицу и, повернувъ ее, преспокойно вытискалъ за дверь, въ холодныя сѣни.. Теплое платье ребенка и кормилицы осталось на окнѣ въ церкви. Мать вышла съ отчаяніемъ и слезами на глазахъ... Поспѣшили было въ другую церковь, но тамъ службы не оказалось. По возвращеніи домой, ребенокъ заболѣлъ, да и мать не можетъ опомниться отъ незаслуженнаго оскорбленія.

На другой день глава заведенія сдѣлалъ вечеръ для воспитанниковъ, казался очень довольнымъ собою и всячески старался заискивать ихъ расположеніе; но они не могутъ заглушить въ себѣ тяжелое, грустное впечатлѣніе отъ крайняго поступка отца благодѣтеля ихъ съ младенцемъ.

А вотъ и еще любопытный экземпляръ изъ нашихъ педагоговъ: въ № 269 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано слѣдующее письмо къ издателямъ: «Мм. гг. Позвольте сообщить вамъ подробности объ одномъ невѣроятномъ, но, къ сожалѣнію, вполнѣ достовѣрномъ происшествіи, случившемся въ одной изъ здѣшнихъ женскихъ школъ. Въ концѣ прошедшаго мѣсяца, въ эту школу, около $2^1/_2$ часовъ, когда кончаются уроки, и дѣвицы расходятся по домамъ, явился одинъ изъ членовъ попечительнаго совѣта о женскихъ школахъ—лицо, по своему званію, облеченное довѣріемъ дворянства, но, повидимому, съ совершенно особой точки смотрящее на значеніе выборной должности и на отношенія попечительнаго совѣта къ заведеніямъ, ввѣреннымъ его заботамъ. Заботливый покровитель школы вообразилъ себя главнымъ начальникомъ этого заведенія, и притомъ, начальникомъ въ томъ смыслѣ, который, къ счастію, болѣе и болѣе утрачиваетъ значеніе — начальникомъ дѣлающимъ набѣгъ на заведеніе, съ гамомъ, крикомъ, распеканіями, и мгновенно налагающимъ на мирное убѣжище какое-то, можно сказать, осадное положеніе.

«Едва этотъ неожиданный начальникъ явился въ школу, какъ уже съ первыхъ шаговъ его можно было замѣтить, что онъ ищетъ повода выразить свое неудольствіе. «Какъ отвратительно держать себя ваши дѣти!» говоритъ онъ, обращаясь къ начальницѣ. «Посмотрите: развѣ такъ кланяются начальнику?» прибавилъ онъ, видя что дѣти, занятыя,

по случаю роспуска, уборкой своихъ книжекъ, не всѣ вдругъ замѣтили громоноснаго ревизора.

— «По мѣстамъ, развѣ не видите: начальникъ вошелъ; не такъ руки держите!» кричитъ онъ, болѣе и болѣе приходя въ негодованіе, и грозно прибавляетъ, обращаясь къ вошедшей начальницѣ: «Посмотрите:—что за порядокъ! Кто стоитъ, кто сидитъ, кто уткнулъ голову въ ящикъ! Ce son des dévergondées, ce ne sont pas des demoiselles!» Не слушая никакихъ объясненій, импровизированный начальникъ шумѣлъ, кричалъ, топалъ, обращался съ дерзкими словами къ начальницѣ и класнымъ дамамъ, упрекая ихъ получаемымъ жалованьемъ и повторяя, что онъ—начальникъ. Ужасъ распространился въ заведеніи: дѣти жались, какъ испуганныя овцы; нѣкоторыя плакали; класныя дамы глотали слёзы... Замѣтивъ, что двѣ дѣвицы, ходившія подъ-руку и ошеломленныя происходившимъ, остановились въ той позѣ, какъ ходили, неудержимый начальникъ сталъ дергать ихъ за руки. Одна изъ дѣвицъ растерялась окончательно, и хотя стремительный членъ совѣта тормошилъ ее, рука ея оставалась въ рукѣ подруги. Начальница подошла къ воспитанницѣ и взяла ее за руку: рука была холодная и дрожала. Всѣ эти безобразныя сцены продолжались около часа. Наконецъ, герой уходился и почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ сталъ извиняться предъ начальницей и классными дамами, объявившими, что, послѣ нанесеннаго имъ оскорбленія, онѣ не могутъ остаться въ заведеніи; старался обратить происшедшее въ шутку и объяснялъ дѣло искренностью своего нрава. Черезъ день въ заведеніе была прислана корзинка конфетъ, но посылка была тотчасъ отправлена обратно.

«И все это происходило въ 1863 году.»

По поводу одного провинціальнаго курьеза мнѣ невольно пришла на память извѣстная статья г. Скарятина: «о табунныхъ свойствахъ русскаго человѣка» и вообще я вспомнилъ о ржаніи «Русскаго Листка», называемаго нынче «Вѣстью».

Вотъ что пишутъ мнѣ изъ *городка*:

...«Есть у насъ одинъ помѣщикъ. Жилъ онъ долгое время, какъ и всѣ его собратья,—тихо: то на гумнѣ, то на охотѣ съ борзыми. Случилась вдругъ съ нимъ странная перемѣна: онъ началъ слишкомъ усердное поклоненіе бахусу. Но это бы еще ничего: въ провинціяхъ этого божка вообще всѣ очень почитаютъ и нашъ помѣщикъ никого особен-

но не удивилъ этимъ. Удивилъ онъ насъ совершенно другимъ. Послѣ каждаго усерднаго поклоненія богу винограда, онъ велитъ (по жалуйста, не считайте моихъ словъ за утку) прислугѣ вести себя на задній дворъ. Выведутъ барина за руки на дворъ.

— Гоняй меня на кордѣ! приказываетъ онъ. Прислуга сначала не рѣшается исполнить этого приказанія, но послѣ сильныхъ угрозъ, принимается гонять барина на веревкѣ.

Онъ бѣгаетъ, потъ льется съ него градомъ. Наконецъ, совершенно выбившись изъ силъ, онъ требуетъ, чтобъ его вели въ конюшню.

Въ конюшнѣ нашъ баринъ становится въ пустое стойло и начинаетъ... (увѣряю васъ) начинаетъ ржать по лошадиному... Этимъ онъ забавляется очень часто. Что вы скажете?

Я скажу на это, что вѣроятно онъ читаетъ постоянно журналъ г. Скарятина.

Въ нѣкоторомъ отдаленномъ уѣздѣ недавно явился съ жалобой одинъ мѣщанинъ и представилъ жалобу на другаго мѣщанина. Въ письменной его жалобѣ значилось, что такой-то мѣщанинъ N учинилъ ему мордобитіе и вырвалъ изъ головы правый високъ, *«копію съ котораго* (гласило прошеніе) *при семъ и представляю»*.

При бумагѣ, дѣйствительно, была приложена, но только *не копія*, а оригинальная пукля волосъ...

Кстати о курьезахъ. Говорилъ я когда-то о дѣлѣ, одного присутственнаго мѣста, гдѣ на заголовкѣ значилось: «дѣло о пропажѣ неизвѣсто куда пятнадцати десятинъ земли». Укажу на другое дѣло, не менѣе курьезное.

Лѣтъ пять тому назадъ одинъ безсрочно-отпускной солдатъ шелъ зимой на побывку къ себѣ въ деревню, но на дорогѣ замерзъ. О солдатѣ этомъ наводили справки, узнавали, но свѣдѣній никакихъ не собрали. Межъ тѣмъ, около того же самого времени и въ той же мѣстности шелъ другой отставной солдатъ и зашелъ въ деревнѣ въ избу одного мужика переночевать. Въ избѣ, гдѣ онъ расположился на ночь, вмѣстѣ съ крестьянской семьей находился у печки только что отелившійся теленокъ.

Рано на зорѣ, когда еще всѣ въ избѣ спали, солдатъ проснулся, надѣлъ на себя новые, недавно купленные сапоги, старые же сапоги за ненадобностью бросилъ подъ лавку и тихонько выйдя изъ избы по-

шелъ дальше своей дорогой. Черезъ часъ проснулась крестьянская семья и подивилась, что вмѣсто служиваго въ избѣ остались одни только сапоги.

Въ это время земскій судъ, наводя справки о первомъ неизвѣстно куда пропавшемъ солдатѣ, узналъ о послѣднемъ случаѣ въ крестьянской избѣ, гдѣ ночевалъ прохожій солдатъ. Земскій судъ вслѣдствіе этого происшествія и своихъ собственныхъ соображеній, поиски прекратилъ, а между его дѣлъ появилась новая тетрадь, на заголовкѣ которой было написано: «Дѣло о солдатѣ, съѣденномъ теленкомъ».

Это было только пять лѣтъ тому назадъ!

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ СЛОВО“

въ 1864 году.

Въ переживаемое нами время задача литературно-политическаго органа — сложная и трудная задача. Она должна удовлетворять положительнымъ интересамъ общества и возбуждать въ немъ новыя нравственныя силы, т. е. служить ближайшимъ, насущнымъ его потребностямъ и въ то же время указывать на болѣе отдаленныя, но неменѣе практическія цѣли. Въ удачномъ исполненіи этой задачи заключается, по нашему мнѣнію, величайшая заслуга литературнаго органа.

Развитіе жизни и смѣна одного поколѣнія другимъ требуютъ перемѣны въ самихъ понятіяхъ и идеяхъ. Многое, что годилось нашимъ отцамъ, не годится дѣтямъ; что было полезно и раціонально прежде, то сдѣлалось безполезнымъ и нераціональнымъ теперь. Отдѣлять отжившее отъ живого, лживое отъ правдиваго, мечтательное отъ дѣйствительнаго, составляетъ прямую обязанность современнаго журнала. Если общественный дѣятель вложитъ хоть крупинку добра въ это драгоцѣнное достояніе народа, онъ можетъ считать себя счастливѣйшимъ дѣятелемъ, не даромъ прожившимъ свой вѣкъ.

«РУССКОЕ СЛОВО» старалось достигнуть вышеозначенной цѣли двумя путями — строго реальнымъ взглядомъ на вещи и сближеніемъ экономическихъ вопросовъ съ общественными интересами. По этимъ двумъ направленіямъ оно искало разрѣшенія всѣхъ задачъ, занимающихъ общество въ данную минуту. Насколько мы успѣли осуществить наши стремленія — объ этомъ могутъ судить читатели «РУССКАГО СЛОВА». Многое разумѣется превышало наши силы; многое зависѣло не отъ одной нашей доброй воли. На будущее время,

не занося слишкомъ лестными надеждами и не обѣщая больше того, что можемъ выполнить, мы смѣло даемъ слово въ одномъ — не пренебречь ничѣмъ, что можетъ придать новыя достоинства нашему изданію. Признаемся, настоящій годъ для «РУССКАГО СЛОВА», по многимъ обстоятельствамъ, былъ тяжелымъ годомъ, но едва ли кто можетъ упрекнуть насъ въ томъ, чтобъ мы злоупотребили довѣріемъ своихъ читателей. Будущій годъ дастъ намъ большія средства къ улучшенію журнала и слѣдовательно большія надежды на сочувствіе публики.

ПРОГРАММА «РУССКАГО СЛОВА».

Въ составъ журнала входятъ три отдѣла.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, очерки, драмы, стихотворенія (какъ оригинальныя, такъ и переводныя), статьи по вопросамъ историческимъ, соціальнымъ и по предмету естественныхъ наукъ. Отдѣлъ этотъ отличается преимущественно популярнымъ изложеніемъ и беллетристическимъ характеромъ.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ ЛИТЕРАТУРНАГО ОБОЗРѢНІЯ. Сюда относятся критическіе разборы болѣе замѣчательныхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ. Кромѣ того каждый мѣсяцъ помѣщается Библіографическій Листокъ, заключающій въ себѣ рецензіи вновь выходящихъ книгъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ, названномъ СОВРЕМЕННЫМЪ ОБОЗРѢНІЕМЪ, помѣщаются: 1) Ежемѣсячное обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ; 2) Домашняя Лѣтопись—обозрѣніе внутренней жизни Россіи; 3) Дневникъ Темнаго Человѣка—сатирическій фельетонъ о петербургской и провинціальной жизни.

Объемъ журнала и составъ его сотрудниковъ остается прежній.

Для неполучающихъ «РУССКАГО СЛОВА» въ 1863 году считаемъ нелишнимъ представить здѣсь перечень главнѣйшихъ статей, напечатанныхъ въ вышедшихъ доселѣ девяти книжкахъ: 1) Сибирь по большой дорогѣ; 2) Убыточность незнанія; 3) Условія прогресса.— Н. В. Шелгунова. 1) Наша Университетская наука; 2) Очерки изъ исторіи труда.—Д. И. Писарева. Афонъ.—Н. А. Благовѣ-

щенскаго. 1) Деньги и Торговля; 2) Торговля безъ денегъ; 3) Чего не дѣлать.—Н. В. Соколова. Гейне и Берне.—В. А. Зайцева. Разсказы объ Испаніи. — Д. И. Каченовскаго. Характеръ специфическихъ женскихъ преступленій.—М. А. Филиппова. Родительская суббота. — Н. А. Потѣхина. Манфредъ (драма Байрона) въ перев. Д. Д. Минаева. Повѣсти и разсказы А. Г. Витковскаго, П. Горскаго А. П. Кобяковой и др.

Въ слѣдующихъ книжкахъ изъ заготовленныхъ матеріаловъ будутъ, между прочимъ, помѣщены: Критическій разборъ романа Н. Г. Чернышевскаго: «Что дѣлать?»—Д. И. Писарева. Разборъ книги Дж. Ст. Милля: «О представительномъ правленіи» (три статьи)—Г. Е. Благосвѣтлова. Новый и старый свѣтъ.—Н. В. Шелгунова. Афонъ — Н. А. Благовѣщенскаго. Чайльдъ-Гарольдъ (романъ въ 4 частяхъ Байрона) въ перев. Д. Д. Минаева. Бѣлинскій и Добролюбовъ —В. А. Зайцева. Современные италіянскіе поэты и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«РУССКОЕ СЛОВО» въ 1864 году будетъ выходить каждый мѣсяцъ книжками 25 — 30 листовъ каждая.

Цѣна за годовое изданіе безъ пересылки **12 р. 50 к.** — съ пересылкой и доставкой на домъ — **14 р.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ — 1) въ Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», въ Колокольной улицѣ, домъ Миллера № 3.

2) въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина и И. Ф. Кельчевскаго (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Армянской церкви).

ВЪ МОСКВѢ—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Черенина (на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго.)

Гг. служащіе пользуются разсрочкой въ уплатѣ подписной суммы по третямъ, за поручительствомъ своихъ казначеевъ.

Кромѣ того подписчикамъ «Русскаго Слова» дѣлается уступка 20% съ номинальной цѣны слѣдующихъ изданій, продающихся при Главной Конторѣ «Русскаго Слова».

СОЧИНЕНІЯ Л. МЕЯ, 3 т. Ц. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКАГО, въ 2 т. 3 р.; съ перес. 4 р.

СОЧИНЕНІЯ А. МАЙКОВА, въ 2 т. 2 р.; съ перес. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ И. ПАНАЕВА, въ 4 т. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ М. Л. МИХАЙЛОВА. Въ провинціи, въ 2 т. 1 р.; съ перес. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпуска 3 р.; съ перес. 4 р.

Всѣ эти сочиненія кромѣ Главной Конторы «РУССКАГО СЛОВА» продаются въ книжномъ магазинѣ: Н. А. Серно-Соловьевича (въ С.-Петербургѣ); въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Черенина (въ Москвѣ).

НА 1864 ГОДЪ

ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГАЗЕТА ПОЛИТИКИ, ФИНАНСОВЪ, ПОЧТЪ И ТОРГОВЛИ)

ИЗДАВАЕМЫЯ К. ТРУБНИКОВЫМЪ.

Въ послѣднее время на Руси все растетъ не по днямъ, а по часамъ; нѣсколько лѣтъ для нея почти вѣкъ; что ни годъ, то эпоха! Газетная литература, какъ живая лѣтопись событій различныхъ эпохъ, не можетъ не представлять съ каждымъ годомъ соціальныхъ элементовъ, новыхъ глубокихъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ. Отсюда сама собою проявляется необходимость все большаго и большаго расширенія задачи русской публицистики, въ особенности въ виду предстоящаго свободнѣйшаго ея движенія.

Въ качествѣ ежедневной, при томъ, по преимуществу, *экономической* газеты, Биржевымъ Вѣдомостямъ предлежало поприще значительно многостороннѣе, сложнѣе и труднѣе, нежели для прочихъ ежедневныхъ изданій. Потому, издавая политическую и экономическую газету ежедневную, намъ всего было важнѣе съ крайнимъ вниманіемъ прислушаться къ весьма разногласнымъ требованіямъ нашей публики и — по авторитетному указанію опыта — избрать тотъ путь, на которомъ мы твердо и вѣрно могли бы слѣдовать для достиженія ясно опредѣленной цѣли.

Что такое ежедневная газета, каковъ долженъ быть этотъ органъ общественныхъ интересовъ, которяго просвѣщенная публика удосто-

ваетъ своимъ вниманіемъ? Это — живое, мѣткое изображеніе дѣятельности всего міра, изображеніе, въ которомъ идеи самыя глубокія, вопросы самые важные и многосторонніе, вопросы политики общественной нравственности, просвѣщенія, вопросы силы, славы, свободы, правосудія, вещественнаго благосостоянія, общей администраціи, финансовъ, промышленности, торговли, однимъ словомъ — вся высшая дѣятельность человѣчества представляется на публичное сужденіе, какъ интересъ дня, во всей гармонической полнотѣ и яркой свѣжести. Въ этихъ поденныхъ вѣстникахъ высказываются результаты безконечнаго мірового труда; вѣстники эти каждый вечеръ умираютъ и каждое утро возрождаются; они связуютъ идеи настоящаго съ идеями прошедшаго и стремленіями будущаго, подготовляютъ рѣшенія общественнаго разума, пробуждаютъ сознаніе массъ народа и безпрерывно взываютъ къ нему: *впередъ, впередъ, впередъ*!

Страницы ежедневной газеты какъ бы въ одинъ моментъ переносятъ читателя въ Петербургъ и въ Пекинъ, въ Лондонъ и въ Вашингтонъ, въ Парижъ и въ Мексику; предъ нимъ Европа съ ея блескомъ всемірной славы во имя прогресса цивилизаціи; предъ нимъ Азія и Африка съ ихъ страшнымъ мракомъ, побѣдоносно разгоняемымъ свѣтиломъ христіанства; предъ нимъ Америка — этотъ политическій сфинксъ нашего времени. . Читатель газеты ежедневный умственный свидѣтель всѣхъ знаменательныхъ событій міра — сильныхъ проявленій мысли и изобрѣтательности, успѣховъ труда матеріальнаго, движенія общественной жизни, развитія дѣятельности государственной, замысловъ политическихъ творцевъ, бурныхъ преній народныхъ митинговъ, борьбы партій съ ихъ торжествами и паденіями, истребительныхъ сраженій, миротворящихъ конгрессовъ, и образованія новыхъ царствъ, новаго политическаго строя, новаго быта. — Ежедневная газета — живая, безпрестанно обновляющаяся картина высшаго развитія человѣчества!

Если ежедневныя газеты совмѣщаютъ въ себѣ такой всеобъемлющій интересъ, если онѣ ставятъ, такъ сказать, лицемъ къ лицу цѣлыя націи, если изъ города въ городъ, изъ государства въ государство эти листы переносятъ сообщенія о всѣхъ замѣчательныхъ современныхъ событіяхъ, то значеніе ихъ для оцѣнки экономическихъ силъ страны, для всѣхъ соображеній коммерческихъ и вообще для движенія государственнаго и народнаго хозяйства, очевидно, самое обширное.

Отсюда выходитъ, что цѣль, которую мы должны были преслѣдовать — двоякая; въ задачѣ, предлежавшей нашему выполненію, представлялись два элемента, необходимо другъ другу содѣйствующіе. И

именно, съ одной стороны, намъ надобно было усвоить нашей газетѣ интересъ *общій*, присущій всякому ежедневному публицистскому изданію, интересъ, который мы должны были развивать *въ томъ же объемѣ и содержаніи*, какъ и прочія газеты; съ другой стороны намъ надобно было устроить *специальные* отдѣлы, которые требовали отъ насъ особенныхъ заботъ, постоянно обязывая насъ къ наибольшему расширенію ихъ содержанія. Въ первомъ отношеніи мы старались, по крайней мѣрѣ, не отставать отъ другихъ газетъ; во второмъ — насъ руководило то убѣжденіе, что, при недостаткѣ въ Россіи спеціальностей въ трудѣ, и при слабомъ развитіи относящихся къ нимъ періодическихъ изданій, сосредоточеніе въ нашей газетѣ тѣхъ спеціальностей, которыя играютъ болѣе или менѣе важную роль въ движеніи промышленности и торговли, должно составить предметъ нашихъ главныхъ усилій.

Въ Англіи, Германіи, Франціи господствуетъ начало раздѣленія труда, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни; тамъ спеціальность — неизбѣжный залогъ дальнѣйшаго успѣха. Россія находится совершенно въ иномъ положеніи. У насъ на каждомъ шагу одинъ и тотъ же человѣкъ дѣйствуетъ попеременно на разныхъ поприщахъ, смотря по надобности. Нужно ли указывать на примѣры?

Имѣя въ виду, въ ближайшемъ времени, открыть, между прочимъ, кромѣ уже существующихъ питейно-акцизнаго, почтового и биржевого отдѣловъ, отдѣлы: путей сообщенія, мануфактурный, сельско-хозяйственный и др., мы принуждены были въ нынѣшнемъ же году расширить объемъ нашего изданія, и полагаемъ, что и въ теченіе 1864 года намъ придется, по мѣрѣ развитія содержанія этихъ отдѣловъ, придти къ той же необходимости, тѣмъ болѣе, что потребность въ газетѣ, совмѣщающей въ столбцахъ своихъ многостороннія сообщенія, какъ по вопросамъ интересовъ общихъ, такъ и спеціальныхъ, становится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе настоятельною.

Биржевыя Вѣдомости поставили себѣ правиломъ разсматривать всѣ явленія общественной жизни главнѣйше съ практической точки зрѣнія, твердо примѣняясь къ началамъ, выработаннымъ наукою, — какъ это постоянно и выражается въ руководящихъ статьяхъ редакціи.

За симъ остается представить содержаніе отдѣловъ, которые войдутъ въ составъ *Биржевыхъ Вѣдомостей въ 1864 году.*

I. **Передовыя статьи,** относящіяся къ государственной и общественной жизни въ Россіи.

II. ***Извѣстія изъ Россіи.*** Внутреннія извѣстія офиціальныя и неофиціальныя; Высочайшие манифесты, указы, повелѣнія и важныя административныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, и всѣ приказы и распоряженія по министерству финансовъ и по главному управленію почтъ; распоряженія по питейно-акцизному управленію Новости, краткія статьи и разныя извѣстія. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

III. ***Руководящія статьи*** по иностраннымъ дѣламъ, и извѣстія и статьи политическаго содержанія. Политическія телеграммы.

IV. ***Статьи политико-экономическаго содержанія.***

V. ***Отдѣлъ почтовый.***

VI. ***Отдѣлъ питейно-акцизный.*** (Два раза въ недѣлю, въ особомъ прибавленіи).

VII. ***Отдѣлъ сельско-хозяйственный,*** который будетъ открытъ еще въ текущемъ 1863 году.

VIII. ***Отдѣлъ биржевой.***

Извѣстія биржевыя, торговыя, промышленныя. — Акціонерная хроника. — Торговыя телеграммы.

IX. ***Фельетонъ:*** статьи по разнымъ отраслямъ знанія, замѣчательные юридическіе процессы, письма, замѣтки, вѣсти и слухи и т. д.

X. ***Объявленія казенныя*** отъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, и самыя разнообразныя ***частныя*** объявленія; сюда входятъ: объявленія и отчеты правленій акціонерныхъ компаній, извѣщенія отъ торговыхъ и фабричныхъ заведеній, магазиновъ и частныхъ лицъ о продажѣ, покупкѣ, предложеніи услугъ, увѣдомленія отъ администрацій, конкурсныхъ управленій и проч.

Биржевыя Вѣдомости будутъ выходить девять разъ въ недѣлю, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ числѣ 364 нумеровъ въ годъ.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

Съ разрѣшенія г. главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, открытъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ особый почтовый отдѣлъ, въ составъ котораго будутъ входить офиціальныя и частныя статьи, относящіяся до почтоваго дѣла.

Почтовый департаментъ предписываетъ всѣмъ почтовымъ мѣстамъ и лицамъ: всѣ напечатанныя статьи въ офиціальной части почтоваго отдѣла принимать къ *руководству* и *исполненію*, немедленно по полученіи Биржевыхъ Вѣдомостей, не ожидая особыхъ по этимъ предметамъ предписаній.

Для доставленія возможности выполненія этого, почтамты, почтовыя конторы и отдѣленія будутъ получать Биржевыя Вѣдомости.

Затѣмъ отдѣльное печатаніе нынѣшнихъ циркуляровъ, по почтовой части, прекращается, кромѣ только тѣхъ циркуляровъ, въ которыхъ будутъ заключаться распоряженія, неслѣдующія къ распубликованію, или какія либо отдѣльныя приложенія. Подобныя статьи будутъ передаваться почтовымъ мѣстамъ, по прежнему, въ видѣ особыхъ предписаній.

Въ той же офиціальной части отдѣла, публика будетъ находить всѣ распоряженія почтоваго управленія и новыя правила, которыми должно руководствоваться при отправленіи, полученіи и вообще пересылкѣ корреспонденціи. Тутъ же будутъ помѣщаться, періодически, извѣстія: о письмахъ, неотправленныхъ изъ С. Петербурга, съ объясненіемъ тому причинъ, какъ по внутренней, такъ и заграничной корреспонденціи; о корреспонденціи, возвращенной въ С. Петербургъ за неотысканіемъ получателей тамъ, куда она была адресована. — Словомъ, всѣ извѣстія, которыя признаются необходимыми для свѣдѣнія лицъ, пользующихся почтами.

Неофиціальная часть отдѣла предназначается для статей частныхъ, относящихся къ почтовой операціи, и почтовый департаментъ приглашаетъ лицъ, желающихъ путемъ гласности дѣлать какія либо замѣчанія по почтовой части, сообщать свои статьи для напечатанія въ редакцію Биржевыхъ Вѣдомостей.

Если же подобныя статьи будутъ напечатаны въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, и потребуются на нихъ отвѣты, то они будутъ печататься въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

на годъ.

Безъ доставки	12	руб.
Съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ . . .	14	»
Съ пересылкою во всѣ губерніи	15	»

на полгода.

Безъ доставки	7	руб.
Съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ . . .	8	»
Съ пересылкою во всѣ губерніи	8	» 50 к.

NB. Мѣста и лица вѣдомства министерства финансовъ за пересылку въ губерніи Биржевыхъ Вѣдомостей пересылочныхъ денегъ не платятъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ *конторѣ редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей*, на Конногвардейскомъ бульварѣ, въ д. Мельникова, N 11. Господа иногородные подписчики обращаются прямо въ контору редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей; адресъ почтамту извѣстенъ. Кромѣ сего подписка принимается въ газетныхъ экспедиціяхъ: с. петербургскаго и московскаго почтамтовъ

Биржевыя Вѣдомости будутъ доставляться иногороднымъ подписчикамъ въ заклеенныхъ пакетахъ, съ печатными адресами.

ПОДПИСКА ВЪ 1864 ГОДУ НА

МОРСКОЙ СБОРНИКЪ

принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ проспектѣ домъ Ольхиной, и въ Газетной Экспедиціи Почтамта.

ЦѢНА МОРСКАГО СБОРНИКА

Въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ *безъ доставки*:

Для лицъ морскаго вѣдомства (со включеніемъ резерва и служащихъ въ коммерческомъ флотѣ)	4 р. сер.
Для прочихъ подписчиковъ	5 —
За доставку на квартиру въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, всѣ вообще подписчики прилагаютъ.	1 —

Съ ПЕРЕСЫЛКОЮ по почтѣ:

Для лицъ морскаго вѣдомства.	6 —
Для прочихъ подписчиковъ	7 —

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 3 Р. С. ВЪ ГОДЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСКРЕСНЫЙ ДОСУГЪ“,

ВЪ ГОДЪ 50 НУМЕРОВЪ, СОСТАВЛЯЮЩІЕ ДВА ТОМА ВЪ 800 СТРАНИЦЪ (1600 СТОЛЬЦЕВЪ) ТЕКСТА СЪ 300 КАРТИНЪ.

Кромѣ того подписчики получатъ, въ видѣ особыхъ приложеній

50 БОЛЬШИХЪ КАРТИНЪ,

КОТОРЫЯ СОСТАВЯТЪ КЪ КОНЦУ ГОДА ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ АЛЬБОМЪ.

Предпринимая это изданіе, мы имѣли въ виду одну цѣль:— доставить небогатымъ людямъ возможность за самую малую плату получать извѣстія о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, въ Россіи и въ чужихъ земляхъ; знакомиться съ обычаями и общественными порядками разныхъ народовъ; слѣдить за ходомъ наукъ, искусствъ, промышленности, сельскаго хозяйства, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда имѣть подъ рукою пріятное развлеченіе—повѣсти, разсказы, картины, изображающія портреты россійскихъ и иностранныхъ государей знатныхъ и именитыхъ людей; торжества, процесіи и сраженія; виды городовъ, дворцовъ, монастырей, храмовъ и другихъ зданій, домашній бытъ, обычаи, одежду и утварь разныхъ народовъ; земледѣльческія орудія, машины и карикатуры

По этому плану мы начали наше изданіе въ январѣ 1863 года, и въ настоящее время успѣхъ его обезпечивается не только превзошедшимъ нашъ ожиданія числомъ подписчиковъ, но и постоянно получаемыми отъ нихъ лестными отзывами о нашемъ предпріятіи.

Открывая подписку на «Воскресный Досугъ» на 1864 годъ, мы обѣщаемъ продолжать наше изданіе и въ будущемъ году подъ прежнею редакціею (П. М. Цейдлера), въ томъ же видѣ, въ которомъ оно успѣло снискать сочувствіе столькихъ тысячъ подписчиковъ въ первый годъ своего существованія.

Желающіе подписаться на полгода платятъ **2** р. с. и затѣмъ за второе полугодіе вносятъ уже (къ 1-му іюня) только **1** руб. сер.

Отдѣльные нумера «Восреснаго Досуга» продаются по **10** коп. за каждый (съ приложеніемъ).

ПОДПИСКА НА «ВОСКРЕСНЫЙ ДОСУГЪ» ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ, по Сергіевской-улицѣ у Таврическаго сада, N 53; а также въ Центральной Фотографіи А. Баумана — по Невскому-проспекту, у Полицейскаго-моста, въ домѣ Голландской-церкви.

ИНОГОРОДНЫЕ адресуютъ просто:

Алексѣю Осиповичу Бауману, въ С.-Петербургъ.

Лица, подписывающіеся на 1863 и 1864 годы «Воскреснаго Досуга» вмѣстѣ, платятъ 6 рублей.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. желающихъ получать «Воскресный Досугъ» въ 1864 году, присылать свои требованія заблаговременно, потому что печатаніе газеты, въ которой такъ много рисунковъ, очень затруднительно, и поздно подписавшіеся могутъ испытать задержку въ полученіи первыхъ нумеровъ.

Просимъ также гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ мѣста жительства, тотчасъ сообщать объ этомъ въ контору журнала, что необходимо для правильной доставки газеты по новому адресу.

І. *Бауманъ.*

КНИГОПРОДАВЦЕМЪ **М. О. ВОЛЬФОМЪ** ИЗДАНЫ И ПРОДАЮТСЯ ВЪ ЕГО КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ, ВЪ ГОСТИНОМЪ ДВОРѢ №№ 18 и 19 ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Беранже. Пѣсни. Переводъ Курочкина. 1 т. въ 8 д. л. съ 12 гравюрами на стали. Ц. 4 р.; перес. за 3 ф., въ богатомъ переплетѣ 5 р.; перес. за 4 ф.

Даль. Сочиненія Владиміра Даля. Новое полное изданіе 8 т. въ 8 д. л., Ц. 10 р.; пер. за 10 ф.

Даль. Картины изъ русскаго быта. 2 т. въ 12 д. л. Ц. 3 р. 50 к.; пер. за 4 ф.

Циммерманъ. Міръ до сотворенія человѣка. Общепонятное изложеніе первобытнаго состоянія нашей планеты. Переводъ Д-ра Ольхина. 1 т. въ 8 д. л. съ 200 политипажами въ текстѣ Ц. 3 р. 50 к.; перес. за 1 ф.

Шлейденъ. Растеніе и его жизнь. Переводъ Ольхина. Съ 16 рисунками, многими политипажами и 5 раскрашенными таблицами, гравированными на мѣди. Ц. 3 р.; пер. за 2 ф.

Мазіусъ. Картины растительности. Переводъ Ф. Резенера. 1 т. въ 8 д. л., въ изящномъ переплетѣ. Ц. 1 р. 25 к.; пер. за 1 ф.

Росмэслеръ. Вода. Переводъ М. Яблонскаго. 1 т. въ 8 д. л. съ рисунками. Ц. 4 р.; пер. за 4 ф.

Популярный курсъ математической и физической географіи, по плану Бланка съ измѣненіями и дополненіями по Кледену, Штедлеру и другимъ новѣйшимъ писателямъ, переведенный съ 7 нѣмецкаго изданія А. Е. Разинымъ. 1 т. въ 8 д. л. (до 600 стр.) съ 100 политипажами въ текстѣ. 1863 г. Цѣна 3 р.; съ пересылкою 4 р.

Грессе. Исторія литературъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ. 1 т. въ 8 д. л. Цѣна 1 р. 25 к., пер. за 1 ф.

Андреевъ. Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ. Съ 16 таблицами монограммъ извѣстныхъ художниковъ. I т. въ б. 8 д. л. изъ 600 стран,, съ 16 литографированными таблицами. Ц. 3 р., пер. за 4 ф.

Мицкевичъ. Конрадъ Валленродъ. Гражина. Двѣ поэмы. Переводъ Бенедиктова. Рисунки Тысевича. I томъ въ большую 8 д. л., съ 82-й иллюстраціями и портретомъ А. Мицкевича. Цѣна 2 р! 50 к., пер. за 3 ф. Изданіе на веленевой бумагѣ и въ парижскомъ переплетѣ, съ золотыми тисненіями, цѣна 5 р , пер. за 4 ф.

Фишель. Государственный строй Англіи. Переводъ П. М. Цейдлера. I т. въ 8 д. л. 1863. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Вокругъ свѣта за 1861, 1862 и 1863 г. Каждый годъ 7 р. съ пересылкою 8 р. 50 к. Въ богатомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями 8 р. 50 к. съ пер. 10 р. Подписки на 1864 г. 6 р. съ доставкою 7 р. съ пересыл. 7 р. 50 к.

Природа и землевѣдѣніе за 1862 и 1863 годъ. Цѣна этому году 3 р. съ пер. 4 р. Въ коленкоровомъ золототисненномъ переплетѣ 4 р.; съ пер. 6 р. Подписка 1864 г. 3 р.; съ доставкою 5 р.; съ перес. 5 р. с.

Кэнъ. Путешествія и открытія второй Гриннельской экспедиціи въ сѣверныя и полярныя страны для отысканія Сира—Джона Франклина. Переводъ А. Тихменева. I т. въ 8 д л. съ 120 рисунками въ текстѣ и 8 картинками, отпечатанными въ 2 тона, въ хорошемъ переплетѣ. Ц. 2 р. пер. за 2 ф.

Фогель. Путешествія въ центральной Африкѣ, Великой пустынѣ и земляхъ Судана. Переводъ Деппиша. I т. въ 8 д. л. съ 150 рис. въ текстѣ, въ херошемъ переплетѣ. Ц. 2. 50. к.; пер. за 3 ф.

Ливингстонъ. Путешествія во внутренней Африкѣ. Переводъ. Съ 100 рисунками въ текстѣ. I т. въ 8 д. л:, Ц. въ хорошемъ переплетѣ 2 р., пер. за 2 ф.

Бернадскій. Земля и люди, или живописныя путешествія и расказы изъ быта народовъ, жизни животныхъ, и описанія примѣчательнѣйшихъ и достопамятнѣйшихъ мѣстностей всѣхъ пяти частей свѣта. Съ 6-ю хромолитографированными картинами. 2 т. въ 8 д. л. Спб. Ц. въ коленкоровомъ переплэтѣ съ золотыми тисненіями 4 р., пер. за 5 ф.

Лакіеръ, Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ штатамъ,

Канадѣ и острову Кубѣ съ картою описанныхъ странъ 2 тома въ 8 д. л. Цѣна 3 р.; пер. за 3 ф.

Данилевскій. Воля. Два романа изъ жизни бѣглыхъ. 2 т. въ 12 д. л. Ц. 2 р. 50 к.; пер. за 3 ф.

Небольсинъ П. И. Около мужичковъ. Дневникъ (1861 г.). 1 т. въ 8 д. л. Цѣна 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Корженевскій. Заслуженный учитель. Романъ. Переводъ съ польскаго А. Чужбинскаго. Въ 8 д. л. Цѣна 1 р. пер. за 2 ф.

Фонтонъ. Ф. П. Воспоминанія, юмористическія, политическія и военныя письма изъ главной квартиры Дунайской арміи въ 1828 и 1829 годахъ. 2 т. въ 8 д. л. Цѣна 4 р., съ пер. 5 р.

Флурансъ. О долговѣчности человѣческой и о количествѣ жизни на земномъ шарѣ. Переводъ съ Французскаго 1 т. въ 16 д. л. Цѣна 1 р; пер. за 1 ф.

Фейхтерслебенъ. Гигіена души. По XX нѣмецкому и 11 французскому изданію переведено И. Ильпнскимъ. 1 томъ въ 16 д. л. Цѣна 1 р.; пер. за 1 ф.

Вегнеръ. Эллада. Картины древней Греціи, ея религіи, могущества и просвѣщенія. Перевелъ П. Евстафіевъ. 2 т. въ 8 д. л. Съ 235 пояснительными рисунками. Ц. 3 р. 50 к., пер. за 3 ф., въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотыми тиснѣніями за 3 ф. Ц. 4 р., перес. за 4 ф.

Петискусъ Олимпъ. Миѳологія грековъ, римлянъ, германовъ и славянъ. Переводъ П. Евстафьева. 1 т. въ 8 д. л. съ приложеніемъ 66 изображеній миѳологическихъ боговъ. Въ коленкоровомъ богатомъ переплетѣ. Ц. 1 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Спасовичъ В. Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, по древнему польскому праву. Разсужденіе. Въ 12 д. л. Цѣна 1 р. пер. за 1 ф.

Будзинскій. О силѣ судебныхъ рѣшеній въ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ. 1 т. въ 12 д. л. Ц. 1 р.; пер. за 1 ф.